БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXIV 11.
Полка 7 3.
№ 33. 16

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

ПУТЕШЕСТВІЯ ГОЛШТИНСКАГО ПОСОЛЬСТВА

ВЪ

МОСКОВІЮ И ПЕРСІЮ

ВЪ 1633, 1636 и 1639 ГОДАХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

СЕКРЕТАРЕМЪ ПОСОЛЬСТВА

АДАМОМЪ ОЛЕАРІЕМЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПАВЕЛЪ БАРСОВЪ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. К. КУРСАМЪ

150
665 97

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
1870.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868—1870 г.

11300
Ген. Гос Ун
Научная
библиотека им
Горького

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА. *

Годъ рожденія Адама Олеарія въ точности не извѣстенъ: одни свѣдѣнія относятъ его къ 1599, другія къ 1600 году. Родился онъ въ небольшомъ городѣ Ангальтскаго Княжества, Ашерлебенѣ (въ Саксоніи), гдѣ отецъ его, Саксонецъ Маркъ, по прозванію Эльшлегеръ, промышлялъ мастерствомъ портнаго. Фамилія Эльшлегеръ и есть настоящая, родовая фамилія Адама; позднѣе онъ замѣнилъ ее Латинскимъ переводомъ Olearius (oel, oleum, деревянное масло), подъ которымъ собственно и сдѣлался извѣстнымъ въ ученой Литературѣ, хоть печатался и подъ другими именами. По смерти отца, Адамъ остался малымъ ребенкомъ, на попеченіи матери и старшихъ сестеръ, росъ въ крайней бѣдности и нуждѣ, которыя, однако, не лишили

---

* При составленіи предисловія мы руководствовались слѣдующими источниками:

1. Chr. Gottl. Jocher: Allgemeines Gelehrten-Lexicon. Лейпцигъ. 1750 г.
2. Ebert: Allgem. Bibliogr. Lexicon. Лейпцигъ. 1821 г.
3. Gadebusch: Livl. Bibliothek, II, стр. 320.
4. Recke und Napiersky: Schriftsteller-Lexicon и проч. III, стр. 349.
5. Friedrich v. Adelung: Uebersicht der Reisenden in Russland, II, стр. 299.
6. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1859 г. Книга III, предисловіе Г. Костомарова.
7. Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Часть 3-я. 1822 г.
8. Vojages très-curieux et très-renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Perse par le Sr. Olearius et cet. Amsterdam 1727 г. Avis de l'imprimeur au lecteur sur cette nouvelle édition.
9. Матеріялы къ проекту полнаго каталога сочиненій о Россіи, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ изданныхъ, стр. 226—227.

его возможности учиться, пріохотиться къ наукѣ и поступить, наконецъ, въ число слушателей знаменитаго въ то время Лейпцигскаго Университета. Сдѣсь молодой Олеарій вполнѣ уже предался изученію Литературы, Философіи, Математики, Астрономіи и Географіи, получилъ степень Магистра Философіи и званіе Ассессора Философскаго Факультета, и, постоянно участвуя въ трудахъ Лейпцигскихъ ученыхъ, избранъ былъ Членомъ ученаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ «Малой Княжеской Коллегіи» (Klein Fürsten-Kollegium). Въ такихъ исключительно ученыхъ занятіяхъ прожилъ Олеарій до 1633 года, когда бѣдствія 30-тилѣтней войны, достигшія и Лейпцига, принудили его, вмѣстѣ съ другими Лейпцигскими учеными и гражданами, оставить родной городъ и искать втораго отечества у извѣстнаго тогда покровителя наукъ и искуствъ, Фридриха, Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго.

Герцогъ Фридрихъ, сохранившій миръ въ своихъ владѣніяхъ тогда, когда кругомъ свирѣпствовала война, снаряжалъ въ это время почетное Посольство къ Великому Князю Московскому, Михайлу Ѳедоровичу, и Персидскому Шаху, Сефи. Цѣль Посольства главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы завести непосредственныя торговыя сношенія съ Московіей и въ особенности съ Персіей. Торговля изъ первыхъ рукъ шелкомъ, вывозимымъ изъ Персидской области Шемахи, считалась тогда самою прибыльною; морская торговля этѣмъ произведеніемъ находилась исключительно въ рукахъ Англичанъ и Голландцевъ; Герцогъ Фридрихъ хотѣлъ сдѣлаться обладателемъ сухопутной такой торговли, черезъ владѣнія Великаго Князя Московскаго. Кромѣ того, какъ человѣкъ рѣдкой любознательности, Герцогъ желалъ собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о Московіи и Персіи, странахъ тогда еще мало извѣстныхъ; для этой научной цѣли онъ искалъ ученаго, который бы могъ отправиться при Посольствѣ въ качествѣ описателя; ему указали на Олеарія, и Герцогъ назначилъ

его Секретаремъ Посольства. Въ Посланники были выбраны: Филиппъ Крузе (Krusius), искусный дипломатъ и законовѣдъ, и Отто Бругманъ, Гамбургскій купецъ, опытный въ дѣлахъ торговли.

Снаряженное такимъ образомъ Посольство, съ надлежащимъ сопровожденіемъ изъ 34 человѣкъ, 22 Октября, 1633 года, отправилось изъ Готторпа на Гамбургъ, Любекъ, Травемюнде, и за тѣмъ моремъ въ Ригу, изъ которой, сухимъ путемъ на Вольмаръ и Дерптъ, прибыло въ Нарву. Сдѣсь Посольство провело зиму и весну, и только лѣтомъ двинулось далѣе на Орѣшекъ (Нётебургъ), Ладогу, Новгородъ, Торжокъ, Тверь и наконецъ въ Москву, въ которую, 14 Августа, 1634 г., имѣло торжественный въѣздъ. Въ Москвѣ Посольство пробыло слишкомъ 4 мѣсяца, выпросило согласіе Царя на свободный проѣздъ въ Персію, и 24 Декабря отправилось изъ Москвы, съ извѣстіемъ о Царскомъ согласіи, къ своему Государю въ Готторпъ, куда и прибыло 14 Апрѣля, 1635 года.

Получивъ согласіе Царя, Герцогъ Фридрихъ не медля снарядилъ 2-е Посольство изъ тѣхъ же лицъ, съ назначеніемъ Олеарія не только Секретаремъ, но и Совѣтникомъ Посольства. Въ сопровожденіи болѣе 90 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились молодой поэтъ Павелъ Флемингъ, другъ Олеарія, Іоаннъ-Альбрехтъ фонъ Мандельсло, извѣстный описаніемъ путешествія по Индіи, и другіе, болѣе или менѣе даровитые люди, съ дорогими подарками Московскому Царю и Персидскому Шаху, Посольство отправилось 24 Октября, 1635 года, изъ Любека моремъ въ Ревель, но на полупути, у острова Гохланда, отъ сильной бури потерпѣло кораблекрушеніе, при которомъ потонули всѣ Герцогскіе подарки, вѣрящія грамоты, Посольскіе и прочіе пожитки; сами Посланники со своими людьми насилу спаслись отъ гибели, и послѣ многотруднаго, почти мѣсяцъ

продолжавшагося, странствованія по Балтійскому морю, добрались наконецъ до Ревеля, провели въ немъ всю зиму, и только въ началѣ Марта, 1636 года, тронулись далѣе въ Москву, въ которую и имѣли вторичный торжественный въѣздъ 29 того же Марта. Въ Москвѣ Посольство прожило въ этотъ разъ 3 мѣсяца; за тѣмъ 30 Іюня пустилось внизъ по Москвѣ рѣкѣ до Коломны, откуда рѣкой Окой до Нижняго Новгорода, въ которомъ оставалось 3 недѣли, въ ожиданіи готовившагося тамъ корабля. 30 Іюля отправилось далѣе внизъ, по Волгѣ, и 15 Сентября достигло Астрахани. Изъ Астрахани 10 Октября Посольство направилось въ Персію по Волгѣ и Каспійскому морю на Дербентъ, въ который прибыло 14 Ноября; 22 Декабря достигло Шемахи, въ которой прожило 4 мѣсяца, въ ожиданіи дозволенія Шаха продолжать путь, и за тѣмъ, черезъ Ардебиль, Султанію, Касвинъ, Камъ, Кашанъ, прибыло 3 Августа, 1637 года, въ Испагань, гдѣ 16 того же Августа, впервые представилось Шаху Сефи. 20 Декабря Посланники оставили столицу Персіи и пустились обратно тѣмъ же путемъ на Дербентъ; въ Августѣ 1638 года явились снова въ Астрахани, 7 Сентября двинулись вверхъ по Волгѣ до Казани, изъ которой 13 Декабря, по санному пути, отправились, черезъ Нижній Новгородъ, въ Москву, куда и прибыли въ 3-й разъ 2 Генваря, 1639 года.

Въ Москвѣ Посольство пробыло опять 2 мѣсяца слишкомъ, и въ это время Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, уже и прежде знавшій Олеарія, предложилъ ему поступить къ нему на службу, въ качествѣ придворнаго Астронома и Землевѣда. Переговоры объ этомъ дѣлѣ дошли до того, что Царь приказалъ снабдить Олеарія опасною грамотой для свободнаго пріѣзда его въ Россію. Для незнакомыхъ съ этою грамотою, мы приводимъ ее сдѣсь цѣликомъ, такъ какъ ея нѣтъ въ сочиненіи Олеарія:

«Божіею милостію, отъ Великаго Государя Царя, и Великаго Князя, Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержца, Владимірскаго, Московскаго и проч. и проч. Саксонскія земли Адаму Олеаріусу. Вѣдомо Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ Астрономіи, и Географусъ, и небеснаго бѣгу, и Землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ; мастерствамъ и мудростямъ, а Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, таковъ мастеръ годенъ; и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, велѣли къ тебѣ послати сее Нашу Царскаго Величества опасную грамоту, и тебѣ бъ Адаму Нашего Царскаго жалованья къ себѣ поискати, ѣхати къ Намъ, Великому Государю, тѣмъ мастерствомъ своимъ послужити также, какъ и въ иныхъ въ разныхъ Государствахъ службу свою объявилъ, и на Москвѣ у Нашего Царскаго Величества побыти тебѣ вольно по твоей волѣ и хотѣнью; а Мы, Великій Государь, пожалуемъ тебя Нашимъ Царскимъ жалованьемъ, смотря по твоей, къ Нашему Царскому Величеству, службѣ. А будетъ ты похочешь ѣхать назадъ въ свою землю, и тебѣ будетъ тогды, по Нашему Царскому жалованью, назадъ отъѣхати добровольно жъ со всѣми твоими людьми и съ животы, безо всякаго задержанія и зацѣпки. А ся Наша Царскаго Величества грамота тебѣ и опасная. Писана въ государствія нашего дворѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7147, мѣсяца Марта 11 дня.»

«Такова Государева опасная грамота отослана къ Боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву.»

Грамота эта писана за 4 дня до отъѣзда Олеарія съ Посольствомъ изъ Москвы, и по ней можно заключать, что Олеарій, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время былъ не прочь принять лестное предложеніе Царя. Заключеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что, во время путешествія въ Персію, между

Олеаріемъ и Посланникомъ Оттономъ Бругманомъ возникли неудовольствія, исходъ которыхъ былъ еще не извѣстенъ. Олеарій не зналъ еще, какъ пойдутъ дѣла его въ Голштиніи, и ему не лишнее было имѣть въ виду и предложеніе Царя Московскаго. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, позднѣе видимъ, что Олеарій остался въ Голштиніи и не поступилъ на службу къ Царю Московскому, изъ опасенія, какъ говоритъ онъ самъ, чтобы его ученыя занятія въ Россіи не навлекли на него подозрѣнія въ чародѣйствѣ.

Голштинское Посольство, стоившее громадныхъ издержекъ и трудовъ, оставило Москву 15 Марта, 1639 года, и возвратилось къ своему Государю 1 Августа того же года, не достигнувъ главной своей цѣли. Торговыя отношенія съ Персіей не завязались, частію по дальности, неудобству и опасности пути, особенно въ земляхъ Татарскихъ, частію же по неудовольствію Персидскаго Шаха на Голштинцевъ, возбужденному предосудительными и преступными дѣйствіями Оттона Бругмана (между прочимъ убійство Персидскаго воина). За этѣ преступленія, по которымъ Олеарій долженъ былъ явиться обвинителемъ, Отто Бругманъ преданъ былъ суду, приговоренъ къ смерти и казненъ 6 Мая, 1640 года.

Что касается до другой, научной цѣли Посольства, то она была вполнѣ достигнута, благодаря ученому Секретарю его, который составилъ подробное, день за день веденное, описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію. Олеарій имѣлъ всѣ необходимыя качества для исполненія этого порученія: кромѣ научной подготовки и знанія Русскаго и Арабскаго языковъ, онъ обладалъ свѣтлымъ, пытливымъ умомъ, отъ котораго не ускользало ни чего, что только могло занимать любознательнаго иностранца; а по тому, въ сочиненіи его, кромѣ множества положительныхъ, дотолѣ не извѣстныхъ, географическихъ свѣдѣній, мы впервые находимъ и вѣрное изображе-

ніе политическаго и общественнаго состоянія Московскаго и Персидскаго Государствъ до XVII-го столѣтія, и если встрѣчаемъ ошибки, то неумышленныя и въ иностранцѣ почти неизбѣжныя.

Свое сочиненіе Олеарій издалъ въ свѣтъ въ первый разъ, какъ надо полагать, въ 1647 году, подъ слѣдующимъ названіемъ: «Offt begehrte Beschreibung der neuen orientalischen Reise, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinen derer Orter und Länder, durch welche die Reise gangen als vürnemblich Russand, Tartarie und Persien, sampt ihrer Einwohner Natur, Leben und Wesen fleissig beschrieben, und mit vielen Kupferstücken, so nach dem Leben gestallet, gezieret. Durch M. Adamum Olearium, Ascanium Saxonem, Fürstl. Schlesswig-Holsteinischen Hoff-Mathemat. Schlesswig im Jahr 1647.»

Аделунгъ, въ своемъ «Uebersicht der Reisenden in Russland,» упоминаетъ о болѣе раннемъ изданіи Олеарія, именно 1646 г., но Г. Костомаровъ сомнѣвается въ существованіи этого изданія и, основываясь на мнѣніи Г. Берхгольца, говоритъ: «Аделунгъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что на заглавномъ виньетномъ листѣ изданія 1647 года было напечатано 1646, потомъ послѣдняя цыфра 6 переправлена на 7; на другомъ же, слѣдующемъ за этѣмъ, заглавномъ листѣ напечатано безъ всякихъ переправокъ 1647. Вѣроятно, изданіе начиналось печататься, или предполагалось къ напечатанію, въ 1646 году, и виньетный листъ былъ отпечатанъ ранѣе самой книги, а потомъ, когда печатаніе окончилось въ слѣдующемъ 1647 году, оказалась необходимость переправить и цыфру на виньетномъ листѣ.»

Къ этой догадкѣ о сомнительности изданія 1646 года мы, съ своей стороны, присовокупимъ еще слѣдующія соображенія:

а) Изданіе 1647 года начинается посвященіемъ Олеарія Герцогу Фридриху, въ которомъ говорится, что описаніе путешествія предпринято и окончено по порученію и при покровительствѣ Герцога. Посвященіе это подписано 1647 годомъ, Мая 1-го дня.

б) За посвященіемъ въ томъ же изданіи слѣдуетъ предисловіе сочинителя къ благосклонному читателю, начинающееся слѣдующими словами: «Hiermit gebe ich endlich in Gottes Namen die oftmals begehrte und längst Werheissene Persianische Reise-Beschreibung an den Tag; т. е., наконецъ издаю часто требованное и давно обѣщанное описаніе путешествія въ Персію.» Выраженія: «наконецъ и давно обѣщанное» ясно указываютъ, что это изданіе, т. е., 1647 года, есть первое. Наконецъ

в) Въ послѣдующихъ за тѣмъ изданіяхъ самимъ Олеаріемъ своего сочиненія, въ 1656 и 1663, прямо говорится: «zum andere Mahl и zum dritten und letzten Mahl heraus gegeben.» Очевидно, если бъ было изданіе 1646 года, то изданіе 1656 было бы по счету 3-е, а не 2-е, а изданіе 1663 было бы 4-е, а не 3-е, какъ называетъ ихъ самъ сочинитель и издатель Олеарій.

Полагаемъ, что этѣхъ прямыхъ указаній самаго Олеарія достаточно, чтобы уже, внѣ всякихъ сомнѣній, положительно считать изданіе 1647 года 1-мъ изданіемъ.

Это 1-е изданіе 1647 года раздѣляется на 2 части, называемыя сочинителемъ путешествіями. Части этѣ весьма неровны по объему, а именно: 1-я въ 48, а 2-я въ 546 страницъ. Въ концѣ приложены: письмо Мандельсло къ Олеарію о путешествіи его въ Восточную Индію, стихотвореніе Олеарія на смерть Мандельсло, и его же эпитафія, напечатанныя впервые въ Шлезвигѣ, въ 1645 году.

2-е изданіе самаго же Олеарія вышло въ 1656-мъ году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ «Vermehrte Neue Beschreibung der Moskowitischen und Persischen Reise, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafften dem Russischen Zaar und König in Persien geschehen, welche zum andernmahl gibt Adam Olearius Ascanius, der Fürstlichen regierenden Herrschaft zu Schleswig-Holstein Bibliothecarius und Hoff-Mathematicus. Schleswig 1656.» Изданіе это раздѣляется на 6 книгъ; въ 1-й описывается 1-е путешествіе Посольства въ Москву и возвращеніе его въ Готторпъ; во 2-й 2-е путешествіе въ Москву и пребываніе въ ней Посольства; въ 3-й внутренній бытъ Государства и народа Московскаго, съ присовокупленіемъ событій изъ царствованія Алексѣя Михайловича, не вошедшихъ въ 1-е изданіе; 4-я книга содержитъ описаніе пути отъ Москвы въ Персію и пребываніе Посольства въ этой послѣдней; 5-я описаніе Государства Персидскаго и его обитателей; и 6-я книга описаніе обратнаго путешествія изъ Персіи въ Голштинію. Это 2-е путешествіе приведено сочинителемъ въ большой порядокъ противъ 1-го изданія 1647; въ немъ есть измѣненія и перемѣщенія статей, и оно значительно дополнено разными историческими свѣдѣніями и выводами, такъ что самъ сочинитель въ предисловіи говоритъ, что это изданіе можно считать какъ бы новымъ его сочиненіемъ. Но, выигравъ со стороны полноты и порядка, изданіе это, по нашему мнѣнію, утратило въ простотѣ, сжатости и живости изложенія, которыми отличается 1-е изданіе.

3-е изданіе самаго же Олеарія появилось 1663 года подъ заглавіемъ: «Adam Olearii Aussfürliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafft von Gottorff auss an Michael Fedorowitz, den Grossen Zaar in Muscow und Schach Sefi, König in Persien, geschehen. Jetzo zum dritten und letzten Mahl correct gegeben. Schleswig. 1663 г.» Оно раздѣляется на 6 книгъ также, какъ и 2-е изданіе, и хотя въ

немъ есть нѣкоторыя перемѣщенія, но незначительныя. Г. Костомаровъ (въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», 1859 г., кн. 3-я) упоминаетъ еще объ изданіи 1661 года, но указаній на это изданіе, кромѣ какъ у Г. Костомарова, мы нигдѣ не встрѣчали, и если допустить его существованіе, то по счету оно будетъ 3-е. А мы видѣли сейчасъ, что самъ Олеарій 3-мъ изданіемъ считаетъ изданіе 1663 года; по этому если есть изданіе 1661-го года, то, можетъ быть, оно вышло не въ Шлезвигѣ и издано кѣмъ ни будь другимъ, а не самимъ Олеаріемъ. Приведенное выше изданіе 1663 года (по нашему счету 3-е) было послѣднее, вышедшее при жизни Олеарія, и за нимъ слѣдовало:

4-е (по нашему счету) изданіе, вышедшее въ Гамбургѣ въ 1696-мъ году, подъ заглавіемъ: «Der weltberühmten Adami Olearii corregirte und viel vermehrte Reisebeschreibung. Hamburg. 1696.» Къ нему приложены: а) Путешествіе въ Восточную Индію Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло, молодаго, даровитаго спутника и друга Олеарія. б) Путешествіе на Востокъ: Юргенса Андерсена, в) Вольквърта Иверсена, и г) нѣсколько статей, относящихся до Исторіи и Географіи Востока, съ переводомъ отрывковъ Восточной литературы.

Перечисленныя нами 4 изданія исполнены довольно тщательно и по тому времени даже роскошно. Всѣ они снабжены множествомъ изображеній, представляющихъ виды разныхъ городовъ и другихъ мѣстностей, планы, карты, тамошнія постройки, народныя одежды, сцены изъ домашней и общественной жизни, религіозные ходы, судебныя расправы, народныя гульбища, игры и проч. и проч. Изображенія этѣ сдѣланы съ природы на мѣстѣ самимъ Олеаріемъ, и гравированы подъ его наблюденіемъ искусными мастерами. Они очень любопытны и чрезвычайно важны для поясненія текста, какъ вѣрныя и наглядныя воспроизведенія среды и вообще различныхъ сторонъ народнаго быта.

Сочиненіе Олеарія скоро обратило на себя заслуженное вниманіе мыслящей и читающей Европы. Какое вниманіе возбудило оно къ себѣ, можно судить по тѣмъ переводамъ и числу изданій, которыя появлялись, одно за другимъ, почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Исчислимъ сдѣсь извѣстныя намъ:

На Французскомъ языкѣ:

«Relation du Voyage de Moscovie, Tartarie et Perse, traduit de l'Allemand d' Olearius par L. R. D. B. (Le Resident de Brandebourg c. à. d. Wicquefort). Paris. 1656, 4.

«Voyages faits en Moscovie, Tartarie et Perse, par Ad Olearius (depuis 1633—1639), traduits de l'original et augmentés par le Sr. Abraham Wicquefort, divisés en deux parties. Paris. 1659, 4.» За этѣмъ слѣдовали Парижскія же изданія 1666 г., 4, и 1679, 4. Всѣ этѣ изданія снабжены картами, но другихъ изображеній, на пр., фигуръ, одеждъ и проч. въ нихъ нѣтъ.

Въ 1718 и 1719 годахъ Лейденскій книгопродавецъ Петръ Ванъ деръ Аа, уже по смерти Викфорта, снова издалъ его переводъ Олеарія, а за тѣмъ, именно въ 1727 году, тотъ же книгопродавецъ издалъ его еще разъ въ Амстердамѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Voyages très-curieux et très-renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Perse par le Sr. Adam Olearius, Bibliothecaire du Duc de Holstein et Mathematicien de sa Cour.... Nouvelle édition revûe et corrigée exactement, augmentée considerablement, tant dans le Corps de l'ouvrage, que dans les Marginales, et surpassant en bonté et en beauté les précedentes éditions. A quoi on a joint des cartes géographiques, des Représentatios de Villes et autres Taille-douces très-belles et très-exactes. Amsterdam, chez Michel Charles le Céne, Libraire, 1727, fol, II, vol.» Это изданіе, посвященное Ванъ деръ Аа Королю Датскому, Фридриху IV, пополненно, измѣнено противъ подлинника и сдѣлано несрав-

ненно роскошнѣе всѣхъ предшествовавшихъ Французскихъ изданій, какъ снабженное множествомъ изображеній и картъ, изъ которыхъ многія сдѣланы самимъ издателемъ, сверхъ заимствованныхъ изъ подлинника.

За тѣмъ Французскія изданія были еще: въ Гагѣ 1727 года, въ Амстердамѣ 1732 г. и послѣднее, намъ извѣстное, въ Парижѣ 1759 г., 2 vol.

На Англійскомъ языкѣ:

Переводъ John. Davies, изданный въ Лондонѣ въ 1662, 1666 и 1669 годахъ, in fol., и извлеченіе изъ Олеарія, изданное тоже въ Лондонѣ 1705 г., in fol.

На Голландскомъ:

«Beschrijvink van de Nieuve Persianensche, ofte Orientaalische Reyse, welk door Gelegentheyt van een Holsteinesche Ambassade aen den Konigh in Persien geschikt is. Door Ad. Olearius. Utrecht, 1651, 12.»

«De nieuwe Persiaenz Reyse ofte een Ostindische Voyagie, beschreeven door M. Adamy Oleary, ende nu in Neerduyts overgeset door D. V. Wageninge. T' Amsterdam 1651, 4. Тоже 1651, 8.»

На Итальянскомъ только 3 первыя книги Олеарія:

«Viaggi di Moscovia degli anni 1633—1639, libri tre cavati del Tedesco, in Viterbo 1658, 4.»

Полнаго перевода путешествія Олеарія на Русскомъ языкѣ до сихъ поръ еще не было; есть только незначительные отрывки, появлявшіеся въ разное время въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ (въ «Заволжскомъ Муравьѣ, Архивѣ» и проч.). Самый большой такой отрывокъ, именно 3-я книга, переведенная со 2-го подлиннаго изданія 1656 г. Г-мъ Михайловымъ, съ выпускомъ нѣсколькихъ главъ, помѣщенъ въ 3-й и слѣдующихъ книгахъ «Архива историческихъ и

практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,» 1859 года, съ предисловіемъ Г. Костомарова (которымъ мы и пользовались при составленіи настоящаго предисловія). Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ съ 3-го подлиннаго изданія 1663 года, который предпочли мы по тому, что это было послѣднее изданіе самаго Олеарія, вышедшее при его жизни. Въ него вошло: все это изданіе вполнѣ и самое путешествіе въ Персію, которое для насъ, Русскихъ, весьма любопытно и занимательно, такъ какъ оно представляетъ описаніе страны, сосѣдней съ Россіей.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько свѣдѣній объ остальной жизни Олеарія, какія только могли мы найти въ указанныхъ источникахъ.

На возвратномъ пути изъ Персіи, бывши въ Ревелѣ, Олеарій женился на дочери тамошняго Магистратскаго члена и наслѣднаго владѣльца, Кунда Іоанна Миллера, Катеринѣ (отъ которой въ послѣдствіи имѣлъ сына Филиппа Христіяна и дочь Марію Елисавету). Прибывъ въ Готторпъ, онъ представилъ Герцогу, какъ Секретарь и Совѣтникъ Посольства, подробный и правдивый отчетъ, по которому Герцогъ еще ближе ознакомился съ Олеаріемъ и предложилъ ему службу при своемъ Дворѣ въ качествѣ Совѣтника, придворнаго Библіотекаря и Математика. Въ 1643 году Олеарій еще разъ отправился въ Москву, тоже при Посольствѣ, и Московскій Царь снова приглашалъ его къ себѣ на службу, но и на этотъ разъ Олеарій отказался и воротился въ Германію. Здѣсь, продолжая свои ученыя занятія, Олеарій избранъ былъ, въ 1651 году, въ члены ученаго общества, извѣстнго подъ названіемъ «Fruchtbringende» (плодоносное), и участвовалъ въ немъ подъ именемъ «Vielbemuehete» (многотрудившагося). Кромѣ того, онъ постоянно заявлялъ себя разными учеными трудами, написалъ бездну статей по различнымъ отраслямъ знанія, между прочимъ перевелъ на Нѣмецкій съ Персидскаго Саади,

Басни Локмана (или Битпая), издалъ Лютерову Библію въ 3-хъ частяхъ, оставилъ въ рукописи Персидскій словарь, и проч., былъ хорошій музыкантъ и пріятный собесѣдникъ, по тому пріобрѣлъ общее заслуженное уваженіе, которымъ и пользовался постоянно до самой смерти, послѣдовавшей 22-го Февраля, 1671 года, на 72 году жизни. Сынъ его, Филиппъ Христіянъ, род. въ Шлезвигѣ 14 Апрѣля, 1658 года, по окончаніи ученія путешествовалъ по Голландіи и Англіи, въ 1689 г. пріобрѣлъ степень Доктора Медицины въ Ерфуртѣ, по разсужденію: «De partu difficili» и проч. О дочери Адама Олеарія свѣдѣній не имѣемъ.

Гадебушъ приводитъ одно извѣстіе, связывающее еще разъ имя Олеарія съ Россіей. Онъ говоритъ, что Олеарій былъ первый и истинный изобрѣтатель Готторпскаго мѣднаго глобуса, который устроенъ былъ, по его указанію, мастеромъ Андреемъ Бушемъ (Лимбургеръ). Въ 1713 году глобусъ этотъ Герцогъ Христіянъ Августъ подарилъ Петру Великому, который и перевезъ его въ Петербургъ. Сдѣсь, отъ пожара въ 1747 году, глобусъ этотъ сильно попортился и сдѣлался негоднымъ къ употребленію, но потомъ исправленъ, съ измѣненіемъ въ немъ прежняго механизма, и съ 1754 года помѣщенъ въ особомъ домѣ при Петербургской Академіи, гдѣ Гадебушъ и видѣлъ его еще въ 1767 году. Это извѣстный Готторпскій большой глобусъ, находящійся, кажется, и теперь въ Петербургской Академіи. Справедливо ли извѣстіе Гадебуша, приписывающаго Олеарію честь перваго изобрѣтенія этого глобуса, рѣшить не беремся.

Павелъ Барсовъ.

ЕДИНОМУ БОГУ СЛАВА!

КНИГА ПЕРВАЯ

НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О ПОѢЗДКѢ ВЪ МОСКВУ И О ТОМЪ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВО ВРЕМЯ ЭТОЙ ПОѢЗДКИ.

ГЛАВА I.

О пользѣ путешествія въ чужіе края.

Я считаю великимъ счастіемъ, какое только можетъ выпасть въ этомъ мірѣ человѣку, желающему получить, по выраженію Аристотеля, названіе ζῶον πολιτικὸν (общественное существо), если ему представится удобный случай предпринять отдаленное путешествіе, пошататься по свѣту, обозрѣть чуждыя страны и народы, увидать и изучить различныя ихъ особенности.

И дѣйствительно, природѣ возвышеннаго духа даже противно оставаться вѣчно дома, подобно улиткѣ; это свойственно только женщинамъ и домохозяйкамъ. По этому весьма хорошо и справедливо говоритъ Липсій въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (Epist. ad Phil. Lanoy): «Только низкія, простыя души сидятъ дома, какъ бы прикованныя къ своей землѣ; возвышенныя же, подражая небу, люб ъ движеніе.» (Humiles istae et plebeiae animae domi resident et afflixae sunt suae terrae. Illa divinior est, quae Coelum imitatur et gaudet motu). И далѣе, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ онъ (Epist. 8, cent. 1): «Spernit natura sua includi coelestis ille ignis, aërem amat et campos.»

Самому Господу Богу, который, по свѣдѣтельству Св. Писанія, всегда имѣлъ и имѣетъ особое попеченіе о путешествующихъ и чужестранцахъ, путешествія также непротивны, но скорѣе должны быть пріятны, по тому что онъ, Великій Вседержитель, устроилъ міръ на пользу человѣка. Онъ далъ намъ землю, какъ временное жилище, и прекрасные сады, украсивъ ее въ одномъ мѣстѣ совершенно инымъ великолѣпіемъ и плодами, чѣмъ въ другомъ. И такъ какъ все это, какъ выше сказано, сотворено на пользу человѣка, то Всещедрому Богу угодно, чтобы дѣти его, люди, познавали сотворенное имъ, и черезъ то достойно почитали и его самого.

Когда мы, наблюдая, размышляемъ о томъ, какъ Богъ, въ своемъ мудромъ совѣтѣ, движеніемъ неба и природы, по особой своей милости, одарилъ разныя страны свѣта и его обитателей множествомъ всякаго рода блаженства, какъ онъ осчастливилъ ихъ разными чудесными благодѣяніями своими, то можемъ ли не восхищаться всѣмъ этѣмъ, можемъ ли не возрадоваться и не воспѣть, вмѣстѣ съ Царемъ Давидомъ, 104 псаломъ его, въ хвалу Великому Богу: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси; исполнися земля твари твоея!»

Если кто путешествуетъ не какъ простой гонецъ, который только о томъ и хлопочетъ, чтобы попасть въ хорошую корчму, или гостинницу, или не какъ Архестратъ, который (по свѣдѣтельству Аеинея въ 3-й книгѣ) объѣхалъ свѣтъ для того только, чтобы найти и описать яства, напитки и разныя лакомства, но пускается въ путь разумно, съ добрымъ и честнымъ намѣреніемъ, то путешествіе такого человѣка, кромѣ того, что доставляетъ наслажденіе и ведетъ къ прославленію Бога, приноситъ много и другой пользы, какъ самому путешествующему, такъ и отечеству его. У чуждыхъ народовъ можно всегда, если только захотимъ, научиться кой чему хорошему; если ихъ нравы и обычаи хороши и похвальны, то, по справедливости, имъ слѣдуетъ подражать; если же, напротивъ, они порочны и непривычны, то должно отвращаться отъ нихъ, стараться дѣлать противное, и въ такомъ случаѣ будемъ считать себя и отечество свое счастливѣе этѣхъ народовъ. Такимъ образомъ даже отъ варваровъ

и вообще недобрыхъ людей можно научиться чему ни будь доброму. «Aliorum erratis ad rectam vitae institutionem pro exemplis uti pulcrum est,» говоритъ Діодоръ Сицилійскій, въ началѣ первой книги своей. Ошибки и заблужденія другихъ должны служить намъ указаніемъ, какъ ити прямою (истинною) дорогой. По этому-то мудрый и высоко прославленный у Персовъ Локманъ, на вопросъ: «отъ кого заимствовалъ онъ ловкость и умѣнье во всемъ?» отвѣчалъ: «Я научился имъ у неловкихъ и невѣжественныхъ людей. Что не нравилось мнѣ въ ихъ дѣлахъ и образѣ жизни, я только удалялся того.» Такъ разсказывается это въ Персидской «Долинѣ Розъ» (Rosenthal) l. 2, 16.

Я говорю все таки о людяхъ, которые совершаютъ путешествія разумно и съ добрыми намѣреніями, подобно мудрому Улису, а не о юношахъ и вообще людяхъ такого рода, какими были слуги его, которые не могли ни управлять собою, ни обуздывать свои страсти, которые неспособны во время странствованія видѣть что либо, кромѣ голой земли, и за тѣмъ, сравнивая свое путешествіе съ Сократовымъ, говорили: «Чему можетъ научить меня гора или долина?» Такимъ и подобнымъ имъ людямъ пусть воспрещаетъ путешествія Ликургъ, который самъ, впрочемъ, много путешествовалъ, и по тому былъ мудрымъ Царемъ (какъ это видно изъ Плутарха, въ его Ликургѣ, и у Страбона въ 10-й книгѣ). При томъ, мы Нѣмцы, а не Спартанцы, воспитаны не по образцу этѣхъ послѣднихъ, считавшихъ себя совершенными и не могшими научиться ни чему отъ другихъ народовъ; мы скорѣе Аргивяне, которымъ, если бъ они вздумали предлагать намъ Ликургово запрещеніе путешествій, слѣдуетъ отвѣчать, вмѣстѣ съ Эвдамидомъ. Эвдамидъ, на замѣчаніе одного Аргивянина, что Спартанцы поступили хорошо, запретивъ путешествія, въ слѣдствіе которыхъ люди портятся, отстаютъ отъ законовъ и обычаевъ своего отечества, отвѣчалъ: «А вы, Аргивяне, если бъ постранствовали и побывали въ Спартѣ, то не только не хуже, но лучше бы стали.» (Plut. in Lacon. apoph.). Не надо только злоупотреблять ни какимъ дѣломъ, и не слѣдуетъ выбрасывать изъ ванны дѣтя, вмѣстѣ съ водой, въ которой его мыли; точно также, какъ не слѣдуетъ уничтожать вино по тому только, что имъ можно упиваться, ни бросать въ море имуще-

ство, золото и серебро, дѣлающія иногда человѣка гордымъ и мѣшающія инымъ въ достиженіи мудрости, какъ сдѣлалъ это весьма необдуманно Философъ Кратесъ, считавшійся, впрочемъ, вообще человѣкомъ разумнымъ.

Въ добрыхъ примѣрахъ у насъ нѣтъ недостатка: «Sive prisco, sive nostro aevo peregrinati fere sunt viri magni,» говоритъ Липсій, въ приведенномъ выше 22 письмѣ. Многіе разумные и превосходные мужи совершали путешествіе въ чужія земли, смотря по ихъ званію, положенію и способностямъ, съ большою пользой и славою. Философъ Пиѳагоръ, еще съ дѣтства особенно отличавшійся стремленіемъ ко всякаго рода знаніямъ, именно въ слѣдствіе этого стремленія, совершилъ важныя путешествія, былъ въ Египтѣ, Индіи, потомъ въ Персіи, для знакомства съ тамошними мудрецами, и, возвратившись въ Грецію, до того прославился, что былъ прозванъ почетнѣйшимъ званіемъ, σοφός, или, какъ онъ самъ называлъ себя, въ сознаніи своихъ достоинствъ, философомъ, какъ повѣствуетъ о томъ Валерій Максимъ (lib. 8, c. 7). О путешествіяхъ Платона знаемъ также отъ этого же Валерія и Цицерона «De re publica.»

О томъ, что знатнѣйшіе врачи, каковы Гиппократъ, Діоскоридъ, и въ особенности Галенъ предпринимали путешествія для обогащенія и усовершенствованія себя въ Медицинѣ и медицинской практикѣ, свѣдѣтельствуютъ намъ Плиній (lib. 29, c. 1), Sorano и Fulgoso. О Галенѣ въ особенности я упомянулъ по тому, что онъ былъ въ Смирнѣ, Коринѳѣ, Александріи, за тѣмъ въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, наконецъ на островахъ Лемносѣ и Кипрѣ, для изслѣдованія таинствъ природы и изученія различныхъ состояній, которымъ бываетъ подвержено здоровье человѣка; изъ Историковъ извѣстно путешествіе Геродота, посѣтившаго Египетъ и Персію, съ намѣреніемъ дознать и написать достовѣрныя свѣдѣнія объ этѣхъ странахъ, какъ сказано объ этомъ въ его же сочиненіи. Подобно Геродоту, Діодоръ Сицилійскій, вознамѣрившійся описать земной шаръ въ его видахъ, путешествовалъ цѣлыя 30 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ обошелъ замѣчательнѣйшія части свѣта, каковы Азія и Европа, какъ свѣ-

дѣтельствуетъ о томъ онъ самъ, въ предисловіи къ своей Библіотекѣ.

Какую пользу могутъ извлечь изъ путешествій политики, правовѣды и вообще люди, посвящающіе себя общественымъ должностямъ, или готовящіеся къ управленію народомъ, сомнѣваться въ этомъ никто не станетъ. Въ виду этой именно пользы многіе знаменитыя владѣтельныя особы, по ихъ собственному желанію, предпринимали далекія путешествія, какъ говоритъ это Іоаннъ Шокье (Chokier), въ своемъ «Thesaurus politicus.» По поводу путешествій и Горацій восхваляетъ Улиса, говоря, въ своей «Ars poëtica:

«Dic mihi, Musa, virum captae post tempora Trojae
Qui mores hominum multorum vidit et urbes.»

Превосходныя путешествія достохвальнаго Императора Карла V достаточно извѣстны намъ изъ Исторіи. Императоръ Траянъ, извѣдавшій бездну опасностей въ войнѣ съ Парѳянами и грозныя бури океана, когда увидѣлъ, что нѣкоторые корабли отплывали въ Индію, воскликнулъ: «Ахъ, если бъ я былъ моложе и если бъ силы моего сложенія и мое положеніе дозволяли, и я бы отправился въ Индію, чтобы ознакомиться съ особенностями этой страны.» Я самъ знаю одного извѣстнаго и достохвальнаго владѣтельнаго Князя, который сказалъ мнѣ однажды почти тѣ же слова. И часто, какъ полезно было бы, если бъ такія владѣтельныя особы и высоко-начальствующія лица предпринимали извѣстныя путешествія, разумѣется, при условіи, когда бы ихъ положеніе и важныя служебныя занятія дозволяли имъ это. Эту же мысль высказываетъ и Цицеронъ (l. 2. Epist. famil. 11.): «Peregrinatio obscura et sordita est iis, quorum industria Romae potest illustris esse.»

Но такъ какъ не всякій можетъ по положенію своему, или просто по не представившемуся случаю, оставить свою родину и пуститься въ далекія путешествія, для личнаго обозрѣнія чуждыхъ странъ, то я полагаю, что весьма похвально дѣлаютъ тѣ, которымъ выпадетъ такой счастливый случай, когда они, по совершеніи путешествія, дѣлаютъ историческое, вѣрное описаніе его, и за тѣмъ печатаютъ оное. Чрезъ это другіе, подобно тому

какъ, при чтеніи древней Исторіи, они переносятся въ древнія времена, такъ и читая путешествія, они мысленно переносятся въ отдаленныя страны и какъ бы собственными глазами обозрѣваютъ всѣ особенности чуждыхъ земель, въ вѣрномъ ихъ изображеніи, такъ что можно сказать, этѣ другіе, сидя дома, какъ бы сами совершаютъ путешествіе по цѣлому свѣту.

Если Азія искони считалась и считается прекраснѣйшею и замѣчательнѣйшею частію свѣта, то въ самой Азіи Персидское Государство, по многимъ причинамъ, главнымъ же образомъ по тому, что нѣкогда оно было величественнѣйшею изъ всѣхъ другихъ Монархій, для любителей исторіи и теперь еще составляетъ любимую страну, и возбуждаетъ въ нихъ особенное желаніе ознакомиться съ настоящимъ его состояніемъ.

Хотя Персидское Государство и составлявшія его области и прежде этого не рѣдко были посѣщаемы и описываемы странствователями и другими многими лицами, изъ которыхъ важнѣйшія: Геродотъ, Бизари, Барбаро, Контарини, Брисонъ, Боасаръ, Рейнекъ, такъ что въ дальнѣйшихъ о немъ извѣстіяхъ, можно бы подумать, и нѣтъ особенной надобности; но какъ все на свѣтѣ, съ теченіемъ времени, измѣняется, точно такъ и Персидское Государство до такой степени измѣнилось противъ прежняго своего, въ исторіяхъ описаннаго состоянія, что, сравнительно съ нимъ, теперь въ Персіи нельзя найти Персіи. Въ ней не осталось прежняго почти ни чего, кромѣ голой дороги и лежащихъ около нея горъ и долинъ, какъ это видѣли и дознали мы лично сами, во время недавняго Великокняжескаго Посольства изъ Голштиніи къ Персидскому Царю, Шаху Сефи. По этому, нѣкоторые изъ насъ, имѣвшіе представленіе о Персіи по ея древнему блестящему состоянію, и не нашедшіе въ ней ни чего, кромѣ разнаго рода неудобствъ и тягостей, раскаивались въ своемъ путешествіи и написали слѣдующее четверостишіе:

«Was suchen wir doch viel die alten Herrlichkeiten,
Die unterworffen sind den fresshafftigen Zeiten?
Ich habe Persien in Persien gesucht,
Und durch das meinen Weg wol hundertmal verflucht.»

За чѣмъ ищемъ мы такъ долго древняго великолѣпія,
Которое подвержено все пожирающему времени?
Я тоже искалъ Персіи въ Персіи,
И чрезъ это стократъ проклиналъ мою дорогу.

Правдивое и точное описаніе этого-то Государства, а также и другихъ странъ, областей и народовъ, которые мы посѣтили, въ томъ самомъ видѣ и состояніи, въ которомъ они находятся въ настоящее время, съ изложеніемъ и всего того, что случилось съ нами особеннаго, достойнаго вниманія читателей, во время нашего далекаго и многотруднаго шестилѣтняго путешествія, я и предлагаю сдѣсь къ услугамъ любезныхъ соотечественниковъ моихъ, Нѣмцевъ.

ГЛАВА II.

Первый отъѣздъ изъ Голштиніи, плаваніе по Балтійскому морю и прибытіе въ Ливонію.

Когда Свѣтлѣйшій, Высокородный Князь и Государь, Фридрихъ, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, Стормарнскій и Дитмарсенскій, Графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій, мой милостивѣйшій Князь и Государь, вознамѣрился, по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ, снарядить и послать помянутое выше, богатое Посольство, то Послами назначилъ изъ совѣтниковъ своихъ почтенныхъ, благородныхъ, много уважаемыхъ и высокоученыхъ мужей: Господина Филиппа Крузе изъ Ейслебена (Crusius von Eissleben Jul.), который теперь, по особой милости Короля Шведскаго, возведенъ въ Шведское Дворянство, подъ именемъ Филиппа Крузенштерна, пожалованъ въ Придворные Совѣтники Короля Шведскаго, Бургграфомъ Нарвскимъ и Генералъ-Директоромъ торговли въ Эстоніи и Ижорѣ, и Господина Оттона Бругмана (Brughmann) изъ Гамбурга. Послы эти, въ 1633 году, Октября 22-го, отправились изъ Княжескаго пребыванія Готторфа (Gottorff) въ первый разъ въ Москву, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Михайлу Ѳедоровичу, Самодержцу Всероссійскому и проч. и проч., для испрошенія у него свободнаго

проѣзда чрезъ Россію въ Персію. Заготовивши въ Гамбургѣ все необходимое для такого путешествія, и взявши спутниковъ или прислугу изъ 34 человѣкъ, 6-го Ноября Послы выѣхали изъ Гамбурга, 7-го прибыли въ Любекъ, а 8-го въ Травемюнде, гдѣ приняли къ себѣ одного опытнаго моряка, Михайла Кордеса, (Kordes), который былъ необходимъ намъ въ послѣдствіи, для плаванія по Каспійскому морю. 9-го числа, разставшись со множествомъ друзей, провожавшихъ насъ изъ Гамбурга и Любека до морскаго берега, мы достигли моря. Корабль, на которомъ мы готовились плыть, назывался Фортуна, а Капитаномъ на немъ былъ Гансъ Миллеръ. На этомъ же кораблѣ отправился съ нами Докторъ Медицины Венделинъ Сибелистъ (Vendelinus Sibelist), котораго вызывалъ въ Москву Великій Князь къ своему Двору въ Придворные Врачи, и котораго отпустилъ Свѣтлѣйшій Князь Шлезвигъ-Голштейнскій къ Его Царскому Величеству.

Послѣ обѣда мы весело оставили землю и стали на якорѣ въ рейдѣ. Около 9-ти часовъ вечера, когда начался благопріятный для насъ югозападный вѣтеръ, мы распустили, съ Божіею милостію, паруса и проплыли въ ту же ночь 20 миль. Въ слѣдующій день Господа Послы и Капитанъ корабля заблаговразсудили составить нѣкоторыя постановленія и правила, на время плаванія, съ тою цѣлію, чтобы, съ одной стороны, содержать людей въ повиновеніи и должномъ порядкѣ, а съ другой, чтобы изъ денежныхъ взысканій съ виновныхъ, во время нашего морскаго путешествія, и бѣдные получили какую ни будь пользу. Для этого важнѣйшія лица изъ сопутниковъ выбраны были въ извѣстныя должности, съ тѣмъ, чтобы они наблюдали за исполненіемъ законовъ и налагали взысканіе съ провинившихся. Установленный такимъ образомъ распорядокъ исполнялся съ такою точностію и строгостію, что, по окончаніи мореплаванія, продолжавшагося 4 дня, собрано было взыскныхъ 22 рейхсталера, которые и вручены были Капитану корабля съ тѣмъ, чтобы половина изъ нихъ роздана была Рижскимъ, а другая Любецкимъ, бѣднымъ.

10-го Ноября къ вечеру миновали мы островъ Борнгольмъ, оставшійся вправѣ у насъ на добрую милю; отъ Любека до Борнгольма считается 40 миль. Островъ этотъ представляетъ воз-

вышенную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалистую землю, въ 3 мили длиною и столько же шириною, съ хорошими лугами для скота, который ежегодно даетъ нѣсколько ластовъ масла; на немъ находится замокъ старой постройки, называемый Гаммерсгаузенъ (Hammershausen). Нѣкогда Борнгольмъ принадлежалъ городу Любеку, но, по нѣкоторымъ причинамъ, былъ уступленъ, какъ крестинный подарокъ, Королю Датскому, которому принадлежитъ и въ настоящее время.

У сѣверной стороны этого острова лежатъ опасныя для кораблей скалы Эрдгольмъ (Erdholm), которыхъ моряки очень боятся въ осеннее время. Такъ какъ въ темныя осеннія ночи скалы эти разглядѣть трудно, а посредствомъ лота, по причинѣ бездонной глубины воды подлѣ самыхъ скалъ, близость ихъ тоже опредѣлить не возможно, то часто случается, что корабли разбиваются о нихъ и погибаютъ.

11-го числа, въ полдень, мы находились подъ 56 градусомъ долготы, все еще пользуясь хорошею погодой и вѣтромъ. Къ вечеру же началъ дуть сильный, порывистый вѣтеръ, продолжавшійся всю ночь, такъ что мы принуждены были уменьшить паруса. Большая часть изъ насъ, которые никогда не были на морѣ, начали въ это время страдать извѣстною морскою болѣзнію: у нихъ поднялась сильная рвота, и вообще они такъ ослабѣли, что повалились на полъ, и многіе думали уже, что тутъ и умрутъ. Болѣзнь эта происходитъ не въ слѣдствіе сильнаго запаха морской соленой воды, возбуждающаго будто бы тошноту, какъ пишетъ Понтанъ (Pontanus въ Bellariis Atticis), и какъ объясняютъ ее многіе другіе, но единственно и исключительно отъ движенія корабля, которое въ большей части людей производитъ непривычное сотрясеніе желудка и головокруженіе; по этому люди, привыкшіе къ качкѣ (движенію) и не подверженные головокруженію, не чувствуютъ на кораблѣ ни какихъ болѣзненныхъ припадковъ. Отъ того же, я думаю, и маленькія дѣти, которыхъ закачиваютъ еще въ колыбеляхъ, весьма рѣдко ощущаютъ на кораблѣ слабые признаки этой болѣзни. Эта же причина такого болѣзненнаго состоянія подтверждается и тѣмъ, что большею частію оно начинается, не тотчасъ въ началѣ плаванія и обыкно-

венно не скоро при умѣренномъ и попутномъ вѣтрѣ, но чаще всего послѣ нѣсколькихъ дней бурнаго холоднаго вѣтра, подвергающаго корабль сильной качкѣ; при томъ, если такая бурная погода продолжается нѣсколько дней, то у иныхъ болѣзнь проходитъ сама собою. То же самое замѣтилъ я и на рѣкѣ Волгѣ (слѣдовательно, вовсе не на соленой водѣ), когда нѣкоторые изъ насъ, плывши довольно долгое время въ тихую погоду, не чувствуя ни какихъ болѣзненныхъ припадковъ, вдругъ занемогли морскою болѣзнью, когда поднялась сильная буря, налетѣвшая на насъ противъ теченія рѣки и приведшая наше судно въ сильное движеніе. И такъ Понтанъ несправедливо замѣчаетъ, на 524 страницѣ сказанной выше книги: «Quod, qui in fluvio navigant, horum nihil persentient, quia ibi non faetor maris,» по тому что болѣзнь эту можно приписать только непривычному движенію.

При такомъ-то сильномъ вѣтрѣ мы все таки проплыли въ ту ночь 15 миль, по тому что могли удержаться на настоящемъ нашемъ пути или курсѣ, какъ называютъ его моряки. Въ слѣдующій за тѣмъ день, 12-го числа, настала такая тихая погода, что не замѣтно было ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, и корабль нашъ долженъ быть остановиться на одномъ мѣстѣ. Пользуясь затишьемъ, мы велѣли принести на палубу наши музыкальные инструменты, подъ звуки которыхъ и воспѣли благодарственную и хвалебную пѣснь Богу, за оказанное имъ милостивое намъ покровительство въ прошедшую ночь. Въ полдень подулъ опять южный, попутный вѣтеръ, который благополучно пригналъ насъ къ мысу Домеснесъ (Domesnes) въ Куроніи. Сдѣсь мы стали на якорь и пробыли до вечера 13-го числа, когда начался западный вѣтеръ, съ которымъ мы могли объѣхать мысъ и выйти въ море. Такимъ образомъ 14-го числа рано утромъ прибыли мы къ укрѣпленію (нашцамъ) Дюнамунде, лежащему у устьевъ рѣки Дюны (Двины, отъ которой укрѣпленіе и получило свое имя), въ 2-хъ миляхъ отъ города Риги. Такъ какъ въ это время былъ сильный туманъ, такъ что и вблизи нельзя было ни чего видѣть, то мы возвѣстили о себѣ трубами и просили, чтобы изъ укрѣпленій выслали къ намъ кормчаго, или какого другого проводника, безъ котораго, заѣзжимъ сюда людямъ, трудно проѣхать въ пристань, по неровности морскаго дна. Черезъ нѣсколько

ко времени къ намъ приплыли таможенные осмотрщики, осмотрѣть корабль, нѣтъ ли на немъ купеческихъ товаровъ, за провозъ которыхъ слѣдовало бы взыскать пошлины. Не нашедши ни чего запрещеннаго, они немедленно прислали намъ кормчаго, съ которымъ мы отправились, и поздно вечеромъ благополучно достигли города Риги.

ГЛАВА III.

Отъ Риги, черезъ Вольмаръ и Дерптъ, до Нарвы.

Давши знать о своемъ прибытіи, Господа Послы съ нѣкоторыми изъ своихъ сопровожатыхъ вышли на берегъ и отправились пѣшкомъ въ городъ; на дорогѣ ихъ встрѣтили нѣсколько военныхъ Офицеровъ и пустая карета, которую выслалъ Губернаторъ для Пословъ; но такъ какъ разстояніе до назначенной для Пословъ гостинницы было не велико, то они не сѣли въ карету, а пошли пѣшки, и такимъ образомъ ихъ проводили въ гостинницу Ганса Краббенгёфта, гдѣ они и заняли себѣ помѣщеніе съ важнѣйшими чинами изъ своихъ спутниковъ, остальные же размѣстились въ другихъ сосѣднихъ домахъ. 21-го Ноября Магистратскій Совѣтникъ прислалъ Посламъ въ подарокъ: одного быка, нѣсколькихъ овецъ, куръ, зайцевъ и множество разной дичи, нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ хлѣбовъ, и аму [1] рейнскаго вина. Черезъ три дня послѣ того Послы давали обѣдъ, на который пригласили Губернатора, Андрея Эрихсена, Совѣтника, Суперъ-Интенданта М. Самсона (Samsonius) и нѣкоторыхъ высшихъ военныхъ городскихъ чиновъ. Мы должны были оставаться въ городѣ Ригѣ 5 недѣль, пока не настали морозы и не выпалъ снѣгъ, покрывшій наконецъ всѣ вокругъ лежащія болота и доставившій намъ добрую санную дорогу. Оттуда путь лежалъ намъ въ городъ Дерптъ, и 14 Декабря часть вещей, съ запасами, поклажей и нѣсколькими людьми, на 31 саняхъ отправилась впередъ, а на слѣдующій день поѣхали и Послы; и какъ большая часть изъ

---

[1] Мѣра жидкостей, около 4-хъ нашихъ ведеръ. Перев.

насъ, ѣхавши въ саняхъ, должны были править лошадьми сами, то съ непривычки, на первой день ѣзды, многіе опрокидывались съ санями и со всею въ нихъ поклажею, которую принуждены были подбирать съ снѣга и опять укладывать въ сани. 18 числа мы пріѣхали въ городокъ Вольмаръ, гдѣ встрѣтилъ насъ Начальникъ (Комендантъ) его. Городъ этотъ лежитъ въ 18-ти миляхъ отъ Риги и весьма опустошенъ вторженіемъ въ него Русскихъ и Поляковъ; жители поправляютъ его и на прежнихъ каменныхъ остаткахъ разрушенныхъ бывшихъ домовъ возводятъ свои деревянныя жилища, по образцу Русскихъ и Шведскихъ избъ. 20 числа мы выѣхали отсюда, и, проѣхавши 6 миль, прибыли въ замокъ Эрмесъ (Ermes), принадлежащій Полковнику De la Barre, который два раза угостилъ насъ по Княжески. 21 того же мѣсяца отсюда мы проѣхали еще далѣе 4 мили и остановились въ замкѣ Гальметъ (Halmet), гдѣ, во время стола, приводили къ намъ въ комнату молодую ручную лось, ростомъ выше лошади. Этѣхъ звѣрей въ сдѣшнихъ странахъ множество, и они дали поводъ къ тому, что многіе ремесленники и рабочіе люди, которыхъ за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ вызвали изъ Германіи, для обработки земли, охотно переселялись сюда, въ надеждѣ на спокойную жизнь и плодородіе почвы; имъ наговорили, что сдѣсь неисчерпаемое богатство въ жизненныхъ средствахъ и, между прочимъ, что лось (Elend) сама будьто забѣгаетъ къ людямъ въ избы. Когда же этѣ Нѣмецкіе переселенцы, въ надеждѣ на такое богатство, перебрались сюда, но, не привыкнувъ къ тяжкимъ сдѣшнимъ работамъ и къ способу воздѣлыванія земли, постоянно получали плохой урожай, а наконецъ и совсѣмъ обѣдняли, то они дѣйствительно увидали, что бѣдность (Elend) [2] сама пришла къ нимъ въ домъ, и нѣкоторые изъ нихъ, въ несчастномъ положеніи, воротились опять въ Германію, при помощи добрыхъ Нѣмцевъ. Такъ разсказывали намъ тѣ изъ нихъ, которыхъ мы еще застали въ этой странѣ.

22-го Декабря мы проѣхали далѣе 4 мили къ замку Рингенъ (Ringen), и на наслѣдующій за тѣмъ день прибыли въ городъ Дерптъ (Derpt). Этотъ городъ лежитъ въ Эстоніи или въ Эст-

[2] Сдѣсь игра словъ: Elend лось и Elend бѣдность. Перев.

ляндіи, при рѣкѣ Эмбекъ (Embeck), въ срединѣ Ливоніи, обнесенъ каменною стѣною и башнями, которыя, также какъ и самые дома въ городѣ, выстроены на старый образецъ. Въ слѣдствіе неоднократныхъ войнъ, особенно же войны съ Русскими въ 1571, онъ сильно опустошенъ этѣми послѣдними, какъ видно это изъ Ливонской Лѣтописи Геннинга (Henningii); нѣкогда онъ принадлежалъ Русскимъ и назывался Юрьевъ городъ (Jurgiogorod), но въ 1230 году взятъ былъ Нѣмецкими Гермейстерами и обращенъ въ Епископство, гдѣ, въ числѣ Епископовъ, былъ также и Герцогъ Магнусъ Голштинскій, зять (Schwager) тирана. Въ 1558 году тиранъ Иванъ Васильевичъ завоевалъ его опять, а въ 1582 покорилъ его себѣ Король Польскій, Стефанъ; но когда Зюдерманландскій Герцогъ Карлъ принялъ Шведскую корону и началъ войну съ Поляками; то, въ числѣ другихъ городовъ, онъ завоевалъ у этѣхъ послѣднихъ и Дерптъ; такимъ образомъ этотъ городъ и по нынѣ находится подъ владычествомъ Его Величества, Короля Шведскаго.

Въ Дерптѣ есть Ливонское высшее училище или Университетъ и Королевскій (придворный) Судъ. Этотъ Университетъ основанъ по предначертанію и на иждивеніи Г-на Іоанна Скитте (Skytte), Барона Дудеровскаго (Duderoff), бывшаго наставника и Гофмейстера Короля Густава-Адольфа, и утвержденъ 15-го Октября, 1632 года. Яковъ (Jacobus), сынъ Іоанна Скитте, назначенъ былъ первымъ Ректоромъ этого Университета, а въ Проректоры опредѣленъ былъ къ нему Андрей Виргиній (Virginius), изъ Поморскихъ (Pommaerscher) Дворянъ, Г-нъ Докторъ Богословія. Изъ числа ученыхъ людей и знаменитыхъ Профессоровъ, съ которыми мы познакомились сдѣсь, были: упомянутый сейчасъ Докторъ Виргиній, Іоаннъ Балау (Balau) изъ Ростока, Докторъ Медицины, въ послѣдствіи вызванный въ Москву въ Придворные Врачи (Leib-Artz), далѣе Фридрихъ Меній (Menius), поэтъ (Императорскій) и Профессоръ Исторіи, и М. Петръ Андреи Шомеръ (Schomerus), Математикъ изъ Швеціи. Но Студентовъ въ наше время было еще очень не много, именно при насъ считалось ихъ всего 10 Шведовъ и нѣсколько человѣкъ изъ Чуди (Finnen).

Проведши въ Дерптѣ праздникъ Рождества Христова, мы выѣхали оттуда 29-го Декабря, взявши путь на Нарву.

1634 годъ.

ГЛАВА IV.

Пріѣздъ въ Нарву, отъѣздъ оттуда и путешествіе, черезъ крѣпости Ямъ и Копорье, до Орѣшка.

3 Генваря, 1634 года, пріѣхали мы въ Нарву, гдѣ остановились у Якова Фонъ Кёлленъ (Köllen), одного значительнаго купца и содержателя гостинницы; сдѣсь, къ большой досадѣ, мы должны были прожить цѣлыя 22 недѣли, въ ожиданіи Шведскихъ Пословъ, съ которыми, по нѣкоторымъ причинамъ, намъ нужно было ѣхать вмѣстѣ въ Москву. Правда, мы проводили тутъ все время въ разныхъ увеселеніяхъ, каждый день давали роскошные, чисто Княжескіе, обѣды, съ весьма порядочной музыкой, на которыхъ многія важныя особы, посѣщавшія часто Пословъ нашихъ, вели обыкновенно занимательные разговоры; кромѣ того, и насъ также приглашали часто въ гости, къ разнымъ важнымъ лицамъ, на разныя прогулки въ экипажахъ и верхомъ, на охоту и проч.; но желаніе ѣхать дальше дѣлало ничтожными и скучными всѣ этѣ удовольствія. Въ добавокъ къ этому, прислуга и низшіе чины изъ сопровождавшихъ насъ, въ слѣдствіе продолжительной праздности, безпрестанно ссорились и дрались съ Нарвскими солдатами. Послы наши, вмѣстѣ съ Г-мъ Губернаторомъ, постоянно принуждены были разбирать ихъ, мирить и унимать.

Сообразивши, что, дожидаясь Пословъ, мы не могли выѣхать до весны, а въ это время дорога между Нарвою и Новгородомъ очень затруднительна, мы рѣшили 28-го Февраля по санной, хорошей еще, дорогѣ послать Павла Флеминга (Fleming) въ Новгородъ, впередъ, съ частью прислуги, съ лошадьми и тяжкой кладью. Въ то же время отправился впередъ съ своими людьми и Д. Венделинъ, который потомъ изъ Новгорода поѣхалъ и дальше, въ Москву.

Наконецъ, въ Нарвѣ у насъ сдѣлался недостатокъ въ продовольствіи; ибо поставщики наши, Русскіе купцы, неохотно ѣздили за

какія ни будь 8 миль отъ города, гдѣ они закупали куръ и овецъ. При такихъ обстоятельствахъ, не надѣясь (по нѣкоторымъ причинамъ) на скорое прибытіе ШведскихъОсловъ, и узнавши при томъ, что Ревельскій Губернаторъ, Филиппъ Шейдингъ (Scheiding), назначенъ былъ начальникомъ Шведскаго Посольства, Послы наши рѣшили тѣмъ, что съ 12-ю особами изъ своихъ поѣхали сами въ Ревель, а прочихъ оставили въ Нарвѣ.

Въ Ревелѣ насъ привѣтствовали пальбою изъ пушекъ, и тамошній Магистратскій Совѣтникъ встрѣтилъ насъ подарками. Мы прожили здѣсь 6 недѣль, и все время пользовались дружбою и почетнымъ пріемомъ Г-дъ Губернатора и важнѣйшихъ горожанъ.

О Ревелѣ и Нарвѣ я буду еще говорить во 2 моемъ путешествіи.

10-го Мая Губернаторъ Филиппъ Шейдингъ получилъ извѣстіе, что назначенные къ нему спутники его прибыли уже въ Нарву, по чему собрался и онъ въ дорогу, и въ день Вознесенія, именно 15 Мая, поѣхалъ съ нами въ Нарву. 18 числа прибыли мы снова въ Нарву, гдѣ бывшіе тамъ Шведскіе Послы, именно: Полковникъ Генрихъ Флемингъ, Эрихъ Гилленстіерна (Gyllenstierna) и Андрей Буреи (Bureus), въ почетномъ сопровожденіи, встрѣтили насъ верхами, за милю отъ города, дружески приняли и проводили въ городъ, гдѣ вторично привѣтствовали насъ пушечной пальбой.

Когда такимъ образомъ оба Посольства съѣхались, то рѣшено было отправиться обоимъ имъ въ Новгородъ, черезъ Карелію, Ладожскимъ озеромъ; по чему немедленно послали нарочнаго къ Новгородскому Воеводѣ, извѣстить его, гдѣ именно онъ долженъ былъ ожидать и принять насъ, чтобы намъ не пришлось долго ждать на границѣ. Въ такихъ случаяхъ у Русскихъ, также какъ и у Персовъ, существуетъ обычай, что когда иностранное Посольство достигнетъ границъ ихъ, оно должно дать знать о себѣ, и потомъ ждать, пока о прибытіи его не увѣдомятъ съ нарочнымъ Царя, и пока этотъ послѣдній не пришлетъ начальнику области приказа, какимъ образомъ должно принимать и содержатьОсловъ. Такъ какъ у Москвитянъ и Персовъ всѣ Послы и гонцы, посылаемые отъ Великихъ Иностранныхъ Госу-

дарей, во все время пребыванія этѣхъ Пословъ и гонцовъ въ предѣлахъ Московіи и Персіи, безденежно пользуются продовольствіемъ, подводами и охранительной стражей, то для этого къ Посламъ назначается особый Чиновникъ, для распоряженій по части продовольствія, называемый у Русскихъ Приставомъ, а у Персовъ Мегемендаріемъ (Mehemendar), съ отрядомъ воиновъ, которые должны сопровождать Пословъ внутри Государства.

Когда гонецъ былъ отправленъ въ Новгородъ, Шведскіе Послы выѣхали изъ Нарвы 22 Мая въ крѣпость Конорье (Kapurge), съ намѣреніемъ отпраздновать тамъ Троицынъ день и ближе придвинуться къ Русскимъ границамъ.

Мы же оставались въ Нарвѣ, и 24 Мая, въ Субботу, на канунѣ Троицына дня, я пошелъ въ Русскую часть Нарвы полюбопытствовать, какъ Русскіе совершаютъ поминки по своимъ умершимъ и погребеннымъ родственникамъ и друзьямъ. Все кладбище было наполнено Русскими женщинами, которыя разстилали на могилахъ и надгробныхъ камняхъ красивые, шитые, пестрые платки, и ставили на нихъ нѣкоторыя блюда съ 3-мя, или 4-мя, продолговатыми лепешками или аладьями и съ пирогами; а другія съ 2-мя, или 3-мя, сушеными рыбами и крашеными яйцами. Одни изъ этѣхъ женщинъ стояли на ногахъ, другія на колѣняхъ лежали у могилъ, вопили, кричали и дѣлали мертвому вопросы, о которыхъ буду говорить ниже, въ статьѣ о похоронахъ. Если въ это время проходилъ мимо ихъ знакомый какой, онѣ подходили къ нему, разговаривали съ нимъ, иногда съ громкимъ смѣхомъ, и потомъ, по уходѣ его, опять принимались плакать и вопить. Тутъ же между могилами ходилъ Священникъ, съ двумя причетниками; онъ держалъ въ рукахъ кадило, въ которое по временамъ бросалъ кусочки ладону, и которымъ кадилъ на могилы; при этомъ онъ произносилъ какія-то молитвы (слова), а женщины называли ему имена умершихъ, одно за другимъ, часто даже имена умершихъ уже лѣтъ 10 назадъ; однѣ изъ этѣхъ женщинъ вычитывали этѣ имена изъ книжки, другія же давали книжки читать церковнымъ причетникамъ, и Попъ (такъ называютъ они своего Священника) долженъ былъ повторять за ними этѣ имена въ своихъ молитвахъ; иногда женщины съ крестнымъ знаменіемъ

кланялись по нѣскольку разъ Священнику, а Священникъ кадилъ на нихъ въ это время своимъ кадиломъ.

Женщины звали и таскали Поповъ съ мѣста на мѣсто, каждая желая попрежде совершить память по своемъ умершемъ: когда такія молитвы и кажденія кадиломъ, совершаемыя Священникомъ съ видомъ довольно беззаботнымъ, безъ всякаго особеннаго благочестія, оканчивались, женщины давали Попу круглыя мѣдныя деньги, подобныя Голштинскимъ сеслингамъ, или 6 пфенниговымъ Мишенскимъ (Meissnischer) монетамъ; пироги и яйца забирали себѣ причетники и дали часть ихъ и намъ, Нѣмцамъ, случившимся тутъ ради любопытства; мы роздали послѣ эти подарки нищимъ ребятишкамъ.

26 Мая мы пріобщились Св. Таинъ, и послали наши пожитки, разные снаряды и кладь впередъ въ Нишанцъ, водою, съ частью низшей прислуги, сами же выѣхали изъ Нарвы 28 числа сухимъ путемъ. Мы отправились изъ города при громѣ орудій, въ сопровожденіи начальника города, Полковника Порта (Port), въ укрѣпленіе Ямъ (Gam), которое лежитъ въ 3 миляхъ (а не въ 12, какъ пишетъ Герберштейнъ) отъ Нарвы, въ Ижорѣ, по ту сторону рѣчки, называемой Ямскимъ ручьемъ, обильной рыбою, особенно семгой. Укрѣпленіе это хотя невелико, но окружено крѣпкою каменною стѣной съ 8-ю круглыми башнями; оно было завоевано у Русскихъ, въ одно время съ Нарвою; сдѣсь есть мѣстечко, населенное Русскими, которое, впрочемъ, также какъ и самая крѣпость, принадлежитъ Его Величеству, Королю Шведскому. [1]

Въ Ямѣ мы взяли свѣжихъ лошадей, на которыхъ, 29 числа, пріѣхали въ крѣпость Копорье, въ 6-ти миляхъ отъ Яма. Сдѣсь

---

[1] Это старинное его названіе по имени Ями, вѣтви Ижорской Чуди. Объ Ями упоминаетъ Несторъ. Въ 6550 (1042) г. Владимиръ Ярославичъ, Князь Новгородскій, ходилъ на Ямь и побѣдилъ ее, а въ 1383 г. построенъ былъ въ ней Новгородцами городъ и названъ по народу Ямъ. Въ смутное время (1612) онъ былъ взятъ Шведами. Буква G въ Нижненѣмецкомъ (Plattdeutsche) звучитъ какъ J (на пр., Mein Jott вм. Mein Gott). Петръ 1-й, завоевавши этотъ городъ, укрѣпилъ его и назвалъ Ямбургъ. Рѣка же Ямская есть Луга, на коей стоитъ Ямбургъ. *О. Б.*

11300
Акад. Гос. Ун-т

опять встрѣтили насъ пальбою, и Начальникъ города, Г. Богуславъ (Bugislav) Розенъ, принялъ и угостилъ насъ блестящимъ образомъ, накормивши въ тотъ же вечеръ ужиномъ изъ 48-ми блюдъ, съ различными винами, медомъ и пивомъ. Угощеніе и пріемъ на другой день были еще великолѣпнѣе за обѣдомъ съ музыкой и разными увеселеніями. Въ 3 часа послѣ обѣда, опять съ пальбою, на свѣжихъ лошадяхъ выѣхали мы отсюда, съ намѣреніемъ имѣть ночлегъ въ имѣніи (домѣ) одного Русскаго Боярина, по имени Н. Васильевича (Basilowitz); но какъ имѣнье это было въ 7 миляхъ отъ Копорья, изъ котораго мы выбрались довольно поздно, то мы принуждены были провести въ городѣ цѣлую ночь, прежде чѣмъ достигли предположеннаго ночлега. Рано утромъ, въ 3 часа, мы пріѣхали наконецъ до мѣста, гдѣ Бояринъ Васильевичъ принялъ насъ прекрасно и угощалъ всякаго рода кушаньями и напитками изъ серебряной посуды. У него было 2 трубача, которые довольно нарядно играли на своихъ трубахъ, особенно во время чаши за чье либо здоровье; вѣроятно, обыкновеніе это Бояринъ заимствовалъ у Нѣмцевъ. Бояринъ былъ веселый и храбрый человѣкъ; онъ участвовалъ въ сраженіи при Лейпцигѣ въ 1631 г., и показывалъ намъ нѣсколько ранъ, полученныхъ имъ въ этомъ сраженіи.

Передъ нашимъ отъѣздомъ Бояринъ приказалъ позвать свою жену и еще какую-то другую родственницу; обѣ онѣ были еще очень молодыя, хорошенькія лицомъ и роскошно одѣты; за ними вошла еще 3-я женщина отвратительной наружности; вѣроятно, она призвана была съ умысломъ, для усиленія красоты двухъ первыхъ женщинъ. Каждая изъ этѣхъ женщинъ подносила чашу съ виномъ Посламъ, подавала имъ (откушавъ не много) чашу въ руки и съ поклонами просила выпить. Это Русскіе считаютъ большимъ почетомъ или чествованіемъ, которое оказываютъ только тѣмъ гостямъ, которые особенно имъ нравятся и дороги. Если гость хорошій другъ и пріятель, то ему позволяется также поцѣловать жену, или родственницу, въ губы, о чемъ ниже буду говорить еще не разъ и подробнѣй.

31 Мая, въ часъ по полудни, мы простились съ нашимъ хозяиномъ, и въ тотъ же день проѣхали 4 мили до Ивановой долины (Johannes-Thal), названной такъ по имени Барона Ивана

Скитте, который въ то время началъ сдѣсь строить городъ; одна церковь была уже почти совсѣмъ готова. Сдѣсь мы услыхали тройной отзвукъ (эхо), которымъ довольно долго забавлялись, играя ночью на трубахъ, по тому что рѣшительно не могли спать отъ страшнаго множества комаровъ. По причинѣ многихъ лежащихъ кругомъ болотистыхъ мѣстъ, мы испытали тутъ первое нападеніе и безпокойство, днемъ отъ множества большихъ мухъ и осъ, которыя искусали насъ и лошадей нашихъ до опухоли, а ночью отъ комаровъ, отъ которыхъ избавлялись только дымомъ, ѣвшимъ намъ глаза и мѣшавшимъ спать.

Узнавши, что Шведскіе Послы ждали насъ въ Нишанцѣ, мы немедленно собрались въ путь, именно: 1-го числа Іюня, рано утромъ въ 3 часа, мы выѣхали отсюда и въ 6 часовъ вечера пріѣхали въ Нишанцъ. Нишанцъ (Neuschantz) или Ни (Nie), [2] какъ называютъ его нѣкоторые, лежитъ въ $2^1/_2$ миляхъ отъ Ивановой долины, при судоходной рѣкѣ, вытекающей изъ Ладожскаго озера, впадающей черезъ Чудскій заливъ въ Балтійское море и составляющей границу между Карелой и Ижорой. [3] Въ этой крѣпостцѣ мы застали Шведскихъ Пословъ, которые, послѣ небольшаго тайнаго совѣщанія съ нашими Послами, поѣхали впередъ въ Нетебургъ (Nöteburg), куда 2-го Іюня отправились и мы. Нотебургскій Начальникъ, Полковникъ Іоаннъ Кунемундтъ (Kunemundt), храбрый и почтенный человѣкъ, выѣхалъ на встрѣчу къ намъ водою въ гондолѣ (gundel) или крытомъ ботѣ, отлично принялъ насъ и проводилъ въ крѣпость при привѣтственныхъ звукахъ.

Крѣпость Нетебургъ, въ 8-ми миляхъ отъ Нишанца, подъ 53 градусомъ и 30 минутами отъ равноденственника, въ устьи Ладожскаго озера, со всѣхъ сторонъ окруженная глубокою водою, лежитъ на холмѣ, имѣющемъ видъ орѣха, откуда происходитъ и ея названіе. [4] Наклоненіе магнитной стрѣлки я нашелъ сдѣсь

---

[2] По Швед. ny, по Нѣм. neu, новый. *О. Б.*

[3] Нынѣ Петербургъ, собственно тамъ, гдѣ теперь Охтенская слобода. *О. Б.*

[4] Построенъ въ 1324 г. по распоряженію Вел. Князя Юрія Даниловича, во время похода подъ Выборгъ, на островѣ рѣки Невы, и названъ Орѣховымъ

въ 5 градусовъ и 30 минутъ на западъ (versus occas.). Эта крѣпость построена Русскими, окружена каменною стѣной шириною въ $2^1/_2$ сажени; бойницы устроены не хорошо (какъ у всѣхъ древнихъ Русскихъ крѣпостей) и совершенно неудобны для стрѣльбы наружу и для защиты стрѣлковъ. Въ одномъ углу крѣпости находится еще особенное, почти потайное, маленькое укрѣпленное мѣсто, изъ котораго и крѣпость самая можетъ быть обстрѣливаема извнутри. Полководецъ Шведскаго Короля, Яковъ Де ла Гарди, принудилъ эту крѣпость сдаться. Осажденные Русскіе держались въ ней до тѣхъ поръ, пока у нихъ осталось всего 2 человѣка, и когда, по условію сдачи, войско должно было выйти изъ крѣпости съ своими котомками, чемоданами и со всѣмъ, что при немъ было, то оказалось всего 2 солдата, которые на вопросъ: «Гдѣ же прочіе?» отвѣчали: «Мы одни только и остались, а всѣ другіе померли отъ заразы.» Вообще, молва о Русскихъ такова, что они гораздо мужественнѣе и смѣлѣе въ крѣпостяхъ, чѣмъ на полѣ битвы, о чемъ не разъ еще придется говорить мнѣ ниже.

Мѣсто это хотя красиво по мѣстоположенію, но довольно нездорово, по причинѣ прѣсной, озерной воды и лежащихъ вокругъ болотъ; въ наше пребываніе здѣсь, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ теченіи 3-хъ недѣль, было такое множество комаровъ или мухъ (родъ Pyraustis), летавшихъ и обжигавшихся около свѣчей, что на протяженіи руки ни чего нельзя было видѣть, и рѣшительно не возможно было ходить, не покрывши лица. Этѣ мухи или комары ежегодно появляются около этого времени во всей Карелѣ, хотя не въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ въ Орѣшкѣ; туземные жители называютъ ихъ «Русскія души.»

Разсчитавши, что въ Орѣшкѣ мы должны будемъ прожить довольно долгое время, Послы наши, удержавъ 6 человѣкъ изъ

или Орѣховцемъ, Орѣшкомъ, отъ того, что островъ продоговатъ на подобіе орѣха. Шведы, взявъ его въ 1347 году, перевели Русское названіе на свой языкъ, и назвали Nöteburg, такъ какъ орѣхъ по Шведски Nöt (Нѣм. Nuss). Когда Петръ 1-й овладѣлъ имъ, въ 1702 г., то переименовалъ въ Шлюссельбургъ (отъ Schlüssel, ключъ), въ знакъ того, что онъ будетъ ключемъ къ дальнѣйшимъ его завоеваніямъ. *О. Б.*

своихъ при себѣ, остальныхъ послали впередъ къ Русскимъ границамъ, гдѣ имъ было удобнѣе относительно продовольствія. Мы же должны были прожить въ Орѣшкѣ около 7 недѣль, и пока тамъ были Шведскіе Послы, каждый день приглашали они нашихъ Пословъ къ себѣ на обѣдъ, и съ приглашеніемъ этѣмъ обыкновенно присылали своего Маршала, благороднаго Господина Вольфа Шпара (Sparr), и нѣсколькихъ Гофъ-Юнкеровъ; наши Послы брали иногда и нѣкоторыхъ изъ насъ на эти обѣды, гдѣ угощали и принимали насъ отлично.

17-го Іюня прибылъ въ Орѣшекъ Г-нъ Спирингъ (Spiring), присланный Шведскимъ Королемъ въ дополненіе къ прежнимъ своимъ Посламъ; съ нимъ прибыло еще нѣсколько людей.

25-го Іюня, получивши извѣстіе, что Новгородскій Воевода выслалъ на границу Пристава, который долженъ былъ прежде принять и сопровождать Шведскихъ Пословъ, эти послѣдніе немедленно собрались, и 26-го числа выѣхали въ Лаву (Laba). При отплытіи ихъ Богъ отвратилъ отъ нихъ большое несчастіе, а именно: когда ботъ, на которомъ плылъ посолъ Бурей, проходилъ мимо одной крѣпостной башни, сдѣланъ былъ прощальный выстрѣлъ съ этой башни, и отъ сотрясенія съ крыши ея упала толстая доска, которая чуть было не попала въ голову Посланника. Наши Послы провожали Шведскихъ за 4 мили отъ Орѣшка и дозволили мнѣ сопровождать этѣхъ послѣднихъ до границы, согласно желанію моему посмотрѣть на обряды, съ которыми Русскіе встрѣчаютъ и принимаютъ чужестранныхъ Пословъ.

ГЛАВА V.[1]

Отъ Орѣшка (Нётебурга) до Москвы.

Такимъ образомъ, 27-го Іюня, въ 4 часа утра, пріѣхалъ я, съ Шведскими Послами, къ одной рѣкѣ, шаговъ въ 40 шириною,

---

[1] Въ подлинникѣ сдѣсь не означено, по недосмотру, начала новой главы. Перев.

протекавшей близъ селенія Лава (Laba) и составлявшей границу между Шведскими и Русскими владѣніями. Когда Шведскіе Послы узнали сдѣсь, что на Русской сторонѣ, на другомъ берегу рѣки, ожидаетъ ихъ 17 ботовъ, для ихъ перевоза, они немедленно послали переводчика своего къ Приставу, просить его, чтобы онъ прислалъ прежде нѣсколько ботовъ, для заблаговременной перевозки ихъ вещей и поклажи, и потомъ уже, не теряя напрасно времени, принялъ бы ихъ самихъ. Но Приставъ, довольно пожилой уже человѣкъ, прислалъ отвѣтъ, что прежде принятія Пословъ онъ этого сдѣлать не смѣетъ, и чтобы Господа Послы не думали, что у Его Царскаго Величества, Государя Россійскаго, недостаетъ средствъ прокормить Пословъ какой ни будь лишній день, который проведутъ они на Русской сторонѣ, въ ожиданіи перевозки пожитковъ. Въ полдень Приставъ прислалъ своего переводчика или толмача, съ 4-мя стрѣльцами или мушкетерами, которыхъ всѣхъ было при немъ 30 человѣкъ, и велѣлъ сказать, что онъ готовъ принять Пословъ, если имъ угодно будетъ пожаловать. Одинъ изъ Посланниковъ велѣлъ передать на это Приставу, что они ждали его цѣлыя пять недѣль, и чтобы теперь Г. Приставъ не почелъ оскорбительнымъ для своей чести, если они заставятъ его подождать ихъ одинъ день; что въ настоящую минуту онъ не можетъ дать ни какого удовлетворительнаго отвѣта, будучи одинъ; ибо товарищи его по Посольству спятъ, во 1-хъ по тому, что нѣсколько ночей провели въ дорогѣ, а во 2-хъ по тому, что, прибывши на Русскую границу, выучились обычаю Русскихъ, которые всѣ ежедневно отдыхаютъ въ полдень.

За тѣмъ Посолъ спросилъ: когда же будутъ принимать Голштинскихъ Пословъ? Толмачъ отвѣчалъ, что едва ли это можетъ быть ближе 3-хъ недѣль, по тому что прежде должны быть отвезены въ Москву Шведскіе Послы, и по недостатку лошадей, (экипажей), и лодокъ или ботовъ, Голштинскіе Послы будутъ ожидать возвращенія тѣхъ, на которыхъ отправятся Шведскіе Послы. Въ 4 часа послѣ обѣда Послы дали знать, что они готовы, и что Приставъ можетъ теперь пріѣхать и принять ихъ; послѣ чего они сѣли съ своимъ переводчикомъ въ одинъ ботъ, а Гофъ-Юнкеры ихъ, къ которымъ присоединился и я, усѣлись въ другомъ. Приставъ выѣхалъ тоже въ ботѣ на встрѣчу, съ 15-ю человѣ-

ками богато одѣтыхъ Русскихъ; но чтобъ показать свое значеніе и достоинство, Русскіе гребли чрезвычайно медленно, иногда же совсѣмъ переставали грести, такъ что ботъ ихъ чуть, чуть подвигался и едва успѣлъ отойти, въ то время, какъ ботъ Шведскаго Посла одинъ проплылъ почти всю свою половину рѣки, и когда оба бота подплыли другъ къ другу на разстояніе весла, то съ Русскаго заброшено было одно весло на Шведскій ботъ, чтобы окончательно притянуть къ себѣ этотъ послѣдній. Кормчій, везшій Пословъ, также имѣлъ нарочное приказаніе править и грести скорѣе. Когда Послы замѣтили, съ какимъ намѣреніемъ дѣлали это Русскіе, то одинъ изъ нихъ громко закричалъ Приставу, чтобъ онъ самъ проворнѣе подплывалъ къ намъ, и что здѣсь неумѣстны такіе придворные обряды; что Приставъ, наконецъ, такими дѣйствіями также мало выиграетъ для поддержанія достоинства своего Царя, какъ мало потеряетъ отъ нихъ достоинство Шведскаго Государя. Затѣмъ, когда оба бота сошлись посреди рѣки, Приставъ выступилъ впередъ и началъ читать слѣдующее: «Великій Государь и Царь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, и пр. (здѣсь онъ прочиталъ весь титулъ Московскаго Царя), приказалъ ему принять Гг. Королевскихъ Пословъ, и ихъ, вмѣстѣ со всѣми ихъ людьми, привезти въ Москву, доставляя имъ надлежащее продовольствіе и подводы.» Послѣ приличнаго отвѣта Пословъ, Приставъ привелъ ихъ на берегъ, и помѣстилъ въ домѣ одного Дворянина, Боярскаго Сына, въ маленькой комнатѣ, закопченной отъ дыма и страшно натопленной, не смотря на то, что время было жаркое. Стрѣльцы привѣтствовали насъ безъ всякаго порядка выстрѣлами изъ ружей, которыя, вмѣстѣ съ саблями, составляли ихъ обыкновенное оружіе. Пословъ угощали пряниками, нѣсколькими чарами очень крѣпкой водки и двумя сортами пренекуснаго меду, который Послы для виду только подносили къ носу и передавали другъ другу; мнѣ тоже дали отвѣдать его, съ слѣдующими словами: «Addatur parum sulfuris, et fiet potus infernalis.»

Послѣ часовой пирушки, Господа Послы размѣстились на 12, а Русскіе, съ знаменами и барабанами, на 3-хъ ботахъ, и всѣ вмѣстѣ отправились въ Новгородъ. Я воротился по Ладожскому

озеру въ Орѣшекъ, гдѣ, по словамъ Русскаго толмача, мы должны были прожить еще 3 недѣли. Это остальное время мы проводили во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Мѣсто это очень пріятно, по окружающей его водѣ, по близлежащимъ веселымъ видамъ и по разсыпаннымъ невдалекѣ островамъ, изобилующимъ разнаго рода дичью. Въ числѣ острововъ, на разстояніи 4-хъ миль отъ Орѣшка, на Ладожскомъ озерѣ есть два острова, отстоящіе другъ отъ друга на ружейный выстрѣлъ, поросшіе лѣсомъ и всякимъ кустарникомъ; на меньшемъ изъ нихъ стоитъ открытая часовня, въ которой Русскіе обыкновенно отправляютъ богослуженіе, когда отправляются на рыбную ловлю; часовня эта, отъ множества птицъ, имѣющихъ въ ней свои гнѣзда, полна ужасной вони, такъ что мы не могли долго оставаться въ ней. Нѣкоторые изъ насъ ѣздили иногда на этѣ острова на охоту. Сдѣсь водится множество тюленей всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ; по временамъ они выходятъ изъ озера на скалы, ложатся на широкихъ каменьяхъ на солнце, и въ такомъ положеніи часто доставляли намъ хорошую добычу.

Кромѣ того, мы имѣли удовольствіе пользоваться обществомъ и дружбою Г-на Петра Круса Біорна (Kruss Biorn), ученаго, испытаннаго и храбраго мужа, который въ это время былъ тоже въ Орѣшкѣ съ своими проѣздомъ въ Москву, куда онъ назначенъ былъ Резидентомъ Его Величества, Короля Шведскаго.

Когда 16-го Іюля пришло извѣстіе, что Приставъ Семенъ Андресвичъ Карекшинъ (Simon Andreas Kareckshin) пріѣхалъ для принятія насъ въ Лаву, собрались и мы, и 20-го числа отправились туда же. Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи нашемъ къ описанной выше рѣкѣ, Приставъ прислалъ къ намъ своего толмача съ стрѣльцомъ, спросить Пословъ: желаютъ ли они, чтобъ ихъ приняли? и когда мы спросили: гдѣ будутъ принимать насъ, на другой ли сторонѣ, или на срединѣ рѣки, какъ принимали Шведскихъ пословъ? Приставъ прислалъ сказать, что намъ нужно только переправиться на другой берегъ, не соблюдая обрядной встрѣчи на срединѣ рѣки; ибо мы, не имѣя смежныхъ границъ съ Русскими, никогда не имѣли съ ними и ни какого спора о границахъ.

Когда мы подплыли къ другой сторонѣ рѣки, то на встрѣчу къ намъ вышелъ Приставъ въ красномъ камчатномъ кафтанѣ, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега; когда же Послы ступили на берегъ, онъ подошелъ къ нимъ, не снимая шапки до тѣхъ поръ, пока не началъ свое привѣтствіе и не произнесъ имени своего Великаго Князя. Также какъ и при пріемѣ Шведскихъ Пословъ, Приставъ держалъ въ рукѣ бумагу и прочиталъ слѣдующее: «Его Величество, Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч., прислалъ меня сюда принять васъ, Филиппа Крузе и Оттона Бругмана, Пословъ Князя Голштинскаго, и проводить васъ въ Москву, доставляя вамъ и всѣмъ сопровождающимъ васъ продовольствіе, лодки, лошадей и все необходимое въ дорогѣ до города Москвы.» Переводчикъ Пристава, по имени Антоній, плохо зналъ Нѣмецкій языкъ, такъ что мы едва могли понять его. Когда Посланники отвѣтили, Приставъ первый подалъ руку Послу и повелъ насъ въ свою гостинницу, черезъ ряды стрѣльцовъ (это были Казаки, стоявшіе съ заряженными ружьями). Стрѣльцы, привѣтствуя насъ, сдѣлали выстрѣлъ изъ ружей, который былъ такъ неосторожень, что одинъ изъ выстрѣловъ попалъ въ картузъ Секретаря Шведскаго Резидента, пришедшаго съ нами поглядѣть на обрядъ пріема. Угощенія, которыми подчивалъ насъ Приставъ, состояли изъ пряниковъ, водки и свѣжихъ, только что сваренныхъ, вишенъ. Посидѣвши сдѣсь полчаса, отправились мы опять въ лодки, сопровождаемые выстрѣлами стрѣльцовъ, изготовились продолжать свой путь, и послѣ обѣда, даннаго намъ начальникомъ Орѣшка, который до сихъ поръ провожалъ насъ и угостилъ на прощаніе разными дорогими напитками, пустились на семи лодкахъ по Ладожскому озеру.

22 числа утромъ мы покончили нашъ путь по Ладожскому озеру, простиравшійся на 12 миль, и вышли на берегъ у монастыря Никольскаго (Nawolkus Konski), [2] гдѣ пришелъ къ намъ

---

[2] На семъ мѣстѣ, до 1704 года, дѣйствительно находился монастырь Николаевскій Медвѣдскій, приписной къ монастырю Саввы Сторожевскаго, что въ Звенигородѣ. Съ переселеніемъ въ упомянутомъ году изъ Старой Ладоги посадскихъ въ Новую, и монахи Никольскаго монастыря переведены изъ него въ Ивановской, что въ старой Ладогѣ. *О. Б.*

Русскій монахъ и принесъ на поклонъ Посламъ хлѣбъ и вяленую семгу. Приставъ, который долженъ былъ продовольствовать насъ, спросилъ припасами, или же деньгами, назначенными на продовольствіе Царемъ, хотимъ мы получать отъ него? въ послѣднемъ случаѣ мы могли заказывать кушанья своему повару. Мы согласились на деньги, какъ дѣлаютъ это всѣ проѣзжающіе сдѣсь Посланники, и сами покупали себѣ съѣстные припасы. На всѣ эти припасы цѣна вездѣ была установляема самимъ Приставомъ, и мы платили за нихъ очень дешево. Впрочемъ, въ Россіи вообще жизнь дешева, по причинѣ плодородія земли; такъ, на примѣръ, курица стоитъ 2 копѣйки, равняющіяся нашей монетѣ въ 2 шиллинга, а 9 яицъ 1 копѣйку. Каждодневно получали мы по 2 рубля и 5 копѣекъ (т. е., по 4 рейхсталера и 5 шиллинговъ), которые дѣлились сообразно съ званіемъ лицъ, отъ высшаго до низшаго, и которыхъ намъ было совершенно достаточно.

Послѣ обѣда поплыли мы опять по одной рѣкѣ, которая того же вечера принесла насъ въ городокъ Ладогу, отстоящій отъ Лавы на 17 миль. На дорогѣ встрѣтили мы Пристава съ тремя лодками, плывшаго за Шведскимъ Резидентомъ, котораго мы оставили въ Орѣшкѣ.

Во все время нашего путешествія мы нигдѣ не встрѣчали такого множества дѣтей, отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ, какое нашли сдѣсь, въ Ладогѣ. Нѣкоторые изъ насъ пошли прогуляться, и дѣти этѣ толпами бѣгали за нами и громко кричали: не хотимъ ли мы купить у нихъ красной ягоды (molina), которую они называли малиной и которой бездна растетъ по всей Россіи; за одну копѣйку они дали намъ этой ягоды цѣлую шляпу, и когда мы расположились ѣсть ее на одномъ зеленомъ холмѣ, около насъ собралось до 50 мальчиковъ и дѣвочекъ, которые всѣ были одинаково одѣты въ длинныхъ рубашкахъ, съ одинаково подстриженными волосами и двумя локонами по сторонамъ, такъ что нельзя было рѣшительно отличить дѣвочекъ отъ мальчиковъ.

23-го числа, въ полдень, мы въ первый разъ услышали Русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое Русскихъ съ лютней и гудкомъ на поклонъ къ Гг. Посламъ, начали играть и пѣть пѣсни въ честь Великаго Государя и Царя Михай-

ла Ѳедоровича, и когда они замѣтили, что ихъ хорошо приняли, начали выдѣлывать разныя штуки и пустились плясать, всякимъ способомъ, какимъ пляшутъ у нихъ обыкновенно мужчины и женщины. Русскіе не берутся за руки и не водятъ другъ друга, какъ это дѣлаютъ Нѣмцы: у нихъ мужчины и женщины пляшутъ сами по себѣ, отдѣльно.

Пляска ихъ состоитъ большею частію въ движеніяхъ руками, ногами, плечами и бедрами. При этомъ, особенно женщины, берутъ въ руки пестрый платокъ, машутъ имъ вокругъ и, топая ногами, остаются больше на одномъ мѣстѣ.

Послѣ обѣда мы снова сѣли въ свои боты и поплыли изъ Ладоги по рѣкѣ Волхову (Wolchda). Болѣе сотни дѣтей стояло, вмѣстѣ съ взрослыми людьми, на городской стѣнѣ и глазѣли на насъ. На берегу стоялъ монахъ, котораго стрѣльцы наши подозвали къ себѣ и приняли отъ него благословеніе. У Русскихъ есть обычай, какъ въ послѣдствіи мы не разъ это видѣли, подходить подъ благословеніе ко всѣмъ встрѣчающимся на пути Попамъ и монахамъ, и молиться на церкви, и даже на кресты, стоящіе на часовняхъ, и просто на дорогѣ, при чемъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, они произносятъ: «Господи помилуй!»

Вѣтеръ былъ благопріятный, и мы распустили паруса; но только что начали было плыть на нихъ, канатъ вдругъ порвался, парусъ упалъ на одного изъ нашихъ стрѣльцовъ, и ушибъ его такъ сильно, что онъ упалъ за мертво; черезъ часъ стрѣлецъ пришелъ, впрочемъ, въ себя, выпилъ добрую чару водки, и потомъ уже не жаловался на ушибъ.

Рѣка Волховъ также широка, какъ и Эльба, но не такъ быстра. Она вытекаетъ изъ озера, находящагося позади Великаго Новгорода, называемаго Русскими Ильмерь (Ilmer, Ильмень), и вливается въ Ладожское озеро.

Въ 7-ми верстахъ за Ладогой (5 верстъ составляютъ одну Нѣмецкую милю) на Волховѣ есть порогъ, а отъ этого порога еще ниже 7 слишкомъ верстъ другой, черезъ которые плыть въ ботахъ весьма опасно, по тому что рѣка на этѣхъ мѣстахъ, про-

текая поверхъ и между огромныхъ каменьевъ, ниспадаетъ съ быстротою стрѣлы. По этому, когда мы доплыли до 1-го порога, то вышли на берегъ и дожидались, пока наши боты будутъ проведены черезъ опаснѣйшія мѣста; цѣлыхъ сто человѣкъ должны были тащить этѣ боты веревками вверхъ, противъ теченія рѣки. Не смотря на то, довольно счастливо проведены были всѣ наши боты, кромѣ послѣдняго, въ которомъ, по причинѣ тяжкой болѣзни, долженъ былъ остаться сынъ Гамбургскаго купца, Симонъ Фризе (Friese). На самомъ быстромъ мѣстѣ рѣки у бота этого вдругъ порвалась веревка, которою его тянули, и онъ стрѣлою понесся назадъ, достигъ уже почти обломковъ скалъ, черезъ которые съ трудомъ протащили его, и, безъ сомнѣнія, онъ разбился бы о нихъ, если бъ, по какому-то особенному счастью, оставшійся на ботѣ длинный конецъ веревки не заплелся за огромный камень, высунувшійся изъ воды, и не зацѣпился за него такъ крѣпко, что потомъ на силу могли отцѣпить его. Намъ разсказывали, что недавно, именно на этомъ мѣстѣ, одинъ Епископскій корабль, нагруженный рыбою, разбился здѣсь и погибъ вмѣстѣ съ Епископомъ.

Черезъ другой порогъ, не такъ опасный, мы тоже перебрались вечеромъ и остановились у монастыря Св. Николая (Nicolai Nepostiza), гдѣ провели ночь и слѣдующій день, ожидая прибытія отставшихъ ботовъ съ нашими людьми. Здѣсь также, какъ и во все почти время путешествія нашего изъ Ревеля въ Москву, по причинѣ безпрестанныхъ лѣсовъ и влажныхъ мѣстъ (болотъ, озеръ и рѣкъ), мы сильно страдали отъ комаровъ, мухъ и слѣпней, ни днемъ, ни ночью не дававшихъ намъ спокойно ни ѣхать, ни спать. Многіе изъ насъ, не взявшіе предосторожности, были искусаны до такой степени, что у нихъ подѣлались такія лица, какія бываютъ у людей послѣ оспы. Такъ какъ насѣкомыя этѣ лѣтомъ почти всегда бываютъ въ такомъ количествѣ во всей Ливоніи и Россіи, то путешественники, на время отдыха, разбиваютъ комарную сѣтку, или палатку, которую дѣлаютъ изъ тонкаго полотна, или изъ особеннаго рода ткани, приготовляемой нарочно для этой цѣли, съ небольшими дырочками. Крестьяне и извощики, не имѣющіе этѣхъ палатокъ, просто разводятъ большой огонь, садятся, или ложатся, сколько можно ближе около него, и такимъ образомъ нѣсколько избавляются отъ несносныхъ мученій.

Изъ сказаннаго монастыря пришелъ къ намъ старый монахъ, одинъ изъ числа 4-хъ монаховъ, составлявшихъ здѣсь всю братію, и принесъ на поклонъ Посламъ рѣдьку, огурцы, зеленый горохъ и двѣ восковыя свѣчи. Послы отблагодарили за подарки деньгами, которыми монахъ такъ былъ доволенъ, что, въ противность существующему обычаю и въ угожденіе намъ, отперъ намъ церковь и облекся въ свои Священническія одежды, которыя надѣваетъ онъ во время службы. На паперти на стѣнахъ были изображенія чудесъ Св. Николая (какъ объяснялъ намъ монахъ), которыя написаны были весьма дурно и уродливо, чѣмъ и вообще отличается живописное искуство у Русскихъ. Надъ дверями представленъ былъ Страшный Судъ, и между лицами, изображенными въ немъ, монахъ указывалъ намъ на одно, которое представлено было въ Нѣмецкомъ платьѣ; при этомъ онъ замѣтилъ, что Нѣмцы и другіе народы также были бы блаженны, если бъ имѣли Русскія души, и во имя Бога ни кого не боялись бы поступать справедливо. Онъ показывалъ намъ также Библію ихъ на Славянскомъ языкѣ; ибо Русскіе, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, званій, не знаютъ ни какого другого языка, кромѣ своего собственнаго и Славянскаго. Онъ прочиталъ намъ 1-ю главу Евангелиста Іоанна, и она совершенно согласна была съ нашею. Значекъ, которымъ онъ хотѣлъ замѣтить мѣсто, до котораго онъ прочиталъ, была капля воскомъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ, что когда онъ былъ за чѣмъ-то въ Ревелѣ, тамошніе Пасторы захотѣли испытать его изъ Библіи, и хотя онъ плохо понималъ Нѣмецкаго переводчика, но увидавши Библейскія изображенія, тотчасъ же разсказалъ ихъ содержаніе. Монахъ, безъ сомнѣнія, впустилъ бы насъ и въ самую церковь, если бъ въ это время не пришли наши стрѣльцы и не заворчали на него, что онъ и такъ уже далеко завелъ насъ. Мы дали монаху еще талеръ, за что онъ усердно благодарилъ насъ нѣсколькими поклонами до земли. Послѣ того, когда мы сѣли за обѣденный столъ на одной зеленой площадкѣ (мы каждый день выбирали себѣ новое мѣсто для стола на открытомъ воздухѣ, ибо мѣста здѣсь были прекрасныя), и только начали было обѣдать, насталъ благопріятный намъ вѣтеръ; нашъ знакомый монахъ опять пришелъ къ намъ, принесъ Посламъ огромную рѣдьку, полную чашу огурцовъ и

сказалъ, что Св. Николай послалъ намъ попутный вѣтеръ за оказанную нами милость бѣдному иноку.

Съ этѣмъ попутнымъ вѣтромъ мы отправились въ путь на парусахъ, въ 2 часа послѣ обѣда, и, проплывши 4 мили, пристали у села Городища (Gorodiza). Такъ какъ мѣсто на берегу показалось намъ удобнѣе и лучше, нежели село, то мы расположились на немъ съ нашею стряпнею и столомъ. Приставъ привелъ молодаго медвѣженка, для препровожденія времени и забавы Посламъ, которые не хотѣли спать и оставаться здѣсь долго, а желали только дать отдохнуть гребцамъ.

Въ полночь мы опять отчалили отъ берега, проплыли еще 4 мили далѣе и остановились у села Сальца (Soltza). Приставъ нашъ, оставшійся на ночь въ Городищѣ, опять догналъ насъ въ этомъ мѣстѣ и привезъ съ собою своего Городищенскаго хозяина, который такъ употчивалъ гостя и самъ такъ обрадовался случаю выпить, что оба были совершенно пьяны. Хозяинъ этотъ былъ Русскій Князь, по имени Романъ Ивановичъ; онъ пріѣхалъ только поглядѣть и посѣтить Пословъ; но такъ какъ ему хотѣлось выпить еще, то, въ добавокъ къ его хмѣлю, мы угостили его водкой и Испанскимъ виномъ, которое всегда имѣли съ собою; черезъ нѣсколько времени онъ былъ совершенно готовъ, упалъ на землю и такъ остался на ней.

Къ вечеру, проплывши еще 6 миль, прибыли мы къ селенію Грузино (Grunlza), изъ котораго не задолго передъ нами разбѣжались всѣ крестьяне до одного. [3] По этому мы расположились на зеленомъ лугу, бывшемъ противъ селенія, на берегу пруда, развели 3 большихъ костра и просидѣли тамъ все время сумерокъ; но такъ какъ, выспавшись днемъ въ ботахъ, изъ насъ рѣшительно никто не хотѣлъ спать, то и остальную часть ночи провели мы въ разсказахъ разныхъ потѣшныхъ исторій и въ другихъ забавахъ. Въ этѣхъ послѣднихъ приняли участіе и стрѣльцы, выпившіе по нѣскольку чаръ водки; они играли на двухъ быв-

[3] Вѣроятно, отъ возвращавшихся изъ Москвы Нѣмецкихъ солдатъ, какъ увидимъ ниже. Перев.

шихъ у нихъ лютняхъ и выдѣлывали разныя потѣшныя проказы съ медвѣдемъ. Замѣчу, между прочимъ, что сторона эта обильна журавлями. мы видѣли ихъ на берегу пруда цѣлое стадо, штукъ въ 300, если не больше.

26-го Іюля, въ 3 часа утра, мы снова отправились въ путь, проплыли до полудня 4 мили и пристали у села Высокое (Wisoko). Приставъ сѣлъ съ нами обѣдать и, услыхавши въ застольной молитвѣ нашей имя Іисусъ, перекрестился по своему и попросилъ, чтобы ему сказали эту молитву на Русскомъ языкѣ; когда исполнили его просьбу, молитва очень ему понравилась, и онъ сказалъ намъ, что ни какъ не предполагалъ до сихъ поръ, чтобы Нѣмцы были такіе хорошіе Христіяне и такіе богобоязливые люди.

27-го числа мы плыли цѣлый день и всю ночь, и на слѣдующее утро, съ восходомъ солнца, пристали къ сему Кривцевица (Krifzewiza), въ которомъ должны были прождать цѣлый день, пока Приставъ извѣстилъ о прибытіи нашемъ Воеводу въ Новгородѣ (находившемся уже отъ насъ въ 2-хъ миляхъ), и получилъ отвѣтъ отъ него. На добрый ружейный выстрѣлъ отъ этого села, на прекрасномъ мѣстѣ, стоитъ монастырь, довольно красивой постройки, называемый нѣкоторыми Нахутимъ (Nachatim), а другими Кривцевица Хутина (Chutina), Хутынскій Спасовъ монастырь; въ немъ былъ Игуменъ, 60 братьевъ, и ему принадлежало селеніе изъ 400 крестьянъ, которые содержали монастырь. Кромѣ того, изъ доходовъ своихъ монастырь обязанъ былъ ежегодно содержать Царское войско въ Новгородѣ, изо ста человѣкъ.

Слѣдующаго утра, именно 28-го Іюля, мы прибыли наконецъ въ Великій Новгородъ (Naugard). Посланные сюда изъ нашихъ людей впередъ (какъ сказано было выше) еще по санному пути, съ нетерпѣніемъ ожидали насъ цѣлые 4 мѣсяца, и теперь съ восторгомъ встрѣтили насъ на ботѣ, за милю отъ города.

Воевода, въ привѣтствіе Пословъ, прислалъ къ намъ въ гостинницу бочку пива, меду и боченокъ водки, за что былъ отдаренъ Послами серебрянымъ вызолоченнымъ кубкомъ для вина.

Мы прожили въ Новгородѣ 4 дня, и послѣдняго числа Іюля, вечеромъ, отправились далѣе, водою до Бронницъ (Brunnitz), за 4 мили отъ Новгорода; ибо не возможно было ѣхать сухимъ путемъ, по причинѣ болотистыхъ, топкихъ мѣстъ.

1-го Августа, въ Бронницахъ, когда мы переносили свою поклажу съ рѣки на берегъ, встрѣтили церковный ходъ Русскихъ, шедшихъ къ рѣкѣ на водосвятіе, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли два человѣка и несли на длинныхъ древкахъ: одинъ крестъ, на 4-хъ углахъ котораго были изображенія 4-хъ Евангелистовъ, а другой какой-то образъ, старинной живописи, завѣшенный бѣлымъ полотномъ. За ними шелъ Священникъ въ своемъ церковномъ облаченіи, съ небольшимъ, величиною въ пядень, деревяннымъ крестомъ, который онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ; Священникъ пѣлъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, шедшимъ позади его и несшимъ книгу. За мальчикомъ слѣдовали уже всѣ крестьяне съ женами и дѣтьми; взрослые крестьяне держали по восковой зажженной свѣчѣ. Шествіе заключалось пономаремъ, который несъ болѣе 10 восковыхъ горящихъ свѣчей, сложенныхъ вмѣстѣ. Послѣ пѣнья и чтенія, продолжавшагося съ полчаса у самой рѣки, Священникъ взялъ у пономаря всѣ горящія свѣчи и погрузилъ ихъ въ воду, и въ то же время всѣ присутствовавшіе также погасили свои свѣчи въ водѣ.

За тѣмъ Священникъ троекратно погрузилъ крестъ въ воду, каждый разъ стряхая воду съ креста въ принесенную чашу, и эта вода считается у Русскихъ самою святою. По окончаніи обряда троекратно женщины окунали въ водѣ большихъ и малыхъ своихъ дѣтей, однихъ въ рубашкахъ, другихъ раздѣтыхъ до нага; взрослые бросались въ рѣку сами. Нѣкоторые приводили даже своихъ лошадей, пускали ихъ въ рѣку и поили ихъ этой освященной, приносящей здоровье, водой. Наконецъ всѣ пошли обратно въ церковь для полученія благословенія, и тамъ старые и малые подняли страшный шумъ и крикъ, какой можно только услыхать въ общественной банѣ, или корчмѣ.

Въ 4 часа послѣ обѣда, отправивши впередъ наши снаряды и пожитки на 50 подводахъ, сѣли мы на лошадей. Нѣсколь-

ко Нѣмецкихъ (Teutsche) солдатъ, получившихъ въ Москвѣ отставку, встрѣтили ѣхавшія впереди насъ подводы, напали на обозъ, обшарили припасы, разбили и выпили боченокъ пива и отняли сабли у конвойныхъ стрѣльцовъ нашихъ, бывшихъ при обозѣ. Когда послѣ того солдаты эти повстрѣчались съ нами, и мы узнали объ ихъ нападеніи на обозъ, Приставъ нашъ больно поколотилъ 2-хъ изъ нихъ, и отнялъ у нихъ сабли и винтовки. Проѣхавши 3 мили, мы прибыли въ тотъ же вечеръ въ село Красноставское (Crasmistansky). [4] 2-го числа мы проѣхали еще 8 миль до яма Креста (Gam Chresta). [5] Русскіе называютъ ямомъ тѣ мѣста, въ которыхъ перемѣняютъ лошадей и получаютъ свѣжихъ.

3-го числа мы сдѣлали еще 6 миль и пріѣхали въ Яжельбицы (Gaselbitza), [6] небольшое селеніе, которое также брошено было крестьянами. Въ этотъ день, отправивши повара нашего съ стряпней впередъ за 2 мили, и за дурною дорогой не доѣхавши до мѣста, гдѣ онъ остановился, мы принуждены были ночевать въ полѣ на тощій желудокъ.

Въ этотъ же день мы встрѣтили нѣсколькихъ Офицеровъ, возвращавшихся изъ Москвы, по окончаніи войны подъ Смоленскомъ. 4-го числа, въ ямѣ Зимна Гора (Simna gora) [7] встрѣтили Полковника Фукса, а въ ямѣ Волочкѣ (Woltzock) [8] Полковника Шарля (Scharls), съ нѣсколькими Офицерами, возвращавшимися оттуда же. Когда господа эти посѣщалиОсловъ нашихъ, ихъ угощали Испанскимъ виномъ. Въ одну изъ послѣднихъ попоекъ съ ними, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, трубачъ нашъ, Каспаръ Герцбергъ, до того напился, что безъ всякой причины ранилъ смертельно шпагою одного изъ нашихъ стрѣльцовъ;

---

[4] Нынѣ Красные Ставки. *О. Б.*

[5] Крестецкій Ямъ, бывшій прежде Ямскою слободою, а въ 1717 г. обращенный въ городъ Крестцы. *О. Б.*

[6] Ямъ и село Яжельбицы. *О. Б.*

[7] Ямъ и село Зимогорье близъ Валдая. *О. Б.*

[8] Съ 1772 г. городъ Вышній Волочокъ. *О. Б.*

мы оставили раненаго на станціи, и съ нимъ нѣсколькихъ человѣкъ; дали имъ денегъ и отправились изъ Волочка далѣе. Трубачъ этотъ погибъ въ послѣдствіи, тоже въ какой-то схваткѣ въ Москвѣ, гдѣ, по возвращеніи изъ Персіи, былъ въ службѣ у Великаго Князя.

5-го числа рано утромъ проѣзжали мы черезъ одно жалкое селеніе, изъ котораго всѣ крестьяне разбѣжались по лѣсамъ отъ Нѣмецкихъ солдатъ, возвращавшихся со службы изъ Москвы. Вечеромъ пріѣхали въ село Коломну (Columna), лежащее на берегу непроточнаго озера. Не далеко отсюда нашли мы на дорогѣ, идущей кустарникомъ, огромный широкій камень, похожій на надгробный, который тиранъ Иванъ Васильевичъ приказалъ привезти изъ Ливоніи въ Москву; но когда возчики, везшіе этотъ камень, узнали, что тиранъ умеръ, они бросили его и оставили на этомъ мѣстѣ. Подобные камни, которые должно было доставить изъ Ревеля въ Москву, лежатъ на одинъ день пути далѣе, на берегу рѣки, по которой ихъ сплавляютъ.

7-го числа пріѣхали мы въ село Будова (Budewa), въ которомъ жилъ одинъ Русскій Князь. Только что въѣхали мы въ село, лошади наши начали прыгать, бить и бѣгать, точно бѣшеныя, такъ что нѣкоторые изъ насъ попадали на землю. Сначала мы не знали, отъ чего это произошло; но когда увидали, что причиной такой суматохи были пчелы, которыхъ въ селѣ было множество и которыя и для насъ были не совсѣмъ безопасны, то мы накинули свои кафтаны на головы, выѣхали изъ села и расположились въ полѣ на одномъ зеленомъ холмѣ. Послѣ мы узнали, что крестьяне, не желая дать намъ помѣщенія въ селѣ, нарочно раздразнили пчелъ. Подобная хитрость употреблялась и прежде, какъ пишутъ въ лѣтописяхъ, именно: однажды осажденные въ какомъ-то городѣ выбросили съ вала пчелиные улья въ непріятельскій станъ: разъяренныя пчелы въ минуту напали на войско и лошадей; лошади взбѣсились, начали бить одна другую, и непріятель долженъ былъ отойти отъ города.

8-го Августа мы были еще въ одномъ ямѣ, и потомъ доѣхали до городка Торжка (Torsok). Торжокъ стоитъ не много

вправо отъ дороги, окруженъ досчатыми и бревенчатыми укрѣпленіями. Въ немъ есть хорошій хлѣбъ, медъ и пиво. Такъ какъ насъ не пустили въ самый городъ, а отвели помѣщеніе въ нѣсколькихъ домахъ, находившихся передъ городомъ, то Послы велѣли сдѣлать для себя изъ древесныхъ листьевъ палатку, на одномъ зеленомъ холмѣ, гдѣ кушали и почевали съ частью своихъ людей.

На слѣдующій день мы переправились черезъ двѣ рѣки, изъ которыхъ одна не далеко за Торжкомъ, а другая въ двухъ верстахъ отъ Мѣдной (Miedna). [9] Вечеромъ мы прибыли къ Твери (Twere), въ 12 миляхъ отъ Торжка. Тверь не много по больше Торжка, стоитъ на холмѣ по ту сторону рѣки, имѣетъ своего Епископа, и также, какъ и Торжокъ, своего Воеводу. Передъ городомъ рѣчка Тверь (Тверца), отъ которой самый городъ получилъ названіе, и рѣка Волга (протекающая болѣе 600 Нѣмецкихъ миль черезъ Россію и Татарію и впадающая въ Каспійское море) сливаются вмѣстѣ и составляютъ одну довольно широкую рѣку. Сдѣсь насъ переправили черезъ рѣку и помѣстили по другой сторонѣ города, въ предмѣстьи. Такъ какъ это былъ послѣдній ямъ, то намъ дали свѣжихъ лошадей, которыя везли насъ уже до самой Москвы.

13-го Августа мы пріѣхали въ послѣднее село передъ Москвою, Никола Нахинскій (Nachinski), [10] лежащее въ 2 миляхъ отъ города. Отсюда Приставъ послалъ гонца въ Москву извѣстить о нашемъ прибытіи.

ГЛАВА VI.

Какъ встрѣчали и принимали насъ передъ городомъ Москвою.

Рано утромъ, 14-го числа, Приставъ съ толмачемъ своимъ и писцемъ пришли къ Посланникамъ, благодарили Пословъ и всѣхъ

---

[9] Теперь Мѣдное. Но Торжокъ и Мѣдное находятся на одной и той же рѣкѣ Тверцѣ. *О. Б.*

[10] То есть, Никола Нахимскій, нынѣ Никольское, близъ рѣки Химки. *О. Б.*

насъ за оказанныя имъ во время пути благодѣянія, и просили у насъ извиненія, если они служили намъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Послы подарили Приставу большой бокалъ, а толмачу и писцу дали денегъ. Когда гонецъ воротился изъ города, мы начали готовиться къ отъѣзду въ Москву въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Впереди ѣхали верхами стрѣльцы, провожавшіе насъ.

2) Трое изъ нашихъ спутниковъ: Яковъ Шеве (Scheve), фурьеръ, Михаилъ Кордесъ и Іоаннъ Альгейеръ (Algeyer), въ одной шеренгѣ.

3) Три подручныя лошади, въ подарокъ Великому Князю: одна черная и двѣ сѣрыя въ яблокахъ; каждую вели отдѣльно одну за другою.

4) Трубачъ.

5) Маршалъ, за которымъ слѣдовали:

6) Гофъ-Юнкеры и Стольники, по три въ рядъ, составляя 3 шеренги.

7) Секретарь, Лейбъ-Медикъ и Гофмейстеръ.

8) Господа Послы, каждый предшествуемый 4-мя тѣлохранителями съ карабинами.

9) Приставъ ѣхалъ верхомъ по правую сторону Пословъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи.

10) За тѣмъ Пажи въ двѣ шеренги, по 6 въ каждой.

11) Карета, которую везли 4 лошади сѣрыя въ яблокахъ.

12) Вагенмейстеръ, съ 8-ю другими чинами, въ три шеренги.

13) Нѣкоторые Княжескіе подарки для Великаго Князя, которые несли на 5 козлахъ, въ родѣ носилокъ, покрытыхъ коврами.

14) Коляска, въ которой ѣхалъ больной Симонъ Фризе.

15) За тѣмъ слѣдовали 46 подводъ съ поклажей, и за ними

16) Три прислужника, верхами на лошадяхъ.

Въ такомъ порядкѣ двинулись мы и медленно совершали путешествіе; когда же приблизились на полмилю отъ Москвы, на встрѣчу намъ прискакали, одинъ за другимъ, 10 гонцевъ; они безпрестанно увѣдомляли Пристава, гдѣ находились еще Русскіе, долженствовавшіе принимать насъ, и привозили приказаніе то скорѣе, то медленнѣе, то опять скорѣе продолжать наше шествіе, собственно для того, чтобы одна часть не пришла въ назначенное мѣсто раньше другой, и чтобы, такимъ образомъ, не пришлось дожидаться которой ни будь изъ нихъ. Кромѣ того, мы встрѣчали цѣлыя толпы всадниковъ Русскихъ, прекрасно одѣтыхъ; они быстро проносились на своихъ лошадяхъ мимо насъ, и также быстро возвращались назадъ. Въ числѣ ихъ находились и нѣкоторые знакомые наши изъ Шведскаго Посольства, которымъ не дозволялось, по видимому, подъѣхать къ намъ и пожать намъ руки, и они издали только привѣтствовали насъ. За четверть мили отъ Москвы встрѣтили насъ болѣе 4,000 человѣкъ Русскихъ въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ: они поставлены были въ строй, чрезъ который мы должны были проходить своимъ порядкомъ.

Проѣхавши далѣе на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, на встрѣчу намъ выѣхали верхами два Пристава, въ золотыхъ одеждахъ (кафтанахъ) и высокихъ соболевыхъ шапкахъ, на прекрасно убранныхъ бѣлыхъ лошадяхъ, у которыхъ, вмѣсто уздечекъ, висѣли огромныя серебряныя цѣпи; кольца этѣхъ цѣпей состояли изъ серебряныхъ пластинокъ, имѣвшихъ въ ширину болѣе двухъ дюймовъ, и въ толщину не болѣе спинки ножа, и были такъ велики, что въ нихъ свободно можно было продѣть руку: при малѣйшемъ движеніи лошадей этѣ богатыя цѣпи издавали громкій и довольно странный звукъ. За Приставами слѣдовалъ Великокняжескій Конюшій, съ 20 бѣлыми верховыми лошадьми и множествомъ конныхъ всадниковъ и пѣшихъ людей. Подъѣхавши къ Посламъ, Приставы, а за ними и Послы, сошли съ лошадей; старшій Приставъ снялъ свою шапку и началъ такъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій (Pleskow), Великій Князь Тверскій, Югорскій, Перм-

скій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгородской Низовской земли, Рязанскій, Ростовскій, Переславскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кандійскій, и всея сѣверныя страны Повелитель, Государь Иверскихъ земель, Карталинскій, Грузинскій, Царь Кабардинскій, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и многихъ другихъ Государствъ Государь и Повелитель и проч. и проч., приказалъ намъ встрѣтить и принять васъ, Великихъ Пословъ Герцога Шлезвигскаго, Голштинскаго, Стормарнскаго и Дитмарсенскаго, Графа Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, соблаговолилъ выслать вамъ и Гофъ-Юнкерамъ вашимъ своихъ лошадей для въѣзда, и назначилъ обоихъ насъ Приставами къ вамъ служить вамъ, на все время пребыванія вашего въ Москвѣ, и заботиться о доставленіи вамъ всего необходимаго.»

Когда Посланникъ Крузе отвѣчалъ на это приличнымъ образомъ, Посламъ подвели двухъ рослыхъ бѣлыхъ лошадей, осѣдланныхъ шитыми серебромъ и золотомъ Нѣмецкими сѣдлами и убранныхъ разнаго рода дорогими украшеніями.

Какъ только Послы сѣли на лошадей, Приставъ и Казаки, провожавшіе насъ отъ границы до Москвы, удалились отъ насъ. Новыми Приставами были: Андрей Васильевичъ Усовъ (Usow) и Богданъ Ѳедоровичъ. Важнѣйшимъ чинамъ изъ Посольской дружины даны были также 10 бѣлыхъ лошадей, съ Русскими сѣдлами, покрытыми золотыми тканями или парчею. Послы ѣхали между двумя Приставами, хотя у Русскихъ обыкновенно, въ случаѣ, когда три или болѣе человѣкъ идутъ, или ѣдутъ, вмѣстѣ, считается почетнѣйшимъ то мѣсто, на которомъ человѣкъ съ правой своей стороны не имѣетъ никого другого. За лошадьми шли Русскіе конюхи и несли сѣдельныя покрывала изъ леопардовой кожи, парчи и алаго сукна. Подлѣ Посланниковъ ѣхало на лошадяхъ множество другихъ Москвитянъ, которые толпились и составляли такимъ образомъ густую массу, провожавшую насъ до Москвы и даже до самаго помѣщенія Посланниковъ. Насъ помѣстили внутри бѣлой стѣны, т. е., въ той части города, которую Москвитяне называютъ Царьгородъ (Zarski gorod). Когда мы проѣзжали по Москвѣ, всѣ улицы и дома были усѣяны безчисленнымъ множествомъ народа, собравшагося поглядѣть на нашъ поѣздъ.

Улицы, впрочемъ, были голы и опустошены бывшимъ не за долго до нашего пріѣзда пожаромъ, отъ котораго сгорѣло болѣе 5,000 домовъ такъ, что многіе жители принуждены были помѣщаться въ раскинутыхъ ими по разнымъ мѣстамъ палаткахъ; по этому-то и насъ помѣстили не въ обыкновенномъ Посольскомъ Дворцѣ, который также сдѣлался жертвою пожара, а въ двухъ деревянныхъ обывательскихъ домахъ.

ГЛАВА VII.

Какъ принимали насъ въ Москвѣ: о первомъ открытомъ представленіи и прибытіи Спиринга въ Москву.

Черезъ полчаса по прибытіи нашемъ въ Москву, изъ кухни и погреба Великаго Князя присланы были намъ, въ знакъ привѣтствія, разные припасы, а именно: 8 овецъ, 30 куръ, множество бѣлаго и ржанаго хлѣба и, сверхъ того, 22 вида разныхъ дорогихъ напитковъ, винъ, пива, меду и водки; все это принесли намъ 32 человѣка Русскихъ, которые шли въ извѣстномъ порядкѣ, образуя изъ себя длинный рядъ. Такіе же припасы и такимъ же образомъ получали мы и послѣ каждый день, только на половину меньше; ибо у Русскихъ такой уже обычай, что чужестранные Послы получаютъ двойное количество продовольствія въ первый день ихъ прибытія и въ день, когда бываютъ у руки Его Царскаго Величества.

По доставленіи продовольствія заперли передній дворъ нашего помѣщенія и приставили 12 стрѣльцовъ часовыхъ, съ тѣмъ, чтобы до перваго представленія никто изъ насъ не выходилъ изъ дому и чтобы никто изъ посторонніхъ не входилъ къ намъ; но Приставы ежедневно посѣщали Пословъ и справлялись, не нуждаются ли они въ чемъ. Кромѣ того, въ нашемъ дворѣ постоянно находился при насъ Русскій переводчикъ, который распоряжался стрѣльцами для нашихъ услугъ и разсылалъ ихъ за покупками разныхъ вещей, потребныхъ намъ. Этотъ переводчикъ, по имени

Иванъ, былъ Русскій уроженецъ, находился въ плѣну у Поляковъ, откуда, служа у Князя Япуша (Ивана) Радивила, ѣздилъ съ этѣмъ послѣднимъ въ Лейпцигъ, гдѣ 2 года былъ въ Университетѣ и выучился Нѣмецкому языку.

15-го Августа Русскіе праздновали большой свой праздникъ, (Brasnik), именно: Успеніе Пресвятыя Богородицы, которымъ заканчиваютъ они постъ съ 1-го Августа и начинаютъ ѣсть мясо.

17-е число назначено было, по словамъ Пристава, для представленія, но Его Царское Величество отложилъ оное, отправившись изъ Москвы на богомолье въ какое-то село, и мы сами отслужили благодарственный Богу молебенъ, съ проповѣдью и музыкой, за благополучный пріѣздъ нашъ на мѣсто. На это молебствіе явился и состоящій въ Москвѣ Коммиссаромъ нашего милостивѣйшаго Князя и Государя, Балтазаръ Мушеронъ (Moucheron), испросивъ напередъ позволеніе на то у Великаго Князя Московскаго. Г-нъ Мушеронъ говорилъ намъ, что Русскимъ очень понравился торжественный порядокъ, съ которымъ мы входили въ Москву, и что они были удивлены, увидавши, что въ Германіи находятся такіе могущественные Князья или Государи, которые могутъ снаряжать и отправлять отъ себя такія почетныя Посольства. Русскіе удивлялись, по тому что у нихъ и самые знатные Князья, по имѣнію и доходамъ, равняются нашимъ простымъ Нѣмецкимъ Дворянамъ.

18-го числа пришли Приставы и объявили, что Его Царское Величество на слѣдующій день назначаетъ Господамъ Посламъ пріемъ, и что по этому они должны быть въ готовности. За тѣмъ отъ имени Государственнаго Канцлера просили показать имъ списокъ Княжескихъ подарковъ, назначенныхъ для поднесенія Царю, каковой списокъ и былъ данъ имъ. Послѣ обѣда младшій Приставъ снова явился подтвердить намъ, что завтра мы будемъ допущены къ рукѣ Его Царскаго Величества.

Слышавши на канунѣ безчисленное множество пушечныхъ выстрѣловъ, и видѣвши бездну пушекъ на лугу передъ нашимъ помѣщеніемъ, мы спросили Пристава, что бы это значило? и онъ

объяснилъ намъ, что это Его Величество, Царь Московскій, приказывалъ испробовать нѣсколько вновь отлитыхъ пушекъ, на каковую пробу самъ глядѣлъ изъ своего окна. Другіе же думали, что это нарочно стрѣляли для того, чтобы показать Шведскимъ Посламъ, что не всѣ еще пушки остались подъ Смоленскомъ, какъ увѣряли нѣкоторые, но что ихъ много еще найдется у Русскихъ.

19-го Августа рано утромъ пришли Приставы освѣдомиться, собираемся ли мы къ выходу, и увидавши, что мы были совершенно готовы, поспѣшно поскакали назадъ во дворецъ. Вскорѣ за тѣмъ приведены были для поѣзда Великокняжескія бѣлыя лошади. Въ 9 часовъ Приставы пришли снова въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ; новые же кафтаны и высокія шапки, взятые ими изъ Великокняжеской кладовой, несли за ними ихъ слуги; Приставы переодѣлись въ этѣ Великокняжескія платья въ передней комнатѣ Пословъ, и такимъ образомъ тутъ же при насъ разъубрались какъ нельзя лучше. Послѣ того мы сѣли на лошадей въ плащахъ, безъ шпагъ (при шпагѣ никто не смѣетъ являться къ Царю), и поѣхали во дворецъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди шло 36 стрѣльцовъ.

За тѣмъ нашъ Маршалъ.

Три Младшіе Гофъ-Юнкера.

Другіе три Гофъ-Юнкера.

Коммиссаръ, Секретарь и Медикъ въ одной шеренгѣ.

За тѣмъ слѣдовали Княжескіе подарки, которые везли и несли Русскіе. Подарки этѣ были:

1. Вороной жеребецъ, покрытый прекрасной попоной.

2. Сѣрый въ яблокахъ меринъ.

3. Еще сѣрая въ яблокахъ лошадь.

4. Серебряная конская сбруя, превосходной работы, усыпанная бирюзой, яхонтомъ и другими драгоцѣнными каменьями; несли ее двое Русскихъ.

5. Крестъ, величиною почти четверть локтя, изъ хризолита, оправленнаго въ золотѣ; несли его на блюдѣ.

6. Драгоцѣнная химическая аптека, въ футлярѣ изъ чернаго дерева, окованномъ золотомъ; аптечныя коробочки въ футлярѣ, тоже золотыя, украшенныя драгоцѣнными каменьями; несли двое Русскихъ.

7. Хрустальная кружка, обдѣланная золотомъ и яхонтами.

8. Большое зеркало длиною въ 5 четвертей и шириною въ одинъ локоть, въ рамкѣ изъ чернаго дерева, украшенной плотными, литыми изъ серебра, листьями и фигурами; его несли тоже двое Русскихъ.

9. Боевые часы, на подобіе рудника, на которомъ, подвижными фигурами, изображена Исторія блуднаго сына.

10. Серебряный вызолоченный посохъ, съ перспективой.

11. Большіе часы, сдѣланные въ черное дерево и обитые серебромъ.

За подарками 2 Камеръ-Юнкера несли, поднявши въ верхъ, Княжескія вѣрительныя грамоты, одну къ Великому Князю, а другую къ отцу послѣдняго, Патріярху Филарету Никитичу (Nikiditz); такъ какъ Патріярхъ этотъ умеръ въ то время, когда мы были еще въ дорогѣ, то Послы за благо разсудили назначенную къ нему грамоту вручить Великому Князю.

За тѣмъ ѣхали 2 Посланника между 2 Приставами, передъ которыми ѣхали 2 переводчика.

Подлѣ Пословъ шли 4 лакея, а за ними пажи.

Отъ самаго помѣщенія Пословъ до пріемнаго покоя, находившагося во дворцѣ, на разстояніи около восьмой части мили, разставлены были, по обѣимъ сторонамъ дороги, тѣсные ряды, болѣе чѣмъ изъ 2,000 стрѣльцовъ или мушкетеровъ, посреди которыхъ мы должны были ѣхать. За ними всѣ улицы, дома и крыши усѣяны были множествомъ народа, собравшагося поглазѣть на нашъ поѣздъ. На дорогѣ нѣсколько разъ гонцы изъ дворца выѣзжали къ намъ на встрѣчу, торопливо, во всю лошадиную прыть,

также, какъ и при въѣздѣ нашемъ въ Москву, подъѣзжали къ Приставамъ и отдавали приказъ, чтобы мы то скорѣе, то медленнѣе, продолжали нашъ поѣздъ, то, наконецъ, чтобы совершенно пріостанавливались, и все это для того, чтобы Его Царское Величество могъ сѣсть на престолъ въ пріемномъ покоѣ не прежде и не позже того, когда прибудутъ на мѣсто Послы.

Миновавши Посольскій Приказъ на главной дворцовой площади, мы сошли съ лошадей, и наши Офицеры и Гофъ-Юнкеры построились въ свой порядокъ: Маршалъ пошелъ впереди подарковъ, а мы впереди Пословъ. Въ пріемной находящейся на правой сторонѣ главной площади, насъ повели съ лѣвой стороны черезъ крытый ходъ со сводами, гдѣ мы прошли мимо весьма красивой церкви (въ которой, по видимому, совершалось въ то время богослуженіе). Этѣмъ ходомъ мимо церкви провели насъ по тому, что мы были Христіяне; Турокъ же, Татаръ и Персовъ этѣмъ ходомъ не водятъ, а другимъ, идущимъ тотчасъ середи площади, по каменной, широкой лѣстницѣ.

Передъ пріемной мы должны были пройти черезъ одну палату со сводами, въ которой кругомъ сидѣли и стояли старые почетные мужи, съ длинными сѣдыми бородами, въ парчевыхъ одеждахъ и въ высокихъ соболевыхъ шапкахъ. То были Гости (Gosen) Его Царскаго Величества или важнѣйшіе купцы, одежды же на нихъ взяты были изъ Царскихъ кладовыхъ, изъ которыхъ выдаются только при подобныхъ торжественныхъ случаяхъ и потомъ опять отбираются.

Когда Послы были у дверей сказанной передней палаты, изъ пріемной вышли отъ Его Царскаго Величества 2 Боярина въ парчевыхъ, жемчугомъ вышитыхъ, одеждахъ; они встрѣтили Пословъ и сказали: «Его Царское Величество соблаговоляетъ Господамъ Посламъ и ихъ Гофъ-Юнкерамъ явиться къ нему.» Подарки были оставлены въ передней палатѣ, а Послы, за которыми слѣдовали Офицеры, Гофъ-Юнкеры и Пажи, введены къ Царю. Только что мы переступили въ покой, Гансъ Гельмесъ (Hans Helmes), главный переводчикъ Царскій, человѣкъ лѣтъ 60 (онъ живъ еще и теперь, т. е., въ 1654 году, и отправляетъ свою дол-

жность), выступилъ впередъ, пожелалъ Великому Государю, Царю и Великому Князю, счастія и долголѣтней жизни, и возвѣстилъ о прибытіи Голштинскихъ Пословъ. Пріемная была четвероугольная, каменная со сводами, комната, на полу и по стѣнамъ обитая прекрасными коврами; потолокъ ея украшенъ былъ золотомъ и разными изображеніями изъ Священной Исторіи, написанными различными красками. Престолъ Великаго Князя стоялъ въ глубинѣ, у стѣны, противъ входа, на возвышеніи изъ 3 ступеней отъ полу; вокругъ него по угламъ стояли 4 серебряные вызолоченные столба, каждый толщиною въ три дюйма, на которыхъ, на высотѣ полутора локтя, находились серебряные орлы, съ распростертыми крыльями; отъ этихъ орловъ шла крыша, опиравшаяся на тѣ же столбы и заканчивавшаяся башенкою съ орломъ на верху; по 4 угламъ крыши были также серебряныя башенки, составлявшія продолженіе столбовъ, и на вершинахъ ихъ, тоже находилось по серебряному орлу съ распростертыми крыльями. Намъ сказывали, что въ то время изготовлялся другой престолъ, на который выдано было 800 фунтовъ серебра и 1100 червонцевъ для позолоты, такъ что со всѣми издержками его оцѣнивали въ 25,000 талеровъ; что надъ нимъ уже три года трудятся Нѣмецкіе и Русскіе мастера, изъ которыхъ главный мастеръ былъ уроженецъ Нюренбергскій, Исаія Цинкгефъ (Esaias Zinckgraeff).

На сказанномъ престолѣ, въ одеждѣ, унизанной всякаго рода драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, сидѣлъ Царь Московскій. Корона, надѣтая на головѣ его поверхъ черной соболевой шапки, усѣяна была крупными брильянтами, также какъ и золотой скипетръ, который, вѣроятно, по тяжести его, Царь держалъ то въ правой, то въ лѣвой рукѣ. По обѣимъ сторонамъ престола стояли четыре молодыхъ, рослыхъ Князя, по двое съ каждой стороны, въ бѣлыхъ камчатныхъ одеждахъ, въ высокихъ рысьихъ шапкахъ и въ бѣлыхъ сапогахъ; на груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи, и каждый изъ нихъ вооруженъ былъ серебрянымъ бердышомъ, которые держали они на плечахъ, какъ бы готовясь нанести ударъ. По стѣнамъ вокругъ (слѣва) и противъ Царя сидѣли важнѣйшіе Бояре, Князья и Государственные чины болѣе 50 человѣкъ, всѣ въ богатѣйшихъ одеждахъ, въ высокихъ шапкахъ изъ черной лисицы, которыя

они, по обыкновенію своему, никогда не снимаютъ съ головы. Въ пяти шагахъ отъ престола, съ правой стороны, стоялъ Государственный Канцлеръ. Подлѣ самаго престола Великаго Князя, съ права же, стояла золотая держава, величиною съ ядро (48-ми фунтоваго сѣсу), на рѣзной серебряной пирамидѣ, вышиною въ 2 локуя. Подлѣ державы золотая лахань и рукомойникъ съ полотенцемъ, для омовенія руки Его Царскаго Величества, послѣ допущенія къ ней Пословъ и сопровождающихъ ихъ.

Цѣловать руку у Его Царскаго Величества допускаются только Христіянскіе Послы, Турецкіе жо Персидскіе и Татарскіе не допускаются. Посевину очень не поправилось такое умовеніе рукъ, и онъ говоритъ: «quod quasi ad expiationem soleat abluere,» и такъ какъ оно совершается въ присутствіи многочисленнаго собранія знатныхъ особъ, то послѣдніе утверждаются черезъ это въ ненависти къ своимъ единовѣрцамъ; по чему онъ думаетъ, что другіе Христіянскіе Князья должны объявить Великому Князю, что не пошлютъ къ нему своихъ Пословъ, пока онъ не отмѣнитъ такого постыднаго обычая. См. соч. его: «De reb. Moscoviticis,» pag. 2.

Когда Послы, вошедши въ пріемную, почтительно поклонились, ихъ немедленно подвели къ Царю, и поставили передъ нимъ въ 10 шагахъ; за Послами стали сопровождавшіе ихъ, а съ правой ихъ стороны наши два Дворянина съ вѣрящими грамотами, которыя все таки они держали, поднявши вверхъ. Переводчикъ Великаго Князя, Гансъ Гельмсъ, сталъ подлѣ Пословъ съ лѣвой стороны. За тѣмъ Его Царское Величество далъ знакъ Государственному Канцлеру и велѣлъ сказать Посламъ, что онъ допускаетъ ихъ къ своей рукѣ, и когда эти послѣдніе начали подходить по одиначкѣ, другъ за другомъ, Царь взялъ скипетръ въ лѣвую руку, правую же подавалъ Посламъ съ благосклоннымъ движеніемъ каждому, но при этомъ, во время цѣлованія руки, Посламъ не дозволялось касаться руками руки Великаго Князя. По окончаніи этого обряда Государственный Канцлеръ сказалъ Посламъ, чтобы Гг. Послы исполняли то, за чѣмъ были присланы. По этому Посолъ Филипъ Крузе началъ говорить, что онъ привезъ поклонъ Его Царскому Величеству отъ Его

Свѣтлости, своего Милостиваго Князя и Государя, вмѣстѣ съ изъявленіемъ глубокаго сочувствія въ скорби, по причинѣ смерти Патріярха; что Его Свѣтлость, Государь Голштинскій, полагалъ, что Богъ продлитъ жизнь Патріярха до настоящаго времени, и по тому послалъ было къ нему грамоту, которую, вмѣстѣ съ грамотой къ Его Царскому Величеству, они имѣютъ честь теперь вручить ему, Великому Князю Московскому. Послѣ сего Послы взяли вѣрительныя грамоты и поднесли ихъ Царю, который далъ знакъ Канцлеру, чтобы онъ взялъ оныя къ себѣ.

Послы отошли назадъ къ своимъ, а Царь въ другой разъ подозвалъ Государственнаго Канцлера къ себѣ и сказалъ ему, что онъ долженъ былъ отвѣчать Посламъ. Канцлеръ отошелъ отъ Царя, приблизился къ Посламъ на разстояніе пяти шаговъ и началъ такъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь и проч. приказалъ сказать тебѣ, Послу Филиппу Крузе, и тебѣ, Послу Оттону Бругману, что онъ принимаетъ грамоты Князя вашего, Герцога Фридриха, велитъ перевести ихъ на Русскій языкъ, дастъ вамъ свое рѣшеніе по нимъ черезъ Бояръ своихъ, и въ свое время письменно отвѣтитъ на нихъ Герцогу Фридриху.» Канцлеръ, читая при этомъ по запискѣ титулы своего Великаго Князя и нашего Милостиваго Государя Фридриха, снималъ шапку и потомъ снова надѣвалъ ее, по произнесеніи сказанныхъ титуловъ. За Послами въ это время поставлена была лавка, покрытая ковромъ, на которую они и сѣли, по приглашенію Его Царскаго Величества. За тѣмъ Канцлеръ объявилъ, что Его Царское Величество допускаетъ къ своей рукѣ важнѣйшихъ слугъ и Гофъ-Юнкеровъ Посольства.

По окончаніи и этого обряда, Царь, приподнявшись нѣсколько съ престола, самъ обратился къ Посламъ съ слѣдующимъ вопросомъ: Здоровъ ли Князь Фридрихъ? На что одинъ изъ Пословъ отвѣчалъ, что при отъѣздѣ своемъ оставили Его Свѣтлость, Божіею милостію, въ добромъ здоровьи и благоденствіи. Да продлитъ Господь Богъ доброе здоровье и счастливое правленіе Вашего Царскаго Величества и нашего Свѣтлѣйшаго Князя!

Въ слѣдъ за тѣмъ вошелъ Великокняжескій Гофмейстеръ, и прочиталъ роспись Княжескимъ подаркамъ, которые также вне-

сены были въ пріемную, и немного спустя вынесены были опять вонъ, по знаку Канцлера. Потомъ Канцлеръ снова началъ говорить: «Царь и Великій Князь всея Россіи, Государь и Обладатель многихъ Государствъ и проч., соизволяетъ Гг-мъ Посламъ продолжать говорить далѣе.» По чему этѣ послѣдніе просили, что бы, въ силу договора, заключеннаго Его Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, и Его Свѣтлостію, Княземъ Шлезвигъ-Голштинскимъ, по Персидскому дѣлу, ихъ дозволено было тайно выслушать, вмѣстѣ съ Шведскими Послами.

За тѣмъ Царь велѣлъ спросить Пословъ, здоровы ли они, и не имѣютъ ли въ чемъ недостатка? и сказать имъ, что онъ со благоволяетъ, чтобы Гг. Послы кушали въ тотъ день отъ его стола. Послѣ чего два Боярина, введшіе Пословъ въ пріемную комнату, вывели ихъ изъ нея, и мы поѣхали съ Приставами и стрѣльцами домой, въ томъ же прежнемъ порядкѣ.

Въ слѣдъ за нами пріѣхалъ къ намъ Великокняжескій Камеръ Юнкеръ, Русскій Князь и весьма почтенный человѣкъ, въ великолѣпной одеждѣ, верхомъ на прекрасно убранной лошади, въ сопровожденіи множества Русскихъ, угощать Пословъ отъ имени Царскаго. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его немедленно покрыли столъ длинною бѣлою скатертью, и поставили на немъ серебряную солонку съ мелко натолченною солью, двѣ серебряныхъ кружки съ уксусомъ, нѣсколько большихъ бокаловъ или ковшей, медовыхъ чашъ, которыя были такой величины, что имѣли по $1^1/_2$ четверти въ разрѣзѣ, и 3 изъ нихъ были изъ чистаго золота, а 2 серебряныя, потомъ большой ножъ и вилки.

Уполномоченный Великаго Князя помѣстился у главнаго конца стола и просилъ Пословъ сѣсть подлѣ себя. Наши Гофъ-Юнкеры ожидали своей очереди, стоя передъ столомъ. Камеръ-Юнкеръ Великаго Князя приказалъ поставить передъ Послами 3 большихъ бокала съ Аликанте, съ Рейнскимъ виномъ и съ медомъ, и за тѣмъ разставить на столѣ всѣ кушанья отъ стола Его Царскаго Величества, которыя одно за другимъ поданы были на большихъ 38-ми блюдахъ, большею частью серебряныхъ (хотя, впрочемъ, не всѣ изъ чистаго серебра), и состояли изъ всякаго

рода варенаго, жаренаго и печенаго кушанья, и когда на столѣ не было уже мѣста, гдѣ бы поставить остававшіяся еще блюда, то, для помѣщенія ихъ со стола, снимали прежде поставленныя. Когда же на столъ поставлено было послѣднее блюдо, Князь всталъ, подошелъ къ тому мѣсту стола, гдѣ разставлены были блюда, и подозвавши къ себѣ Пословъ, сказалъ: «Этѣ кушанья присланы со мною отъ Его Царскаго Величества Великимъ Посламъ Голштинскимъ, и онъ проситъ принять ихъ.» Потомъ онъ взялъ большую золотую чашу, наполненную очень сладкимъ и вкуснымъ медомъ (изъ малины), подалъ Посламъ и всѣмъ намъ такія же чаши и съ тѣмъ же напиткомъ, и обратившись къ Посламъ, выпилъ за здоровье Царя, что въ то же время должны были сдѣлать и всѣ мы. Одинъ изъ насъ, стоявшій нѣсколько вдали отъ Великокняжескаго Камеръ-Юнкера и, можетъ быть, по причинѣ окружавшаго его народа, не могшій получить чаши изъ его рукъ, хотѣлъ было, чтобы передали ее со стола съ другого конца, но Князь не позволилъ этого, и, подозвавши его къ себѣ взять чашу, сказалъ: «Столъ этотъ представляетъ столъ Его Царскаго Величества, за которымъ никто не бываетъ назади, но всѣ равно должны находиться при немъ.»

За этой первой заздравной чашей такимъ же образомъ слѣдовала вторая за здоровье Его Свѣтлости, милостивѣйшаго нашего Князя и Государя, съ слѣдующими словами: «Да сподобитъ Богъ сохранить Князя Фридриха на долго въ добромъ здоровьи, и даровать, чтобы онъ съ Его Царскимъ Величествомъ на всегда пребывалъ въ добромъ согласіи и дружбѣ!» Въ заключеніе всѣ пили здоровье юнаго Князя, сына Его Царскаго Величества.

За тѣмъ снова сѣли за столъ и выпили еще по нѣсколькy чаръ вишневаго и еживичнаго меду. Послы подарили Князю вызолоченный бокалъ, въ 54 лота, который онъ приказалъ нести передъ собою впередъ, и потомъ самъ обратно поѣхалъ во дворецъ показывать Великому Князю полученный имъ подарокъ. У Русскихъ такое обыкновеніе, что всякій, получившій что либо отъ иностранцевъ въ подобныхъ случаяхъ, и даже Посланники ихъ, посылаемые къ чужимъ Государямъ, по возвращеніи должны показывать Великому Князю полученные ими подарки. Ти-

ранъ, Великій Князь Иванъ Васильевичъ, иногда отбиралъ даже такіе подарки и удерживалъ ихъ у себя, какъ упоминаетъ объ этомъ Герберштейнъ въ «Comm. rerum Moscovitic».

20-го Августа пришли къ намъ Приставы и объявили, что Его Царское Величество дозволилъ намъ выходить изъ своего помѣщенія, что городъ открытъ для насъ, и что если мы желаемъ выѣхать куда ни будь верхомъ, то намъ пришлютъ лошадей. Кромѣ того Шведскимъ Посламъ и при нихъ состоящимъ позволено было посѣщать насъ, и намъ ихъ. Для многихъ это могло показаться страннымъ, но тому что Москвитяне не задолго передъ этѣмъ имѣли обычай, чтобы никто изъ чужестранныхъ Пословъ и при нихъ состоящихъ, во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ, не смѣлъ выходить одинъ, и если кому изъ нихъ необходимо было выйти изъ дому, то при немъ всегда долженъ былъ находиться стрѣлецъ. Только по особенному благорасположенію, намъ и Шведскимъ Посламъ, дозволено было свободно ходить по городу, безъ стрѣльцовъ.

Когда Русскіе узнали, что наши Послы охотно желали бы посѣтить Шведскихъ Пословъ, то на 3-й же день пришли Приставы съ Великокняжескимъ Конюшеннымъ (Унтеръ-Шталмейстеромъ), привели съ собою 6 лошадей изъ конюшенъ Великаго Князя, и проводили нашихъ Пословъ къ Шведскимъ. Послѣ того мы часто уже посѣщали другъ друга и не слышали ни малѣйшаго противорѣчія отъ Русскихъ.

23-го числа наши Послы пригласили къ себѣ на обѣдъ нѣкоторыхъ хорошихъ друзей своихъ Нѣмцевъ, и между прочими Придворнаго Врача Царскаго и Аптекаря. Но когда этѣ послѣдніе два Господина испрашивали на это позволеніе у Канцлера, онъ отказалъ имъ, и запретилъ даже ходить къ намъ раньше 3-хъ дней. У Русскихъ подарки, получаемые отъ Иностранныхъ Державъ, обыкновенно оцѣниваются; и такъ какъ подарки Княжескіе, привезенные нами, еще не были оцѣнены, и между ними была также и химическая Аптека, то Канцлеръ и не отпускалъ Придворнаго Врача и Аптекаря къ намъ ближе 3-хъ дней по тому, что въ это время они должны были заняться оцѣнкой сказанной Аптеки.

24-го прибылъ къ Москвѣ Г-нъ Арендтъ Шпирингъ, Генералъ Licent. Правитель Ливоніи, посланный Шведскимъ Королемъ въ слѣдъ за Послами. Сначала Русскіе не хотѣли было принять его въ качествѣ Посла, съ обычнымъ торжествомъ; но когда другіе Шведскіе Послы, бывшіе въ Москвѣ, узнали объ этомъ, то сильно оскорбились, и Русскіе принуждены были выслать Пристава на встрѣчу Шпиринга и прилично принять его.

ГЛАВА VIII.

Какъ Русскіе празднуютъ свой Новый Годъ.

1-го Сентября Москвитяне празднуютъ торжественно свой Новый Годъ; ибо лѣтосчисленіе свое они ведутъ отъ сотворенія міра и полагаютъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними Еврейскими и Греческими писателями, а также и съ нѣкоторыми изъ нашихъ, что міръ получилъ начало свое осенью. Излагать причины такого мнѣнія я здѣсь не намѣренъ. Объ нихъ упоминаютъ: Alfonsus Tostatus in Genes., c. 1, quaest. 22; Hospinianus de origine festorum c. 1, Calvisius in Isag. Chronol. c. 34, и Origanus parte prima Ephemeridum, p. 7, которые всѣ держатся того же мнѣнія.

По Московскому счисленію былъ въ то время (именно въ 1634-мъ году по Р. Х.) 7142-й годъ; отсюда видно, что Русскіе какъ въ Религіи, такъ и въ лѣтосчисленіи своемъ, слѣдуютъ Грекамъ.

Греческія и Восточныя Церкви говорятъ, что они держатся счисленія Никифора (Nicephorus), и считаютъ отъ начала міра до Р. Х. 5508 лѣтъ, хотя Никифоръ насчитываетъ только 5500 лѣтъ. Если теперь прибавить къ этому бывшій тогда 1634-й годъ отъ Р. Х., то и выйдетъ 7142. Такимъ образомъ теперь, т. е., въ 1654-мъ г., по Р. Х. Москвитяне и Греческіе Христіяне пишутъ 7162. Мы же, держась истины Библейской Исторіи, считаемъ отъ сотворенія міра до Р. Х. 3949 лѣтъ, и по настоящее время (т. е., въ 1654-й г. по Р. Х.) 5603-й годъ.

Торжественный ходъ Русскихъ въ этотъ праздникъ представлялъ довольно пріятное зрѣлище. На дворцовомъ дворѣ собралось болѣе 20,000 человѣкъ старыхъ и малыхъ. Изъ церкви, стоящей съ правой стороны у входа на площадь, вышелъ Патріярхъ на главную площадь, съ своимъ духовенствомъ изъ 400 Священниковъ,—всѣ въ церковномъ облаченіи со множествомъ хоругвій (образовъ) и съ развернутыми старыми книгами. Его же Царское Величество съ своими Государственными Совѣтниками, Боярами и Князьями, шелъ съ лѣвой стороны площади. Великій Князь съ непокрытой головой и Патріярхъ въ Епископской митрѣ вышли одни изъ хода подошли другъ къ другу и поцѣловались въ уста. Патріярхъ подалъ также Великому Князю поцѣловать крестъ, величиною въ пядень, усыпанный большими брильянтами и другими драгоцѣнными каменьями. За тѣмъ въ длинной рѣчи онъ произнесъ благословеніе Его Царскому Величеству и всему народу, и пожелалъ всѣмъ счастія на Новый Годъ, на что народъ громко закричалъ: «Аминь!» Тутъ же въ толпѣ было множество Русскихъ, съ поднятыми вверхъ прошеніями, которыя они съ громкими воплями повергали къ ногамъ Великаго Князя. Прошенія этѣ были подобраны съ земли и отнесены въ покои Его Царскаго Величества. За тѣмъ торжественный ходъ двинулся далѣе, и каждый опять пошелъ въ немъ на своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА IX.

О первомъ тайномъ представленіи, и о томъ, какъ въѣзжали Татарскіе Послы. Рожденіе дочери у Царя.

3-го Сентября нѣкоторые изъ Шведскихъ Пословъ, и именно: Г. Гилленстіернъ, Г. Бурей и Г. Шпирингъ, которыхъ посольство имѣло цѣлію дѣйствовать по тому же дѣлу, по которому хлопотали и мы (ибо другіе Шведскіе Послы, каковы Г. Филиппъ Шейдингъ, и Полковникъ Генрихъ Флемингъ, посланы были только по дѣламъ Шведской Короны), допущены были къ публичному представленію на которое ихъ провожали съ такою же обрядностью, какъ и нашихъ Пословъ. Они также

просили, чтобы тайное слушаніе дано было имъ вмѣстѣ съ нашими Послами, на что и получили согласіе. По этому 5-го числа наши и Шведскіе Послы поѣхали вмѣстѣ на это представленіе, съ обыкновеннымъ торжествомъ и великолѣпіемъ. На главной дворцовой площади ихъ повели на лѣво, черезъ палату, въ которой также, какъ и при публичномъ представленіи, сидѣло множество старыхъ, почтенныхъ мужей, въ парчевыхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ, изъ которой прямо уже они вошли въ тайную пріемную комнату. Въ этой послѣдней сидѣли 4 особы, отряженныя для тайнаго слушанія, именно, два Боярина и два Канцлера, въ богатѣйшихъ одеждахъ: ихъ парчевыя верхнія одежды широко были обложены крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на груди ихъ крестообразно висѣли большія золотыя цѣпи. На головѣ у Бояръ были шапочки (подобныя скуфьямъ нашихъ Кардиналовъ), опушенныя сплошь крупнымъ жемчугомъ, съ брильянтами, по срединѣ другіе два Канцлера сидѣли въ обыкновенныхъ своихъ высокихъ изъ черной лисицы шапкахъ, Они дружелюбно встрѣтили Пословъ и просили ихъ сѣсть подлѣ себя. Бояре сѣли на первыхъ мѣстахъ, въ углу палаты, ближайшемъ къ окнамъ, гдѣ стѣнныя лавки сходились угломъ; Послы заняли мѣста у стѣны, а два Канцлера сѣли противъ Пословъ на лавкѣ безъ задка (какія вообще употребляются въ Россіи). Тутъ же присутствовалъ Царскій тайный переводчикъ, Гансъ Гельмсъ; состоящіе же при Посольствѣ и Пристава, сопровождавшіе Пословъ, оставались въ передней комнатѣ, кромѣ двухъ Секретарей, двухъ переводчиковъ и одно Русскаго писца, которые присутствовали сдѣсь стоя и вели протоколъ.

Когда присутствующіе усѣлись, старшій Бояринъ спросилъ Пословъ: довольны ли они кушаньями, напитками и другими необходимыми предметами, которыми ихъ снабжаютъ? Послы отвѣчали благодарностію за хорошіе припасы и изобиліе во всемъ, послѣ чего всѣ встали, сняли шапки и тотъ же Бояринъ держалъ такую рѣчь: «Великій Государь, Царь и Великій Князь (сдѣсь онъ прочиталъ полный титулъ Царя, по окончаніи котораго всѣ сѣли снова на свои мѣста), приказалъ сказать вамъ, Королевскимъ и Княжескимъ Посламъ, что онъ велѣлъ перевести грамоты, привезенныя вами, на Русской языкъ, прочиталъ ихъ,

а также слышалъ вашу устную рѣчь въ публичномъ представленіи.»

За тѣмъ началъ другой (при чемъ снова всѣ встали, какъ и прежде): «Великій Государь и проч. желаетъ Королевѣ Шведской и Князю Голштинскому всякаго благополучія и побѣды надъ ихъ врагами, и велѣлъ сказать вамъ, что онъ внимательно прочиталъ Королевскія и Княжескія грамоты и хорошо уразумѣлъ смыслъ ихъ.

Потомъ третій съ тою же обрядностью: «Великій Государь и проч. и проч., узналъ изъ грамотъ, что во всемъ, что вы будете говорить, вамъ должно вѣрить, что будетъ исполнено, и Его Царское Величество будетъ отвѣчать на то, что вы скажете.»

Далѣе четвертый, что «они (т. е., Бояре и Канцлеры) наряжены сюда Его Царскимъ Величествомъ для того, чтобъ услышать, что объявятъ и чего пожелаютъ Послы,» при чемъ онъ прочелъ имена назначенныхъ особъ Царемъ для тайнаго слушанія. Имена этѣ были:

Намѣстникъ Тверской, Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ Оболенскій.

Намѣстникъ Торжковскій, Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (Stresnow).

Два Думныхъ Дьяка: Иванъ Тарасовичъ Грамматинъ, Хранитель Государственной печати и Главный Канцлеръ, и Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Говореновъ (Gawarenow), Подканцлеръ.

По прочтеніи списка уполномоченныхъ, всѣ встали опять, и одинъ изъ Шведскихъ Пословъ, Г. Ерикъ (Ericus) Гилленстіернъ, сталъ на Нѣмецкомъ языкѣ, отъ имени Ея Величества, Короля Шведскаго, благодарить за то, что Его Царское Величество изволилъ допустить Шведскихъ Пословъ къ тайному слушанію, послѣ чего онъ прочиталъ свои донесенія или предложенія, написанныя на листѣ. Когда же наши Послы начали было читать свои предложенія, которыя были нѣсколько длиннѣе, то Русскимъ Совѣтникамъ время слушанія ихъ показалось слишкомъ продолжительнымъ, по чему они взяли оба письменныя предло-

женія и пошли съ ними къ Царю, оставивъ Пословъ однихъ ожидать ихъ въ тайной пріемной комнатѣ.

Въ это время наши Пристава и нѣсколько человѣкъ изъ Посольскихъ вошли снова къ Посламъ. Черезъ полчаса въ пріемную возвратился одинъ только Подканцлеръ: онъ объявилъ Посламъ, что на этотъ разъ тайное слушаніе кончено и Послы могутъ ѣхать по домамъ, что предложенія ихъ немедленно переведутся на Русскій языкъ, а по переводѣ будетъ и отвѣтъ на нихъ. Такимъ образомъ мы поѣхали опять верхами домой, каждый въ свое помѣщеніе.

12-го Сентября ѣздили на представленіе три Татарскіе Посла, присланные отъ Черкаскаго Князя, данника Великаго Князя. Поѣздъ этотъ былъ вовсе не блистательный, и Пословъ сопровождала пѣшкомъ только прислуга ихъ, состоявшая изъ 16 человѣкъ. Послы ѣхали верхомъ на представленіе въ красныхъ, изъ толстаго сукна, кафтанахъ, а возвратились оттуда въ шелковыхъ, камковыхъ, алаго и желтаго цвѣта, кафтанахъ, которые получили они въ подарокъ отъ Великаго Князя. Такія посольства отъ Черкаскихъ и другихъ Татарскихъ Князей ежегодно отправляются въ Москву, не столько по дѣламъ, сколько за полученіемъ богатыхъ одеждъ и другихъ подарковъ, которые Великій Князь всегда даетъ имъ.

15-го Сентября пришли Приставы и объявили, что на канунѣ Великая Княгиня родила дочь, которую уже крестили и назвали Софьей. Русскіе не долго оставляютъ дѣтей некрещеными, а при крещеніи не сзываютъ гостей и не дѣлаютъ пира, какъ это бываетъ у Нѣмцевъ. Патріархъ былъ крестнымъ отцемъ (равно какъ всѣхъ дѣтей Великаго Князя Патріархъ всегда бываетъ крестнымъ отцемъ). Мы также получили долю отъ такой радости, по тому что въ этотъ день содержаніе наше было удвоено.

ГЛАВА X.

Встрѣча Турецкаго Посла.

17-го числа прибылъ къ Москвѣ Турецкій Посолъ, котораго встрѣчало 16,000 человѣкъ конницы, съ большимъ великолѣпіемъ. Замѣчательно, впрочемъ, что въ такомъ многочисленномъ войскѣ знаменъ было всего только 6. Первое, принадлежавшее гвардейской ротѣ, было изъ бѣлаго атласа; на немъ, въ кругу изъ лавроваго вѣнка, изображенъ былъ двуглавый орелъ, украшенный тремя вѣнцами, съ слѣдующего надписью: «Virtute superego.» За тѣмъ такіе же три синія съ бѣлымъ, изъ которыхъ на одномъ нарисованъ былъ грифъ, на другомъ улитка, а на третьемъ рука съ мечемъ. Потомъ изъ красной камки, съ изображеніемъ двуликаго Януса, и наконецъ послѣднее знамя сплошное красное, безъ всякаго изображенія. Вѣроятно, этѣ эмблемы и иносказательныя изображенія нарисованы были по указанію Нѣмецкихъ Офицеровъ, бывшихъ подъ Смоленскомъ; ибо сами Русскіе вовсе не искусны въ изобрѣтеніи подобныхъ вещей. Передъ каждымъ знаменемъ ѣхали верхами гобоисты (флейтщики) и барабанщики, а передъ Лейбъ-Корнетомъ (тоже знамя) 6 трубачей, которые по своему наигрывали какіе-то веселые напѣвы. Нѣсколько Русскихъ Князей ѣхали верхами на отличныхъ Персидскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ лошадяхъ, убранныхъ въ богатыя нарядныя сбруи; въ числѣ лошадей находились 10 Великокняжескихъ, съ большими серебряными цѣпями, о которыхъ я упоминалъ уже при въѣздѣ нашемъ въ Москву. Нѣкоторые изъ насъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими чинами изъ Шведскаго Посольства, составили роту въ 50 и, предводимые Шведскимъ Маршаломъ, Г-мъ Вольфомъ Шпаромъ (Spar), который на этотъ разъ согласился быть нашимъ Капитаномъ, поѣхали Туркамъ на встрѣчу, за милю отъ Москвы, собственно изъ любопытства посмотрѣть на нихъ. Турецкій Посолъ, лишь только замѣтилъ насъ, началъ пристально глядѣть намъ въ глаза, что и мы дѣлали съ своей стороны, глядя на него. Мы довольно долго ѣхали рядомъ съ нимъ, разсматривали сопровождающихъ его и весь поѣздъ, а онъ былъ слѣдующій:

Впереди ѣхали верхами 46 стрѣльцовъ, увѣшанные луками, стрѣлами и саблями; за тѣмъ Приставъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, за которымъ слѣдовали: 11 человѣкъ въ красныхъ бархатныхъ одеждахъ: это были Турецкіе и Греческіе купцы и нѣсколько лицъ изъ Греческаго духовенства. Потомъ Маршалъ Посла одинъ; за нимъ 4 тѣлохранителя, вооруженные луками и стрѣлами. Далѣе: 2 Камеръ-Юнкера Посла, въ весьма красивыхъ одеждахъ, и наконецъ самъ Посолъ.

Посолъ былъ средняго роста, съ желтоватымъ лицемъ и черною, какъ смоль, окладистой бородою; исподній кафтанъ на немъ былъ бѣлый атласный, съ пестрыми цвѣтами, а верхняя одежда парчевая, подбитая дорогимъ мѣхомъ; на головѣ у него, также какъ и у всѣхъ его людей, была бѣлая чалма: она составляетъ обыкновенное украшеніе въ одеждѣ Турокъ.

Онъ сидѣлъ въ простой, бѣлой деревянной Русской каретѣ, увѣшанной, впрочемъ, весьма дорогими коврами, шитыми золотомъ. За нимъ, съ поклажею, тянулось болѣе 40 подводъ, изъ которыхъ на каждой сидѣло по одному, или по 2 человѣка прислуги Посла.

Когда поѣздъ находился уже не далѣе четверти мили отъ города и Посолъ увидалъ, что Русскіе, которые назначены встрѣтить его, были уже не далеко, онъ вышелъ изъ кареты и сѣлъ на прекрасную Арабскую лошадь. Проѣхавши такимъ образомъ еще разстояніе, величиною на ружейный выстрѣлъ, его встрѣтили 2 Пристава, по обыкновенію, съ Великокняжескими лошадьми, на коихъ они оставались до тѣхъ поръ, пока Турецкій Посолъ не сошелъ первый; за то Турки, съ своей стороны, не снимали съ головы своихъ тюрбановъ и не показывали ни малѣйшаго знака почтенія при произнесеніи Приставами имени Великаго Князя, хотя всѣ Русскіе снимали при этомъ свои шапки.

Принявши Посла, Русскіе немедленно вскочили на своихъ лошадей. Посолъ тоже не мѣшкалъ и хотѣлъ даже сѣсть прежде; но лошадь, которую ему дали, была очень высока, съ высокимъ Русскимъ сѣдломъ, и такая пугливая, что онъ не только съ трудомъ взобрался на нее, но долженъ былъ еще остерегаться,

чтобъ она не ушибла его. Наконецъ, какъ только Посолъ, хотя и не безъ опасности, усѣлся на лошади, Приставы поѣхали по сторонамъ его, и проводили его такимъ образомъ на вновь отстроенный при насъ (сгорѣвшій прежде) Посольскій дворъ. Сдѣсь, отведши ему помѣщеніе, дворъ Посольскій крѣпко заперли и приставили къ нему довольно надежную стражу.

Наши Послы, при въѣздѣ Турокъ, хотѣли было посѣтить Шведскихъ Пословъ, по приглашенію этѣхъ послѣднихъ посмотрѣть на Турокъ; ибо Посольскій дворъ, въ которомъ помѣщены были Турки, находился по сосѣдству съ пребываніемъ Шведкихъ Пословъ такъ, что изъ него было видно все на дворѣ Турецкомъ; но Государственный Канцлеръ прислалъ просить нашихъ Пословъ, чтобы они, по нѣкоторымъ причинамъ, только на этотъ день остались у себя дома.

19-го числа мы были на второмъ тайномъ слушаніи съ Королевскими Шведскими Послами.

ГЛАВА XI.

О поѣздѣ Турокъ на первое публичное представленіе, также о поѣздѣ Грековъ на представленіе, и о томъ, какъ мы передали грамоту отъ Его Свѣтлости, Курфирста Саксонскаго.

23-го Сентября Турецкій Посолъ имѣлъ публичный пріемъ, на который провожали его въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди ѣхали верхами 20 Казаковъ на бѣлыхъ Великокняжескихъ лошадяхъ, а за ними Турецкіе и Греческіе купцы, за которыми несли слѣдующіе подарки:

20 кусковъ золотой парчи, которые несли столько же человѣкъ Русскихъ одинъ за другимъ.

Золотой крестъ, величиною побольше пальца, осыпанный брильянтами, на серебряномъ блюдѣ.

Хрустальный кувшинъ, оправленный въ золото съ драгоцѣнными каменьями.

Поясъ для сабли, обдѣланный весь золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Весьма крупная жемчужина, которую несли на блюдѣ, на красной тафтѣ.

2 узды художнической работы.

2 сѣдельныхъ покрывала, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ.

Большой брильянтовый перстень на блюдѣ.

Рубинъ величиною почти въ рейхсталеръ, оправленный въ золото.

Скипетръ, на подобіе Турецкой булавы.

За подарками ѣхали верхами 8 Турокъ попарно, за тѣмъ 2 молодыхъ Турка, которые несли передъ Посломъ вѣрительныя грамоты на длинномъ, красномъ шелковомъ, платкѣ; грамоты этѣ, сложенныя, были величиной съ локоть.

Греческаго духовенства не было при этомъ поѣздѣ; но 28-го числа оно особенно представлялось, къ чему провожали его, верхами на лошадяхъ, 2 престарѣлые Русскіе Священника до дворца; сдѣсь же встрѣтило ихъ множество Священниковъ, которые уже и провели ихъ на представленіе. Подарки Греческаго духовенства были:

6 блюдъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вызолочены, съ мощами.

Риза, шитая золотомъ и унизанная жемчугомъ, для которой золоченый футляръ несли въ слѣдъ за нею.

Узда для лошади, украшенная драгоцѣнными камнями.

2 куска золотой парчи.

Еще риза.

Кусокъ серебряной объяри (Tobin) съ золотыми цвѣтами.

За подарками слѣдовали Греки въ темныхъ камлотовыхъ одеждахъ, сопровождаемые сказанными Русскими Священниками и монахами; передъ ними несли Епископскій посохъ, поднятый вверхъ.

У нашихъ Пословъ была еще грамота къ Великому Князю отъ Его Свѣтлости, Курфирста Саксонскаго, и Послы за благо разсудили передать его Царю также на публичномъ представленіи; для этого Русскіе назначили день Св. Михаила, и грамоту несъ передъ Послами высокородный Іоаннъ Христоферъ Фонъ Ухтерицъ (Uchterietz) на желтой и черной тафтѣ. Великій Князь дружески принялъ грамоту и спросилъ: Какъ здоровье Его Свѣтлости, Курфирста Саксонскаго, Іоанна Георга? Послѣ отвѣта Пословъ, что Его Свѣтлость Курфирстъ находится въ добромъ здоровьи, Царь продолжалъ, что онъ соблаговоляетъ сегодня Г-мъ Посламъ кушать отъ его стола. За тѣмъ насъ проводили обратно въ наше помѣщеніе. Хотя мы весьма желали получить сказанный Великокняжескій обѣдъ, и дожидались его до 2-хъ часовъ, но напрасно, по чему и велѣли уже подать намъ наши обыкновенныя кушанья. Въ 3 часа, въ обычномъ порядкѣ, пришли Русскіе, принесли намъ двойное количество напитковъ, извиняясь, что, по краткости времени, кушанья отъ стола Великаго Князя не были еще готовы, и спросили, не хотимъ ли мы получить отъ нихъ деньгами? когда же мы не согласились на это, то на другой день намъ выдали натурой продовольствіе въ двойномъ количествѣ. Одинъ изъ хорошихъ нашихъ пріятелей сказалъ намъ, что Царь узналъ, какъ мы изъ перваго пожалованнаго намъ обѣда разослали множество блюдъ другимъ, именно въ тотъ же день, хотя у Русскихъ, впрочемъ, весьма употребительно, чтобы кушанья, жалованныя отъ Царскаго стола (если ихъ не съѣдятъ всѣ въ тотъ день, когда ихъ присылаютъ) разсылать своимъ пріятелямъ, чтобы такимъ образомъ и этѣхъ послѣднихъ сдѣлать участниками Царскаго жалованья.

ГЛАВА XII.

Объ одномъ большомъ праздникѣ Русскихъ. О нашемъ 3 мѣ, 4-мъ, 5-мъ и послѣднемъ тайномъ слушаніи и объ отъѣздѣ Гг. Шведскихъ Пословъ.

1-го Октября Русскіе праздновали свой большой праздникъ: [1] Царь, съ своими придворными людьми, и Патріархъ,

[1] Покровъ Пресв. Богородицы. Перев.

со всѣмъ своимъ духовенствомъ, совершали ходъ въ церковь, находящуюся передъ Кремлемъ, довольно изящной постройки, называемую Св. Троица, [2] Нѣмцы же называли ее Іерусалимомъ. Передъ Кремлемъ на площади, на правой сторонѣ, находилось мѣстечко, огороженное рѣшеткою, въ видѣ амвона, подлѣ котораго стояли 2 огромныя металлическія пушки, изъ конхъ одна имѣла около локтя въ поперечникѣ. Когда церковный ходъ приблизился къ этому огороженному мѣсту, Великій Князь и Патріархъ одни только вошли въ него. Патріархъ держалъ передъ Царемъ книгу, окованную серебромъ, съ литымъ выдававшимся образомъ по серединѣ; Царь съ благоговѣніемъ клалъ низкіе поклоны передъ книгою, и за тѣмъ коснулся ея головою своею; въ то же время Священники читали, стоя внѣ рѣшетки. Черезъ нѣсколько времени Патріархъ въ другой разъ подошелъ къ Царю, далъ ему облобызать большой, съ руку величиною, золотой крестъ, осыпанный брильянтами, и дотронулся этѣмъ крестомъ чела и обоихъ ланитъ Царя; послѣ чего оба они, а равно и всѣ, отправились уже въ сказанную церковь, гдѣ и продолжали свое богослуженіе.

Греки, прибывшіе съ Турецкимъ Посломъ, также вошли, вмѣстѣ съ другими, въ церковь. Русскіе охотно допускаютъ ихъ въ свои храмы, по тому что они исповѣдуютъ одинаковую съ ними Греческую Вѣру; Христіянамъ же всѣхъ другихъ Исповѣданій входъ въ Русскія церкви рѣшительно возбраняется. На описанномъ сейчасъ ходѣ присутствовало множество народа, который поклонами и крестнымъ знаменіемъ выражалъ свое благоговѣніе.

8-го Октября мы были на 3-мъ тайномъ слушаніи съ Гг. Шведскими Послами, и добрые 2 часа пробыли на немъ.

12-го числа Великій Князь ѣздилъ на богомолье въ церковь, находящуюся въ полумили отъ города, въ сопровожденіи своихъ Бояръ, Князей и 1000 человѣкъ войска. Впереди ѣхалъ верхомъ на лошади Великій Князь одинъ, съ плетью въ рукѣ, а за нимъ

---

[2] Покровъ Пресвятыя Богородицы, что на Рву, иначе Василій Блаженный. *О. Б.*

Бояре и Князья, по 10 въ каждой шеренгѣ, представляя собою великолѣпное зрѣлище. За тѣмъ слѣдовала Великая Княгиня съ дѣтьми: молодымъ Княземъ и Княжною, въ деревянной, рѣзной, большой каретѣ, сверху покрытой краснымъ сукномъ, а по сторонамъ завѣшанной желтой тафтою; карету везли 16 бѣлыхъ лошадей. Потомъ слѣдовали Царскія придворныя госпожи въ 22 деревянныхъ каретахъ, раскрашенныхъ зеленою краскою и покрытыхъ также краснымъ сукномъ, которымъ покрыта была и вся конская упряжь. Кареты были плотно притворены и завѣшены, чтобы никого изъ сидящихъ внутри нельзя было видѣть; но, на мое счастье, случилось такъ, что вѣтеръ приподнялъ нѣсколько занавѣсь въ проѣзжавшей мимо меня каретѣ Великій Княгини, и я могъ видѣть ея лице и платье; послѣднее было чрезвычайно роскошно и великолѣпно. По сторонамъ поѣзда шло болѣе 100 стрѣльцовъ, съ бѣлыми палками въ рукахъ, которыми они разгоняли съ дороги народъ, сбѣжавшійся отовсюду. Народъ же этотъ, вообще любящій и глубоко почитающій свое Правительство, посылалъ, въ слѣдъ поѣзду, громкія желанія всякаго счастія и благополучія.

23-го числа мы были на 4-мъ тайномъ слушаніи съ Шведскими Послами, на которомъ мы покончили съ ними большую часть нашихъ дѣлъ.

28-го Гг. Шведскіе Послы всѣ вмѣстѣ получили въ публичномъ представленіи окончательное рѣшеніе по ихъ дѣламъ и полный отпускъ. Возвращаясь съ этого представленія, они приказали нести передъ собою, двумъ чинамъ изъ своихъ, отвѣтъ на ихъ грамоты; 7-го и 10-го Ноября въ три пріема они отправились обратно изъ Москвы въ Ливонію и Швецію.

19-го Ноября мы имѣли 5-ое и послѣднее тайное слушаніе, на которомъ нашимъ Посламъ было объявлено, что Его Царское Величество, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла, на основаніи существовавшихъ доселѣ договоровъ, рѣшился наконецъ сдѣлать удовольствіе Его Княжеской Милости, Фридриху, Герцогу Шлезвигскому, Голштинскому и проч. и проч., какъ своему другу, дядѣ и свояку; что, по особенной любви къ Герцогу, Царь

согласился на его просьбу, въ которой отказано было уже многимъ Государямъ Европы, именно: дозволялъ Посламъ его свободный проѣздъ черезъ Россію въ Персію и обратно, съ тѣмъ только, впрочемъ, условіемъ, чтобы Гг. Послы предварительно возвратились въ Голштинію къ своему Князю, и привезли его утвержденіе настоящаго договора Его Царскому Величеству.

Окончивъ такое продолжительное и многотрудное порученіе, мы дозволили себѣ разнаго рода удовольствія, посѣщая нѣкоторыхъ изъ нашихъ добрыхъ и близкихъ друзей. Такимъ образомъ наши Послы съ нѣкоторыми изъ насъ были однажды на крестинахъ у Г-на Шведскаго Резидента; потомъ Царскій Придворный Врачъ, Г. Венделинъ, приглашалъ Пословъ на свадьбу, которую онъ устроилъ для друга своего и нашего любезнаго товарища въ путешествіи, Г-на Гарлефъ Людерсъ-Гаузе (Garleff Lüders Hause), бывшаго въ послѣдствіи въ Готторфѣ при Голштинскомъ Дворѣ наставникомъ Княжны. Наконецъ именитый купецъ, Г. Давидъ Рюценъ (Rützen), также далъ намъ однажды великолѣпный пиръ, на которомъ угостилъ насъ самымъ роскошнымъ образомъ.

ГЛАВА XIII.

О крестномъ ходѣ Русскихъ въ церковь, а также о поѣздѣ Крымскихъ Татаръ на представленіе.

22-го Октября [1] у Русскихъ тоже былъ большой, нарочитый крестный ходъ въ церковь, которая стоитъ не далеко отъ обыкновеннаго Посольскаго двора. На этомъ ходу присутствовали Патріархъ и Великій Князь. Крестный ходъ происходилъ слѣдующимъ образомъ:

---

[1] Праздникъ Казанской Божіей Матери, а церковь, вѣроятно, Казанскій Соборъ, Перев.

Вся дорога отъ дворца до церкви уложена была досками; по этой дорогѣ впереди всѣхъ шли продавцы восковыхъ свѣчей и нѣсколько человѣкъ съ метлами, которыми они подметали дорогу. За этѣмъ слѣдовалъ самый ходъ:

Прежде всего шелъ отдѣльно человѣкъ съ рукомойникомъ и полотенцемъ.

За нимъ несли 3 знамя красныхъ съ бѣлымъ, которыя походили на военные значки (Cornette).

Далѣе 61 Священникъ въ полномъ церковномъ облаченіи.

За тѣмъ на длинныхъ древкахъ несли 4-хъ Херувимовъ.

Потомъ, на такомъ же длинномъ древкѣ, одинъ человѣкъ несъ фонарь.

За нимъ шли 40 Священниковъ.

Далѣе 8 Священниковъ несли большой крестъ, съ шарами по концамъ, укрѣпленный на 2-хъ древкахъ, крестообразно сплоченныхъ.

За ними шли сто человѣкъ Священниковъ и монаховъ, каждый съ иконой въ рукахъ.

Далѣе: 2 человѣка несли огромной величины, покрывавшую ихъ собою, икону, за которой слѣдовали еще 40 Священниковъ.

За тѣмъ трое несли другую большую икону, украшенную множествомъ жемчуга.

За ними еще икона, которую несъ одинъ человѣкъ.

Потомъ шли 4 Священника и пѣли, а за ними опять икона.

Всѣ эти иконы были живописныя, и ни одной не было рѣзной.

Далѣе украшенный брильянтами крестъ, длиною слишкомъ въ четверть локтя, на блюдѣ. Потомъ несли двѣ горящія свѣчи.

За тѣмъ шелъ Патріархъ въ богатѣйшемъ церковномъ облаченіи, подъ голубымъ небомъ (балдахиномъ); его вели подъ руки

2 человѣка. Передъ Патріархомъ и по сторонамъ у него шли до 50 Священниковъ и монаховъ.

За этѣми послѣдними шелъ наконецъ Царь пѣшкомъ, подъ краснымъ небомъ, сопровождаемый своими Боярами и Князьями.

За ними 2 человѣка несли красное сѣдалище Великаго Князя; потомъ вели его лошадь, и наконецъ Царскія сани, которыя везли 2 бѣлыя лошади.

Въ такомъ ходѣ шли Русскіе въ сказанную церковь. Причиною постройки этой церкви и учрежденія ежегоднаго къ ней хода была икона Божіей Матери, которую нашли въ землѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь. [2]

12 Декабря мы видѣли поѣздъ Крымскихъ Татаръ на представленіе, состоявшій изъ 72-хъ человѣкъ, которые всѣ величали себя Посланниками. Великій Князь сидѣлъ съ ними на представленіи цѣлые 3 часа и самъ выслушалъ ихъ прошенія. Они расположились въ пріемной, на полу, по своему обыкновенію, и (какъ разсказывали намъ) всѣмъ имъ поднесли тамъ по чашѣ меду. За тѣмъ Великій Князь надѣлилъ всѣхъ ихъ подарками: 2-мъ главнѣйшимъ изъ нихъ подарилъ парчевые кафтаны, остальнымъ же изъ алаго сукна и другихъ матерій, сообразно съ значеніемъ каждаго, равно какъ и шапки: старшимъ даны были соболевыя, низшимъ изъ другаго мѣха. Всѣ этѣ подарки Татары, возвращаясь съ представленія въ свое помѣщеніе, надѣли на себя посверьхъ своей одежды.

Народъ этотъ, довольно опасный и хищный, занимаетъ обширныя пространства въ разныхъ мѣстахъ на югъ отъ Москвы, и своими безпрестанными набѣгами, грабежемъ и уводомъ людей наноситъ большой вредъ Великому Князю, особенно около Тулы.

---

[2] Какъ извѣстно, Казанскій Соборъ, на Красной площади, близъ Воскресенскихъ Воротъ, построенъ, при Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Княземъ Пожарскимъ въ воспоминаніе освобожденія Москвы отъ Литвы, въ 1612 г., во имя Казанскія иконы Божія Матери, съ предѣломъ Св. Равноапостольнаго Аверкія Чудотворца, празднуемаго 22-го Октября. *О. Б.*

Хотя уже по приказу Царя Ѳедора Ивановича, въ защиту противъ набѣговъ Татаръ, былъ вырубленъ лѣсъ, вырыты канавы и на 100 миль подѣланы валы, но этѣ мѣры и по сію пору весьма мало приносятъ пользы. Съ такими посольствами этѣ народы довольно часто пріѣзжаютъ въ Москву, собственно только для того, чтобы получать подарки. Въ такихъ случаяхъ, чтобы имѣть миръ, Царь не щадитъ издержекъ; Татары же до тѣхъ только поръ и соблюдаютъ миръ, пока ихъ хорошо принимаютъ и дарятъ.

ГЛАВА XIV.

О послѣднемъ публичномъ представленіи.

16-го Декабря провожали насъ на публичное представленіе, опять съ большимъ великолѣпіемъ, и какъ по причинѣ мороза и снѣга Русскіе Бояре уже не ѣздятъ верхомъ, а обыкновенно въ саняхъ, то за Послами прислано было двое прекрасныхъ саней, изъ которыхъ одни обиты были краснымъ атласомъ, другіе красной камкой, внутри обложены шкурой бѣлаго медвѣдя, а сверхъ шкуры покрыты прекрасными Турецкими коврами. Хомуты на лошадяхъ были вызолочены и увѣшены множествомъ лисьихъ хвостовъ: это самое роскошное украшеніе санной упряжи, не только у знатныхъ Бояръ, но даже и у самаго Царя.

Приставы ѣхали отдѣльно, каждый въ особыхъ саняхъ, по правую руку каждаго Посла. По прежнему, передъ пріемнымъ покоемъ, Пословъ встрѣтили 2 знатные Боярина, и ввели ихъ къ Царю, который началъ тѣмъ, что спросилъ Пословъ, черезъ своего Государственнаго Канцлера, все ли Гг. Послы въ добромъ здоровьи? По приличномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, позади Пословъ поставили лавку, на которую пригласили ихъ сѣсть. За тѣмъ Канцлеръ сказалъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч., приказалъ вамъ, Посламъ, сказать, что вы присланы отъ Его Кня-

жеской Милости, Князя Фридриха Голштинскаго, къ Его Царскому Величеству съ грамотами, которыя Царь исправно получилъ; что, по вашему желанію, Его Царское Величество приказалъ выслушать васъ своимъ Боярамъ и Совѣтникамъ: Князю Борису Михайловичу Лыкову, Василію Ивановичу Стрѣшневу, и Думнымъ Дьякамъ: Ивану Тарасовичу и Ивану Говоренову; что за тѣмъ, по совѣщанію съ ними, по извѣстному дѣлу, у васъ состоялся договоръ, который вами подписанъ; что въ то же время Его Царское Величество получилъ черезъ васъ отъ Курфирста Саксонскаго, Іоанна Георга, грамоту, содержаніе которой онъ изволилъ выслушать. Теперь же вы должны принять отвѣтныя грамоты Его Царскаго Величества къ Князю Фридриху Голштинскому и Курфирсту Іоанну Георгу.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же передъ Царскимъ престоломъ, Канцлеръ передалъ Посламъ грамоты, которыя Послы приняли съ обычнымъ приличіемъ. Потомъ Великій Князь поклонился и сказалъ, чтобы Послы, когда возвратятся къ Курфирсту Іоанну Георгу и къ Его Княжеской Милости, Герцогу Фридриху, передали имъ его поклонъ. Сказавши это, Царь велѣлъ Канцлеру сообщить Посламъ, что онъ еще разъ соизволяетъ допустить ихъ, главныхъ Офицеровъ и Гофъ-Юнкеровъ къ своей рукѣ. По окончаніи этого обряда, намъ опять объявили, что Царь жалуетъ насъ кушаньемъ отъ своего стола. Послы почтительно благодарили за всѣ оказанныя имъ Царскія милости и благосклонное къ нимъ вниманіе, пожелали Его Царскому Величеству долголѣтней жизни, счастливаго и мирнаго правленія, и всему дому Великокняжескому всякаго благополучія. За тѣмъ окончательно простились и поѣхали обратно въ свое пребываніе.

Черезъ часъ принесли къ намъ Великокняжескіе напитки и кушанья; послѣднихъ было 46 блюдъ, которыя состояли большею частію изъ вареной, жареной въ постномъ маслѣ и печеной рыбы, изъ кой-какой зелени и разныхъ печеній; мяса не было ни какого по тому, что въ то время у Русскихъ былъ постъ, который ежегодно держатъ они передъ Рождествомъ Христовымъ. Съ этѣмъ обѣдомъ пришелъ Князь Иванъ Львовъ, который уго-

щалъ насъ точно съ такими же обрядностями, съ какими угощали насъ и послѣ перваго публичнаго представленія.

Послѣ обѣда пришли къ намъ Конюшій, Ключникъ (погребщикъ) Великаго Князя, да поставщики, которые во все время пребыванія нашего въ Москвѣ доставляли въ помѣщеніе Посламъ съѣстные припасы и напитки, и просили Пословъ о благодарности. Конюшему, Ключнику и Князю Львову подарено было каждому по бокалу, остальнымъ (которыхъ было 16 человѣкъ), всѣмъ вообще, дано 32 рубля, что составляетъ 64 рейхсталера.

На слѣдующій день явились къ намъ 2 Пристава съ 2-мя переводчиками; послѣдніе были: Гансъ Гельмесъ, находившійся при Царѣ и при Боярахъ его во время нашихъ тайныхъ совѣщаній, и Андрей Ангелеръ (Angeler), служившій постоянно при насъ, вмѣстѣ съ однимъ Приставомъ; всѣ они четверо пришли освѣдомиться, сколько лошадей потребуется для насъ на обратную поѣздку; мы сосчитали и объявили, что нужно будетъ до 80 подводъ или вольныхъ лошадей. Господа этѣ тоже получили отъ Пословъ подарки, каждый по большому бокалу; главному Писарю (Секретарю) въ Канцеляріи также былъ данъ большой бокалъ. Кромѣ того разосланы были разные бокалы нѣсколькимъ Боярамъ, которые оказали какую ни будь услугу въ нашихъ дѣлахъ, или же просто были особенно дружески расположены къ намъ во все время.

ГЛАВА XV.

Объ отъѣздѣ нашемъ въ Голштинію, отъ Москвы до Новгорода.

21-го числа наши Пристава представили намъ новаго Пристава, Богдана Сергѣевича Гомодова (Bogidan Tzergewitz Gomodow), который долженъ былъ провожать насъ до Шведской границы.

На слѣдующій за тѣмъ день Приставы доставили въ жилище Посламъ 80 подводъ, и вмѣстѣ съ Писаремъ Царской кладовой и

другими 12-ю человѣками Русскихъ, принесли отъ Его Царскаго Величества подарки Посламъ и состоящимъ при нихъ, а именно: нѣсколько циммеровъ соболей (одинъ циммеръ [1] равнялся 20 парамъ соболей), двумъ Посламъ вмѣстѣ дано было 11 циммеровъ лучшихъ соболей; Офицерамъ, Юнкерамъ, Камеръ-Пажамъ, фурьерамъ, кухмистру и Вагенмейстеру, каждому по одному циммеру подкладочнаго соболя; остальнымъ низшимъ чинамъ, нѣкоторымъ по двѣ пары, а другимъ по парѣ соболей. При этомъ Послы подарили Писарю, который пришелъ съ соболями, бокалъ, а остальнымъ Русскимъ 30 рейхсталеровъ.

Его Царское Величество приказалъ въ то же время передать Посламъ, что не хотятъ ли они, по причинѣ наступающаго праздника Рождества Христова и очень сильныхъ морозовъ, пробыть еще нѣсколько дней въ Москвѣ; что Царю будетъ весьма пріятно, если они останутся, не смотря на то, что для отъѣзда ихъ все уже приготовлено. Но такъ какъ Гг. Послы торопились домой, то мы и начали собираться въ путь.

Послы и нѣкоторые изъ насъ купили для себя собственныя сани, за которыя изъ разряда самыхъ лучшихъ платили мы по 3, много по 4, талера.

Между тѣмъ, имѣя въ будущемъ намѣреніе ѣхать въ Персію, Послы наши отправили корабельнаго мастера, Михайла Кордеса, съ 6-ю людьми, въ Нижній (Niesen), находящійся во 100 миляхъ за Москвою, съ тою цѣлью, чтобы онъ построилъ тамъ корабль для будущаго плаванія нашего по Волгѣ и Каспійскому морю.

Такимъ образомъ 24-е Декабря назначено было днемъ нашего отъѣзда; вполдень явились Приставы съ нѣсколькими стрѣльцами и двумя санями (тѣми самыми, въ которыхъ Пословъ возили на представленіе), и обычнымъ порядкомъ проводили Пословъ изъ города. Простившись съ Приставами, Нѣмцами и другими хорошими нашими пріятелями, которые провожали насъ съ полчет-

---

[1] Циммеръ 40 штукъ, счетъ употребляемый мѣховщиками. Перев.

верти мили за городъ, усѣлись мы каждый въ свои сани и пустились въ путь.

Въ этотъ день и слѣдующую за нимъ ночь мы проѣхали до Клина (Klin), селенія, лежащаго въ 90 верстахъ или въ 18 миляхъ отъ Москвы. Такъ какъ слѣдующее 25-е число было днемъ нашего праздника Рождества Христова, то мы отпраздновали его сдѣсь съ проповѣдью; послѣ обѣда отправились дальше, ѣхали цѣлую ночь, и утромъ 26-го числа прибыли въ городъ Тверь. Это былъ первый ямъ; намъ дали сдѣсь свѣжихъ лошадей, на которыхъ вечеромъ и во всю ночь мы сдѣлали 12 миль и пріѣхали въ Торжокъ. Отсюда черезъ 4 дня, и со дня отъѣзда изъ Москвы черезъ 6 дней,[2] именно 31 Декабря, прибыли мы въ Новгородъ, до котораго отъ Москвы считается 110 Нѣмецкихъ миль. Такая скорая ѣзда вовсе не удивительна въ Россіи; ибо въ зимнее время Русскія лошади могутъ постоянно, не кормя, бѣжать отъ 10 до 12 миль; при томъ же такой ѣздѣ способствуетъ и то, что Россія вездѣ почти представляетъ плоскую равнину.

1635 годъ.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе, черезъ Нарву, Ревель, Перновъ, до Риги.

1-го Генваря, 1635 года, отслуживши обѣдню, мы выѣхали изъ Новгорода и сдѣлали 36 верстъ до Мокрицы (Mokritz). 2-го проѣхали 32 версты до Звѣрина (Tsverin). 3-го — 30 верстъ до Орлина (Orlin). 4-го — 41 версту до Зарицы (Saritza). Въ слѣдующую за тѣмъ ночь мы проѣхали еще 4 мили до Лилиенгагена (Lilienhagen), имѣнія въ Ижоріи (Ingermanladt) Г-жи Катарины Стопіе (Stopioe), вдовы Іоанна Миллера, бывшаго Агента Шведскаго въ Москвѣ, гдѣ насъ угостили отлично. 5-го числа, сдѣлавши 7 миль, мы прибыли въ городъ Нарву.

---

[2] Сдѣсь явная ошибка: надо черезъ 7 дней. Перев.

6-го числа мы отправили обозъ нашъ впередъ, Послы же съ нами выѣхали на другой день, и черезъ 3 дня, т. е., 10 Генваря, пріѣхали въ городъ Ревель.

Мы прожили сдѣсь цѣлыя 3 недѣли. Увидавши, что возвратиться въ Голштинію по Балтійскому морю намъ было не возможно, по причинѣ прекращенія плаванія, и справедливо полагая, что было бы неблагоразумно оставаться въ Ревелѣ на всю зиму безъ дѣла, мы рѣшились немедленно продолжать наше путешествіе сухимъ путемъ черезъ Пруссію, Поморье и Мекленбургъ. По этому большая часть прислуги оставлена была въ Ревелѣ, на хлѣбахъ у Г. Генриха Козена (Kosen), съ которымъ мы сдѣлали по этому предмету условіе. Послы же, взявши съ собою только 10 человѣкъ, 30-го Генваря выѣхали изъ Ревеля и отправились по кратчайшей дорогѣ въ Ригу.

Первыя двѣ ночи провели мы въ помѣстьѣ Кегель (Kegel), гдѣ потомственный владѣлецъ въ Кундѣ, бывшій въ тоже время членомъ Ревельскаго Магистрата и моимъ добрымъ тестемъ, Іоаннъ Миллеръ, угощалъ насъ на славу.

2-го Февраля прибыли мы въ Перновъ (Parnow), гдѣ привѣтствовали насъ пушечными выстрѣлами, при чемъ Богъ избавилъ меня отъ большаго несчастія: только что стали мы въѣзжать въ городскія ворота, какъ въ нашу сторону, съ площади, выстрѣлили изъ пушекъ, и банникъ, забытый во время заряженія въ жерлѣ одной пушки, близехонько пролетѣлъ мимо меня, ударился въ стѣну, распался въ дребезги, а осколки его упали подлѣ самыхъ саней моихъ: отъ грому и треску я оглохъ на цѣлые полчаса.

Перновъ небольшой городъ, получившій названіе свое отъ рѣки, протекающей въ немъ, стоитъ у Балтійскаго моря; въ немъ есть довольно порядочный замокъ, а главная промышленность его и торговля заключаются въ хлѣбѣ. Король Шведскій, Ерикъ, въ 1562 году взялъ этотъ городъ у Польши, но Поляки снова завоевали его себѣ въ 1565 году; у этѣхъ послѣднихъ его отняли потомъ Русскіе. Наконецъ, въ 1617 году, Шведы опять покорили его своему владычеству, подъ которымъ находится онъ

и понынѣ. Въ наше время владѣла имъ и находилась въ немъ вдова Графа Фонъ Турнъ (Thurn), Госпожа Магдалина, урожденная Графиня Фонъ Гардекъ (Hardeck). Послы отправили къ ней меня, вмѣстѣ съ двумя другими чинами изъ состоящихъ при нихъ, засвѣдѣтельствовать Ея Графской Милости ихъ почтеніе и предложить ей свои услуги, которыми они могли служить ей по какимъ ни будь дѣламъ въ Германіи. Такое привѣтствіе и предложеніе услугъ были весьма пріятны Ея Графской Милости, и она, въ знакъ благодарности, сама предложила каждому изъ насъ 3 большихъ бокала Испанскаго вина, за здоровье Княжеской Милости, нашего Государя, и Пословъ его; при этомъ чрезвычайно умно распространилась она о высокой славѣ нашего Князя, о похвальныхъ намѣреніяхъ предпринятаго имъ Посольства, весьма искренно говорила о Русскомъ народѣ, его Вѣрѣ, и разговоръ ея исполненъ былъ такой прелести и величія, которыхъ передать не возможно. Кромѣ того, Графиня прислала въ помѣщеніе Пословъ изъ замка двухъ дѣтей своихъ, молодыхъ Фонъ Турнъ: Графа Христіяна и Графа Генриха, въ сопровожденіи Гофмейстера ихъ, Іоанна Липгардта (Liphardt), во уваженіе Его Княжеской Милости, для предложенія услугъ его Посламъ. Послы удержали у себя молодыхъ Графовъ откушать въ тотъ вечеръ вмѣстѣ съ ними. Молодые люди въ разговорахъ своихъ и обращеніи обнаружили особенныя достоинства, свойственныя ихъ высокому состоянію и почти неожиданныя въ такихъ юныхъ лѣтахъ.

На слѣдующій день Графиня прислала намъ множество разнаго продовольствія, и нѣсколько писемъ къ тестю ея, Старому Графу Фонъ Турнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила Пословъ поручить сыновей ея вниманію Его Княжеской Милости, какъ будущихъ слугъ его.

Выѣзжая изъ города, мы хотѣли расплатиться съ хозяиномъ гостинницы, въ которой останавливались, но онъ рѣшительно отказался взять деньги за наше продовольствіе, говоря, что Графиня присылала для нашего стола большую часть своихъ съѣстныхъ припасовъ; по этому мы подарили ему 20 рейхсталеровъ, за которые онъ довольно дружески благодарилъ насъ. Но едва проѣхали мы съ милю отъ города, какъ увидали верхового, ко-

торый догналъ насъ и возвратилъ намъ деньги, которыя мы подарили хозяину, при чемъ сказалъ прямо, что такого подарка было слишкомъ мало. Такимъ образомъ мы принуждены были послать назадъ своего гонца, приказавъ къ даннымъ уже прибавить еще 12, чѣмъ хозяинъ остался наконецъ доволенъ.

6-го числа мы въѣхали въ Ригу, гдѣ какъ нельзя лучше приняты были нашими добрыми друзьями. На слѣдующій день Г-нъ Губернаторъ навѣстилъ Пословъ, а 10-го числа устроилъ для нихъ у себя праздникъ, на который пригласилъ насъ и важнѣйшихъ особъ города, и на которомъ угощалъ самымъ роскошнымъ образомъ.

Во всѣ эти дни насъ безпрестанно приглашали друзья наши на пиры и доставляли намъ всевозможныя удовольствія.

ГЛАВА XVII.

О путешествіи черезъ Курляндію.

13-го Февраля мы снова выѣхали изъ Риги, вмѣстѣ съ однимъ Французскимъ Посланникомъ, который подписывался такъ: «Charles Tallerand, Prince de Chales, Marquis Dissidevil, Baron des Baronies de Marrvil et de beauville, Segneur de Griquol.» Король Французскій послалъ его, съ Яковомъ Русселемъ (Rüschelln), въ качествѣ Посла въ Турцію и къ Великому Князю Московскому; но товарищъ его, будучи въ Москвѣ, измѣнически оклеветалъ его передъ Патріархомъ (у котораго Руссель своими коварными происками пріобрѣлъ большую силу), такъ что онъ впалъ въ немилость у Великаго Князя и былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ содержался цѣлые 3 года. Въ послѣдствіи, когда хитрость и злоба Русселя, направленная къ тому, чтобы поселить вражду между разными Государями, и низвергать всѣхъ тѣхъ, которые мѣшали ему въ такой политикѣ, открылась и Маркизъ оказался невиннымъ, ему возвратили свободу, послѣ смерти Патріарха. Въ заточеніи и изгнаніи своемъ Маркизъ выучилъ отъ скуки первыя 4 книги Энеиды Виргилія, наизустъ, такъ

что если изъ этѣхъ книгъ сказать ему какой угодно стихъ, онъ тотчасъ же могъ продолжать его до самаго конца; ему было всего 36 лѣтъ и характеръ у него былъ преживой и веселый.

Мы ѣхали черезъ Курляндію, и 14-го числа къ полудню прибыли въ Митаву, небольшой городъ, лежащій въ 6-ти миляхъ отъ Риги; оттуда, позднимъ вечеромъ, проѣхали мы еще 3 мили и остановились въ селѣ Дублинѣ (Dublin). Сдѣсь, по темнотѣ ночи, хозяинъ гостинницы принялъ насъ за солдатъ, или за Цыганъ, которые не задолго передъ нами посѣтили его и плохо заплатили; наконецъ мы уговорили его кое-какъ впустить насъ, но изъ пищи все таки не добыли у него ни чего, кромѣ черстваго сыра, хлѣба и кислаго пива.

15-го числа, проѣхавъ далѣе 7 миль, прибыли мы въ Фрауэнбергъ (Frawenberg), въ которомъ Исправникъ хотя не пустилъ насъ въ замокъ, но прислалъ намъ въ гостинницу добрую бочку пива. Фрауэнбергъ небольшой городокъ, принадлежащій Польшѣ; въ немъ на горѣ стоитъ монастырь, вокругъ котораго живутъ Каноники (монахи) и получаютъ хорошій доходъ.

16-го числа, отъѣхавши далѣе еще 7 миль, прибыли мы въ Бадаренъ (Badaren), находящійся также въ Польскомъ владѣніи, и остановились тамъ у одного стараго Дворянина, отставнаго коннаго Ротмистра, Іоанна Амбодена (Amboden). Этотъ Дворянинъ угостилъ насъ отлично, продержалъ за столомъ до полуночи, потчуя превосходными напитками, какъ, на примѣръ: старымъ Литовскимъ медомъ, виномъ, пивомъ, и въ короткое время такъ ознакомился съ Послами, что окончательно пріобрѣлъ ихъ дружбу. На слѣдующее утро онъ въ другой разъ угостилъ насъ превосходнымъ завтракомъ, привелъ на этотъ завтракъ и 2-хъ своихъ дочерей, которыхъ на канунѣ не показывалъ, и велѣлъ во все это время своимъ музыкантамъ играть на литаврахъ. На прощаніи онъ подарилъ Посламъ, въ знакъ памяти, одному прекрасное ружье, а другому шпагу, на что Гг. Послы отвѣчали ему также подарками, 2-мя отличными карманными часами. Мы пропировали за завтракомъ до полудня, по чему въ этотъ день (т. е., 17-го числа) сдѣлали только 4 мили, проѣхавши до Гафсгофа (Haffshoff), гдѣ легли спать уже не ѣвши.

19-го числа проѣхали мы далѣе 6 миль, до селенія Ватцава (Watzaw); 18-го тоже 6 миль до Мемеля.

Мемель, небольшой, но довольно порядочный, городокъ, съ удобною пристанью на Балтійскомъ морѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ рукавами рѣки и укрѣпленъ окопами о 4-хъ раскатахъ. Онъ построенъ въ 1250 году по Р. Х., принадлежитъ Пруссіи и Курфирсту Бранденбурскому, и въ нашу бытность сильно охранялся отъ Шведовъ.

20-го Февраля мы отправились по заливу до Свенцеля (Swentzel), на разстояніи 3-хъ миль; вечеромъ, проѣхавши далѣе пять миль, прибыли въ Булкапенъ (Bulcapen); отсюда, сдѣлавши еще 8 миль, мы благополучно пріѣхали, 21-го числа, на своихъ саняхъ въ Королевецъ (Koenigsberg), гдѣ, по недостатку снѣга, принуждены были оставить свои сани.

Между разными достопримѣчательностями города, мы нашли сдѣсь, въ прекрасномъ замкѣ Курфирста, превосходную библіотеку, которая хотя не увеличивается постоянно ежегодными пріобрѣтеніями, за то содержится въ отличномъ порядкѣ. Въ числѣ множества шкафовъ, мы видѣли въ ней одинъ, полки котораго уставлены были большими листовниками въ 4-ку, украшенными серебромъ. Изъ этого шкафа показывали намъ одну книгу, писанную собственноручно Маркграфомъ Брандебургскимъ, первымъ Герцогомъ Прусскимъ, скончавшимся въ 1564 году. Въ ней онъ даетъ наставленія своему сыну, какимъ образомъ этотъ послѣдній долженъ послѣ него править Герцогствомъ, сообразно съ Христіянскимъ ученіемъ на благо подданнымъ. Кромѣ того, въ этомъ замкѣ, за церковью, есть превосходнѣйшій залъ во 166 шаговъ длины и въ 30 ширины, со сводами, художнически выведенными безъ всякихъ столбовъ и опоръ въ серединѣ.

24 числа мы выѣхали изъ Королевца въ каретахъ и повозкахъ, съ кучерами: дорога шла лѣсами и песчаными холмами до Ельблонга (Elbingen). Этотъ городокъ не отличается большими и роскошными зданіями, но расположенъ прекрасно, съ довольно

правильными улицами, съ башнями, новыми валами, надежными раскатами и укрѣпленіями.

27 Февраля пріѣхали мы въ Гданскъ (Dantzig) и прожили въ немъ 3 недѣли. Въ продолженіи этого времени Магистратъ почтилъ насъ разными подарками, нѣкоторые члены его и важнѣйшіе граждане (изъ которыхъ главный былъ Россовъ, das Rossowische), безпрестанно давали намъ богатые обѣды. Насъ водили также въ Юпкергофъ находящійся на одной площади, гдѣ, въ огромной со сводами залѣ, собираются знатѣйшія лица города и занимаются попойками. Сдѣсь они составляютъ изъ себя братство, пользующееся разными преимуществами, въ которое приняты были наши Послы и нѣкоторые изъ насъ и въ которомъ, какъ значится въ книгѣ ихъ, участвуютъ и многія Княжескія особы. Кто хочетъ быть братомъ, долженъ выпить большой, золоченый, заздравный бокалъ, въ который входитъ цѣлая кружка (Kanne) вина, и при этомъ объявляютъ, что кто выпьетъ этотъ бокалъ разомъ весь, тотъ можетъ взять его съ собою домой. Однажды какой-то Полякъ, желая пріобрѣсть бокалъ, рѣшился и выпилъ въ одинъ духъ изъ него все вино. По существующему постановленію, ему позволили взять бокалъ домой, но въ слѣдъ за тѣмъ потребовали его назадъ, съ такой оговоркой, что хотя позволяется брать выпитой бокалъ къ себѣ на домъ, но не удерживать его у себя. Намъ показывали также ружейную Палату, богатѣйшее зданіе, наполненное разнаго рода военными принадлежностями и всякимъ оружіемъ, которыя содержатся въ такомъ порядкѣ, что тотчасъ видно, какую страсть имѣютъ къ нимъ граждане.

16-го Марта мы снова отправились въ путь, и 25-го числа прибыли въ прекрасный городъ Штетинъ.

29-го, именно въ день Пасхи, пріѣхали мы въ Ростокъ, а 30 въ Висмаръ. Такъ какъ этѣ послѣдніе города лежатъ по сосѣдству съ нами, и довольно извѣстны уже изъ другихъ писателей, въ особенности изъ сочиненій Каспера Шульцена (Schultzen), Геннебергерна (Henneberger), Цейлерна (Zeilern) и другихъ, то нѣтъ надобности въ подробномъ ихъ описаніи.

Послѣдняго числа Марта мѣсяца прибыли мы въ Княжеской замокъ Шёнбергъ (Schönberg). Сдѣсь родители любезнаго нашего спутника, Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло (Mandelslo), приняли и угостили насъ отлично, особенно меня; по тому что, по причинѣ полученной мною тутъ раны, я долженъ былъ остаться на нѣсколько дней по отъѣздѣ Пословъ, и въ этѣ дни радушные хозяева оказывали мнѣ всевозможный почетъ и попеченія.

Изъ Шёнберга Послы поѣхали 1-го Апрѣля и прибыли въ Любекъ, а потомъ въ Аренсбёкъ (Arensböck). Сдѣсь Его Княжеская Милость, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Іоакимъ Эрнстъ, прислалъ въ гостинницу за Послами карету шестернею; съ тремя чинами изъ насъ Гг. Послы поѣхали въ замокъ и обѣдали тамъ: по уваженію къ нашему Милостивѣйшему Князю и Государю, насъ приняли и угостили сдѣсь отлично.

На слѣдующее утро, послѣ добраго завтрака, Его Княжеская Милость приказалъ отвезти Пословъ назадъ въ гостинницу. Въ этотъ же день мы пріѣхали въ Прецъ (Pretz).

6-го Апрѣля, въ полдень, мы были въ Килѣ (Kiel), а вечеромъ того же дня, съ Божіею помощію, прибыли наконецъ и въ Готторфъ. На слѣдующій день Послы докладывали Его Княжеской Милости о своемъ Посольствѣ.

Вотъ вкратцѣ все о первомъ путешествіи въ Москву.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОПИСАНІЕ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ВТОРУЮ ПОѢЗДКУ ВЪ МОСКВУ.

ГЛАВА I.

Содержитъ имена особъ, находившихся во второмъ Посольствѣ.

Освѣдомясь отъ Пословъ, что Великій Князь Московскій согласенъ на свободный проѣздъ Посольства черезъ его Государство въ Персію, Его Свѣтлость, Князь Голштинскій, вознамѣрился, не взирая ни на какія издержки, далѣе преслѣдовать свои высокія намѣренія, и приказалъ немедленно дѣлать всевозможныя приготовленія для снаряженія второго Посольства къ Шаху Персидскому, и къ скорѣйшему его отправленію въ путь. Въ слѣдствіе сего тотчасъ же приступили къ заготовленію всякаго рода необходимыхъ снарядовъ и вещей и къ покупкѣ богатыхъ подарковъ для Персидскаго Шаха. Число составляющихъ Посольство было увеличено и снаряжено самымъ почетнымъ образомъ. Въ продолженіи сборовъ Его Свѣтлость, Князь Фридрихъ, послалъ меня съ нѣкоторыми порученіями въ Брабантъ къ Кардиналу Инфанту. На обратномъ пути оттуда я сдѣлался опасно болѣнъ, до такой степени, что въ Гамбургѣ Врачъ нашъ совершенно отчаявался за мою жизнь. Во все время болѣзни моей я находился въ Гамбургѣ въ домѣ Бругмана, гдѣ содержали меня прилично, и семейство Господина Бругмана оказывало мнѣ всевозможную заботливость и попеченія, за что приношу имъ мою чувствительную благодарность, и въ слѣдствіе чего позднѣе, во

время нашего путешествія, я съ терпѣніемъ переносилъ множество непріятностей отъ Г-на Бругмана. Прочіе сопровождавшіе меня также имѣли обѣдъ въ домѣ Посланника Бругмана, гдѣ всѣ содержались прекрасно, сообразно съ званіемъ и достоинствомъ каждаго, и гдѣ постоянно за столомъ играла музыка. Музыку за обѣдомъ имѣли мы всегда и послѣ, въ продолженіе всего нашего путешествія.

Особы, состоявшія при Посольствѣ по Княжескому придворному обыкновенію, имѣли различныя должности и титулы, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Германъ Фонъ Стаденъ (Staden), Рижскій уроженецъ изъ Ливоніи, занималъ должность Маршала.

Адамъ Олеарій, уроженецъ Ашерслебена, въ Саксоніи, Совѣтникъ и Секретарь Посольства.

Благородный Іоаннъ Альбрехъ Фонъ Мандельсло изъ Шёнберга въ Епископствѣ Рацебургскомъ, Шталмейстеръ.

Благородный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ, наслѣдный владѣлецъ Лиценскій при Лейпцигѣ, изъ Мишніи, Каммергеръ.

Гартманъ Граманъ (Hartmann Gramann), изъ города Ильмена въ Тюрингіи, Лейбъ-Медикъ Посольскій.

Генрихъ Шварцъ, изъ Грифсвальда въ Поморьѣ, Гофмейстеръ и Кухмейстеръ.

Гофъ-Юнкеры и Стольники:

Г. Іеронимъ Имгофъ (Imhoff), Патриціи Нюренбергскій.

Ѳома Мельвиль (Melvil), изъ Эбертина (Ebertin) въ Шотландіи.

Маг. Павелъ Флемингъ, изъ Гартенштейна въ Фойгтландѣ.

Гансъ Грюневальдъ (Grünewald), Гданскій Патриціи.

Г. Саломонъ Петри (Petri), изъ Пеника (Penick) въ Мишніи, Придворный Проповѣдникъ.

Гансъ Арпенбекс (Arpenbeke), изъ Дерпта въ Ливоніи, Главный Переводчикъ съ Русскаго языка.

Генрихъ Кребсъ (Krebs), изъ Гамбурга.

Леонъ Бернольди (Lyon Bernoldi), изъ Антверпена.

Каммеръ-Пажи:

Христіянъ Людвигъ Гюбенеръ (Hübener), изъ Берна (Brünn) въ Моравіи.

Георгъ Піусъ Пёмеръ (Pöhmer), Патриціи Нюренбергскій.

Гансъ Фойгтъ (Voigt), изъ Фрейберга въ Мишніи.

Берендъ (Бернардъ) Кохъ, изъ Ревеля въ Ливоніи.

Другіе Пажи:

Ѳома Глянцъ (Glantz), изъ Вольгаста въ Поморьѣ.

Илія Галле (Galle), изъ Герцберга въ Мишніи, Дискантистъ.

Гансъ Михель (Michel), изъ Малой Песны (Pessna) близъ Лейпцига.

Зигфридъ Дезебрухъ (Desebruch), изъ Газелова въ Голштиніи, Альтистъ.

Потомъ слѣдовали:

Исаакъ Мерсье (Mercier), изъ Женевы въ Софойенѣ, Кавалеръ.

Францискъ Муреръ (Murrer), изъ Ней-Марка въ Верхнемъ Пфальцѣ, сперва Мундшенкъ, а потомъ Каммердинеръ Посла Бругмана.

Николай Гёшге (Göschge), изъ Драге въ Штапельгольмѣ, Квартирмейстеръ.

Адамъ Мёлеръ (Möller), изъ Любека, полевой трубачъ.

Каспаръ Герцбергъ (Hertzberg), изъ Перлеберга въ Маркѣ, полевой трубачъ.

Іоаннъ Гильдебрандтъ (Hildebrandt), изъ Гамбурга, музыкантъ.

Берендъ Остерманъ (Ostermann), изъ Гамбурга, музыкантъ.

Христіянъ Герпигъ (Herpig), изъ Гекштедта (Heckstädt) въ Графствѣ Мансфельдскомъ, музыкантъ (mit der Viol di Gamba).

Гансъ Вейнбергъ (Weinberg), изъ Гданска, Хирургъ.

Якобъ Шеве (Schewe), изъ Новаго Штетина въ Поморьѣ, поварской письмоводитель.

Симонъ Кречмерь (Kretzschmer), изъ Лейпцига, надзиратель за серебряной посудой.

Дитрихъ Ниманъ (Nieman), изъ Бокстегуде (Boxtehude), тоже надзиратель серебряной посуды и портретистъ.

Михаилъ Пфаундлеръ (Pfaundler), изъ Инспрука, въ Тиролѣ, часовщикъ.

Гансъ Кёзель (Kösel), изъ Кемптена, въ Швабіи, тоже часовщикъ.

Тѣлохранители (Trabanten):

Христофоръ Гартманъ, изъ Штудгарда (Studgard), въ Виртембергѣ, столяръ.

Кнутъ (Канутъ) Карстенсонъ (Karstensohn), изъ Нештадта въ Даніи, конскій кузнецъ.

Симонъ Гейзелеръ (Heuseler), изъ Кирхайна на Экке, въ Виртембергѣ, сѣдельный мастеръ.

Рихардъ Шмиль (Schmil), изъ Любса въ Мекленбургѣ, хлѣбникъ.

Мартынъ Витенбергъ (Wittenberg), изъ Либавы въ Курляндіи, сапожникъ.

Ѳома Крегъ (Kraig), изъ Транента въ Шотландіи.

Іоакимъ Ике (Ike), изъ Новаго Бранденбурга въ Мекленбургѣ.

Гертъ (Герардъ) Вестербергъ (Westerberg), изъ города Утрехта, портной.

Слуги:

Стеенъ Енсонъ (Steen Jenson), изъ Маркерёра (Marckeröhr) въ Швеціи.

Іоаннъ Комапъ (Kohmann), изъ города Гамбурга.

Гансъ Гофемейстеръ (Hofemeister), изъ Травемюнда (Travemünda), мясникъ.

Эцердъ (Etzerdt) Адольфъ Вельнеръ (Welner), изъ Эсенса (Esens), въ Остъ-Фризіи, портной.

Каспаръ Зеелеръ (Seeler), изъ Большого Глогова (Glogau), въ Силезіи, оружейный мастеръ.

Францъ Вильгельмъ (Wilhelm), изъ Пфальца, портной.

Вильгельмъ Анравъ (Anraw), изъ города Гельдерна (Geldern), въ Нидерландахъ, портной.

Яковъ Андерсенъ (Andersen), изъ Монтавы въ Пруссіи, сапожникъ.

Гансъ Герике (Gerike), изъ Мекленбурга.

Потомъ слѣдовали:

Іоаннъ Альгейеръ (Allgeyer), изъ Безикгейма (Besickheim), въ Виртембергѣ, главный поваръ, съ своею прислугой, а именно:

Яковомъ Гансеномъ (Hansen), изъ Тундерна (Tundern) въ Княжествѣ Шлезвигскомъ, помощникомъ повара.

Іостомъ Шафомъ (Jost Schaff), изъ Касселя Гессенскаго, тоже помощникомъ, и

Гансомъ Лукомъ (Luck), изъ Киля въ Голштиніи, поваренкомъ.

За ними:

Троксъ Фонъ Эсенъ (Trox von Essen), изъ Гамбурга, Вагенмейстеръ.

Михель Блуме (Blume), изъ Витенберга въ Саксоніи, товарищъ Хирурга.

Слуги чиновъ, состоявшихъ при Посольствѣ (Гофъ-Юнкеровъ):

Петеръ Вольдерсъ (Wolders), изъ Риги, и Гансъ Карлъ Бёмеръ (Böhmer), изъ Пирны въ Мишніи, слуги Маршала.

Матѳій Гебнеръ (Hebner), изъ Прибора (Bribor) въ Моравіи, и Мартенъ Ларсонъ (Larson), изъ Вестераса (Westeras), въ Швеціи, слуги и музыканты Секретаря.

Іоакимъ Бингеръ (Binger), изъ Бриля (Briell), въ Мекленбургѣ, и Гансъ Линавъ (Linaw), изъ Мекленбурга, слуги Шталмейстера.

Альбрехтъ Цудоцкій (Zudotski), изъ Олиты въ Литвѣ, слуга Камергеровъ.

Христоферъ Бухнеръ (Buchner), изъ Крейсена (Kreissen), въ Тюрингіи, слуга Врача.

Михель Поль (Poll), изъ Виттштока (Wittstock), въ Маркѣ, слуга Гофмейстера.

Никласъ Фойгтъ, изъ Нейбруннена (Neubrunnen) въ Кобургѣ, слуга Іеронима Имгофа (H. im Hoffs).

Петеръ Девицъ (Devitz), изъ Эбертина въ Шотландіи, слуга Ѳомы Мельвиля.

Аксель Кегъ (Kaeg), изъ города Або въ Финляндіи, слуга Походнаго Проповѣдника.

За этѣми слѣдовали:

Георгъ Вильгельмъ Фонъ Финкенбринкъ (Finkenbrinck), изъ Митавы въ Курляндіи, переводчикъ съ Русскаго языка.

Мартынъ Альбрехтъ, родомъ Узбецкій Татаринъ, переводчикъ съ Турецкаго языка, котораго продали Русскимъ.

Георгій Ивановъ сынъ (Ivanofsin) и Маркъ Филировъ сынъ (Marcus Filirofsin), оба Армяне и переводчики съ Персидскаго языка.

Потомъ еще:

Христоферъ Кольбъ (Kolb), изъ Стразбурга, и Гердтъ (Герардъ) Кросе (Krosse), изъ города Граве въ Нидерландахъ, слуги Надзирателя за серебряною посудой.

Ивенъ Бартельсенъ (Iwen Bartelsen), изъ Шлезвига, слуга трубачей.

Іостъ Адріанъ (Jost Adrian), изъ Ревеля, слуга музыкантовъ.

Христоферъ Пудтъ (Pudt), изъ Гамбурга, слуга погребщика.

Войтешокъ (Woitschok) Красовскій (Krassowski), изъ Салокова (Sallokowa) въ Польшѣ, слуга Мундшенка.

Гансъ Пуденбергъ (Pudenberg), изъ Вольгаста въ Поморьѣ, конюхъ.

Іоаннъ Янсонъ (Janson), Голландецъ, псарь.

Капитанъ корабля и боцманы, которые также ѣздили въ Персію:

Михель Кордесъ (Cordes), изъ города Любека, корабельщикъ (Schiffer).

Корнелій Клаусъ (Claus) (Николаусъ) Клютингъ (Clüting), изъ Вардена въ Голландіи, тоже корабельщикъ.

Юргенъ Стефенсъ (Jurgen Steffens), изъ Любека, главный боцманъ.

Генрихъ Гартсъ (Harts), изъ Стаде, главный помощникъ боцмана (Schinmann).

Альбрехтъ Штюкъ (Stück), изъ Гамбурга, Полицейскій (Constabel).

Петеръ Витенкампъ (Wittenkamp), изъ Гамбурга, боцманъ.

Матіесъ Мансонъ (Matthies Manson), боцманъ и парусный мастеръ, Шведъ.

Петеръ Веде (Wede), Клаусъ Клаусенъ (Klaus Claussen), Вильгельмъ Румпъ (Rump) } матросы изъ Любека.

Корнелій Іостенъ (Josten), изъ Шмаляида въ Швеціи, корабельный плотникъ.

Михель Глёкъ (Glöck), изъ Любека, корабельный юнга.

Всѣ этѣ лица частію взяты изъ Германіи, частію приняты на дорогѣ, во время пути. Къ нимъ мы прибавили еще въ Москвѣ 30 человѣкъ солдатъ и Офицеровъ Великаго Князя, съ 4 слугами, такъ что съ Гг. Послами всѣхъ насъ было 126 человѣкъ отправлявшихся въ Персію.

ГЛАВА II.

Часть многотруднаго и опаснаго мореплаванія.

По изготовленіи всего, что было нужно для путешествія, Гг. Послы съ находившимися при нихъ выѣхали изъ Гамбурга, 22-го Октября, 1635 года, и 24-го числа прибыли въ Любекъ, гдѣ прожили 2 дня, пока всѣ вещи, поклажу нашу, и при нихъ 12 лошадей, не перевезли на корабль въ Травемюндѣ. 27-го числа послѣдовали туда и Послы, и въ полдень большая часть Посольскихъ были уже на кораблѣ. Корабль нашъ былъ совершенно новый, ни разу не бывшій еще въ морѣ.

Только что отчалили мы отъ берега и хотѣли выйти изъ пристани, какъ встрѣтили сильный и необыкновенный токъ воды отъ моря въ рѣку Траву, не смотря на то, что вѣтеръ дулъ отъ берега къ морю, чему моряки наши не мало удивлялись; это теченіе было такъ быстро и сильно, что корабль нашъ стремительно понесся на два другіе, стоявшіе въ пристани большіе корабля, повредилъ ихъ, перепутался съ ними снастями, и мы употребили слишкомъ 3 часа усиленной работы, прежде чѣмъ могли отцѣпиться отъ нихъ, выѣхать изъ пристани и перебраться въ рейдъ.

Нѣкоторые изъ насъ объясняли случай этотъ дурнымъ предзнаменованіемъ предстоявшаго плаванія, печальный конецъ кото-

раго, къ сожалѣнію, достаточно подтвердилъ въ послѣдствіи такое объясненіе. Одинъ изъ насъ послалъ съ корабля назадъ въ Лейпцигъ стихотвореніе: «Valet,» къ другу своему. *

На слѣдующій день, 28-го Октября, рано утромъ, въ 5 часовъ, отправивши службу, мы пустились, съ Божіею помощію, на парусахъ, при западно-юго-западномъ вѣтрѣ, который къ полудню значительно усилился, и наконецъ перешелъ въ настоящую бурю, продолжавшуюся всю ночь; тутъ мы скоро увидали, что большая часть нашихъ моряковъ также юны были въ искуствѣ мореплаванія, какъ и нашъ корабль, который впервые плылъ съ нами въ морѣ, и надо почесть особеннымъ чудомъ, что мачта его, опасно качавшаяся отъ растянувшихся новыхъ канатовъ, въ первый же день плаванія не упала за край корабля.

29-го числа ночью мы весьма близко подошли къ берегамъ Даніи, которые кормчій принялъ было сперва за островъ Борнгольмъ, и такъ какъ плаваніе наше прямо направлено было на берегъ Сконскій (Schonischen), то мы скоро, съ опасностію жизни и корабля, сѣли бы на него (ибо были уже на глубинѣ 4 саженъ), если бъ, съ наступленіемъ дня, не открылась передъ нами земля и мы въ мгновеніе не перемѣнили направленія. Въ 9 часовъ мы имѣли у себя островъ Борнгольмъ съ правой стороны.

Такъ какъ въ началѣ этого дня вѣтеръ дулъ весьма умѣренный, то мы распустили всѣ паруса. Въ вечеру, часовъ около 10, не думая вовсе объ опасности, мы располагались отдохнуть послѣ трудовъ и безпокойства прошедшей бурной ночи, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію Посланника Бругмана, сдѣланному имъ нашему кормчему на счетъ правильности нашего направленія, послѣдній увѣрялъ, что мы плывемъ въ совершенно открытомъ мѣстѣ, какъ вдругъ, плывъ такимъ образомъ на всѣхъ парусахъ, мы налетѣли на подводную скалу и остались на ней. Страшный шумъ и трескъ корабля навелъ на насъ такой ужасъ и отчаяніе, что всѣ мы думали, что тутъ же и покончимъ наше мореплава-

* Стихотворенія этого мы сдѣсь не приводимъ. Перев.

ніе, вмѣстѣ съ жизнію нашей. Сначала мы не знали, гдѣ мы и въ какой сторонѣ. Это было именно во время новолунія и темнота ночи покрывала все, что было за кораблемъ. Мы вывѣсили фонарь и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, на удачу, можетъ быть, гдѣ ни будь по сосѣдству есть земля и люди, которые могли бы помочь намъ, но не получили ни какого отвѣта, который бы подалъ намъ малѣйшую надежду. Между тѣмъ корабль началъ ложиться на бокъ, и всѣ малые и большіе впали въ страшное отчаяніе, подняли плачъ, крикъ и стенанія, и въ смертельной тоскѣ попадали на колѣни и ницъ и громко молили Бога о ниспосланіи помощи и спасенія. Самъ Капитанъ корабля плакалъ, какъ ребенокъ, стоялъ въ совершенной безнадежности и не зналъ, что начать. Я и мой другъ Гартманъ Граманъ условились, въ случаѣ крушенія корабля, обнять другъ друга, какъ добрые давнишніе пріятели, и такимъ образомъ погибнуть вмѣстѣ; по этому мы сидѣли другъ подлѣ друга и ожидали послѣдней минуты. Другіе прощались другъ съ другомъ, а большая часть экипажа давала обѣты удѣлить часть своего имущества бѣднымъ (что въ послѣдствіи исполнили, собравши приданое и выдавши замужъ одну бѣдную, но честную, дѣвушку въ Ревелѣ). Сынъ Посланника Крузе, мальчикъ лѣтъ 9, былъ жалче всѣхъ, и представлялъ трогательную картину, когда, съ слезами отчаянія, упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и громко взывалъ, безпрестанно повторяя свою краткую молитву: «Ахъ! Сынъ Давыда! Сжалься, умилосердись надо мною!» Священникъ нашъ прибавлялъ къ этой молитвѣ: «Господи! Если наши мольбы не достойны Твоего слуха, то услышь, по крайней мѣрѣ, это невинное дитя!» И Богъ былъ милостивъ къ намъ, по тому что корабль остался цѣлъ, и мы спаслись на немъ, не смотря на то, что огромныя волны все болѣе и болѣе продвигали его на скалу, безпрестанно поднимали вверхъ и снова низвергали на скалы, ударяя его объ этѣ послѣднія. При чемъ, когда происился порывъ сильнаго вѣтра и волны, одна за другою, налетали на насъ, всякій разъ начинались снова вопли отчаянія и мы думали, что послѣднее мгновеніе настало.

Въ часъ ночи мы увидали огонь не вдалекѣ отъ насъ, и это заставило насъ полагать, что земля была близко. Послы тот-

часъ же приказали отвязать ботъ, на которомъ оба съ однимъ слугою хотѣли поплыть къ огню и, въ случаѣ, если бы имъ удалось спастись первымъ и достигнуть земли, они употребили бы всѣ средства спасти и насъ. Но только что перенесли шкатулки съ вѣрительными грамотами и драгоцѣнностями на ботъ, и 2 человѣка изъ нашей прислуги, желавшіе болѣе другихъ спасти свою жизнь, вскочили на него, какъ нахлынула волна, наполнила ботъ, который началъ тонуть, оторвался отъ корабля и наконецъ пошелъ ко дну, такъ что сказанные 2 человѣка, разумѣется, совершенно мокрые, съ опасностію жизни, едва успѣли при этомъ взойти снова на корабль. И такъ, мы опять всѣ вмѣстѣ должны были провести остатокъ ночи въ такой опасности со страхомъ и надеждою.

Къ утру, когда небо прояснилось, наши опасенія и страхъ начали проходить, вмѣстѣ съ мрачною ночью; мы увидали, что сидѣли подлѣ острова Ёланда (Oeland), и не вдалекѣ отъ насъ лежали остатки одного Датскаго корабля, разбившагося здѣсь мѣсяцъ тому назадъ (мы нашли потомъ на островѣ мальчика, который одинъ только спасся отъ этого кораблекрушенія, и котораго мы взяли съ собою въ Кальмаръ).

Солнце взошло, вѣтеръ немного стихъ и волны стали меньше; тогда на маленькой лодкѣ къ кораблю нашему приплыли 2 Ёландскіе рыбака, которые, по уговору съ Послами, за большія деньги сперва перевезли на берегъ ихъ, а потомъ и нѣкоторыхъ изъ насъ. Въ полдень мы нашли Посольскія шкатулки, которыя потонули было вмѣстѣ съ ботомъ и которыя море выбросило на берегъ. Черезъ нѣсколько времени пришли къ намъ нѣсколько Ёландскихъ крестьянъ, на помощь, высвободить корабль и стащить его со скалы. Капитанъ корабля приказалъ для этого отвезти 2 якоря и сбросить ихъ саженяхъ въ сорока отъ корабля, и когда нѣсколько крестьянъ, съ матросами, всѣхъ 10 человѣкъ, поплыли на корабельномъ ботѣ и хотѣли сбросить большой якорь, ботикъ опрокинулся (можетъ быть, крестьяне этѣ были немного пьяны, отъ вина, которымъ мы порядочно угостили ихъ), и всѣ находившіеся въ немъ попадали въ море; спасаясь, одни изъ нихъ ухватились за опрокинутый ботъ, другіе

за весла и держались за нихъ до тѣхъ поръ, пока кормчій нашъ не бросился въ рыбачью лодку, случившуюся у берега, и не поспѣшилъ къ нимъ на помощь; въ два раза онъ забралъ всѣхъ на берегъ, кромѣ одного, именно корабельнаго плотника, который, не поймавши ни чего, на чемъ бы могъ держаться и плавать, пошелъ ко дну и утонулъ на глазахъ нашихъ. Одинъ рослый и сильный крестьянинъ, остававшійся у насъ на кораблѣ, и не ѣздившій на ботѣ для выгрузки якорей, тоже бросился на помощь на своей рыбачьей лодкѣ, и, схвативши одного боцмана, тоже безо всего плывшаго въ морѣ, самъ упалъ въ воду; боцманъ въ то же время успѣлъ взобраться на ботъ и привезъ къ кораблю и этого крестьянина, который ухватился за край бота.

Пока возились съ кораблемъ, съ намѣреніемъ снять его со скалы, вода въ морѣ высоко поднялась, и вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ съ юго-запада, вдругъ подулъ съ сѣверо-запада, разомъ сдвинулъ съ мѣста корабль и поставилъ его въ открытое море. Какъ только корабль вышелъ на глубину, начался опять югозападный вѣтеръ, съ которымъ мы и поплыли по Кальмарскому проливу, хотя тоже не безъ опасностей, по причинѣ неровнаго и нечистаго грунта около Кальмарскихъ укрѣпленій. Корабль остановился передъ Кальмаромъ, гдѣ и дожидался Пословъ, которые 1-го Ноября, съ частью людей, вышли на берегъ, прошли до Кальмара сухимъ путемъ, и возвратились на корабль у одного стараго, разрушеннаго укрѣпленія, называемаго Ферштадтъ (Fehrstadt).

Островъ Ёландъ имѣетъ 18 миль въ длину и одну въ ширину. Внизу его, тамъ, гдѣ мы стояли, почва по преимуществу каменистая и скалистая, и по тому мало кустарниковъ и полей; выше же почва гораздо лучше, обильна елями и кустарникомъ, съ добрыми пастбищами и множествомъ мелкой дичи. Ёландъ изобилуетъ множествомъ красныхъ и бѣлыхъ плитъ и камней, употребляемыхъ на мостовыя и для разныхъ зданій: камни эти ломаютъ здѣсь и перевозятъ въ разныя мѣста. На возвышенномъ мѣстѣ, по ту сторону Кальмарскаго пролива, на Ёландѣ стоитъ крѣпкій замокъ, Борхгольмъ, имѣвшій нѣкогда 32 церкви, изъ которыхъ многія представляютъ теперь однѣ развалины;

впрочемъ, плывя вдоль берега, и теперь еще можно видѣть 28 колоколенъ. Островъ принадлежитъ Шведскому Королевству.

Кальмаръ, приморскій, главный городъ въ Смаландѣ, въ 40 миляхъ отъ Копенгагена, и хотя не великъ и состоитъ изъ плохихъ деревянныхъ домовъ, но имѣетъ Королевскій Дворецъ, крѣпость, довольно изрядно защищенную валами, и въ прежнее время удостоивался торжественныхъ посѣщеній Шведскихъ Королей.

Изъ Кальмара посланы были Іоаннъ Фойгтъ и Стеенъ Іенсенъ (Steen Jensen), черезъ Данію, назадъ въ Готторфъ, за новыми вѣрительными грамотами, по тому что прежнія, побывши въ морѣ, измокли и совершенно испортились.

За тѣмъ толковали о томъ, продолжать ли путешествіе наше моремъ, или черезъ Швецію сухимъ путемъ, и наконецъ, по многимъ причинамъ, было рѣшено пріискать опытнаго кормчаго и пуститься далѣе моремъ. Но, не нашедши въ Кальмарѣ ни одного такого, мы удовольствовались тѣмъ, что наняли 2 лоцмановъ, которые бы провели насъ съ полмили, по мелкому мѣсту, до открытаго моря.

3-го числа, съ Божіею помощію, мы распустили паруса и отправились въ путь, миновали въ лѣвѣ, среди воды, большую, круглую скалу, называемую Шведская Дѣва, и находящуюся въ 8 миляхъ отъ Кальмарскаго пролива. Въ полдень, мы имѣли съ правой руки у себя замокъ Борхгольмъ, на островѣ Ёландѣ, а къ вечеру достигли конца этого острова, и плыли сдѣсь эту ночь въ такую сильную бурю, поднявшуюся съ сѣверо-востока, что передняя часть корабля больше находилась подъ водою, чѣмъ внѣ воды, и волны били въ самые паруса. Въ такую-то бурю насосы корабельные оказались нечисты, и надо было приложить много труда и времени, чтобы сдѣлать ихъ годными, а до того воду съ корабля вычерпывали чашами и другими сосудами, при чемъ, по невозможности держаться на кораблѣ прямо на ногахъ, и эта работа была чрезвычайно тягостна. Буря эта продолжалась до полудня слѣдующаго дня, и мы были въ такой опасности, что если бъ вѣтеръ не перемѣнился, мы на-

вѣрное потерпѣли бы кораблекрушеніе; но въ это время начался болѣе благопріятный вѣтеръ (давшій намъ возможность отойти отъ береговъ Ёланда), и мы могли продолжать наше плаваніе, а къ вечеру увидали уже большой островъ Готландъ (Gottland).

ГЛАВА III.

Объ островѣ Готландѣ.

Пока мы у Готланда, я хочу подробнѣе поговорить о немъ, по тому что, сколько мнѣ извѣстно, Нѣмцы писали о немъ очень мало, не смотря на то, что, по своимъ древнимъ обитателямъ, этотъ островъ весьма замѣчателенъ. Онъ былъ отечествомъ части древнихъ Готовъ, которые нѣкогда дѣлали отсюда безпрестанные набѣги, бывали почти во всемъ извѣстномъ тогда свѣтѣ, проходили и занимали съ своими воинственными дружинами множество областей и странъ, какъ объ этомъ, между прочими, пишутъ и Іоаннъ Тритемій (Trithemius), Іоаннъ Магнусъ, Олай Магнусъ, Рубей Лазій (Rubeus Lazius), и многіе писатели Hispanicarum rerum, которыхъ всѣхъ собралъ Андрей Скотъ (Schotus). Этого послѣдняго укоряетъ Бонфинъ de reb. Ungaricis dec. I, l. 2, что онъ, будучи самъ Готомъ, приписываетъ Готамъ слишкомъ много лестнаго и похвальнаго.

Вмѣстѣ съ большею частію другихъ писателей я полагаю, что древніе Готы имѣли первое свое мѣстопребываніе на сѣверѣ, именно въ Сконенъ (Schonen), Гутландѣ и Готландѣ (Guht и Gohtlandt), и на островѣ Готландѣ, не смотря на то, что Павелъ Пясецкій отвергаетъ такое положеніе, въ своей Chronica gestorum in Europa singularium, pag. 48, и говоритъ, что Готы и Геты (Gohten и Geten), обитавшіе у Понта Эвксинскаго, всегда были одинъ и тотъ же народъ и имѣли тамъ и свое начало; мнѣніе это онъ старается доказать древними писателями, Эліемъ Спартаніемъ, Іеронимомъ, Орозіемъ, Прокопіемъ и Іорнандомъ.

Извѣстно изъ книги VII Страбона и изъ Овидія, что Геты (Gehten) обитали у Понта Эвксинскаго, что къ нимъ въ послѣдствіи

пришли съ войскомъ Готы (какъ сказано будетъ ниже), и частію поселились тамъ, и такимъ образомъ, какъ объясняетъ Павелъ Орозій lib. 1, cap. 2, самая область получила отъ нихъ свое имя. «Constituerunt novi populi novam regionem,» говоритъ Beatus Rhenanus in praef. за Прокопіемъ. Часть Гетовъ присоединилась къ Готамъ, и помогала имъ занимать и опустошать страны. Къ этому же Ренанъ, въ сказанномъ мѣстѣ, присоединяетъ: «Если ученые смѣшали Готовъ съ Гетами, то это случилось «propter allusionem nominis;» ибо названія ихъ почти однозвучны, и самые народы одинаковаго свойства: точно также Императора Максимиліяна называли Максиміяномъ, Максимомъ Эмиліяномъ и проч.

Овидій не совсѣмъ лестно отзывается о Гетахъ, говоря въ lib. 2 de Ponto, El. 7:

«Nulla Getis toto gens est truculentior orbe.»

То есть: въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ народа хуже и легкомысленнѣе Гетовъ. Готы получили у народовъ и разныхъ націй, которые они покоряли, не лучшій титулъ, и по тому слыли у нихъ подъ тѣмъ же именемъ. Отсюда понятна шутка Гельвія Пертинакса, которую онъ сказалъ Императору Антонину (Caracalla), и которую находимъ мы у Спартіяна (Spartiani). Когда этотъ Императоръ, одержавши побѣду надъ Нѣмцами (Teustchen), Парѳянами, Арабами и Алеманами, приказалъ составить для себя большой титулъ, Пертинаксъ сказалъ: «Adde, si placet, etiam Geticus Maximus,» по тому что во 1-хъ, онъ убилъ брата своего Гета, и во 2-хъ, Готовъ называлъ Гетами. Таково было также мнѣніе Іеронима, какъ приводитъ это упомянутый Ренанъ; онъ говоритъ о Genesi in quaestionib. Hebraicis, что одинъ писатель предполагаетъ, что нынѣшніе Готы, рыскающіе по всей странѣ, были Гогъ и Магогъ; исходъ войны доказываетъ это; но другіе ученые стояли на томъ, что ихъ скорѣе можно назвать Гетами, чѣмъ Гогъ и Магогъ. Разумѣется, этѣмъ замѣчаніемъ онъ не даетъ ни какого вѣрнаго заключенія. Тоже самое дѣлаетъ и Прокопій l. 1, Gothici belli: «Geticum quippe Gothorum hi nationem esse affirmant.» Также въ началѣ сочиненія о войнѣ съ Вандалами: «Sunt et qui Geticas nationes hos Gothos vocant.» И такъ ихъ называютъ только такимъ обра-

зомъ. Что касается до Іорнанда, то онъ совершенно противъ мнѣнія Пясецкаго, а скорѣе нашего; въ 3-й и 4-й главѣ говорится de Getarum et Gothorum origine. Сдѣсь, вмѣстѣ съ Птоломеемъ, онъ замѣчаетъ: «Scanzia (т. е., Сконенъ (Schonen) и все, что къ ней относится) est in oceani arctoo salo posita insula magna. Ex hac Scanzia insula, quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum, Gothi quondam memorantur egressi, qui ut primum e navibus exeuntes, terras attigere, ilico loco nomen dederunt.» Съ этѣмъ согласны и многіе другіе; такъ, на пр.: Trithemius l. 1 annal. in principio, p. 2: «Anno ante Christum natum 440 contra Antenorem Regem gens ferocissima et sine numero numerosa de Insulis Scanzianis, quae nunc Gothicae nuncupantur, egressa;» а передъ этѣмъ прямо говоритъ, что то были «Scanziani Cothi Suecique sive Suedi,» которые разбили, или убили Антенора у устьевъ Дуная. Prosper Aquitanius пишетъ въ Annalib: «quod post Christum natum anno 382 Longobardi ab extremis Germaniae finibus Oceanique litore Scandiaque insula magna egressi, novarum sedium avidi.» Согласно съ симъ говоритъ и Іоаннъ Mariana l. 5, c. 1, de reb. Hispanicis. При этомъ они впадаютъ въ ошибку, вмѣстѣ съ Птоломеемъ (по тому что сами не бывали въ Сѣверныхъ странахъ, которыя не были еще такъ извѣстны тогда, какъ въ настоящее время), называя островомъ материкъ, или великій полуостровъ, какъ справедливо замѣчаетъ Maginus о Птоломеѣ.

Что Scanzia дѣйствительно есть та самая страна, которая находится въ Даніи и Швеціи, это не подлежитъ ни какому сомнѣнію; Ambros. Calep. говоритъ, на основаніи Plinii lib. 4, cap. 13: «Scandinavia vel Scandia insula est Oceani septentrionalis incompertae magnitudinis, quidam alterum terrarum orbem appellavere. Nonnulli etiam officinam gentium, eo quod incredibilem mortalium vim identidem effuderit, qui, ad quaerendas novas sedes orbem peragrantes, cuncta cladibus et vastitate impleverunt. Hoc die satis constat insulam non esse, sed ad ortum supra Livoniam continenti adhaerere. Tenent eam Suedi, Norvegi, Gothi innumeraeque aliae barbarae gentes.» Подобныхъ свѣдѣтельствъ о томъ, что Готы имѣли первое свое обиталище въ Сѣверныхъ странахъ, и преимущественно въ Сконіи (Gothland, Gutland) и на островѣ Готландѣ, я могу привести еще много. Объ этомъ смотри также Аль-

берта Кранца, Понтана и особенно Іоанна Магнуса с. 7, praefat. Gothorum histor. Lazius de migrat. gent. l. 10. пишетъ: «Gothi, quorum primae sedes in insulis maris Balthici fuere in Scandia sive Schonlandia. Equidem extant in hanc usque diem insulae supra Prussiam et Livoniam, quarum una Gothlandia, a Gothis nimirum, altera Schonlandia et Finlandia,» что значитъ: Готы имѣли свое первое обиталище на островахъ Балтійскаго моря (или въ Остъ-Зее), и въ настоящее время острова этѣ лежатъ выше Пруссіи и Ливоніи, изъ которыхъ одинъ называется Готландъ, по Готамъ, а также страны Сконія и Финляндія.

По этому совершенно неосновательно удивляется Пясецкій, какимъ образомъ Шведы могли попасть черезъ Балтійское море въ р. Вислу; ибо Висла хотя и вытекаетъ изъ Сарматскихъ горъ но протекаетъ черезъ всю Польшу и близъ Гданска вливается въ это море; Гданскъ же находится не далѣе 30 миль отъ Готланда. Вѣроятно, онъ не имѣлъ случая ознакомиться ближе съ Балтійскимъ моремъ. Онъ спрашиваетъ: когда же это случилось, и кто свѣдѣтельствуетъ объ этомъ? На это отвѣчаетъ Лазій и ссылается на свѣдѣтельство Іорнанда, который говоритъ, что именно Готы были на Вистулѣ или Вислѣ, и поселились тамъ въ то время, когда Сулла правилъ въ Римѣ. Пясецкій возражаетъ далѣе, что если бъ Готы вышли изъ этѣхъ мѣстъ и странъ, то тамъ непремѣнно остались бы отъ нихъ какіе ни будь древніе слѣды, или письмена, которыхъ, однако же, нѣтъ. Но было бы забавно доказывать то, въ чемъ легко убѣдиться разными памятниками, которые можно и теперь еще видѣть собственными глазами; ибо въ Швеціи и Даніи повсюду встрѣчаются на скалахъ древнія руническія или Готскія надписи, о чемъ достаточныя свѣдѣнія предлагаютъ намъ Іоаннъ Понтанъ in Chronographia Regni Daniae, Берціи l. 3. Comment. German., Андрей Буреи in Orbis arctoi descriptione, и Олай Вурмъ въ De Literatura Runica. Сообразуясь со всѣмъ выше сказаннымъ, я держусь Олая Вурма и говорю, что происхожденія Готовъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ искать не слѣдуетъ, какъ только въ странахъ, подвластныхъ теперь Датскому и Шведскому Королю. Яснѣе и обстоятельнѣе пишетъ объ этомъ Гансъ Нильсонъ Стреловъ (Strelow), уроженецъ Готландскій, Суперъ-Интендентъ этого острова, въ Датской Хроникѣ объ островѣ Готландѣ.

Именно, что одинъ начальникъ Кимвровъ (Cymbern), по имени Тильваръ (Tielwar), послѣтого, какъ отецъ его открылъ этотъ островъ въ 1684 году до Р. Х., въ слѣдствіе размноженія народонаселенія и дурнаго продовольствія въ странѣ Кимвровъ, выѣхалъ изъ этой страны, и занялъ островъ, и, какъ язычники, пришельцы принесли лунѣ жертву. Когда же на Готландѣ народонаселеніе тоже умножилось, то жители его присоединились къ обитателямъ острововъ Эзеля и Дагерота (Dageroth), составили изъ себя въ 15,000 человѣкъ вооруженное войско, и въ 1388 году до Р. Х. поплыли отсюда на 300 корабляхъ по направленію къ Ливоніи и пристали въ Эстоніи или Эстляндіи. Для того же, чтобы ни кто не могъ бѣжать отъ непріятеля, они сожгли сами свои корабли. За тѣмъ они прошли по Россіи до Дона или Танаиса, составляющаго границу съ Азіею и впадающаго въ Понтъ, смѣшались тамъ съ Гетами, и потомъ, размножившись, раздѣлились на многія племена. Въ 384 году (Просперъ полагаетъ въ 382), когда въ Даніи царствовалъ Король Спикъ (Snic), было еще новое выселеніе оттуда. Въ это время на материкѣ Готланда (но не на островѣ) была страшная дороговизна, такъ что страна не могла болѣе прокармливать своихъ юныхъ витязей и храбрыхъ воиновъ, и по тому было рѣшено, чтобы половинная часть ихъ, вмѣсто того, чтобы гибнуть, какъ это было сначала, выѣхали въ другія страны и снискали себѣ пропитаніе. Въ слѣдствіе сего этѣ воины, съ двумя своими начальниками, Эббе (Ebbe) и Ааге (Aage), на нѣсколькихъ корабляхъ отправились къ острову Готланду посовѣтоваться съ знаменитыми и воинственными богатырями. Когда Готландцы увидали большой флотъ, и не знали, что онъ значилъ, тотчасъ вооружились и не позволяли пріѣзжимъ высадиться, пока они не пришлютъ заложниками своихъ двухъ начальниковъ. Въ послѣдствіи они соединились съ прибывшими, снарядили отъ себя съ острова 10 кораблей, по 100 человѣкъ въ каждомъ, отправились въ Рюгенъ, и взяли его. Потомъ пошли далѣе, основали Лонгобардское Царство и имѣли своихъ собственныхъ Королей, до Императора Карла Великаго. Все это, и еще многое другое, говорится въ Датской Хроникѣ.

Что касается до самаго острова Готланда, то настоящее его состояніе я частію видѣлъ самъ, частію же собиралъ о немъ свѣ-

дѣнія отъ тамошнихъ жителей; ибо за нѣсколько передъ этѣмъ лѣтъ, ѣздивши въ Ливонію, по причинѣ неблагопріятнаго вѣтра туда и обратно, я два раза долженъ былъ приставать къ острову Готланду и проживать тамъ по нѣскольку дней.

Островъ Готландъ лежитъ противъ твердой земли Готландъ; подъ 58 градусомъ широты; въ длину простирается на 18, а въ ширину на 3, или 4, Нѣмецкихъ мили; почва на немъ скалистая, поросшая большею частію елью и можжевельникомъ; въ немъ находится нѣсколько пристаней, изъ которыхъ важнѣйшія и удобнѣйшія на восточномъ берегу, а именно: Остергааръ (Ostergaar), Слидгафъ (Sliedhaff), Зандвигъ (Sandwig), Нарвигъ (Narwig) и Гейлиггольмъ (Heiligholm).

Остергааръ (Ostergaar) есть небольшой отдѣльный островъ, безлѣсный, лежащій почти противъ самой середины Готланда и образующій весьма удобную пристань для тѣхъ, которые умѣютъ миновать песчаныя отмели, далеко выдающіяся въ море.

Слидгафъ (Sliedhaff) далѣе на сѣверъ отъ Остергаара, лучшая пристань для всѣхъ вѣтровъ. Передъ нимъ лежатъ 4 небольшіе островка, или скорѣе песчаныхъ холма, которые защищаютъ пристань отъ натиска волнъ и которые издалека можно примѣтить по разрушенной часовнѣ, стоящей на одномъ изъ этѣхъ холмовъ.

На всемъ Готландѣ находится только одинъ городъ Висби (Wissby), на западномъ берегу; но, кромѣ того, на немъ до 1500 крестьянскихъ дворовъ (Baurhöfe), и въ 3-хъ миляхъ отъ Слидгафа древній монастырь. Церкви сдѣсь, какъ и въ Ёландѣ, расположены на разстояніи мили одна отъ другой, и своими колокольнями служатъ прекрасными путеводными знаками для моряковъ.

Жители сдѣсь Датчане, и самый островъ прежде принадлежалъ Даніи, но 11 лѣтъ тому назадъ, въ слѣдствіе войны Шведовъ съ Датчанами, онъ былъ уступленъ, по заключенному миру, Швеціи. Главное занятіе жителей составляетъ скотоводство, для котораго на островѣ находятся очень хорошіе луга; кромѣ

того они занимаются рубкою лѣса строеваго и на топливо, и отсюда вывозятся доски, равно какъ и строевой лѣсъ, гораздо лучше, чѣмъ вывозимые съ Сѣвера. Отсюда же вывозится множество известняка и извести, которыми наполнена почти вся страна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности по дорогѣ отъ Слидгафа къ Висби, почва покрыта гладкими, наросшими другъ на другѣ, каменьями, часто на пространствѣ ружейнаго выстрѣла вдоль и поперекъ, такъ что по мѣстамъ этѣмъ ѣдешь все равно, какъ по мостовой. Изъ произведеній сдѣсь выгоняется еще и вывозится множество дегтя, о значительной торговлѣ которымъ можно судить по тѣмъ пошлинамъ, которыя платятъ тутъ этѣмъ произведеніемъ. Прежде островъ долженъ былъ давать Правительству 70 ластовъ; теперь же съ каждаго двора положено взимать, въ пользу Шведской Короны, по четверти тонны, что составляетъ отъ 90 до 100 ластовъ въ годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ успѣхомъ занимаются также и земледѣліемъ, которое доставляетъ сѣмена и продовольствіе; разводятъ въ поляхъ особаго рода бѣлую рѣпу, которая, вареная довольно мягка и пріятна на вкусъ; въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ, сѣмена этой рѣпы не такъ хорошо принимаются.

Изъ любопытства я ѣздилъ съ нѣкоторыми товарищами въ городъ Висби. Онъ стоитъ на горѣ, или скорѣе на скалѣ, нависшей надъ моремъ, окруженъ крѣпкой стѣной и раскатами, и у самаго моря, на южной части, имѣетъ небольшой, но надежный, замокъ, называемый Ландскронъ (Lands-Cron). По древнимъ толстымъ стѣнамъ разрушенныхъ домовъ и церквей, изъ дикаго камня и мрамора, видно, что нѣкогда это былъ превосходный городъ. Разрушенныхъ церквей въ немъ внутри стѣнъ 13, и 1 за стѣной. Намъ разсказывали, что городъ этотъ основанъ былъ въ концѣ VIII-го в. по Р. Х. и что съ той поры въ немъ живало до 12000 гражданъ, все именитыхъ купцевъ и важныхъ сановниковъ; что, кромѣ хлѣбниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ни какимъ ремесленикамъ въ городѣ жить не позволялось, и что этѣ послѣдніе имѣли свои дома за городомъ, гдѣ теперь поля. Сюда съѣзжались для торговли, кромѣ Датчанъ, Шведы, Венды (Прибалтійскіе

Славяне), Саксонцы, Русскіе, Евреи, Греки, Пруссы, Поляки и Ливонцы. Говорятъ также, что сдѣсь составлены первыя морскія карты и установлено морское право, которымъ пользуются и теперь Любекъ и другіе Ганзейскіе города. Послѣ паденія славнаго города въ Пруссіи Венеты, Висби пришелъ было въ самое цвѣтущее состояніе, но наконецъ, какъ и все вообще, началъ клониться къ упадку, и въ настоящее время въ немъ считается весьма мало жителей, живущихъ въ бѣдности и на худомъ кормѣ. Пристань также разрушилась, и теперь тамъ не могутъ стоять корабли, и только небольшія суда или челны по временамъ посѣщаютъ ее. Исаакъ Понтанъ пишетъ, что Висбійцы, возгордившись своимъ счастіемъ, навлекли на себя своею надменностію негодованіе ихъ Шведскаго Короля, Магнуса, и дали поводъ къ тому, что Вольдемаръ, Король Датскій, покорилъ въ 1361 ихъ и весь ихъ островъ своей власти, въ слѣдствіе чего подписывался, не такъ какъ прежде, только: «Король Датчанъ и Вендовъ,» но уже «Король Датчанъ, Готовъ и Вендовъ,» чему слѣдовали потомъ и другіе послѣ бывшіе Короли. Самое замѣчательное, что видѣлъ я въ этомъ городѣ, это нѣчто въ родѣ желѣзной западни, находящейся въ воротахъ кладбищенской церкви. Намъ разсказывали слѣдующее происшествіе, о которомъ говорится и въ помянутой выше Датской Лѣтописи: въ 1496 г. одинъ воръ укралъ изъ нашего женскаго монастыря деньги и серебряныя изображенія Апостоловъ, и когда за такое святотатство вора отрѣшали отъ церкви и проклинали, то онъ, бывши въ это время въ церкви, слышалъ свое отрѣшеніе и преданіе проклятію, слышалъ, какъ звонили при этомъ въ колокола, видѣлъ, какъ погасили свѣчи, и отъ всего этого такъ испугался, что вышелъ изъ церкви и только что ступилъ на желѣзныя плиты, то не могъ ити далѣе, желѣзо растопилось подъ его ногами, такъ что онъ провалился, завязъ и долженъ былъ остаться въ такомъ положеніи, пока не пришли люди, которые высвободили его и предали суду. Сказанныя желѣзныя плиты, имѣющія такой видъ, какъ будто онѣ начали плавиться, вдѣланы въ церковныя ворота у желѣзной петли, на правой рукѣ въ углу, и ихъ можно видѣть тамъ въ настоящее время.

Когда мы были уже въ пристани, намъ разсказывали другое происшествіе, также находящееся и въ упомянутой выше Готланд-

ской Лѣтописи, стр. 199: невдалекѣ отъ города 3 человѣка съ собакой и сѣтьми обращены были въ камень, и дѣло это было такимъ образомъ: Въ ночь подъ Св. Пасху пять человѣкъ ходили на охоту, и когда зазвонили къ службѣ, то двое изъ нихъ пошли въ церковь, а трое остались на мѣстѣ и легли спать; за это они и были обращены въ камень, вмѣстѣ съ собакой и сѣтьми (или одеждой, тряпьемъ), и ихъ и теперь еще можно видѣть на томъ мѣстѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ нашему путешествію.

ГЛАВА IV.

О дальнѣйшемъ опасномъ нашемъ мореплаваніи.

5-го Ноября, когда мы миновали Готландъ, страшная буря поднялась въ другой разъ съ запада юго-запада, такъ что волны безпрестанно перелетали черезъ корабль. Вечеромъ, около десяти часовъ, бросили мы лотъ и нашли 12 саженъ глубины, и такъ какъ мы опасались береговъ, то ночью опять пустились на право, въ открытое море. Въ этотъ день, по причинѣ постоянно бурной погоды, мы могли плыть только съ большимъ парусомъ средней мачты.

6-го числа, въ полдень, намъ повстрѣчался Голландскій корабль, который далъ намъ свѣдѣніе, какъ далеко, и какой прямой путь надо было взять намъ до острова Тагерордта (Tagerordt), который къ вечеру былъ уже у насъ въ виду; но поднявшаяся ночью буря снова заставила насъ удалиться отсюда въ открытое море.

7-го числа, въ полдень, мы снова увидали скалы Тагерордта, но кормчій нашъ, полагая, что сильная буря въ продолженіе ночи должна была занести насъ дальше на сѣверъ, принялъ этѣ скалы за Етгенсгольмъ (Oetgensholm), по чему мы и перемѣнили наше направленіе къ опасному проходу Гондесвигу (Hondeswig),

совсѣмъ вошли было въ него, не думая ни какъ, что лежавшій передъ нами островъ былъ Тагерордтъ, пока наконецъ мы подплыли къ нему такъ близко, что могли увидать находящіяся на немъ башни; тутъ только замѣтили мы свою ошибку, и съ большою опасностію тотчасъ же поворотили назадъ. Въ этотъ день мы повстрѣчали сбившееся съ пути судно, и когда экипажъ его узналъ, что мы плывемъ въ Ревель, то и онъ пустилъ свое судно за нами. Ввечеру оно оставило насъ и легло на якорѣ у Тагерордта, и мы узнали потомъ, что на другой день оно благополучно прибыло въ Ревель. Хотя мы во все послѣобѣденное время постоянно имѣли въ виду Ливонскій берегъ, а къ вечеру были ни какъ не далѣе мили отъ острова Наргена (Nargen), лежащаго у входа въ Ревельскую пристань, но нашъ Капитанъ и кормчій за благо разсудили лучше провести ночь въ открытомъ морѣ, чѣмъ подвергнуться опасности, приблизясь къ землѣ; по чему они и не рѣшились плыть въ Ревельскую пристань, или стать на якорѣ у Тагерордта, по примѣру встрѣченнаго нами судна, не смотря на всѣ наши увѣщанія. Такимъ образомъ, не взирая на довольно бурную погоду, мы пустились снова въ открытое море.

Вечеромъ, часовъ около 10, поднялся страшный бурный вѣтеръ, и прежде чѣмъ мы успѣли принять противъ него мѣры предосторожности, онъ съ ужаснымъ трескомъ сломилъ большую мачту, вмѣстѣ съ Фокъ-зейлемъ, которыя упали за бортъ черезъ спальную койку нашего Доктора, и за нею одного боцмана, стоявшаго тутъ, до такой степени ушибло канатомъ, что несчастный упалъ замертво, и изъ ушей и носа у него потекла кровь; онъ опомнился только на 3-й день, но ни какъ не могъ объяснить, какимъ образомъ случилось съ нимъ такое несчастіе, и умеръ вскорѣ за тѣмъ въ Гохландѣ (Hochland). При этой ломкѣ на кораблѣ, когда сломало мачты и сорвало каюты, надо почесть чудомъ, что у насъ остался цѣлъ ящикъ, въ которомъ хранится компасъ, и самый компасъ, къ великому счастію нашему, ни сколько не повредился; безъ него мы не знали бы, куда держать путь свой.

Такое несчастіе снова привело всѣхъ насъ въ ужасъ и отчаяніе: нѣкоторые изъ насъ разразились громкими воплями. Ко-

рабль все болѣе и болѣе метало изъ стороны въ сторону, и мы кружились, шатались, будьто пьяные, и катались другъ черезъ друга, по тому что, не придерживаясь за что ни будь, рѣшительно не возможно было ни стоять, ни сидѣть, ни лежать. Сломленная и висѣвшая на нѣсколькихъ канатахъ мачта моталась и страшно билась о корабль. Капитану корабля очень хотѣлось сохранить снасти, не смотря на то, что самый корабль подвергался большой опасности отъ сильныхъ ударовъ мотавшейся мачты; по этому одинъ изъ Пословъ вынужденъ былъ настоятельно потребовать обрубить канаты, на которыхъ держалась сказанная мачта, что немедленно и было исполнено. Матросы кричали и горько оплакивали своего товарища, лежавшаго замертво. Такимъ образомъ мы и эту ночь провели въ большихъ мученіяхъ.

Съ наступленіемъ дня 8 Ноября, мы страстно искали глазами Ревельской пристани, надѣялись, что въ этотъ день избавимся наконецъ отъ бурныхъ волнъ и ступимъ на давно желанную землю, въ томъ порядкѣ и великолѣпіи, съ которыми предписалъ Посланникъ Бругманъ, нѣсколько дней тому назадъ, наше вшествіе въ Ревель, но увы! Наши надежды и предначертанія были на водѣ, земля будьто бѣжала отъ насъ, мы потеряли ее и еще разъ были въ непзвѣстности, гдѣ мы находимся. Хотя мы думали прежде, что держали путь къ пристани, но въ продолженіе ночи насъ такъ отнесло въ лѣво отъ земли, что мы цѣлое утро не могли достигнуть высоты, съ которой бы можно было видѣть берегъ. Потомъ уже, около 9 часовъ, когда солнце нѣсколько прояснилось, туманъ разсѣялся и насталъ ясный, чистый воздухъ, мы увидали, что уже миновали Ревельскую пристань. Въ это самое время, вдругъ, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ, поднялась съ юго-запада страшная буря, подобная землетрясенію, низвергающему въ одну массу небо, землю и море. Вѣтеръ свистѣлъ и вылъ въ воздухѣ, будьто высокія горы, воздымающіяся и пѣнящіяся волны яростно бросались и сталкивались другъ съ другомъ; нѣсколько разъ корабль поглощало море въ свои бездны, и потомъ опять извергало его. Капитанъ нашъ, пожилой человѣкъ, и нѣкоторые изъ экипажа нашего, плававшіе въ Восточныхъ и Западныхъ Индійскихъ моряхъ и видѣвшіе не разъ

страшныя бури, божились, что никогда еще они не бывали въ такой опасности и не видали такихъ неистовыхъ бурь.

Теперь намъ нуженъ былъ добрый совѣтъ, что предпринять; но и на этотъ разъ ни кто не могъ подать его, и намъ не оставалось другого средства, какъ положиться на предложеніе кормчаго или прямо къ Финскимъ схерамъ, или скаламъ, и попытаться, не посчастливится ли намъ избѣжать подводныхъ камней (которые въ такую бурю жгутъ, какъ выражаются моряки, т. е., извѣстнымъ шумомъ подаютъ о себѣ знакъ) и укрыться въ Финляндской пристани у Эльзенфоса (Elsenfoss), или же, если случится кораблекрушеніе, то, можетъ быть, хоть нѣкоторыхъ Богъ помилуетъ, и они будутъ выброшены на скалы живые. Такое предложеніе, конечно, было крайнее, но оно принято было по тому, что корабль былъ уже поломанъ и не могъ долго держаться въ морѣ. Такимъ образомъ нѣкоторые изъ насъ, въ надеждѣ что спасутся какъ ни будь и во время крушенія, выбрали изъ своихъ пожитковъ, что было нужнѣе и дороже, и положили ближе около себя.

Посланникъ Бругманъ открылъ свою шкатулку или дорожный ларецъ, и далъ позволеніе всѣмъ при крушеніи брать изъ нея себѣ деньги и драгоцѣнныя вещи, для того, что если кому случится достигнуть земли, то чтобы имѣть какое ни будь обезпеченіе на первое время.

Нѣкоторые изъ насъ бросились обнимать Пословъ и убѣдительно просили ихъ, что если они въ чемъ ни будь могутъ оказать намъ свою помощь, въ случаѣ кораблекрушенія, то чтобъ не оставили насъ своею милостію, что Послы и обѣщали. И такъ мы плыли между страхомъ и надеждою, между жизнію и смертію, и какъ, по всѣмъ соображеніямъ, гибель была неизбѣжна, то всѣ ожидали ее и готовились къ смерти. Но все жь таки естественная привязанность къ жизни у большей части изъ насъ высказывалась въ горькихъ вопляхъ и жалобахъ: такъ я изъ глубины души призывалъ Бога; нѣкоторые сидѣли совершенно оцѣпенѣлые и не могли предъ муками смерти ни пѣть, ни молиться, и только тяжко вздыхали. Въ то же время тутъ же, изъ состраданія,

одинъ утѣшалъ другого пріятной надеждой, которой самъ давно не имѣлъ. Когда Священникъ нашъ, сохранившій болѣе другихъ свое мужество, пѣлъ молитвы и произнесъ слова: «Нынѣ мы бодры, здоровы и крѣпки, завтра же мертвы и будемъ лежать въ гробахъ,» одинъ изъ насъ воскликнулъ: «Ахъ! покоиться въ гробахъ намъ не суждено! Завтра тѣла наши будутъ плавать, можетъ быть, вокругъ скалъ.» Такъ какъ сначала мы охотно уже рѣшились на погибель корабля и нашихъ имуществъ, думая только о спасеніи одной жизни, то подъ конецъ мы забыли даже и объ этой жизни, и молили только о будущей. Мы смотрѣли уже на себя, какъ на умершихъ и представляли себя настоящими трупами. Посланникъ Крузе, замѣтивъ такой крайній упадокъ духа въ экипажѣ, и желая ободрить его, воскликнулъ: «Помолимтесь Богу! Я знаю, что Онъ поможетъ намъ, мое сердце говоритъ это!» Но, между тѣмъ, буря все болѣе и болѣе свирѣпѣла и унесла насъ и отъ сказанной выше пристани. Корабль нашъ, лишенный главнаго паруса, плылъ съ помощію только фокъ-зейля, по чему кормчій не могъ управить имъ, и онъ несся по вѣтру вдоль Финскаго моря.

Теперь мы опять потерялись и не знали, гдѣ находились. Тогда главному боцману, Юргену Стефенсу, пришло на мысль, что посреди Финскаго моря впереди насъ лежитъ островъ Гохландъ (Hochland), въ которомъ прежде этого онъ былъ и въ которомъ находилась хорошая пристань; но онъ лежалъ въ 17-ти миляхъ отъ Ревеля, а достигнувъ его безопасно, укрыться въ немъ можно было, по его мнѣнію, только при дневномъ свѣтѣ; по этому и на такое предположеніе Стефенса много надѣяться было нельзя; ибо полдня уже протекло, и при томъ одинъ только передній парусъ тянулъ корабль, и онъ не въ силахъ былъ бороться съ волнами. Въ то же время постигла насъ страшная минута: огромный морской валъ налетѣлъ на корабль, черезъ каюты и, разбившись, покрылъ собою весь корабль. Отъ сотрясенія мы попадали другъ черезъ друга и окончательно считали себя погибшими. Вода стремительно набиралась въ корабль черезъ разрушенныя каюты, и всѣ мы наперерывъ бросились выкачивать ее насосами и черпаками, продолжая плыть при возрастающей постоянно опасности.

Въ это время, около 3 часовъ по полудни, одинъ изъ боцмановъ взлѣзъ на фокванты (на канаты, которыми придерживается передняя мачта), посмотрѣть, не видно ли гдѣ земли, и, увидавши оттуда островъ, закричалъ: «Слава Богу, я вижу Гохландъ!» Мы всѣ такъ обрадовались этому извѣстію, что, безъ преувеличенія, плакали и говорили другъ другу въ утѣшеніе: «Богъ услышалъ наши вопли и стенанія, онъ не покинулъ насъ!» И ободренные начали пѣть: «Тебе Бога хвалимъ» (Te Deum laudamus). Мы думали, что были уже внѣ опасности, хотя носились на полуразрушенномъ кораблѣ въ неукротимыхъ волнахъ и не знали еще, какое несчастіе ожидало насъ у Гохланда.

Съ закатомъ солнца буря, по видимому, начала стихать, но разъяренное море все еще воздымало свои высокія, подобныя горамъ, волны. Мы приставили четырехъ человѣкъ на передъ корабля, чтобы они наблюдали и высматривали лежащія на пути къ острову опасныя скалы, и тотчасъ же давали знать о нихъ Капитану корабля (Schiffer) въ трубу. На наше счастіе, не смотря на ясную солнечную погоду въ цѣлый день, начался снѣгъ, отъ чего мы могли лучше усматривать скалы на черной водѣ, и, такимъ образомъ, вечеромъ, въ 7 часовъ, достигли острова, гдѣ стали на якорѣ въ пристани, лежащей къ востоку-сѣверо-востоку, на 19 саженяхъ глубины.

Въ этотъ вечеръ мы поѣли немного и укрѣпились; ибо нѣсколько дней мы не только ни чего не ѣли, даже не пили; въ то же время мы постановили, чтобы во все дальнѣйшее наше путешествіе отправляемо было каждый день по 2 раза молебствіе, и, кромѣ того, въ извѣстныя времена дни покаянія, молитвы и поста, въ благодарность Господу Богу за Его милостивую намъ помощь и спасеніе насъ; ибо, по истинѣ, въ этотъ день мы испытали на себѣ особенную милость Божію, когда буря, вѣтеръ и море, сначала возставшіе на насъ съ такою яростію, что, казалось, они сговорились разомъ погубить насъ, подъ конецъ оказали намъ такую услугу, и когда то самое, что, сдавалось, неминуемо грозило намъ гибелью, спасло насъ. Когда мы на полуразрушенномъ кораблѣ отважились плыть по опаснѣйшимъ скалистымъ мѣстамъ, по которымъ и на крѣпкомъ кораблѣ почти не

возможно было пройти, не потерпѣвши крушенія, сильная буря должна была сдѣлаться еще сильнѣе, чтобы востренятствовать этому крушенію и благопріятствовать нашему прибытію къ Гохланду.

9-го числа была хорошая погода, но мы все таки стояли на якорѣ и, какъ могли, чинили корабль. Между тѣмъ Послы съ нѣкоторыми изъ насъ вышли на берегъ обозрѣть островъ и поразсѣяться. Вечеромъ мы собрались и держали съ Капитаномъ корабля совѣтъ, куда продолжать плаваніе? Послы полагали за лучшее плыть въ Нарву; Капитанъ же, напротивъ, приводилъ разныя свои причины и совѣтовалъ лучше отправиться въ Ревель. Остальные, расчитывая, что плыть на сломанномъ кораблѣ въ такое время и въ такихъ мѣстахъ очень опасно, просили, чтобы ихъ высадили на берегъ и потомъ, при удобномъ случаѣ, думали совсѣмъ перебраться на материкъ, съ Ливонскими и изъ Ревеля рыбаками, которые находились въ то время въ Гохландѣ. Впрочемъ, мы ни чѣмъ не рѣшили, положили дождаться утра слѣдующаго дня, и такимъ образомъ всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ на покой. Вдругъ, часовъ около 9, Капитанъ пришелъ къ Посламъ съ извѣстіемъ, что вѣтеръ началъ дуть къ востоку, слѣдовательно, бьетъ насъ къ берегу, и что по этому мы не можемъ безъ опасности оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли; что, наконецъ, лучше всего сняться съ якоря и пуститься въ Ревель. Послы отвѣчали, что онъ долженъ дѣлать все, что сочтетъ за лучшее, имѣя при томъ въ виду, что будетъ отвѣчать за все передъ Богомъ и свѣтомъ, и за тѣмъ сошли на корабль. Но только что подняли якорь, вѣтеръ усилился, все ближе и ближе гналъ корабль къ берегу, и, не смотря на всѣ усилія экипажа, ни какъ не могли отвести его отъ острова. Подняли крикъ, всѣхъ, кто только дорожилъ жизнію, призывали на верьхъ корабля къ работѣ, въ которой настояла теперь крайняя нужда. Все грозило страшнымъ крушеніемъ. Что было въ то время на душѣ у насъ, понять легко.

Якорь опустили снова, но корабль былъ уже очень близко къ берегу, не далѣе 30 саженей. Тотчасъ же съ корабля спустили ботъ, перевезли на немъ сперва Пословъ, а потомъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Въ то же время корабль достигъ уже большихъ

камней, которыми усѣянъ былъ весь берегъ, и ударился о нихъ съ такимъ громомъ и трескомъ, что оставшіеся на немъ люди думали, что онъ тутъ же разобьется въ дребезги и сами они потонутъ въ морѣ. Они страстно желали переплыть на ботѣ къ берегу, подобно другимъ; но экипажъ, изъ опасенія не оставить совершенно безъ всякой помощи тѣхъ, которые должны были еще оставаться на кораблѣ, въ случаѣ, если ботъ разобьется о береговые камни, высаживали изъ бота людей не на берегъ, а прямо въ воду, гдѣ она была еще по поясъ, такъ что мы должны были пробираться на берегъ моремъ между каменьями. Я также вышелъ изъ бота въ воду, съ шкатулкой Посланника Бругмана, и такъ какъ въ ней хранились разныя драгоцѣнныя вещи и она была довольно тяжела, то волны вырвали ее у меня изъ рукъ и унесли было въ море; я ухватилъ ее руками еще довольно слабыми, по причинѣ недавно бывшей у меня тяжкой болѣзни, а нашъ Врачъ схватилъ меня за кафтанъ, и мы выбрались такимъ образомъ на берегъ изъ морскихъ волнъ, которыя безпрестанно накрывали насъ одна за другою. Когда корабельный экипажъ увидѣлъ, что корабль нельзя уже было удержать долѣе, обрубили якорный канатъ, въ надеждѣ, что корабль ближе прибьетъ къ берегу, гдѣ, можетъ быть, онъ не разобьется, въ слѣдствіе не столь сильнаго волненія у береговъ. Но ни что не помогло! Буря еще болѣе усилилась, и нашъ корабль, бившись въ продолженіе цѣлаго часа о каменья, разбился и пошелъ ко дну. Всѣ остальные люди на кораблѣ успѣли, впрочемъ, еще во время высадиться на берегъ.

Въ той сторонѣ острова, гдѣ мы вышли на берегъ, стояло 5 рыбачьихъ хижинъ, въ которыхъ укрывались Ливонскіе крестьяне, не Нѣмецкаго происхожденія (Unteutsche), запоздавшіе здѣсь за своею рыбной ловлею и постоянно бурной погодой. У этѣхъ-то крестьянъ пріютились мы.

Если бъ насъ разбило у другого какого ни будь мѣста острова, такъ что мы не скоро бы добрались до этѣхъ хижинъ, или бы не могли найти ихъ, то едва ли были бы въ состояніи вынести эту ночь, по тому что было очень холодно и мы были въ мокрыхъ платьяхъ. Кромѣ того, выпалъ глубокій снѣгъ, такъ что

трудно было отыскать дорогу. Прежде мы добрались до какой-то старой часовни, въ которой на канунѣ еще нѣкоторые изъ насъ были и оставили свои посильныя приношенія; хоть она и довольно далеко лежала отъ сказанныхъ рыбачьихъ хижинъ, по крайней мѣрѣ, въ ней мы получили вѣрныя свѣдѣнія о дорогѣ къ этѣмъ хижинамъ.

На слѣдующее утро, т. е., 10-го Ноября, пошли мы на берегъ посмотрѣть, нельзя ли какъ ни будь добраться до корабля и спасти изъ него хоть что ни есть. Но море по прежнему сильно бушевало и никто не осмѣлился плыть къ нему на ботѣ.

Послѣ обѣда вѣтеръ и волны нѣсколько поутихли, и мы принялись спасать лошадей и таскать кое-какіе другіе пожитки изъ воды; мы вытащили много всякого добра и 7 лошадей, изъ которыхъ только 5 остались живыя, остальныя двѣ захлебнулись и околѣли.

Въ этомъ крушеніи, между прочими дорогими вещами, погибли большіе, богатые часы, особеннаго механизма, стоившіе нѣсколько тысячь рейхсталеровъ. Лошади во время смертельныхъ страданій своихъ, когда тонули, разбили и раздавили ихъ вмѣстѣ съ ящикомъ. На слѣдующій день настала хорошая погода съ яснымъ солнцемъ, мы высушили свои платья, книги и разные другіе пожитки, которые всѣ отъ морской воды частію попортились, частію же вовсе сдѣлались никуда годными.

ГЛАВА V.

О Гохландѣ и о томъ, какъ мы прибыли въ Ливонію и потомъ въ Ревель.

Соображая всѣ обстоятельства, въ которыхъ мы находились, ясно было, что мы должны будемъ прожить довольно долго на этомъ островѣ, въ совершенномъ невѣдѣніи, когда Богъ пошлетъ намъ средства оставить островъ и такимъ образомъ снова спасетъ насъ; наступавшее время года было таково, что мы имѣли

достаточное основаніе опасаться, что можемъ замерзнуть, или умереть съ голоду. Такъ, разсказывали намъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣлый экипажъ и нѣсколько человѣкъ крестьянъ, загнанные бурею къ этому острову и потерпѣвшіе здѣсь крушеніе, принуждены были ѣсть еловую кору и бересту, во избѣжаніе голодной смерти. По этому мы должны были сколько возможно и бережливѣе употреблять небольшой запасъ продовольствія, спасеннаго отъ крушенія, особенно хлѣба. Размокшіе сухари не было возможности высушить снова, по этому мы варили ихъ съ примѣсью аниса и ѣли ложками, вмѣсто хлѣба, но такая похлебка не нравилась многимъ. Однажды мы наловили множество мелкой плотвы рубашками и простынями, изъ одного горнаго ручья, и два раза сдѣлали изъ нея обѣдъ для всей прислуги.

Названіе Гохландъ происходитъ отъ того, что самый островъ довольно возвышенъ и особенно выдается на ровномъ морѣ; онъ имѣетъ въ длину 3, а въ ширину 1 милю, почти голая скала, поросшая елью и кустарникомъ. На немъ водится бездна зайцевъ (какъ и вообще во всей Ливоніи), мѣхъ которыхъ зимою бываетъ бѣлый, подобный снѣгу; охотиться съ собаками за ними рѣшительно не возможно, по причинѣ крутыхъ скалъ и частаго кустарника.

Въ то время, когда мы такимъ образомъ проживали на островѣ, въ Ревелѣ распространился слухъ, что всѣ мы потонули въ морѣ. Говорили, что на берегу найдено нѣсколько труповъ, одѣтыхъ въ красныя платья (это были наши ливреи, или кафтаны). Такіе слухи тѣмъ болѣе казались вѣроятными, что, сказанное выше, уплывшее отъ насъ, судно, привезло туда извѣстіе, что мы плыли впереди его у одной большой скалы по ту сторону Ревельской пристани, а въ самую пристань, однако же, не прибывали, и что послѣ этого цѣлые 8 дней объ насъ не было ни слуху, ни духу. Люди наши (которыхъ мы оставили въ Ревелѣ во время возвращенія нашего изъ 1-го путешествія въ Москву), считали насъ уже погибшими, сокрушались о насъ и растерялись до такой степени, что бродили по городу, будто заблудшія овцы, и собирались уже разойтись, кто въ одну, а кто въ другую, сторону.

12-го Ноября пристали къ Гохланду два Финляндскіе бота, занесенные сюда тоже бурею, изъ которыхъ на одномъ былъ нашъ Посольскій Камергеръ, благородный и почтенный Іоаннъ Христоферъ Фонъ Ухтерицъ (нынѣ Камеръ-Юнкеръ Его Величества, Герцога Голштейнъ-Готторфскаго), съ однимъ изъ своихъ лакеевъ. 13-го числа того же мѣсяца, когда буря утихла, послали мы одного изъ своихъ впередъ на твердую землю, въ Ревель, съ извѣстіемъ о насъ и о нашемъ положеніи. Съ какимъ восторгомъ принятъ былъ онъ нашими въ Ревелѣ, вообразить легко: они бѣгали около него, плакали отъ радости, и не знали что сказать ему, или о чемъ спросить его прежде.

17-го числа Гг. Послы, каждый съ пятью человѣками изъ своихъ, пустились, въ двухъ маленькихъ рыбачьихъ лодкахъ, на твердую землю, лежавшую отъ Гохланда только въ 12 миляхъ. Плаваніе это тоже было бѣдственное и опасное. Лодки были старыя, сверху скрѣпленныя лыкомъ и вычинены корою, особенно та, въ которой сидѣлъ Посланникъ Крузе: она сильно текла въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и одинъ человѣкъ нарочно былъ приставленъ для того, чтобы безпрестанно законопачивать дыры и выгребать воду. Парусъ состоялъ изъ старыхъ тряпокъ, связанныхъ вмѣстѣ и заплатанныхъ. Самые рыбаки иначе не могли плыть, какъ только когда вѣтеръ прямо надувалъ въ парусъ, такъ что когда они, проплывши, при одинаковомъ попутномъ вѣтрѣ, 5 миль, увидали, что вѣтеръ нѣсколько измѣнился и началъ дуть съ боковъ, то хотѣли было вернуться въ Гохландъ; но въ виду у насъ, не далѣе какъ въ половинѣ мили, открылся небольшой островокъ, и мы настояли, чтобы рыбаки сняли паруса и плыли бы къ этому островку только съ помощію веселъ: такимъ образомъ вечеромъ мы пристали къ берегу. На этомъ островкѣ мы не нашли ни чего, кромѣ двухъ пустыхъ хижинъ, на половину выстроенныхъ въ землѣ; въ этѣхъ-то избахъ мы развели огонь и провели ночь. У насъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ, и мы должны были замѣнить его сыромъ Пармезаномъ, котораго было у насъ еще достаточное количество. На другой день мы пустились далѣе съ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, хотя море все еще было довольно взволновано.

Два часа плыли мы благополучно; вдругъ въ одно мгновеніе поднялся сильный вихрь съ востока (а вѣтеръ былъ сѣверный), ударилъ въ лодку Посла Бругмана съ такою быстротою, что она легла совсѣмъ на бокъ и начала зачерпывать воду. Въ то же время сильное волненіе бросало волны на полъ локтя выше края лодки, рыбаки закричали, бросились на противуположную сторону ея, тотчасъ сорвали парусъ и пустили лодку по вѣтру, послѣ чего вдругъ опять сдѣлалось тихо, такъ что, приладивши снова парусъ, поплыли мы опять съ тѣмъ же попутнымъ вѣтромъ. Такой вихрь въ продолженіе двухъ часовъ повторялся 3 раза. Въ первый разъ мы страшно перепугались, но потомъ рыбаки, какъ только замѣчали вихрь еще издали, поворачивали лодку бокомъ къ нему, такимъ образомъ, что волны ударялись въ нее нѣсколько наискось и скользили по ней. Что касается до меня, то, по моему, это была самая большая опасность, которой только мы подвергались на морѣ, по тому что среди моря носились мы на старой, тяжело нагруженной, лодкѣ, въ которой сидѣло 8 человѣкъ, лежалъ весь серебряный столовый приборъ и посуда Пословъ, и разные другіе пожитки, такъ что бортъ былъ очень невысокій, и достаточно было одной незначительной даже волны, чтобы мы, вмѣстѣ съ лодкою, пошли ко дну. При этомъ чрезвычайно удивительно было то обстоятельство, что лодка Посланника Крузе, плывшая позади насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла, не чувствовала ни малѣйшаго толчка, ни малѣйшаго вихря.

Миляхъ въ трехъ отъ берега настигъ насъ крупный градъ, а на лодкѣ, плывшей за нами, опять была прекрасная погода, съ яснымъ солнцемъ.

Когда мы были уже на полмили отъ земли, вѣтеръ вдругъ перемѣнился, началъ дуть съ юга совершенно въ противную прежней сторону, и наши рыбаки думали уже поворотить назадъ, но мы обѣщали имъ три штофа водки, если къ вечеру они доставятъ насъ на берегъ; въ надеждѣ на такую награду, они сняли паруса, бодро схватились за весла, приложили всѣ свои силы, и вечеромъ, 18-го Ноября, благополучно причалили насъ на веслахъ къ берегу. Мы вышли въ Эстоніи, на Малишскій (Mallischen) берегъ, пробывши въ Балтійскомъ морѣ цѣлые 22 дня.

Только что пристали мы къ берегу и не вышли еще изъ лодки, рыбаки бросились уже за обѣщаннымъ имъ виномъ, которое мы хотя и дали имъ, но съ условіемъ, чтобы они пили его не разомъ и въ свое время. Но условіе это не помогло, и, не выгрузивши еще пожитковъ изъ лодокъ, побѣжали они съ водкой въ селеніе, пригласили своихъ родныхъ и сосѣдей, и такъ быстро опорожнили фляги, что не успѣли мы оглянуться, какъ они съ женами и дѣтьми, пьяные и одурѣлые, бѣгали около насъ, бранились и дрались, такъ что мы не могли почти пользоваться ихъ услугами, за исключеніемъ одного, котораго вино напротивъ ободрило и сдѣлало болѣе услужливымъ; этотъ послѣдній, увидавши, что одна лодка отвязалась и уплыла было отъ берега въ море, бросился вплавь за нею голый, не смотря на холодную, какъ ледъ, воду, настигъ ее и притащилъ назадъ на прежнее мѣсто.

22-го числа прибиты были бурею къ Гохланду два судна, плывшія изъ Ревеля въ Финляндію; ими воспользовались оставленные нами на этомъ островѣ люди, которые наняли этѣ суда, и 24-го числа благополучно прибыли къ намъ въ Ливонію, съ лошадьми и со всѣми остальными пожитками.

Отсюда всѣ вмѣстѣ отправились мы въ Кунду (Kunda), въ домъ любезнаго тестя моего, Іоанна Миллера, отстоявшій отъ берега всего на 2 мили. Мы прожили въ этомъ домѣ 3 недѣли, и послѣ передрягъ на морѣ почти всѣ переболѣли, впрочемъ, никто не пролежалъ въ постели болѣе трехъ дней. Но какъ намъ надо было исправить и починить нѣкоторыя дорогія вещи, испортившіяся во время крушенія, то мы отправились въ Ревель, гдѣ это удобнѣе было исполнить, и 2-го Декабря благополучно прибыли въ этотъ городъ.

Какое искреннее сочувствіе и участіе принимали въ нашемъ несчастіи жители города Ревеля, можно судить не только по восторгу и радости ихъ, при встрѣчѣ посланнаго впередъ къ нимъ Іоанна Христофора Фонъ Ухтерица, но также и по послѣдующимъ дѣйствіямъ ихъ, какъ, напримѣръ, по благодарственнымъ молебнамъ ихъ въ церквахъ и другимъ публичнымъ торжествамъ въ Гимназіи, ради нашего спасенія. Это мореплаваніе наше по Бал-

тійскому морю было въ высшей степени опасно: почти каждый день мы видѣли передъ глазами смерть, и жизнь наша была не что иное, какъ продолжительная кончина; по этому, спасеніе наше мы приписываемъ особенной милости Божіей къ намъ, за которую благодаримъ и славимъ Всевышняго.

ГЛАВА VI.

Стихотвореніе М. Павла Флеминга о нашемъ кораблекрушеніи.

Объ этомъ кораблекрушеніи, въ послѣдствіи, на р. Волгѣ, передъ Нижнимъ, за 100 миль отъ Москвы, мы совершали, по нѣкоторымъ причинамъ, на нашемъ кораблѣ торжественное молебствіе; при чемъ Г. Флемингъ, любезный сопутникъ мой, написалъ стихи, которые подарилъ мнѣ и которые я взялъ теперь изъ его сочиненій и привожу ихъ сдѣсь, въ память о немъ:

На рѣчь Олеарія о кораблекрушеніи при Гохландѣ, 1635 года, Ноября мѣсяца. *

ГЛАВА VII.

О Княжескомъ и Посольскомъ Высочайшихъ наказахъ, которыми руководствовались мы въ Посольствѣ.

Такъ какъ Гг. Послы собрали въ Ревелѣ всѣхъ сопровождавшихъ ихъ, въ полномъ составѣ, то они объявили теперь высочайшій Княжескій Наказъ, полученный ими въ Готторфѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Мы, Фридрихъ, Божіею милостію, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, Стормарнскій и Дитмарсен-

* Содержаніе стихотворенія переводить считаемъ излишнимъ. Подъ стихотвореніемъ слѣдующая подпись: «1636 г. Передъ Астраханью. 3-го Октября.» Прим. Пер.

скій, Графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій и проч. и проч., объявляемъ всѣмъ и каждому, кто находится при настоящемъ нашемъ Посольствѣ въ Москву и Персію, нашу милость, при чемъ даемъ знать, что, по важнымъ причинамъ, мы выбрали и назначили надежныхъ, высокоученыхъ, нашихъ Совѣтниковъ и любезныхъ и вѣрныхъ намъ, Филиппа Крузе, Лиценціята (Licentiatum) правъ, и Оттона Бругмана, въ наши Посланники къ Великому Князю Московскому, Государю Михаилу Ѳеодоровичу, нашему любезному дядѣ и зятю, и къ Шаху Персидскому, и снабдили ихъ почетнымъ сопровожденіемъ (Comitat). Для того же, чтобы, при исполненіи возложеннаго нами на нихъ порученія, наше, ввѣренное имъ, Княжеское достоинство содержалось всѣми, и особенно помянутымъ ихъ сопровожденіемъ, въ достодолжномъ высокомъ почтеніи, и чтобы, по уваженію къ намъ, оказывалась имъ подобающая честь, покорность, служеніе и послушаніе, повелѣли мы изготовить настоящій Высочайшій Наказъ, который всѣ и каждый въ особенности должны исполнять безпрекословно, въ той мѣрѣ и такимъ образомъ, какъ ниже слѣдуетъ:

1. Сначала и прежде всего должны всѣ и каждый, кто только находится при этомъ Посольствѣ нашемъ, по уваженію къ намъ, оказывать помянутымъ нашимъ обоимъ Посламъ всю слѣдующую имъ честь, повиновеніе и услугу; также все то, что они или сами, смотря по надобности, или же черезъ установленнаго Маршала, повелятъ, поставятъ, прикажутъ, безъ всякаго противорѣчія, или возраженій, исполнять и оказывать всевозможное долженствующее послушаніе. Сообразно съ симъ, мы даемъ сказаннымъ нашимъ Посламъ полномочіе и власть противящихся и непослушныхъ, по изслѣдованіи обстоятельствъ дѣла, строго судить и наказывать.

2. И такъ какъ Богопочтеніе должно быть началомъ, срединой и концемъ всякаго дѣла, и въ особенности въ такомъ далекомъ путешествіи оно должно быть преимущественно прилежно соблюдаемо каждымъ, то всѣ и каждый, кто находится въ этомъ сопровожденіи, прежде всего должны быть въ высшей степени преданы истинному благочестію, должны всегда являться на обычныя проповѣди и богослуженія и принимать участіе въ призываніи Все-

могущаго Бога на поданіе помощи въ счастливомъ успѣхѣ нашего важнаго предпріятія; отъ божбы же и клятвы, отъ богохульства и другихъ грубыхъ пороковъ, должны совершенно отказаться и воздержаться, во избѣжаніе нашей немилости и наказанія, которое Послы наши опредѣлятъ преступнику, по важности преступленія, не взирая ни на какія лица.

3. Равнымъ образомъ мы строго воспрещаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую непорядочную жизнь въ объѣденіи, пьянствѣ и другихъ излишествахъ, такъ какъ подобная жизнь порождаетъ неудобства всякаго рода.

4. Но въ особенности должны всѣ и каждый, находящійся въ этомъ Посольствѣ нашемъ, стараться о согласіи; каждый, прилично своему состоянію, долженъ жить съ своими товарищами въ добрыхъ, дружескихъ отношеніяхъ и оказывать другъ другу всякое доброе расположеніе, любовь и помощь; отъ ссоры же и вражды, неумѣстнаго грубаго обращенія, брани и драки, напротивъ, должны всѣ воздерживаться. Если же возникнутъ между кѣмъ ни будь какія недоразумѣнія, то, не приступая къ самоуправству, слѣдуетъ заявлять о томъ, чѣмъ одинъ оскорбилъ другого, Маршалу, который, или самъ устраняетъ недоразумѣніе и возстановляетъ доброе согласіе, или же, если онъ самъ этого достигнуть не можетъ, долженъ представить объ этомъ, съ достодолжнымъ почтеніемъ, нашимъ Посламъ, которые, по извѣстному намъ ихъ безпристрастію, должны дать свое рѣшеніе, коему каждый обязанъ повиноваться. И мы ни коимъ образомъ не дозволяемъ при этомъ нашемъ Посольствѣ и въ сопровожденіи его ни какого самоуправства, буйства и поединковъ, такъ какъ этѣмъ легко можетъ быть нанесено оскорбленіе нашему высокому Княжескому достоинству, особенно у чужихъ народовъ; но, напротивъ, вмѣстѣ съ симъ, мы строго и совершенно воспрещаемъ всѣ подобныя дѣйствія, о чемъ и должны быть въ точности оповѣщены и вразумлены, какъ высшіе чины, Офицеры, такъ равно и простые слуги.

5. А чтобы въ этомъ придворномъ составѣ нашихъ Пословъ все обстояло въ найлучшемъ и законнѣйшемъ порядкѣ, и чтобы, напротивъ, всякое замѣшательство и происходящіе отъ того непорядки могли быть устранены, то, назначенный при нашихъ По-

слахъ, Маршалъ долженъ, какъ на пути, такъ и во время стоянокъ, все принимать къ заботливому своему наблюденію.

6. Во время путешествія, когда Послы наши назначатъ ему (Маршалу) время отъѣзда, обязанъ онъ снарядить и приготовить всѣхъ и каждаго, находящихся подъ его начальствомъ, чтобы укладка поклажи, и въ особенности сами люди всѣ были готовы къ назначенному времени, при чемъ онъ долженъ старательно наблюдать, чтобы все приказанное имъ было въ точности исполняемо, и вообще долженъ распорядиться такъ, чтобы Послы наши не имѣли ни малѣйшаго неудовольствія отъ замедленія въ чемъ либо.

7. Равнымъ образомъ онъ, Маршалъ, обязанъ наставлять всѣхъ и каждаго въ томъ, чтобы все дѣлалось въ добромъ согласіи и съ должною вѣжливостію, безъ всякой неприличной суматохи, или шуму.

8. Во время же стоянки онъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы у Пословъ нашихъ всегда, для всякаго случая, днемъ и ночью, были какъ Гофъ-Юнкеры, такъ Пажи, лакеи и проч., и чтобы люди этѣ въ точности исполняли и прилежно услуживали во всемъ, если что прикажутъ имъ Послы наши.

9. А такъ какъ отъ такого старательнаго служенія весьма много зависитъ поддержаніе нашего высокаго Княжескаго достоинства, то Гофъ-Юнкеры, Пажи, лакеи и другіе люди, въ порядкѣ, который установятъ для этого Послы наши, должны находиться въ ежедневномъ служеніи, всегда съ охотою, прилежаніемъ и готовностію для того, чтобы они были всегда подъ рукою у Пословъ нашихъ при обычныхъ посѣщеніяхъ ихъ чужестранцами, и чтобы все при этомъ дѣлалось съ соблюденіемъ надлежащаго достоинства.

10. Если Маршалъ поручитъ, постановитъ и прикажетъ что кому либо изъ придворнаго состава, именемъ нашихъ Пословъ, то всему тому каждый, находящійся подъ его начальствомъ, обязанъ повиноваться безпрекословно. Но онъ уполномоченъ также о про-

ступкахъ и не подчиненныхъ ему лицъ доносить нашимъ Посламъ, которые не преминутъ поступить съ виновнымъ съ надлежащею строгостію; за преступленіе остальныхъ лицъ Маршалъ самъ распоряжается наказаніемъ; кромѣ того мы сами не оставимъ безъ нашего особеннаго наказанія и нашей немилости каждаго, кто заявитъ себя какимъ либо непохвальнымъ образомъ.

11. Если Послы наши заблагоразсудятъ послать къ кому либо изъ начальствующихъ Управителей, Намѣстниковъ, Магистратовъ, или другихъ чиновъ въ крѣпостяхъ, городахъ и вообще въ мѣстахъ, проѣзжаемыхъ ими, то тѣ, которыхъ они найдутъ способными для этого, безо всякаго неудовольствія и прекословія должны исполнить въ точности и съ подобающею вѣжливостью возложенное на нихъ порученіе и обо всемъ, что они сдѣлаютъ по этому, должны представить вѣрное донесеніе нашимъ Посламъ; и такъ какъ Послы наши лучше разумѣютъ, кто изъ состоящихъ при нихъ наиболѣе заслуживаетъ подобное, возлагаемое ими, порученіе, то ни коимъ образомъ не должно быть между служащими ни тайной, ни явной, зависти, соревнованія и кичливости другъ передъ другомъ въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ будетъ предпочтенъ Послами другому.

12. Во время пути, равно какъ и во время остановокъ, ни кто не долженъ порицать, или осмѣивать чуждые народы, но относиться къ нимъ болѣе кротко и дружелюбно и вообще вести себя такъ, чтобы расположить и привлечь чужестранцевъ оказывать нашимъ всевозможныя добрыя услуги и добрыя взаимныя отношенія. По этому, если Маршалъ замѣтитъ въ комъ либо какую неумѣстную шалость, или наглость, то немедленно долженъ подвергнуть виновнаго строгому показанію и во всякое время долженъ употреблять предоставленную ему власть.

13. Всѣ, находящіеся въ этомъ Посольствѣ, должны состоять при нашихъ Послахъ во время всего ихъ путешествія, и безъ ихъ вѣдома ни кто ни коимъ образомъ не можетъ переходить въ другую службу свою, или иностранную; по этому, такъ какъ мы приставили къ нашимъ Посламъ на это ихъ путешествіе собственнаго нашего Лейбъ-Медика, Гартмана Граманна, то онъ долженъ

состоять при нихъ во все время пути, впередъ и обратно, и вмѣстѣ съ ними же возвратиться опять къ намъ назадъ.

14. А такъ какъ въ этомъ Высочайшемъ Наказѣ нашемъ не могли быть исчислены и опредѣлены постановленіями всѣ, могущіе встрѣтиться случаи, то во всемъ остальномъ, что сдѣсь не обозначено, мы полагаемся на извѣстную намъ добрую волю Пословъ нашихъ, которые, по данной имъ нами полной власти, постановятъ дальнѣйшія правила и разовьютъ ихъ, сообразно съ временемъ, мѣстностію и другими, имѣющими быть, обстоятельствами, и все то, что такимъ образомъ будетъ самими ими, или черезъ другихъ, для поддержанія нашего высокаго Княжескаго достоинства и добраго порядка, а равно и для поддержанія достоинства нашихъ Пословъ, предписано, приведено на память и приказано, всѣ и каждый безъ исключенія должны со всею точностію исполнять и всему безусловно повиноваться точно такъ, какъ бы изложенному и постановленному въ этомъ самомъ, нами данномъ, Высочайшемъ Наказѣ нашемъ

15. Чтобы каждый могъ знать свое мѣсто, по состоянію своему и должности, во время шествія, бесѣды за столомъ, въ поѣздѣ и при другихъ обстоятельствахъ, снарядили мы цѣлую свиту, въ извѣстномъ порядкѣ, сообразно съ обычаями нашего Княжескаго двора (Порядокъ этотъ указанъ выше сего).

Въ заключеніе милостиво повелѣваемъ всѣмъ и каждому вести себя вполнѣ согласно со всѣми статьями этого нашего Высочайшаго Наказа и всего того, что далѣе постановятъ, велятъ и прикажутъ, въ дополненіе къ нему, Послы наши; повелѣваемъ отнюдь не дѣлать ни чего, противнаго этѣмъ постановленіямъ, и вообще поступать такъ, чтобы не навлечь на себя нашей немилости и наказанія, которымъ неминуемо подвергнутся всѣ противящіеся и ослушные. Съ другой стороны, по благополучномъ совершеніи путешествія, мы не преминемъ всѣмъ и каждому доказать и Княжескую нашу милость. Все это мы строго подтверждаемъ. Подлинный утвердили мы съ приложеніемъ нашей Княжеской печати Тайной Камеры и за собственноручною подписью.

Данъ въ нашемъ замкѣ и Княжескомъ пребываніи Готторфѣ, Октября 1-го дня, 1635 года.

(М. П.) Фридрихъ.

Кога Послы наши примѣтили, что нѣкоторые изъ состоящихъ при Посольствѣ стали забывать такой строгій Высочайшій Наказъ, вздумали жить по собственному своему разумѣнію и волѣ, отъ чего, по видимому, замѣтно начали вкрадываться всякаго рода нечестіе, шалости и роскошь, то они порѣшили всѣми силами отвратить такой безпорядокъ и довести дѣло до того, чтобы въ такомъ далекомъ и долгомъ путешествіи водворилась между нами и велась жизнь, угодная Богу и людямъ. По этому, въ дополненіе къ Высочайшему Наказу, они составили подробнѣйшія правила, которыя и объявили всѣмъ намъ въ Ревелѣ.

Наказъ Княжескихъ Голштинскихъ Пословъ, объявленный въ Ревелѣ Декабря 8 дня, 1635 года.

Во время совершеннаго до сихъ поръ путешествія обоими Княжескими Послами, по снаряженному Свѣтлѣйшимъ Высокороднымъ Княземъ и Государемъ Фридрихомъ, Наслѣдникомъ Норвежскимъ, Герцогомъ Шлезвигскимъ, Голштинскимъ и проч. и проч. Посольству въ Москву и въ Персію и обратно, Гг. Послы, съ чувствомъ особеннаго негодованія, скорби и даже отвращенія, особенно же при опасностяхъ, постоянно грозившихъ, по Божьему попущенію, отъ сильныхъ морскихъ бурь здоровью и жизни, при понесенномъ за тѣмъ кораблекрушеніи, и наконецъ при достиженіи, по милости и съ помощью Божіей, твердой земли въ Ливоніи, усмотрѣли и дознали, что помянутый выше Высочайшій Наказъ Его Княжеской Свѣтлости, съ особенною строгостію установленный и объявленный всѣмъ Гофмаршаломъ, многими изъ служащихъ въ Посольствѣ далеко не исполняется, что истинный страхъ Божій, призываніе и прославленіе Его имени, и разные обѣты вести себя лучше, даваемые обыкновенно въ виду крайнихъ опасностей для здоровья и жизни, тотчасъ же, едва только минетъ опасность, изглаживаются изъ памяти, и что даже самыя тяжкія несчастія, горько оплакиваемыя, скоро совершенно за-

бываются и начинается прежняя непорядочная жизнь. При этомъ также замѣчено, что строго предписанное соблюденіе достодолжнаго уваженія къ Гг. Посламъ, а въ лицѣ ихъ и уваженія къ самому, Его Свѣтлости, Князю, почти ни кѣмъ, или весьма слабо оказывается, и всѣ ведутъ себя такъ, какъ будто и не слѣдуетъ соблюдать ни какого порядка и подчиненія; возложенныя же на каждаго обязанности исполняются дурно. Если водворившееся во всѣхъ такое нечестіе, такая противная Богу непорядочная жизнь, не будутъ заблаговременно искоренены и исправлены, то ни чего другого ожидать нельзя, какъ развѣ того, что прогнѣванный нами Богъ, явивши намъ уже свою кару, въ предстоящемъ еще дальнѣйшемъ путешествіи, проявитъ на насъ еще болѣе жестокую кару и не пощадитъ за тѣмъ никого. Кромѣ того, такимъ непорядочнымъ поведеніемъ унижается и въ высшей степени оскорбляется и самое высокое достоинство Его Свѣтлости, Князя, въ особенности въ глазахъ иностранцевъ и чуждыхъ народовъ. Въ виду всего этого, оба Княжескіе Гг. Послы нашли крайне необходимымъ, въ силу милостиво данной имъ полной власти и права, въ дополненіе къ выше изложенному Высочайшему Княжескому Наказу, ради искорененія всякаго нечестія, ради поддержанія, въ лицѣ ихъ, надлежащаго достоинства Его Княжеской Свѣтлости, и ради устраненія всякихъ непорядковъ и неурядицы, дать нижеслѣдующія правила для всѣхъ и каждаго, по состоянію ихъ, при Посольствѣ находящихся, не исключая никого; правила этѣ объявить и утвердить для всѣхъ обязательными, подъ опасеніемъ, за неисполненіе оныхъ, неминуемаго строгаго наказанія.

1. Прежде всего всѣ тѣ, которые плыли на кораблѣ отъ Травемюнды, должны еще свѣжо помнить, въ какомъ ужасѣ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи и крайней ежечастной и ежеминутной опасности для здоровья и жизни, находились мы всѣ безъ исключенія 29 Октября ночью, между 10 и 11-мъ часами у Ёланда, 3-го Ноября, ночью же, за Ёландомъ, 7-го, ночью же, между 10-мъ и 11-мъ часами, передъ Ревелемъ, когда потеряли мачту, за тѣмъ 8-го у Чудскихъ шхеръ, и 9-го, вечеромъ въ 10 часовъ, ниже Гохланда, когда мы потерпѣли окончательное крушеніе, такъ что, если бъ не поддержала насъ особенная помощь, благость и милосердіе Божіе, то всѣ мы безъ исключенія

попадали бы въ море и потонули. Но какъ Всеблагій Богъ, вмѣстѣ съ гнѣвомъ своимъ, явилъ намъ и милосердіе свое, вырвавъ насъ изъ рукъ смерти, столько разъ намъ грозившей, то всѣ мы вмѣстѣ, и каждый въ отдѣльности, дали обѣтъ постояннаго благодаренія, покаянія и исправленія всякой грѣховной жизни, и чтобы все это исполнить, каждый долженъ былъ воздерживаться отъ грѣха, долженъ сердечно молить Бога объ отпущеніи грѣховъ, объ отвращеніи дальнѣйшаго наказанія и о ниспосланіи во всемъ благопріятнаго успѣха, счастія и благословенія на предстоящее намъ далекое путешествіе.

Для приведенія этого въ дѣйствительное исполненіе, Гг. Княжескіе Голштинскіе Послы постановили, чтобы каждое утро и вечеръ отправляемы были извѣстные часы молитвы, покаянія и благодаренія; а чтобы всякій могъ знать этѣ часы и являться на нихъ во время, обязанъ Маршалъ утромъ, какъ только начнетъ заниматься день, приказать трубить, и по этому первому зову каждый долженъ одѣваться; спустя четверть часа за тѣмъ Маршалъ приказываетъ снова трубить уже къ молитвѣ, по каковому зову каждый, оставивъ всякую работу, или занятіе, долженъ немедленно явиться въ извѣстное мѣсто на молитву, и тамъ принять участіе въ пѣніи и моленіи, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Равнымъ образомъ и вечеромъ, послѣ стола, каждый долженъ присутствовать въ обыкновенномъ мѣстѣ на молитвенныхъ часахъ, съ подобающимъ благоговѣніемъ, съ строгимъ предостереженіемъ, что тѣ, которые, отъ важнѣйшихъ особъ и до пажей, лакеевъ и младшихъ слугъ, явятся поздно, когда уже пѣніе будетъ начато, должны заплатить четверть рейхсталера, а за совершенное отсутствіе—половину рейхсталера, въ кружку бѣдныхъ, безъ всякаго противорѣчія, и прежде чѣмъ будетъ заплачено это взысканіе, виновные воздерживаются отъ стола, а пажи, лакеи и младшіе слуги, всѣ безъ исключенія, не взирая на лицо, должны быть наказаны, отправленіемъ или на поварню, или инымъ образомъ Маршаломъ.

2. Тоже самое должно быть исполняемо и при обыкновенныхъ, воскресныхъ и недѣльныхъ, проповѣдяхъ. Каждый обязанъ являться на нихъ къ началу, участвовать въ пѣніи, молитвѣ и

слушаніи слова Божія съ должнымъ благочестіемъ, отправлять должную службу Всемогущему Богу и сердечно молить Его о счастіи и благословеніи Его на желанное исполненіе нашего далекаго путешествія и благополучное возвращеніе, все это, во избѣжаніе указаннаго сдѣсь взысканія, о чемъ будетъ старательно наблюдать Г. Пасторъ, имѣющій тщательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы бѣдные ни чего не потеряли изъ этѣхъ взысканій.

3. Такъ какъ многіе весьма непростительные пороки, особенно же богопротивныя клятвы, недобрыя: брань, пожеланіе, божба, вмѣстѣ съ срамными шутками и неприличной болтовней, въ такомъ ходу у многихъ изъ сопутствующихъ, что у большей части изъ нихъ это сдѣлалось уже привычкой, не считается грѣхомъ и разсматривается даже какъ бы хорошее дѣло, а черезъ это часто навлекается справедливый гнѣвъ Божій и тяжкая кара, такъ что, изъ за одного такого нечестиваго человѣка, не рѣдко наказуется цѣлая община; по этому Княжескіе Гг. Послы такія легкомысленныя клятвы, божбу, брань, срамныя, непристойныя шутки и всякое другое, въ высшей степени воспрещаемое словомъ Божіимъ и его 10-ю заповѣдями, излишество и непотребную жизнь, вмѣстѣ съ симъ совершенно и строго воспрещаютъ, и съ тѣми, которые окажутся виновными въ этомъ, вынуждены будутъ поступать неупустительно строго, подвергая ихъ примѣрному наказанію, даже, смотря по обстоятельствамъ, и тѣлесному, не менѣе какъ и тѣхъ, которые слышали подобныя непотребныя рѣчи и не донесли о нихъ.

4. За тѣмъ, какъ многое зависитъ отъ добраго порядка, а порядокъ ни чѣмъ лучше не поддерживается, какъ тѣмъ, когда каждый прилежно отправляетъ свою должность и вѣрно исполняетъ, во всякое время, не медля то, что ему приказано, по этому Княжескіе Гг. Послы всѣмъ, и каждому въ особенности, прежде всего напоминаютъ и строго увѣщеваютъ, чтобы всѣ жили въ должномъ подчиненіи, согласно помянутому выше Княжескому Высочайшему Наказу, милостиво объявленному въ Готторфѣ 1-го Октября, 1635 года, и составленному именно для этого Посольства, по всѣмъ статьямъ и по буквальному смыслу этого Наказа, и вообще такъ бы себя вели сообразно съ нимъ,

чтобы Гг. Послы могли имѣть основаніе отнестись съ похвалою о каждомъ послушномъ Его Свѣтлости, Князю, и не были бы вынуждаемы употреблять данную имъ власть противъ непокорныхъ.

5. Для того же, чтобы каждый могъ знать, въ какомъ почетѣ Гг. Княжескіе Послы, какъ на пути, такъ и на стоянкѣ, должны быть у сопровождающихъ ихъ, они постановляютъ и приказываютъ сдѣсь, чтобы какъ въ мѣстахъ пребыванія, такъ и на выѣздахъ и ночлегахъ, въ особенности въ присутствіи иностранцевъ, всегда былъ на лицо Маршалъ съ высшими Офицерами и Гофъ-Юнкерами, сопровождалъ ихъ въ приличномъ порядкѣ изъ дому и домой, оказывалъ имъ подобающую честь, какъ бы и самому, Его Свѣтлости, Князю, и вообще держалъ себя такъ, чтобы каждымъ, особенно иностранцемъ, высокое имя и достоинство Его Княжеской Свѣтлости тѣмъ болѣе уважались и оцѣнивались; ибо на Посольства всѣхъ народовъ обращаютъ тщательное вниманіе, и по нимъ выводятъ заключеніе о состояніи, величіи, свойствахъ и могуществѣ отсутствующихъ Государей.

6. Маршалъ обязанъ держать постоянный, должный порядокъ, чтобы ежедневно нѣсколько пажей и лакеевъ по очереди состояли во всѣхъ мѣстахъ въ покояхъ Княжескихъ Гг. Пословъ и были бы всегда у нихъ подъ рукою для того, чтобы ни кто, въ особенности изъ чужестранцевъ, не могъ войти въ покой безъ доклада. Этѣхъ лицъ Гг. Послы могутъ употреблять также и для разсылокъ.

7. Когда протрубятъ къ обѣду, всѣ и каждый должны являться тотъ же часъ, чтобы ни кто не смѣлъ заставлять ждать себя, и если кто, въ особенности за столомъ у Гг. Пословъ, придетъ уже послѣ молитвы, когда уже всѣ сядутъ, тотъ, безъ всякаго возраженія, обязывается немедленно заплатить 6 Любецкихъ (Lübisch) шилинговъ въ кружку бѣдныхъ.

8. Пажи, какъ только услышатъ звукъ трубы къ столу, должны тотчасъ же отправиться въ поварню, чтобы въ порядкѣ принести кушанья, поставить ихъ на столъ и подать воду.

9. Какъ только кушанья поставлены на столъ, Маршалъ съ нѣсколькими Юнкерами идетъ къ Гг. Посламъ просить и сопровождать ихъ къ столу.

10. За тѣмъ тотчасъ должно подавать воду, читать молитву и садиться всѣмъ за столъ, по порядку и чину, указанному Княжескимъ Высочайшимъ Наказомъ; но если при этомъ присутствуютъ чужестранцы, то каждаго, сообразно его состоянію, или положенію, сажаетъ на мѣсто и подчуетъ самъ Маршалъ.

11. Пажи обязаны безъ перемѣны, въ продолженіи недѣли, прежде и послѣ всякого стола читать молитвы, и по тому тотъ, котораго очередь, долженъ быть всегда на лицо, иначе должно послѣдовать наказаніе отъ Маршала.

12. Кравчій у стола Гг. Княжескихъ Пословъ выбирается изъ Гофъ-Юнкеровъ и Стольниковъ и перемѣняется еженедѣльно по ихъ приказу (или по очереди).

13. Точно также Маршалъ обязанъ имѣть добрый надзоръ и надъ другими столами, чтобы за ними не происходило ни какихъ неприличныхъ шутокъ и непристойныхъ рѣчей и дѣйствій во время ѣды и питья.

14. Послѣ стола каждый долженъ отправляться исполнять возложенныя на него обязанности; тѣ же, которые назначены для прислуживанія Посламъ, должны оставаться при нихъ, чтобы во всякое время быть готовыми исполнять ихъ приказанія. При этомъ Гг. Княжескіе Послы совершенно и строго воспрещаютъ безпрестанныя отлучки и бѣганія по трактирамъ, погребамъ и другимъ заведеніямъ.

15. Особенно же не должны отлучаться, или не почевать дома, пажи, лакеи и другіе слуги, безъ вѣдома и позволенія Маршала; по этому Гг. Княжескіе Послы совершенно и строго запрещаютъ сдѣсь подобныя отлучки и проведеніе почей внѣ дома, подъ опасеніемъ большого взысканія съ виновныхъ.

16. Равнымъ образомъ отнюдь не дозволяется и совершенно возбраняется пьянство и кутежъ послѣ стола. По этому Главный

Кравчій (Оберъ-Шенкъ) долженъ заботиться о томъ, чтобы до пиршества и во время онаго доставлялось и подавалось на каждомъ столѣ потребное количество напитковъ; по окончаніи же стола онъ долженъ опять запереть погребъ и ключъ взять къ себѣ. Люди, приставленные къ погребу, должны также смотрѣть бдительно, чтобы не было какого тайнаго похищенія вина, отъ чего могутъ произойти дурныя послѣдствія и замѣшательство; если же они кого замѣтятъ въ такомъ похищеніи, то виновный немедленно же строго наказывается. Этѣмъ, впрочемъ, не возбраняется никому употребленіе напитковъ, но воспрещается только безполезное излишество въ немъ. Если кто во время стола пожелаетъ какого вина, то онъ получаетъ его съ вѣдома Главнаго Кравчаго, который соблюдаетъ въ этомъ отношеніи должное приличіе и въ напиткахъ, или яствахъ, никому не отказываетъ.

17. Если Гг. Княжескіе Послы дадутъ какое пиршество, или просто пригласятъ къ себѣ чужестранцевъ, то люди Пословъ, особенно тѣ, которые будутъ приставлены къ нимъ для прислугъ, или же имѣютъ свои извѣстныя обязанности, каковы: пажи, лакеи, юноши и проч., должны совершенно воздерживаться отъ опьяненія, но каждый долженъ прилежно прислуживать и въ точности исполнять все, что назначитъ ему Маршалъ.

19. Равно когда Гг. Княжескіе Послы сами будутъ приглашены къ кому либо въ гости, прислуга ихъ тоже должна воздерживаться отъ пьянства и, напротивъ, должна самымъ ревностнымъ образомъ прислуживать имъ и исполнять приказанное, а виновные противъ этого ни чего инаго ожидать не могутъ, кромѣ наказанія.

Такъ какъ въ путешествіи, при выѣздѣ и проѣздѣ въ городахъ, возбуждается различнаго рода безпорядокъ отъ того, что всѣ запаздываютъ укладкою до послѣдняго часа, когда уже надо трогаться съ мѣста, или же нѣкоторые пойдутъ прощаться съ знакомыми и задерживаютъ тѣмъ Гг. Пословъ, то они строго приказываютъ, какъ только Маршалъ объявитъ отъѣздъ, чтобы каждый неотлагательно укладывалъ свои вещи, былъ бы самъ наготовѣ и на лицо, чтобы къ назначенному времени все уже было уложено, и когда затрубятъ отъѣздъ, чтобъ ни кто не

смѣлъ заставлять ждать себя. Если же кто замѣшкается при отъѣздѣ, за прощаніемъ, или за чѣмъ либо другимъ, то ни кого отнюдь не ждать, но, смотря по состоянію его и должности, не взирая на лицо, подвергать наказанію.

20. Трубачи также при отъѣздѣ должны совершенно воздерживаться отъ опьяненія, обязаны быть на готовѣ и на лицо, чтобы трубить отъѣздъ по приказанію Маршала и вполнѣ удовлетворительно отправлять свою должность; въ противномъ же случаѣ, какъ это не разъ уже бывало, что нѣкоторые изъ трубачей оказывались неисправными, Гг. Княжескіе Послы вынуждены будутъ подвергнуть ихъ строгому взысканію.

21. Какъ и что прикажетъ Маршалъ въ поѣздѣ, такъ все каждый и долженъ исполнять и занимать мѣсто, назначенное ему въ Княжескомъ Высочайшемъ Наказѣ, и по тому всякій непорядокъ въ верховыхъ, или въ экипажахъ, на пути окончательно воспрещается и требуется, напротивъ, во всякое время совершенный порядокъ въ пути.

22. Въ отношеніяхъ къ чужестранцамъ каждый долженъ держать себя миролюбиво и дружелюбно, не издѣваться надъ ихъ церковными обрядами и ни надъ чѣмъ другимъ, а тѣмъ менѣе браниться съ ними, или драться, но, напротивъ, каждый долженъ имъ оказывать доброе расположеніе и вообще поступать съ ними такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ поступали другіе.

23. Если въ этомъ Наказѣ, который Гг. Княжескіе Послы всегда могутъ распространить, или, по надобности, измѣнить, если что либо еще не указано, то дополнитъ Маршалъ, который, именемъ Княжескихъ Пословъ, для соблюденія должнаго достоинства и добраго порядка, даетъ приказанія, и ихъ каждый, состоящій подъ начальствомъ Маршала, долженъ въ точности исполнять точно также, какъ бы приказанія этѣ содержались въ настоящемъ Наказѣ, и до тѣхъ поръ, пока Гг. Послы не измѣнятъ этого приказанія.

За тѣмъ Гг. Княжескіе Послы строго и крѣпко требуютъ и повелѣваютъ всѣмъ и каждому изъ находящихся при нихъ это-

му ихъ Наказу, вмѣстѣ съ объявленнымъ имъ прежде Княжескимъ Высочайшимъ Наказомъ, во всѣхъ ихъ статьяхъ и во всемъ, чего они касаются, тотчасъ же, по объявленіи его, вполнѣ повиноваться и слѣдовать, и ни какими путями, прямо и не прямо, его не обходить.

Въ заключеніе Гг. Княжескіе Послы надѣются, что всякій, кому только любезно высокое достоинство Его Княжеской Свѣтлости и собственная его честь, будетъ достойно вести себя такъ, чтобы ни какія жалобы и другія неудовольствія не безпокоили ихъ въ ихъ высокомъ порученіи, и чтобы они не были вынуждаемы прибѣгать къ примѣрнымъ наказаніямъ противъ ослушныхъ.

Было бы излишне говорить, что, кромѣ этѣхъ главныхъ Наказовъ, было дано и нѣсколько другихъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ предметамъ. Вначалѣ такіе строгіе Наказы исполнялись въ точности, и виновные противъ нихъ тотчасъ достойно наказывались, но, спустя не много времени, не только нѣкоторые смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, но и самъ Посланникъ Бругманъ, въ противность имъ, вооружилъ нѣкоторыхъ изъ лакеевъ своихъ и другую низшую прислугу топорами, съ придѣланными на нихъ ружейными стволами, которыми удобно было и рубить и стрѣлять, и далъ имъ власть встрѣчать ими самовольно и враждебно жителей Ревеля, если бы этѣ хотѣли подойти къ нимъ поближе, такъ что сказанные дѣльные Наказы скоро стали упускаться изъ виду и забываться. Въ слѣдствіе этого, такъ какъ мы пробыли въ Ревелѣ цѣлые 3 мѣсяца, въ ожиданіи новыхъ вѣрительныхъ грамотъ изъ Голштиніи, то въ это время между нашими и Ревельскими купеческими прислужниками происходили нерѣдкія ссоры, которыя заключились наконецъ даже убійствомъ. Такъ, 11-го Февраля, ночью, не далеко отъ Посольскаго пребыванія, купеческіе слуги и наши люди, изъ шалости, такъ расходились, что камердинеръ Бругмана, Исаакъ Мерси, Французъ и вообще человѣкъ очень тихій, услыхавши ужасный крикъ спорящихъ, выбѣжалъ изъ своего жилья на помощь нашимъ; но купеческіе прикащики такъ приняли его шестомъ, на которомъ носятъ ушаты, что разбили ему черепъ, и онъ къ утру умеръ, прожившъ только 4 часа въ безпамятствѣ. Тѣло его, 22 числа,

сопровождено не только Послами и при нихъ состоящими, но и досточтимымъ Совѣтомъ (Rath) и важнѣйшими гражданами въ церковь Николая, и погребено съ почетною церковною торжественностью. Хотя Послы, при содѣйствіи Совѣта (Rath), употребили все свое стараніе открыть виновнаго, но онъ такъ и остался не открытымъ.

ГЛАВА VIII.

О городѣ Ревелѣ.

Городъ Ревель (Колывань) лежитъ подъ 59°, 25′ широты и подъ 48° и 30′ долготы, у Балтійскаго моря въ Вирландскомъ округѣ Эстонскаго Княжества. Ливонія тогда, отъ р. Двины до Чудскаго залива, раздѣлялась на Летію (Letthia) и Эстонію, и эта послѣдняя заключала въ себѣ 5 главныхъ округовъ: Гаріенъ, Вирландъ, Алентакенъ, Ервенъ и Викъ, и всѣ они весьма плодородныя и богатыя хлѣбомъ мѣстности.

Хотя многолѣтнія войны опустошили и обратили въ дикія весьма многія сдѣсь мѣста, тѣмъ не менѣе въ настоящее время ежегодно выжигается бездна кустарнику и лѣсу на этѣхъ пространствахъ и онѣ дѣлаются пригодными для пашни, на которой въ первые годы бываетъ превосходный урожай. Удивительно, какъ густо и хорошо ростетъ сдѣсь хлѣбъ, хотя сѣмя прямо бросается въ золу, безъ удобренія почвы. Такъ какъ одна зола сама по себѣ не имѣетъ ни чего, способствующаго такому явленію, то полагаю, что это зависитъ отъ сѣры и селитры, остающихся въ землѣ отъ сожженнаго лѣсу и угольевъ; ибо извѣстно, что угольная пыль очень удобряетъ и дѣлаетъ землю плодородною. Я нахожу подобное у Страбона въ концѣ 5-й книги, когда онъ говоритъ, что около горы Везувія, лежащей близъ Неаполя, должна быть весьма плодородная почва, по тому что по временамъ гора «извергаетъ пламя(горитъ).» Fortassis, говоритъ онъ, haec etiam causa fertilitatis est locorum circumjacentium, quemadmodum Catanae perhibent partes, quae cineribus ab Aet-

naeo igne sursum egestis fuerunt intectae, fuisse vini feraces redditas. Habent enim pinguedinem et glebae, quae igni ardescunt et quae fructus profert, eaque, dum abundat pinguedine, apta est incendio, sicut omne, quod sulphureum est; consumta pinguedine et gleba restincta ac in cinerem conversa, ad fruges producendas redacta est. commodior. Т. е., это очень можетъ быть причиной плодородія вокругъ лежащихъ мѣстностей, точно также, какъ, говорятъ, что въ Катанѣ земля около горы Этны весьма плодородна къ произращенію винограда, въ слѣдствіе изверженій горы. Также и земляныя глыбы, содержащія въ себѣ много жирныхъ частицъ и сѣрнаго вещества, если перегорятъ и обратятся въ погасшій пепелъ, приносятъ богатый плодъ.» Такъ какъ въ этой странѣ, въ Ливоніи весьма хорошее хлѣбопашество, то случается, что Ревель одинъ отпускаетъ нѣсколько тысячъ ластовъ ржи и ячменю. Сдѣшніе жители варятъ хорошее и крѣпкое пиво, и вовсе не такъ дурное, какъ говоритъ о немъ Цейлеръ (Zeilerus), въ 31-й главѣ своего «Itinerarium.» Въ Ливоніи также и очень хорошее скотоводство, и много мелкой дичи и дикой птицы, такъ что, сравнительно съ Германіей, сдѣсь можно имѣть превосходный столъ съ гораздо меньшими издержками. Такъ, мы часто платили за зайца по 8 мелкихъ мѣдныхъ монетъ (Мишпенской монеты, равняющіяся 2-мъ грошамъ), а за глухаря по 3 гроша и дешевле.

Городъ Ревель построенъ Вольдемаромъ II, Королемъ Датскимъ въ 1230 году, по Р. Х. По величинѣ, постройкамъ и укрѣпленіямъ, онъ не много уступаетъ Ригѣ, издавна обнесенъ высокою стѣной, съ сторожевыми башнями и раскатами, и хотя Москвитяне дважды осаждали его и сильно обстрѣливали (слѣды бомбардированія до сихъ поръ еще видны въ замкѣ, на горѣ (Tonnings), но должны были наконецъ отойти безъ успѣха. Въ настоящее время онъ еще болѣе укрѣпляется, окружается сильными больверками и валами, по указаніямъ тамошняго Математика Г. Гемзеля (Hemselius), весьма умнаго и свѣдущаго человѣка, и въ то время, когда я былъ тамъ, были уже готовы два больверка. Онъ находится подъ покровительствомъ Его Величества, Короля Шведскаго, есть важный торговый городъ и, по прекрасному мѣстоположенію своему, какъ бы самою природою назначенъ для торговли, имѣетъ общественную пристань, превосходный рейдъ

и, преимущественно передъ другими мѣстами, большое удобство для кораблеплаванія и складочныхъ амбаровъ, дарованное ему Богомъ и природой. По этому въ городѣ этомъ, вскорѣ послѣ его основанія, торговля сама собою развилась до такой степени, что съ каждымъ днемъ привлекала туда все болѣе и болѣе жителей, которые скоро составили себѣ огромныя богатства и самый городъ великолѣпно обстроили церквами, монастырями, прекрасными домами, крѣпкими стѣнами. По безпрестанно увеличивающейся въ немъ торговлѣ, улицы и жилища вездѣ состоятъ въ немъ изъ отличныхъ каменныхъ домовъ и складочныхъ амбаровъ, для предохраненія отъ огня и другихъ опасностей множества различныхъ товаровъ, безпрестанно привозимыхъ, или отпускаемыхъ, и все вообще здѣсь приспособлено къ торговой дѣятельности такъ, что городъ Ревель, какъ у себя, такъ и за границей, по справедливости можетъ считаться самымъ удобнѣйшимъ торжищемъ (emporium) въ Чудскомъ заливѣ, преимущественно для Русской торговли и складки товаровъ. Часто посѣщаемый кораблями всѣхъ народовъ и странъ, онъ скоро, подобно Ригѣ и Юрьеву въ Ливоніи, былъ принятъ въ достохвальный, болѣе 400 лѣтъ существующій уже, Ганзейскій Союзъ. Въ особенности же городъ Ревель важенъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ 4-ю Ганзейской квартирой и главнымъ городомъ Любекомъ, заключивъ союзъ (collegium) въ Великомъ Новгородѣ, въ Россіи, въ теченіи 300 лѣтъ сдерживалъ вторженія Русскихъ войскъ въ Ливонію, составлялъ важный членъ Союза и имѣлъ такую власть, что безъ его совѣта или согласія ни чего не дѣлалось и ни кто не имѣлъ права торговать изъ Ливоніи, или моремъ съ Россіей. По этому онъ прежде другихъ мѣстъ пріобрѣлъ и пользовался Jus stapulae и Jus sistendi mercatus (право таможенное и право имѣть ярмарки (или мѣста для торга), которыя въ послѣдствіи утверждены были мирными договорами различныхъ владѣтельныхъ особъ, и между прочимъ Короля Шведскаго и Великаго Князя Московскаго, а именно въ 1595 году въ Тявсинѣ (Teusina), въ 1607 году въ Вибургѣ (Wieburg) и въ 1617 году въ Столбовѣ (Stolwowa).

Хотя, въ слѣдствіе вторженія Русскихъ войскъ, а равно и по слѣ замиренія съ ними, въ слѣдствіе клеветы нѣкоторыхъ чуже-

странцевъ, несправедливо обвинявшихъ г. Ревель въ своекорыстіи, тогда какъ онъ обладаетъ только своимъ правомъ и гильдейскими преимуществами, подобно другимъ Ганзейскимъ городамъ, торговля въ немъ значительно упала, тѣмъ не менѣе онъ и до сихъ поръ пользуется превосходными льготами, которыя получилъ онъ отъ цѣлаго ряда своихъ Гермейстеровъ и Королей. Онъ пользуется Любецкимъ правомъ, имѣетъ собственныхъ Суперъ-Интендентовъ и Консисторію. Жители Ревеля, чистой Евангелической Вѣры по Аугсбурскому Исповѣданію, отправляютъ общественныя богослуженія въ нѣсколькихъ церквахъ, съ ежедневными почти проповѣдями, произносимыми отличными проповѣдниками. У нихъ есть прекрасная Гимназія, изъ которой хорошо обученые ученики ежегодно посылаются въ Дерптъ, въ Ливонскую и другія Академіи. Правленіе сдѣсь народовластное, съ участіемъ гильдій, почетныхъ (Olderleuten) и старѣйшихъ людей, и Синдикомъ: въ настоящее время состоитъ Г. Д. Іоаннъ Фестрингъ (Vestring), превосходный и ученый человѣкъ. Въ то время, когда мы были въ Ревелѣ, граждане его, особенно же члены Совѣта, Ministerii и Gimnasii, были между собою такъ согласны и дружелюбны, что мы со стороны любовались ими; они часто собирались на бесѣды и въ гости другъ къ другу, приглашали и насъ, и оказывали намъ при этомъ много чести, любви и дружбы. Въ лѣтнее время для такого рода веселыхъ сходбищъ представляется чрезвычайно подручное удобство, въ лежащихъ около города увеселительныхъ садахъ, храмахъ и другихъ мѣстахъ прогулки. Между ними, въ сѣверной части, у пристани, въ полумили отъ города, находится древній разрушившійся монастырь Св. Бригитты, отъ котораго и етперь еще можно видѣть остатки стѣны и подземныхъ ходовъ со сводами. Бывши еще прежде нѣсколько лѣтъ назадъ въ Ревелѣ, я видѣлъ у названнаго выше Г. Д. Фестринга, моего весьма досточтимаго друга, старую книгу, въ которой подробно описано основаніе, учрежденіе и наконецъ уничтоженіе этого монастыря. Закладка этого монастыря сдѣлана была въ 1400 г. по Р. Х., при Мейстерѣ Кордѣ (Cord), Прусскомъ Гохмейстерѣ, и при Мейстерѣ Кордѣ Фитингсгофѣ (Vitingshoff), Мейстерѣ Ливонскомъ, а также при Іоаннѣ Оке (Oke), Епископѣ Ревельскомъ, однимъ богатымъ купцемъ, по имени Гунсомъ (Huns) Свальбертомъ (Swal-

bert), который, изъ особаго благочестія, отрѣшился отъ свѣта, вступилъ въ иноческій чинъ, употребилъ много денегъ, труда и работы на учрежденіе этой обители. Къ нему присоединились еще двое богатыхъ купцевъ, Гунсъ Купертъ (Huns Kupert) и Герлахъ Крузе (Gerlach Kruse), которые были прежде мірянами и сдѣлались потомъ Священниками. Это былъ мужской и женской монастырь. Сестры посвящены были въ немъ 1431 г., въ Воскресенье передъ С. Іоанномъ, а братья въ Воскресенье послѣ Св. Іоанна, и Г. Герлахъ Крузе былъ избранъ въ немъ отцемъ и исповѣдникомъ (Pater et Confessor). Монастырь этотъ отъ нечаяннаго пожара въ 1564 г., въ день «Exaudi», совершенно сгорѣлъ и обратился въ пепелъ.

Въ этой же книгѣ говорится, что иноки и инокини придумали себѣ особый способъ понимать другъ друга, безъ разговоровъ, а посредствомъ различныхъ знаковъ пальцами и руками. Такъ, на примѣръ: притрогиваясь указательнымъ пальцемъ глаза, поднятаго вверьхъ, означали они Христа. Касаясь тѣмъ же пальцемъ головы, означали отца исповѣдника (духовника). X на головѣ значило Діякона, а два пальца, касающіеся головы, означали Игуменью. Указательный палецъ, сложенный съ мизинцемъ, значилъ пить. Пять пальцевъ, сложенные вмѣстѣ, воду. Указательный палецъ, приставленный къ груди, означалъ читать. Кулакъ, съ несложеннымъ и двигающимся большимъ пальцемъ, значилъ не обращать вниманія. Кулакъ съ указательнымъ, длиннымъ и большимъ пальцемъ, несложенными, означалъ стыдъ. И такъ далѣе, что все упоминать сдѣсь было бы длинно, равно какъ довольно и о самомъ разрушенномъ монастырѣ, къ которому обыватели Ревеля часто отправляются для прогулокъ.

Граждане Ревеля живутъ въ добрыхъ отношеніяхъ и дружествѣ съ Земскимъ Дворянствомъ, отъ чего также замѣтно укрѣпляется и увеличивается торговля и продовольствіе (промышленность).

Нахожу удобнымъ упомянуть сдѣсь о Ливонскомъ Земскомъ Дворянствѣ, проживающемъ въ Эстонскомъ Княжествѣ, еще нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ славѣ этого Дворян-

ства. Рыцарство въ Эстонскомъ Княжествѣ состоитъ изъ свободныхъ Дворянъ, которые издавна крѣпко и мужественно держались противъ Русскихъ, значительно превышавшихъ ихъ числомъ и такою постоянною храбростью своею и вообще благородными, истинно рыцарскими доблестями, которыми отличались, снискали себѣ расположеніе Датскихъ Королей, въ особенности же благосклонность Короля Вольдемара II, который въ 1215 году даровалъ имъ первыя рыцарскія права, утвержденныя въ 1252 году грамотою Короля Эриха VII. За тѣмъ Дворянству этому дарованы были въ разное время многія, весьма почетныя и превосходныя, преимущества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіе отъ всякихъ повинностей, кромѣ конной службы, разными лицами: Магистрами Ордена Меченосцевъ, Великими Магистрами Прусскими, въ числѣ коихъ Г. Конрадъ Юнгигенъ (Jungiegen) сообщилъ Дворянству Гаріена и Вирланда право передавать имущество сыновьямъ и дочерямъ до 5-го колѣна, и наконецъ Магистрами Ливонскими Нѣмецкаго Ордена (между которыми Г. Вальтеръ Фонъ Плетенбергъ въ 1495 году былъ избранъ, а въ 1513 первый возведенъ былъ въ Князья Священной Римской Имперіи и оставилъ Княжеству Эстонскому много превосходнѣйшихъ постановленій). Когда же въ послѣдствіи, во время войнъ съ Русскими, Рыцарство увидало себя всѣми оставленнымъ, оно отдалось подъ покровительство Шведской Короны, при королѣ Эрихѣ, и всѣ сказанныя, мечемъ завоеванныя, унаслѣдованныя и укоренившіяся права, укрѣплены были за нимъ и вполнѣ ему предоставлены этѣми достохвальными Королями Даніи.

Политическое устройство и судебное управленіе сдѣсь заключается въ Земскомъ Судѣ, въ которомъ засѣдаютъ 12 благородныхъ Земскихъ Судей (Landrathen) и которое обыкновенно собирается въ Енерѣ (Jenner) каждый годъ. Предсѣдателемъ въ этомъ Судѣ состоитъ Королевскій Г. Губернаторъ Эстоніи, который, выслушавъ краткое, двукратное письменное объясненіе тяжущихся, рѣшаетъ частныя дѣла короткимъ судомъ и произноситъ приговоръ.

Въ бытность нашу тамъ Губернаторомъ былъ именитый Г. Филиппъ Шейдингъ (Scheiding), Совѣтникъ Его Величества Короля

и Королевства Швеціи. По смерти его былъ Его Графское Сіятельство, Эрихъ Оксенштирнъ (Oxenstirn), Баронъ Кимитскій (Kymitho), владѣтель Фигольмскій, Герингсгольмскій, Велигардскій и проч. и проч., Совѣтникъ Его Величества Короля и Королевства Швеціи, котораго городъ Ревель не зналъ какъ достойно и прославить за его высокія доблести и котораго по этому лишился онъ весьма неохотно. Когда Г. Эрихъ Оксенштирнъ снова потребованъ былъ въ Королевство, для занятія еще болѣе высшихъ должностей, то на почетное мѣсто Губернатора назначенъ былъ недавно высокознаменитый Графъ Генрихъ Фонъ Турнъ, также Его Величества Короля и Королевства Швеціи Совѣтникъ и проч. и проч., на котораго городъ Ревель возлагаетъ тоже неменьшія надежды.

О всѣхъ Земскихъ нуждахъ начальникъ Рыцарства, избираемый изъ Дворянъ на каждое трехлѣтіе безсмѣнно, доноситъ и объясняетъ Губернатору и Земскимъ Судьямъ. Въ разрѣшеніе тяжбъ о границахъ, которыя, по причинѣ великихъ и тяжкихъ войнъ съ Русскими и Поляками, очень часто возникаютъ, назначаются, черезъ каждые 3 года, особые трое судей, въ Гаріенѣ, Вирландѣ и Викѣ, которые, съ Засѣдателями (Adsessoren) своими и Секретаремъ, объѣзжаютъ спорныя границы и рѣшаютъ на мѣстѣ споры тяжущихся. Недовольный этѣмъ рѣшеніемъ можетъ жаловаться Земскому Суду, который назначаетъ особыхъ извѣстныхъ Коммиссаровъ осмотрѣть спорныя мѣста, выслушать тяжущихся и за тѣмъ или утвердить рѣшеніе прежняго Судьи, или измѣнить его. Кромѣ того сдѣсь есть еще 4 Земскихъ Судей, въ 4-хъ округахъ Эстонскаго Княжества: Гаріенѣ, Вирландѣ, Ервенѣ (Jervен) и Викѣ, коворымъ поручается наблюденіе надъ мостами, дорогами и мостками или кладками (доски, для прохода черезъ ровъ, или ручей), которыя, по причинѣ множества болотъ, вообще очень дурны.

ГЛАВА IX.

О жителяхъ не Нѣмецкаго племени или о Древне-Ливонскихъ.

Древніе обитатели въ Эстоніи, равно какъ и во всей Ливоніи, были язычники и идолопоклонники до 1170 года по Р. Х., т. е., до времени Императора Фридриха Рыжебородаго (Barbarossa), какъ свѣдѣтельствуютъ о томъ Кранцъ, въ 6-й книгѣ своей «Вандаліи» (Wandaliae), и Хитрей, въ своей «Саксоніи» (Saxonia); въ это же время, въ слѣдствіе торговыхъ сношеній, которыя завели съ ними Бременскіе и Любецкіе купцы, они обращены въ Христіянство, что произошло такимъ образомъ. Около помянутаго времени Бременскіе купцы, торговавшіе по Балтійскому морю, занесены были бурею въ заливъ у Риги (Рижскій), въ мѣстность, тогда еще не извѣстную Нѣмцамъ, познакомились тамъ съ береговыми, до Пернова обитавшими, жителями, подружились съ ними, обмѣнивались товарами и такимъ образомъ завели съ ними торговыя сношенія. Жители этѣ въ началѣ были довольно простоваты, такъ что, на примѣръ, они выжимали изъ воска медъ, котораго въ Ливоніи множество, а воскъ бросали, какъ вещь никуда не годную. Когда монахъ Мейнардъ Фонъ Зегебергъ (Segeberg) узналъ объ этомъ, то, изъ особеннаго благочестія и по внушенію Св. Духа, отправился туда на кораблѣ, выстроилъ на небольшомъ островку Двины хижину или простую часовню, поселился въ ней съ своимъ слугой, съ великимъ трудомъ выучился языку этѣхъ дикарей, старался своими дружескими бесѣдами познакомить ихъ съ истинной Вѣрой и богослуженіемъ и, такимъ образомъ, мало по малу, распространилъ Христіянскую Вѣру и многихъ обратилъ въ нее. А такъ какъ остальной, необращенный, необузданный и наглый народъ часто нападалъ на основавшихся сдѣсь новыхъ Христіянъ, то этѣ послѣдніе, для защиты своей, укрѣпили мѣсто своего жительства и назвали его Керкгольмомъ (Kerckholm). Помянутый Мейнардъ, за неутомимую ревность свою, съ которою онъ продолжалъ просвѣщать народъ, по распоряженію Папы, Александра III, былъ посвященъ Архіепископомъ Бременскимъ въ перваго Ливонскаго Епископа.

По смерти Мейнарда слѣдовалъ за нимъ Бертольдъ, Аббатъ Цистертіянскаго Ордена, котораго Бременское Архіепископство послало туда въ качествѣ Епископа. Такъ какъ этотъ Бертольдъ старался обратить дикарей къ покорности и Христіянству не только словомъ, но и мечемъ, воевалъ съ ними, то въ одной схваткѣ, ѣхавши на горячей лошади, онъ былъ занесенъ ею въ средину непріятелей варваровъ и убитъ ими. Въ этой битвѣ погибло 1100 Христіянъ и 600 Эстонцевъ, какъ повѣствуетъ о томъ одна древняя Саксонская Бременская лѣтопись, находящаяся въ библіотекѣ моего милостивѣйшаго Государя. Этому же Бертольду слѣдуетъ приписать и основаніе города Риги. Іоаннъ Магнусъ, въ своей «Gothorum Sueonumque Historia,» въ 19 книгѣ, говоритъ, что сказанное побоище случилось въ 1186 году по Р. Х.

Послѣ Бертольда, Бременцы, въ 1196 году послали, изъ своей Коллегіи, третьяго Епископа, по имени Альбрехта. Этотъ окончательно достроилъ Ригу и въ 1200 году обвелъ ее стѣною. Онъ счастливо управлялъ здѣсь въ продолженіи 33 лѣтъ и способствовалъ распространенію Христіянства въ Ливоніи. Мы знаемъ изъ упомянутой выше Исторіи (MS), что Альбрехтъ, Каноникъ Бременскій, изъ ревности къ Христіянству, самъ заявилъ желаніе отправиться въ Ливонію и дѣйствовать тамъ противъ Нехристіянъ. Для этого онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ и былъ утвержденъ Папою въ санѣ Епископа. Кромѣ того Папа уполномочилъ его основать въ Ливоніи новый Орденъ, которому предоставлялась 3-я часть завоеванной страны, для того, чтобы онъ могъ имѣть средства къ сопротивленію противъ язычниковъ. Возвратившись изъ Рима домой, Епископъ Альбрехтъ взялъ съ собою нѣсколько храбрыхъ мужей изъ своего братства, отправился съ ними, послѣдуемый и многими другими, въ Ливонію, учредилъ тамъ съ этѣми спутниками Орденъ Меченосцевъ, въ которомъ первымъ Магистромъ выбранъ былъ Вино (Wieno), и такимъ образомъ этѣ Меченосцы съ свѣжими силами двинулись на варваровъ. Орденъ этотъ Польскій Король, Сигизмундъ, покоривши всю Ливонію, уничтожилъ въ 1561 году по Р. Х., послѣ 357-лѣтняго его существованія. Знакъ его былъ 2 красные меча, сложенные крестообразно, и носили его на мантіи, какъ свѣдѣтельствуетъ Францискъ Мененій (Mennenius) въ своемъ «De

originibus Ordinum Militarium.» Такъ какъ варвары были числомъ сильнѣе Меченосцевъ и часто побѣждали ихъ, то этѣ послѣдніе призывали къ себѣ на помощь Гохмейстеровъ, или братьевъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи (основателемъ котораго долженъ быть Фалько, Король Іерусалимскій, какъ полагаетъ Хитрей). Такими то соединенными силами братья этѣхъ обоихъ Орденовъ одолѣли наконецъ варварскіе народы, привели ихъ къ повиновенію и весьма много распространили между ними Христіянскую Вѣру.

Въ Летіи и Эстоніи и по сіи дни осталось еще много потомковъ этѣхъ варваровъ, которые не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, но суть рабы или крѣпостные, и находятся въ услуженіи у Земскаго Дворянства и у гражданъ въ городахъ. Они сохранили еще свой древній языкъ, и хотя Эстонцы не имѣютъ ни какого сродства съ жителями Летіи (Латышами), тѣмъ не менѣе ихъ называютъ общимъ именемъ Нѣмцевъ (Undeutschen).

Они имѣютъ свою собственную одежду, въ особенности женщины, носятъ узкія платья, въ родѣ мѣшковъ, у которыхъ сзади навѣшаны мѣдныя цѣпочки съ шелягами, а въ низу обшито зубцами, яркими стекляннымі коралами (бусами). Зажиточныя (болѣе знатныя) и обыкновенныя, простыя мамки (кормилицы), носятъ на шеѣ гладкія, круглыя серебряныя лапостки (лапки), величиною въ половину и въ цѣлый талеръ; бѣднѣйшія же (низшія) носятъ ихъ гораздо большія, но изъ тонкой жести.

Незамужнія ходятъ съ непокрытой головой, зимой и лѣтомъ; волосы у нихъ подстрижены и висятъ неподвязанные до шеи, такъ что головою дѣвицы совершенно сходны съ мужчинами, неженатыми парнями. Платья ихъ дѣлаются изъ шерстяной матеріи, или изъ полотна, которыя они сами ткутъ и изготовляютъ. Обувь носятъ лѣтомъ изъ лыкъ (лапти), зимою же изъ невыдѣланной, грубой бычачьей, или коровьей, шкуры. Большинство ихъ бѣдные люди, не имѣютъ ни чего, кромѣ того, чтобы пропитать себя коекакъ; по этому, когда они справляютъ свадьбу, то собираютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подаритъ имъ въ такомъ случаѣ ихъ господинъ, все, что могутъ, и пируютъ при этомъ такъ хорошо, какъ только могутъ.

Торжества и обряды на ихъ свадьбахъ большею частію слѣдующіе: когда женихъ и невѣста живутъ въ разныхъ селеніяхъ, то онъ везетъ ее обыкновенно на верховой лошади. Невѣста садится бокомъ позади жениха и охватываетъ его правою рукою. Впереди ѣдетъ волыньщикъ (музыкантъ, играющій на волынкѣ), за нимъ слѣдуютъ два засѣдателя (спутника, провожатые, дружки), съ обнаженными мечами, которыми они насѣкаютъ крестообразно дверь брачнаго дома, за тѣмъ втыкаютъ этѣ мечи въ потолокъ, въ балку, гдѣ садится женихъ. Женихъ, въ то время, когда везетъ сказаннымъ образомъ невѣсту, держитъ въ разщепленной палкѣ два мѣдныхъ пенязя или монеты, которые и отдаетъ людямъ, стоящимъ у изгороди или плетня, за то, чтобы они пропустили его. Невѣста же имѣетъ при себѣ красныя ленты, которыя бросаетъ по дорогѣ, преимущественно тамъ, гдѣ она сходится крестообразно и гдѣ стоятъ кресты на могилахъ некрещеныхъ дѣтей, которыхъ обыкновенно не хоронятъ на кладбищахъ, а гдѣ ни будь на дорогѣ.

За женихомъ слѣдуютъ, также верхомъ на лошадяхъ, другіе гости, мужья съ своими женами и молодые парни съ дѣвицами.

Невѣста во все время, пока сидитъ за столомъ, имѣетъ на головѣ платокъ, который покрываетъ ей лицо. Подобный же обычай покрывать лице существуетъ не только у Москвитянъ или у Русскихъ, но также у Персовъ и Армянъ.

Покрытіе лица невѣстъ есть, кажется, даже исконный древній обычай, какъ полагаетъ и Плиній (Plinius lib. 21, c. 8). Это свѣдѣтельствуетъ и Луканъ (Lucanus lib 2 de Bello Pharsalico):

Non timidum nuptae leviter tectura pudorem.
Lutea demissos velarunt flammea vultus.

Подобное же встрѣчаемъ и у Тертуліяна (Tertullianus libro de virginibus velandis), когда онъ, говоря о Ревеккѣ, что она покрытая вышла на встрѣчу жениху, присовокупляетъ, cap. 11: «Atquin etiam apud Ethnicos velatae ad virum ducuntur.» Обычай

этотъ встрѣчается и у язычниковъ. Изъ этого обычая должно происходить и Латинское названіе свадьбы, «nuptiae;» ибо слово «nubere» означало у древнихъ покрывать, прятать, о чемъ подробнѣе можно прочесть у Розина (Rosini, De antiqu. Romanis lib. 5, c. 37).

Когда не Нѣмецкіе женихъ и невѣста посидятъ нѣсколько времени за столомъ и поѣдятъ, то ихъ зовутъ и отводятъ на брачную постель, хотя бы это было во время бѣлаго дня. Гости между тѣмъ весело и дружно веселятся, а черезъ два часа новобрачные снова призываются и приводятся на пиръ, и тогда уже всѣ пляшутъ и пьютъ во всю ночь до того, что гдѣ кто ни повалится, тамъ и заснетъ.

Что касается до ихъ Вѣры и богослуженія, то предки ихъ, какъ сказано выше, за 400 лѣтъ передъ симъ обращены были въ Христіянство и въ настоящее время, вмѣстѣ съ Нѣмецкими Ливонцами, держатся Аугсбургскаго Исповѣданія (Augspurgischen Confession). По городамъ и селамъ у нихъ есть свои церкви и проповѣдники, которые глашаютъ имъ слово Божіе на не Нѣмецкомъ языкѣ и совершаютъ надъ ними Св. Таинства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, впрочемъ, Христіянскіе обряды и въ наше время исполняются довольно небрежно, такъ что часто работа предпочитается богослуженію. По этому жители этѣ находятся въ большомъ невѣжествѣ, и у многихъ изъ нихъ сердца исполнены не столько Христіянскою ревностію къ истинному богопочтенію, сколько наклонностями къ языческому и безбожному образу жизни. Такъ, въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности же на холмахъ, они выбираютъ извѣстныя деревья, вырѣзываютъ на нихъ до самой вершины разные знаки, обвязываютъ ихъ красными лентами и совершаютъ подъ ними свои суевѣрные обѣты и моленья, направленныя только къ полученію и увеличенію ихъ временнаго благополучія.

Между Ревелемъ и Нарвою, въ 2 миляхъ отъ помѣстья Кунды, не далеко отъ приходской церкви, находится древняя развалившаяся часовня. Къ этой-то часовнѣ окрестные жители не Нѣмцы, ежегодно отправляются ко дню Благовѣщенія

на поклоненіе (богомолье), и нѣкоторые изъ нихъ, у лежащаго въ часовнѣ большаго камня, нагіе ползаютъ на колѣняхъ вокругъ камня, приносятъ тамъ свои безкровныя (отъ снѣди) жертвы, испрашивая, чтобы имъ и скотинѣ ихъ ниспослано было благополучіе на цѣлый годъ, а болящимъ изъ нихъ выздоровленіе. При такихъ путешествіяхъ на поклоненіе вездѣ является множество разнаго рода торговцевъ, и тутъ-то богомольцы предаются обжорству, пьянству, любодѣянію и всевозможнымъ грубымъ порокамъ, даже убійству. Въ бытность нашу тамъ такое безчинніе далеко еще не вывелось, хотя туземные Священники усердно стараются объ этомъ и своимъ вліяніемъ значительно ослабили уже вкоренившееся зло.

Народъ этотъ считаютъ за колдуновъ и говорятъ, что колдовство у нихъ до такой степени обыкновенно, что старики обучаютъ ему молодыхъ, и хотя нѣкоторые сохранили этѣ чародѣйныя идолопоклонническія дѣйствія, переданныя имъ отъ родителей и предковъ ихъ, не болѣе какъ голые обычаи, или пріемы въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе они воображаютъ, что, не исполняя ихъ, не будутъ имѣть ни какого счастія въ дѣлахъ своихъ. Такъ, на примѣръ, когда они бьютъ скотину, или варятъ какое кушанье, пиво, то либо прежде чѣмъ употребляютъ изготовляемое, бросаютъ, или льютъ, часть его въ огонь, или въ извѣстное мѣсто, и оставляютъ, чтобы часть эта пропала, или уничтожилась. Съ малыми дѣтьми они также продѣлываютъ свое мороченье. Намъ разсказывали, что нѣкоторые новорожденныхъ своихъ, если они въ продолженіи 6 недѣль были неспокойны, тайно перекрещивали и давали имъ другія имена изъ того убѣжденія, что дѣти этѣ будьто бы получили ненадлежащія и неудобныя имена, и по тому были такъ непокойны. Если они такъ сильно преданы чародѣйству, то, будучи обложены всегда тяжелой работой, они должны были бы сдѣлать, если бъ только могли, надъ своими господами чиновниками то же самое, что въ древнія времена дѣлали колдуны въ Италіи. Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи «De civ. Dei,» lib. 18, c. 18, пишетъ, что въ его время разсказывали, будьто бы нѣкоторые трактирщики въ Италіи, посредствомъ чародѣйнаго сыра, превращали гостей своихъ, когда они поѣдятъ его, въ

лошадей и быковъ для того, чтобы въ этомъ видѣ отработали имъ извѣстныя по хозяйству работы; по исполненіи же работъ они опять возвращали этѣмъ гостямъ прежній видъ и разумъ.

О будущей жизни они имѣютъ также довольно странное представленіе. Сельскій Священникъ близъ Риги разсказывалъ намъ, что одна вдова Латышка положила въ гробъ съ тѣломъ мужа своего иглу и нитки. Когда ее спросили, за чѣмъ она дѣлаетъ это? отвѣчала: для того, чтобы мужъ ея могъ въ той жизни починить свое платье, когда оно разорвется, и чтобы другіе тамъ не могли смѣяться надъ его изорваннымъ платьемъ.

Въ слѣдствіе такой крайней грубости и невѣдѣнія въ дѣлахъ Вѣры, обусловливаемой большею частію тѣмъ, что владѣльцы (помѣщики) не обращаютъ надлежащаго вниманія на то, чтобы крестьяне ихъ были прилежнѣе къ слушанію слова Божія, происходитъ то, что крестьяне эти просто пренебрегаютъ словомъ Божіимъ и Таинствами. Протопопъ въ Лиггенгузѣ (Propst zu Liggenhusen), лежащемъ близъ Нарвы, Г. М. Андрей Безикъ (Besick), добрый мой другъ, разсказывалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ подобнаго небреженія и, между прочимъ такой, что однажды его потребовали къ старому не Нѣмецкому крестьянину, лежавшему уже на смертномъ одрѣ, съ просьбою причастить больнаго. Когда Протопопъ спросилъ больнаго: по чему онъ пожелалъ только теперь принять Св. Причастіе, тогда какъ прежде, когда былъ здоровъ, онъ нѣсколько лѣтъ не думалъ объ немъ и не причащался? Больной отвѣчалъ, что его уговорили къ тому друзья, съ тою цѣлію, что если уже суждено ему умереть, то, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ честно погребенъ на Христіянскомъ кладбищѣ. Другой же крестьянинъ ругательски скверно и богохульно издѣвался надъ своимъ сосѣдомъ, услыхавши, что этотъ послѣдній ходилъ къ Причастію (zum Tisch des Herrn).

Такому варварству, кромѣ упомянутой выше причины (суроваго порабощенія), даютъ поводъ отчасти и нѣкоторые необразованные и неискусные проповѣдники, которыхъ нѣкоторые Дворяне, имѣющіе право опредѣлять Священниковъ (jus patronatus), назначаютъ изъ учителей своихъ дѣтей, не обращая внимая на то, какъ бы дуренъ онъ ни былъ.

Когда достохвальная Шведская Корона узнала о такихъ непорядкахъ и о такомъ въ высшей степени опасномъ состояніи Христіянской Церкви, то, побуждаемая Государственнымъ Канцлеромъ, Г-мъ Акселемъ Оксенштирномъ, оказавшимъ Государству и Церкви многократныя высокія услуги, она повелѣла, по предначертанію этого Канцлера, измѣнить все и привести въ найлучшее состояніе. Въ слѣдствіе этого, около 18 лѣтъ, устроено похвальное учрежденіе, чтобы все духовенство въ странѣ, подъ управленіемъ Епископа, живущаго въ Ревелѣ при соборѣ, имѣло ежегодныя собранія (съѣзды), на которыхъ бы совѣщалось о церковномъ благосостояніи и дальнѣйшемъ распространеніи и укрѣпленіи въ народѣ истиннаго богослуженія. Такъ какъ на этѣхъ съѣздахъ ведутся прѣнія и сужденія о различныхъ предметахъ, то они, подобно испытаніямъ, заставляютъ сельскихъ Священниковъ обращаться къ книгамъ и побуждаютъ ихъ къ прилежанію.

На такихъ собраніяхъ и первыхъ съѣздахъ, установленныхъ въ разное время, находились такіе плохіе члены, которые на самые главные вопросы давали невѣжественные и даже глупые отвѣты, такъ что нельзя не удивляться и не сожалѣть объ этомъ.

При такихъ необходимыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ не Нѣмецкой Церкви прославился Г. М. Генрихъ Стааль (Staal), нынѣ Нарвскій Суперъ-Интендентъ, мужъ ученый, который перевелъ на Эстонскій или на не Нѣмецкій языкъ малый Катехизисъ Лютера, Евангелія съ толкованіями и много другихъ полезныхъ книгъ, и напечаталъ ихъ, такъ что книги этѣ могли служить пособіемъ и тѣмъ, которые не въ состояніи были посѣщать церковь.

Не менѣе славы достоинъ въ этомъ случаѣ и покойный высокоученый мужъ, Г. Генрихъ Брокманъ (Brockmann), бывшій прежде Профессоромъ Греческаго языка, а потомъ проповѣдникомъ не Нѣмецкой общины, который перевелъ на Эстонскій языкъ прекрасными стихами множество Лютеранскихъ церковныхъ пѣсенъ и псалмовъ, которыя и теперь еще поются въ церквахъ.

Форма одной Латышской или не Нѣмецкой клятвы.

«Нынѣ стою я (имя рекъ) сдѣсь, такъ какъ ты, судья, требуешь отъ меня, чтобы я показалъ тебѣ истину, что эта земля, на которой я стою, есть земля, данная Богомъ и заслуженная мною, что я искони владѣю ею и обработываю ее. По этому я клянусь передъ Богомъ и его Святыми, такъ какъ и самъ Богъ будетъ судить меня въ будущей жизни, что эта земля есть отъ Бога мнѣ данная и мною заслуженная, которою я и отецъ мой издревле владѣли и пользовались; если же я клянусь въ этомъ ложно, то да погибну я тѣломъ и душею, и не только я, но и всѣ мои дѣти, и да погибнетъ все благосостояніе мое и потомковъ моихъ до 9 колѣна!»

Латыши около Риги (Рижскіе) кладутъ на голову глыбу горфу, а въ руки берутъ бѣлую палку (посохъ) и клянутся, произнося, что если клятва ихъ окажется въ чемъ ложною, то да изсохнутъ, почернѣютъ и пропадутъ подобно торфу, они сами, семейные ихъ и ихъ скотъ!

Такъ какъ народъ этотъ, какъ я сказалъ уже, находится въ рабствѣ и обложенъ тяжкими работами, то у нихъ нѣтъ ни чего, кромѣ того, что есть на нихъ и ихъ жилищъ въ селеніяхъ. Имъ дозволяется воздѣлывать едва лишь такое количество земли и поля, которое могло бы только скудно прокормить ихъ съ семействомъ. Въ мѣстахъ, обильныхъ лѣсомъ, крестьяне по этому самовольно забираются въ кустарникъ, или въ лѣсную глушь, тайно распахиваютъ тамъ участокъ земли, сѣютъ, жнутъ хлѣбъ и прячутъ его тамъ въ ямахъ. Если узнаетъ объ этомъ ихъ начальство, то хлѣбъ отбираютъ, а крестьянъ наказываютъ и бьютъ палками.

Это наказаніе у нихъ обыкновенное, которому ихъ подвердаютъ. При этомъ виновный долженъ снять рубаху и обнажиться до бедеръ, за тѣмъ его кладутъ на землю, или привязываютъ къ столбу, а другой не Нѣмецъ (крестьянинъ) стегаетъ его тонкими палками по обнаженному тѣлу, и, смотря по преступленію, присуждается извѣстное число ударовъ. Во всякомъ случаѣ для

наказанія берется пара палокъ, которыми бьютъ такъ, что хлещетъ кровь, особенно когда помѣщикъ еще приговариваетъ: «Selcke nak maharexema, т. е., драть такъ, чтобы не осталось кожи на ребрахъ!» Нечего говорить, каково бываетъ состояніе наказанныхъ такимъ образомъ.

Не смотря на то, это такой грубый народъ, что онъ охотнѣе подвергается описанному тѣлесному наказанію, нежели денежному взысканію. Въ Ливоніи, въ имѣніи Гг. Де ла Баръ Гозе (De la Barre Hose) намъ разсказывали достовѣрные люди, что одинъ старикъ крестьянинъ, за какое-то преступленіе въ томъ имѣніи, долженъ былъ подвергнуться наказанію палками. Но такъ какъ крестьянинъ былъ уже старъ, то супруга Де ла Бара, изъ состраданія къ нему, выпросила, чтобы тѣлесное наказаніе было замѣнено ему ничтожнымъ денежнымъ взысканіемъ, равнявшимся только одному Шведскому талеру или восьми грошамъ. Крестьянинъ же поблагодарилъ за такую милость, раздѣлся и легъ для наказанія, съ слѣдующими словами: «На старости лѣтъ я не желаю ни чего новаго, не хочу вводить ни какихъ перемѣнъ, и удовольствуюсь наказаніемъ, которому подвергались отцы мои».

У нихъ, правда, денежныхъ средствъ весьма мало, по тому что часто имъ не оставляютъ ни чего, кромѣ жизни. Если чего не выжмутъ съ нихъ, по своей строгости, Господа, то доберутъ, или додѣлаютъ, ихъ приказчики; ибо каждый Господинъ (Помѣщикъ), котораго крестьяне называютъ Изандъ (Isand), имѣетъ у себя въ имѣніи Войта и Подвойтововъ. Этѣ послѣдніе называются Кубіасъ (Kubias), а первые Управляющими, и этѣ-то лица, особенно если они не получаютъ отъ своихъ Господъ извѣстнаго жалованья, должны продовольствоваться отъ крестьянъ, такъ притѣсняютъ и разоряютъ сихъ бѣдняжекъ, что тѣ не знаютъ, что и дѣлать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось тамъ дѣло, и теперь еще извѣстное въ цѣлой Ливоніи, что одинъ такой преслѣдуемый крестьянинъ, у котораго Управляющій грозилъ отнять и послѣднія средства къ жизни, съ отчаянія повѣсилъ въ своемъ домѣ свою жену, малаго ребенка, а потомъ и самъ тутъ же повѣсился. Когда Управляющій пришелъ по утру для исполненія своей угрозы, и вошелъ въ темную избу, то за-

дѣлъ головою ноги повѣсившагося, и когда разсмотрѣлъ печальное зрѣлище, пришелъ въ ужасъ, бѣжалъ домой и съ той поры твердо рѣшился человѣчнѣе обращаться съ крестьянами. Ливонцы сложили слѣдующіе стихи о своей сурово-рабской и трудовой жизни:

Ick bin ein Liffländisch Bur,
Min Levend werdt my sur,
Ick stige ub den Bercken Bohm,
Darvan haw ick Sadel und Tohm,
Ick binde de Schoe mit Baste,
Und fülle dem Juncker de Kaste,
Ick geve dem Pastor de Pflicht,
Und weth van Gott und sin Worde nicht.

То есть:

Я крестьянинъ Ливонскій,
Моя жизнь мнѣ горька;
Я взберусь на березу,
И изъ нея у меня сѣдло и уэда.
Я подвязываю башмаки лыкомъ,
И наполняю казну юнкера (воина);
Я даю должную дань Пастору,
И не знаю ни Бога, ни его слова.

Полагаютъ, что вредно было бы предоставить имъ болѣе свободы и давать наживаться, что отъ этого они сдѣлались бы упрямѣй и непокорнѣй. У нихъ всегда лежитъ на мысли, что предки ихъ были обладателями земли, но что Нѣмцы поработили ихъ и подѣлали ихъ своими рабами. Вотъ по чему, особенно зимою, когда они возвращаются изъ города пьяные, то неохотно уступаютъ дорогу встрѣчающимся Нѣмцамъ и провожаютъ ихъ бранью. Духъ ихъ обнаружился также во время волненій, происшедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ слѣдствіе вторженія главнаго посла (des Obersten Botts), когда нѣкоторые крестьяне возмутились противъ своихъ Господъ и охотно, при первой возможности, выдавали ихъ въ руки непріятелей, если это было возможно, а то и сами умерщвляли ихъ. За такіе поступки ихъ, многіе изъ нихъ были преданы потомъ смертной казни въ разныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА X.

Путешествіе изъ Ревеля въ Нарву, а также и о городѣ Нарвѣ.

Обращаемся снова къ нашему путешествію.

На 13-й недѣлѣ пребыванія нашего въ Ревелѣ возвратились наконецъ люди, которые были посланы изъ Кальмара въ Шлезвигъ, съ ожидаемыми вещами, а также и нашъ Русскій переводчикъ, Гансъ Арпенбекъ (Arpenbeck), который ѣздилъ въ Москву для извѣщенія Великаго Князя о причинахъ нашего продолжительнаго отсутствія и о претерпѣнномъ нами кораблекрушеніи. По возвращеніи этѣхъ лицъ начали и мы снаряжаться въ дальнѣйшее путешествіе, послали впередъ на 30 саняхъ Гофмейстера съ частью прислуги, съ нашею утварью и вещами, которые и выѣхали изъ Ревеля 24 числа Февраля мѣсяца, а 2-го Марта отправились и Послы съ остальными. Цѣлую милю ихъ провожали нѣкоторые изъ членовъ Совѣта и многіе добрые друзья; въ этотъ день мы сдѣлали 7 миль до Колькн (Kolka), имѣнія, принадлежащаго Шведскому Полководцу, Г. Якову Де ла Гарди. 3-го Марта проѣхали до Кунды, имѣнія Г. Іоанна Миллера, моего любезнаго тестя. 4-го числа, еще далѣе на 5 миль, до имѣнія Г. Іоанна Фокена (Fockens). Наконецъ, 6-го Марта, проѣхавши еще 5 миль, прибыли въ городъ Нарву, гдѣ вторично провѣтствованы были выстрѣломъ изъ двухъ крѣпостныхъ орудій.

Городъ Нарва лежитъ въ Алентакіи, на Ижорской границѣ, подъ 60 градомъ отъ равноденственника, при быстрой рѣкѣ, называемой горожанами Бекъ (Beck). [1] Рѣка эта у города Нарвы также широка, какъ и Лаба (Elba) въ Германіи, имѣетъ темную (коричневую) воду, беретъ свое начало изъ большаго озера, Пейпусъ, лежащаго въ 5 миляхъ отъ города Юрьева (Дерпта), въ полумили передъ городомъ Нарвой имѣетъ высокій водопадъ, гдѣ съ

[1] Теперешнее имя этой рѣки Нарова. Перев.

страшнымъ шумомъ низвергается съ скалистаго уступа, и въ 2 миляхъ за городомъ (ниже города) впадаетъ въ Чудскій заливъ. Низвергаясь на скалу, вода брызжетъ высоко мелкими брызгами, и по тому сдѣсь, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, до обѣда и послѣ образуется всегда цѣлая радуга, доставляющая пріятное зрѣлище. По причинѣ большаго водопада, суда, съ кладью идущія отъ Пскова и Юрьева на Нарву въ море, должны выгружаться за добрую полумилю передъ городомъ и въ городъ доставляться уже сухимъ путемъ.

Городъ Нарва должно быть построенъ Вольдемаромъ II, Королемъ Датскимъ, въ 1223 году по Р. Х. На одномъ берегу рѣки стоитъ хорошо устроенный замокъ, въ которомъ жилъ, въ нашу бытность тамъ, Градоначальникъ (Stadthalter); на другомъ же берегу у самой рѣки находится крѣпкій, 3-мя каменными стѣнами окруженный, замокъ Иваньгородъ. Этотъ послѣдній, какъ полагаютъ, былъ чрезвычайно скоро построенъ тираномъ Иваномъ Васильевичемъ и названъ его именемъ. Въ 1558 году по Р. Х. тиранъ взялъ городъ Нарву, но въ 1581 г. Полководецъ Шведскаго Короля, Іоанна, Понтусъ Де ла Гарди, снова завоевалъ его Швеціи. Позади замка и по нынѣ еще есть укрѣпленіе, называемое Русскою Нарвою, которое должно быть построено въ 1492 г., какъ свѣдѣтельствуетъ Хитрей въ своей «Saxonia», и въ которой жили чистые Русскіе, свободно отправлявшіе свое богослуженіе въ особой приходской церкви. Теперь же всѣ Русскіе выбрались оттуда и переселились по эту сторону въ городъ. Городъ этотъ хоть и не великъ, но, какъ пограничная крѣпость, окруженъ крѣпкими окопами, каменной стѣной и снабженъ добрымъ охраннымъ войскомъ. Сдѣсь въ одной насыпи (валѣ), находящейся не далеко отъ Ливонскихъ воротъ, я нашелъ замѣчательное явленіе, именно: вода, просочившаяся со свода (такъ какъ насыпь внутри полая и сдѣлана сводомъ) и ниспадавшая внизъ, сдѣлалась твердою, подобно камню, и съ земли она имѣла видъ какъ бы разжиженнаго тѣста.

Такъ какъ торговля, бывшая сдѣсь прежде обширной и упавшая потомъ въ слѣдствіе войнъ, въ настоящее время опять увеличивается, то самый городъ распространился новыми по-

стройками, гораздо большими, чѣмъ былъ старый городъ, раздѣленъ на правильныя, или ровныя улицы и укрѣпленъ весьма надежно. Не много лѣтъ назадъ въ немъ возведено нѣсколько богатыхъ и роскошныхъ каменныхъ домовъ, да и теперь еще продолжаются постоянно все каменныя постройки, такъ какъ бывшія прежде деревянныя постройки нынѣ запрещены, и это еще болѣе привлекаетъ сюда съ каждымъ днемъ купцовъ и промышленниковъ, которыхъ въ минувшемъ 1654 году прибыло сюда множество; они поселились здѣсь, подѣлались сдѣшними гражданами, и тогда, въ весьма короткое время (особенно въ слѣдствіе прекращенія пути и торговли въ Архангельскѣ, во время войны Англичанъ съ Голландцами) сюда стеклось такое громадное количество богатства, что, какъ сообщали мнѣ за вѣрное, въ одинъ этотъ годъ прибыло въ Нарву болѣе 60 кораблей съ запада и востока, и они привезли на себѣ дорогихъ товаровъ на 500,000 талеровъ. И кажется, что, въ слѣдствіе обычныхъ перемѣнъ и превратностей во всемъ, городъ Ревель, въ природномъ своемъ соперничествѣ съ Нарвою, скоро упадетъ, а Нарва, напротивъ, снова усилится и распространится. Въ видахъ дальнѣйшаго приспособленія къ торговлѣ, задумано тамъ предпріятіе: расчистить въ Аминдѣ занесенную пескомъ глубину Нарвской рѣки Бекъ, у морскаго берега, въ 2 миляхъ отъ города, для того, чтобы самые большіе корабли въ будущемъ съ полнымъ грузомъ могли подъ самый городъ приплывать и отплывать и имѣть, такимъ образомъ, надежную пристань.

Его Величество, Король Шведскій, совершенно освободилъ городъ Нарву отъ притѣсненій разнаго рода Придворныхъ чиновъ и Намѣстниковъ, и посадилъ въ немъ Бургграфа: въ настоящее время Бургграфомъ тамъ состоитъ благородный и почтенный Филиппъ Крузенштернъ, Совѣтникъ Его Величества, Короля Шведскаго, и Главный Начальникъ торговли въ Эстоніи и Ижоріи, мой многолюбимый своякъ, которому предоставлена церковная и политическая высшая власть, такъ что онъ обязанъ, вмѣсто Короля, вездѣ предсѣдательствовать и всѣмъ управлять.

Прежде въ Нарвѣ была только одна каменная церковь, принадлежавшая Нѣмецкой общинѣ, въ которой по временамъ от-

правляли службу и Шведы; теперь же и Шведская община построила особую прекрасную каменную церковь, такъ что и Шведская и Нѣмецкая общины имѣютъ нынѣ свои собственныя церкви. Сдѣсь же находится и Г. Маг. Генрихъ Стааль, Суперъ-Интендентъ Ижоріи и Аллентакена, который нѣсколько лѣтъ ревностно трудится обучать живущихъ тамъ Русскихъ, съ цѣлію обратить ихъ въ нашу Вѣру; но дѣло это доставляетъ ему болѣе тяжелаго труда, чѣмъ счастливаго успѣха.

Между Ревелемъ и Нарвою, равно какъ въ Ижоріи и во всей почти Ливоніи, по причинѣ огромныхъ лѣсовъ, находится множество дикихъ животныхъ, равно и домашнихъ; много также хищныхъ звѣрей, особенно медвѣдей и волковъ, которые дѣлаютъ много вреда поселянамъ.

Волки зимою безбоязненно бѣгаютъ по дворамъ, и если скотина заперта, подкапываются подъ заборы и таскаютъ овецъ. Часто таскаютъ и собакъ со двора и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги ночью отъ нихъ весьма опасны. Чтобы попугать ихъ и воздержать отъ нападенія въ дорогѣ, привязываютъ на длинной веревкѣ палку, которую и оставляютъ волочиться за санями.

Въ 1634 году, Генваря 24, въ полуторѣ мили отъ Нарвы, повстрѣчался небольшой волкъ, вѣроятно, бѣшеный, двѣнадцати Русскимъ крестьянамъ, ѣхавшимъ одинъ за другимъ на саняхъ съ сѣномъ. Волкъ этотъ бросился на перваго, впереди бывшаго, крестьянина, наскочилъ на него, схватилъ за горло и разорвалъ его; то же сдѣлалъ онъ и со вторымъ, слѣдовавшимъ за нимъ. Третьему онъ содралъ кожу съ головы, четвертому искусалъ носъ и щеки, пятаго и шестаго также очень изранилъ. Тогда остальные, видѣвши это, собрались вмѣстѣ, дали отпоръ волку, одолѣли и убили его.

Одного изъ этѣхъ Русскихъ, пораненыхъ волкомъ, я посѣтилъ въ Нарвѣ съ нашимъ Врачемъ и видѣлъ, что у него страшно изуродованы были лицо и голова. Несчастный этотъ умеръ, равно какъ и всѣ остальные, укушенные волкомъ отъ бѣшенства.

Изъ шкуры этого волка сдѣлали чучелу, показывали ее Посламъ, и, на память о такомъ страшномъ событіи, ее доставили въ Нарву.

Подобную же почти исторію разсказывалъ намъ о медвѣдѣ одинъ охотникъ въ Ермесѣ, въ Ливоніи, именно: въ 1630 году, въ одномъ селеніи въ этой странѣ, одинъ крестьянинъ, везши кадку съ сельдями для продажи, остановился у корчмы и зашелъ въ нее, оставивъ возъ на улицѣ; въ это время изъ кустарника вышелъ огромный, здоровый медвѣдь; онъ распорядился кадкою, пожралъ находящееся въ ней и за тѣмъ забрался въ дворъ къ лошадямъ; увидавши это, крестьяне выскочили было изъ корчмы, для защиты своихъ лошадей, но медвѣдь напалъ и на крестьянъ, перераниль нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ лошадьми, такъ что люди принуждены были спасаться бѣгствомъ. Потомъ медвѣдь пробрался въ домъ, припалъ къ пивному чану, въ которомъ было свѣжее пиво, и напился тамъ до отвалу. Хозяйка дома, сидѣвшая съ двумя дѣтьми на печи, въ большомъ страхѣ и тишинѣ, должна была смотрѣть на своеволіе такого недобраго гостя. Насытившись вдоволь, медвѣдь опять потянулъ въ лѣсъ. Крестьяне же, увидавъ, что медвѣдь начинаетъ пошатываться, пошли за нимъ, и когда медвѣдь, будто пьяный человѣкъ, упалъ на дорогѣ и заснулъ, они напали на него и убили.

Говорили, что вѣроятно у этого медвѣдя, оказавшагося самкой, ушли дѣти, и онъ бродилъ такимъ образомъ, отыскивая ихъ.

Другой случай былъ такой: одинъ крестьянинъ пустилъ свою лошадь на ночь въ кустарникъ на траву, и когда на другое утро пришелъ за нею, то нашелъ медвѣдя, который сдѣлалъ себѣ уже изъ лошади добрый завтракъ. Увидавши крестьянина, медвѣдь оставилъ ѣду свою, погнался за человѣкомъ, схватилъ его на переднія лапы и потащилъ было уже его къ мѣсту своей прежней трапезы. Къ счастію, съ крестьяниномъ была небольшая собака, она погналась съ лаемъ за медвѣдемъ и укусила его за голень. Желая схватить собаку, медвѣдь выпустилъ изъ лапъ крестьянина, и этотъ послѣдній тотчасъ же бѣжалъ, и такимъ образомъ спасся. Медвѣди здѣсь, и особенно въ Ижоріи, вѣ-

роятно, пожираютъ много лосей, такъ какъ этѣ животныя робки. Медвѣди же нерѣдко не щадятъ и человѣческія тѣла, въ землѣ погребенныя, особенно же такія, которыя неглубоко зарыты: они вырываютъ этѣ тѣла изъ могилъ и пожираютъ ихъ. Такъ, осенью 1634 г., недалеко отъ Нарвы, за лѣснымъ дворомъ, медвѣди разрыли на кладбищѣ могилы, вытащили 13 труповъ, лежавшихъ въ гробахъ, и всѣхъ ихъ унесли вмѣстѣ съ гробами.

Еще разсказывали намъ, что недавно одна важная Госпожа, хорошо извѣстная въ тамошнихъ мѣстахъ, какъ-то на дорогѣ повстрѣчала медвѣдя, который несъ на лапахъ покойника, волоча за собою и саванъ этого покойника; лошадь, на которой она ѣхала въ саняхъ, при такомъ зрѣлищѣ захрапѣла, взбѣсилась и понесла ее куда попало, по бревнамъ и камнямъ.

Намъ разсказывали много и другихъ замѣчательныхъ происшествій съ медвѣдями въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ, на прим., какъ однажды медвѣдь схватилъ близъ Риги женщину, и продержалъ ее у себя въ берлогѣ 14 дней; потомъ, какъ охотники застрѣлили этого медвѣдя, какъ сказанная женщина нашла охотниковъ, какъ угощала ихъ и какимъ чудомъ она была спасена ими и проч. и проч. Всѣ этѣ разсказы читателю, особенно такому, который ни чего подобнаго не слыхалъ, могутъ показаться даже неправдоподобными, по чему я и не стану больше приводить ихъ сдѣсь.

ГЛАВА XI.

Отъ Нарвы до Новгорода и о городѣ Новгородѣ.

7-го Марта мы снова отправились изъ Нарвы и къ вечеру прибыли въ Лиліенгагенъ, (Lilienhagen), находящійся въ 7 миляхъ отъ Нарвы; 8-го числа прибыли въ Зарицу (Saritz), 6 миль далѣе. 9-го до обѣда сдѣлали 4 мили, до Шведскаго селенія Орлина, гдѣ переводчикъ нашъ, посланный впередъ, встрѣтилъ насъ съ вѣстью, что Приставъ ожидаетъ насъ на границѣ.

Послы призвали къ себѣ главныхъ чиновъ изъ сопровождающихъ насъ, дружески напомнили имъ еще разъ, чтобы они, по

уваженію къ Его Княжеской Свѣтлости, воздавали имъ, Посламъ, должный почетъ, и вообще вели себя такимъ образомъ, какъ требуютъ того обязанности каждаго, занимающаго извѣстную должность. Это особенно нужно было по тому, что Русскіе, во владѣнія которыхъ мы скоро должны были пріѣхать, обращаютъ особенное вниманіе на то, какимъ уваженіемъ и почетомъ пользуются Послы у сопровождающихъ ихъ. Мы обѣщали исполнить эту просьбу Пословъ, какъ нашу обязанность и добровольное наше желаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили Пословъ, чтобы и съ нами обращались вѣжливо и сообразно съ положеніемъ и происхожденіемъ каждаго изъ насъ, а не относились грубо и съ бранью одинаково ко всѣмъ. Намъ это также было обѣщано, и тогда мы мирно и въ должномъ порядкѣ отправились на встрѣчу Приставу, котораго нашли въ одной милѣ за Орлинымъ, подъ открытымъ небомъ, среди снѣга, въ лѣсу, съ 24-мя стрѣльцами и 90 санями. Какъ только Приставъ, называвшійся Константинъ Ивановичъ Арбузовъ (Constantino Ivanowitz Arbusow), замѣтилъ, что Послы вышли изъ экипажа, то вышелъ и самъ изъ саней и остался стоя; онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, съ золотою цѣпью, а сверху накинутъ былъ длинный охабень (Rock), подбитый куницей. Когда Послы стали подходить къ Приставу, подошелъ и онъ на встрѣчу къ нимъ, на нѣсколько шаговъ, съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Гг. Послы, снимите шляпы!» Но такъ какъ Послы коснулись уже своихъ шляпъ, то и отвѣчали черезъ переводчика: «Любезный Приставъ! Мы уже сдѣлали это.» За тѣмъ Приставъ началъ читать бумагу, что, по повелѣнію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳеодоровича, Самодержца всея Россіи и проч. и проч., Воевода Новгородскій, Князь Петръ Александровичъ Репнинъ (Knees Pieter Alexandreowitz Repnin), прислалъ его, Пристава, принять ихъ, Пословъ, Филиппа Крузе и Отона Бругмана, доставить имъ подводы и жизненные припасы и препроводить ихъ въ Новгородъ и Москву. Послы отвѣчали благодарностію, и тогда Приставъ, подавъ имъ первый руку, спросилъ ихъ о здоровьи и благополучно ли они ѣхали? За тѣмъ въ наши сани впрягли лошадей, и въ тотъ же день мы проѣхали еще 6 миль, до селенія Чверина (Tschwerin).

10-го Марта, въ полдень, пріѣхали мы въ Десаву (Desaw), а къ вечеру въ село Мокрицу (Mokritza), въ 8-ми миляхъ отъ Чвери-

на. 11-го достигли мы Великаго Новгорода. При въѣздѣ въ городъ Приставъ силою протѣснился впередъ для того, чтобы занять при Послахъ главное мѣсто, и хотя этѣ послѣдніе оказали было сопротивленіе ему, но онъ настоялъ на своемъ и продолжалъ путь на занятомъ имъ главномъ мѣстѣ. По прибытіи на жилье онъ извинялся предъ Послами, черезъ переводчика, въ своей невѣжливости при въѣздѣ въ городъ, объясняя ее тѣмъ, что сдѣлалъ это не отъ себя, а по приказанію Воеводы, и если бы онъ не исполнилъ этого приказанія, то объ этомъ было бы донесено Великому Князю, и ему, Приставу, была бы чрезъ то большая непріятность.

Великій Новгородъ считается отъ Нарвы въ разстояніи 40 Нѣмецкихъ миль. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь въ 58 градусовъ, 23 минуты. И хотя Лундорпъ (Lundorpius) въ «Продолженіи сочиненія Шлейдана» (in Sleidano continuato) считаетъ 62 градуса, а Павелъ Іовій (Paulus Jovius) даже 64, но этѣ градусы лежатъ гораздо далѣе на сѣверъ. Такъ, послѣдній, въ книгѣ «О посольствѣ Московскомъ» (De legatione Muscovitarum), говоритъ: «Novogardia perpetua quasi hyeme et tenebris longissimarum noctium premitur. Nam polum arcticum ab horizonte sexaginta quatuor gradus elevatum videt.» Но я самъ, въ полдень 15-го Марта, 1636 года, въ точности изчислялъ высоту солнца и нашелъ, что оно стояло тогда на 33 гр. 45 минутъ надъ небосклономъ. Склоненіе солнца, такъ какъ это былъ високосъ, считая вдоль около 55, было 2 град. 8 минутъ. Отнявъ этѣ числа отъ высоты солнца, высота равноденственника выйдетъ 31 гр. и 18 мин. А вычтя этѣ послѣднія числа изъ 90 гр., высота полюса выйдетъ 58 гр. 23 мин. Въ этомъ случаѣ со мною согласенъ и Андрей Буреи, бывшій Шведскій Посолъ, о которомъ мы уже говорили выше, и который, какъ ученый и въ Математикѣ весьма опытный и глубоко свѣдущій мужъ, мѣстность эту обозначаетъ также въ своей картѣ Швеціи и Россіи, и ставитъ ее на 10 мин. еще ниже моего исчисленія.

Новгородъ довольно большой городъ, раскинутый на милю въ окружности, а прежде былъ гораздо еще обширнѣйшимъ, какъ это можно заключать по древнимъ стѣнамъ, оставшимся тамъ и сямъ отъ разрушившихся уже церквей. Снаружи онъ

очень красивъ по множеству монастырей, церквей и башенъ; но дома въ немъ, равно какъ валы и городскія укрѣпленія, построены изъ еловаго лѣсу, или балокъ, положенныхъ одна на другую, точно также, какъ теперь строятся они и въ большей части остальныхъ городовъ по всей Россіи. Городъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ, при обильной рыбою рѣкѣ Волховѣ (Wolchou), въ которой, кромѣ другой хорошей рыбы, водятся огромные, прежирные и превкусные лещи, продающіеся весьма дешево. Окрестная страна представляетъ отличныя пахатныя поля и луга для пастбищъ; сдѣсь множество пеньки, льну, меду и воску. Сдѣсь же выдѣлываются найлучшія юфтяныя кожи, составляющія богатый предметъ торговли. Страна эта, по своему положенію, весьма удобна для торговли, по тому что по ней течетъ судоходная рѣка Волховъ, которая вытекаетъ изъ озера Ильменя, лежащаго въ полумили за городомъ, и впадаетъ въ Ладожское озеро, соединяющееся у Орѣшка (Noteburg), р. Невою съ Чудскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Въ прежнія времена сдѣсь вели обширную торговлю Ливонцы, Литовцы, Поляки, Шведы, Датчане, Нѣмцы и жители Фландріи; отъ того-то Новгородъ былъ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ городомъ. Въ древности онъ былъ и главнымъ городомъ всей Россіи, столицею Князя, равно какъ и вся область (которая была обширна и простиралась до Торжка) составляла особое Княжество, не подвластное Царю, но имѣвшее своего собственнаго Князя и монетный дворъ. По большой населенности, великому богатству и силѣ, Новгородъ былъ такъ славенъ у Русскихъ, что величіе его вошло даже въ пословицу: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Но Сенека говоритъ на этотъ счетъ иное: «Nihil tam magnum, quod perire non possit. Ни что не велико на столько, чтобы не могло погибнуть.» Такъ было и съ Новгородомъ: въ 1427 году по Р. Х. Витовтъ, Великій Князь Литовскій съ Польскимъ войскомъ такъ сильно поразилъ и устрашилъ Новгородцевъ, что они принуждены были выйти на встрѣчу къ нему съ великими подарками и просить о мирѣ. Объ этомъ пишетъ Соломонъ Нейгебауръ, въ 5-й книгѣ своей «Historia rerum Polonicarum», такимъ образомъ: «Vitoldus Polonicis militibus Novogardensibus Russis, libero populo, praetextu controversorum finium bellum intulit, superataque praeter spem

eorum difficultate itineris, cum ad Oposcam (Опочка) castra faceret, supplicibus et ingentia dona adferentibus, pacem dedit.»

За тѣмъ, въ 1477 году, тиранъ Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdin), послѣ семилѣтней борьбы, одолѣлъ наконецъ Новгородъ и, по совѣту и съ помощію Новгородскаго же Архіепископа Ѳеофила, вооруженною силою вошелъ въ городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что желалъ, будто бы, возвратить Греческой Церкви нѣкоторыхъ Новгородцевъ, перешедшихъ въ Римскую Церковь. При этомъ онъ отнялъ имущество у всѣхъ купцевъ и важнѣйшихъ гражданъ, даже у самаго Архіепископа обобралъ все золото и серебро и, нагрузивъ на 400 подводахъ бездну золота, серебра, драгоцѣнныхъ вещей, отправилъ все это въ Москву, равно какъ и самихъ сказанныхъ гражданъ, а въ Новгородъ переселилъ своихъ преданныхъ людей, которые должны были платить ему ежегодно большія подати. Объ этомъ подробно пишетъ Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, жившій во время этѣхъ событій, и [1] Александръ Гваньини (Gwagninus).

Извѣстно также, что вытерпѣли Новгородцы въ 1569 году при страшномъ и грозномъ Иванѣ Васильевичѣ, который, по несправедливому подозрѣнію, будто бы они, вмѣстѣ съ своднымъ братомъ его, [2] котораго онъ приказалъ отравить, замышляли противъ него возмущеніе и хотѣли отдаться Польскому Королю, явился съ войскомъ въ Новгородъ, опустошилъ и разрушилъ въ окрестной странѣ и въ самомъ городѣ все, что только попадалось ему и воинамъ его, загналъ множество гражданъ въ кучу на большой мостъ и, разрушивъ этотъ мостъ, потопилъ въ рѣкѣ бездну Новгородцевъ; однимъ словомъ, онъ произвелъ здѣсь такое страшное кровопролитіе, о какомъ никогда не было и слышно въ Россіи. Въ этой рѣзнѣ погибло 2770 важнѣйшихъ Новгородскихъ гражданъ, не считая ихъ женъ, дѣтей и остальнаго простаго народа. Въ самой Новгородской области онъ разграбилъ 175 монастырей, обративъ часть ихъ въ пепелъ, перебилъ въ

---

[1] Но Герберштейнъ родился въ 1486 году. О. Б.

[2] Вѣроятно, здѣсь говорится о двоюродномъ братѣ Царя, Князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, погибшемъ, какъ извѣстно, по приказанію Ивана IV. Перев.

нихъ иноковъ, имущество же этѣхъ монастырей, уцѣлѣвшее отъ пламени, увезъ съ собою, какъ объ этомъ повѣствуетъ Гваньини въ «Descriptione Moschoviae.»

Одинъ Датскій Дворянинъ, Якобусъ (Jacobus), бывшій Посломъ Датскаго Короля Фридриха II у этого грознаго Великаго Князя, прибавляетъ къ описанному выше, въ своемъ «Hodoeporicon Ruthenicum,» что рѣка Волховъ до того была полна трупами тысячъ людей, такъ безжалостно погубленныхъ, что остановилась въ своемъ обычномъ теченіи, вышла изъ береговъ и потекла по окрестнымъ полямъ. Посолъ этотъ былъ въ Новгородѣ спустя 8 лѣтъ послѣ этого событія, и ему сообщали это за достовѣрное Новгородцы, у которыхъ онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ говоритъ онъ объ этомъ, въ помянутомъ выше описаніи путешествія: «Hoc etsi minus credibile videtur, tamen omnia sese in rei veritate sic habere a fide dignis in Russia cognovi, ab iis, scilicet, qui adhuc sub potestate Muscovitae Novogardiae commorantur, alias tabulae huic non admovissem;» т. е., хотя это кажется невѣроятнымъ, но я слышалъ отъ достойныхъ вѣры Русскихъ людей, и нынѣ еще живущихъ въ Новгородѣ, что это было дѣйствительно такъ.» И далѣе онъ прибавляетъ, что еще тогда, когда онъ тамъ былъ, страна около Новгорода, послѣ такого погрома, была такъ бѣдна и пуста, что если бъ Приставъ не распорядился доставкою провольствія изъ другихъ мѣстъ, то они перемерли бы съ голода.

Упомянувъ о страшномъ тиранствѣ Ивана Васильевича въ Великомъ Новгородѣ, я приведу сдѣсь читателю изъ Гваньини еще два ужасные примѣра жестокости, совершенные имъ въ то же время.

Послѣ описаннаго безчеловѣчнаго избіенія Новгородцевъ тираномъ Великимъ Княземъ, его пригласилъ къ себѣ въ гости правившій въ Новгородѣ Архіепископъ, вѣроятно, изъ страха, желая заискать у него милость. Тиранъ не отказался отъ приглашенія, и въ назначенный часъ явился къ Архіепископу съ своими вооруженными тѣлохранителями и стражей; но во время обѣда онъ послалъ часть своихъ тѣлохранителей въ богатую золотомъ и серебромъ церковь Св. Софіи, въ которую важнѣй-

шіе граждане попрятали также и свои дорогія имущества, какъ въ наиболѣе безопасное мѣсто, приказавъ посланнымъ разбить церковь и забрать изъ нея все, хранившееся въ ней богатство. Послѣ пиршества онъ обобралъ у Архіепископа всѣ его дорогія одежды, всѣ Епископскія украшенія и убранства, и сказалъ: «Теперь тебѣ неприлично оставаться Архіепископомъ, будь лучше волынщикомъ, води медвѣдя и заставляй его плясать за деньги! Ты долженъ теперь взять жену, которую я тебѣ пріискалъ и присудилъ!» Къ остальнымъ же Игуменамъ и Настоятелямъ, бѣжавшимъ изъ монастыря въ городъ и также находившимся на пиршествѣ, онъ обратился за тѣмъ и сказалъ: «Вы всѣ должны явиться на свадьбу Архіепископа и, какъ приглашенные мною, должны принести съ собою и хорошіе свадебные подарки.» При этомъ, пощадивъ ихъ имущество, онъ наложилъ на каждаго изъ нихъ извѣстное количество денегъ, требуя доставить его въ точности. Когда же этѣ иноки принесли деньги даже охотно, думая, что они пойдутъ въ пользу низложеннаго Архіепископа, тогда тиранъ забралъ всѣ этѣ деньги себѣ, а для Архіепископа приказалъ привести бѣлую жеребую кобылу, сказавши, указывая на нее пальцемъ: «Вотъ твоя жена, садись на нее и поѣзжай въ Москву! Тамъ я прикажу опредѣлить тебя въ разрядъ волынщиковъ, чтобы ты игралъ подъ пляски медвѣдя.» Несчастный бѣднякъ принужденъ былъ сѣсть на лошадь въ одномъ толстомъ суконномъ кафтанѣ. Ему связали ноги подъ брюхомъ лошади, на шею навѣсили лиру, цитру и волынку и въ такомъ видѣ заставили ѣздить по Новугороду, приказывая ему играть на волынкѣ, хотя онъ и не умѣлъ этого. Какіе звуки издавалъ онъ играя, легко себѣ представить. Наругавшись такимъ образомъ надъ Архіепископомъ, тиранъ прогналъ его; остальныхъ же Настоятелей и чернецовъ предалъ разнаго рода ужасной смерти, большею частію приказалъ изрубить ихъ топорами, поколоть копьями, загнать въ рѣку и потопить ихъ.

Послѣ этого долженъ былъ поплатиться еще одинъ знатный, богатый гражданинъ, по имени Ѳедоръ Сырковъ (Theodorus Sircon). Тиранъ потребовалъ его къ себѣ въ станъ, не далеко отъ Новгорода, приказалъ обвязать его поперекъ тѣла веревкой, и на этой веревкѣ протащить черезъ рѣку Волховъ подъ водою. Когда

все это исполняли и тиранъ замѣтилъ, что несчастный скоро долженъ былъ захлебнуться подъ водою, онъ велѣлъ его вытащить изъ воды и спросилъ его: «Что хорошаго видѣлъ онъ подъ водою?» Сырковъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, Великій Князь, что всѣ черти этой рѣки, а также изъ Ладожскаго озера и изъ другихъ окрестныхъ водъ, собрались вмѣстѣ и ждутъ тамъ твою душу, чтобы отправить ее въ преисподнюю.» «Хорошо», замѣтилъ на это тиранъ: «ты видѣлъ правду, и я хочу отблагодарить тебя за такое твое пророчество видѣннаго тобою.» За тѣмъ онъ приказалъ принести котелъ съ кипячей водою, велѣлъ поставить несчастнаго въ этотъ котелъ по колѣна и продолжать кипятить воду до тѣхъ поръ, пока онъ не откроетъ, гдѣ спрятаны его деньги и сокровища, такъ какъ Сырковъ былъ очень богатъ и на свой счетъ основалъ и построилъ 12 монастырей. Когда мученикъ не вынесъ и велѣлъ принести 30 тысячъ гульденовъ серебряной монетой, тиранъ приказалъ изрубить его вмѣстѣ съ братомъ его, Алексѣемъ, и потомъ изрубленные трупы побросать въ воду.

Такое-то пораженіе, сопровождаемое такими страшными убійствами, потерпѣлъ добрый городъ Новгородъ, и тогда-то онъ увидѣлъ, какъ могъ онъ стоять противъ силы. За тѣмъ, еще въ свѣжей памяти у него то, что въ 1611 году могъ сдѣлать противъ него Шведскій Полководецъ, Яковъ Де ла Гарди, который и доказалъ Новгороду, что существовавшая пословица объ его могуществѣ обратилась въ ничто.

Въ настоящее время Великій Князь Московскій поставляетъ обыкновенно въ Новгородъ одного Воеводу или Правителя, и одного Митрополита, которые оба живутъ въ кремлѣ, по сю сторону рѣки, окруженномъ крѣпкою каменною стѣною; посредствомъ этѣхъ двухъ лицъ онъ и управляетъ городомъ и цѣлою областью въ гражданскихъ и духовныхъ дѣлахъ.

Новгородцы, когда были еще язычниками, имѣли идола, называвшагося Перуномъ, т. е., богомъ огня; ибо Русскіе огонь называютъ перунъ; и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ ихъ идолъ, построенъ монастырь, удержавшій имя идола и названный: Перунскимъ монастыремъ (Perunski monastir). Божество это

имѣло видъ человѣка, съ кремнемъ въ рукѣ, похожимъ на громовую стрѣлу (молнію) или лучь. Въ знакъ поклоненія этому божеству содержали неугасаемый ни днемъ, ни ночью огонь, раскладываемый изъ дубоваго лѣсу, и если служитель при этомъ огнѣ, по нерадѣнію, допускалъ огню потухнуть, то наказывался смертію. Когда же Новгородцы приняли крещеніе и сдѣлались Христіянами, то этого идола низвергли въ р. Волховъ, въ которой, разсказываютъ, онъ долго плылъ противъ теченія, и когда достигъ моста, то изъ рѣки выброшена была на мостъ къ народу палка и слышенъ былъ голосъ, сказавшій: «Это, Новгородцы, вамъ на память обо мнѣ!» Этотъ голосъ Перуна послѣ того ежегодно слышался въ извѣстные дни, и тогда Новгородцы толпами съ крикомъ бѣгали по городу и били другъ друга палками съ такимъ увлеченіемъ и силою, что Воевода съ трудомъ разгонялъ ихъ. Какъ свѣдѣтельствуетъ достойный вѣры Баронъ Герберштейнъ, обычай этотъ существовалъ въ Новгородѣ еще и въ его время; теперь же подобнаго ни чего не слышно.

На другомъ берегу рѣки, противъ кремля, стоитъ монастырь Св. Антонія. Постройкѣ этого монастыря, какъ разсказываютъ Новгородцы, далъ поводъ самъ Св. Антоній великимъ чудомъ своимъ. Русскіе выдаютъ за правду, и сами вѣрятъ, что Св. Антоній, сѣвши въ Римѣ на мельничный жерновъ, спустился по Тибру въ море, объѣхалъ Испанію, Францію, Данію, проплылъ Зундъ, Балтійское море, Ладожское озеро и далѣе поднявшись вверхъ по р. Волхову, достигъ Великаго Новгорода и сдѣсь высадился на берегъ, вмѣстѣ съ своимъ камнемъ или жерновомъ. Увидѣвши на берегу рыбаковъ, собиравшихся ловить рыбу, Св. Антоній вошелъ съ ними въ такую сдѣлку, чтобы все, что поймаютъ они первымъ уловомъ, было отдано ему одному; и по этой сдѣлкѣ они вытащили сѣтью на берегъ огромный ящикъ, въ которомъ находились: разная церковная утварь, книги и деньги Св. Антонія. Этотъ послѣдній выстроилъ на томъ мѣстѣ часовню, поселился въ ней на житье и въ ней же умеръ и похороненъ. Новгородцы говорятъ, что тѣло Св. Антонія, нетлѣнное, можно видѣть тамъ и въ настоящее время, и что оно творитъ чудеса надъ больными, приходящими къ нему на поклоненіе; но изъ иновѣрцевъ и чужестранцевъ туда ни кто не впускается; толь-

ко одинъ жерновъ, прислоненный къ стѣнѣ, показывали нѣкоторымъ изъ нихъ. Во имя такого великаго чуда и въ память Св. Антонія, Новгородцы выстроили на мѣстѣ часовни великолѣпный монастырь и надѣлили его богатыми вкладами.

Мы прожили въ Новгородѣ 5 дней: въ продолженіи этого времени Воевода пожаловалъ однажды Посламъ 24 разныхъ блюдъ кушанья и 16 напитковъ; то же сдѣлалъ и Канцлеръ Богданъ Ѳедоровичъ Обобуровъ (Oboburow), [1] который въ первое Посольство наше былъ при насъ Приставомъ. Послы отдарили Воеводу новою Нѣмецкою каретой.

ГЛАВА XII.

Путешествіе отъ Новгорода до Москвы, и о нашемъ въѣздѣ въ эту послѣднюю.

16-го Марта мы выѣхали на 129 свѣжихъ лошадяхъ въ саняхъ, и вечеромъ того же дня прибыли въ Бронницу (Brunitz), сдѣлавши 4 мили; сдѣсь мы опять перемѣнили лошадей, на которыхъ въ слѣдующій день до обѣда сдѣлали 40 верстъ или 8 миль до Мѣдной (Miedna), а послѣ обѣда еще 25 верстъ до яма Кресты (Крестцы, Kressa). 18-го числа до Яжельбицы (Jaselbitza), 6 миль, и потомъ далѣе до Зимней Горы (Simna gora, Зимногорье), 4 мили. 16-го проѣхали до Коломны (Columna), 50 верстъ, и 20-го Марта въ ямъ Вышній Волочокъ (Wuisna Wolloka), сдѣлавши 5 миль.

Въ этомъ селѣ къ намъ приводили мальчика 12 лѣтъ, который женился за нѣсколько недѣль предъ нашимъ пріѣздомъ, а позднѣе въ Твери мы видѣли замужнюю женщину 11 лѣтъ. Въ Россіи и Финляндіи уже такой обычай — женить дѣтей 12 и моложе лѣтъ. Такіе браки большею частію бываютъ между вдовами и мальчиками сиротами, собственно для того, чтобы

---

[1] Ададуровъ?

этѣ послѣдніе, оставаясь послѣ родителей, находились лучше на попеченіи доброй жены, чѣмъ друзей, или опекуновъ.

Вечеромъ, послѣ 7-ми миль пути, прибыли мы въ бѣдное село Видропускъ (Windrapusck), имѣли прескверный постоялый дворъ, по тому что во всемъ селѣ было не болѣе 3-хъ домовъ, въ которыхъ помѣщенія походили скорѣе на свиные хлѣва, чѣмъ на комнаты. Хотя по селеніямъ во всей Россіи во время нашего путешествія курныя избы не много бывали лучше, но гостинницы или постоялые дворы все таки были удобнѣе.

21-го Марта мы сдѣлали 7 миль до города Торжка (Torsock). 22-го переправились черезъ рѣчку и проѣхали 6 миль до Троицко-Мѣдной (Troitzka Miedna), [2] и еще 6 миль до города Твери (Twere). Такъ какъ здѣсь на гористыхъ мѣстахъ снѣгу не было вовсе и не возможно было берегомъ ѣхать въ саняхъ, то въ этотъ и слѣдующій день мы ѣхали низомъ, по р. Волгѣ, на которой былъ еще довольно крѣпкій ледъ и, сдѣлавши 6 миль, вечеромъ пріѣхали въ с. Городню (Gorodna). 24-го числа мы опять поѣхали берегомъ, перебрались черезъ двѣ рѣчки и проѣхали села Завидово (Sawidowa) и Заулокъ Спасъ (Saulka Spas), [3] отъѣхавши 7 миль отъ вчерашняго ночлега.

Въ этотъ день мы должны были перебраться черезъ нѣсколько рѣчекъ, и такъ какъ ледъ на этѣхъ рѣчкахъ оттаялъ и сдѣлался рыхлымъ, то переправы наши были очень неудобны и стоили намъ много труда. За большимъ селеніемъ Клиномъ (Klien), которое мы проѣхали 25 Марта, протекаетъ рѣка Сестра (Sestrea), впадающая въ р. Дубну (Dubna), а эта послѣдняя въ Волгу. На этой-то рѣкѣ Сестрѣ мы должны были вбить въ ледъ нѣсколько кольевъ для того, чтобы теченіемъ ея не снесло его: по нему мы и проѣхали въ саняхъ нашихъ. 26-го числа, въ полумили отъ вчерашняго мѣста переправы, мы опять прибыли къ р. Сестрѣ, которая течетъ извиваясь, и по тому опять была у насъ на пути: мы опять переправились черезъ нея и вечеръ

---

[2] Теперь Мѣдное. *О. Б.*

[3] Спаское Заулокъ. *О. Б.*

того дня остановились въ Пешкахъ (Beschik), въ 7-ми миляхъ отъ Клина. 27-го Марта мы снова переправлялись черезъ двѣ рѣки и, проѣхавши 6 миль, остановились въ с. Черкизовѣ (Zerkisowo). 28-го мы проѣхали только 3 мили, до Николы Деребня (Derebne),[4] отстоящаго на 2 небольшія мили отъ г. Москвы, гдѣ мы, также какъ и другіе Посланники, проѣзжающіе черезъ это мѣсто, должны были ждать, пока о нашемъ прибытіи не доложатъ Великому Князю и пока отъ него не получится приказаніе о торжественной встрѣчѣ насъ. Въ это время мы разобрали наши служебныя одежды (мундиры) и готовились къ въѣзду. Когда Приставъ получилъ приказъ проводить насъ на слѣдующій день, ровно въ полдень, въ Москву, мы расположили нашъ поѣздъ и совершили его на другой день въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Впереди ѣхали верхомъ 24 стрѣльца, которое были тѣ самые Казаки, что, вмѣстѣ съ Приставомъ, сопровождали насъ отъ границы и до сихъ поръ.

2. За ними ѣхалъ нашъ Маршалъ одинъ.

3. Потомъ Высшіе Чины и Гофъ-Юнкеры, по 3 въ рядъ: старшіе впереди.

4. Три трубача (музыканта) съ серебряными трубами.

5. Оба Гг. Послы, каждый въ особыхъ саняхъ.

Передъ Послами шли 6 тѣлохранителей съ своими ружьями, а потомъ другіе 6 же тѣлохранителей съ бердышами. Позади саней отроки или пажи, за которыми слѣдовали остальные на лошадяхъ. Позади всего везли поклажу тоже въ надлежащемъ порядкѣ. Приставъ ѣхалъ верхомъ подлѣ Пословъ, съ правой руки. Когда мы были въ полумили отъ города, съ нами повстрѣчалось нѣсколько отрядовъ Русскихъ и Татарскихъ всадниковъ, въ богатыхъ одеждахъ, а также и нѣсколько Нѣмцевъ; они объѣхали вокругъ нашъ поѣздъ и поскакали обратно въ городъ.

---

[4] Нынѣ Никола Дербеновскій въ самой уже Москвѣ. *О. Б.*

Вскорѣ за тѣмъ пріѣхали другіе Русскіе отряды, которые раздѣлились на двое и поѣхали съ нами по обѣимъ сторонамъ у насъ.

Въ разстояніи не болѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ города Москвы, на встрѣчу къ намъ выѣхали два Пристава, въ сопровожденіи большаго числа всадниковъ, и почти точно въ такомъ же порядкѣ, какъ это было во время перваго нашего въѣзда въ Москву. Когда Приставы были отъ насъ не далѣе 20 шаговъ, то прислали сказать: не угодно ли Гг. Посламъ выйти изъ саней и ити къ нимъ, Приставамъ, пѣшими? Сами Приставы вышли изъ саней и сняли свои шапки не прежде, какъ сдѣлали это Послы. Такіе обычаи знатнѣйшіе слуги Великаго Князя, и особенно Пристава (которымъ въ Москвѣ подражаютъ и переводчики), ради своего Государя, должны соблюдать со всевозможною точностію, если не желаютъ впасть въ немилость, или подвергнуться наказанію кнутомъ.

Пріемъ Пословъ совершился точно такимъ же образомъ, какъ и во время перваго нашего Посольства. Старшій Приставъ началъ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ (сдѣсь по запискѣ онъ прочиталъ полный Великокняжескій титулъ), повелѣлъ намъ принять васъ, тебя, Филиппа Крузе, и тебя, Оттона Бругмана, Великихъ Пословъ Великаго Государя Фридриха, Князя Голштинскаго, и препроводить васъ въ стольный городъ Его Царскаго Величества.» Другой Приставъ продолжалъ: «Его Царское Величество приставилъ этого, предстоящаго сдѣсь, Дворянина (т. е., Гофъ-Юнкера), Павла Иванова сына Салманова (Paul Iwanio sin Salmanow) (т. е., старшаго Пристава), и меня, Андрея Ивановича Заборова (Andre Iwanowitz Zabarow), Приставами къ вамъ, служить вамъ, Посламъ.» Потомъ выступилъ Конюшій Великаго Князя, также сказалъ свое привѣтствіе и предложилъ Посламъ 2 превосходныя, бѣлыя, рослыя лошади, убранныя богатыми украшеніями, какъ и въ первое наше Посольство, и 12 другихъ лошадей для важнѣйшихъ Чиновъ Посольства, на которыя сѣвши, всѣ мы тронулись далѣе. Въ средину города, называемую Китай городъ (Kitai gorod), мы проѣхали сквозь ряды нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ, которые отъ наружныхъ воротъ до Посольскаго

дома стояли въ два ряда по всѣмъ улицамъ, по которымъ мы ѣхали, и въ такомъ порядкѣ прибыли въ большой каменный домъ, находившійся не далеко отъ Дворца и принадлежавшій Архіепископу Сусинскому (Susinski), [5] который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, попалъ въ немилость и сосланъ въ Сибирь. Въ этомъ домѣ помѣстили насъ по тому, что обыкновенный Посольскій домъ занятъ былъ Персидскимъ Посломъ, пріѣхавшимъ въ Москву не задолго передъ нами.

ГЛАВА XIII.

О нашемъ ежедневномъ и особомъ милостивомъ продовольствіи, также о первомъ общемъ и первомъ и второмъ тайномъ представленіи.

Только что прибыли мы въ Москву и помѣстились въ нашемъ жильѣ, какъ пришли къ намъ Русскіе и принесли изъ поварни и погреба Великаго Князя всевозможныя кушанья и напитки: для обоихъ Пословъ и шести высшихъ Чиновъ ихъ напитки были особые. Послѣ этого постоянно, во все время пребыванія нашего въ Москвѣ, Русскіе заботливо старались о нашей кухнѣ и погребѣ, и намъ доставляли именно:

Ежедневно:

62 хлѣба, по 1-й копѣйкѣ или Любецкому шилингу за штуку.
Четверть быка.
4 овцы, 12 куръ и 2 гуся.
Одного зайца, или рябчика.
50 яицъ, 10 копѣекъ на свѣчи.
5 копѣекъ на кухню.

Еженедѣльно

1 пудъ масла, т. е., 40 фунт.
1 пудъ соли.
3 ведра уксусу.
2 овцы и 1-го гуся.

---

[5] Суздальскому? *О. Б.*

Напитковъ ежедневно:

15 штофовъ (или кружекъ) водки и 3 самыя малыя для Гг. Пословъ и Гофъ-Юнкеровъ, 1 съ Испанскимъ виномъ, 8 съ медомъ разныхъ сортовъ, и 4 съ пивомъ. Сверхъ того, для остальныхъ приносили: 1 бочку пива, боченокъ меду и маленькій боченочекъ водки.

Такое продовольствіе удвоивалось въ день нашего прибытія, въ Вербное Воскресенье и въ дни Пасхи и рожденія молодаго Князя. Мы брали, впрочемъ, продовольствіе только въ сыромъ видѣ и приготовлялъ ее намъ нашъ поваръ, по Нѣмецкому образцу. Вообще намъ оказывали всегда добрую услугу не только люди, приставленные въ нашемъ дворѣ для служенія намъ, но и сами Пристава, которые ежедневно навѣщали Пословъ. И хотя у воротъ нашего дома приставленъ былъ десятникъ или капралъ съ 9 стрѣльцами, но послѣ открытаго пріема, или, какъ говорятъ Русскіе, послѣ того, какъ мы удостоились видѣть ясныя очи Его Царскаго Величества, мы пользовались, относительно выхода и возвращенія, также приглашенія и посѣщенія нашихъ добрыхъ знакомыхъ, совершенно прежней свободой, даже болѣе чѣмъ прежде, безъ всякаго со стороны Русскихъ возраженія.

3-го Апрѣля Послы приглашены къ открытому представленію, для чего присланы для нихъ были опять тѣ же лошади въ обычномъ великолѣпномъ убранствѣ. Во время поѣзда на представленіе соблюдался тотъ же порядокъ, какъ и при въѣздѣ въ городъ, съ тою только разницею, что теперь передъ Послами ѣхалъ Секретарь Посольства одинъ и держалъ въ простертой рукѣ Княжескія вѣрительныя грамоты на красной тафтѣ. Стрѣльцы и народъ густою толпою стояли по улицамъ отъ Посольскаго двора до Дворца и пріемнаго покоя. Верховые гонцы безпрестанно и поспѣшно скакали по обыкновенію отъ Дворца къ Посламъ и обратно, передавая приказанія подвигаться скорѣе, или тише, или же и совсѣмъ остановиться. Дѣлалось это для того, чтобы Его Царское Величество могъ возсѣсть въ пріемномъ покоѣ именно во время, не ранѣе и не позднѣе того, какъ было нужно.

Дальнѣйшій ходъ и торжественность представленія были тѣ же ые, какъ и въ прошломъ году, при первомъ нашемъ представленіи, именно: какъ изъ передняго покоя, въ которомъ сидѣло множество знатныхъ Русскихъ Бояръ, вышли двое изъ этѣхъ Бояръ на встрѣчу Посламъ, приняли ихъ и повели передъ Его Царское Величество, какъ далѣе самъ Царь спрашивалъ Пословъ о здоровьѣ Его Княжеской Свѣтлости, какъ держалъ онъ себя, принимая вѣрительныя грамоты, допуская къ цѣлованію своей руки и милостиво приглашая Пословъ кушать отъ его стола: все это подробно описано уже было выше, куда и прошу обратиться благосклоннаго читателя.

Заявленіе (Proposition), выраженное въ этомъ представленіи Посломъ Крузе, было слѣдующее:

«Пресвѣтлѣйшій, Могущественнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ! (сдѣсь прочитанъ былъ полный титулъ, Нашъ Свѣтлѣйшій, Высокорожденный Князь и Государь, Фридрихъ, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, Сторнмарнскій и Дитмарсенскій, Графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій, милостивѣйшій нашъ Князь и Государь, шлетъ тебѣ свой дружескій, родственный привѣтъ и желаетъ тебѣ всего добраго и хорошаго, чего только можетъ пожелать онъ по родственному своему расположенію.

Прежде всего Его Княжеской Свѣтлости въ высшей степени пріятно было узнать, что Ваше Царское Величество съ юнымъ наслѣдникомъ (Herrschafft) и всѣмъ высокимъ Царскимъ домомъ, находитесь въ совершенно добромъ тѣлесномъ здоровьѣ, при счастливомъ, мирномъ управленіи и при всѣмъ высокомъ Царскомъ благополучіи (преуспѣяніи). Отъ всего сердца желаетъ онъ, да соблюдетъ Всевышній въ своей милости Ваше Царское Величество и со всѣмъ Царскимъ домомъ на многія лѣта.

За тѣмъ Его Княжеская Милость приноситъ Вашему Царскому Величеству свою дружественно родственную благодарность за дозволеніе свободнаго проѣзда чрезъ Государство и земли Вашего Царскаго Величества въ Персію и обратно къ Его Княже-

ской Милости. Въ слѣдствіе этого дозволенія, Его Княжеская Милость вторично послалъ насъ съ настоящими вѣрительными грамотами, приказавъ въ то же время, согласованное и рѣшенное уже по дѣлу о свободномъ проѣздѣ въ Персію и обратно, на основаніи даннаго намъ подтвердительнаго письма Его Княжеской Милости, исполнить, о другихъ же важныхъ дѣлахъ представить Вашему Царскому Величеству.

По этому Его Княжеская Свѣтлость дружески родственно проситъ Ваше Царское Величество соблаговолить принять насъ въ тайномъ представленіи, чтобы выслушать нашу просьбу и за тѣмъ слѣдующее рѣшеніе на эту просьбу повелѣть объявить намъ. Его Княжеская Свѣтлость поручаетъ себя за тѣмъ всей дружественно родственной снисходительности и пріязни Вашего Царскаго Величества, о чемъ отъ имени Его Свѣтлости мы имѣемъ честь сдѣсь докладывать. Да не оставитъ Ваше Царское Величество и насъ своею Царской милостью!»

Послѣ этого представленія къ намъ пріѣхалъ верхомъ одинъ изъ Великокняжескихъ Стольниковъ, Князь Семенъ (Simon) Петровичъ Львовъ, съ пожалованнымъ Великокняжескимъ столомъ, который принесли въ слѣдъ за нимъ. Столъ этотъ состоялъ изъ 40 блюдъ, все изъ вареной, жареной рыбы, разныхъ печеній и овощей, но мясного ни чего не было, по причинѣ бывшаго у Русскихъ поста, и 13 штофовъ (кружекъ) разныхъ напитковъ.

Когда столъ былъ накрытъ и совсѣмъ изготовленъ, Стольникъ собственноручно подалъ Посламъ и важнѣйш имъ Чинамъ, ихъ сопровождающимъ, каждому по чарѣ отличной водки. За тѣмъ, взявши самъ въ руку большую золотую чашу, предложилъ выпить за здравіе, сперва Его Царскаго Величества и молодаго Князя, а потомъ Его Свѣтлости, нашего милостиваго Государя: чаша эта обошла всѣхъ кругомъ. Князю подаренъ былъ при этомъ большой бокалъ, а прислугѣ, принесшей обѣдъ, нѣсколько рублей деньгами, послѣ чего Князь поѣхалъ отъ насъ.

Мы сѣли за столъ, поѣли нѣкоторыя Русскія кушанья, вареныя и изготовленныя большею частію съ чеснокомъ и лукомъ,

и остатки стола послали переводчику и нашимъ добрымъ друзьямъ въ городъ.

Въ это же время Персидскіе Послы, помѣщавшіеся на сосѣднемъ дворѣ, забавлялись музыкой на литаврахъ, свирѣляхъ а трубахъ, и мы съ удовольствіемъ слушали эту игру. Подготовленные питьемъ за здоровье къ веселью, мы провели этотъ день какъ нельзя болѣе пріятно и весело, чему не мало содѣйствовали превосходные напитки, присланные Великимъ Княземъ.

5-го Апрѣля намъ дано было первое тайное представленіе. Бояре и Чины, учавствовавшіе въ немъ, были тѣ же самые, которые были и въ прошломъ году, кромѣ Государственнаго Канцлера Грамматина, который, за преклонностію лѣтъ, уже уволенъ. Мѣсто его занималъ теперешній Канцлеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачовъ (Foedor Foedorow sin Lichozow).

Въ продолженіи этого представленія у насъ на дому умеръ одинъ изъ нашихъ слугъ, Пфальцскій уроженецъ, Францъ Вильгельмъ, который 8 дней передъ тѣмъ отпрокинулся изъ саней и на грудь ему упала шкатулка или дорожный ларецъ Бругмана, бывшій у него на храненіи. На 3 день были его похороны, и какъ покойникъ былъ Реформатскаго Исповѣданія, то отпѣваніе происходило въ Реформатской церкви: прочитано было надгробное слово и погребеніе тѣла послѣдовало на Нѣмецкомъ кладбищѣ. Для похороннаго поѣзда Великій Князь прислалъ намъ съ Приставомъ 15 своихъ бѣлыхъ лошадей.

9-го Апрѣля мы имѣли второе тайное представленіе.

ГЛАВА XIV.

Какъ Русскіе празднуютъ Вербное Воскресенье и праздникъ Пасхи.

10-го Апрѣля, въ Вербное Воскресенье, въ которое у Русскихъ празднуется вшествіе Христа во Іерусалимъ, былъ торжественный крестный ходъ. Для присутствованія при этомъ торжествѣ,

Великій Князь, у котораго на канунѣ мы испрашивали позволенія, прислалъ Посламъ ихъ обычныя двѣ лошади, а для остальныхъ еще 15 другихъ лошадей. Приказано было помѣстить насъ на возвышенномъ нѣсколько мѣстѣ, противъ дворцовыхъ воротъ, и отсторонить отъ насъ Русскихъ, которыхъ собралось у Дворца болѣе 10 человѣкъ, собственно для того, чтобы лучше намъ видѣть крестный ходъ. За нами, тоже на нѣкоторомъ возвышеніи, помѣщены были Персидскіе Послы и состоящіе при нихъ. Крестный ходъ, совершавшійся отъ Дворца въ церковь Іерусалимъ, происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прежде всего Великій Князь съ своими Боярами отправился въ церковь Маріи (Успенскую), и слушалъ тамъ обѣдню; потомъ онъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, началъ торжественное шествіе изъ Дворца.

Впереди всего, на большихъ широкихъ, но низкихъ, дрогахъ везли дерево, увѣшанное яблоками, финиками и изюмомъ; на деревѣ (около?) сидѣло 4 мальчика, въ бѣлыхъ рубахахъ и пѣли: «Осанна!»

За тѣмъ слѣдовали Священники, въ бѣлыхъ же пѣвческихъ и дорогихъ церковныхъ облаченіяхъ, несли хоругви, кресты и образа, водруженные на длинныхъ древкахъ, и также пѣли; нѣкоторые были съ кадилами, которыми и кадили къ народу. За этѣми шли знатнѣйшіе гости или купцы, а потомъ Дьяки, Писаря, Секретарь и наконецъ Князья и Бояре, изъ которыхъ иные несли пальмовыя вѣтви (вербы).

За тѣмъ уже шелъ Царь въ богатой одеждѣ и съ короной на головѣ. Его вели подъ руки два знатнѣйшихъ Царскихъ Совѣтника, Князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій (Iwan Boriswitz (Cyrcaski) и Князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ (Alexee Michaelowitz Lwow). Самъ Царь велъ на длинномъ поводу лошадь Патріарха. Лошадь покрыта была попоной, съ длинными ушами, на подобіе ослиныхъ. Патріархъ сидѣлъ бокомъ, на немъ была бѣлая круглая шапка, унизанная крупнѣйшимъ жемчугомъ, и посверхъ нея тоже корона. Онъ держалъ въ правой рукѣ золотой, усыпан-

ный драгоцѣнными камнями, крестъ и благословлялъ народъ, толпившійся вокругъ. На этѣ благословенія народъ низко кланялся и молился на крестъ. По сторонамъ и позади Патріярха шли Митрополиты, Епископы и другіе Священники, кто съ книгой, кто съ кадиломъ. До 50 мальчиковъ, одѣтыхъ въ красномъ, забѣгали впередъ Великаго Князя, снимали съ себя этѣ красныя одежды и постилали ими дорогу, другіе же, вмѣсто одеждъ, постилали на землю разноцвѣтные куски сукна, локтя въ два длиною; и то и другое дѣлалось для того, что Великій Князь и Патріярхъ шествовали по этѣмъ одеждамъ и сукну. Поровнявшись съ Послами, которые поклонились ему, Великій Князь пріостановился, послалъ къ нимъ главнаго своего переводчика, Ганса Гельмса, спросить о здоровьѣ ихъ, и, обождавъ возвращенія къ себѣ переводчика, продолжалъ свое шествіе въ церковь. Пробывъ тамъ съ полчаса, всѣ вышли обратно въ прежнемъ порядкѣ; Великій Князь, опять поравнявшись съ мѣстомъ, гдѣ были Послы, въ другой разъ пріостановился, приказавъ сказать имъ, что они этотъ день будутъ кушать отъ его стола; вмѣсто того, впрочемъ, продовольствіе намъ въ этотъ день выдано было обыкновенное, только въ двойномъ количествѣ.

Патріярхъ даетъ обыкновенно Царю за то, что этотъ ведетъ его лошадь, 200 руб. или 400 рейсталеровъ. Этотъ праздникъ Ваій празднуется и во всѣхъ другихъ Русскихъ городахъ съ такою же обрядностью. Мѣсто Патріярха занимаетъ тогда Епископъ, или Священникъ, а Великаго Князя—Воевода.

17-го Апрѣля былъ праздникъ Св. Пасхи, и Русскіе проводятъ этотъ праздникъ въ большомъ веселіи, частію по воспоминанію о радостномъ времени, въ которое воскресъ Христосъ, частію же по тому, что этѣмъ днемъ заканчивается весьма продолжительный ихъ Великій Постъ. Въ этотъ день, а также и въ слѣдующіе за нимъ 14 дней, Бояре и простой народъ, старый и малый, всѣ носятъ съ собою крашеныя яица. На всѣхъ улицахъ въ этѣ дни сидитъ множество торговцевъ, которые продаютъ вареныя и всѣми возможными цвѣтами окрашенныя яица.

При встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицѣ Русскіе въ это время цѣлуются въ губы, и одинъ говоритъ: «Христосъ воскресе,» а другой отвѣчаетъ: «Во истину воскресе.»

Всѣ рѣшительно, мужчины и женщины, высшаго и низшаго званія, привѣтствуютъ въ этѣ дни другъ друга такимъ поцѣлуемъ и крашеными яицами. Самъ Великій Князь заботливо исполняетъ это, надѣляетъ пасхальными яйцами важнѣйшихъ Придворныхъ чиновъ и прислугу, и даже имѣетъ обыкновеніе, въ ночь подъ Пасху, прежде чѣмъ отправиться въ церковь къ ранней обѣднѣ, посѣщать темницы, приказываетъ отпирать ихъ, и самъ каждаго узника (которыхъ всегда множество) одѣляетъ крашенымъ яйцомъ и бараньимъ тулупомъ, обращаясь къ нимъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Вы должны радоваться: ибо Христосъ, умершій за грѣхи ваши, во истину воскресе нынѣ!» За тѣмъ онъ приказываетъ снова запереть темницы и уже идетъ въ церковь.

Во все время Святой Пасхи Русскіе не только ходятъ въ гости къ друзьямъ своимъ, по домамъ, но всѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе люди, мужчины и женщины, ревностно посѣщаютъ питейные дома (Kabacken), и другія лавочки съ продажею пива, меда и водки. При чемъ они такъ напиваются, что валяются по улицамъ, и ужь тутъ родственники такихъ напившихся хлопочутъ, чтобы свезти ихъ на телѣгѣ, или саняхъ, домой, по тому что при такихъ случаяхъ не рѣдко бываетъ, что на другой день находятъ на улицахъ много убитыхъ и ограбленныхъ до нага. Такой безпорядокъ и безобразіе въ посѣщеніи кабаковъ, впрочемъ, въ настоящее время нѣсколько уменьшились по настояніямъ Патріярха.

ГЛАВА XV.

Объ особенномъ представленіи Бругмана, о нашихъ: 3, 4, 5 и послѣднемъ тайныхъ представленіяхъ, о представленіи другихъ народовъ и о прочемъ, что было въ это время.

29-го Апрѣля Посолъ Бругманъ, по собственному желанію, имѣлъ тайное представленіе съ одними Боярами, безъ своего товарища, и поѣхалъ туда только съ немногими изъ Посольскихъ; его приняли въ дворѣ Государевой казны, и онъ имѣлъ совѣщаніе въ особомъ покоѣ около 2 часовъ. Объ этомъ его совѣщаніи и за-

явленіи, сдѣланномъ имъ не во исполненіе Княжескаго Приказа, а по собственному его желанію, не зналъ ни чего другой Посланникъ, Г. Крузе.

6-го Мая оба Посла вмѣстѣ имѣли, третье, 17-го четвертое и 27-го пятое и послѣднее тайное представленіе.

30-го Мая Гофмейстеръ молодаго Князя, по желанію Великаго Князя, устроилъ соколиную охоту и пригласилъ на нее важнѣйшихъ изъ Чиновъ Пословъ нашихъ. Онъ прислалъ за нами собственныхъ своихъ лошадей и повезъ насъ на прекрасный лугъ, въ 2 миляхъ отъ Москвы, гдѣ, послѣ весьма занимательной и веселой охоты, угощалъ насъ въ палаткѣ водкой, медомъ, пряниками, Астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями.

1-го Іюня былъ день рожденія молодаго Князя, Ивана Михайловича, которой Русскіе праздновали съ большимъ торжествомъ. Чтобы и насъ сдѣлать причастными такому торжеству, намъ удвоили обычное продовольствіе наше.

3-го числа Посолъ Бругманъ вторично ѣздилъ одинъ и тайно совѣщался съ Боярами.

4-го Іюня, на канунѣ Духова дня, Его Царское Величество, съ своими Боярами и Совѣтниками, принималъ опять при всѣхъ насъ и разрѣшилъ отъѣздъ всѣмъ другимъ Посламъ, которые находились въ Москвѣ въ одно время съ нами.

Первый пріѣхалъ на представленіе Персидскій Посолъ, который былъ купчина, или купецъ. Онъ вышелъ изъ представленія въ накинутомъ на него Русскомъ кафтанѣ изъ краснаго атласа, подбитомъ прекраснымъ соболемъ. Это уже такой обычай, какъ и у Персовъ, при отъѣздѣ Пословъ.

За этѣмъ пріѣзжали Греки и Армяне, а наконецъ и нѣсколько Татаръ, которые всѣ возвращались обратно изъ представленія, держа открыто въ рукахъ вѣрительныя грамоты и полученные ими подарки.

12-го Іюня пріѣхалъ изъ Германіи къ Москвѣ нашъ кухонный Писарь, Яковъ Шеве, котораго мы оставили за границей, чтобы онъ привезъ нѣкоторые подарки для Персидскаго Шаха, изготовлявшіеся въ Гданскѣ. Но онъ былъ задержанъ подъ городомъ цѣлыхъ 3 дня, пока Канцлеръ могъ доложить объ его пріѣздѣ и получить на впускъ его въ Москву разрѣшеніе Его Царскаго Величества, ѣздившаго въ это время на богомолье за городъ.

15-го числа Великій Князь возвратился съ супругой омой. За Великимъ Княземъ ѣхали его Бояре и придворные, за Великою Княгинею 36 ея Боярышень и дѣвушекъ, въ красныхъ одеждахъ и бѣлыхъ шапочкахъ, отъ которыхъ вдоль спины висѣли длинные красные снурки. Вокругъ шеи у нихъ были бѣлыя покрывала, сами же онѣ были нарумянены очень замѣтно. Онѣ ѣхали верхами на лошадяхъ, какъ мужчины:

17-го Послы поручили мнѣ отправиться въ Канцелярію по дѣламъ къ Государственному Канцлеру, и такъ какъ этотъ послѣдній желалъ, для соблюденія большаго почета, чтобы я введенъ былъ съ Приставомъ, то я и долженъ былъ порядочно таки подождать въ передней комнатѣ, вмѣстѣ съ простымъ народомъ Русскимъ и прислугою, пока не отыскали и не привели одного изъ Приставовъ нашихъ.

Главный Канцлеръ и его помощникъ приняли меня весьма благосклонно и дали по дѣлу желаемое рѣшеніе. Въ присутственномъ покоѣ окно и столъ были покрыты прекраснымъ ковромъ, а на столѣ, передъ Канцлеромъ, стояла большая серебряная, изящная чернильница, только пустая, безъ чернилъ. Мнѣ сообщили за тайну, что ковры были положены и чернильница поставлена только при моемъ прибытіи и по уходѣ моемъ тотчасъ же опять убраны; вообще Канцеляріи Русскія не отличаются особенною чистотою. Можетъ быть это-то и было причиною, что меня заставляли ждать въ передней.

ГЛАВА XVI.

Какъ приготовлялись мы къ путешествію въ Персію, и сколько людей взяли съ собой въ Москвѣ.

20-го Іюня явились къ намъ Приставы и Писарь и объявили Посламъ отъ имени Его Царскаго Величества, что они могутъ теперь, если желаютъ, отправиться въ Персію; что къ рукѣ Его Царскаго Величества они допущены въ настоящее время не будутъ, а допустятся къ ней по возвращеніи изъ Персіи, такъ какъ они еще не совсѣмъ прощаются и не ѣдутъ домой къ себѣ. Тогда же, въ послѣднемъ явномъ представленіи, они получатъ отвѣтныя вѣрительныя Его Царскаго Величества и имъ поручено будетъ передать и поклонъ Его Свѣтлости, нашему Государю, чего всего теперь, при предстоящемъ Гг. Посламъ пути въ Персію, и быть не можетъ.

И такъ мы стали снаряжаться къ дальнѣйшему пути, велѣли изготовить нѣсколько ботовъ, для проѣзда изъ Москвы до Нижняго, и такъ какъ, по описанію Русскихъ, дорога въ мѣстахъ, по которымъ намъ предстояло ѣхать, особенно по рѣкѣ Волгѣ, была весьма опасна, по причинѣ своеволія Казаковъ и разбойниковъ, то, съ дозволенія Его Царскаго Величества, Послы приняли на службу къ себѣ 30 человѣкъ изъ его Офицеровъ и солдатъ, и взяли ихъ съ собою въ Персію. Имена этѣхъ лицъ слѣдующія:

Гуго Крафертъ (Kraffert) } Шотландцы.
Іоаннъ Китъ (Kitt) } Лейтенанты.
Эрдваль Юнгеръ }

Вильгельмъ Morrhoi } Убиты въ Испагани
Александръ Эйкенгудтъ (Eickenhundt) } Индійцами.

Вильгельмъ Burlai } Charganten.
Георгъ Uropoesen }

Данілъ Gloen, армейскій Капитанъ.

Простые воины (Knechte):

Товій Гансенъ (Tobias Hansen), барабанщикъ, упалъ въ рѣкѣ Окѣ съ бота и утонулъ.

Александръ Чамерсъ (Tschammers), найденъ за Шамахой въ повозкѣ мертвымъ, бывши прежде болѣнъ нѣсколько дней.

Карлъ Штексъ (Stecks), убитъ въ Испагани Индійцами.

Андрей Тодтъ (Todt), тоже убитъ Индійцами.

Петръ Шмокъ (Shmock).

Михаилъ Зиберсъ (Sibers).

Куртъ Янсонъ (Janson).

Генрихъ Доль (Doll).

Лоренцъ Римъ (Rim).

Давидъ Лонде (Londe).

Вильгельмъ Morrhoi.

Grilies Tomson.

Якобъ Якобсонъ.

Іоаннъ Китъ.

Георгъ Ватсонъ (Watzon).

Рихардъ Рёлингъ (Röling).

Карлъ Ольсонъ, убитъ въ Испагани Индійцами.

Вильгельмъ Ноі, на обратномъ пути изъ Тарку, зашедши далеко отъ стана, захваченъ Татарами.

Ѳома Штокдомъ (Thomas Stockdom).

Вильгельмъ Групсъ (Grups), умеръ въ Испагани поносомъ.

Ричердъ Мейсонъ (Ritzerd Meison).

Георгъ Шееръ (Scheer), Профосъ.

Кромѣ того, для гребли и для всякаго рода ручной работы на сушѣ и на водѣ, взято было нѣсколько Русскихъ, а именно:

Симонъ Кириловъ сынъ (Simon Kirilof sin).

Ларике (Larike) (Ларька, Ларіонъ??).

Филька Юрга (Filka Jurga).

Ларивонъ Ивановъ сынъ (Lariwon Iwanof sin).

Иванъ Ивановъ сынъ, умеръ въ Персіи отъ поноса.

Всѣ этѣ люди, 24 и 25 числъ Іюня мѣсяца, отправлены были впередъ въ Нижній Новгородъ съ нѣкоторыми металлическими вещами, привезенными нами изъ Германіи, съ разными каменными предметами, купленными нами въ Москвѣ, вмѣстѣ съ нашими напитками и разною другою утварью и посудой.

ГЛАВА XVII.

О Польскихъ Послахъ: какъ прибыли они къ Москвѣ и какъ держали себя въ отношеніи къ Русскимъ.

26-го Іюня прибыли къ Москвѣ Польскіе Послы или, какъ Русскіе называютъ ихъ, Великіе Гонцы (Post), и приглашены были въѣхать въ городъ. Послы этѣ, завидѣвши нѣкоторыхъ изъ нашего Посольства, поѣхавшихъ взглянуть на торжественный въѣздъ ихъ, дружески поклонились и привѣтствовали насъ, снимая шляпы; проѣзжая же мимо Русскихъ Приставовъ, оставались неподвижны и сидѣли гордо.

Приставы принуждены были также, хотя съ большой неохотою, первые сойти съ лошадей и снять передъ Послами шапки. Поляки требовали этого на томъ основаніи, что иначе сдѣлать было бы для нихъ неприлично, такъ какъ они пріѣхали не для того, чтобы принимать Русскихъ, но быть принятыми ими, Русскими.

Съ другой стороны и Посламъ этѣмъ не давали для въѣзда Великокняжескихъ лошадей, какъ это обыкновенно дѣлается, по тому что не задолго передъ тѣмъ одинъ великій Польскій Посолъ не принялъ Княжескихъ лошадей и въѣзжалъ въ городъ на своихъ собственныхъ. Этотъ-то великій Посолъ (о которомъ я хочу сдѣсь сказать кстати, мимоходомъ) присланъ былъ къ Великому Князю вскорѣ послѣ осады города Смоленска и разбитія Русскихъ подъ этѣмъ городомъ и, какъ разсказывали намъ, велъ себя по отношенію къ Русскимъ самымъ вздорнымъ образомъ и спорилъ обо всемъ. На открытомъ представленіи онъ говорилъ свое заявленіе сидя, а не стоя, и когда, при произнесенія титула Короля его, Бояре, по обычаю своему, не снимали шапокъ, онъ рѣзко и съ ругательствомъ возсталъ противъ этого, и до тѣхъ поръ не хотѣлъ продолжать начатую рѣчь свою, пока Его Царское Величество не далъ головою знака Боярамъ, чтобъ они сняли шапки.

Такъ какъ Польскій Король не присылалъ отъ себя ни какихъ подарковъ, то этотъ же самый Посолъ самъ отъ себя подарилъ Великому Князю прекрасную карету. Когда же, въ отвѣтъ на это, прислано было и ему отъ Царя нѣсколько сороковъ соболей, то Посолъ не принялъ ихъ. По этому и Великій Князь возвратилъ ему назадъ его карету.

Посолъ приказалъ за это спустить Пристава съ лѣстницы, и такой поступокъ до того оскорбилъ Его Царское Величество, что онъ приказалъ спросить Посла: «Съ чего Посолъ позволяетъ себѣ такое недостойное поведеніе? По приказанію ли Короля своего, или же по собственному произволу? Если по приказанію Короля, то Его Царское Величество будетъ ожидать отъ Бога милости и средства воздать ему тѣмъ же: побѣда въ рукѣ Божіей, и Богъ даетъ ее тому, кому захочетъ, и хотя Его Королевское Величество разъ одержалъ побѣду, однако въ другой разъ можетъ и не одержать ее. Если же Его Царское Величество узнаетъ, что Посолъ все это позволилъ самъ по себѣ, то онъ не замедлитъ отписать о томъ Королю, который, безъ сомнѣнія, съумѣетъ достойно наказать Посла.»

Въ слѣдствіе того, что этотъ Посолъ не уважалъ такъ Русскихъ обычаевъ и пріемовъ въ бытность свою въ Москвѣ, и вновь прибывшій, упомянутый выше великій Посланникъ (welike Poslanick) или великій гонецъ, принятъ былъ съ меньшимъ, противъ обыкновенія, почетомъ.

ГЛАВА XVIII.

Содержитъ въ себѣ Русскій видъ для пріѣзда.

Устроивши свои дѣла въ Москвѣ, собрались мы въ дальнѣйшее путешествіе и получили открытый видъ (Pass) Его Царскаго Величества, который должно было предъявлять во всѣхъ мѣстахъ находящимся Боярамъ и Чинамъ Великаго Князя. Видъ этотъ переведенъ Царскимъ переводчикомъ, и мы приводимъ его сдѣсь, какъ образчикъ Канцелярскаго слога Русскихъ.

Его Царскаго Величества открытый видъ, данный Княжескимъ Голштинскимъ Посламъ:

«Отъ Великаго Государя и Великаго Князя всея Россіи, Михаила Ѳедоровича, симъ повелѣвается Нашимъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и вообще всѣмъ начальствующимъ Нашимъ людямъ, во всѣхъ мѣстахъ отъ Москвы до Коломны, Переславля, Рязани, Касимова, Мурома, Нижняго Новгорода, Казани и Астрахани, чинить свободный пропускъ Посламъ и Совѣтникамъ Князя Голштинскаго, Фридриха, Филиппу Крузе и Отону Бругману, которымъ дозволено Нами отправиться изъ Москвы въ Персію, къ Персидскому Шаху Сефи, для переговоровъ о проѣздѣ и торговлѣ Голштинскихъ купцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено имъ Нами взять съ собою, отпущенныхъ также изъ Москвы въ Персію, изъ Голштинскихъ Нѣмцевъ 85 человѣкъ, и для прикрытія взятыхъ ими изъ служащихъ въ Нашей службѣ, Московскихъ Нѣмцевъ, въ числѣ 30 человѣкъ каковое число могутъ они, Послы, увеличить въ Нижнемъ, въ Казани, или Астрахани, для усиленія прикрытія еще 11 человѣками изъ Русскихъ, или Нѣмецкихъ, вольныхъ людей. Дозволено также имъ пріискать и нанять въ Нижнемъ двухъ проводниковъ (лоцмановъ), которые бы хорошо могли ходить по Волгѣ, и если они, Послы, побывши въ Персіи, снова будутъ возвращаться въ свою землю Гольштинію черезъ Наше Московское Государство, то имъ, Голштинскимъ Посламъ, соблаговолено и дозволено Нами, буде имъ то понадобится, взять себѣ для прикрытія, или для иныхъ работъ, до 40 человѣкъ въ Астрахани, или Казани, или гдѣ имъ будетъ удобно, изъ Русскихъ, или Нѣмецкихъ, вольныхъ людей, сколько имъ будетъ нужно; при этомъ чтобы тѣ изъ Нашихъ людей, которые наймутся къ сказаннымъ Посламъ, заявили свои имена Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ, съ обозначеніемъ мѣста ихъ жительства, отъѣзда и возвращенія, чтобы о всемъ этомъ было вѣдомо тѣмъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и велся ими тѣмъ наемнымъ людямъ надлежащій списокъ. Если же сказанные Послы будутъ возвращаться изъ Персіи зимою, то они могутъ на свой счетъ брать столько людей и подводъ, сколько они найдутъ необходимымъ, для продолженія пути ихъ.

Приставомъ къ названнымъ Посламъ приставили Мы Астраханскаго Дворянина, Родіона Горбатаго (Rodion Gorbato), дабы онъ сопровождалъ Пословъ отъ Москвы до Астрахани, и по тому Мы повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и всѣмъ начальствующимъ людямъ, чинить во всѣхъ городахъ и мѣстахъ ему, Родіону, и сказаннымъ Посламъ Голштинскимъ, свободный пропускъ, безъ малѣйшаго задержанія, или препятствія; и когда они, побывши въ Персіи, будутъ возвращаться въ свою Голштинскую землю черезъ Наше Московское Государство, то да будетъ дозволено имъ, Голштинскимъ Посламъ, если имъ будетъ нужно, для прикрытія въ плаваніи по Волгѣ и по дорогамъ, нанимать, для увеличенія своей безопасности, до 40 человѣкъ, въ Астрахани, или Казани, или тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится, и нанять столько людей, сколько имъ будетъ нужно. И сколько будетъ нанято ими людей, и въ какихъ городахъ, въ поѣздку ли въ Персію, или на обратномъ пути изъ Персіи, приказывается собирать по городамъ справки объ этѣхъ людяхъ, и записывать ихъ имена, чтобы не попался въ числѣ ихъ какой разбойникъ, или бѣглый холопъ (Golop). И если Голштинскіе Послы будутъ возвращаться изъ Персіи зимою, то дозволяется имъ, за свои деньги, нанимать Нашъ Русскій народъ и съ подводами столько, сколько имъ будетъ нужно, и чтобы имъ, Посламъ, какъ во время пути изъ Москвы въ Персію, такъ и на обратномъ пути изъ Персіи къ Намъ, въ Москву, нигдѣ, ни въ какомъ городѣ, или деревнѣ, не было ни какой задержки и ни отъ кого ни какой непріятности, или притѣсненія. И приказывается соблюдать Голштинскихъ Пословъ въ почтеніи, равно какъ и всѣмъ людямъ ихъ оказывать всякое дружелюбіе; также и сами Голштинскіе Послы и ихъ люди, какъ на пути въ Персію, такъ и изъ Персіи къ Намъ, въ Москву, Нашимъ Русскимъ людямъ равномѣрно не должны дѣлать ни какихъ притѣсненій, насилія или разбоя. И Мы отнюдь не дозволяемъ Посламъ брать продовольствіе для себя, или для людей своихъ, насильно у кого бы то ни было, но повелѣваемъ и дозволяемъ имъ покупать для себя и для своей прислуги, равно какъ для взятыхъ ими изъ Москвы и нанятыхъ людей, на пути въ Персію и обратно изъ Персіи, всякаго рода продовольствіе на свои собственныя деньги, и у тѣхъ людей, которые сами хотятъ

продать имъ это продовольствіе. Писано въ Москвѣ 7144 года, Іюня 20.» Къ этому дорожному виду приложена Царская печать [1] и подпись:

Царь и Великій Князь всея Русіи
Михаилъ Ѳедоровичъ.

Дьякъ Максимъ Матюшкинъ.

---

[1] Печать представляетъ двуглаваго орла, у коего въ серединѣ между главами крестъ осмиконечный, на груди орла Георгій на конѣ, а въ лапахъ по чего пѣтъ, крылья же опущены внизъ. Вокругъ орла слѣдующая надпись по Русски: «Божіею милостію великій гдрь црь и великій кнзь михаилъ ѳедоровичъ всеа русіи самодержецъ владимерскій московскій новгородцкій црь казанскій астораханскій црь сибискій (Сибирскій) гдрь псковскій великій кнзь тве(р)скій югорскій пермскій вятцкій болгарскій и иныхъ гдрь и великій кнзь новагорода низовскіе земли.» *О. Б.*

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О РОССІИ И ЕЯ ЖИТЕЛЯХЪ.

ГЛАВА I.

О Русскомъ Государствѣ, объ областяхъ, рѣкахъ и городахъ.

Россія или, какъ нѣкоторые называютъ ее, Бѣлая Россія (Weiss Russland), или же, какъ вообще также называютъ ее, по главному, стольному городу ея, Москвѣ, лежащему въ срединѣ страны, Московія (Musscowien), составляетъ одну изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничащую съ Азіей и обнимающую собою весьма значительное пространство. Такъ, въ длину она простирается на 30 градусовъ, или 450 Нѣмецкихъ миль, а въ ширину на 16°, или 140 Нѣмецкихъ миль. Границы ея, особенно если принимать въ соображеніе земли, нынѣ находящіяся подъ владычествомъ Царя, или Великаго Князя, Московскаго, простираются: на сѣверъ или полночь черезъ полуночный кругъ до Ледовитаго моря, на востокъ или утро до великой рѣки Оби, протекающей черезъ земли Ногайскихъ Татаръ, на югъ или полдень до владѣній Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и на западъ или вечеръ до сосѣдственныхъ земель: Литвы, Польши, Ливоніи и Швеціи.

Русское Государство раздѣляется на нѣсколько различныхъ Княжествъ и областей (провинцій), большая часть которыхъ поименованы выше въ титулѣ Великаго Князя. Первымъ и важнѣйшимъ искони было Княжество Володимерское, или Владимирское,

какъ называютъ его теперь, лежащее между двумя рѣками, Волгою и Окою, гдѣ и нынѣ еще находится старый городъ и крѣпость того же имени; городъ этотъ построенъ въ 928 году Великимъ Княземъ Владимиромъ [1] и былъ стольнымъ Царскимъ городомъ какъ его, Владимира, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ Великихъ Князей до тѣхъ поръ, пока Великій Князь Иванъ Даниловичъ (Danilow Michaelowitz) не перенесъ изъ него своего главнаго мѣстопребыванія въ городъ Москву.

Остальныя Княжества въ прежнія времена имѣли своихъ собственныхъ Князей и владѣтелей, которыми и управлялись, но потомъ всѣ они, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ тираномъ Иваномъ Васильевичемъ покорены мечемъ Царской Московской Державѣ (скипетру).

Черезъ этѣ страны и области протекаетъ много превосходныхъ большихъ и судоходныхъ рѣкъ, такъ что я долженъ сказать, едва ли подобныя рѣки находятся гдѣ въ другихъ какихъ мѣстахъ Европы. Важнѣйшая изъ этѣхъ рѣкъ Волга, которая, по нашему измѣренію, отъ Нижняго Новгорода до Каспійскаго моря, имѣетъ 500 Нѣмецкихъ миль, не считая еще изгиба отъ ея истока до Нижняго Новгорода, простирающагося болѣе нежели на 100 миль. Днѣпръ (Neper) или Борисѳенъ также превосходная рѣка, отдѣляющая Россію отъ Литвы и впадающая въ Понтъ Эвксинскій или Черное море. Также замѣчательна Двина, которая у Архангельска изливается въ Бѣлое море. Ока (Осса) и Москва (Mussca) также значительныя рѣки, хотя и менѣе трехъ первыхъ; не называю сдѣсь множества другихъ малыхъ рѣкъ, которыя всѣ способствуютъ жителямъ къ удобнѣйшему производству торговли, или же доставляютъ имъ добрую пищу богатыми рыбными ловлями.

И замѣчательно, что всѣ этѣ воды берутъ свое начало не такъ, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ горъ, или скалъ, которыхъ нѣтъ во всемъ Великомъ Княжествѣ, но изъ озерныхъ, болотистыхъ и песчаныхъ, мѣстъ.

---

[1] Какъ извѣстно, Владимиромъ Мономахомъ. О. Б.

Въ Россіи есть много большихъ и въ своемъ родѣ прекрасныхъ городовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Москва (Muscow), Великій Новгородъ (Nawgard), Нижній (Niesen) Новгородъ, Псковъ (Plescaw), Смоленскъ (Smolensko) (этотъ послѣдній городъ сначала принадлежалъ не Русскимъ, а Литвѣ и Польскому Королю, какъ значится это въ Московской Хроникѣ Петрея, но въ 1514 г. по Р. Х. онъ завоеванъ Москвитянами, у которыхъ въ 1611 году опять взятъ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ; въ 1632 Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ снова осадилъ его, но долженъ былъ снять осаду съ великою потерею и малою славою для себя; теперь же, съ прошлаго 1654 года, городъ этотъ снова перешелъ къ Великому Князю, по договору), Архангельскъ (Archangel), большой Ганзейскій и торговый городъ, Тверь (Twere), Торжокъ (Torsock), Рязань (Resan), Тула, Калуга (Cologa), Ростовъ, Переславль (Peressla), Ярославль (Jaressla), Угличъ (Uglitz), Вологда (Wolchda), Владимиръ (Vladimer), Старая Русса (Stara Russa) (т. е., Старый Русскій), отъ которой, какъ нѣкоторые полагаютъ, Русскіе получили свое имя.

Я говорю, что это важнѣйшіе города въ Россіи, но, кромѣ ихъ, въ ней есть еще много малыхъ городовъ, городковъ и безчисленное множество селеній.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, и даже во многихъ, есть крѣпости (Schlösser, кремли), но большею частію, какъ и самые города, построенные изъ положенныхъ одно на другое накрестъ бревенъ и балокъ, такъ что они представляютъ плохую защиту противъ поджигателей.

Кромѣ того, у Казанскихъ, Астраханскихъ и у другихъ, подвластныхъ Великому Князю, Татаръ, тамъ и сямъ находятся довольно красивые города; но такъ какъ они собственно не принадлежатъ Россіи, то мы опишемъ ихъ въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о путешествіи черезъ этѣ города.

Что касается до Москвы (Musscow), стольнаго и главнаго города во всемъ Великомъ Княжествѣ, то она весьма заслуживаетъ того, чтобы подробнѣе поговорить сдѣсь о ней.

Имя свое получила она отъ рѣки Москвы (Mussca), которая течетъ черезъ городъ въ южной его части и обтекаетъ красную стѣну. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что высота полюса надъ небосклономъ Москвы, какъ онъ слышалъ отъ другихъ, равняется 58°; онъ же, съ своей астролябіей, 9 Іюня, въ полдень, нашелъ высоту солнца въ 58°. Полагая по Новому Календарю, когда солнце находится въ 18° зодіяка и имѣетъ, слѣдовательно, 23° склоненія, то если отнять это послѣднее число градусовъ отъ высоты солнца, получится высота равноденственника въ 35°. Отнявъ это число отъ всего квадранта 90°, останется 55°, а не 50, какъ выходитъ по исчисленію изъ принятой имъ, Герберштейномъ, высоты. Если исчислять по Старому Календарю, то и такое исчисленіе также не будетъ согласно съ мнѣніемъ Герберштейна. Самъ я не однократными наблюденіями нашелъ высоту полюса въ 55° 36′ широты. Въ первомъ изданіи по ошибкѣ типографщика напечатано 56°. Долгота же равняется 66°, сколько могъ я дознать по времени луны въ полуденной линіи. [2]

Городъ лежитъ въ срединѣ, какъ бы въ сердцѣ страны, и Москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ во всѣ стороны на 120 миль, но мили этѣ, впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Величина его въ окружности считается до 3 Нѣмецкихъ миль, но въ прежнія времена онъ былъ, должно быть, вдвое больше. Матѳій изъ Мѣхова (Matthias a Michovia) пишетъ, что въ его время Москва была вдвое больше, чѣмъ Флоренція въ Тосканѣ, или Прага въ Чехіи. Но въ 1571 году, во время великаго нашествія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и въ другой разъ, въ 1611 году, Поляками она была совершенно выжжена до самаго Кремля, какъ повѣствуетъ объ этомъ Гельмольдъ (Helmoldus) въ своей Славянской хроникѣ (Chronica Slavonica), [3] Хитрей, подъ тѣмъ же годомъ [4] въ своей Саксоніи (Saxonia) Мет-

---

[2] По нынѣшнему исчисленію 55°, 45 С. ш. и 55°, 14 В. д. О. Б.

[3] Но Гельмольдъ довелъ свое «Chronicon Slavorum et Venedorum» только по 1168 годъ, Арнольдъ продолжилъ его по 1209, а неизвѣстный Бременскій Пресвитеръ по 1448. О. Б.

[4] Chronicon Saxoniae О. Б.

теранъ (Metteranus (подъ 1572 годомъ) и Петрей (Petraeus), въ своей Московской Хроникѣ, на стр. 40, и какъ сами Русскіе разсказываютъ объ этомъ. Собственно окружность города, какъ онъ лежитъ и какъ обведенъ въ настоящее время валами и укрѣпленіями, читатель можетъ видѣть изъ прилагаемаго при семъ плана. [5] Но говорятъ, что и теперь еще можно насчитать тамъ до 40,000 погорѣлыхъ жилыхъ прежде мѣстъ.

Жилые городскіе дома (за исключеніемъ принадлежащихъ большимъ Боярамъ и богатѣйшимъ изъ купцовъ и Нѣмцевъ, которые на дворахъ своихъ имѣютъ каменныя палаты) мнѣ построены изъ дерева, изъ положенныхъ другъ на друга (на концахъ крестообразно) сосновыхъ и еловыхъ балокъ, какъ можно видѣть это на нѣкоторыхъ рисункахъ, особенно на стр. 25 и 40. [6] Крыши на домахъ дѣлаются изъ тесу, поверхъ котораго настилается березовая кора (береста), а иногда и дернъ, отъ чего бываютъ частые большіе пожары, такъ что не проходитъ не только мѣсяца, но даже недѣли, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, а иногда, при сильномъ вѣтрѣ, и цѣлыхъ улицъ. Во время нашего пребыванія нѣсколько разъ случалось такъ, что почью мы видѣли огонь въ 3-хъ, или 4-хъ, мѣстахъ въ одно и то же время время. Не за долго до пріѣзда нашего въ Москву въ ней выгорѣла цѣлая треть города, и то же самое повторилось тамъ и 4 года тому назадъ.

При подобныхъ несчастіяхъ наряжаются стрѣльцы и особая стража, которые должны дѣйствовать противъ огня; но огонь тамъ никогда не тушатъ водою, а прекращаютъ распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящія строенія, для того, чтобы огонь, потерявъ свою силу, потухъ самъ собою. Для этой-то цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Въ каменныхъ палатахъ и подвалахъ (сводахъ), для предохраненія отъ сосѣдняго пожара, дѣлаются маленькія оконца, ко-

---

[5] При подлинникѣ. О. Б.

[6] Подлинника. О. Б.

торыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ листоваго желѣза. Но погорѣльцы, потерявшіе дома свои отъ пожара, скоро поселяются въ новыхъ домахъ: въ Москвѣ, за Бѣлой стѣной, есть особый рынокъ разныхъ построекъ, и тамъ стоитъ множество совсѣмъ сложенныхъ и разобранныхъ домовъ, которые покупаются, перевозятся съ небольшими издержками на мѣсто и быстро устанавливаются.

Улицы въ Москвѣ довольно широки, но осенью и вообще въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; по этому лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положеныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ, какъ по мосту.

Весь городъ Москвичи раздѣляютъ на 4 главныя части (округа): первый изъ нихъ называется Китай городъ, т. е., средній городъ, по тому что онъ занимаетъ самое середнее мѣсто города, обозначенное по рисункѣ буквою B; онъ обведенъ толстою красною каменною (изъ краснаго кирпича?) стѣною, которая и называется «Красная стѣна «(Crasna stenna). Съ южной стороны, какъ выше сказано, онъ замыкается рѣкою Москвою (Musska), а съ сѣверной рѣкой Неглинной (Neglina), которая позади Кремля соединяется съ рѣкою Москвою. Почти половину этой части города занимаетъ Великокняжескій замокъ Кремль (Schloss Krämelin), который величиною съ порядочный городъ, обведенъ тройной толстой каменной стѣною и глубокимъ рвомъ и достаточно снабженъ отличнымъ оружіемъ и воинами. Внутри стѣнъ находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ (дворцовъ) и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ Великимъ Княземъ, Патріархомъ, важнѣйшими Государственными Совѣтниками и Боярами. Хотя прежній Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, бывшій еще въ живыхъ тогда, когда мы были въ Москвѣ, и выстроилъ хорошія каменныя палаты, а для сына своего, теперешняго Великаго Князя, великолѣпнѣйшій дворецъ и палаты въ Итальянскомъ родѣ, но самъ, какъ говорили намъ, ради здоровья, жилъ въ деревянномъ дворцѣ. Нынѣшній Патріархъ также выстроилъ, для помѣщенія своего, великолѣпнѣйшій дворецъ, который развѣ не много чѣмъ будетъ похуже Великокняжескаго.

Кромѣ двухъ монастырей, мужескаго и женскаго, насчитывается въ немъ до 50 каменныхъ церквей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія и самыя большія: Св. Троицы, Св. Маріи (Успенія), Св. Михаила (въ немъ погребаются Великіе Князья) и Св. Николая. Въ одной изъ этѣхъ церквей, находящейся на лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на представленіе), есть огромной величины двери, о двухъ створахъ, всѣ обитыя толстымъ листовымъ серебромъ.

Всѣ этѣ, равно какъ и всѣ другія каменныя церкви по всей странѣ, имѣютъ по 5 бѣлыхъ башенъ (главъ), на вершинахъ которыхъ водружены тройные кресты; словомъ, церкви этѣ формою и видомъ такія, какая изображена на прилагаемомъ рисункѣ, гдѣ можно видѣть вѣрный снимокъ съ церкви, находящейся въ Бѣлой стѣнѣ. Но въ Кремлѣ церковныя главы покрыты гладкою крѣпко золоченою жестью, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу снаружи великолѣпный видъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, когда въѣзжали въ городъ, говорили: «Снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же онъ Виѳлеемъ.»

На самой срединѣ площади въ Кремлѣ стоитъ чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иванъ Великій (Gross Hans), глава которой обита упомянутой сейчасъ золоченой жестью, а на самой колокольнѣ множество колоколовъ. Рядомъ съ этой стоитъ другая колокольня, на которой вылитъ самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, при Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ (Boris Gudenow). Въ этотъ колоколъ звонятъ только во время большихъ торжествъ или въ праздники (Brasnick), какъ называютъ ихъ Русскіе, а также при встрѣчѣ Великихъ Пословъ и при шествіи ихъ на торжественное представленіе; для звона употребляются 24 человѣка, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двухъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни, звонятъ такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ то съ одной, то съ другой стороны.

Но при этомъ нужно звонить осторожно, чтобы избѣгнуть сильнаго сотрясенія колокольни и возможной опасности отъ ея

паденія; для этого на верху у самаго колокола тоже стоятъ нѣсколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола.

Въ этомъ же Кремлѣ находятся Великияжескія казнохранилища, продовольственые и пороховые дома.

Внѣ Кремля, въ части Китай городъ, съ правой стороны большихъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ искусно построенная церковь Св. Троицы (S. Trois), строитель которой, по окончаніи ея, былъ ослѣпленъ, по приказанію тирана, съ тою цѣлію, чтобы онъ уже не могъ сдѣлать другой подобной. Церковь эту я старательно срисовалъ и снимокъ ея находится выше на 45 страницѣ. [7]

Не далеко отъ этой церкви находится упомянутая мною на 60 стран. площадь, на которой прямо на землѣ лежатъ несдвигаемо два огромныхъ металлическихъ куска, по направленію къ большой улицѣ, черезъ которую Татары обыкновенно дѣлали свои вторженія. Передъ Кремлемъ находится самой большой и лучшій рынокъ во всемъ городѣ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающагося народу; не далеко отъ площади, тамъ, гдѣ на помянутомъ рисункѣ изображены Великій Князь и Патріархъ, торговки имѣютъ свои лавочки съ полотняпымъ товаромъ; нѣкоторыя изъ торговокъ, стоя, торгуютъ мелкими вещами, держатъ во рту перстни, обыкновенно съ бирюзою, продаютъ ихъ, при чемъ, какъ сообщали мнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ торгуютъ еще и кое-чѣмъ другимъ.

На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены извѣстныя мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ и промышленыхъ издѣлій, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковыхъ, суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, скорняки (Bundmacher oder Körszner), шапочники и другіе, каждый имѣютъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Такой порядокъ очень удобенъ, по тому что каждый

---

[7] Подлинника. Это Покровскій Соборъ или Василій Блаженный. О. Б.

знаетъ, куда ему итти и гдѣ онъ можетъ купить то, или другое. Не далеко же отъ Кремля, въ улицѣ, идущей на право, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно продаются писанные образа ихъ древнихъ Святыхъ. Русскіе, впрочемъ, куплю иконъ не называютъ куплею, а говорятъ, что они вымѣниваютъ ихъ на деньги. и при этомъ большого запроса не бываетъ.

Далѣе на право, когда пойдешь отъ Посольскаго двора въ Кремль, есть особая площадка, на которой Русскіе во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый у нихъ Вшивый (Lausemarckt), до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ.

Въ этой части живутъ также лучшіе и знатнѣйшіе гости или купцы, а равно и нѣкоторые изъ Московскихъ Князей.

Другой округъ города, называемый Царьгородъ (Zaar gorod), лежитъ въ формѣ полумѣсяца, окруженъ также крѣпкой каменной стѣной, которую Русскіе называютъ Бѣлая стѣна (Biela stenna), и посреди его течетъ рѣка Неглинная. Сдѣсь живутъ многіе Бояре и Московскіе Князья, Боярскія Дѣти (Sin bojaren), или Благородные люди (Edelleute), важнѣйшіе граждане и купцы, которые ведутъ торговлю въ разныхъ мѣстахъ по всей странѣ; кромѣ того, сдѣсь живутъ всякого рода промышленники, преимущественно же хлѣбники. Тутъ же находятся сѣмянныя и мучныя лавки, мясныя, скотный рынокъ, кабаки съ продажею пива, меда и водки. Въ этомъ округѣ находится и конюшня Его Царскаго Величества, а равно и Монетный или Литейный дворъ стоящій на мѣстѣ, называемомъ Поганый Прудъ (Poggana brut), при рѣчкѣ Неглинной, на которомъ выливается множество пушекъ и большіе колокола. До этого времени Русскіе имѣли у себя одного искуснаго мастера, по имени Ганса Фалькена (Hans Falcken) изъ Нюренберга, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ только наглядкою выучились отливать довольно изрядно. Гансъ Фалькенъ особымъ пріемомъ отливалъ такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26 фунтовыми ядрами, количествомъ пороху въ 25 фун.; этѣмъ мастерствомъ онъ до того прославился

въ Голландіи, что о немъ печатали тамъ въ Меттерановой Типографіи (или изданіи?).

Третья часть города Москвы называется Скородомъ (Skorodom), самая крайняя, простирающаяся на сѣверъ, востокъ и западъ около Царьгорода; она имѣла нѣкогда, до сожженія города Татарами, какъ говорятъ, до 25 верстъ или 5 Нѣмецкихъ миль въ окружности. Рѣка Яуза (Jagusa) протекаетъ эту часть города и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находится дровяной и, упомянутый выше, домовой рынокъ, на которомъ можно купить домъ и въ два дня выстроить его совершенно готовымъ на другомъ мѣстѣ города, по тому что продающіяся бревна всѣ заготовлены, пригнаны другъ къ другу, и ихъ стоитъ только сложить на новомъ мѣстѣ и проконопатить мохомъ.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкая Слобода (Strelitza Slawoda): она лежитъ въ южной части, за Москвой рѣкой, въ сторону къ Татарской землѣ, окружена заборами на подобіе частокола или изгороди изъ кольевъ, и деревянными больверками. Часть эта построена отцемъ тирана, Василіемъ, для иноземныхъ волновъ: Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, и названа Налейки (Naleiki), именно по причинѣ господствующаго тамъ пьянства; ибо слово «Налей!» (Nali) значитъ у Русскихъ: поднеси! Это особое помѣщеніе для иноземныхъ войскъ устроено по тому, что иноземцы преданы пьянству еще болѣе Москвитянъ, и такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы искоренить въ нихъ привычку, такъ давно ими усвоенную и сдѣлавшуюся даже ихъ врожденнымъ порокомъ, то имъ и предоставили полную свободу пить; а чтобы Русскіе не могли заразиться дурнымъ примѣромъ (хотя, впрочемъ, и они очень наклонны къ обжорству и пьянству, и у нихъ только нѣсколько дней въ году, именно, въ самые большіе праздники, пьянство строго воспрещается), то положено, чтобы горькіе пьяницы жили уже одни, за рѣкою: такъ объясняется это у Герберштейна, на 46 стр. in «Commentario rerum Moscovitarum,» и у Гваньина (Gwagnino). Теперь же въ этомъ округѣ живутъ стрѣльцы или солдаты, состоящіе на службѣ у Его Царскаго Величества, и другой черный (простой) народъ.

Внутри и внѣ стѣнъ города Москвы находится множество церквей, часовенъ и монастырей. Въ 1-мъ изданіи я опредѣлилъ число ихъ до 1500, что показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ Іоанну Людвигу Готфриду въ его «Archontologia Cosmica», стр. 467; но я показалъ тогда еще мало, какъ дознался я это потомъ изъ дальнѣйшихъ вѣрныхъ извѣстій, частію отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже прожившихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ Москвитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ, въ Голштиніи, нѣсколько времени при поимкѣ плѣнника ихъ, ложнаго Шуйскаго (Falschen Zuski), и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Этѣ-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ.

Почти черезъ каждые пять домовъ тамъ стоитъ часовня (Capelle). Теперь же каждый большой Бояринъ строитъ себѣ свою часовню, содержитъ на свой счетъ собственнаго своего Священника, и одинъ съ домочадцами своими слушаетъ у себя Божественную службу. По приказанію теперешняго Патріярха, въ слѣдствіе часто случающихся пожаровъ, большая часть часовенъ деревянныхъ сломаны, и на мѣсто ихъ повыстроены каменныя; но онѣ небольшія и нѣкоторыя внутри не выше 15 футовъ. Сказаннаго сдѣсь о городѣ Москвѣ пока будетъ довольно.

Такъ какъ Архангельскъ (Archangel) также важный торговый городъ, и о немъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще писано не было, то сдѣсь я хочу сказать и о немъ нѣсколько словъ.

На картѣ и въ атласѣ городъ этотъ называется Св. Михаиломъ Архангеломъ, Русскіе же называютъ его просто Архангельскъ; лежитъ онъ высоко на сѣверѣ, въ Двинской области, при рѣкѣ того же имени, Двинѣ, и въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется и, обтекая своими рукавами островъ Пудожемскъ (Podesemski), впадаетъ въ Бѣлое море

Городъ и входъ въ него еще не стары и прежде корабли входили въ лѣвый рукавъ Двины, у монастыря Св. Николая, отъ котораго и самое мѣсто это называлось пристанью Св. Николая,

какъ это можно видѣть у Петрея на стр. 65. Но такъ какъ отъ наносимаго постоянно песку устье лѣваго рукава обмелѣло, а въ правомъ оно было глубже, то стали плавать больше по правому рукаву, и при немъ-то построили и самый городъ.

Городъ самъ хотя и не великъ, но весьма замѣчателенъ множествомъ живущихъ въ немъ купцовъ и морскою торговлею. Сюда пріѣзжаютъ Голландскіе, Англійскіе и Гамбурскіе корабли со всевозможными товарами. Къ тому времени съѣзжаются туда и купцы изъ внутренней стороны, особенно Нѣмцы изъ Москвы, и зимою на саняхъ, съ своими товарами, снова возвращаются домой.

Теперешній Великій Князь, наложилъ на товары, привозимые въ этотъ городъ, большую пошлину, которую собираетъ Воевода, живущій тамъ въ замкѣ или кремлѣ.

Такъ какъ пошлина эта довольно тягостна для купцовъ и напротивъ, пошлина, взимаемая Его Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, съ товаровъ, идущихъ чрезъ Ливонію въ Нарву, простирается только до 2 процентовъ со ста, то полагаютъ, что Архангельская торговля упадетъ и обратится къ Балтійскому морю чрезъ Ливонію, тѣмъ болѣе, что сдѣсь и путь безопаснѣе вездѣ, чѣмъ въ Архангельскѣ.

Не далеко отъ Архангельска, на Бѣломъ морѣ, въ одномъ заливѣ или углѣ, лежатъ, не вдалекѣ другъ отъ друга, три острова, изъ которыхъ найбольшій называетя Соловка (Solofka), другой Анзеръ (Anger), и третій Косова (Cosowa). [8] На Соловецкомъ островѣ есть монастырь, въ которомъ погребенъ одинъ изъ Русскихъ Святыхъ. Этого Святаго Великій Князь, по просьбѣ Патріарха, годъ тому назадъ велѣлъ вырыть и перевезти въ Москву,

---

[8] Извѣстно, что Соловки состоятъ изъ 6 острововъ: собственно Соловка, Анзеръ (или Колгуй), два Муксальмы (Сиговы) и два Заячьи. А какъ зайца народъ въ шутку зоветъ еще Косой, то, вѣроятно, отсюда и у Олеарія названіе 3-го острова Cosova, т. е., островъ Косова (косого), подслушанное имъ въ народѣ. О. Б.

о чемъ тогда было много толковъ въ народѣ. [9] Нѣкоторые разсказываютъ, что прежніе Великіе Князья поперевозили на этотъ островъ высокій, скалистый и весьма недоступный, богатѣйшія сокровища.

На расположеніе этого мѣста и на въѣздъ съ моря я получилъ планъ или чертежъ, отъ одного добраго моего друга, который, совершивъ туда нѣсколько поѣздокъ, отлично знаетъ всю тамошнюю сторону. Чертежъ этотъ я предлагаю сдѣсь моему благосклонному читателю, любителю топографіи. [10]

ГЛАВА II.

О свойствѣ воздуха, грозы (бури), о качествѣ почвы, о растеніяхъ и садахъ страны.

Воздухъ, климатъ и качество земли въ Великомъ Княжествѣ, по множеству различныхъ облытей, лежащихъ не далеко другъ

---

[9] Рѣчь идетъ о Митрополитѣ Филиппѣ (изъ роду Бояръ Колычевыхъ), бывшемъ сперва Игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ (съ 1548), а въ 1566 г. Митрополитомъ Московскимъ, сосланномъ за увѣщанія Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Тверской Отрочъ монастырь, гдѣ и былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ, по приказанію Царя, 9-го Генваря (по однимъ въ 1569, по другимъ 1570, и по третьимъ 1572 году); въ 1584 же году онъ былъ, по просьбѣ Соловецкихъ иноковъ, перенесенъ Игуменомъ Іяковомъ въ ихъ обитель, а изъ нея, въ 1652 году, Іюля 3 дня, по желанію Митрополита Никона, въ Москву и поставленъ въ соборной Успенской церкви; впрочемъ, часть его мощей оставлена въ прежней ракѣ, въ Соловкахъ. А какъ Олеаріи говоритъ, что это произошло за годъ передъ симъ, т. е., когда онъ писалъ, то изъ сего открывается, что замѣчаніе это сдѣлано было имъ въ 1653 году. Мощи Святителя Филиппа, по перенесеніи изъ Отроча монастыря въ Соловецкій, дѣйствительно сперва были преданы землѣ при церкви Зосимы и Савватія, подъ папертью, откуда, въ 1646 году, Игуменъ Илія изъялъ ихъ изъ земли, перенесъ въ соборную церковь Преображенія Господня и поставилъ въ ракѣ противъ праваго крылоса, въ углу, Мая 30 дня. О. Б.

[10] Т. е., при подлинникѣ. О. Б.

отъ друга и въ различныхъ климатахъ, не одинаковы. Что касается до самаго Московскаго Княжества и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей, то вообще тамъ свѣжій, здоровый воздухъ и, какъ пишутъ и говорятъ сами Русскіе, тамъ рѣдко слышатъ о какихъ ни будь заразительныхъ болѣзняхъ, или большой смертности, а также и люди тамъ доживаютъ вообще до глубокой старости. По этому въ высшей степени удивительно, что въ 1654 году, во время войны за Смоленскъ, въ Москвѣ открылись, и теперь еще продолжаются, такой заразительный воздухъ и такая сильная язва или моръ, что люди, выходящіе, по ихъ мнѣнію, изъ дому совершенно здоровые, падаютъ на улицахъ и умираютъ. Это было причиной, что въ Москву запрещенъ былъ въѣздъ и выѣздъ изъ нея.

Зимою вообще по всей Россіи такая сильная стужа, что едва можно укрыться отъ нея, и тамъ не рѣдко отмораживаютъ себѣ носъ, уши, руки и ноги. Въ бытность нашу въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1634 году, была такая суровая зима, что на рынкѣ передъ Кремлемъ отъ морозу образовалась въ землѣ трещина, длиною въ 20 саженъ и шириною въ четверть локтя; никто изъ насъ не могъ пройти по улицѣ съ открытымъ лицомъ и 50 шаговъ безъ того, чтобы ему не показалось, что онъ отморозилъ себѣ носъ и уши. Я нашелъ также справедливымъ, какъ нѣкоторые писали, и то, что капля воды, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на землю.

Хотя зимою тамъ такой сильный холодъ, тѣмъ не менѣе весною трава и листья быстро зеленѣютъ и вообще во время произрастенія и созрѣванія растительность тамъ не уступаетъ нашей Германіи. Такъ какъ снѣгъ тамъ всегда выпадаетъ въ обилін и глубокій, то вся земля и кустарникъ покрываются какъ бы одною одеждою, которая и защищаетъ ихъ отъ сильныхъ морозовъ.

По причинѣ такихъ сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣгу по всей Россіи и Ливоніи, тамъ весьма удобно ѣздить на Русскихъ саняхъ, которыя низки и дѣлаются изъ лубка или листовой коры. Нѣкоторые изъ насъ такія сани обивали войлокомъ, клали за тѣмъ въ нихъ овечьи длинные тулупы, которые вообще тамъ довольно дешевы, а посверхъ саней покрывались опять вой-

локомъ, или шерстянымъ одѣяломъ, и, устроившись такъ, мы въ самые большіе морозы ѣхали, везомые крестьянами, въ совершенномъ теплѣ, даже потѣли и преспокойно спали на дорогѣ.

Къ такой скорой ѣздѣ удобны также и Русскіе лошади, которыя хотя и малорослы, но бѣгутъ быстро и привыкли дѣлать въ одну упряжку по 8, 10, а иногда и по 12 миль, какъ ѣздилъ я самъ на нихъ два раза по дорогѣ отъ Твери до Торжка. Впрочемъ, дорога въ этомъ мѣстѣ, также какъ почти и во всей Россіи, не представляетъ ни особенныхъ горъ, ни долинъ между ними.

По всему этому тамъ можно весьма скоро дѣлать далекія поѣздки и съ самыми небольшими издержками. Такъ, за 2, за 3, или самое большое за 4 рейхсталера крестьянинъ везетъ цѣлыя 50 Нѣмецкихъ миль, какъ это однажды случилось со мною, когда за такую плату провезли меня изъ Ревеля въ Ригу, разстояніемъ 50 Нѣмецкихъ миль.

Какъ сильны морозы зимою, такъ, напротивъ, велики бываваютъ жары лѣтомъ, которые весьма тятостны для путешественниковъ, не только палящими лучами солнца во время дня, но и множествомъ комаровъ, порождаемыхъ солнечною теплотою изъ болотъ, лежащихъ почти по всей Россіи, отъ которыхъ нельзя ни на мгновенье оставаться въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. По этому ночью ложатся спать либо по близости къ разложенному огню, либо же подъ сѣткою отъ комаровъ, какъ сказано было уже объ этомъ выше.

Хотя обширная страна Русская тамъ и сямъ покрыта кустарникомъ, обильна лѣсомъ, большею частію еловымъ, березовымъ и орѣшникомъ, хотя она довольно пустынна и болотиста, тѣтъ не менѣе, по причинѣ добраго качества почвы, земля въ ней, при небольшой обработкѣ, чрезвычайно плодородна (за исключеніемъ немногихъ миль около города Москвы, гдѣ почва песчаная), и родитъ рожь и пшеницу въ громадномъ изобиліи. Сами Голландцы признаютъ это и разсказываютъ, что во время бывшей у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дороговизны хлѣба, Россія помогла имъ самымъ лучшимъ образомъ. Рѣдко

услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, гдѣ нѣтъ ни какого сбыту хлѣба, земля не обработывается вовсе, хотя бы и была удобна къ тому, и лишняго запаса хлѣба не дѣлаютъ, довольствуясь тѣмъ, что нужно на годовой запасъ; ибо каждый знаетъ, что всякій годъ соберетъ свою богатую жатву. Отъ этого бездна прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ воздѣлыванія, какъ это видѣлъ я самъ, когда мы проѣзжали нѣкоторыя мѣстности черноземной, жирной почвы, поросшей такою высокою травой, которая достигала по самое брюхо лошадей, и траву эту, такъ какъ она тамъ въ изобиліи, никто не собираетъ и не употребляетъ для корма скота.

Удивительно, какъ разсказывали намъ въ Нарвѣ, что тамъ, на Русской сторонѣ, тотчасъ за рѣкой, земля гораздо доброкачественнѣй и все тамъ растетъ скорѣе и лучше, чѣмъ по эту сторону рѣки Нарвы, въ Алентакенѣ, хотя между обѣими почвами протекаетъ только рѣка. Въ этомъ мѣстѣ, въ Ижоріи, также какъ въ Карелiи, Россіи и Ливоніи на сѣверъ, земледѣлецъ сѣетъ сѣмя въ землю за 3 недѣли до Иванова дня, которое за тѣмъ, въ слѣдствіе постоянно увеличивающагося жара отъ солнца, едва касающагося небосклона при закатѣ, видимо произрастаетъ и созрѣваетъ такъ что въ продолженіи 7, много 8, недѣль сѣмя сѣется и сжинается (собирается). Если бъ крестьяне захотѣли засѣвать ранѣе, то, по промерзлости еще земли и холоднымъ вѣтрамъ, сѣмя не дало бы ни какого росту и урожая.

Русскіе въ уборкѣ хлѣба имѣютъ передъ Ливонцами то преимущество, что послѣ жатвы и молотьбы они обыкновенно сухое зерно прямо ссыпаютъ въ сараи, или кучи; Ливонцы же, напротивъ, должны жатву свою сушить жаромъ огня. Для этого въ каждомъ помѣстьи строются особые сараи, или дома, называемые у нихъ ригами; въ нихъ-то на балкахъ раскладывается хлѣбъ еще въ соломѣ и просушивается такимъ образомъ теплотою, или жаромъ отъ огня, разложеннаго въ печи, устроенной на подобіе пекарни, и часто случается, что такія риги и съ находящимся въ нихъ хлѣбомъ сгараютъ до тла. Но хлѣбъ, нѣсколько долго пролежавшій на такихъ балкахъ и чрезъ мѣру вы-

сохшій, уже не даетъ такихъ хорошихъ сѣмянъ для посѣва, какъ тотъ, который высохъ самъ собою.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно въ Москвѣ, есть также и превосходныя садовыя произрастенія, яблони, груши, вишни, сливы и смородина. Въ этомъ отношеніи мы находимъ совсѣмъ не то, что писали о Россіи Герберштейнъ, Гваньино и другіе, которые говорятъ, что въ ней, именно по причинѣ большихъ холодовъ, нельзя будто бы найти ни какого плода, ни вкуснаго яблока. Между прочими хорошими родами яблоковъ, въ Россіи есть еще одинъ такой нѣжный и бѣлый, что если такое яблоко держать на свѣтъ противъ солнца, то внутри его можно видѣть зерна. Но хотя на видъ и вкусъ яблоко это очень хорошо, за то, отъ чрезвычайной сочности и нѣжности, оно не можетъ сохраниться такъ долго, какъ яблоки въ Германіи.

Есть тамъ и разнаго рода овощи, въ особенности спаржа, толщиною въ большой палецъ, какую я самъ ѣлъ въ Москвѣ у одного Голландскаго купца, добраго моего пріятеля; также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ огромномъ количествѣ. Лактука и другого салата Русскіе никогда не разводятъ, и тѣмъ болѣе не ѣдятъ, но еще смѣются надъ Нѣмцами, когда видятъ, что они ѣдятъ салатъ, говоря, что они ѣдятъ траву; въ настоящее время, впрочемъ, нѣкоторые изъ Русскихъ также начинаютъ ѣсть и салатъ. Дыни вездѣ сажаютъ въ большомъ количествѣ и разведеніемъ ихъ многіе занимаются для торговли и для доставленія пищи. Тамошнія дыни не только растутъ въ большомъ количествѣ, но и громадныхъ размѣровъ, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахару. Такую дыню, вѣсомъ въ пудъ, т. е., въ 40 фун., подарилъ мнѣ на дорогу одинъ мой хорошій пріятель въ 1643 году, когда я уѣзжалъ изъ Москвы.

Русскіе владѣютъ особеннымъ умѣньемъ и искуствомъ разводить и выращивать дыни, о чемъ довольно вѣрно говорится отчасти у Герберштейна на стр. 45-й. Они мочатъ сперва сѣмена въ сладкомъ молокѣ, а нѣкоторые въ настоѣ дождевой воды, размѣшивая въ ней старый овечій пометъ, за тѣмъ берутъ конскій по-

метъ, перемѣшиваютъ его хорошенько съ соломой, настилаютъ этотъ слой навоза въ землѣ, вырытой локтя на два глубиною, и все это прикрываютъ хорошей землей, въ которой проводятъ ровныя борозды въ полъ локтя шириною. Въ этѣ-то борозды кладутъ сѣмена, которыя такимъ образомъ получаютъ теплоту съ низу отъ навоза, а съ прочихъ сторонъ отъ солнечнаго жара; на ночь, для защиты отъ инея и мороза, грядки покрываютъ рамками, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, употребляется слюда; такъ оставляютъ посадку сѣменъ часто на нѣсколько дней. Потомъ обрѣзываютъ ростки, пошедшіе въ сторону (боковые ростки), и въ извѣстное время кончики усиковъ. Такимъ образомъ Русскіе помогаютъ росту дынь своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ.

Разсказывали намъ также, что тамъ, за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, ростетъ рѣдкій видъ дыни, или скорѣе тыквы, которая величиной и родомъ похожа на обыкновенныя дыни, наружностью же походитъ какъ бы на ягненка, имѣя весьма ясно очертанные члены его, и Русскіе по этому называютъ ее баранецъ (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, какъ обыкновенно, тотчасъ у пупочка, но самая дыня, которая во время росту перемѣняетъ мѣсто на такое разстояніе, какъ только дозволяетъ это стебель, куда ни обратится, вездѣ высушиваетъ траву, и Русскіе говорятъ, что эта дыня пожираетъ траву. Когда плодъ созрѣетъ, то стебель засыхаетъ, самый же плодъ покрывается курчавой шерстью, какъ у ягненка, и шерсть эту, какъ разсказываютъ, можно выдѣлывать и приготовлять къ употребленію противъ холода. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько кусочковъ этой шерсти, вырванныхъ изъ одѣяла, и выдавали намъ за шерсть дыни баранецъ; шерсть эта была нѣжна и курчава, какъ шкурка ягненка, вырѣзаннаго изъ брюха матки (мерлушка), или недавно рожденнаго. Скалигеръ, въ своемъ «Exerc.» 181, также упоминаетъ объ этомъ плодѣ, что будто онъ бываетъ въ полномъ ростѣ во все время, пока вокругъ него есть трава и зелень, какъ и ягненокъ на полномъ лугу, при недостаткѣ же травы онъ портится и пропадаетъ. Русскіе же говорятъ, что въ такомъ случаѣ плодъ этотъ скоро созрѣетъ. Должно быть справедливо и то, что Скалигеръ пишетъ далѣе, яко бы одни только волки, и ни какой другой звѣрь, охотники до этого плода, и даже на немъ ловятся.

Хорошей зелени и цвѣточныхъ растеній въ прежніе годы въ Россіи было не много. Но прежній Великій Князь, предмѣстникъ настоящаго, вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Москву, приказалъ устроить свой садъ и украсить его всевозможными дорогими растеніями и цвѣтами. До этого времени не знали также тамъ о хорошей, полной розѣ, довольствуясь и украшая сады свои просто дикою розою или шиповникомъ. Назадъ тому только нѣсколько лѣтъ, одинъ знатный купецъ, Петръ Марцелій привезъ въ Москву первыя полныя садовыя розы изъ Готторфскаго сада моего Милостивѣйшаго Князя и Государя, и розы этѣ принялись тамъ какъ нельзя лучше.

Ни Грецкаго орѣха, ни винограда въ Москвѣ нѣтъ, но вино разнаго рода и въ большомъ количествѣ привозится туда черезъ Архангельскъ на Голландскихъ и другихъ корабляхъ; въ послѣднее же время оно доставляется и изъ Астрахани, гдѣ теперь даже и выдѣлывается вино, какъ будетъ сказано объ этомъ ниже.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что недостатокъ въ Россіи нѣкоторыхъ плодовъ и растеній должно приписывать не свойству почвы и воздуха, но нерадѣнію, или невѣдѣнію, ея обитателей.

Въ произведеніяхъ земли, составляющихъ необходимыя потребности жизни, вообще въ Россіи нѣтъ недостатка. Пенька и ленъ воздѣлываются тамъ въ огромномъ количествѣ, по чему и полотно въ Россіи чрезвычайно дешево.

Медъ и воскъ, находимые вездѣ въ лѣсахъ, тамъ въ такомъ изобиліи, что Русскіе, кромѣ того, что потребляютъ сами первый на варку напитка медоваго, а второй на восковыя свѣчи, для домашняго обиходу и при Богослуженіяхъ (послѣднее употребленіе весьма значительно), но излишекъ огромными частями продаютъ въ другія земли. Товаръ этотъ главнымъ образомъ идетъ чрезъ Псковъ.

Вся Россія, равно какъ и Ливонія, повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выжженныхъ подъ хлѣбныя поля, по-

крыта кустарникомъ и лѣсами; отъ того тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей Пернатая дичь, водящаяся тамъ въ громадномъ числѣ, не считается за рѣдкость и не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, разныхъ рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей, лебедей тоже, а мелкихъ птицъ, какъ дроздовъ, жаворонковъ, рябчиковъ и проч., хоть ихъ и бездна, считаютъ не стоящими того, чтобы ловить ихъ и употреблять въ пищу. Аистовъ же нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Ливоніи.

Лѣса богаты всякаго рода дикихъ звѣрей, за исключеніемъ оленей, которыхъ тамъ или вовсе нѣтъ, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, встрѣчаютъ весьма рѣдко. Лось, дикая свинья и заяцъ вездѣ во множествѣ. Зайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ Ливоніи вездѣ, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые, какъ снѣгъ.

Замѣчательно, что въ Куроніи, граничащей съ Ливоніей и отдѣляющейся отъ нея только р. Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрые. По этому, если иногда, когда Двина уже замерзнетъ, поймаютъ въ Ливоніи такого зайца, то его называютъ Куронскимъ перебѣжчикомъ.

Причина такой перемѣны цвѣта заключается въ темпераментѣ (въ сложеніи), такъ какъ цвѣтъ волосъ слѣдуетъ цвѣту темперамента животнаго, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus): «Capilli imitantur humoris colorem, unde alimenta trahunt.» Этѣ звѣри въ Россіи, въ слѣдствіе болотистой, сырой почвы, имѣютъ болѣе флегматическую, сырую и холодную природу, чѣмъ наши; по этому, когда настаетъ наружный холодъ, какъ зимою, когда «hiems habet vim et naturam phlegmatis,» какъ говоритъ Авицена въ «Cantitis,» то они бѣлѣютъ; ибо бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода («albus capillus innuit frigidam complexionem,» замѣчаетъ Аверроесъ (Averroes) о помянутомъ сей часъ мѣстѣ Авицены), точно такъ, какъ черный отъ жара. Когда же лѣтомъ настаетъ опять теплый и сухой воздухъ, какъ это бываетъ тамъ обыкновенно, тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и ихъ темпераментъ (сложеніе) и цвѣтъ. Припомню сдѣсь то, что я слышалъ отъ покойнаго моего тестя, въ Ливоніи:

лѣтомъ, къ свадьбѣ одного изъ своихъ сыновей, онъ велѣлъ наловить зайцевъ, посадить ихъ въ погребъ, и тамъ кормить (это было въ его имѣніи, Кундѣ, между Ревелемъ и Нарвою); чрезъ нѣсколько недѣль зайцы этѣ измѣнили свою сѣрую шерсть на бѣлую, какъ бы въ зимнее время; изъ этого ясно можно видѣть причину перемѣны ими цвѣта шерсти.

Кромѣ этѣхъ, употребляемыхъ въ пищу, въ Россіи водится множество хищныхъ, нечистыхъ дикихъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ, мѣхами которыхъ Русскіе ведутъ значительную торговлю.

Такъ какъ выше сказано, что въ Россіи повсюду находятся богатыя пастбища, то тамъ во множествѣ разводятъ и домашній скотъ: коровъ, быковъ и овецъ, которые продаются тамъ весьма дешево.

Однажды, во время перваго нашего путешествія, мы купили въ Ладогѣ жирнаго, хотя и не крупнаго, быка (въ Россіи вообще скотъ рогатый не крупенъ), за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ или пять Мишенскихъ грошей (Meinische).

Текущія рѣки и стоячія воды въ озерахъ, которыхъ въ Россіи множество, изобилуютъ до чрезвычайности всякаго рода рыбою, за исключеніемъ карповъ, которыхъ нѣтъ и въ Ливоніи. Въ Астрахани, впрочемъ, мы видѣли карповъ много и необыкновенной величины, и покупали тамъ ихъ по шиллингу за штуку; они ловятся тамъ въ Волгѣ, но имѣютъ грубое, жесткое мясо и на вкусъ не особенно пріятное.

Изъ добываемаго въ нѣдрахъ земли самое замѣчательнѣйшее произведеніе составляетъ слюда, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находятъ въ каменоломняхъ и во всей Россіи употребляютъ вмѣсто стеколъ.

Во всей Россіи прежде не было ни одной рудокопни, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Татарской границѣ у Тулы, въ 26 миляхъ отъ Москвы, начали тамъ разработку одного руд-

ника. Нѣсколько Нѣмецкихъ горныхъ мастеровъ, присланныхъ, по просьбѣ Его Царскаго Величества, Его Свѣтлостію, Курфирстомъ Саксонскимъ, начали разработку этого рудника, устроили дѣло, и теперь онъ даетъ хорошую добычу, или выручку, хотя добывается въ немъ больше желѣзо.

Въ 7 верстахъ, или въ полуторѣ мили отъ этой мины (рудокопни), между двумя горами, въ пріятной долинѣ, при удобной рѣчкѣ, построенъ желѣзный заводъ, гдѣ изготовляется желѣзо, въ полосахъ выдѣлываемое, и выливаются также всякаго рода другія вещи.

Этѣмъ заводомъ управляетъ Г-нъ Петръ Марселій, по особому договору съ Великимъ Княземъ, по которому ежегодно и доставляетъ въ Оружейную Палату Его Царскаго Величества извѣстное количество полосоваго желѣза, нѣсколько пушекъ (орудій) и много тысячъ пудовъ ядеръ; по этому Марселій пользовался и пользуется великою милостію и почетомъ, какъ прежняго, такъ и настоящаго, Великаго Князя, и ведетъ въ Москвѣ и другого рода большую торговлю.

Еще при Царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, одинъ человѣкъ открылъ было въ одномъ мѣстѣ въ Россіи золотую мину; но дальнѣйше ея не разработалъ, въ слѣдствіе чего открыватель ея и объявитель (начинщикъ), надѣявшійся разбогатѣть, сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ.

Тѣ, которые заявляютъ о какомъ ни будь новомъ открытіи, или изобрѣтеніи, въ намѣреніи доставить выгоды Государю, при Царскомъ Дворѣ имѣютъ мало счастія и успѣха (какъ это часто случается). Хотя прежній Царь и очень заботился объ открытіи чего ни будь новаго, для обогащенія своей казны, но, чтобы не быть обмануту, или если дѣло не пойдетъ такъ, какъ ожидается, требовалъ, дабы не потерпѣть убытковъ, чтобы изобрѣтатель дѣлалъ опыты на свой собственный счетъ; въ случаѣ же, если изобрѣтатель самъ не имѣлъ для этого средствъ, то за вѣрнымъ ручательствомъ ему выдавались впередъ небольшія деньги. Когда послѣ этого предпріятіе удавалось, изобрѣтатель получалъ богатое вознагражденіе, въ противномъ же случаѣ

долженъ онъ, а не Великій Князь, нести всѣ убытки. Въ подтвержденіе этого приведу здѣсь примѣръ, сей часъ упомянутый мною съ золотою миною. Въ то, названное мною, время одинъ знатный Англійскій купецъ, мой хорошій пріятель (имя его умолчу, изъ уваженія къ его чести), честнѣйшій и справедливѣйшій человѣкъ, проживалъ уже нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и велъ тамъ значительную торговлю. Когда онъ заявилъ, что, судя по особымъ свойствамъ и признакамъ одного мѣста, онъ надѣется найти въ немъ золотую руду, то Великому Князю это понравилось, и онъ приказалъ выдать ему подъ поручительство нѣкоторое количество денегъ. Но предпріятіе этого добраго человѣка не удалось, работа и издержки всѣ пропали, и когда его имѣнія не достало на уплату потраченныхъ имъ Великокняжескихъ денегъ, то его засадили въ долговую темницу. Потомъ его выпустили на поруки его соотечественниковъ, чтобы онъ ходилъ по своимъ пріятелямъ и выпрашивалъ у нихъ помощи, что онъ и дѣлалъ, и набралъ, наконецъ, столько денегъ, что не только уплатилъ Великокняжескій долгъ и удовлетворилъ своихъ соотечественниковъ, но былъ въ состояніи и выѣхать изъ Россіи. О такомъ своемъ несчастіи и Русскомъ правосудіи онъ разсказывалъ мнѣ обстоятельно и съ большимъ сокрушеніемъ сердечнымъ самъ въ то время, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, когда собственно и случилось съ нимъ это несчастіе.

ГЛАВА III.

О свойствѣ сѣверныхъ обитателей и о народѣ Самоѣдахъ.

О свойствѣ и произведеніяхъ странъ, лежащихъ на Сѣверѣ, именно: Двинской области, Югорской, Пермской, Сибирской и Самоѣдовъ, жители которыхъ признаютъ надъ собою владычество Великаго Князя, такъ какъ самъ я въ этѣхъ странахъ не былъ, я ни чего вѣрнаго и написать не могу.

Но Русскіе повѣствуютъ, а также и другіе пишутъ единогласно (тамъ гдѣ они не заимствуютъ другъ у друга), что стра-

ны этѣ, по суровому климату, долгой зимѣ и короткому лѣту, совершенно безплодны, и особенно неудобны для земледѣлія, обработки хлѣба и древесныхъ плодовъ; что обитатели этѣхъ странъ ни чего не знаютъ о хлѣбѣ, но, живя въ дикихъ пустыняхъ, при рѣкахъ и озерахъ, гдѣ бездна дикихъ животныхъ и рыбы, они имѣютъ въ нихъ и свой кормъ и пропитаніе, одѣваются шкурами звѣрей и ими же платятъ свои оброки и подати Великому Князю. Лучшіе соболевые мѣха, куньи, бѣлыхъ медвѣдей (этѣ послѣднія развѣшиваются Московскими Боярами на задкахъ своихъ саней), рыбы и другіе разные мѣха, во множествѣ вывозятся изъ Сѣверныхъ странъ и продаются въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ.

Но если изъ Сѣверныхъ народовъ я найболѣе распространюсь сдѣсь о Самоѣдахъ, то это частію по тому, что о нихъ вообще мало повѣствуется въ описаніяхъ странъ, а частію по тому, что я самъ имѣлъ случай говорить съ ними и узнать отъ нихъ о ихъ образѣ жизни. Когда я, бывши въ Москвѣ въ 1643 году, 30 Іюля, долженъ былъ явиться на открытое представленіе къ Его Царскому Величеству, и прежде долженъ былъ еще подождать въ Посольской Канцеляріи нѣкоторое время, пока выйдетъ съ представленія Персидскій Посолъ, потребованный на нее прежде меня, пришли туда и два Самоѣда, которые присланы изъ ихъ родины, для врученія Великому Князю нѣсколькихъ шкуръ Сѣверныхъ оленей и бѣлыхъ медвѣдей. Съ этѣми-то Самоѣдами я вступилъ въ разговоръ, и они говорили свободно, разумно и давали обстоятельные отвѣты на всѣ мои вопросы, такъ какъ хорошо понимали Русскій языкъ, на которомъ я разговаривалъ съ ними черезъ моего переводчика.

У древнихъ писателей мы не находимъ, чтобы народы этѣ назывались Самоѣдами, но они называются Скиѳами, и я полагаю, что имя Самоѣдовъ впервые получили они отъ Русскихъ. Такъ какъ до того времени они ѣли людей, и даже тѣла своихъ умершихъ друзей мѣшали съ мясомъ дикихъ животныхъ и поѣдали, какъ свѣдѣтельствуютъ это Плиній и Олай Магнусъ, то ихъ и назвали Самоѣдами, что значитъ по Русски ѣдятъ сами себя; такъ объясняетъ это названіе прямо и Гваньино въ своемъ опи-

саніи Московіи, говоря объ области Печорской. Точно также и Плиній называетъ ихъ Греческимъ словомъ Ἀνδροποφάγοι (Androphagi), т. е., людоѣдами, и подобное же пишутъ и о жителяхъ Бразиліи.

Ихъ страна не есть Самогитія, которую географы полагаютъ между Литвою, Польшею и Ливоніею, Русскіе именуютъ Жимотская (Жмудская) земля (Samotzka Sembla), но земля Самоѣдовъ, которая на новыхъ картахъ помѣщается за Сибирью у горъ, называемыхъ Гиперборейскими, по сю и по ту сторону великой рѣки Оби (Oby), у Татарскаго моря и Вайгача (Вайгацкаго пролива), (Weygat), какъ называютъ его Голландцы.

Это были тѣ самые варвары, Татары и язычники, которые издревле назывались Scythae Septentrionales, Europaei et Asiatici; ибо они живутъ въ тѣхъ же границахъ и мѣстахъ. Объ нихъ упоминаетъ Страбонъ въ 7 книгѣ, К. Курцій, тоже въ 7 книгѣ, который называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Abios Scythas, безъ сомнѣнія, отъ рѣки Аби или Оби. Подобно имъ говоритъ Юстинъ во 2-й книгѣ, Олай Магнусъ въ своей «Histor. de gentib. Septentr.,» l. 4, c. 3, и Минстеръ, въ «своей Cosmographia,» с. 5, въ 60-й и слѣдующихъ главахъ. Народы эти не имѣютъ ни устроенныхъ, ни защищенныхъ городовъ, но и теперь еще живутъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, какъ жили они во времена Александра, по словамъ ихъ пословъ къ нему, приводимыхъ въ помянутой сейчасъ книгѣ Курція: «Nos deserta et humano cultu vacua magis, quam urbes et opulentos agros sequimur.» И такъ какъ они обитаютъ въ холодномъ поясѣ (zona frigida) то большая часть года тамъ стоитъ суровая зима и весьма глубокіе снѣга. Это также заявляли Александру сказанные послы, говоря: «Si humanum genus omne superaveris, cum silvis et nivibus et fluminibus ferisque bestiis gesturus es bellum.» Они живутъ въ небольшихъ, низкихъ, на половину въ землѣ устроенныхъ, хижинахъ, которыхъ (по ихъ разсказамъ) къ верху заканчиваются округло, съуживаясь постепенно, съ отверстіемъ по серединѣ, въ родѣ трубы, черезъ которое они и входятъ въ хижину въ зимнее время. Такой ходъ устроивается у нихъ по тому, что хижины ихъ зимою совершенно заносятся снѣгомъ, выпадающимъ толщиною въ два человѣческихъ роста, и

ни кто иначе не можетъ ни выйти изъ хижины, ни войти въ нее. Подъ снѣгомъ, впрочемъ, они продѣлываютъ свои особые ходы, которыми и ходятъ изъ одной хижины въ другую.

Такъ какъ въ это время почти цѣлые полгода у нихъ нѣтъ ни солнца, ни дня, но постоянная ночь, и по этому внѣ дома они ни чего не могутъ и предпринять, то имъ такое состояніе погоды сноситъ въ ихъ хижинахъ. Въ такія времена для освѣщенія они употребляютъ рыбій жиръ, которымъ и пользуются до тѣхъ поръ, пока не настанетъ опять дневной свѣтъ, т. е., когда солнце опять поднимется за равноденственную черту и пройдетъ полуночные знаки; тогда уже оно не заходитъ и въ странахъ тѣхъ не бываетъ ночи въ это время. Снѣгъ быстро тогда исчезаетъ, и жители выходятъ на землю до слѣдующей зимы, въ которую опять всѣ собираются въ свои жилья.

Можетъ быть справедливо и то, что нѣкоторые пишутъ объ этѣхъ Сѣверныхъ или Полуночныхъ народахъ, а именно, будьто между ними есть люди, которые, какъ ласточки, или лягушки, цѣлые полгода, то есть, всю зиму лежатъ замертво, лѣтомъ же снова оживаютъ и странствуютъ. Смотри объ этомъ у Гваньина, въ его описаніи Лукоморья (Lucomaria), и у Олая Магнуса. Они не занимаются земледѣліемъ, не знаютъ по этому ни чего о хлѣбѣ, и питаются, вмѣсто хлѣба, высушеною на воздухѣ рыбою, медомъ и всякою дичью, которой у нихъ изобиліе.

Самоѣды не велики ростомъ, широколицы, имѣютъ малые глаза и короткія ноги и вообще походятъ на Гренландцевъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ я самъ видѣлъ недавно въ Голштиніи, о чемъ скажу еще въ слѣдующей главѣ.

Что касается до одежды Самоѣдовъ, то она дѣлается изъ шкуры Сѣверныхъ оленей. Они носятъ широкія шапки, или изъ всякаго рода лоскутовъ цвѣтнаго сукна, получаемыхъ ими отъ Русскихъ, или просто изъ шкуры, съ длинными наушниками, которые обвязываютъ они вокругъ шеи. Рубашки дѣлаютъ они изъ шерсти молоденькихъ Сѣверныхъ оленей, которая довольно разтяжима и имѣетъ короткій волосъ. Подъ рубашкой носятъ шта-

ны и сверху длинный кафтанъ. Подолъ рубашки и кафтана обшиваютъ они длинноволосыми хвостиками. Сапоги у нихъ изъ той же шкуры, которую они во всей одеждѣ носятъ шерстью наружу. Нитки, которыми они шьютъ свои одежды, дѣлаются у нихъ изъ сухихъ и другихъ жилъ. Вмѣсто носоваго платка они употребляютъ зеленое (молодое) дерево, именно: скоблятъ его въ тонкія стружки и нити, которыя похожи на тонко наскобленный рогъ, или пергаментъ. Этѣхъ стружекъ берутъ они полную горсть и сморкаютъ въ нихъ: на ощупь онѣ довольно мягки.

Когда очень холодно, они надѣваютъ свои кафтаны на головы, а рукава спускаютъ вмѣстѣ по сторонамъ, что для непривычнаго глаза представляетъ довольно странный видъ. Видъ этотъ, особенно для путешествовавшихъ у береговъ съ корабля, можетъ быть и далъ поводъ къ тому, что писали нѣкоторые изъ древнихъ писателей, будто бы есть люди безъ головы, но имѣющіе лице на груди; также будто есть люди, которые имѣютъ такія огромныя ступни, что могутъ покрыться. Но если бъ на свѣтѣ находились такіе люди, то я полагаю, что мы имѣли бы о нихъ теперь болѣе вѣрныя свѣдѣнія; ибо уже 100 лѣтъ, какъ нашъ свѣтъ повсюду, на водѣ и сушѣ, обозрѣвается и изучается достаточно, особенно Голландскими, Англійскими и Испанскими мореплавателями и путешественниками, однако же описанія ихъ путешествій не указываютъ ни на что подобное. Что касается до огромныхъ ногъ, находимыхъ у людей, то легко можетъ быть, что къ заключенію о нихъ подала поводъ огромная зимняя обувь, видѣнная у Сѣверныхъ народовъ.

Народы этѣ, также какъ Лапонцы (Lappen), Чудь (Финны) и Черемисы (Zeremissen), зимою по глубокимъ снѣгамъ ходятъ, и весьма быстро, на длинныхъ и широкихъ лыжахъ, выдѣланныхъ изъ березовой коры, или изъ дерева. Лыжи этѣ Чудь дѣлаетъ себѣ позади пятки на столько же длинными, какъ и спереди, и длина нѣкоторыхъ изъ нихъ бываетъ до 3-хъ локтей; называютъ они этѣ лыжи сукситъ (Suksit). Такой способъ бѣгать на лыжахъ мы видѣли въ Нарвѣ, гдѣ Начальникъ пристани для нашего удовольствія приказалъ нѣсколькимъ Чудинамъ, своимъ воинамъ, кататься съ большаго холма, находящагося пе-

редъ городомъ. Самоѣды же свои лыжи называютъ нарты (Narten), какъ объ этомъ прямо говоритъ Гваньино, въ своемъ описаніи Пермской области. Сапоги ихъ также дѣлаются изъ невыдѣланной шкуры, внутри подбиты мѣхомъ, и они достигаютъ у нихъ до колѣнъ.

Сѣверные олени величиною и видомъ походятъ на обыкновеннаго оленя, но цвѣтомъ бѣлые и сѣроватые, имѣютъ широкія, какъ у коровы, копыта (мы видѣли нѣсколько такихъ оленей въ Московскомъ Кремлѣ), дѣлаются легко ручными, ходятъ въ жилища и изъ жилищъ, какъ домашній скотъ, и употребляются вмѣсто лошадей, для чего ихъ впрягаютъ въ небольшія, легкія сани, похожія видомъ на полулодки или половину бота, и въ этѣхъ саняхъ они чрезвычайно быстро могутъ пробѣгать довольно дальнія разстоянія.

Въ 1595 году Голландцы, въ своемъ вторичномъ плаваніи по Сѣверному морю, встрѣтили Самоѣдовъ въ такомъ состояніи, не далеко отъ Вайгача (Weigat). Они пишутъ, что когда 31-го Августа того года, вышедши на берегъ у Вайгача, они прошли на милю пути, то увидѣли человѣкъ съ 20 этого народа, которыхъ и приняли было сперва за совершенныхъ дикарей. Сначала люди этѣ схватились за луки и стрѣлы, которыми они по видимому ловко владѣли, и нацѣлились ими въ Голландцевъ, какъ въ нежданныхъ гостей, но когда черезъ Русскаго переводчика они услыхали (Самоѣды, какъ выше сказано, знаютъ по Русски), что Голланды пришли не какъ враги, но какъ друзья, то они опустили свои луки и стрѣлы, дружески приблизились, привѣтствуя Голландцевъ, вступили съ ними въ разговоръ и сообщили имъ подробныя свѣдѣнія о свойствѣ ихъ страны и моря. При этомъ, впрочемъ, они все таки держали себя съ нѣкоторою боязнью и недовѣріемъ, хотя Голландцы обращались съ ними дружески и съ добрымъ расположеніемъ. Когда одному изъ нихъ дали сухарь, то хотя онъ принялъ его съ выраженіемъ благодарности, тотчасъ накусилъ его и за тѣмъ съѣлъ, но все такое боязливо озирался; и когда всѣ они услышали ружейный выстрѣлъ, сдѣланный въ сторону моря, то они такъ перепугались и запрыгали, точно подѣлались съумасшедшими. Объ этомъ

подробно разсказывается въ помянутомъ описаніи мореплаванія Голландцевъ, на 8 стран. Этѣ же Голландцы пишутъ и изображаютъ Самоѣдовъ такъ, что будто они волосы свои заплетаютъ въ длинныя косы и спускаютъ ихъ вмѣстѣ вдоль спины поверхъ платья. Но у тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ въ Москвѣ, я косъ не замѣтилъ. Одинъ изъ этѣхъ послѣднихъ, видѣнныхъ мною въ Москвѣ Самоѣдовъ, когда онъ разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье, по мнѣнію нашему, довольно жалкое и суровое, между прочимъ былъ спрошенъ: какъ нравится ему Московская страна и жизнь, и не захотѣлъ ли бы онъ лучше остаться въ Москвѣ, чѣмъ жить въ своей странѣ? Онъ отвѣчалъ на это: хотя Москва ему и нравится, но все таки его земля, въ которой онъ родился, ему милѣе всѣхъ другихъ странъ: онъ къ ней привыкъ и живетъ въ ней совершенно счастливо и спокойно. Наконецъ, онъ не сомнѣвается, что если бъ и Великій Князь узналъ ихъ веселую и пріятную жизнь, то онъ оставилъ бы свою столицу и переселился бы къ нимъ на житье.

Этѣ слова напоминаютъ Улиса, который (какъ говоритъ Муретъ (Muretus) изъ Cic. 1. de orat.), лучше хотѣлъ жить въ своемъ горномъ суровомъ отечествѣ, чѣмъ у Калипсы во всякаго рода удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Смотри объ этомъ Гомера l. 10. Odyss. Можно также сказать, вмѣстѣ съ Овидіемъ, lib. 1, de Ponto El. 3:

Nescio, qua natale solum dulcedine cunctos,
Ducit, et immemores non sinit esse sui.
Quid melius Roma, Scythico quid frigore pejus?
Hue tamen ex illa Barbarus urbe fugit.

Народы этѣ искони, какъ язычники, почитаютъ солнце, мѣсяцъ и дѣланныхъ идоловъ за боговъ, какъ это видно изъ помянутаго выше описанія мореплаванія. Голландцы на одномъ холмистомъ мысѣ Вайгача нашли нѣсколько сотъ такихъ грубо и безобразно сдѣланныхъ идоловъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, и когда, отъѣзжая отъ берега, они взяли было одного такого идола съ собою, то одинъ Самоѣдъ догналъ ихъ, потребовалъ съ выразительными движеніями идола назадъ и такимъ образомъ воротилъ его.

Около 23-хъ лѣтъ тому назадъ Самоѣды прислали къ Великому Князю Посольство отъ себя, съ просьбою сдѣлать ихъ причастными Православной Вѣры. Просьба эта была уважена, и къ нимъ посланъ былъ Владимирскій Епископъ съ нѣсколькими Священниками для наученія ихъ правиламъ Христіянской Вѣры и для крещенія ихъ.

ГЛАВА IV.

О Гренландцахъ.

Такъ какъ, благосклонный читатель, въ предыдущей главѣ я упомянулъ о Гренландцахъ, въ которыхъ я нахожу много сходнаго съ Самоѣдами и другими, также съ Татарами, встрѣчавшимися намъ въ нашемъ путешествіи, и, кромѣ того, вижу въ нихъ и иныя, достойныя замѣчанія, стороны, то полагаю не лишнимъ сдѣлать небольшое отступленіе въ нашемъ повѣствованіи и остановиться немного на народѣ Гренландцахъ, тѣмъ болѣе, что я самъ ихъ видѣлъ, слышалъ и до нѣкоторой степени ознакомился съ ихъ особенностями и свойствами. Сначала, впрочемъ, упомяну о томъ, что было извѣстно и писано о Гренландцахъ до настоящаго времени, и за тѣмъ перейду къ описанію состоянія, въ которомъ они теперь находятся.

Древніе міроописатели, географы и естествоиспытатели, каковы: Птоломей, Страбонъ, Плиній, Солинъ и другіе, знали только 3 части свѣта: Европу, Азію и Африку, четвертая же часть Америка, гадательно, и только со стороны переднихъ острововъ, открыта въ 1492 году по Р. Х. Христофоромъ Колумбомъ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого Америкъ Веспуцій открылъ уже цѣлый материкъ, и по немъ земля эта и до нынѣ называется Америкой. По этому въ тѣ времена о другихъ земляхъ и народахъ, которые находились внѣ сказанныхъ трехъ частей (какова и Гренландія), изъ древнихъ писателей узнать ни чего нельзя; и хотя они упоминаютъ о нѣкоторыхъ сѣверныхъ островахъ, которыя Помпоній Мела называетъ Оркадскими, изъ этого все таки ни чего вѣрнаго и особеннаго извлечь не возможно.

Гренландія лежитъ въ Ледовитомъ морѣ за островомъ Исландіей и, по сказанію недавно плававшаго туда Датскаго корабля, въ 60 миляхъ за этѣмъ островомъ. Многіе считали Гренландію островомъ, но вѣроятно, что она на востокъ упирается въ Татарію, а на западъ въ Америку, какъ это сказано будетъ сейчасъ ниже сего.

Арнгримъ Іона (Arngrim Jonas), Исландецъ, упоминаетъ въ Хронографіи, которую онъ называетъ «Specimen Islandiae historicum,» стр. 146, что Гренландія впервые открыта въ 982 году по Р. Х., четыре года спустя она была занята и заселена Эрихомъ Руфомъ или Рыжеволосымъ, который изъ Норвегіи, происходя отъ благороднаго рода и имѣя большое состояніе, переселился въ Исландію съ отцемъ своимъ, Торвальдомъ (нѣкоторые говорятъ, въ слѣдствіе убійства, совершеннаго имъ въ Норвегіи). Не могши сдѣсь, по смерти отца своего, ужиться въ мирѣ съ нѣкоторыми знатными родоначальниками Исландіи, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ далѣе на сѣверъ, гдѣ и попалъ на Гренландію. Такъ какъ земля эта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ къ ней, найдена была поросшею превосходною зеленой травой, то онъ и далъ ей такое названіе, Гренландія (Grünland), т. е., Зеленая земля. Потомъ и многіе другіе Исландцы, по молвѣ о прекрасной странѣ, послѣдовали за Эрихомъ въ Гренландію на корабляхъ и со множествомъ народа.

14 лѣтъ спустя, именно въ 1000 году по Р. Х., сынъ Эриха, по имени Лейфъ, поплылъ изъ Гренландіи въ Норвегію, гдѣ Королемъ Олаемъ обращенъ былъ въ Христіянскую Вѣру и крещенъ. Потомъ этотъ Лейфъ (Leiff) съ однимъ Священникомъ снова возвратился въ Гренландію, и довелъ дѣло обращенія въ Христіянство до того, что отецъ его, Эрихъ, со всѣмъ народомъ своимъ крестился и также принялъ Христіянскую Вѣру.

Этѣ послѣдователи и потомки Эриха послѣ размножились, проникли далѣе внутрь земли, построили города и монастыри, имѣли въ нихъ своихъ Епископовъ, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ повѣствуетъ помянутый Арнгримъ на стр. 148, доводя ихъ до 1389 года по Р. Х. Гарде (Garde), городъ, былъ тамъ въ то время Епископской столицею. Въ 1023 году по Р. Х.

Гренландія на столько, на сколько она была тогда извѣстна, платила дань Королю Норвежскому, и въ 1261 году совершенно сдѣлалась ему подвластной.

Датскій историкъ Понтанъ утверждаетъ, что въ 834 году по Р. Х. Императоръ Людовикъ и Папа Григорій IV-й назначили Епископа Бременскаго и Гамбургскаго, Ангарія, Архіепископомъ въ Сѣверныя земли, при чемъ будто бы ясно названы, въ числѣ сказанныхъ земель, также Исландія и Гренландія, какъ это явствуетъ изъ дипломатическихъ документовъ, которые тогда сообщены были Епископу и которыя находятся въ 4-й книгѣ Понтана на стр. 97-й. По этому Гренландія была будто бы открыта и обращена въ Христіянство гораздо прежде, чѣмъ упомянуто выше. Исландецъ же Аригримъ Іона положительно противорѣчитъ этому писателю и, основываясь на своихъ древностяхъ и исторіи, говоритъ, что въ это время Гренландія вовсе не была еще извѣстна, а тѣмъ менѣе обращена въ Христіянство. Онъ считаетъ по этому такое извѣстіе за сочиненіе и вымыслъ, которые Понтанъ употребилъ въ подтвержденіе своего ложнаго мнѣнія объ Исландіи, называя ее древнѣйшею частью свѣта, и по тому онъ, Аригримъ Іона, думаетъ, что въ подлинныхъ дипломатическихъ актахъ (autographis diplomatarum) названій Гренландія и Исландія быть не можетъ, о чемъ подробнѣе можно читать въ помянутомъ его «Specimine,» partis 2, memb. 2.

Въ Бременской Хроникѣ хотя и значится, что въ 858 году Папа Николай, подобно Григорію IV, назначилъ Ансгарія Легатомъ и Викаріемъ Апостольскаго престола для всѣхъ язычниковъ, Датчанъ, Шведовъ и Славянъ (Sclaven), но о Гренландіи при этомъ ни слова не упоминается. Смотри объ этомъ: «M. Adami Historiam Ecclesiasticam Bremens.,» lib. 1, c. 23, p. 24. Также, ни въ «Annalibus Baronii,» ни въ «Conciliis Magnis» (которые тщательно провѣрены Папскимъ Библіотекаремъ и изданы въ Парижѣ въ 1644 году), рѣшительно нѣтъ указаній на то, чтобы въ это время было Апостольское Посольство, направленное въ Гренландію.

Въ первое время Исландскіе и Норвежскіе корабли часто посѣщали Гренландію, но со времени Королевы Маргариты, когда

доходы съ Гренландіи достались въ удѣлъ Норвежскихъ Королей, никто не смѣлъ болѣе ѣздить туда безъ особаго дозволенія. Такъ, нѣсколько мореплавателей, отправившихся туда безъ этого позволенія въ 1389 году, были казнены смертію, такъ какъ они не могли доказать, что ихъ загнали въ Гренландію буря и великая опасность, и что они противъ воли своей попали въ нее. Вскорѣ послѣ того Королева послала туда собственные свои корабли, которые, однако, не возвратились назадъ. То же повторилось спустя нѣсколько лѣтъ и послѣ. Такъ какъ вмѣстѣ съ такимъ строгимъ запрещеніемъ, и самое плаваніе моремъ представляло великія опасности, то его неохотно предпринимали, и, такимъ образомъ, дошло до того, что плаваніе въ Гренландію совершенно прекратилось.

Сдѣсь упомяну странное для меня извѣстіе, которое утверждаетъ Понтанъ въ 9 книгѣ на стр. 521, именно, будьто бы въ прежнія времена мореплаваніе въ Гренландію не было такъ опасно, какъ теперь, и по тому будьто тогда массы льда въ тѣхъ мѣстахъ не скоплялись въ такомъ громадномъ количествѣ, въ какомъ накопляются онѣ тамъ въ настоящее время, въ слѣдствіе чего плаваніе туда и приставаніе къ землѣ сдѣлались теперь очень затруднительны и опасны. По чему же въ настоящее время должно быть тамъ больше ледяныхъ глыбъ, чѣмъ за нѣсколько сотъ, или даже тысячъ, лѣтъ тому назадъ, или по чему ихъ было тогда не такъ много, какъ теперь? Такъ какъ свѣтъ существуетъ уже такъ давно и всякій годъ въ немъ бываютъ зима и лѣто, въ которыя ледъ образуется и таетъ, то слѣдуетъ по этому допустить, что иногда въ лѣтнее время ледъ не совершенно растаяваетъ, и что это случалось позднѣе, а въ прежнее время не бывало. Или же онъ долженъ доказать, что въ древности зима тамъ была не столь сурова, либо лѣто жарче, чѣмъ теперь. Но въ такомъ случаѣ какъ же случилось, что теперь опять можно плавать и приставать въ Гренландію, какъ доказываютъ это совершенныя туда годъ, два и 3 года тому назадъ путешествія Датчанъ?

Въ правленіе Датскихъ Королей Христіяна III и Фридриха II-го началось снова давно оставленное плаваніе въ Гренландію;

но нѣкоторые плаватели не могли отыскать опять материка ея, другіе же хотя и видѣли землю, не могли пристать къ ней, какъ, на примѣръ, корабль, посланный Королемъ Фридрихомъ въ 1588 году подъ начальствомъ Магнуса Геннигсена (Hennigsen), который, по неизвѣстной причинѣ, простоялъ спокойно среди моря, не могши продвинуться далѣе, и воротился назадъ, не исполнивши дѣла, для котораго былъ отправленъ.

Англійская Королева Елисавета также посылала въ Гренландію моряка, по имени Мартина Форбисера (Forbisser), съ 3-мя кораблями, которые хотя и пристали къ землѣ, но не осмѣлились проникнуть глубже въ нее, по тому что встрѣтились тамъ съ народомъ дикимъ, недовѣрчивымъ, хитрымъ, своенравнымъ и враждебнымъ, какъ подробнѣе говорится объ этомъ въ помянутомъ выше мореплаваніи.

Въ 1605 году Король Датскій Христіанъ IV снова задумалъ отправить корабли въ Гренландію, для чего пріобрѣлъ опытнаго морехода изъ Англіи, и, подъ начальствомъ Адмирала Гоцке Линденава (Gotzke Lindenaw), послалъ 3 корабля, которые достигли Гренландіи, Адмиралъ съ своимъ кораблемъ съ сѣверо-восточной стороны, Англійскій же мореходъ, оттѣсненный льдомъ, въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ заливѣ, лежащемъ на юго-западѣ, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, совершенно на другой противуположной сторонѣ. Этотъ послѣдній Англичанинъ нашелъ тамъ нѣсколько удобныхъ пристаней, хорошую почву, обильную зелеными лугами и жителей удобнѣе и лучше одѣтыми, чѣмъ на другой сторонѣ.

Дикари, впрочемъ, въ обоихъ мѣстахъ охотно вымѣнивали свои товары на Датскіе, особенно же зеркала, ножи, сталь и желѣзо; золото и серебро мало обращали на себя ихъ вниманіе. Адмиралъ схватилъ двухъ дикарей, пришедшихъ къ нему на судно, и силою задержалъ ихъ на кораблѣ; подобно ему Англичанинъ, въ своемъ мѣстѣ, задержалъ троихъ дикарей, за что, въ отмщеніе и съ намѣреніемъ освободить и возвратить захваченныхъ насильно, другіе дикари начали было бросать каменьями и стрѣлять изъ лука въ Датчанъ, но были избиты и разсѣяны сильнымъ ружейнымъ огнемъ послѣднихъ. Такимъ образомъ Датчане взяли этѣхъ пяте-

рыхъ дикарей съ собою въ Данію. На слѣдующій годъ Король вторично послалъ въ Гренландію Гоцке съ 5-ю кораблями, и отправилъ съ нимъ и троихъ изъ плѣнныхъ дикарей, которые охотно согласились на это; но одинъ изъ нихъ на пути умеръ, другой же, имѣя въ виду, что онъ долженъ будетъ снова вернуться въ Данію, бросился въ воду и утонулъ. Въ это путешествіе Датчане хотя и достигли береговъ Гренландіи, но дикари, можетъ быть, въ слѣдствіе похищенія у нихъ въ прошломъ году пятерыхъ людей, не хотѣли торговать съ ними и вообще выказали себя довольно враждебно, такъ что слуга Гоцке, дерзнувшій высадиться на берегъ, въ надеждѣ завязать съ дикарями мирную торговлю, былъ схваченъ ими, убитъ и растерзанъ на части. Съ своей стороны Датчане въ другомъ мѣстѣ захватили дикихъ, плававшихъ на своихъ маленькихъ судахъ подлѣ корабля и за кораблемъ, и вмѣстѣ съ этѣми судами ихъ, взяли ихъ къ себѣ на корабли.

На слѣдующій годъ Король послалъ снова въ Гренландію два корабля, которые хотя и доплыли до того, что имѣли ее въ виду у себя, но пристать къ ней, по причинѣ множества льдовъ, словно высокія горы нагроможденныхъ другъ на другѣ, не могли, и по тому безуспѣшно вернулись домой.

Послѣ этого Король не посылалъ уже кораблей въ Гренландію; но нѣкоторые Копенгагенскіе купцы, согласившись между собою, снарядили два корабля, и въ 1636 году послали ихъ въ Гренландію; корабли эти пристали сдѣсь у пролива Девисова (Freto Davis), открытаго впервые Іоанномъ Девисомъ въ 1586 году, поторговали съ дикарями, и за тѣмъ двухъ изъ нихъ схватили, привязали къ мачтѣ и увезли съ собою. Отъѣхавши нѣсколько миль отъ Гренландіи, и бывши уже въ открытомъ морѣ, Датчане развязали своихъ плѣнныхъ дикарей, которые тотчасъ же бросились въ море, поплыли на сѣверъ и безъ сомнѣнія потонули. Что касается до дикарей, оставшихся еще въ Даніи, то Король приказалъ сторожить ихъ особымъ приставленнымъ для того людямъ и имѣть о нихъ надлежащее попеченіе. Но любовь къ родинѣ, въ сторону которой они часто обращались вздыхая, побудила нѣкоторыхъ изъ нихъ отважиться на опасныя предпріятія: такъ, когда имъ дозволенъ былъ свободный входъ и выходъ изъ дома ихъ пре-

бываніе, то, по нерадѣнію надзиравшихъ за ними, они завладѣли своими судами (лодками), весьма небольшими и могущими помѣстить на себѣ только одного человѣка, и пустились на нихъ въ море, въ надеждѣ достигнуть своего далекаго отечества; но этѣ смѣлые бѣглецы въ 10 миляхъ отъ Зунда были выкинуты бурею на берегъ, захвачены крестьянами и снова доставлены въ Копенгагенъ. Двое изъ этѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе вторично рѣшились на побѣгъ, уплыли на своихъ раякках̀ъ (Rajakka), какъ называютъ они свои маленькія лодки, но одинъ изъ нихъ, ушедши на нѣсколько миль въ море, былъ пойманъ и возвращенъ назадъ, другой же уплылъ далеко и пропалъ безъ вѣсти.

Остальные дикари оставались еще лѣтъ 12 въ Даніи, но постоянно тосковали по своей родинѣ, и наконецъ перемерли съ горя одинъ за другимъ.

Послѣ сказаннаго послѣдняго плаванія, Датскіе корабли около 20 лѣтъ не посѣщали болѣе Гренландіи.

По вступленіи же нынѣ царствующаго Датскаго Короля, Фридриха III, снова вспомнили о Гренландіи. Такъ какъ Его Королевское Величество по природѣ своей былъ склоненъ ко всякаго рода знаніямъ и предпріятіямъ, свойственнымъ владѣтельнымъ особамъ, то онъ приказалъ, между прочимъ, возобновить плаваніе въ Гренландію, оказавшееся выгоднымъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, для чего и соблаговолилъ, чтобы главный управляющій таможнею, Господинъ Генрихъ Миллеръ (знатный и богатый человѣкъ въ Копенгагенѣ, также особенный любитель всего чужестраннаго и необыкновеннаго), по своему начертанію устроилъ первый опытъ поѣздки въ Гренландію; по этому Генрихъ Миллеръ въ 1652 году снарядилъ корабль и отправилъ его въ Гренландію подъ начальствомъ Капитана Давида Даніеля (Dannel), человѣка опытнаго и искуснаго въ мореходствѣ. Такъ какъ первое такое путешествіе совершено было благополучно, то тотъ же корабль, съ тѣмъ же Капитаномъ, плавали туда еще и въ слѣдующіе два года, и всякій разъ счастливо возвращались домой.

Новѣйшее туда путешествіе совершено въ 1654 году. Корабль вышелъ изъ Копенгагена весною и въ концѣ Іюля прибылъ въ Гренландію, и именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ страна состоитъ вся изъ скалъ, высокихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, и самый берегъ занесенъ былъ множествомъ льду. Такъ какъ по скалистому дну моря на якорѣ держаться было нельзя, то корабль пробылъ тамъ только нѣсколько дней.

Дикіе вскорѣ собрались около корабля на своихъ маленькихъ судахъ, которыхъ было до ста, и, хотя сначала были недовѣрчивы и не хотѣли было всходить на корабль, но когда увидали, что ихъ дружески приглашаютъ знаками и оказываютъ имъ доброе расположеніе, то сдѣлались смѣлѣе, взошли на корабль и начали торговать съ пріѣзжими. Нѣкоторые привозили съ собою на судно и нѣсколькихъ женщинъ, ради любопытства посмотрѣть чужестранцевъ и пріобрѣсть что ни будь отъ нихъ своимъ обычнымъ способомъ; этотъ народъ вообще довольно страстный, къ любодѣянію склонный, и на это нѣтъ у нихъ ни какого запрещенія; въ слѣдствіе этой склонности нѣкоторые изъ дикарей были захвачены Датчанами. Такъ, когда подъ конецъ Датскій корабль готовился уже отправиться домой, въ числѣ дикарей, явившихся на корабль для торговли, прибыло и нѣсколько дикарокъ, и одна изъ нихъ очень пожелала вымѣнять у одного боцмана пару ножей, за которые предлагала тюленью шкуру, но боцманъ не хотѣлъ тюленьей шкуры, которую не ставилъ ни во что, и разными тѣлодвиженіями и знаками далъ понять дикаркѣ, что онъ желалъ бы попользоваться за свои ножи ея живымъ мѣхомъ. Какъ только дикарка поняла это, тотчасъ же сняла панталоны и хотѣла было лечь на верхней палубѣ (декѣ), въ присутствіи всего бывшаго тутъ народа. Когда же боцманъ вразумилъ ее, что такое дѣло не прилично дѣлать при людяхъ, и что она для этого должна пойти съ нимъ въ корабельную мурью (трюмъ), дикарка обратилась къ своему отцу, находившемуся тутъ же, и спросила его: что дѣлать и должна ли она пойти въ мурью съ боцманомъ? Отецъ согласился, и тогда за дикаркой пошли въ мурью изъ дикарей еще двѣ старухи, мальчикъ и дѣвочка, съ намѣреніемъ посмотрѣть, какъ будетъ совершаться торгъ. Но только что всѣ они

сошли въ низъ, какъ лазъ (люкъ) закрыли, распустили паруса, и корабль пустился въ море.

Какъ скоро дикіе увидали, что они были обмануты, то подняли на кораблѣ и внутри его громкій и жалобный вопль, и тѣ изъ нихъ, которые были на свободѣ на кораблѣ, тотчасъ же бросились съ него въ море и поплыли на свои суда. Многіе изъ нихъ, на этѣхъ судахъ своихъ, преслѣдовали корабль нѣсколько миль, въ надеждѣ освободить ихъ плѣнныхъ товарищей. Мальчикъ, оставшійся на кораблѣ, былъ такъ дикъ и проворенъ, что оставилъ въ рукахъ у боцмана, который держалъ его, свое платье и бѣжалъ было; потомъ, когда этотъ боцманъ схватилъ было его уже раздѣтаго, то вырвался и изъ рукъ и, пролѣзши черезъ отверстіе, въ которомъ былъ проведенъ якорный канатъ, и которое было довольно просторно, спрыгнулъ въ воду и уплылъ.

Не хотѣли Датчане удерживать еще одной старухи дикарки, которую было захватили; по этому они знаками объяснили дикарямъ, слѣдовавшимъ за ними на своихъ судахъ, чтобы они взяли и ее, и такимъ образомъ освободились отъ нея.

И такъ на кораблѣ осталось только четверо дикихъ, а именно: одинъ мужчина, двѣ женщины и дѣвочка, которые всѣ сначала были неистовы и злы; но когда ихъ стали дружески уговаривать, ласково съ ними обращаться, и когда имъ дали понять, что ихъ опять привезутъ со временемъ въ ихъ отечество, то они стали смирнѣе и нѣсколько успокоились. Когда, прибывши въ Норвегію, взошли на тамошнія горы, то дикарь мужчина сдѣлался даже веселъ и расходился до того, что схватилъ было за колѣни одну знатную госпожу, пришедшую взглянуть на дикарей. Этотъ бѣдняга послѣ все таки не доѣхалъ до Даніи и умеръ на кораблѣ. Дочь его, видя, что душа его скоро должна отлетѣть, крѣпко закутала его лицо въ свое платье, и въ такомъ положеніи дикарь и умеръ. Черезъ нѣсколько часовъ дочь, страшными воплями оплакавъ своего отца, закутала потомъ его въ полотно и бросила за край корабля. Имя этого дикаря было Игіобъ (Ihiob). Оставшіяся три дикарки привезены здоровыя въ Данію. У старѣйшей изъ нихъ, женщины 45 лѣтъ, по имени Кюнелингъ (Küneling), осталось дома

двое дѣтей. Средняя, 25 лѣтъ, называлась Кабелау (Kabelau), и черезъ нее-то захвачены были и всѣ остальныя. Младшая, дѣвочка 13 лѣтъ, называлась Сигоко (Sigoko).

Въ Даніи въ это время обнаружилась моровая язва, свирѣпствовавшая тамъ цѣлый годъ, въ слѣдствіе чего Его Королевское Величество, Датскій Король, переѣхалъ на житье въ Голштинію, въ г. Фленсбургъ (Flensburg), куда привезены были и сказанныя три Гренландки, содержавшіяся тамъ до возвращенія Его Величества домой. Для наблюденія за этѣми Гренландками, для продовольствія и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, и для обученія ихъ Датскому языку, приставленъ былъ особый фельдшеръ, уроженецъ Поморскій, по имени Рейнгольдъ Горнъ (Horn), умный и способный для этого дѣла человѣкъ, который путешествовалъ въ Гренландію и знакомъ былъ съ языкомъ тамошнихъ обитателей.

Его Королевское Величество, по особой добротѣ своей, оказывалъ плѣннымъ дикаркамъ своимъ всевозможную милость, одарялъ ихъ разнаго рода подарками, которые были имъ пріятны, или нравились имъ, и приказалъ, съ прежнимъ же кораблемъ, который Его Королевское Величество снова намѣренъ былъ послать въ Гренландію, отвезти туда и сказанныхъ Гренландокъ къ ихъ соотечественникамъ. Цѣль возвращенія дикарокъ на родину состояла въ томъ, чтобы онѣ сообщили своимъ о благодѣяніяхъ и добрыхъ свойствахъ Датчанъ, и тѣмъ хотя бы отчасти побудили Гренландцевъ сблизиться и вести съ ними торговлю, а за тѣмъ имѣлось въ виду и достохвальнѣйшее намѣреніе — распространеніе между этѣми дикарями Христіянской Вѣры.

Его Королевское Величество присылалъ помянутыхъ трехъ дикарокъ на показъ въ Готторфѣ къ моему Государю, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, такъ какъ этотъ послѣдній былъ особенный любитель и охотникъ знать и видѣть все, что Богъ и природа производитъ и воспитываетъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта. Въ бытность этѣхъ Гренландокъ въ Готторфѣ, онѣ прожили нѣсколько дней въ моемъ домѣ, гдѣ я достаточно изучилъ ихъ свойства. Онѣ были низкого роста, коренасты, широколицы, самая старшая и самая младшая съ черными небольшими глазами,

короткими руками и ногами, и ходятъ онѣ этѣми послѣдними носками внутрь (косолапо). Во всемъ этомъ, по наружному виду, онѣ походятъ на Самоѣдовъ, или Ногайскихъ Татаръ (какъ прямо утверждаетъ это Іоаннъ де Лаетъ (de Laet) въ «De originibus gentium Americarum» (Amstelodami 1643), но только Гренландцы гораздо черньѣе (темножелтаго цвѣта, подобно испорченной оливѣ), имѣютъ кожу мягкую, на ощупь будьто шелкъ. Тѣло у нихъ гораздо черньѣе, или темньѣе, лица.

Но средняя, по имени Кабелау, была не такъ черна, какъ другія, имѣла гораздо бо́льшіе глаза и обнаруживала вообще болѣе смышлености, способностей и веселости. Надо думать, что она была изъ потомковъ Христіянъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ жившихъ въ Гренландіи, или принадлежала къ особой сектѣ, по тому что она и ѣла не все то, что ѣли другія двѣ, какъ, напримѣръ, она не ѣла нечистыхъ животныхъ и птицъ, а также и ни чего изъ внутренностей животныхъ: легкихъ, печени, сердца и кишекъ.

Гренландки имѣютъ черные, какъ уголь, гладкіе волосы, которые онѣ свиваютъ въ кучку на макушкѣ; у мужчинъ лицо болѣе морщиновато и губы толще, чѣмъ у женщинъ, волосы на бородѣ тонкіе, или рѣдкіе, нѣкоторые же и вовсе не имѣютъ волосъ на бородѣ, какъ Самоѣды. Лица взрослыхъ Гренландокъ всѣ раскрашены были темносинними полосами, какъ у Американцевъ, т. е., отъ нижней губы до конца подбородка, и за тѣмъ ниже вдоль шеи. У одной изъ помянутыхъ выше Гренландокъ было 13, а у другой 15, такихъ полосъ, ширною въ суровую нитку, проведенныхъ рядомъ одна шире другой. Въ верхней части носа между глазами, идетъ также полоса, расходящаяся на лбу и идущая надъ бровями до висковъ, гдѣ заканчивается двумя чертами, на подобіе вилки. Подобныя же черты есть у нихъ и подъ глазами. Всѣ этѣ знаки выдѣлываютъ они себѣ въ кожѣ иголкою съ нитью, намазанною чернымъ жиромъ: «Ipsis bello, nobis deformi spectaculo», какъ говоритъ Барлей (Barlœus) о Неграхъ въ Америкѣ. Онѣ считаютъ такіе знаки украшеніемъ, которое на наши глаза отвратительно, и имѣть ихъ могутъ женщины только взрослыя; по этому только двѣ старшія Гренландки были съ этѣми

знаками, у третьей же, 13-тилѣтней, ихъ не было. Онѣ показывали еще двѣ дырочки на ушахъ и объяснили, что онѣ носятъ въ нихъ большія кольца. Женщины, не имѣвшія даже дѣтей, имѣютъ длинныя, висячія груди, съ длинными же и черными, какъ уголь, сосками; чтобы кормить дитя грудью, женщины вскидываютъ обыкновенно груди на верхъ черезъ плечо, къ головѣ и ко рту ребенка, который виситъ у нихъ на спинѣ за плечами.

Я слышалъ отъ тѣхъ людей, у которыхъ сказанныя Гренландки жили во Фленсбургѣ, а также и отъ другихъ, находившихся постоянно съ ними, quod in certa quadam corporis parte cariant crinibus, и что дѣйствительно у нихъ бываетъ то, что говоритъ Sennertus de fluxu sanguinis menstrui, книга 4: «Referunt, mulieres Indicas mensibus carere.» Причина этого явленія объясняется въ томъ же мѣстѣ. Съ этѣмъ согласенъ и Rodericus de Castro въ «De natura mulierum», lib. 2, c. 9.

Языкъ и произношеніе походятъ на Татарское: они говорятъ и бормочатъ быстро, при чемъ слова у нихъ большею частію какъ бы задерживаются въ palatu или въ верхней части горла, и произносятся cum ratione quadam, или въ половину картаво, особенно когда въ словахъ встрѣчается буква Г. (g), какъ, на примѣръ, kagsua. Подобно Китайскому, во всемъ ихъ языкѣ нѣтъ буквы р; по этому они не могутъ хорошо выговаривать слова, въ которыхъ находится эта буква, какъ, на прим., слово Herre, которое они произносятъ Helle. Вообще языкъ ихъ особенный, не имѣющій ни чего общаго ни съ однимъ изъ языковъ Европейскихъ; и хотя нѣкоторыя отдѣльныя слова звучатъ иногда сходно съ Датскими и Норвежскими, какъ., на прим., mamad, кушанье всякого рода; konä, женскій полъ; posak, кошелекъ; тѣмъ не менѣе самый языкъ ихъ далекъ отъ того и другого.

Очень можетъ быть, что теперешніе Гренландцы удержали нѣкоторые слова отъ древнихъ Исландскихъ и Норвежскихъ пришельцевъ и купцовъ, которые съ теченіемъ времени были истреблены дикарями; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы по этому у Гренландцевъ былъ и Норвежскій языкъ, какъ это ду-

маетъ Г. Гротъ (H. Grotius). У нихъ есть тоже нѣсколько словъ, сходныхъ съ Греческими и Латинскими, какъ, на пр., iliout, солнце; igne, огонь; keileng, небо; Nau, корабль, какъ это бываетъ и съ другими языками; но изъ этого нельзя еще выводить ни чего вѣрнаго. Смотри Горна (Hornium): «De originibus Americanis.» Hagae 1652.

Для любителей чужестраннаго приведу сдѣсь 100 Гренландскихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ выше помянутымъ Рейнгольдомъ Горномъ, и слышанныхъ мною самимъ отъ 3-хъ Гренландокъ, и какъ онѣ произносили ихъ мнѣ. Многія изъ этѣхъ словъ, особенно имѣющія букву H (n), онѣ выговаривали черезъ носъ (въ носъ), такъ что ихъ трудно въ точности передать на письмѣ. Вотъ этѣ слова:

Keileng, небо; Iliout, Ilioun, солнце; Aningang, мѣсяцъ; Ubleisin, звѣзда; Igne, огонь; Igga, дымъ; Imè, вода; Imak; море; Siruksua, дождь; Apon, снѣгъ; Nidlong, ледъ, Ipssau, земля; Ipgin, трава; Ugaggan камень; Keisuin, дерево; Suwiging, желѣзо; Kisakaun, тепло; Keigenakaun, холодно; Iglun, домъ; Nau, корабль; Rajakka, маленькая лодка; Pauting, весло; Mingakeisin, рыба; Kapissiling, лосось, семга; Kalulia, Kalulisen, треска; Touwak, Touwaksen, морской единорогъ (рыба); Uglessin, птица; Kachsluton, утка; Tukto, мясо; Kalipsi, горшокъ; Keijuta, ложка; Ingeling, ножъ; Aemeisà, посуда для питья; Niakau, голова; Isikin, глазъ; Keinga, носъ; Siuta, ухо; Kanexuà, ротъ; Kiguting, зубъ; Ukang, языкъ; Umixuin, борода; Akseita, рука; Tikagga, палецъ; Kublun, большой палецъ; Kuggie, ноготь; Nasekka, брюхо; Kanà, кость ноги; Sikadin, нога; Ennowan, Neizin, кафтанъ, камзолъ; Naglein, Karlein, штаны; Kaming, сапогъ; Ubia, отецъ; Nulia, мать; Pannien, дитя; Petting, мужчина; Konà, женщина; Kannoctuina, старикъ; Kajoctuinas, молодой; Pinallu, красивъ; Ekikin, дуренъ, гадокъ; Pisikse, лукъ; Kaksua, стрѣла; Ublau, день; Unuwoa, ночь; Agakwugoo, вчера; Akaggoo, нынѣче; Itaguptaa, завтра, утро; Uängga, я; Ibling, ты; Ab, да; Nagga, нѣтъ; Pissiak, собака; Amiga, мѣхъ, шерсть; Mek-

kone, игла; Mikakkaun, малый; Angewo, большой; Agnessui, высокій; Eipa, низкій; Kachain, голодный; Kassilakaun, сытъ; Kapziun, ѣсть; Jemektaun, пить, пѣть; Keigerson, плакать; Iglakton, смѣяться; Aliasukton, печалиться; Tabatton, веселиться; Jeptone, принеси сюда; Nikatin, поди туда; Kia meble, что значитъ? Sunà, Suà, что это, что ты хочешь?

За тѣмъ названіе чиселъ:

Taussi, одинъ; Maglune, два; Pingegua, три; Sissemà, четыре; Tellimà, пять; Akbukmen, шесть; Arleng, семь; Pengeguen, восемь; Sissemen, девять; Tellimen, десять.

Гренландцы одноземцевъ своихъ зовутъ Inguin, а чужестранцовъ Kablunassuin.

Одежда Гренландцевъ дѣлается изъ тюленьей шкуры и оленьей кожи, шерстью наружу, какъ у Самоѣдовъ. Внутри она подбита пухомъ птицъ, преимущественно лебедей, дикихъ гусей, утокъ и чаекъ; лѣтомъ она выворачивается перьемъ наружу. Мужчины и женщины одѣваются почти одинаково: они носятъ узкіе штаны и кафтаны на подобіе фуфаекъ или короткихъ куртокъ, едва достигающихъ до сидѣнья; въ верхней части этѣхъ куртокъ придѣлывается нѣчто въ родѣ колпака или капора, для покрытія шеи и головы (какъ монашескіе клобуки), и въ этѣхъ-то колпакахъ есть различіе: у мужчинъ онъ лежитъ низко, плотно къ головѣ, у женщинъ же онъ въ полъ аршина вышиною; различіе это происходитъ отъ способа ношенія волосъ, которые женщины завязываютъ высокою кучею посреди головы. Кромѣ того, у женщинъ кафтаны или куртки заканчиваются спереди и сзади длинными клинами, идущими до колѣнъ, въ мужскихъ же кафтанахъ клиньевъ этѣхъ нѣтъ. Порты или штаны у мужчинъ идутъ до колѣнъ, у нѣкоторыхъ даже ниже; у женщинъ же они заканчиваются короче, гораздо выше колѣнъ у толстаго мяса, такъ что едва прикрываютъ сидѣнье. Мѣсто отъ конца штановъ до сапогъ, которые на ладонь не доходятъ до колѣнъ, отчасти у нихъ совершенно голое.

Рубахи Гренландцы дѣлаютъ себѣ изъ разрѣзанныхъ и высушенныхъ тюленьихъ кишекъ, которыя они тонкими ремешками

сшиваютъ вмѣстѣ: онѣ коротки, едва доходятъ до сидѣнья и называются у нихъ каписпиъ (Kapissji).

По прибытіи 3-хъ Гренландокъ, о которыхъ мы говорили, въ Фленсбургъ, для нихъ приказали сдѣлать длинныя шерстяныя платья. Когда нѣсколько платьевъ этѣхъ, сдѣланныхъ изъ шерстяной матеріи различнаго цвѣта, предложили имъ на выборъ, то онѣ бросились на платья зеленаго цвѣта. Цвѣтъ этотъ онѣ особенно любятъ.

Жилища ихъ, въ ихъ отечествѣ, составляютъ хижины и шалаши. Для устройства хижинъ они вырываютъ землю на полъ аршина, обтыкаютъ вырытое мѣсто тычинами изъ растѣній и обтягиваютъ этѣ послѣднія шкурою тюленей и моржей. Точно также этѣми шкурами обтягиваютъ они съ обѣихъ сторонъ и легкій остовъ (дѣлаемый частію изъ рыбныхъ костей, частію же изъ дерева) своихъ маленькихъ лодокъ. Лодочки этѣ имѣютъ видъ утка, заостреннаго съ обоихъ концовъ; глубиною въ полъ локтя, шириною почти въ локоть, и по срединѣ оставляется отверстіе, въ которое только что можетъ пролѣзть человѣкъ; въ это отверстіе влѣзаетъ пловецъ, протягивая ноги впередъ. Кафтанъ свой онъ плотно привязываетъ къ краямъ отверстія, завязываетъ его также плотно на рукахъ и у головы, чтобы вода не могла къ нему проникнуть ни какимъ образомъ. Для плаванія на такой лодочкѣ онъ употребляетъ только одно весло, которое прямо идетъ на обѣ стороны, или имѣетъ по обѣимъ сторонамъ наконечники и гладкія лопатки, которыми онъ и держится въ равновѣсіи, и если опрокинется волною, то съ помощію ихъ можетъ тотчасъ же опять стать прямо. Гренландцы, для своего удовольствія, и для того, чтобъ показать себя передъ чужестранцами, часто нарочно опрокидываются въ волны въ этѣхъ своихъ лодочкахъ, и за тѣмъ тотчасъ же становятся опять прямо и плывутъ какъ ни въ чемъ не бывало. На такихъ лодкахъ они пускаются смѣло на нѣсколько миль въ море, и плаваютъ на нихъ такъ быстро, что наши многовесельныя судна не могутъ послѣдовать за ними.

Главнѣйшее занятіе Гренландцевъ составляетъ ловля въ морѣ рыбы, которую они добываютъ съ помощію лука и стрѣлъ

(важнѣйшаго ихъ орудія), или же ловятъ удочками. Удочки свои дѣлаютъ они не изъ желѣза, а изъ рыбьей кости, изъ которой они мастерски изготовляютъ ихъ, и называютъ этѣ удочки Карлуза (Karlusa). Особенно искусны они въ ловлѣ китовъ, хотя и ловятъ ихъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Европейцы. Для ловли ихъ, равно какъ и для ловли тюленей и моржей, они употребляютъ весьма длинный ремень, вырѣзанный изъ рыбьей кожи, который они называютъ агла (Agla); на конецъ этого ремня привязываютъ длинную стрѣлу или багоръ, снабженный нѣсколькими крючками и называемый у нихъ апеннингъ (Apenning), а на другомъ концѣ надутую воздухомъ тюленью кожу, по ихнему авата (Awata). Когда стрѣла попадетъ въ рыбу, то рыбу пускаютъ плыть въ глубь съ этою стрѣлою, при чемъ надутая кожа, держась на водѣ, показываетъ слѣдъ рыбы; вынырнетъ рыба снова на поверхность, тутъ въ нее пускаютъ еще нѣсколько стрѣлъ, и когда она потеряетъ уже много крови и ослабѣетъ, ее убиваютъ и волокутъ на берегъ. Такая ловля доставляетъ имъ главнѣйшее средство питанія, по тому что въ странѣ ихъ преимущественная пища заключается въ рыбьемъ жирѣ, особенно въ жирѣ тюленей, который они ѣдятъ охотно и въ огромномъ количествѣ. Кромѣ того они ѣдятъ всякого рода сушеную и сырую морскую рыбу, особенно большую и жирную Hellbutten, особый родъ щуки, большихъ птицъ, водящихся тамъ во множествѣ, оленей и другую дичь, и даже нечистыхъ животныхъ, на прим., лисицу и собаку Эту послѣднюю ѣдятъ они, впрочемъ, не въ сыромъ видѣ, какъ пишутъ нѣкоторые, но вареную и вмѣстѣ съ рыбьимъ жиромъ, который они даже и пьютъ охотно, такъ что кромѣ жиру пьютъ только воду. Имъ давали вина, но они не могли его пить, находили его кислымъ и поскорѣе запивали его водою. Воды вливаютъ они въ себя невообразимо огромное количество, охотно ѣдятъ ледъ и снѣгъ, и пьютъ даже во время ночи. Они ѣли въ Даніи всякого рода мясо, дикихъ и домашнихъ животныхъ, треску ѣли сырую и вареную; но всѣ ихъ кушанья изготовляются безъ соли и кореньевъ, по тому что они терпѣть не могутъ ни соленаго, ни сладкаго, ни кислаго, какъ, на примѣръ, ни сахару, ни уксусу. Хлѣба они также не ѣли, но размоченный въ мясномъ бульонѣ они

ѣли его и при томъ ложкою. Мясо, когда ѣдятъ, отрѣзываютъ кусочками у самаго рта.

Охотно также ѣдятъ они сушеную, не вареную треску, которую приправляютъ ворванью, или масломъ, и откусываютъ кусками. Горшки въ Гренландіи дѣлаются изъ особаго сѣроватаго, легко рѣжущагося камня, который, когда пропитается ворванью, дѣлается твердымъ и выдерживаетъ сильный огонь. Ножи свои дѣлаютъ они изъ боковыхъ зубовъ морской рыбы, которую они зовутъ ekuluksua, piso; на Бразильскомъ же языкѣ, въ «Historia naturali Brasiliae», стр. 180, и у Іонстона (Jonstonius) «De piscibus», стр. 201, она называется Piratia Pua.

Кушанья ихъ вообще, приготовленныя по ихъ способу, безвредныя для ихъ природы, пріобыкшей къ разнымъ гадостямъ, легко могутъ быть вредны здоровью не привыкшаго къ нимъ, и даже опасны для его жизни.

Что касается до природы и нрава Гренландцевъ, то вообще ихъ можно назвать дикарями, такъ какъ у нихъ нѣтъ большаго ума, ни какого воспитанія, вѣжливости и стыда; живутъ они по скотски, издаютъ въ своихъ одеждахъ очень непріятный запахъ, никогда не моются, и если попадетъ какая нечистота имъ на руки, то они облизываютъ ее, какъ собаки, и наконецъ ѣдятъ собственныя гадины съ своего тѣла. Три помянутыя выше Гренландки, впрочемъ, отвыкли отъ этой отвратительной привычки. Смотрятъ они насмурно, рѣдко смѣются, и большая часть ихъ робки, недовѣрчивы, хитры и необузданны, какъ значится это въ приведенныхъ выше путешествіяхъ въ Гренландію. Вообще народъ этотъ такой природы, какой бываютъ народы, живущіе подъ совершенно холоднымъ небомъ, которые, по мнѣнію Плинія, имѣютъ свои особенности. Такъ онъ говоритъ: Truces sunt ex coeli rigore.» Это хорошо знала Дидона, и по тому-то, когда хотѣла дать память спутникамъ Энея объ ея добромъ расположеніи къ нимъ, ея миролюбіи и дружбѣ, она сказала:

«Non obtusa adeo gestamus pectora Poeni,
Nec tam aversus equos Tyria sol jungit ab urbe.»

Т. е.

Мы, Пенейцы, вовсе негрубаго разума;
Солнце не такъ далеко уклонилось и отъ насъ.

Но Гренландцы на пространствѣ своего отечества въ разныхъ мѣстахъ бываютъ различны, какъ свѣдѣтельствуютъ о томъ Гоцке, Линдавъ и Англійскій мореходъ, на стр. 166. Этотъ послѣдній въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ и высадился, на юго-западѣ страны, нашелъ какъ самую страну, такъ и народонаселеніе въ ней, гораздо лучше, нежели Гоцке въ своей болѣе суровой сторонѣ. Наши 3 Гренландки, взятыя на пути Девиса, у Бальривира, тихи и легко перенимаютъ изъ того, что видятъ. Одна изъ нихъ, когда я нарисовалъ при ней карандашомъ руку и лице, довольно порядочно могла подражать мнѣ. Средняя, Кабелау, начала уже хорошо исполнять разнаго рода ручныя работы, которыми охотно занимаются наши дѣвицы, какъ, на прим., вязанье и тому подобное.

Когда во Фленсбургѣ давали балетъ для Его Королевскаго Величества, то на него взяли и сказанныхъ 3 Гренландокъ, чтобы онѣ могли позаимствоваться въ танцахъ, и какъ ни удивительны были для нихъ этѣ танцы, онѣ все таки научились не много и могли подражать имъ. Собственные же ихъ танцы состояли въ томъ, что онѣ изгибались въ дугу (смычкомъ), скакали то въ ту, то въ другую сторону и били въ ладоши, поднимая къ верху руки. Если, впрочемъ, онѣ охотно и легко перенимали иныя вещи, то учиться Датскому языку, напротивъ, охоты не имѣли, хотя отчетливо выговаривали всѣ выраженія, которыя заставляли ихъ повторять.

Ни серебру, ни деньгамъ ни какимъ Гренландки вовсе не давали ни какой цѣны, но очень дорожили желѣзомъ, сталью и всѣми вещами, сдѣланными изъ этѣхъ металловъ, какъ, на прим., ножами, ножницами, топорами, шпагами, гвоздями и подобнымъ ими. Одной изъ нихъ я предложилъ ножъ и червонецъ, другой ножъ и рейхсталеръ, предоставивъ имъ на волю взять, что хотятъ, и обѣ онѣ взяли ножи, оставивъ деньги мнѣ.

Торгуются съ чужестранцами Гренландцы слѣдующимъ образомъ: выбравъ изъ чужеземныхъ товаровъ то, что имъ нужно, онѣ кладутъ ихъ въ одну кучку, и за тѣмъ въ другой помѣщаютъ свои товары въ такомъ количествѣ, которое онѣ считаютъ достаточнымъ для обмѣна. Потомъ каждая изъ торгующихся сторонъ отбираетъ, или добавляетъ, часть своихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока согласится въ стоимости обмѣняемыхъ товаровъ. Товары преимущественно вымѣниваемые ими у чужестранцевъ, составляютъ, какъ сказано уже: ножи, ножницы, иглы, зеркала, ленты, желѣзо, сталь, стеклянные бусы и проч.; ихніе же товары заключаются: въ тюленьей шкурѣ, въ тюленьемъ и китовомъ жирѣ, рыбьемъ жирѣ и рогѣ единорога. Единорогъ этотъ, впрочемъ, не есть четвероногое, на землѣ живущее животное, а особый родъ кита, водящійся въ Гренландскомъ морѣ. Рогъ у этого животнаго ростетъ впереди носа, и по тому скорѣе можетъ быть названъ зубомъ, нежели рогомъ. Что этотъ рогъ не есть принадлежность четвероногаго животнаго, доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и дѣйствіе, приписываемыя рогу морскаго единорога, именно, что онъ употребляется противъ яда, какъ это дознано въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, 3 года тому назадъ въ Копенгагенѣ, покойнымъ и знаменитымъ врачомъ Олаемъ Вурмомъ, а еще недавно и у насъ въ опытахъ надъ нѣсколькими собаками.

Корабль помянутаго выше Г-на Генриха Миллера привезъ нѣсколько такихъ роговъ единороговъ, и одинъ изъ нихъ находится въ Готторфѣ, въ Палатѣ рѣдкостей Его Княжеской Свѣтлости, моего Милостивѣйшаго Государя, вмѣстѣ съ рыболовными снастями, лодкой и одеждой Гренландцевъ, а также портретами 3-хъ Гренландокъ. Рогъ этотъ величиною 8 фут. и 2 дюйма и вѣсомъ 18 фунтовъ. Въ Палатѣ же рѣдкостей (Кунстъ-Камерѣ) Его Величества Короля Датскаго находится рогъ еще 6-ю дюймами длиннѣе этого.

Изъ такого рога дикіе дѣлаютъ свои багры для ловли большихъ рыбъ и наконечники для стрѣлъ, также своего рода рубящіе и рѣжущіе орудія, которые они отлично обтачиваютъ на камняхъ. Какія кромѣ того предметы и богатства на-

ходятся въ Гренландіи, можно видѣть въ неоднократно уже упомянутомъ 26 мореплаваніи, которое издалъ (описалъ) Христофоръ Ле Блонъ (Le Blon, pag. 14), а именно: тамъ есть дорогой мраморъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шпатъ, талькъ и слюда. Въ томъ мѣстѣ Гренландіи, гдѣ высадился Англійскій мореходъ, по испаренію (дыму, пару), восходившему изъ земли, заключили, что въ странѣ находятся сѣрные рудники. Посланые на кораблѣ въ Гренландію Королемъ Фридрихомъ II нашли тамъ богатую серебряную руду, давшую 100 фунтовъ 26 унцевъ чистаго серебра.

Купеческій корабль, плававшій въ Гренландію въ 1636 году, нашелъ тамъ у одной рѣчки песокъ, цвѣтомъ и тяжестію похожій на золото; этѣмъ пескомъ экипажъ наполнилъ большую часть корабля; но когда онъ возвратился въ Данію, то песокъ этотъ данъ былъ на пробу одному золотыхъ дѣлъ мастеру (вѣроятно, не знавшему ни чего о томъ, какъ сплавлять подобный пекъ). Когда же изъ этой пробы ни чего не вышло, то песокъ этотъ, не потвергая болѣе основательному изслѣдованію, выбросили въ море, для облегченія корабля, какъ бы отъ излишней тяжести. Потомъ разскаявались въ этомъ, когда увидали, что изъ подобнаго же песку, найденнаго въ Норвежскихъ горахъ, другой опытный золотыхъ дѣлъ мастеръ извлекъ золото хорошаго качества.

Много лѣтъ протекло, и не многіе знали, что горы Сѣверныхъ странъ богаты серебромъ и золотомъ, но теперь, нѣсколько только лѣтъ, это окончательно дознано: особенно въ Норвегіи открыты богатыя серебромъ рудокопни, изъ которыхъ добываютъ большія глыбы чистаго серебра, и я самъ недавно видѣлъ и держалъ въ рукахъ кусокъ такого серебра, у Его Величества, Датскаго Короля, въ тридцать фунтовъ вѣсомъ.

Что касается до Вѣры Гренландцевъ, то не могли еще узнать, въ чемъ именно она заключается. Не сомнѣнно то, что они язычники и идолопоклонники, и одного ихъ идола, найденнаго на берегу Девисова пролива, мы пріобрѣли изъ Палаты рѣдкостей Палудана (Paludanus). Идолъ этотъ довольно грубо вырѣ-

занъ изъ дерева, величиною въ полъ локтя, одѣтъ въ перья и шерсть и обвѣшанъ небольшими продолговатыми зубами животныхъ, или звѣрей. Когда я показалъ Гренландкамъ этого идола, онѣ тотчасъ признали его, называли его Nalymguisang и объяснили, что дѣти ихъ обыкновенно пляшутъ передъ нимъ. Дѣти же должны обращаться по временамъ къ солнцу и плакать, когда оно взошло ясно. Должно думать, что они обожаютъ солнце, какъ пишетъ это и Іоаннъ Лае (Laet,) основываясь на другихъ свѣдѣніяхъ. Ни въ какое другое время не слыхали и не видали, чтобы они молились, вставая отъ сна, или ложась спать, ни передъ ѣдою, ни послѣ ея.

Цейлеръ (Zeilerus), въ своемъ описаніи Скандіи или Schonen, говоритъ, что они, какъ и Лапонцы, весьма искусны въ чародѣйствѣ, своими заклинаніями могутъ насылать грозу и поставлять такимъ образомъ въ опасность корабли чужестранцевъ, для того, чтобы имъ удобнѣе было грабить ихъ. Объ этомъ хотя и не слышно въ новѣйшихъ недавнихъ путешествіяхъ въ Гренландію, но полагаютъ, что подобная продѣлка имѣла мѣсто тогда, когда корабль Магнуса Геннингсена долженъ былъ простоять на морѣ въ бездѣйствіи и вернуться безуспѣшно, какъ говорили мы выше объ этомъ.

Они придаютъ большое значеніе заклинаніямъ, произносимымъ ими, какъ это видно изъ слѣдующаго: когда кто ни будь изъ бывшихъ у насъ Гренландцевъ заболѣвалъ, то здоровый ложился подлѣ больнаго навзничь; на него садился потомъ больной, обвязывалъ голову здороваго повязкой, втыкалъ за эту повязку у лба палку, которую безпрестанно приподымалъ голову здороваго и при этомъ что-то много говорилъ. Приподнималась такимъ образомъ голова въ началѣ легко, потомъ все труднѣе и труднѣе, а наконецъ больной и вовсе не могъ приподнимать головы здороваго. Тогда страждущій начиналъ произносить уже совсѣмъ другія слова и снова принимался приподнимать тѣмъ же способомъ голову здороваго, но только наоборотъ, въ началѣ съ трудомъ, и за тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ легче. Какое представленіе или понятіе связываютъ они съ такого рода дѣйствіями, извѣстно одному Богу.

У себя Гренландцы не признаютъ ни какого начальства, не имѣютъ ни какого различія состояній; но у кого больше дѣтей, луковъ и стрѣлъ, кто больше набьетъ рыбы и дикихъ звѣрей, тотъ и считается у нихъ богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ.

Въ отношеніи естественныхъ свойствъ обитателей этой страны, особенно же что касается темножелтаго цвѣта ихъ кожи, то свойство это даетъ достаточныя причины каждому удивляться ему; ибо цвѣтъ этотъ можно предполагать только въ жаркихъ, а не въ такихъ сурово-холодныхъ, странахъ, въ которыхъ живутъ Гренландцы. Плиній говоритъ: «Aethiopas vicini sideris vapore torreri, adustisque similes gigni, et adversa plaga mundi atque glaciali candida cute esse gentes, flavis promissis crinibus.» Если бъ такой темный цвѣтъ происходилъ только отъ одного солнечнаго жара, то Гренландцы, не подверженные ему, тѣломъ своимъ были бы не такъ черны, но гораздо бѣлѣе, какъ и Самоѣды, которые живутъ подъ одной съ ними линіей неба, или подъ одной высотою полюса.

Подобное различія цвѣта мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ свѣта: люди, живущіе на Африканскомъ мысѣ Доброй Надежды, черны, какъ смоль, какъ это видѣли и пишутъ Мандельсо въ своемъ странствіи въ Восточную Индію и другіе путешественники. Испанцы же и Итальянцы, равно какъ и Персы, живущіе въ такомъ же разстояніи отъ равноденственника (на такой же широтѣ), хотя въ Сѣверномъ, а тѣ (т. е., жители мыса Доброй Надежды) въ Южномъ полушаріи, цвѣтомъ бѣлые. Также жители страны отца Іоанна (одинъ изъ такихъ находится при нашемъ Дворѣ), темножелтаго цвѣта, а жители Цейлана и Малабара чернаго, какъ уголь, хотя и тѣ и другіе лежатъ подъ одною линіею. Еще болѣе: почти всѣ народы живущіе въ Америкѣ, и всѣ тѣ безъ исключенія, которые живутъ тамъ прямо подъ равноденственникомъ, не вполнѣ чернаго цвѣта, но также, какъ и Гренландцы, темножелтаго. Если изъ этого усматриваемъ, что причина такого явленія заключается не въ одной только близости, или отдаленности, солнца, и если спросимъ о прямыхъ, дѣйствительныхъ его причинахъ, то должны будемъ приписать ихъ сокрытымъ таинственнымъ свойствамъ земли, неба, или воздуха, которыя

(какъ говоритъ Барлей въ своей «Historia Brasiliae, оспаривая Графа Морица) «ignorantiae, proh dolor! humanae asyla.»

Сдѣсь долженъ я также упомянуть о томъ, что Французскій писатель, Бохартъ (Bochartus), въ своемъ «Phaleg или въ Священной Географіи (lib. 4, c. 1, de Chami posteris) пишетъ, размышляя о Маврахъ и вообще о дикихъ чернаго цвѣта. А именно, что они будучи потомками проклятаго Хама, должны были носить черный какъ знакъ проклятія, и что самое имя Хама носитъ въ себѣ слѣды этого проклятія, ибо חם Хамъ значитъ жаркій, горячій, и חום Хумъ (Chum) черный, и что, наконецъ, не безъ особеннаго сонзволенія Божьяго случилось то, что Хаму досталась часть въ жаркихъ палящихъ земляхъ, которыми и теперь обладаютъ его потомки; такъ, на пр., часть Азіи, Африки, отсюда въ Америку и такъ далѣе, до этѣхъ Гренландцевъ, которые, безъ сомнѣнія, также суть потомки Хама. Таковы церковныя воззрѣнія на чернокожихъ и дикихъ. Что касается до естественнаго развѣтвленія и различія между чернымъ и темножелтымъ цвѣтами въ различныхъ мѣстахъ, то должно полагать, что оно происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что первоначально установленная природа и коренной родъ черныхъ, отъ родителей черныхъ, съ теченіемъ времени смѣшался съ бѣлымъ, и отъ того пошла порода не совершенно черныхъ. То же видимъ мы на прививкахъ и мулахъ, которые происходятъ отъ двухъ родовъ и породъ (Это сравненіе я беру сдѣсь, слѣдуя Бодину, Bodinus). И такой родъ и свойства не перемѣняютъ они съ перемѣною мѣста.

По этому ученый Горнъ (Hornius), въ своемъ «De origine gentium Americanarum», полагаетъ, что обитатели Кварека (Quareca), такъ какъ они гораздо чернье всѣхъ другихъ Американцевъ, совершенно похожи на Мавровъ, размножились тамъ отъ Мавровъ, и перемѣна неба не имѣла на нихъ ни какого вліянія. Основываясь на этомъ, я также, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, держусь мнѣнія, что происхожденіе Гренландцевъ должно быть изъ Америки и изъ Татаріи, и что Гренландія должна на востокъ примыкать къ Америкѣ, а на западъ къ Татаріи, или даже соединяться съ ними посредствомъ какого ни будь узкаго ледянаго моря (пролива), черезъ которое легко можно было бы

пройти и проѣхать. Цейлеръ, въ приведенномъ выше сочиненіи, думаетъ, что Гренландія соприкасается также съ Лапоніей, ибо жители ея, какъ и Лаплонцы, имѣютъ общую наклонность къ чародѣйству. (См. Horn. l. 2, c. 1). Что, слѣдовательно, Гренландцы, имѣющіе чисто Американскій цвѣтъ и внутреннія свойства, а лицо и волосы Татарскіе, пришли съ запада, изъ Америки, смѣшались съ Татарами и удержали свой цвѣтъ въ такой холодной мѣстности, какъ и Мавры въ нашей странѣ. И это вовсе не плохое объясненіе истиннаго происхожденія Гренландцевъ; ибо помянутый сейчасъ писатель говоритъ: «Magnum prae ceteris in eruenda gentium origine momentum habet corporis habitus, minus quam cetera mutationi obnoxius.» На этомъ основаніи и Геродотъ доказывалъ, что Колхидяне должны были прибыть изъ Египта, по тому что имѣли черные курчавые волоса. Объ этомъ можно читать въ его «Euterpe».

Для дальнѣйшаго подтвержденія такого мнѣнія, приведу сдѣсь мѣсто изъ описанія Западной Индіи Іоанна де Лае (Johannes de Laet), гдѣ онъ пишетъ объ островѣ, называемомъ «Новая Земля» (Terra Nova), который лежитъ противъ Гренландіи, на западъ, въ Америкѣ: «Quicunque nuper de hac insula scripserunt, magno consensu testantur orientalem et meridionalem illius plagam nullis hominibus habitari, sed omnes incolas barbaros ad occidentalem et orientalem partes incertis sedibus vagari, asperi et inculti, et cet.» То есть: Всѣ, писавшіе объ этой странѣ, единогласно свѣдѣтельствуютъ, что восточная и западная ея части не обитаемы ни какимъ извѣстнымъ народомъ, но посѣщаются варварами, которые шатаются туда и сюда. Это—грубые, дикіе люди, которые не признаютъ и не боятся ни Бога, ни какого либо правленія. Живутъ они болѣе какъ звѣри, чѣмъ какъ люди, и такъ какъ они во всемъ сходны съ обитателями Сѣверныхъ частей материка, то, безъ сомнѣнія, и одного съ ними происхожденія. Они не велики ростомъ, черноволосы и съ приплюснутыми носами. Одежда ихъ, какъ и жилища, дѣлаются изъ шкуръ морскихъ животныхъ. Они весьма искусны въ китоловствѣ, въ добываніи изъ китовъ ворвани (жиру) и чрезвычайно трудолюбивы и услужливы по отношенію къ Французамъ и Испанцамъ, которые ежегодно пріѣзжаютъ въ проливъ Св. Лаврентія для ловли ки-

товъ. И такъ далѣе въ помянутомъ мѣстѣ сочиненія Іоанна де Лае.

Изъ сихъ обстоятельствъ видно, что этѣ люди, по природѣ горячіе, темножелтые и съ расписанными лицами, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, жизни, нравахъ и видѣ сходны съ Гренландцами, и по тому Гренландцы (такъ говоря) могутъ быть названы Сѣверо-Американцами. Также, что Гренландія не есть вовсе отдѣльная отъ Америки земля, не смотря на проливъ Девиса (Freto Davis), который отдѣляетъ ихъ и которымъ возражаютъ противъ сказаннаго предположенія, говоря, что море это никто еще не переходилъ. Но его должно скорѣе считать заливомъ, которыхъ тамъ много, и которые, будучи окружены землей, подобно стоячимъ озерамъ, легко замерзаютъ

Изъ сказаннаго ясно, что весьма ученый Г. Гротъ (H. Grotius) очень ошибается, говоря, что Гренландія, и даже все огромное пространство цѣлой половины Америки до перешейка (Isthmum) и города Панамы (Panoma), заселено Норвежцами; ибо жители ея ни видомъ, ни цвѣтомъ, ни языкомъ вовсе не похожи на Норвежцевъ, но совершенно сходны съ Африканцами и Татарами. Въ этомъ согласны со мною помянутые де Лае и Горнъ, достаточно въ такомъ случаѣ опровергающіе Грота.

На этотъ разъ довольно будетъ о Гренландцахъ. За симъ обратимся снова въ Россію къ нашимъ Москвитянамъ.

ГЛАВА V.

Собственно о Русскихъ, относительно ихъ внѣшняго вида и одежды.

Москвитянъ или Русскихъ разсмотримъ мы прежде всего съ внѣшней стороны, а именно, по ихъ наружному виду, образу и одеждѣ, а за тѣмъ уже съ внутренней, по ихъ духу, способностямъ и нравамъ.

Мужчины вообще великорослые, плотные и крѣпкіе люди, кожею и естественнымъ цвѣтомъ похожіе на остальныхъ Европейцевъ. Они придаютъ большое значеніе длиннымъ, окладистымъ, бородамъ и толстымъ брюхамъ, и по тому обладающіе ими пользуются большимъ почетомъ отъ другихъ. Даже Его Царское Величество наряжаетъ такихъ людей, обыкновенно бывающихъ между купечествомъ, на службу при торжественныхъ представленіяхъ, даваемыхъ Посламъ, чѣмъ Его Величество думаетъ придать большее уваженіе къ своей особѣ. Усы Русскіе отпускаютъ длинные, висящіе черезъ уста.

Волосы на головѣ только одни ихъ Попы или Священники носятъ длинные, распущенные по плечамъ, всѣ же остальные коротко подстриженные. Знатные Бояре подбриваютъ ихъ даже бритвою и считаютъ это украшеніемъ. Амвросій (Ambrosius), впрочемъ, совсѣмъ иного объ этомъ мнѣнія и говоритъ: «Ex arboribus licet, quae humani sit gratia capitis, aestimare: tolle arbori comam, tota arbor ingrata est.» Можетъ быть, это онъ заимствовалъ изъ Овидія:

«Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus,
Et sine fronde frutex, et sine crine caput.»

Т. е., Не хорошо животное безъ хвоста, лугъ безъ травы, кустарникъ безъ листвы, точно также не хороша и голова безъ волосъ.

Но какъ скоро кто провинится въ чемъ передъ Его Царскимъ Величествомъ, или узнаетъ, что онъ подъ опалой, то отпускаетъ себѣ длинные, не расчесываемые, волосы на все время, пока бываетъ въ немилости. Обычай этотъ, можетъ быть, они заимствовали у Грековъ, которымъ стараются они подражать во всемъ; ибо Греки, по сказанію Плутарха, при какомъ ни будь большомъ несчастіи ходили съ длинными, распущенными волосами. Женщины же въ подобныхъ обстоятельствахъ стригли себѣ волосы (Plut. Quaest. Rom. 14, pag. 267).

Женщины въ Россіи средняго роста, вообще стройны, нѣжны лицемъ и сложеніемъ, но въ городахъ всѣ румянятся, и такъ

грубо и замѣтно, что, глядя на нихъ, подумаешь, будто кто вымазалъ ихъ рукою, полною муки, и потомъ кисточкой намазывалъ имъ щеки красной краской. Брови и рѣсницы они также подкрашиваютъ черною, а иногда корпчневою, краской.

Навѣщая сосѣдей, или появляясь въ обществѣ гдѣ ни будь въ гостяхъ, женщина, чтобы быть угодною для всѣхъ, непремѣнно должна раскраситься сказаннымъ образомъ, хотя отъ природы она и была бы красивѣе, чѣмъ нарумянена, и дѣлается это для того, чтобы природная красота не выдавала безобразія тѣхъ, которыя имѣли нужду въ искуственной прикрасѣ. Такъ случилось разъ въ нашу бытность въ Москвѣ, что жена знатнѣйшаго Вельможи и Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго (Ivan Borissewitz Zirkaski), прекрасная собою, не хотѣла было румяниться сначала, но ее тотчасъ же оговорили жены другихъ Бояръ, за чѣмъ она презираетъ порядокъ и обычаи ихъ земли, и тѣмъ хочетъ опозорить другихъ, себѣ подобныхъ, и дѣло до того довели чрезъ своихъ мужей, что эта, красивая отъ природы, женщина принуждена была, наконецъ, румяниться и, такъ сказать, зажигать свѣчку при свѣтломъ сіяніи солнца.

Такъ какъ всѣ румянятся тамъ, не скрываясь, то женихъ обязанъ, передъ свадьбою, между прочими подарками, прислать невѣстѣ и коробочку румянъ, о чемъ, впрочемъ, скажу я еще при описаніи ихъ свадебъ вообще.

Замужнія женщины волосы носятъ подобранныя вмѣстѣ подъ шапочкой (Mützen), взрослыя же дѣвицы заплетаютъ ихъ въ косы, которыя спускаютъ вдоль спины, и на концахъ ихъ вплетаютъ красныя шелковыя ленты.

У дѣтей моложе 10 лѣтъ, какъ у дѣвочекъ, такъ и у мальчиковъ, волосы стригутъ на всей головѣ, оставляя только по локону по обѣимъ сторонамъ; дѣвочки же, въ отличіе отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя, или мѣдныя, кольца (сережки).

Одежда мужчинъ Русскихъ почти похожа на Греческую: они носятъ рубашки широкія, но короткія, едва достигающія до си-

дѣнья, и безъ отложнаго ворота около шеи; на спинѣ, внизъ отъ плечей, подшивается подкладка, въ видѣ треугольника, вышитаго краснымъ шелкомъ, у нѣкоторыхъ подъ мышками, и снизу по обѣимъ сторонамъ, вшиваютъ довольно красиво ластовицы изъ красной тафты. У богатыхъ воротъ рубашки шириною въ дюймъ, разрѣзъ напереди и рукава вышиты разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ, и въ такомъ случаѣ рукава этѣ выпускаютъ изъ подъ рукавовъ кафтана; въ томъ мѣстѣ, гдѣ воротникъ рубашки сходится, пришиваются двѣ жемчужныя, серебряныя, или золотыя, застежки. Штаны или порты носятъ они вверху широкіе, собранные на тесьмѣ, на которой они распускаютъ ихъ шире, или стягиваютъ уже, смотря по надобности. Поверхъ рубашки они носятъ узкіе кафтаны, похожіе на наши фуфайки, только длинные до колѣнъ и съ длинными же рукавами, стянутыми у кисти и собранными въ нѣсколько складокъ; сзади, у шеи, на кафтанѣ дѣлаются воротники, длиною и шириною въ $^1/_4$ локтя, снизу подбитые бархатомъ, а у знатныхъ парчею, и воротники этѣ выпускаются изъ подъ верхнихъ кафтановъ и твердо стоятъ подъ затылкомъ. Одежду эту они называютъ кафтаномъ (Kafftan). Сверхъ этого кафтана нѣкоторые надѣваютъ еще другой, длинный до пкръ, называемый у нихъ ферязью (Feres). Оба этѣ нижніе кафтана шьются изъ полуситца, киндяка, тафты, камки, или атласа, смотря по достатку. Ферязи подбиваются ватой. Сверхъ ферязи надѣвается еще болѣе длинный кафтанъ, достигающій до пятъ; но этотъ кафтанъ надѣваютъ они сверхъ первыхъ двухъ только тогда, когда выходятъ со двора. Такіе верхніе кафтаны шьются вообще изъ голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго, или темно-зеленаго сукна, а также изъ пестраго атласа, или парчи.

Всѣ послѣдняго рода, т. е., парчевые кафтаны, хранятся обыкновенно въ Великокняжескихъ кладовыхъ и ссужаются только сановникамъ и почетнымъ Боярамъ, которые наряжаются для присутствованія при торжественныхъ представленіяхъ.

У верхнихъ кафтановъ назади, на плечахъ, дѣлается широкій воротникъ; спереди и по бокамъ разрѣзы, обшитые золотымъ, а иногда и жемчугомъ унизаннымъ, снуркомъ, на которомъ

висятъ длинныя кисти. Рукава въ этѣхъ кафтанахъ такой же почти длины, какъ и самые кафтаны, но чрезвычайно узки; надѣвая ихъ, рукава этѣ собираются на руки во множество складокъ, такъ что едва возможно бываетъ высунуть изъ нихъ руки наружу; иногда въ ходьбѣ рукава этѣ распускаются съ руки во всю ихъ длину, такъ что они висятъ гораздо длиннѣе рукъ. Холопы и мошенники въ такихъ рукавахъ не рѣдко скрываютъ камни, или дубинки, съ которыми нападаютъ, особенно ночью, на проходящихъ и убиваютъ ихъ.

Русскіе всѣ носятъ на головахъ шапки, Князья и Бояре, или Государственные Совѣтники (Царскіе Думные), когда выходятъ на торжественныя собранія, изъ черной лисицы, или соболя, вышиною съ локоть (3/4 аршина); въ другое же время—бархатныя, на подобіе нашихъ, шапки, подбитыя черною лисицей, или соболемъ, съ небольшою опушкою изъ того же мѣха, и по обѣимъ сторонамъ обшитыя золотымъ, или жемчужнымъ, снуромъ. Простой народъ лѣтомъ носитъ бѣлыя войлочныя шляпы, а зимою суконныя, подбитыя обыкновеннымъ (бараньимъ) мѣхомъ шапки (Schapken).

Всѣ Русскіе, также какъ и Поляки, носятъ короткіе сапоги, съ длинными острыми носками, изъ юфти, или изъ Персидскаго сафьяну. О кордуалѣ (Греческой кожѣ), они ни чего и не знаютъ. Женщины, особенно дѣвицы, носятъ башмаки съ весьма высокими, въ четверть локтя каблуками, подбитыми снизу кругомъ маленькими, красивыми гвоздиками; въ такихъ башмакахъ онѣ не могутъ и ходить много, по тому что должны ступать только на цыпочки, едва касаясь земли передкомъ башмака.

Женское платье похоже на мужское, только верхнее у нихъ шире нѣсколько, а шьется изъ того же сукна; богатыя женщины обшиваютъ свои платья спереди, сверху до низу, позументами и другими золотыми тесьмами, нѣкоторыя окаймляютъ ихъ снурками и кистями, остальныя наконецъ разукрашиваютъ ихъ большими серебряными и свинцовыми пуговицами. На верху у плечей рукава въ платьяхъ имѣютъ отверстія, въ которыя можно было бы просовывать руки, и въ такомъ случаѣ самые рукава

оставляются висящими. Женщины не носятъ вовсе кафтановъ, а тѣмъ болѣе четырехъугольныхъ, высоко подъ затылкомъ стоящихъ воротниковъ. Рукава въ женскихъ рубашкахъ дѣлаются въ 6, 8 и 10 локтей, а если рубашки шьются изъ чистаго полусита, то и длиннѣе, но узкіе и собираемые на руки во множество складокъ. На головахъ женщины носятъ развалистыя, широкія шапки парчевыя, атласныя или камчатыя и обшитыя золотою каймою, нѣкоторыя же разукрашиваютъ ихъ золотомъ и жемчугомъ съ опушкою изъ боброваго мѣху, волосъ котораго опушаетъ и закрываетъ у нихъ болѣе половины лба. Взрослыя дѣвицы носятъ большія лисьи шапки.

Въ прежнее время Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, служившіе у Великаго Князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ пребывавшіе и жившіе въ Москвѣ, должны были носить платье и всю одежду, сшитыя на Русскій образецъ, для того, чтобы тѣмъ оградить ихъ отъ ругательствъ и оскорбленій чернаго народа. Но назадъ тому годъ, нынѣшній Патріяхъ измѣнилъ это и именно по слѣдующему случаю: однажды, когда въ городѣ была большой, торжественный ходъ, въ которомъ принималъ участіе самъ Патріярхъ, благословляющій обыкновенно по улицамъ народъ, толпящійся вокругъ, нѣсколько Нѣмцевъ, стоявшіе также въ толпѣ между Русскими, отвѣчали на благословенія Патріярха не такими низкими поклонами, какъ Русскіе. Патріярхъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «Не подобаетъ недостойнымъ чужестранцамъ, по невѣдѣнію моему ихъ, получать мое благословеніе.» И по тому, чтобы впередъ онъ могъ узнавать ихъ и различать отъ Русскихъ въ толпѣ, онъ издалъ строгій приказъ всѣмъ иноземцамъ, чтобы они немедленно перестали носить Русскія одежды, и ходили бы въ своихъ, ихъ странѣ свойственныхъ, платьяхъ.

Какъ ни трудно было нѣкоторымъ изъ иностранцевъ немедленное исполненіе такого строгаго приказа, тѣмъ не менѣе, не желая навлечь себѣ непріятностей, они поспѣшили возможно скорѣе его исполнить. Многіе изъ нихъ, по недостатку матеріи и другихъ принадлежностей одежды, для изготовленія новаго платья, а также и по тому, что портные не могли немедленно построить

этѣ новыя платья, поставлены были въ затруднительное положеніе, такъ какъ, обязанные ежедневною службой при Царскомъ Дворѣ, они не могли явиться туда, не навлекши на себя неудовольствія. По этому каждый хватался за то, что было у него ближе подъ рукою. Иные надѣли на себи отцовскія, дѣдовскія, и, можеть быть, даже прадѣдовскія, или другихъ друзей, платья, изъ которыхъ часть еще при Грозномъ прибыла въ Москву, вмѣстѣ съ привозомъ въ нее древнихъ Ливонцевъ, и хранилась тамъ въ сундукахъ до сего времени. Когда одѣтые такимъ образомъ этѣ иностранцы прибыли въ свое собраніе, то появленіе ихъ причинило не мало смѣху, не по тому только, что платье на нихъ было уже старо и вышло изъ обыкновенія, но и по тому, что на одномъ платье было уже очень широко, а на другомъ коротко и узко.

Въ настоящее время, всѣ иностранцы, какой землѣ они ни принадлежали бы, должны носить свои народныя платья, для того, чтобы ихъ можно было отличить отъ Русскихъ.

Въ Москвѣ живетъ Князь, по имени Никита Ивановичъ Романовъ (Mikita Ivanovitz Romano), знатнѣйшій и богатѣйшій изъ Бояръ послѣ Царя и близкій его родственникъ, превеселый Бояринъ, большой любитель Нѣмецкой музыки. Онъ имѣетъ особенное расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, преимущественно же къ Нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ Польское и Нѣмецкое платье, въ которыхъ, ради своего удовольствія, и выѣзжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчаніе Патріярха; но на этѣ, равно и на другія, замѣчанія его, по поводу нѣкоторыхъ противвурелигіозныхъ поступковъ, Князь всегда давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты, такъ что наконецъ Патріярхъ долженъ былъ хитростію похитить у Князя иностранныя платья, и такимъ образомъ лишить его возможности одѣваться въ нихъ.

ГЛАВА VI.

О природныхъ свойствахъ Русскихъ, объ ихъ правахъ и обычаяхъ.

Если разсматривать Русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ; ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были Греки, и хотя Русскіе хвалятся прибытіемъ къ себѣ Грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ни чего общаго между собою ни по языку, ни по искуствамъ. Извѣстно, что одни только Греки считались разумными и образованными людьми; всѣ же прочіе, не Греки, назывались варварами. Такъ какъ Русскіе не любятъ ни какихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искуствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, то, по изреченію: «Didicisse fideliter artes emolit mores, nec sinit esse feros» (т. е., занятіе искуствами смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ), Русскіе и остаются невѣжественны и грубы.

Большинство Русскихъ, когда что либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искуствахъ, произноситъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ Астрономію и Астрологію они считаютъ волшебными науками. Они ни какъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой либо планеты. По этому, когда, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что Великій Князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ Астрономомъ, начались толки: въ Москву, де, скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ Голштинскомъ Посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности.

Можетъ быть, впрочемъ, Москвитяне желали удержать меня въ своей землѣ, не за то, что я былъ свѣдущъ въ Астрономіи,

а по тому скорѣе, что я рисовалъ, какъ имъ стало извѣстно, рѣку Волгу и Персидскія области, черезъ которыя мы проѣзжали, и положилъ ихъ на карту.

Позднѣе, именно въ 1643 году, когда я опять былъ въ Москвѣ, будучи посланъ туда моимъ Милостивѣйшимъ Государемъ, я, сидя дома, забавлялся камеръ-обскурой, пропуская сквозь небольшое отверстіе и шлифованное стекло все то, что происходило на улицѣ передъ окномъ, и представляя этѣ изображенія живыми красками, вошелъ ко мнѣ Русскій Подканцлеръ, которому я и показалъ тѣ изображенія. Онъ перекрестился и сказалъ: «Это чародѣйство!» Его собственно поразили люди и лошади, ходившіе вверхъ ногами, какъ представлялись они на изображеніи.

Хотя Русскіе любятъ и уважаютъ Врачей и ихъ искуство, но ни какъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми наглядным образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ лѣченія, какъ, на прим., анатомированія тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ Русскіе питаютъ величайшее отвращеніе.

Не много лѣтъ тому назадъ, одинъ искусный цырюльникъ, по имени Квиринъ (Quirinus), Голландецъ, чрезвычайно любезный человѣкъ, находился въ службѣ у Великаго Князя и въ своемъ жилищѣ имѣлъ человѣческій скелетъ, который висѣлъ у него на стѣнѣ позади стола. Однажды, когда онъ, по своему обыкновенію, сидя за столомъ, игралъ на лютнѣ, пришли, на звукъ музыки, Стрѣльцы, которые тогда еще держали постоянную стражу на Нѣмецкомъ Дворѣ, и, ради любопытства, заглянули въ дверь. Когда они увидѣли висѣвшія на стѣнѣ человѣческія кости, то перепугались, и тѣмъ еще болѣе, когда замѣтили, что кости тѣ двигались; въ ужасѣ они разбѣжались и распустили слухъ, что Нѣмецкій цырюльникъ повѣсилъ у себя на стѣнѣ мертвеца, и когда самъ играетъ на лютнѣ, то мертвецъ движется. Слухъ этотъ тотчасъ дошелъ до Великаго Князя и Патріярха, которые послали немедленно нарочныхъ посмотрѣть и разузнать все обстоятельно, особенно наблюдая за тѣмъ, когда цырюльникъ будетъ играть на лютнѣ. Посланные не

только подтвердили первое показаніе, но еще увѣряли, что мертвецъ на стѣнѣ просто плясалъ подъ лютню.

Русскимъ показалось это великимъ дивомъ: они начали держать совѣтъ и порѣшили, что цырюльникъ непремѣнно должно быть колдунъ, и что его слѣдуетъ сжечь, вмѣстѣ съ его костями мертвеца. Какъ только Квиринъ узналъ о замышленномъ втайнѣ противъ него, опасномъ для него, рѣшеніи, тотчасъ послалъ одного знатнаго Нѣмецкаго купца, котораго всѣ Бояре всегда хорошо принимали, къ Князю Ивану Борисовичу Черкаскому, объяснить настоящее значеніе дѣла и отклонить отъ него, Квирина, грозящее ему непристойное намѣреніе Русскихъ. Купецъ этотъ, въ разговорѣ съ Бояриномъ, объяснилъ ему, что по скелету ни какъ нельзя еще приписывать цырюльнику какое ни будь волшебство; такъ, въ Германіи ужь такой обычай, что всѣ лучшіе Врачи и цырюльники имѣютъ у себя человѣческія кости, которыя и стараются изучать, для того собственно, что если кому либо изъ живыхъ людей случится сломить себѣ ногу, или повредить другой какой ни есть членъ, то по скелету можно лучше узнать, какъ приняться за дѣло и излѣчить поврежденіе. Что же касается до того, что висѣвшія кости двигались, то происходило это не отъ игры цырюльника на лютнѣ, а отъ вѣтра, который дулъ въ открытое окно и качалъ кости. Хотя послѣ такого объясненія сказанное рѣшеніе и было отмѣнено, но все таки Квиринъ долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Россіи, а его скелетъ выволокли за Москву рѣку и тамъ сожгли. Подобную же трагедію, еще недавно, Русскіе хотѣли было разыграть съ однимъ живописцемъ, Нѣмцемъ Іоанномъ Детерсеномъ (Johann Detersen). Во время большаго пожара въ Москвѣ, бывшаго 4 года тому назадъ, Стрѣльцы, прекращая огонь по своему, описанному выше, способу, т. е., ломая близъ стоящія къ пожару строенія, взошли въ домъ этого живописца, и нашли тамъ старый черепъ; они тотчасъ же порѣшили и черепъ и самого живописца бросить въ огонь, и исполнили бы это, если бъ не случились тутъ нѣкоторые, болѣе разумные, люди, убѣдившіе Стрѣльцовъ, что черепъ этотъ, по обычаю Нѣмецкихъ живописцевъ, служитъ Детерсену не для чего иного, какъ только для рисованія.

Что касается до ума Русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности этѣ употребляются не на добрыя и похвальныя дѣла, а для достиженія какихъ ни будь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенія своихъ желаній. По этому они, какъ говоритъ Якобъ (Jacobus), Nobilis Danus (какъ онъ самъ себя называетъ), Посланникъ Датскаго Короля Фридриха II-го, въ сочиненіи своемъ, «Hodoeporicum Ruthenicum» (Francof. 1608): «Callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remiserunt», то есть: они коварны, своенравны, необузданны, строптивы, изворотливы, безстыдны и на всякое зло склонны; силу употребляютъ они вмѣсто права, и вообще распрощались со всѣми добродѣтелями и потеряли всякій стыдъ.

Свою смышленность и хитрость Русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить, или продать, повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякого рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать не малымъ умомъ. Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легко вѣрятъ другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ ни будь, то они хвалятъ такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. По этому, однажды нѣсколько Московскихъ купцовъ очень просили одного Голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ Голландецъ зналъ разныя мастерскія по ихнему пріемы и продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, пріобрѣтя такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно, однако жь, что между Русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при расчетѣ лишнія деньги. Возвратить такія деньги они считаютъ себя обязанными по тому, что передача такая случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало быть, было

бы просто воровство. Если же передача случится по доброй волѣ и съ вѣдома покупателя, то такой покупатель считается ихъ противникомъ, и передача ему не возвращается, такъ какъ, вступая въ торгъ, нужно имѣть разумъ и сообразительность, иначе и не берись за это дѣло.

Чтобы выместить на какомъ ни будь ближнемъ, противъ котораго они питаютъ злобу и ненависть, свою досаду, обманъ и коварство, Русскіе, между прочимъ, прибѣгаютъ и къ слѣдующей продѣлкѣ: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, влекущимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обвинить въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него въ займы деньги, подъ которыя оставляютъ въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также потихоньку, иногда пробираются въ домъ къ нему, или не замѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ Русскіе имѣютъ обыкновеніе носить письма, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую ни будь изъ своихъ вещей, и за тѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что тотъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленныя такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Такъ какъ подобные обманы и клеветы сдѣлались уже общеупотребительными и всѣмъ извѣстными, то въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1634-мъ году, Великій Князь въ Новый Годъ издалъ новый Указъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы никто, ни даже отецъ съ сыномъ, не ссужали другъ друга деньгами и не закладывали вещей безъ дачи съ обѣихъ сторонъ извѣстной росписки, подъ опасеніемъ заключенія обоихъ тяжущихся въ темницу до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено ясныхъ доказательствъ, что требованіе справедливо, или что оно должно быть отвергнуто, какъ незаконное. Бываетъ и такъ, что нѣкоторые неправедные судьи сами даже подучаютъ потихоньку къ подобнымъ ложнымъ доносамъ, съ корыстными для себя цѣлями, какъ это подробнѣе увидимъ ниже сего.

Вообще ложные доносы и обманъ между Русскими въ такомъ ходу, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ, или супруговъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Въ царствованіе Великого Князя Бориса Годунова случилось (какъ намъ разсказывалъ это, бывшій въ Москвѣ въ наше тамъ пребываніе, Нарвскій Пасторъ Мартинъ Бееръ) (Bäär), что, заболѣвъ однажды весьма сильно подагрою, Великій Князь приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни: такой явился бы ко Двору, и какого бы состоянія и вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой. Услышавъ это, жена одного Боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмщенія мужу своему, тотчасъ же пошла и заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь Великому Князю, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ Царю. Бояринъ тотчасъ же былъ потребованъ къ В. Князю, и тамъ допрошенъ; когда онъ объяснилъ сдѣсь, что вовсе не смыслитъ ни чего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда же онъ сказалъ, что все это продѣлки жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него, и съ которою онъ за это раздѣлается, то его еще пещадиѣе побили, грозили даже смертною казнію, которую хотѣли не медля исполнить, если онъ не вылѣчитъ Великаго Князя. Несчастный Бояринъ поблѣднѣлъ отъ страха, не зналъ что дѣлать, и рѣшился наконецъ попробовать лѣченія, для чего и просилъ, чтобы ему дали сроку, по крайней мѣрѣ, на 14 дней, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для лѣченья травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ ни будь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ ни есть могутъ измѣниться въ его пользу. Когда ему дали отсрочку на 14 дней, онъ послалъ въ Чирбакъ? (Czirback), [1] отстоящій отъ Москвы на два дня пути, при рѣкѣ Окѣ, и приказалъ привезти оттуда разнаго рода земли и травы, которая росла тамъ въ изобиліи и отличалась длиною, цѣлый возъ, и изъ этого-то зелья онъ сдѣлалъ Великому Князю ванну. Къ великому счастію Боярина страданіяб ольнаго послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, сколько сами собою. Послѣ этого Бояринъ хотя и былъ еще жестоко побитъ за то, что онъ, знавши средство вылѣчить

[1] Серпуховъ? О. Б.

Царя, запирался, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200-ми рублями или 400-ми рейхсталерами и 18-ю душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ мстить своей женѣ. Этѣ супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи.

Въ прежнее время по такого рода злымъ и ложнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія Его Величества, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправданій, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку, или даже казнили смертію, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ, или своихъ, все равно. Такіе примѣры у Русскихъ неисчислимы.

Въ такихъ случаяхъ не бывало пощады даже и иностраннымъ Посланникамъ разныхъ владѣтельныхъ особъ. Такъ, подобный скорый судъ исполненъ былъ надъ Посломъ Римскаго Императора: по доносу онъ посаженъ былъ сначала въ темницу, а за тѣмъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ, въ надеждѣ, что съ нимъ будутъ лучше обращаться, принялъ Русскую Вѣру. Въ бытность нашу въ Москвѣ этотъ Посолъ находился еще тамъ. Подобное же повторилось и въ наше время съ Посломъ Французскаго Короля, Карломъ Талерапомъ, Княземъ Шальскимъ (Charles Tallerand, Prince de Chales), который тайно, по Русскому обычаю, былъ оклеветанъ и преданъ злонамѣреннымъ товарищемъ своимъ, Яковомъ Рушелемъ (Jacob Rouchelle). Объ этомъ подробнѣе сказано уже было мною въ 17 главѣ 1-й книги.

Когда же наконецъ дознали, что большею частію обвиненія этѣ и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основанія и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то Правительство Русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе, и постановило, чтобы впередъ, въ уголовныхъ дѣлахъ, обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткѣ.

Если на пыткѣ доносчикъ оставался при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго

и подвергаютъ его также пыткѣ, или же, если обстоятельства дѣла ясны, прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію. Подобное случилось при насъ, когда одинъ изъ Великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будьто намѣреніе отравить Великокняжескихъ лошадей, а если бъ ему представился случай, то отравилъ бы и самого Великаго Князя. По такому доносу сказанная жена конюха подвергнута была пыткѣ, и такъ какъ она вынесла все мученіе, не измѣнивъ своего показанія, то мужъ ее признанъ былъ виновнымъ и отправленъ въ ссылку въ Сибирь; жена же его осталась въ Москвѣ и получала изъ казны на прожитокъ половину годоваго жалованья своего мужа.

Если Русскіе такъ часто во многихъ дѣлахъ употребляютъ коварство и хитрость, и сами между собою до такой степени вѣроломны, то легко себѣ представить, какое расположеніе питаютъ они къ чужестранцамъ, и въ какой степени можно полагаться на ихъ искренность. Когда случается, что они предлагаютъ кому свою дружбу, то дѣлается это не изъ любви къ добродѣтели (которой они не уважаютъ, и которая, по мнѣнію философа, должна быть основаніемъ и цѣлію всякаго добраго дѣла), а единственно изъ желанія достигнуть своей собственной выгоды и пользы, такъ что про нихъ справедливо можно сказать: «Vulgus amicitias utilitate probat,» т. е., если чернь оказываетъ дружбу, то, конечно, расчитывая только на выгоду отъ того.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью, или богатству, по какой ни есть службѣ, или должности, чрезвычайно высокомѣрны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностранцамъ, не только какимъ ни будь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли, и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно также думаютъ, что и ни одинъ Государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ Великимъ Княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ ни какого письма, надписаннаго къ Его Царскому Величеству, если въ немъ сдѣ-

ланъ ничтожный пропускъ въ титулѣ, или что ни будь не извѣстное имъ.

Было забавно, какъ въ прошломъ году два Русскіе Посланника, отправленные въ Голштинію къ тамошнему Правительству, не хотѣли принять отъ Его Свѣтлости письма къ Его Царскому Величеству по тому, что на конвертѣ, по обыкновенію, какъ надписывались письма къ прежнимъ Великимъ Князьямъ, было выставлено: «дядѣ и зятю,» до тѣхъ поръ, пока этѣ два слова не будутъ исключены изъ подписи. Посланники увѣряли, что прибавка этѣхъ словъ будетъ стоить имъ жизни, и думали, что Его Царское Величество слишкомъ высокъ для того, чтобы какой бы то ни было иностранный Государь могъ назвать его своимъ зятемъ. Не смотря, однако жь, на то, этѣмъ Посланникамъ было объяснено и доказано, что такъ какъ Герцогъ Магнусъ Голштинскій, двоюродный братъ моего Милостивѣйшаго Государя, состоитъ въ родствѣ съ предками Его Царскаго Величества, то по этому и сказанныя слова выставлены на конвертѣ надлежащимъ и законнымъ образомъ. Это похоже на то, что Персы пишутъ о своемъ великомъ святомъ и покровителѣ Аэли (Aaly), что «если онъ и не самый Богъ, то близкій его родственникъ.»

Русскіе рѣзко вспыльчивы и не воздерживаются отъ этой вспыльчивости, если ихъ не такъ принимаютъ, или угощаютъ, какъ бы имъ того хотѣлось.

Приставы, на примѣръ, наряжаемые Его Царскимъ Величествомъ въ услуженіе и для принятія иностранныхъ Пословъ, нисколько не совѣстятся требовать торжественно, чтобы Послы снимали шапки и слезали съ лошадей прежде, чѣмъ Русскіе. Также, во время поѣздовъ они насильно протѣсняются впередъ, чтобы ѣхать, или итти, выше Пословъ, и выдѣлываютъ и другія подобныя невѣжливости. Они думаютъ, что очень унизятъ достоинство своего Царя и всего народа, если выкажутъ какую ни будь вѣжливость, почтительность, или снисхожденіе къ чужеземнымъ гостямъ и Посламъ Великихъ Государей, которые, по словамъ Fred. de Merseler, въ его «Legatus,» Imagines Principum et

principali honore digni censendi,» т. е., представители своихъ Государей достойны высокой Царской чести.

Даже знатнѣйшіе изъ Русскихъ въ письмахъ своихъ къ иностраннымъ особамъ употребляютъ довольно рѣзкія выраженія, и иногда только пустой наборъ словъ, ради приличія, но сами очень не любятъ, если имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Впрочемъ, намъ случалось встрѣчать Русскихъ, правда, не многихъ, которые оказывали намъ всевозможное вниманіе и доброе расположеніе. Прежде, конечно, они были еще грубѣе, но теперь, въ слѣдствіе постояннаго сообщества и обращенія съ иностранцами, стали общительнѣе. Выше помянутый Никита (Mikita), какъ по разуму, такъ почестности и доброму обращенію, есть найлучшій между всѣми, а по тому и найболѣе приносящій пользы и можетъ считаться украшеніемъ Русскихъ, какъ это скоро увидимъ мы подробнѣе.

По своему высокомѣрію, Русскіе и сами между собою ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія мѣста и часто заводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ Новгородѣ. 14-го Іюля прибылъ туда изъ Москвы, осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвѣдѣтельствовать свое почтеніе Посламъ, Дворецкій (Hoffmeister) Государственнаго Канцлера, человѣкъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного Пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ: б.....ъ сынъ, с .... сынъ и другія бранныя слова были ихъ отборными титлами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ Боярскій или Дворянинъ, долженъ сидѣть выше Пристава, происходившаго изъ простаго званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга Великаго Князя, и ему, ради его Государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто.

Мы были раздосадованы, и намъ даже стыдно стало слушать такую перебранку и руготню, продолжавшуюся почти полчаса, они же не стыдились продолжать ссору, пока, наконецъ, наши Посланники не вмѣшались въ споръ и не сказали имъ: «Мы думали, что вы прибыли къ намъ, какъ друзья, которые доставятъ

намъ удовольствіе, а не непріятность, и что вы не будете сами, въ нашемъ присутствіи, такъ поносить другъ друга,» при чемъ Послы просили ихъ быть дружелюбнѣе и ласковѣе другъ съ другомъ для того, чтобы тѣмъ пріятнѣе было для Пословъ ихъ присутствіе. Послѣ этого спорившіе смолкли и, подвыпивши, скоро совершенно примирились и поладили между собою.

Вообще Русскіе народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами, какъ, на пр., «собака» и проч. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что не привыкшій къ этѣмъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы Русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это не рѣдко дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные Русскіе Господа, и даже Князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьми, какъ разсказывали намъ это за достовѣрное, и, какъ мы сами видѣли, случилось это съ двумя Боярскими Дѣтьми, во время описаннаго выше припятія Турецкаго Посланника.

Выражая свой гнѣвъ и ругательства, они не употребляютъ общеупотребительныя, къ сожалѣнію, у насъ бранныя проклятія и пожеланія, каковы, на примѣръ: будь проклятъ, убирайся къ чорту, шельма и проч., но, вмѣсто того, прибираютъ весьма поносныя и отвратительныя слова и срамныя выраженія, которыми я не рѣшился бы оскорблять ухо читателя, если бъ не требовала отъ меня того обязанность историка. У нихъ постоянно на языкѣ: б..... сынъ, с..... сынъ, собака, и другія матерныя и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые и старые люди, но и малыя дѣти, знающія этѣ слова прежде, чѣмъ они узнаютъ названія Бога, отца и матери, и такая срамная брань одинаково употребляется, какъ родителями противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей.

Съ недавняго времени, впрочемъ, скверныя и страшныя брани и ругательства строго на строго воспрещены и виновныхъ въ нихъ при всѣхъ наказываютъ кнутомъ, или розгами, что въ началѣ въ точности исполнялось; но улицамъ и на рынкахъ между народомъ расхаживаютъ тайно, нарочно назначаемые для того, люди, которые, съ помощію приставленныхъ къ нимъ Стрѣльцовъ и палачей, хватаютъ на мѣстѣ виновныхъ, и тутъ же, въ примѣръ прочимъ, наказываютъ всенародно.

Но усвоенная съ давнихъ лѣтъ и такъ глубоко укоренившая ся привычка браниться скверными словами, требовала повсюду гораздо большаго надзора, чѣмъ сколько было его назначено, и причинила надзирателямъ, судьямъ и палачамъ такую невыносимую работу, что имъ уже самимъ надоѣло и было не подъ силу безпрестанно задерживать и наказывать виновныхъ.

Чтобы сдѣлать различіе между ругательствами, поношеніями и безчестіемъ, наносимыми простолюдинамъ, отъ причиняемыхъ важнымъ особамъ, Правительство Русское постановило, чтобы тотъ, кто ударитъ, или инымъ чѣмъ оскорбитъ Боярина, жену его, или слугу Великаго Князя, Русскаго, или иностранца, платилъ оскорбленному за оскорбленіе большое количество денегъ, что у Русскихъ называется «заплатить безчестіе» (Beszestia). Количество этого безчестія расчитывается сообразно съ званіемъ, должностію, или мѣстомъ, дающимъ оскорбленному извѣстное жалованье, которое и называется окладомъ (Oclad). Каждому служащему, по извѣстному распредѣленію, полагается свой окладъ. Такъ, Боярамъ, смотря по ихъ происхожденію, состоянію и достоинствамъ, иному полагается 2000 талеровъ, другому 1500, третьему 1000 талеровъ и т. д. Царскому же слугѣ платится по его годовому жалованью: такъ Врачу 700 талеровъ годоваго жалованья (при чемъ недѣльныя жалованья не считаются). Такое-то количество обидчикъ обязанъ заплатить обиженному, когда онъ судомъ потребуетъ его. Но такъ какъ безчестіе можетъ быть нанесено не только мужьямъ, но и женѣ и дѣтямъ, то за оскорбленіе жены взимается безчестье вдвое, за оскорбленіе каждой дочери 1800 и каждаго сына 600 талеровъ. Случается, что обидчикъ, по легкомыслію своему и въ гнѣвѣ, обругаетъ родителей кого либо и даже дѣдовъ,

то хотя бы этѣ родители и дѣды давно померли, онъ все таки обязанъ заплатить безчестіе. Если виновный не можетъ ни деньгами, ни всѣмъ имуществомъ, какое имѣетъ, уплатить безчестье, то онъ лично отсылается въ домъ оскорбленнаго, и этотъ воленъ поступить съ нимъ, какъ ему заблагоразсудится. Такіе преступники часто дѣлаются холопами обиженнаго, или же всенародно наказываются имъ розгами, либо плетьми.

Такого рода наказанія обидчиковъ и поносителей имѣютъ одинаковую силу, какъ для Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, такъ и для Русскихъ, и между Русскими употребляются весьма часто, а между иностранцами рѣже. Между этѣми послѣдними мнѣ извѣстны только два примѣра: такъ въ царствованіе Великаго Князя Михайла Ѳедоровича, одинъ старый Англичанинъ, Іоаннъ Барнесли, (Barnesley) долженъ былъ заплатить безчестье Врачу Дей (Dey), тоже Англичанину, придворному Медику Великаго Князя. Позднѣе Полковникъ Бокегофенъ (Bockehoffen) младшій также требовалъ безчестья отъ Капитана де ла Костъ, родомъ Француза; но такъ какъ Бокегофенъ былъ самъ въ то же время принужденъ къ платежу безчестья за оскорбленіе имъ одного Француза, Антона de Groen (который, какъ увидимъ ниже, перекрестился въ Русскую Вѣру), хорошаго пріятеля Капитана де ла Костъ, то тяжущіеся рѣшили тѣмъ, что кончили дѣло миромъ, покрывши одно безчестіе другимъ.

Большой вѣжливости и досточтимыхъ правовъ у Русскихъ нечего и искать: достоинства этѣ имъ совершенно чужды. Они вовсе не стыдятся во всеуслышаніе и не щадя ни чьего обоняпія, пускать на волю то, что природа требуетъ испустить верхомъ и низомъ послѣ ѣды, и такъ какъ они очень любятъ и ѣдятъ въ изобиліи лукъ и чеснокъ, то для не привычнаго самое присутствіе ихъ невыносимо тягостно. Потягиваться и рыгать въ слухъ у нихъ ни по чемъ, даже на тайномъ представленіи, и можетъ быть съ нѣкоторыми случалось это даже противъ ихъ желанія.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми наро-

дами и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ Бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ, или другихъ лицъ; разсказываютъ всякого рода срамныя сказки, и тотъ, кто найболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ тому же направлены и ихъ пляски, которыя они исполняютъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страстныхъ тѣлодвиженій. Случается также, что странствующіе комедіянты въ пляскахъ своихъ обнажаютъ задницы и другія части тѣла, какъ, напримѣръ, угостили однажды такими непристойными плясками Датскаго Посланника Якоба. Русскія же женщины въ окнахъ домовъ своихъ выдѣлывали этому Посланнику разныя странныя положенія и знаки, какъ объ этомъ подробнѣе можно прочесть въ «Hodoeporicon» этого Якоба, на 17-ой страницѣ.

Плотскимъ побужденіямъ своимъ и любодѣянію Русскіе предаются до того, что нѣкоторые изъ нихъ грязнятъ себя отвратительнымъ порокомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ Содомскаго, и употребляютъ для этого не только pueros muliebria pati asvetos, какъ говоритъ Курцій, но даже мужчинъ и лошадей.

И такія-то постыдныя дѣйствія ихъ доставляютъ матеріялъ для разговоровъ ихъ на ихъ пирушкахъ, такъ какъ обличенныя въ такихъ порокахъ строго не наказываются. Подобныя срамныя дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, другіе же комедіянты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ за деньги простонародной молодежи и даже дѣтямъ, а вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ такихъ комедіянтовъ, которые, между прочимъ, тотчасъ же могутъ представить какую ни будь шутку или Klücht (шалость), какъ называютъ это Голландцы, съ помощію куколъ. Для этого они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную его сторону вверхъ и у-

страиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum portatile), съ которою они и ходятъ по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія.

«Omnem pudorem ac verecundiam exuerunt,» говоритъ неоднократно уже упомянутый Датскій Дворянинъ Якобъ. Мы сами не разъ видѣли, какъ мужчины и женщины выходили изъ общественныхъ бань, чтобы прохладиться, совершенно голые, какъ сотворилъ ихъ Богъ, подходили на встрѣчу къ намъ и безстыдно зазывали къ себѣ нашу молодежь ломаными Нѣмецкими словами. Къ такому разврату весьма много располагаетъ ихъ праздность, такъ какъ ежедневно можно видѣть толпы, а мѣстами цѣлыя сотни, праздношатающагося народу на рынкахъ и у Кремля; въ особенности же побуждаетъ ихъ къ тому пьянство, которому Русскіе преданы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. «Venter mero aestuans cito despumat in libidinem», говоритъ Іеронимъ въ 83-мъ письмѣ. Когда они уже черезъ мѣру напьются, то какъ необузданные звѣри неистово предаются всему, къ чему побуждаютъ ихъ страстныя желанія. Сдѣсь припомню разсказанное мнѣ Великокняжескимъ переводчикомъ въ Великомъ Новгородѣ, а именно: Въ Новгородѣ ежегодно бываетъ день большаго богомолья, и въ этотъ-то день корчмарь, или цѣловальникъ, съ купленнаго дозволенія Митрополита, разбиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ, въ которыхъ чуть только занимается заря, собираются, какъ сторонніе, такъ и мѣстные, богомольцы и богомолки, выпиваютъ тамъ еще до богослуженія по нѣсколько чарокъ водки, а нѣкоторые остаются тамъ и на цѣлый день и утопляютъ въ винѣ свои кабачныя помышленія. Въ такой-то день случилось, что одна напившаяся уже баба, вышедши изъ кабака, упала на дорогѣ и заснула. Въ то же время пьяный мужчина, проходя мимо, увидалъ лежавшую и обнажившуюся съ пьяна бабу, возгорѣлъ похотью и прилегъ къ бабѣ, не смотря на бывшій ясный день и на то, что мѣсто было на открытой для всѣхъ дорогѣ. Легши къ бабѣ, онъ также наконецъ заснулъ. Скоро вокругъ этой пары животныхъ образовалась цѣлая толпа молодыхъ парней, которые смѣялись и глумились надъ такимъ зрѣлищемъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не подошелъ одинъ

старикъ, который накинулъ кафтанъ на лежавшихъ, и такимъ образомъ прикрылъ срамоту ихъ.

Порокъ пьянство распространенъ въ Русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими, сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извощикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить, или опохмѣлиться чѣмъ бы то ни было, но большею частью просто водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ, или собраніяхъ ихъ, поднесетъ чарку и болѣе водки (izarko wino), а простой народъ, холопы, или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой ни будь знатный Бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить, изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣмъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе при Посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили Русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные Бояре, даже Царскіе Великіе Послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего Государя, тоже не знаютъ ни какой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки этѣ придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ Великимъ Русскимъ Посланникомъ, отправленнымъ въ 1608-мъ году къ Шведскому Королю, Карлу IX. Не смотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, Посолъ этотъ напился ея до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные домы или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги вод-

ку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что заработывалъ, приносилъ въ кабакъ, и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а за тѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Въ 1643 году, когда я былъ въ Новгородѣ, и помѣщался въ гостинницѣ, что на Любецкомъ дворѣ, не далеко отъ моего пребыванія находился кабакъ, и тутъ-то случалось мнѣ часто видѣть, какъ этѣ напившіеся и пропившіеся молодцы выходили изъ кабака, кто безъ шапки, кто безъ сапогъ и чулокъ, а кто и въ одной рубашкѣ. Между прочими я замѣтилъ одного, который, пропивши кафтанъ, вышелъ изъ кабака въ рубашкѣ и, встрѣтивъ на дорогѣ хорошаго пріятеля, также направлявшагося къ кабаку, опять вернулся съ нимъ въ кабакъ. Черезъ нѣсколько часовъ молодецъ мой вышелъ снова изъ кабака, но уже безъ рубашки, въ однихъ портахъ; когда я спросилъ его: гдѣ дѣлъ онъ рубашку, кто обобралъ ее у него? онъ отвѣчалъ, съ прибавкою обычной матерной брани, что это сдѣлалъ цѣловальникъ. За тѣмъ, замѣтивши, что гдѣ остались кафтанъ и рубашка, тамъ могутъ остаться и порты, онъ вернулся опять въ кабакъ, и черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда уже совершенно нагъ; сорвавши полную руку травы одуванчикъ, росшей около кабака, онъ прикрылъ ею свое срамное тѣло и отправился себѣ домой веселый и припѣвающи. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ этѣ общественные кабаки, принадлежавшіе частію Царю, частію Боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать въ нихъ послѣднюю заработанную имъ копѣйку, и теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копѣйки, на шиллингъ, или на грошъ; вмѣсто кабаковъ теперь одинъ лишь Царь отъ себя устроиваетъ, или содержитъ, въ каждомъ городѣ, такъ называемый у нихъ, Кружечный Дворъ, или Домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми кружками, или штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ Царскую казну неимовѣрное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распоряженія повседневное пьянство мало уменьшилось; ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки, и не разстаются, пока не опорож-

нятъ посуды, при чемъ часто тутъ же и свалятся другъ подлѣ друга. Нѣкоторые же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. По этому, хотя теперь не видно уже такого множества до гола пропившихся, но все таки не много меньше прежняго встрѣчается пьянаго народу, шатающагося и валяющагося по улицамъ.

Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться до пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Когда я былъ въ Нарвѣ, то мнѣ случилось видѣть въ гостинницѣ, гдѣ я жилъ, въ Нигоффѣ (Niehoffische), пирушку Русскихъ, во время которой пришли на пиръ къ мужьямъ своимъ и нѣсколько Русскихъ женщинъ, которыя подсѣли къ мужьямъ и преисправно пили съ ними водку. Когда мужья понапились вдоволь и хотѣли было ити домой, то жены, не напившись еще, воспротивились тому, и хотя получили отъ мужей по нѣскольку оплеухъ, но все таки не двинулись съ мѣста и остались пировать далѣе. Когда же наконецъ мужья ихъ съ пьяну попадали на полъ и позаснули, жены сѣли на нихъ и продолжали тянуть водку, одна за другой, до тѣхъ поръ, пока не упились до нельзя.

Хозяинъ нашъ въ Нарвѣ, Якобъ фонъ Келленъ (Köllen), разсказывалъ намъ, что подобную же комедію продѣлывали Русскіе на его свадьбѣ, а именно: напившіеся уже мужья порядкомъ околотили прежде своихъ женъ, ради шутки, и за тѣмъ начали съ ними попойку; жены же потомъ, сѣвши на своихъ свалившихся и заснувшихъ мужей, пили до тѣхъ поръ, пока тоже не свалились и не позаснули тутъ же, подлѣ своихъ супруговъ. Легко понять, какъ отъ подобнаго образа дѣйствій должны страдать воспитаніе и чувство чести.

Я сказалъ уже, что духовныя особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, также какъ и міряне и крестьяне, часто встрѣчаются пьяные. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не держится вина, водки, меду, или крѣпкаго пива, но только употребляется квасъ, то есть, тонкое пиво (Kofend), но монахи пользуются свободою въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монасты-

ря и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, при чемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно выпиваютъ въ гостяхъ, но требуютъ также, чтобы напитки отпустили съ ними и домой, и часто они такъ напиваются, что только и можно по одеждѣ отличить ихъ отъ пьяныхъ мірянъ.

Когда мы, во 2-е путешествіе наше, проѣзжали черезъ Великій Новгородъ, то я видѣлъ одного Попа, шатавшагося пьянымъ на улицѣ, только въ одномъ кафтанѣ или нижнемъ платьѣ (верхній кафтанъ свой онъ, безъ сомнѣнія, заложилъ въ кабакѣ). Проходя мимо гостинницы (постоялаго двора), въ которой я останавливался, онъ хотѣлъ, по обыкновенію своему, благословить Стрѣльцовъ, державшихъ стражу; но въ это время, когда онъ, простерши руку, нѣсколько наклонился, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ прямо въ грязь. Стрѣльцы подняли его на ноги, и онъ все таки благословилъ ихъ, хотя и вымаранными въ грязи перстами. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ Русскихъ не обращаетъ на это ни какого вниманія.

Русскіе большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человѣкъ копѣйку свою скорѣе отдастъ на табакъ, чѣмъ на хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ ни какой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ; ибо при употребленіи табаку у всякого человѣка, особенно же у прислуги и рабовъ, пропадаетъ много рабочого времени; при томъ, по неосторожности съ огнемъ и искрами отъ куренія, много домовъ дѣлается жертвою пламени; наконецъ, дурной запахъ отъ табаку, который не проходитъ и тогда, когда народъ собирается на Богослуженіе въ церкви, и стоитъ тамъ передъ образами, окуриваемыми только благовоніями и ладономъ, все это было причиною, что Великій Князь, посовѣтовавшись съ Патріархомъ, совершенно воспретилъ, въ 1644 году, торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажею водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ поздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами, когда наказывали мужчинъ и женщинъ, о чемъ подробнѣе скажу еще ниже, говоря о судопроизводствѣ Русскихъ.

Такъ какъ Русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ ихъ палками, или плетью, къ каковому обращенію они довольно терпѣливы, по тому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе и они привыкли къ этому. Молодые и подростки парни сходятся иногда въ извѣстные дни, бьются на кулачки, для того, чтобы пріобрѣсть къ вынесенію побоевъ привычку, эту вторую природу, и черезъ то легче сносить тѣлесныя наказанія, которымъ они могутъ въ послѣдствіи подвергнуться. Всѣ Русскіе суть рабы (Sclaven) и крѣпостные (Leibeigene). У нихъ ужь такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ ни будь знатнымъ Господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами (Goloppen), рабами и крѣпостными Царя, и дорожатъ этѣмъ названіемъ, такъ и Бояре Русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья и Великіе Бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ Царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ, на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ Царю, подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами, какъ, на пр., Ивашка (Iwaske), вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой (Petruske twoy golop) и т. п. Самъ Великій Князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такія же уменьшительныя имена. Случается также, что Великіе Бояре, за преступленія свои, подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Въ слѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ Великому Князю.

Иностранцы, состоящіе на службѣ у Великаго Князя, также должны унижаться передъ Царемъ и всегда быть готовы исполнять его приказанія, нравятся, или не нравятся, они имъ. И хотя Царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми,

но этѣ послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость.

Въ прежнее время было весьма опасно состоять Придворнымъ Врачемъ при Великомъ Князѣ: если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ Царя, или если больной умиралъ, не смотря на лѣченіе, тогда Врачь впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали, какъ съ рабомъ. Извѣстна исторія о Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ и его Врачѣ. Въ 1602 году прибылъ въ Москву Герцогъ Іоаннъ, братъ Датскаго Короля, Христіяна IV, съ намѣреніемъ жениться на дочери Великаго Князя, и вдругъ внезапно и сильно заболѣлъ; Великій Князь строго и съ крѣпкою угрозой приказалъ, чтобы Врачи приложили все свое стараніе и искуство помочь Герцогу и не допустить его умереть. Когда же ни какія лѣкарства не помогли и Герцогъ умеръ, то Врачи должны были скрыться и долгое время не показываться на глаза Царя.

У Бориса Годунова, въ числѣ прочихъ, былъ еще одинъ Нѣмецъ изъ южной Германіи, котораго онъ самъ сдѣлалъ Врачомъ. Однажды, когда этотъ Нѣмецъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ Нѣмецкій Университетъ и получить тамъ степень Доктора, Великій Князь спросилъ его: «Что это значитъ сдѣлаться Докторомъ, и какъ получается это званіе?» Когда же онъ услыхалъ въ отвѣтъ, что для этого желающій долженъ выдержать испытаніе по своему искуству, и если найдутъ его способнымъ, то признаютъ его Докторомъ, въ удостовѣреніе чего и даютъ ему свѣдѣтельство за подписью и печатью Медицинскаго Факультета, то на это Великій Князь сказалъ Нѣмцу: «Поѣздку ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки; я самъ испыталъ твое искуство (не задолго передъ этѣмъ Нѣмецъ вылѣчилъ Царя отъ подагры), и хочу произвесть тебя въ Доктора; я дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь», что и дѣйствительно было исполнено имъ. Спустя нѣсколько времени Великій Князь, заболѣвъ снова припадками подагры, потребовалъ къ себѣ этого Московскаго своего Доктора. Несчастный подумалъ уже, что его лишатъ жизни, по этому одѣлся въ старое, изорванное платье, всклочилъ и распустилъ себѣ волосы на лицо

и на четверенькахъ вползъ въ двери къ Великому Князю, говоря, что, подвергшись его немилости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества. Находившійся тутъ же у Царя одинъ Бояринъ, думая угодить Царю, ударилъ Нѣмца ногою и такъ сильно, что концомъ сапога поранилъ ему голову и обругалъ въ то же время собакой. Докторъ же, замѣтивъ милостивый взглядъ Царя, вздумалъ воспользоваться этѣмъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и жалобнымъ голосомъ продолжалъ: «О великій Царь! Я твой, а никого другого, рабъ; я очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполнѣ заслужилъ смерть, и почелъ бы себя блаженнымъ, если бъ могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; ибо знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто ни будь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надо мною, слугою твоимъ.» Эта униженная рѣчь перемѣнила гнѣвъ Вел. Князя на милость; Нѣмецъ получилъ 500 р. награды, всѣ другіе Доктора освобождены были отъ немилости, Бояринъ же былъ битъ.

Что касается рабовъ и холоповъ, принадлежащихъ великимъ и другимъ знатнымъ Господамъ, то ихъ безчисленное множество, у иныхъ болѣе 50, а у другихъ даже по сотнѣ и болѣе въ имѣніи и дворѣ. Живущіе въ Москвѣ не имѣютъ обыкновенно обѣда при дворахъ Господъ своихъ, а получаютъ на прокормъ деньги, столь, впрочемъ, ничтожныя, что на нихъ едва могутъ поддерживать свое существованіе, отъ чего въ Москвѣ такая бездна воровъ и разбойниковъ. Во время нашего тамъ пребыванія не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникали въ дома нашихъ людей и не утащили чего ни будь. Часто случается, что воры, забравшись въ домъ, запираютъ въ немъ въ какой ни есть комнатѣ хозяина, и берутъ себѣ, что хотятъ, и если хозяинъ не имѣетъ достаточно силы для сопротивленія, то, видя все это, долженъ сидѣть молча, буде не хочетъ подвергать опасности свою жизнь, или не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. По этому-то при дворахъ знатныхъ Господъ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать, какъ бы въ барабанъ, въ повѣшенную доску палкой съ набалдашникомъ и бить часы. Но такъ какъ не рѣдко случалось, что такая стража, или

караульные, не столько оберегали Господъ, сколько воровъ, указывая имъ болѣе безопасные пути къ воровству и помогая воровать, а за тѣмъ скрывалась, то теперь постановлено, что ни кто не можетъ быть взятъ въ караульные, или въ слуги (кромѣ рабовъ, слуги могутъ быть и наемные) безъ того, чтобы онъ не представилъ ручательство за себя какого ни будь извѣстнаго и почтеннаго гражданина. Сказанные выше рабы дѣлаютъ самыя улицы въ Москвѣ, особенно по ночамъ, небезопасными, такъ что безъ хорошаго оружія, или безъ проводниковъ, того и гляди, что подвергнешься нападенію, какъ это и случилось съ нами. Однажды нѣкоторые изъ нашего Посольства засидѣлись въ гостяхъ у одного хорошаго пріятеля до поздней ночи, и когда возвращались домой, то на одного изъ насъ, шедшаго нѣсколько впереди, напали два Русскихъ уличныхъ разбойника; когда, по крику товарища объ опасности, мы подбѣжали къ нему на помощь, то одинъ изъ мошенниковъ успѣлъ бѣжать, а другой получилъ такіе побои, что едва могъ еле уплестись отъ нихъ.

Въ другой разъ наши Посланники были въ гостяхъ у одного знатнаго Господина, [2] съ своими людьми. Изъ нихъ они отослали домой своего повара, котораго взялся проводить поваръ хозяина гостинницы, въ которой гостили Послы. На возвратномъ пути хозяйскій поваръ былъ застрѣленъ [3] разбойниками. Вскорѣ послѣ того убитъ былъ и Арентъ Шпирингсъ (Spierings), Гофмейстеръ Шведскаго Посланника, возвращавшійся ночью отъ одного своего хорошаго пріятеля. Колетъ его, еще обрызганный кровью, черезъ 8 дней послѣ его убійства, продавался на рынкѣ.

Подобное же случилось и съ нашимъ Лейтенантомъ Іоанномъ Китъ (Kit), когда мы уже возвратились изъ Персіи. Онъ былъ со мною на одной Нѣмецкой свадьбѣ, и пошелъ оттуда домой нѣсколько раньше меня. На дорогѣ Русскіе разбойники такъ избили его, что,

---

[2] Въ 1-мъ изданіи 1647 г. значится: «въ гостяхъ у Генриха фонъ Рингенъ.»

[3] Въ томъ же 1-мъ изданіи прибавлено: «на Неглинной, настоящемъ притонѣ воровъ и разбойниковъ.»

пролежавши слѣдующій день и за тѣмъ ночь безъ памяти и чувствъ, онъ отдалъ наконецъ Богу душу.

Другіе подобные случаи, совершавшіеся между самими Русскими, неизчислимы. Не проходитъ ночи, чтобы на утро не найдено было на улицахъ нѣсколькихъ мертвыхъ тѣлъ. Такія убійства чаще совершаются въ большіе ихъ праздники, преимущественно на Масляной Недѣлѣ, въ теченіи 8-ми дней передъ Великимъ Постомъ, когда Русскіе цѣлые дни пьянствуютъ до безумія. Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ теченіи 11 дней Ноября мѣсяца, было поднято 15 человѣкъ убитыхъ, какъ оказалось по счету на Земскомъ Дворѣ. На этотъ Земскій Дворъ свозятъ утромъ мертвыя тѣла, и если кто увидитъ, что кто ни будь изъ семейныхъ не ночевалъ дома, то идетъ искать пропавшаго на этотъ Земскій Дворъ. Если мертвое тѣло не будетъ признано ни кѣмъ за своего, и не будетъ по этому увезено для погребенія домой, то его хоронятъ безъ похоронnаго обряда. Рабы Русскіе и разбойники дерзки до такой степени, что не боялись даже однажды, среди бѣлаго дня, напасть на Царскаго Придворнаго Врача Г. Гартмана Грамена (Harthmann Gramen): нѣсколько этѣхъ разбойниковъ схватили было уже его и хотѣли отрѣзать у него палецъ, на которомъ онъ носилъ перстень съ печатью, и исполнили бы это конечно, если бъ дѣло это не случилось у воротъ дома одного Князя, хорошаго пріятеля Врача, который выслалъ своихъ слугъ и отбилъ такимъ образомъ его изъ рукъ мошенниковъ. Сами граждане по ночамъ при такихъ несчастіяхъ бывали очень не мягкосерды, такъ что если они и услышатъ даже у себя подъ окномъ, что кого ни будь грабятъ, или бьютъ, то не выглянутъ изъ окна, а тѣмъ менѣе подумаютъ выйти на помощь несчастно му. Слышалъ я, впрочемъ, что теперь тамъ заведены лучшіе порядки, а именно: на всѣхъ перекресткахъ по ночамъ разставляется крѣпкая стража изъ стрѣльцовъ, или солдатъ, и строго воспрещается по ночамъ ходить, ѣздить въ экипажѣ, или верхомъ, на улицѣ безъ фонаря, или огня, при чемъ стража спрашиваетъ: куда и за чѣмъ идетъ, или ѣдетъ, человѣкъ? Встрѣченные безъ огня задерживаются и отводятся въ Стрѣлецкій Приказъ, гдѣ на другой день допрашиваются и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или отпускаются на свободу, или же подвергаются пыткѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, во время сѣнокосовъ, дорога по сю сторону Москвы, на цѣлыя 20 миль, чрезвычайно опасна, по причинѣ сказанныхъ рабовъ; ибо Бояре, имѣющіе въ этѣхъ мѣстахъ свои луга, высылаютъ всю эту челядь сюда на работу. Тамъ есть гора, съ которой издалека еще можно высматривать путниковъ, которыхъ весьма часто грабятъ, и даже убиваютъ и зарываютъ въ песокъ. Если на этѣхъ воровъ и разбойниковъ возникаетъ жалоба, то Господа ихъ, дающіе имъ ничтожное содержаніе, на которое едва можно прикрыть только тѣло, смотрятъ сквозь пальцы на такія жалобы.

Если такіе Господскіе рабы, или крѣпостные люди, отпускаются на волю по смерти своихъ Господъ, или по добротѣ этѣхъ послѣднихъ, то отпущенники сіи скорехонько снова продаютъ себя въ крѣпость. У нихъ обыкновенно не бываетъ ни чего, чѣмъ бы они могли жить, и по тому они ни сколько не дорожатъ свободою, и даже не знаютъ, какъ ею пользоваться. Какъ говоритъ умный Аристотель о варварахъ: «Натура ихъ такова, что они не могутъ и не должны жить иначе, какъ въ рабствѣ.» То, что сказалъ Аристотель о народахъ малой Азіи, называвшихся Іонянами, которые также происходили отъ Грековъ, можно примѣнить и къ Русскимъ: «quod in libertate mali, in servitute boni sunt», т. е., въ свободѣ они злые, а въ рабствѣ добрые люди. Всякій Господинъ можетъ продать, или подарить, своего раба другому. Но въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ касательно рабства существуетъ слѣдующее узаконеніе: ни какой отецъ не можетъ продать своего сына, и теперь этого уже никто и не дѣлаетъ; онъ также неохотно отдаетъ сына въ услуженіе къ какому бы то ни было почетному лицу, и пусть сынъ сидитъ лучше дома и терпитъ голодъ, чѣмъ пойдетъ къ кому въ услуженіе: это послѣднее считаютъ они себѣ за стыдъ. Но если отецъ кому задолжаетъ, и не имѣетъ чѣмъ уплатить долга, то онъ можетъ заложить своихъ дѣтей, или въ уплату долга отдать ихъ въ услуженіе на извѣстное число лѣтъ: сына за 10 и дочь за 8 рейхсталеровъ въ годъ, пока не уплатится долгъ, послѣ чего вѣритель долженъ отпустить ихъ отъ себя. Если сынъ, или дочь, не послушаютъ отца, и отецъ поведетъ дѣло судомъ, и если на суду дѣйствительно окажется, что отецъ долга заплатить не можетъ, то Русское законодательство обя-

зываетъ дѣтей уплатить за родителей. Если же дѣти согласны исполнить волю родителей, то они могутъ выдать заимодавцу отца своего кабалу на себя, или письменное обязательство въ томъ, что они кабальные заимодавца, и будутъ служить ему.

По причинѣ рабства и грубой суровой жизни, Русскіе весьма терпѣливы въ войнѣ и могутъ твердо стоять въ ней. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда настаетъ въ этомъ надобность, они поставляютъ изъ себя смѣлыхъ и отважныхъ воиновъ.

Если древніе Римляне не хотѣли, какъ это прямо значится въ законахъ Гратіяна, Валентина и Ѳеодосія, чтобы въ рядахъ ихъ на войнѣ были воины изъ рабовъ, или какіе нибудь пройдохи неизвѣстнаго происхожденія и жизни, то это происходило отъ того, что люди, желавшіе тогда поступить въ ряды воиновъ и воевать, имѣли совсѣмъ другую цѣль, именно: добродѣтель и благо міра, чѣмъ теперешніе воины, которые большею частію воюютъ съ цѣлію грабежа, разбоя и обогащенія себя.

О настоящемъ времени вообще можно привести слова Виргилія: «Dolus an virtus quis in hoste requirat?» Какой же большой выборъ можно было бы сдѣлать по Римскому способу, между такимъ народомъ, каковы Русскіе?

Русскіе рабы, впрочемъ, строго повинуются своимъ Господамъ и военоначальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные Полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ), то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, какъ это видѣли уже мы изъ приведеннаго выше примѣра съ двумя Русскими, оставшимися при сдачи крѣпости Орѣшка. Такое же мужество оказали Русскіе въ войнѣ съ Поляками въ 1579-мъ году, когда, при осадѣ замка Суколя (Suckol), Поляки обстрѣливали ихъ жестокимъ огнемъ, и Русскіе упорно стояли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, не смотря на то, что отъ пожара позади ихъ на нихъ горѣли ихъ платья, о чемъ подробнѣе можно прочесть въ Ливонской Лѣтописи Геннинга (Henninges), на 20-й

страницѣ. Въ этой же книгѣ и въ томъ же мѣстѣ упоминается объ осадѣ и завоеваніи монастыря Падиса (Abbey Padis), въ Ливоніи, гдѣ Русскіе держались такъ упорно, что при сдачѣ крѣпости, отъ изнуренія голодомъ, не могли выйти на встрѣчу Шведамъ къ крѣпостнымъ воротамъ. Писатель съ удивленіемъ прибавляетъ къ этому извѣстію: «Вотъ каковы должны быть воины въ крѣпостяхъ: по приказанію своего начальника они готовы отважиться на все»!

Но въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ осадахъ городовъ и крѣпостей, Русскіе хотя также подвизаются, но уже не такъ храбры и стойки; обыкновенно они ведутъ такія кратковременныя войны съ Поляками, Литовцами и Шведами, и въ нихъ-то иногда они скорѣе бѣгутъ отъ непріятеля, чѣмъ преслѣдуютъ его. То, что въ прошломъ году Русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200,000 человѣкъ, такъ же мало можетъ свѣдѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632-мъ году они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба эти случаи не доблестны для Русскихъ, хотя въ оба раза не обошлось безъ подозрѣнія въ измѣнѣ. Неудачу осады въ 1632 году приписывали измѣнѣ Генерала Шеина; неудача же втораго дѣла происходила отъ другихъ, неизвѣстныхъ и сторонніхъ, причинъ.

Хотя Русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ Господамъ своимъ, могутъ сносить и вытерпливать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, то про нихъ можно сказать: «Patientia saepe laesa fit tandem furor.» Тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему, ихъ начальству. Такъ бываетъ, на примѣръ, тогда, когда ихъ черезъ чуръ уже притѣсняютъ ихъ непосредственные начальники, или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми, предстоящими имъ, опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, и дѣлаются совершенно безумными людьми.

Это хорошо извѣдалъ бывшій Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ, а именно: когда Русское войско возвратилось изъ бѣд-

ственнаго похода подъ Смоленскъ, то оно крѣпко жаловалось на измѣну своего Генерала Шеина (подозрѣніе это на такого высокаго начальника было не безъ основанія); когда же жалобы войска не уважили и поступили было строго съ жалующимися, тогда вспыхнуло всеобщее возстаніе, для утишенія котораго Великій Князь вынужденъ былъ обѣщать, что, для удовлетворенія народа, онъ прикажетъ казнить Шеина. Для того же, чтобы Шеинъ, безъ вреда другимъ, охотнѣе согласился на такое распоряженіе Великаго Князя, употреблена была слѣдующая хитрость: ему дано знать, что онъ только для виду будетъ выведенъ на мѣсто казни, но казненъ не будетъ; нужно только, чтобы народъ видѣлъ волю Царя, и когда Шеинъ ляжетъ на плаху, тотчасъ же прислано будетъ на мѣсто ходатайство, по которому послѣдуетъ помилованіе, чѣмъ простой народъ и удовольствуется. Успокоясь этой доброй надеждой (еще болѣе укрѣпленной увѣреніями Патріярха, къ которому Генералъ питалъ особое довѣріе по нѣкоторымъ причинамъ), Шеинъ явился на мѣсто казни, легъ ничкомъ на землю, но въ то же время данъ былъ знакъ палачу рубить скорѣе, что палачъ и исполнилъ, и голова Шеина, окровавленная и пораненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, покатилась прочь отъ туловища.

За тѣмъ, въ тотъ же день сынъ Шеина, который также былъ подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по ихъ обыкновенію, засѣченъ на смерть кнутомъ. Остальные пріятели Шеина сосланы были немедленно въ Сибирь, и тогда только народъ удовольствовался и возстаніе утихло. Случилось это въ Іюнѣ 1633 года. Эту войну подъ Смоленскомъ описалъ, хотя и не во всей подробности, Пясецкій (Piasecius) въ своей: «Chronica memorabilium in Europa» (на стр. 462), гдѣ описаніе это можно найти подъ 1633 и 1634 годами.

О такомъ долготерпѣніи, выносимомъ въ началѣ Русскими, переходящемъ потомъ въ страшное озлобленіе и открытое возстаніе, дальнѣйшіе примѣры приведу я еще ниже сего, при описаніи устройства Полиціи. Я опишу тогда два страшныхъ бунта и возмущенія, бывшихъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА VII.

О домашнемъ бытѣ Русскихъ, объ обычной ихъ жизни, пищѣ ихъ и содержаніи.

Хозяйство Русскихъ устроивается каждымъ сообразно его состоянію. Вообще они живутъ плохо, и на домашнее обзаведеніе ихъ требуется весьма немного. Хотя въ настоящее время большіе Бояре и богатые купцы живутъ въ богатыхъ палатахъ, которыя, впрочемъ, начали строиться въ Россіи не болѣе 30 лѣтъ назадъ, за то прежде они тоже довольствовались своими плохими домишками. Большая часть Русскихъ, особенно изъ простонародья, расходуетъ на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ, какъ сказано, плохи и бѣдны, точно такъ и запасы и домашняя утварь, находящаяся въ этѣхъ жилищахъ, крайне ничтожны и не обильны, хотя и достаточны для нихъ. У большей части хозяевъ найдется 3, 4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ, или деревянныхъ, блюдъ; рѣдко встрѣтишь оловянную, а тѣмъ менѣе серебряную, посуду, и то развѣ однѣ чарки для водки, или меду. Русскіе не привыкли также прилагать трудъ держать чище свою посуду, или полировать ее. Даже и въ Великокняжеской оловянной и серебряной посудѣ, на которой подавались кушанья Посланникамъ, попадалась почернѣвшая и помятая, точно посуда та и кружки принадлежали какой ни будь лѣнивой хозяйкѣ, которая цѣлый годъ, а можетъ быть и никогда, ихъ не чистила. По этому-то ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ, людей посуда не разставляется, какъ украшеніе, и видны однѣ голыя стѣны, которыя у знатныхъ только обиваются плетеной рогожей, да пара живописныхъ Святыхъ (образовъ). Пуховики изъ перьевъ рѣдко у кого бываютъ, большинство же не употребляетъ ни какихъ перинъ и спитъ на подушкахъ, на соломѣ, рогожѣ, или на своей одеждѣ. Мѣста для спанья у нихъ обыкновенно лавки, а зимою, какъ и у жителей Ливоніи, печи; въ этѣхъ печахъ они готовятъ себѣ кушанье, а вверху устраиваютъ гладкія площадки, на которыхъ и спятъ всѣ повалкой: мужъ, жена, дѣти, слуги и дѣвицы. Подъ печью

и лавками, по селеніямъ, видали мы въ нѣкоторыхъ избахъ свиней и куръ.

Русскіе не привыкли ни къ какимъ изысканнымъ кушаньямъ и сластямъ: ежедневная пища ихъ состоитъ изъ каши, рѣпы, капусты, свѣжихъ и соленыхъ огурцовъ, а въ Москвѣ изъ крупной, большею частію соленой, рыбы, которая иногда, по причинѣ малаго ея соленія, очень воняетъ, но которую тѣмъ не менѣе они охотно ѣдятъ. Ихъ рыбный рынокъ по этому гораздо раньше почувствуешь носомъ, чѣмъ увидишь его, или войдешь въ оный. Такъ какъ въ Россіи превосходныя пастьбища, то тамъ много и хорошаго мяса бараньяго, крупнаго рогатаго скота и свинаго; но имѣя, по своей вѣрѣ, въ году столько же почти постныхъ дней, сколько и скоромныхъ, въ которые дозволяется ѣсть мясное, Русскіе пріобыкли къ грубой и дурной пищѣ, и мясо употребляютъ сравнительно мало. Они умѣютъ изготовлять изъ рыбы, изъ разнаго печенья, изъ овощей, или зелени, всякаго рода кушанья, такъ что въ мясномъ могутъ даже и не чувствовать особой надобности. Такъ, однажды, постомъ, по Царской милости, мы кушали такой обѣдъ, какъ я говорилъ выше, состоявшій изъ 40 разныхъ однихъ постныхъ блюдъ. Между прочимъ у нихъ есть особый родъ печенья, нѣчто въ родѣ пастетовъ, или еще болѣе блиновъ, которое они называютъ пирогами, величиною въ кругъ масла, или съ нашу сдобную булку, только нѣсколько длиннѣе, и начиняютъ этѣ пироги мелко искрошенной рыбой, или говядиной съ лукомъ, за тѣмъ поджариваютъ въ маслѣ, а въ постные дни въ оливѣ; такія печенья довольно вкусны и ими угощаетъ каждый своего гостя, если хозяинъ расположенъ къ нему и хочетъ хорошенько накормить гостя.

Довольно общеупотребительное кушанье у нихъ есть еще икра (Ikari), добываемая изъ большихъ рыбъ, особенно изъ осетровъ и бѣлорыбицы. Отдѣливъ ее отъ кожицы, въ которой она лежитъ, они солятъ ее, и давши постоять такъ отъ шести до осьми дней, мѣшаютъ ее съ перцемъ и мелко изрубленнымъ лукомъ, нѣкоторые же подбавляютъ еще уксусу и Прованскаго (деревяннаго) масла, и за тѣмъ ѣдятъ. Это вовсе недурное кушанье, особенно если, вмѣсто уксусу, надавить въ него лимоннаго соку: оно придаетъ

выть на пищу и возбуждаетъ силы природы. Такая икра добывается и просаливается на Волгѣ, большею частію близъ Астрахани, часть ея просушивается на солнцѣ и въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ тоннъ развозится въ чужія страны, преимущественно въ Италію, гдѣ она считается нѣжнѣйшимъ кушаньемъ и называется кавьяръ (Caviaro). Нѣкоторые купцы берутъ торговлю этѣмъ товаромъ на откупъ у Великаго Князя, за извѣстное число денегъ. Есть еще у Русскихъ родъ кушанья, которое обыкновенно ѣдятъ они послѣ попойки, съ похмѣлья (pochmeli), или когда они вообще въ дурномъ расположеніи духа; дѣлается оно такъ: изжаренную, холодную баранину рѣжутъ на мелкіе кусочки, въ видѣ кубиковъ, только продолговатѣе и шире, мѣшаютъ ее тоже съ мелко накрошенными огурцами, подбавляютъ перцу, разводятъ уксусомъ и огуречнымъ разсоломъ по равной части, и за тѣмъ хлѣбаютъ эту смѣсь ложками. Поѣвши ее, они снова принимаются за питье. Вообще кушанья Русскихъ всѣ почти приправляются чеснокомъ, или лукомъ, отъ чего всѣ ихъ комнаты и дома, даже пышныя Великокняжескія покои и палаты въ Кремлѣ, сами Русскіе, наконецъ, когда разговариваютъ съ кѣмъ, и мѣста, гдѣ они только побываютъ хоть не много, издаютъ сильный и для насъ, Нѣмцевъ, весьма непріятный запахъ.

Главнымъ напиткомъ у простаго народа служитъ квасъ, похожій на наше тонкое пиво, также пиво, медъ и водка. Водку всѣ пьютъ передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, и за тѣмъ продолжаютъ пить ее и во время стола, вмѣстѣ съ другими напитками. Знатнѣйшіе Господа, кромѣ пива, пьютъ также Шампанское, Рейнское и Французскія вина, всякаго рода меда и двойную водку.

У Русскихъ хорошее пиво, которое преимущественно Нѣмцы умѣютъ мастерски варить весною и сохранять на продолжительное время. Для этого въ Россіи изготовляются погреба, набиваемыя снѣгомъ и льдомъ: на этотъ снѣгъ и ледъ кладется рядъ бочекъ, которыя засыпаются опять снѣгомъ и льдомъ, за тѣмъ кладется новый рядъ бочекъ, которыя также засыпаются снѣгомъ, и такъ далѣе. На верху поверхъ снѣга кладутся солома и доски, сверху же такіе погреба имѣютъ и входъ. Такимъ образомъ сохраняемое пиво они пьютъ, осушая бочку за бочкой, при чемъ

самое пиво сохраняется свѣжимъ и пріятнымъ на вкусъ на цѣлое лѣто, которое въ Россіи бываетъ довольно жарко. Вина получаются въ Россіи черезъ Архангельскъ, но употребляютъ вина больше Нѣмцы, чѣмъ Русскіе, которые предпочитаютъ имъ хорошую водку.

Русскіе умѣютъ варить превосходный и превкусный медъ изъ малины, ежевики, вишенъ и другихъ ягодъ. Изъ всѣхъ этѣхъ медовъ намъ особенно нравился малиновый, по своему пріятному запаху и вкусу. Я самъ выучился приготовлять этотъ медъ, котирый дѣлается слѣдующимъ образомъ: сперва совершенно спѣлую малину кладутъ въ бочку, наливаютъ ее чистою водою и даютъ постоять такъ день, или два, пока вкусъ и цвѣтъ малины извлечется весь въ воду. Такую воду сливаютъ потомъ съ малины и примѣшиваютъ въ нее чистаго, или очищеннаго отъ воску, меду, а именно: на одну кружку меду по двѣ и по три кружки сказанной настоянной воды, смотря по тому, покрѣпче, или послаще, желаютъ имѣть медъ. За тѣмъ кладутъ туда кусочекъ поджареной булки и небольшое количество дрожжей, и когда медъ начнетъ бродить, булку вынимаютъ (иначе медъ получитъ ея вкусъ) и оставляютъ такъ бродить 4, или 5, дней. Желающіе придать меду вкусъ и запахъ пряныхъ кореньевъ, кладутъ въ него мѣшечки съ гвоздикой, кардамономъ и корицей. Если такъ изготовленный медъ стоитъ въ тепломъ мѣстѣ, то онъ не перестанетъ бродить въ продолженіи восьми дней, а по тому, послѣ извѣстнаго, потребнаго для надлежащаго броженія, времени, бочки съ медомъ выставляютъ на холодъ и дрожжи въ немъ оттягиваютъ.

Нѣкоторые наливаютъ малину простою водкой, хорошенько взбалтываютъ ее въ водкѣ, и послѣ суточнаго стоянія, водку сливаютъ съ ягоды, разводятъ медомъ, и такой настой дѣлается очень пріятнымъ напиткомъ, такъ какъ водка, насыщенная малиной и смѣшанная съ нею, почти совсѣмъ теряетъ свой настоящій вкусъ.

Русскіе задаютъ иногда пиры, при чемъ все великолѣпіе свое высказываютъ во множествѣ разнаго рода кушаньевъ и напитковъ. Если же знатные Вельможи затѣваютъ пиръ и пригла-

шаютъ на него гостей низшаго состоянія, что дѣлается, конечно, съ иною цѣлію, а не съ тѣмъ, чтобы оказать этѣмъ людямъ свое доброе расположеніе, то тогда яства и хлѣбъ на этомъ пиру составляютъ какъ бы приманку на удочкѣ, которою хозяинъ пріобрѣтаетъ болѣе, чѣмъ издерживаетъ; ибо у нихъ ужь такой обычай, что гости такому хозяину приносятъ съ собою почетные подарки, или приношенія. По этому если, на примѣръ, какого ни будь Нѣмецкаго купца удостоятъ пригласить, онъ долженъ впередъ знать, какъ дорого обойдется ему такая честь. Воеводы въ городахъ, особено въ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается найбольшая торговая и промышленная дѣятельность, по два и по три раза въ году задаютъ торжественные пиры, на которыхъ являются любезными и радушными хозяевами и на которые обыкновенно приглашаютъ всѣхъ богатыхъ купцовъ.

Самая высокая честь и дружба, какую только можетъ оказать хозяинъ своему гостю на такихъ пиршествахъ, или отдѣльныхъ посѣщеніяхъ и провѣдкахъ, въ знакъ того, что гость очень любъ и пріятенъ хозяину, состоитъ у Русскихъ въ томъ, что, послѣ всѣхъ угощеній, выходитъ жена хозяина, разодѣтая и изъ собственныхъ рукъ подноситъ гостю чару водки; иногда же, если гость особенно милъ и любезенъ хозяину, ему позволяется и поцѣловать хозяйку въ губы. Такую великую честь оказалъ однажды и мнѣ, въ 1643 году, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, Графъ Левъ Александровичъ фонъ Шлаковъ (Leo Alexander von Sclackow) въ своемъ домѣ. [1]

Послѣ богатѣйшаго угощенія Графъ этотъ отозвалъ меня особо отъ другихъ гостей, повелъ въ другую компату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какія только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина, какъ домохозяйка, сама выходитъ къ пирующимъ, и

[1] Онъ выѣхалъ, какъ свѣдѣтельствуютъ «Повсядневныя Дворцовыя Записки» (М. 1769), въ 1643 году изъ «Дацкія земли», представлялся, 1-го Декабря, Государю, и просился «на Государево имя служить», что и дозволено было ему, за тѣмъ крестился и получилъ имя: «Князь Левъ Александровичъ Шляховской», вмѣсто: «Графъ Матѳій (Mathias) Шлаковъ»; ему повелѣно «быть во Дворянахъ Московскихъ.» О. Б.

также, какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, служа у Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго, очень пріятенъ ему, то, въ честь и во уваженіе Герцога, котораго многими высокими милостями пользовался онъ во время своихъ странствованій и гоненій (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), онъ желалъ и мнѣ оказать подобающую честь. Въ слѣдъ за симъ явилась супруга Графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвѣнечномъ платьи (о подвѣнечномъ платьи подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи сватьбы Русскихъ), въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинъ съ водкою и чарку. Вступивши въ комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу, потомъ мнѣ, за тѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла ее къ своимъ губамъ, и потомъ сама поднесла чарку мнѣ и просила выпить меня, что повторила три раза. Послѣ этого Графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ хозяйку; но такъ какъ я не привыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у Графини. Графъ не удовольствовался этѣмъ, настаивалъ, чтобы я поцѣловалъ Графиню въ губы, и, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ исполнить, по ихъ обычаю, его просьбу. Въ заключеніе Графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахрамою. Такими платками жены и дочери знатныхъ Господъ дарятъ обыкновенно къ свадьбѣ невѣстъ; такъ и на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева (Stressnoff), которое принадлежало брату отца Великой Княгини.

Хотя Бояре и знатные Господа, по всей вѣроятности, издерживаютъ весьма много, при желаніи вести себя достойно занимаемыхъ имъ мѣстъ и при своихъ широкихъ домохозяйствахъ, но для этого, кромѣ большихъ жалованій, они имѣютъ еще и богатыя помѣстья и крестьянъ, ежегодно приносящихъ имъ громадные доходы. Купцы и ремесленники добываютъ себѣ пропитаніе и ежедневные заработки только своими промыслами, при чемъ купцы довольно хитры и ловки въ извлеченіи барышей изъ своей торговли. Торгующіе внутри страны торгуютъ предметами, составляющими необходимую жизненную потребность; тѣ же, которые, съ дозволенія Его Царскаго Величества, ѣздятъ въ сосѣдственныя земли, какъ, на примѣръ, въ Ливонію, Швецію, Поль-

шу и Персію, торгуютъ большею частію соболями и разными другими мѣхами, льномъ, коноплей и кожей (юфтью). Этѣ же купцы, у Англійскихъ купцовъ, которые въ Москвѣ ведутъ большую торговлю, покупаютъ иногда сукно по 4 таллера за локоть, а сами продаютъ его по $3^1/_2$, и даже по 3 талера, за тотъ же локоть, и получаютъ при этомъ еще порядочный барышъ. Это дѣлается ими такъ: они берутъ одну, или нѣсколько штукъ сукна за условленную цѣну, съ уплатою всего количества черезъ полгода, или даже черезъ годъ, и за тѣмъ тотчасъ распродаютъ это сукно мелкимъ торговцамъ, въ розницу по аршинамъ, на чистыя деньги, и на этѣ вырученныя чистыя деньги они закупаютъ другіе товары, которые опять тотчасъ же продаютъ, и такимъ образомъ въ продолженіи всего времени, которое имѣютъ они до срока уплаты за купленное ими на вѣру сукно, они дѣлаютъ денежный оборотъ три и даже болѣе раза, и отъ того получаютъ наконецъ себѣ чистую прибыль.

Ремесленники, по простой жизни своей не требующіе многого, добываютъ трудами рукъ своихъ весьма достаточно для того, чтобы имѣть надлежащее неприхотливое содержаніе и чарку водки, чтобы безъ нужды прокормить себя и свои семейства. Люди этѣ очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидятъ у Нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде совсѣмъ и не знали. По этому, въ настоящее время они улучшенныя издѣлія свои продаютъ уже за гораздо высшую цѣну, въ сравненіи съ прежними цѣнами. Особенно удивили меня Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искуствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ ни сколько Нѣмцамъ.

По этому, если кто въ какомъ ни будь ремеслѣ обладаетъ особеннымъ знаніемъ, или пріемомъ, которымъ хотѣлъ бы пользоваться только онъ одинъ, то онъ не долженъ показывать своего искуства ни какому Русскому. Такъ въ началѣ и поступилъ знаменитый литейный мастеръ Гансъ Фалькъ (Hans Falck), который требовалъ, чтобы во время отливки имъ и выдѣлки значительнѣйшихъ пушекъ и другихъ предметовъ, Русскіе подмастерья его оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впро-

чемъ, Русскіе уже сами умѣютъ лить большія пушки и колокола: такъ, въ прошломъ еще году, въ Кремлѣ, близъ колокольни Ивана Великого, выученики помянутаго Ганса Фалька вылили огромный колоколъ, который, по совершенной очисткѣ и отдѣлкѣ, вѣсилъ 7700 пудовъ, т. е., 308,000 фунтовъ или 2080 центнеровъ, какъ сообщали мнѣ это многіе Нѣмцы, бывшіе въ Москвѣ, а также и сами Русскіе. Но этотъ колоколъ, когда его повѣсили на приготовленномъ для него мѣстѣ и начали звонить, далъ трещину, или раскололся, а пока не имѣлъ трещины, издавалъ пріятный и чистый звонъ. Въ настоящее время его разбили снова, и Его Царское Величество приказалъ вылить на томъ же мѣстѣ еще большой колоколъ, который бы на вѣки оставилъ память объ его имени, и уже приступили къ разнаго рода предварительнымъ работамъ для отливки этого новаго колокола, сопряженнымъ съ огромными издержками.

Русскіе всѣ, какъ высшаго, такъ и низшаго, сословія имѣютъ обыкновеніе отдыхать и спать въ полдень, послѣ обѣда; по этому въ это время и запирается большая часть лучшихъ лавокъ, и самые лавочники, или мальчики ихъ, спятъ просто передъ дверьми. Въ это же время нельзя добиться до свиданія, или переговоровъ, съ кѣмъ либо изъ знатныхъ Бояръ, или купцовъ, по тому что они отдыхаютъ, или спятъ, послѣ обѣда.

Имѣя въ виду этотъ обычай, Русскіе пришли къ заключенію, что Лжедимитрій, о которомъ мы скоро будемъ говорить подробнѣе, не могъ быть по рожденію Русскимъ и сыномъ Великаго Князя, такъ какъ онъ не любилъ спать послѣ обѣда, подобно всѣмъ другимъ Русскимъ. Такъ думали они о немъ и по тому, что онъ не такъ часто, какъ это водится у Русскихъ, ходилъ въ баню, ибо Русскіе крѣпко держатся обычая мыться въ банѣ, и особенно считаютъ это необходимымъ дѣломъ послѣ первой свадебной ночи. По этому-то во всѣхъ городахъ и селеніяхъ у нихъ множество общественныхъ и частныхъ бань, въ которыхъ всегда почти найдешь множество моющихся.

Когда я былъ въ Астрахани, то посѣтилъ тамъ потихоньку баню, съ намѣреніемъ взглянуть, какъ моются тамъ Русскіе. Бани самыя раздѣлены были на двѣ половины досчатыми перего-

родками, для того, чтобы мужчины и женщины могли мыться отдѣльно. Но тѣ и другіе входили и выходили въ одну общую дверь, при чемъ ходили совершенно нагіе, ни чѣмъ не прикрываясь, и только нѣкоторые держали передъ собою березовый вѣникъ, у остальныхъ же и того не было. Иногда женщины безъ всякаго стыда входили въ мужское отдѣленіе и разговаривали тамъ съ своими мужьями.

Русскіе могутъ выносить чрезвычайно жаръ, и въ банѣ, ложась на полкахъ, велятъ себя бить и тереть свое тѣло разгоряченными березовыми вѣниками, чего я ни какъ не могъ выносить; за тѣмъ, когда отъ такого жару они сдѣлаются всѣ красными и изнемогутъ до того, что уже не въ состояніи оставаться въ банѣ, они выбѣгаютъ изъ нея голые, какъ мужчины, такъ и женщины, и обливаются холодною водою; зимою же, выскочивъ изъ бани, они валяются на снѣгу, трутъ имъ тѣло, будто мыломъ, и потомъ, остывши такимъ образомъ, снова входятъ въ жаркую баню. Такъ какъ бани ихъ обыкновенно устраиваются при рѣкахъ, или ручьяхъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду. Случилось однажды, что одинъ Нѣмецъ забрался въ купальню къ женщинамъ, и оказалось, что они не были такъ стыдливы, какъ Діана, которая, разгнѣвавшись за подобную выходку, на одного смѣльчака, дерзнувшаго вмѣшаться въ толпу ея спутницъ въ то время, когда она купалась, тотчасъ же, узнавши объ этомъ, обрызгала виновнаго водою и обратила его въ оленя.

Въ Астрахани также случилось однажды, что 4 молодыя женщины, вышедши изъ бани, бросились прохладиться въ Волгу, которая около этого мѣста протекала рукавомъ своимъ, и доставляла весьма пріятное и прохладное купанье. Въ то же время пришелъ туда купаться и одинъ изъ нашихъ солдатъ, также бросился въ воду, а купающіяся его сосѣдки начали изъ шутки брызгаться водою. Одна изъ сказанныхъ женщинъ, заплыла незамѣтно на болѣе глубокое мѣсто, запуталась тамъ въ тонкой тинѣ и начала тонуть; тогда, остальныя ея товарки, видя опасность, подняли крикъ, бросились къ солдату, который плавалъ около, и умоляли его о помощи. Солдатъ не заставилъ просить себя долго, поспѣшилъ къ утопающей, схватилъ ее поперекъ тѣла, за

тѣмъ велѣлъ ей схватиться за него, и такимъ образомъ выплылъ съ нею на мелкое мѣсто и спасъ утопавшую. Послѣ этого женщины этѣ благодарили, хвалили Нѣмца и говорили, что онъ былъ посланъ къ нимъ въ воду будьто ангелъ спаситель.

Описанный выше способъ мыться въ баняхъ мы видѣли не только въ Россіи, но и въ Ливоніи и Ижоріи, гдѣ простой народъ, особенно же Чудь, въ самый жестокій морозъ, выбѣгаютъ голые на улицу, трутъ себя снѣгомъ, и потомъ снова входятъ въ жаркую баню, и такой рѣзкій переходъ отъ жара къ холоду ни сколько не вредитъ имъ, такъ какъ они привыкли къ этому еще съ дѣтства. По этому-то Чудь, Латыши, также какъ и Русскіе, крѣпкій, сильный, выносимый народъ, способный легко переноситъ и стужу и жаръ.

Въ Нарвѣ я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Русскихъ и Чудскихъ мальчиковъ, 8-ми, 9 и 10 лѣтъ, какъ они, въ однихъ тонкихъ полотняныхъ кафтанахъ, босыми ногами, похожими на гусиныя, цѣлые полчаса ходили и стояли на снѣгу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый морозъ.

Вообще въ Россіи люди здоровые, доживающіе глубокой старости и рѣдко болѣющіе; если жь заболѣетъ кто, то въ простомъ народѣ самымъ лучшимъ лѣкарствомъ, даже въ горячкѣ, считается водка и чеснокъ; знатные же Бояре начинаютъ уже теперь обращаться за совѣтами къ Нѣмецкимъ Врачамъ и употреблять извѣстныя, прописываемыя ими, лѣкарства.

Особенно хорошія бани нашли мы у Нѣмцевъ и Ливонцевъ, живущихъ въ Москвѣ, при ихъ домахъ. Въ этѣхъ баняхъ устроивается печь со сводомъ, въ которой, на особомъ возвышенномъ помѣщеніи, накладывается куча камней. Изъ печи дѣлается одно отверстіе въ баню, которое закрывается заслонкою и навозомъ, или птичьимъ пометомъ. Другое отверстіе въ печи такое же, только меньше, выдается наружу и черезъ него выходитъ дымъ. Когда камни достаточно нагрѣются, или накалятся, внутреннее отверстіе открываютъ, а наружное прикрываютъ, и если захотятъ поддать пару, то льютъ на камни воду, въ которой иногда настаиваютъ пахучія травы. Въ самой банѣ, по стѣнамъ кругомъ, подѣла-

ны лавки и полки для пропотѣнія и обмыванія, одна повыше другой, и на нихъ полотняные, сѣномъ набитые, мѣшки, или постилки, обсыпанныя цвѣтами и всякаго рода благовонными травами, которыми утыканы и окна бани, а на полу набрасывается мелко нарубленный и измятый еловый кустарникъ, издающій пріятный и усладительный запахъ. Для мытья дается женщина, или дѣвушка. Если моется знакомый чужестранецъ въ банѣ у своихъ соотечественниковъ, и, слѣдовательно, если онъ желанный гость, то его холятъ какъ нельзя лучше, заботятся о немъ и всячески ублажаютъ. Въ такихъ случаяхъ хозяйка, или дочь ея, приносятъ сами, или посылаютъ обыкновенно нѣсколько ломтей рѣдьки, посыпанныхъ солью, и вкусно изготовленную пивную похлебку, гостю въ баню. Если жь этого не сдѣлаютъ хозяева, то это считается за великое неуваженіе къ гостю и служитъ ему знакомъ, что онъ вовсе нежеланный гость. Послѣ бани гостя потчуютъ, по достоинству, опять всякаго рода приличными дѣлу, освѣжающими угощеніями.

Такого почетнаго пріема и чистоты не найдешь у спесивыхъ, своекорыстныхъ и грязныхъ Русскихъ, у которыхъ все это неопрятно и противно.

Одинъ изъ насъ, видѣвшій и наблюдавшій образъ жизни и обычаи Москвичей, вкратцѣ описалъ ихъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Kirchen, Bilder, Creuze, Glocken,
Weiber, die geschminckt, als Docken,
Huren, Knoblauch, Brantewein,
Seynd in Muskow sehr gemein.
Auff dem Marckte müssig gehen,
Vor dem Bad entblösset stehen,
Mittags schlaffen völlerey,
Rulzen, farzen ohne Scheu.
Zanken, peitschen, stehlen, morden,
Ist auch so Gemeine worden,
Dass sich niemand mehr dran kehrt,
Weil mans täglich siht und hört.

ГЛАВА VIII.

О брачномъ состояніи Русскихъ и образѣ совершенія свадебъ ихъ.

Хотя Русскіе весьма склонны къ плотскимъ наслажденіямъ, но у нихъ нѣтъ открытыхъ развратныхъ домовъ, существующихъ, къ сожалѣнію, въ Персіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, и составляющихъ извѣстную статью дохода Правительства.

Русскіе имѣютъ свой законный бракъ, и каждому дозволяется имѣть только одну жену. Въ случаѣ, если жена умретъ, мужъ можетъ жениться въ другой и даже въ 3-й разъ, но въ 4-й разъ не дозволяется, и если Священникъ обвѣнчаетъ кого въ 4-й разъ, то отрѣшается отъ должности. Священники Русскіе, служащіе алтарю (бѣлое духовенство), непремѣнно должны быть люди женатые, и по смерти 1-й жены вторично вступить въ бракъ не могутъ; для этого они должны оставить свой Священническій санъ, сложить свою скуфью и причислиться въ купечество, или въ сословіе ремесленниковъ. При вступленіи въ бракъ, принимается у Русскихъ во вниманіе arbor consaguinitatis, или родство, и бракъ между кровными родственниками, и даже свойственниками, не допускается, равно какъ не дозволяется двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ, или воспріемникамъ одного дѣтяти брачиться другъ на другѣ. Самое вѣнчаніе совершается у нихъ въ общественныхъ церквахъ съ извѣстнаго рода обрядами, и при свадьбахъ вообще соблюдаются слѣдующіе обычаи:

Молодымъ людямъ и дѣвицамъ отнюдь не дозволяется какими ни будь способами сходиться, тѣмъ болѣе совѣщаться между собою о бракѣ и обѣщать себя другъ другу, но родители, имѣющіе сыновей взрослыхъ, которыхъ бы они хотѣли уже поженить, большею же частію родители дочерей, отправляются къ тѣмъ, дѣти которыхъ, по ихъ мнѣнію, могли бы составить приличный союзъ, заводятъ рѣчь съ самими этѣми молодыми людьми, или съ ихъ родителями, либо друзьями, и выказывая къ нимъ свое доброе расположеніе, стараются разузнать ихъ намѣреніе и мнѣніе относительно бракосочетанія ихъ дѣтей. Если на такое предложеніе

изъявляется согласіе, то выражается желаніе сперва видѣть невѣсту дочь, и хотя обыкновенно въ этомъ желаніи отказывается, но иногда, особенно когда невѣста красива, дозволяется матери жениха, или его подругѣ, посмотрѣть невѣсту. Если осмотрѣвшіе невѣсту не найдутъ въ ней ни какого видимаго, или замѣтнаго, недостатка, увидятъ, что она ни слѣпа, ни хрома, то между родителями жениха и невѣсты и пріятелями ихъ начинаются переговоры о придачѣ, называемой у нихъ приданымъ, а за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, толкуютъ и рѣшаютъ уже о самомъ бракѣ.

Вообще люди, хоть сколько ни будь знатные, воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступныхъ ни кому покояхъ, держатъ ихъ сокрытыми отъ сторонихъ людей, и женихъ не прежде можетъ увидать свою невѣсту, какъ уже по совершеніи брака, въ брачномъ своемъ покоѣ. По этому иногда обманываютъ, вмѣсто красивой иной получаетъ безобразную и уродливую жену, иногда даже, вмѣсто дочери, дадутъ ему какую ни будь другую родственницу, даже просто служанку, чему бывали примѣры даже между знатными Господами, по чему не удивительно, что новобрачные живутъ между собою, какъ кошки съ собакою, и что побои женъ у Русскихъ такъ обыкновенны.

Свадьбы Русскихъ и торжественное сопровожденіе невѣсты совершаются съ особенною пышностію, а именно: свадьбы знатныхъ Князей, Бояръ и Дѣтей Боярскихъ справляются слѣдующимъ образомъ:

Къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами, въ родѣ ключницъ, которыя въ домѣ вѣнчающихся должны все устроить и приготовить. Сваха невѣсты въ день свадьбы идетъ въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель. Съ нею идетъ до 100 разодѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что либо, принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель приготовляется на 40 ржаныхъ снопахъ, положенныхъ рядомъ и одинъ на другомъ, и первые снопы кладетъ самъ женихъ; за тѣмъ, въ томъ же покоѣ, ставится нѣсколько кадокъ, или боченковъ, съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, что означаетъ

и какъ бы способствуетъ тому, чтобы вступающіе въ бракъ въ сожительствѣ своемъ имѣли всегда изобиліе въ пищѣ и въ средствахъ къ жизни.

Проведши цѣлый день въ такихъ приготовленіяхъ и устройствѣ должнымъ порядкомъ всего нужнаго, уже позднимъ вечеромъ женихъ отправляется, со всѣми своими друзьями и пріятелями, предводимый Священникомъ, долженствующимъ вѣнчать его и ѣдущимъ верхомъ на лошади, въ домъ невѣсты. Сдѣсь, собравшіеся уже друзья и пріятели невѣсты принимаютъ жениха со всѣми его сопутниками, и важнѣйшіе изъ нихъ, или ближайшіе пріятели жениха, приглашаются къ столу, на которомъ поставлено уже три блюда, но къ блюдамъ этѣмъ никто изъ гостей не прикасается. Въ верхнемъ концѣ стола оставляется мѣсто для жениха, который, по приходѣ, остается нѣкоторое время на ногахъ и бесѣдуетъ съ друзьями и дружками невѣсты; въ это время на оставленное для жениха мѣсто сажаютъ мальчика, котораго женихъ, кончивъ свою бесѣду, долженъ почтительно снять со скамьи. Когда такимъ образомъ, снявши мальчика, женихъ сядетъ на свое мѣсто, приводятъ невѣсту, съ закрытымъ лицомъ и великолѣпно разодѣтую, сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ, и чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягивается кусокъ красивой тафты, который держатъ два мальчика. За тѣмъ приходитъ сваха невѣсты, чешетъ ей волосы, которыя у нея распущены, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, надѣваетъ ей на голову вѣнецъ и другія украшенія, которыя и оставляетъ такъ на ней открытыми. Вѣнецъ дѣлается изъ тонко кованнаго листоваго золота, или серебра, подбивается матеріей и по сторонамъ, около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается къ низу, привѣшиваются къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго жемчугу, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты, спереди сверху до низу, около рукавовъ, которые бываютъ шириною аршина (arsin) въ два, а также и на твердо стоячемъ воротникѣ, бывающемъ пальца въ три шириною и охватывающемъ шею будто собачій ошейникъ, плотно унизанъ крупнымъ жемчугомъ, и такой кафтанъ стоитъ иногда далеко дороже 1000 талеровъ.

Сваха расчесываетъ также и жениха, а между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вскочивши на лавки, поютъ всякаго рода срамныя

пѣсни. За тѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка, весьма богато одѣтые, и приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Такіе же хлѣбы приносятся и со стороны невѣсты, и хлѣбы эти называются коровайниками (Krabeinicke). Попъ благословляетъ принесенные сыръ и хлѣбы, которые и относятся послѣ этого въ церковь. За тѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четверо угольныя кусочки атласу и тафты, столько, чтобы изъ нихъ можно было сшить небольшой кошель, также четвероугольныя небольшія серебряныя пластинки, хмѣль, ячмень и овесъ, все это перемѣшивается на блюдѣ, и самое блюдо ставятъ на столъ. Тогда опять появляется сваха, которая снова покрываетъ невѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ Бояръ и прочихъ мужчинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласу и серебра, а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани, и все еще съ закрытымъ лицомъ везетъ ее въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, вокругъ шеи и подъ дугою обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, сопровождаемый своими дружками и Священникомъ, при чемъ этого послѣдняго иногда, готоваго уже отъ свадебныхъ напитковъ, свалиться съ лошади, нужно бываетъ поддерживать съ обѣихъ сторонъ, какъ во время его поѣзда въ церковь верхомъ на ней, такъ и въ церкви, при совершеніи имъ вѣнчанія. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые хорошіе друзья и множество прислуги (рабовъ), и въ это время отпускаются при поѣздѣ самыя грубыя и непристойныя шутки.

Въ церкви довольно большое пространство пола, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, покрывается красною тафтою, а на ней постилается еще особый кусокъ этой матеріи, на которую и становятся женихъ съ невѣстой. Передъ вѣнчаніемъ дѣлаются Священнику, по его требованію, приношенія, состоящія изъ пироговъ и другихъ печеній; за тѣмъ надъ головами жениха и невѣсты держатъ образа и благословляютъ брачущихся. Потомъ

Попъ обѣими своими руками беретъ правую руку жениха, лѣвую невѣсты, и трижды спрашиваетъ ихъ: желаютъ ли они имѣть другъ друга и жить неразлучно? Получивъ отвѣты, Священникъ обводитъ вѣнчающихся кругомъ и поетъ 127 псаломъ, который женихъ и невѣста, обходя кругъ, какъ бы приплясывая, повторяютъ по частямъ. Послѣ такого кругового хожденія Священникъ возлагаетъ на головы жениха и невѣсты довольно красивыя короны или вѣнцы; но если изъ брачущихся кто либо вдовецъ, или вдова, то вѣнцы возлагаются не на головы, а на плечи, при чемъ, во всякомъ случаѣ, Попъ произноситъ: «Растите и множитеся,» а соединяя ихъ, говоритъ далѣе: «Что Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» и проч. Между тѣмъ, предстоящіе въ церкви свадебные гости зажигаютъ маленькія восковыя свѣчи и подаютъ Попу деревянную, вызолоченную чашу, или просто стеклянную рюмку съ краснымъ виномъ, изъ которой Священникъ даетъ пить брачущимся, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ пить по три раза, и за послѣднимъ разомъ допить все вино. Тутъ женихъ бросаетъ пустую рюмку объ полъ, разбиваетъ ее и топчетъ кусочки ея ногами, вмѣстѣ съ невѣстою, съ слѣдующими словами: «да расточатся такъ, и да потребятся такъ нашими ногами всѣ тѣ, которые вознамѣрятся возбудить вражду и ненависть между нами!» Тутъ предстоящія женщины обсыпаютъ новобрачныхъ льняным и конопляным сѣменемъ, желаютъ имъ счастія, и нѣкоторыя дергаютъ и тащутъ невѣсту, какъ бы желая отнять ее у жениха, но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ за друга. Наконецъ женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей, а провожающіе гости и пріятели опять начинаютъ выдѣлывать разныя грубѣйшія шутки.

По прибытіи въ свадебный домъ, т. е., въ домъ жениха, гости съ женихомъ садятся за столы, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣста же тотчасъ уходитъ въ брачный покой, раздѣвается до рубашки и ложится въ постель. Едва только женихъ начнетъ ѣсть, какъ его требуютъ къ невѣстѣ. Ему предшествуютъ 6, или 8, мальчиковъ, съ зажженными факелами. Услыхавъ о приближеніи жениха, невѣста встаетъ съ постели, накидываетъ на себя соболью шубку, и съ поклономъ принимаетъ своего возлюблен-

наго. Мальчики ставятъ свои зажженные факелы въ выше помянутые боченки съ рожью и ячменемъ и удаляются. Тогда женихъ садится съ невѣстой за проготовленный уже столъ, и тутъ только въ первый разъ онъ видитъ ее съ открытымъ лицомъ. Приносятся кушанья и, между прочимъ, жареная курица, которую разрѣзываетъ самъ женихъ, и первую отрѣзанную ножку, или крыло, онъ бросаетъ позади себя, а другую ѣстъ самъ. Послѣ такого стола, продолжающагося, впрочемъ, очень не долго, женихъ идетъ съ невѣстой въ постель, и при этомъ всѣ удаляются, кромѣ одного стараго служителя, который долженъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ дверями спальни. Въ это время родители и пріятели жениха и невѣсты скоморошничаютъ и совершаютъ разныя чары на благополучное сожительство новобрачныхъ. Слуга же, поставленный на часахъ у дверей брачной спальни, отъ времени до времени долженъ спрашивать: «Сталось ли дѣло?» Если женихъ отвѣтитъ: «Да!» тотчасъ начинаютъ трубить и бить въ барабаны, заранѣе уже припасенные, все громче и веселѣе. За тѣмъ немедленно топится баня, въ которую, спустя нѣсколько часовъ, идутъ мыться, отдѣльно, впрочемъ, другъ отъ друга новобрачные, гдѣ и моются и обдаются водою, медомъ и виномъ; послѣ бани молодая жена даритъ своего мужа рубашкою, у которой воротъ вышитъ жемчугомъ и новымъ, весьма дорогимъ, полнымъ платьемъ.

Слѣдующіе два дня проводятся въ непомѣрномъ употребленіи ествъ, напитковъ, въ пляскахъ и всякого рода увеселеніяхъ, какія только могутъ придумать. Тутъ же играетъ и разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псалтирь (Psaltir), похожемъ на гусли, который, во время игры на немъ, кладется на колѣни и играютъ на немъ пальцами по струнамъ, какъ на арфѣ, что можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. [1]

Во время этѣхъ пиршествъ замужнія женщины позволяютъ себѣ разнаго рода шалости и продѣлки съ своими знакомыми не женатыми людьми, а также и съ мужьями другихъ женъ, такъ какъ ихъ собственные мужья не могутъ наблюдать за ними, будучи

[1] На стр. 193-й подлинника. О. Б.

совершенно пьяными; онѣ пользуются этѣмъ случаемъ сборищъ, или собраній, для того, чтобы предаться своимъ удовольствіямъ-такъ какъ удовольствія эти найлучшимъ образомъ могутъ совершить онѣ посредствомъ такихъ общественныхъ пиршествъ. Все сказанное составляетъ правдивое повѣствованіе объ обрядахъ и обычаяхъ во время свадьбы теперешнихъ большихъ Бояръ въ Москвѣ.

Если же затѣютъ свадьбу простолюдины, или горожане, то женихъ, обыкновенно, за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапоговъ, а также ящичекъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. На другой день, когда должна совершиться свадьба, приходитъ Попъ съ серебрянымъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, потомъ и гостей. За тѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ и между ними также протягивается кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу, смотрѣться въ одно зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаюсъ молодыхъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ этого отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе совершается описаннымъ уже выше образомъ.

Послѣ свадьбы молодыя жены содержатся въ своихъ покояхъ, рѣдко выходятъ въ люди и чаще посѣщаются своими хорошими знакомыми, чѣмъ сами посѣщаютъ ихъ.

ГЛАВА IX.

О положеніи Русскихъ женщинъ.

Такъ какъ дочери большихъ Бояръ и купцовъ весьма мало, да и вовсе не пріучаются къ хозяйству, то и послѣ въ замужствѣ онѣ также мало имъ занимаются, и только сидятъ себѣ дома, шьютъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ красивые посовые платки изъ бѣлой тафты, или чистаго полотна, вяжутъ кошельки

для денегъ и тому подобное. Онѣ никогда не рѣшатся зарѣзать курицу, или другое какое животное, а тѣмъ болѣе изготовить какое ни будь кушанье, изъ опасенія осквернiться такимъ дѣломъ, и всякую подобную работу предоставляютъ своимъ слугамъ. Изъ ревности, мужья рѣдко выпускаютъ своихъ женъ изъ дому, даже въ самую церковь; но въ простомъ народѣ это не такъ строго соблюдается.

Дома женщины одѣваются обыкновенно очень дурно; если же, по приказанію мужей, онѣ должны сдѣлать гостю честь и попотчивать его чаркой водки, или, если онѣ появляются на улицахъ, идучи въ церковь, то надѣваютъ самыя дорогія платья и крѣпко на крѣпко толстымъ слоемъ бѣлятъ себѣ лицо и шею.

Княжескія, Боярскія и другихъ Вельможъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ; кареты этѣ, поставленныя на полозья, употребляютъ онѣ и въ зимнее время. Въ этѣхъ каретахъ или колымагахъ сидятъ онѣ, во всемъ великолѣпіи, какъ богини, а въ ногахъ у нихъ помѣщается крѣпостная дѣвочка, служанка. Подлѣ кареты бѣгутъ обыкновенно ихъ холопы и крѣпостные люди въ большомъ числѣ, иногда по 30 и по 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ такую карету, или сани, убирается подобно той, которая возитъ невѣсту, лисьими хвостами, что, впрочемъ, не въ свадебное время встрѣчается рѣдко. Подобное убранство лошадей видѣли мы не только при выѣздахъ знатныхъ Боярынь, но и въ поѣздахъ знатныхъ Бояръ и самаго Великаго Князя, лошади котораго увѣшиваются иногда, вмѣсто лисьихъ, отличными чернаго соболя хвостами.

Такъ какъ молодыя жены сидятъ больше праздно дома, рѣдко показываются въ люди, хозяйствомъ почти не занимаются, то по этому онѣ мало имѣютъ развлеченій и отъ скуки сами придумываютъ себѣ разныя забавы съ своими дѣвушками, а именно качели, до которыхъ онѣ страстныя охотницы. Обыкновенный способъ качанія такой: кладутъ на колоду доску, двѣ женщины становятся на концы этой доски и, перевѣшивая одна другую, высоко подкидываютъ другъ друга на воздухъ. Иногда употреб-

ляются также и веревочныя качели, на которыхъ онѣ качаются страшно высоко. Простой народъ, особенно въ слободахъ и селахъ, потѣшается качелями открыто, на улицахъ. Этѣ общественныя качели устроиваютъ они на подобіе висѣлицы, съ перекладиною, къ которой крестообразно придѣлываются, на особыхъ брусьяхъ, висячія мѣста для сидѣнья, и на такихъ качеляхъ разомъ могутъ качаться по 2, по 3 и болѣе человѣкъ. Всего болѣе потѣшается на качеляхъ народъ по праздникамъ; въ праздники этѣ извѣстные уже молодые парни заготовляютъ сказанныя мѣста для сидѣнья и все нужное для качалей, качаютъ желающихъ за нѣсколько копѣекъ. Такую забаву мужья охотно дозволяютъ своимъ женамъ и иногда сами помогаютъ качать ихъ.

Несогласія между супругами и даже побои происходятъ у Русскихъ или отъ того, что жены поносятъ мужей своихъ неприличными и бранными словами, на что онѣ всегда бываютъ готовы, или отъ того, что жены пьянствуютъ чаще мужей, или же, наконецъ, отъ того, что жены своимъ ласковымъ и черезъ чуръ дружескимъ обращеніемъ съ сторонними мужчиною возбуждаютъ ревность въ мужьяхъ своихъ. Этѣ три причины очень часто встрѣчаются въ Русскихъ женщинахъ въ одно время.

Жены не очень-то обижаются, если мужья порядкомъ иной разъ поучатъ ихъ плеткой, или кнутомъ; ибо чувствуютъ, что сами виноваты, и при томъ видятъ, что и съ сосѣдками ихъ и пріятельницами, повинными въ такихъ же продѣлкахъ, случается то же самое; но чтобы Русскія женщины думали, что чѣмъ больше бьютъ и сѣкутъ плетками мужья ихъ, тѣмъ больше будьто бы онѣ любимы своими мужьями, и что, на оборотъ, недостатокъ побоевъ отъ мужей онѣ считаютъ, будьто бы, признакомъ нелюбящаго и нерасположеннаго къ нимъ сердца мужей ихъ, какъ пишутъ это нѣкоторые историки, основываясь на Русской Лѣтописи Петрея, который, безъ сомнѣнія, самъ заимствовалъ это извѣстіе у Герберштейна и у Барклая изъ его «Icon animorum» (Francof. 1625), то этого я нигдѣ не видалъ и не слыхалъ; да, признаюсь, и не могу себѣ представить, чтобы Русскія женщины могли любить то, что обыкновенно устрашаетъ природу и всякую тварь, и чтобы дѣйствія гнѣва и вражды онѣ принимали за признаки любви. Обыкно-

венная пословица: «Побои не радуютъ,» по моему мнѣнію, имѣетъ свою силу и у Русскихъ женщинъ. Никто, въ здравомъ умѣ, безъ причины не возненавидитъ и не будетъ истязать плоть свою. Можетъ быть, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ Русскихъ женщинъ и вели съ своими мужьями, ради шутки, подобныя рѣчи, или же то была, должно быть, совсѣмъ глупая женщина, которая, проживъ съ мужемъ долгое время въ мирѣ и согласіи, сказала ему, что она не видитъ, чтобы онъ дѣйствительно любилъ ее, по тому что ни разу еще не получала отъ него побоевъ. Въ слѣдствіе этого мужъ, желая доказать ей любовь свою желаннымъ ею образомъ, не заставилъ долго просить собя и постегалъ ее плетью; такъ какъ это очень ей поправилось, то, спустя нѣсколько времени, мужъ повторилъ побои, а за тѣмъ, чтобъ доказать ей свою особенную любовь, поколотилъ ее и въ 3-й разъ и такъ сильно, что уходилъ ее до смерти: человѣкъ этотъ, по имени Іорданъ, должно быть, родомъ былъ Итальянецъ. Герберштейнъ называетъ его «Alemannum fabrum ferrarium,» Нѣмецкимъ кузнецомъ, и говоритъ, что описанное происшествіе случилось въ Москвѣ, въ бытность его тамъ. Случай этотъ, бывшій съ одною женщиной, не слѣдуетъ принимать за образецъ дѣйствій прочихъ женщинъ, и по праву одной нельзя заключать о природѣ всѣхъ остальныхъ.

За нарушеніе супружеской вѣрности у Русскихъ смертью не наказываютъ, и они не называютъ нарушеніемъ этой вѣрности, если женатый будетъ имѣть сожительство съ другой сторонней женщиной, и считаютъ это просто любодѣйствомъ; нарушителемъ же супружеской вѣрности называютъ они того мужа, который отъ живой жены женится на другой.

Если жена впадетъ въ развратную жизнь, и на то поступитъ отъ мужа жалоба, и преступленіе будетъ доказано, то ее наказываютъ плетью и выдерживаютъ нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и на водѣ, за тѣмъ она возвращается въ домъ мужа, гдѣ получаетъ новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство.

Если супруги надоѣдятъ другъ другу, не могутъ жить вмѣстѣ и выносить одинъ другого, то есть средство разойтись, имен-

но: одинъ изъ супруговъ можетъ пойти въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, оставляя, ради посвященія себя Богу, жену, жена эта выходитъ за другого мужа, то первый можетъ, если пожелаетъ, быть посвященъ въ Попы, хотя бы прежде этого онъ былъ башмачникомъ, или портнымъ. Мужъ имѣетъ право, въ случаѣ безплодія жены, заключить ее въ монастырь и, спустя шесть недѣль, жениться на иной.

Такіе примѣры бывали съ Великими Князьями, которые, не имѣя отъ женъ своихъ наслѣдниковъ, или же имѣя только дочерей, заключали этѣхъ женъ своихъ въ монастырь и женились на другой. Такъ именно поступилъ тиранъ Иванъ Васильевичъ, [1] заключивши силою въ монастырь супругу свою, Соломонію, отъ которой, въ продолженіи 21 года брачной жизни, не имѣлъ дѣтей, и женившійся потомъ на другой, именно на Еленѣ, дочери Михаила Глинскаго (Linzki). Въ монастырѣ же прежняя его супруга въ скоромъ времени родила сына, какъ свѣдѣтельствуютъ объ этомъ подробнѣе Герберштейнъ на 19-й и Тилеманъ (Tilemann) Bredenbachius (De Armeniorum moribus etc. Basil. 1577) на 251-й страницахъ. Также, если частный человѣкъ замѣтитъ, что жена невѣрна ему, и можетъ это доказать, то она также постригается въ монастырь, при чемъ часто мужъ дѣйствуетъ болѣе по произволу своему, нежели по справедливости. Такъ, если иногда по одному только подозрѣнію, или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ негодяевъ, и идетъ съ ними къ судьѣ обвинять и доказывать на жену, что она застигнута ими въ томъ, или другомъ, нечестномъ дѣлѣ, или въ любодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде чѣмъ она еще догадается въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ и должна провести остальные дни своей жизни; ибо у Русскихъ, посвятившій себя однажды въ монашество, и будучи постриженъ, уже не можетъ выйти изъ него, а тѣмъ болѣе вступить въ новый бракъ.

---

[1] Не Иванъ Васильевичъ, но отецъ его, Василій Ивановичъ. О. Б.

Подобное съ прискорбіемъ испыталъ, въ наше время, одинъ Полякъ, который принялъ Русскую Вѣру и женился на одной прекрасной молодой Русской дѣвицѣ. Имѣя надобность, по дѣламъ своимъ, отлучиться отъ жены, онъ не могъ возвратиться домой въ продолженіе цѣлаго года; жена же его, соскучившись жить въ одиночествѣ, сошлась въ это время съ другимъ, и прижила съ нимъ сына. Узнавъ о скоромъ возвращеніи мужа, и видя, что не можетъ дать ему честнаго отвѣта въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, она бѣжала въ монастырь, и тамъ постриглась. Когда же мужъ вернулся домой и узналъ истину, то не столько скорбѣлъ объ измѣнѣ жены, сколько о томъ, что она сдѣлалась монахиней; онъ охотно простилъ ее, хотѣлъ снова взять ее къ себѣ, и сама жена также хотѣла пойти опять къ мужу, но, не смотря на все ихъ желаніе, они ни какъ не могли добиться того, чтобы имъ дозволили снова сойтись и жить вмѣстѣ. Патріархъ и монахи считали это за великій, никогда и ни чѣмъ не искупимый, грѣхъ противъ Св. Духа.

Какъ ни склонны Русскіе къ плотскимъ наслажденіямъ, въ брачномъ состояніи и внѣ онаго, какъ ни грѣховны и ни грязны они въ этомъ отношеніи, но въ то же время они отнюдь не дозволяютъ себѣ, при совершеніи плотскаго грѣха, имѣть на себѣ крестъ, надѣваемый на нихъ при крещеніи, но снимаютъ его съ себя на время грѣховнаго дѣла, а также, если оно совершается въ комнатѣ, гдѣ стоятъ иконы, то завѣшиваютъ ихъ на это время.

Имѣвшій сонтіе не смѣетъ также въ тотъ день ходить въ церковь, но долженъ прежде начисто вымыться и одѣться въ чистое бѣлье, болѣе совѣстливые и набожные не входятъ даже въ церковь, и остаются передъ нею, или въ сѣняхъ церковныхъ, и тамъ совершаютъ свое моленье. Если Священникъ имѣетъ совокупленіе съ женой, то обязанъ хорошенько вымыться надъ пупкомъ и подъ пупкомъ, и хотя послѣ этого можетъ нти въ церковь, но входить въ алтарь не долженъ. Женщины вообще у Русскихъ считаются не столь чистыми, какъ мужчины; по этому онѣ какъ бы не вполнѣ допускаются въ церковь, но помѣщаются въ ней обыкновенно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ дверямъ.

ГЛАВА X.

О свѣтской власти и полицейскомъ управленіи Русскихъ.

Что касается до образа правленія Русскихъ, то, какъ это отчасти видно уже изъ предыдущихъ главъ, оно монархическое неограниченное (Monarchia dominica et despotica, какъ говорятъ политики), гдѣ Государь, именно Царь, или Великій Князь, достигая короны по наслѣдству, одинъ управляетъ всею страною, и всѣ подданные его, какъ Дворяне и Князья, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами. Этотъ образъ правленія весьма сходенъ съ тѣмъ, который Аристотель описываетъ (Pol. l. 3, c. 14), говоря: «Est alia species Monarchiae, qualia sunt apud quosdam barbaros regna vim habentia, proximam tyrannidi.» Такъ какъ обыкновенное различіе между правленіемъ надлежащимъ или правомѣрнымъ и тираническимъ полагаютъ въ томъ, что въ первомъ имѣется въ виду благо подданныхъ, а во второмъ собственная польза Государя, то на этомъ основаніи образъ правленія Русскихъ близко подходитъ къ тираническому.

Большіе Господа не считаютъ постыднымъ для себя, съ употребленіемъ своего имени въ уменьшительномъ видѣ, какъ выше сказано, называть сами себя рабами, равно не стыдятся и того, что съ ними обращаются, какъ съ рабами. Въ прежнее время гости или знатные купцы и большіе Господа, долженствующіе являться на службу, всякій разъ при торжественныхъ представленіяхъ, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, въ случаѣ неявки безъ уважительныхъ причинъ, наказывались такимъ же образомъ, какъ наказываютъ рабовъ, именно, кнутомъ по обнаженной спинѣ; теперь же за такой проступокъ подвергаютъ ихъ на два, либо на три, дня темничному заключенію, если только при Дворѣ они имѣютъ своихъ покровителей и заступниковъ.

Своего Государя Русскіе называютъ Великимъ Княземъ (Welikoi Kness), Царскимъ Величествомъ, Царемъ, и нѣкоторые слово

Царь производятъ отъ Цезарь (Caesar). Подобно тому, какъ и у Его Величества, Римскаго Императора, у Русскаго Царя на Государственномъ гербѣ и печати изображенъ двуглавый орелъ, только съ опущенными крыльями, и надъ главами орла, прежде двѣ, а теперь три, короны, обозначающія, вмѣстѣ съ Русскимъ, еще два Татарскія Царства: Астраханское и Казанское. На груди орла виситъ щитъ, на которомъ изображенъ всадникъ, поражающій копьемъ дракона, какъ это значится на прилагаемомъ рисункѣ, [1] въ которомъ, вмѣстѣ съ титуломъ, можно видѣть и величину печати. Такой орелъ впервые введенъ въ Россіи тираномъ Иваномъ Васильевичемъ изъ честолюбія, который хвалился своимъ происхожденіемъ отъ Римскихъ Императоровъ. Царскіе толмачи и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ купцовъ, живущихъ въ Москвѣ, называютъ его также Императоромъ. Но какъ Русскіе и Короля Давыда называютъ Царемъ, то слово Царь означаетъ скорѣе Король и, можетъ быть, происходитъ отъ Еврейскаго צֳרִי Zarah, обозначающаго бальзамъ или муро, какъ это видно изъ 1-й книги Моисея гл. 37, ст. 25, и изъ Пророка Іереміи гл. 51, 8, въ которыхъ говорится, что Король долженъ называться помазанникомъ, ибо въ древности Короли помазывались муромъ. [2]

---

[1] Стр. 220 подлинника. Надпись кругомъ орла такова: бж҃їею мл҃стию велїкїи гд҃рь цр҃ь ї велїкїи кн҃зь алекс҃ї михаиловїчь всеа рꙋсїи самодержецъ владимерскїи московскїи новгородцкїи цр҃ь казанскїи цр҃ь астораханскїи цр҃ь сїбїрскїи гд҃рь псковскїи ї велїки кн҃зь тверскї югорскї пермски ватцкїи болгарски и ины гд҃рь ї велїкїи кн҃зь новагорода нїзовскїе землї резанскїи ростовскїи ярославски белоѡзерски ꙋдорски обдорскїи кондїнски ї всеа северныя страны повелїтель ї гд҃рь їверскїе землї карталїнски грꙋзїнскихъ цр҃еи и кабардїньские землї черкаски ї горьскїхъ кн҃зеї и иныхъ многїхъ гд҃рьствъ гд҃рь ї обладатель.

[2] Быт.: «И сѣдоща ясти хлѣбъ, и, воззрѣвше очима, видѣша: и се путницы Исмаилтяне идяху отъ Галаада, и велблюды ихъ полны ѳуміама, и ритины (тукъ маститый, изъ древа текущій) и стакти». Въ Русскомъ переводѣ «Священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта», изданныхъ, по благословенію Святѣйшаго Синода, въ С.-Петербургѣ 1868 года: «И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и, взглянувъ, увидѣли, вотъ, идетъ изъ Галаада караванъ Измаилтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ, и ладонъ.» Прор. Іереміи: «Внезапу паде Вавилонъ, и сокрушися: плачите по немъ, возмите масти къ болѣзни его, да исцѣлится». Въ Русском-

Русскіе почитаютъ своего Царя весьма высоко, произносятъ имя его въ своихъ собраніяхъ съ величайшимъ уваженіемъ и боятся его даже больше Бога; о нихъ то же можно сказать, что Саади въ своей «Персидской Долинѣ,» разъ сказалъ, обращаясь къ одному робкому Царскому слугѣ: «Если бъ ты боялся и почиталъ Бога, какъ своего Государя, то, говорю тебѣ, ты былъ бы Ангеломъ еще при жизни.»

Молодымъ людямъ съ самаго ранняго дѣтства Русскіе накрѣпко внушаютъ, что они объ Его Царскомъ Величествѣ должны говорить и почитать его, какъ самаго Бога; по этому они часто выражаются такъ: «Про то знаетъ только Богъ да Великій Князь.» Отсюда происходятъ и другія обычныя ихъ выраженія, какъ наприм., вмѣсто того, чтобы сказать: «явиться предъ Царя,» они говорятъ: «видѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества.» Чтобы выразить свое глубокое смиреніе и покорность Царю, они говорятъ, что все, чѣмъ они владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и Великому Князю: («Все Божье да Государево»). Къ подобнымъ покорнымъ рѣчамъ пріучилъ Русскихъ главнымъ образомъ, не разъ уже упомянутый, тиранъ Иванъ Васильевичъ своими насиліями; да иначе, сообразуясь съ состояніемъ Русскихъ, онъ и не могъ поступать съ ними и съ ихъ имуществомъ. Для того же, чтобы спокойно держать ихъ въ рабствѣ и страхѣ, онъ приказалъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не смѣлъ выѣзжать изъ Государства и знакомиться съ свободою чуждыхъ земель, а также, чтобы ни одинъ купецъ, для торговли своей, не смѣлъ ѣздить за границу и торговать тамъ безъ особаго Царскаго дозволенія.

переводѣ Г. П. Павскаго: «Вдругъ упалъ Вавилонъ и расшибся, рыдайте о немъ, приложите бальзама къ ранѣ его, можетъ быть, онъ уцѣлѣетъ.» Въ Еврейскомъ, по Polyglotten-Bibel (bearbeitet von R. Stier u. K. G. W. Theile. Bielefeld 1847) читается это слово такъ: צֳרִי въ Греческомъ тамъ же и по 70 толковникахъ (Vetus Testam. Graece juxta LXX interpretes, ed. Const. Tischendorf. Lips. 1850): ῥητίνης; въ Латинскомъ тамъ же (Polygl. Bib.): resinam; въ Нѣмецкомъ (по Лютерову перев.): Balsam. Іерем. צֳרִי, ῥητίνην, resinam, Salben, но въ Berlenburger Bibel и перев. de Wette стоитъ тоже Balsam. О. Б.

Лѣтъ 10 тому назадъ, одинъ Нѣмецкій толмачъ, Гансъ Гельмсъ (Hanss Helms) (умершій въ прошломъ году на 97 году своей жизни), по особой милости и соизволенію Великаго Князя, послалъ своего сына, воспитаннаго въ Москвѣ, въ Нѣмецкую Академію, для изученія Медицины, съ тѣмъ, чтобы потомъ поступить на службу къ Великому Князю; въ Германіи молодой Гельмсъ оказалъ въ Медицинѣ такіе успѣхи, что получилъ съ великою славою степень Доктора и, отправившись за тѣмъ въ Англію, прославился тамъ въ Оксфордскомъ Университетѣ, какъ нѣкое чудо. Вырвавшись однажды изъ Московскаго рабства, этотъ молодой Гельмсъ и до сихъ поръ не желаетъ возвращаться, и не возвратился еще въ Россію. Въ слѣдствіе сего Новгородскій купецъ Петръ Миклафъ (Miklaff), разумный и честный человѣкъ, бывшій у насъ въ прошломъ году Посланникомъ и пожелавшій было оставить мнѣ своего сына, для обученія его Нѣмецкому и Латинскому языкамъ, ни какъ не могъ получить на то дозволенія ни отъ Патріярха, ни отъ Великаго Князя.

Что до настоящаго теперешняго Великаго Князя, то хотя онъ и имѣетъ власть, подобно прежнему тирану, сказаннымъ насильственнымъ образомъ поступать съ подданными и ихъ имуществомъ, но онъ не поступаетъ такъ, не смотря на то, впрочемъ, что нѣкоторые писатели и теперь еще приписываютъ ему подобные поступки, можетъ быть, заимствуя изъ старыхъ, а именно: изъ Герберштейна, Іовія, Гваньино и другихъ, писавшихъ о прежнемъ бѣдственномъ состояніи Россіи, которое они испытали подъ желѣзнымъ жезломъ тирана. Многого изъ того, что писалось прежде о Русскихъ, въ настоящее время уже не существуетъ, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе общаго измѣненія во времени, въ правленіи и въ самихъ людяхъ. Нынѣшній Великій Князь, царствующій теперь, человѣкъ благочестивый, подобно отцу своему, не дозволитъ дойти до нищеты ни кому даже изъ крестьянъ своихъ. Если кто, по причинѣ неурожая, или инаго какого случая и несчастія, впадетъ въ бѣдность, Царскій ли будетъ онъ, или Боярскій крестьянинъ, ему дѣлается вспоможеніе изъ Царскаго Приказа или Канцеляріи, и вообще обращается вниманіе на его положеніе, съ тѣмъ, чтобы обѣднявшій снова могъ поправиться, уплатить свои долги и отправлять передъ своимъ начальствомъ подлежащія повинно-

сти. Даже тѣмъ, которые за оскорбленіе Его Царскаго Величества, или за другія великія, доказанныя, преступленія, впадаютъ въ немилость и должны быть сосланы въ Сибирь (что, впрочемъ, случается теперь уже не такъ часто), немилость эта, или наказаніе, смягчается такимъ образомъ, что, смотря по состоянію и достоинствамъ виновнаго лица, ему назначается сносное содержаніе, а большимъ Господамъ выдаются и деньги. Такъ писцамъ дается должность въ Канцеляріяхъ, въ какомъ ни будь изъ Сибирскихъ городовъ, стрѣльцамъ и солдатамъ такія же и солдатскія мѣста, за что они получаютъ свое готовое жалованье и подлежащее продовольствіе. Для большинства Русскихъ самое тяжкое наказаніе заключается въ томъ, что за свои вины они удаляются отъ высокаго лица Его Царскаго Величества и становятся недостойными видѣть его свѣтлыя очи.

Были, впрочемъ, примѣры, что нѣкоторые изъ такой немилости извлекали для себя великую пользу; ибо находили, что въ ссылкѣ могли прибыльнѣе продолжать свое ремесло и торговлю, чѣмъ въ Москвѣ, и они наживали тамъ такое хорошее состояніе, что если бъ только были при нихъ жена и дѣти, то они вовсе не желали бы возвращаться въ Москву, хотя бы получили полную свободу.

Русскій Царь заботливо старается поддерживать все высокое значеніе своего Величества и соблюдаетъ свои jura Majestatis, подобно тому, какъ это дѣлаютъ другіе Монархи и независимые Государи. Такъ, онъ не подчиняется ни какому закону, но самъ, по своему усмотрѣнію и волѣ, можетъ давать и устанавливать разнаго рода законы и указы. Всѣ эти законы и указы, каковы бы они ни были, должны быть принимаемы и соблюдаемы безъ всякого противорѣчія и съ такою покорностію, какъ бы ихъ далъ самъ Богъ; и такая покорность Русскихъ Царскимъ постановленіямъ вытекаетъ изъ того, что Русскіе полагаютъ, какъ справедливо пишетъ о нихъ Хитрей (Chytraeus, lib. 1 Saxoniae. Lips. 1599), что Великій Князь дѣлаетъ все по волѣ Божіей. По этому, въ доказательство непогрѣшимой правды и справедливости Царя, у нихъ есть поговорка: «Слово Бога и Великаго Князя должно быть неизмѣнно и соблюдаемо непогрѣшительно (неупустительно).»

Великій Князь поставляетъ и смѣняетъ всякихъ начальниковъ, ссылаетъ и даже повелѣваетъ иногда казнить ихъ, когда захочетъ, и по тому у Русскихъ тотъ же обычай, какой, по выраженію Пророка Даніила (гл. 5, 19), [3] былъ въ ходу въ правленіе Царя Навуходоносора: онъ умерщвлялъ, когда хотѣлъ, билъ, возвышалъ и низводилъ (унижалъ), когда хотѣлъ.

Во всѣ области и города Великій Князь назначаетъ своихъ Воеводъ (Weiwoden), Намѣстниковъ и Правителей, которые, съ Канцеляріей, Дьяками или Писцами, должны производить судъ и расправу. Что Воеводы присудятъ, то одобряется Дворомъ, и на ихъ судъ жалобы не бываетъ. При такомъ управленіи областями и городами Великій Князь держится того же образа дѣйствій и способа, какой у Барклая (l. 3, c. 6), Клеовулъ выхваляетъ и совѣтуетъ Королю Сицилійскому, а именно: чтобы ни какого Воеводу, или Правителя, не оставлять на Воеводствѣ въ одномъ мѣстѣ болѣе двухъ, или трехъ, лѣтъ, по тѣмъ уважительнымъ причинамъ, дабы, съ одной стороны, въ случаѣ дурнаго управленія, не отягощать страны на долгое время, а съ другой, дабы, въ случаѣ большаго уже дружества и расположенія, которое можетъ установиться между управителями и управляемыми, эти управители не усились и не отложились, или не сдѣлались независимыми.

Великій Князь одному себѣ предоставляетъ право объявлять войну чужимъ народамъ и вести ее по своему усмотрѣнію; если жь онъ и спрашиваетъ совѣта о семъ у своихъ Бояръ и Думцевъ, то дѣлаетъ это точно также, какъ нѣкогда Ксеркс, Царь Персидскій, который повелѣлъ созвать всѣхъ Азіятскихъ Князей для совѣта о войнѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять противъ Грековъ, и сдѣлалъ это болѣе для того, чтобы объявить этѣмъ Князьямъ, чего собственно онъ хочетъ, и доказать имъ, что онъ одинъ есть неограниченный повелитель. Такъ, онъ объявилъ этѣмъ Князьямъ, что хотя онъ и созвалъ ихъ для того,

---

[3] «И ихже хотяше убиваше, и ихже хотяше бияше, и ихже хотяше возвышаше, и ихже хотяше, той смиряше».

чтобы не сказали, будто онъ все дѣлаетъ только по собственному своему усмотрѣнію, но при этомъ они должны знать, что имъ приличнѣе повиноваться, нежели совѣтовать (Herod. l. 77; Valer. Max. l. 2, c. 5).

Великій Князь заботится также о томъ, чтобы отличать высокими почестями людей, которые оказали какую ни будь услугу ему, или Государству, или по чему иному сдѣлаются достойными его милости, и такихъ людей возводитъ въ Князья. Нѣкоторые изъ Великихъ Князей, услышавъ, что въ Германіи владѣтельныя особы пользуются правомъ возводить въ званіе Доктора, посредствомъ особыхъ дипломовъ, присвоили и себѣ это право, и какъ мы уже видѣли отчасти, нѣкоторые изъ нихъ возводили въ это достоинство своихъ Врачей и даже простыхъ цырюльниковъ.

Царь имѣетъ собственныя свои деньги, которыя онъ приказываетъ чеканить изъ чистаго серебра, иногда изъ золота, въ 4-хъ разныхъ городахъ: Москвѣ, Новѣгородѣ, Твери и Псковѣ; всѣ эти деньги небольшія, такія же маленькія, какъ Датскія Зекслинги, и поменьше Нѣмецкихъ Пфенинговъ, частію круглыя, частію же продолговатыя. На одной сторонѣ этихъ денегъ обыкновенно изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона, — гербъ, принадлежавшій прежде только одному Новгороду; на другой сторонѣ Русскими буквами означены имя Великого Князя и того города, въ которомъ деньги вычеканены. Этотъ родъ денегъ называется деньгами (Denning) и копѣйками (Copeck), каждая равняется стоимостію Голландскому стюферу (Stüffer), почти въ половину Мишненскаго (Meissnischer) гроша, или въ Голштинскій шиллингъ, такъ что 50 такихъ монетъ составляютъ одинъ рейхсталеръ. У Русскихъ есть еще болѣе мелкій родъ денегъ, половина и $^1/_4$ копѣйки, которыя они называютъ полушками (Poluske) и Московскими (Московками? Musskofske); изображенія ихъ видны на прилагаемомъ рисункѣ. [4] Всѣ эти мелкія деньги, по своей мелкотѣ, весьма неудобны при обращеніи во время торга, и такъ какъ они легко падаютъ изъ рукъ сквозь пальцы, то Русскіе, для отвра-

[4] Подлинника стр. 224.

щенія этого, сдѣлали привычку, осматривая, или показывая, товаръ и отмѣривая его, брать деньги въ ротъ, копѣекъ по 50 разомъ, при чемъ они продолжаютъ разговаривать и торговаться такъ, что и не замѣтишь, что они изо рта подѣлали, такъ сказать, карманы себѣ. Они ведутъ счетъ на алтыны (Altin), гривны (Griffen) и рубли (Rubeln), хотя подобнаго рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не имѣютъ, а считаютъ ихъ извѣстнымъ числомъ копѣекъ; такъ алтынъ заключаетъ въ себѣ 3 копѣйки, гривна 10 и рубль 100 копѣекъ. Наши рейхсталеры также въ ходу у Русскихъ; они называютъ ихъ ефимками (отъ Іохимсталя, Jochimsthal), [5] охотно даютъ по 50 к. за рейхсталеръ, и тотчасъ же идутъ съ нимъ на Монетный Дворъ и обмѣниваютъ его тамъ съ выгодою для себя; ибо одинъ рубль или 100 копѣекъ вѣсятъ на полъ лота меньше 2-хъ рейхсталеровъ. Золотыхъ монетъ встрѣчается тамъ не много: Великій Князь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой ни будь побѣды надъ врагомъ, чтобы награждать ими воиновъ (солдатъ), или если иного кого онъ захочетъ почтить этою своею милостію. [6]

---

[5] По Чешскому городу Яхимову (Jáchymov), Нѣм. Joachimsthal, первоначально Thal, доль, долина, въ Хебскомъ (Егерскомъ) округѣ, на рѣчкѣ Быстрицѣ (Нѣм. Weseritz), на сѣверъ отъ Карловыхъ Варъ (Карлсбада), близъ самыхъ Рудныхъ горъ (Erzgebirge), составляющихъ границу со стороны Саксоніи. Въ немъ считается за 5000 жителей Нѣмцевъ, занимающихся приготовленіемъ въ особенности сигаръ, перчатокъ и т. п. И теперь еще онъ имѣетъ серебряные рудники, которые въ XVI столѣтіи очень славились. Рудники эти первоначально составляли собственность Графовъ Шликовъ, изъ коихъ Стефанъ, въ 1519 году, выстроилъ монетный дворъ, на коемъ стали чеканить въ первый разъ Долары (по долу, такъ названные), Долскіе гроши (Dolské groše), у сосѣднихъ Нѣмцевъ обратившіеся въ Талеры (Thaler), но у Шведовъ и Датчанъ Daler, у Англичанъ Dollar. О. Б.

[6] Въ подлинникѣ находится 5-ть изображеній. Первое: Poluski; на ней, съ одной стороны, летящая птица, а съ другой надпись гдрь (Государь). Второе: Denninski (денежки): всадникъ съ поднятымъ обнаженнымъ мечемъ, на оборотѣ: кнзь вєлікі иван. Третье: Kopeki (копѣйки): Георгій Побѣдоносецъ, и надпись на оборотѣ: црь вєлікі кнзь дмітрі иванокичъ (Ростига). Четвертое: тоже копѣйка съ такимъ же изображеніемъ и надписью: црь и вєлікі кнзь михаілъ фєдоро(вичъ). Пятое: копѣйка съ Георгіемъ и надписью: црь и вєлікі кнзь алєкс(ѣй) михаловичъ. О. Б.

Онъ установляетъ также въ разныхъ мѣстахъ довольно тяжелыя пошлины, и въ настоящее время всѣ купцы, какъ Русскіе, такъ и иностранные, въ Архангельскѣ и Астрахани, должны платить пять процентовъ, что ежегодно приноситъ ему большой доходъ.

Царь часто отправляетъ и пышныя посольства къ Римскому Императору, Королямъ Датскому и Шведскому, въ Персію и къ другимъ владѣтельнымъ особамъ. Важнѣйшіе Посланники называются у нихъ Великими Послами (Welikoi Posol), гонцы же и менѣе значительные Послы — Посланниками (Poslanik). Иногда съ Посольствомъ Царь шлетъ иноземнымъ Государямъ богатые подарки, именно разными мѣхами. Между прочимъ замѣчателенъ подарокъ, который Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлалъ Императору, Рудольфу II-му, въ 1595 г., съ своимъ почетнымъ Посольствомъ, состоявшій, какъ я знаю это изъ вѣрныхъ рукъ, въ слѣдующемъ: 1003 сороковъ соболей, 519 сороковъ куницъ, 120 чернобурой лисицы, 337,000 простой лисицы, 3000 бобровъ, 1000 шкуръ волчьихъ, и 74 шкуръ лосиныхъ.

Если Посланники, особенно же гонцы, не привозятъ съ собою ни какихъ подарковъ отъ Великаго Князя, то сами отъ себя привозятъ въ даръ нѣсколько паръ соболей, съ тою цѣлію, чтобы, въ замѣнъ ихъ, получить также подарки, и если находятъ, что полученные ими подарки незначительны, то стараются сами намекнуть объ этомъ.

Великій Князь почти ежегодно отправляетъ къ Персидскому Шаху Посланника или незначительнаго Посла по торговымъ дѣламъ, вообще ведущимся у нихъ довольно плохо, хотя, кромѣ того, онъ посылаетъ туда особо и простыхъ купцовъ. Такъ какъ такіе Посланники во все время своего пребыванія въ Персіи содержатся на счетъ Шаха, то по этому они пріобрѣтаютъ тамъ еще большія выгоды отъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Отправляя довольно часто Посольства къ иностраннымъ Государямъ, Царь, въ свою очередь, и принимаетъ также часто чужеземныя Посольства, такъ что не рѣдко случается, что въ Москвѣ съѣзжается въ одно время по два, по три и болѣе этѣхъ Посольствъ, которыхъ

пріемъ и отпускъ совершается обыкновенно въ довольно продолжительное время. Нѣкоторые иностранные Государи имѣютъ въ Москвѣ своихъ Легатовъ и постоянныхъ Консуловъ (Consules perpetuos) или Резидентовъ, которые и живутъ тамъ въ своихъ собственныхъ дворахъ. Въ Москвѣ повыстроены удобные дома и дворы, въ которыхъ помѣщаются пріѣзжающія Посольства; только въ нихъ нѣтъ кроватей, и если кто не хочетъ спать на соломѣ, или на голой лавкѣ, тотъ долженъ привозить собственную постель. У воротъ Посольскаго Двора всегда приставляется сильная стража, и прежде съ такою строгостію содержали Пословъ, что ни кого изъ принадлежащихъ Посольству не выпускали со двора, равно и къ нимъ ни кого не впускали, и вообще содержали ихъ, какъ плѣнниковъ; въ настоящее же время, послѣ перваго торжественнаго представленія, каждый можетъ свободно выходить, куда хочетъ, и Москвичи говорили намъ, что въ первое наше Посольство мы были первые, которымъ предоставлена была такая свобода выхода и входа.

Послы со всею своею прислугою весьма щедро продовольствуются во все время своего пребыванія въ Россіи, и ихъ очень часто посѣщаютъ и прислуживаютъ имъ два, приставленные къ нимъ, Приставы (Pristaffen) и прикащики. Обычные вопросы этѣхъ Приставовъ къ Посланникамъ заключаются въ слѣдующемъ: Въ чемъ состоитъ ихъ дѣло къ Великому Князю? Не знаютъ ли они, что писано въ грамотѣ къ Царю? Привезли ли Послы подарки, и много ли, для врученія Его Царскому Величеству, и нѣтъ ли чего и на ихъ, Приставовъ, долю? Когда же подарки будутъ уже переданы по назначенію, то Великій Князь немедленно приказываетъ на другой же, или на третій, день извѣстнымъ людямъ оцѣнить, какъ дорого стоятъ они.

Въ прежнее время Посланники, послѣ торжественнаго представленія, всегда обѣдывали въ покояхъ Великаго Князя, а иногда и за его столомъ; теперь же жалованныя Царскія кушанья и напитки приносятся обыкновенно къ Посланникамъ на домъ.

Посланники и прислуга ихъ, при отъѣздѣ домой, также получаютъ хорошіе подарки соболями и другими мѣхами, если только

они привозили подарки отъ своихъ Государей, или сами отъ себя. Послы, которые привозятъ только дружественную грамоту отъ какого ни будь чужестраннаго Государя, получаютъ сорокъ, или 20, паръ соболей, стоящихъ въ Москвѣ около 100 талеровъ и дороже.

Для скорѣйшей и безостановочной ѣзды Посланниковъ и гонцовъ заведены по дорогамъ хорошіе порядки; такъ, въ различныхъ мѣстахъ Государства содержатся извѣстные крестьяне, которые въ какомъ ни будь селѣ должны ежедневно имѣть на готовѣ 40, 50 и болѣе лошадей, чтобы, по полученіи Великокняжескаго приказа, немедленно запрягать этѣхъ лошадей и везтиОсловъ далѣе; при этомъ Приставъ самъ ѣдетъ впередъ, или посылаетъ впередъ кого ни будь другого, и приказываетъ ожидатьОсловъ; когда же Послы пріѣдутъ, днемъ ли то будетъ, или ночью, ямщики съ своими лошадьми должны быть уже на лицо. При такихъ порядкахъ можно совершенно легко пріѣхать изъ Новгорода въ Москву, на разстояніи 120 Нѣмецкихъ миль, въ 6, или 7, дней, а зимой, по санной дорогѣ, еще скорѣе. За такую службу каждый крестьянинъ ежегодно получаетъ по 30 рублей, или по 60 рейхсталеровъ; сверхъ того онъ имѣетъ свою вольную землю, которою надѣляетъ его Великій Князь, и освобождается отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Во время поѣздокъ Приставъ обязанъ также каждому ямщику выдавать по одному, или по два алтына, смотря по обстоятельствамъ, каковыя деньги они называютъ хлѣбомъ съ масломъ (Butterbrodt). [7] Такъ какъ положеніе этѣхъ крестьянъ, при такой службѣ, довольно обезпечено, то многіе крестьяне домогаются попасть въ эту должность ямщиковъ.

---

[7] На водку? О. Б.

ГЛАВА XI.

О Московскихъ Великихъ Князьяхъ, какъ они царствовали одинъ за другимъ, въ продолженіи 100 лѣтъ, и что было при томъ достойнаго замѣчанія.

Чтобы дать болѣе обстоятельное представленіе о Русской Полиціи и о внутреннемъ управленіи Россіи, я хочу сдѣсь вкратцѣ, въ небольшомъ отступленіи отъ путешествія, сообщить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ Великихъ Князьяхъ и о томъ, что было при нихъ достойнаго вниманія по отношенію къ нашему предмету, начавъ съ ужаснаго злодѣя до настоящаго Великаго Князя, Алексѣя Михайловича.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ въ 1540 году по Р. Х. [1] и велъ съ своими сосѣдями тяжкія и жестокія войны; онъ переселилъ множество Нѣмецкихъ Ливонцевъ и другихъ плѣнныхъ въ Москву, гдѣ потомки этѣхъ плѣнныхъ живутъ и по нынѣ, какъ рабы, и вообще былъ Государь жестокій, страшно, безчеловѣчно, не хочу сказать не по Христіянски, свирѣпствовалъ столько же надъ Христіянами, даже подданными своими, какъ и надъ Турками, Татарами и Язычниками. Нѣсколько примѣровъ жестокости этого Царя, разсказанныхъ мною выше, при описаніи Великаго Новагорода, весьма мало въ дѣйствительности оправдываютъ то, что Іовій (Павелъ) говоритъ о немъ въ началѣ первой книги своей Исторіи (pag. 123), гдѣ онъ непомѣрно восхваляетъ этого Царя, говоря, что онъ: «Christianae religionis cultor sane egregius», т. е., былъ отличнымъ ревнителемъ Христіянской религіи. Онъ могъ, впрочемъ, показаться таковымъ по тому, что имѣлъ дерзость самъ отправлять обязанности высшихъ духовныхъ особъ, рѣшалъ споры въ Церковныхъ дѣлахъ, самъ набожно служилъ обѣдни, пѣлъ и совершалъ другіе церковные обряды, какъ на-

---

[1] Род. 1530, Августа 25 дня. О. Б.

стоящіе Попы и чернецы, и часто за столомъ воспѣвалъ Символъ Вѣры (Symbolum Athanasii).

Иванъ Васильевичъ имѣлъ семь законныхъ женъ, послѣдовательно одну за другой, и съ первой изъ нихъ прижилъ двухъ сыновей: Ивана, котораго онъ самъ убилъ своимъ посохомъ, и Ѳедора, который наслѣдовалъ послѣ него престолъ. Съ послѣдней супругой онъ прижилъ еще одного сына, по имени Димитрія, котораго Борисъ Годуновъ (Boris Gudenow) приказалъ умертвить, какъ объ этомъ скоро будетъ сказано ниже. Иванъ Васильевичъ умеръ въ 1584 году по Р. Х., Марта 28-го, [2] на 56-мъ году своей жизни, [3] страшно мучительною смертію, испустивъ духъ съ отчаяннымъ рыданіемъ и воплемъ. Тѣло его, какъ за нѣсколько дней до смерти (оно заживо уже начало разлагаться), такъ и послѣ смерти, издавало нестерпимое зловоніе.

Ѳедоръ Ивановичъ.

Сынъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ коронованъ Великимъ Княземъ въ томъ же году 31-го Іюля, [4] на 22 году своей жизни. [5]

Такъ какъ этотъ Великій Князь былъ еще молодъ, и разумъ его не отличался быстротою и дѣятельностію, которыхъ требовало тогдашнее весьма смутное состояніе страны (любимѣйшимъ занятіемъ и наслажденіемъ этого Князя было звонить въ колокола передъ службою и послѣ нея, какъ упоминаетъ объ этомъ Соломонъ Геннингъ, въ своей Ливонской Лѣтописи. Leipz. 1594, pag. 150), то признано за лучшее назначить Правителемъ Государева Конюшаго, Бориса Годунова, роднаго брата молодой Великой Княгини.

---

[2] Марта 18 дня. О. Б.

[3] На 54 году рожденія. О. Б.

[4] Мая 31 дня. О. Б.

[5] Род. 1557, Мая 11. О. Б.

Этотъ Борисъ Годуновъ, своимъ великимъ умомъ и разумно-осторожнымъ управленіемъ, пріобрѣлъ себѣ такое высокое уваженіе и любовь въ своей странѣ, что всякій напередъ полагалъ, что, въ случаѣ смерти Великаго Князя, Ѳедора Ивановича, и Царевича Димитрія, ни кто не былъ такъ способенъ къ правленію Государствомъ, какъ онъ. Борисъ узналъ о такомъ къ себѣ расположеніи, и для того, чтобы поскорѣе исполнилось предположеніе Русскихъ и его собственное желаніе, онъ приказалъ, въ великой тайнѣ, подкупленнымъ имъ Дворскимъ слугамъ Царевича Димитрія, убить его, и онъ былъ убитъ въ Угличѣ, на 9 году отъ рожденія. [6] Совершивъ злодѣяніе, убійцы съ радостію прибыли въ Москву, въ надеждѣ получить отъ Бориса большую награду, за оказанную ими такую, угодную ему, службу. Борисъ же, для того, чтобы скрыть и на всегда оставить въ тайнѣ такое вѣроломство, приказалъ немедленно умертвить убійцъ, а въ городѣ Москвѣ сдѣлать пожаръ, тайно поджегши его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на тотъ конецъ, чтобы Москвитяне, сокрушаясь не столько о смерти Царевича Димитрія, сколько о погибели своихъ домовъ и дворовъ, за своимъ собственнымъ несчастіемъ забыли несчастіе другого. Самъ же Борисъ притворился весьма огорченнымъ и разгнѣваннымъ отъ такого злодѣйства, приказалъ немедленно отправить въ ссылку многихъ жителей города Углича (Uglitz), а Дворецъ Царевича въ этомъ городѣ срыть, какъ жилище, запятнанное убійствомъ.

Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, впалъ въ кратковременную болѣзнь и умеръ въ 1597 году по Р. Х. [7]

Борисъ Годуновъ.

Такъ какъ Ѳедоръ Ивановичъ не оставилъ послѣ себя ни какого наслѣдника, и брата его, Царевича Димитрія, также не было уже въ живыхъ, то между знатнѣйшими Боярами начались

---

[6] Род. 1583, Октября 19 дня; убитъ 15-го Мая, 1591. О. Б.

[7] Скончъ. 7-го Генваря, 1598 г. О. Б.

совѣщанія, кого бы имъ избрать теперь Великимъ Княземъ. Хотя въ Государствѣ было много большихъ, важныхъ Бояръ, изъ которыхъ можно было бы выбрать одного; но такъ какъ ни кто изъ нихъ не былъ такъ мудръ и предусмотрителенъ, какъ Борисъ Годуновъ, который при томъ и привыкъ уже къ управленію, то и порѣшили, что онъ, а не кто другой, долженъ быть Великимъ Княземъ. Борисъ же, когда ему донесли о такой высокой чести, притворился, будьто онъ вовсе и не помышлялъ о ней, такъ какъ она исполнена трудовъ, безпокойства, зависти и вражды, сказавъ Боярамъ, что онъ охотнѣе будетъ носить простой иноческій клобукъ, чѣмъ Царскій вѣнецъ и жезлъ, и за тѣмъ удалился въ монастырь. Въ то же время, черезъ нѣкоторыхъ Бояръ и преданныхъ друзей своихъ, онъ тайно внушалъ, чтобы Бояре ни кого не выбирали, кромѣ его, и чтобы они неотступно держались и просили его, какъ бы онъ ни отказывался, и что, наконецъ, онъ согласится и уступитъ ихъ просьбамъ. Такъ все и сдѣлалось, по его желанію и волѣ. Когда Русскіе узнали, что Борисъ ушелъ къ сестрѣ въ монастырь, то огромной толпой устремились къ нему, съ плачемъ пали на землю и умоляли его, чтобы онъ обождалъ, не стригъ волосы, ибо они желаютъ избрать его Великимъ Княземъ. Наконецъ, тронутый слезами народа и просьбами сестры, онъ согласился принять вѣнецъ, который онъ и безъ того давно уже имѣлъ и котораго добровольно ни кому другому онъ бы не уступилъ. Такимъ-то средствомъ Борисъ Годуновъ выбранъ былъ Великимъ Княземъ въ 1597 году по Р. Х. [8]

Въ правленіе Бориса, возмутился одинъ Русскій чернецъ, по имени Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeja), родившійся въ Ярославлѣ отъ незначительнаго Дворянина, и заточенный въ монастырь за свое своеволіе и разные дерзкіе поступки. Онъ выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича Грознаго, и дѣло это довелъ до того, что дѣйствительно былъ признанъ за него и вѣнчанъ Великимъ Княземъ. Онъ началъ это такимъ образомъ: будучи взрослымъ юношей, съ сметливымъ умомъ, по внушенію и наставленіямъ одного стараго, хитраго и богатаго чернеца, онъ

---

[8] 21 Февраля, 1598 г. О. Б.

бѣжалъ тайно изъ монастыря въ Литву, поступилъ тамъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому (Wisnewetzki), и въ скоромъ времени своею старательною службою пріобрѣлъ себѣ его расположеніе.

Случилось однажды, что Господинъ его, разсердившись на него за какой-то проступокъ, обнесъ его обычною своею бранью: «Блядинъ сынъ» (Bledin sin), и вытолкалъ въ шею; Гришка горько заплакалъ и сказалъ: «Если бъ ты зналъ, Князь, кто я, то не обругалъ бы меня блядинымъ сыномъ и не обращался бы такъ со мною». Когда же Князь пожелалъ узнать, кто онъ такой? Гришка отвѣчалъ, что онъ родной сынъ Великаго Князя Ивана Васильевича, на жизнь котораго покушался Борисъ Годуновъ, но, по ошибкѣ, вмѣсто него, былъ убитъ сынъ одного Священника, весьма похожій на него лѣтами и лицомъ. Онъ же, помощію добрыхъ людей, избавился отъ грозившей ему погибели и скрытъ былъ въ одномъ монастырѣ. Гришка показалъ при этомъ золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями, говоря, что онъ данъ былъ ему при крещеніи, и что не открывалъ себя до сихъ поръ изъ страха къ Борису Годунову. Тутъ онъ упалъ на колѣни передъ Княземъ и въ жалобныхъ выраженіяхъ умолялъ его взять подъ свою защиту. Такъ какъ этотъ бѣглый чернецъ съумѣлъ подробно разсказать всѣ этѣ обстоятельства, о которыхъ онъ заранѣе былъ хорошо извѣстенъ, и разсказъ свой сопровождалъ такими изящными тѣлодвиженіями, то и заставилъ своего Господина повѣрить всей этой баснѣ, и тотъ немедленно же подарилъ Гришкѣ богатое платье, коня и вообще началъ оказывать ему такую честь, какую только можно было оказывать сыну Великаго Князя.

Тамъ и сямъ по Россіи стало извѣстно, что живъ настоящій наслѣдникъ Великокняжескаго престола, котораго Богъ чудеснымъ образомъ спасъ отъ рукъ врага его. Дѣло казалось достойнымъ вѣры, и тѣмъ еще болѣе, что Великій Князь Борисъ, сильно смущенный такими толками, обѣщалъ большія деньги и имѣнія тѣмъ, которые доставятъ въ его руки мнимаго Димитрія. Этотъ же Димитрій, для большей безопасности, отправленъ былъ въ Польшу, гдѣ весьма благосклонно принятъ былъ Воеводою

Сандомирскимъ, съ обѣщаніемъ, что ему будетъ оказана всевозможная помощь поскорѣе достигнуть престола своего отца, если только Димитрій согласится, достигнувъ престола, утвердить въ Москвѣ Католическую Вѣру. Димитрій не только согласился на это, но и самъ принялъ тайно Римско-Католическую Вѣру, при чемъ, съ своей стороны, обѣщалъ взять въ супругу себѣ дочь Воеводы Сандомирскаго, и сдѣлать ее такимъ образомъ Великой Княгиней. Такое предложеніе поправилось Воеводѣ, и онъ вскорѣ представилъ Димитрія ко двору Польскаго Короля, гдѣ приняли и обращались съ Димитріемъ великолѣпно, полагая, что онъ дѣйствительно сынъ Великаго Князя. Воевода, частію обольщенный надеждою, что будетъ имѣть такого знатнаго мужа для своей дочери, частію изъ ревности къ распространенію своей Вѣры, употребилъ всѣ свои старанія и имущество, и снарядилъ, вмѣстѣ съ другими Польскими Панами, довольно значительное войско, съ которымъ Гришка пошелъ въ Россію и началъ открытую, весьма кровавую, войну противъ Великаго Князя. Въ войнѣ этой онъ имѣлъ такой успѣхъ, что вскорѣ захватилъ, одинъ за другимъ, нѣсколько городовъ, пріобрѣлъ множество приверженцевъ между Русскими, и даже нѣсколькихъ Военоначальниковъ, которыхъ Борисъ выслалъ противъ него. Все это до такой степени поразило Великаго Князя, что онъ внезапно умеръ скоропостижною смертію, 13-го Апрѣля, 1605 г. по Р. Х.

Ѳедоръ Борисовичъ.

Московскіе Бояре тотчасъ же выбрали Великимъ Княземъ, еще весьма юнаго, Ѳедора Борисовича, сына умершаго Великаго Князя, Бориса; но видя, что Димитрій, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы, почли это не добрымъ для себя предзнаменованіемъ, начали собираться, совѣтываться между собою, и пришли наконецъ къ мысли, что это долженъ быть истинный Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, а по тому они уже не имѣли ни какой причины сопротивляться далѣе своему Государю. Какъ только мнѣніе это заявлено было въ собраніи Бояръ, то всѣ они, какъ легкомысленная чернь, весьма легко на него согласились и громко закричали: «Боже, даруй счастье Димитрію, какъ законному наслѣднику престола, и истреби всѣхъ

враговъ его!» За тѣмъ бросились во дворецъ, наложили руки на только что избраннаго ими молодаго Великаго Князя, взяли его подъ стражу, а всѣхъ остальныхъ изъ рода Бориса Годунова ограбили и прогнали. Тогда они послали къ Димитрію просить его, чтобы онъ пришелъ къ нимъ и занялъ престолъ своего отца, а ихъ бы простилъ за ихъ столь долгое сопротивленіе, которое они оказывали ему частію по невѣдѣнію, частію же по наущенію Годуновыхъ; что теперь они приготовили уже ему путь: Ѳедоръ Борисовичъ, съ матерью и сестрою своей, у нихъ подъ стражей, и они предадутъ этѣхъ плѣнныхъ, вмѣстѣ со всѣмъ родомъ Бориса, во власть его, Димитрія. Для Лжедимитрія это было давно ожидаемое, желанное извѣстіе. Но прежде чѣмъ онъ пошелъ въ Москву и занялъ престолъ, онъ послалъ впередъ туда одного Дьяка или Писца, Ивана Богданова (Ivan Bogdanow), который долженъ былъ умертвить молодаго Великаго Князя и его мать и распустить въ народѣ, что они сами будто бы отравили себя ядомъ. Такимъ образомъ этотъ юный Царь, Ѳедоръ Борисовичъ, на другой же мѣсяцъ своего правленія, именно 10-го Іюня, 1605 г. по Р. Х., былъ удавленъ веревкою въ своемъ покоѣ.

Лжедимитрій.

16-го Іюня [9] Лжедимитрій подошелъ къ Москвѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, и всѣ жители города Москвы, какъ высшаго сословія, такъ и простой народъ, вышли къ нему на встрѣчу, поднесли ему богатые дары и привѣтствовали его съ счастливымъ въѣздомъ. 29-го Іюля онъ короновался съ великою пышностію. За тѣмъ, чтобы обманъ былъ еще менѣе замѣченъ, и чтобы еще съ большею вѣроятностію считали его за истиннаго Царевича Димитрія, онъ повелѣлъ привезти въ Москву мать настоящаго Димитрія, которая, по распоряженію Бориса Годунова, находилась тогда въ заточеніи, въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ Москвы монастырей; самъ, въ день ея въѣзда, вышелъ къ ней на встрѣчу передъ Москвой, въ сопровожденіи великолѣпнаго поѣз-

[9] 18-го Іюня, 1605 г. О. Б.

да, радостно принялъ ее, приказалъ держать для нея во дворцѣ Царскій столъ, ежедневно за тѣмъ посѣщалъ ее, и вообще оказывалъ ей такія высокія почести, какія только можетъ оказывать сынъ родной своей матери. Эта же добрая женщина хотя хорошо знала, что ея сынъ былъ дѣйствительно умерщвленъ, и что Лжедимитрій не ея сынъ, но сонзволяла на обманъ и не противорѣчила Лжедимитрію, частію изъ страха, частію же по тому, что послѣ вынесеннаго ею долгого заточенія и печальнаго существованія, она могла теперь пользоваться и такимъ почетомъ и такою довольною жизнію.

Но вступивъ на престолъ, Димитрій, въ своихъ звѣрскихъ дѣлахъ и способѣ управленія, вовсе не соблюдалъ обычаевъ и привычекъ Русскихъ людей и прежнихъ Великихъ Князей. Онъ избралъ себѣ въ жены дѣвицу Польскаго происхожденія и Католичку, именно дочь Воеводы Сандомірскаго; изъ Царской казны взялъ бездну денегъ и всякаго добра, и послалъ все это въ Польшу, для снаряженія богатаго приданаго своей невѣстѣ; богатое бракосочетаніе потомъ поведено было имъ больше на Польскій образецъ, чѣмъ на Московскій, и молодая Великая Княгиня, уже на другой день свадьбы, сняла съ себя Русское платье и одѣлась въ Польское. Самъ Великій Князь приказывалъ своему повару готовить телятину и другія кушанья, которыхъ Русскіе не ѣдятъ и питаютъ даже отвращеніе къ нимъ. Когда женился, онъ во все время ни разу не былъ въ банѣ, которая, однако жъ, изготовлялась для него, и такъ немытый и ходилъ въ церковь, съ стаей собакъ, чѣмъ осквернялъ Святыню Русскихъ; въ самой церкви онъ клалъ не довольно низкіе поклоны передъ ихъ образами, и вообще принялъ и ввелъ множество другихъ чужеземныхъ порядковъ. Подобные поступки крѣпко печалили Русскихъ, и они пришли уже къ другимъ мыслямъ и замѣтили, что были обмануты. Между знатнѣйшими Русскими Князьями былъ одинъ, Василій Ивановичъ Шуйскій (Zuski), который первый повелъ тайную бесѣду объ этомъ съ другими знатными Боярами и Духовенствомъ, и представлялъ имъ, какой великой опасности подвергалась ихъ Вѣра, страна и народъ Русскій отъ такого Великаго Князя; ибо по всему видно, что этотъ Великій Князь, съ самаго прибытія своего, оказываетъ себя не Великокняжескимъ сыномъ, не вѣрнымъ отцемъ

Отечества, но предателемъ его. Въ слѣдствіе этѣхъ совѣщаній, Бояре согласились втайнѣ свергнуть Димитрія съ престола.

Но Великій Князь узналъ объ этомъ тайномъ заговорѣ, приказалъ засѣчь на смерть многихъ Русскихъ, Шуйскаго же, какъ главнаго заговорщика, предать пыткѣ, бить кнутомъ, и за тѣмъ казнить смертію. Но когда Шуйскій выведенъ былъ на лобное мѣсто и топоръ палача занесенъ уже былъ надъ его шеей, ему объявлено было помилованіе Великаго Князя, который простилъ ему на этотъ разъ преступленіе въ оскорбленіи Величества, crimen laesae Majestatis, желая тѣмъ показать Русскимъ, что хотя по обстоятельствамъ онъ и строгій, но въ то же время и милостивый, Государь, и, такимъ образомъ, внушая своимъ подданнымъ страхъ къ подобныхъ заговорамъ, онъ въ то же время хотѣлъ пріобрѣсть и любовь ихъ къ себѣ.

Послѣ этого Русскіе смолкли и присмирѣли на время, и, такимъ образомъ Великій, Князь находился въ совершенной безопасности до самой свадьбы, которая происходила въ 1606 году, Мая 8-го. Такъ какъ къ свадьбѣ, вмѣстѣ съ невѣстою, въ Москву понаѣхало множество Поляковъ и другихъ иностранцевъ, все вооруженные и въ латахъ, то Русскіе снова открыли глаза свои. Князь Василій Шуйскій въ другой разъ собиралъ на своемъ дворѣ въ тайнѣ знатнѣйшихъ Бояръ, снова высказывалъ имъ великую опасность Отечества подъ такимъ Великимъ Княземъ, и что если онъ и далѣе будетъ царствовать, то ни чего болѣе нельзя ожидать, какъ ихъ конечной гибели. Онъ говорилъ имъ далѣе, что онъ уже отваживалъ однажды жизнь за Греческую Вѣру и благо своего Отечества; тѣмъ не менѣе онъ готовъ и теперь пойти еще далѣе и подумать, какъ бы отвратить несчастіе, если только они согласны вѣрно помогать ему. Бояре не долго думали; они обѣщались и клялись жертвовать ему своимъ имуществомъ и кровью: пусть только онъ предприметъ то, чего желаетъ.

Заговоръ этотъ держали въ тайнѣ, и рѣшено было выжидать случая, который и представился удобнымъ въ послѣдніе дни свадьбы. Такъ, 17-го Мая, именно въ 9-й день свадьбы, ночью, когда Великій Князь, отягченный виномъ, предавался сну съ своими при-

ближенными, Русскіе поднялись, повсюду ударили набатъ въ колокола и весь городъ поспѣшно вооружился Первое нападеніе сдѣлано было на Дворецъ, гдѣ Русскіе перебили Польскую стражу, стоявшую у воротъ, отворили ворота, проникли въ Великокняжескій покой, и тамъ расхищали и истребляли все, что имъ ни попадалось. Великій Князь, думавшій найти спасеніе въ бѣгствѣ, выскочилъ въ окно на площадь, гдѣ была еще остальная его стража, но былъ схваченъ, битъ и съ ругательствами снова введенъ въ покои. На шумъ явилась мнимая мать Лжедимитрія, и когда Шуйскій, при крестномъ цѣлованіи, спросилъ ее, дѣйствительно ли это истинный сынъ ея, она не медля отвѣчала: «Нѣтъ.» Она сказала, что произвела на свѣтъ только одного сына, который еще въ раннемъ дѣтствѣ былъ измѣннически умерщвленъ. Послѣ такого показанія Лжедимитрій тутъ же на мѣстѣ былъ застрѣленъ изъ пистолета. За нимъ безжалостно умерщвлены были слуги, свадебные гости и другіе иностранцы, между которыми находилось много бриліянтщиковъ (ювелировъ), прибывшихъ въ Москву съ драгоцѣнными вещами: всѣхъ числомъ побито было 1700 человѣкъ. Великая Княгиня, съ отцемъ своимъ, Воеводой, и братомъ, равно какъ и Польскіе Королевскіе Послы, присланные на свадебное торжество, взяты подъ стражу, гдѣ и обращались съ ними весьма дурно, такъ что одну благородную женщину даже насильно повалили и обезчестили. Трупъ же Димитрія раздѣли до нага, выволокли за Кремль на площадь и положили на столъ, гдѣ онъ и лежалъ три дня для того, чтобы каждый могъ видѣть обманщика и проклинать его, или поругаться надъ нимъ. Потомъ онъ хотя и былъ зарытъ въ землю, но вскорѣ снова вырытъ и сожженъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Такъ какъ описанное дѣло исполнилось согласно съ желаніями Русскихъ, то они избрали себѣ Великимъ Княземъ главнаго предводителя возстанія, Князя Василія Ивановича Шуйскаго, и возвели его на престолъ 1-го Іюня, 1606 года. Но едва только онъ вступилъ въ управленіе Государствомъ, какъ вторично явился новый обманщикъ, Князь Григорій Шаховской (Knes Gregori Schacopski), который захотѣлъ воспользоваться выдумкою прежняго Димитрія. Во время бывшаго возмущенія онъ похитилъ во Дворцѣ Велико-

княжескую печать, направился, вмѣстѣ съ двумя Поляками, въ Польшу, и по дорогѣ, на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, распускалъ слухъ, что онъ Димитрій, ловко спасшійся отъ Русскихъ во время схватки съ ними; что Русскіе, такъ какъ схватка была ночью, по ошибкѣ, приняли кого-то другого за него, и убили этого другого вмѣсто него, а онъ, спасшись, идетъ теперь въ Польшу набирать тамъ новое войско, чтобъ отомстить Москвитянамъ за понесенныя имъ поруганія и убытки; при этомъ вездѣ онъ раздавалъ хозяевамъ постоялыхъ дворовъ щедрыя награды. Тѣ Русскіе, которые не были во время мятежа въ Москвѣ, повѣрили ему и тотчасъ же сообщили свою новость Московскимъ жителямъ. Слухи этѣ опять породили въ Москвѣ немалую смуту. Въ это время Русскіе должны были вести большія войны противъ этого новаго, и еще противъ другого, слѣдовательно, противъ уже третьяго, появившагося обманщика, Самозванца, который также называлъ себя Димитріемъ и роднымъ сыномъ Ивана Васильевича, и который въ сущности былъ дрянной Писарь въ Москвѣ, но, какъ хитрый краснобай, скоро пріобрѣлъ себѣ много приверженцевъ изъ бѣглаго народа, и къ нему присоединились нѣкоторые значительные города (чему не мало помогали Польскіе Вельможи, изъ же, ланія отмстить Москвитянамъ за понесенное отъ нихъ оскорбленіе). Но такъ какъ въ сраженіяхъ противъ этѣхъ новыхъ двухъ Самозванцевъ Русскіе терпѣли частыя пораженія, то всю вину въ томъ они приписывали своему Великому Князю, Шуйскому, полагая что должно быть онъ уже такой несчастливый въ своемъ управленіи Государь, что побѣда всегда бѣжитъ отъ него и переходитъ на сторону враговъ. Въ такихъ мысляхъ они пришли къ заключенію, что кровопролитіе на Руси не прекратится до тѣхъ поръ, пока Шуйскій будетъ править ею. Въ слѣдствіе всего этого Русскіе, по внушенію трехъ Московскихъ Бояръ, а именно: Захарья Ляпунова (Lippenow), Михайла Молчанова (Molzane) и Ивана Косовскаго (Kesefskii), [10] на третій годъ царствованія Василія, лишили его престола (жезла и вѣнца), заключили въ монастырь и противъ воли его постригли въ монахи. За тѣмъ они порѣшили:

---

[10] У Бера, въ его «Лѣтописи Московской (см. «Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ.» Спб. 1859, стр. 123), Иванъ Резецкій. О. Б.

не выбирать болѣе изъ своей среды Великаго Князя, но призвать иностраннаго высокаго Государя, который бы происходилъ отъ Королевской, или Высококняжеской, четы. Въ этомъ отношеніи они никого не знали другого, болѣе способнаго занять Царскій престолъ, какъ по высокому происхожденію, такъ по близости владѣній и по сходству языка ихъ, нравовъ, одежды и по другимъ причинамъ, какъ сына Польскаго Короля, Владислава (Uladislaum), по чему и сдѣлали такое предложеніе этому Королю, который и принялъ его на нѣкоторыхъ условіяхъ. Случилось это въ 1610 году по Р. Х.

Тогда Русскіе взяли изъ монастыря своего Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго, и подъ стражей отправили его въ Смоленскъ (Smolensko), вмѣстѣ съ братомъ его, Димитріемъ Шуйскимъ, главнымъ Русскимъ Полководцемъ, и съ третьимъ еще братомъ и нѣсколькими другими Русскими Боярами изъ роду Шуйскихъ, къ Польскому Королю, подъ властью котораго Василій и умеръ въ темницѣ и погребенъ у дороги между Варшавой и Торунемъ (Thorn). [11]

Владиславъ, сынъ Сигизмунда, Короля Польскаго.

Король Польскій далъ своему Полководцу, Станиславу Жолкевскому (Solkouski), стоявшему въ то время еще съ враждебными намѣреніями подъ Москвою, приказаніе, чтобы онъ, заключивъ перемиріе, привелъ Русскихъ къ присягѣ сыну его, и до тѣхъ поръ оставался бы въ Москвѣ, пока самъ Владиславъ лично не пріѣдетъ туда. Русскіе не противились этому, присягнули Полководцу на имя Владислава, взявъ и съ него также клятвенное обѣщаніе, ввели его, вмѣстѣ съ 1000 человѣкъ Поляковъ, въ Великокняжескій Дворецъ, и приняли его со всякаго рода дорогими подарками и угощеніями. Войско же Польское мирно оставалось передъ городомъ, и тутъ завязалась большая дружба между Московскимъ и Польскимъ станами: Русскіе и Поляки ежедневно

---

[11] См. объ этомъ мое подробное изслѣдованіе въ 1-мъ Добавленіи къ «Дневнику Корба,» напечатанному въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1867, кн. 3., стр. 375—379, и отдѣльно. О. Б.

собирались вмѣстѣ и вели другъ съ другомъ самыя пріязненныя отношенія. При такихъ-то отношеніяхъ Поляки мало по малу скоплялись въ городѣ, располагались тамъ въ домахъ гражданъ и въ постоялыхъ дворахъ, и наконецъ ихъ набралось до 6000 человѣкъ въ самомъ Кремлѣ и около, такъ что они сдѣлались уже довольно тягостны для Русскихъ, наводнивъ ихъ дома, церкви и улицы, и Русскіе охотнѣе желали бы теперь никогда не имѣть дѣла съ Поляками. Къ тому же время прибытія ихъ новаго Великаго Князя, по чему-то замѣшкавшаго, затянулось слишкомъ долго и самое дѣло Русскихъ. Въ слѣдствіе всего этого, 26-го Генваря, 1611 года, Москвичи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, собрались на площади передъ Дворцомъ, и заявляли тамъ свои горькія жалобы на Польскихъ воиновъ, за ихъ насилія и безчинства, ежедневно совершающіяся на глазахъ Русскихъ надъ ихъ дочерьми, женами, и въ особенности надъ ихъ образами, въ которыя эти воины стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Они жаловались далѣе, что на содержаніе въ городѣ 6000 войска у нихъ ежедневно выходятъ огромныя деньги, что Поляки вообще отвлекаютъ ихъ отъ ихъ занятій, и что, въ слѣдствіе всего этого, они пришли наконецъ въ крайнее истощеніе. Что, далѣе, вновь избранный Великій Князь ихъ все еще не является; что они не знаютъ, что и думать объ этомъ, но что, во всякомъ случаѣ, такого порядка вещей они терпѣть долѣе не будутъ, и что они сами рѣшились, наконецъ, позаботиться о своемъ благосостояніи и принять для этого иныя мѣры.

Хотя Польскій Полководецъ добрыми увѣщаніями старался успокоить и уговорить Русскихъ, и приказалъ даже немедленно строго наказать нѣсколькихъ провинившихся Поляковъ, но Русскіе этѣмъ ни сколько не удовольствовались. Опасаясь по этому общаго возстанія, Поляки разставили сильную стражу, заняли всѣ улицы и ворота и запретили, чтобы никто изъ Русскихъ не ходилъ съ смертоноснымъ оружіемъ. Мѣра эта еще болѣе раздражила Русскихъ: они разошлись нѣсколькими толпами въ различныя части города, имѣя въ виду, что Поляки должны будутъ раздѣлить свои силы, если вздумаютъ разгонять этѣ толпы. Но Поляки, съ своей стороны, зажгли городъ въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ, для того, чтобы Русскіе, если они не хотятъ ви-

дѣть погибшими въ пламени своихъ женъ, дѣтей и всего, что для нихъ дорого, бѣжали для спасенія ихъ, по домамъ своимъ. Тогда поднялся такой пожаръ, и настало такое кровопролитіе, что въ два дня весь широко раскинутый городъ Москва, за исключеніемъ Кремля и каменныхъ церквей, обратился въ пепелъ, и болѣе 200,000 Москвичей погибло, остальные же были разогнаны. За тѣмъ Поляки совершенно разграбили Дворецъ, Великокняжескую казну, церкви и монастыри, и похитили неимовѣрныя богатства золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными каменьями и множествомъ другихъ дорогихъ вещей, и отправили все это въ Польшу. По свѣдѣтельству Петрея, войско, изъ кичливости, заряжало свои ружья крупнымъ жемчугомъ и стрѣляло на воздухъ. [12] О такомъ страшномъ грабежѣ, при которомъ похищенъ, между прочимъ, и огромной величины единорогъ, усаженный алмазами и другими драгоцѣнными каменьями, Русскіе съ прискорбіемъ вспоминаютъ и донынѣ. Спустя 14 дней послѣ такого возмущенія, пришелъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами Русскихъ, собранныхъ по Государству, Захарій Ляпуновъ (который, съ двумя другими Боярами, устроилъ такъ, что Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и Великимъ Княземъ былъ выбранъ сынъ Польскаго Короля), осадилъ въ Кремлѣ Поляковъ, которые также значительно ослабѣли послѣ схватки, нанесъ имъ сильное пораженіе и довелъ до того, что Поляки согласились сдать Кремль и выйти изъ Государства.

Михаилъ Ѳедоровичъ.

Когда Русскіе снова сдѣлались господами въ своей странѣ, то они выбрали и возвели на престолъ Великимъ Княземъ Михаила Ѳедоровича, что случилось въ 1613 году. Отецъ Михаила былъ Ѳедоръ Никитичъ (Fedor Nikititz), одинъ изъ родственниковъ Царя Ивана Васильевича. Оставивъ супружескую жизнь, Ѳедоръ Ники-

---

[12] См. «Исторію о Великомъ Княжествѣ Московскомъ и проч., соч. Петра Петрея,» въ Лейпцигѣ 1620 г., перев. съ Нѣмецкаго А. И. Шемякина, напеч. въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865—1867, кн. 4, стр. 26—27, и особо. Вообще почти всѣ эти свѣдѣнія, отъ Ивана IV до Михаила Ѳедоровича, Олеарій заимствовалъ предпочтительно у Петрея. О. Б.

тичъ поступилъ въ монашество и избранъ былъ (позднѣе) въ Патріярхи, когда перемѣнилъ свое имя и сталъ называться Филаретомъ Никитичемъ. Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ, будучи отъ природы благочестивымъ и богобоязливымъ, оказывалъ своему отцу, во все время его жизни, всякую честь и сыновнее послушаніе. Такъ, когда иностранные Послы являлись къ Его Царскому Величеству, то онъ сажалъ отца своего, со всѣмъ его клиромъ, на торжественныхъ представленіяхъ, по правую свою руку. Патріярхъ этотъ скончался не задолго до нашего прибытія въ Москву, именно въ 1633 году. Печать его была слѣдующаго виду:

Вступивъ на престолъ, Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ нашелъ Государство свое въ великомъ разстройствѣ; но ему скоро удалось заключить миръ съ сосѣдственными Государствами. Онъ управлялъ кротко и оказывалъ такую снисходительность, одинаково къ иностранцамъ и къ своимъ собственнымъ подданнымъ, что всѣ говорили, что Государство ихъ, противъ обыкновенія, въ продолженіи болѣе 100 лѣтъ, не имѣло еще такого кроткаго Государя. Онъ умеръ скоропостижно въ 1645 году, Іюля 12, послѣ 33-хлѣтняго правленія Государствомъ, на 49-мъ году своей жизни. Черезъ восемь дней послѣ него скончалась и супруга его, Великая Княгиня. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Князь Алексѣй Михайловичъ, который царствуетъ и нынѣ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ описанію царствованія этого Великаго Князя и современнаго состоянія Русскихъ, я хочу упомянуть сдѣсь еще объ одномъ новомъ обманщикѣ, который, въ исходѣ прежняго и въ началѣ теперешняго царствованія, воспользовался хитростію прежнихъ Лжедимитріевъ и безстыдно выдавалъ себя за истиннаго наслѣдника Великокняжескаго Престола.

ГЛАВА XII.

О ложномъ Шуйскомъ, иначе Тимошка Анкудиновъ называемомъ, объ его происхожденіи, замыслахъ и погибели.

Это былъ Русскій, который называлъ себя Іоанномъ Синенсисъ (Johannes Sinensis), по Сарматски же онъ долженъ былъ называться, какъ онъ самъ говорилъ, Иванъ Сіускій или Шуйскій (Zuski). Бѣжавши изъ Москвы по причинѣ нѣкоторыхъ, совершенныхъ тамъ, преступленій, человѣкъ этотъ пробрался въ чужія земли, гдѣ и выдавалъ себя за сына бывшаго Великаго Князя, Василья Ивановича Шуйскаго. Теперешній Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, употребилъ большія деньги, чтобъ отыскать его: наконецъ онъ былъ захваченъ и въ прошедшемъ году казненъ въ Москвѣ.

Такъ какъ человѣкъ этотъ въ разныхъ странахъ былъ извѣстенъ частію лично, частію по слухамъ, и многіе, даже высокаго ума люди, не знавшіе истинныхъ обстоятельствъ дѣла, имѣли о немъ совершенно не сходныя и странныя мнѣнія, то я хочу вкратцѣ разсказать сдѣсь настоящую сущность этого дѣла, какъ оно завѣрное передано было мнѣ не только Русскими, но и Нѣмцами, живущими въ Москвѣ и достаточно знавшими обманщика, и какъ и что замѣтилъ я самъ въ немъ, бывши въ Москвѣ же. Настоящее имя его было Тимошка Анкудиновъ (Timoska Ankudina); [1] родился

---

[1] Въ современныхъ актахъ пишется различно: Аникудиновъ, Онкудиновъ, Акундиновъ, Акиндиновъ. См. Собр. Г. гр. и д. III, 442; Акты Южн. и Зап. Россіи III, №№ 306—311 и 318—319., и Дополн. къ Акт. Истор. VI, №№ 138, IV—IX. О. Б.

онъ въ городѣ Вологдѣ, лежащемъ въ области того же имени, отъ простыхъ незнатныхъ родителей; отецъ его Демка или Дементій Анкудиновъ былъ тамъ мелкимъ продавцемъ полотна. Замѣтивъ въ сынѣ хорошія способности и особенную разумность, онъ помѣстилъ его въ школу, гдѣ сынъ учился съ такимъ прилежаніемъ, что въ короткое время выучился хорошо читать, красиво и бойко писать, и, слѣдовательно, достигъ высшей степени Русской учености, до которой они и теперь еще далеко не достигли. Обладая пріятнымъ голосомъ и умѣя довольно изрядно пѣть церковныя пѣсни, Тимошка понравился тамошнему Архіепископу, Вологодскому и Великопермскому, по имени Нектарію, который и взялъ его къ себѣ въ дворъ, для служенія при церкви; здѣсь Тимошка велъ себя такъ примѣрно, что Архіепископъ выдалъ за него дочь своего сына, котораго онъ прижилъ, бывши еще міряниномъ. Тогда Тимошка возгордился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писемъ своихъ называлъ себя внукомъ Намѣстника Вологодскаго и Великопермскаго. Когда же, по смерти Архіепископа, онъ повелъ безпорядочную жизнь и растратилъ все имущество жены, то отправился съ женою и ребенкомъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ однимъ своимъ хорошимъ пріятелемъ, служившимъ прежде съ нимъ при Архіепископскомъ дворѣ, Иваномъ Патрикѣевымъ (Patrikeou), который состоялъ теперь Дьякомъ въ Приказѣ Новой Четверти, и имѣвши надобность въ писцѣ, опредѣлилъ его на службу въ этомъ Приказѣ писцомъ. Сдѣсь Тимошка опять такъ хорошо повелъ себя, что скоро ему поручены были пріемъ и выдача суммъ, поступавшихъ въ этотъ Приказъ въ большомъ количествѣ отъ Великокняжескихъ кабаковъ и кружечныхъ дворовъ. Въ этой должности онъ держалъ себя честно нѣкоторое время, пока не сошелся съ однимъ распутнымъ товарищемъ, который втянулъ его въ пьянство и игру, въ слѣдствіе чего Тимошка рѣшился наложить руку на Великокняжескія деньги. Когда же онъ увидалъ, что при предстоящемъ учетѣ или повѣркѣ его (повѣрка эта при Московскомъ Дворѣ дѣлается во всякое время и весьма строгая, такъ что всякій, служащій по счетной части, постоянно держится въ страхѣ), у него окажется не болѣе 100 рублей, онъ началъ придумывать разнаго рода хитрости и продѣлки, чтобы какъ ни будь пополнить растраченныя имъ деньги. Между прочимъ онъ пошелъ къ одному писцу того же Приказа, Василію Григорьеви-

чу Шпилькину (Spilki), бывшему ему кумомъ (кумовство въ Москвѣ весьма уважается) и часто уже оказывавшему Тимошкѣ свое доброе расположеніе, и сказалъ: «Пріѣхалъ, де, въ Москву изъ Вологды одинъ знатный купецъ, хорошій его пріятель, котораго онъ, Тимошка, пригласилъ на завтра къ себѣ въ гости; и какъ ему хотѣлось, чтобы жена его, Тимошки, была побогаче одѣта, чтобы, какъ водится у нихъ, выйти поподчивать дорогаго гостя чаркою водки, то онъ и проситъ его, кума своего и обязательнаго друга, ссудить ему, Тимошкѣ, жемчужное ожерелье и другія драгоцѣнныя украшенія жены его, которыя онъ тотчасъ и возвратитъ въ совершенной цѣлости, по минованіи въ нихъ надобности. Шпилькинъ, не подозрѣвая ни чего недобраго, охотно снабдилъ его женинымъ драгоцѣнностями, даже безо всякаго обезпеченія, хотя цѣнность ихъ простиралась за 1000 талеровъ. Но Тимошка не только забылъ возвратить взятыя имъ вещи, но еще, когда Шпилькинъ напомнилъ ему о нихъ, началъ отрицать, что бралъ у него что ни будь, и что Шпилькинъ долженъ доказать, что онъ бралъ вещи. Шпилькинъ потребовалъ Тимошку въ судъ, и когда онъ и тутъ продолжалъ запираться, то просилъ посадить его въ темницу. Но какъ противъ обвиняемаго не было ни какихъ доказательствъ, то его скоро выпустили на поруки, и между тѣмъ онъ все таки не пополнилъ растраченныхъ имъ изъ Приказа денегъ. Такъ какъ Тимошку весьма сильно попрекала его собственная жена (съ которою онъ жилъ очень неладно), за его плутни и за его блудъ съ мальчиками, въ которомъ онъ часто былъ застигаемъ, то онъ опасался, чтобы жена его не покаялась наконецъ и не вывела на свѣтъ Божій всю правду и всѣ его мерзости. Чтобы покрыть все, онъ придумалъ великую мошенническую продѣлку: онъ взялъ и отнесъ сынишку своего къ одному хорошему пріятелю, Ивану Пескову (Peskou), въ Разбойный Приказъ; за тѣмъ самъ воротился ночью въ свой домъ, находившійся на Тверской, близъ подворья Шведскаго Резидента, заперъ жену въ комнатѣ, подложилъ огонь и зажегъ собственный свой домъ съ женою въ немъ, а самъ скрылся и бѣжалъ въ Польшу, такъ что долгое время не знали, живъ ли онъ, или сгорѣлъ вмѣстѣ съ женою. Случилось это осенью 1643 года.

Спустя два года, когда Московскіе Послы прибыли въ Польшу, то они узнали, что тамъ проживаетъ какой-то Русскій, похожій на Тимошку; Тимошка же, опасаясь, что о немъ пойдутъ розыски, бѣжалъ изъ Польши, въ 1646 году, къ Казацкому вождю, Хмельницкому (Chmilniski), жаловался ему, что его преслѣдуютъ за то, что онъ изъ Великокняжескаго роду. Льстивыми рѣчами своими скоро сдѣлался любезенъ и пріятенъ Хмельницкому, и содержался сдѣсь хорошо. Черезъ два года послѣ этого присланъ былъ къ Хмельницкому Царскій Посланникъ, по имени Яковъ Козловъ (Kosslou), со всѣмъ по другому дѣлу, и когда этотъ Посланникъ увидѣлъ тамъ Тимошку и узналъ его, то добрыми словами увѣщевалъ его положить конецъ своему бродяжничеству и возвратиться въ Москву, гдѣ, по ходатайству хорошихъ друзей, ему легко можно будетъ выхлопотать прощеніе въ похищеніи Великокняжескихъ денегъ. Тогда не знали еще, что Тимошка выдавалъ себя за сына Великаго Князя Шуйскаго. Но Тимошка не повѣрилъ этѣмъ мирнымъ увѣщаніямъ, побуждаемый своею недоброю совѣстію ити далѣе, скрылся и бѣжалъ, въ 1648 году, въ Турцію, гдѣ велѣлъ совершить надъ собою обрѣзаніе и принялъ Магометанскую Вѣру. Но такъ какъ и сдѣсь, за какую-то мошенническую продѣлку, ему хотѣли отрубить голову, то онъ тайно бѣжалъ оттуда въ Италію, въ г. Римъ, гдѣ и принялъ Римско-Католическую Вѣру. Оттуда перебрался онъ въ Австрію, въ Вѣну, а въ 1650 году, въ Трансильванію или Седмиградію, къ Князю Рагоци (Ragotzki), который принялъ его и, повѣривъ хитрымъ его завѣреніямъ, изъявилъ ему большое участіе и далъ, по неотступной его просьбѣ, препоручительныя письма къ другимъ владѣтельнымъ особамъ. Съ однимъ изъ такихъ писемъ Тимошка отправился отсюда въ Швецію, гдѣ Королева Христина оказала ему всевозможныя милости и отпустила отъ себя съ почетными подарками. Между тѣмъ Русскіе купцы, бывшіе тогда въ Стокгольмѣ, сообщили въ Москву, что въ Стокгольмъ прибылъ такой-то Русскій. Въ слѣдствіе чего Его Царское Величество тотчасъ же послалъ къ Ея Величеству, Королевѣ Шведской, Писца Козлова, съ грамотой слѣдующаго содержанія: «До свѣдѣнія Его Царскаго Величество дошло, что въ Стокгольмѣ проживаетъ одинъ Русскій, который, къ величайшему вреду Его Царскаго Величества, выдаетъ себя за роднаго сына Царя Василія Ивановича Шуйска-

го (не имѣвшаго рѣшительно наслѣдника мужескаго пола), и который называется Іоанномъ Синепсомъ; по этому желательно, чтобы, ради сосѣдственной дружбы, этотъ ложный Шуйскій выданъ былъ нашему Уполномоченному.» Но ложный Шуйскій, еще до полученія этой грамоты въ Стокгольмѣ, уже бѣжалъ оттуда и направился въ Ливонію. Оставшійся же въ Стокгольмѣ слуга Тимошки, Костька (или Константинъ), былъ тогда схваченъ, закованъ въ крѣпкія цѣпи и отвезенъ въ Москву. Тимошка же, хотя по сыскной грамотѣ Ея Величества, Королевы Шведской, и былъ за тѣмъ пойманъ въ Ревелѣ и посаженъ тамъ въ темницу, но съумѣлъ освободиться и бѣжалъ оттуда. Между тѣмъ въ Москвѣ, изъ подозрѣнія участія въ заговорѣ, захвачены были мать Тимошки, многіе другіе люди и тѣ, которые были хорошими друзьями бѣглеца: всѣхъ ихъ пытали, а нѣкоторыхъ замучили до смерти. Убѣжавъ изъ Ливоніи, Тимошка пробрался въ Брабантъ, и, какъ самъ онъ пишетъ, былъ у Герцога Леопольда. Отсюда онъ отправился въ Лейпцигъ, а за тѣмъ, съ однимъ Полякомъ, по имени Стефаномъ Липовскимъ (Lipouski), въ Виттенбергъ, гдѣ принялъ Аугсбургское Исповѣданіе и причастился, какъ это видно изъ собственнаго его признанія, писаннаго по Латыни его рукою, съ приложеніемъ его печати, и находящагося и по нынѣ въ Виттенбергскомъ Университетѣ. Наконецъ, онъ появился въ Голштиніи, достигъ до города Нейштадта, гдѣ и былъ схваченъ и взятъ подъ стражу однимъ Русскимъ купцомъ изъ Новгорода, Петромъ Миклафомъ (Miklaff), который нарочно былъ посланъ съ Царскою сыскною грамотою къ Нѣмецкимъ Князьямъ и Владѣтельнымъ Особамъ; отсюда, по особой покорной просьбѣ того же Русскаго купца и другого именитаго купца изъ Любека, Тимошка перевезенъ былъ въ Княжескую столицу Готторфъ, гдѣ и содержался до полученія особыхъ грамотъ и писемъ отъ Его Царскаго Величества къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому.

По поводу этого Тимошки Его Царское Величество разослалъ нѣсколькихъ Пословъ и гонцовъ туда и сюда, къ Европейскимъ Королямъ, Князьямъ и Владѣтельнымъ Особамъ, и выходилъ сыскныя грамоты, чтобы бѣглецъ нигдѣ не могъ найти себѣ безопаснаго убѣжища, но чтобы тотчасъ можно было его схватить, гдѣ только онъ попадется. По сему, узнавъ отъ от-

правленнаго по этому же дѣлу въ Швецію Посланника, что Тимошка захваченъ въ Голштиніи, въ г. Нейштадтѣ, Его Царское Величество немедленно послалъ къ Его Свѣтлости, Герцогу, двухъ гонцовъ, одного за другимъ, съ грамотами, слѣдующаго содержанія по Нѣмецкимъ переводамъ:

«Его Величества, Царя Московскаго, грамота къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому.

Богомъ Всемогущимъ, во всемъ вседѣйствующимъ, благимъ утѣшителемъ и покровителемъ всѣхъ народовъ, славимымъ въ Его Св. Троицѣ и достохвальнымъ въ единосущности, милостію, промысломъ, могуществомъ, дѣйствіемъ и благимъ сонзволеніемъ Господа нашего, отъ Бога избранный держать въ рукахъ нашихъ скипетръ истинной Вѣры Христовой, блюсти и содержать великое Русское Государство и охранять и иныя пріобрѣтенныя и вновь завоеванныя владѣнія (земли), съ Божіею помощію можно и покойно во вѣки. Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи и проч., и проч. (здѣсь слѣдуетъ обыкновенный полный титулъ), Великомощному Фридриху, Наслѣднику Норвежскому, Герцогу Шлезвигскому, Голштинскому, Стормарискому и Дитмарсенскому, Графу Ольденбургскому и Дельменгорстскому, нашъ-дружескій привѣтъ.

Въ прошломъ 1644 году (по Московскому исчисленію въ 7152), нѣкто, по имени Тимошка Анкудиновъ, съ Костькою Конюховымъ (Koska Konichow,) обокралъ казну нашего Царскаго Величества; воры сіи бѣжали отъ смертной казни изъ земли, подъ нашимъ владѣніемъ находящейся, въ Константинополь, и тамъ приняли Магометанство. А такъ какъ и тамъ они были осуждены за разныя злыя дѣла свои, то и оттуда бѣжали отъ смертной казни, пробрались въ Польшу и Литву, гдѣ учинили смуту между владѣльцами и потомъ ушли къ воинственному народу, Запорожскимъ Казакамъ, къ Гетману Хмельницкому, который, по приказу Великаго Государя, Іоанна Казимира, брата нашего, Короля Польскаго, долженъ былъ обоихъ выше упомянутыхъ нашихъ воровъ и измѣнниковъ, схватить и передать нарочно для того къ нему посланнымъ, именно: Королевскому Придворному Дворянину Ермо-

личу (Germolitzowi) и Нашему Придворному же Дворянину Петру Протасову (Protestowi), о чемъ тотъ Хмельницкій и писалъ къ Нашему Величеству. Но эти воры и измѣнники Наши и оттуда бѣжали въ Римъ, гдѣ и приняли Латинскую Вѣру, и за тѣмъ и въ другія владѣнія, и чинили между ними смуту, перемѣнивъ имена свои такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ, именно Тимошка, назвался Шуйскимъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Спиенсомъ, а Костька выдавалъ себя за слугу его, каковые оба вора явились потомъ въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ и признаны были нашими купцами изъ Новгорода и другихъ городовъ, и хотя они этѣми купцами были потомъ захвачены и взяты подъ стражу, Тимошка Губернаторомъ Ревельскимъ, а Костька Губернаторомъ Нарвскимъ, но оба эти Губернаторы, безъ приказу Великой Королевы Шведской, выдать Намъ тѣхъ двухъ измѣнниковъ не захотѣли. Тогда Мы написали къ Великой Шведской Королевѣ, черезъ Нашего Придворнаго Дворянина №№, чтобы она соизволила приказать тѣхъ двухъ поименованныхъ измѣнниковъ Нашихъ Намъ выдать, на что Великая Королева Шведская изъявила согласіе, и письмомъ своимъ къ Губернатору Ревельскому изволила приказать, чтобы оба измѣнники Наши выданы были Нашему Придворному Дворянину, какъ только Дворянинъ этотъ прибудетъ изъ Стокгольма въ Ревель. Когда же Нашъ Придворный Дворянинъ прибылъ изъ Стокгольма въ Ревель, то ему выданъ былъ только одинъ измѣнникъ Костька; другой же, по имени Тимошка, изъ подъ стражи бѣжалъ, и сколько ни оставался въ Ревелѣ Нашъ Придворный Дворянинъ, Тимошку ни гдѣ отыскать не могли: его поймали потомъ спустя нѣсколько времени въ Голштиніи, въ Нейштадтѣ, гдѣ и посадили въ темницу. По этому Мы послали къ Вашей Свѣтлости, съ грамотой Нашего Царскаго Величества, Посланника Василія Шпилькина (Spilkin), съ нѣкоторыми изъ нашихъ подданныхъ, чтобы Вы соизволили приказать того Нашего измѣнника, ему, Шпилькину, выдать и къ Намъ переслать.» (До сихъ поръ первая грамота, отъ 31 Октября, 1652 г. по Р. Х., а вторая отъ 5 Генваря, 1653 г., обѣ же совершенно одинаковы отъ слова до слова; въ послѣдней же прибавлено еще слѣдующее): «Въ минувшемъ же году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, прибылъ къ Намъ Петръ Миклафъ изъ Новгорода, и привезъ Нашему Царскому Величеству отъ Вашихъ Совѣтниковъ свѣдѣтельство, что онъ, Миклафъ, съ Іоганомъ Фонъ

Горенъ изъ Любека, того Нашего Величества измѣнника поймалъ въ Вашемъ городѣ, Нейштадтѣ, предъявилъ Вашей Свѣтлости свою на измѣнника жалобу и сообщилъ Вамъ свѣдѣнія о воровскихъ дѣлахъ его; въ слѣдствіе чего соизволили Вы приказать вора того изъ Вашего Княжескаго города, Нейштадта, перевезти въ Готторфъ и содержать его тамъ въ крѣпкой темницѣ. По этому Мы посылаемъ къ Вамъ того Петра Миклафа съ этой Нашего Царскаго Величества, грамотой, чтобы Вы, въ силу Нашей первой и теперешней Нашей грамоты, изволили приказать, выдать помянутаго выше заключеннаго Нашего измѣнника Нашему Посланнику Шпилькину и Петру Миклафу и другимъ Нашимъ подданнымъ, при чемъ желательно, чтобы Вы соизволили такъ повелѣть, чтобы измѣнникъ уже не бѣжалъ и не причинилъ бы какого новаго неспокойства и смуты. За это Наше Царское Величество окажетъ взаимно всякое удовольствіе, гдѣ бы оно ни представилось.

Воръ и измѣнникъ Нашего Царскаго Величества, по имени Тимошка, происхожденія весьма ничтожнаго: сынъ мелкаго торгаша простымъ полотномъ, Демки Анкудинова именуемаго, изъ предмѣстія Вологды; мать же его зовутъ Соломонидкой (Salmanitka). У Тимошки есть сынъ Сережка (Sereska), который и теперь еще въ живыхъ. Сказанный Тимошка былъ въ Москвѣ, въ Новой Четверти (Nova Zetuert), обокралъ нашу казну, убилъ свою жену и сжегъ ее въ своемъ домѣ, при чемъ сжегъ дома и многихъ другихъ людей, и тѣмъ причинилъ убытки многимъ подданнымъ Нашимъ. За все это онъ присужденъ былъ къ смертной казни, но скрылся, бѣгалъ до сихъ поръ и во многихъ земляхъ причинилъ разныя неспокойства. Дано въ Нашей Царской столицѣ Москвѣ, 5-го Генваря, 7161 г. отъ сотворенія міра (1653 по Р. Х.).» Третья и послѣдняя грамота, посланная по тому же дѣлу къ Его Княжеской Свѣтлости, была доставлена 17 Октября того же года, послѣ чего содержавшійся въ заключеніи воръ и выданъ былъ Русскимъ.

Одинъ изъ упоминаемыхъ отвозившихъ приведенныя грамоты и посланныхъ за содержавшимся уже въ темницѣ воромъ, былъ, какъ это явствуетъ изъ грамоты и какъ сказано выше, Григорій Шпилькинъ, бывшій товарищъ Тимошки въ Приказѣ Но-

вой Четверти и писецъ, котораго Тимошка обманулъ, выпросивъ у него и присвоивъ себѣ драгоцѣнныя женины вещи. Когда Шпилькину дозволено было поглядѣть заключеннаго вора и поговорить съ нимъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ важныхъ придворныхъ чиновъ, то Тимошка, выступая важной походкой, не хотѣлъ сначала признать Шпилькина, прикинулся, что никогда его не видалъ и не хотѣлъ говорить съ нимъ по Русски, а пожелалъ повести рѣчь на Сарматскомъ языкѣ (котораго, безъ сомнѣнія, Шпилькинъ не зналъ). И когда Шпилькинъ спросилъ его: «Не Тимошка ли онъ Анкудиновъ, который обокралъ Великокняжескую казну и совершилъ и другія разныя преступленія?» то онъ отвѣчалъ: «Очень можетъ быть, что какой ни будь плутъ Тимошка Анкудиновъ и обокралъ Великокняжескую казну (подъ словомъ обокрасть слѣдуетъ разумѣть здѣсь не то, чтобы была взломана Палата, гдѣ хранится казна, а простое похищеніе денегъ, лежавшихъ въ казнохранилищѣ, или принадлежавшихъ ему), но это до него ни сколько не касается; его имя есть Іоаннъ Синенсъ (Johannes Sinensis), по Сарматски Шуйскій (Suiski);» при этомъ онъ не говорилъ уже въ сей разъ, чтобы онъ былъ сынъ бывшаго Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго. Когда же Шпилькинъ продолжалъ разговаривать съ нимъ и напомнилъ ему его прежнюю жизнь, то Тимошка началъ ругать и позорить Шпилькина, говоря, что вовсе не признаетъ его за Посланника, и что Шпилькинъ должно быть былъ мелочной продавецъ булавокъ (или шпилекъ), какъ это видно даже и изъ его прозвища.

Когда же въ другое время, Тимошка, по собственному его желанію, спрошенъ былъ Господиномъ Придворнымъ Канцлеромъ и Совѣтниками о нѣкоторыхъ статьяхъ, а именно: какого онъ происхожденія и роду? Родственникъ ли онъ настоящему Великому Князю? За что Великій Князь преслѣдуетъ его, и какой вредъ онъ могъ причинить ему, то на всѣ этѣ вопросы Тимошка, частію устно, частію же потомъ въ особомъ письменномъ показаніи, отвѣчалъ слѣдующее, какъ это видно изъ приводимыхъ здѣсь его собственныхъ словъ: «Уже вѣдомо, что я Іоаннъ Синенсъ, по Сарматски Иванъ Шуйскій (Johannes Sinensis, Sarmatica lingua Jan Suisky), во Св. Крещеніи названъ Тимоѳеемъ, сынъ Василія Домитіяна (Domitiani) Шуйскаго, который прозваніе свое

получилъ отъ города Шуи (Suia), лежащаго въ Московіи, и который происходитъ изъ роду Московскаго народа (ex familia nationis Moschoviticae), рожденъ и воспитанъ въ одной изъ областей Царства Польскаго, Новгородѣ Сѣверскомъ (in parte quadam regni Poloniae Provincia, Novogardka Severskhio), наслѣдственный Владѣтель Сѣверской Украйны (Hukragina Serverska); въ этѣхъ моихъ собственныхъ владѣніяхъ великія болота, близъ границъ Московскихъ. Нынѣшній Великій Князь мнѣ не родственникъ, по тому что отецъ его только изъ Дворянъ; мой же отецъ изъ Княжескаго роду, и такъ какъ Великій Князь сдѣлался объ этомъ извѣстенъ, то онъ и преслѣдуетъ меня. Татарскій Ханъ (Cham Tatarski), который теперь воюетъ съ Польшею, подговаривалъ меня напасть войною на Московскую землю; но такъ какъ древніе предки мои называли ее своимъ отечествомъ (patriam), то, изъ любви къ ней, я ни чего не хотѣлъ и предпринимать противъ нея, а именно, не хотѣлъ за насиліе платить насиліемъ. Я бы легко могъ послать на землю Великаго Князя 100,000 мечей, но Богъ избавилъ меня, не допустилъ до этого и проч.» Въ этомъ самомъ признавался онъ также и въ одномъ письмѣ своемъ къ Патріярху. Тогда еще, когда первый Московскій Посланникъ, который прибылъ изъ Швеціи, явился къ Тимошкѣ, возбудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ и совѣтывалъ ему, чтобы онъ обратился только съ просьбою (supplicіren) къ Патріярху, который имѣетъ большую силу у Великаго Князя и который по этому, ходатайствомъ своимъ, можетъ легко выходить ему прощеніе, самъ же онъ, Посланникъ, обѣщалъ ему содѣйствовать при этомъ всѣми силами. Шуйскій повѣрилъ до нѣкоторой степени словамъ этого Русскаго, и передалъ ему запечатанное письмо къ Патріярху, въ которомъ, между прочимъ, также писалъ: «что онъ родомъ Русскій, названъ при крещеніи Тимоѳеемъ (оттуда уменьшительное Тимошка), и былъ введенъ въ соблазнъ до того, что хотѣлъ было наслать на Русскую землю 300,000 мечей; но однажды ночью ему явился Ангелъ, который и отклонилъ его отъ этого намѣренія, чтобы онъ ни чего подобнаго противъ своего отечества и Вѣры не предпринималъ. Въ слѣдствіе этого онъ образумился и возжелалъ въ мирѣ возвратиться снова домой, и хотя недавно легко могъ бѣжать изъ Нейштадта, но не воспользовался этѣмъ, по тому что хотѣлъ явиться и съ Уполномоченнымъ возвратиться

въ Москву.» Но когда этотъ Посланникъ вскрылъ письмо и, въ моемъ присутствіи, прочиталъ его Тимошкѣ, то этотъ послѣдній, не признавая, что оно писано его рукою, началъ утверждать, что онъ ни чего объ этомъ не знаетъ, показывалъ другой почеркъ, и сталъ бранить и позорить Посланника до того, что этотъ не вытерпѣлъ, плюнулъ и бросилъ письмо въ лицо Тимошкѣ. Тимошка же тотчасъ схватилъ письмо и разорвалъ его въ мелкіе кусочки.

Своими необстоятельными и перемѣнчивыми рѣчами и письмами онъ достаточно далъ понять, что онъ обманывалъ. Иногда онъ говоритъ, что онъ Русскій и сынъ Великаго Князя Василія Ивановича; въ письменномъ же показаніи онъ называлъ отца своего Василіемъ Домитіяномъ (Дементьемъ); а извѣстно теперь, что изъ трехъ братьевъ Шуйскихъ (кромѣ этѣхъ тогда въ Россіи и не было), ни одинъ такъ не назывался; то онъ отрицалъ даже, что онъ Русскій и въ сказанномъ письменномъ показаніи прибавлялъ: «Я осмѣливаюсь попытаться и наглядно доказать, хотя я теперь, въ слѣдствіе невыразимыхъ мученій, впалъ въ изнеможеніе, что я ни по языку, ни по нравамъ моимъ, ни по всему моему положенію, не могу быть признанъ за Москвитянина (Musscowiter).» Такъ, на примѣръ, онъ не носилъ окладистой бороды, какую носятъ Русскіе. Въ своемъ долгомъ странствованіи по различнымъ землямъ онъ довольно порядочно выучился нѣкоторымъ языкамъ, какъ, на примѣръ: Латинскому, Итальянскому, Турецкому и Нѣмецкому, такъ что на каждомъ изъ этѣхъ языковъ могъ свободно объясняться; онъ умѣлъ также по Русски писать различными почерками, которые онъ часто и мѣнялъ для своей пользы. Грамоты, которыя присланы были отъ Его Царскаго Величества къ Его Княжеской Свѣтлости, онъ также пытался сдѣлать подозрительными, весьма усиливался въ своемъ письменномъ показаніи убѣдить насъ, что грамоты тѣ были поддѣльны и ложны, ибо не подписаны ни Его Царскимъ Величество, ни даже ни какимъ большимъ Боярином. «А и Богу и людямъ вѣдомо, говорилъ онъ, что всякое запечатанное письмо, безъ собственноручной подписи, не можетъ имѣть ни какой силы.» Но Тимошка воображалъ, что мы не знаемъ обычаевъ Русскихъ Приказовъ. Ни какое Царское посланіе или грамота къ другому Государю, и даже ни какое условіе, самимъ Царемъ не подписы-

вается, и подпись эта замѣняется обыкновенно приложеніемъ большой печати. Бояре же и Царскіе Совѣтники, черезъ которыхъ ведется какое ни будь дѣло, дѣйствительно подписываютъ особое письменное обязательство на договорахъ и скрѣпляютъ своими печатями, что и имѣетъ такую же силу, какъ бы подпись самаго Его Царскаго Величества. Когда же Тимошка увидалъ, что его хитрость и обманъ замѣчены, и что онъ не могъ отдѣлаться только рѣчами, но долженъ быть выданъ Русскимъ, то съ отчаянія пытался было лишить себя жизни. Такъ, на дорогѣ въ Травемюнде, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на корабль, когда подъѣхали къ Нейштадту, онъ бросился стремглавъ изъ повозки, прямо головой и хотѣлъ было подвернуться подъ колесо, въ намѣреніи найти тутъ свой конецъ; но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ была песчаная почва, и повозка тотчасъ же была остановлена, то онъ невредимый опять былъ посаженъ въ нее, и съ тѣхъ поръ за нимъ стали строже присматривать. Также и послѣ, на пути въ Москву, онъ не разъ задумывалъ разныя средства лишить себя жизни; но средства этѣ, такъ какъ онѣ были замѣчаемы, всякій разъ были устраняемы бдительнымъ присмотромъ. Впрочемъ, онъ постоянно былъ веселъ до пріѣзда въ Новгородъ, въ которомъ онъ сталъ быть печальнымъ, а отъ Новгорода до Москвы онъ не хотѣлъ даже ни ѣсть, ни пить.

Какъ только прибыли съ Тимошкой въ Москву, тотчасъ же повели его на пытку. Но при пыткѣ, и даже при послѣднемъ концѣ своемъ, онъ оказался до такой степени упорнымъ, что можно было предполагать, что дѣлалъ онъ это или для того, что хотѣлъ, чтобы его сочли сумасшедшимъ, или же, какъ онъ уже замѣтилъ, признается ли онъ въ правдѣ, или нѣтъ, онъ равно будетъ лишенъ жизни, то съ отчаянія онъ хотѣлъ лучше продолжать затѣянныя имъ и распространенныя заблужденіе и злобу, и такимъ образомъ твердостію своихъ показаній желалъ укрѣпить въ иностранныхъ Государяхъ это мнѣніе о немъ, которое онъ хитростію своею внушилъ имъ о себѣ. Совѣсть его при этомъ была также мало соблюдаема, какъ и прежде, когда онъ принималъ столько различныхъ Вѣроисповѣданій, и, можетъ быть, онъ думалъ: лучше въ аду быть главнымъ, нежели ити за урядъ.

Когда Тимошка во время пытки спрошенъ былъ и долженъ былъ отвѣчать на нѣкоторыя статьи, въ присутствіи наряженныхъ для того Государственныхъ Совѣтниковъ, то онъ сказалъ, что онъ ни кого не считаетъ достаточно достойнымъ, чтобы говорить съ нимъ, кромѣ великаго Господина и Боярина, Никиты Ивановича Романова. (Боярин этотъ давно уже былъ извѣстенъ ему своею храбростію и снисходительностію). По этому два Боярина должны были отправиться къ Никитѣ и просить его пожаловать къ Тимошкѣ. Тимошка между тѣмъ попросилъ пить, и когда ему принесли квасъ, или жидкое пиво въ деревянной чашѣ, то онъ ни самаго пива, ни изъ деревянной чашки, пить не сталъ и потребовалъ, чтобы ему дали пить меду и въ особой серебряной посудѣ. Когда же ему принесли пить, согласно съ его желаніемъ, то хотя онъ и приложилъ ко рту чашку, но выпилъ мало. Между тѣмъ пришелъ къ нему Никита съ двумя другими Боярами, и Тимошка хотя и поклонился смиренно Никитѣ, но все таки упорно стоялъ на томъ, что онъ сынъ Царя Василія Ивановича Шуйскаго. Ему на это возразили и доказали, что онъ сынъ Дементія Анкундинова (Dementi Ankudinou), бывшаго въ Вологдѣ продавцемъ простаго полотна, и что онъ вовсе не изъ Великокняжескаго роду Шуйскихъ; ибо покойный Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій не имѣлъ совсѣмъ дѣтей, а только двухъ братьевъ, Князей: Дмитрія Ивановича и Ивана Ивановича Шуйскихъ, которые также не оставили по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Всѣ эти три брата, вмѣстѣ съ тогдашнимъ Патріархомъ, Филаретомъ Никитичемъ, были сосланы въ заточеніе въ Польшу, какъ это сказано выше. Старшіе два брата Шуйскихъ и умерли въ Польшѣ, третій же, именно Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, былъ освобожденъ, возвратился въ Москву, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ тоже померъ здѣсь, уже въ царствованіе нынѣшняго Великаго Князя. Былъ, впрочемъ, еще одинъ изъ этого рода Шуйскихъ, именно: братъ отца ихъ, Князь Василій Ѳедоровичъ, который имѣлъ только одного сына, Князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина (Scapin); но и этотъ, въ то время, когда Шведскій Полководецъ взялъ Великій Новгородъ, умеръ, и также послѣ себя наслѣдниковъ не оставилъ. Такимъ образомъ Тимошка ни какъ не могъ быть изъ роду Шуйскихъ.

Во время пытки представили Тимошкѣ родную мать его, которая и теперь живетъ еще въ монахиняхъ; она горькими слезами оплакивала его несчастіе, и когда увѣщала его, чтобы онъ бросилъ глупость свою, признался въ правдѣ, и просилъ Царя о помилованіи, то хотя онъ и казался при этомъ опечаленнымъ, но признаться все таки не хотѣлъ. Представленъ былъ ему также писецъ, Иванъ Песковъ, которому онъ передъ бѣгствомъ своимъ поручилъ сына, и, вмѣстѣ съ писцомъ, приведенъ былъ къ нему и сынъ его. Песковъ рѣзко сказалъ Тимошкѣ, что уже довольно долго пробавлялся онъ ложью и обманомъ; что и ему, Пескову, по милости Тимошки, послѣдовала Высочайшая немилость Его Царскаго Величества и причинена великая сердечная скорбь; что теперь Тимошка долженъ вспомнить о Богѣ и объявить всю правду: «Развѣ же это не твой сынъ,» говорилъ онъ, «котораго ты мнѣ оставилъ?» Извѣстно, впрочемъ, что сына этого Тимошка прижилъ не отъ законной жены своей, но отъ одной ея служанки. Тимошка посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, съ Песковымъ поздоровался даже, но за тѣмъ не хотѣлъ говорить болѣе ни слова. Хотя за тѣмъ предъявлены были и многія другія лица, прежніе его добрые знакомые и пріятели, которые вмѣстѣ съ нимъ были писцами, и которые теперь увѣщевали его показать правду, но на все это, такъ какъ онъ былъ уже достаточно изобличенъ, онъ отвѣчалъ однимъ молчаніемъ. Его освѣдѣтельствовали также и нашли, что онъ былъ обрѣзанъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ кончилась пытка, но на другой день его снова привели на пытку, предложили ему еще нѣсколько вопросовъ, но ни на одинъ вопросъ онъ уже отвѣчать не хотѣлъ. Тогда повели на большой рынокъ передъ Кремлемъ, прочитали ему его преступленія и произнесли приговоръ, по которому онъ долженъ быть разрубленъ на части. За тѣмъ его тотчасъ же раздѣли, положили на земь и сперва отрубили топоромъ правую руку до локтя и лѣвую ногу по колѣно; потомъ лѣвую руку и правую ногу, и разомъ отсѣкли голову, и всю эту казнь Тимошка вынесъ, какъ бы безчувственный. Отрубленныя части воткнуты за тѣмъ на пять приготовленныхъ заранѣе кольевъ, на которыхъ онѣ и оставались до слѣдующаго дня; туловище же оставлено тутъ же валяться на землѣ между кольями, и ночью его съѣли собаки. На слѣдующее утро прислужники палача пособрали оставшіяся отъ туло-

вища кости и другія отрубленныя части, вмѣстѣ съ кольями, взвалили все это на сани и, вывезши за городъ, бросили тамъ въ живодерениую яму.

Бывшему слугѣ Тимошки, Костькѣ, который долженъ былъ присутствовать при казни своего господина, такъ какъ онъ во всемъ признался добровольно, хотя и дарована была жизнь, но, такъ какъ онъ былъ клятвопреступникомъ по отношенію къ Его Царскому Величеству, то и надъ нимъ былъ также произнесенъ приговоръ: отрубить ему три большіе пальца на правой рукѣ. А такъ какъ Вѣра Русскихъ требуетъ непремѣнно, чтобы они крестились правой рукой, то, по ходатайству Патріярха, оказана была милость, чтобы отсѣченіе пальцевъ послѣдовало на лѣвой рукѣ. За тѣмъ онъ сосланъ въ одинъ изъ Сибирскихъ городовъ, и на все время жизни своей получалъ извѣстное содержаніе. Въ тотъ же самый день и часъ, когда совершилась казнь надъ Тимошкой, одинъ незначительный Польскій Посолъ или Посланникъ (Poslanik), прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ Москву, былъ приглашенъ представиться Царю, и нарочно проведенъ черезъ мѣсто казни, для того, чтобы онъ видѣлъ и донесъ, что казненъ былъ тотъ самый ложный Шуйскій, который нѣкоторое время проживалъ въ Польшѣ.

Вотъ истинное описаніе свойствъ Лже-Шуйскаго и того, какой конецъ постигъ его.

ГЛАВА XIII.

О вѣнчаніи теперешняго Великаго Князя Алексѣя Михайловича и о самомъ вѣнчаніи вообще.

Когда, какъ выше сказано, въ 1645 г. по Р. Х., Іюля 12, Великій Князь всея Россіи, Михаилъ Ѳедоровичъ, скончался, то тотчасъ же, на другой за тѣмъ день, именно 13-го Іюля, привѣтствовали Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи сына его,

шестьнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича (род. 17-го Марта, 1630 г.), и въ тотъ же день, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ Бояръ, знатныхъ Господъ и всего народа, его вѣнчали на Царство и присягнули ему.

Такъ какъ вѣнчаніе это ревностнымъ стараніемъ Боярина Борриса Ивановича Морозова (Morosou), бывшаго Дворецкаго (Hoffmeister) и воспитателя молодаго Государя, по особымъ видамъ его, должно было совершиться возможно скорѣе, то на него и не могли явиться всѣ тѣ въ странѣ, которые обыкновенно обязаны присутствовать при вѣнчаніи. Вѣнчаніе Великихъ Князей Московскихъ, если оно должно совершиться установленнымъ обычнымъ образомъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: Въ Москву созываются всѣ Митрополиты, Архіепископы и Епископы, Игумены, Князья, Воеводы и служилые люди, равно какъ и знатнѣйшіе купцы со всей Россіи и изо всѣхъ областей, которыя находятся подъ властію Великаго Князя.

Когда должно совершаться вѣнчаніе, то Патріархъ съ Митрополитами и другими духовными чинами идетъ въ большую дворцовую церковь. За ними слѣдуетъ новый Великій Князь съ Государевыми Совѣтниками, Боярами и служилыми людьми.

Въ церкви устраивается возвышенное видное мѣсто въ три ступеньки, покрытое дорогими коврами, на немъ ставятся 3 кресла, обитые парчею, одно для новаго Великаго Князя, другое для Патріярха, а на 3-мъ кладется шапка, унизанная драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, на верху съ кистью, на которой привѣшивается коронка усѣянная брилліянтами. Подлѣ шапки кладется также богатый парчевой кафтанъ, отороченный кругомъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и подбитый совершенно чернымъ соболемъ. Кафтанъ этотъ, какъ говорятъ Русскіе, пріобрѣтенъ Великимъ Княземъ Димитріемъ [1] Мономахомъ изъ Кафы, въ войнѣ съ Татарами, и назначенъ для употребленія во время вѣнчанія Великихъ Князей.

---

[1] Очевидная ошибка Олеарія. О. Б.

Когда Царь съ Боярами войдетъ въ церковь, Священники начинаютъ пѣть; за тѣмъ Патріархъ читаетъ молитву, призываетъ Бога, Св. Николая и другихъ Святыхъ, чтобы они присутствовали при этомъ вѣнчаніи. Потомъ выходитъ впередъ знатнѣйшій изъ Государевыхъ Совѣтниковъ съ избраннымъ Великимъ Княземъ, обращается къ Патріарху съ рѣчью и сообщаетъ ему, что они (Русскіе) избрали его, какъ ближайшаго наслѣдника престола Русскаго Государства, и желаютъ, чтобы онъ, Патріархъ, благословилъ и вѣнчалъ его. Тогда Патріархъ принимаетъ вновь избраннаго на возвышеніе, сажаетъ его на кресло и, держа золотой, усыпанный драгоцѣнными каменьями, небольшой крестъ надъ челомъ новаго Князя, благословляетъ его, послѣ чего одинъ изъ Митрополитовъ читаетъ слѣдующую молитву, какъ она значится у Петрея, въ его Русской лѣтописи: «Господи Боже нашъ, Царь всѣхъ Царей, избравшій черезъ Пророка своего, Самуила, раба твоего, Давида, и помазавшаго его на царство надъ Твоимъ народомъ Израильскимъ, услышь нынѣ молитву нашу, которую мы, недостойные, Тебѣ приносимъ, и воззри съ священной высоты своей на сего вѣрнаго раба Твоего, сѣдящаго здѣсь на престолѣ и возвеличеннаго Тобою въ Царя надъ народомъ Твоимъ, котораго искупилъ Ты кровію Твоего Святаго Сына. Помажь его елеемъ мира, защити силою Твоею, возложи на главу его вѣнецъ, украшенный драгоцѣнными каменьями, даруй ему долгую жизнь и вложи ему въ руку Царскій жезлъ, возведи его на престолъ правосудія и содѣлай подвластными ему всѣ варварскіе, языки, да будетъ сердце и мысли его всегда и постоянно въ страхѣ Твоемъ, чтобы онъ во все время жизни своей былъ послушенъ заповѣдямъ Твоимъ, отжени отъ него всякую ересь и заблужденіе, наставь его, чтобы онъ защищалъ и содержалъ въ цѣлости, что повелѣваетъ и установляетъ Святая Греческая Церковь. Да судитъ онъ справедливо народъ Твой и являетъ милость бѣднымъ, чтобы они могли достигнуть вѣчной жизни.» Молитву эту Патріархъ заключаетъ громкимъ провозглашеніемъ! «Яко Твое есть царство, сила и слава, и да будетъ съ тобою Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый!»

Послѣ этой молитвы два Епископа должны взять съ креселъ и держать кафтанъ и шапку, а Патріархъ велитъ Боярамъ, ко-

торые тутъ же восходятъ на возвышеніе, надѣть на Великаго Князя кафтанъ, самъ же вторично изрекаетъ благословеніе. За тѣмъ самъ подаетъ шапку съ вѣнцомъ Боярамъ, приказываетъ имъ и ее возложить на Великаго Князя и говоритъ: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа,» и благославляетъ при этомъ Князя въ 3-й разъ. Потомъ Патріархъ приглашаетъ всѣхъ духовныхъ особъ, находящихся въ церкви, чтобы каждый изъ нихъ приступилъ и далъ рукою благословеніе Великому Князю. Когда все это покончится, Патріархъ и Великій Князь садятся на кресло, но вскорѣ опять встаютъ, и тогда Священники начинаютъ пѣть молебенъ (литію): «Господи помилуй» (Gospodi pomilui), и всякій разъ въ 3-мъ словѣ именуютъ Великаго Князя. За тѣмъ Патріархъ и Царь садятся опять, а одинъ изъ Митрополитовъ идетъ къ алтарю и громкимъ голосомъ провозглашаетъ: «Господи! Сохрани намъ Царя и Великаго Князя всея Россіи, Богомъ возлюбленнаго и намъ даннаго, въ добромъ здравіи и на многія лѣта!» И пожеланіе это повторяютъ всѣ остальные Священники и Великіе Бояре, въ церкви и внѣ ея стоящіе, при чемъ раздается великій радостный кликъ. Послѣ этого всѣ Великіе Бояре бьютъ низко челомъ Его Царскому Величеству и цѣлуютъ его руки. Наконецъ, Патріархъ одинъ выступаетъ передъ Великаго Князя и дѣлаетъ ему напоминаніе слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ онъ теперь, по Божьему соизволенію, избранъ и вѣнчанъ всѣми Государственными Чинами, Свѣтскаго и Духовнаго сословій Великимъ Княземъ всея Русіи, и ему ввѣряется важное дѣло управленія подвластными землями, то да любитъ онъ при этомъ Бога, да поступаетъ по Его законамъ, сообразно съ ними да руководится справедливостію, и да содѣйствуетъ онъ защитѣ и распространенію истинной Греческой Вѣры!»

За тѣмъ Великій Князь еще разъ принимаетъ благословеніе и идетъ въ стоящую напротивъ церковь, Михаила Архангела. Между тѣмъ народу бросаются деньги, а въ церкви еще разъ поется молебенъ (Litaney). Отсюда Великій Князь слѣдуетъ въ церковь Святаго Николая, и за тѣмъ, въ сопровожденіи Государевыхъ Совѣтниковъ, въ большую залу, гдѣ угощаются, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, особы роскошнѣйшимъ образомъ, при чемъ бываетъ такая

добрая попойка, что многіе изъ гостей не помнятъ, какъ и домой пришли.

Титулъ, который Русскіе приписываютъ теперь своему Великому Князю, есть слѣдующій:

«Великому Государю, Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя Россіи Самодержцу, Московскому, Кіевскому, Владимирскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и Великому Князю Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, Государю и Великому Князю Новгорода Низовскія Земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондійскому и всея Сѣверныя страны Повелителю и Государю Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичу и Дѣдичу (т. е., отъ многихъ предковъ) и Наслѣднику, Государю и Обладателю.»

ГЛАВА XIV.

О доходахъ и расходахъ Великаго Князя. О столѣ его, Придворномъ Врачѣ и Переводчикѣ.

Всѣ этѣ, сейчасъ упомянутыя, въ титулъ вошедшія, а равно и другія, земли, области и города, ежегодно приносятъ въ казну Его Царскаго Величества огромный доходъ, который простирается до нѣсколькихъ милліоновъ, а составляется все это изъ податей, налоговъ, пошлинъ, сборовъ съ кружечныхъ дворовъ, съ торговли и съ помѣстій. Хотя подданные Его Царскаго Величества обыкновенно платятъ подать небольшую, но множество земель и народовъ дѣлаетъ изъ нея весьма значительный доходъ. Если же должна быть ведена война, то граждане, купцы и торговые люди должны давать особое тяжкое денежное вспомоществованіе.

Такъ, при прежнемъ Великомъ Князѣ, во время войны за Смоленскъ, граждане должны были давать пятину (Pettina), т. е., 5-ю часть своего имущества (5-ую деньгу). Нынѣшній же Царь бралъ только десятую часть. Бояре и великіе Господа, такъ какъ они владѣютъ многими помѣстьями, должны содержать на случай войны извѣстное число конныхъ и пѣшихъ воиновъ; Дворяне вообще всѣ, съ слугами своими, должны сами выступить въ поле. Монастыри также, такъ какъ они владѣютъ многими селеніями и крестьянами, должны выставить и содержать извѣстное число воиновъ. Пошлины, которыя Великій Князь получаетъ съ пограничныхъ и важнѣйшихъ торговыхъ городовъ, также доставляютъ ему огромный доходъ. Намъ сообщилъ одинъ богатый Нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, что однажды важный торговый городъ Архангельскъ доставилъ въ одинъ годъ неимовѣрно громадную сумму денегъ, именно 300,000 рублей, что составляетъ 6 тоннъ золота. Трактиры, корчмы, кабаки или кружечные дворы, какъ ихъ теперь называютъ, приносятъ Великому Князю вообще огромныя деньги, такъ какъ нынѣ во всемъ Государствѣ онъ одинъ имѣетъ право держать ихъ, и какъ Русскіе предаются употребленію вина выше всякой мѣры. Передъ этѣмъ Бояре и большіе Господа въ разныхъ мѣстахъ имѣли свои собственные кабаки, которые они, какъ и самъ Великій Князь, отдавали на откупъ извѣстнымъ лицамъ, но такъ какъ Бояре возвысили откупную плату до такой степени, что многіе откупщики должны были разориться, по этому и установлено теперь, что никто изъ Бояръ и знатныхъ Вельможъ своихъ кабаковъ держать не можетъ, но всѣ этѣ кабаки Великій Князь отобралъ себѣ и во всякомъ городѣ завелъ домъ, изъ котораго можно покупать вино, медъ и пиво, а деньги за этѣ напитки поступаютъ только въ казну Его Царскаго Величества. Въ Новгородѣ постоянно было три кабака, изъ которыхъ каждый давалъ въ годъ доходу по 2000 рублей, что со всѣхъ 3-хъ составитъ 12,000 рейхсталеровъ; при теперешнемъ новымъ порядкѣ доходъ этотъ еще увеличился. Теперь кабаковъ, хотя они не всѣ приносятъ такіе большіе доходы, во всей странѣ считается до тысячи.

Большой доходъ доставляютъ Великому Князю также соболевые и другіе мѣха, получаемые изъ Сѣверныхъ странъ, кото-

рыми онъ, равно какъ и другими товарами, ведетъ значительную, внутреннюю и внѣшнюю, торговлю; для этого онъ наряжаетъ извѣстныя лица, которымъ ввѣряетъ товары и даже чистыя деньги большимъ количествомъ, и посылаетъ ихъ въ сосѣднія страны, преимущественно въ Персію и Турцію; такою торговлею казна Великаго Князя обогащается самымъ наилучшимъ образомъ.

Такого Великокняжескаго дѣльца или торговаго человѣка, по имени Савелія (Savelli), посланнаго съ 4000 талерами, встрѣтили мы въ Персіи. Такъ какъ торговецъ этотъ, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло данныя ему деньги, въ продолженіи двухлѣтняго своего отсутствія, растратилъ ихъ всѣ, то Великій Князь приказалъ своему Посланнику, Алексѣю Савичу Романчикову (Romantzikou), котораго онъ отправилъ съ нами въ Персію, заковать въ цѣпи того невѣрнаго купца, и привезти его въ Москву. Посланникъ хоть и нашелъ купца въ Шемахѣ, въ Мидіи, но такъ какъ именно въ это время у Посланника умеръ переводчикъ, то онъ и взялъ себѣ въ переводчики Савелія, не давая ему, впрочемъ, ни чего замѣтить на счетъ даннаго ему приказанія, обходился съ нимъ всегда дружелюбно, взялъ его съ собою въ Персію, къ Шаху, въ намѣреніи добрымъ обращеніемъ своимъ заманить его къ предѣламъ Россіи. Но Савелій замѣтилъ шутку, и въ то время, когда Посланникъ хотѣлъ пуститься въ обратный путь, бѣжалъ въ Испагань, въ Аллакапи (Allacapi) или слободу, подвергъ тамъ себя обрѣзанію, отдался подъ защиту Магометанъ и остался въ Персіи.

Царь имѣетъ также въ разныхъ мѣстахъ превосходныя помѣстья, которыя онъ отдаетъ на откупъ, и получаетъ отъ того огромныя деньги; а также рудники близъ Тулы, о которыхъ упомянуто было выше, доставляютъ ему богатую выручку.

Но если Великій Князь получаетъ такіе значительные доходы, то и расходы его немалы: онъ долженъ ежегодно уплачивать стрѣльцамъ или солдатамъ, которыхъ множество на границахъ (по небезопасности отъ сосѣднихъ народовъ) и въ городахъ; такъ, въ одной Москвѣ 16,000 войска, въ Казанской области 6000, и всѣмъ имъ онъ платитъ жалованье изъ доходовъ съ полей сво-

ихъ и помѣстій; во всѣхъ же областяхъ вообще онъ ежедневно содержитъ далеко за 100,000 человѣкъ войска.

Независимые Татары, которые постоянно держатъ на сторожѣ Великаго Князя своими частыми вторженіями, ежегодно присылаютъ въ Москву свои посольства и требуютъ денегъ, такъ что Великій Князь какъ бы покупаетъ у нихъ миръ. Войны, которыя ведетъ Великій Князь, стоятъ ему вообще огромныхъ денегъ; ибо въ поле выступаетъ онъ всегда съ сильнымъ войскомъ, въ которомъ Офицеры большею частію изъ Нѣмцевъ, получающихъ большое жалованье. Такъ какъ жалованье это всегда вѣрно выплачивается, и нѣкоторымъ, по желанію ихъ, даже за мѣсяцъ впередъ, то по этому на службу къ Великому Князю изо всѣхъ мѣстъ стекается много всякаго народу. Большіе расходы идутъ также на Посланниковъ отъ иностранныхъ Государей, которые часто посѣщаютъ Великаго Князя, такъ что иногда въ Москвѣ подолгу проживаютъ въ одно время два, три, такихъ Посольства, и даже болѣе, и всѣ они, во все время пребыванія своего въ предѣлахъ Россіи, продовольствуются и содержатся на счетъ Великаго Князя. Великій Князь держитъ и многочисленный Придворный штатъ, и отъ его богатаго Царскаго стола ежедневно обѣдаетъ до 1000 человѣкъ въ Дворцѣ и внѣ его.

Сдѣсь кстати упомянуть о томъ, какимъ образомъ совершается Царскій обѣдъ, а именно: когда настанетъ время обѣда, то къ столу не трубятъ, какъ дѣлается это обыкновенно при другихъ Дворахъ, но одинъ изъ прислужниковъ бѣжитъ на кухню и въ погребъ и громко кричитъ: «Государю кушанье!» т. е., Великій Князь хочетъ кушать. Тогда тотчасъ же все готово. Ихъ Царскія Величества садятся за столъ одни; если же къ столу приглашается Патріярхъ, или другіе большіе Господа, то для нихъ приготовляется особо, по сторонамъ Царскаго стола. Кушанья, которыхъ бываетъ до 50-ти и болѣе, не всѣ ставятся на столъ Великаго Князя, но ихъ держатъ на рукахъ слуги, приподнявъ ихъ вверхъ, и, по возвѣщеніи о нихъ Стольникомъ, какого кушанья Его Царское Величество пожелаетъ, то и подается и ставится на столъ, остальныя же блюда, какъ кушанья пожалованныя, разсылаются нѣкоторымъ Господамъ и слугамъ, какъ

Нѣмцамъ, такъ и Русскимъ, въ особенности Г-мъ Докторамъ, Лейбъ-Медикамъ и Врачамъ. Теперь у Великаго Князя только одинъ Докторъ, Лейбъ-Медикъ Г-нъ Гартманъ Граманъ (Hartman Graman), который былъ съ нами въ Персіи. Онъ имѣетъ большія познанія въ Герметическомъ лѣченіи и въ пользованіи своемъ, сравнительно съ другими, всегда былъ отмѣнно счастливъ; по этому онъ не только въ большой милости у Его Царскаго Величества, но его весьма любятъ, уважаютъ и много дарятъ и Бояре, Князья и другіе знатные Вельможи. Обыкновеннаго мѣсячнаго жалованья онъ получаетъ 62 рубля или 124 талера, да годоваго 300 руб., и того всего 2088 талеровъ, кромѣ хлѣба, солоду, меду и вообще всего, что нужно для домашняго обиходу. Если же онъ пускаетъ кровь, или употребляетъ какое ни будь иное средство, то получаетъ особое вознагражденіе, до 100 талеровъ чистыми деньгами, да сверхъ того кусокъ атласа, камки, 40 соболей и подобное тому.

Впрочемъ, отъ Бояръ, Князей и другихъ знатныхъ Вельможъ Врачи рѣдко получаютъ чистыми деньгами, а больше соболями, свиными окороками, виномъ и другими припасами. Ежедневно они обязаны являться во Дворецъ съ поклономъ къ большимъ Господамъ, особенно же къ тому, который завѣдываетъ Царской аптекой, богато содержимой.

Его Царское Величество съ большими также издержками, держитъ множество переводчиковъ на всякаго рода языки, равно какъ и много другихъ слугъ изъ Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ. Особенно много высшихъ военныхъ Офицеровъ, которые частію оставили свою Вѣру и перекрестились и которые и въ мирное время получаютъ большія деньги, за пожиданье дѣла.

Между прочими переводчиками Его Царскаго Величества есть одинъ, по имени Іоганъ Бекеръ фонъ Дельденъ (Johan Böcker von Delden), родомъ изъ Копенгагена, человѣкъ превосходный, свѣдущій въ наукахъ, много путешествовавшій и знающій много языковъ; до сихъ поръ въ Москвѣ подобнаго не было. Его Царское Величество назначилъ его главнымъ переводчикомъ (General-Interpretem), и посылаетъ его съ своими Посланниками по самымъ важнымъ дѣламъ, какъ, на примѣръ, недавно еще онъ послалъ его къ Его Величеству, Римскому Императору, въ Вѣну, съ двумя Цар-

скими Послами: Иваномъ Ивановичемъ Баклановскимъ (Baklakowskoy), Царскимъ Придворнымъ Дворяниномъ, и Дьякомъ Иваномъ Поликарповымъ Михайловымъ (Polycarpou sin Michailou). Въ эту поѣздку, Его Императорское Величество, во уваженіе отличныхъ достоинствъ Бекера, по особой своей милости, пожаловалъ его Дворянскою грамотою, какъ извѣстилъ меня о томъ изъ Вѣны одинъ хорошій мой пріятель, приславшій мнѣ и списокъ съ сказанной грамоты.

Вообще же между Великокняжескими слугами и придворными людьми, особенно же между Русскими, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ происходитъ то же, что и при большей части Княжескихъ дворовъ, гдѣ добродѣтель и порокъ ведутъ постоянную войну между собою, и гдѣ послѣдній частенько побѣждаетъ первую. Нѣкоторые, имѣющіе ближайшій и болѣе частый доступъ къ Правительству, чѣмъ другіе, дѣлаются щепетильнѣе, своенравнѣе, грубѣе и корыстнѣе другихъ, и по тому, чтобы снискать ихъ расположеніе, необходимо оказывать имъ и высокое почтеніе, привѣтствовать ихъ низкими, съ опущенными до земли, руками, поклонами, и дарить ихъ, часто не столько для того, чтобы они сдѣлали кому какое ни будь добро, сколько для того, чтобы они не причинили вреда. По этому-то, еще не много лѣтъ назадъ, въ Москвѣ было самое бѣдственное положеніе. каждый, давшій подарокъ (называемый у Русскихъ посуломъ) (Poschul), достигалъ всего и могъ все повернуть на свою сторону, даже самый законъ (если только хотѣлъ) можно было повернуть такъ, что право отнималось у одного и переходило въ руки другого и присвоялось этому послѣднему, въ самыхъ вопіющихъ дѣлахъ. Всѣ эти несправедливости, вскорѣ послѣ брака Великаго Князя, нѣкоторыми новыми родственниками его, а равно и другими устарѣвшими Боярами, доведены были до крайности и вызвали страшное возмущеніе, въ которомъ многіе были избиты въ кровь, нѣкоторые потеряли даже свои головы, какъ это разсказано будетъ въ слѣдующихъ за сімъ главахъ.

ГЛАВА XV.

О свадьбѣ и бракосочетаніи Великаго Князя Алексѣя Михайловича.

Когда Великій Князь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, то былъ еще очень молодъ, и при немъ все еще оставался его бывшій Дворецкій (Гоффмейстеръ) и воспитатель, Морозовъ (Morosou), по волѣ и усмотрѣнію котораго Великій Князь и велъ управленіе. Этотъ Морозовъ прежде всего привлекъ на свою сторону тѣхъ, которые наиболѣе готовы были служить его волѣ; родственниковъ же Его Царскаго Величества, и въ особенности родственниковъ матери его, бывшей Великой Княгини, удалилъ отъ Двора на Воеводства и другія видныя должности, съ тѣмъ, чтобы, подобно Ликогену у Барклая (Lycogenes beym Barclajus lib. 1, c. 2), «suae factionis hominibus curiam impleret», онъ могъ наполнить Дворъ людьми, ему приверженными, и важнѣйшія должности распредѣлить между друзьями, которые (по его усмотрѣнію) должны были оставаться за одно съ нимъ. Никто изъ знатнѣйшихъ Вельможъ не долженъ былъ превзойти Морозова въ болѣе ревностномъ служеніи молодому Царю и постоянномъ при немъ пребываніи. Чтобы удалить отъ Великаго Князя тѣхъ изъ Бояръ, которые могли являться къ нему съ какими ни будь скучными и для его возраста даже съ тягостными служебными занятіями, Морозовъ часто возилъ его на охоту и доставлялъ ему всякаго рода и другія удовольствія. Для того же, чтобъ прочнѣе удержать за собою расположеніе Царя, Морозовъ помышлялъ о томъ, какъ бы вступить въ ближайшее родство съ Его Царскимъ Величествомъ. Разсчетъ его былъ таковъ: онъ зналъ, что Его Царское Величество долженъ былъ скоро жениться, и для того, чтобы Царь оставался въ родствѣ съ среднимъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ Морозовъ, онъ рѣшилъ предложить ему въ супруги дочь одного Дворянина, на сестрѣ которой думалъ жениться самъ. Между Придворными Дворянами былъ тогда одинъ, по имени Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowitz Miloslauski), который имѣлъ двухъ дочерей красавицъ и ни одного наслѣдника мужескаго пола. Этотъ Илья часто прислуживалъ Морозову, бывшему тогда въ силѣ при Дворѣ, какъ говорится: fac totum, ревностно помогалъ ему, такъ что Морозовъ

охотно терпѣлъ его не ради только его красивой дочери, но и ради его угодливости. Однажды, улучивъ удобное время, Морозовъ началъ выхвалять красоту сказанныхъ двухъ сестеръ и возбудилъ въ молодомъ Государѣ сильное желаніе увидѣть ихъ. Обѣ сестры были приглашены къ дѣвицамъ-сестрамъ Его Царскаго Величества, какъ бы только для посѣщенія сихъ послѣднихъ. Когда Его Царское Величество увидѣлъ тутъ дочерей Милославскаго, то почувствовалъ тотчасъ же любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому объявлена по этому милость Его Царскаго Величества, и то, что онъ долженъ сдѣлаться тестемъ Царя. Милославскій, конечно, не задумался дать тотчасъ же свое согласіе и благодарить за великую милость. За тѣмъ, такъ какъ Милославскій былъ небогатъ, ему послано большое количество денегъ и разныя дорогія вещи въ домъ, чтобъ онъ снарядилъ себя и своихъ приличнымъ образомъ. Вскорѣ же послѣ того затѣяна и свадьба и въ 1647 году, [1] въ Недѣлю о блудномъ сынѣ (Septuages.), на 22 году невѣсты, совершено бракосочетаніе, но безъ всякой торжественности и въ тиши, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого либо чародѣйства, отъ чего бываетъ худо и чего въ то время очень опасались Русскіе, по своему суевѣрію.

Черезъ 8 дней послѣ этого Царскаго бракосочетанія, Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сыгралъ и свою свадьбу, взявши за себя сестру молодой Великой Княгини, и сдѣлался, такимъ образомъ, ближнимъ зятемъ Его Царскаго Величества.

ГЛАВА XVI.

О томъ, какъ послѣ брака Царя повели себя ближніе Великой Княгини. Устройство полиціи; злоупотребленія въ судѣ и справедливости, и что было при томъ достойнаго замѣчанія.

Илья Даниловичъ Милославскій, сдѣлавшись тестемъ Царя, вошелъ въ большую силу. Ему данъ былъ домъ въ Кремлѣ, подлѣ

[1] Во Французскомъ переводѣ Викфорта, изданія 1751 года, прибавлено: 17 Февраля. Перев.

дворца Его Царскаго Величества; домъ этотъ онъ снесъ до основанія, и на мѣсто его выстроилъ новыя великолѣпныя палаты. Старые слуги при Дворѣ одинъ за другимъ удалены и вмѣсто ихъ посажены родственники Боярина Милославскаго, которые, будучи весьма бѣдны, были и очень жадны къ обогащенію себя. Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ, по имени Леонтій Степановичъ Плещеевъ (Leonti Steppanowitz Plesseou), который посаженъ былъ главнымъ судьею въ Земскомъ Дворѣ или Приказѣ (Ратушѣ). Онъ безъ мѣры бралъ и соблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ Приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими. Онъ завелъ при себѣ негодныхъ молодцевъ, чтобы они взводили какое ни будь ложное показаніе на честныхъ людей, имѣвшихъ состояніе, доносили на нихъ и обвиняли въ воровствѣ, убійствѣ, или иномъ какомъ преступленіи. По этѣмъ доносамъ бѣдныхъ людей брали въ темницу, содержали ихъ самымъ сквернымъ образомъ и не выпускали ихъ такъ по нѣскольку мѣсяцевъ, пока тѣ впадали почти въ отчаяніе. Между тѣмъ безбожные слуги Плещеева являлись къ друзьямъ заключеннаго, втайнѣ дѣлали имъ предложенія, какъ освободить ихъ друга. Черезъ такихъ-то мошенниковъ онъ торговался съ этѣми друзьями несчастнаго и назначалъ, что они должны дать за освобожденіе его. Иначе онъ ни кого не удостоивалъ допускать къ себѣ, ни изъ обвиненныхъ, ни изъ пріятелей его.

Въ числѣ такихъ безбожныхъ чиновниковъ былъ еще одинъ, по имени Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ (Peter Tychonowitz Trochaniotou), шуринъ Плещеева, такъ какъ Плещеевъ женатъ былъ на родной сестрѣ Тихоновича. Тихоновичъ этотъ былъ уже возведенъ въ Окольничьи (что составляетъ ближайшую степень къ званію Боярина или Государственнаго Совѣтника) и посаженъ Управляющимъ Пушкарскаго Приказа; подъ его управленіемъ находились стрѣлцы, оружейники, полицейскіе чины и всѣ тѣ, которые служили при Оружейной Палатѣ, и со всѣми этѣми людьми онъ поступалъ самымъ жестокосердымъ образомъ и удерживалъ у нихъ заслуженную ими заработную плату. Въ Москвѣ такой обычай, что, по Великокняжескому Указу, всѣ Царскіе слуги и ремесленники должны ежемѣсячно исправно и вполнѣ получать извѣстную плату, а

нѣкоторымъ даже жалованье приносилось на домъ. Траханіотовъ же заставлялъ ждать подчиненныхъ ему людей по нѣскольку мѣсяцевъ, и если они, послѣ многихъ усиленныхъ просьбъ, получали наконецъ половину своего жалованья, нѣкоторые же и того менѣе, то ихъ заставляли расписываться въ полученіи того жалованья сполна. Кромѣ того были большія препятствія и въ торговлѣ: заведено множество одноторжій (монополій), и кто приносилъ наибольшую взятку В. І. М., [1] тотъ и возвращался весело домой съ милостивой (охранной) грамотой.

Былъ еще одинъ Чиновникъ, который предложилъ дѣлать желѣзные аршины съ клеймомъ, изображающимъ орла, и каждый, кто только долженъ употреблять аршинъ, обязанъ былъ покупать новый клейменый аршинъ, стоющій какихъ ни будь 10 копѣекъ (шиллингъ), или пять грошей, платя за него рейхсталеръ, старые же аршины при этомъ были запрещены, подъ опасеніемъ высокой пени. Распоряженіе это, простиравшееся и на всѣ области, принесло доходу до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ.

Другой подобный же Чиновникъ, изъ желанія оказать услугу казнѣ Его Царскаго Величества, и тѣмъ снискать себѣ его благосклонность, далъ предложеніе, чтобы по всей Россіи, соль, которой пудъ (40 фунтовъ) стоилъ двѣ гривны или 10 грошей, обложить добавочной пошлиной въ одну гривну или въ пять грошей. Онъ даже высчиталъ, сколько тысячъ доходу ежегодно можетъ приносить такой налогъ въ казну Его Царскаго Величества. Но по прошествіи года сдѣланъ былъ разсчетъ, и тогда оказалось, какъ много тысячъ потеряно было на соленой рыбѣ (употребляемой въ Россіи болѣе говядины), которая, по причинѣ вздорожанія соли, была недостаточно просолена и погнила, и какъ значительно меньше прежняго продано было самой соли, такъ какъ она осталась въ складочныхъ амбарахъ, испортилась и тамъ разстаяла.

---

[1] Буквы: В. І. М. вѣроятно означаютъ: Боярину Ильѣ Милославскому, какъ можно догадываться изъ того, что рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ его злоупотребленіяхъ. Перев.

На такія великія тягости и невыносимыя мученія вознегодовалъ простой народъ; утромъ и вечеромъ онъ собирался у церквей и толковалъ, какъ бы избавиться отъ такого бѣдствія. Всѣ видѣли, что тѣ, которые ближе всего были къ Его Царскому Величеству, не хотѣли выслушивать ихъ жалобъ, а тѣмъ менѣе желали облегчить ихъ тягости, и по тому единогласно порѣшили: сторожить всякій разъ, когда Его Царское Величество будетъ выѣзжать, или во время какого ни будь торжественнаго хода будетъ проходить изъ Дворца въ городскую церковь, и отъ имени всего общества подать самому Его Царскому Величеству нѣсколько просьбъ, пожаловаться ему на несправедливости и ежедневно совершаемыя злоупотребленія Леонтія Степановича Плещеева, и просить, чтобы онъ отрѣшенъ былъ отъ должности, а на его мѣсто посаженъ былъ другой честный человѣкъ. Но хотя недовольнымъ и удалось нѣсколько разъ выждать Царя и подавать просьбы, но просьбы этѣ всегда принимали отъ нихъ Бояре, которые по обыкновенію сопровождали Его Царское Величество, и такъ какъ самъ Царь нечиталъ ихъ, а приказывалъ Боярамъ сообщать ему объ ихъ содержаніи, то естественно, что бѣдствія угнетенныхъ подданныхъ передавались ему невѣрно, и по жалобамъ не воспослѣдовало ни какого рѣшенія. Между тѣмъ негодованіе народа все болѣе и болѣе разжигалось, съ громкими жалобами собирался онъ снова передъ церквами, и на этѣхъ сборищахъ было порѣшено, при первомъже случаѣ, который могъ представиться, выждать Его Царское Величество, принести ему словесно свои жалобы и заявить о своемъ бѣдствіи. Случай этотъ скоро представился, именно: 1648 года, Іюля 6 дня, былъ праздникъ, въ который Его Царское Величество со всѣми Боярами и знатными Господами отправлялся въ лежащій въ городѣ Срѣтенскій (Stretenskoy) монастырь. Въ этотъ день собралось несчетное множество народа на большомъ рынкѣ (площади) и по всѣмъ улицамъ, черезъ которыя долженъ былъ проходить крестный ходъ. Когда, по окончаніи службы Господней, Его Царское Величество возвращался верхомъ домой, народъ съ силою протѣснился къ нему, нѣкоторые изъ толпы схватили за узду коня Его Царскаго Величества, молили его выслушать ихъ, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости, и неотступно просили отрѣшить его и на мѣсто его назначить честнаго, совѣстливаго человѣка, добавляя, что, въ противномъ случаѣ, народъ долженъ оконча-

тельно погибнуть. Его Царское Величество ужаснулся отъ такого неожиданнаго нападенія и такихъ отчаянныхъ жалобъ всего народа, обратился къ нему съ дружелюбною рѣчью, чтобы онъ успокоился, что онъ развѣдаетъ все дѣло и удовлетворитъ ихъ просьбы. Народъ успокоился, услышавъ такое милостивое обѣщаніе, благодарилъ Его Царское Величество и желалъ добраго здравія и долгой жизни, съ чѣмъ Его Царское Величество и отправился къ себѣ. Нѣкоторые же изъ Бояръ, преданныхъ Плещееву и бывшихъ тутъ же въ поѣздѣ, начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ изъ его среды кнутьями по головамъ, а иныхъ даже сшибли съ ногъ на землю.

Народъ озлобился, схватился за каменья и началъ бросать ихъ въ обидчиковъ. Этѣ послѣдніе, не привыкшіе къ такому тяжкому граду, который посыпался на ихъ спины, мигомъ обратились въ бѣгство и помчались во Дворецъ къ Его Царскому Величеству. А такъ какъ и у Дворца они приняты были такимъ же образомъ народомъ, толпившимся на дворѣ, то, соскочивши съ лошадей, они едва успѣли взбѣжать на большую лѣстницу, ведущую въ покои Его Царскаго Величества; озлобившаяся чернь съ силою двинулась туда же за ними, но стрѣльцы, ежедневно державшіе стражу у лѣстницы, успѣли сдержать народъ, пока преслѣдуемые Бояре могли укрыться въ покояхъ Великаго Князя. Тогда народъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ярости, началъ неистовствовать, шумѣть, звать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. На крикъ этотъ Боярин Борисъ Ивановичъ Морозовъ вышелъ на верхнее крыльце къ народу и именемъ Его Царскаго Величества увѣщевалъ его, чтобы онъ отказался отъ такого требованія своего, но народъ закричалъ и ему: «Мы и тебя хотимъ взять!» И Морозовъ, чтобы избѣжать собственной опасности, поспѣшно долженъ былъ удалиться. Въ слѣдъ за тѣмъ толпа бросилась къ дому Морозова, къ этѣмъ богатымъ палатамъ, бывшимъ тутъ же въ Кремлѣ, разбила въ немъ ворота и двери, все расшибла и разломала, растащила и разграбила въ домѣ его, что нашла, чего же не могла захватить, то разрушала и ломала. Одного изъ важнѣйшихъ слугъ Морозова, хотѣвшаго было оказать сопротивленіе разъяренной черни, схватили и выбросили изъ верхнихъ покоевъ въ окно, такъ что несчастный тотчасъ же и умеръ, расшибшись отъ паденія.

Въ домѣ Морозова нашли жену его, но ей не сдѣлали ни какого оскорбленія, а сказали только: «Если бъ ты не была сестрой Великой Княгини, мы изрубили бы тебя на мелкія части!» Толпы пришли въ такую ярость, что не пощадили даже образовъ, всегда глубоко ими почитаемыхъ, но срывали съ нихъ украшенія изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ и выбрасывали ихъ на площадь. Въ числѣ другихъ дорогихъ вещей, они разбили также и карету, обтянутую золотою парчею, подбитую дорогимъ соболемъ и окованную вездѣ, вмѣсто желѣза, чистымъ серебромъ,—даже толстыя шины въ ней были серебряныя. Карету эту Его Царское Величество подарилъ Морозову на свадьбу, какъ брачную карету.

Нѣкоторые изъ народа бросились въ погребъ, накинулись на бочки съ медомъ и водкою, перепились донельзя, а чего не могли выпить, разбили бочки и розлили, такъ что по колѣни бродили въ винѣ, и когда огонь, разложенный на дворѣ, достигнулъ погреба, то многіе изъ находившихся въ немъ тамъ и сгорѣли.

Послѣ такого разграбленія народъ раздѣлился на особыя толпы: одни толпы потянулись къ Плещееву, другіе къ Тихоновичу, третьи къ Государственному Канцлеру, нѣкоторые къ другимъ заподозрѣннымъ же Вельможамъ, и даже къ писарямъ и другимъ лицамъ, бывшимъ въ дружбѣ, или въ какомъ ни будь сообществѣ съ ненавистными имъ людьми, и вездѣ у всѣхъ этѣхъ людей, разъяренныя толпы опустошили, разграбили дворы и уничтожили въ нихъ все, что только попадалось подъ руку. При этомъ народъ нашелъ множество дорогаго имущества и великія богатства, особенно въ домѣ Морозова: жемчугъ мѣряли пригоршнями, и полная шапка его продавалась за 30 талеровъ; мѣхъ черной лисицы и пара прекрасныхъ соболей за полталера; золотыя ткани (парчи) разрѣзывали ножами, и тутъ же дѣлили между собою.

Дня за три до этого происшествія, Думный Дьякъ Назарій Ивановичъ Чистой (Tzistou), который забралъ въ одни свои руки торговлю солью и, какъ выше сказано, наложилъ на нее неймовѣрно высокую пошлину, возвращался изъ Кремля

домой верхомъ на лошади; на дорогѣ ему повстрѣчалась бѣшеная корова, и когда лошадь его, испугавшись коровы, сбросила его съ себя, то онъ расшибся до такой степени, что отнесенъ былъ домой почти полумертвый. Отъ этого паденія Чистой лежалъ еще въ постели; но когда услыхалъ, что домъ Морозова разграбленъ, то легко могъ разсудить, что разъяренный народъ посѣтитъ и его, какъ одного изъ главныхъ притѣснителей; а по тому черезъ силу слѣзъ съ постели, ползкомъ по землѣ забрался подъ вѣники (которые связываются изъ березовыхъ вѣтокъ, на подобіе метлы, и сохраняются въ продолженіи цѣлаго года, для употребленія въ банѣ, какъ объ этомъ упомянуто было выше), и приказалъ своему слугѣ наложить еще сверху на него нѣсколько половинокъ свиныхъ окороковъ. Но слуга оказался невѣрнымъ своему господину, предалъ его, а самъ, захвативши нѣсколько сотъ червонцевъ, бѣжалъ въ Нижній Новгородъ. Яростная чернь забралась въ домъ Назарія, вытащила его изъ подъ вѣниковъ и повлекла его за ноги на лѣстницу, съ которой и сбросила его во дворъ; здѣсь его забили палками до смерти, размозжили ему голову до того, что его не возможно было узнать, и, бросивъ за тѣмъ его въ навозную яму, принялись взламывать сундуки и ящики. Нечестность и недобрый нравъ этого Назарія мы и сами должны были испытать на себѣ, въ бытность нашу въ Москвѣ. Будучи весьма силенъ при Дворѣ между знатнѣйшими изъ Бояръ, онъ причинялъ намъ много помѣхи въ отправленіи нашего порученія за то только, что получилъ отъ насъ подарки не такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось.

Въ то время, когда такое разграбленіе совершилось внѣ Кремля, самый Кремль велѣно было запереть, и рано утромъ слѣдующаго для, т. е., 7-го Іюля, всѣмъ Нѣмецкимъ Офицерамъ дано было тайное приказаніе собраться и, хорошенько вооружившись, немедленно прибыть въ Кремль, такъ какъ взбунтовавшійся народъ не переставалъ волноваться и теперь приближался уже къ Кремлю. Въ слѣдствіе такого приказанія явился сильный отрядъ Нѣмцевъ, и нельзя было безъ удивленія видѣть, какъ мятежники давали имъ свободный проходъ и обращались къ нимъ съ такой дружеской рѣчью: «Вы, честные Нѣмцы, не дѣлайте намъ ни какого вреда: мы друзья ваши, и въ свою очередь никогда во вѣки

не причинимъ вамъ болѣе ни какой обиды.» Ибо прежде Русскіе часто таки оказывали свое нерасположеніе Нѣмцамъ и очень безпокоили ихъ. Кремлевскія ворота оттворили, и туда впущены были Нѣмцы, которые тотчасъ, для обереженія Кремля (и дворца), раздѣлились на извѣстныя мѣста и приняли караулъ. За тѣмъ Его Царское Величество выслалъ къ мятежникамъ двоюроднаго брата [2] своего, знатнаго и достохвальнаго Вельможу, Никиту Ивановича Романова, котораго народъ очень любилъ за его всегдашнюю доброту, попытаться, не сможетъ ли онъ укротить озлобленное настроеніе и возстановить спокойствіе. Съ непокрытой головой выѣхалъ Никита Романовъ къ народу, принявшему его съ должною почтительностію и называвшему его своимъ отцемъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ сказалъ: «Его Царское Величество испытываетъ глубокую скорбь при видѣ такого бѣдствія. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уже обѣщалъ народу старательно разслѣдовать все дѣло и дать ему милостивое удовлетвореніе; это же обѣщаніе Его Царское Величество приказалъ черезъ него, Никиту, теперь еще разъ повторить народу и добавить, что онъ непремѣнно сдержитъ его, а по тому недовольные могутъ теперь успокоиться и смириться.» На это народъ отвѣчалъ: «Мы совершенно довольны Его Царскимъ Величествомъ и охотно готовы успокоиться, но не прежде, пока Его Царское Велячество прикажетъ выдать намъ виновниковъ такого бѣдствія, именно, Бояръ: Бориса Ивановича Морозова, Леонтія Степановича Плещеева и Петра Тихоновича (Траханіотова), чтобы Бояры этѣ при глазахъ ихъ получили заслуженную ими кару.» Никита поблагодарилъ народъ за отвѣтъ, похвалилъ его за неколебимую преданность Его Царскому Величеству, о каковой преданности, равно какъ и о просьбѣ народа относительно выдачи 3-хъ Бояръ, обѣщалъ довести до свѣдѣнія Его Царскаго Величества, но при этомъ онъ клялся народу, что Морозова и Петра Тихоновича въ Кремлѣ нѣтъ, но что они бѣжали. Мятежники просили тогда, чтобы имъ выдали немедленно хотя Плещеева. Никита простился за симъ съ народомъ и поскакалъ опять въ Кремль.

Вскорѣ за тѣмъ изъ Кремля пришло извѣстіе, что Его Царское Величество рѣшилъ выдать немедленно же Плещеева и при-

[2] Дядю? О. Б.

казалъ казнить его передъ народомъ; когда же отыщутъ остальныхъ двухъ Бояръ, то и съ ними будетъ поступлено, какъ слѣдуетъ, по закону. Велѣно было сейчасъ же привести палача. Народъ не замедлилъ, поспѣшно привелъ къ Кремлевскимъ воротамъ палача съ прислужниками, которые и были пропущены въ въ Кремль. Между тѣмъ мятежники уговорились между собою, чтобы тѣ изъ нихъ, которые были верхами, раздѣлившись, разъѣзжали по всѣмъ улицамъ вдоль и поперекъ, искали бѣглецовъ, и, если отыщутъ, притащили бы.

Палачъ, пробывъ едва съ четверть часа въ Кремлѣ, вышелъ оттуда и велъ съ собою Плещеева. Разсвирѣпѣвшій народъ, какъ только завидѣлъ послѣдняго, не могъ выждать, чтобы его довели прежде до мѣста казни, прочли приговоръ, и за тѣмъ казнили, но тутъ же, бросившись на него, вырвалъ изъ рукъ палача, забилъ Плещеева палками до смерти, разможивъ ему голову такъ, что она обратилась въ какую-то розмазню и мозгъ его разлетѣлся брызгами въ лица стоявшихъ кругомъ людей. Съ убитаго сорвали одежду и обнаженное тѣло потащили на площадь, волоча его по всѣмъ нечистотамъ и неистово крича: «Такъ слѣдуетъ угощать всѣхъ подобныхъ плутовъ и воровъ! Боже, даруй долголѣтнее здравіе Его Царскому Величеству!» Мертвое тѣло оставили потомъ въ грязи и нечистотахъ и топтали его ногами. Наконецъ, пришелъ одинъ монахъ, отрубилъ превращенную въ мякоть голову отъ туловища и сказалъ: «Это за то, что онъ меня безвинно приказалъ однажды наказать палками.» Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, какъ показываетъ Никита, хотѣлъ найти свое спасеніе въ бѣгствѣ, но замѣченный извощиками и ямщиками (Jamtziken), которые заградили ему дорогу, бѣжавъ назадъ успѣлъ уйти отъ нихъ, къ великому счастію своему, и тайнымъ ходомъ снова пробрался въ Кремль, такъ что ни кто изъ преслѣдовавшихъ не замѣтилъ этого. Между тѣмъ, чтобы показать народу, что Его Царское Величество крѣпко озабочивается преслѣдованіемъ бѣглецовъ, послалъ онъ Князя Семена Пожарскаго (Simon Posarski), вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ мятежниковъ, отыскать Петра Тихоновича, котораго посланные и поймали близъ Троицкаго монастыря, въ 12-ти миляхъ отъ Москвы, и 8-го Іюля привезли его обратно, въ Москву, но не въ Кремль, а на Земскій Дворъ. Какъ

только Его Царское Величество узналъ о поимкѣ Тихоновича, то приказалъ, чтобы палачъ, въ продолженіи часа водилъ его по торгу, съ деревянною колодкою на шеѣ, и за тѣмъ отрубилъ ему топоромъ голову. Этою мѣрою вторично охлаждено было до нѣкоторой степени разгоряченное настроеніе народа; онъ благодарилъ Его Царское Величество за справедливый судъ, желалъ ему долгой жизни и просилъ, чтобы и съ Морозовымъ было поступлено такимъ же образомъ. Зная же, что Морозова видѣли извощики, отъ которыхъ онъ ускользнулъ и куда бѣжалъ не извѣстно, мятежники не могли уже такъ твердо настаивать на скоромъ исполненіи ихъ требованія, а просили только, чтобы, какъ только онъ будетъ отысканъ, то и по отношенію къ нему они получили удовлетвореніе, которое было имъ обѣщано. Этѣмъ на первый разъ нѣсколько позатихло народное волненіе и успокоилось. Случилось это не за долго передъ обѣдомъ. Вскорѣ послѣ обѣденнаго часа, на Дмитровкѣ (Mitroſski), Тверской (Twerski) и въ другихъ разныхъ мѣстахъ показались большіе пожары. Неистовствовавшая чернь бросилась на нихъ, больше, впрочемъ, для воровства, нежели для противодѣйствія огню. Это былъ страшный пожаръ, который истребилъ все, что было внутри бѣлой стѣны, до рѣки Неглинной, перешелъ черезъ Неглинной мостъ и проникъ за красную стѣну къ большому и самому главному Кружечному двору или кабаку (Kaback) Великаго Князя, въ которомъ продавалось вино, отъ чего весь городъ и даже самый Кремль находились въ величайшей опасности. Не было ни единаго человѣка, который бы желалъ, или даже могъ спасти что нибудь отъ пламени, по тому что отъ вина, добытаго ими изъ погреба во время пожара, всѣ перепились и помутились въ умѣ. Бочки съ водкою были слишкомъ велики для того, чтобы ихъ на скоро можно было вытащить изъ погреба; по этому въ нихъ выбивали дно, черпали изъ нихъ водку шляпами, шапками, сапогами и руковицами, и напивались такимъ образомъ до того, что всѣ улицы завалены были сплошь чернымъ слоемъ пьяныхъ, и многіе изъ нихъ въ этомъ безсознательномъ своемъ состояніи задохнулись отъ жару и дыму и сгорѣли на мѣстѣ.

Часовъ въ 11 вечера пришли на пожаръ нѣсколько Нѣмцевъ и съ великимъ ужасомъ смотрѣли, съ какою силою пламя

охватило Великокняжескій винный домъ; стоя сдѣсь, они замѣтили, что къ мѣсту пожара приближался какой-то монахъ, одѣтый весь въ черное, который кряхтѣлъ и стоналъ, какъ человѣкъ, который тащитъ за собою какую-то тяжелую ношу, и когда монахъ этотъ подошелъ уже близко къ пожару, то громко кричалъ, чтобъ ему пособили, говоря: «Сильный пожаръ этотъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока тѣло безбожнаго Плещеева (монахъ тащилъ это тѣло) не будетъ брошено въ огонь, и не сгоритъ тамъ.» Когда же ни кто изъ бывшихъ подлѣ не хотѣлъ помочь монаху, то онъ началъ крѣпко браниться и проклинать всѣхъ. На эту брань сбѣжалось нѣсколько взрослыхъ парней, которые пособили монаху, потащили трупъ и бросили его въ огонь. И что же? Только что трупъ началъ горѣть со всѣхъ сторонъ, какъ огонь уменьшился, и самъ собою, въ глазахъ и къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, началъ тухнуть, и наконецъ потухъ совершенно.

Нѣсколько дней спустя Его Царское Величество приказалъ въ волю угостить виномъ и медомъ стрѣльцовъ, которые держали его дворскую стражу. Подобно ему, и тесть Великаго Князя, Илья Данiловичъ Милославскій, началъ дружески и кротко обращаться съ важнѣйшими изъ гражданъ, ежедневно приглашалъ по нѣскольку человѣкъ изъ цеховъ, по очереди, къ своему двору, любовно принималъ ихъ и всячески старался пріобрѣсть доброе къ себѣ расположеніе главнѣйшихъ изъ нихъ. Патріархъ также приказалъ Попамъ и Священникамъ (?), чтобы и они, съ своей стороны, прилагали стараніе усмирить все еще гнѣвное настроеніе народа. Его Царское Величество замѣстилъ негодныхъ Чиновниковъ и мѣста ихъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ.

Когда теперь стало видно, что описанная, въ высшей степени, страшная гроза и буря достаточно поутихла, и можно было думать, что все приведено уже въ мирное и лучшее положеніе, Его Царское Величество приказалъ, въ одинъ изъ дней торжественнаго шествія своего, созвать народъ на извѣстное мѣсто внѣ Кремля, куда и вышелъ къ народу, въ сопровожденіи Боярина Никиты Ивановича Романова. Его Царское Величество об-

ратился сдѣсь къ народу съ рѣчью, въ которой прежде всего сказалъ, что «ему въ высшей степени прискорбно, какъ жестоко поступали и обращались съ народомъ, невѣдомо для Его Царскаго Величества, безбожные Плещеевъ и Тихоновичъ, которые за то получили уже вполнѣ заслуженное ими возмездіе, и на мѣста ихъ назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ править народомъ съ кротостію и справедливостію, будутъ блюсти пользу и благо народное, о чемъ и самъ онъ, Его Царское Величество, будетъ отнынѣ имѣть бдительное смотрѣніе. Увеличенная пошлина на соль, продолжалъ Царь, вмѣстѣ съ этѣмъ будетъ отмѣнена; выданныя до сего милостивыя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности, онъ, Его Царское Величество, желаетъ теперь расширить и умножить и во всемъ поступать впредь, какъ отецъ подданныхъ своей страны, съ Царскимъ милосердіемъ». Въ отвѣтъ на это народъ низко кланялся Его Царскому Величеству, благодарилъ его и желалъ долголѣтней жизни. За тѣмъ Царь продолжалъ: «Что же касается до Боярина Бориса Ивановича Морозова, котораго онъ также обѣщалъ выдать имъ, то хотя онъ и не можетъ, конечно, во всемъ оправдать его, но точно также не находитъ его и виновнымъ во всемъ. При этомъ Его Царское Величество желалъ быть увѣреннымъ, что, такъ какъ онъ никогда еще ни о чемъ особенномъ не просилъ своихъ подданныхъ, они уважутъ эту первую его къ нимъ просьбу, и на этотъ разъ простятъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ имъ не добраго; онъ, же Царь, ручается, что отнынѣ Морозовъ, напротивъ, будетъ оказывать имъ всю свою любовь, вѣрность и доброе расположеніе. Если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не занималъ болѣе мѣста Государственнаго Совѣтника, то онъ, Царь, отставитъ его отъ этой должности, но только чтобы онъ, Царь, не выдавалъ народу головою его, своего втораго отца, воспитавшаго и возрастившаго его. Его сердце не можетъ вынести этого, и по тому онъ хочетъ думать, что народъ не потребуетъ отъ него такой жертвы, какъ прежде.» Когда при этомъ слезы, какъ свѣдѣтельство великой любви къ Морозову, выступили на глазахъ Его Царскаго Величества и прервали рѣчь его, весь народъ преклонилъ головы и громко закричалъ: «Боже, сохрани Его Царское

Величество въ добромъ здравіи, на многія лѣта! Какъ угодно Богу и Его Царскому Величеству, такъ и да будетъ!» При такомъ заявленіи народа Его Царское Величество также сердечно возрадовался, какъ прежде сердечно скорбѣлъ, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ поблагодарилъ народъ за такое рѣшеніе и увѣщевалъ его успокоиться и быть послушнымъ, увѣряя его при томъ, что самъ онъ всегда и безъ отмѣны будетъ исполнять все то, что теперь обѣщалъ народу. За тѣмъ Его Царское Величество, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ людей, бывшихъ при его шествіи, мирно возвратился въ Кремль.

Спустя нѣсколько времени послѣ того Его Царское Величество ѣздилъ въ Троицкій монастырь, а съ нимъ и Морозовъ, который милостиво и низкими поклонами на обѣ стороны, ѣхавши верхомъ, здоровался съ народомъ. Съ той поры всякій, подавшій письменную просьбу Его Царскому Величеству чрезъ Морозова, которому по прежнему велѣли принимать прошенія, никогда не получалъ отказа. И въ настоящее время, какъ мнѣ извѣстно за вѣрное, Морозовъ продолжаетъ быть истиннымъ покровителемъ и благодѣтелемъ народа, какъ Нѣмцевъ, такъ и Русскихъ

Такой-то великой опасности подвергалось тогда благосостояніе молодаго Государя и его подданныхъ, когда слишкомъ ослаблены были бразды для неправедныхъ, и своекорыстныхъ управителей. И таковы-то становятся Русскіе, при ихъ рабствѣ, если притѣсненія ихъ дѣлаются уже невыносимыми, какъ это выше описано.

Я хочу упомянуть сдѣсь, какъ обѣщалъ выше, еще объ одномъ возмущеніи, вспыхнувшемъ именно во Псковѣ. Въ немъ также увидимъ и своекорыстныхъ чиновниковъ и приведенный ими въ озлобленіе народъ.

ГЛАВА XVII.

О возмущеніи, бывшемъ во Псковѣ.

Въ 1649-мъ году Его Царское Величество отправилъ къ Ея Величеству, Королевѣ Шведской, Христинѣ, почетное Посольство, главою котораго былъ Окольничій (Okolnitza) Борисъ Ивановичъ Пушкинъ (Puskin), Между прочими важными порученіями: Посольство это должно было покончить великое несогласіе, возникшее по поводу перебѣжавшихъ за границы съ обѣихъ сторонъ подданныхъ, разобрать взаимныя тяжбы и очистить недоимки въ платежахъ, по которымъ, впродолженіи 32 лѣтъ, не было ни какого вѣрнаго разсчета. Дѣло это рѣшено было тѣмъ, чтобы тѣ изъ перебѣжчиковъ, которые ушли за сосѣднюю границу въ первыя 30 лѣтъ, такъ какъ большая часть ихъ перемерли, а остальные разбрелись, оставались съ обѣихъ сторонъ на своихъ мѣстахъ безъ дальнѣйшаго преслѣдованія; перебѣжавшіе же въ послѣдніе два года должны быть выданы съ той и другой стороны по принадлежности. А такъ какъ на Русской сторонѣ оказалось гораздо болѣе Шведовъ, чѣмъ Русскихъ на Шведской сторонѣ, то и было соглашено, чтобы Его Царское Величество уплатилъ за то 190,000 рублей, т. е., 380,000 рейхсталеровъ, частію чистыми деньгами, а частію хлѣбомъ, и уплата эта должна была послѣдовать ближайшею весною 1650-го года, для чего къ этому времени прибылъ въ Москву Коммисаръ Шведской Королевы, Господинъ Іоаннъ де Родесъ (Johan de Rodes), который и получилъ чистыхъ денегъ, копѣйками и червонцами, 150,000 рублей. На остальное же количество именно: на 40,000 рублей, слѣдовало поставить хлѣба. На этотъ конецъ данъ былъ одному Русскому купцу въ Псковѣ, по имени Ѳедору Емельянову (Fedor Amilianou), приказъ Его Царскаго Величества закупить на сказанное количество денегъ хлѣба. Купецъ же этотъ, какъ грубый и своекорыстный человѣкъ, не ограничился предѣлами даннаго ему порученія, какъ бы слѣдовало, но пошелъ далѣе, не позволяя никому изъ города покупать и четверика (Zetwerik) или одного шефеля [1] хлѣба иначе, какъ у него, и то по

---

[1] Мѣра хлѣба.

дружбѣ и за довольно дорогую цѣну, говоря, что весь хлѣбъ долженъ быть отосланъ въ Швецію, для уплаты долга Его Царскаго Величества Шведской Королевѣ. Это сдѣлало ненавистнымъ имя Шведовъ между Псковскими горожанами; они начали свои частыя сборища въ кабакахъ, обвиняли бывшаго Посланника Пушкина въ измѣнѣ, что онъ разщедрился не въ мѣру на такія громадныя деньги и обѣщалъ ихъ Шведской Королевѣ. Нашлись и такіе, которые хотѣли заподозрить въ измѣнѣ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и Морозова; ибо у нихъ не вышло еще изъ головы то, что два года тому назадъ случилось съ этѣмъ Бояриномъ въ Москвѣ. При этомъ они вообразили, что все это совершается безъ вѣдома и воли Его Царскаго Величества. Псковичи обо всемъ этомъ не замедлили сообщить въ Великій Новгородъ, и успѣли подстрекнуть въ возстаніи важнѣйшихъ изъ Новгородцевъ до того, что тамошній Воевода имѣлъ достаточно хлопотъ, чтобы удержать этѣхъ людей отъ недобраго ихъ намѣренія. Псковичи во всякомъ случаѣ порѣшили, что они остановятъ и задержатъ деньги на дорогѣ, когда повезутъ ихъ изъ Государства. Закупать же хлѣбъ для уплаты Шведамъ они также ни коимъ образомъ позволять не хотѣли, по тому что такая сдѣлка причинитъ непремѣнно тягостную для нихъ дороговизну хлѣба. Порѣшивъ такъ, они послали въ Москву, въ качествѣ уполномоченныхъ, 3-хъ человѣкъ: одного купца, одного Казака и одного стрѣльца, разузнать: вѣдомо ли Его Царскому Величеству обо всемъ происходящемъ по этому дѣлу? Между тѣмъ, въ принятомъ ими намѣреніи, Псковичи пошли въ домъ Емельянова, силою ворвались въ него, схватили жену его, такъ какъ самъ Емельяновъ скрылся, и пытали ее, чтобъ она объявила имъ, гдѣ лежатъ деньги мужа. При этомъ они похитили все и разграбили домъ, и, безъ сомнѣнія, не выпустили бы изъ своихъ рукъ Емельянова, если бъ поймали его. Воеводу, который хотѣлъ было дѣйствовать на нихъ своимъ вліяніемъ и предоставленной ему властью, они прогнали изъ города, потребовали въ городъ къ себѣ всѣхъ, живущихъ около Пскова, Дворянъ (Боярскихъ Дѣтей) и принудили ихъ клятвою стоять за одно съ ними. Когда сказанные три почетные Псковскіе уполномоченные, отправленные въ Москву, прибыли въ Новгородъ, черезъ который они должны были проѣзжать, то они приказали Новгородскаго Воеводу за-

ковать въ кандалы и въ такомъ видѣ послали его къ Великому Князю. Извѣстіе объ этомъ привезли въ Москву ускользнувшій отъ Псковитянъ Ѳедоръ Емельяновъ, и прогнанный Псковскій Воевода. За этѣмъ вскорѣ пришло въ Москву другое извѣстіе, что Псковичи отняли у одного знатнаго Шведскаго купца изъ Нарвы, по имени Левина Нумменса (Levin Nummens) нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, самаго купца избили, встряхивали на дыбѣ, за тѣмъ выставили его на, опрокинутые одинъ на другой, пивоваренные чаны, на позорище, издѣвались надъ нимъ и предали его всякаго рода поруганію. Въ слѣдствіе всѣхъ этѣхъ извѣстій Его Царское Величество немедленно послалъ въ Псковъ одного знатнаго Вельможу и одного Боярина, изслѣдовать дѣло и усмирить народъ; но Псковичи сначала не хотѣли было принимать этѣхъ Царскихъ посланныхъ, заперли городскія ворота и выслали для объясненій за городъ одного изъ среды себя, который былъ какъ бы одинъ изъ главныхъ. Наконецъ, они впустили въ городъ Воеводу и Боярина, но тотчасъ же Воеводу засадили въ темницу, а на Боярина, такъ какъ онъ началъ строго выговаривать имъ отъ имени Его Царскаго Величества, напали, страшно избили его, и когда онъ, спасаясь бѣгствомъ, хотѣлъ было укрыться отъ нихъ въ ближайшемъ монастырѣ, то они разломали двери, выволокли его и снова избили до того, что долгое время потомъ опасались за жизнь его.

Между тѣмъ, чтобы исполнить въ точности обязательство по условленному, вмѣсто хлѣба уплачено было чистыми деньгами 40,000 рублей, и Шведскій Коммисаръ съ этѣми деньгами препровожденъ былъ съ надежнымъ прикрытіемъ стрѣльцовъ за Русскую границу на Шведскую землю.

Бунтовщиковъ же Псковитянъ Его Царское Величество рѣшился строго наказать; онъ назначилъ Князя (Ивана) Никитича Хованскаго (Mikitowitz Gawenski) Начальникомъ войска, давши ему значительную конницу изъ Земскихъ Дворянъ и отправивъ его съ этой конницей на Псковъ. Къ нему должны были присоединиться два Полковника: Мунга Кормихель (Munga Kormichel) и Гамельтонъ (Hamelthon), стоявшіе при Онегѣ, у Шведскихъ границъ, съ 4000 пѣхоты. Этѣ послѣднія войска должны были сняться съ своихъ мѣстъ со

всевозможной тайной и ити на Псковъ. Когда Псковитяне увидали, что дѣло пошло не на шутку, то упали духомъ, и хотя сначала приготовились было къ оборонѣ, но вскорѣ за тѣмъ сдались на волю Его Царскаго Величества, повинились въ проступкѣ своемъ и просили о помилованіи. Зачинщики возмущенія частію казнены смертію, частію отправлены въ Сибирь. Такъ усмирено было и это опасное возмущеніе.

ГЛАВА XVIII.

О Боярахъ или Государственныхъ Совѣтникахъ, объ Окольничихъ и другихъ Чиновникахъ, сидящихъ въ Судѣ.

Въ настоящее время управленіе и судоустройство Русскихъ нѣсколько улучшено, и судъ и правосудіе соблюдаются уже теперь иначе, чѣмъ прежде. Но хотя Милославскій и Морозовъ полагаютъ много труда, и хотя Патріархъ, съ своей стороны, также вводитъ одно за другимъ разныя нововведенія къ лучшему, но все таки есть еще другіе Вельможи, которые въ Государственныхъ и частныхъ дѣлахъ продолжаютъ свое прежнее извѣстное управленіе, смотря по состоянію и должности, ими занимаемой.

Теперь при Дворѣ состоитъ обыкновенно 30 Бояръ или Государственныхъ Совѣтниковъ, иногда двумя болѣе, или менѣе. При Шуйскомъ было ихъ 70. За годъ назадъ, при началѣ войны подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ считалось 29 Бояръ, которыхъ имена были слѣдующія:

1. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.
2. Бояринъ (Борисъ) Никита Ивановичъ Романовъ.
3. Бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ.
4. Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.
5. Князь Никита Ивановичъ Одоевскій (Odoouski).
6. Князь Яковъ Куденетовичъ (Kudenietewitz) Черкаскій.
7. Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.
8. Бояринъ Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ.

9. Бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ (Tzeremetou).
10. Князь Борисъ Александровичъ Репнинъ (Reppenim).
11. Бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ.
12. Бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (Streesnou).
13. Князь Василій Семеновичъ Прозоровскій.
14. Князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.
15. Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
16. Князь Юрій Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій.
17. Бояринъ Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
18. Бояринъ Григорій Васильевичъ Пушкинъ.
19. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волхонскій.
20. Бояринъ Лаврентій Дементьевичъ Салтыковъ.
21. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.
22. Бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій.
23. Бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ.
24. Князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.
25. Князь Иванъ Петровичъ Пронскій.
26. Князь Иванъ Никитичъ Хованскій.
27. Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ (Chworostiny).
28. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ.
29. Бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ (Susin)

За симъ слѣдуютъ Окольничіе, изъ которыхъ выбираются Бояре:

1. Окольничій Князь Андрей Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій.
2. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Хилковъ.
3. Никифоръ Сергѣевичъ Сабакинъ (Zabackin).
4. Князь Дмитрій Петровичъ Львовъ (Lewou).
5. Князь Василій Петровичъ Львовъ.
6. Князь Семенъ Петровичъ Львовъ.
7. Князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій.
8. Князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій.
9. Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ.
10. Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій.
11. Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.
12. Петръ Петровичъ Головинъ.

13. Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій.
14. Князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
15. Князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукой.
16. Князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукой.
17. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.
18. Иванъ Ѳедоровичъ Большой Стрѣшневъ.
19. Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ (Artischou).
20. Прокофій Ѳедоровичъ Соковнинъ (Sockounin).
21. Князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.
22. Алексѣй Дмитріевичъ Кольцовъ (Collitziou).
23. Василій Александровичъ Чоглоковъ (Zioglockou).
24. Иванъ Васильевичь Алферьевъ.

За сими слѣдуетъ шесть Думныхъ Дворянъ, которыхъ Русскіе называютъ Дѣтьми Боярскими, т. е., сыны Бояръ; это ихъ Придворные Дворяне (Hoff-Junckern), а именно:

1. Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреновъ.
2. Ѳедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.
3. Богданъ Ѳедоровичъ Нарбековъ.
4. Жданъ (Sdan) Васильевичъ Кондыревъ.
5. Василій Ѳедоровичъ Яновъ.
6. Аѳанасій Осиповичъ Прончищевъ (Prontzissou).

Думныхъ Дьяковъ ихъ три:

1. Алмазъ Ивановичъ.
2. Семенъ Ивановичъ Заборовскій.
3. Ларіонъ Дмитріевичъ Прончищевъ.

Это имена лицъ, которыя и въ настоящее время суть важнѣйшія при Царскомъ Дворѣ. Ими-то управляются и производятся всѣ Придворныя, Государственныя и частныя дѣла, въ высшихъ и низшихъ, тайныхъ и обыкновенныхъ, Присутственныхъ Мѣстахъ и Приказахъ.

Порядокъ, соблюдаемый ими при Дворѣ, смотря по ихъ должностямъ и достоинствамъ, таковъ, что прежде самымъ выс-

шимъ мѣстомъ, послѣ Его Царскаго Величества, считается должность Государственнаго Конюшаго (Sudarstvenoi Coinische) (Reichsstallmeister). Послѣ Великаго Князя Шуйскаго мѣсто это и до сихъ поръ остается незанятымъ.

Ближайшая за тѣмъ слѣдуетъ должность Дворецкаго (Duoretskoy) (Hoffmeister), которая теперь есть самая высшая. Дворецкій управляетъ всѣмъ, что касается до содержанія Двора и Придворныхъ Чиновъ, въ особенности же завѣдуетъ тѣмъ, что относится до Царскаго стола. Третье мѣсто занимаетъ Оружничій (Orusnitschei) или управляющій Оружейною Палатой, который завѣдуетъ всѣми Императорскими орудіями, а также лошадьми, убранствомъ и всѣми вещами для украшеній и парядовъ. За этѣмъ уже слѣдуютъ: Бояре, Окольничьи (Ocolnitzen), Думные Дьяки (Dumeni Diaki) или Государственные Канцлеры; Постельничій (Postelnitzei), Комнатный (Comnutnoy), Ключникъ (Klütziom) или Царскій Ключарь, Кравчій (Crafftzei) и Чашникъ; Стольники (Stoilniki) (Дворяне, прислуживающіе при столѣ Великаго Князя), Стрянчіе (Straerzi), Рейтары или конные Дворскіе Дворяне, которые во всякую пору сопровождаютъ Его Царское Величество во время его выѣздовъ. Дворяне (Dvoraini), обыкновенные конники дворскіе (Hoff-Junckern); Жильцы (Silzi), отроки изъ Дворянъ (Edelknaben); Дьяки, Секретари въ Приказахъ, которыхъ Русскіе обыкновенно зовутъ Подканцлерами (Unter-Cancelers), и Поддьячіе (Poddiotzei), Писаря въ Приказахъ (Pricasen) или Канцеллярiяхъ.

Большая часть Государственныхъ Совѣтниковъ и другихъ Придворныхъ чиновъ состоитъ изъ Князей и богатыхъ Вельможъ, которые хотя и имѣютъ собственныя свои богатыя имѣнія и крестьянъ, но лично завѣдывать ими не смѣютъ, а поручаютъ это управленіе своимъ дворецкимъ, должностнымъ разнымъ людямъ или старшинамъ. Сами же они должны жить постоянно въ Москвѣ, ежедневно являться ко Двору, и если тамъ нѣтъ у нихъ ни какого особаго дѣла, то являются только для того, чтобы бить челомъ Его Царскому Величеству. Заставляютъ ихъ жить въ Москвѣ для того, чтобы, находясь въ своихъ помѣстьяхъ съ своими подданными, они не вздумали какой ни будь заговоръ противъ Его Царскаго Величества.

Вельможи эті живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ (разныхъ прислужниковъ), на улицахъ показываются всегда съ пышностію, одѣтые въ весьма дорогія одежды и въ сопровожденіи множества слугъ и крѣпостныхъ людей, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и саней. Выѣзжая верхомъ, они прикрѣпляютъ къ сѣдельной шишкѣ небольшую, нѣсколько болѣе чѣмъ въ четверть локтя, литавру (барабанъ), въ которую и барабанятъ кнутовищемъ своего кнута, когда нужно разогнать съ дороги народъ, который толпится по улицамъ, особенно на площади и передъ Кремлемъ.

Князья же, которые живутъ въ селахъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ такого достатка, чтобы жить въ Москвѣ прилично своему званію, довольствуются тамъ весьма плохимъ содержаніемъ, такъ что часто, не зная ихъ лично, не отличишь ихъ отъ крестьянъ. Такъ случилось однажды съ нами, когда мы, во время перваго нашего путешествія въ Россіи, пріѣхали въ с. Пудево (Pudewa), и нашъ переводчикъ, справляясь объ одномъ Князѣ, живущемъ въ этомъ селѣ, обратился съ вопросомъ объ этомъ именно къ самому тому Князю, который выглядывалъ въ это время изъ одной курной избы черезъ оконное отверстіе, ни какъ не полагая, чтобы Князь и крестьянинъ одинаково могли глядѣть черезъ такое отверстіе. Когда же Князь далъ замѣтить, что ему обидна такая ошибка, то переводчикъ нашъ тутъ же попросилъ у него извиненія въ томъ, что принялъ Князя за крестьянина.

Русскіе Князья происходятъ всѣ отъ Великаго Князя Владимира (Volodimer), о чемъ подробнѣе можно прочесть у Кромера, въ его Исторіи о Польскихъ дѣлахъ (Cromerus in 2 tomo Polonicarum rerum l. 3, p. 439).

Помянутые выше Бояре и Государственные Совѣтники, если имѣютъ надобность обсудить какія ни будь Государственныя, или иныя важныя, дѣла, собираются на свои сходки и собранія послѣ полуночи; такъ, они отправляются въ Кремль въ часъ, или въ два, ночи, и возвращаются оттуда въ 9, или 10, часовъ утра.

Ни какое рѣшеніе, постановленіе, приказъ, договоръ, или опредѣленія, и проч., издаваемыя отъ имени Его Царскаго Вели-

чества, самъ Великій Князь не подписываетъ (какъ выше объ этомъ сказано), а подписываются всѣ этѣ грамоты Боярами и Государственными Канцлерами (Думными Дьяками), и за тѣмъ скрѣпляются Царскою печатью. Если же Великій Князь заключаетъ съ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ Государей миръ, или договоръ, и долженъ дать собственное завѣреніе въ крѣпости его, то дѣлается это произнесеніемъ клятвы и крестнымъ цѣлованіемъ.

ГЛАВА XIX.

О Приказахъ въ Москвѣ и о дѣлахъ, въ нихъ совершаемыхъ.

Государственные Совѣтники или Бояре занимаются не только при Дворѣ Государственными дѣлами, но и въ Канцеляріяхъ частными или гражданскими дѣлами и судомъ, и такихъ Канцелярій, которыя Русскіе называютъ Приказами, въ Москвѣ считается 33. Я приведу ихъ сдѣсь по порядку, съ обозначеніемъ и тѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ ими въ настоящее время.

1. **Посольскій Приказъ** (Posolskoy Pricas), въ которомъ разсматриваются Государственныя дѣла, дѣла всѣхъ Посольствъ и сношеній, а также и дѣла Нѣмецкихъ торговыхъ людей. Думный Дьякъ или Канцлеръ этого Приказа въ настоящее время Алмазъ Ивановичъ.

2. **Разрядный** (Roseradni) **Приказъ**, въ которомъ ведутся списки всѣхъ Бояръ, Вельможъ и Дворянъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и родовъ; въ немъ также ведутся счеты всѣхъ выгодъ, или потерь Государства въ военное время. Правитель этого Приказа теперь Думный Дворянинъ и Дьякъ Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреновъ.

3. **Помѣстный** (Pomiestnoi) **Приказъ**, въ которомъ ведутся списки всѣмъ наслѣдственнымъ помѣстьямъ и имѣніямъ, рѣшаются тяжбы, возникающія по этѣмъ имѣніямъ, и взимается Царская

пошлина при продажѣ оныхъ. Управляющій этого Приказа Ѳедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.

4. Казанскій (Kasanskoi) и 5. Сибирскій (Sibirskoi) Приказы, въ которомъ ведутся и управляются дѣла обоихъ этѣхъ Царствъ, Казанскаго и Сибирскаго, и принадлежащихъ къ нимъ земель. Въ нихъ вѣдается также приходъ и отпускъ соболямъ и другимъ мѣхамъ. Управляющій этѣми Приказами теперь Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

6 Дворцовый (Duorzovoi) Приказъ, вѣдающій всѣ дѣла, до Двора и его содержанія относящіяся. Управляющій сдѣсь Боринъ Васильевичъ [1] Бутурлинъ.

7. Иноземскій (Inasemskoi) Приказъ, завѣдывающій всѣми Военноначальниками и Полковниками изъ иностранцевъ и дающій этѣмъ лицамъ разные приказы въ мирное время. Приказомъ этѣмъ управляетъ Илья Даниловичъ Милославскій, тесть Царя.

8. Рейтарскій (Reitarskoi) Приказъ, въ которомъ сосредочиваются дѣла о всѣхъ туземныхъ рейтарахъ (конникахъ). Отсюда всѣ рейтары получаютъ предписанія и жалованье, въ мирное время, а именно: простые рейтары (въ которые берутся всѣ бѣдные Дворяне, имѣющіе, впрочемъ, свои помѣстья) получаютъ каждый по 30 рублей или по 60 рейхсталеровъ въ годъ. Приказомъ этѣмъ управляетъ также Илья.

4. Большой (Boschoi) Приходъ (Prichod), куда всѣ сборщики пошлинъ (мытники) со всей Россіи ежегодно представляютъ свои счеты и отчеты. Приказъ этотъ имѣетъ надзоръ за хлѣбомъ, чтобы онъ продавался вѣрнымъ вѣсомъ и по цѣнѣ, сообразной со стоимостію пшеницы и ржи. Сдѣсь также сосредоточенъ надзоръ за винными погребами, въ которыхъ продаются всякаго рода иностранныя вина, чтобы вина этѣ также продава-

[1] Василій Васильевичъ. Перев.

лись по вѣрной мѣрѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ. Изъ этого же Приказа всѣ иностранцы, служащіе при Дворѣ, или въ военной службѣ Его Царскаго Величества, получаютъ свое мѣсячное и годовое жалованье; послѣднее выплачивается имъ всегда точно и вполнѣ передъ праздникомъ Рождества Христова. Приказомъ этѣмъ управляетъ Бояринъ Князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.

10. Судной Володимирскій (Sudnoi Wolodimirskoi) Приказъ, которому подсудны всѣ Бояре и знатные Вельможи Московскіе; всякій, имѣющій какую жалобу на этѣ лица по частнымъ дѣламъ, долженъ обратиться въ этотъ Приказъ, въ которомъ разбирается жалоба и объявляется рѣшеніе по ней. Управляетъ этѣмъ Приказомъ Бояринъ Князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.

11. Судной Московскій (Sudnoi Moscauskoi) Приказъ, въ которомъ имѣютъ свой судъ и расправу Стольники, Стрянчіе, Дворяне и Жильцы, столовые Дворяне, выѣздные (выѣзжающіе всюду при Великомъ Князѣ), простые Дворскіе Дворяне (Гофъ-Юнкеры) и Дворяне отроки. Судьею въ этомъ Приказѣ тотъ же Бояринъ Куракинъ

12. Разбойный (Rosboinoy) Приказъ, въ которомъ вѣдаются всѣ уличные грабежи, убійства, воровство и насилія, какъ въ городѣ, такъ и въ Уѣздахъ случившіяся; сдѣсь дѣла этѣ разслѣдываются, дѣлаются пытки и, по свойству преступленій, объявляется приговоръ. Главнѣйшимъ Начальникомъ этого Приказа Бояринъ Князь Борисъ Александровичъ Репнинъ.

13. Пушкарскій (Puskarskoy) Приказъ, завѣдывающій всѣми мастеровыми, которые льютъ пушки, колокола и изготовляютъ всѣ другія воинскія вооруженія. Сдѣсь не только имѣютъ свой судъ и расправу, но и получаютъ свое жалованье всѣ литейщики, кузнецы, шпажники, констапели (полицейскіе чины), мушкетные, ружейные и пистолетные мастера и работники. Сдѣсь, вмѣсто прежняго нечестиваго Петра Тихоновича, управляетъ теперь Бояринъ Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

14. Ямской (Jamskoi) Приказъ, гдѣ вѣдаются всѣ Царскіе гонцы (почтари), подводчики или извощики, называемые ямщи-

ками, которые всѣ получаютъ сдѣсь извѣстную за гоньбу плату; сдѣсь же, ѣдущіе по дѣламъ Его Царскаго Величества, получаютъ, на основаніи росписанія, и сообразно съ своими подорожными (пропускными грамотами), подорожныя деньги. Главный Начальникъ сдѣсь Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій.

15. Челобитный (Tziolobitnoi) Приказъ, въ который подаются жалобы на всѣхъ Дьяковъ, Секретарей, Писарей, Старостъ и привратниковъ приказныхъ и въ которомъ производится судъ надъ этѣми лицами. Управляющимъ сдѣсь Окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

16. Земской Дворъ (Zemskoy Duor) или Земскій Приказъ, въ который всѣ граждане и простой народъ города Москвы могутъ подавать другъ на друга жалобы во всякаго рода несправедливыхъ дѣлахъ. Кромѣ того: всѣ дома и участки, покупаемые и продаваемые въ Москвѣ, по распоряженію этого Приказа, измѣряются, облагаются пошлиной и вносятся въ извѣстный списокъ. Сдѣсь же распредѣляется ежегодная пошлина съ обывательскихъ домовъ, мостовыя, заставныя деньги, сборъ на содержаніе городскаго вала, и всѣ этѣ сборы вносятся и уплачиваются въ этомъ же Приказѣ. Главный Начальникъ сдѣсь Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

17. Холопій (Choloppoi) Приказъ, гдѣ, для желающихъ отдать себя кому либо въ крѣпость, составляются извѣстныя записи, называемыя у Русскихъ кабалами (Kaballen). Управляющій этого Приказа Степанъ Ивановичъ Исленевъ.

18. Большой Казны (Bolschi Kasni) Приказъ, въ которомъ хранятся золотыя и серебряныя парчи, бархаты, шелковыя, шерстяныя и всякаго рода матеріи, необходимыя для Придворныхъ Чиновъ и на подарки вновь поступающимъ на службу къ Его Царскому Величеству, а также и на награды служащимъ уже у него Чинамъ.

Подъ этѣмъ Приказомъ, который лежитъ въ Кремлѣ и по Нѣмецки называется еще великою Царскою сокровищницею

(Schatzhoff), находится множество глубокихъ и большихъ погребовъ и каменныхъ со сводами подваловъ, въ которыхъ складываются и хранятся вся Государственная казна, всѣ доходы съ городовъ, всѣ пошлины и всѣ деньги, ежегодно остающіяся въ Приказахъ. Все это состоитъ подъ управленіемъ и надзоромъ Царскаго тестя, Ильи Даниловича Милославскаго.

19. Казенный (Casannoi) Приказъ, въ которомъ судятся всѣ гости и важнѣйшіе купцы и торговые люди Русскіе. Главный Управляющій сдѣсь тотъ же Илья.

20. Монастырскій (Monasterski) Приказъ, въ которомъ вѣдаются монахи, Попы и прочіе Духовныя лица по ихъ Духовнымъ дѣламъ, и разбираются тяжбы ихъ и по мірскимъ дѣламъ. Сдѣсь управляетъ Окольничій Князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ.

21. Каменный (Camenoi) Приказъ—Канцелярія каменьщиковъ, плотниковъ и прочихъ рабочихъ по постройкамъ, гдѣ они имѣютъ свой судъ, отыскиваютъ свою плату за работы и получаютъ оную. При этомъ Приказѣ огромный дворъ, на которомъ сложены громадные запасы матеріяловъ, потребныхъ для всякаго рода Царскихъ построекъ: лѣсу, камня, извести, желѣза и проч. и проч. Начальникъ и Надзиратель за всѣмъ этѣмъ сдѣсь Дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжскій (Sagraiskoi).

22. Новгородская Четверть (Novogorodkoi Zetwert), въ которую поступаютъ всѣ доходы изъ Великаго Новгорода и Нижняго Новгорода и гдѣ ведутся счеты этѣмъ доходамъ. Сдѣсь разсматриваются также и разрѣшаются нѣкоторыя неудовольствія, возникающія въ сказанныхъ двухъ городахъ, а иногда и тяжбы между ихъ гражданами. Хотя на Воеводскій Судъ ни какихъ жалобъ и перенесеній оныхъ изъ областей ко Двору не допускается (какъ сказано объ этомъ выше), но правило это обходятъ иногда слѣдующимъ образомъ: если имѣющій дѣло въ Воеводской Канцеляріи, въ области, видитъ, что оно ведется тамъ такъ, что не получитъ желаемаго для него исхода, то онъ не доводитъ его до того, чтобы по немъ составился уже въ этой Канцеляріи приго-

воръ, и отправляется съ своимъ дѣломъ въ Москву, въ подлежащій Приказъ. Управляющимъ Приказомъ Новгородская Четверть назначенъ теперь Думный Дьякъ или Государственный Канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

23. Галицко-Володимирскій (Gallitzko-Volodimirski) Приказъ, въ которомъ ведется счетъ всѣмъ приходамъ изъ областей Галицкой и Володимирской, и обсуждаются дѣла по продовольствію и другимъ нуждамъ ихъ жителей. Управляющимъ сдѣсь Окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

24. Новая Четверть (Nova Zetwert), въ которой всѣ кабаки, питейные дома или корчмы изъ всѣхъ областей вносятъ свои деньги и представляютъ свои отчеты, и изъ котораго всѣ кружечные дворы или питейные дома снабжаютъ виномъ и другими напитками, по израсходованіи оныхъ. Если кто изъ Русскихъ будетъ пойманъ въ тайной продажѣ вина, или табаку, тотъ обвиняется и подвергается наказанію въ этомъ же Приказѣ. Ибо, какъ сказано уже выше, Русскимъ вообще запрещено, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, продавать табакъ и крѣпкіе напитки, и если кто, въ противность этому запрещенію, дозволитъ себѣ эту продажу и будетъ уличенъ въ ней, тотъ, смотря по положенію виновнаго, подвергается, или значительной денежной пени, или же тѣлесному наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь. Нѣмцамъ же предоставляется полная свобода курить табакъ и продавать его между собою. Въ этомъ Приказѣ управляетъ Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

25. Костромской (Castromskoi) Приказъ, въ которомъ вѣдаются и хранятся всѣ приходы и судебныя дѣла Костромы (Castrom), Ярославля (Jareslau) и другихъ прилежащихъ къ нимъ мѣстъ. Управляетъ этимъ Приказомъ Боярин и Главный Начальникъ Артиллеріи (Ober-Zeugmeister) Григорій Гавриловичъ Пушкинъ.

26. Устюжскій (Ustogskoi) Приказъ, вѣдающій приходами и Судными дѣлами Устюга (Ustoga) и Холмогоръ (Colmogorod). Управляетъ имъ Окольничій Князь Дмитрій Васильевичъ Львовъ.

27. Золотой Алмазный (Solotoya Almasnoy) Приказъ, въ который доставляются изготовляемыя Нѣмецкими золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами всѣ драгоцѣнныя вещи, отдѣланныя драгоцѣнными каменьями, всѣ клейноды, золотыя и серебряныя подѣлки, и въ которомъ сказанные мастера получаютъ заработную плату и имѣютъ свой Судъ. Начальникомъ сдѣсь тотъ же Григорій Пушкинъ, что и въ Костромскомъ Приказѣ.

28. Ружейный (Оружейный) (Rusjannoi) Приказъ, гдѣ хранятся всѣ Царскія вооруженія и военныя оружія, а также и всякаго рода украшенія, употребляемыя при выходахъ и торжественныхъ обрядахъ Царскихъ. Сдѣсь же находится Цейхгаузъ или Оружейная Палата. Въ Приказѣ этомъ судятся также всѣ тѣ, которые надзираютъ за хранящимися въ немъ предметами. Главное Управленіе имъ поручено тому же Пушкину.

29. Аптекарскій (Apotekarskoi) Приказъ, въ которомъ находится и Царская Аптека; сюда ежедневно должны являться придворные Медики, цирюльники, аптекари, помощники ихъ (дистиляторы) и всѣ тѣ, которые обращаются въ подобнаго рода дѣлахъ и спрашивать, нѣтъ ли имъ какого дѣла по ихъ занятію? При этомъ они обязаны всякій разъ бить челомъ Управляющему этѣмъ Приказомъ, Ильѣ Даниловичу Милославскому.

30. Таможенный (Tamosini) Приказъ, есть собственно Таможня (Zollhaus); въ немъ присутствуетъ одинъ изъ гостей съ нѣсколькими товарищами, для взиманія пошлинъ со всѣхъ товаровъ. По прошествіи года гость этотъ представляетъ отчеты въ другой Приказъ, называемый Большой Приходъ (Bolschoi Prichod), и за тѣмъ, на мѣсто этого гостя, назначается другой гость.

31. Сбора десятой деньги Приказъ (Sboru Dezatti Dengi Pricas), въ которомъ принимаются (добровольныя) приношенія десятой деньги (пфенниговъ) на военныя издержки. Въ настоящее время завѣдуютъ этѣмъ Приказомъ: Боярин Князь Михайлъ Петровичъ Пронскій и Окольничій Иванъ Васильевичъ Алферовъ.

32. Сыскной (Siskuoi) Приказъ, вѣдомству и рѣшенію котораго подлежатъ всѣ необычайныя, новыя еще, дѣла, которыя по этому не могутъ быть разсматриваемы ни въ какомъ другомъ Приказѣ. Управляетъ этѣмъ Приказомъ Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

До сихъ поръ мы говорили здѣсь о Приказахъ или Канцеляріяхъ Его Царскаго Величества, о вѣдомствѣ ихъ и о томъ, кто управляетъ ими. Кромѣ сихъ, Патріархъ имѣетъ еще свои особые три Приказа, а именно:

1. Разрядъ (Roserad), въ которомъ ведутся списки всѣхъ церковныхъ имѣній, записи на этѣ имѣнія, и помѣщаются въ Архивъ.

2. Судный (Sudni), въ которомъ Патріархъ производитъ свой судъ и расправу.

3. Казенный (Kasannoi), въ который вносится и сохраняется казна и ежегодный приходъ Патріарха.

Въ этѣхъ Приказахъ Патріархъ поставляетъ для управленія своихъ извѣстныхъ людей изъ духовнаго званія, которые должны обо всемъ доносить ему, доставлять отчеты и исполнять его приказанія и приговоры.

Во всѣхъ Приказахъ, какъ Царскихъ, такъ и Патріаршихъ, находится бездна писцовъ, которые, кромѣ того, что хорошо пишутъ, довольно искусны и въ вычисленіяхъ, своимъ особымъ способомъ, при чемъ они употребляютъ не жетоны (счетныя марки), но зерна (косточки) сливъ, которыя каждый носитъ всегда при себѣ въ небольшомъ кошелѣ.

Хотя брать взятки всѣмъ строго запрещается, подъ опасеніемъ наказанія за то кнутомъ, но ихъ тайно берутъ, особенно писцы, которые вообще охотно принимаютъ посулы или подарки, и за подарки этѣ часто можно узнать о самыхъ тайныхъ дѣлахъ, которыя находятся у нихъ въ производствѣ. Иногда они сами забѣ-

гаютъ къ тѣмъ, кому это нужно, съ предложеніемъ, за извѣстную плату, открыть имъ ходъ дѣла. При этомъ, впрочемъ, иногда и сильно обманываютъ, когда писцы, на примѣръ, изъ страха наказанія, которое можетъ постигнуть ихъ, если обнаружится, что они сообщили то, чего не должны были сообщать, или же по незнанію самаго дѣла, сообщаютъ свѣдѣнія вымышленныя, вмѣсто истинныхъ. Подобное случилось въ мое время, когда я, бывши въ Москвѣ въ 1643 году, получилъ Царскую грамоту къ Его Княжеской Свѣтлости, моему милостивѣйшему Государю, и одинъ, живущій тамъ, важный Агентъ пожелалъ узнать содержаніе этой грамоты, то ему, за великую тайну, выданъ былъ съ нея списокъ, который этотъ Г. Агентъ, будучи хорошимъ пріятелемъ моимъ, позволилъ переписать ее мнѣ. Въ послѣдствіи же, когда подлинникъ грамоты былъ переведенъ въ надлежащемъ мѣстѣ, оказалось, что въ немъ было совсѣмъ не то, что въ выданномъ тайно противнѣ.

Разные акты, производство дѣла, протоколы и другія Канцелярскія дѣла, Русскіе пишутъ не въ книгахъ, а на длинныхъ бумажныхъ свертках или свиткахъ (столбцахъ). Для этого цѣлый листъ бумаги разрѣзываютъ поперекъ, разрѣзанные куски узкими сторонами склеиваютъ другъ съ другомъ и потомъ свертываютъ. Есть такіе свертки въ 20, 30, въ 60 и болѣе аршинъ длиною, какъ это можно видѣть въ Приказахъ Русскихъ, гдѣ они лежатъ, сложенные одинъ на другомъ.

ГЛАВА XX.

О Русскихъ судахъ, законахъ и родахъ наказанія.

Что касается до судебныхъ дѣлъ, то производятся они въ тѣхъ же, сейчасъ только поименованныхъ, Приказа ъ (Канцеляріяхъ). Каждый, назначенный Управляющимъ Приказа, Боярин, или Судья, имѣетъ при себѣ Дьяка или Секретаря, и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, или засѣдателями, выслушиваетъ тяжущихся, которые являются передъ нимъ, и присуждаетъ имъ рѣ-

шеніе. До послѣдняго времени Русскіе имѣли только нѣкоторые, не многіе письменные, законы и обычаи, данные различными Великими Князьями, и лишь противъ измѣнниковъ отечеству, противъ преступниковъ въ оскорбленіи Его Царскаго Величества, противъ воровъ, убійцъ и должниковъ. Во всемъ же остальномъ, въ произнесеніи приговора Судьи руководствовались большею частію собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а иногда и желаніемъ сдѣлать кому добро, или зло. Нѣсколько же лѣтъ назадъ, именно въ 1647 году, по Указу Его Царскаго Величества, собраны были разумнѣйшіе изъ всѣхъ сословій люди, которые составили и написали нѣкоторые законы и постановленія, и законы эти были за тѣмъ утверждены Его Царскимъ Величествомъ и его Боярами и напечатаны по Русски во всеобщее свѣдѣніе; эта книга въ листъ, въ два добрыхъ пальца толщиною, называется Соборное Уложеніе (Soborna Ulosienia), т. е., единогласно принятое и собранное законоположеніе, по которому Судьи и постановляютъ теперь свои приговоры, или, по крайней мѣрѣ, должны постановлять. Такъ какъ всѣ приговоры эти дѣлаются отъ имени Его Царскаго Величества, то они безпрекословно должны быть исполняемы, и ни кто не смѣетъ подавать на нихъ дальнѣйшей жалобы.

Въ прежнее время съ тяжущимися соблюдался такой порядокъ судопроизводства: если кто обвиняетъ другого, и не можетъ ни чѣмъ доказать своего обвиненія, то Судья присуждаетъ тяжущимся рѣшить дѣло присягою. За тѣмъ онъ спрашиваетъ обвиняемаго (отвѣтчика), такъ какъ отъ него зависитъ выборъ: «Хочешь ли ты взять присягу на свою душу, или отдать ее на душу обвинителю (истцу)?» Кто послѣ этого захочетъ принять присягу, тотъ, въ продолженіи трехъ недѣль, однажды въ недѣлю, приводится къ Судьѣ, который его наставляетъ и увѣщеваетъ относительно того, какое великое и опасное дѣло есть присяга, и вообще предостерегаетъ его не присягать. Если, не смотря на то, увѣщеваемый все таки присягаетъ, то хотя бы онъ присягнулъ и въ правомъ дѣлѣ, всѣ, присутствовавшіе при присягѣ, плюютъ ему въ лицо, выгоняютъ его изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, и вообще послѣ этого всѣ презираютъ его, указываютъ на него пальцами, и онъ не можетъ болѣе ходить въ

церковь, а тѣмъ болѣе не можетъ быть допущенъ до принятія Св. Таинъ, до которыхъ, въ подобномъ случаѣ, допускается онъ только тогда, когда его постигнетъ тяжкая болѣзнь, и въ немъ будутъ усмотрѣны очевидные признаки приближающейся смерти.

Въ недавнее время, впрочемъ, для присяги установленъ слѣдующій порядокъ: того, кто долженъ присягать, спрашиваютъ прежде передъ образами ихъ Святыхъ: «Хочетъ ли онъ взять себѣ на душу и на спасеніе свое присягу?» Когда онъ отвѣчаетъ утвердительно, то берутъ крестъ, величиною въ пядень, держатъ этотъ крестъ передъ присягающимъ, и этотъ послѣдній крестится и цѣлуетъ крестъ; за тѣмъ снимаютъ со стѣны образъ, и также даютъ ему приложиться къ нему. Присягнувшій такимъ образомъ и въ правомъ дѣлѣ не смѣетъ принимать Святаго Причастія иначе, какъ только по истеченіи трехъ лѣтъ, что, впрочемъ, мало смущаетъ рѣшающихся на присягу. Если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкутъ кнутомъ по голому тѣлу и ссылаютъ на заточеніе въ Сибирь, лишая Причастія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ находиться при послѣднемъ издыханіи.

Хотя Русскіе не легко рѣшаются на присягу, особенно во 2-й или въ 3-й разъ, что способенъ сдѣлать только отчаянный и совсѣмъ развратный человѣкъ, тѣмъ не менѣе у нихъ въ большомъ ходу, когда они сойдутся, покупаютъ, или продаютъ, что, чтобы увѣрить кого въ чемъ, легко божатся, при чемъ они говорятъ: «Вотъ тѣ хрестъ!» (po Chrestum), и крестятъ себя пальцами, по своему обыкновенію; но такой легкой божбѣ не всегда слѣдуетъ вѣрить.

У Русскихъ употребляются разнаго рода страшныя мученія для того, чтобы допытаться правды. Между прочими родами пытокъ, вотъ, на примѣръ, одна: преступнику связываютъ за спиною руки, поднимаютъ его на веревкѣ къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда при этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опаляя жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же

преступнику на головѣ пробриваютъ волосы, и на выбритое мѣсто капаютъ холодною водою; эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ, образующимся у нихъ на тѣлѣ отъ разсѣченія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ.

По жалобамъ на драку, у Русскихъ тотъ, кто первый началъ, считается виновнымъ; обыкновенно же правъ у нихъ бываетъ тотъ, кто прежде подалъ жалобу.

Убійца, не въ слѣдствіе необходимой обороны (которая у Русскихъ дозволяется), но умышленно убившій кого либо, ввергается въ темницу, въ которой онъ шесть недѣль долженъ выдержать покаяніе, на хлѣбѣ и водѣ; за тѣмъ его допускаютъ къ пріятію Святыхъ Таинъ и обезглавливаютъ.

Если кто обвиняется въ воровствѣ, и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткѣ: не укралъ ли онъ еще чего ни будь? Если онъ въ воровствѣ чего либо другого на пыткѣ не сознается, и то воровство, въ которомъ онъ обвиняется и уличенъ, было первое, то его сѣкутъ плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзаетъ у него одно ухо, за тѣмъ сажаютъ его на два года въ темницу, и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него, прежнимъ же порядкомъ, отрѣзываютъ другое ухо, и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ и содержится до тѣхъ поръ, пока не наберутся нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь; смертной же казни собственно за воровство, при которомъ убійства совершено не было, ни кто въ Россіи не подвергается. Если воръ на пыткѣ признается, кому именно продалъ онъ покраденное имъ имущество, то судъ призываетъ тѣхъ покупателей и присуждаетъ ихъ къ тому, чтобы они истцу, у котораго покрадено было имущество, сдѣлали достаточное вознагражденіе, и такую уплату Русскіе называютъ выть (Wyth); такой распорядокъ многихъ воздерживаетъ отъ покупки подозрительныхъ вещей, или имуществъ.

Но правосудіе Русское особенно дѣятельное вниманіе обращаетъ на долги и должниковъ. Кто не хочетъ, или не можетъ, платить, тотъ препровождается къ Приставу (Pristafet), т. е., онъ долженъ сидѣть въ домѣ прислужника Судьи, подобно тому, какъ у насъ сидятъ подъ стражей, или на послушаніи. Если въ обѣщанный должнику срокъ уплаты долга отъ него не послѣдуетъ, то его сажаютъ въ долговую темницу (яму), безъ всякаго воззрѣнія на лица, Русскій ли то, или иностранецъ, мущина, или женщина, купецъ, или ремесленникъ, Священникъ, монахъ, или монахиня, ежедневно выводяхъ его на общественную площадь передъ Приказомъ, и тамъ, въ продолженіи часа, бьютъ его по голенямъ гибкими прутьями, толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопитъ отъ сильной боли. Иногда исполнитель такого наказанія, если получитъ посулъ или подарокъ отъ должника, дѣлаетъ легкіе удары, или и совсѣмъ даетъ промахъ. Съ другой стороны нѣкоторые должники сами иногда засовываютъ себѣ въ сапоги толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которымъ въ такомъ случаѣ и приходятся удары прутьевъ.

По выдержаніи такого наказанія и позора, должникъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство за себя въ томъ, что на завтра онъ снова предстанетъ на площадь и дастъ себя на дальнѣйшее битье. Этотъ родъ наказанія Русскіе называютъ: поставить на правежъ (Prawe). (Смотри изображеніе, на которомъ этотъ родъ наказанія представленъ подъ буквою А, стр. подлинника 274). Если должникъ рѣшительно не имѣетъ ни какихъ средствъ уплатить долгъ, то долженъ поступить въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Остальныя подлыя наказанія, употребляемыя надъ преступниками, суть слѣдующія: разрѣзываніе, или вырываніе ноздрей, битье батогами (Battoki) и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ. Ноздри вырываютъ тѣмъ, которые наслаждаются нюханьемъ табаку, и наказанныхъ такимъ образомъ мы не рѣдко встрѣчали въ Россіи. Бить батогами можетъ каждый Господинъ своего слугу, или всякаго другого, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя какую ни будь власть. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступникъ снимаетъ съ себя кафтанъ и все остальное платье до рубахи и

животомъ ложится на землю; за тѣмъ двое людей садятся на него, одинъ на голову, а другой на ноги, и бьютъ его гибкими прутьями по спинѣ, будто скорняки, выколачивающіе мѣхъ, какъ это представлено на изображеніи подъ буквою B. (въ подлинникѣ стр. 274). Такого рода наказаніе часто употреблялось во время нашего путешествія между Русскими, которые сопровождали насъ.

Сѣченіекнутомъ на наши глазабыло однимъ изъ варварскихъ родовъ наказанія; оно представлено на изображеніи подъ буквою F. (тамъ же, стр. 274) .Такое наказаніе я видѣлъ 24-го Сентября, 1634 года въ Москвѣ, когда оно совершалось надъ 8-ю мужчинами и надъ одной женщиной, оказавшимися виновными въ нарушеніи Великокняжескаго запрещенія, именно въ продажѣ табаку и водки. Преступники, передъ Приказомъ, называемымъ Новая Четверть, должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшіеся наказанію не могли двигаться ни въ верхъ, ни въ низъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы, такъ что послѣ каждаго удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и отъ того, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣпляются три ремня, длиною въ палецъ, изъ жесткой, невыдѣланной лосиной кожи, которые рѣжутъ словно ножи. За тяжкія преступленія нѣкоторые преступники этого рода наказаніемъ засѣкаются до смерти. Передъ исполненіемъ описываемаго мною наказанія (видѣннаго мною), служитель Судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой записке, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и за тѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «Полно!» т. е., довольно! На этотъ разъ мужчины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже ни на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содраны были кожи. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего

этого, каждому, виновному въ продажѣ табаку, привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки, тоже на шею, водочная фляга или стклянка, и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, сказанныхъ преступниковъ провели сперва изъ города, и за тѣмъ обратно въ Кремль, и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ.

Разсказываютъ, что нѣкоторые, наказанные такимъ образомъ, молодцы, натягиваютъ на израненную спину свою еще теплую шкуру только что убитой овцы, и этѣмъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ своихъ. Въ прежнія времена, съ понесшими наказаніе, обходились также почтительно, какъ и со всѣми другими, водили съ ними всякія дѣла, даже торговыя, словомъ пили и ѣли съ ними, какъ хотѣли. Въ настоящее же время на такихъ людей начинаютъ смотрѣть съ нѣкотораго рода презрѣніемъ.

Такъ какъ Русскіе во внѣшнихъ пріемахъ своихъ, съ теченіемъ времени, во многомъ стали лучше прежняго, и очень подражаютъ Нѣмцамъ, то они чувствительнѣе стали теперь и ко всему тому, что касается чести, или безчестія; такъ палачи ихъ въ прежнее время вовсе не считались infam или такими безчестными, какими считаются они тамъ въ настоящее время. Ни одинъ честный и почтенный человѣкъ не захочетъ теперь у нихъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, который считается уже какъ бы человѣкомъ негоднымъ, развѣ будетъ дознано, что такому наказанію подвергся онъ по ненависти Судьи; въ такомъ случаѣ его скорѣе жалѣютъ, чѣмъ презираютъ, и честные люди, въ доказательство его невинности, не стыдятся тогда вести съ нимъ дальнѣйшее знакомство

Почтенные люди теперь также избѣгаютъ сообщества съ живодерами и палачами; этѣ послѣдніе хотя и могутъ вести даже торговлю, но занимаются ею неохотно, по тому что собственная должность ихъ доставляетъ имъ довольно большія деньги. Кромѣ того, что они получаютъ отъ Правительства за исполненіе (экзекуціи) разныхъ наказаній, деньги, но, по мѣрѣ воз-

можности, и съ преступниковъ за то, чтобы они не такъ жестоко ихъ наказывали. Они продаютъ также, хотя потихоньку, и водку заключеннымъ, которыхъ ежедневно сидитъ множество, и это также доставляетъ имъ значительный доходъ. Въ слѣдствіе такой прибыльности должности палача, въ прежнее время ее покупали разными подарками, но теперь ни кто уже не смѣетъ перепродать ее. Если же случается недостатокъ въ исполнителяхъ наказаній, что и бываетъ не рѣдко по множеству экзекуцій, то цехъ мясниковъ обязанъ поставить ихъ изъ среды своей.

ГЛАВА XXI.

О Вѣрѣ Русскихъ вообще и о происхожденіи ея.

Упоминая о Вѣрѣ Русскихъ, я по справедливости нахожу не лишнимъ привести сначала вопросъ, которымъ въ открытыхъ пренiяхъ занимались Докторъ Бодфидій (D. Bodfidius), Придворный проповѣдникъ покойнаго Короля Шведскаго Густава, и потомъ М. Генрихъ Стааль (Staal), Нарвскій Суперинтендентъ въ Ливоніи. А именно: дѣйствительно ли Русскіе тоже Христіяне? Если спросить объ этомъ самихъ Русскихъ, то они скажутъ, что они-то и есть истинно крещеные и самые лучшіе Христіяне, какіе только живутъ на свѣтѣ, а насъ только въ крайней мѣрѣ называютъ они Христіянами окропленными. По этому, если кто изъ иноземныхъ Христіянъ захочетъ перейти въ ихъ Вѣру, то онъ долженъ снова креститься по ихнему. Но что Русскіе также Христіяне, мы справедливо можемъ заключать это, вмѣстѣ съ помянутыми сейчасъ мужами, изъ того, что у нихъ есть существенное Христіянства (Essentialia Christianismi), или необходимѣйшіе главные предметы Христіянской Вѣры. Такъ, у нихъ есть истинное Слово Божіе, и Святыя Таинства. Они имѣютъ писанное и печатное Священное Писаніе (Библію), Ветхій Завѣтъ по 70-ти Греческимъ толковникамъ, а Новый въ простомъ переводѣ на Славянскій и Русскій языки. Но странно, что они никогда не допускаютъ въ свою церковь вполнѣ всю Библію, говоря, что въ Ветхомъ Завѣтѣ есть

много грязныхъ, не цѣломудренныхъ вещей, которыя могли бы осквернить такое священное мѣсто; по этому въ церквахъ ихъ читаются только нѣкоторыя писанія Пророковъ и Новый Завѣтъ. Въ домахъ же дозволяется имѣть и читать всю Библію. Кромѣ Библіи, у нихъ есть также древніе Отцы Церкви и Учители, какъ, на примѣръ: Кириллъ, Архіепископъ Іерусалимскій, написавшій Катихизисъ (Catechismus), при Императорѣ Ѳеодосіи, о чемъ говоритъ Бароній (въ Annal. Eccles. tomo 4, pag. 459, и Bibliotheca Patrum. Colon. tom. 12, pag. 1003).

За тѣмъ: Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Богословъ (Bogoslova), который, можетъ быть, тоже, что Григорій Назіянзинъ.

Іоаннъ Златоустъ (Solottouska) есть Іоаннъ Хризостомъ (краснорѣчивый), котораго они называютъ: золотыя уста.

Ефремъ Сиринъ есть Ефраимъ Сирусъ (Syrus), который, какъ говорятъ Русскіе (а также и Герардъ Россъ Lugd. въ посвященіи своемъ къ книгѣ Ефрема Сирина, которую онъ перевелъ на Латинскій языкъ), получилъ отъ одного Ангела книгу, писанную золотыми буквами, которую никто, кромѣ его, Ефрема, открыть не могъ. Въ слѣдствіе чего Ефремъ скоро началъ проповѣдывать и писать въ особомъ возвышенномъ духѣ.

Кромѣ сихъ они имѣютъ одного собственнаго Русскаго Святаго учителя, по имени Николая Чудотворца (Nicolla Sudatworitz), писавшаго о духовныхъ предметахъ и писанія котораго Русскіе прилежно читаютъ (?). Св. Николай дѣлалъ великія чудеса, по чему передъ яснымъ изображеніемъ (иконой) его, находившимся въ одной часовнѣ на большой улицѣ у Тверскихъ воротъ, ежедневно горѣло множество восковыхъ свѣчей; икона эта, во время большаго пожара, бывшаго въ недавнее возмущеніе, взята была на небо (какъ объясняютъ это Русскіе), собственно же просто сгорѣла.

Русскіе признаютъ правила Символа Вѣры Аѳанасія, и вѣруютъ, что Богъ, сотворившій все, есть единъ по существу и троиченъ въ лицахъ, что Іисусъ Христосъ пострадалъ за весь родъ человѣческій, и что Духъ Святый, отъ Отца, черезъ Сына, исходящій,

освящаетъ насъ и дѣлаетъ насъ способными творить добро. По этому, хотя нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Вѣра Русскихъ, или Fides quae creditur (во что вѣруютъ) есть Христіянская, но Fides, qua creditur (какъ вѣруютъ), какъ говорятъ въ школахъ, сомнительна и на дѣлѣ заявляется ими весьма дурно. Такъ, вмѣстѣ съ Господомъ Христомъ, они считаютъ и Евангелистовъ, Апостоловъ, Пророковъ и множество другихъ Святыхъ, не только предстателями, каковыми считаютъ ихъ наиболѣе просвѣщенные, но и содѣтелями ихъ спасенія, каковыми считаетъ ихъ большинство Русскихъ, и даже живописнымъ иконамъ, изображающимъ сихъ Святыхъ ихъ, они ежедневно оказываютъ такую честь, которая приличествуетъ только одному Богу, о чемъ подробнѣе скажу ниже. Равнымъ образомъ, весьма мало видно изъ жизни и приведенныхъ выше событій, чтобы Русскіе старались свою Христіянскую Вѣру освящать и дѣлать дѣйствительною посредствомъ добрыхъ дѣлъ и любви къ ближнему. Добрымъ же дѣламъ, обращеннымъ на основаніе и созиданіе церквей и монастырей, они приписываютъ большее, чѣмъ слѣдуетъ, значеніе.

Русскіе считаютъ себя членами Греческой Церкви, хотя они и не соблюдаютъ во всей точности правилъ этой Церкви, но дѣлаютъ много ошибокъ и вводятъ разнаго рода дополненія къ нимъ по своему усмотрѣнію. Они пишутъ въ своихъ лѣтописяхъ, что Христіянскую Вѣру получили они въ Россіи еще во времена Апостоловъ. Именно, Апостолъ Андрей, будто бы, отправился изъ Греціи вверьхъ по рѣкѣ Борисѳену (Днѣпру), и черезъ Ладожское озеро прибылъ въ Новгородъ, гдѣ проповѣдывалъ Евангеліе Христово, поучалъ отправленію истиннаго Богослуженія и наставлялъ въ постройкѣ церквей и монастырей. За тѣмъ, въ теченіи довольно значительнаго времени, въ слѣдствіе множества войнъ, которыя вносили въ Россію Татары и другіе язычники, истинная Христіянская Вѣра была въ ней угнетена и истреблена, и введено, напротивъ, язычество и идолослуженіе, продолжавшееся до временъ Великаго Князя Владимира, который прежде и самъ былъ язычникомъ. Такъ какъ этотъ Великій Князь, счастливыми войнами своими, сдѣлался обладателемъ всей Руси, и покорилъ почти цѣлую Сарматію, то тѣмъ самымъ вошелъ въ такое великое уваженіе у иностранныхъ Христіянскихъ Государей, что этѣ

послѣдніе, желая пріобрѣсти его расположеніе, начали отправлять къ нему почетныя посольства. Князю Владимиру такое дружественное расположеніе сказанныхъ Государей понравилось, онъ отвѣчалъ на него сообразно съ ихъ желаніями, по чему они и начали стараться отвратить его отъ языческаго идолослуженія и привести къ Христіянской Вѣрѣ. Слѣдствіемъ этѣхъ стараній ихъ было то, что Владиміръ отправилъ нѣсколькихъ пословъ и гонцовъ въ разныя мѣста, гдѣ господствовала Христіянская Вѣра, для того, чтобы они собрали истинныя свѣдѣнія о Вѣрѣ той у разныхъ народовъ. И такъ какъ Греческая Вѣра, бывшая и прежде въ Россіи и остававшаяся еще тамъ въ нѣкоторыхъ, хотя весьма не многихъ, мѣстностяхъ, понравилась Владиміру наиболѣе всѣхъ д угихъ, то онъ и принялъ именно ее.

Іоаннъ Куропалатъ (Johannes Curopalates), Греческій бытописатель, разсказываетъ, что при обращеніи Русскихъ совершилось слѣдующее чудо, именно: Архіепископъ, котораго Императоръ Василій послалъ въ Россію, проповѣдуя Русскимъ Евангеліе Христово, и прославляя имъ великія чудеса истиннаго, безсмертнаго Бога, разсказалъ имъ, между прочимъ, Исторію о трехъ истинно вѣрующихъ отрокахъ, оставшихся невредимыми въ огнѣ, на каковой разсказъ Русскіе отвѣчали, что если бъ они увидали подобное чудо, то тоже увѣровали бы въ истиннаго Бога. Епископъ, хотя и помнилъ о томъ, что не слѣдуетъ испытывать Бога, но въ то же время, зная и слово Христа, который сказалъ, что все, что вы будете просить во имя Мое, по мѣрѣ вашей Вѣры, вы получите, отвѣтствовалъ Русскимъ: если они истинно и твердо рѣшились обратиться къ Христу, когда увидятъ какое либо чудо, то пусть просятъ, какое чудо совершить имъ. Тогда Русскіе начали просить, чтобы Епископъ бросилъ въ огонь книгу Евангелія, которая, говоритъ о Христѣ, заявивъ Епископу, что если эта книга, какъ и три отроки, останется въ огнѣ невредимой, тогда они повѣрятъ, что Христосъ, о которомъ Епископъ проповѣдывалъ имъ, есть истинный Богъ, и тогда они обратятся къ нему. Послѣ этого Архіепископъ воздѣлъ руки и очи къ небу, началъ молить Бога о просимомъ чудѣ и произнесъ: «О Христе, Боже нашъ! Открой всесвятое имя Твое для очей этого народа!» и съ сими словами бросилъ книгу Евангелія въ разложен-

ный огонь. Черезъ нѣсколько часовъ, когда огонь совершенно погасъ, книга вынута была изъ пепла ни въ чемъ неповрежденной. Когда язычники увидали это, то исполнились ужаса отъ такого великаго чуда, безъ дальнѣйшаго размышленія приняли Христіянскую Вѣру и стали креститься. Событіе это упоминаютъ также: Кедринъ (Cedrenus, pag. 589) и Зонара (Zonara tom. 3, pag. 139 et sequ.), а также и въ Concil. magnis, tom. 23, pag. 699.

Великій Князь Владимиръ при крещеніи принялъ имя Василія, изгналъ совершенно идолослуженіе изъ своей земли, и всѣмъ своимъ подданнымъ приказалъ, чтобы они также принимали Христіянскую Вѣру. Но всѣ помянутые сейчасъ писатели, которые старательно заимствуютъ одинъ у другого свои свѣдѣнія, какъ это ясно видно, когда читаемъ ихъ, вмѣстѣ съ Геснеромъ (Gesnero), Казавбономъ (Casaubono) и Фосомъ (Vossio), по моему мнѣнію, ошибаются въ имени Императора Василія, а по тому и во времени самаго событія. Они полагаютъ, что событіе это случилось во время Василія Македонянина, и имъ, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ въ этомъ и Бароній (Baronius) въ своихъ Annal. Eccles., по тому что и онъ событіе это относитъ къ 863 году. По Русскимъ же лѣтописямъ, а также и по другимъ бытописателямъ, гораздо достовѣрнѣе, что оно случилось въ 988 г. по Р. Х., когда братья, Василій и Константинъ, были Императорами на Востокѣ, а Оттонъ III Императоромъ въ Западной Имперіи. Около этого времени Владимиръ, Князь Русскій, какъ пишетъ Кромеръ, послѣ многихъ побѣдъ, взялъ и у этѣхъ двухъ братьевъ лежащій у Понта городъ, который Сабеликъ (Sabellicus) называетъ Херсонесомъ (Корсунь), и когда послѣ того Владимиръ вошелъ въ дружбу съ Василіемъ и Константиномъ, взялъ себѣ въ супруги сестру ихъ, Анну, и принялъ Христіянскую Вѣру, то снова уступилъ имъ и этотъ городъ. Подробнѣе объ этомъ можно читать у Кромера (Cromerus De rep. Polon. lib. 3, pag. 435). И хотя Гваньини, въ описаніи Европейской Сарматіи, событіе это относитъ къ 924 году, но въ Epilogo operis значится, что случилось оно въ 985 году по Р. Х. Такимъ образомъ къ Русскому опредѣленію года этого событія подходитъ и наше число, съ которымъ согласенъ также и Альтстедъ (Altstedius), въ своемъ Лѣтосчисленіи (Chronologia).

Императоръ Василій прислалъ изъ Константинополя къ Князю Владиміру, какъ зятю своему, множество Епископовъ и Священниковъ, которые должны были установить въ Россіи надлежащее Богослуженіе и церковные обряды; съ этого времени между Греками и Русскими обосновалось великое дружество: Русскіе стали считать Грековъ за людей, какъ бы болѣе святыхъ и набожныхъ, чѣмъ они, Русскіе, и ежегодно посылали имъ большія денежныя приношенія. Посевинъ пишетъ, что Русскіе въ прежнее время ежегодно посылали подаяніе Греческимъ церквамъ по 500 червонцевъ. Теперь такого подаянія уже не дѣлаютъ, но въ замѣнъ того ежегодно по два и по три раза пріѣзжаютъ въ Москву Греческіе монахи отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріярховъ, привозятъ съ собою обдѣланныя въ золото кости Святыхъ и всякаго рода ковчежцы съ мощами и живописные образа, за что получаютъ съ Русскихъ огромныя деньги, далеко превосходящія прежнюю милостыню ихъ, и за тѣмъ снова возвращаются въ свои земли.

Лѣтъ шесть тому назадъ, именно въ 1649 году, пріѣзжалъ въ Москву Іерусалимскій Патріярхъ Паисій (Poissie), съ нѣсколькими Греками, и привезъ съ собою земли изъ гроба Господня (который, впрочемъ, высѣченъ былъ изъ камня) и святой воды изъ рѣки Іордана. Патріярхъ этотъ принятъ былъ великолѣпно, содержался у Царя и Патріярха Московскаго самымъ роскошнымъ образомъ и получилъ приношенія болѣе, чѣмъ на 50,000 червонцевъ (какъ писали мнѣ объ этомъ люди достовѣрные). Но все это богатство, золото и деньги, соболя и шелковыя матеріи, которыя Патріярхъ увозилъ съ собою въ отечество, отнято было у него на обратномъ пути изъ Россіи Турками, которые оставили ему однѣ священныя вещи, да книги, бывшія при немъ.

Во всѣхъ областяхъ Русскіе имѣютъ одну и туже Вѣру и вездѣ одни и тѣже обряды, такъ что съ Русскими предѣлами оканчивается и ихъ Религія, за исключеніемъ не многихъ мѣстъ, заселенныхъ въ настоящее время у Нарвы, на Шведской границѣ. Большинство ихъ, особенно же простой народъ, не могутъ вести рѣчи, ни дать какого либо отвѣта, о самыхъ простыхъ началахъ ихъ Вѣры. По этому у Русскихъ и теперь то же, что нахо-

дили у нихъ Герберштейнъ и Посевинъ въ свое время, именно, что въ отношеніи Вѣры они полагаются на Вѣру своего Царя и Патріарха (подобно Аѳинянамъ, которые заключали такъ: что кажется хорошимъ Царю ихъ, то и было ихъ религіей, и было для нихъ вполнѣ достаточно); ибо Русскіе не наставляются и не поучаются ни какими проповѣдями. Патріархъ не дозволяетъ также чтобы много толковали и спорили съ иностранцами о дѣлахъ Вѣры, чѣмъ и поддерживается вездѣ въ Россіи одинаковое на этѣ дѣла воззрѣніе.

Не за долго передъ нами, въ Нижнемъ Новгородѣ, одинъ Русскій монахъ повелъ было частую бесѣду о своей Вѣрѣ съ бывшимъ тамъ Евангелическимъ Священникомъ (который и разсказывалъ мнѣ это), и при этомъ сообщилъ ему много занимательнаго. Когда же Патріархъ узналъ о такихъ бесѣдахъ, то приказалъ схватить монаха, привезти его въ Москву, гдѣ и началъ его допрашивать: на какомъ основаніи монахъ дозволилъ себѣ такія частыя совѣщанія и споры о Вѣрѣ съ Евангелическимъ Священникомъ? Но монахъ извернулся, далъ хитрый отвѣтъ и сказалъ Патріарху, что будто бы Нѣмецкій Пасторъ изъявилъ желаніе перейти въ Русскую Вѣру, и просилъ его, монаха, наставлять его въ этой Вѣрѣ; что Пасторъ будто бы находится уже на добромъ пути, и что онъ, монахъ, надѣется вскорѣ совершенно обратить Нѣмца въ свою Вѣру. Только послѣ такого объясненія монаху снова предоставлена была свобода.

ГЛАВА XXII.

О Русскомъ письмѣ, языкѣ ихъ и училищахъ.

Свои буквы и письмо Русскіе получили отъ Грековъ, вмѣстѣ съ Вѣрой, но частію исказили ихъ, частію же дополнили нѣкоторыми Славянскими буквами, и такимъ образомъ у нихъ составились слѣдующія буквы, которыя привожу сдѣсь съ обозначеніемъ произношенія оныхъ. [1]

---

[1] См. подлин. стр. 280. Начертаніе приведенныхъ буквъ Олеаріемъ вполнѣ схоже

Приведенныя буквы и письмена Русскіе употребляютъ, какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ, книгахъ на своемъ языкѣ, который хотя и отличается отъ Славянскаго и Польскаго, но до такой степени схожъ и родственъ съ ними, что, зная одинъ какой ни будь изъ этѣхъ языковъ, легко можно понимать другой. Съ Греческимъ же языкомъ Русскій не имѣетъ ни чего общаго, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ весьма не многихъ словъ, которыя они употребляютъ въ церквахъ при Богослуженіи и въ названіи должностей, которыя они заимствовали у Грековъ. Такъ какъ Русскіе въ своихъ училищахъ обучаются только читать и писать исключительно на своемъ Русскомъ, и очень рѣдко развѣ на Славянскомъ языкѣ, какъ я не разъ упоминалъ уже объ этомъ, то никто изъ нихъ, ни духовныя лица, ни свѣтскія, ни высшаго, ни низшаго состоянія люди, ни слова не знаютъ ни по Гречески, ни по Латыни.

Впрочемъ, въ настоящее время, къ не малому удивленію, надо замѣтить, что, по распоряженіямъ Патріярха и Великаго Князя, Русское юношество начинаютъ обучать Греческому и Латинму языкамъ. Для этого, близъ Патріяршаго двора, учреждена уже Латинская и Греческая школа, которой завѣдываетъ и управляетъ одинъ Грекъ, по имени Арсеній (Arsenius). Если бъ это начало имѣло такой счастливый успѣхъ, что Русскіе могли бы читать писанія Святыхъ Отцевъ и другихъ учителей Церкви на собственномъ языкѣ этѣхъ писателей, то можно было бы надѣяться, что, съ Божіей помощію, въ пониманіи Вѣры своей они пришли бы къ болѣе чистымъ воззрѣніямъ. Чтобы учиться, у Русскихъ въ добрыхъ головахъ недостатка нѣтъ. Между ними встрѣчаются тонкіе, способные люди, одаренные яснымъ умомъ и доброю памятью. Такъ, теперешній Государственный Канцлеръ (Думный

съ начертаніемъ буквъ въ нашихъ рукописяхъ того времени (XVII столѣтія), но названія ихъ онъ передаетъ вотъ какъ: Aas, Buki, Vedi, Glagol, Dobro, Jest, Schiwetsch, Sielo, Zemla, Ische, Ii, Kakoi, Ludi, Musleri, Naas, On, Pokoi, Ertzi, Slowo, Twerdo, Iik, Phert, Chir, Ot, Zi, Tzerf, Scha, Tscha, Jer, Jeri, Jet, Je, Itoju (ю), Jus, Aoe (я), Ksi, Psi, Phita, Ischitza. Замѣчательно, что буква ь пропущена имъ. Буквы численныя до 100, потомъ 1000 и 2000 (҃а, ҃в), и наконецъ: Го́споди поми́луй, Русскими буквами. О. Б.

Дьякъ), сидящій въ Посольскомъ Приказѣ, Алмазъ Ивановичъ, еще въ юности своей былъ однажды въ Персіи и Турціи, и въ короткое время своего тамъ пребыванія до того изучилъ языки этѣхъ народовъ, что свободно можетъ объясняться съ Персіянами и Турками безъ переводчика. За свѣтлый свой умъ и точное исполненіе возлагаемыхъ на него порученій, Алмазъ неоднократно употребляемъ былъ въ важныхъ Посольствахъ, и за тѣмъ возведенъ въ должность Думнаго Дьяка или Государственнаго Секретаря, или же, какъ Русскіе называютъ, въ званіе Государственнаго Канцлера.

Упоминаемый уже не разъ мною, тайный переводчикъ, свѣдущій во многихъ языкахъ, Іоаннъ Бекеръ фонъ Дельденъ, доставилъ Русскимъ возможность читать въ переводахъ нѣсколько книгъ, съ Латинскаго и Французскаго языковъ, точно также, какъ и прежде него сдѣлалъ это бывшій Посланникъ Римскаго Императора, Адамъ Дорнъ (Dorn), о которомъ также мы уже упоминали выше. Этотъ послѣдній издалъ по Русски краткую Космографію или описаніе свѣта, а Іоаннъ Дельденъ, кромѣ другихъ книгъ, перевелъ на Русскій языкъ Исторію Великаго Могола. Книги этѣ начинаютъ уже иногда обращаться между любознательными, знатными Русскими, людьми.

ГЛАВА XXIII.

Объ обрядной сторонѣ Христіянства Русскихъ, о теперешнемъ Богослуженіи и въ особенности о крещеніи.

Обрядная сторона Христіянства и современное Богослуженіе Русскихъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что они, кромѣ совершенія Святаго Крещенія, читаютъ въ церквахъ своихъ Слово Божіе, служатъ обѣдни, молятся Богу и умершимъ Святымъ, почтительно стоятъ и преклоняются передъ иконами Святыхъ, совершаютъ крестные ходы, ходятъ на Богомолье въ мѣста погребенія ихъ Святыхъ, въ извѣстныя времена постятся, исповѣдают-

ся, пріобщаются Святыхъ Таинъ и совершаютъ послѣднее елеосвященіе.

Что касается до крещенія, то Русскіе считаютъ его въ высшей степени необходимымъ дѣломъ для вступленія въ Христіянскую Церковь и для вѣчнаго блаженства; ибо они вѣруютъ и признаютъ, что они зачаты и рождены во грѣхѣ, и что Христосъ противъ этого первороднаго (унаслѣдованнаго) грѣха установилъ крещеніе новаго рожденія и очищенія (понимаемое ими какъ тѣлесно, такъ и духовно). По этому, какъ только родилось дѣтя, Русскіе спѣшатъ крестить его. Если новорожденное дѣтя слабо, то его крестятъ на дому, хотя не въ той комнатѣ, гдѣ оно родилось; ибо комната эта считается совершенно нечистою. Когда же дѣтя здорово, то приглашенные крестные отецъ и мать, которыхъ должно быть только двое, несутъ его въ церковь, гдѣ Священникъ встрѣчаетъ ихъ еще за дверями церкви, креститъ имъ чело перстами и благословляетъ ихъ словами: «Да сохранитъ Господь Богъ вхожденіе и исхожденіе твое отнынѣ и до вѣка!»

Воспріемники подаютъ Священнику восковыхъ 9 свѣчей, которыя онъ зажигаетъ крестообразно, приставляетъ къ кадкѣ (купѣли) съ водой, стоящей по средѣ церкви. За тѣмъ онъ кадитъ ладономъ купѣль и воспріемниковъ и благословляетъ (святитъ) воду съ разными обрядами. Потомъ воспріемники, съ горящими свѣчами въ рукахъ, вмѣстѣ съ Священникомъ, читающимъ молитву по книгѣ, обходятъ трижды вокругъ купѣли, а Пономарь (Дьячекъ) предшествуетъ имъ, неся въ рукахъ написанный образъ Іоанна. Послѣ этого Священникъ спрашиваетъ воспріемниковъ: какое имя должно быть дано новорожденному? Это дѣлается и у насъ при крещеніи. Въ отвѣтъ на это, имя дѣтяти, означенное на запискѣ, подается Священнику, который кладетъ записку на писаную икону, держитъ эту икону надъ грудью дѣтяти и произноситъ молитву. За тѣмъ Священникъ спрашиваетъ: «Вѣруетъ ли дѣтя въ Бога Отца, Сына и Духа Святаго?» По утвердительномъ отвѣтѣ на это воспріемниковъ, оба они, вмѣстѣ съ Священникомъ, оборачиваются и становятся къ купѣли спиною. Тогда Священникъ снова спрашиваетъ: «Отрицается ли дѣтя сатаны, всѣхъ его аггеловъ и дѣлъ, и желаетъ ли онъ во всю свою жизнь

пребывать въ чистой Христовой Вѣрѣ?» При отвѣтахъ на этѣ вопросы, воспріемники, вмѣстѣ съ Священникомъ, каждый разъ должны плюнуть на землю. Послѣ этого всѣ снова обращаются лицомъ къ купѣли и совершается заклинаніе сатаны (Exorcissimus): Священникъ, возложивъ руки на дѣтя, произноситъ: «Изыди ты, нечистый духъ, изъ этого дѣтяти и дай мѣсто Духу Святому!» При чемъ Священникъ троекратно дуетъ крестообразно на дѣтя, и отъ этого дуновенія (какъ говорятъ Русскіе) дьяволъ исходитъ изъ дѣтяти. Русскіе думаютъ, что до крещенія въ новорожденномъ ребенкѣ живетъ нечистый духъ.

Въ настоящее время, какъ увѣдомляли меня, заклятіе и изгнаніе сатаны изъ крещаемаго совершается уже передъ дверями церкви, для того, чтобы церковь не могла осквернiться нечистымъ духомъ. За тѣмъ Священникъ беретъ ножницы, срѣзываетъ ими нѣсколько волосъ съ головы дѣтяти крестообразно, и волосы этѣ кладетъ въ книгу. Потомъ опять спрашиваетъ: «Хочетъ ли дѣтя креститься?» И при этомъ беретъ отъ воспріемниковъ нагое дѣтя въ обѣ руки, трижды погружаетъ его вполнѣ въ воду, произнося: «Крещается (такой-то) во имя Бога Отца, Сына и Духа Святаго!»

Послѣ этого Священникъ кладетъ въ ротъ дѣтяти нѣсколько соли, помазываетъ ему крестообразно чело, перси, руки и спину особо освященнымъ муромъ, надѣваетъ на него чистую бѣлую сорочку и говоритъ: «Теперь ты также чисто и бѣло измылся отъ грѣха первороднаго!» Вѣшаетъ на шею ребенка небольшой крестикъ серебряной, золотой, или мѣдный, смотря по состоянію и достаткамъ родителей, и крестикъ этотъ новорожденный долженъ носить потомъ на шеѣ во всю свою жизнь, какъ доказательство того, что онъ Христіянинъ, такъ что, если, на примѣръ, найдутъ кого на улицѣ мертвымъ, и на шеѣ у него не окажется креста этого, то такого не хоронятъ. Сдѣсь же Священникъ назначаетъ новорожденному Святаго, именемъ котораго названо дѣтя, и даетъ ему образъ этого Святаго. Образъ этотъ новокрещеный долженъ сохранять потомъ у себя во всю свою жизнь и чествовать его предпочтительно передъ другими иконами. Послѣ совершенія всѣхъ сихъ обрядовъ крещенія, Священ-

никъ ласкаетъ и цѣлуетъ дѣтя, равно какъ и воспріемниковъ, и увѣщеваетъ этѣхъ послѣднихъ быть для дѣтяти истинными родителями, и отнюдь не вступать другъ съ другомъ въ бракъ, что у Русскихъ строго воспрещается, какъ это замѣчено было мною уже и прежде сего.

Если въ одно время принесутъ крестить двухъ, или болѣе, хотя бы сотню, дѣтей, то для каждаго въ купѣль наливается снова свѣжая вода; вода же, однажды для крещенія употребленная, такъ какъ въ ней омыта нечистота первороднаго грѣха, выливается въ особое мѣсто и ни кто не долженъ болѣе осквернiться ею. Ибо Русскіе думаютъ, что водою въ Крещеніи совершается не только духовное, но и тѣлесное, омовеніе отъ грѣховъ и нечистоты душевной. Точно также они, ходятъ въ обычныя бани во время свадьбы послѣ совокупленія, послѣ ночныхъ истеченій или послѣ того, какъ помочатся, омываютъ себѣ, по примѣру Фарисеевъ, извѣстные члены; по этому многіе изъ нихъ полагаютъ, что этого наружнаго омовенія достаточно для очищенія себя отъ скверны грѣховной, которая прилѣпляется къ человѣку, какъ бы нѣчто вещественное.

Хотя воду для крещенія Русскіе никогда не подогрѣваютъ посредствомъ огня, но зимою они нѣсколько согрѣваютъ ее, ставя ее на нѣкоторое время въ тепломъ мѣстѣ.

Если крестятся взрослые люди (какъ, напримѣръ, переходящіе изъ другихъ въ Русскую Вѣру, или какъ нѣкогда крестились Халдеи), то такихъ ведутъ къ рѣкѣ, въ которой, въ зимнее время, прорубаютъ прорубь, и въ ней, со всѣми описанными выше обрядами, трижды погружаютъ въ воду крещаемаго, окуная его въ ней всего съ головою. Я упомянулъ сейчасъ о Халдеяхъ: въ бытность нашу въ Москвѣ это были извѣстные безпутные люди, которое ежегодно получали отъ Патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особого рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе Халдеи подожгли у одного крестьянина возъ

сѣна, и когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ Халдеевъ, долженъ заплатить имъ копѣйку (6 пфенниговъ). Халден этѣ одѣвались, какъ масляничные шуты, или штукари, на головахъ носили деревянныя раскрашеныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потѣхи. Назывались этѣ люди Халдеями и представляли собою тѣхъ прислужниковъ, которые мѣшали огонь въ печи, приготовленной для сожженія 3-хъ отроковъ: Садраха, Месаха и Авденаго (Ананіи, Азаріи и Мисаила), при Царѣ Навуходоносорѣ. Можетъ быть, въ этой потѣхѣ старики хотѣли сохранить воспоминаніе о томъ чудѣ, которое совершено было при обращеніи ихъ въ Христіянство. Свой потѣшный огонь Халден дѣлали изъ порошка который добывали изъ одного наземнаго растенія или зелья, и порошокъ этотъ называется плаупомъ (Plaun). Такъ какъ огонь этотъ довольно забавенъ для глазъ и представляетъ удивительное зрѣлище, особенно пущенный ночью, или въ темномъ мѣстѣ, и имъ можно дѣлать бездну увеселительныхъ штукъ, то я скажу о немъ подробнѣе ниже, при описаніи Персидскаго потѣшнаго огня (фейерверка), видѣннаго нами въ Ардебилѣ.

Сказанные Халден, во все время ихъ потѣхъ и бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. По этому въ день Богоявленія (Крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными Церкви Христіянской. Послѣ этого новаго крещенія они опять дѣлаются также чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ по этому креститься разъ 10, и даже болѣе. Но такъ какъ этѣ забавники причиняли уже черезъ чуръ большія неудовольствія, и даже вредъ, своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, и такъ какъ отъ потѣшнаго огня ихъ была также не малая опасность, то бывшій Патріярхъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ.

ГЛАВА XXIV.

О крещеніи отступниковъ Христіянъ и другихъ взрослыхъ.

Иностранцы и вѣроотступники Христіяне, равно какъ Татары и язычники, если хотятъ обратиться въ Русскую Вѣру и креститься, должны прежде пробыть шесть недѣль въ монастырѣ, и тамъ монахи наставляютъ ихъ въ это время въ Вѣрѣ, каковое наставленіе заключается главнымъ образомъ въ обученіи ихъ молиться, почитать Святыхъ, совершать поклоны и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ передъ ихъ образами. За тѣмъ собственно для крещенія ихъ ведутъ на рѣку, гдѣ они должны трижды отречься и отплеваться отъ ихъ прежней Вѣры, какъ отъ ученія еретическаго и окаяннаго, и дать клятву въ томъ, что они никогда уже не обратятся опять къ этому ученію. Послѣ крещенія на крещаемыхъ надѣваютъ новыя Русскія одежды, даримыя имъ Великимъ Княземъ, или другими знатными Господами, ихъ воспріемниками и, смотря по состоянію и обстоятельствамъ, доставляется имъ извѣстое содержаніе.

Въ настоящее время въ Москвѣ находится множество такихъ перекрещенцевъ изъ другихъ Вѣръ; ибо не только большое число иноземныхъ воиновъ, оставшихся въ Россіи 22 года тому, по окончаніи бывшей тогда войны подъ Смоленскомъ, но и въ послѣдніе 5 лѣтъ, также многіе воины, большею частію, впрочемъ, изъ Французовъ, перекрестились въ Русскую, собственно для того, чтобы остаться тамъ на житье и имѣть возможность получать содержаніе отъ Великаго Князя, не смотря на то, что они не знаютъ Русскаго языка и не имѣютъ ни какого понятія о Вѣрѣ Русскихъ. Удивительнѣе всего то, что даже нѣкоторые знатные и разумные люди рѣшаются изъ презрѣнныхъ выгодъ принимать Русскую Вѣру. Такъ поступили, какъ извѣстно, на примѣръ: Французскій Баронъ Пьеръ де Ремонъ (Pierre de Remont) и Графъ Шлаковъ (Schlackoff), и въ недавнее еще время Антоній де Гронъ (Antoni de Gron), Полковникъ Александръ Лесли (Lesley) изъ Шотландіи, и другіе.

Помянутый сейчасъ мною Графъ Шлаковъ, въ 1640 году, явился въ Голштиніи и Даніи, трогательно заявилъ тамъ Его Свѣтлости, Князю Голштейнскому, и Его Величеству, Королю Датскому, Христіану IV, какъ онъ, будучи Графскаго происхожденія изъ роду Шликъ (Slick), за свое Евангелическое Исповѣданіе потерпѣлъ гоненіе отъ Католиковъ, и свои несчастія онъ изобразилъ до такой степени правдоподобно, что сказанные Государи, движимые состраданіемъ, оказали ему всевозможную милость, а Его Королевское Величество, кромѣ того, по убѣдительнѣйшей просьбѣ его, Шлика, препоручилъ его въ Москвѣ вниманію Его Царскаго Вечества. Когда же онъ по такому Королевскому ходатайству былъ благосклонно принятъ въ Москвѣ, то сдѣсь онъ повелъ дѣло откровеннѣе, заявилъ, что онъ прибылъ въ Москву собственно для того, чтобы принять Русскую Вѣру и остаться навсегда у Его Царскаго Величества. Русскимъ такое заявленіе понравилось, особенно же по тому, что кромѣ того, что онъ такого знатнаго происхожденія (чему Русскіе придаютъ большое значеніе), онъ зналъ Латинскій и Польскій языки; они охотно приняли его, окрестили, возвели его въ Княжеское достоинство и назвали Княземъ Львомъ Александровичемъ Шликъ. Мѣсячное жалованье выдавалось чистыми деньгами по 200 рейхсталеровъ, и вообще онъ такъ держалъ себя, что нѣкоторые полагали, будьто онъ имѣлъ виды на Великую Княжну, Ирину Михайловну; но такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что Княжна эта предполагалась въ замужство за одного иноземнаго Графа, ради чего и были отправлены уже два Посольства изъ Москвы въ Данію, то хотя Шлику это и очень было не понравилось, но наконецъ онъ помирился на томъ, что ему дали въ жены дочь одного знатнаго и богатаго Боярина. Когда же въ послѣдствіи Датскій Король узналъ, что этотъ Шликъ вовсе не такого знатнаго происхожденія и былъ не что иное, какъ ленникъ Польскаго Графа Каспера фонъ Денгофъ, и что по этому онъ злоупотребилъ довѣренностью Его Величества, то этотъ послѣдній сообщилъ и Великому Князю истинныя свѣдѣнія о Шликѣ и извинялся при томъ, за свое ходатайство, такъ обманно у него выпрошенное. Хотя Его Царскому Величеству крѣпко было непріятно, что все это такъ случилось, но онъ не захотѣлъ уже лишать милости, разъ имъ данной, по чему оставилъ Шлику его Княжеское достоинство и мѣсячное жало-

ванье, которое этотъ и по сю пору получаетъ, и только выговорена была довольно рѣзко Шлику вся его продѣлка и доказано было ему, что онъ ложно выдавалъ себя за Графа фонъ Шликъ. Съ того времени Шликъ началъ писаться: «Князь Левъ Александровичъ Шлаковскій (Slackouzeski)», какъ подписывается и теперь, и числится въ Дворянахъ или Гофъ-Юнкеромъ Царскимъ.

Но Лесли долженъ былъ по необходимости креститься. Дѣло это было такъ: получивши, по окончаніи помянутой подъ Смоленскомъ войны, отъ бывшаго Великаго Князя большія деньги, и уѣхавши съ ними изъ Москвы, Полковникъ Лесли, спустя нѣсколько времени, снова возымѣлъ намѣреніе служить и у теперешняго Великаго Князя. Въ слѣдствіе этого, не много лѣтъ тому назадъ, онъ опять пріѣхалъ въ Москву, съ большимъ Шведскимъ Посольствомъ (главою котораго былъ Государственный Совѣтникъ и Баронъ Эрихъ Гюльденстіернъ) и предложилъ Русскимъ свои услуги (свою службу). И такъ какъ Русскіе не замышляли въ то время ни какой войны, и безъ надобности неохотно соглашались на вознагражденіе деньгами, то онъ предложилъ, что, вмѣсто чистыхъ денегъ, удовольствуется помѣстьемъ и крестьянами, на что Русскіе согласились, и Лесли дано было прекрасное имѣнье на рѣкѣ Волгѣ, съ принадлежащими къ нему крестьянами. Уладивъ такъ дѣла свои, Полковникъ перевелъ свою жену и дѣтей въ Россію и началъ владѣть даннымъ ему имѣніемъ. Сдѣлавшись владѣтельницей, Госпожа Полковница, какъ смышленая и точная домоправительница, захотѣла было наложить на подвластныхъ ей Русскихъ крестьянокъ работы больше, чѣмъ та, къ которой онѣ уже привыкли, противъ чего этѣ послѣднія возстали, начали возражать и объявили, что онѣ далѣе не могутъ служить Полковницѣ Лесли. Причинами такого неудовольствія онѣ выставляли, что Полковница, въ противность Русской Вѣрѣ, заставляла ихъ ѣсть въ постные дни мясо, отвлекала ихъ тяжелыми работами отъ церкви, не давала имъ въ своихъ дворахъ оставаться даже на столько времени, чтобы онѣ могли успѣть по утрамъ положить надлежащее число поклоновъ (Poclonen) передъ Богомъ и иконами ихъ. Кромѣ того она обижала народъ побоями, а что всего ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону ихъ, бросила ее въ топившуюся печку и сожгла. Это было вели-

кимъ дѣломъ и тяжкимъ обвиненіемъ въ глазахъ Русскихъ. Полковника съ женою и дѣтьми, и со всѣми дворовыми людьми его, по такому обвиненію, вытребовали въ Москву, начали допрашивать обвинителей и обвиненныхъ, другъ противъ друга. Въ показаніяхъ своихъ Полковница хотя и не очень отрицала то, что она строго содержала крестьянскихъ бабъ за работой, но о всѣхъ другихъ обвиненіяхъ не хотѣла ни чего знать, говоря, что бабы тѣ, изъ ненависти будьто бы и по злобѣ за наложенныя на нихъ работы, взводятъ на нее такую клевету. Нѣкоторые иноземные слуги Лесли, давшіе къ оправданію своей Госпожи благопріятныя показанія, засажены были въ темницу и имъ угрожали пыткой. Крестьянскія же бабы сами напрашивались на пытку. Остальные бывшіе еще на свободѣ, съ горя передрались другъ съ другомъ и, пролившіи много крови съ той и другой стороны, не хотѣли жаловаться ни на кого. Наконецъ въ дѣло это вступился Патріархъ: онъ убѣдительно представилъ Его Царскому Величеству необходимость отобрать у иноземцевъ всѣ имѣнія и на будущее время ни кому изъ нихъ таковыхъ не давать, на тотъ конецъ, чтобы невѣрные и некрещеные Нѣмцы не могли впередъ обращаться такъ съ Православными Христіянами въ ихъ собственномъ Отечествѣ, и чтобы ихъ Православное Богослуженіе ограждено было отъ поруганія. Бояре, которые давно уже потирали свои жадныя руки на устроенныя хорошо имѣнія Нѣмцевъ, съ своей стороны прилежно подкладывали дровъ въ зажженный Патріархомъ огонь: они ежедневно докладывали Его Царскому Величеству отъ себя, чтобы покорнѣйшее ходатайство Патріарха было имъ принято въ уваженіе. Въ слѣдствіе всего этого было порѣшено: отобрать у Лесли имѣніе и съ крестьянами, на томъ основаніи, что онъ не Русской Вѣры; ибо на будущее время только Русскіе будутъ имѣть право владѣть подобными имѣніями. Не зная, какъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ и чѣмъ содержать жену свою и дѣтей, лишившись такого имѣнія, Лесли рѣшился и объявилъ, что если бъ только онъ могъ удержать на будущее время имѣніе съ крестьянами за собой, то онъ готовъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, перейти въ Русскую Вѣру и окреститься. Заявленіе это благосклонно принято было Патріархомъ и при Дворѣ, и Лесли дано было обѣщаніе, согласно съ его желаніями.

Въ слѣдствіи сего онъ помѣщенъ былъ, вмѣстѣ со всѣми своими, въ одномъ монастырѣ, высидѣлъ тамъ шесть недѣль, а въ это время получилъ тамъ наставленія въ основныхъ началахъ Русской Вѣры, главнымъ же образомъ ознакомился только съ обрядами Русской Церкви, а за тѣмъ его погрузили въ водѣ и такимъ образомъ окрестили (съ семьею). Новокрещеннымъ даны были новыя имена и подарены богатыя Русскія одежды тестемъ Великаго Князя, Боярином Ильею Даниловичемъ, и Боярыней его, которые были крестными отцемъ и матерью при крещеніи. Послѣ этого Полковникъ долженъ былъ снова обвѣнчаться съ своей жёною, и свадьбу эту тотъ же Боярин Илья устроилъ ему на своемъ дворѣ. Его Царское Величество подарилъ новымъ Русскимъ, за приращеніе своей Вѣры, 3000 рублей, что составляетъ 6000 рейхсталеровъ.

Крестьяне же и крестьянки имѣнія, бывшаго у Лесли, какъ только провѣдали, что Лесли съ семьею въ монастырѣ, и что они опять должны будутъ пойти подъ старое ихъ иго, подали просьбу, чтобы ихъ пощадили отъ власти Лесли, и что они охотно и покорно будутъ служить всякому другому владѣльцу, какого только угодно будетъ Его Царскому Величеству назначить имъ. Къ этому времени случилось еще, что одному новоперекрещеннику, Французу Антонію де Гронъ, также обѣщано было дать имѣніе, и онъ-то сталъ просить, чтобы ему дали имѣніе Лесли, такъ какъ онъ слышалъ, что крестьяне того имѣнія просили о дачѣ имъ другого владѣльца; самыхъ крестьянъ этѣхъ онъ также подговорилъ, чтобы они просили Его Царское Величество дать имъ его, Грона, Господиномъ. Въ слѣдствіи всего этого Де Гронъ получилъ сказанное имѣніе, которымъ и владѣетъ онъ по настоящее время. Лесли же уговорили развязаться съ крестьянами, которые подъ конецъ могли свернуть шею ему и всему семейству его. По этому, въ мирное время, онъ получаетъ отъ Его Царскаго Величества жалованье по 90 рейхсталеровъ въ мѣсяцъ, на равнѣ съ другими Полковниками. Сыну его тоже дается Полковничье содержаніе, хотя и не столь высокое, какъ отцовское.

Въ противоположность этѣмъ примѣрамъ непостоянства въ Вѣрѣ мужчинъ, я разскажу здѣсь замѣчательный примѣръ неколебимой твердости одной слабой женщины.

Около 32-хъ лѣтъ тому назадъ прибылъ въ Россію поименованный выше Французскій Баронъ Пьеръ де Ремонъ (Pierre de Remont), поселился въ Москвѣ и женился тамъ на одной 15-тилѣтней дѣвицѣ (родной дочери одного Англійскаго Дворянина, давно уже проживавшаго въ Москвѣ), которая тогда считалась первою красавицей изъ всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ иностранокъ. Баронъ этотъ, чтобы пріобрѣсть милость Великаго Князя и доброе расположеніе его знатныхъ Бояръ, принялъ Христіянскую Вѣру, окрестился и названъ былъ Иваномъ. Русскіе, равно какъ и самъ Баронъ, охотно желали, и всячески домогались, чтобы и жена его, остававшаяся Кальвинисткой, также добровольно перекрестилась въ Русскую Вѣру. Когда же она воспротивилась этому ихъ желанію, то Патріярхъ, сначала добрыми желаніями и богатыми обѣщаніями, пытался склонить ее, и за тѣмъ, когда она не пошла на нихъ, сталъ уже представлять ей и жесткія угрозы; въ слѣдствіе сего она подала челобитную, съ покорнѣйшею просьбою, что пусть лучше лишатъ ее жизни, чѣмъ Вѣры ея. Но она могла желать себѣ жить и умереть, а поступили съ ней такъ, какъ хотѣли. Дѣтей ея, прижитыхъ ею съ Барономъ, отняли у нея силою и окрестили въ Русскую Вѣру. Отецъ ея, который то же подалъ было челобитную, прося за дочь свою, былъ вытолкнутъ Патріярхомъ ногою, а дочь окрещена насильно; ибо Патріярхъ приказалъ, что если она еще сама не разумѣетъ чего, то съ нею слѣдуетъ поступить, какъ съ ребенкомъ, и совершить надъ ней крещеніе, хотя она и не желаетъ этого. Во время крещенія молодая Баронеса тоже оказала сильное сопротивленіе. Когда привели ее къ рѣкѣ, насильно сняли съ нея одежду и, по наставленію монахинь, которыя крестили ее, она долженствовала плюнуть, по обычаю, на свою Вѣру, то она, вмѣсто того, плюнула въ лицо одной монахини, которая приказывала ей сдѣлать это, а въ то время, когда погружали ее въ воду, она втащила туда съ собою и одну изъ монахинь, говоря при томъ: «Хотя вы и можете окрестить мое тѣло, но душа отъ того ни чего не воспримете.» Послѣ такого насильственнаго крещенія, или купанья, она послана была въ городъ Вятку (Siwatka) съ мужемъ своимъ, который назначенъ былъ Воеводою въ этомъ городѣ. Когда же, спустя нѣсколько времени, по обычаю Русскихъ мѣнять мѣста Воеводъ, Баронъ снова потребованъ былъ въ Москву,

гдѣ вскорѣ за тѣмъ умеръ, то вдова сняла было съ себя Русскую одежду и хотѣла опять пользоваться свободою въ своей вѣрѣ и ходить въ свою церковь, но такое намѣреніе дорого обошлось ей: у нея отняли двухъ сыновей ея и передали ихъ на воспитаніе одному Русскому Вельможѣ; самое же ее, вмѣстѣ съ маленькою дочерью, отправили и заточили въ монастырь, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы, называемый Бѣлозерскимъ (Belossora), въ которомъ она, имѣя отъ роду только 21 годъ, должна была безъутѣшно прожить цѣлыя пять лѣтъ, будто въ ссылкѣ, между старыми инокинями. Ибо она не только была лишена присутствія и сообщества своихъ сыновей, отца и другихъ ея друзей, но во все это время ни разу не смѣла открыто сообщить ни кому изъ своихъ о своей жизни и положеніи, равно и отъ нихъ сама не могла имѣть ни какихъ извѣстій. Не смотря на то, она все таки не хотѣла покланяться и молиться передъ Русскими образами, и скорѣе она стала было склонять окружавшихъ ее монахинь къ своему образу мыслей, нежели монахини тѣ склонили ее на свой.

Въ этомъ продолжительномъ заточеніи ея, счастіе поблагопріятствовало ей однажды въ томъ, что она тайно, посредствомъ особой уловки, могла наконецъ получить извѣстіе о своихъ. Такъ, однажды присланъ былъ изъ Москвы въ монастырь кровельщикъ Нѣмецъ, для покрытія того монастыря, и Баронеса весьма желала переговорить съ своимъ о своихъ, но ей мѣшали въ томъ монахини, которыя всюду и всегда сопровождали ее. Но кровельщикъ, для того, чтобы переговорить съ Баронесой, незамѣтно для Русскихъ, часто покрикивалъ по Нѣмецки на своего мальчика работника, иногда грозно поглядывалъ на него при этомъ, въ дѣйствительности же разговаривалъ въ это время съ Баронесой и передавалъ ей то, что было ему поручено, а также увѣдомлялъ ее потомъ, гдѣ именно должна она найти письмо, въ его отсутствіи. Между тѣмъ монахини, слыша такія покрикиванія кровельщика, ни чего другого въ томъ не предполагали, какъ только то, что мастеръ бранилъ, должно быть, своего малаго, или приказывалъ ему что ни будь по работѣ.

Такимъ-то способомъ добрая женщина получила вѣсть о своихъ, и сама дала мастеру отвѣтъ, дѣлая видъ, будто она проситъ его за мальчика.

Наконецъ, когда умеръ Патріархъ Филаретъ Никитичъ, по ходатайству и послѣ великихъ стараній близкихъ Баронесы, она освобождена была изъ монастыря, и ей дозволено было жить въ Москвѣ, только прислугу имѣть при себѣ не иначе, какъ изъ Русскихъ, при чемъ разрѣшено было и выходить ей, куда пожелаетъ (за исключеніемъ Нѣмецкой церкви), и ее могъ посѣщать всякій, когда хотѣлъ. Я также два раза посѣтилъ ее, вмѣстѣ съ ея зятьями, Гг. Петромъ Марцелисомъ (Marcellis) и Фенцелемъ (Fentzeln), (которые были женаты на сестрахъ Баронесы), и я съ удивленіемъ слушалъ, съ какимъ терпѣніемъ переносила она свое бѣдствіе и могла еще находить утѣшеніе въ этомъ бѣдствіи. Такимъ образомъ эта Г-жа Анна до конца своей жизни пребыла твердою въ своей Вѣрѣ, и, какъ я слышалъ недавно, умерла уже два года тому назадъ. Замѣчательно, что дѣдъ ея, умершій въ Англіи 5-ю годами прежде нея, на 126 году своей жизни, когда на сотомъ году своемъ овдовѣлъ, то вступилъ въ новый бракъ.

Вообще же, впрочемъ, не слышно, чтобы Русскіе насильно кого обращали въ свою Вѣру и, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные, или рабы; но если кто хочетъ имѣть супруга, или супругу, изъ ихъ Вѣры, то таковымъ свободы совѣсти, по отношенію къ ихъ Вѣрѣ, не предоставляется. Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ Вѣру, они охотно принимаютъ, и даже доставляютъ ему содержаніе на все время его жизни. Подобные перекрещенцы изъ другихъ Исповѣданій обыкновенно бываютъ гораздо злѣе по отношенію къ прежнимъ своимъ единовѣрцамъ, и даже по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ гораздо нетерпимѣе, чѣмъ сами Русскіе, чему можно было бы привести нѣсколько примѣровъ.

Если кто изъ Русскихъ за границей перейдетъ въ какую либо иную Вѣру, и потомъ возвратится въ Отечество, и захочетъ снова обратиться въ Русскую Вѣру, тотъ долженъ снова креститься. Такое новое окрещеніе Христіянъ, переходящихъ къ Русскимъ изъ другихъ Исповѣданій, Русскіе, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ Грековъ, которые, по отдѣленіи ихъ отъ Латинской Церкви, Латинское крещеніе считаютъ недостаточнымъ, и по тому желающихъ изъ Западной Церкви перейти къ нимъ и содѣлаться

членами Греческой Церкви, крестятъ вторично. Такіе перекрещенцы изъ Латинянъ, и вообще всѣ тѣ, которые слѣдуютъ въ этомъ дѣлѣ Грекамъ, въ 1215 году, опредѣленіемъ Папы Иннокентія III (in Concilio Lateranensi decreto 4) отлучаются отъ Церкви, о чемъ можно читать in Conciliis Magnis tom. 18, pag. 165.

ГЛАВА XXV.

О Русскихъ праздникахъ, торжественныхъ дняхъ, и какъ Русскіе слушаютъ слово Божее, о церквахъ Русскихъ.

Русскіе имѣютъ свои извѣстные, торжественные и праздничные, дни, въ которые они отправляютъ свои моленья въ церквахъ, и къ этѣмъ праздникамъ они прибавляютъ еще изъ каждой недѣли: Воскресенье, Середу и Пятницу; послѣдніе два дня у нихъ посты. Праздники этѣ въ настоящее время соблюдаются ими болѣе, чѣмъ прежде. Прежде они думали, что если они только рано утромъ были въ церкви, то остальное время дня снова могутъ приняться за свои обыкновенныя работы. При томъ же, празднованіе вообще свойственно только Господамъ, а не слугамъ и рабамъ, каковыми были Русскіе (какъ справедливо замѣчаетъ это Геберштейнъ, на 30-й страницѣ). По этому, еще въ бытность нашу въ Москвѣ, можно было видѣть, что по Воскресеньямъ, также какъ и въ будни, Русскіе сидятъ бывало въ своихъ мелочныхъ лавкахъ и мастерскихъ, и торгуютъ и работаютъ въ нихъ. Въ настоящее же время Патріархъ установилъ, чтобы не только по праздникамъ и Воскресеньямъ, но и по Середамъ и Пятницамъ, ни лавочки, ни мастерскія не открывались, а также въ этѣ дни должны быть закрыты кабаки и кружечные дворы, и чтобы въ нихъ ни чего не продавалось, особенно въ то время, когда въ церкви идетъ еще служба.

Большихъ праздниковъ, которые Русскіе ежегодно отправляютъ съ великимъ торжествомъ, считается 13 слѣдующихъ. Такъ какъ свой Новый Годъ начинаютъ они осенью, съ 1-го Сентября, какъ сказано уже было выше, то 1-й большой праздникъ ихъ

выпадаетъ на 8-е Сентября, который и называется у нихъ Праздникомъ Рождества Пречистой Богородицы (Prasnik Rososlua prizi-ste bogorodice).

2-й, 14-го Сентября: Воздвиженіе Честнаго Креста (Uzemirna Wosduisenja cresta).

3-й, 21-го Ноября: Введеніе во храмъ Пречистой Богородицы (Vedenja Priciste Bogorodice).

4-й, 25-го Декабря: Рождество Христово (Rososlua Cristova).

5-й, 6-го Генваря: Богоявленіе или Крещеніе, или день 3-хъ Святыхъ Царей (Bojejavlenja, Creschenia).

6-й, 2-го Февраля: Срѣтеніе Господне (Stretenja Gospoda boga).

7-й, 25-го Марта: Благовѣщеніе Пречистой Богородицы (Bla-gavesenia priceste bogorodice).

8-й, Вербное Воскресеніе (Werbna Woscreschenja), въ которое совершается большой крестный ходъ и празднуется въѣздъ Іисуса Христа во Іерусалимъ.

9-й, Великій День, или Воскресеніе Христово (Welikoi, Wos-creschenja Cristova).

10-й, Вознесеніе Христово (Wosnescenja Cristova).

11-й, Сошествіе Св. Духа, или Пятидесятница (Schestvie svetaga ducha).

12-й, 6 го Августа: Преображеніе Господне (Preobrosienja gospoda Christova).

13-й, 15-го Августа: Успеніе Пречистой Богородицы (Uspe-nja priziste Bogorodice).

Кромѣ того, почти нѣтъ дня, въ который бы не выпадалъ праздникъ того, или другого, Святого, а иногда въ одинъ день совпадаетъ по 2 и по 3 такихъ праздника, и праздники этѣ міряне могутъ праздновать, или нѣтъ, какъ кто хочетъ; Духовныя же лица обязаны святить этѣ дни чтеніемъ, пѣніемъ и служеніемъ обѣдни. У Русскихъ (у духовенства) есть постоянный Мѣ-

сяцесловъ (Calendarium perpetuum) по старому счисленію, который они хорошо изучили и по которому тотчасъ могутъ отыскать всѣ подвижные и неподвижные праздники.

По большимъ праздникамъ и по Воскресеньямъ Русскіе ходятъ въ церковь три раза: въ 1-й разъ передъ восходомъ солнца, и служба эта въ церкви называется у нихъ Заутреней (Saffterini); во 2-й разъ къ полдню, называется Обѣдней (Obeedni); и въ 3-й разъ вечеромъ, Вечерней (Wedscherni). Во время этѣхъ службъ Попъ или Священникъ читаетъ нѣкоторыя главы изъ Библіи, въ особенности нѣсколько Псалмовъ Давида, Евангеліе, иногда проповѣдь (Homilia) изъ Іоанна Златоуста, также Символъ Вѣры и нѣкоторыя другія молитвы, по временамъ поетъ во весь голосъ, напѣвомъ, похожимъ на употребляемый у насъ во время пѣнія Antiphonen и Responsorien (т. е., когда одинъ начинаетъ пѣніе, а другіе продолжаютъ). Въ промежутки между чтеніемъ и пѣніемъ Священникъ часто произноситъ: «Господи, помилуй!» и тогда весь предстоящій народъ повторяетъ эти слова, трижды осѣняя и благословляя себя крестнымъ знаменіемъ.

Послѣ чтенія и пѣнія Попъ уходитъ въ алтарь съ своимъ Діякономъ (Capellan), котораго каждый Священникъ долженъ имѣть при себѣ во всѣхъ духовныхъ священнодѣйствіяхъ, и служитъ обѣдню, по литургіи древняго учителя церкви, Василія Великаго (Basilii M.). Онъ наливаетъ въ чашу красное вино съ водою, крошитъ туда кислый хлѣбъ (geseuret), благословляетъ все это и при томъ съ четверть часа читаетъ. За тѣмъ ложечкой береть изъ чаши и принимаетъ только одинъ (съ Діякономъ), если нѣтъ ни кого изъ желающихъ причаститься; если же въ это время въ церкви есть больное дѣтя, которое желаютъ причастить, то причастіе даютъ и этому дѣтяти.

Если Священникъ въ день совершенія обѣдни имѣлъ съ женою своею совокупленіе, то онъ не долженъ служить обѣдни, а обязанъ поручить отправленіе ея другому Священнику.

Въ продолженіи обѣдни стоящій въ церкви народъ молится съ поклонами передъ образами и часто повторяетъ: «Господи, по-

милуй!» Священники, какъ сказано уже, не читаютъ ни какихъ проповѣдей, и не дѣлаютъ ни какихъ толкованій Библейскихъ текстовъ, но ограничиваются только чтеніемъ самихъ текстовъ, или проповѣдями помянутаго сейчасъ учителя Церкви, полагая, что Духъ Святый, при началѣ Церкви, дѣйствовалъ же посредствомъ слова Божія, безъ дальнѣйшихъ толкованій, по этому онъ можетъ дѣйствовать также и теперь. Къ тому же, въ слѣдствіе излишнихъ толкованій, образовываются будто бы различныя мнѣнія, которыя влекутъ только къ заблужденіямъ и ереси. Года два тому назадъ одинъ Муромскій Протопопъ (Morumski Protopop), по имени Логинъ (Login), вздумалъ было проповѣдывать, и началъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими подчиненными ему Попами въ Муромѣ (Morum) и въ другихъ городахъ, открыто читать проповѣди, поучать народъ слову Божію, увѣщевать его и даже наказывать, по чему такихъ Священниковъ-проповѣдниковъ и называли Казанча (Kasanscha); проповѣдники эти имѣли постоянно большое число слушателей. Когда же это сдѣлалось извѣстно Патріярху, то онъ тотчасъ же прекратилъ проповѣди, самихъ проповѣдниковъ отрѣшилъ отъ должностей, съ особою обрядностію проклялъ ихъ и подъ опалою сослалъ въ Сибирь.

Но пока у Русскихъ не будетъ проповѣдей и толкованій о дѣлахъ Вѣры, и въ особенности, пока у нихъ не будетъ надлежащихъ проповѣдниковъ, «qua fere unica via inferendae Evangelii luci uti solita est divina sapientia,» какъ говоритъ Поссевинъ, то и я, согласно съ нимъ, думаю, что Русскимъ трудно выбраться на истинный путь и улучшить нравственно ихъ образъ жизни; ибо никто заблуждающимся не указываетъ прямой дороги и не дѣйствуетъ на совѣты множества людей, ходящихъ въ грубомъ грѣхѣ, никто не увѣщеваетъ ихъ и не наказываетъ, за исключеніемъ одного палача, который, когда преступное дѣло уже совершено, полагаетъ временное наказаніе на спинѣ преступника.

У Русскихъ есть одна книга, содержащая въ себѣ пространное описаніе и толкованіе нѣкоторыхъ Евангельскихъ исторій, которыя искажены прибавленіями, баснями и весьма опасною ложью, и которыя они приводятъ, желая покрыть ими свои грѣхи. Упомяну здѣсь объ одной такой исторіи. Датскій Дворянинъ

Якобъ, бывшій Посланникомъ къ Великому Князю Московскому отъ Датскаго Короля, Фридриха II-го, въ описаніи своего путешествія, разсказываетъ, что въ Великомъ Новгородѣ онъ велъ не рѣдко разговоры о духовныхъ предметахъ съ Приставомъ своимъ, по имени Ѳедоромъ (Fedor), человѣкомъ старымъ и уже сѣдымъ. Этотъ Русскій человѣкъ былъ такого убѣжденія, что по отношенію къ грѣхамъ, хотя бы они совершались ежедневно, человѣку нѣтъ ни какой заботы, если только онъ захочетъ тутъ же и покаяться въ нихъ, и въ подтвержденіе этого убѣжденія онъ привелъ примѣръ разскаявшейся грѣшницы Маріи Магдалины. Эта Марія Магдалина была, будьто бы, со всѣмъ распутная женщина, долго вела блудную жизнь и, слѣдовательно, часто грѣшила. Но когда однажды она встрѣтилась на дорогѣ съ однимъ мужчиной, и мужчина этотъ уговаривалъ ее совершить съ нимъ блудъ, то сначала она было не хотѣла слышать и понимать его желанія до тѣхъ поръ, пока онъ, настаивая на своемъ желаніи, попросилъ ее именемъ Бога; тогда она уступила его просьбѣ. И такъ какъ она сдѣлала это во имя Бога, то не только получила прощеніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, но была даже внесена въ списокъ Святыхъ красными буквами. Этотъ разсказъ въ высшей степени возмутителенъ и отвратителенъ по отношенію къ святой волѣ Господа, и самая исторія о раскаявшейся грѣшницѣ загрязнена и искажена грубою ложью.

Вмѣстѣ съ этѣмъ я вспомнилъ то, что пишетъ о себѣ Фердинандъ Капонъ (Capon), происходившій изъ Флорентійскихъ Дворянъ, именно: какъ онъ, бывши монахомъ, употребилъ также во зло исторію Маріи Магдалины, для покрытія своего постыднаго дѣла, если только можно вѣрить словамъ его. Въ 7-й главѣ сочиненьица своего о своей монашеской жизни, которое написалъ онъ на Тосканскомъ языкѣ (а въ Лейпцигѣ переведено на Верхне-Нѣмецкій), говоритъ онъ: когда я въ одинъ постъ проповѣдывалъ въ Мессанѣ (Messana) и влюбился тамъ въ одну замужнюю даму, называвшуюся Г-жа Магдалина, которой тогда же и признался въ моей къ ней страсти, то она сказала мнѣ: «Я не люблю монаховъ, такъ какъ они черезъ чуръ уже гадки.» Когда же я день и ночь только и думалъ, какъ бы расположить ее къ себѣ такъ, чтобы она отвѣчала мнѣ на мои желанія, то придумалъ наконецъ

слѣдующую продѣлку: я прилежно обратилъ вниманіе на одежду, которую она обыкновенно надѣвала по праздникамъ и которая была краснаго цвѣта. На слѣдующее Воскресенье, когда именно она должна была прійти въ церковь слушать проповѣдь о Христѣ, я распорядился такъ, что выбралъ для проповѣди исторію о Маріи Магдалинѣ, такъ какъ исторія эта, какъ нельзя болѣе согласовалась съ предпринятымъ мною намѣреніемъ. Такимъ образомъ, когда въ проповѣди моей я описывалъ одежду и красоту Маріи Магдалины, то я точь въ точь обрисовалъ одежду и красоту этой другой Г-жи Магдалины, и чтобы она навѣрное уже уразумѣла, что, дѣлая это описаніе, я именно говорю о ней, я постоянно и пристально глядѣлъ прямо на нее и говорилъ такъ: «Прекрасная Магдалина ходила въ храмъ, одѣтая въ пурпуръ, и когда смотрѣть на нее издали, то всякій видѣлъ, что эта прелестная утренняя заря была не что иное, какъ предвѣстница повсюду прекраснаго солнца. Когда же она подходила ближе, то не было ни единаго человѣка, который бы, взирая на звѣзды глазъ ея, тотчасъ не ощутилъ въ душѣ своей вліянія страстной любви, который бы, видя розы ея ланитъ, не почуствовалъ въ груди своей произрастанія сладкихъ шиповъ, не было глаза, который бы не былъ ослѣпляемъ снѣгомъ бѣлой груди ея. На лѣвомъ ухѣ своемъ она носила серебряную лилію, которая, играя въ золотистыхъ волосахъ ея, придавала красотѣ ея особенную прелесть. На шеѣ ея, подобной бѣлизною слоновой кости, висѣлъ драгоцѣнный пиропъ (Pyropus), который, казалось, совершенно покраснѣлъ отъ гнѣва; ибо видѣлъ, что слава его помрачена живымъ кораломъ устъ ея.»

Когда я сказалъ все это, то увидѣлъ, что моя Госпожа Магдалина начала любезно улыбаться, и въ то же время щеки ея покрылись пурпуромъ; въ этѣхъ пурпурныхъ признакахъ я могъ какъ нельзя лучше читать, что она уразумѣла смыслъ моей рѣчи.

Какія рѣчи далѣе велъ Капонъ съ своею Госпожею, въ ея уже домѣ, до насъ не касается, и по тому о немъ сдѣсь распространяться болѣе не будемъ. Этотъ Капонъ былъ превеселый Господинъ, и всего только шесть лѣтъ тому назадъ умеръ у насъ, въ Шлезвигѣ. Разсказъ о немъ я привелъ къ тому, чтобы показать, какъ люди изобрѣтательны (особенно же Русскіе, такъ не-

чествіо обращающіеся съ словомъ Божіимъ), въ искаженіи Библейскихъ исторій, и какъ они злоупотребляютъ этѣми исторіями, для прикрытія грѣховъ своихъ; подобные примѣры приведемъ мы еще ниже, при обозрѣніи Персидской Религіи.

ГЛАВА XXVI.

О крестномъ знаменіи Русскихъ, объ осѣненіи себя симъ знаменіемъ, объ образахъ Святыхъ, предъ которыми Русскіе кладутъ поклоны.

При томъ, какъ Русскіе слушаютъ чтеніе нѣкоторыхъ главъ изъ Библіи, они стоятъ передъ образами съ непокрытыми главами (ибо ни кто, ни даже самъ Великій Князь, не впускается въ церковь съ покрытой головой, кромѣ Священниковъ, которые бываютъ тамъ въ скуфьяхъ на головѣ или шапочкахъ, которыми они посвящаются), кладутъ поклоны и осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, точно такимъ образомъ, какъ описываетъ Герберштейнъ. Они употребляютъ для этого сложенными три главныхъ перста правой руки, которыми прикасаются прежде къ челу, потомъ къ персямъ, и за тѣмъ къ правому и лѣвому плечу, всякій разъ произнося при томъ: «Господи, помилуй!»

Петръ Миклафъ, бывшій недавно Русскимъ Посломъ въ Голштиніи, сдѣлалъ мнѣ объясненіе этого крестнаго знаменія, и того, что мыслящіе люди приводятъ себѣ на память при осѣненіи себя этѣмъ знаменіемъ. Именно: три перста означаютъ Вознесеніе Христа, который пріуготовляетъ намъ мѣсто на небѣ. Прикасаніе перстами къ персямъ указуетъ сердце, которымъ пріемлется слово Божіе; прикасаніе къ правому и лѣвому плечу означаетъ свойства Страшнаго Суда, когда блаженные станутъ по правую, а злые по лѣвую, сторону, и первые возведутся въ вѣчную жизнь, послѣдніе же будутъ низвергнуты въ адъ.

Такъ крестятся и благословляютъ себя крестомъ Русскіе при начинаніи ими всякаго дѣла, какъ мірскаго въ домахъ, такъ и духовнаго, и безъ креста этого они не станутъ ни пить, ни ѣсть, и не приступятъ ни къ какой работѣ.

Что касается до почитанія образовъ, то не находятъ, чтобы оно было въ употребленіи въ церквахъ въ первые три вѣка, до времени Императора Константина Великаго, и хотя въ нихъ могли быть живописныя и рѣзныя священныя изображенія и притчи изъ Библейскихъ событій, какъ это видно изъ Тертуліяна, но изображенія этѣ не почитались вмѣсто Святыхъ, и не обоготворялись такъ, какъ онѣ обоготворяются Русскими. Русскіе говорятъ, что слѣдуютъ въ этомъ ученію Дамаскина, но я полагаю, что они и это заимствовали также изъ Греческой Церкви; ибо также не терпятъ рѣзныхъ образовъ, говоря, что Богъ воспретилъ дѣлать рѣзныя, а не писанныя, иконы и поклоняться имъ. По этому достойно удивленія, что Русскіе такъ высоко чтятъ рѣзной образъ Николая Чудотворца въ Москвѣ, можетъ быть, по тому, что онъ принадлежитъ не къ древнимъ, а къ новымъ, Святымъ ихъ. Вообще же у Русскихъ въ употребленіи живописные образа, которые пишутся безъ особаго искуства и украшеній, темно-масляными красками на доскѣ, длиною большею частью въ четверть, или полъ, аршина, а шириною нѣсколько уже.

Русскіе не уважаютъ и не почитаютъ образовъ, писанныхъ не Русскимъ, или не Грекомъ, и кѣмъ либо изъ другихъ народовъ, хотя бы иконы этѣ были сдѣланы изящно и искусно; какъ будьто отъ Вѣры живописца могло что либо пристать къ писанной имъ иконѣ!

Въ Москвѣ есть особенный торгъ и лавки, въ которыхъ Русскіе продаютъ такіе образа, или мѣняютъ ихъ на деньги и серебро, такъ какъ неблаговидно говорить, чтобы боговъ ихъ можно было покупать.

Русскіе также не оставляютъ своихъ образовъ ни кому, не принадлежащему къ ихъ Вѣрѣ, изъ опасенія, что люди этѣ не будутъ чествовать и обращаться съ онными подобающимъ образомъ.

Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Нѣмецкій купецъ Карлъ Мёлинъ (Carol Möllin) купилъ каменный домъ у одного Русскаго, и этотъ послѣдній приказалъ счистить всѣ образа, которые были написаны на штукатуренныхъ стѣнахъ этого дома, и старательно

собрать и взять оттуда самую пыль, образовавшуюся отъ счистки извести. Русскіе очень негодуютъ на насъ, когда мы свои священныя изображенія, и въ особенности распятіе Христа, дѣлаемъ на печахъ, и всѣми средствами стараются препятствовать намъ въ этомъ.

Крестьяне по селеніямъ отнюдь не дозволяли намъ касаться руками до ихъ образовъ, или ложиться на лавкахъ ногами къ образамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались, крестьяне приглашали къ себѣ Попа съ кадиломъ снова освятить образа, которые мы осквернили чѣмъ либо, по ихъ мнѣнію.

Въ церквахъ своихъ Русскіе имѣютъ великое множество образовъ, развѣшанныхъ кругомъ по стѣнамъ, изъ коихъ важнѣйшихъ и найболѣе чтимыхъ помѣщаютъ внизу, какъ, на примѣръ, образа Іисуса Христа, Св. Дѣвы Маріи и Николая Чудотворца, ихъ главнаго заступника (патрона). Каждый Русскій имѣетъ въ церкви своего собственнаго Святаго, или образъ, передъ которымъ обыкновенно и молится. Если кто совершитъ тяжкій грѣхъ, за который долженъ быть отлученъ отъ Церкви, то икона такого грѣшника выносится изъ церкви и употребляется у него только на дому, ибо отлученный не смѣетъ ходить въ церковь. Люди достаточные украшаютъ свои образа богатѣйшимъ образомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Образа считаются у Русскихъ необходимыми для молитвы, а по тому они находятся не только въ церквахъ и при всѣхъ торжественныхъ церковныхъ ходахъ, но и у каждаго на дому, въ покояхъ и комнатахъ, для того, чтобы во время моленья всякій могъ имѣть икону передъ глазами своими. Когда хотятъ молиться, Русскіе зажигаютъ одну, или двѣ, восковыя свѣчи, приклеиваютъ ее передъ иконой, въ слѣдствіе чего, когда случается, что они забываютъ погасить этѣ свѣчи, происходятъ частые пожары. До сихъ поръ еще Нѣмцы, собственно ради Русскихъ, должны были терпѣть такіе образа въ домахъ своихъ, иначе ни одинъ Русскій не вступалъ съ ними ни въ какое сношеніе, и имъ трудно было даже нанять для себя прислугу изъ Русскихъ. Въ настоящее же время Патріярхъ воспретилъ имѣть иконы Русскія въ покояхъ, занимаемыхъ Нѣмцами, которыхъ онъ считаетъ недостойными того.

Когда Русскій приходитъ въ домъ, или покой, другого Русскаго, то прежде всего воздаетъ честь Богу и крестится, говоря: «Господи, помилуй!» За тѣмъ уже обращается съ рѣчью и къ людямъ. Вошедши въ комнату, будто нѣмой, онъ не обращается ни къ кому, хотя бы въ комнатѣ сидѣло 10 и болѣе человѣкъ, но прямо ищетъ глазами образа, помѣщаемые обыкновенно за столомъ, на стѣнѣ, въ углу; если онъ тотчасъ же не усмотритъ образа, то спрашиваетъ: «Есть ли Богъ?» (Gestle Boch). За тѣмъ, усмотрѣвши образъ, онъ трижды крестится и кланяется передъ нимъ, и потомъ уже обращается къ людямъ, здоровается съ ними и начинаетъ толковать о своемъ дѣлѣ.

Русскіе приписываютъ своимъ образамъ великую силу, какъ будто они могутъ оказывать въ чемъ либо особое дѣйствіе и помощь. Часто уже упоминаемый, Датскій Дворянинъ Якобъ, говоритъ, что въ его время Русскіе привязывали на палку образъ и опускали его въ пиво, когда оно варилось, для того, чтобы пиво вышло лучше. Они питаютъ даже нѣкоторый страхъ, или ужасъ, передъ образами, какъ бы въ нихъ находилось нѣчто вещественно-божеское. Если они вздумаютъ удовлетворять свои плотскія побужденія въ присутствіи образовъ, то прежде завѣшиваютъ ихъ полотенцомъ. Иногда образа эти наводятъ ужасъ на людей. Такъ, въ 1643 году по Р. Хр., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ главнѣйшихъ въ Москвѣ образовъ, въ ликѣ своемъ нѣсколько покраснѣлъ, казалось, противъ обыкновеннаго. Попы тотчасъ довели объ этомъ до свѣдѣнія Патріярха и Великаго Князя, сочли это дѣломъ великой важности, предзнаменующимъ какъ бы нѣчто великое, призывали народъ къ покаянію и посту, чтобы отвратить тѣмъ угрожающую кару. Великій Князь, какъ Государь благочестивый и богобоязливый, весьма было принялъ это къ сердцу, призвалъ къ себѣ Русскихъ живописцевъ и при крестномъ цѣлованіи спросилъ ихъ: «Могло ли такое произойти естественнымъ образомъ, или нѣтъ?» Тщательно осмотрѣвъ образъ, живописцы объявили, что «это было вовсе не чудо, а произошло отъ того, что краска съ лика образа, отъ времени, нѣсколько сошла, и сквозь нее просвѣчивалъ грунтъ, который наложенъ былъ красной краской.» Этѣмъ объясненіемъ и разсѣянъ былъ ложный страхъ.

Иногда Попы пугаютъ народъ нарочно придумываемыми и изображаемыми ими знаками на иконахъ, чтобы налагать посты и дни моленій, и собирать извѣстныя жертвы и милостыни, которыя въ подобныхъ случаяхъ простодушный народъ щедро приноситъ такимъ Священникамъ, изъ чувства благоговѣнія. Такъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Архангельскѣ. Два тамошніе Попа собрали такою хитростью большія жертвенныя деньги, но, при дѣлежкѣ ихъ, не поладили, и одинъ изъ нихъ выдалъ въ обманѣ другого; въ слѣдствіе сего виновные были подвергнуты наказанію кнутомъ.

Что простой, неразвитый народъ приписываетъ своимъ образомъ великую славу, видно также изъ слѣдующаго: Когда, въ 1611 году, при взятіи Великаго Новгорода Шведскимъ Полководцемъ, Яковомъ Де ла Гарди, произошелъ въ этомъ городѣ пожаръ, то одинъ Русскій, взявши образъ Николая Чудотворца, началъ держать его противъ огня, молилъ Чудотворца, чтобы онъ помогъ и утушилъ пожаръ. Когда же помощи ни какой не послѣдовало и огонь все болѣе и болѣе распространялся, пожирая все вокругъ, этотъ Русскій вышелъ изъ терпѣнія, бросилъ образъ въ огонь и сказалъ: «Если ты насъ не хочешь спасти отъ огня, то спасай самъ себя, и погаси огонь!»

Къ этому можно прибавить, вмѣстѣ съ Лактантіемъ (Lactantio): «Quae vanitas aliqua ab his sperare tutelam, quae tueri semetipsa non possunt.» Во время того же, помянутаго сейчасъ, пожара воины, не нашедши почти ни чего въ домахъ, что бы пригодилось имъ, понабрали образовъ, и Русскіе догоняли этѣхъ воиновъ съ образами, и выкупали ихъ снова себѣ за дорогую цѣну.

Простой народъ, особенно живущій по деревнямъ и селамъ, пріучаетъ дѣтей своихъ къ страху Божьему тѣмъ, что ставитъ ихъ передъ образами, заставляетъ въ глубокомъ благоговѣніи и почитаніи клаияться передъ ними, креститься и произносить: «Господи, помилуй!» При этомъ, однако же, не объясняется, что значатъ образа, такъ что дѣти съ ранняго возраста своего воображаютъ, что образа суть какъ бы боги, какъ обыкновенно называются они и самыми взрослыми. Въ Ладогѣ хозяйка моя не

давала ѣсть своему ребенку, едва еще говорившему и ходившему, до тѣхъ поръ, пока онъ 9 разъ не почтитъ своего бога сказаннымъ образомъ: поклономъ и крестомъ.

Нѣкоторые же знатные люди, живущіе въ городахъ близъ церквей, имѣютъ не много лучшее, а разумнѣйшіе изъ нихъ и далеко другое, воззрѣніе на образа.

Въ Русской Нарвѣ жилъ, да и теперь живетъ, одинъ знатный, богатый купецъ, по имени Филиппъ Н., весьма общительный и любезный господинъ, который приходилъ иногда обѣдать къ нашимъ Посламъ и сообщалъ намъ о томъ и другомъ разныя дѣльныя свѣдѣнія. Однажды, именно 1634 года, Генваря 30, по его приглашенію, я посѣтилъ его, вмѣстѣ съ Врачемъ нашимъ, Гартманомъ Граманомъ. Вступивши съ нимъ въ разговоръ о Вѣрѣ Русскихъ и въ особенности объ образахъ, онъ высказалъ намъ такое воззрѣніе свое на Вѣру свою, по которому мы нашли въ немъ истиннаго Христіянина. Между прочимъ онъ сказалъ, что иконы онъ не очень уважаетъ; при этомъ взялъ носовый платокъ и провелъ имъ по иконѣ съ словами: «Этѣмъ платкомъ я могу стереть краски, и самую доску сжечь; какъ же послѣ этого могу я искать въ ней своего спасенія?» Онъ показывалъ намъ Библію на Славянскомъ языкѣ, и былъ въ ней хорошо начитанъ, прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ нея, перевелъ намъ ихъ и сказалъ: Сдѣсьто долженъ я искать волю Божію и вести себя сообразно съ нею.» О постахъ, которые большинство Русскихъ соблюдаетъ, и которыхъ онъ вовсе не чтилъ, онъ говорилъ: «Что въ томъ, если я не ѣмъ мяса, а, вмѣсто него, питаюсь самою дорогою рыбою и упиваюсь виномъ и медомъ? Истинный постъ таковой, какимъ уставилъ его Богъ, черезъ пророка своего Іоиля, въ 1-й и 2-й главахъ его, и я соблюдаю его, когда не ѣмъ ни чего, кромѣ хлѣба и воды и усердно молюсь Богу!» [1] При этомъ онъ жаловался на своихъ крестьянъ, что весьма многіе изъ нихъ не имѣютъ настоящаго понятія о дѣлахъ Вѣры и исполненіи ихъ Христіянскихъ обязанностей. Когда мы сказали ему на это, по чему онъ, имѣя самъ такое ясное понятіе о Богѣ, не старается наставлять въ немъ

[1] Видно, этотъ купецъ попабрался уже ума, разума, у сосѣдей своихъ. О. Б.

своихъ ближнихъ. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ къ тому ни какого призванія; при томъ же они не повѣрятъ ему, ибо и такъ уже считаютъ его за еретика. Относительно же иконъ онъ говорилъ, что хотя и держитъ ихъ, но дѣлаетъ то единственно для памятованія о Богѣ и о Святыхъ; при этомъ онъ вынесъ къ намъ изъ другой комнаты портретъ Густава, Короля Шведскаго, напечатанный на вызолоченной кожѣ и сказалъ: «Вѣдь вы можете же терпѣть эту картину въ нашихъ комнатахъ, такъ какъ она изображаетъ такого храбраго героя, совершившаго такія великія дѣла, въ честь его: по чему же мнѣ не имѣть образовъ Святыхъ, которые въ духовныхъ дѣлахъ были также великіе и чудесные мужи, въ память объ этѣхъ Святыхъ?» Вообще, мыслящіе Русскіе, хотя и чтятъ и молятся на иконы Святыхъ своихъ по ихъ Вѣрѣ, но не ради вещества, и не по тому, чтобы этѣ иконы были дѣйствительно образъ Бога, но изъ любви и уваженія къ Святымъ, находящимся на небесахъ. И такое почитаніе оказывается Русскими тѣмъ Святымъ, которыхъ изображаютъ иконы. Это именно то, что установили Греки въ 787 году по Р. Х., на Константинопольскомъ Соборѣ, противъ Иконоборцевъ (Iconomachos), на Соборѣ 350 Епископовъ, и что было введено въ Церковь ихъ въ то время, когда Патріархами были: въ Константинополѣ Тарасій, въ Александріи Политіянъ (Politianus), въ Антіохіи Ѳеодоритъ и въ Іерусалимѣ Илія. Но опредѣленіе это было отвергнуто на Франкфуртскомъ Соборѣ, созванномъ въ 794 году Императоромъ Карломъ Великимъ, какъ видно это изъ словъ. Canon. 2: «Allata est in medium quaestio de nova Graecorum Synodo, quam de adorandis Imaginibus Constantinopoli fecerunt, in qua scriptum habebatur, ut, qui Imaginibus Sanctorum ita, ut Deificae Trinitati servitium et adorationem non impenderent, anathema judicarentur. Qui supra sanctissimi patres nostri omnimodis adorationem et servitutem renuentes contempserunt, atque consentientes condemnarunt.» Tom. 20 Concil. mag., pag. 145.

Недавно одинъ Казанскій (Cansanski) Протопопъ, по имени Иванъ Нероновъ (Ivan Neronou), [2] началъ было въ Москвѣ открыто

[2] Сподвижникъ извѣстныхъ расколоначальниковъ Аввакума, Лазаря, Никиты и другихъ, послѣ принесшій раскаяніе Патріарху Никону. Онъ былъ Протоіереемъ въ Московскомъ Казанскомъ Соборѣ. О. Б.

говоритъ противъ почитанія образовъ, разсуждая такъ: «Несправедливо воздавать почитаніе, подобающее Богу, образамъ, которые дѣлаются руками человѣческими изъ дерева и красокъ, хотя бы они и служили изображеніями Бога и Святыхъ; ибо, на этомъ основаніи, по чему бы еще болѣе не чтить и не покланяться людямъ, которые созданы по образу Божію и которые дѣлаютъ самыя этѣ иконы?» Это то же, что говоритъ Сенека: «Simulacra Deorum venerantur, illis supplicant genu posito, illa adorant, illis per totum assident diem, aut adstant, fabros autem, qui illa fecere, contemnunt.» (De moralib.). Они почитаютъ изображенія боговъ, кланяются передъ ними и молятся на нихъ, цѣлый день сидятъ, или стоятъ передъ ними, мастеровъ же, которые сдѣлали этѣ изображенія, презираютъ.» Тоже у Лактантія: «Quanto justius est et verius viventia Dei simulacra excolere, ut promere arae viventem.» И далѣе: «Perversum est et incogruens, ut simulacrum hominis a simulacro Dei colatur (l. 6).» Не сообразное ни съ чѣмъ и нелѣпое дѣло, чтобы подобіе Бога чтило и обожало подобіе человѣка. Но добрый Священникъ, какъ только узналъ объ этомъ Патріархъ, тотчасъ же лишенъ былъ своего Священническаго сана и, съ угрозою жестокаго наказанія, заточенъ въ монастырь, называетый Каменнымъ монастыремъ (Cameno Monastir) и лежащій на Волгѣ, [3] съ тою цѣлію, чтобы ученіе это не распространилось и иконы сохранили бы обычное почитаніе ихъ.

Когда образа Русскихъ придутъ въ ветхость, когда ихъ источитъ моль, и они готовы разрушиться, то ихъ не бросаютъ и не сожигаютъ, но пускаютъ на рѣку, чтобъ онѣ плыли, куда хотятъ, или погребаютъ ихъ на кладбищахъ и въ садахъ, глубоко зарывая ихъ въ землѣ, и наблюдая потомъ, чтобы мѣсто, гдѣ они спрятаны, не подвергалось какому либо осквернению.

---

[3] Вологодской Губерніи и Уѣзда, на островѣ озера Кубенскаго. Такъ какъ островъ весь состоитъ изъ каменистаго щебноватаго кряжа, то отъ того получилъ онъ названіе себѣ Каменнаго, которое перешло и на самый монастырь, на немъ основанный; по главному же храму Преображенія Господня именуется и Спасо-Каменнымъ или просто Спасъ на каменномъ. Онъ принадлежитъ къ древ-

ГЛАВА XXVII.

О чтимыхъ Русскими Святыхъ, которые находятся въ ихъ странѣ и къ которымъ они установили хожденіе на поклоненіе.

Антоній Поссевинъ справедливо пишетъ (De reb. Moscor. pag. 7), что у Русскихъ есть нѣсколько мощей, почитаемыхъ ими за Святыхъ, о которыхъ они разсказываютъ, что они и въ настоящее время творятъ великія чудеса и могутъ исцѣлять больныхъ; нѣкоторыя изъ такихъ мощей покоятся въ Москвѣ. Два года тому назадъ, именно въ 165 году, Русскіе обрѣли новаго Святаго, весьма ими чтимаго. Имя этого Святаго Чудотворецъ (Sudatworetz) Филиппъ Митрополитъ; онъ происходилъ изъ древняго Дворянскаго рода Колычевыхъ (Collitzioven), жилъ въ Москвѣ при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ, и такъ какъ онъ часто высказывалъ тирану правду, за его возмутительное, жестокое управленіе и не Христіянскую, даже не человѣческую, жизнь, то онъ сдѣлался несносенъ Царю, впалъ въ немилость у него и сосланъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. За тѣмъ, когда и оттуда онъ иногда писаніями не переставалъ увѣщевать тирана и остротою своего пера растравлялъ снова старыя раны, то разгнѣванный тиранъ послалъ въ монастырь одного изъ слугъ своихъ, съ приказаніемъ удавить Филиппа веревкою. Колычевъ, готовый на смерть, добровольно покорился волѣ Царя, но просилъ только убійцу, чтобъ онъ не душилъ его веревкою, а лишилъ бы его жизни ножемъ, что тотъ и исполнилъ, вонзивъ ему ножъ подъ сердце въ животъ. [1] Братья иноки сказаннаго монастыря объявили его мученикомъ, увезли тѣло его на островъ, лежащій за Архангельскимъ, на Бѣломъ морѣ, и тамъ погребли его

нѣйшимъ обителямъ Вологодскимъ, въ, такъ называемой, Заволоцкой Чуди; построенъ въ половинѣ XIII вѣка Бѣлозерскимъ Княземъ, Глѣбомъ Васильковичемъ. Съ 1801 года въ него переведена Бѣлавинская Богоявленская пустынь (бывшая въ Кадниковскомъ Уѣздѣ той же Губерніи, на островѣ Бѣлавинскаго озера); по чему и велѣно сему монастырю называться впредь Бѣлавинскою пустынью на Каменскомъ острову. О. Б.

[1] Какъ извѣстно, Малюта Скуратовъ задушилъ его подушкой. О. Б.

въ одной часовнѣ. Островъ этотъ называется Соловка (Soloffka), и онъ показанъ на картѣ Бѣлаго моря, при описаніи Архангельска.

Настоящій Патріархъ заявилъ, что когда онъ былъ еще Ростовскимъ и Ярославскимъ Митрополитомъ, то слышалъ тамъ отъ извѣстныхъ людей, будто многіе недужные, ходившіе на поклоненіе мощамъ сказаннаго Святаго Филиппа, остающимся нетлѣнными, получали исцѣленіе; въ слѣдствіе чего онъ исходатайствовалъ у Его Царскаго Величества, чтобы мощи тѣ взяты были изъ Архангельска и перевезены въ Москву.

Для перевезенія этѣхъ мощей наряженъ былъ Боярин Михаилъ Левонтьевичъ (Lewontgewitz), съ однимъ Дьякомъ, [2] и Боярин этотъ, вмѣстѣ съ другою прислугою, взялъ съ собою и двухъ своихъ сыновей. Всѣ этѣ лица отправились на островъ Соловки на двухъ лодкахъ (Lodiggen) (или большихъ открытыхъ ботахъ). Посланный Боярин благополучно возвратился, Дьякъ же, съ двумя Боярскими сыновьями и прислугой, ѣхавшіе на другой лодкѣ, пропали безслѣдно и не были отысканы.

Когда тѣло Свя́таго Колычева находилось уже за милю только отъ Москвы, то Его Царское Величество со всѣми своими придворными и Патріархъ съ своимъ духовенствомъ вышли къ нему на встрѣчу, при чемъ Ростовскій и Ярославскій Митрополитъ, Варлаамъ, человѣкъ довольно тучный и имѣвшій уже за 70 лѣтъ, находясь недалеко уже отъ Святаго, упалъ, и такъ на мѣстѣ остался мертвымъ. Святый же съ великимъ торжествомъ ввезенъ въ Кремль и поставленъ въ Соборѣ (Sabor) или въ главнѣйшей въ Москвѣ церкви. Тамъ онъ явилъ многія чудеса надъ больными, приходившими къ нему на поклоненіе, и подъ старательнымъ наблюденіемъ Патріарха многихъ, которые и прежде, можетъ быть, не были слѣпы, хромы, глухи и нѣмы, сдѣлалъ

---

[2] Вѣрнѣе это были: Новгородскій Митрополитъ Никонъ, Боярин Князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и Дьякъ Гаврило Леонтьевъ. Боярин же Михайло (Михайловичъ) былъ Салтыковъ, отправленный того же дня (Марта 20-го) въ Старицу (Тверской Губ.), а не въ Соловки, съ Ростовскимъ Митрополитомъ, Варлаамомъ, и другими, по мощи Іова, Патріарха Московскаго. О. Б.

зрячими, на ногахъ, получившими слухъ и говорящими. [3] И всякій разъ, когда совершалось какое либо подобное чудо, звонили объ этомъ въ большой колоколъ, что въ началѣ случалось по 4 и по 5 разъ на недѣлѣ. Теперь же о чудесахъ этѣхъ не такъ часто слышно; ибо, какъ объясняютъ это Русскіе, во время прибытія Святаго, люди на Москвѣ были болѣе благочестивые, а теперь опять впали въ нечестіе и уже не съ такою, какъ прежде, вѣрою, ходятъ къ Святому. Говорятъ, мощи его и по нынѣ покоятся нетлѣнными, подъ покровомъ, котораго приподнимать, впрочемъ, никто не долженъ.

Кромѣ этого у Русскихъ еще есть Святой въ Троицкомъ монастырѣ, лежащемъ въ 12 миляхъ на западъ отъ Москвы, называемый Сергіемъ (Zerge), о которомъ Поссевинъ, именуя его Сергіемъ (Sergium), упоминаетъ на 7-й страницѣ, Герберштейнъ на 32-й, и Петрей, въ своей Русской Лѣтописи, на 11-й страницѣ. Вотъ что извѣстно объ этомъ Святомъ: онъ былъ рослый, дородный мужчина и въ началѣ храбрый воинъ, потомъ отказался отъ міра, сдѣлался отшельникомъ и подъ конецъ поступилъ въ Троицкій монастырь, [4] чтобы провести въ немъ отшельникомъ остальную часть своей жизни. Сдѣсь, за свое весьма набожное и богобоязненное житіе, избранъ былъ Игуменомъ, помогалъ многимъ людямъ своею молитвой и творилъ разныя чудеса. Онъ принялъ къ себѣ юношу, или ученика, по имени Никона, который во всемъ слѣдовалъ тѣмъ же добродѣтелямъ своего учителя. Сергій умеръ въ 1393 году. [5] Послѣ смерти и Никона, оба они причислены къ лику Святыхъ и погребены другъ подлѣ друга въ томъ же Троицкомъ монастырѣ. Русскіе говорятъ, что и нынѣ еще они могутъ всякому показать главы (Hirnschalen) сихъ Святыхъ съ нетлѣннымъ въ нихъ мозгомъ. Поляки неоднократно нападали на Троицкій монастырь и хотѣли взять его приступомъ, но монастырская братія всякій разъ выносила на встрѣчу непріятелю главу Святаго Сергія, и непріятели, въ слѣдствіе этого, не только не въ силахъ

---

[3] Это говоритъ Протестантъ. О. Б.

[4] Троицкій монастырь основанъ самимъ Преподобнымъ Сергіемъ. О. Б.

[5] Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, поставленъ 1563 годъ. Кончина Сергія одними относится къ 1391, другими къ 1392, а третьими къ 1393 году. О. Б.

были овладѣть монастыремъ, но и тотчасъ же начинали ссориться между собою и обращали оружіе другъ противъ друга. Петрей также упоминаетъ объ одной неудачной осадѣ этого монастыря, сдѣланной Польскимъ Полководцемъ, Иваномъ Сапѣгой (Jan Sapia), увѣряя, что собственно Шведское войско прогнало отъ монастыря сказаннаго Полководца. Самый монастырь, отъ имени Святаго Сергія, называется Троицко-Сергіевскимъ монастыремъ (Zergeoffski Troyza), или просто монастырь Св. Троицы.

Что касается до бывшаго въ этомъ монастырѣ мѣднаго горшка, о которомъ пишетъ Герберштейнъ въ помянутомъ выше мѣстѣ и о которомъ теперешніе Русскіе ни чего не знаютъ, то горшокъ этотъ былъ такого свойства, что если въ немъ варилось какое ни будь кушанье, особенно же капуста, то сколько бы ни ѣли изъ него этого кушанья братья иноки, горшокъ никогда не дѣлался пустъ и кушанья въ немъ всегда было ни мало, ни много, а столько, сколько было нужно. Достовѣрно же, впрочемъ, то, что въ этомъ монастырѣ болѣе 300 братьевъ, и что доходы его такъ богаты, какъ ни въ какомъ другомъ монастырѣ въ цѣлой странѣ; ибо Великіе Князья и богатые Бояре всегда дѣлали, и теперь еще дѣлаютъ, въ этотъ монастырь большіе вклады. Также по пути заѣзжающіе туда Бояре и купцы, по мѣрѣ состоянія своего, дѣлаютъ ему богатыя приношенія и подаянія, что бы иноки молились за ихъ души, и чтобы они сохранены были отъ всякихъ несчастій.

Великій Князь съ важнѣйшими изъ Бояръ своихъ ѣздитъ въ этотъ монастырь на богомолье дважды въ годъ, именно: въ Троицынъ и Михайловъ день. Не доѣзжая полумили до монастыря, Царь обыкновенно встаетъ изъ экипажа и со всѣмъ Дворомъ своимъ идетъ пѣшкомъ до обители, въ которой остается для молитвы нѣсколько дней, и во все это время Игуменъ продовольствуетъ Великаго Князя со всѣми его придворными и доставляетъ кормъ его лошадямъ. И такъ какъ мѣстоположеніе тамъ превосходно, кругомъ же большіе лѣса и дичь, то въ свободные отъ моленья часы Великій Князь потѣшается тутъ и охотою.

Выше былъ уже описанъ мною крестный ходъ, на которомъ присутствуютъ обыкновенно Великій Князь и Патріархъ,

каждый съ своими чинами, и въ которомъ оба они совершаютъ свое моленіе (Это бываетъ въ праздникъ Казанской Божіей Матери). Много лѣтъ тому назадъ, въ городѣ Казани, въ которой господствовали уже Русскіе, найденъ былъ въ землѣ образъ Св. Маріи, и образъ этотъ поставленъ былъ тамъ въ одной изъ церквей. Списокъ съ этого образа привезенъ въ Москву, гдѣ, въ память этого событія, и построена церковь, въ концѣ большой площади, у ножевыхъ лавокъ, которая и называется церковь Пречистой Казанской Божіей Матери (Precista Casanska). Въ церковь эту по нынѣ стекается на богомолье множество пріѣзжихъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ.

Точно также ежегодно бываетъ большое богомолье и въ Великомъ Новгородѣ (какъ тоже упомянуто выше), куда изъ разныхъ мѣстъ Россіи стекаются тысячи народа, отправляющагося за тѣмъ изъ города за 7 верстъ, въ Хутынскій монастырь (Chutina). Въ это время въ городѣ, особенно у Никольскихъ воротъ, въ сторонѣ, ближайшей къ монастырю, цѣловальники разбиваютъ свои палатки съ продажей вина, и тамъ-то совершается сильное пьянство и всякаго рода срамныя потѣхи. Праздникъ этотъ и самое богомолье Русскіе называютъ праздникомъ Варлаама Хутынскаго, установленнымъ въ честь Св. Варлаама, который родился въ Новгородѣ и погребенъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Мощи его также творятъ чудеса и исцѣляютъ недужныхъ. Подобныхъ, чтимыхъ Русскими Святыхъ, можно найти много и еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

ГЛАВА XXVIII.

О Русскихъ церквахъ.

При описаніи зданій въ Москвѣ было уже упомянуто, что въ Кремлѣ и въ городѣ находится множество церквей, часовенъ и монастырей, такъ что внѣ городскихъ стѣнъ и внутри ихъ, насчитывается болѣе 2000 церквей. Причина такого множества ихъ заключается отчасти въ томъ, что теперь каждый Вель-

можа, хотя и съ небольшимъ состояніемъ, устраиваетъ себѣ собственную свою часовню, которыя, равно какъ и церкви, большею частію каменныя. Каменныя церкви внутри всѣ съ круглыми сводами, но по чему онѣ строятся такимъ образомъ, Русскіе объяснить мнѣ не могли. Полагаю, впрочемъ, что постройку такую они удержали еще отъ древнихъ народовъ, которые также храмы свои строили круглыми, какъ это видно у Розина (Rosinus), въ его «De Antiquitatibus Romanis» (Lugduni, 1609, l. 1, c. 2, pag. 39); такъ какъ храмы суть жилища Бога, то они и должны, де, походить на круглый сводъ неба. Греческій историкъ, Діонъ Кассій, говоря о превосходномъ языческомъ храмѣ въ Римѣ, Пантеонѣ, который тоже круглый и существуетъ еще и нынѣ, также пишетъ, что храмъ этотъ, какъ показываетъ самое имя его (Пантеонъ), долженъ вмѣщать въ себѣ изображенія всѣхъ боговъ, и круглотою своею походить на небо. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что Пантеонъ построенъ круглымъ для того, чтобы богамъ, изображенія которыхъ стоятъ въ немъ вокругъ по стѣнѣ, не приходилось близко стоять другъ къ другу, ради ихъ достоинства и величія, которыя каждый изъ нихъ другъ передъ другомъ желаетъ сохранить за собою, но Боасаръ (Boissard, Jean Jacob, въ «Antiqu. Roman., pag. 48) пишетъ: «Такъ какъ М. Агриппа построилъ храмъ этотъ въ честь Опы (Opis) или Цибелы (Cybele), матери боговъ, которая имѣетъ подъ своимъ покровительствомъ круглую землю, то и храмъ самый долженъ быть круглый.»

Другіе же говорятъ, что древніе строили храмы свои круглыми по тому, чтобы тѣмъ обозначить безконечное величіе Бога, которому они въ нихъ покланяются. Это почти то же, что говоритъ Меркурій Трисмегистъ (Mercurius Trismegistus): «Deum sphaeram esse intellectualem, cujus centrum sit ubique, circumferentia nusquam, quia nusquam majestas Dei et immensitas terminatur.» Древніе имѣли также и особый способъ молиться, при которомъ они кругомъ поворачивались во время молитвы, какъ говорятъ объ этомъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus, въ «Lectiones antiquae. 1550, l. 10, c. 8, pag. 685), заимствуя это извѣстіе у Плинія: «In orando dextram ad os referimus totumque corpus circumagimus.» И пишутъ, что такой способъ молиться установилъ Нума Помпилій, второй Царь Римскій.

У Русскихъ въ церквахъ нѣтъ ни стульевъ, ни лавокъ; ибо никто, во время молитвы и Богослуженія, не долженъ у нихъ сидѣть, но всѣ стоятъ на ногахъ, или на колѣняхъ, или даже распростершись ницъ на землѣ, какъ это часто дѣлывалъ бывшій Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ.

Они не терпятъ также въ церквахъ своихъ ни органовъ и ни какихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, говоря: «Инструменты, не имѣя ни какого духа и жизни, не могутъ восхвалять Бога.» И хотя имъ возражаютъ на это, что и духъ и жизнь человѣкъ извлекаетъ изъ инструмента посредствомъ пріятныхъ звуковъ, при чемъ приводятъ въ примѣръ Давида, въ его псальмахъ, но Русскіе отвѣчаютъ въ такомъ случаѣ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ это было въ употребленіи, а въ Новомъ нѣтъ. Внѣ церквей, впрочемъ, въ домахъ, особенно во время своихъ пиршествъ, Русскіе любятъ музыку. Но такъ какъ ею стали злоупотреблять, распѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ всякаго рода срамныя пѣсни, то нынѣшній Патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существованіе такихъ кабачьихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ Русскимъ всякого рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву рѣку, и тамъ сожжены. Впрочемъ, Нѣмцамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу Нѣмцевъ, великому Боярину Никитѣ, которому Патріархъ многаго приказывать не осмѣливается, и который имѣетъ у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты.

На всякой церкви и колокольнѣ Русской необходимо долженъ быть крестъ одинъ простой, или тройной (послѣдній бываетъ большею частію). Наши церкви по этому, не имѣющія креста, Русскіе и не считаютъ за церкви. Такъ какъ крестъ означаетъ главу церкви, говорятъ они, которая есть Христосъ, и какъ Христосъ распятъ былъ на крестѣ, то по этому крестъ и содѣлался символомъ Христа, и строеніе, не имѣющее этого символа, не есть вовсе церковь. По этому же, далѣе, церковь есть святое, чи-

стое мѣсто, въ которое не должно входить ни что не чистое, въ слѣдствіи чего Русскіе неохотно впускаютъ въ свои церкви чужестранцевъ другихъ Христіянскихъ Исповѣданій. Такъ въ началѣ, когда мы пріѣхали въ Россію и нѣкоторые изъ насъ, по незнанію, вошли было въ церковь, просто только осмотрѣть ее, то насъ за руки вывели, и послѣ того метлою замели за нами полъ. У нихъ ужь такой обычай: если въ церковь войдетъ кто нечистый, или забѣжитъ собака, и они увидятъ это, то тотчасъ же обмываютъ осквернепное мѣсто, окропляютъ его Святою водою, и освящаютъ его снова огнемъ и окуриваютъ ладономъ. Свои кладбища они также содержатъ въ чистотѣ и святости: никто не смѣетъ мочиться на нихъ, подъ опасеніемъ большаго денежнаго взысканія.

На колокольняхъ у нихъ много колоколовъ, иногда по пяти и шести, и самый большой вѣситъ обыкновенно не болѣе двухъ центнеровъ; въ колокола эти звонятъ, когда созываютъ въ церковь, и когда, во время уже обѣдни, Священникъ возноситъ чашу съ дарами. Въ Москвѣ, по множеству церквей и часовенъ, нѣсколько тысячъ колоколовъ, которые, во время Богослуженія, производятъ такой разнообразный звонъ и гулъ, что не привыкшій къ нему, не можетъ слышать его безъ особаго удивленія. Одинъ человѣкъ можетъ за разъ звонить въ три, или четыре, колокола; веревки, за которыя звонятъ, привязываются у нихъ не за колокола, а за языки, и одинъ изъ этѣхъ веревокъ звонарь беретъ въ руки, другія же наматываетъ на локоть и, такимъ образомъ, подергиваетъ ихъ то одну, то другую; при этомъ звонари этѣ, разумѣется, должны имѣть особый навыкъ, чтобы звонить, какъ слѣдуетъ.

Колокольный звонъ Русскіе также считаютъ дѣломъ необходимымъ при ихъ Богослуженіи, полагая, что это послѣднее не полно безъ звона. По этому Русскій Приставъ очень удивился однажды, услыхавъ, что Шведскіе Господа Послы, въ Михайловъ день, говорили, что они также хотѣли справить свой праздникъ. «Возможно ли,» замѣтилъ Приставъ, «чтобы они могли справлять въ Москвѣ праздникъ, не взявши съ собою колоколовъ при отъѣздѣ въ такое далекое путешествіе!»

На церковныхъ дверяхъ и городскихъ воротахъ Русскіе вѣшаютъ, или изображаютъ, Св. образа, для того, чтобы приходящіе могли поклоняться имъ, креститься и произносить: «Господи, помилуй!» Они крестятся и молятся не только на образа, но и на кресты, водруженные на церквахъ, въ слѣдствіе чего вездѣ, на всѣхъ улицахъ, безпрестанно видишь, какъ Русскіе совершаютъ это набожное свое крестное знаменіе.

ГЛАВА XXIX.

О Русскомъ духовномъ управленіи, о духовенствѣ, церковныхъ служителяхъ и о монахахъ.

Духовное Управленіе, Консисторіи и церковные чины состоятъ подъ управленіемъ и наблюденіемъ одного Патріярха, Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, Архидіяконовъ, Протопоповъ и Поповъ. Патріярхъ есть верховный глава, подобно Римскому Папѣ у Католиковъ. Въ прежнія времена избраніе Патріярха зависѣло отъ Патріярха Константинопольскаго; въ послѣдствіи же Константинопольскій Патріярхъ давалъ только свое утвержденіе. Патріярхъ Филаретъ Никитичъ, третій изъ таковыхъ, былъ и послѣдній, котораго утвердилъ такимъ образомъ Патріярхъ Константинопольскій. Въ настоящее же время, какъ избраніе, такъ и утвержденіе, Патріярха совершается въ городѣ Москвѣ самими Русскими, и избирается изъ Митрополитовъ, (и другихъ духовныхъ лицъ) самими Митрополитами, Архіепископами и Епископами; для чего эти чины собираются въ самой большой церкви въ Кремлѣ, называемой Соборомъ, выбираютъ изъ среды себя двухъ, а иногда 4-хъ, или 5, лицъ, которыхъ считаютъ найразумнѣйшими, самыми начитанными и безпорочными въ жизни людьми, и представляютъ о нихъ Его Царскому Величеству; изъ этѣхъ-то, представленныхъ Царю, Его Царскимъ Величествомъ, по совѣщаніи съ другими духовными чинами, и избирается Патріярхъ. Иногда, если представленныя къ избранію лица были таковы, что, въ слѣдствіе равенства въ достоинствахъ ихъ, нельзя было предпочесть одного изъ нихъ другому, дѣло рѣ-

шалось по жребію, какъ случилось это, на примѣръ, при избраніи бывшаго передъ симъ Патріарха, который, будучи только Игуменомъ въ одномъ монастырѣ, какъ весьма ученый мужъ, за достоинство свое, былъ также представленъ къ избранію. [1] При этомъ, когда жребій палъ на него, и другіе чины противились было его избранію, бросили вторичный жребій, который и въ другой разъ палъ на него же. Когда же и послѣ этого Великій Князь замѣтилъ, что остальные духовные чины все еще косо посматриваютъ на избраннаго, брошенъ былъ новый жребій, въ третій разъ, и когда и въ этотъ разъ счастіе снова выпало на долю уже дважды избраннаго, то Его Царское Величество сказалъ: «Я вижу, что ему такъ назначено, и что онъ самимъ Богомъ избранъ Патріархомъ; по этому онъ и долженъ быть Патріархомъ, а не кто либо другой.»

По избраніи Патріарха выдается призывная (ставленная) грамота или письмо, за подписью и печатью избиравшихъ чиновъ, въ томъ, что онъ признанъ достойнымъ и избранъ въ Патріархи, по добровольному желанію всѣхъ ихъ, законнымъ образомъ. За тѣмъ Его Царское Величество дѣлаетъ утвержденіе.

Послѣ Великаго Князя Патріархъ пользуется наибольшимъ почетомъ и имѣетъ наибольшую власть въ цѣлой странѣ. Онъ есть судья надъ духовенствомъ въ дѣлахъ, которыя не исключительно подвѣдомы законамъ гражданскимъ (свѣтскимъ); онъ имѣетъ надзоръ надъ дѣлами Вѣры, добрыми правами и Христіянскимъ житіемъ, и все, что онъ найдетъ нужнымъ, или благимъ, въ этого рода дѣлахъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, установлять, вводить, или отрѣшать, что все и передаетъ Великому Князю на исполненіе. Въ распоряженіяхъ своихъ онъ не имѣетъ надобности совѣщаться ни съ Великимъ Княземъ и ни съ кѣмъ другимъ; противиться же ему тѣмъ болѣе никто не смѣетъ, кромѣ развѣ Боярина Никиты, который не послушалъ Патріарха въ дѣлѣ объ иноземномъ платьѣ, какъ уже сообщено мною выше сего. Бывшій Патріархъ, и въ особенности теперешній, сдѣлали

---

[1] Симоновскій Архимандритъ Іоспфъ, избранный 1642 года, Марта 21 дня. О. Б.

во многихъ дѣлахъ, вошедшихъ уже давно въ обычай по всей странѣ, большія перемѣны, многое отмѣнили и ввели много новаго, о чемъ я упоминалъ уже прежде, въ разныхъ мѣстахъ.

Теперешній Патріархъ называется Никонъ; какъ выше сказано, онъ былъ Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, человѣкъ лѣтъ 40, бодрый и веселый, живетъ въ Кремлѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ, которыя приказалъ онъ построить самъ для себя, дозволяетъ себѣ своего рода шутки и вообще поживаетъ себѣ хорошо и охотно отпускаетъ любезныя шутки. Такъ, недавно еще, онъ сказалъ одной прекрасной дѣвицѣ, которая, вмѣстѣ съ своими друзьями, крестилась въ Русскую Вѣру и должна была получить отъ него благословеніе: «Прелестная дѣвица! Я не знаю, поцѣловать ли мнѣ прежде тебя, или благословить?» Ибо, по обычаю Русскихъ, новокрещенныхъ, послѣ надлежащаго ихъ благословенія, привѣтствуютъ Христіянскимъ поцѣлуемъ.

Митрополитовъ, какъ Русскіе называютъ ихъ, всего четыре; это:

1. Новогородской (Novogorodskoi) и Великолуцкой (Welikolukskoy)—въ Великомъ Новгородѣ.

2. Ростовской (Rostoffskoi) и Ярославской (Jaroslauskoi)—живетъ въ Ростовѣ (Rostoff).

3. Казанской (Casanskoi) и Свіяжской (Swiatzkoi)—въ Казани (Cassan).

4. Сарской (Sarskoi) и Подонской (Podonskoi)—въ Сарскѣ (Sarski) и Подонѣ (Podon). [2]

---

[2] Какъ извѣстно, Епархія эта учреждена во второй половинѣ XIII-го столѣтія, въ Великомъ Сараѣ, столицѣ Ордынскихъ Хановъ на Волгѣ, близъ Царицына, для Христіянъ, пріѣзжавшихъ туда изъ Руси. А какъ Епископы Сарскіе завѣдывали также церквами по Дону; то, по тому, назывались они Сарайскими или Сарскими и Подонскими, иначе Сарскими и Переяславля Русскаго (по тому что второй Епископъ Сарайскій пребывалъ уже въ Переяславлѣ Русскомъ).

Этотъ послѣдній живетъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ.

За Митрополитами слѣдуютъ Архіепископы, которыхъ семь:

1. Архіепископъ Вологодской (Wologdskoi) и Велико-Пермской (Weliko-Permskoi), имѣетъ мѣстопребываніе свое въ городѣ Вологдѣ (Wologda).

2. Рязанской (Resanskoi) и Муромской (Muromskoi), живетъ въ Рязани (Resan).

3. Суздальской (Susdalskoi) и Тарусской (Torruskoi)—въ Суздали (Sussdal).

4. Тверской (Twerskoi) и Кашинской (Cassinskoi)—въ Твери (Twere).

5. Сибирской (Sibirskoi) и Тобольской (Tobolskoi)—въ Тобольскѣ (Toboleska).

6. Астраханской (Astrachanskoi) и Терской (Terskoi)—въ Астрахани (Aschachan).

7. Псковской (Pscouskoi) и Изборской (Sborskoi), живущій въ Исковѣ (Pleskau).

За этѣми—одинъ Епископъ:

Коломенской (Colmenskoi) и Касимовской (Cassieskoi) Епископъ, который живетъ въ Коломнѣ (Colomna), и, кромѣ этого, во всей странѣ болѣе нѣтъ ни какого другого Епископа. Въ Москвѣ, при Патріархѣ, состоитъ также одинъ Архидіяконъ, котораго онъ

Еще называются они въ нѣкоторыхъ памятникахъ Сарскими и Подре(ѣ)льскими, отъ слова ре(ѣ)ль, означающаго, между прочимъ, возвышенную полосу, гребень или гряду по поймѣ, которая разливомъ рѣкъ не попимается; отсюда Поре(ѣ)лье, Подре(ѣ)лье, такой край, каковымъ дѣйствительно есть все пространство между Волгой и Днѣпромъ, составлявшее въ свое время эту Епархію. Въ XIV столѣтіи переселились они въ Москву, на Крутицы, сохраняя, однако, прежнее названіе, и только въ послѣдствіи переименованы были въ Крутицкіе и Можайскіе; каѳедра эта упразднена въ 1783 г. О. Б.

держитъ какъ бы Канцлеромъ и своею правой рукою. Въ Соборѣ, въ Кремлѣ, находится еще одинъ Протодіяконъ (Protodiacon). Въ городахъ же состоятъ Протопопы (Protopopi), Попы (Popi) и Діаконы (Diaconi), за которыми ниже слѣдуютъ Пономари (Pannamari), отпирающіе и запирающіе церкви и звонящіе въ колокола. Въ монастыряхъ находятся разные Архимандриты, Келари (Kilari), Игумены (Igumeni), которые состоятъ начальниками въ нихъ, какъ Аббаты и Пріоры.

Патріярхъ, Митрополиты, Архіепископы и Епископы не могутъ жениться и должны, во все время состоянія ихъ въ сихъ должностяхъ, воздержаться отъ брачной жизни.

Всѣ эти духовные чины, за исключеніемъ Протопоповъ и Діяконовъ, не должны также носить колецъ на пальцахъ, ни употреблять портовъ, ни полотняной рубахи (которую они могутъ носить только шерстяную), ни спать на постеляхъ. Въ монастыряхъ же рѣшительно воспрещается употребленіе всякаго мяса, вина, водки, меду и крѣпкаго пива. Самъ Патріярхъ также не можетъ носить рубахи изъ полотна, а носитъ оную изъ шелковой матеріи темнаго цвѣта.

Обычная ежедневная одежда Патріярха, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, равно какъ и монаховъ, состоитъ изъ чернаго длиннаго кафтана, посверхъ котораго они надѣваютъ еще черный плащъ (мантію). На головѣ носятъ они клобукъ, объемомъ въ три локтя, съ твердой, круглой площадкой по серединѣ, на подобіе большой тарелки, а позади съ висящими отъ головы въ низъ концами. Идучи пѣшкомъ по улицамъ, всѣ эти лица носятъ въ рукахъ палку, называемую у нихъ посохомъ (Posok), который наверху заканчивается крючкомъ, длиною въ добрый палецъ, загнутымъ подъ прямымъ угломъ.

По множеству церквей въ Москвѣ числится до 4000 Поповъ или Священниковъ; ибо въ нѣкоторыхъ церквахъ, которыя считаются хоть сколько ни будь большими, состоитъ по 6, по 8 и даже по 10 Поповъ. Кто желаетъ быть посвященнымъ въ санъ Попа, отправляется къ Патріярху, Митрополиту, или Епископу, кто поближе, подвергается тамъ испытанію, и если по испытанію ока-

жется способнымъ, то есть, если онъ хорошо читаетъ, пишетъ и поетъ, то рукополагается въ Попы и утверждается въ этомъ санѣ письменнымъ одобреніемъ (attestation). При посвященіи на него надѣвается Священническій кафтанъ, весьма мало отличающійся отъ свѣтскаго, постригаются на макушкѣ волосы, и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею (Skuffja) (плотно лежащая на подстриженомъ мѣстѣ головы, прямо на кожѣ, какъ наши ермолки), около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадаютъ по плечамъ, какъ у женщинъ. Шапочку эту Попы никогда днемъ не снимаютъ, развѣ только для того, чтобы снова подстричь выросшіе на головѣ волосы; это какъ бы священная принадлежность, и она имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ Попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ, или сронитъ ее съ головы Священника на землю, тотъ подвергается большому взысканію и долженъ заплатить Попу безчестье. Но отъ этого Попы не меньше получаютъ побоевъ; ибо вообще они болѣе нетрезвый и праздный народъ, чѣмъ другіе люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ Попа, за тѣмъ поколотятъ его хорошенько, и снова бережно надѣваютъ на него оную. Однимъ словомъ, съ теченіемъ времени шапочкѣ той не придается уже такого большого значенія.

Протопопъ, Попъ или Священникъ, по примѣру Грековъ, долженъ имѣть одну только жену, и если она умретъ, то онъ не можетъ жениться въ другой разъ, оставаясь въ Священническомъ санѣ. Ибо изреченіе Св. Павла, къ Тимоѳ. 3, 2: «Подобаетъ убо Епископу быти мужу единыя жены», Русскіе понимаютъ не такъ, что оно сказано противъ многоженства (Polygamia), а что будто бы въ немъ заключается та мысль, что Попъ или Священникъ (по чему же не Епископъ? ибо въ подлинникѣ стоитъ прямо: Ἐπίσκοπος), необходимо долженъ имѣть одну только жену, и быть мужемъ не болѣе, какъ одной лишь жены.

Изъ этого же Русскіе, вмѣстѣ съ Греками, выводятъ, между прочимъ, также одну изъ главныхъ причинъ, по чему они не соглашаются съ Католическою или Римскою Церковію, а именно, что она воспрещаетъ Священникамъ брачное состояніе, и Русскіе полагаютъ, что Римская Церковь дѣлаетъ это въ противность опре-

дѣленія Св. Собора, какъ это видно изъ посланія одного Русскаго Митрополита, по имени Іоанна, къ Римскому Архіепископу (какъ онъ называетъ его). [3] Посланіе это находится у Герберштейна, въ «Commentar. rerum Moscov., стр. 22 и 23 (Antverpiae, 1557), въ которомъ, между прочимъ, заключаются слѣдующія слова:

---

[3] По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Митрополитъ этотъ—Іоаннъ II (по однимъ съ 1077, по другимъ съ 1080, по третьимъ съ 1082 до 1089 г.), а Папа—Климентъ III, Антипапа, прежде Равенскій Архіепископъ Вибертъ (Wibertus) (1080—1100 г.) Это въ особенности подтверждается Греческимъ текстомъ сего посланія, именно самимъ заглавіемъ его: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου Μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς Κλήμεντα Πάπαν Ῥώμης. Оно находится въ разныхъ рукописяхъ, Венеціи, Парижа, Вѣны, Иверскаго Аѳонскаго монастыря (прежде), Патріаршей (Синодальной) Московской Библіотеки и другихъ мѣстъ. Ясно по тому, что Митрополитъ, какъ Грекъ, писалъ свое посланіе по Гречески, а съ него уже переводъ сдѣланъ былъ на Русскій. Тотъ и другой напечатаны въ «Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ,» 1854 г., кн. I, отд. 3, стр. 1—20. Первоначально Русскій переводъ изданъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка.» М. 1821 г., стр. 205—218. Въ другомъ посланіи его (**Ѡ. Митрополита Роуского, написавшаго правило церковное ѿ скатыхъ книгъ въкратцѣ, Никокоу черноризцю**, помѣщенное въ «Рускихъ достопамятностяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» М. 1815, часть I, стр. 86—103, и въ «Исторіи Русской Церкви, соч. Макарія, Архіепископа Харьковскаго (нынѣ Литовскаго). С.-Петербургъ, 1868, т. II, стр. 369—377) Іоаннъ названъ Пророкомъ Христа, а Несторъ говоритъ о немъ, между прочимъ, что онъ былъ «мужь хытръ книгамъ и ученью, рѣчистъ, и сякаго не бысть преже на Руси, ни по немь не будеть сякъ.» П. С. Р. Л. I, Лавр., подъ 1089 годомъ, стр. 89. Но первый, старавшійся доказать, что Пророкъ Христа былъ Митрополитъ Іоаннъ II, а не Іоаннъ IV, какъ до того полагали, Папой же Климентъ III, а не Александръ III, это—К. А. Неволинъ. См. его изслѣдованіе о семъ въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ.» Спб. II, стр. 95—101. Греческій текстъ этого мѣста, приведеннаго Олеаріемъ по Гербеіштейну, который перевелъ его съ Русскаго, читается такъ: Τρίτον ἔγκλημα τὸ περὶ τῶν ἱερέων ἐστίν, ὅτι βδελύττεσθε τὸ ἀπὸ χειρὸς τούτων κοινονίας μεταλαμβάνειν. Ἄκουε τοίνυν τί καὶ περὶ τοῦτου τοῦ κεφάλαιου λέγει ἡ ἁγία καὶ ἐυσεβῆς σύνοδος τῶν ἐν Γάγρᾳ συνελθιυθότων ἁγίων καὶ θεοφόρων πατερῶν. περιέχεται τοίνυν ἐν τῷ τετάρτο κανόνι καὶ θεσπίσματι τῶν τοιούτων ταῦτα. Εἰ τις διακρίνοι τὸ παρὰ πρεσβυτέρου γεραμηκότος, ὡς μὴ χρῆναι λειτουργήσαντος αὐτοῦ προσφορᾶς μεταλαμβάνειν, ἀνάθεμα ἔστω. По Русски: **Третьи вина каша о краѣ срѣйстѣмъ**

«Maximus est error et peccatum de conjugio sacerdotum, quod ab illis, qui uxores habent, sumere corpus Christi renuitis. Cum Sancta Synodus, quae fuit in Gangra, scribat, in 4 canone: «Qui spernit sacerdotem, secundum legem uxorem habentem, et dicit, quod non liceat ex manibus ejus accipere Sacramentum, sit anathema!» Это правило находится въ «Concil. Magn., tom. 2, pag. 506, interprete Isid. Mercatore (въ переводѣ Исидора Меркатора), съ слѣдующими словами: «Si quis discernit presbyterum conjugatum (in Graeco textu: παρὰ πρεσβυτέρου γεγαμηκότος), tanquam occasione nuptiarum, quod offerre non debeat, et ab ejus oblatione ideo abstinet, anathema sit.» Glossator Conciliorum ad hunc canonem: «Non qui uxorem habet, sed habuit.» Possevinus vero, in «Apparatu Sacro», de voce Gangressis, pag. 617, ex Gregorio: «Regulae Sanctorum Patrum pro tempore, loco, persona et negotio, instante necessitate, traditae sunt.» Canon scriptus est contra Eustathianos, qui nuptias abominandas ducebant.»

Русскіе Священники, прежде чѣмъ поступятъ въ Священническій санъ, должны жениться, и непремѣнно на дѣвицѣ, а не вдовѣ, а тѣмъ болѣе не на развратной женщинѣ, или имѣющей развратныхъ родственниковъ. Если поступающій въ Священники на брачномъ ложѣ не найдетъ дѣвства, и это въ послѣдствіи обнаружится, то онъ лишается своей должности. Священникъ не можетъ итти къ алтарю и служить обѣдню, если на канунѣ, ночью, имѣлъ плотское совокупленіе съ женою своею. Если у Священника умретъ жена, то онъ можетъ служить только заутреню и вечерню, но не обѣдню, въ которой совершаются таинства. Онъ не можетъ уже въ такомъ случаѣ служить у алтаря, а также ни крестить, ни вѣнчать, но только можетъ читать и пѣть во время службы. Такіе Священники обыкновенно употребляются при по-

---

есть, ꙗко и гнушаетеся отъ рукъ таковыхъ причащатися. Послушай же нынѣ, что о сей главизнѣ глаголетъ святый богоустный съборъ иже въ Гангрѣ. Пишетъ же нынѣ въ д҃. правилѣ такое: иже уничижаетъ презвитера, по закону женѣ причтена, и глаголетъ, ꙗко же подобаетъ, служащу ему, отъ того причащенія не принимати, да проклятъ будетъ! Ясно, переводъ этотъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему подлиннику. О. Б.

сольствахъ, для прислуживанія посламъ при Богослуженіи. Они не могутъ также вступать во второй бракъ; по этому молодой Священникъ, которому нельзя вѣрить, чтобы онъ прожилъ въ чистотѣ внѣ брачной жизни, можетъ сложить съ себя свою скуфью и рясу, стать міряниномъ, заняться торговлею, или ремесломъ, и тогда можетъ снова жениться, что не рѣдко и случается. Если же Священникъ старъ и не можетъ, или не желаетъ, служить въ церкви только заутреню и вечерню, то онъ можетъ поступить въ монастырь и сдѣлаться монахомъ.

Русскіе по городамъ и внѣ городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, имѣютъ множество монастырей мужскихъ и женскихъ, и большая часть ихъ основаны по правиламъ Василія Великаго.

Въ монастыри поступаютъ частію по бѣдности, частію по старости и увѣчью, частію же по нежеланію жить съ своими супругами, а нѣкоторыя по инымъ особеннымъ причинамъ, противъ воли, нѣкоторые даже, наконецъ, по особой набожности, добровольно, что дѣлаютъ иногда и люди довольно богатые. Если въ монастырь вступаетъ богатый человѣкъ, то онъ беретъ съ собою только часть своего имущества, въ наличныхъ деньгахъ; прочее же все остается въ пользу его наслѣдниковъ, какъ это установлено нѣсколько лѣтъ тому назадъ на ихъ новомъ Соборѣ (Nova Soborna) Въ прежнее же время такіе люди брали въ монастыри все свое имѣніе, отъ чего значительная часть земли отошла къ монастырямъ, такъ что наконецъ Царь могъ остаться безъ земли и крестьянъ. Нѣкоторые монастыри по этому пользуются богатыми доходами, хотя другіе, напротивъ, очень бѣдны. Монастырская братья содержится строго и должна неупустительно исполнять свои обязанности. Такъ, они прилѣжно должны отправлять часы молитвы и богослуженій въ извѣстное время дня и ночи, и постоянно почти имѣть при себѣ четки (Rosaria). Вообще монашествующіе ведутъ довольно суровую жизнь въ монастыряхъ, никогда не ѣдятъ мяса, и рыбу никогда свѣжую, но только соленую, за тѣмъ питаются медомъ, молокомъ, сыромъ и овощами, преимущественно свѣжими и солеными огурцами, пьютъ при этомъ квасъ (Quass), или сырецъ (Kovent), или же крошатъ въ квасъ огурцы, и ѣдятъ такое кушанье ложками. Внѣ же монастыря они дозволя-

ютъ себѣ пображничать и иногда такъ-то наѣдятся и напьются у другихъ, что приходится ихъ везти уже изъ гостей въ монастырь. Большинство монаховъ совершенно простые и неразвитые люди; десятый развѣ изъ нихъ, также какъ и всѣ почти Русскіе изъ простонародья, едва знаетъ молитву: «Отче нашъ» (какъ объ этомъ справедливо пишетъ Clem. Adam въ «Anglor. navigatione ad Moscovitas» («Orationem Dominicam decimus quisque haud novit»). Только немногіе знаютъ 10 Заповѣдей Господнихъ, полагая, что знаніе подобныхъ вещей свойственно только знатнымъ господамъ и высшимъ духовнымъ чинамъ, а вовсе не имъ, какъ это можно читать у Гваньина, с. 2, «De relig. Russorum.» Геннингъ (Henning), въ своей Лифляндской лѣтописи (Liefflaendische Chronica. Leipz. 1594), на страницѣ 55, упоминаетъ, что однажды Грозный Великій Князь, бывши въ Новгородѣ на свадьбѣ у Датскаго Герцога, Магнуса, отколотилъ палкою по головамъ нѣсколькихъ монаховъ за то, что они были до такой степени несвѣдущи, что даже Символа Вѣры, который Великій Князь самъ пѣлъ, вмѣсто брачной пѣсни, не могли читать по книгѣ такъ бойко, какъ онъ пѣлъ его на память. Простые монахи часто встрѣчаются по улицамъ пѣшіе и на конѣ, или же на телѣгахъ, какъ крестьяне, или извощики, и они покупаютъ и торгуются точно міряне, отъ которыхъ ихъ и отличить нельзя иначе, какъ только по ихъ черной одеждѣ.

Есть также и такіе Русскіе, которые, по особому набожному настроенію, удаляются въ лѣса, и тамъ, у дорогъ, строятъ часовни, въ которыхъ проводятъ свою суровую пустынническую жизнь и содержатъ себя только подаяніями, которыя даютъ имъ крестьяне и вообще проѣзжающіи мимо народъ. Такихъ пустынниковъ мы видѣли нѣсколько на пути между Новгородомъ и Тверью.

ГЛАВА XXX.

О постахъ Русскихъ.

Русская Церковь предписываетъ довольно строгій родъ постовъ, которые люди набожные и богобоязливые исполняютъ въ точности, другіе же хотя и соблюдаютъ посты, но не такъ строго. Вообще же всѣ Русскіе, сколько я могъ узнать, предоставленные самимъ себѣ, и даже въ дорогѣ, въ постные дни отнюдь не станутъ ѣсть мяса; за то знатные люди по Средамъ и Пятницамъ ѣдятъ самую лучшую рыбу. Когда же бываетъ какой ни будь изъ главнымъ постовъ, то и они также, по наружному виду, въ ѣдѣ довольно умѣренны и воздерживаются отъ всего, что происходитъ отъ живности (мяснаго), а въ настоящее время не употребляютъ даже сахару, не считавшагося прежде поганымъ; ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ иноземный купецъ, по имени Бокъ (Bock), объявилъ Патріярху, что сахаръ очищается будьто бы яичнымъ бѣлкомъ.

У Русскихъ въ году болѣе постныхъ дней, чѣмъ иныхъ, въ которые они могутъ ѣсть мясо. Кромѣ двухдневнаго въ недѣлю, сейчасъ упомянутаго, поста (по Средамъ и Пятницамъ), у нихъ первый самый большой постъ семинедѣльный in Quadragesima, начинается на: «Esto mihi,» и продолжается до Пасхи. Первую недѣлю этого поста называютъ Русскіе Масляницей (Maslaniza), когда они не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, а только масло, молоко и яйца, но при этомъ всѣ дни до такой степени услаждаютъ себя и напиваются водкой, медомъ и пивомъ, что теряютъ всякое сознаніе, въ слѣдствіе чего бываетъ всякаго рода разгулье и шалости, а въ прежнее время, какъ выше уже сказано мною, совершалось множество дракъ и убійствъ. Такимъ образомъ такое препровожденіе времени представляетъ плохое приготовленіе себя къ посту. Сдѣсь хорошо можетъ послужить напоминаніе, которое дѣлаетъ Василій «De laude jejunii.» «Non per temulentiam aditus ad jejunium, nec ad sobrietatem per lasciviam.» Homil. 1, pag. 186. Слѣдующую же за тѣмъ недѣлю они начинаютъ жить умѣренно, ѣдятъ только медъ и овощи, пьютъ квасъ и воду, ходятъ въ баню, потѣютъ тамъ и обмываются отъ грѣховъ, содѣянныхъ ими въ предшествовавшую недѣлю и испрашиваютъ у Священника благословеніе. Остальное

время этого поста большинство Русскихъ, которые желаютъ вести себя болѣе набожнымъ образомъ, не ѣдятъ даже ни какой рыбы, за исключеніемъ Воскресныхъ дней. Другой постъ начинается черезъ восемь дней послѣ Пятидесятницы и продолжается до Петра и Павла. Постъ этотъ называется Петровскимъ. Третій постъ съ 1 Августа и продолжается 14 дней. Четвертый съ 12-го [1] Ноября до Рождества Христова. Недѣлю же послѣ Рождества Христова по Новый Годъ Русскіе ѣдятъ всякаго рода мясо, и ни кто уже изъ нихъ не пропуститъ этого времени поѣсть мяснаго, кто только можетъ купить себѣ его. То же самое дѣлаютъ они и по всѣмъ праздникамъ и во всѣ Воскресные дни, если только они не приходятся во время постовъ, и они думаютъ даже, что было бы грѣшно не ѣсть въ эти дни мяса, и въ этомъ отношеніи они вовсе не желаютъ жить (какъ говоритъ Гваньинъ) противу Апостольскаго правила, описаннаго Папою Клементомъ (Clement. Papae canon. Apost.) а именно, что въ Воскресенье, или въ день Субботній, ни кто не долженъ поститься: «Si quis Clericus inventus fuerit die Dominico jejunare, vel Sabbatho, praeterquam uno solo, deponatur; sin autem Laicus, segregetur.» Правило это находится въ «Concil. Magn.», Венеціянскаго изданія томъ 1, стр. 23, Канонъ 65, а въ новомъ Парижскомъ изданіи оно опущено.

Во все время постовъ, особенно во время Великаго Поста, когда Русскіе не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, а также въ продолженіе 8 дней передъ принятіемъ Св. Таинъ, ни Священникъ и никто другой не смѣетъ имѣть плотскаго сообщенія съ женою своею, подъ опасеніемъ значительнаго денежнаго взысканія. Полагаю, впрочемъ, что по доносамъ самихъ виновниковъ въ подобныхъ дѣлахъ, или женъ ихъ, не много собирается такихъ взыскныхъ денегъ.

Въ Великій Постъ, когда наступаетъ время, въ которое Русскіе собираются говѣть и исповѣдываться, нѣкоторые изъ нихъ покупаютъ птицъ, и выпускаютъ ихъ на волю, полагая, что этѣмъ они совершаютъ доброе дѣло, и что Богъ точно также освободитъ ихъ и отъ ихъ прегрѣшеній.

---

[1] Ошибочно, вмѣсто 15. О. Б.

ГЛАВА XXXI.

О Покаяніи и Св. Причащеніи.

Исповѣдь Русскіе считаютъ дѣломъ необходимымъ для обращенія и примиренія своего съ Богомъ, и взрослые и пришедшіе уже въ разумъ люди неупустительно должны отправлять его передъ Таинствомъ Причащенія. Хотя каждому предоставляется на волю исповѣдываться и причащаться, когда захочетъ, но вообще для говѣнья стараются употреблять время около св. Пасхи, говѣютъ на Страстной Недѣлѣ, нѣкоторые и прежде, исповѣдываются же большею частію въ Пятницу, и за тѣмъ въ Субботу подъ Пасху причащаются. Восемь дней передъ исповѣдью они умерщвляютъ плоть свою строгимъ постомъ, не ѣдятъ и не пьютъ ни чего, кромѣ хлѣба и квасу и другихъ кислыхъ напитковъ, такъ что за это время говѣющіе спадаютъ съ тѣла и дѣлаются отъ того больные. Покаяніе должно совершаться по среди церкви, подъ круглымъ сводомъ, передъ Священникомъ. Кающійся во время исповѣди долженъ держать глаза свои постоянно устремленными на приготовленный для того образъ, высказать Священнику рѣшительно всѣ грѣхи свои, какіе только знаетъ за собою, и дать обѣщаніе вести лучшую жизнь. За тѣмъ Священникъ произноситъ ему отпущеніе грѣховъ и налагаетъ наказаніе на него, смотря по великости грѣховъ, именно: предписываетъ постъ на извѣстное время, либо велитъ ему сдѣлать нѣсколько сотъ, и даже тысячъ, поклоновъ передъ образомъ своего Святаго, съ произношеніемъ: «Господи, помилуй!» либо запрещаетъ извѣстное время воздерживаться отъ совокупленія съ женою (что Русскіе, по страстной природѣ своей, считаютъ весьма тяжелымъ наказаніемъ), либо же, наконецъ, тоже на извѣстное время, воспрещаетъ ему входъ въ церковь и велитъ стоять въ ней только на паперти, передъ дверьми. Если же грѣхи кающагося такъ велики, что всѣ исчисленные роды духовныхъ наказаній оказываются малы, то онъ долженъ омыться святою водою, добываемою обыкновенно изъ рѣки, въ которой совершалось водосвятіе въ день Богоявленія и сохраняемой Священникомъ въ церкви въ теченіе цѣлаго года, для подобнаго употребленія; воду эту Священ-

ники отпускаютъ за деньги. По исполненіи сказанныхъ выше наказаній (епитимій), или по омовеніи себя св. водою, Русскіе считаютъ, основываясь на словахъ Пророка Исаіи, что они сдѣлали все по заповѣдямъ Господнимъ, и что, по тому, вполнѣ очистились отъ грѣховъ своихъ.

Святое Причастіе Русскіе отнюдь не принимаютъ, когда ѣдятъ какую либо мясную пищу, но непремѣнно въ постный день; также, когда они сподобятся Св. Причастія, то въ этотъ самый день отнюдь уже не ѣдятъ ни какого мяса.

Самые Св. дары они употребляютъ въ двоякомъ, или, такъ сказать, въ тройномъ видѣ; ибо они составляютъ его изъ хлѣба, вина и воды. Хлѣбъ, который они употребляютъ для приготовленія Св. Даровъ, долженъ быть квасной и испеченъ вдовою Священника. Такой родъ хлѣба для Причастія также составляетъ одну изъ причинъ, которую Русскіе выставляютъ, по чему они не могутъ быть согласны съ Католическою Церковью; ибо эта послѣдняя для Св. Причастія употребляетъ не квасной хлѣбъ. Русскіе говорятъ, что это по Іудейски; ибо Іудеямъ повелѣно было, при изготовленіи Пасхальнаго агнца, ѣсть сладкій хлѣбъ; при томъ празднованіе Пасхальнаго агнца Іудеи совершали въ память избавленія отъ Египтянъ; мы же, Христіяне, не имѣемъ ни какого соотношенія ни съ порабощеніемъ Египетскимъ, ни съ избавленіемъ отъ онаго. Къ тому же, Іисусъ Христосъ за тайною вечерію съ своими учениками ѣлъ вовсе не Іудейскаго Пасхальнаго агнца; слѣдовательно, при этомъ не должно было быть ни какого не квасnаго хлѣба. Далѣе: Іудеи, когда ѣдятъ Пасхальнаго агнца, должны при этомъ стоять и совершать еще нѣкоторые другіе обряды, которыхъ при Тайной вечери Іисуса Христа совершаемо не было; Іисусъ Христосъ съ своими учениками ѣлъ за Тайною вечерію не стоя, но сидя за столомъ; иначе Евангелистъ Іоаннъ не могъ бы возлежать на груди его. Также и въ Св. Писаніи не говорится: «Христосъ взялъ ἄζυμα, не квасной,» но сказано: «τὸν ἄρτον»—хлѣбъ, который разломилъ, подалъ своимъ ученикамъ и сказалъ, что они должны ѣсть этотъ хлѣбъ въ воспоминаніе объ Его страданіяхъ, а не въ память избавленія отъ Египтянъ. По всему

этому Русскіе, согласно съ Греческой Церковью, полагаютъ, что Латинская Церковь поступаетъ несправедливо, употребляя въ этомъ случаѣ неквасной хлѣбъ. За это Михаилъ, Патріархъ Константинопольскій, предалъ анаѳемѣ Латинскую Церковь, и осудилъ ее, какъ это видно у Антонина, Епископа Флорентійскаго, въ Лѣтописи его (Antonini, Episcopi Florentini, Chronicon. Lugduni Batavor. 1586) часть 3, стр. 571, и изъ посланія Папы Льва IX въ 1054 г. по Р. Х. къ помянутому сейчасъ Патріарху; посланіе это можно читать въ «Concil. Magn.,» въ 20-мъ томѣ, на стр. 497, и въ «Annalib. Ecclesiast. (Antverpiae, 1597) Baronii,» томъ 2, стр. 212. Хлѣбъ, который Русскіе употребляютъ въ Св. Причастіи, благословляется частію въ Чистый Четвергъ, частію въ тотъ самый день, въ который они хотятъ причащаться. Благословляемый въ Чистый Четвергъ назначается только для больныхъ и изготовляется онъ такимъ образомъ. Берутъ испеченный для этого хлѣбъ, величиною почти съ большой рейхсталеръ, съ изображеніемъ распятія по серединѣ. Надъ хлѣбомъ симъ поется: «Agnus Dei,» и произносится благословеніе, и за тѣмъ та частица хлѣба, на которой выпечено распятіе, вырѣзывается желѣзнымъ ножичкомъ, имѣющимъ видъ копья, и вырѣзанныя части кладутся въ деревяннаго голубя, котораго вѣшаютъ надъ алтаремъ, чтобы хлѣбъ не тронули мыши, или что другое нечистое. Если кто въ теченіе года заболѣетъ и вдругъ неожиданно пожелаетъ причаститься Св. Таинъ, то изъ этого голубя берутъ такимъ образомъ освященнаго хлѣба небольшой кусочекъ, наливаютъ на него три капли краснаго вина и кладутъ въ чашу; иногда подливаютъ къ хлѣбу и вину немного воды, иногда же воды не подливаютъ, смотря по тому, какъ можетъ принимать дары больной; такимъ образомъ даютъ причастіе больному ложечкой. Иногда же, если больной не можетъ уже проглотить хлѣба, даютъ ему только одного вина. Когда же пріобщаютъ Святыхъ Таинъ здоровыхъ, во время общественнаго причащенія, то берутъ небольшой круглый хлѣбецъ, величиною въ половину рейхсталера, который печется въ такомъ же видѣ, какъ и выше описанный, и изъ него также вырѣзываются сказаннымъ образомъ частицы. За тѣмъ частицы эти разламываются на столько маленькихъ кусочковъ, сколько находится причастниковъ, крошатъ эти кусочки въ красное вино, прибавляя въ него нѣсколько воды (ибо Русскіе говорятъ, что кровь и вода, истекшія изъ раны

Іисуса Христа, безъ сомнѣнія, были нѣсколько тепловатыя), благословляютъ все это и вѣруютъ, что при этомъ совершается transsubstantiation, пресуществленіе, т. е., что хлѣбъ и вино дѣйствительно пресуществляются въ тѣло и кровь Іисуса Христа. Причастіе даютъ причастникамъ ложечкою, при чемъ говорятъ: «Сіе есть истинное тѣло и кровь Іисуса Христа, еже за тя и за многіе ломимое и изливаемое во оставленіе грѣховъ твоихъ, каковыя тѣло и кровь, принимаемыя тобою, должны быть принимаемы въ воспоминаніе Христа. Благослови тебя, Боже!» Такой родъ пріобщенія Св. Таинъ, въ видѣ крошенаго хлѣба, былъ уже въ VI-мъ столѣтіи въ употребленіи у нѣкоторыхъ Христіянъ, и такіе Христіяне назывались «Intinctores,» но въ 337 году по Р Х. отвергнутъ и осужденъ Папою Юліемъ I, какъ о томъ говорится въ «Concil. Magn.,» tom. 2, pag. 620, decr. 7.

Послѣ принятія Св. Таинъ, нѣкоторые Русскіе, болѣе благочестивые, ложатся и спятъ цѣлый день, для того, чтобы не имѣть повода снова грѣшить. Въ слѣдующее за тѣмъ Воскресенье Священники раздаютъ въ церкви опять по кусочку изъ тѣхъ освященныхъ хлѣбовъ, изъ середины которыхъ вырѣзаны были частицы съ изображеніемъ распятія, для Св. даровъ, и Русскіе ѣдятъ этѣ кусочки хлѣба. Это называютъ они кутьею (Kutja), и она означаетъ какъ бы даръ и знакъ общей Христіянской любви между ними. [1]

Русскіе даютъ немного Святаго Причастія и малымъ больнымъ дѣтямъ; но дѣтямъ старше семи лѣтъ даютъ Причастіе вполнѣ; ибо они говорятъ, что съ семилѣтняго возраста человѣкъ начинаетъ грѣшить. Обычай этотъ они сохранили, безъ сомнѣнія, отъ древней Церкви, которая признавала дѣтей, по совершеніи надъ ними крещенія, способными къ принятію Святаго Причастія, и подобное употреблялось также и въ III-мъ вѣкѣ, во времена Кипріяна, какъ это видно изъ книги его: «De lapsis,» и даже было въ ходу и во времена Августина, въ V-мъ столѣтіи, о чемъ можно читать у него же: (Augustini lib. 1. de peccatorum meritis et re-

[1] Олеарій спуталъ одно съ другимъ. О. Б.

missione, cap. 19 и 20, находящіяся въ 7 томѣ, стр. 666). Въ послѣдствіи дѣтямъ давались только остатки (reliquien) Свят. Причастія, что видно изъ Никифора Каллиста (Nicephori Callisti Xanthopuli Historia Ecclesiastica. Basiliae, 1553), который говоритъ, что такой обычай былъ въ Константинополѣ, а именно: если что оставалось отъ освященнаго хлѣба и вина, то остатки этѣ давались ѣсть на тощакъ нешаловливымъ дѣтямъ, и онъ, Никифоръ, самъ бывало удостоивался ѣсть такіе остатки, какъ повѣствуетъ онъ объ этомъ въ 17 книгѣ своей «Hist. Eccles.,» главѣ 25, стр. 889. Неразумнымъ же дѣтямъ такими остатками касались только до губъ.

Ни одинъ Священникъ не можетъ давать Причастія въ тотъ самый день, въ который онъ хоронилъ покойника, или цѣловалъ его; ибо въ такихъ случаяхъ онъ считается нечистымъ. Точно также онъ не можетъ давать Причастія родильницѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она родила дѣтя; но для этого она должна быть перенесена въ другую комнату и хорошенько омыться. Въ прежнее время Священники разсылали Св. дары по всей странѣ къ тѣмъ Христіянамъ, которые не имѣли по близости Поповъ, а также освященный просфоры хлѣбъ давали на дорогу воинамъ и путешествующимъ людямъ, для того, чтобы, въ случаѣ, когда они дома уже исповѣдывались, могли принять этотъ хлѣбъ послѣ, когда захотятъ. Вообще же они сохраняютъ этотъ хлѣбъ до той поры, пока не случится съ ними какая ни будь болѣзнь, для того, чтобы, когда увидятъ, что они уже не встанутъ съ своего болѣзненнаго одра, могли какъ бы дорожными деньгами запастись этѣмъ хлѣбомъ на путь къ вѣчной жизни.

Повѣствуютъ также, что у древнихъ было въ обычаѣ, причащаясь, не ѣсть все причастіе, но часть его оставлять и утѣшать себя во время преслѣдованій и другихъ несчастій, съѣдая эту часть передъ обѣдомъ. Это видно изъ Тертулліяна, который, говоря о супругахъ, изъ которыхъ одинъ язычникъ, а другой Христіянинъ, пишетъ (lib. 2, ad uxorem, pag. 482): «Non sciet maritus (gentilis), quid secreto ante omnem cibum gustes? Et si sciverit, panem non illum credit esse, qui dicitur.» Да не знаетъ мужъ, что ты тайно вкушаешь передъ всякою пищей; если жь узнаетъ, то онъ не долженъ думать, чтобы это было тотъ хлѣбъ, какъ онъ называется.» Также и у Киприяна, въ «De lapsis:» «Cum quaedam arcam

suam, in qua Domini sanctum fuit, manibus indignis tentasset aperire, igne inde surgente, deterrita est, ne auderet attingere.» «Когда женщина недостойными руками своими захотѣла было оттворить ящикъ, въ которомъ хранился освященный хлѣбъ, то изъ ящика вспыхнулъ огонь, котораго она испугалась такъ, что уже не касалась его болѣе. Обычай этотъ оправдываетъ Василій, въ Посланіи къ Патриціи Кесаріи (ad Caesariam Patriciam) и говоритъ: «Пустынникамъ было очень неудобно и трудно посѣщать часто церкви и собранія Христіанъ; по этому они пріобыкли брать съ собою въ пустыни Евхаристію или освященный хлѣбъ и вино.» Объ этомъ свѣдѣтельствуетъ также Белярминъ (Bellarminus), въ «De Euchar.,» lib. 4, cap. 4, pag. 785.

Въ древности были и такіе Христіане, которые употребляли морсъ (Most) вмѣсто вина въ Причастіи; они обмакивали также въ освященную жидкость кусокъ полотна, высушивали его и прятали; когда же хотѣли пріобщиться, то отрѣзывали кусочекъ этого полотна, и мыли его въ водѣ, которую и употребляли, какъ говорится объ этомъ въ «Concil. Magn.» tom. 2, pag. 610, и противъ такого употребленія существуетъ постановленіе 7 (decretum).

Извѣстнымъ лицамъ, а именно: клятвопреступникамъ, убійцамъ, или другимъ важнымъ преступникамъ, совершившимъ покаяніе въ грѣхахъ, Причастіе у Русскихъ дается не прежде, какъ они будутъ лежать уже на смертномъ одрѣ. Больныхъ, которымъ не помогаетъ уже ни какое лѣкарство, причащаютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ соборованіемъ елеемъ, и въ такомъ случаѣ больной не можетъ уже пользоваться ни какими лѣкарствами и долженъ положиться на одну помощь Божію. Такимъ не даютъ даже и ѣсть ни чего, за исключеніемъ случая, когда силы больнаго очевидно возвращаются, такъ что можно надѣяться, что онъ выздоровѣетъ. Русскіе погружаютъ также иногда кости или мощи Святыхъ своихъ, въ водѣ, или хлѣбномъ винѣ, и даютъ это пить больнымъ, какъ замѣтилъ это вѣрно Поссевинъ, въ «De reb. Moscovit.» (Coloniae, 1587, pag. 5).

Нѣкоторые богатые люди, когда слягутъ на смертный одръ и почувствуютъ, что близится ихъ послѣдній часъ, причащаются,

и потомъ, по монастырскому уставу, постригаются, муропомазуются и облекаются въ монашескую одежду. Облекшійся въ такую Серафимскую (какъ Русскіе называютъ) одежду, не долженъ послѣ этого, въ теченіи осьми дней, принимать ни лѣкарства, ни какой либо пищи; ибо Русскіе говорятъ тогда, что таковый состоитъ въ это время въ чинѣ Святыхъ Ангеловъ. Если случится, что такой больной, противъ всякаго чаянія, выздоровѣетъ, то онъ долженъ уже держаться своего обѣта, отрѣшиться отъ своей супруги, или супруга, и поступить въ монастырь.

ГЛАВА XXXII.

О погребеніи покойниковъ.

Что касается до погребенія покойниковъ Русскихъ, то оно совершается также, какъ и другіе торжественныя дѣйствія, со многими обрядностями. Если умретъ кто, то сходятся ближайшіе пріятели покойнаго, и женщины, другъ передъ другомъ, начинаютъ громко вопить и кричать; онѣ становятся вокругъ мертваго тѣла и спрашиваютъ: «За чѣмъ ты умеръ? Али у тебя недоставало продовольствія какого, пищи, напитковъ, одежды, или чего другого? Али жена у тебя была не добра, не молода и не красива и не довольно вѣрна? И прочее, подобное этому. Такія жалобы повторяютъ онѣ и у могилы, когда слѣдуетъ уже опускать въ нее, а также и послѣ, по нѣскольку разъ въ году, надъ могилами, какъ о томъ сказано подробнѣе уже выше сего.

Въ то же время немедленно посылается въ даръ Священнику пиво, медъ и водка, чтобы онъ помолился за спасеніе души усопшаго. Тѣло же умершаго на чисто обмываютъ, одѣваютъ въ полотняную одежду, ноги обуваютъ въ башмаки изъ тонкой красной кожи, а руки складываютъ крестообразно одну на другую, и такимъ образомъ кладутъ въ гробъ (гробы въ нѣсколькихъ мѣстахъ города, выдолбленные всѣ изъ цѣльнаго дерева, разной величины, продаются открыто); на гробъ вѣшаютъ за тѣмъ сукно, или полотно, а иногда и кафтанъ умершаго, и

такъ относятъ покойника въ церковь, гдѣ, если онъ знатный, и оставляется въ зимнее время до восьми дней. Въ церкви Священникъ ежедневно окропляетъ тѣло Святою водою, кадитъ ладономъ, при чемъ постъ и по отлетѣвшей душѣ служитъ обѣдню.

Выносъ тѣла совершается такъ: несутъ его четверо, или шестеро, человѣкъ, и если это монахиня, или монахъ, то и нести должны монахини, или монахи. Передъ тѣломъ идутъ нѣсколько женщинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ, съ покрытымъ лицомъ и выражающія свою скорбь тѣлодвиженіями и жалобными воплями: то громко закричатъ онѣ, то стихнутъ немного, то опять начнутъ громко плакать и жаловаться на вѣчную разлуку съ покойнымъ другомъ, при чемъ высказываютъ желаніе, что хорошо было бы, если бъ онъ прожилъ долѣе, по тому что онъ былъ благочестивый и вообще прекрасный человѣкъ. Во все это время нѣсколько Священниковъ, идущихъ впереди и позади гроба съ образами и кадилами, поютъ, но изъ пѣнія этого только и можно разслышать слѣдующія слова: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный! (помилуй насъ)!»

За тѣломъ слѣдуютъ ближайшіе друзья и хорошіе знакомые, хотя безъ всякаго порядка, кучею, каждый съ восковою свѣчею въ рукѣ. Прибывши къ могилѣ, гробъ спускаютъ на землю, открываютъ его и снова кадятъ покойника ладономъ; при чемъ надъ нимъ держатъ образъ, который покойный чтилъ при жизни, какъ своего Святаго; Священникъ молится предъ нимъ, часто повторяя слѣдующія слова: «Помяни, Господи, душу усопшаго раба во Царствіи Твоемъ!» И кромѣ того читаются и другія молитвы по Греческой Литургіи. Между тѣмъ, оставшаяся вдова стоитъ надъ тѣломъ и снова, скорбными воплями, повторяетъ приведенные выше вопросы свои къ мужу. За тѣмъ подходятъ за вдовою и друзья покойнаго къ гробу, цѣлуютъ гробъ, а иногда и самаго покойника, въ послѣдній разъ, и отходятъ назадъ. Наконецъ приближается и Священникъ, даетъ покойнику въ гробѣ разрѣшительную молитву (einen Pass), которая обыкновенно получается за деньги, въ Москвѣ, у Патріярха, а въ другихъ мѣстахъ отъ Митрополитовъ и Архіепископовъ, а за неимѣніемъ и ихъ, отъ Священниковъ. Разрѣшительная эта содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«Мы (имя рекъ), Епископъ, или Священникъ, признаемъ сдѣсь, и свѣдѣтельствуемъ симъ, что означенный тутъ (имя рекъ), жилъ у насъ истиннымъ Христіяниномъ, Греческаго Исповѣданія, и хотя онъ иногда и погрѣшалъ, но въ грѣхахъ своихъ принесъ покаяніе и принялъ отпущеніе и Святое Причастіе во оставленіе его грѣховъ. Онъ истинно чтилъ Бога и Святыхъ Его угодниковъ, постился и молился, какъ слѣдуетъ. Со мною (имя рекъ), какъ съ своимъ духовнымъ отцомъ, онъ также пребывалъ въ согласіи и послушаніи во всемъ, такъ что я совершенно отпустилъ ему его прегрѣшенія. По этому мы выдали ему эту рѣшительную, чтобы онъ предъявилъ ее Святому Петру и другимъ Святымъ, на тотъ конецъ, дабы онъ могъ безвозбранно быть впущенъ въ двери вѣчнаго блаженства.»

Разрѣшительная эта подписывается Патріярхомъ, Епископомъ, или Священникомъ, скрѣпляется печатью и вкладывается покойнику между двумя перстами. Простодушные люди думаютъ, что такая разрѣшительная и препорученіе (recommendation) весьма способствуютъ для прохода на томъ свѣтѣ. Главнымъ же образомъ она помогаетъ духовенству получать деньги. О такой разрѣшительной упоминаетъ Гваньинъ въ «De religione Moscovitarum», cap. 2, pag. 174). Когда такимъ образомъ снабдятъ разрѣшительною усопшаго, гробъ закрываютъ накрѣпко и зарываютъ въ могилу, при чемъ тѣло усопшаго кладется въ могилѣ обращенное лицомъ на востокъ. Зарывши покойнаго, провожавшіе его молятся образу и возвращаются домой, гдѣ для друзей изготовляется заупокойный пиръ, на которомъ запиваютъ горе, при чемъ всѣ гости, какъ мужчины, такъ и женщины, порядкомъ напиваются.

Русскіе печалятся о покойникахъ своихъ шесть недѣль, въ продолженіи которыхъ богатые люди трижды справляютъ большія поминовенія и приглашаютъ на нихъ, кромѣ пріятелей, и всѣхъ тѣхъ Священниковъ, которые участвовали при похоронахъ усопшаго. Поминовенія этѣ бываютъ обыкновенно на 3, 9 и 20 день послѣ смерти, но по чему Русскіе справляютъ ихъ поминки именно въ этѣ, а не въ другіе, дни, я до сихъ поръ отъ нихъ дознать этого не могъ. Безъ сомнѣнія, они заимствовали это отъ Грековъ, которые (какъ явствуетъ это изъ «Notis Martini Crusii» о

«Historia Ecclesiastica Turco-Graeciae» (Basiliae, 1585, pag., 203), имѣли такой же обычаи и въ Константинополѣ, но только въ 20 и 40 дни. Причины назначенія такихъ дней, которыя сказанный писатель выставляетъ, двоякаго рода, находятся у него тамъ же, въ помянутомъ сейчасъ мѣстѣ. Этѣ три поминовенія у Русскихъ значатъ то же, что «justa,» или «parentalia,» поминки и жертвы по усопшимъ, а также и то, что оставшіеся въ живыхъ должны жить въ любви и дружбѣ между собою, и на этотъ конецъ изготовляется даже особое кушанье изъ освященнаго хлѣба, называемаго у нихъ кутьею (Kutja); Греки же, которые также имѣли въ своей Церкви подобныя празднества и раздавали при этомъ подобные же кусочки освященнаго хлѣба, называютъ этотъ хлѣбъ ψωμίον ἀγάπης, bucella charitatis et benevolentiae, кусочекъ любви, какъ повѣствуетъ въ томъ же мѣстѣ Крузе, заимствуя у Герлаха (Gerlach). Но Русскіе (Священники и всѣ другіе) на такихъ дружескихъ поминкахъ напиваются до такой степени, что домой ползутъ уже на четверенькахъ.

Надъ могилами хоть нѣсколько состоятельныхъ покойниковъ, Русскіе на кладбищахъ строятъ небольшія избушки, въ которыхъ можетъ помѣститься стоя одинъ только человѣкъ; постройки этѣ обвѣшиваются обыкновенно рогожами, и въ нихъ-то, въ продолженіе шести недѣль, ежедневно, утромъ и послѣ обѣда, Священникъ, его помощникъ (Capellan), или монахъ читаетъ нѣкоторые псалмы Давида и нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, во успокоеніе души умершаго, хотя Русскіе, также какъ и Греки, не признаютъ ни какого чистилища (Purgatorium), какъ справедливо свѣдѣтельствуютъ о томъ Герберштейнъ, Поссевинъ и Гваньинъ, вмѣстѣ съ другими; но они вѣруютъ, что есть два извѣстныхъ мѣста, куда души умершихъ удаляются тотчасъ по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла и гдѣ дожидаются онѣ второго пришествія и воскресенія своихъ тѣлъ, смотря по тому, какъ кто жилъ на землѣ и добрыя, или злыя, дѣла творилъ. А именно: души праведныхъ пребываютъ въ прекрасномъ и блаженномъ мѣстѣ, въ сообществѣ добрыхъ Ангеловъ и въ блаженствѣ, души же безбожныхъ въ мрачной, безпредѣльной юдоли, гдѣ живутъ страшные, злые духи.

Русскіе полагаютъ по этому, что душа умершаго, какъ только отдѣлится она отъ тѣла и будетъ находиться на пути къ сказаннымъ двумъ мѣстамъ, можетъ, прилежными молитвами и предстательствомъ бывшаго духовника своего, Священника, монаха, или другого кого, быть возвращена на правый путь, къ блаженству и принята въ сообщество добрыхъ Ангеловъ; или же, если душа попала на лѣвую дорогу, то необходимо также умилостивлять Бога жертвами и молитвами о томъ, чтобы Онъ смягчилъ гнѣвъ свой за грѣхи недоброй души, внесъ бы ее въ книгу жизни и явилъ бы себя милостивѣе къ ней въ великій день Суда. Въ слѣдствіе такихъ же понятій, Русскіе также раздаютъ и милостыню; такъ, когда умретъ богатый, то въ продолженіе шести недѣль бѣднымъ ежедневно отпускается извѣстное количество хлѣба и денегъ. Между Русскими находятся также и такіе люди, которые не только много жертвуютъ на церкви и монастыри, но раздаютъ щедрою рукою милостыни и бѣднымъ, хотя въ другомъ чѣмъ, по отношенію къ нимъ, не отличаются большою совѣстію и берутъ большіе барыши съ своихъ ближнихъ при куплѣ, продажѣ, или при другихъ какихъ либо дѣлахъ. Такъ, купцы, выходя изъ домовъ своихъ въ церковь и оттуда въ свои лавки, покупаютъ прежде на хлѣбномъ рынкѣ нѣсколько хлѣбовъ, берутъ ихъ съ собою, разрѣзываютъ и дѣлятъ между нищими, которыхъ въ Москвѣ бездна. Отъ такихъ подаяній нищіе эти набираютъ, за продовольствіемъ себя, такой обильный остатокъ хлѣба, что они разрѣзываютъ его на четвероугольные кусочки, величиною въ вершокъ, сушатъ въ печахъ, и за тѣмъ полными мѣшками продаютъ на торгу путешествующимъ людямъ; такіе кусочки сушенаго хлѣба Русскіе называютъ сухарями (Suchari).

ГЛАВА XXXIII.

О Вѣроисповѣданіяхъ иноземныхъ, терпимыхъ и не терпимыхъ Москвитянами.

Москвитяне терпятъ всякаго рода Вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, какъ, на примѣръ, съ Лютеранами, Кальвинистами, Армянами, Татарами, Персіянами и Турками; но Папистовъ и Жидовъ не любятъ, и для Русскаго нѣтъ большей обиды, какъ выбранить его Жидомъ, хотя многіе Русскіе изъ купечества очень похожи на Жидовъ. Лютеране и Кальвинисты до сихъ поръ встрѣчаются не только вездѣ въ Россіи, по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, которыя они обширно ведутъ съ Русскими, но съ удовольствіемъ принимаются и въ Москвѣ, при дворѣ, на домашнюю и полевую службу Его Царскаго Величества, и теперь этѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ живетъ до 1000 человѣкъ. Лютеранамъ и Кальвинистамъ дозволяется свободно отправлять, каждымъ по ихъ обряду, богослуженіе въ особенныхъ церквахъ, и прежде оба этѣ Исповѣданія имѣли въ Москвѣ особыя свои церкви, выстроенныя въ чертѣ Царьгорода (Zaargorod). Но двадцать лѣтъ тому назадъ Лютеране, въ слѣдствіе ссоры и даже драки ихъ женъ, повздорившихъ за первенство мѣстъ во время Богослуженія, лишились своей церкви. Случилось это такъ: передъ бывшей тогда осадою Смоленска, нѣкоторые Нѣмецкіе военные Офицеры поженились на дочеряхъ купцовъ, и за тѣмъ, этѣ купеческія дочери, будучи уже женами Капитановъ и Поручиковъ, не захотѣли сидѣть въ церкви между прежними купеческими женами. Этѣ же послѣднія считали унизительнымъ для себя, что бывшія недавно дѣвицы ихъ будутъ сидѣть въ церкви выше ихъ; по этому-то завязался въ церкви великій споръ, перешедшій скоро и въ драку. Случилось въ это время Патріярху проѣзжать какъ разъ мимо церкви: онъ видитъ сумятицу, спрашиваетъ о причинѣ, и когда ему сообщили, что свалка была въ Нѣмецкой церкви, въ которой люди перессорились за высшія мѣста, то Патріярхъ сказалъ: «Я думалъ, что въ церковь Нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, и что тамъ они отправляютъ Богослуженіе, а не занимаются разными придвор-

ными обрядностями.» Въ слѣдъ затѣмъ онъ приказалъ немедленно же уничтожить церковь, которая и была срыта до основанія въ тотъ же день. Впрочемъ, Лютеранамъ дозволено было выстроить другую церковь, только внѣ бѣлой стѣны, въ чертѣ Большаго города (Bolsoi gorod).

Кальвинисты, также внутри бѣлой стѣны, начали было строить изящную церковь, возлѣ бывшей тамъ деревянной часовни, и постройка эта доведена была уже почти до крыши; но такъ какъ Патріярхъ и Великій Князь на постройку соизволенія своего не давали и смотрѣли только на нее, какъ бы сквозь пальцы, то Патріярху и пришло однажды на мысль приказать разрушить сказанную церковь, вмѣстѣ съ нею и бывшую тамъ деревянную часовню. Такимъ образомъ Кальвинисты въ продолженіе нѣкотораго времени ходили слушать проповѣдь въ Лютеранскую церковь, пока снова не получили дозволенія имѣть свою собственную.

Въ послѣдствіи времени, когда, по требованію Патріярха, Лютеране должны были перенести свою церковь изъ Большаго города (Bolsoi gorod), то, по соизволенію Его Царскаго Величества, они выбрали себѣ за валомъ, на чистомъ полѣ, мѣсто, на которомъ и выстроили церковь, еще больше прежней. Недавно, впрочемъ, при отмѣнѣ Русскаго платья (о которой говорено было выше), они вторично принуждены были перевести свою церковь на другое мѣсто, и произошло это слѣдующимъ образомъ:

Лѣтъ 15 и болѣе тому назадъ Московскіе Священники жаловались, что Нѣмцы, проживая въ городѣ между Русскими, позакупили въ собственность, на ихъ приходскія суммы, самыя просторныя мѣста, или площадки, и позастроили ихъ, отъ чего они, Священники, лишились многихъ доходовъ своихъ; но по этой жалобѣ, по особому расположенію бывшаго Великаго Князя къ Нѣмцамъ, Священники ни чего добиться не могли. Теперь же, когда самъ Патріярхъ вознегодовалъ на то, что Нѣмцы шатаются между Русскими безъ различія въ одинаковой одеждѣ, и въ слѣдствіе этого также получаютъ отъ него благословеніе, Священники воспользовались этѣмъ случаемъ, возобно-

вили свою старую жалобу и довели дѣло до того, что вышелъ строгій слѣдующій приказъ: «Кто изъ Нѣмцевъ перекрестится въ Русскую Вѣру, тотъ можетъ оставаться жить въ городѣ; кто же изъ нихъ сдѣлать этого не пожелаетъ, тотъ въ самый короткій срокъ долженъ перенестись изъ города, съ своимъ домомъ, къ Покровскимъ (Pokrofki) воротамъ, въ Кукуй (Kukkuy), именно въ то мѣсто, гдѣ 40 и болѣе лѣтъ назадъ только и жили одни Нѣмцы, и гдѣ былъ погребенъ Герцогъ Іоаннъ, братъ Короля Датскаго, Христіана IV-го.

Мѣсто это находится при рѣкѣ Яузѣ (Jausa) и получило названіе Кукуй отъ слѣдующаго: когда бывало жившія тамъ жены Нѣмецкихъ солдатъ увидятъ что либо странное въ проходящихъ случайно Русскихъ, то говорили обыкновенно между собою: «Kuck, Kucke sie, «Глянь, глянь сюда!» что Русскіе повернули въ срамное слово, означающее названіе мужескаго уда, и при встрѣчѣ съ Нѣмцами кричали бывало имъ въ ругательство: «Нѣмчина убирайся на !» (Nimzin tzisna...), такъ какъ Нѣмцы должны были удаляться на означенное мѣсто Кукуй. Оскорбляясь подобною бранью, Нѣмцы били челомъ Его Царскому Величеству въ слѣдующемъ: «Они, Нѣмцы, видятъ, что Русскій народъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, явно оказываетъ имъ презрѣніе; что при вѣрной ихъ службѣ и добромъ расположеніи, которыя доказали они Его Царскому Величеству и его подданнымъ, всякая, никуда негодная, челядь, поноситъ и обзываетъ ихъ на улицахъ такими срамными словами; по чему и просятъ, чтобы Его Царское Величество, по достохвальному примѣру предковъ своихъ, взялъ ихъ подъ свое милостивѣйшее покровительство, и защитилъ бы ихъ отъ такихъ поносителей» и проч. и проч. По такой жалобѣ Его Царское Величество приказалъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что если кто съ этѣхъ поръ обзоветъ Нѣмца малѣйшей бранью, тотъ нещадно будетъ битъ кнутомъ (по обычному у Русскихъ способу). Нѣсколько ослушниковъ этого Царскаго Приказа были такъ сильно наказаны, что воротились домой съ окровавленными спинами, и по тому въ настоящее время Нѣмцы уже избавились отъ сквернословныхъ оскорбленій Русскими. Его Царское Величество далъ даже другое прозваніе мѣсту, въ которомъ живутъ Нѣмцы, и назвалъ его: «Новою Иноземскою Слободою» (Nova Ino-

semska Sloboda). Въ этой Слободѣ каждому Нѣмцу, смотря по достоинствамъ, должности, или занятію его, дано въ собственность извѣстное мѣсто, на которомъ онъ и обстроивался, и вся Слобода раздѣлена на правильныя улицы. Имѣвшіе въ городѣ деревянные дома, разобрали ихъ, перевезли и снова выстроили въ Новой Иноземской Слободѣ, гдѣ теперь и живутъ Нѣмцы гораздо безопаснѣе отъ частыхъ пожаровъ, случавшихся у Русскихъ, чѣмъ въ городѣ. По этому большинство Нѣмцевъ говорятъ, что запрещеніемъ имъ носить Русскую одежду и отдѣленіемъ ихъ отъ Русскихъ жилищъ и отъ ежедневнаго съ ними обращенія, имъ сдѣлалось также худо, какъ раку, котораго въ наказаніе хотѣли утопить въ водѣ.

Когда Нѣмцы увидѣли, что имъ данъ былъ какъ бы собственный городъ, въ которомъ они мирно могли проживать себѣ, то ни минуты не задумались о томъ, чтобы и лежащія вдали отъ нихъ церкви перевести также въ Новую Иноземскую Слободу, гдѣ находились уже ихъ очаги и дымъ. Въ настоящее время Лютеране имѣютъ уже тамъ двѣ Нѣмецкія церкви, а Кальвинисты одну Голландскую и другую Англійскую. Въ началѣ они терпѣли таки довольно тяжкія испытанія отъ самоуправства жены Полковника Лесли, побросавшей Русскія иконы въ огонь (какъ сказано о томъ было выше сего), а именно: изъ Нѣмецкихъ церквей повынесены были за это проповѣдническія каѳедры и алтари, а далѣе сняты крыши, но въ послѣдствіи времени крыши опять были возведены на церквахъ, но алтарей и каѳедръ поставить въ нихъ все таки не дозволяли. Лютеране огородили себѣ довольно большое кладбище, на которомъ они и Кальвинисты хоронятъ своихъ покойниковъ. Такъ какъ оба эти Исповѣданія охотно терпятъ другъ друга, то и не слышно, чтобы между ними возникало какое ни будь неудовольствіе по дѣламъ Вѣры. Теперешній проповѣдникъ Лютеранъ, Балтазаръ Фаденрехтъ (Fadenrecht)—человѣкъ хорошо образованный и даровитый; прежній ихъ проповѣдникъ, въ наше время, Г. Мартинъ Мунстербергъ (Munsterberg), изъ Данцига, также богато одаренный и трудолюбивый мужъ; въ началѣ онъ имѣлъ довольно порядочныя средства и весьма многимъ оказывалъ благодѣянія, въ слѣдствіи чего, равно какъ и отъ большаго пожара, постигшаго его въ Москвѣ, лишился

всего своего имущества, принужденъ былъ войти у Русскихъ въ долги, за которые его преслѣдовали до такой степени, что отъ горя и заботъ онъ наконецъ заболѣлъ и умеръ, не достигши и 36 лѣтъ своей жизни. Предшественникъ его былъ Г. Георгъ Оксе (Ochse), человѣкъ уже старый, котораго, въ качествѣ бочара привезъ съ собою въ Москву Евангелическій купецъ, Карлъ Молинъ (Molin). Такъ какъ община въ Москвѣ все увеличивалась и долгое время не имѣла своего Священника, хотя и желала бы въ извѣстные дни послушать проповѣдь, а пріѣхавшій тогда въ Москву Г. Георгъ былъ человѣкъ начитанный и хорошо умѣлъ пользоваться собраніемъ проповѣдей (Postlla), то его и выбрали Священникомъ, которымъ онъ дѣятельно состоялъ нѣсколько лѣтъ. Когда же, за старостію лѣтъ, ему надоѣло уже читать и заниматься, и когда уже и съ каѳедры онъ началъ разсказывать баснословныя вещи, то община уволила его отъ должности и назначила ему съ женою пожизненное содержаніе. Онъ былъ живъ еще во время перваго нашего Посольства въ Москву.

У Реформатовъ также былъ проповѣдникъ ученый мужъ, по имени М. Генрихъ Инхенгёферъ (Inchenhöffer), изъ Герцберга, который прежде былъ Лютеранином, прибылъ въ Россію съ воинами и во время войны подъ Смоленскомъ былъ полковымъ проповѣдникомъ, а потомъ, пріѣхавъ въ Москву, сдѣлался Кальвинистомъ. Онъ написалъ сочиненіе, напечатанное имъ въ Бременѣ, подъ заглавіемъ: «Ключъ къ истинному мнѣнію о запертыхъ дверяхъ» (Іоанна 20); сочиненіе это было опровергнуто Борнскимъ (Borna), въ Мишніи (Meissen), Суперъинтендентомъ, Д. Давидомъ Авербахомъ (Averbach). Вдова этого М. Инхенгёфера, и теперь еще живущая въ Москвѣ, была дочь знаменитаго Богослова Виттенбергскаго, Д. Фёрстера (Försteri), который никогда не склонялъ ее къ отпаденію въ Кальвинство (о чемъ она и сама не думала), но, напротивъ, постоянно говорилъ ей, чтобъ она оставалась въ Лютеранской Вѣрѣ, въ которой она только и могла достигнуть вѣчнаго блаженства; ибо Кальвинистскую она менѣе понимала. Въ настоящее время у Реформатовъ проповѣдникомъ состоитъ также ученый мужъ, М. Андрей Гардинъ (Gardinus), родомъ изъ Шотландіи.

Такимъ образомъ Русскіе, какъ сказано уже, охотно терпятъ въ своей странѣ Лютеранъ и Кальвинистовъ, равно какъ и отправленіе ихъ Богослуженія. Католики же или Паписты до сихъ поръ еще мало пользуются ихъ расположеніемъ и, напротивъ, у Русскихъ они, вмѣстѣ и съ Вѣрою ихъ, считаются какъ бы погаными. Въ 1627 году Французскій Король, Людовикъ XIII, присылалъ къ бывшему Великому Князю Московскому Посланника, по имени Людвига де Гайесъ (Ludwig des Hayes), для исходатайствованія Французскому народу свободной торговли въ Россіи, при чемъ была сдѣлана попытка просить и о томъ, не льзя ли имѣть тамъ и Католической церкви, но въ этой просьбѣ было на отрѣзъ отказано.

Когда затѣвалась война подъ Смоленскомъ, и въ числѣ иностранныхъ Капитановъ, призванныхъ въ Россію, оказалось и нѣсколько Католиковъ, то имъ выдано было вознагражденіе за проѣздъ и тотчасъ же съ надежными проводниками вывезли ихъ обратно за границу. Въ условіяхъ, которыя Русскіе заключали съ нами по поводу торговли съ Персіей, они включили строгое запрещеніе, чтобы между Голштинцами, долженствовавшими отправляться въ Персію и торговать, отнюдь не было ни одного Латинскаго иновѣрца (какъ звали они Римско-Католиковъ). Такъ ненавистно Русскимъ даже самое имъ Католиковъ. По этому удивительно, какъ могли они въ 1610 году избрать себѣ въ Великіе Князья Владислава, сына Короля Польскаго, хотя, впрочемъ, вскорѣ же за тѣмъ, прежде еще достиженія дѣйствительнаго управленія, онъ былъ снова отвергнутъ, и Поляки послѣ того, вмѣстѣ съ ихъ Вѣрою, за ругательства надъ образами Русскихъ, сдѣлались для этѣхъ послѣднихъ еще болѣе ненавистны, чѣмъ были прежде.

Вообще ненависть и непріязнь Русскихъ къ Папистамъ или Латинской Церкви исконная и какъ бы прирожденная; предки ихъ приняли ее отъ Грековъ и отъ Греческой Вѣры и передали ее въ наслѣдство своимъ потомкамъ и вкоренили какъ бы ее въ нихъ. Такъ какъ Русскіе признаютъ Греческую Церковь, то и думаютъ, что они также должны быть причастны и той враждѣ, которую Греческая Церковь вела съ Латинскою въ теченіе столь многихъ вѣковъ.

Откуда возникла такая вражда между Греческой и Латинской Церковью, бывшими въ началѣ совершенно согласными, можно видѣть изъ Исторіи Церкви, изъ которой явствуетъ, что впервые она произошла именно въ слѣдствіи спора Епископовъ за первенство, въ послѣдствіи же къ этому примкнули и нѣкоторыя особыя ложныя мнѣнія по вопросамъ вѣры, которыя Греки приняли противъ ученія Римской Церкви. Для не знающихъ приведу здѣсь въ краткихъ словахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о несогласіяхъ Греческой и Римской Церкви.

Начало и распространеніе Христіянской Церкви во время Апостоловъ и послѣ нихъ совершилось въ Римской Имперіи; ибо она, какъ четвертая Монархія, заключала въ себѣ небольшую часть обитаемаго тогда міра, и въ ней же родился, училъ и пострадалъ Іисусъ Христосъ. Съ теченіемъ времени въ главнѣйшихъ областяхъ и городахъ Имперіи установлены были извѣстные Епископы, которые должны были имѣть старательное наблюденіе за ученіемъ и уставами Церкви. А такъ какъ во всей Римской Имперіи важнѣйшими и главнѣйшими тогда городами были: Римъ въ Италіи, Александрія въ Египтѣ и Антіохія въ Сиріи, то и Епископы этѣхъ городовъ считались главнѣйшими.

Но какъ Римъ, не только самъ по себѣ, но и по тому, что былъ столицею Императора, считался главнѣйшимъ изъ городовъ, и въ немъ Св. Петръ, важнѣйшій изъ Апостоловъ, имѣлъ свой столъ, то по всему этому Епископу Римскому присвоено было главнѣйшее мѣсто, и его назвали Папой, такъ какъ названіе Papa или πάππας (pater, отецъ), давалось тогда только лицамъ, имѣвшимъ особую власть и почетъ, и имъ почтенъ былъ въ свое время древній учитель Церкви Кипріянъ, какъ это значится въ началѣ 3-го посланія Кипріяна (см. Barthii, «Adversaria» Francofurti, 1624).

Въ 330-мъ году по Р. Х., когда Императоръ Константинъ Великій перенесъ свою столицу изъ Рима въ Византію или въ Константинополь (какъ называютъ этотъ городъ по его имени), и сдѣлалъ его такимъ великолѣпнымъ городомъ, что онъ назывался также Новымъ Римомъ или Восточнымъ Римомъ (Nova

Roma и Roma Orientalis), то и Епископъ Константинопольскій также выдвинулся впередъ, сталъ выше двухъ остальныхъ Епископовъ, Александрійскаго и Антіохійскаго, и ему присвоено было второе мѣсто послѣ Папы Римскаго (см. Zonarae, «Annal.,» tom. 3, pag. 121. Basiliae, 1557; Suidae, «Historia.» Basiliae, 1581). Это видно изъ 3-го постановленія I-го Константинопольскаго Собора, бывшаго въ 381 году по Рожд. Христовѣ (Decretum 3 Concilii Constantinopolitani): «Constantinopolitanae civitatis Episcopum habere oportet primatus honorem post Romanum Episcopum, propterea quod sit Nova Roma.» (Vide «Concil. gen.», tom. 3, pag. 357 et 363).

Разногласіе же между Греческой и Римской Церковью вышло изъ слѣдующаго: когда, въ 395 году по Р. Х., послѣ смерти Императора Ѳеодосія I-го, два сына его, Аркадій и Гонорій, раздѣлили между собою Римскую Имперію, обладая Аркадій на Востокѣ и Гонорій на Западѣ, то, для различія этѣхъ владѣній, стали говорить: «Восточная и Западная Имперія», и такъ какъ на Востокѣ употребительнѣйшимъ языкомъ былъ Греческій, а на Западѣ Латинскій, то и самыя Церкви стали называться Греческою и Латинскою, но обѣ онѣ пребывали пока еще довольно согласны между собою. Въ послѣдствіи, хотя Римская Имперія снова поступила подъ управленіе одного Императора, но столицею Императора все таки долгое время оставался еще Константинополь; а по тому, за отсутствіемъ Императора изъ Рима, и ради опредѣленія разныхъ чиновъ Церкви, всѣ народы, жившіе въ Западныхъ земляхъ, какъ то: въ Италіи, Франціи и Испаніи, а также въ Нумидіи, Карѳагенѣ и проч., невольно обращали, и должны были обращать, свои взоры на Папу, который въ сихъ земляхъ и пользовался большимъ уваженіемъ. Греческій же Патріархъ въ Константинополѣ, ради того, что въ этомъ городѣ присутствовалъ Императоръ, также желалъ пользоваться, если не большимъ, то, по крайней мѣрѣ, не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ Папа въ Римѣ, и довелъ дѣло въ этомъ отношеніи до того, что въ 451 году, на Халкедонскомъ Соборѣ, за нимъ признаны были преимущества и власть, одинаковыя съ Папскими, какъ это видно изъ actione 16: «Sancti patres 150 definimus de privilegiis sanctissimae Constantinopolitanae Ecclesiae, Novae Romae. Etenim sedi senioris Romae propter imperium illius civitatis patres (glossa marginalis

primatum) consequenter privilegia reddiderunt, et eadem intentione permoti 150 Dei amantissimi Episcopi aequa sanctissimae sedi Novae Romae privilegiis frui, et in ecclesiasticis, sicut illam majestatem habere negotiis, et secundam post illam existere.» Concil. gen.,» tom. 9, pag. 168. Подобное же повторено было и въ 680 г. по Р. Х., на III Константинопольскомъ Соборѣ. Can. 36, in tomo 16, pag. 632.

Но Греки симъ не удовольствовались и думали, что оставленный Императоромъ Римъ тѣмъ самымъ какъ бы унизился, а Константинополь, напротивъ, присутствіемъ въ немъ Императора, возвысился въ достоинствахъ и долженъ быть выше Рима, по чему и сами они должны имѣть подобающее преимущество. По этому вопросу Константинопольскій Патріархъ, Іоаннъ, велъ ожесточенный споръ съ Папою Григоріемъ I-мъ, называлъ себя и подписывался Патріархъ οἰκουμενικὸς, какъ это видно изъ «Epist. Gregorii ad Johannem, Episcopum Constantinop.» Item «Epist. ad Sabinianum Diacon. и къ Императору Маврикію,» которыя находятся въ tom. 13 «Conc. gen.,» pag. 415, 430, 436. Этотъ споръ во время Маврикія продолжался до тѣхъ поръ, пока Фока не приказалъ умертвить послѣдняго, вмѣстѣ съ его супругой и сыномъ, и не захватилъ въ свои руки правленіе. Фока же прекратилъ этотъ споръ и, изъ ненависти къ Константинопольскому Патріарху, Кириляку, призналъ и утвердилъ за Римскимъ Папой, которымъ былъ тогда Бонифатій III, первенство и главное мѣсто предъ всѣми другими. Объ этомъ говорится у Павла Діякона (Paulus Diaconus l. 4, «De gestis Longobar.,» Hamburgi, 1611, pag. 272) такъ: «Hic (scil. Focas), rogante Papa Bonifacio, statuit sedem Romanae et Apostolicae Ecclesiae caput esse omnium Ecclesiarum, quia Ecclesia Constantinopolitana primam se omnium Ecclesiarum scribebat.» Случилось это въ 606 г. по Р. Х., и отсюда-то возникла первая открытая вражда между Главою и управленіемъ Греческой Церкви противъ Латинской.

Кромѣ того, отъ времени до времени, въ Греческой Церкви болѣе, чѣмъ въ Латинской, возникали съ тѣхъ поръ всякаго рода ложныя воззрѣнія, въ слѣдствіе которыхъ Греки часто отдѣлялись отъ Латынянъ, и хотя они и мирились иногда, но вскорѣ за тѣмъ

снова впадали въ столкновеніе. Такихъ столкновеній или разногласій Антоній, Архіепископъ Флорентійскій, насчитываетъ 12, какъ это видно изъ его Лѣтописи (Хроники), въ 3-й части, tit. 22, cap. 13.

Но большею частію вина этѣхъ разногласій приписывается Константинопольскимъ Патріархамъ, которые были виновниками неоднократныхъ замѣшательствъ и разнаго зла, какъ упоминаетъ это ихъ же Греческій лѣтописецъ, Ѳеодоритъ, въ 5 книгѣ, главѣ 9-й, на страницѣ 502 («Historia Ecclesiastica.» Basiliae, 1549). Вотъ что Греческіе отцы (Patres) писали однажды Папѣ Дамасу (Damasum): «Constantipolitanae Ecclesiae ut sic loquamur, recenti, quam non diu ante ex ore leonis, haereticorum blasphemiis per miserationes Dei eripuimus, reverendissimum et Deiamantissimum Nectarium Episcopum praeposuimus.»

Какія печальныя событія произошли въ Греческой Церкви во время Златоуста, о томъ упоминаетъ Эразмъ Роттердамскій, въ «Vita Chrisosthomi»: «Haereticorum (Arrianorum, Origenistarum et aliorum) tyrannis et ambitio vitiarat omnes earum regionum per universam Thraciam Ecclesias.» Что долженъ былъ съ прискорбіемъ испытать превосходный свѣтъ Церкви, Святый Іоаннъ Златоустъ, Епископъ Константинопольскій, когда онъ дважды былъ отрѣшаемъ отъ должности и наконецъ отправленъ въ ссылку, гдѣ и умеръ, можно самыя подробныя свѣдѣнія найти въ «Epist. Chrysost. ad Innocent.,» а также и въ «Vita Chrysost.» По этой причинѣ Латинская Церковь тогда также отдѣлилась отъ Греческой, и преслѣдователи Златоуста, равно какъ и самъ Императоръ Аркадій, отлучены были отъ Церкви въ 407 г. по Р. Х., какъ говорится о томъ въ: «Innocentii Epist. ad Arcad. Imperat.,» tom 4 «Concil. gen.,» pag. 84, и tom. 25 «Concil. gen.,» pag. 427, «Epist. Graegor. IX ad Michaelem.»

Между прочими разногласіями, однимъ изъ важнѣйшихъ было то, которому далъ поводъ, въ 858 г. по Р. Х., Константинопольскій Патріархъ Фотій (Phocius), который выдумалъ и усиливался утвердить въ Греческой Церкви вѣрованіе, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, а не отъ Сына также. Этотъ

Фотій и ученіе его были осуждены, въ 870 году по Р. Х., на IV-мъ Константинопольскомъ Соборѣ, о чемъ говорится въ «Concil. gen.», tom. 23, pag. 677. Заблужденіе это хотя и прекратилось было съ Фотіемъ, но въ 1050 году по Р. Х., при Императорѣ Константинѣ Мономахѣ, снова поднято Константинопольскимъ Патріархомъ, Михаиломъ, и Епископомъ Львомъ Охридскимъ, и было причиною новой борьбы съ Латинскою Церковью. Въ этой борьбѣ Императоръ явился вѣрнымъ помощникомъ Грековъ. Послѣ когда онъ сдѣлался уже невыносимъ по своимъ грабежамъ и хищническимъ притѣсненіямъ для Сицилійцевъ, своихъ подданныхъ, то сіи послѣднее отпали отъ него и выбрали себѣ собственнаго своего Короля. Тогда Императоръ обратился къ бывшему въ то время Папѣ, Григорію IX, съ предложеніемъ отлучить Сицилійцевъ отъ Церкви. Но Папа, которому и прежде уже Сицилійцы сильно жаловались на притѣсненія Императора, не захотѣлъ исполнить его просьбы, чѣмъ онъ возбудилъ Грековъ противъ Римской Церкви, помогъ заблужденіямъ Фотія, отъ которыхъ въ устахъ Грековъ еще оставались койкакія искры, разгорѣться опять въ пламень, и довелъ до того, что въ 1054 году по Р. Х., Патріархъ, на Соборѣ своихъ Епископовъ, осудилъ Латинскую Церковь, отвергъ Римскаго Папу и всѣхъ Латинскихъ Епископовъ, и отлучилъ ихъ отъ Церкви, за тѣмъ закрылъ и тѣ Латинскія церкви, которыя были въ Константинополѣ (обо всемъ этомъ говорится у Сигеберта (Sigebertus Gemblacensis, «Chronographia.» Francof., 1583, pag. 598). Онъ утверждалъ, что правители Римской Церкви дѣйствуютъ и учатъ въ противность Никейскому Символу: «Spiritum Sanctum a filio quoque procedere, quod non continebatur in Symbolo Nicaeni Concilii, sed tantum dicebatur: «Ex patre procedentem.» За тѣмъ, на другомъ Соборѣ было постановлено, чтобы изъ Никейскаго Символа ни слова, ни слога, не было выбрасываемо и не прибавлялось бы къ нему, и кто сдѣлаетъ это, тотъ долженъ быть отрѣшенъ; а такъ какъ Латинская Церковь сдѣлала это, то она, слѣдовательно, и отлучена законнымъ образомъ Отлученные же не способны и не могутъ вести управленія Вселенскою Церковью; но какъ Константинопольскій Патріархъ есть ближайшій послѣ Папы, то ему и должно принадлежать такое управленіе. На этомъ основаніи

Императоръ Константинъ, въ присутствіи всѣхъ Епископовъ, объявилъ Патріарха Михаила Главою Вселенской Церкви; а чтобы утвердить за Патріархомъ такое великое значеніе и честь, онъ взялъ подъ уздцы лошадь, на которой ѣхалъ Патріархъ, и провелъ ее такъ черезъ все Конское Рысталище (Hippodromum palatii), какъ Греки его называютъ.

Послѣ этого весь народъ встрѣчалъ Патріарха всегда съ такимъ великимъ уваженіемъ, и вообще имѣлъ о немъ такое высокое понятіе, что онъ могъ воображать себя тѣмъ же Папою. Когда же Императоръ увидалъ, что весь народъ предался такъ Патріарху, и оказываетъ ему гораздо большую честь, чѣмъ это было прежде, то началъ уже сожалѣть объ избраніи его Главою Церкви, изъ боязни, что Патріархъ можетъ усилиться до того, что будетъ, пожалуй, вредить ему въ его управленіи. Когда Папа Левъ IX провѣдалъ о такой боязни Императора, то немедленно отправилъ въ Константинополь своихъ пословъ, съ предложеніемъ отрѣшить Патріарха Михаила, что Императоръ теперь охотно дозволилъ сдѣлать. Такимъ образомъ отлученіе Патріарха было совершено въ присутствіи Императора, какъ значится это въ «Concil. gen.,» tom. 25, pag. 489. Послѣ этого Императоръ лишилъ Патріарха всякой почести и достоинства еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде надѣлилъ его ими. См. «Antonin. Archiepisc. Epist.,» parte 3, tit. 22, cap. 12, pag. 571.

Однако же Греки сохранили по прежнему свою ненависть противъ Латинской Церкви, писали противъ нея, обвиняя ее въ томъ, что она допустила, будто бы, въ свою Церковь 99 заблужденій (см. Антонина въ помянутомъ сейчасъ мѣстѣ). Латинцы же, напротивъ, говорили, что Греки, будто бы, ввели у себя болѣе 90 ересей, изъ коихъ нѣкоторыя поименовываетъ Папа Левъ IX, въ своемъ посланіи къ Михаилу, Патріарху Константинопольскому. Томъ 25 «Conc. gener.,» стр. 426.

Такимъ образомъ сіи двѣ Церкви пребывали въ раздорѣ и разъединеніи до тѣхъ поръ, пока, по внушеніямъ Папы Иннокентія III, Латинское воинство, двинувшись моремъ и сушею противъ Сарацынъ, для завоеванія Обѣтованной Земли, не обратило

своего оружія противъ Грековъ и не взяло силою Константинополь, находившійся тогда въ усобицѣ. Глава этого воинства, Фландрскій Графъ, Балдуинъ, провозглашенный Императоромъ, а послѣ печальной кончины его, братъ его, Генрихъ, снова привели Греческую Церковь въ подчиненіе Римскому Папѣ, какъ свѣдѣтельствуетъ это Павелъ Эмилій (Paulus Aemilius) въ своемъ: «De rebus gestis Francorum» (Basiliae, 1569), книга 6-я, стр. 316: «Tunc Ecclesia Graeca in unum cum Latina coiit, Pontificisque Romani dicto parere coepit.» А также и Антонинъ, часть 3, стр. 104 и 572. Случилось же это въ 1204 г., какъ это видно изъ стихотворенія, написаннаго по случаю завоеванія города:

Bis sex centenus erat annus bis quoque binus,
Quo Constantini dominantur in urbe Latini.

Подъ тѣмъ же годомъ значится событіе это и у Calvisii «Isagoge Chronologica» (Francofurti, 1620).

Исторія же взятія самаго города и того, какъ при этомъ жестоко, безчестно и не по Христіянски поступали Латинскіе воины противъ Грековъ, ихъ женъ, дочерей, монахинь, и какъ разграблены и уничтожены были ими всякаго рода церковная утварь и богатства, не смотря на то, что Балдуинъ былъ весьма храбрый и великодушный полководецъ, подробно описаны въ «Libro de rebus post expugnatam urbem gestis,» на стр. 375 и слѣдующихъ, Никитой Хоніятомъ (Nicetas Choniates), который самъ находился при этомъ событіи.

Нѣкоторое время Греки жили довольно мирно подъ Латинскимъ владычествомъ, пока, въ 1237 году по Р. Х., они снова совершенно, отложились отъ власти Римскаго Папы и явились до такой степени противниками Государя ихъ, Латинскаго Императора и Папы, что многіе изъ Латинской Церкви пришли къ убѣжденію, что необходимо послать на Грековъ Крестовыхъ Братьевъ (Крестоносцевъ), вооруженною рукою, какъ свѣдѣтельствуетъ объ этомъ Mattheus Paris въ «Historia Anglic. Heinrici III» (Tiguri, 1606), pag. 422.

Въ то время у Грековъ былъ Патріархъ, по имени Германъ, который ревностно защищалъ старинныя ложныя ученія ихъ объ

исхожденіи Святаго Духа, о квасномъ хлѣбѣ въ Причастіи и нѣкоторыя другія. При этомъ Греки говорили, что они могутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы Патріархъ былъ верховнымъ Главою Церкви, что они вовсе не нуждаются въ Папѣ, что они не могутъ считать его ни достойнѣе, ни выше, ни даже равнымъ своему Патріарху, такъ какъ полагаютъ, что Греческая Церковь и древнѣе и достойнѣе Римской. По сему Римскую Церковь признали они не матерью, а только сестрою; ибо Петръ, главнѣйшій изъ Апостоловъ, на что ссылается и Римская Церковь, прежде чѣмъ пришелъ въ Римъ, имѣлъ свой столъ и пребываніе между Греками, именно въ Антіохіи, лежащей въ Греческомъ Государствѣ, при чемъ Греки въ Антіохіи оказали Апостолу Христа, а, слѣдовательно, и самому Христу, всякую честь и предупредительность, какую только могли придумать, до того, что они за это весьма могли быть названы Боголюбцами (Theophilis); Римъ же Петру и его соапостолу причинилъ всякаго рода срамъ и поруганіе, а наконецъ и самую смерть; и такъ сдѣсь было поруганіе, а тамъ всякая честь, въ слѣдствіе чего, Греки, по всѣмъ правамъ, могутъ быть названы сынами, Римляне же только пасынками Церкви, какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ выше помянутый Matth. Paris, на стр. 441. Тамъ онъ говоритъ: «Ecclesiae Romanae magistratus et rectores non populi devotionem, sed marsupia plena quærunt denariorum, non animas Deo lucrificare, sed reditus rapere, religiosos opprimere, simonia uti videntur, non curatur de justitia et honestate, de simplicium informatione, imo cum quocunque modo quis beneficio Ecclesiastico investitur, de summa pecuniæ, quam inde sortiri possunt, statim sciscitatur et cet. Visa igitur tanta malitia et oppressione, erigitur Graeca Ecclesia contra Romanam et cet.»

Почти такимъ же образомъ писалъ Патріархъ Германъ къ Папѣ Григорію IX. Онъ призывалъ въ свѣдѣтели Бога, небо и землю, что они, Греки, сердечно бы желали быть въ согласіи съ Латинскою, Церковью, чтобы ни Латинцы Грековъ, ни Греки Латинцевъ, не оскорбляли, и чтобы, наконецъ, разомъ можно было прекратить обиды и поруганія, которыя они причиняли одни другимъ, хотя тѣ и другіе имѣютъ одну Главу — Іисуса Христа. И чтобы не скрыть отъ него, какъ это было на самомъ дѣлѣ,

онъ говорилъ: «Многіе сильные и благородные люди подчинились бы вамъ, если бъ только они не опасались «tam injustas suppressiones, opum protervas exactiones et servitutes in debitas, quas a vobis subjectis extorquetis. Hinc et crudelia bella in alterutrum, civitatum desolatio, sigilla januis Ecclesiarum impressa, fratrum schismata et cet.»

Такимъ образомъ въ то время было въ Греціи немного Грековъ, которые вмѣстѣ съ Латинянами хотѣли держаться Латинской Церкви.

Въ 1262 году, когда Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ, измѣною Греческихъ гражданъ снова взялъ городъ Константинополь, и выгналъ оттуда Балдуина II вмѣстѣ съ Латинцами (о чемъ см. Nicephorus Gregoras lib. 4, «Histor. Rom.» Basiliae, 1662), сдѣлана была новая попытка: нельзя ли обѣ Церкви привести къ постоянному единству? Съ этою цѣлію съ обѣихъ сторонъ отправлялись другъ къ другу посольства, какъ это видно изъ «Concil. gen.,» tom 28, стр. 19 и 535, и у Антонина въ части 3, на стр. 572. Императоръ Михаилъ Палеологъ и большая часть высшаго Духовенства Греческой Церкви домогались также, чтобы подписать постановленія Собора (Concil. Lugdun. II), который созванъ былъ по этому же случаю въ 1374 г. по Р. Х., какъ свѣдѣтельствуютъ посланія Палеолога и высшаго Духовенства, находящіяся въ помянутомъ сейчасъ мѣстѣ. Но Константинопольскій Патріархъ, Іосифъ, равно какъ и Антіохійскій Патріархъ, не хотѣли отнюдь принимать въ томъ ни какого участія и имѣли за собою множество приверженцевъ, и когда посланные возвратились съ Собора домой и начали читать Латинскій Символъ, нашлось много тайныхъ и нѣсколько даже явныхъ противниковъ этого чтенія. Въ слѣдствіе сего Императоръ приказалъ умертвить многихъ Игуменовъ, монаховъ и другихъ людей, а самаго Патріарха смѣстить. Въ «Concil. gener.,» въ 28 томѣ, на стр. 586, значится, что самъ Императоръ опять отложился отъ Латинства, и въ слѣдствіе того былъ будто бы отлученъ отъ Церкви Папою Мартиномъ. Антонинъ же говоритъ (Chron., par. 3, pag. 572), что онъ до конца жизни своей оставался вѣренъ Латинству; а когда умеръ, то Греки не удостоили его ни Христіянскаго, а тѣмъ болѣе, Царскаго, погребенія; даже

собственный сынъ его, Андроникъ, самъ помогъ, отбросивъ сыновнюю любовь, лишить своего отца такой чести, такъ что тѣло Императора, умершаго въ военномъ станѣ, отвезши немного отъ онаго, бросили въ чистомъ полѣ и только немного засыпали землею, чтобы не разорвали его хищные звѣри. И Андроникъ дозволилъ сдѣлать это для того, чтобы показать Грекамъ, оставшимся большею частію твердыми въ своихъ старыхъ заблужденіяхъ, какъ глубоко противны были ему дѣйствія бывшаго отца его, а именно (какъ говоритъ Грегора), что онъ отложился отъ истинной Церкви. Ибо Андроникъ боялся, что если бъ онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, призналъ Латинскую Вѣру, то Греки отняли бы у него Царство, которымъ онъ давно уже управлялъ вмѣстѣ съ отцомъ, и отдали бы управленіе его брату (котораго онъ, по требованію ихъ же, Грековъ, заключилъ въ темницу). Въ слѣдствіе всего этого онъ созвалъ Грековъ въ храмъ Святой Софіи, и тамъ объявилъ имъ, что въ сердцѣ своемъ онъ всегда принадлежалъ ихъ Вѣрѣ, и теперь также хочетъ въ ней остаться; за тѣмъ тутъ же проклялъ умершаго отца своего. Такимъ образомъ онъ съ Греками снова и вполнѣ отдѣлился отъ Латинской Церкви. Отдѣленіе это продолжалось до 1439 г. по Р. Х., когда Папа Евгеній IV, услыхавши, что Римскій Императоръ, Іоаннъ Палеологъ, и Патріархъ Константинопольскій, Іосифъ, возымѣли желаніе снова соединиться съ Латинскою Церковью, созвалъ по этому поводу Флорентійскій Соборъ (Concilium Florentinum), на которомъ лично присутствовали Императоръ и Патріархъ, и, послѣ долгихъ и разнообразныхъ прѣній, сообща и единогласно постановили слѣдующіе 5 главныхъ статей. Именно: 1) Святый Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала (а не изъ двоякаго, какъ полагали Греки, что будто бы вѣровали такъ Латиняне). 2) Что Соборъ имѣлъ полную власть, для лучшаго уясненія, прибавить: «Filioque» (и отъ Сына), если въ Символѣ стоитъ: «a patre procedentem» (отъ отца исходящаго). 3) Какой хлѣбъ долженъ быть употребляемъ въ Св. Причастіи: квасной, или неквасной? 4) О Чистилищѣ, и 5) О высокомъ значеніи Римскаго Папы. Это Соборное постановленіе подписалъ Императоръ и другіе Греческіе Епископы; Патріархъ же умеръ еще до конца Собора.

Постановленіе это подписалъ отъ имени Русскихъ и Русскій Кіевскій Митрополитъ, Исидоръ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ,

Греки съ Латинцами разстались въ добромъ согласіи другъ съ другомъ. Но едва Греки возвратились въ Грецію, въ свои прежнія жилища, какъ снова принялись за свои старыя мнѣнія. Этѣмъ воспользовался Ефескій Архіепископъ, по имени Маркъ, который хотя также былъ на Флорентійскомъ Соборѣ, но не подписалъ его постановленій, и теперь снова подогрѣлъ старыя заблужденія Фотія, и сдѣлалъ ненавистными для Грековъ постановленія сего Собора до такой степени, что они опять впали въ расколъ, послѣ чего никогда уже не приходили къ единенію, и вѣруютъ, также какъ и Русскіе, что Святый Духъ не исходитъ отъ Отца черезъ Сына.

Нѣкоторые историки прибавляютъ, какъ достойное замѣчанія, то обстоятельство, что вскорѣ послѣ того, именно въ 1452 г. по Р. Х. (по другимъ въ 1453 г.), жители Константинополя, и Греки, которые, умаляя значеніе Св. Духа, вели долгія и опасныя прѣнія о существѣ его и исхожденіи, въ праздникъ Святаго Духа, именно на другой день Пятидесятницы, подверглись нападенію Турокъ, страшно были мучимы сими послѣдними и наконецъ окончательно подпали подъ владычество ихъ, какъ повѣствуютъ о томъ: Меркаторъ, въ «Chronologia», страница 326-я, и Антонинъ, въ приведенномъ неоднократно мѣстѣ, на страницѣ 575-й, заимствуя извѣстіе это изъ жалобы Русскаго Митрополита, Исидора, о завоеваніи города, при которомъ онъ самъ находился.

Изъ всего этого видно, какъ часто обѣ сіи Церкви разъединялись и черезъ то приходили въ такое ожесточеніе одна противъ другой, что изъ того не только возникали опасныя войны, но и къ самому Богослуженію другъ друга питали они отвращеніе и ужасъ, какъ жалуется на это IV Соборъ Латеранскій (Concilium Lateranense IV), говоря, что Греки не только отмѣнили Латинское крещеніе, но и самые алтари, на которыхъ совершалась Латинская обѣдня, обмывали на чисто, когда хотѣли совершать на нихъ Богослуженіе («Concil. gen.», томъ 18, стр. 165). Къ такому расколу и непріязни Греки побуждались не только духовными, но и мірскими, причинами (какъ и выше упомянуто). Весьма можетъ быть также, что, жалуясь иногда на несправедливыя дѣйствія Латинянъ, Греки опасались за свою жизнь, и въ

тѣхъ жалобахъ они находили какъ бы поводъ отклонить отъ себя владычество Римское.

Ибо дѣйствительно правители и властители духовные въ Латинской Церкви не всегда бывали набожнѣйшіе и кроткіе люди, какъ жалуются на это собственные ихъ писатели, и какъ выше уже упомянуто изъ Париса. Гильбертъ Генебрардъ (Gilbertus Genebrardus) пишетъ, въ своей «Chronographia» (Lugduni, 1609), въ 4-й книгѣ, на страницѣ 553-й: «Hoc uno infelix Ecclesia, quod per annos fere 150 Pontifices circiter 50, a Johanne, scilicet 8, ad Leonem 9 usque, qui primus a Deo vocatus, velut alter Aaron, antiquam Pontificum integritatem e coelo in sedem Apostolicam revocavit, a virtute majorum prorsus defecerint. Apotactici Apostaticive potius, quam Apostolici.»

Кардиналъ Баронiй (Baronius) пишетъ, въ 10-мъ томѣ «Annalium,» что въ X-мъ вѣкѣ по Р. Христовѣ, на Римскомъ престолѣ сидѣли «homines monstruosi, vita turpissimi usquequaque foedissimi.» Ученый Беллармин (Bellarminus), въ своей «Хронологіи», въ которой онъ пишетъ о Папѣ Іоаннѣ XX, также говоритъ: «His temporibus, quibus Pontifices Romani, a pietate veterum degenerave-rant, principes seculi sanctitate florebant.» Что сказано въ особенности (in specie) объ Іоаннѣ XII, который, за свое легкомыслiе и, между прочимъ, за то, что пилъ вино за здоровье дьявола, былъ отрѣшенъ на Римскомъ Соборѣ, все это можно читать у Луитпранда («Historia rerum ab Europae Imperatorum gestarum.» Francofurti, 1584), въ книгѣ 6, главахъ 6 и 7, стр. 156; у Баронiя, въ томѣ 10-мъ, стр. 772, и въ «Concil gener.,» томѣ 25-мъ, стр. 107. Папа Стефанъ VII, отвергнувъ постановленія (decreta) предмѣстника своего, Формоза, приказалъ вырыть тѣло его и предать поруганію.

Какую пользу и честь принесли Церкви Сильвестръ II, чародѣй, Іоаннъ XVIII, похитившій сокровища изъ Константинопольскихъ церквей и взявшій ихъ съ собою въ Римъ, и Бонифатій VIII, «qui intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est ut canis,» повѣствуетъ о томъ Платина (Platina) въ «Vita pontificum» (Coloniae, 1610). Видя такіе печальные и звѣрскіе примѣры правителей въ Латинской Церкви, Греки естественно получили къ нимъ отвра-

щеніе и злобу, которыя по наслѣдству перешли и къ ихъ потомкамъ.

Поелику же Русскіе считаютъ себя членами Греческой Церкви, а Греческая Церковь отдѣлилась отъ Латинской (хотя Греки говорятъ, впрочемъ, что Латиняне сдѣлались отступниками отъ Грековъ) и всегда была враждебна ко всѣмъ членамъ послѣдней, то и въ этомъ отношеніи Русскіе слѣдуютъ Грекамъ. По этому и въ настоящее время Русскіе не терпятъ у себя ни какихъ Вѣроисповѣданій, родственныхъ Латинскому, или Папистовъ, а, напротивъ, охотно уживаются со всѣми, отдѣлившимися отъ Папистовъ.

Русскіе хотя и говорятъ, что всѣ уставы ихъ Вѣры, всѣ церковные законы и обряды, равно какъ и свои нравы, получили они отъ старыхъ Грековъ, но я полагаю, что изъ всего Греческаго они ни чему не выучились и не усвоили себѣ такъ хорошо, какъ пьянство, которымъ славились Греки. Цицеронъ говоритъ: «Graecorum lex fuit, aut bibat, aut abeat» (Tuscul 5), т. е., у Грековъ былъ законъ, чтобъ либо пилъ человѣкъ, либо убирался прочь. Русскіе во многихъ дѣлахъ, какъ въ основныхъ положеніяхъ Вѣры, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и обрядахъ своихъ, уклонились отъ Грековъ, такъ что эти послѣдніе считаютъ ихъ за раскольниковъ (Schismatici), хотя и не смѣютъ высказывать имъ это, по причинѣ значительныхъ приношеній, которыя ежегодно получаютъ отъ нихъ.

Герберштейнъ, въ своихъ «Commentarii rerum Moscoviticarum» (Antverpiae, 1557), на стр. 31-й, упоминаетъ, что однажды Константинопольскій Епископъ, или Патріархъ, по просьбѣ Москвитянъ, послалъ къ нимъ ученаго Греческаго монаха, по имени Максиміяна, чтобы привести тамъ въ надлежащій порядокъ уставы, правила и вообще все то, что относится до Греко-Россійской Вѣры. Когда этотъ монахъ прибылъ къ нимъ, то нашелъ тамъ множество грубыхъ заблужденій, которыя онъ и указалъ Великому Князю. Вскорѣ за тѣмъ монахъ этотъ пропалъ, такъ что никто и не зналъ, куда онъ дѣвался. Полагаютъ по этому, что онъ былъ тайно умерщвленъ Русскими. [1] То же самое случилось

[1] Монахъ этотъ былъ, такъ называемый, Максимъ Грекъ, родомъ изъ южной Ал-

и съ однимъ Греческимъ купцомъ, по имени Маркомъ (Marcus), котораго они также за подобныя рѣчи куда-то упрятали. Русскіе и теперь еще поступаютъ такимъ же образомъ, и тотъ, кто рѣшится высказать имъ подобныя вещи, долженъ ожидать, что съ нимъ случится не лучше того, что случилось съ Протопопомъ Нероновымъ (Naronou), о которомъ разсказалъ я выше, когда онъ говорилъ противъ иконъ, или съ Логиномъ Муромскимъ, который началъ было произносить проповѣди. [2]

Всего этого довольно о настоящемъ состояніи Россіи и свойствахъ ея жителей. При описаніи ихъ я невольно вошелъ въ нѣкоторыя подробности, какъ требуетъ того описаніе путешествія вообще. Но такъ какъ въ описаніи этомъ находятся частью новыя, частью не всякому извѣстныя, вещи, достойныя вниманія каждаго, то я и надѣюсь, что благосклонный читатель не поставитъ мнѣ въ вину сказанную полноту и подробности, которыя случай доставилъ мнѣ возможность собрать. Да извинитъ онъ меня и за то, что я прилагаю сдѣсь прекрасныя мысли Доктора Павла Флеминга, бывшаго моего товарища по путешествію, мысли, которыя онъ набросалъ о Русскихъ, живущихъ преимущественно въ Новгородской области и по селеніямъ, такъ какъ среди этѣхъ людей онъ, въ первое путешествіе наше, прожилъ цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ, и вотъ что именно написалъ онъ о нихъ. [3]

баніи (города Арты), учившійся въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи. Онъ, какъ извѣстно, много выпесъ по дѣлу исправленія Церковныхъ книгъ въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ, собственно же за то, что не захотѣлъ одобрить развода Великаго Князя, Василія Ивановича, съ супругою его, Соломоніей. Сперва заточили его въ Волоколамскій монастырь, оттуда перевели въ Тверской Отрочь и напослѣдокъ въ Троицкую Лавру, гдѣ, послѣ 30 лѣтняго страданія, скончался въ 1556 году. О. Б.

[2] Все, что пи говоритъ въ сей главѣ Олеаріи, говоритъ, какъ Западный писатель, съ своей точки зрѣнія. О. Б.

[3] Стихотвореніе Флеминга, о которомъ говоритъ сдѣсь Олеаріи, мы переводить считаемъ излишнимъ, такъ какъ оно пи чего въ себѣ не заключаетъ особеннаго. Перев.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

СОДЕРЖАЩАЯ ПУТЬ ОТЪ МОСКВЫ ДО ПЕРСІИ.

ГЛАВА I.

О выѣздѣ изъ Москвы до Нижняго Новгорода: какъ плыли мы по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ, и какіе города, селенія, монастыри и дома видѣли мы на этомъ пути.

Теперь мы обращаемся снова къ нашему путешествію въ Персію. Когда Приставы вручили намъ помянутый выше Великокняжескій видъ (Pass), то отъѣздъ нашъ изъ Москвы послѣдовалъ 30 Іюня.[1] Цѣлый этотъ день, на послѣднее прощаніе, провели мы у одного Уполномоченнаго (Factor) Его Княжеской Свѣтлости, Государя нашего, Г-на Давида Руцена (Rutzen), который угостилъ насъ отлично изготовленнымъ званымъ обѣдомъ. Въ послѣдніе уже часы дня (Русскіе употребляютъ Вавилонскіе (Babilanische) часы и начинаютъ считать часы дня съ восхода солнца до заката) Царь прислалъ намъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ лошадей, на которыхъ мы, въ сопровожденіи нашего прежняго Пристава и многихъ знатныхъ Нѣмцевъ, и поѣхали верхами изъ Москвы, за 3 версты, до Симонова (Simana) монастыря, гдѣ ожидало насъ наше судно, посланное впередъ, по причинѣ многихъ изворотовъ, которыми течетъ здѣсь рѣка Москва. За тѣмъ мы сошли на судно при сердеч-

---

[1] Въ печатномъ ошибочно 16, какъ это видно изъ послѣдующаго.

ныхъ пожеланіяхъ нашихъ добрыхъ друзей. Великій Князь наряднлъ къ намъ Пристава, по имени Родіона Матвѣевича (Rodiwon Matfeowitz), который долженъ былъ сопровождать насъ до Астрахани.

Только что мы отчалили немного отъ берега, какъ прибылъ туда Воспитатель (Hoffmeister) молодаго Князя, Борисъ Ивановичъ Морозовъ (Morosou), со всякаго рода дорогими напитками и съ своими трубачами. Онъ проснлъ Посланниковъ хоть на короткое время опять причалить къ берегу, чтобы онъ могъ угостить насъ на прощаньи, но они вѣжливо отклонили это приглашеніе; а такъ какъ не задолго передъ симъ, въ Москвѣ, Боярнпъ этотъ нѣкоторымъ изъ насъ доставилъ пріятное удовольствіе соколиною охотою, какъ разсказано выше, то мы подарили ему теперь серебряную чару. Послѣ этого онъ плылъ на небольшой особой лодкѣ, берегомъ, нѣкоторое время, по пути съ нами, и приказалъ своимъ трубачамъ играть веселую пѣсню, на что мы отвѣчали своими музыкантами. Немного спустя онъ пересѣлъ уже на наше судно, оставался и пилъ тамъ съ нашими Дворянами до самаго утра, когда, полный любви и вина, распростился съ нами, съ слезами на глазахъ.

Въ эту ночь, съ помощію Русскихъ гребцовъ, мѣнявшихся по очереди, такъ что разомъ постоянно сидѣло за веслами по 8 свѣжихъ еще человѣкъ, и каждый изъ нихъ получалъ при томъ чарку водки, мы плыли рѣкою такъ быстро, что на другой день, именно 1 Іюля, вскорѣ по восходѣ солнца, достигли до одного Барскаго двора, Дворянинова (Dworenitnow), который лежитъ, на лѣвомъ берегу рѣки, въ 80 верстахъ отъ Москвы или въ 16 Нѣмецкихъ миляхъ. Къ вечеру мы доплыли до селенія Морчугъ (Mortschuk), [2] лежащаго на правомъ берегу, въ 40 верстахъ отъ Дворянинова.

При дальнѣйшемъ обозначеніи селеній и другихъ мѣстъ, лежатъ ли они на правомъ, или на лѣвомъ, берегу, вмѣсто полныхъ

---

[2] Морчуги. О. Б.

словъ, мы будемъ писать слѣдующія начальныя буквы: п. правый и л. лѣвый берегъ.

2-го числа, передъ обѣдомъ, встрѣтились намъ у села и монастыря Porsenis [3] нѣсколько большихъ барокъ, нагруженныхъ медомъ, солью и соленою рыбою и плывшихъ, большею частію изъ Астрахани въ Москву. Здѣсь рѣка опять течетъ большими изворотами и далекими изгибами; мы вышли на берегъ, отслужили свои часы молитвы и поплыли далѣе.

Вечеромъ прибыли мы къ городу Коломнѣ (Colomna) на п. б. Онъ отстоитъ отъ Москвы водою на 180 верстъ или на 36 Нѣмецкихъ миль; сухимъ же путемъ, особенно зимою, когда можно ѣздить прямой дорогой и по замерзшей рѣкѣ, считается едва 18 миль. По наружному виду Коломна хорошо защищена каменными стѣнами и башнями, и подлѣ городской стѣны протекаетъ Москва рѣка, черезъ которую перекинутъ длинный деревянный мостъ. Здѣсь имѣетъ свое пребываніе единственный Епископъ, считающійся Епископомъ и всей страны, и особый Воевода; по этому мы должны были здѣсь пріостановиться на нѣкоторое время и подождать, пока Приставъ предъявлялъ Воеводѣ нашъ видъ. Пока мы ждали, на мосту собралась бездна народу, ради любопытства, посмотрѣть на насъ. Такъ какъ судно наше, долженствовавшее проплыть подъ мостомъ, оказалось нѣсколько высокимъ, именно нѣкоторою частью крыши, то нужно было, для его прохода, отнять часть моста, что и было исполнено бывшими здѣсь людьми очень проворно.

Въ 3 верстахъ за Коломною рѣка Москва впадаетъ въ Оку (Осса), довольно широкую и глубокую рѣку, текущую съ юга.

Здѣсь же по близости стоитъ Голутвинъ (Kolutin) Сергіевскій монастырь, который основалъ Св. Сергій, похороненный въ Троицкомъ монастырѣ. [4]

---

[3] Что бы это такое было нынѣ? О. Б.

[4] Построенный, по совѣту Пр. Сергія, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ около 1385, трудами ученика Сергіева, Григорія. О. Б.

Послѣ сліянія обѣихъ сказанныхъ рѣкъ, страна по обоимъ берегамъ представляется весьма плодородною всякаго рода растительностію и густо населенною, такъ что мы немало любовались, глядя на такую пріятную мѣстность. Здѣсь такое множество дубовыхъ лѣсовъ, какого мы нигдѣ не встрѣчали въ цѣлой Россіи.

3-го Іюля, передъ восходомъ солнца, достигли мы до большаго села, на л., называемаго Дѣдино (Gedino),[5] которое простирается на цѣлую полумилю въ длину и имѣетъ болѣе 800 душъ крестьянъ. Къ полудню прибыли къ селу Омутъ (Omuta), на п., въ 37 верстахъ отъ Коломны. Здѣсь, такъ какъ день былъ воскресный, мы вышли на берегъ и подъ однимъ прекраснымъ деревомъ отправили наше Богослуженіе, съ проповѣдью, послѣ чего поплыли далѣе. Въ 3 верстахъ за симъ селомъ, посреди рѣки, возвышается довольно длинный островъ, который миновали мы, имѣя его съ лѣвой отъ насъ руки. Въ тотъ же день мы миновали еще нѣсколько селеній, изъ которыхъ важнѣйшія были: Семца (Seelza) на п.[6] и Морозово (Moroso), то же на п.

4-го числа, въ полдень достигли мы до города Переяславля (Peresla), на п., гдѣ также имѣется свой Воевода. Городъ этотъ отстоитъ отъ Коломны въ 107 верстахъ. У Переяславля высоту полюса я нашелъ въ 54 градуса и 42 минуты.

5-го Іюля миновали мы городокъ Рязань (Resan), которое прежде было большимъ и даже главнымъ городомъ цѣлой области подъ тѣмъ же названіемъ. Но въ 1568 году по Р. Х., когда въ область эту вторглись Крымскіе Татары и опустошили все въ ней убійствами и пожаромъ, и этотъ городъ былъ также ими уничтоженъ до основанія. А такъ какъ область эта, заключаю-

---

[5] Т. е., Дѣдиново, нынѣ Дѣдново. И теперь оно занимаетъ вдоль по рѣкѣ около 5 верстъ. Встарь было Дворцовымъ и снабжало Дворъ рыбою, отъ чего называлось и Рыбнымъ. При Михаилѣ Оедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ оно строило корабли для плаванія по Каспійскому морю, а при Петрѣ I тутъ построенъ былъ ботъ, дѣдъ Русскаго флота, перевезенный, въ 1725 году, въ Петербургъ. О. Б.

[6] Семцы? О. Б.

щая въ себѣ пространство между рѣкою Окою и валомъ, возведеннымъ противъ Татарскихъ набѣговъ, въ прежнее время была Княжествомъ и вообще страною чрезвычайно плодородною для земледѣлія, скотоводства и всякаго дикаго звѣря, такъ что, во всемъ этомъ, она далеко превосходила всѣ, лежащія кругомъ, области (какъ справедливо повѣствуютъ о томъ Гваньинъ и Петрей), то Царь, послѣ сказаннаго опустошенія ея, приказалъ переселить туда изъ всѣхъ мѣстъ огромное количество народа, чтобы снова воздѣлать, обстроить страну и привести ее въ прежнее состояніе. А какъ для постройки вновь города Рязани нашлось болѣе удобное мѣсто, именно тамъ, гдѣ теперь лежитъ Переяславль, отстоящій отъ прежней Рязани на 8 миль, то оставшіеся отъ разрушенныхъ строеній матеріялы перенесены были на это новое мѣсто, и сдѣсь выстроенъ цѣлый новый городъ. Но городъ этотъ названъ былъ теперь Переяславль Рязанскій; ибо большинство людей, и при томъ самые важнѣйшіе, которые выстроили и заселили его, были изъ Переяславля, лежащаго на такомъ же разстояніи отъ Москвы на сѣверъ, какъ этотъ новый городъ на югъ отъ нея.

Удивляюсь, по чему Петрей (Parte I, pag. 48) мѣстность эту считаетъ лежащею на западъ отъ Москвы, тогда какъ, по его же собственному сказанію, она лежитъ между рѣками Окою и Дономъ, а рѣки этѣ по отношенію къ Москвѣ лежатъ не на западъ, а на востокъ, куда имѣютъ также и свое теченіе. Мѣстность Рязани находится собственно на юго-востокъ отъ Москвы. Въ Рязани и въ настоящее время имѣетъ свое мѣстопребываніе одинъ изъ 7 Архіепископовъ Русскихъ.

Въ тотъ же день миновали мы нѣсколько небольшихъ монастырей и селеній, а именно: близъ Рязани Селезнево (Sseloy) на л., далѣе за тѣмъ еще проѣхавши 7 верстъ Кнструсъ (Kystrus), л.,[7] а черезъ три версты монастырь Обложица (Oblozitza), еще далѣе черезъ 2 версты Линовы Исады (Lippono Issado), п., дворянская усадьба; за тѣмъ 2 версты Муратово (Muratow); еще 1 верста Калимино (Kallimino); потомъ черезъ одну же версту

[7] Собственно Кнструсъ Слобода. О. Б.

Пустополе (Pastapolie), п., село, принадлежащее Архіепископу Рязанскому; за тѣмъ далѣе 3 версты Новоселки (Novosolski), п., и еще черезъ 2 версты Шилово (Schilko). У перваго изъ этѣхъ селеній мы видѣли плывшее по рѣкѣ нагое мертвое тѣло мужчины, которое, вѣроятно, по тому, что съ давняго времени плавало, совершенно почернѣло и высохло отъ солнца. Говорили, что человѣкъ этотъ, должно быть, убитъ былъ Казаками и бѣглыми рабами, которые находятся вокругъ этѣхъ мѣстъ.

6-го Іюля плыли мы мимо монастырей: Терехова (Tericho), л., въ 10-ти верстахъ отъ послѣдняго поименованнаго выше села; Тырновской Слободы (Tinersko Slowoda), п., 10 верстъ; далѣе Свинчуса (или Свинчука) (Swintzus), п., 8 верстъ, и Копанова, (Kopanowo), п., 2 версты. Сдѣсь опять мы видѣли плавающее мертвое тѣло. Такъ какъ разбой и убійства въ сдѣшнихъ мѣстахъ не рѣдки, то Русскіе и не обращали на такія тѣла особаго вниманія.

7-го Іюля утромъ мы были у островка Добринин Островъ (Dobrinin Ostrow), п., за 30 верстъ отъ послѣдняго селенія, за тѣмъ плыли мимо селъ: села Рубца (Sseloy Rubetz), [8] 7 верстъ, и Курмона (Kurman), п., тоже 7 верстъ. Потомъ миновали рѣчку Гусь рѣку (Güs reka), л., 6 верстъ, и другія селенія: Малѣево (Moleowa), п., 8 верстъ, Габилоску (Gabiloska), [9] п., 2 версты, и Бабино (Babino) (Бабинку, Бабенку), п., 3 версты, расположенное на одномъ прекрасномъ холмѣ. Къ вечеру прибыли мы наконецъ въ городокъ Касимовъ (Kassimo gorod), л., 3 версты. Это былъ Татарскій городъ, принадлежавшій Татарскому Княжеству Касимову (Cassinow). Сдѣсь, въ древнемъ каменномъ строеніи, которое когда-то было замкомъ, проживалъ молодой Татарскій Князь, по имени Res-Kizi, съ матерью своею и дѣдомъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешли въ подданство Великаго Князя, и городокъ этотъ отданъ имъ для ихъ содержанія. Сдѣсь же видѣли мы и первый Магометанскій храмъ. Разсказываютъ, что Русскіе предлагали будьто бы этому молодому Князю, если онъ

[8] Нынѣ Рубецкое или Рубицкое. О. Б.

[9] Габлицы? О. Б.

перейдетъ въ ихъ Вѣру и перекрестится, то Великій Князь не откажетъ ему въ рукѣ своей дочери, на что онъ будьто бы отвѣчалъ, что онъ еще молодъ (ему было тогда только 12 лѣтъ) и переговоритъ объ этомъ послѣ, когда выростетъ и придетъ въ большій разумъ.

Наши Посланники, привѣтствуя Князя, послали ему въ подарокъ фунтъ табаку и флягу Французской водки, что доставило ему такое удовольствіе, что, въ отвѣтъ на это, онъ приказалъ кланяться Посламъ, крѣпко благодарить ихъ и извиниться, что онъ не можетъ, хотя бы очень желалъ, оказать имъ честь и угостить ихъ въ своемъ домѣ; ибо это будетъ непріятно тамошнему Воеводѣ, который неохотно дозволяетъ иностранцамъ имѣть съ нимъ какое ни будь сношеніе. По этому онъ прислалъ только съ слугами своими, которые были все Татары и ни съ кѣмъ не могли говорить, какъ только съ нашимъ Персидскимъ толмачемъ, разнаго рода продовольствія въ подарокъ, а именно: двѣ овцы, боченокъ меду, боченокъ пива и боченокъ водки, нѣсколько кусковъ льду, сметаны и свѣжаго масла, которое его мать, Княгиня, дѣлала собственными руками, какъ говорили слуги.

Въ эту ночь, равно какъ и въ слѣдующій за тѣмъ день, мы проѣхали мимо нѣсколькихъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки, селеній, монастырей и кабаковъ (Cabacken), которыя, среди зеленыхъ кустарниковъ, представляли намъ весьма пріятные виды. Важнѣйшіе изъ нихъ: Починокъ Татарскій (Potzinok Tatarsko), п., въ 3-хъ верстахъ отъ Касимова; село Перьево (Sseloy Periowo), [10] п., 7 верстъ; кабакъ одинъ (Cabak), л., 8 верстъ; Бродъ (Brooth), 5 верстъ. За тѣмъ, черезъ 8 верстъ, далѣе рѣчка Мокша (Moksche), п., еще кабакъ 2 версты; Сейтово (Sateowa), л., 13 верстъ. Далѣе, черезъ 4 версты, монастырь Адріяновская пустынь (Adrianow Pustino), л., а еще отсюда 3 версты Елатьма (Jekatma), л., [11] большое село, съ 300 душъ крестьянъ, принадлежа-

[10] Теперь Перьи? О. Б.

[11] Уѣздный городъ Тамбовской Губерніи. О. Б.

щее Боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву. Въ 20 верстахъ далѣе отсюда лежитъ боръ (сосняк), называемый Rusbonor, на правомъ берегу рѣки.

9-го числа, проплывъ еще 10 верстъ, достигли мы церкви Воскресенія (Woskressenia); это мѣсто по простонародному называется Воскресенская Мель (Woskressenski Mehl). За тѣмъ, черезъ 5 верстъ, большое село Лехи (Lechi),[12] л., принадлежащее Боярину (Reichs-Rath) Князю Борису Михайловичу Лыкову (Lykow). За тѣмъ еще черезъ 10 верстъ монастырь Пречистой Рязанской (Pretziste Resensko), п., и потомъ достигли города Мурома (Morima), населеннаго Русскими и Татарами. Сдѣсь начинаются Мордвинскіе Татары, всѣ подвластные Великому Князю. Такъ какъ въ городѣ находилась торговая площадь, то мы и послали туда нашихъ переводчиковъ, чтобы они накупили намъ кое-какихъ свѣжихъ припасовъ.

Когда мы плыли за четверть мили еще до города, то на правомъ берегу рѣки, къ которому примыкаютъ земли Крымскихъ Татаръ, показалось нѣсколько человѣкъ этѣхъ Татаръ; за тѣмъ вскорѣ они исчезли въ кустарникѣ и открыли по насъ огонь, такъ что одна пуля перелетѣла черезъ наше судно; когда же мы отвѣтили нѣсколькими ружьями, то они смолкли, пока мы миновали городъ, послѣ чего мы услыхали снова нѣсколько выстрѣловъ изъ прежняго мѣста. Мы вполнѣ были увѣрены, равно какъ и наши Русскіе гребцы тоже думали, что сказанные Татары нападутъ на насъ въ предстоявшую ночь, по чему и стали на якорь у одного острова, называемаго Цухтскій (Zuchtsko Ostrow), отстоявшій въ 51 верстѣ далѣе города, и держали крѣпкую стражу; но послѣ этого мы ни кого и ни чего уже не слыхали.

10-го числа мы миновали мѣстечко Превоспало (Prewospalo),[13] принадлежащее знатному, Боярину Князю Ивану Борисовичу

---

[12] Нынѣ Ляхи Меленковскаго Уѣзда Владимирской Губерніи. О. Б.

[13] Павлово? О. Б.

Черкаскому (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); миновали и много малыхъ селеній, а также двѣ рѣчки, изъ которыхъ одна впадаетъ съ правой стороны, Морзна рѣка (Morsna reka), [14] а другая, восемь верстъ далѣе отъ первой, впадаетъ съ лѣвой стороны, и называется Клязьма (Klesna), и идетъ отъ Владимира. Сдѣсь почва земли съ правой стороны начинаетъ возвышаться и составляетъ наконецъ весьма высокій берегъ, который почти въ одинаковой высотѣ продолжается весьма далеко, болѣе чѣмъ на 100 Нѣмецкихъ миль по Волгѣ, и глядя на этотъ берегъ съ низу, кажется, что это какъ бы montes contigui, или какъ бы висящія другъ на другѣ горы. На верху же идетъ совершенно ровная мѣстность, безъ лѣсу, удобная для земледѣлія, и такою равниною она вдается глубоко, болѣе 100 верстъ, внутрь страны и лежитъ болѣе на юго-востокъ. Страна же на лѣвомъ берегу, простирающаяся къ сѣверо-западу, повсюду низменна, покрыта кустарникомъ и мало заселена. На нѣкоторыхъ мѣстахъ высокаго берега, въ самый великій жаръ, мы находили снѣгъ и ледъ.

11-го Іюля, миновавши прекрасныя и веселыя селенія, лежащія на правомъ и лѣвомъ берегахъ, каковы: Избылецъ (Isbuiletz), Троицкую Слободу (Troitzka Slowoda), [15] Дудинъ монастырь, (Dudina monastir) [16] и Новники (Nofimki), [17] прибыли мы подъ вечеръ къ знатному городу, Нижнему (Nisen) или Нижнему Новгороду (Nisenawgorod). Сдѣсь высадились мы не въ городъ, но прямо на нашъ, выстроенный тамъ нашими людьми, корабль, названный Фридрихъ.

Этотъ корабль построенъ былъ корабельнымъ мастеромъ, Михайломъ Кордесомъ (Michel Cordes), съ помощію Русскихъ плотниковъ, изъ сосновыхъ (пегнющихъ) досокъ, и былъ длиною

---

[14] Ворсма оз. и р. Кишма? О. Б.

[15] Троицкое или Троица. О. Б.

[16] Дуденево, Дуднево. О. Б.

[17] Березовые Новники или Новины на Окѣ. О. Б.

въ 120 футовъ, съ 3-мя мачтами, о 24-хъ веслахъ, съ плоскимъ дномъ, и шелъ въ водѣ только на 7 футовъ. Онъ приспособленъ былъ собственно къ плаванію по р. Волгѣ, чтобы на немъ можно было плыть по незамѣтнымъ песчанымъ прибоямъ и мелямъ, которыхъ на Волгѣ множество, а въ случаѣ безвѣтрія, чтобы удобно было итти безъ парусовъ. Въ верхней части корабля, на палубѣ, въ каютахъ и внизу, въ трюмѣ, подѣланы были разныя помѣщенія, въ которыхъ совершенно удобно могли размѣститься Послы и ихъ люди, а также стряпня и продовольственная кладовая. Мы также достаточно снабдили корабль всякаго рода порохомъ и дробью, металлическими и каменными ядрами, гранатами и другими орудіями противъ нападенія разбойниковъ.

Кромѣ этого корабля мы построили еще шлюпку (Schlupe), хорошо также всѣмъ снаряженную, съ помощію которой мы имѣли намѣреніе дѣлать изслѣдованія по Волгѣ же, въ особенности на Каспійскомъ морѣ, такъ какъ корабельщикъ и гребцы наши должны были оставаться въ морѣ, во время отъѣзда и пребыванія нашего въ Персіи, и при этомъ случаѣ должны были познакомиться съ неизвѣстными и мелкими мѣстами, по которымъ корабль нашъ не отважился бы плыть; въ случаѣ же нужды шлюпка эта могла служить и для облегченія корабля. Чтобы окончательно и вполнѣ снарядить и изготовить нашъ корабль къ отплытію, мы должны были простоять здѣсь почти 3 недѣли.

ГЛАВА XI.

О городѣ Нижнемъ и о Волгѣ.

Городъ Нижній Новгородъ лежитъ подъ 56° 28′ широты, построенъ, по мнѣнію Герберштейна (стр. 47), Вел. Княземъ Васпліемъ и населенъ въ началѣ народомъ изъ многолюднаго города, Великаго Новгорода, отъ чего получилъ и свое названіе Нижній Новградъ (Nisenaugard) или Нижній Новгородъ (Unter Naugard).

Отъ Москвы до него водою считается 150, а сухимъ путемъ 100 Нѣмецкихъ миль; лежитъ онъ при р. Окѣ, на правомъ, высокомъ берегу ея и окруженъ каменною стѣною и башнями. Внѣ городской стѣны находится чуть ли не больше домовъ и народонаселенія, чѣмъ въ самомъ городѣ, который, вмѣстѣ съ пригородомъ, въ окружности составляетъ съ половину мили. Передъ городомъ Ока соединяется съ славной р. Волгою, древними писателями Ра (Rha) называемою. Обѣ рѣки, по сліяніи своемъ, представляютъ рѣку, шириною въ 4600 плотницкихъ футовъ, по собственному моему измѣренію, которое я дѣлалъ дважды, на пути въ Персію и на обратномъ оттуда пути по льду.

Я замѣтилъ также, что магнитная стрѣлка отклонилась тамъ на цѣлые 9 градусовъ съ полуночи на западъ.

Народонаселеніе въ Нижнемъ состоитъ изъ Русскихъ, Татаръ и Нѣмцевъ, которые всѣ суть подданные Великаго Князя и управляются особымъ Воеводою, коимъ въ наше время былъ тамъ Василій Петровичъ (Wasili Petrowitz).

Сдѣсь нашли мы послѣднихъ Лютеранъ, живущихъ на востокѣ, которые отправляли свое Богослуженіе въ общественной киркѣ: община ихъ состояла тогда почти изъ 100 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были военные Офицеры, Шотландцы, ремесленники, или торгаши, которые частію состояли на Великокняжеской службѣ, частію же получали содержаніе отъ денегъ за пожиданье, отъ пивоваренія, винокуренія и отъ содержанія кабаковъ, которое предоставлялось имъ по особой милости. Продовольствіе въ Нижнемъ чрезвычайно дешево: молодая курица, а также 15 яицъ, стоятъ 1 копѣйку, или 6 пфенниговъ на Мишненскія деньги (nach Meissnischer Müntze), овца стоитъ 12, 15 и 18 копѣекъ.

24-го Іюля я былъ посланъ, вмѣстѣ съ нашимъ Штальмейстеромъ Фонъ Мандельсло (Mandelslo), Гансомъ Арпенбакомъ (Arpenback), Русскимъ переводчикомъ и съ Приставомъ къ Воеводѣ, поблагодарить его за его доброе расположеніе и услуги, оказанныя имъ нашимъ людямъ, которые, ради постройки корабля, жили тамъ цѣлый годъ, и вручить ему подарокъ, драгоцѣнную вещь, цѣною во 100

рейхсталеровъ. Что подарокъ этотъ былъ весьма пріятенъ и понравился Воеводѣ, видно было изъ того, что онъ не только угостилъ насъ великолѣпно, но, при отъѣздѣ нашемъ, подарилъ намъ на дорогу двадцать окороковъ и разнаго другого продовольствія. Вообще онъ былъ весьма вѣжливый и разумный человѣкъ и въ домѣ своемъ держалъ приличную обстановку. Такъ, когда мы были приглашены къ нему черезъ нашего Пристава, насъ встрѣтили на дворѣ два человѣка и провели прекрасно убраннымъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, до самой лѣстницы, стояли слуги и рабы; въ передней насъ приняли двое почтенныхъ стариковъ и проводили въ покой Воеводы, убранный коврами, занавѣсами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоялъ въ кафтанѣ изъ золотой парчи, окруженный многими богато одѣтыми мужами, дружески принялъ насъ, благодарилъ за поклонъ и подарокъ Посланниковъ длинною, почтительною рѣчью, за тѣмъ пригласилъ насъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за здоровье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго, и Посланниковъ его. Во время угощенія за столомъ, состоявшаго изъ медовыхъ пряниковъ, отличной водки и различныхъ родовъ меду, Воевода велъ разные пріятные и полные мысли разговоры, такъ что мы удивлялись ему, зная, что это чуждо Русскимъ. Онъ спрашивалъ насъ, между прочимъ, не боимся ли мы Казаковъ, которые разгуливаютъ по Волгѣ, какъ разбойники, и, вѣроятно, не пропустятъ насъ безъ того, чтобы не напасть на насъ: «Это страшный», говорилъ онъ, «безчеловѣчный народъ, который разбой любитъ больше Бога, и нападаетъ на людей, какъ вотъ такой звѣрь!» При этомъ онъ указалъ на картину, изображающую льва, которому Самсонъ раздираетъ челюсти. Когда мы отвѣтили на это, что если Казаки окажутся съ нами львомъ, то мы будемъ для нихъ Самсономъ, онъ добавилъ, что вполнѣ на то надѣется и полагаетъ, что имя Нѣмцевъ, извѣстныхъ въ Россіи своею храбростію, которою они и Его Царскому Величеству оказали немалую услугу, достигло и до слуха Казаковъ и, безъ сомнѣнія, устрашитъ ихъ. Когда мы простились съ Воеводой, онъ приказалъ проводить насъ черезъ дворъ, прежнимъ порядкомъ, до самыхъ воротъ.

Въ этотъ день прекращены были споры, возникшіе между рабочими во время постройки корабля и въ слѣдствіе разсчета, тре-

бованнаго ими за постройку. По строгомъ изслѣдованіи дѣла, оказалось, что подрядчикъ, обязавшійся поставлять рабочихъ, уговорилъ ихъ, чтобы они отъ себя обѣщали ему вознагражденіе въ 40 р. или 80 рейхсталеровъ, а онъ за это выторговалъ высшую для нихъ заработную плату. Кромѣ того, кузнецъ въ поставкѣ желѣза и за работу выставилъ непомѣрныя цѣны и прямо обманывалъ; за это Воевода грозилъ ему строжайшимъ наказаніемъ (даже и смертною казнью), назначеніе котораго предоставлялъ на волю нашихъ Посланниковъ; но наконецъ, когда виновный, съ покорнымъ сознаніемъ вины своей, долго валялся на землѣ у ногъ Посланниковъ и слезно молилъ о прощеніи, его отпустили безъ наказанія, во уваженіе его глубокой старости; ибо ему было уже за 70 лѣтъ.

Простоявши у Нижняго до исхода Іюля и замѣтивъ, что вода въ Волгѣ, бывшая до того довольно высокой, быстро начала спадать, мы поспѣшили отправиться въ путь. Корабли, или большіе струги (Strusen) и суда, отплывающіе по Волгѣ въ Астрахань, принимаютъ обыкновенно въ соображеніе время и пускаются въ путь именно тогда, когда вода прибываетъ, или когда она уже самая высокая, что случается въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ: въ это время рѣки, текущія на сѣверѣ и впадающія во множествѣ въ Волгу, прибываютъ и, вливаясь въ нее, подымаютъ воду въ послѣдней до того, что суда не только могутъ свободно плыть по мелкимъ мѣстамъ, но и посверхъ низменныхъ острововъ, которые тогда лежатъ глубоко погруженные въ водѣ. Иногда, впрочемъ, случается, что когда суда остановятся на ночлегъ надъ такимъ подводнымъ островомъ и вода вдругъ спадетъ, то они сядутъ на островъ, и тамъ ужь и остаются, какъ мы это сами видѣли, встрѣтивши нѣсколько такихъ, засѣвшихъ и поломанныхъ, большихъ струговъ и судовъ въ разныхъ мѣстахъ на Волгѣ.

Такъ какъ рѣка эта, по моему мнѣнію, одна изъ величайшихъ, длиннѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ рѣкъ въ свѣтѣ, то я старательно изслѣдовалъ ее съ помощію одного опытнаго Голландскаго корабельщика, Корнелія Клаузена (Clausen) и нѣкоторыхъ Русскихъ лоцмановъ, снялъ ее по компасу на карту, не только въ ея теченіи, изгибахъ, углахъ и берегахъ, но обозначилъ также и

глубину ея, по которой можно было безопасно и свободно плыть, ея отмели, острова на ней и прилегающія къ ней страны, измѣряя разстоянія въ ней милями и даже верстами. Въ 1-мъ изданіи моемъ я обѣщалъ представить со временемъ настоящій очеркъ этой рѣки, что и исполняю теперь, прилагая сдѣсь изображеніе рѣки, вмѣстѣ съ тѣмъ, что видѣли мы и по берегамъ ея. [18]

Рѣка Волга беретъ начало свое (по свѣдѣтельству Герберштейна на стр. 53), въ области Ржевѣ (Rsowa), въ которой находится лѣсъ, называемый Русскими Волконскимъ (Wolkonski); въ этомъ лѣсу есть озеро, изъ котораго вытекаетъ эта рѣка и, пробѣжавъ пространство около 2-хъ миль, протекаетъ черезъ другое озеро, называемое Волго (Wolgo), откуда рѣка получила и свое имя, и за тѣмъ, еще до сліянія съ Окою у Нижняго Новгорода, течетъ мимо многихъ важныхъ городовъ, каковы: Тверь (Twere) (какъ выше было сказано), Кашинъ (Cassin), Холопій [19] (Chlopia), Угличъ (Uglitz), Ярославль (Jaroslau), Кострома (Castrom), Галичъ (Galitz) и проч. Такъ какъ эту часть Волги я не проѣзжалъ, то я и не описываю ее, а начну свое описаніе ея только отъ Нижняго Новгорода, отъ сліянія ея съ Окою.

---

[18] Въ подлинникѣ между стр. 340—341. О. Б.

[19] Холопіи городокъ, старинное Новгородское поселеніе ушкуйниковъ, состоявшихъ, по большей части, изъ холоповъ или рабовъ, откуда и его названіе. Когда-то вблизи его собиралась огромная ярмарка, исчезнувшая съ появленія ярмарки при Желоводскомъ Макарьевскомъ монастырѣ и съ основанія Архангельска. Нынѣ это владѣльческое селеніе и называется Старое Холонье, иначе Борисоглѣбъ. О. Б.

ГЛАВА III.

Отъ Нижняго до Василь-города.

Когда корабль былъ готовъ и снабженъ добрымъ запасомъ продовольствія, мы приговорили себѣ лоцмана или путеводителя, который могъ бы указывать намъ настоящій путь, и 30-го Іюля пустились въ дорогу, не смотря на то, что вѣтеръ былъ противъ и нужно было рениться (laviren) отъ него. На кораблѣ у насъ были: Московскій Коммисаръ Его Княжеской Свѣтлости, Балтазаръ Мушеронъ (Moucheron), Дьякъ или Писарь Воеводы, Пасторъ изъ Нижняго и нашъ Уполномоченный, Гансъ Бернгартъ (Bernhart), которые пожелали проводить насъ нѣсколько верстъ и посмотрѣть, какъ пойдетъ наше плаваніе. Но едва только проплыли мы двѣ версты отъ города, миновали Грэмматину гуту на л. (Grammatins Gute) и достигли Печерскаго монастыря (Petzora), п., какъ стали доставать дно и за тѣмъ сѣли на мель. Мы принуждены были бросить якорь, и только послѣ большихъ трудовъ, продолжавшихся цѣлые 4 часа, успѣли сдвинуть корабль съ мели.

На другой день, именно послѣдняго Іюля, проплывъ далѣе одну версту, опять сѣли на мель, но скоро сошли съ нея, и такъ какъ пошелъ сильный дождь и поднялась буря съ юго-востока, прямо намъ на встрѣчу, то до слѣдующаго дня мы и простояли на якорѣ.

Сдѣсь держано было на кораблѣ упомянутое выше слово, или Нѣмецкая рѣчь (Oration) объ опасности, которой мы подвергались на Балтійскомъ морѣ, и о понесенномъ нами крушеніи у Гохланда (Hochland), при чемъ отслужили благодарственное молебствіе Богу за Его милостивое спасеніе насъ. Это нужно было и для того, чтобы обновить въ людяхъ, составлявшихъ экипажъ нашъ, твердое упованіе на Бога и бодрость духа на дальнѣйшія опасности въ подобныхъ и другихъ случаяхъ, которые могутъ встрѣтиться въ предстоящемъ многотрудномъ и опасномъ путешествіи. По совершеніи Богослуженія и послѣ веселой музыки, провожавшіе насъ люди и добрые друзья наши распростились съ нами и поплыли обратно въ Нижній.

1-го Августа установленъ былъ порядокъ, какъ держать стражу. Нанятые солдаты и прислуга Посольская раздѣлены были на 3 роты, чтобы онѣ могли быть поперемѣнно употребляемы для содержанія караула. Первой ротой завѣдывалъ Посланникъ Крузе, второю Бругманъ и 3-ею Маршалъ. Каждый изъ Посланниковъ имѣлъ при этомъ своего Капитана, Крузе Шталмейстера а Бругманъ Секретаря, которые, вмѣстѣ съ Шталмейстеромъ, должны были поперемѣнно, съ обычнымъ барабаннымъ боемъ, приводить и уводить караулъ или стражу. Такимъ образомъ сторожевыя мѣста на передней и задней части корабля были постоянно заняты сильнымъ карауломъ.

Послѣ этого, когда вѣтеръ все еще продолжалъ дуть противъ, мы попытались было плыть на веслахъ; но только что продвинулись впередъ на ружейный выстрѣлъ, какъ засѣли опять на мель; снявшись съ мели, мы заблагоразсудили пока простоять на якорѣ, и нѣкоторые изъ насъ вышли на берегъ пострѣлять птицъ, которыхъ множество и разнаго рода видно было кругомъ; мѣсто для дичи было привольное; ибо на берегу, отъ Нижняго до Казани, всюду растутъ роскошные кустарники и деревья, представляющіе какъ бы сплошной лѣсъ.

2-го числа вѣтеръ нѣсколько стихъ, мы подняли якорь и думали, что сегодня пойдемъ лучше; но едва проплыли съ четверть мили, какъ засѣли опять у острова Телятинскаго (Tletinski), [1] и скоро за тѣмъ засѣли еще разъ, за другимъ островомъ, Собчинскимъ (Subzinski), на который въ высокую воду загнало какой-то большой стругъ, сидѣвшій и теперь еще тамъ въ совершенной цѣлости. Сдѣсь провозились мы цѣлыхъ 9 часовъ, прежде чѣмъ могли наконецъ сдвинуть корабль съ мели.

Такое плаваніе, уже въ самомъ началѣ представлявшее намъ столько трудностей, отъ чего въ 4 дня мы сдѣлали всего только двѣ мили, а до Каспійскаго моря намъ должно было проплыть еще 550 такихъ Нѣмецкихъ миль, равно какъ и лоцманъ нашъ, который,

---

[1] Телячій. О. Б.

какъ оказалось, уже восемь лѣтъ не плавалъ по Волгѣ, и по тому мало могъ сообщить намъ вѣрныхъ свѣдѣній, порядочно таки поубавили бодрости духа у нѣкоторыхъ изъ насъ.

3-го числа дѣло пошло, впрочемъ, нѣсколько лучше: мы оставили позади нѣсколько селъ и острововъ, изъ коихъ важнѣйшія: Столбища и Стоба (Stolbiz und Stoba), [2] въ 3-хъ миляхъ отъ Нижняго. Село Великой Врагъ (Welikofrat), п., въ долинѣ между двумя горами; село Тимонское (Tsimonski), п., на одномъ холмѣ, и за тѣмъ островъ Теплой (Dioploi), л., въ 20-ти верстахъ отъ Нижняго. Сдѣсь мы встрѣтили большой стругъ (или большую лодку), плывшій изъ Астрахани, на которомъ было 200 человѣкъ рабочихъ людей; ибо Русскіе, если дуетъ вѣтеръ не попутный, не плаваютъ на парусахъ, но завозятъ на особой лодкѣ якорь одинъ за другимъ, за четверть мили впередъ, и за веревку, привязанную къ якорю, тянутъ съ судна человѣкъ 100 разомъ, и такимъ образомъ продвигаютъ его противъ теченія. Но такое плаваніе очень медленно, и въ день можно проплыть съ небольшимъ двѣ мили. Такіе струги имѣютъ плоское дно, поднимаютъ вообще 400, или 500, ластовъ, [3] и нагружаются большею частію солью, икрою и крупною соленой рыбой.

Селенія, которыя мы въ этотъ день миновали, всѣ лежали на правомъ берегу и были слѣдующія: Безводная (Beswodna), [4] Кадницы (Kasniza), гдѣ высота полюса равняется 56° 21′. Далѣе: Работка (Rubotka), [5] Чеченина (Tzetschina), Татинецъ (Tatginitz), [6] Юркино (Jurkin). У этого послѣдняго села, отстоящаго на 10 миль отъ Нижняго, находятся два острова, между которыми водной проходъ былъ въ 21 футъ. Когда вѣтеръ началъ нѣсколько крѣпчать, мы, въ этотъ и на слѣдующій день, пустили въ ходъ мачтовой парусъ, прошли мимо многихъ небольшихъ селе-

[2] Столбище или Столбищи и Столбино. О. Б.

[3] Мѣра, равная 12-ти бочкамъ. Перев.

[4] Нынѣ Безводное. О. Б.

[5] Нынѣ Работки. О. Б.

[6] Или Чеченина. О. Б.

ній: Маза (Masa), [7] л., Кременки (Kremonki), [8] п. За послѣднимъ изъ этѣхъ селеній, 4-го числа, мы держали ночлегъ нашъ.

5-го Августа прибыли мы еще утромъ въ село Бармино (Parmino), отстоящее на 90 верстъ отъ Нижняго. Сдѣсь крестьяне привезли къ намъ на корабль, на 3-хъ лодкахъ, молодыхъ куръ и другого продовольствія, которыя и продавали намъ по весьма дешевой цѣнѣ. Далѣе мы проплыли между двумя островами, изъ которыхъ одинъ Русскіе называли Спасобѣлка (Spassabelka). Къ вечеру у насъ въ виду былъ уже городокъ Васильгородъ (Wasili gorod); но такъ какъ у этого города находится мель, то мы бросили якорь и остановились передъ городомъ.

Сдѣсь нашли мы почту, пришедшую къ намъ изъ Москвы, съ письмами изъ Германіи, посланными еще въ Маѣ; полученіе этѣхъ писемъ весьма обрадовало насъ.

Васильгородъ есть небольшой, весь изъ деревянныхъ домовъ обстроенный, городокъ или мѣстечко, безъ городской стѣны; лежитъ на правомъ берегу Волги, подъ горою, подъ 55° 51′ высоты полюса и отъ Нижняго во 120 верстахъ. Построенъ онъ Великимъ Княземъ Василіемъ, [9] и заселенъ въ началѣ воинами для удержанія Крымскихъ Татаръ отъ набѣговъ. По ту сторону города течетъ съ юга довольно порядочная рѣка, называемая Сура (Sura). Рѣка эта нѣкогда отдѣляла Казанскія владѣнія отъ Русскихъ.

6-го числа корабль нашъ прошелъ именно по помянутой выше мели, такъ что постоянно почти касался дна, очень стучалъ по немъ и скорѣе какъ бы прыгалъ, чѣмъ плылъ.

Когда въ полдень мы проходили мимо города, то, для привѣтствія, выстрѣлили изъ одной пушки и велѣли проиграть на трубахъ. То же самое дѣлали мы потомъ у каждаго города, къ которому приставали.

---

[7] Или Покровское. У Шуберта неправильно Мыза. О. Б.

[8] Или Кремонка. О. Б.

[9] Ивановичемъ, въ 1523 году. О. Б.

ГЛАВА IV.

О Черемискихъ Татарахъ.

Сѣсь начинается другой родъ Татаръ, именно Черемисы (Ceremissen), которые простираются далеко за Казань, живутъ по обѣимъ сторонамъ Волги, большею частію не въ домахъ, а въ дряннихъ лачужкахъ, питаются своимъ скотомъ, медомъ и дичью, отлично стрѣляютъ изъ лука и пріучаютъ къ тому дѣтей съ малолѣтства. Это коварный, хищническій и колдовству преданный народъ. Обитающіе на правомъ берегу Волги называются Нагорными (Nagorni); ибо они живутъ на возвышенной мѣстности, на горахъ и между горами; названіе это произведено отъ словъ: на и гора. Обитающіе же на лѣвомъ берегу называются Луговыми (Lugowi), отъ словъ: луга зеленые (Lugowi Zenne), то есть, отъ луговъ зеленыхъ и сѣнныхъ покосовъ; ибо тамъ, по причинѣ низменной и влажной почвы, множество прекрасныхъ луговъ и полей, съ которыхъ снимается громадное количество сѣна, доставляющаго кормъ для скота и Нагорныхъ Черемисовъ. Гваньинъ говоритъ, что народъ этотъ частію язычники, частію Магометане; живущіе около Казани, сколько могъ я дознать, только всѣ язычники; ибо у нихъ нѣтъ ни обрѣзанія, ни крещенія. Когда ребенокъ достигаетъ у нихъ полугода, то назначается извѣстный день, въ который должно дать ему имя, и тогда, кто въ этотъ день первый придетъ къ родителямъ, или кто первый пройдетъ мимо, того имя и получаетъ дѣтя. Большинство изъ нихъ вѣруетъ, что есть безсмертный Богъ, который дѣлаетъ людямъ добро на землѣ, и по тому его должно призывать; но что онъ такое, и какъ должно чтить его, сообразно съ его волею, они не знаютъ. Они не вѣрятъ воскресенію мертвыхъ, и за тѣмъ въ будущую жизнь, и думаютъ что съ смертію человѣка, какъ и съ смертію скота, все кончено. Въ Казани, въ домѣ моего хозяина, жилъ одинъ Черемисъ, человѣкъ 45 лѣтъ. Услыхавши, что въ разговорѣ моемъ съ хозяиномъ о религіи, я, между прочимъ, упомянулъ о воскресеніи мертвыхъ, Черемисъ этотъ расхохотался, всплеснулъ руками и сказалъ: «Кто разъ умеръ, тотъ и для чорта остается мертвымъ. Мертвые также воскресаютъ, какъ и мои лошадь и корова, околѣвшія нѣсколько лѣтъ

тому назадъ.» Когда я спросилъ его: знаетъ ли онъ, кто сотворилъ небо и землю? онъ съ смѣхомъ отвѣчалъ: «Чортъ это знаетъ!» Наконецъ, хотя они не вѣрятъ въ адъ, но вѣрятъ въ существованіе чорта, котораго зовутъ мучителемъ, и думаютъ, что черти, во время жизни, могутъ причинять скорбь и всѣ сердечныя боли, по чему и стараются задабривать ихъ жертвоприношеніями.

Верстахъ въ 40 на югъ отъ Казани, въ одномъ болотистомъ мѣстѣ, течетъ рѣка или ручей, который Черемисы называютъ Немда (Nemda) [1] и которому они ходятъ на поклоненіе и для приношенія жертвъ; они говорятъ: кто приходитъ туда и не приноситъ ни какой жертвы, тотъ долженъ зачахнуть до смерти, или высохнуть; ибо они полагаютъ, что тамъ, и въ особенности у рѣчки Schokschem, [2] текущей верстахъ въ 10 отъ Немды, чортъ имѣетъ свое главное мѣстопребываніе. Рѣчка эта не глубже двухъ локтей, протекаетъ между двумя горами и никогда не замерзаетъ. Черемисы питаютъ къ ней большой страхъ; ибо думаютъ, что кто изъ нихъ приходитъ къ ней, тотчасъ же умираетъ; Русскіе же безъ всякаго опасенія ходятъ къ этой рѣчкѣ и мимо ея. Черемисы приносятъ иногда жертвы и Богу, убиваютъ лошадей, коровъ, или овецъ, натягиваютъ шкуру ихъ на колья, варятъ тутъ же мясо, берутъ его полное блюдо въ одну руку, а чашу съ медомъ, или другимъ какимъ напиткомъ въ другую, бросаютъ и выливаютъ то и другое въ огонь, разложенный противъ развѣшанной шкуры, съ слѣдующими словами: «Ступай, снеси мои желанія къ Богу!» Или же: «Боже, я жертвую это тебѣ: прими это милостиво отъ меня и дай мнѣ больше скота,» или иного чего, что бы они желали имѣть у себя. Такъ какъ они не вѣрятъ ни въ какую другую жизнь, кромѣ сдѣшней, то и всѣ просьбы ихъ и молитвы устремлены только къ временному. Они поклоняются также солнцу и мѣсяцу; ибо замѣчаютъ, что дѣйствіемъ ихъ доставляется много добраго для земли и скота ихъ. Особенно высоко чтутъ они солнце во время жатвы. Намъ разсказывали также, что если они ночью увидятъ что во снѣ: ко-

---

[1] Рѣка Немда не на югѣ отъ Казани, но на сѣверо-западѣ, и впадаетъ въ рѣку Унжу, недалеко Юрьевца Поволжскаго. О. Б.

[2] Шокшама? О. Б.

рову, лошадь, огонь, или воду, то тому и оказываютъ честь, а иногда поклоняются даже въ слѣдующій за тѣмъ день. Когда я и хозяинъ мой говорили, по этому поводу, помянутому выше Черемису, что несправедливо чествовать и обожать скотину, или другое какое твореніе, какъ Бога, то онъ отвѣчалъ намъ: «А что хорошаго въ Русскихъ богахъ, которыхъ они вѣшаютъ на стѣнахъ? Это дерево и краски, которымъ онъ вовсе не желалъ бы поклоняться, и думаетъ, по этому, что лучше и разумнѣе поклоняться солнцу и тому, что имѣетъ жизнь.» У Черемисовъ нѣтъ ни письменъ, ни Священниковъ, ни церквей. Языкъ ихъ также особый, имѣющій мало сродства съ обыкновеннымъ Татарскимъ, или Турецкимъ. Живущіе въ этѣхъ мѣстахъ между Русскими Черемисы и говорятъ обыкновенно по Русски.

Если умретъ у нихъ зажиточный Черемисъ, то лучшую лошадь его убиваютъ, и у какого ни будь ручья, или рѣки, съѣдаютъ ее оставшіеся въ живыхъ друзья и челядинцы покойника (всѣ жертвоприношенія и подобные торжественные обряды совершаются ими непремѣнно у ручья); покойника же зарываютъ въ землю, а одежду его вѣшаютъ на дерево.

Черемисы имѣютъ за разъ по 4 и по 5 женъ и не обращаютъ вниманіе на то, если 2, или 3, изъ нихъ родныя сестры.

Женщины и дѣвицы ходятъ обыкновенно закутанныя въ толстый, бѣлый, холщевой платокъ, закрывающій даже и лицо. Невѣсты на передней части головы носятъ украшеніе, торчащее у нихъ на подобіе рога, длиною въ локоть, на концѣ котораго, къ пестрой кисточкѣ, привѣшивается маленькій колокольчикъ. Мужчины ходятъ въ длинныхъ полотняныхъ кафтанахъ (холстахъ), подъ которыми носятъ порты; волосы же на головѣ коротко, почти до тѣла, подстригаютъ; несвободныя же изъ нихъ оставляютъ на маковкѣ длинную косу, которую иногда завязываютъ узломъ, а иногда заплетаютъ, какъ женскія косы, и оставляютъ висѣть вдоль спины, какъ это видѣли мы на многихъ изъ нихъ, не только здѣсь, но и въ Казани также.

Когда они впервые замѣтили насъ на Волгѣ, въ невиданныхъ ими одеждахъ и на кораблѣ, то испугались до того,

что нѣкоторые бѣжали отъ берега, а другіе хотя и остались на мѣстѣ, но не хотѣли взойти къ намъ на судно, куда мы призывали ихъ знаками. Къ вечеру, впрочемъ, оказался одинъ смѣлый Черемисъ, пришелъ къ намъ на корабль у рѣчки Ветлуги (Wetluga), л., противъ монастыря Юнга (Junka monastir), и принесъ намъ на продажу большаго, свѣжаго осетра, за котораго запросилъ 20 алтынъ или 60 копѣекъ, но отдалъ потомъ за 5 алтынъ.

ГЛАВА V.

Мимо городовъ Козьмодемьянска, Чебоксаръ, Кокшая и Свіяжска.

7-го Августа прибыли мы къ городу Козьмодемьянску (Kusmademianski), отстоящему въ 40 верстахъ отъ предшествовавшаго города и лежащему также на правомъ берегу, на горѣ; въ немъ есть также Воевода или Градоначальникъ (Stadthalter). Въ этой области растетъ множество, даже цѣлые лѣса, липъ съ которыхъ туземцы деруть лыка, развозятъ ихъ всюду по странѣ, дѣлаютъ сани, боченки и разные ящики. Они распиливаютъ деревья на цилиндрическіе куски, выдалбливаютъ ихъ и употребляютъ вмѣсто ушатовъ, бочекъ и т. п.; выдалбливаютъ изъ этого дерева также цѣлые лодки, челны и гробы, и продаютъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ на торгу.

Въ трехъ верстахъ за симъ городомъ, у одного острова Кріуша (Krius), стали мы на якорь, отправили свое Богослуженіе и отговѣли. Сдѣсь крестьяне вторично принесли намъ для продажи свѣжее продовольствіе. Только что отплыли отсюда съ милю, какъ поднялась сильная буря, по чему мы опять бросили якорь и заночевали тутъ.

8-го числа, имѣя попутный вѣтеръ, распустили парусъ и до обѣда шли весьма быстро до острова Торикъ (Turich). Но послѣ обѣда, у острова Маслова (Masloff), плывши на всѣхъ парусахъ, мы такъ сильно наѣхали на песчаную косу, что мачты затрещали, и мы должны были оставаться сдѣсь цѣлые 4 часа, пока тремя якорями не сдвинули корабля съ мели.

Сдѣсь же, на правомъ берегу, мы видѣли множество Черемисовъ, на ихъ лугахъ, пѣшихъ и конныхъ. Къ вечеру подошли мы къ городу Чебоксары (Sabakzar), въ 40 верстахъ отъ вчерашняго, и также, какъ и два предшествовавшіе города, лежащаго на правомъ берегу и состоящаго изъ деревянныхъ построекъ, хотя мѣстоположеніе и дома въ немъ красивѣе, чѣмъ въ тѣхъ двухъ городахъ. Когда жители Чебоксаръ еще издали завидѣли нашъ большой корабль, то не знали что и думать, что это было такое; по этому Воевода еще за 3 версты выслалъ на встрѣчу къ намъ, къ острову Мокрицѣ (Makritz), лодку, полную стрѣльцовъ, развѣдать и посмотрѣть, что за народъ мы были? Стрѣльцы эти поодаль объѣхали корабль и поспѣшно возвратились въ городъ. Но когда въ городъ представленъ былъ нашъ видъ, то до 300 человѣкъ, старыхъ и малыхъ, сбѣжалось на берегъ посмотрѣть на насъ. Въ этомъ, равно какъ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ, которые всѣ лежатъ при Волгѣ, а не въ глубинѣ страны, кромѣ Воеводы находится много и Русскихъ солдатъ, для того, что если бъ приведенные въ покорность Татары вздумали возмутиться, тотчасъ же можно было бы собрать войско и усмирить ихъ.

9 числа мы прибыли къ острову Козину (Kosin), л., лежащему въ 12 верстахъ отъ вчерашняго города. Потомъ къ селенію Сундырь (Sundir), п., [1] 20 верстъ, и далѣе къ городку Кокшага [2] (Kokschala), л., въ 25 верстахъ отъ послѣдняго города, Чебоксаръ. Въ этой области Волга, на протяженіи нѣсколькихъ миль, вездѣ мелководна, такъ что мы едва могли плыть по ней. По сему въ этотъ и слѣдующій день мы должны были приложить много усилій и работъ, и все таки 10 числа сдѣлали только немного болѣе полумили; на кораблѣ то лишь и слышно было, что: «Тяни, греби, и назадъ!» (Tenni, kribbi, nasat) и проч.

---

[1] Иначе Посадъ Марьинскій. О. Б.

[2] Кокшайскъ, прежде городъ, между устьями рѣкъ Большой и Малой Кокшагъ, впадающихъ въ Волгу, нынѣ Кокшайское казенное село, иначе Покровское. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Царево-Кокшайскомъ, на правомъ берегу рѣки Малой Кокшаги, нынѣ Уѣзднымъ городомъ съ 1781 года, основаннымъ во второй половинѣ XVI столѣтія (1574 г.). О. Б.

11 числа [3] утромъ, Волга, сдѣлавшаяся стремительнѣе въ своемъ теченіи, занесла насъ къ правому берегу, на косу, на которой мы и просидѣли нѣсколько часовъ. Сдѣсь я вышелъ съ Мандельсло на берегъ прогуляться въ кустарникѣ и поискать лѣсныхъ плодовъ; между тѣмъ вѣтеръ усилился, на кораблѣ натянули парусъ и поплыли дальше. Когда мы съ Мандельсло воротились къ берегу, то, не нашедши корабля, пробѣжали довольно порядочное разстояніе по берегу, въ догонку за нимъ, но корабля не догнали, а увидѣли лодку, плывшую къ намъ; сначала мы подумали, что то были Казаки, но оказалось, что лодка эта послана была съ корабля намъ на встрѣчу, и на ней-то мы догнали корабль, замедленный въ своемъ бѣгѣ вѣтромъ въ одномъ изгибѣ рѣки. Такъ какъ вѣтеръ все болѣе и болѣе крѣпчалъ, то сдѣсь корабль и остался на ночь.

12 числа мы попытались было провести корабль около мыса, съ помощью одного малаго якоря, но якорь этотъ зацѣпился за дерево, лежавшее на днѣ рѣки, отъ чего канатъ, на которомъ былъ сброшенъ якорь, порвался а самый якорь остался на днѣ. Такіе случаи часто повторяются на Волгѣ вездѣ, по причинѣ множества деревьевъ, которыя полою водою срываются съ ея береговъ и погружаются на дно рѣки, и Русскіе говорятъ по этому, что въ Волгѣ такая бездна якорей, что на стоимость ихъ можно купить цѣлое Княжество. Случается иногда, совершенно неожиданно, вытаскивать такіе якори якоремъ же.

13 Августа, миновавши до обѣда два кабака и селеніе Вязовку (Wesofka), [4] п., пришли мы къ городу Свіяжску (Swiatzki), который лежитъ на правомъ берегу, на красивомъ по мѣстоположенію холмѣ, имѣетъ крѣпость, нѣсколько каменныхъ церквей и монастырей и окруженъ деревянной стѣной и башнями. Когда, поравнявшись съ городомъ, мы стали на якорь, по причинѣ встрѣтившейся намъ отмели, то жители города толпами высыпали на берегъ,

---

[3] Въ подлинникѣ значится 10, но это очевидно опечатка. Перев.

[4] Нынѣ Верхнія и Нижнія Вязовыя. О. Б.

и какъ между нами и берегомъ возвышался длинный песчаный холмъ, за которымъ они не могли видѣть насъ, то нѣкоторые изъ нихъ подъѣхали къ намъ на лодкахъ и челнахъ, а другіе просто бросились вплавь черезъ узкій проливъ рѣки между берегомъ и сказаннымъ холмомъ, чтобы посмотрѣть насъ и корабль нашъ. Отсюда до Казани, на разстояніи 20 верстъ, мы миновали множество бѣлыхъ мѣловыхъ и песчаныхъ горъ, лежащихъ на правомъ берегу. Къ вечеру прибыли мы къ городу Казани (Casan) и стали на якорь. Мы застали тамъ Персидскій и Черкаскій караванъ, который выѣхалъ изъ Москвы за нѣсколько дней передъ нашимъ оттуда отъѣздомъ. Въ караванѣ этомъ находился Персидскій купецъ, бывшій, какъ выше сказано, Посланникомъ въ Москвѣ; тамъ былъ также и Черкаскій Татарскій Принцъ, по имени Мусалъ (Mussal), изъ Терки (Terki), который, по смерти брата своего, получилъ владѣніе отъ Великаго Князя.

ГЛАВА VI.

О городѣ Казани и о томъ, какъ онъ подпалъ подъ владычество Москвитянъ.

Городъ Казань лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, въ 7-ми верстахъ отъ ея берега, въ ровномъ полѣ, на небольшомъ холмѣ, при р. Казанкѣ (Casanka), отъ которой городъ и вся окрестная страна получили свое названіе. Высоту полюса я нашелъ тамъ въ 55° 38′. Хотя городъ этотъ, также какъ и всѣ лежащіе на Волгѣ, окруженъ деревянною стѣною и башнями и самые дома въ немъ деревянные, но онъ довольно обширенъ и кремль его сильно защищенъ толстою каменною стѣною, орудіями и войскомъ. Великій Князь сажаетъ здѣсь не только въ кремлѣ Воеводу, но и въ городѣ особаго Градоначальника, которые и управляютъ жителями и творятъ судъ надъ ними. Городъ заселенъ Русскими и Татарами, но кремль одними лишь Русскими, и ни одинъ Татаринъ не долженъ быть въ немъ, подъ опасеніемъ смертной казни.

Казанская страна, простирающаяся на лѣво до Волги, на сѣверъ до Сибири и на востокъ до владѣній Нагайскихъ Татаръ,

была нѣкогда Татарскимъ Царствомъ. Такъ какъ страна эта имѣла громадное населеніе и могла выставить въ поле до 60 тысячъ человѣкъ, то Татары вели съ Русскими тяжкія и кровавыя войны и иногда принуждали ихъ платить имъ дань, но наконецъ покорены были подъ Царское владычество. Когда и какъ это случилось, я хочу разсказать сдѣсь въ краткихъ словахъ, такъ какъ событіе это достойно замѣчанія.

Однажды Великій Князь Василій Ивановичъ (Vasili Ivanowitz), отецъ Грознаго, воюя съ Казанскими Татарами, разбилъ ихъ на голову, покорилъ ихъ и по своему усмотрѣнію поставилъ имъ Царя (Хана), по имени Шигъ-Алея (Scheale). Хотя и этотъ Ханъ былъ изъ Татаръ, но онъ былъ болѣе пріятенъ, преданъ и вѣренъ Великому Князю Московскому, чѣмъ Татарамъ. Кромѣ того и видомъ онъ былъ человѣкъ безобразный: съ длинными отвислыми ушами, большимъ чернымъ лицомъ, съ толстымъ брюхомъ, короткими ногами и громадными, отвратительными, ступнями; такому-то властителю должны были подчиняться Татары и платить подати. Это крайне неправилось Казанскимъ Татарамъ; почему они тайно послали гонца къ Крымскимъ Татарамъ, съ жалобою на свое несчастное положеніе, на то, какъ они подпали подъ власть Великаго Князя и какъ ими правитъ теперь невѣрный отвратительный Ханъ (Царь); при чемъ просили, такъ какъ они (т. е., Крымскіе Татары) были одной Вѣры съ ними, Казанскими (именно Магометанской), то чтобы помогли имъ снять съ ихъ шеи ненавистное иго.

Вѣсть эта понравилась Татарскому Хану, Менгли-Гирею (Mendligeri); онъ поспѣшно собралъ многочисленное войско, пошелъ съ нимъ подъ Казань, взялъ этотъ городъ, прогналъ Шигъ-Алея, бѣжавшаго съ женою и сыномъ въ Москву, и посадилъ въ Казани Ханомъ брата своего, Саипъ-Гирея (Sapgeri).

Одержавъ такую побѣду, Татары ободрились, пошли далѣе на Великаго Князя въ Москву съ своимъ войскомъ, которое усилилось еще вновь прибывшимъ изъ Крыма народомъ, разграбили и опустошили всѣ города и селенія, черезъ которыя они проходили. Видя это, Великій Князь, хотя и собралъ порядочное вой-

ско, какое только могъ собрать на скорую руку, и послалъ его противъ Татаръ, приказавъ ему вступить въ битву при р. Окѣ; но это Русское войско, отправившись противъ непріятеля, скоро бѣжало обратно въ Москву, преслѣдуемое Татарами, которые за тѣмъ взяли Москву и осадили Кремль (Kremelina), оставленный Великимъ Княземъ, бѣжавшимъ въ Великій Новгородъ. Русскіе, впрочемъ, держались въ Кремлѣ, храбро сопротивлялись, а иногда высылали непріятелю и подарки. Видя это сопротивленіе Русскихъ и полагая, что взятіемъ Кремля дѣло можетъ затянуться на долго, Татарскій Ханъ рѣшился заключить съ ними договоръ, принялъ дары ихъ, а они, въ свою очередь, должны были согласиться на то, чтобы Великій Князь ихъ, за своею подписью и печатью, обязался быть подданнымъ его, Татарина, и платить ему ежегодную дань; на этомъ условіи онъ оставитъ Россію и освободитъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ было множество. Хотя сначала Великій Князь и не хотѣлъ было согласиться на такой постыдный договоръ, но, въ своемъ несчастіи, долженъ былъ уступить и дать на него свое слово.

За тѣмъ Менгли-Гирей, во свѣдѣтельство того, что Государемъ на Москвѣ былъ онъ, Татаринъ, приказалъ поставить свое изображеніе, передъ которымъ Великій Князь долженъ былъ кланяться до земли всякій разъ, когда пріѣзжали Крымскіе Посланники взимать ежегодную дань.

Послѣ этого Саинъ-Гирей отправился въ Казань и началъ править тамъ; старшій же, царствующій въ Крыму, Князь послалъ съ своимъ войскомъ на Рязань, осадилъ тамошній кремль и послалъ объявить Воеводѣ, Ивану Хабару (Ivan Kowar), [1] что Великій Князь сдѣлался его, Менгли-Гирея, подданнымъ, и по тому онъ, Воевода, безъ всякаго дальнѣйшаго толкованія и размышленія долженъ сдать ему кремль; но Воевода отвѣчалъ, что извѣстіе это кажется ему весьма страннымъ, и онъ не можетъ пред-

[1] Извѣстный Боярин и Воевода Иванъ Образцовъ-Симскій Хабаръ, избавившій Рязань отъ Крымскаго Хана, Магметъ-Гирея, 1521 г. О. Б.

ставить себѣ, чтобы дѣло это было такъ, какъ говоритъ Менгли-Гирей; но что если бъ онъ имѣлъ какое ни будь болѣе убѣдительное доказательство справедливости словъ Хана, то толковать и противиться долго не сталъ бы. Въ слѣдствіе этого Татаринъ послалъ въ кремль, съ нѣсколькими изъ своихъ воинскихъ начальниковъ, письменное обязательство Великаго Князя въ подлинникѣ, для предъявленія его Воеводѣ; но Воевода задержалъ посланныхъ и сказанное обязательство Великаго Князя, и рѣшилъ защищаться до послѣдней капли крови. При Воеводѣ былъ одинъ опытный Италіянскій артиллеристъ, Іоаннъ Іорданъ (Jordan), тотъ самый, котораго жена просила, чтобы онъ билъ ее, изъ любви къ ней, какъ разсказано это мною выше. Съ помощію этого-то артиллериста Воевода столь храбро и успѣшно защищался, что побилъ и уничтожилъ стрѣлами, ружьями и пушками, бездну людей у непріятеля, и одно ядро такъ быстро пролетѣло мимо самого Менгли-Гирея, что оторвало клокъ его кафтана. Это устрашило до того, что онъ ни чего болѣе уже не требовалъ, какъ только возвращенія ему обязательства Великаго Князя. Когда же и въ этомъ требованіи ему было на отрѣзъ отказано, то онъ оставилъ осаду и возвратился домой. Послѣ этого Воевода Рязанскій отослалъ къ Великому Князю сказанное обязательство его, отъ чего въ Москвѣ была великая радость, ликованіе, а изображеніе Менгли-Гирея низвергнуто, разбито и потоптано ногами. Вскорѣ за тѣмъ Великій Князь собралъ и послалъ въ поле 25 тысячъ войска, объявилъ Казанскому Хану, Саипъ-Гирею, открытую войну, приказавъ сказать ему, что онъ, Саипъ-Гирей, и братъ его вторглись въ его Государство какъ воры и разбойники, внезапно; теперь же онъ, Государь и Самодержецъ всея Руси, идетъ, какъ честный воинъ, открыто извѣщаетъ его о своемъ къ нему прибытіи и объявляетъ ему при этомъ войну. Когда Татарскій Князь далъ на это дерзкій и ругательскій отвѣтъ, то Великій Князь чрезвычайно поспѣшно двинулся и подступилъ къ городу Казани со всѣмъ своимъ войскомъ; но сдѣсь хотя Русскіе причинили много вреда Татарамъ, но кремля взять не смогли; по чему, не покончивъ дѣла, отступили назадъ, ограничившись тѣмъ, что снабдили Нижній Новгородъ постояннымъ сильнымъ гарнизономъ, для защиты отъ нападенія Татаръ. Въ остальное время жизни Вели-

каго Князя, послѣ этого, въ дѣлѣ съ Татарами ни чего болѣе особеннаго не предпринималось.

Когда же, по смерти Василія Ивановича, на престолъ вступилъ сынъ его, Иванъ Васильевичъ Грозный, то этотъ послѣдній не хотѣлъ оставить безъ отмщенія оскорбленія, понесеннаго Русскими отъ Татаръ; съ великою воинскою ратью, въ которой находилось и много иностранцевъ, особенно Нѣмецкихъ воиновъ, онъ осадилъ Казань, гдѣ обѣ стороны жестоко бились другъ съ другомъ и выдержали много кровавыхъ сраженій. Послѣ восьминедѣльной осады, Великій Князь, опасаясь, что если замедлится еще осада на долгое время, то можетъ подняться и Крымскій Татаринъ и прибудетъ на помощь къ своему брату, предложилъ осажденнымъ довольно сносный миръ; когда же осажденные отвергли предложеніе Великаго Князя, то онъ немедленно велѣлъ сдѣлать подкопы подъ городскую стѣну и валъ и взорвать ихъ на воздухъ; мѣра эта поразила, изумила, устрашила Татаръ и была причиною ихъ гибели. Такъ, когда подкопы приведены были въ исполненіе, сообразно съ намѣреніями осаждающихъ, то взрывомъ не только открыты были стѣны и валъ, но перебито и перерапено множество Татаръ; въ то же время Русскіе устремились на приступъ, ворвались въ кремль, хотя и не безъ потери многихъ людей; ибо они должны были пробиваться туда въ двухъ мѣстахъ, куда устремились и Татары и оказывали имъ сильное сопротивленіе. Наконецъ, когда Татары увидѣли, что ихъ одолѣли и что главные ихъ вожди пали мертвые, то рѣшились не держаться долѣе, бросились въ ворота, лежащія на востокъ, пробились сквозь ряды Русскихъ, перебрались черезъ рѣку Казанку, и разсѣянные обратились въ бѣгство. Случилось это 9-го Іюля, 1552 году по Р. Х. Поссевинъ же полагаетъ въ 53 году. [2]

Послѣ этого Великій Князь возобновилъ кремль, укрѣпилъ его еще болѣе крѣпкою каменною стѣною, башнями, щитами и широкимъ рвомъ въ видѣ четырехъугольника, прогналъ остававшихся Татаръ и заселилъ кремль и городъ Русскими, которыхъ выписалъ сюда изъ разныхъ мѣстъ. Татарамъ же сми-

[2] Казань взята, какъ извѣстно, 2-го Октября, 1552 года. О. Б.

рившимся дозволено было жить отдѣльно и сохранить свою Вѣру. Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ Грозный покорилъ подъ Русское владычество цѣлое Казанское Царство. Позднѣе, когда, бывало, этотъ Царь захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказывалъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани.

Воеводою въ Казани въ наше время былъ братъ Воеводы Нижегородскаго; ему также, какъ и другимъ, Посланники наши подарили прекрасный перстень съ большимъ рубиномъ.

Узнавъ, что 15-е Августа корабль нашъ цѣлый день простоитъ на якорѣ, я съ Мандельсло пошелъ въ городъ посмотрѣть его, записать, что придется, и купить, что понравится. Но на базарѣ мы ни чего не нашли, кромѣ разныхъ плодовъ, продававшихся тамъ во множествѣ, особенно дынь, которыя величиною были не менѣе тыквы, и соленой, давнишней гнилой рыбы, которая издавала такую вонь, что мы не могли ити мимо, не зажавши носа. Между тѣмъ на кораблѣ, Посланникъ Бругманъ разгнѣвался на насъ, что мы пошли въ городъ, приказалъ поднять якорь, и корабль пустился дальше. Когда жители Казани, ходившіе на берегъ посмотрѣть на корабль, встрѣтили насъ на обратномъ пути изъ города и объявили намъ, что Посланники уже отплыли, мы тотчасъ нашли двѣ телѣги, поѣхали берегомъ возможно скорѣе, и ѣхали такъ до тѣхъ поръ, пока не догнали лодки нашего Пристава, на которую мы пересѣли и вечеромъ доплыли до корабля, который остановился въ двухъ миляхъ за Казанью, на ночную стоянку.

ГЛАВА VII.

Путь до города Самары.

Отъ Нижняго до Казани Волга течетъ большею частію на востокъ и юго-востокъ, но далѣе до Астрахани и до впаденія въ Каспійское море она течетъ вообще на югъ. Далѣе Казани, по Волгѣ, хотя много плодородныхъ мѣстъ, но, по причинѣ раз-

сѣянныхъ повсюду сдѣсь Казаковъ (Cosaken) и разбойниковъ, встрѣчается очень мало селеній и жителей.

15-го Августа, съ теченіемъ рѣки, которое было сдѣсь весьма быстро, по тому что Волга шла въ болѣе узкихъ берегахъ, мы неслись очень скоро и за селеніемъ Ключища (Klitzischa), въ 26 верстахъ за Казанью, попали на отмель, черезъ которую перебрались съ большимъ трудомъ. Только что сдвинулись съ мели, какъ маленькій якорь нашъ въ другой разъ засѣлъ на днѣ такъ крѣпко, что цѣлое послѣобѣденное время, не смотря на всѣ наши старанія отцѣпить его, не смогли этого сдѣлать, по чему и остались тамъ на ночь. На слѣдующій день, до обѣда, мы опять возились за освобожденіемъ якоря, сбросили для этого и большой якорь, при чемъ отъ обоихъ якорей порвались канаты, и мы съ большимъ трудомъ успѣли только отыскать и поднять опять большой якорь; маленькій же такъ крѣпко засѣлъ, что добыть его оказалось не возможнымъ, по чему мы оставили его на днѣ и пустились далѣе.

Вскорѣ за тѣмъ мы достигли до кабака Теньковскаго (Tenkoffski), [1] п., въ 30 верстахъ отъ Казани; за этѣмъ кабакомъ идетъ опять мель, а черезъ полъ мили далѣе другая, у кабака Кешовскаго (Keschoffska), п., черезъ которую мы должны были волочить корабль.

17-го числа мы засѣли на большой, весьма извѣстной главной мели, называемой Теньковскою, отъ вчерашняго, давнишняго сдѣсь кабака, и провозились тутъ нѣсколько часовъ, таща черезъ нее корабль нашъ. Сдѣсь рѣка идетъ нѣсколько шире и вездѣ мелка. Вскорѣ за тѣмъ мы плыли мимо превысокаго пустаго берега на правой сторонѣ, отъ котораго, мѣсяцъ тому назадъ, обрушилась громадная глыба земли, и обваломъ своимъ затопила лодку, полную людьми, плывшими къ берегу за вишнями, которыхъ бездна растетъ въ этомъ краѣ; несчастные люди этѣ погибли при этомъ, ушибенные обваломъ и потонувшіе. Нашъ

[1] Нынѣ село Теньки или Тропцкое. О. Б.

новый лоцманъ, котораго мы встрѣтили передъ Казанью еще, на пути его изъ Астрахани, и котораго мы наняли себѣ, для сопровожденія насъ назадъ въ Астрахань, разсказывалъ намъ, что когда онъ ѣхалъ тутъ, нѣсколько времени тому назадъ, то ему на встрѣчу попадалось и плыло по рѣкѣ много мертвыхъ тѣлъ, мужчинъ и женщинъ, погибшихъ отъ сказаннаго обвала.

Въ этой мѣстности, и при томъ больше нигдѣ, мы видѣли множество вязовыхъ деревъ, высоко и чрезвычайно красиво растущихъ на берегу и на спускахъ его къ рѣкѣ. Въ этотъ же день, на правомъ берегу, мы нашли и много льду, которымъ освѣжили наши напитки.

Къ вечеру мы доплыли до большой рѣки Камы (Kama), л., текущей въ 60-ти верстахъ отъ Казани, съ сѣверо востока, берущей начало свое въ Пермской (Permia) области и впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Это довольно широкая рѣка, почти такая же, какъ Везеръ въ Германіи, и вода въ ней темноватая. О ней Павелъ Флемингъ написалъ сонетъ (находящійся въ собраніи сонетовъ его, на страницѣ 582);[2] близъ устья лежатъ два островка, изъ которыхъ большій называется Соколъ (Sokol); противъ него, на берегу, лежитъ селеніе Паганцина (Pagantzina), л., а черезъ 3 версты далѣе внизъ, другое, Каратаи (Korotai). Въ 10 верстахъ отъ Камы еще селеніе Кирѣска (Kirieska),[3] при которомъ мы стали на ночлегъ.

18-го числа плаваніе наше, на парусахъ, шло довольно быстро и къ полудню мы достигли до рѣчки Чертыка (Zerdik), на лѣвой сторонѣ, которая, отдѣлившись отъ Камы рукавомъ, течетъ нѣсколько верстъ по окрестной странѣ и сдѣсь, въ 30 верстахъ отъ устья Камы, впадаетъ въ Волгу. Около полудня увидѣли мы городъ Тетюши (Tetus), который лежитъ во 120

---

[2] Въ подлинникѣ, на стр. 352, помѣщенъ этотъ Сонетъ, но переводить его считаемъ излишнимъ. Перев.

[3] Кирельское, иначе Воскресенское, Туба? О. Б.

верстахъ отъ Казани на правомъ, высокомъ берегу и горѣ, по которой разсыпаны дома и церкви, все деревянныя; вмѣсто стѣны городъ окруженъ частоколомъ. Отъ этого мѣста до конца Волги уже не встрѣчается болѣе ни одного селенія. Послѣ обѣда достигли мы до острова Пролей-каши (Prolei-Karsa), н., получившаго такое названіе отъ того, что однажды нѣсколько слугъ убили на немъ своего господина и засыпали крупой. [4] За этимъ островомъ повстрѣчали мы Воеводу города Терки, плывшаго на 8-ми судахъ; его потребовали въ Москву послѣ трехлѣтняго его управленія, какъ это обыкновенно бываетъ у Русскихъ, и плылъ онъ въ сопровожденіи сильной охранной стражи. Одно судно съ стрѣльцами, шедшее впереди, приблизилось къ нашему кораблю, посмотрѣть на него. Но какъ мы сначала не знали, что это за народъ и можно ли было довѣрять ему, то съ корабля имъ закричали, чтобы они не подплывали близко, иначе по нимъ станутъ стрѣлять. Они сообщили намъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ насъ поджидаютъ до 3000 Казаковъ, отдѣльными частями, нѣкоторые на Волгѣ, а другіе на Каспійскомъ морѣ, и что недалеко еще отсюда они видѣли на берегу до 70 всадниковъ, которые, безъ сомнѣнія, были лазутчиками; что, вѣроятно, Казаки эти были посланы за тѣмъ, чтобы напасть на насъ, и подобное тому. Мы привѣтствовали Воеводу выстрѣломъ изъ пушки, поплыли далѣе и достигли до рѣчки Утки (Utka), л., въ 25-ти верстахъ отъ Тетюшъ, протекающей сюда изъ подъ города Булгара (Bulgara). [5] Въ этотъ день мы сдѣлали 77 верстъ. Въ наступившую за тѣмъ ночь Посланники вздумали сдѣлать испытаніе, какъ заявитъ себя экипажъ, когда представится случай и нужно будетъ вступить въ сраженіе, для

---

[4] Конечно, Karsa тутъ вм. каса или каша, по Чувашски деревня, слово, которое слышится въ концѣ многихъ названій Чувашскихъ поселковъ: Ой-касы, Алгу-касы и т. п. О. Б.

[5] Теперь въ Спасскомъ Уѣздѣ казенная деревня Успенское, при истокѣ Симанскомъ, р. Болгаркѣ и Моховомъ болотѣ, въ 22 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ населеніемъ около 2,000 душъ обоего пола; въ немъ Православная церковь, почтовая станція и развалины тамъ и сямъ древней столицы Волжскихъ Булгаръ. О. Б.

чего къ утру сдѣлали ложную тревогу. Часовой прежде всего, послѣ обычнаго воззванія, сдѣлалъ выстрѣлъ и закричалъ: «Казаки!» Тотчасъ забили въ барабаны, ударили тревогу, выстрѣлили изъ ружей и пушекъ, и въ одну минуту большая часть экипажа, изготовившись вполнѣ, явилась на назначенное для каждаго мѣсто и окончательно устроилась для отраженія нападенія. Подобныя тревоги дѣлали мы и въ Персіи, на обратномъ пути, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

19-го числа у острова Старицы (Staritzo), имѣющаго въ длину 15 верстъ, я нашелъ высоту полюса въ 54° 31′. За этѣмъ островомъ правый берегъ твердой земли покрытъ былъ круглыми камнями, имѣвшими видъ лимона и померанца, твердыми, тяжелыми и на ощупь похожими на желѣзо; если разбить этѣ камни на двое, то въ срединѣ ихъ образуются звѣздообразныя фигуры серебристаго, золотистаго, коричневаго и желтаго цвѣта, содержащія сѣру и селитру. Мы набрали себѣ порядочный запасъ этѣхъ камней, для употребленія ихъ въ нашихъ каменныхъ пращахъ.

За тѣмъ мы достигли до зеленой, прекрасной площадки, на которой нѣкогда находился Татарскій городъ Унеровская Гора, (Unerofska gora): сдѣсь погребенъ одинъ знатный Татаринъ, котораго Татары считаютъ за Святаго, и къ гробу его и теперь еще ходятъ на поклоненіе окрестъ живущіе Татары. Мѣсто это отъ Тетюшъ лежитъ въ 65 верстахъ. Только что миновали мы это мѣсто, какъ примѣтили на высокомъ берегу, между деревьями, двухъ всадниковъ, по чему тотчасъ же послали сторожевого вверхъ, на марсъ (Mastkorb), осмотрѣть оттуда высокій берегъ; но уже ни двухъ замѣченныхъ, и ни кого другого, видно не было.

20-го Августа утромъ взошли къ намъ на корабль нѣсколько рыбаковъ, жители Тетюшъ, ловившіе сдѣсь рыбу; они продали намъ 55 большихъ жирныхъ лещей за 50 копѣекъ или за 1 рейхсталеръ. Этѣ рыбаки такъ честны, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ взять 5-ти копѣекъ, излишне ему данныхъ, пока не упросили его наконецъ взять ихъ. Способъ ловить рыбу у нихъ, между прочимъ, и такой: на длинный шнуръ привязывается боль-

шой камень, который и опускается въ воду, на дно; за тѣмъ другой конецъ шнура привязываютъ къ нѣсколькимъ широкимъ кускамъ дерева, соединеннымъ вмѣстѣ, которые плаваютъ по водѣ; вдоль шнура прикрѣпляются удочки, на которыя насаживаются рыбы порядочной величины. На такую приманку рыбаки этѣ ловятъ крупную рыбу, величиною въ 4, 5 и въ 6 локтей, называемую бѣлугой, у которой бѣлое, сладкое и превкусное мясо. Одну такую рыбу принесли рыбаки въ другомъ мѣстѣ, на возвратномъ пути, на судно Посланника Крузе, и продали за 1 рубль или за 2 рейхсталера. Ее ѣли тогда всѣ, бывшіе на кораблѣ, и остатковъ ея еще посолили цѣлый боченокъ.

Русскіе, разъѣзжающіе по дѣламъ своимъ на Волгѣ изъ города въ городъ, ловятъ на пути рыбу еще слѣдующимъ образомъ: къ удочкѣ, на тонкомъ шнурѣ, прицѣпляютъ желѣзную, хорошо выполированную, пластинку, величиною въ ладонь и поменьше и видомъ похожую на рыбу, и пускаютъ такую удочку въ воду, чтобъ она волочилась въ ней за судномъ. Когда удочка потащится такимъ образомъ въ водѣ, то пластинка, по широтѣ своей, начнетъ вертѣться туда и сюда и своимъ блескомъ дѣлается похожею на играющую въ водѣ рыбу, которую и хватаетъ крупная рыба. Этѣмъ способомъ Русскіе во время пути налавливаютъ рыбы гораздо болѣе, чѣмъ сколько смогутъ съѣсть ея; ибо вообще Волга очень богата всякого рода рыбою. Такимъ образомъ, если у Русскихъ есть только хлѣбъ, то путевое продовольствіе они находятъ по дорогѣ; ибо, соблюдая множество постовъ, какъ замѣчено было выше, они ѣдятъ больше рыбу, чѣмъ говядину, а пить привыкли воду.

Сдѣсь мы бросили наше плоскодонное судно, взятое нами изъ Нижняго, для помѣщенія въ немъ запасовъ продовольствія, такъ какъ всѣ бывшіе въ немъ запасы были уже выгружены изъ него; но для того, чтобы имъ не могли воспользоваться Казаки, мы зажгли его и пустили плыть на волю. Въ полдень мы миновали островъ Ботемскій (Botenska), л., въ длину 30 верстъ и лежащій противъ мыса твердой земли, называемаго Поливно (Polibno). Такъ какъ поднялся сильный, противный намъ, вѣтеръ, то мы стали на якорь за симъ мысомъ, у рѣчки Ботьмы (Beit-

ma), л., которая есть также рукавъ большой рѣки Камы, и заночевали тамъ.

21-го числа мы оставили за собой, съ правой отъ насъ стороны, два прекрасныхъ на видъ мѣста, на которыхъ нѣкогда стояли города, и дальнѣйшій изъ нихъ назывался Симбирская Гора (Simberska gora). Этотъ городъ разрушенъ былъ Тамерланомъ. 22 мы переплыли черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ (Arbuchim), лежащей на правомъ берегу. Гора эта удержала имя свое отъ города, который когда-то находился на ней. Сдѣсь съ рѣки видѣнъ выдающійся на берегу, между двухъ холмовъ, большой камень, длиною въ 10 локтей и вышиною нѣсколько ниже этой мѣры. На одной сторонѣ этого камня высѣчена слѣдующая подпись:

«Поднимеши ты мя, добро тобѣ будетъ.»

Однажды Русскій стругъ долженъ былъ стать въ этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, и 50 человѣкъ, прочитавши надпись на камнѣ, и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ни чего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня:

«Что ищешь? Ни чево не положено.» [6]

---

[6] Въ подлинникѣ обѣ сіи надписи и по Русски напечатаны; подъ каждой же изъ нихъ сперва стоитъ тоже самое Латинскими буквами списано, а за тѣмъ и Нѣмецкій переводъ. Именно,

1 надпись:

Бѫдѣ ти (ши) ми добро тобѣ бѫдет.
Budesch timae, dobro tobae budet.

2 надпись:

Ѵсто ищѣ нѣчѣво положѣ.
Tsto isches netzebo polosschen. О. Б.

Въ этой мѣстности страна на правомъ берегу уже не такъ высока, безъ кустовъ, и представляетъ прекрасную, жирную почву. На ней вездѣ растетъ сочная, высокая трава, остающаяся, впрочемъ, безъ употребленія, и самая мѣстность необитаема. Тамъ и сямъ виднѣются признаки и слѣды бывшихъ когда-то тутъ городовъ и селъ, которые всѣ были разрушены и опустошены нашествіемъ Тамерлана.

23-го числа, у рѣчки Атробы (Atrobe), л., насъ опять принялъ сильный вѣтеръ, такъ что мы должны были стать на якорь. Сдѣсь высота полюса была 53° 48′. Послѣ обѣда, когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, мы попытались было плыть далѣе, рѣясь, но въ продолженіи 5-ти часовъ сдѣлали едва полмили.

24-го числа мы дважды были загоняемы противнымъ вѣтромъ на отмель, что опять отняло у насъ большую часть дня. Въ этотъ день, равно какъ и во все это время, мелководье и вѣтеръ весьма задерживали насъ въ нашемъ плаваніи; ибо, когда случалось, что дулъ попутный вѣтеръ, то мы засядемъ на мель; если жь попадалось глубокое и удобное мѣсто, то начинался противный вѣтеръ, и мы должны были уклоняться отъ него туда и сюда и дѣлать безпрестанные извороты. Послѣдующіе 4 дня постоянно вѣтеръ начиналъ дуть супротивъ съ 9-ти часовъ утра, и стихалъ только къ 5-ти часамъ вечера, такъ что по этому самое лучшее время мы принуждены были либо стоять на одномъ мѣстѣ, либо же продвигаться по немногу, съ великимъ трудомъ и работою. Все это нагоняло на насъ дурное настроеніе и уныніе, особенно когда мы подумывали о предстоящемъ еще далекомъ пути и о краткости остающагося лѣтняго времени. Посольская прислуга также была утомлена и раздражена постоянной работой; ибо тѣ, которые назначались въ ночной караулъ, вмѣстѣ съ воинами (такихъ было постоянно по 20 человѣкъ), тѣже самые и днемъ должны были работать вмѣстѣ съ Русскими веслами, или воротомъ, при чемъ продовольствіе ихъ большею частію состояло изъ черстваго хлѣба, копченаго, или соленаго, мяса и воды; о томъ, какія тягости и неудовольствія причинялъ всѣмъ Посланникъ Бругманъ, распространяться сдѣсь было бы излишне. Такимъ образомъ заботы, труды и непріятности были ежедневными нашими завтраками и ужинами.

25-го числа прибыли мы къ одной Соленой горѣ (Saltzberge), п., гдѣ находятся хижины Русскихъ, въ которыхъ они варятъ соль, добываемую ими изъ лежащихъ вокругъ соляныхъ копей. Соль эту, обращаемую дѣйствіемъ солнечной теплоты въ куски и высушиваемую, Русскіе отправляютъ по Волгѣ вверхъ и въ Москву, въ громадномъ количествѣ.

Сдѣсь лежитъ также островъ Костовата (Kostowata), [7] при которомъ Волга, по низменности обоихъ береговъ своихъ, разливается весьма широко. Вскорѣ за тѣмъ на правомъ берегу встрѣчается гора, при которой отъ Волги отдѣляется рѣчка, или скорѣе ручей, который, въ 60-ти верстахъ за Самарой, снова впадаетъ въ Волгу и называется Уса (Ussa). Рѣка эта, своимъ густымъ, тѣнистымъ кустарникомъ, которымъ одѣты оба ея берега, представляетъ весьма пріятную, но для путешественниковъ, по удобству для разбоевъ, и весьма опасную мѣстность, особенно по тому, что тамъ есть и высокія горы, въ которыхъ разбойники издали могутъ замѣтить путника и приготовиться къ нападенію. На этой рѣкѣ обыкновенно держатся Казаки. Въ прошломъ году они захватили сдѣсь цѣлое судно, со всѣмъ добромъ, принадлежащее богатѣйшему Нижегородскому купцу. Передъ рѣкою этой мы имѣли воду, глубиною въ 60 футовъ. Въ недальнемъ разстояніи за тѣмъ лежитъ гора, называемая Дѣвичьей горою (Diwiza gora), около которой Волга имѣетъ почти одинаковую глубину и течетъ въ очень узкихъ берегахъ. Подошва горы лежитъ у самой рѣки, на правой сторонѣ, представляетъ весьма высокой обрывъ берега, и вся гора имѣетъ видъ чрезвычайно пріятный; она идетъ отдѣльными уступами, вызвышающимися другъ надъ другомъ, будто лавки, изъ красныхъ, желтыхъ и синихъ песчаныхъ камней, старыя стѣны, или развалины, на которыхъ какъ бы нарочно разсажены въ извѣстномъ порядкѣ еловыя деревья. То, что Русскіе разсказывали намъ про эту гору, заключается въ слѣдующемъ сонетѣ Павла Флеминга. [8]

---

[7] Костычи? О. Б.

[8] Переводить самый сонетъ считаемъ излишнимъ; въ немъ говорится только то, что на этой Дѣвичьей горѣ жили когда-то одинъ разумный Карло и одна дѣви-

Въ концѣ этой горы поднимается новый горный хребетъ, который и тянется внизъ, вмѣстѣ съ рѣкою, на нѣсколько миль. Долина, лежащая между этѣми двумя горами, называется Яблочный квасъ (Jablonen quas), по тому что тамъ падаетъ множество дико растущихъ яблокъ, изъ которыхъ дѣлается извѣстный напитокъ, квасъ.

Сдѣсь мы вторично получили почту, посланную намъ изъ Москвы нашимъ Повѣреннымъ; въ ней нашли мы и письма изъ Нижняго, извѣщавшія насъ, что на кораблѣ у насъ четыре человѣка изъ Русскихъ рабочихъ и гребцовъ были чистые Казаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ увѣдомляли, что отъ 200 до 300 Казаковъ собрались и поджидаютъ насъ для нападенія въ извѣстномъ мѣстѣ. Извѣстія этѣ, хотя и до нихъ мы принимали надлежащія предосторожности, сдѣлали насъ еще болѣе осторожными.

Такъ вечеромъ, въ сумерки, увидавши на правомъ берегу два большихъ разложенныхъ огня, мы подумали, что то были Казаки, по чему тотчасъ же послали лодку нашего Пристава съ нѣсколькими солдатами, поразвѣдать, кто это такіе. Когда этѣ посланные, не доплывъ немного до берега, дали знать о себѣ тремя выстрѣлами, то съ земли имъ отвѣчали также 3-мя выстрѣлами и объявили, что они были стрѣльцы, принадлежавшіе къ провожавшей стражѣ Персидскаго каравана. Между тѣмъ, когда посланны нами солдатые позамѣшкались нѣсколько на берегу съ полученнымъ ими свѣдѣніемъ, то Посланнику показалось это подозрительнымъ; по чему когда они, возвращаясь назадъ, были отъ корабля на пистолетный выстрѣлъ и отвѣчали на вопросы Бругмана, по такъ, что по причинѣ вѣтра, отвѣты ихъ не совсѣмъ ясно были слышны, то Посланникъ хотѣлъ было уже стрѣлять изъ большой пушки въ находившихся на берегу Русскихъ; однако былъ остановленъ отъ этого Посланникомъ Крузе, поста-

---

ца, изъ рода великановъ, отъ чего гора и нынѣ еще называется Дѣвичьей; что хотя память о дѣяніяхъ этой дѣвицы унесло съ собою предающее все забвенію время, тѣмъ не менѣе самое мѣсто своимъ дикимъ величіемъ внушаетъ путнику уваженіе и почти страхъ.

вившимъ ему на видъ, что мы можемъ вступать въ битву не иначе, какъ только защищая себя.

26-го числа, ночью, на небольшой лодкѣ и совершенно тихо подплыли весьма близко къ нашему кораблю какіе-то два человѣка, которые, будучи замѣчены нашимъ часовымъ, по требованію нашему причалили къ намъ и взошли на корабль. Люди этѣ хотя и говорили, что они рыбаки и что плыли близко насъ, по тому что обыкновенно, бывало, ходятъ, днемъ и ночью, близко судовъ своихъ братьевъ Русскихъ безъ всякаго умысла; но такъ какъ намъ разсказывали, что тоже самое продѣлываютъ и разбойники, которые въ подобныхъ случаяхъ обрѣзываютъ якорные канаты, и какъ спрошенные порознь сказанные два человѣка разнорѣчили въ нѣкоторыхъ своихъ показаніяхъ (одинъ говорилъ, что на островѣ подъ городомъ Саратовымъ насъ поджидаютъ будьто бы 500 Казаковъ, другой же отрицалъ это показаніе), то на ночь ихъ задержали и сторожили на кораблѣ, а въ слѣдующее утро отослали съ нашимъ Приставомъ впередъ, въ городъ Самару, лежавшій уже недалеко впереди насъ.

27-го числа, мы увидали на лѣвой сторонѣ, недалеко отъ берега, круглую, голую, песчаную гору, лежащую на совершенно гладкой равнинѣ и называемую Русскими Царевъ Курганъ (Sariol Kurgan). [9] Намъ разсказывали, что подъ этой горой погребенъ одинъ Татарскій Князь, по имени Момаонъ (Momaon), [10] который съ 7-ю Татарскими Царями плылъ вверхъ по Волгѣ и хотѣлъ пройти и покорить всю Россію, но здѣсь умеръ и похороненъ, и будто бы воины его, которыхъ было несчетное множество, сносили сюда на его могилу землю шапками и щитами, и отъ того образовалась гора. Извѣстіе это, вмѣстѣ съ прекраснымъ воззваніемъ (Epiphonema), Павелъ Флеменгъ помѣстилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи. [11]

---

[9] Нынѣ Царева Кургана. О. Б.

[10] Мамай? О. Б.

[11] Стихотвореніе это, приведенное въ подлинникѣ, переводить считамъ излишнимъ. Перев.

Черезъ милю послѣ этой горы, на той же лѣвой сторонѣ, начинается другая гора Сокобей (Soccobei) [12] и тянется цѣлыя 15 верстъ, до Самары; гора эта высока, скалиста и покрыта густымъ кустарникомъ. На половинѣ этой горы, почти въ 8 верстахъ отъ города, идетъ широкая, бѣлая скала, а на ней большая голая площадь, передъ нею же, среди Волги, находится нечистое, или скалистое, дно, котораго Русскіе очень боятся. Когда мы въ полдень приблизились къ этому мѣсту, то начался такой сильный, противный вѣтеръ, что мы принуждены были бросить якорь и простоять здѣсь до вечера. Пока мы стояли, на одинъ изъ якорей, которые висѣли за краемъ до самой воды, пробрались двѣ краснопятнастыя змѣи, которыя за тѣмъ всползли по якорю и по канату и на корабль. Когда Русскіе гребцы наши увидѣли этѣхъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что не слѣдуетъ трогать, но надо, напротивъ, беречь и кормить ихъ; что это вовсе не злыя и не ядовитыя, но добрая порода змѣй, которыя будто бы предвѣщаютъ, что Св. Николай пошлетъ имъ попутный вѣтеръ, и тѣмъ избавитъ ихъ отъ гребли и работы на извѣстное время.

ГЛАВА VIII.

Плаваніе отъ Самары до Астрахани.

28 Августа, ранимъ утромъ, пустились мы дальше и еще передъ восходомъ солнца приблизились къ городу Самарѣ (Samara), которая находится въ 350 верстахъ отъ Казани. Самара лежитъ на лѣвомъ берегу, въ 2 верстахъ отъ Волги, построена четырехъугольникомъ и имѣетъ нѣсколько, хотя немного, впрочемъ, каменныхъ церквей и монастырей. Имя свое городъ получилъ отъ рѣки Самары, которая однимъ рукавомъ, называемымъ: сынъ Самары

---

[12] Это, такъ называемыя, горы Соковскія, при устьѣ рѣки Сока, и вѣтвь ихъ Сокольи горы, вдоль Волжскаго берега до впаденія Сока въ Волгу, противъ села Царевщины. О. Б.

(Sin Samar), изливается въ Волгу, въ 3 верстахъ ниже города; главнымъ же теченіемъ своимъ Самара впадаетъ въ Волгу гораздо ниже, именно 30 верстъ далѣе.

Мы желали простоять нѣсколько у города, чтобы узнать, что показали еще наши двое плѣнныхъ, посланные впередъ съ нашимъ Приставомъ; но такъ какъ намъ былъ очень дорогъ дувшій тогда благопріятный вѣтеръ, то мы распустили паруса и тронулись далѣе. И въ этотъ день мы плыли такъ быстро, какъ никогда прежде, и именно къ вечеру достигли до Казацкой горы, до которой отъ Самары считается 115 верстъ, и стали сдѣсь на якорь. Такимъ образомъ какъ бы начинало сбываться вчерашнее предсказаніе Русскихъ о попутномъ вѣтрѣ.

За Самарой съ правой стороны опять поднимается горный хребетъ, хотя и не такъ высокій, какъ прежній. Первая гора простирается на 30 верстъ, до впаденія въ Волгу рѣки Самары, противъ которой, съ правой стороны, впадаетъ въ Волгу и другая рѣка Аскула (Ascula). [1] Сдѣсь Волга шириной въ 3 версты. За тѣмъ слѣдуетъ гора Печерская (Petscherski), скалистая, покрытая отдѣльными кустарниками, и тянется эта гора внизъ цѣлыя 40 верстъ. [2] За сто верстъ за Самарой, посреди Волги, лежитъ островъ Батракъ (Batrach), [3] длиною въ 3 версты; въ 10 верстахъ отъ него другой островъ Лопатинъ (Lopatin), длиною въ 5 верстъ. Сдѣсь, съ правой стороны, впадаетъ въ Волгу рѣчка Сызрань (Sisran). За тѣмъ мы миновали нѣсколько малыхъ острововъ, лежавшихъ посреди рѣки, и поздпимъ вечеромъ прибыли къ Козацкой горѣ, гдѣ и остановились.

---

[1] Гдѣ теперь владѣльческое село Аскула при колодцахъ? О. Б.

[2] Противъ удѣльнаго села Печерскаго Николаевскаго? О. Б.

[3] Противъ этого острова на правомъ берегу лежитъ большое село и нынѣ называемое: Батраки, при которомъ находится извѣстный Батрацкій перевозъ черезъ Волгу. Крестьяне этого села большею частью раскольники Поморской секты и Безпоповцы, всѣ почти отличные, неустрашимые перевозчики черезъ Волгу. О. Б.

Казацкая гора совершенно голая, на ней нѣтъ даже отдѣльныхъ кустарниковъ и тянется она на 50 верстъ. Названіе свое получила она отъ Донскихъ Казаковъ, которыхъ прежде было здѣсь великое множество; они нападали на проходившія мимо суда и грабили ихъ. Но послѣ того, какъ противъ нихъ высланы были изъ Самары стрѣльцы, которые перебили изъ нихъ нѣсколько сотенъ, они появляются тамъ уже не такъ часто. Проѣзжая мимо этой горы, Павелъ Флемингъ написалъ и о ней сонетъ. [4] Гора эта, равно какъ и слѣдующія горы, поворачиваютъ и уходятъ иногда вглубь страны и черезъ нѣсколько миль снова приходятъ къ берегу.

29 числа миновали мы въ концѣ Казацкой горы рѣчку Панышину (Pantzina), и, сдѣлавши въ этотъ день 45 верстъ, стали на якорь передъ островомъ Сагеринскимъ (Sagerinsko), гдѣ пришли къ намъ на корабль нѣсколько рыбаковъ съ извѣстіемъ, что недавно отсюда, на берегу, они видѣли 40 человѣкъ Казаковъ. Здѣсь же начали пустѣть и наши боченки съ пивомъ, и прислуга наша должна была пить съ этѣхъ поръ воду, съ прибавкой къ ней немного уксусу.

30 Августа, рано утромъ, достигли мы до рѣчки Чагры (Zagra), [5] которая впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны, за вчерашнимъ островомъ. Черезъ 40 верстъ далѣе мы прибыли къ острову Сосновому (Sosnow), на которомъ, по показанію одного изъ взятыхъ нами подъ Самарою рыбаковъ, находились и поджидали насъ 100 Казаковъ. Мы миновали этотъ островъ въ полномъ вооруженіи, но не видѣли ни кого. Въ полдень прямо на нашемъ пути была гора Тихая (Tychi), которая къ правой сторонѣ выдается такъ далеко, что издали кажется, будто она запираетъ Волгу въ ея теченіи. Около этой горы Волга вездѣ мелко-

---

[4] Сонета этого мы также здѣсь не переводимъ; въ немъ говорится только о дикости и необитаемости горы, на которой могутъ имѣть пристанище одни только Казаки для своихъ разбоевъ. Прим. Перев.

[5] Иначе Елашь или Елань-Иргизъ, впадающій въ Волгу близъ села Хворостянки или Новопокровскаго. О. Б.

водна, и сдѣсь-то находится самая главная мель, которая называется Овечій бродъ (Owetze brot). Въ этомъ мѣстѣ Казаки переѣзжаютъ верхомъ и даже переходятъ Волгу въ бродъ; при этомъ сдѣсь находится много небольшихъ острововъ, покрытыхъ кустарникомъ и весьма удобныхъ для разбойниковъ. Мы встрѣтили тутъ двухъ рыбаковъ, разсказавшихъ намъ, что восемь дней назадъ Казаки отняли у нихъ большое судно и объявили имъ, что на дняхъ будетъ проходить большой иностранный корабль, принадлежащій Нѣмцамъ. Вечеромъ мы опять призвали къ себѣ на корабль двухъ другихъ рыбаковъ, старика и молодаго, и разспрашивали ихъ о Казакахъ: старшій, хотя и говорилъ сначала, что ни чего не знаетъ о нихъ, но когда молодой, вмѣшавшись въ разговоръ, объявилъ, что сейчасъ же, напротивъ, въ кустарникѣ сидятъ 40 Казаковъ, то и старикъ подтвердилъ это показаніе и сказалъ, что у Казаковъ этѣхъ 6 лодокъ, которыя они спрятали на берегу въ кустарникѣ. Рыбаки не смѣли много разсказывать о Казакахъ; ибо если бъ этѣ послѣдніе узнали, что ихъ выдали, то жизнь сихъ рыбаковъ была бы въ опасности. По этому они просили насъ, чтобы мы взяли ихъ съ собою, какъ бы плѣнными, и ночью высадили бы ихъ въ какомъ ни будь другомъ мѣстѣ, что мы и сдѣлали. Такъ какъ этѣмъ рыбакамъ мы также мало вѣрили, какъ и Казакамъ, то, удвоивши на эту ночь стражу, мы рано въ сумерки отпустили ихъ отъ себя. Въ этотъ день мы сдѣлали 60 верстъ.

Послѣдняго числа Августа мы опять имѣли отличный попутный вѣтеръ, такъ что къ вечеру во весь день пути сдѣлали 120 верстъ. Прежде всего мы прибыли къ острову Осина (Ossino), лежащему въ 100 верстахъ отъ слѣдующаго г. Саратова (Soratoff). Противъ этого острова мы переплыли песчаную косу, далеко выдающуюся въ Волгу отъ праваго берега, и хотя корабль нашъ нѣсколько разъ касался сдѣсь дна, но мы все таки проплыли безъ задержки и особаго промедленія. 20 верстъ за симъ островомъ былъ другой островъ Schismamago (?), за тѣмъ еще островъ Колотовъ (Koltoff), въ 50 верстахъ отъ Саратова. Глубину воды нашли мы сдѣсь въ 16, 20, 30 и 40 футовъ. Между послѣдними двумя островами мы встрѣтили два Русскія судна (Schuten), принадлежавшія Московскому Патріярху, и одинъ большой насадъ (то же родъ судна), съ

кавьяромъ (Caviaro) или осетровой соленой икрой, принадлежащей Великому Князю. На каждомъ суднѣ находилось по 400 человѣкъ рабочаго народу. Когда они приблизились къ намъ, то привѣтствовали насъ изъ своихъ ружей, а мы отвѣтили имъ большой пушкой. Подъ Колотовымъ у берега стояли еще 4 судна, нагруженныя солью и соленою рыбой и принадлежащія одному знатному Московскому купцу, Григорію Никитичу (Gregorii Mikitoff). Всѣ эти суда шли изъ Астрахани. Люди, находившіеся на послѣднихъ судахъ, разсказали намъ, что недалеко отъ Астрахани они повстрѣчали на нѣсколькихъ лодкахъ 250 Казаковъ, которые, впрочемъ, не сдѣлали имъ никакой непріятности. Недалеко отъ помянутаго сейчасъ острова, на правомъ берегу, начинается весьма высокая гора, тянущаяся на 40 верстъ и называемая Змѣевой (Smiowa) (отъ змѣи); ибо она извивается нѣсколькими изгибами то внутрь земли, то снова къ берегу. Нѣкоторые разсказываютъ басню, что гора эта получила названіе свое отъ одного змѣя или дракона неимовѣрной величины, который, будьто бы, долгое время жилъ на этой горѣ, дѣлалъ бездну вреда и наконецъ какимъ-то богатыремъ разрубленъ на три части, которыя, яко бы, тотчасъ же и обратились въ камни. На горѣ еще и теперь лежатъ, другъ подлѣ друга, три большіе длинные камня, какъ будьто отбитые отъ одного громаднаго камня. Почти въ концѣ этой горы и до города Саратова находится много небольшихъ острововъ, лежащихъ другъ подлѣ друга, которые всѣ вмѣстѣ Русскіе называютъ: Сорокъ острововъ (Sorok Ostrowe).

1-го Сентября, рано утромъ, намъ повстрѣчались 3 большихъ струга (Strusen, плоскодонныя барки), съ грузомъ въ 300 ластовъ; [6] они шли въ водѣ на 12 футовъ и тащили за собой нѣсколько малыхъ судовъ, на которыя, передъ мелководьемъ, перегружали обыкновенно тяжести съ большихъ судовъ или струговъ; самый большой изъ струговъ принадлежалъ богатому Троицкому монастырю (Troitza), находящемуся въ 12 миляхъ отъ Москвы. При встрѣчѣ этой мы по прежнему привѣтствовали другъ друга вы-

[6] Ластъ равняется 12 четвертямъ или вѣсомъ 120 пудамъ. Перев.

стрѣлами. Въ 9 часовъ утра мы миновали городъ Саратовъ (Soratoff). Городъ этотъ лежитъ въ 4 верстахъ отъ главнаго теченія Волги, на гладкой равнинѣ, при рукавѣ, который Волга отдѣляетъ отъ себя въ лѣвую сторону. Онъ заселенъ одними стрѣльцами, которые управляются Воеводой и Полковникомъ и живутъ сдѣсь для обереженія отъ Татаръ, называемыхъ Калмыками, которые обитаютъ отъ этѣхъ мѣстъ до самаго Каспійскаго моря и до рѣки Яика (Jaika), и часто дѣлаютъ нападенія, заѣзжая и вверхъ по Волгѣ.

Городъ Саратовъ лежитъ подъ 52° 12′ высоты полюса и отъ Самары до него считается 350 верстъ. Въ этотъ день, при попутномъ вѣтрѣ, мы миновали два острова, лежавшихъ недалеко другъ отъ друга и называвшихся Кривизна (Kriusna) и Сапуновка (Sapunofka), и вскорѣ за тѣмъ достигли до Ахматской горы (Acmhatzki gori), п., заканчивающейся у одного острова, носящаго ея же названіе и отстоящаго отъ Саратова въ 50 верстахъ. Гора эта представляетъ прекрасный видъ своей зеленой вершиной и съ середины ея круто ниспадающими разноцвѣтными полосами земли, которыя внизу опять замыкаются длинной, зеленой возвышенностью, или какъ бы уступомъ, нарочно и старательно сдѣланнымъ. Сдѣсь мы встрѣтили еще большой стругъ, съ котораго на лодкѣ послано было къ намъ нѣсколько человѣкъ съ извѣстіемъ, что хотя имъ и повстрѣчались по сю сторону Астрахани 70 Казаковъ, но они проплыли мирно мимо нхъ и не сказали ни слова; но что 4 дня тому назадъ имъ попалось только 10 Казаковъ, которые взяли съ нихъ дань въ нѣсколько сотенъ рублей. Казаки этѣ, правда, не взошли къ нимъ на судно; ибо тамъ разбойники нашли бы достаточное сопротивленіе, однако захватили лодку, посланную впередъ съ якоремъ, безъ котораго нельзя было обойтись, и держали ее до тѣхъ поръ, пока имъ не дано было требуемыхъ ими денегъ.

Когда, по захожденіи солнца, мы стали на якорь, то увидали на лѣвомъ берегу 10 Казаковъ, которые поспѣшно бросились къ рѣкѣ и, сѣвши въ лодку, пустились на другую сторону. Посланникъ Бругманъ тотчасъ же приказалъ 8-ми мушкетерамъ, частію изъ солдатъ, частію изъ Посольской прислуги, сѣсть въ лодку, пуститься въ погоню за Казаками и, захвативъ ихъ,

привезти на корабль. Но Казаки успѣли уже перебраться, вста-щили свою лодку на берегъ и скрылись въ кустарникѣ, такъ что наши, не исполнивши даннаго имъ порученія, темною ночью уже воротились на корабль. По этому дѣлу Маршалъ нашъ имѣлъ крупный споръ съ Посланникомъ Бругманомъ, поставляя ему на видъ, что неблагоразумно и опасно было посылать при-слугу въ такую погоню, когда, въ случаѣ надобности, имъ нель-зя было бы подать помощи, но Посланникъ съ досадою и гру-бо возражалъ ему на это.

2-го Сентября прибыли мы къ острову Ахматскому (Ach-matzko), и за 20 верстъ далѣе за нимъ къ другому, Золотому острову (Solotoi), имѣющему въ длину 3 версты, и вскорѣ за тѣмъ къ Золотой горѣ (Solotto gori); названіе свое гора эта по-лучила отъ того, что нѣкогда, какъ разсказывали намъ, сдѣсь Татары напали на одну богатую станицу (Staniza) или флоти-лію, перебили въ ней людей и разграбили все, такъ что раз-бойники шапками дѣлили между собою деньги и золото. Гора эта въ 70-ти верстахъ отъ Саратова. Вскорѣ послѣ конца этой горы поднимается новая гора Мѣловая (Millobei); она тянет-ся по берегу внизъ на 40 верстъ и имѣетъ такую гладкую вершину, какъ будто она нарочно по шнуру выровнена; къ рѣкѣ же гора падаетъ крутымъ обрывомъ внизъ и у подошвы, у самой воды, украшается стройно растущими деревьями. По-слѣ этой горы слѣдуетъ другая, которую мы назвали Стрѣлко-вою, чрезвычайно живописная. Стрѣлковою мы назвали ее по тому, что по круто-обрывистымъ бокамъ ея торчали вверхъ ост-рые камни, которые, будто каменныя жилы, выдавались послѣ смытаго съ нихъ водою сыпучаго песку и видомъ походили на стрѣлы синяго, краснаго, желтаго цвѣта, перемѣшанныя зеленью кустарниковъ.

3-го Сентября мы видѣли слѣва впаденіе рѣчки Еруслана (Ruslana), а противъ нея на право гору Ураковъ Карулъ (Urakoffs-karul), [7] до которой считается 150 верстъ отъ Саратова. Гора эта

[7] Караулъ, у рѣчки Ураковки? Впрочемъ, не Ракова ли это гора, или Бугоръ Стень-ки Разина, близъ деревни Лапоть, при Волгѣ? О. Б.

получила имя свое отъ одного Татарскаго Князя Урака, который имѣлъ сдѣсь когда-то битву съ Казаками, былъ убитъ тутъ же и похороненъ. Далѣе внизъ, по правой рукѣ, идетъ гора и рѣчка Камышинка (Kamuschinka). Рѣчка эта есть отпрыскъ рѣки Иловы (Iloba), [8] впадающей въ большую рѣку Донъ, который течетъ въ Понтъ (Азовское море) и составляетъ пограничную рѣку между Азіей и Европой. По этѣмъ-то рѣкамъ Донскіе Казаки на легкихъ челнахъ заплываютъ и въ Волгу, отъ чего мѣсто это считается самымъ опаснымъ по разбоямъ. Сдѣсь, на высокомъ, правомъ берегу, мы увидѣли много стоявшихъ деревянныхъ крестовъ. Не много лѣтъ тому назадъ Русское войско (полкъ) имѣло тутъ побоище съ Казаками, которые укрѣпились въ этомъ мѣстѣ и хотѣли запереть свободный ходъ по Волгѣ; отъ этой схватки съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ сраженія до 1000 тѣлъ, и на могилахъ-то Русскихъ, погребенныхъ тутъ, поставлены были видѣнные нами кресты.

Когда миновали мы это мѣсто, то увидали передъ собою цѣлый Персидскій и Татарскій караванъ (Caravana), состоявшій изъ 16 большихъ и 6-ти малыхъ судовъ, плывшихъ рядомъ одно за другимъ. Когда мы замѣтили, что они, поджидая насъ, перестали грести и плыли, гонимые только теченіемъ рѣки, мы прибавили парусовъ и стали грести дружнѣе, чтобы догнать ихъ. Приблизившись же къ нимъ, велѣли 3-мъ трубачамъ заиграть веселую пѣсню и привѣтствовали ихъ 4-мя пушками. Караванъ отвѣчалъ намъ ружейными выстрѣлами со всѣхъ судовъ. За тѣмъ мы повторили выстрѣлы изъ своихъ ружьевъ, и съ обѣихъ сторонъ раздались громкіе радостные клики.

Главными лицами этѣхъ каравановъ, соединившихся впервые въ одинъ подъ Самарою, кромѣ помянутыхъ, купца (Cuptzi) Персидскаго Царя и Татарскаго Князя Мусала, были: Русскій Послашникъ (Postlanik), Алексѣй Савиновичъ Романчиковъ (Alexei Sawinowitz Romantzikow), котораго Его Царское Величество посылалъ къ Царю Персидскому, Татарскій Посолъ изъ Крыма, купецъ

---

[8] Конечно Иловли? О. Б.

Персидскаго Государственнаго Канцлера, и два другіе купца изъ Персидской области Гиланъ (Kilan).

Послѣ дружественнаго обмѣна привѣтствій выстрѣлами, Персидскій Князь послалъ къ нашему кораблю лодку, полную стрѣльцовъ (которыхъ въ сопровожденіи каравана было болѣе 400 человѣкъ) съ порученіемъ кланяться Посламъ нашимъ и спросить ихъ о здоровьѣ. Когда они подошли уже близко къ нашему кораблю, то, пріостановясь немного, дали привѣтственный выстрѣлъ и за тѣмъ начальникъ ихъ вошелъ къ намъ на корабль и произнесъ свою рѣчь. Едва они отплыли отъ насъ, какъ наши Посланники, въ свою очередь, послали свой поклонъ Татарскому Князю съ Фонъ Ухтерицемъ, Томасомъ Мельвилемъ, Русскимъ переводчикомъ Гансомъ Арпенбекомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ. Я же, съ Фонъ Мандельсло, Персидскимъ переводчикомъ и съ нѣкоторыми изъ нашей прислуги, посланъ былъ на 2-хъ лодкахъ къ купцу Царя Персидскаго.

На дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ Персовъ, посланныхъ купцемъ къ нашимъ Посланникамъ. Подплывши къ Персидскому кораблю (судну), мы хотѣли было взойти на него съ лѣвой стороны, но на встрѣчу намъ поспѣшно показались слуги, заботливо махавшіе намъ, чтобы не съ этой, а съ другой, стороны взошли на корабль; ибо помѣщеніе жены купца, которую ни кто не долженъ видѣть, находилось съ лѣвой стороны. Когда мы такимъ образомъ повернули къ правому краю, то стоявшіе тамъ наготовѣ слуги помогли намъ взойти на корабль, взявши насъ подъ руки, и проводили прямо къ купцу. Мы нашли его сидящимъ на лавкѣ (табуретѣ), вышиною не болѣе какъ въ локоть, покрытомъ прекраснымъ ковромъ. Онъ сидѣлъ на пушистомъ бѣломъ Турецкомъ покрывалѣ, поджавши подъ себя ноги по своему и облокотясь спиною на красную атласную подушку, и принялъ насъ дружески, приложивъ руку къ груди и наклонивъ нѣсколько голову; такія тѣлодвиженія употребляютъ они, когда принимаютъ гостей. Онъ пригласилъ насъ сѣсть къ нему на коверъ, и какъ мы не умѣли сидѣть по ихнему, то усаживанье это намъ нелегко досталось. Онъ выслушалъ наше привѣтствіе (докладъ) съ знаками удовольствія и отвѣчалъ весьма

вѣжливо, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, на которыя Персіяне большіе мастера, какъ и вообще они люди чрезвычайно кроткіе. Между прочимъ онъ сказалъ намъ, что до такой степени онъ сердечно радъ нашему прибытію, что какъ только завидѣлъ корабль нашъ, то обрадовался ему, какъ бы увидѣвъ Персію и въ ней свой домъ, въ которые онъ такъ страстно и давно желаетъ возвратиться; при этомъ онъ жаловался на нелюбезность Русскаго народа, среди котораго мы находились тогда, который такъ, де, не общителенъ, что ни кто тамъ не смѣетъ посѣщать другъ друга; что когда мы прибудемъ въ Персію, то будемъ пользоваться тамъ большею свободой, чѣмъ самые туземцы; что онъ надѣется, что когда мы представимся къ Шаху Сефи (такъ звали Царя его), то, въ виду того, что мы познакомились уже на пути съ симъ купцомъ, Шахъ назначитъ, вѣроятно, его, купца, закупщикомъ или мегемандаромъ къ намъ, и тогда онъ докажетъ намъ свою дружбу; до тѣхъ же поръ онъ готовъ служить намъ только тѣмъ, что у него на кораблѣ, ни въ чемъ изъ имѣющагося намъ не откажетъ, и тому подобное.

Онъ угощалъ насъ изъ золоченой чаши отличной Русской водкой, изюмомъ, Персидскими орѣхами или фисташками (Pistacien), сушеными и соленими. Когда въ то же время на нашемъ кораблѣ, при пріемѣ Персидскаго уполномоченнаго отъ купца, пили за здоровье, заиграли на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ и ружей, началъ и купецъ съ нами пить за здоровье нашихъ Пословъ. При прощаньи онъ поручилъ намъ за тайну передать Посламъ, что имѣетъ вѣрное извѣстіе о томъ, что Польскій Король посылалъ къ Шаху Сефи, одного Посла, который проѣзжалъ черезъ Константинополь (по ихнему Стамбулъ, называемый) и теперь на обратномъ пути задержанъ и пребываетъ въ Астрахани; что Посолъ этотъ имѣетъ повелѣніе отправиться и къ Великому Князю, но что Воевода Астраханскій не отпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока не получится на то особаго приказа изъ Москвы. Гг. Послы могутъ сообразить по этому, и извлечь для себя изъ этого извѣстія, что могутъ. Остальныя особы каравана также присылали къ намъ на корабль, съ приказаніемъ кланяться и просить насъ продолжать

путь вмѣстѣ; что всѣ они охотно будутъ ждать насъ и помогать, въ чемъ будетъ нужно, если мы сядемъ на мель. Такимъ образомъ, сдѣлавши еще выстрѣлъ со всѣхъ кораблей и судовъ, мы всѣ вмѣстѣ пустились далѣе.

Къ вечеру вдругъ поднялась страшная буря, съ проливнымъ дождемъ и грозою, во время которой было два сильныхъ удара грома; но вскорѣ за тѣмъ настала опять ясная погода и совершенное безвѣтріе, давшее поводъ нашему Флемингу написать слѣдующій сонетъ. [9]

4-го Сентября, въ Воскресенье, въ то самое время, когда Пасторъ нашъ хотѣлъ начать проповѣдь, къ намъ прибыло опять нѣсколько Татаръ отъ Черкаскаго Князя, Мусала, посѣтитьОсловъ, съ извиненіемъ, что теперь самъ онъ нѣсколько нездоровъ, но что, какъ только выздоровѣетъ, то лично посѣтитъОсловъ. Важнѣйшій изъ прибывшихъ, державшій рѣчь, былъ высокій желтоватый человѣкъ, съ черными какъ смоль волосами и длинной окладистой бородой, въ одеждѣ изъ черной, бараньей кожи шерстью наружу, и вообще видомъ походилъ на дьявола, какъ его обыкновенно пишутъ. Остальные, одѣтые въ черные и сѣрые суконные кафтаны, тоже были на видъ ни сколько не привлекательнѣй. Послѣ того, какъ мы угостили ихъ нѣсколькими чарами водки, они отправились къ себѣ, съ прощальнымъ выстрѣломъ стрѣльцовъ своихъ.

Въ полдень прибыли мы къ рѣчкѣ Балыклея (Bolloclea), въ девяноста верстахъ отъ вчерашней Камышинки и тоже въ 90 верстахъ отъ слѣдущаго впереди города Царицына (Zariza). [10] Черезъ 16 верстъ далѣе мы миновали весьма высокую песчаную гору Стрѣльню (Strehlne) [11] п., и въ концѣ ея остановились ночевать, въ 60-ти верстахъ по сю сторону Царицына.

---

[9] Сонетъ этотъ мы также не переводимъ. Перев.

[10] По рѣкѣ Царицѣ, впадающей въ Волгу, и городъ назывался вѣроятно Царыца, который былъ сперва на островѣ, а нынѣ на нагорной сторонѣ Волги. О. Б.

[11] Стрѣльныя горы по «Книгѣ Большой Чертежъ». М. 1846. О. Б.

5-го Сентября, только что тронулись мы въ путь, какъ попали на мелководье, въ $5\frac{1}{2}$ футовъ, по тому должны были своротить въ сторону и корабль нашъ съ трескою перешелъ мель. Между тѣмъ караваны, плывшіе съ нами, ушли впередъ въ г. Царицынъ, гдѣ они хотѣли взять для охраны свѣжихъ стрѣльцовъ. Въ полдень достигли того мѣста, отъ котораго на полдня пути протекаетъ извѣстная рѣка Танаисъ или Донъ, который цѣлые 7 миль сдѣсь течетъ рядомъ съ Волгою, направляясь къ востоку. Немного ниже прибыли мы къ рѣкѣ Ахтубско Устье (Achtobska Ustga); это первое выдѣленіе Волги, которое отбрасываетъ она рукавомъ на лѣвый берегъ въ глубь страны и которое въ началѣ на 1 версту идетъ отъ Волги на востокъ-сѣверо-востокъ, (O. N. O.), а потомъ поворачиваетъ къ юго-востоку (S. O.), и въ этомъ направленіи впадаетъ въ Каспійское море. Высота полюса найдена сдѣсь 48° 51′.

Пять верстъ далѣе на материкѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города Царицына, и теперь еще видны развалины города, построеннаго страшнымъ и свирѣпымъ Тамерланомъ изъ обожженнаго камня, и въ этомъ городѣ имъ же построенъ и увеселительный домъ, называвшійся Царевъ Городъ (Zareff gorod). [12] По разрушеніи этого города, Русскіе большую часть камней сихъ перевезли въ Астрахань и выстроили изъ нихъ главнымъ образомъ городскую стѣну, а за тѣмъ церкви, монастыри и другія зданія. Въ наше время также нѣсколько нагруженныхъ судовъ, сказанными камнями, отправились по Волгѣ въ Астрахань.

Около этого мѣста одинъ рыбакъ поймалъ на удочку, подлѣ нашего корабля, бѣлугу (Bieluga) или бѣлую рыбу, длиною почти въ 4 локтя и толщиною въ $1\frac{1}{2}$; видомъ эта рыба слонно какъ осетръ, только пѣгая и морда у нея больше. Рыбаки убили эту рыбу, какъ быка какого, молоткомъ по головѣ, и продали за 1 талеръ.

6-го Сентября мы опять нагнали караваны у города Царицына. Люди, составлявшіе караваны, разбили на берегу свои

---

[12] Гдѣ нынѣ городъ Царевъ, прежде Сарай или Шери (городъ)? О. Б.

палатки и поджидали новаго прикрытія. Такъ какъ въ это время вѣтеръ былъ для насъ благопріятный, то мы, не останавливаясь, прошли мимо нихъ. Городъ Царицынъ находится въ 350 верстахъ отъ Саратова, лежитъ на правомъ берегу, на холмѣ, невеликъ, построенъ въ формѣ параллелограма, съ 6-ю бульверками и башнями, и заселенъ одними стрѣльцами, которыхъ живетъ въ немъ 400 человѣкъ. Стрѣльцы эти обязаны держать стражу противъ Татаръ и Казаковъ и служить охраной для проходящихъ мимо судовъ. Высота полюса найдена сдѣсь въ 48° 23′.

ГЛАВА IX.

Отъ Царицына до Астрахани.

Отсюда до Астрахани и вплоть до Каспійскаго моря идетъ страна пустынная, песчаная и для земледѣлія неспособная; по этому города въ этой мѣстности, равно какъ и самая Астрахань, получаютъ весь хлѣбъ, по Волгѣ, изъ мѣстъ плодородныхъ, большею частію изъ Казани, и по обилію привозимаго туда хлѣба, онъ тамъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Москвѣ и даже чѣмъ въ Голландіи иногда.

Вскорѣ за Царицынымъ лежитъ островъ Сарпинскій (Serpinske), н., имѣющій 12 верстъ протяженія. [1] На этомъ островѣ стрѣльцы пасутъ коровъ своихъ и вообще скотъ. Не задолго до нашего прибытія сюда Казаки, замѣтивъ, что жены и дочери стрѣльцовъ ежедневно отправляются на островъ доить коровъ, и часто безъ охраны, подстерегли ихъ, поймали, сдѣлали съ ними то, что хотѣли, и за тѣмъ невредимыми отослали домой къ стрѣльцамъ.

Позади этого острова течетъ небольшая рѣчка, вытекающая изъ Дона и впадающая сдѣсь въ Волгу; по ней могутъ хо-

---

[1] Между Царицынымъ и Сарептой, такъ названный по рѣчкѣ Сарпѣ, впадающей тутъ въ Волгу ниже Сарепты. О. Б.

дить только челны и вообще легкія суда, какъ сообщали намъ это не только лоцманъ нашъ, но и нѣсколько рабочихъ людей, которые не задолго до этого плавали тамъ съ Казаками. Рѣчка эта на обыкновенныхъ картахъ не обозначена ни у кого, кромѣ у Исаака Массы (Massa), и называется у него Камоусъ (Kamous). [2]

Этотъ день, равно какъ и нѣсколько слѣдующихъ, стоялъ сильный жаръ, какой бываетъ у насъ только во время собачьихъ дней, т. е., когда бѣсятся собаки, и въ это время сдѣсь бываетъ ежегодно такая же жара, какъ разсказывали намъ Русскіе.

7-го Сентября погода была пасмурная и бурная, такъ что скоро плыть было нельзя. Проплывъ 10 верстъ мы увидали на правомъ берегу, на высокой краснопесчаной горѣ висѣлицу, первую, какую только мы видѣли въ этѣхъ странахъ, и на ней-то Воевода ближайшаго города вѣшаетъ пойманныхъ разбойниковъ Казаковъ. Тѣло повѣшеннаго не оставляютъ висѣть долѣе 8-ми дней; ибо иначе товарищи Казаки непремѣнно утащатъ его.

Сдѣсь Посланникъ Бругманъ потребовалъ къ себѣ Посольскую прислугу и объявилъ имъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ имѣетъ сильное подозрѣніе въ томъ, что они тайно составляютъ противъ него заговоръ, по чему онъ не можетъ ожидать отъ нихъ ни чего добраго, въ случаѣ какой ни будь бѣды, или нужды; а этого онъ не ожидалъ отъ нихъ, но, напротивъ, надѣялся, что заслужилъ личное ихъ расположеніе къ нему, хотя бы за его тяжкую обязанность управленія и заботы о нихъ, которыя онъ несетъ ежедневно. Въ слѣдствіе этого, онъ изъявилъ желаніе, чтобы музыканты, тѣлохранители и застольные слуги дали клятву въ вѣрности (juramentum fidelitatis), которую этѣ люди охотно и дали, объяснивъ, впрочемъ, что они отнюдь не считаютъ себя заслужившими такое обвиненіе, и что безъ клятвы, уже по самымъ должностямъ своимъ, они обязаны быть, и были всегда, достаточно вѣрны. Но, давъ клятву, они, въ свою очередь,

---

[2] Что это такое теперь? Не смѣшалъ ли Масса съ рѣкой Калаусомъ, впадающей въ Манычъ? О. Б.

просили Бругмана, чтобы онъ не кричалъ на нихъ, безъ всякаго къ тому повода, и безъ различія, на всякаго, и не обзывалъ бы ихъ разными, оскорбительными для чести и унижающими ихъ достоинство, словами, какъ это случалось часто до сихъ поръ; что если же они увидятъ отъ него доброе обращеніе съ ними, то не только пребудутъ вѣрны ему и покорны, но изъ любви къ нему, буде нужно будетъ, положатъ жизнь свою. Обѣщаніе исполнить просьбу эту было также дано, но исполнено не было.

Въ этотъ день мы встрѣтили большое гребное плоскодонное судно (барку, шюту), съ которой нѣсколько человѣкъ, на небольшой лодкѣ, подплыли къ намъ и, взошедши на корабль, объявили, что они отправились изъ Астрахани назадъ тому 3 недѣли и на пути встрѣтили 30 Казаковъ, которые напали на нихъ и отняли у нихъ всѣ ихъ продовольственные припасы, такъ что теперь они уже 4 дня какъ ни чего не ѣли. Они просили у насъ хоть немного хлѣба, чтобъ утолить голодъ до той поры, когда встрѣтятъ кого либо изъ своихъ, или доѣдутъ до города. Мы дали имъ мѣшокъ сухарей, за которые они кланялись намъ въ ноги и очень благодарили.

Въ 40-ка верстахъ за Царицынымъ, на правомъ берегу, идетъ ровная гора, а противъ нея, на Волгѣ, островъ, который, также какъ и гора, называется Насоновскимъ (Nassonoffsko). Между горой и островомъ идетъ узкій и кривой водоворотъ, въ который, немного лѣтъ тому назадъ, Казаки заманили нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ, разыскивавшихъ и преслѣдовавшихъ ихъ, и тамъ всѣхъ ихъ перебили.

Вечеромъ одинъ рыбакъ принесъ на корабль неизвѣстную рыбу, которую они называютъ Чиберика (Tziberika), [3] величиною болѣе $2^1/_2$ локтей, съ широкимъ и длиннымъ, какъ у утки, носомъ, съ черными и бѣлыми пятнами на спинѣ и бокахъ, какъ у Польской пестрой собачки, но расположенными въ извѣстномъ порядкѣ. Брюхо у ней совершенно бѣлое. Вкусомъ она сладковатая

[3] Чабань? О. Б.

и пріятная, также почти, какъ и семга. Рыбаки принесли намъ еще рыбу въ родѣ осетра, которую они называютъ стерлядью, величиною съ локоть, не болѣе, и на вкусъ чрезвычайно нѣжную. Рыбы этой бездна вездѣ въ Волгѣ, и она здѣсь очень дешева.

8-го числа догналъ насъ, оставленный нами въ Царицынѣ, караванъ, у мыса праваго берега Поповича Юрка (Popowitzka Jurka). [4] Называется такъ мысъ этотъ по тому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сынъ одного Русскаго Священника, сдѣлавшійся начальникомъ и вождемъ Казаковъ, собиралъ обыкновенно въ этомъ мѣстѣ свою шайку. Мысъ этотъ находится отъ послѣдняго города въ 70-ти верстахъ. Отъ этого мѣста, на протяженіи 40 верстъ, до горы Каменный Яръ (Kamnagar), п., [5] встрѣчается нѣсколько острововъ и мелей, на которыхъ мы иногда застрѣвали, также какъ и нѣкоторыя суда Персовъ. Въ 20-ти верстахъ далѣе лежитъ высокій островъ Вязовой (Wesowoi), п., [6] длиною въ 4 версты, а за нимъ рѣка того же имени. Еще далѣе, черезъ 30 верстъ, вѣтеръ загналъ насъ въ уголъ, на правомъ берегу, въ который впадаетъ рѣка Володимирское Устье (Wolodimerski Ustga). [7] Такъ какъ въ это время дулъ весьма благопріятный для дальнѣйшаго плаванія вѣтеръ, то мы не медля принялись всѣ за работу, и съ помощію 2-хъ якорей скоро таки выбрались изъ залива. За тѣмъ на всѣхъ парусахъ мы быстро пронеслись мимо мѣста Ступина (Stupin), [8]

---

[4] Гдѣ нынѣ селеніе Поповицкое или Райгородокъ, при рѣчкѣ Малой Воложкѣ (боковомъ протокѣ или рукавѣ Волги), прежде Поповицкая подстава или форпостъ, гдѣ жили Донскіе Казаки и содержали поперемѣнно караулы по Царицынской Линіи, для безопасности проѣзжающихъ изъ Царицына въ Черный Яръ. О. Б.

[5] Каменноярское село при Волгѣ. О. Б.

[6] Противъ Вязовки или Вязовскаго села, при рѣчкѣ Вязовкѣ, вытекающей изъ Волги. О. Б.

[7] Или Володимировка. О. Б.

[8] Ступино или Ступинъ Яръ, при ерикѣ (боковомъ протокѣ Волги), прежде Мазанская крѣпостца, на правомъ берегу, тоже Казацкая подстава. О. Б.

лежащаго въ 30 верстахъ отъ слѣдующаго впереди города Чернояра (Tzornogar). [9] Въ 12-ти верстахъ отъ этого Чернояра, не доѣзжая его, вытекаетъ изъ Волги другая рѣка, Ахтубенично Устье (Achtobenisna Ustga), соединяющаяся съ помянутой выше Ахтубской (Achtobska). За этой рѣкой мы стали на якорь, вмѣстѣ съ караваномъ у острова Осина (Ossino), за 7-мь верстъ до города, сдѣлавши въ этотъ день 135 верстъ или 27 миль.

Въ этой странѣ, почти до самой Астрахани, по обоимъ берегамъ Волги, въ кустарникѣ растетъ въ изобиліи солодковый корень (Glycyrrhiza) [10] или сладкое дерево, которое здѣсь особенно рослое, даетъ стволъ вышиною въ полъ человѣка; сѣмена ея лежатъ въ чашечкѣ, въ родѣ чернаго журавлинаго боба. Такой же кустарникъ видѣли мы потомъ въ Мидіи, гдѣ она растетъ вездѣ на лугахъ, особенно же при рѣкѣ Араксѣ (Araxe). Корни ея, толщиною въ руку, даютъ болѣе нѣжный сокъ, чѣмъ у насъ.

9-го Сентября, въ полдень, сильная буря пригнала насъ къ городку Черноляру, у котораго мы и стали на якорь. Городъ этотъ, отстоящій въ 300 верстахъ отъ Царицына, 9 лѣтъ тому назадъ Великій Князь велѣлъ было построить прежде на полъ мили дальше; но недавно еще высокій берегъ у этого мѣста обвалился, и рѣка Волга уклонилась нѣсколько въ своемъ теченіи отъ города, въ слѣдствіи чего, 2 мѣсяца тому назадъ, городокъ былъ перенесенъ сюда, и лежитъ онъ теперь на правомъ, высокомъ берегу, окруженный 8-ю башнями и крѣпкимъ досчатымъ заборомъ. Заселенъ онъ одними стрѣльцами, для охраны отъ рыщущихъ кругомъ Татаръ и Казаковъ. Противъ каждаго угла городка, въ четверть мили отъ него, стоятъ на 4-хъ высокихъ столбахъ караульни, изъ которыхъ стрѣльцы, какъ изъ сторожекъ, могутъ далеко обозрѣвать окрестную страну, которая здѣсь совершенно ровная и безъ кустарника. Поводомъ къ постройкѣ этого городка послужило страшное убійство и грабежъ,

[9] Черный Яръ, городъ на протокѣ большой Волги. О. Б.

[10] Солодика, солодка или лакрица. О. Б.

причиненные сдѣсь тогда Казаками. 400 Казаковъ хитростію напали на Русскій караванъ въ 1500 человѣкъ, и перебили въ немъ половину народа. Для этого они прибѣгли къ такой уловкѣ: увидавши, что суда каравана идутъ не всѣ вмѣстѣ, но нѣкоторыя, и именно съ стрѣльцами, плыли на ружейный выстрѣлъ впереди, Казаки спрятались и, карауля на высокомъ берегу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга имѣетъ самое стремительное теченіе, и давъ свободно проплыть передней лодкѣ съ стрѣльцами, на остальныя за тѣмъ напали и перебили въ нихъ людей. Стрѣльцы же, хотя и вернулись и всѣми силами спѣшили назадъ, но быстрое теченіе Волги задержало ихъ, и они поспѣли на помощь уже тогда, когда большая часть убійства и грабежа совершилась, и Казаки, достигши берега, ускакали на лошадяхъ своихъ. Сдѣсь за берегомъ, особенно по правой сторонѣ, не видать уже ни одного деревца, и вездѣ только сухая, погорѣлая почва и степь.

10-го Сентября, только что миновали мы городъ, какъ поднялся сильный, противный вѣтеръ, и во весь этотъ день, не смотря на всѣ наши усилія, мы не могли сдѣлать болѣе 10 верстъ. Вечеромъ нѣсколько рыбаковъ принесли намъ на корабль одного громаднаго, жирнаго карпа, вѣсомъ въ 30 фунтовъ, и 8 большихъ нѣскороевъ (Sandaten), какихъ во все путешествіе мы не видали, и за всю рыбу эту они не хотѣли взять съ насъ денегъ, говоря, что они посланы сюда для рыболовства извѣстнымъ Московскимъ купцомъ, держащимъ на откупѣ эту часть Волги, и если бы онъ узналъ, что они продали хоть малѣйшую рыбушку, то подвергъ бы ихъ тяжкому взысканію. По этому, вмѣсто денегъ, имъ предложена была водка, которой они получили полъ кружки и отплыли отъ насъ съ большой благодарностію и веселые.

11-го Сентября, съ благопріятнымъ вѣтромъ и постоянно на парусахъ, мы сдѣлали 120 верстъ всего дневнаго пути. Въ полдень миновали гору Половина (Polowon). Имя свое получила гора эта отъ того, что стоитъ на полупути отъ Царицы до Астрахани, именно въ 250 верстахъ. Ночлегъ нашъ въ этотъ день былъ позади острова Кисяра (Kisiar).

Ночью, въ очередь управленія стражей Посланника Бругмана, посреди рѣки явилось большое судно, тихо плывшее мимо нашего корабля. Когда на окликъ нашъ никто не отвѣчалъ и не пришелъ, по требованію нашему, къ намъ на корабль, то по плывшимъ выстрѣлили изъ 15-ти ружей, и пушкарю дано уже было приказаніе выстрѣлить по нимъ изъ одной пушки. Въ это время на небольшой лодочкѣ подъѣхалъ къ намъ одинъ изъ плывшихъ людей и объяснилъ, что они вовсе не враги, но Русскіе, числомъ 7 человѣкъ, ѣдущіе на баркѣ съ солью; что ихъ всѣхъ угостилъ водкою караванъ, стоящій позади насъ на ружейный выстрѣлъ, и что онъ и его товарищи, напившись, замедлили и пустили барку плыть саму по себѣ. Человѣка, сообщившаго намъ это свѣдѣніе, призналъ за знакомаго нашъ лоцманъ, такъ какъ оба они были изъ Нижняго; по этому, давши ему нѣсколько чарокъ водки, мы отпустили его. На слѣдующее утро, въ благодарность за это угощеніе, человѣкъ этотъ принесъ намъ въ подарокъ нѣсколько стерлядей. Удивительно было, что выстрѣлами нашими никто изъ бывшихъ на баркѣ раненъ не былъ.

Такъ какъ всю ночь дулъ самый благопріятный вѣтеръ, то мы не хотѣли упустить случая воспользоваться и раннимъ утромъ: въ 3 часа снялись съ якоря, пустились далѣе, и миновали, на лѣвой рукѣ (Backbort), еще новый отпрыскъ (выходъ) Волги, — рѣку Бухвостову (Buchwostowa), которая изливается въ прежніе ея рукава. За тѣмъ достигли до острова Конанова (Korono), противъ котораго, на правомъ берегу, возвышается гора Кононова гора (Korono gar), отстоящая отъ Астрахани въ 150 верстахъ. Черезъ 20 верстъ далѣе Волга дастъ четвертый отпрыскъ или рукавъ, выпуская изъ себя рѣку Даніловское Устье (Danilofsko Ustga), л., которая течетъ отдѣльно отъ прежнихъ рукавовъ и отдѣльно же впадаетъ въ Каспійское море. 15 верстъ ниже этого, почти середи Волги, лежитъ небольшой, красиво округлый и поросшій прекрасными деревьями и кустарникомъ, островъ Катеринскій (Katarinski).

За тѣмъ мы увидали издали, на песчаномъ бугрѣ, большой, затопленный стругъ, и какъ наши приняли его за укрѣпленіе, нарочно покинутое Казаками, которыхъ нѣсколько человѣкъ за-

мѣтили мы въ кустарникѣ, то всѣ люди наши вооружились, и дано было приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ кустарникъ. При этомъ у поварскаго прислужника нашего, Якова Ганзена, разорвало ружье, заряженное двойнымъ зарядомъ, и оторвало большой палецъ на лѣвой рукѣ, которой онъ придерживалъ стволъ и, кромѣ того, поранило ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову, грудь и руки.

Сдѣлавши въ этотъ день 100 верстъ, мы стали на якорѣ позади острова Пирушки (Pyruski), въ 80-ти верстахъ отъ Астрахани. [11]

13-го Сентября, рано утромъ, въ одно время съ тѣмъ, когда въ нашихъ молитвенныхъ часахъ дошли мы по порядку до 13-й главы 4-й книги Моисея, въ которой говорится объ обѣтованной землѣ Ханаанской, объ ея прекрасныхъ плодахъ и громадныхъ гроздіяхъ винограда, мы и на пути своемъ увидѣли первые плоды. Изъ Астрахани въ это время плыли двѣ барки, съ которыхъ продали намъ прекрасный крупный виноградъ, ягоды котораго были съ Грецкій орѣхъ, большіе, превкусные персики и дыни.

Замѣчательныя мѣстности, которыя мы въ этотъ день миновали, были: рѣка Митуска (Mituske), тоже отдѣлившаяся отъ Волги, которая изливается частію во вчерашній рукавъ, частію же, черезъ нѣсколько верстъ далѣе, опять въ Волгу. Сдѣсь должно быть настоящее разбойничье гнѣздо. Такъ какъ мы видѣли на 2-хъ островахъ, лежавшихъ передъ сказанной рѣкой, нѣсколькихъ Казаковъ, то Посланныхъ приказалъ выстрѣлить по нимъ изъ большой пушки. Черезъ 5 верстъ далѣе находится послѣдняя до Астрахани мель, Кабанья мель (Kabanga meel), въ 70 верстахъ отъ этого города; еще черезъ 5 верстъ мысъ Кабанья гора (Kabangen gar); наконецъ, черезъ слѣдующія за тѣмъ 5 верстъ, достигли мы острова Ицибурскаго (Iziburski), въ 50 верстахъ отъ Астрахани. За этѣмъ островомъ мы стали на якорь, на ночлегъ.

---

[11] Гдѣ нынѣ казенное село Пироговское при Ахтубѣ? О. Б.

Въ этой странѣ, равно какъ ниже до самаго Каспійскаго моря, мы видѣли большихъ птицъ, называемыхъ Русскими бабами, иногда цѣлыми стаями, штукъ во 100, сидѣли онѣ у береговъ; ниже я скажу о нихъ подробнѣе.

14 Сентября, только что проплыли мы двѣ версты, какъ поднялась сильная буря напротивъ насъ съ юго-востока, въ слѣдствіи чего мы должны были простоять здѣсь до слѣдующаго утра. Глубина Волги въ этомъ мѣстѣ была 80 футовъ. Здѣсь Князь Мусалъ подарилъ Посламъ разные напитки, пиво, медъ, водку, съ предложеніемъ, если понравятся какіе изъ этѣхъ напитковъ, получить ихъ отъ него еще сколько угодно.

15-го Сентября утромъ, именно въ 4 часа, съ начавшимся попутнымъ вѣтромъ, пустились мы въ путь, и плыли на помянутой сейчасъ глубинѣ и все на югъ такъ счастливо, что еще утромъ же достигли острова Бузана (Busana), [12] въ 25 верстахъ отъ Астрахани; за тѣмъ миновали рѣку или опять рукавъ Волги Бальчикъ (Baltzik), отстоявшій въ 15 верстахъ отъ города, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, увидѣли, за 12 верстъ, давно желанную Астрахань (Astrachan), которая была видна отсюда вся, по причинѣ ровной кругомъ мѣстности и безъ кустарниковъ. Здѣсь начинается рукавъ Гнилуша (Knilusse), который, отдѣлившись отъ Волги, идетъ и позади Астрахани и изливается въ Каспійское море нѣсколькими отдѣльными устьями.

Въ полдень, съ попутнымъ же вѣтромъ и благопріятной погодой, мы достигли наконецъ до славнаго города Астрахани, и, при милостивой помощи Бога, сдѣлали первый шагъ изъ Европы, первой части свѣта, въ Азію; ибо Астрахань лежитъ по ту сторону Волги, рѣки, которая отдѣляетъ Европу отъ Азіи.

Мы остановились передъ городомъ, посреди рѣки, и въ привѣтствіе дали затъ съ нашего корабля изо всѣхъ пушекъ; такое привѣтствіе очень удивило жителей, высыпавшихъ на берегъ передъ городомъ, въ числѣ болѣе 100 человѣкъ.

---

[12] Извѣстный островъ, образуемый Волгой и рѣкою Бузаномъ, при которой находится рыболовный заводъ. О. Б.

ГЛАВА X.

О странѣ Нагаевъ и Астрахани, и о жителяхъ ихъ.

При первомъ вступленіи въ эту страну, я желаю прежде, чѣмъ итти далѣе, сдѣлать небольшой обзоръ ея, равно какъ и главнаго ея города, нравовъ и свойствъ ея обитателей.

Древніе міро-и землеописатели, каковы Птоломей, Страбонъ и другіе, слѣдовавшіе за ними, о Нагайскихъ, а равно и о сосѣднихъ съ ними, Татарахъ частію вовсе не упоминаютъ, частію же говорятъ о нихъ мало, и сообщаютъ неточныя свѣдѣнія, включая ихъ большею частію въ общія имена Скиѳовъ, Сарматовъ и Татаръ. Между тѣмъ они во многомъ различны другъ отъ друга, какъ по жизни своей, нравамъ и обычаямъ, такъ по мѣсту ихъ нахожденія и по имени. Матѳей Мѣховскій (Matthias a Michow), Полякъ, писавшій полтора вѣка назадъ, говоритъ, in praefatione libri de duobus Sarmatiis, что древніе писатели по тому не могли сказать о нихъ ни чего вѣрнаго, что въ древнія времена они не были тамъ исконными обитателями (какъ думаютъ также и нѣкоторые новые бытописатели), но новый народъ, пришедшій туда съ востока не много болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Когда, въ Маѣ, 1211-го года по Р. Хр. (говоритъ тотъ же Матѳей въ другой главѣ), появилась большая комета, обращенная къ Дону и Россіи, съ хвостомъ, простиравшимся на западъ, то она предвѣщала прибытіе этѣхъ Татаръ. Ибо, спустя годъ послѣ того, этѣ хищническіе народы, убивъ своего собственнаго Царя, удалились изъ Индіи, соединились съ нѣкоторыми, подобными имъ, Сѣверными обитателями и расположились на житье у Понта, гдѣ жили Геты, а потомъ по Дону и Волгѣ, откуда дѣлали частыя вторженія въ землю Русскихъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ настоящіе дни нѣкоторые Татары, живущіе разбоемъ.

Въ 8-й главѣ онъ говоритъ о нихъ уже нѣсколько опредѣленнѣе, раздѣляетъ ихъ на 4 орды или толпы и называетъ ихъ: Заволжскими (Zawolhenses), Перекопскими (Precopenses),

Казанскими (Cosanenses) и Нагайскими (Nohacenses); въ этомъ Матѳею слѣдуетъ Гваньинъ, а Гваньину Іоаннъ Raw, въ своей «Cosmographia.» Гваньинъ, впрочемъ, считаетъ 16 ордъ Татаръ. Татары, которыхъ писатели эти называютъ Volhacenses (Волжскими), суть не что иное, какъ живущіе при Волгѣ; ибо рѣку эту они называютъ Wolha. Это могутъ быть Черемисы, Казанскіе и другіе Татары. Подъ именемъ же Nohaycenses должно разумѣть Нагаевъ. Я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ помянутые и другіе писатели называютъ этихъ Татаръ, какъ они раздѣляютъ ихъ и какія мѣста присвояютъ имъ. Ограничусь повѣствованіемъ только того, что и какъ видѣлъ и узналъ я самъ на мѣстѣ.

Нагаи, называемые также Нагайскими Татарами, суть народы, обладающіе полосою земли между двумя рѣками, Волгою и Яикомъ, простирающеюся до Каспійскаго моря, и главный городъ въ этой странѣ Астрахань, по которой нѣкоторые писатели называютъ и всю эту страну. Полагаютъ, что названіе Астрахани произошло отъ того, что Князь, построившій этотъ городъ и первый обладавшій имъ, назывался Астра-Ханъ (Astra-Chan). Городъ лежитъ не въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Волги, внутри страны, какъ говоритъ Герберштейнъ и какъ думаютъ нѣкоторые, но при самомъ главномъ теченіи Волги, на островѣ Долгомъ (Dolgoi), образуемомъ тамъ рукавомъ этой рѣки.

Высоту полюса въ Астрахани, по неоднократно повтореннымъ наблюденіямъ, я нашелъ въ 46° 222′. Климатъ въ ней довольно теплый. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ тамъ была такая теплая погода, какая бываетъ у насъ въ жаркое лѣто, особенно когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-востока и съ Волги; Южный же вѣтеръ и дующій съ моря приноситъ обыкновенно холодъ, а иногда насыщенный запахомъ моря воздухъ. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, время, которое мы на обратномъ пути простояли въ Астрахани, былъ хотя и сильный жаръ, но, по причинѣ дувшаго тогда постоянно вѣтра, онъ не былъ для насъ тягостенъ. Зима хотя и не продолжается тамъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но бываетъ такая холодная, что Волга, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, совершенно замерзаетъ, такъ что по ней ѣздятъ на саняхъ.

Островъ Долгой (Dolgoi), равно какъ и материкъ на правомъ берегу Волги, песчаны и безплодны; на лѣвомъ же берегу, на востокъ, до Яика лежатъ хорошія пастьбища. По сю сторону Волги, на западъ, идетъ ровная, сухая степь, простирающаяся до Понта или до Чернаго моря на 70, а на югъ до Каспійскаго моря на 80 Нѣмецкихъ миль, какъ мы измѣрили это достаточно вѣрно девятью тягостными днями пути, о чемъ подробнѣе скажу ниже. Пустыня эта даетъ превосходнѣйшую соль, добываемую изъ множества ямъ, колодцевъ или стоячихъ озеръ, изъ которыхъ важнѣйшія: Мачаковское (Mozakoffski), [1] въ 10-ти верстахъ, Каинково (Kainkowa), въ 15-ти, и Гвоздовское (Gwostoffski), въ 30-ти верстахъ отъ Астрахани. Озера или соленые колодцы, лужи, имѣютъ соленыя жилы, черезъ которыя разсолъ поднимается вверхъ и дѣйствіемъ солнечнаго жара выдѣляется въ чистый, какъ кристалъ, толщиною въ палецъ, слой, подобно льду; онъ имѣетъ при этомъ весьма пріятный запахъ фіялки. Всякій, кто только хочетъ, можетъ добывать тамъ соль, заплативши только Великому Князю пошлину по 1-й копѣйкѣ или по 1-му шиллингу за каждые 2 пуда. Русскіе ведутъ громадную торговлю солью, свозятъ ее на берега Волги, ссыпаютъ въ большія кучи, развозятъ потомъ по всей Россіи, но отнюдь не въ Мидію, Персію и Арменію, какъ разсказываетъ Петрей, въ своей Московской Лѣтописи; ибо въ этѣхъ странахъ имѣются свои превосходнѣйшія соленыя ямы и горы, о чемъ скажу я еще въ своемъ мѣстѣ. Несправедливо также и то, что говоритъ онъ на 103 страницѣ, будто въ 2 миляхъ отъ Астрахани находятся двѣ соляныя горы, называемыя Бузинъ, которыя неистощимы, и если бы 20, или 30, тысячъ человѣкъ ежедневно рубили и кололи этѣ горы столько, сколько хотѣли и могли, то все таки у нихъ была бы работа, и они никогда бы не увидали, чтобы горы тѣ хоть бы на малость отъ того уменьшились; ибо чѣмъ болѣе бы кололи и обрубали ихъ, тѣмъ болѣе бы онѣ росли и дѣлались такими твердыми, какъ скала. Такихъ горъ нѣтъ въ этой странѣ, и разсказъ о нихъ

[1] Собственно озеръ три: первое въ длину 750, въ ширину 300 саженъ; второе въ длину 525, въ ширину 40 саженъ; а третье, по причинѣ ила и песка, остается безъ употребленія. О. Б.

можно отнести къ утопіямъ. Что касается до соляныхъ ямъ или колодцевъ, то справедливо, что чѣмъ болѣе снимать съ нихъ соляныхъ слоевъ, тѣмъ болѣе ихъ будетъ снова выдѣляться; ибо въ богатыхъ источникахъ разсола недостатка нѣтъ.

Волга въ этомъ мѣстѣ и до Каспійскаго моря, лежащаго отъ Астрахани въ 12-ти миляхъ, доставляетъ чрезвычайно богатый ловъ всякаго рода рыбы, которая здѣсь весьма дешева, такъ что за 1 грошъ можно купить 12 большихъ карповъ, а 200 стерлядей, или небольшихъ осетровъ (рыба чрезвычайно нѣжная на вкусъ), за 15 грошей. Водится здѣсь и бездна раковъ; но какъ ни Татары, ни Русскіе не ѣдятъ ихъ, то ихъ ни во что ставятъ и выбрасываютъ.

Въ этой же странѣ, по близости моря и по множеству лежащихъ подъ Астраханью острововъ, поросшихъ тростникомъ и кустарниками, водится множество всякаго рода дичи, особенно дикихъ гусей и большихъ красныхъ утокъ, которыхъ Татары мастерски скоро ловятъ съ помощію пріученыхъ къ тому соколовъ и ястребовъ, водящихся тамъ тоже въ большомъ количествѣ. Есть также здѣсь и бездна кабановъ, за которыми Татары охотятся; но такъ какъ по закону ихъ они въ пищу ихъ не употребляютъ, то продаютъ Русскимъ за ничтожныя деньги.

Что касается до садовыхъ плодовъ, то они здѣсь такъ хороши, что и въ Персіи мы не находили почти лучшихъ. А именно: яблоки, айва, Грецкіе орѣхи, большія желтыя дыни, также водянистыя дыни, которыя Русскіе называютъ арбузами, Татары и Турки карпусами (Karpus), по причинѣ ихъ свѣжести, Персы Гиндуанами (Hinduanae), по тому что въ Персію привезены они впервые Индѣйцами. Видомъ они походятъ на дыню или скорѣе еще на тыкву, имѣютъ зеленоватую кожицу и тѣлеснаго цвѣта и весьма сочное и сладко сахарное мясо и черныя сѣмена. Такихъ арбузовъ и дынь Татары еженедѣльно привозятъ на базаръ въ Астрахань по 10 и по 20 возовъ, и продаютъ ихъ весьма дешево.

Недавно еще здѣсь не было ни одного винограднаго растенія. Персидскіе купцы привезли какъ-то первыя виноградныя лозы въ Астрахань, которыя одинъ монахъ и посадилъ у себя

въ монастырѣ, находящемся подъ городомъ. Когда же увидали, что лозы принялись и пошли расти хорошо, то въ 1613 году, по приказанію Великаго Князя, тѣмъ же монахомъ разведенъ былъ настоящій виноградный садъ, который годъ отъ году расширяется и приноситъ превосходный крупный и сладкій виноградъ, который, какъ и другіе, разведенные тамъ, древесные плоды, частію посылаются въ Москву, къ Великому Князю, частію же продаются на мѣстѣ Воеводамъ и другимъ знатнымъ господамъ. Теперь и нѣкоторые граждане Астраханскіе развели при своихъ домахъ виноградные сады, и хозяинъ нашъ говорилъ намъ, что его виноградный садъ въ тотъ годъ доставилъ ему до 100 талеровъ. Въ нынѣшнемъ году меня извѣщали за вѣрное, что теперь въ Астрахани выдѣлывается уже столько вина, что его ежегодно вывозится оттуда въ Москву отъ 56 до 60 пипъ или большихъ бочекъ, и Астраханцы имѣютъ у себя теперь садовника винограднаго, Якова Ботмана (Jacob Bothman), который обучался въ Готторфѣ, у Придворнаго садовника Его Княжеской Свѣтлости, завѣдывающаго и увеселительнымъ садомъ.

Помянутый сей часъ монахъ, въ нашу бытность, былъ уже 105 лѣтъ, родомъ Австріецъ, во время войны плѣннымъ мальчикомъ былъ вывезенъ въ Россію, перекрещенъ въ Русскую Вѣру и присланъ сюда на житье въ монастырь. Тогда онъ управлялъ цѣлымъ монастыремъ, могъ еще говорить кой-что по Нѣмецки, дѣлалъ разныя одолженія тѣмъ изъ насъ, которые его посѣщали, самъ также посѣщалъОсловъ и приносилъ имъ въ даръ плоды, насажденные его собственною рукою, и вообще былъ права общительнаго и веселаго. Когда онъ выпилъ двѣ чарки водки, то началъ показывать свою бодрость и плясать безъ палки, хотя уже и дрожащими ногами. Онъ говорилъ, что страна эта здорова и въ ней много старыхъ людей.

Обитатели этой страны Наган (Nagajae), или Астраханцы, были, какъ уже сказано, нѣкогда чистые Татары, имѣли собственныхъ своихъ Царей и состояли въ такой дружбѣ и союзѣ съ Казанскими и Крымскими Татарами, что кто имѣлъ непріятелемъ какой ни будь одинъ изъ сихъ народовъ, тотъ долженъ былъ воевать со всѣми ими. Но Великій Князь Иванъ Васильевичъ, черезъ два года

послѣ завоеванія Казани, пошелъ войной и на Царство Нагайское, и покорилъ его своей власти. Такъ 1-го Августа, 1554 года,[2] и главный городъ Астрахань взятъ былъ приступомъ, Татары изгнаны изъ него и заселенъ онъ съ той поры Русскими.

Послѣ этого Грозный укрѣпилъ городъ крѣпкой каменной стѣной, а нынѣшній Великій Князь расширилъ его, приказавъ пристроить къ нему стрѣлецкій городъ (Strelitza gorod) или часть города, въ которой живутъ теперь стрѣльцы. Городъ снаружи, съ Волги (которая сдѣсь шириною въ 2,260 футовъ), имѣетъ довольно красивый видъ по множеству башенъ и колоколенъ; внутри же большею частію состоитъ изъ деревянныхъ строеній. Онъ снабженъ довольно сильной стражей и, какъ говорятъ Астраханцы, 500-ми металлическими пушками, между коими есть нѣсколько полныхъ и полуосадныхъ короткихъ пушекъ (Cartaunen), которыя мы сами видѣли. Теперь тамъ 9 Приказовъ, и къ каждому изъ нихъ принадлежатъ по 500 стрѣльцовъ, которые состоятъ подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, одного Писаря и нѣсколькихъ Капитановъ, и которые всегда должны быть на службѣ и сторожѣ и, такимъ образомъ, обуздывать Татаръ. Въ городѣ проживаютъ, впрочемъ, не одни только Русскіе, но и Персіяне и Индѣйцы, и всѣ они имѣютъ тамъ свои собственные торговыя площади. Также Бухарцы, Крымскіе и Нагайскіе Татары, Армяне Христіяне, и всѣ эти народы ведутъ всякаго рода товарами значительную торговлю и промышленность, такъ что городъ этотъ доставляетъ Его Царскому Величеству ежегодно громадныя суммы, принося одними пошлинами 12 тысячъ рублей или 24 тысячи рейхсталеровъ.

Сдѣшнимъ Татарамъ, которые частію Нагайскіе, а частію Крымскіе, не дозволяется жить въ самомъ городѣ, а внѣ города, на извѣстныхъ мѣстахъ, которыя они могутъ обносить только плетнями; и вообще во всей этой области Татары живутъ не въ укрѣпленныхъ городахъ и селеніяхъ, а въ круглыхъ, имѣющихъ въразрѣзѣ обыкновенно 10 футовъ, шалашахъ, сплетенныхъ изъ камыша или тростника, на подобіе нашихъ плетушекъ для птицъ. Сверху они покрываются войлоками, по срединѣ которыхъ

[2] Собственно 2-го Іюля, 1554 г., а окончательно въ 1557 г. О. Б.

дѣлается отверстіе для дыму, а надъ отверстіемъ опять кусокъ войлока, который можно произвольно приподнимать и направлять, смотря по вѣтру. Когда топливо ихъ, состоящее обыкновенно изъ соломы и сушенаго коровьяго помету, все прогоритъ, и дыма уже не будетъ, этотъ кусокъ войлока опускаютъ, прикрывая отверстіе и, если погода хорошая, то шалашъ окутывается войлокомъ, или камышемъ, и тогда жены и дѣти сидятъ себѣ вокругъ углей и пепла, и тепло въ шалашѣ можетъ сохраниться долгое время.

Лѣтомъ они не имѣютъ опредѣленныхъ мѣстъ для своихъ постоянныхъ жилищъ, но перемѣняютъ мѣста и переносятъ свои шалаши съ мѣста на мѣсто такъ часто, какъ только оказывается это нужнымъ для пріисканія своему скоту свѣжаго и хорошаго пастьбища. При такихъ переходахъ они ставятъ свои лачужки на высокія телѣги, которыя всегда бываютъ при нихъ у жилья, и перетаскиваются такимъ образомъ съ женами, дѣтьми и всей домашней утварью, которыхъ разсаживаютъ и размѣщаютъ на коровахъ, быкахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Русскіе называютъ ихъ по этому Половцами (Polowtzki); ибо они бродятъ съ мѣста на мѣсто. Зимою же опять собираются къ Астрахани и размѣщаются на отдѣльныя орды (какъ въ Германіи гарды или станы) или роты, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было прійти и тѣмъ и другимъ на помогу; ибо они часто подвергаются нападеніямъ и грабежу отъ постоянныхъ враговъ своихъ, Калмыковъ, не только тѣхъ, которые разсѣяны вездѣ отсюда до Саратова и называются Булгарскими Татарами (Bulgarische Tartern), но также и тѣхъ (Калмыковъ же), которые живутъ за рѣкою Яикомъ и перебираются сюда въ зимнее время вездѣ по замерзшей рѣкѣ. Для того же, чтобы они получше встрѣтили этѣхъ враговъ и могли защищаться противъ нихъ, на это время имъ выдаются изъ Русской оружейной палаты орудія и вооруженія, которыя, съ наступленіемъ лѣта, они возвращаютъ назадъ, и болѣе этого они уже не смѣютъ имѣть при себѣ ни какого вооруженія.

Хотя они не платятъ Великому Князю ни какихъ податей, но если онъ пожелаетъ поставить ихъ въ полѣ противъ какого

ни есть непріятеля, то они обязаны явиться, и дѣлаютъ это охотно, въ надеждѣ на добычу, въ которой состоитъ главное ихъ богатство, какъ у Дагестанскихъ Татаръ, о которыхъ буду говорить еще на возвратномъ пути. Они наскоро могутъ собрать и поставить изъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ и храбро дерутся съ непріятелемъ.

Хотя имъ дозволяется имѣть собственныхъ своихъ Князей, Начальниковъ и Судей, но, чтобы вѣрнѣе обезпечить себя отъ возможности возмущенія съ ихъ стороны, нѣсколько Мирзъ ихъ или Князей должны постоянно находиться поочередно въ Астраханской крѣпости, и содержаться тамъ въ качествѣ заложниковъ.

Нагайскіе, равно какъ и Крымскіе, Татары тѣломъ тучны, коренасты, широколицы, имѣютъ маленькіе глаза и цвѣтъ кожи темножелтоватый. У мужчинъ лице морщинистое, какъ у старыхъ, волосы на бородѣ рѣдкіе, а на головѣ низко и гладко остриженные.

Всѣ они носятъ длинные кафтаны, иные изъ сѣраго сукна, другіе, особенно Нагайцы, овчинные тулупы и шапки, мѣхомъ наружу. Женщины, обыкновенно непротивныя лицомъ, носятъ кафтаны изъ бѣлаго полотна и круглыя шапочки со складками, которыя вверху сходятся въ острый конецъ, на подобіе шлема, и выложены и увѣшаны Русскими копѣйками, какъ бы пуговицами, или застежками. Перворожденныя, равно какъ и тѣ изъ дочерей ихъ, которыхъ родители посвятили Богу, или какому ни будь Имаму и Святому, во время нахожденія ихъ еще въ утробѣ матери, носятъ, въ знакъ того, что онѣ рабы ихъ и преданы имъ, въ правой ноздрѣ кольцо съ бирюзой, рубиномъ, или кораллами, точно также какъ мальчики носятъ такія кольца въ ушахъ. Подробнѣе я буду говорить объ этомъ при описаніи Персовъ, у которыхъ существуетъ подобный же обычай. Дѣти ходятъ голыя, безъ рубашекъ и всѣ съ претолстыми животами.

Пищу сихъ Татаръ составляетъ все то, что доставляетъ имъ скотоводство, рыболовство и птицеводство. Быки и коровы

ихъ очень крупны и сильны, подобно Польскимъ; овцы ихъ, также какъ и Персидскія, имѣютъ толстые, большіе хвосты, состоящіе изъ одного жиру и вѣсящіе иногда отъ 20 до 30 фунтовъ, висячія, какъ у лягавыхъ собакъ, уши, и не прямые, съ горбиной носы. Лошади ихъ не видныя, но сильныя и выносливыя. У нихъ есть также и верблюды, но больше двугорбые, чѣмъ одногорбые, и первыхъ называютъ они Боггуръ (Boggur), а вторыхъ Тове (Towae).

Обыкновенныя кушанья Татаръ составляютъ: высушенная на солнцѣ рыба, употребляемая ими вмѣсто хлѣба; молотый рисъ и просо, изъ муки которыхъ они дѣлаютъ родъ лепешекъ, и обмакиваютъ ихъ въ маслѣ, или въ меду. Кромѣ прочихъ мясъ они ѣдятъ верблюжину, конину, пьютъ воду, молоко и особенно кобылье, которое считается лакомымъ и здоровымъ напиткомъ. По этому, когда однажды Посланники отправились къ Татарамъ посмотрѣть на ихъ орды и палатки, то Татары поднѣдили имъ кобыльяго молока изъ особаго кожанаго мѣшка, и предложили имъ выпить его.

Вѣра ихъ—Магометанская, но обрядность религіозная не Персидская, а Турецкая. Нѣкоторые Татары приняли Русскую Вѣру и перекрестились. Съ нами они были чрезвычайно дружелюбны. Одинъ Мирза или Князь ихъ, желая доставить удовольствіе Посламъ нашимъ, хотѣлъ было позабавить ихъ соколиною охотою, и сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для ней, но Воевода не позволилъ ему.

ГЛАВА XI.

Что далѣе было съ нами въ Астрахани, какъ посѣщали насъ нѣкоторыя лица и какъ угощали насъ въ гостяхъ.

Во все время стоянки нашей у Астрахани, когда случалось, что намъ нужно было что ни будь сварить, спечь, убить скотъ, и добыть что либо изъ продовольствія для опустѣлой стряпни и

погреба нашего, все нужное для этого намъ присылали Персидскіе и Татарскіе купцы, а также и другія лица, въ подарокъ съ кѣмъ ни есть, иногда же сами лично посѣщали Пословъ, а также и Послы, въ свою очередь, посѣщали ихъ.

Такъ, когда мы только что стали у Астрахани, какъ сказано выше, съ нашимъ кораблемъ, и сдѣлали привѣтствіе выстрѣлами, купецъ Персидскаго Царя, а также и другіе Персидскіе купцы, только что пріѣхавшіе туда же изъ Персіи, прислали, въ привѣтъ Посламъ нашимъ, нѣсколько прекрасныхъ большихъ арбузовъ, дынь, яблокъ, персиковъ, абрикосовъ и кисти крупнаго винограда, съ просьбою, чтобы Послы благосклонно приняли пока подарокъ этотъ отъ нихъ, также чужестранцевъ въ этомъ мѣстѣ; если же Богъ поможетъ прибыть въ Персію, то тамъ все, принадлежащее имъ, Персамъ, готово будетъ къ услугамъ Гг. Пословъ. Въ свою очередь и Послы наши снарядили нѣсколько человѣкъ, и послали ихъ къ Персидскому купцу и Князю Мусулу съ подарками, состоявшими изъ разныхъ дорогихъ напитковъ (водицъ), вина и конфектъ.

На другой день нашего прибытія нѣсколько партій Персидскихъ купцевъ пришли на нашъ корабль, осмотрѣть его и посѣтить Пословъ, при чемъ каждый принесъ съ собою какихъ ни будь плодовъ; ибо въ Персіи уже такой обычай, что никто не является къ какому либо знатному Господину безъ подарка, хотя бы самаго ничтожнаго. Гости эти, по обычаю своей страны, обращались очень любезно и общительно, что показалось намъ весьма страннымъ послѣ грубости Русскихъ, и такъ какъ для насъ они были люди новые и давно желанные, съ которыми намъ предстояло еще имѣть ближайшее сношеніе, то тѣмъ болѣе мы предоставили имъ свободы у насъ; отъ того всѣ они такъ подпили, что когда сходили съ корабля, то нѣкоторые изъ нихъ попадали въ воду, а одинъ пожилой почетный купецъ заснулъ и цѣлую ночь пробылъ у насъ на кораблѣ. Этотъ старикъ во время попойки еще былъ такъ любезенъ, что когда Послы, предлагая ему стаканъ Французскаго вина, сказали: «Можетъ вино нашей страны, послѣ крѣпкихъ напитковъ Персидскихъ, не понравится вамъ и будетъ непріятно,» онъ тотчасъ же взялъ

стаканъ и отвѣчалъ, что если бъ то былъ и ядъ, то изъ рукъ Пословъ онъ выпилъ бы и его.

17 го Сентября купецъ Персидскаго Царя вторично прислалъ въ подарокъ Посламъ 2 мѣшка рису, не похожаго на обыкновенный, прекраснаго, бѣлаго, крупнозернистаго, и кружку разваренаго Персидскаго чесноку, на вкусъ весьма пріятнаго; какъ изготовляется онъ, скажу ниже.

Съ прислугою купца пришли къ намъ и другіе Персы, мореходцы, осматривали нашъ корабль, удивлялись его громадности и говорили, что онъ не можетъ служить для плаванія на Каспійскомъ морѣ, на которомъ обыкновенно бываютъ весьма высокія и обрывистыя волны; или же, по крайней мѣрѣ, надо будетъ укоротить мачту на нашемъ кораблѣ, чтобы можно было плыть въ немъ. Что Külsüm (такъ называли они Каспійское море) съ тѣхъ поръ, какъ по немъ плаваютъ суда, никогда еще не видалъ такого громаднаго корабля; ибо ихъ корабли такіе, какъ наши маленькія шюты (плоскодонныя судна) и видомъ похожи на ванну для купанья, очень высоко стоятъ надъ водою, скрѣпляются множествомъ балокъ или перекладинъ, выходящихъ на обѣ стороны и сколачиваемыхъ клиньями, и этѣми-то балками все судно сдерживается снизу до верху; въ срединѣ онѣ совершенно открыты, не имѣютъ насосовъ и накопившуюся воду просто вычерпываютъ. Плаваютъ они на этѣхъ судахъ обыкновенно съ однимъ большимъ парусомъ и рѣяться (laviren) не умѣютъ. По этому во время бури они или отдаются на произволъ вѣтра, хотя съ великою опасностію, или же бросаютъ якорь. Вообще же никто охотно не отваживается плыть въ этомъ морѣ на глубинѣ болѣе 10 саженъ.

По отъѣздѣ Персовъ съ корабля Посланники наши послали, съ своимъ Секретаремъ, большой бокалъ къ главнѣйшему Воеводѣ, Ѳедору Васильевичу (Fedor Vasiliwitz), въ подарокъ, съ порученіемъ при этомъ узнать его мнѣніе и совѣтъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ: не удобнѣе ли будетъ ѣхать далѣе сухимъ путемъ, чѣмъ моремъ? Для отвѣта Воевода просилъ отсрочки на нѣсколько дней, чтобы справиться и переговорить съ другими мореходцами.

По многимъ причинамъ потомъ принято за разумнѣйшее ѣхать водою, а не сухимъ путемъ.

19 Числа Татарскій Князь Мусалъ извѣстилъ насъ, что онъ хочетъ пріѣхать къ намъ на корабль посѣтитьОсловъ; по тому, на встрѣчу ему, къ берегу послана была наша шлюбка, обложенная ковромъ, съ нѣсколькими людьми изъ сопровождающихъОсловъ. Онъ пріѣхалъ тоже въ сопровожденіи 40 человѣкъ и, кромѣ того, при немъ находился другой Мирза и Великокняжескій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ (Poslanik, Alexei Sawinowitz). Самъ Мусалъ былъ одѣтъ въ дорогое Русское платье, шитое золотомъ и жемчугомъ; съ виду онъ былъ высокій, крѣпкій и внушающій почтеніе человѣкъ, съ бѣлымъ, пріятнымъ лицемъ, съ длинными и черными какъ уголь волосами; лѣтъ около 28-ми, веселый и разговорчивый. Когда онъ вошелъ на корабль, то сперва привѣтствовали его на трубахъ, потомъ выстрѣлили изъ 3-хъ большихъ пушекъ, и за тѣмъ, во время угощенія въ каютѣ Посланниковъ, постоянно играла музыка. Тѣлохранители, слуги и солдаты выстроились въ своемъ порядкѣ и вооруженіи, что все очень понравилось Татарину и весьма лестно было ему. Послѣ двухчасоваго пріятнаго пребыванія въ каютѣ и вездѣ на кораблѣ, который водили его осматривать, по его желанію, пригласили его внизъ, въ столовую, гдѣ просили его къ столу, уставленному всякаго рода конфектами, но онъ не сѣлъ и поспѣшилъ отправиться домой. При отъѣздѣ его опять стрѣляли изъ пушекъ и ружей.

20-го Сентября Послы наши отправили нашего Маршала ко купцу Персидскаго Шаха, поклониться ему отъ нихъ и просить, чтобы онъ сдѣлалъ имъ честь и пожаловалъ бы къ нимъ на корабль, что и было на слѣдующій же день. Купецъ этотъ, по имени Наурусъ (Naurus), прибылъ съ другимъ знатнымъ Персидскимъ купцомъ, называвшимся Нурединъ Магуммедъ (Naureddin Mahummed), и съ Приставомъ, приставленнымъ къ нему Воеводою. Этѣ господа были приняты и угощены также, какъ и Татарскій Князь. Когда они, между разными пріятными разговорами и весельемъ, послушали немного нашу музыку, то попросили и имъ дозволить принести

ихъ музыкальные инструменты, которые состояли изъ свирѣлей (дудокъ) и барабановъ. Барабаны ихъ сдѣланы были изъ обожженной горшечной глины, въ видѣ продолговатаго горшка; на этѣхъ барабанахъ Персы выбивали хотя и страшные звуки, но довольно искусно и быстро выигрывали разныя штуки. Подъ такую музыку отправились Персы и отъ насъ на берегъ, гдѣ, въ разбитыхъ палаткахъ ихъ, еще долго слышалась она намъ, на кораблѣ нашемъ.

22-го числа, рано утромъ, Воевода, въ благодарность за подарки, прислалъ Посламъ: 20 окороковъ, 12 большихъ копченыхъ рыбъ, кадочку икры (Cavijar), 1 боченокъ пива и 1 боченокъ меду.

Въ полдень Польскій Посолъ, о которомъ сообщалъ намъ купецъ (Cupizi) Персидскаго Шаха еще 3-го Сентября, прислалъ, вмѣстѣ съ Посломъ Персидскаго Шаха къ Королю Польскому, двухъ своихъ служителей къ нашимъ Посланникамъ, на поклонъ, съ подаркомъ фляги шараба (Scharab) или Персидскаго вина. Польскій Посолъ былъ монахъ и подписывался такъ: «Fr. Johannem de Lucca indignum sacri ordinis praedicatorum.» Посолъ же Персидскій былъ Архіепископъ изъ Арменіи, Августинъ Базеціи (Augustinus Basecius). Двое прислужниковъ, присланныхъ къ намъ, были: одинъ Итальянскій Капуцинъ, а другой Французъ. Этѣ послѣдніе жаловались намъ, что вотъ уже 5 мѣсяцевъ, какъ они сидятъ, словно плѣнные, въ Астрахани, и далѣе ихъ не пускаютъ.

Въ этотъ же день Посланники наши отправили къ Воеводѣ сказать, что завтра они желали бы посѣтить Князя Мусала, по чему и просили Воеводу прислать верховыхъ для поѣздки этой лошадей имъ и ихъ прислугѣ. Намъ съ готовностію обѣщали, и на слѣдующій же день Воеводскій конюшій привелъ просимыхъ лошадей на берегъ. Посланники поѣхали верхомъ съ важнѣйшими чинами изъ своихъ, сперва въ домъ, отведенный для помѣщенія ихъ за городомъ, откуда послали доложить надлежащимъ порядкомъ Князю Мусалу о своемъ прибытіи; и когда насъ извѣстили что Мусалъ давно ждетъ и желаетъ

насъ видѣть, то мы поѣхали къ нему на квартиру, которая была въ городѣ. Князь, богато одѣтый, вышелъ на встрѣчу Посламъ въ дворѣ на лѣстницу, радушно принялъ насъ и повелъ вверхъ въ покой, увѣшанный коврами. У него былъ и Посланникъ Алексѣй, а потомъ пришелъ и Татарскій Посолъ изъ Крыма, находившійся тоже въ караванѣ, надменный и суровый правомъ человѣкъ. Мусалъ выставилъ для угощенія въ изобиліи всякаго рода садовые плоды, вмѣстѣ съ виномъ, пивомъ, медомъ и водкой. Приказалъ заиграть на регаліи, [1] и нѣсколькихъ Русскихъ трубачей, состоявшихъ при Воеводѣ, просилъ поиграть веселыя пѣсни, самъ же поднесъ намъ въ большихъ бокалахъ и серебряныхъ чашахъ вина, предлагая его выпить, за доброе здоровье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго и проч. и проч. Во все это время онъ стоялъ, со всѣми своими, и самъ собственною рукою подавалъ чашу съ виномъ каждому изъ насъ, даже нашимъ нажамъ и прислужникамъ и вообще со всѣми былъ весьма любезенъ. За тѣмъ Алексѣй тоже началъ торжественно и многорѣчиво восхвалять родъ, храбрость и прочія заслуги Мусала, говоря, что онъ не простой какой ни будь Мирза, какихъ много у Татаръ, но сынъ брата великаго и, пожалуй, важнѣйшаго при Дворѣ Великаго Князя Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); что теперь, въ знакъ великой къ нему милости, онъ получилъ отъ Его Царскаго Величества помѣстье (die Lehn), дорогія одежды и много другихъ подарковъ; что въ настоящее время одинъ изъ его братьевъ состоитъ при Дворѣ Его Царскаго Величества и получаетъ тамъ превосходное содержаніе; что, наконецъ, сестра его за мужемъ за Персидскимъ Шахомъ, и проч. и проч.

На этой пирушкѣ мы съ высокороднымъ Іоанномъ Альбрехтомъ Фонъ Мандельсло условились, что кто изъ насъ переживетъ другого, тотъ, въ память объ умершемъ, долженъ написать похвальное слово, что я, пережившій его, и исполнилъ,

---

[1] Большая труба, звуки которой похожи на голосъ человѣка. Перев.

какъ могъ, и написанное слово мое можно видѣть въ его описаніи путешествія въ Восточныя Страны, которое я издаю особо.

Повеселившись нѣсколько часовъ у Мусала всякаго рода его любезностями и добрымъ расположеніемъ, и разставшись съ нимъ, Посланники наши пожелали проѣхать въ мѣста жительства Татаръ, посмотрѣть ихъ. По этому мы направились къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя шла ближайшая туда дорога. Но ворота эти, по приказанію Воеводы, не извѣстно въ слѣдствіе какихъ причинъ, заперли передъ нами, по чему мы и отправились на корабль свой.

24-го числа прибылъ на корабль Посланникъ Алексѣй, посѣтить нашихъ Пословъ, и онъ былъ нами принятъ и угощенъ, какъ слудуетъ, хорошо. Онъ былъ веселъ и предлагалъ намъ свою заботливость о насъ и дружбу въ то время, когда мы будемъ съ нимъ въ Персіи. Наши Посольскіе чины и прислуга, проводившіе его обратно на его корабль, въ числѣ 12 человѣкъ, всѣ получили отъ него, въ благодарность, подарки, по одному соболю.

Этотъ Русскій, посланный Великимъ Княземъ Московскимъ къ Персидскому Шаху въ качествѣ малаго Посла, болѣе для того, чтобы блюсти за нашимъ дѣломъ и нашими отношеніями, былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ здравымъ умомъ и весьма ловкій, зналъ нѣсколько Латинскихъ изреченій, противъ обыкновенія Русскихъ, имѣлъ большую охоту къ свободнымъ искуствамъ, особенно же къ нѣкоторымъ математическимъ наукамъ и къ Латинскому языку; онъ просилъ, чтобы мы помогли ему въ изученіи этѣхъ предметовъ, и въ Персіи, гдѣ мы были вмѣстѣ, а особенно на обратномъ пути, онъ, прилежными занятіями, постоянными разговорами и упражненіемъ въ продолженіи 5-ти мѣсяцевъ, сдѣлалъ такіе успѣхи въ Латинскомъ языкѣ, что могъ передавать на немъ, хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но весьма понятно для другихъ, свои задушевныя мысли. Онъ также быстро и съ охотою уразумѣлъ употребленіе астролябіи и все то, что относится до высоты солнца, часовъ и геометріи. Нашему часовщику онъ заказалъ сдѣлать астролябію, и когда бывало останавливались мы

на ночлегъ въ какомъ ни будь городѣ, или селеніи, особенно же въ Астрахани, онъ выходилъ съ этой астролябіей для упражненій на улицу, и разсказывалъ людямъ высоту домовъ и другихъ зданій, что чрезвычайно удивляло Русскихъ, не привыкшихъ видѣть своихъ соотечественниковъ за подобными занятіями.

25 числа Шаховъ купецъ (Ciptzi) прислалъ съ приглашеніемъ Гг. Пословъ, съ ихъ свитою, въ слѣдующій день на пиръ къ нему, при чемъ просилъ сообщить имя и титулъ милостивѣйшаго нашего Князя и Государя, а равно и имена самихъ Пословъ, объясняя, что онъ пошлетъ впередъ гонца въ Шамаху и Мидію, къ тамошнимъ Хану и Губернатору, для того, чтобы, достигши Персидскихъ границъ, мы тѣмъ скорѣе могли быть отправлены далѣе.

26-го Сентября сказанный купецъ (Ciptzi) прислалъ на берегъ 7 осѣдланныхъ и прекрасно убранныхъ верховыхъ лошадей для Посланниковъ и сопровождающихъ ихъ.

Купецъ Наурусъ (Naurus) устроилъ и приготовилъ все великолѣпно и роскошно въ отведенномъ ему Воеводою домѣ, въ городѣ; на другомъ домѣ, бывшемъ напротивъ, снята была крыша, устроенъ театръ, увѣшанный ниспадающими внизъ Персидскими пестрыми покрывалами и украшенный двумя водруженными знаменами. На этомъ театрѣ стояло 3 барабанщика и нѣсколько человѣкъ дудочниковъ, которые играли вмѣстѣ, когда прибыли Посланники, а также и во все время пира.

Домъ, въ которомъ купецъ принималъ гостей, внутри по всѣмъ стѣнамъ былъ увѣшанъ Персидскими и Турецкими коврами. Купецъ Наурусъ вышелъ на встрѣчу Посланникамъ еще на дворѣ, принялъ ихъ весьма дружески и повелъ ихъ на верхъ, черезъ двѣ великолѣпныя комнаты, обтянутыя на потолкѣ, на полу и по стѣнамъ дорогими коврами, въ покой, увѣшанный золотою парчею. Въ каждой комнатѣ, для большаго удобства для насъ и въ противность даже обычаю Персовъ, которые обыкновенно всѣ сидятъ и ѣдятъ на полу, разставлены были столы и лавки, также покрытые дорогими коврами. Всѣ столы были уставлены

садовыми плодами и конфектами: виноградомъ, яблоками, дынями, персиками, черешней, миндалемъ, изюмомъ двоякаго рода, изъ которыхъ одинъ составлялъ маленькія, бѣлыя и весьма сладкія ягоды безъ зеренъ, лущеными большими Грецкими орѣхами, фисташками и всякаго вида иностранными Индѣйскими плодами, вареными въ сахарѣ и меду; всѣ этѣ угощенія покрыты были шелковыми платками.

Только что мы усѣлись, явились и духовныя особы, а именно: Послы Шаха Персидскаго и Короля Польскаго; поверхъ духовной одежды на нихъ были еще кафтаны изъ золотой парчи, подаренные имъ Персидскимъ Шахомъ и, кромѣ того, у каждаго на груди вписѣло по золотому кресту. Они знали Латинскій, Испанскій, Итальянскій и Французскій языки, на которыхъ и разговаривали съ нашими Посланниками. Какъ только они усѣлись, тотчасъ конфекты открыли и начали подчивать ими, а также и напитками крѣпкими, водкой, медомъ и пивомъ. Послѣ двухъ часоваго такого угощенія, по обыкновенію Персовъ, конфекты были убраны, накрыли столъ для обѣда, и уставили его всевозможными кушаньями на серебряныхъ и мѣдныхъ вылуженныхъ блюдахъ. На всѣхъ блюдахъ, впрочемъ, сперва наложенъ былъ вареный рисъ различныхъ цвѣтовъ, и за тѣмъ на этомъ рисѣ лежали уже вареныя и жареныя куры, утки, говядина, баранина, рыба, и всѣ этѣ кушанья изготовлены были хорошо и были довольно вкусны.

За столомъ Персы не употребляли ножа, учили насъ разнимать (рушить) говядину руками и вообще ѣсть ихнимъ способомъ. Впрочемъ, куры и другія мяса разрѣзываются на удобные для ѣды куски еще поваромъ, при изготовленіи имъ кушанья. Рисъ, который они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, берутъ они большими пальцами, иногда же и всею рукой съ блюда, кладутъ на него кусочки мяса и за тѣмъ все вмѣстѣ несутъ въ ротъ. У каждаго стола стояло по одному sufreizi или раздавателю, который беретъ кушанья маленькой серебряной лопаточкой и съ помощію руки изъ большихъ сосудовъ, въ которыхъ кушанья приносятся, и кладетъ ихъ на маленькія блюда; бываетъ, что на одно такое блюдо, на рисъ, кладется 4, или 5, кушаній; изготовляемое та-

кимъ образомъ блюдо подается одно на двоихъ, а иногда и на трехъ человѣкъ. Въ продолженіе пирушки пили мало, но потомъ пили довольно крѣпкую круговую, наконецъ каждому подана была съ предложеніемъ выпить, особая фарфоровая чаша, полная горячаго черноватаго напитка, который Персы называютъ Kahave и о которомъ въ другомъ мѣстѣ я скажу подробнѣе. Вообще, Персы были къ намъ такъ дружелюбны и услужливы, что ихъ любезность и доброе расположеніе къ Нѣмецкому народу мы видѣли не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

При прощаніи, которое со стороны всѣхъ, какъ монаховъ, такъ и Персовъ, сопровождалось изъявленіями дружбы и глубокаго уваженія, барабаны и дудки весело забили и заиграли какую-то особую пѣсню. Двое изъ важнѣйшихъ Персовъ провожали Посланниковъ до городскихъ воротъ, гдѣ и разстались съ нами съ выраженіемъ глубокой благодарности Посламъ за ихъ радушіе и оказанную ими Персамъ честь и съ предложеніемъ имъ еще большихъ услугъ. Когда Посланники взошли на шлюбку, то сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ орудій, точно также, какъ это было и при высадкѣ ихъ изъ шлюбки. Такимъ образомъ день этотъ проведенъ былъ въ стараніяхъ завязать дружественныя отношенія съ чуждыми народами, и мы пріобрѣли себѣ друзей между этѣми народами.

27 числа Послы съ немногими изъ насъ поѣхали верхами за милю отъ города Астрахани, посмотрѣть на жилища Татаръ. На дорогѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, мы видѣли, какимъ образомъ быки и лошади, привязанные къ колу, бѣгали вокругъ этого кола, и этѣмъ круговымъ бѣганіемъ своимъ выбивали и молотили просо. Укаждой лачужки Татарской видѣли мы либо сокола, либо орла, которыхъ они употребляютъ для охоты. На возвратномъ пути мы встрѣтили одного изъ Князей ихъ, который ѣхалъ верхомъ въ простомъ овчинномъ тулупѣ и со соколомъ. Онъ очень жалѣлъ, что не былъ дома, въ своей ордѣ, и по тому не могъ угостить Пословъ нашихъ.

Того же числа Великокняжескій Посланникъ или малый Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, отправился впередъ въ Персію, Каспійскимъ моремъ.

28 Сентября другой знатный купецъ, Нуреддинъ Магуммедъ давалъ въ честь нашихъ Посланниковъ пиръ, который былъ также великолѣпенъ и обставленъ такими же обрядностями, какъ у Науруса. Театръ для барабанщиковъ и дудочниковъ на дворѣ, противъ стола, устроенъ былъ едва ли еще не богаче Наурусова. На пиръ этотъ приглашены были опять и монахи. Тутъ же находились и нѣсколько Индѣйцевъ изъ Восточной Индіи и двое Русскихъ, отряженныхъ сюда Воеводой и знавшихъ Персидскій языкъ; этѣ послѣдніе были здѣсь для того, чтобы Воевода могъ знать, какой разговоръ будетъ на пирѣ. По этому, когда Посланникъ Бругманъ въ разговорѣ своемъ, направленномъ противъ Турокъ, которые были въ то время непріятелями Персовъ, но съ Русскими находились въ мирѣ, зашелъ уже далеко въ своихъ оскорбительныхъ отзывахъ о Туркахъ, то Персы, видя такой разговоръ неловкимъ и непріятнымъ для себя, просили его оставить оный и говорить о чемъ ни будь повеселѣе. Изъ этого обстоятельства и просьбы прекратить такой разговоръ можно было заключить только о добромъ расположеніи Персовъ къ намъ, которое они оказываютъ обыкновенно всякому, присланному Высокими Государями къ ихъ Шаху. Это было съ ихъ стороны только малымъ свѣдѣтельствомъ или знакомъ того благорасположенія, которое позднѣе мы нашли въ ихъ странѣ. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію Воеводы, монахи должны были удалиться съ пиршества.

29 числа къ намъ прибылъ тотъ Нагайскій Мирза, котораго мы встрѣтили третьяго дня, осмотрѣть нашъ корабль. Онъ принесъ намъ нѣсколько дикихъ гусей, которыхъ онъ наловилъ соколомъ, и приглашалъ Посланниковъ на помянутую выше соколиную охоту, которой, однако же, Воевода не дозволилъ.

30 Сентября Воевода прислалъ, въ подарокъ Посланникамъ, нѣсколько Русскихъ лакомствъ (конфектъ), а именно: большіе и толстые пряники, сухое варенье изъ выжатой смородины и другихъ ягодъ, похожее видомъ на большой Чешскій сыръ, частію же свернутое въ куски или свертки на подобіе нашего фунта, или свернутой подошвенной кожи. Такіе свертки присылали намъ еще въ Москвѣ Великій Князь и другіе Бояре; на вкусъ они

кисловатые, довольно пріятные, и Русскіе употребляютъ это варенье большею частію въ другихъ кушаньяхъ.

1-го Октября я былъ посланъ, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашихъ, въ Канцелярію, къ Воеводѣ, для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ; но хотя я принятъ былъ въ Канцеляріи дружески и даже приглашенъ былъ сѣсть въ присутствіи Князя Мусала, который находился тоже тамъ, тѣмъ не менѣе мнѣ не дали ни какого рѣшенія по нашему дѣлу, прежде чѣмъ я не выслушалъ жалобы бывшаго Пристава нашего, Родіона (Rodivan), на Посланника Бругмана и послѣдовавшаго по этой жалобѣ замѣчанія. Жалоба заключалась въ томъ, что Посланникъ Бругманъ, будучи на Волгѣ еще, весьма дурно обращался съ нимъ, Приставомъ, часто обзывалъ его блядинымъ сыномъ (Bledin sin), собакой (Sabak), или сукинымъ сыномъ, и подобною бранью; а этого не слѣдовало; ибо Приставъ былъ Царскій чиновникъ и данъ былъ намъ для почета. Въ случаѣ, если бъ онъ въ чемъ провинился, то Посланникъ не долженъ былъ самъ, и при томъ такимъ образомъ, распоряжаться и ругаться, но обязанъ былъ принести на Пристава жалобу Начальству, вездѣ поставленному Его Царскимъ Величествомъ, и въ особенности Начальству въ Астрахани, которое съумѣло бы найти и учинить достойное за преступленіе и удовлетворительное для Пословъ наказаніе. Воевода полагалъ при этомъ, что если бъ такъ поступилъ кто съ чиновникомъ Его Княжеской Милости, Герцога Голштинскаго, въ его земляхъ, то, вѣроятно, это ему также мало было бы пріятно, какъ это будетъ непріятно и Его Царскому Величеству, когда только онъ узнаетъ объ этомъ. Онъ заключилъ, что все это долженъ былъ высказать намъ по долгу службы своей; послѣ того, по нашему дѣлу онъ далъ уже намъ желанное рѣшеніе.

ГЛАВА XII.

О путешествіи изъ Астрахани до города Терки.

Въ тотъ же день приказано было перенести пиво и хлѣбъ, которыя наварили и напекли тамъ наши люди, а равно

и другіе припасы. Купили у Татаръ 20 очень крупныхъ и жирныхъ быковъ, отъ 8 до 14 талеровъ за каждый. Также нѣсколько бочекъ соленой рыбы и между прочимъ 200 судаковъ, величиною всѣ почти въ локоть, за 3 гривны и 15 грошей, и такимъ образомъ приготовились къ отправленію по Каспійскому, морю.

Но такъ какъ море это было намъ не извѣстно, и мы слышали, что при входѣ въ него очень мелкое дно, простирающееся на нѣсколько миль, то, кромѣ Русскаго лоцмана, мы взяли къ себѣ еще нѣсколько Нагайскихъ Татаръ съ баркою (шютою), для облегченія нашего корабля на мелководьи и для удобнѣйшей переправы черезъ нее, и 10-го Октября снялись мы у Астрахани, а въ полдень, въ 12 часовъ, отправились въ путь, при чудесной тихой погодѣ. Направленіе отъ Астрахани до моря большею частію было на югъ и юго-западъ. Но едва проплыли мы милю, какъ поднялся такой сильный, противный намъ, вѣтеръ, что мы должны были подойти къ правому берегу и стать на якорь подъ берегомъ. По той же причинѣ мы простояли и слѣдующій день.

Въ это время прибылъ къ намъ рослый, почтенный на видъ, одинъ Нагайскій Мирза, бывшій начальникомъ нѣсколькихъ ордъ, находящихся въ томъ мѣстѣ, посѣтить насъ, и въ подарокъ принесъ намъ овцу и боченокъ молока.

Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ при Волгѣ за Астраханью мы находили травы необыкновенной величины, каковы: Esula или волчье молоко, въ ростъ человѣка и выше; Angelica, коровникъ, купырь, у которой стебель толщиною съ руку, но не въ толщину человѣка, какъ выдавалъ это въ Голштиніи одинъ господинъ, встрѣтившійся намъ въ Астрахани и уѣхавшій отъ насъ впередъ. Господинъ этотъ такъ далеко зашелъ въ этомъ, что разсказывалъ, будто самъ видѣлъ тамъ Ангелику толщиною въ человѣка.

12-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, потащили мы корабль впередъ якорями, но ни какимъ способомъ въ цѣлый день не могли сдѣлать болѣе мили. Такое же плаваніе было и 13-го числа, и мы стали на якорь у круглой сухой горы, лежа-

щей на лѣвой сторонѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Астрахани. Гора эта Русскими называется Темная гора (Tomani gor), мы же назвали ее, по множеству змѣй на ней, Змѣиной горой. Мы нашли сдѣсь много каперсовъ (Caperstauden, Capparis) и различные виды дикаго чесноку или подснѣжнику (Sempervivi). Съ вершины горы можно обозрѣвать на цѣлую милю вокругъ страну, которая сдѣсь вездѣ представляетъ равнину. Вечеромъ мы встрѣтили стрѣльцовъ, отвезшихъ Русскаго Посланника, Алексѣя, въ Терки, и они сообщили намъ, что дорога туда безопасна, и они день и ночь проплыли свой путь съ попутнымъ вѣтромъ.

14-го числа начался попутный вѣтеръ, именно сѣверо-восточный, который погналъ насъ впередъ довольно быстро. Послѣ обѣда достигли мы часовни Иванчукъ (Ivantzuk), въ 30 верстахъ отъ Астрахани. За этой часовней находится главное мѣсто рыболовства, называемое Учугъ (Utschu) и принадлежащее Троицкому монастырю въ Астрахани. Сдѣсь Волга раздѣляется на множество рукавовъ, и образуетъ нѣсколько острововъ, которые всѣ, равно какъ и правый берегъ Каспійскаго моря, до рѣки Койсу (Koisu), покрыты высокимъ тростникомъ или камышемъ и низкимъ кустарникомъ. Между островами этѣми есть одинъ, называемый Перулъ (Perul) и лежащій въ 15-ти верстахъ за Учугомъ. На немъ стоялъ высокій деревянный домъ, надъ которымъ, на длинномъ шестѣ, насажена была баранья голова. Намъ разсказывали, что тамъ погребенъ одинъ Татарскій святой, на могилѣ котораго Татары и многіе Персы, отправляющіеся въ море, или счастливо уже переплывшіе его, убиваютъ овцу, часть ея приносятъ въ жертву, а другую ѣдятъ на жертвенной пирушкѣ и съ особенными обрядами при томъ отправляютъ свои молитвы. Голова овцы остается воткнутою на шестѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принесена кѣмъ нибудь новая жертва, или пока не свалится съ шеста сама собою. По этому мѣсто это Русскіе называютъ Татарской молельней (Tatarski molobitza), т. е., Татарскихъ жертвенникомъ.

За этѣмъ островомъ, по лѣвой сторонѣ, простирается на твердой землѣ, въ глубь страны, длинный голый холмъ, на которомъ мы видѣли множество Татарскихъ жилищъ.

Къ вечеру мы пріѣхали къ другому мѣсту рыбной ловли, считающемуся въ 15 верстахъ отъ моря, гдѣ Волга заперта частоколомъ или тыномъ отъ вторженія рыщущихъ по морю Казаковъ и охраняется постоянно сотнею стрѣльцовъ. За этѣмъ мѣстомъ мы имѣли свой ночлегъ, въ проливѣ, между двумя островами. Въ этой мѣстности мы видѣли бездну тюленей, колпицъ, у которыхъ носъ похожъ на плоскую ложку, также множество зобовыхъ гусей, которыхъ Русскіе называютъ бабами (Baba), Персы кутанами (Kuthan), Мавры въ Гвинеѣ бумбу (Bumbu), Плиній, Альбертъ и Альдровандъ Onocrotalus (по тому что птица эта иногда, запустивъ носъ въ воду, издаетъ крикъ, подобный крику осла), а также пеликаномъ. Но это не тотъ Пеликанъ, какого изображаютъ живописцы и на какого указываютъ нѣкоторые древніе, а также и изъ теперешнихъ нѣкоторые духовные писатели, ради уподобленія пролитію крови Христа; такихъ сдѣсь нѣтъ; да Альдровандъ полагаетъ, что такого пеликана и на свѣтѣ нѣтъ.

Три года тому назадъ подобнаго зобоваго гуся въ Голландіи показывали за деньги и выдавали за настоящаго пеликана. Птица эта во многомъ похожа на обыкновеннаго гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и перомъ, но величиною она превосходитъ лебедя, имѣетъ длинный, въ $^3/_4$ локтя и широкій въ 2 пальца, красивый клювъ, съ загнутымъ крючкомъ на переди. На нижней половинѣ клюва и у горла виситъ большой, изъ тонкой, вмѣстѣ съежившейся, кожи мѣшокъ, который такъ широко растягивается, что въ него можно упрятать обутую въ сапогъ ногу, или влить 5 штофовъ воды. Въ мѣшокъ этотъ птица собираетъ себѣ рыбу; горло у птицы широкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ птицу эту приручаютъ и употребляютъ для ловли рыбы; но въ такомъ случаѣ вокругъ шеи птицы завязываютъ особый узелъ, чтобы пойманную рыбу она не въ состояніи была проглотить, но такъ бы принесла ее въ мѣшкѣ хозяину. Персы мѣшокъ этотъ употребляютъ на бубны и въ Гилянѣ имъ же обтягиваютъ и особый родъ гудковъ; растянутый мѣшокъ этотъ также прозраченъ, какъ бычачій пузырь. Удивительно, что пишетъ Францискъ Санкціи (Franciscus Sanctius), какъ говоритъ Альдровандъ, будьто одна такая птица, когда онъ охотился за нею, по тяжести своей не могла подняться, была поймана и

въ ней найдено было дѣтя изъ Мавровъ, которое она яко бы проглотила. Птица эта водится на Африканскомъ морскомъ берегу, особенно часто попадается въ Гвинеѣ, и тамъ туземцы ѣдятъ ее. Посланникъ Бругманъ убилъ изъ ружья одну такую птицу на берегу Каспійскаго моря, и концы распростертыхъ крыльевъ ея имѣли до 5 локтей одинъ отъ другого, а сама она отъ шеи до подошвы ногъ была величиною съ человѣка. Голову этой птицы я сохранилъ и передалъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Кто пожелаетъ больше узнать объ этой птицѣ, пусть прочтетъ недавно вышедшую въ Римѣ «Исторію plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum, Francisci Hernandez,» Индійскаго Врача, страница 672 и слѣдующія, гдѣ сказано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Мексикѣ, у птицы этой клювъ снабженъ многими зубами, а также, что, какъ она находится во многихъ мѣстахъ земли, то по тому можетъ быть названа Мировой (Cosmopolitanus). Въ этой же книгѣ встрѣтите довольно пространное разсужденіе о томъ, дѣйствительно ли, какъ думаетъ Альдрованлъ, Аристотель, въ 9-й книгѣ своей «Hist. anim.», описывая пеликана, разумѣлъ и имѣлъ въ виду именно этого зобоваго гуся? При этомъ оспаривается мнѣніе Альдрованда.

Кромѣ описанной, мы видѣли еще другой, не извѣстный намъ, родъ птицы, похожей на утку, но нѣсколько больше ея, съ длинной шеей, съ круглымъ, жесткимъ клювомъ, также съ крючкомъ на концѣ; перомъ она вся черная, какъ воронъ; перья, выдернутыя нами изъ крыльевъ, были весьма жестки, больше чѣмъ такія же перья у ворона, и чрезвычайно удобны для черченія и рисованія. Русскіе называли эту птицу бакланомъ (Baklan). Она появляется большею частью по ночамъ и на водѣ. Кажется, что это та самая птица, которую Альдрованлъ, въ своей «Ornothologia,» lib. 91, pag. 58, называетъ Avem Diomedeam; ибо ей приписывается много свойствъ, находящихся въ этой птицѣ, кромѣ только того, что она, какъ уголь черная, тогда какъ по Альдрованду она сѣрая, или цвѣта пепельнаго.

15-го Октября прибыли мы къ устью или входу въ Каспійское море, въ 12 миляхъ отъ Астрахани, и здѣсь тамъ и сямъ встрѣчается множество маленькихъ, тростникомъ поросшихъ, хол-

мовъ и острововъ, обтекая которыхъ Волга впадаетъ въ море; по этому нѣкоторые полагаютъ, что Волга вливается въ море такимъ множествомъ отдѣльныхъ рѣкъ, или рукавовъ. Цѣлыя шесть миль идетъ здѣсь чистая тина, на которой вода была вездѣ не выше 4-хъ, 5-ти и самое большее $5\frac{1}{2}$ футовъ, въ слѣдствіе чего мы часто садились на мель и вязли въ тинѣ такъ, что въ 7 дней, весьма утомительными туда и сюда поворотами корабля, гонимаго вѣтромъ къ морю, едва успѣли проплыть немного болѣе 4-хъ миль.

Самые тяжелые дни для насъ были 18-е и 19-е Октября. 18-го мы наѣхали на мель, на которой было только 5 футовъ воды. Провозившись цѣлыхъ 5 часовъ въ неустанной работѣ и сдвинувшись съ мѣста, мы добились только того, что выбрались было на глубину 6 футовъ; но тутъ же сейчасъ оказалось, что это была только небольшая яма, за которой вездѣ далѣе было едва 4 и самое большее $4\frac{1}{2}$ фута глубины; по этому мы должны были снова съ такимъ же трудомъ тащить корабль назадъ, на прежнее мѣсто. Когда ночью сталъ дуть сѣверо-западный вѣтеръ, то вода видимо упала, и мы очутились на глубинѣ только 3-хъ футовъ и засѣвъ глубоко въ илъ. И хотя мы, при помощи Татарскаго судна (шюты) и нашей шлюбки, облегчили корабль отъ тяжелой клади и якорей, а за тѣмъ хотя и весь экипажъ не съ человѣческой, но съ лошадиной, тяжкой работой трудился, не пивши и не ѣвши цѣлый день, усиливаясь сдвинуть корабль съ мѣста, однако онъ рѣшительно не трогался, и мы терпѣливо должны были поджидать счастія и благопріятнаго вѣтра, который бы подулъ съ моря и поднялъ воду, что все навело на нѣкоторыхъ изъ насъ не мало тревоги и страха со стороны Казаковъ, которые здѣсь могли считать насъ плѣнниками своими. Въ добавокъ къ тому спустился такой густой туманъ, что мы едва могли видѣть что либо на разстояніи длины корабля. Въ такую-то пасмурную погоду со стороны моря выплыла на встрѣчу намъ какая-то Русская барка, и какъ мы не знали, что за народъ былъ на ней, то, по приказанію Бругмана, выстрѣлили по нимъ изъ пушки. Это взбѣсило Русскихъ и они бранью встрѣтили насъ, говоря, что вода эта принадлежитъ Его Царскому Величеству, и что они могутъ плавать по ней также вольно, какъ

и мы; а что если уже намъ припала такая охота стрѣлять, то стрѣляли бы ужь по Казакамъ, которые поджидаютъ насъ въ морѣ. Послѣ этого намъ попались еще 2 Русскія барки, которыя, когда мы ихъ дружески окликнули, переслали Посламъ нашимъ въ подарокъ нѣсколько прекрасныхъ Черкаскихъ плодовъ, а именно: весьма крупныхъ ягодъ, Грецкихъ орѣховъ и прги или кизильнику (Mispeln).

21-го Октября, къ вечеру, при тихой погодѣ, вода начала прибывать, такъ что мы опять имѣли глубину воды въ 5 футовъ, и казалось, что скоро можно будетъ хоть нѣсколько продвинуться въ море. Но 22-го числа съ моря поднялась буря, именно съ юго-юго-востока, нагнавшая воду на 9 четвертей выше, и такъ какъ буря эта продолжалась цѣлые 5 дней, то все это время мы и должны были простоять на якорѣ, въ одномъ мѣстѣ.

23-го числа, при ясномъ небѣ, во время солнечнаго восхожденія, я нашелъ, что солнце взошло по компасу на 22 градуса на югъ болѣе, чѣмъ какъ обыкновенно предполагали это. По этому слѣдуетъ заключить, что уклоненіе магнитной стрѣлки въ этомъ мѣстѣ составляетъ 22 градуса отъ сѣвера на западъ.

27-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько унялся, перетащили мы опять нашу кладь на корабль, расчитали Татарскую барку и поплыли на парусахъ; но едва успѣли сдѣлать не болѣе одной мили, какъ опять завязли въ тинѣ, по чему тотчасъ же послали нашу шлюбку назадъ нанять опять Татаръ. Рано утромъ 28 числа мы высвободили снова корабль и, увидѣвши 13 парусныхъ судовъ, плывшихъ съ Волги по направленію къ намъ, мы догадались, что то былъ Татарскій и Персидскій караванъ, по чему отпустили опять Татаръ и стали поджидать приближавшіяся къ намъ суда. Оказалось, что это были Князь Мусалъ, два Персидскіе купца и 500 стрѣльцовъ съ однимъ начальникомъ, на нѣсколькихъ судахъ, которыхъ Царь посылалъ крѣпостной стражей въ городъ Терки. Такъ какъ мы видѣли, что Русскій лоцманъ нашъ не зналъ дороги и не смыслилъ вообще въ мореплаваніи, сами же мы, по обыкновеннымъ картамъ суши и морей, оказавшимся совершенно невѣрными (какъ явствуетъ это изъ тщательно составленной нами и ниже прилага-

емой карты), [1] управлять своимъ плаваніемъ не могли, то мы и рѣшили попытаться, между нагнавшими насъ Русскими, поискать надежнаго себѣ проводника. По этому вечеромъ, когда сказанныя суда нагнали уже насъ и остановились, мы послали къ начальнику стрѣльцовъ съ поклономъ и съ просьбою, чтобы онъ пожаловалъ къ намъ на корабль. Принятый здѣсь нами отлично и угощенный разными дорогими напитками, начальникъ этотъ сталъ многорѣчиво и съ живыми тѣлодвиженіями высказывать намъ свое доброе къ намъ расположеніе и любовь, и между прочимъ говорилъ, что у него изныло сердце и онъ не могъ спокойно спать, пока не увидалъ насъ теперь совершенно здоровыми, о каковомъ благополучномъ состояніи Гг. Пословъ онъ немедленно и пошлетъ къ Астраханскому Воеводѣ донесеніе. При этомъ онъ выражалъ радость, что ему представился теперь случай служить намъ; говорилъ, что весь народъ его готовъ будетъ къ услугамъ нашимъ, и обѣщалъ сей же часъ прислать намъ съ своего судна лучшаго лоцмана и проч. и проч. Любезности, каковымъ обѣщаніямъ его и готовности мы были очень рады, ибо видѣли, что дѣло, казалось, устроится. Но только что воротился онъ на свой корабль, какъ приказалъ натянуть паруса и уплылъ отъ насъ, можетъ быть, по тому, что при пріемѣ его онъ не получилъ отъ насъ порядочнаго посула (Poschul), или поларка, на которые вообще Русскіе очень падки.

Этотъ солдатъ былъ до такой степени безстыденъ, что позднѣе, у г. Терки, какъ ни въ чемъ ни бывало, опять явился къ намъ на корабль, вмѣстѣ съ другими почетными особами, посѣтить Пословъ, и когда отъ послѣдніе упрекнули его за такой поступокъ съ ними, онъ отвѣчалъ только: «Я виноватъ» (Ja winowat); и тѣмъ покончилъ.

Когда описаннымъ образомъ мы были обмануты, то послали на иностранный Персидскій корабль, съ просьбою дать намъ совѣтъ и помощь. Персіянинъ, бывшій начальникомъ своего корабля, и въ то же время хозяиномъ всего находящагося на немъ имущества, предложилъ намъ свою готовность быть нашимъ лоцманомъ, поручилъ своимъ слугамъ свой корабль и добро, а

[1] Къ Нѣмецкому подлиннику. О. Б.

самъ перешелъ къ намъ на корабль, — услуга, какой не легко найти и въ любомъ Христіанинѣ. Этотъ Персіянинъ зналъ хорошо море, разумѣлъ употребленіе компаса, хотя большинство Персовъ по компасу не плаваютъ, но ходятъ или у берега, отъ котораго далѣе 3, или 4, миль не удаляются, или же управляются и сообразуютъ свое плаваніе по сѣверной звѣздѣ. Когда онъ пришелъ къ намъ на корабль, въ 11 часовъ ночи, и увидалъ, что погода была благопріятная и ночь мѣсячная, то сейчасъ же велѣлъ поднять якорь, направилъ ходъ корабля къ югу, и мы довольно бойко пустились далѣе при тихомъ восточномъ вѣтрѣ. Годъ тому назадъ, въ этотъ же самый день, мы также пустились на парусахъ изъ Травемюнда, по Балтійскому морю, и также благополучно. Въ эту ночь мы имѣли воду не глубже 10 футовъ, но позднѣе пошло глубже, до 3-хъ саженъ и даже больше. Съ правой стороны у насъ былъ материкъ, называвшійся Сухатеръ (Suchater), съ 4-мя холмами; отъ этого материка выдавался глубоко въ море уголъ или мысъ, конецъ котораго считается во 100 верстахъ отъ Астрахани и въ 200 отъ города Терки, но версты этѣ невѣрны и невелики.

29-го числа, въ прекрасную солнечную погоду, до обѣда мы плыли съ юго-восточнымъ вѣтромъ, направляясь къ югу, а послѣ обѣда къ юго-западу, и постоянно имѣли глубину въ $3^1/_2$ сажени и дно изъ раковинъ, перемѣшанныхъ съ крупнымъ пескомъ; въ этотъ день мы уже не видали земли, по причинѣ залива, слѣдовавшаго за сказаннымъ выше мысомъ, и вечеромъ, въ 8 часовъ, стали на якорь, на упомянутой же сейчасъ глубинѣ. Здѣсь магнитная стрѣлка показывала уклоненіе на 20 градусовъ отъ сѣвера къ западу.

30-го Октября, съ появленіемъ утренней зари, мы опять пустились на парусахъ. Съ восходомъ солнца мы увидали материкъ Черкасію (Cyrcassia,) который изгибомъ, на подобіе полумѣсяца, отъ югозапада къ сѣверо-востоку, далеко выдается въ море, въ которомъ и образуетъ большую котловину или заливъ. Мы хотѣли направить путь нашъ къ мысу, но какъ дулъ юго-восточный вѣтеръ, который началъ гнать насъ въ котловину, то мы и стали въ полдень на якорь, на глубинѣ $3^1/_2$ саженъ и на глинистомъ днѣ.

Мысъ этотъ считается въ 6 миляхъ отъ Терки (Terki). Въ заливѣ или котловинѣ увидали мы 20 судовъ, и сначала подумали, что то были Казаки, по чему и выстрѣлили изъ одной пушки, чтобы дать имъ свое слово оклика (лозунгъ), но оказалось, что это были рыбаки изъ Черкаскихъ Татаръ, изъ города Терки. Они принесли къ намъ на корабль нѣсколько штукъ бѣлуги, по 15 коп. за штуку. Желудки этѣхъ рыбъ полны были раковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были даже еще живые.

Этотъ день начали мы торжественно, благодарственнымъ молебномъ, такъ какъ годъ тому назадъ, въ самый этотъ день, многомилостивый Богъ спасъ насъ отъ погибели у Эландскихъ скалъ. Въ это же время нашъ Персидскій лоцманъ отправился на лодкѣ къ своему кораблю, стоявшему около полумили, позади насъ, чтобы дать своему народу дальнѣйшія приказанія; мы подумали было, что онъ также сдержитъ свое слово, какъ и начальникъ Русскихъ стрѣльцовъ, но на слѣдующее утро, еще рано, онъ явился опять къ намъ на корабль, а своему судну приказалъ итти впереди насъ.

Послѣдняго Октября, рано утромъ, при густомъ туманѣ, была совершенно тихая погода. Къ полудню небо прояснилось, подулъ слабый сѣверный вѣтеръ, и мы, рѣяся парусами и при помощи веселъ, выдвинулись изъ котловины и стали прямо противъ мыса или выдавшагося круто материка. Въ полночь пустились мы снова на парусахъ, и съ попутнымъ вѣтромъ, рано утромъ 1-го Ноября, прибыли къ городу Терки, гдѣ и стали на якорь, въ разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ берега, у котораго было большое мелководье.

Въ эту ночь нѣсколько сотенъ Казаковъ на судахъ хотѣли было сдѣлать на насъ нападеніе, но, не попавъ на насъ, натолкнулись на Князя Мусала и стрѣльцовъ; когда же они, по множеству окликовъ и криковъ стрѣльцовъ, увидали, что найдутъ достаточное сопротивленіе себѣ, то отплыли назадъ, извиняясь, что искали Нѣмцевъ. Когда слухъ объ этомъ, черезъ нѣсколькихъ, впередъ уплывшихъ, Казаковъ, утромъ достигъ до города, то произвелъ тамъ большое смятеніе. Горожане думали, что Мусалъ,

Князь ихъ, находится еще въ схваткѣ съ Казаками, и предположеніе это еще болѣе усилилось въ нихъ отъ непривычныхъ для нихъ нашихъ залповъ изъ пушекъ, въ слѣдствіе которыхъ и мы сдѣлались для нихъ подозрительными; по этому, множество Русскихъ и Татаръ, вооруженныхъ—конныхъ, пѣшихъ и на лодкахъ, высыпало на берегъ. Когда же они увидѣли, что Князь Мусалъ съ стрѣльцами приплылъ въ слѣдъ за нами и, проходя мимо нашего корабля, снялъ шапку, дружески раскланялся съ нами, прося навѣстить его, въ домѣ его матери, и что, слѣдовательно, мы были пріятели съ нимъ, то между горожанами тотчасъ же настало великое ликованіе.

ГЛАВА XIII.

О городѣ Терки и о томъ, что тамъ было съ нами.

Городъ Терки (Terki) [1] лежитъ въ доброй полумили отъ морскаго берега, на небольшой, весьма извилистой, рѣчкѣ Тюменкѣ (Timenki), вытекающей изъ большой рѣки Быстрой (Büstro), о которой будетъ сказано еще ниже, и протекающей сдѣсь, до впаденія своего въ море. Такъ какъ берегъ сдѣсь вездѣ, на цѣлую четверть мили, низменъ, болотистъ и поросъ тростникомъ, то изъ моря въ городъ только и можно достигнуть черезъ эту рѣчку. Кругомъ вездѣ, куда только можетъ хватить глазъ, ровное поле и не видно ни единаго холмика, совершенно въ противность тому, какъ значится это на картѣ Nic. Johan. Piscatoris (самой вѣрной, между прочимъ, относительно этѣхъ странъ), на которой Терки показанъ лежащимъ на горѣ; или же, на этой картѣ, можетъ быть, смѣшанъ городъ Тарку (Tarku), находящійся въ Дагестанѣ, съ Терки, находящимся въ Черкасіи. Высота полюса сдѣсь равняется 40° 23′. Отъ Астрахани до Терки водою считается 60, а сухимъ путемъ

---

[1] Или въ старину Кавказскій Тюмень, по рѣкѣ Тюменкѣ, одной изъ протоковъ, на кои рѣка Терекъ раздѣляется, впадающей въ Каспійское море. О. Б.

70 миль. Онъ есть послѣдній городъ, находящійся въ этой странѣ подъ властью Московскаго Царя; въ длину простирается онъ на 2000 и въ ширину на 800 футовъ, окруженъ деревянными стѣнами и башнями и снабженъ множествомъ большихъ и малыхъ пушекъ. На площади, передъ Воеводскимъ дворомъ, между другими длинными пушками, мы видѣли и двѣ половинныя картауны (крѣпостныя пушки).

Въ настоящее время Великій Князь поручилъ Инженеру, Корнелію Клаузену (Cornelius Clausen), ѣздившему съ нами въ Персію въ качествѣ корабельщика (Schiffer), укрѣпить городъ Терки насыпными валами и больверками, по теперешнему способу. Постоянной охраны въ немъ 2000 человѣкъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ и управленіемъ Воеводы и Полковника; такъ: въ городѣ три Приказа или Канцеляріи, и къ каждому Приказу приставлено по 500 стрѣльцовъ; да Князь Мусалъ въ своемъ придворномъ штатѣ имѣетъ 500 человѣкъ, которые, въ случаѣ, надобности, должны присоединяться къ прочимъ стрѣльцамъ и дѣйствовать съ ними за одно. Этѣ Черкаскіе Татары живутъ по сей сторонѣ рѣчки Тюменки, въ отдѣльномъ городѣ. Объ ихъ жизни, обычаяхъ и странныхъ вѣроисповѣдныхъ обрядахъ, я скажу ниже, при описаніи возвратнаго пути, когда мы должны были простоять у нихъ нѣсколько недѣль, и хорошо ознакомились съ ихъ образомъ жизни.

На другой день прибытія нашего къ городу купецъ Персидскаго Шаха (Cupzi), равно какъ и другіе купцы опять прислали Посламъ нашимъ разнаго рода плоды и приказали спросить у нихъ: какъ намѣрены мы совершать дальнѣйшее путешествіе свое, водою, или сухимъ путемъ? Что продолжать дорогу сухимъ путемъ теперь представляется весьма удобный случай; ибо въ теченіи предстоящихъ 3 дней въ гордъ Терки ожидается Русскій Посолъ, возвращающійся изъ Персіи, при которомъ до границы идутъ 200 верблюдовъ и столько же муловъ, на которыхъ, если пожелаемъ, мы можемъ совершать нашъ путь и безопаснѣе пройти мимо Дагестанскихъ Татаръ, которые съ Шамхаломъ (Schemkal) своимъ или главнымъ начальникомъ, были самые отъявленные разбойники; что наконецъ они сами въ такомъ случаѣ отправятся

съ нами. Получивъ это извѣстіе, Посланники наши тотчасъ же послали къ Воеводѣ съ просьбою дозволить имъ дальнѣйшій проѣздъ сухопутьемъ, а Персидскаго толмача нашего, Рустама (Rustama), на Дагестанскую границу, отстоящую въ 6-ти миляхъ за Терки, справиться и устроиться на счетъ ожидаемыхъ тамъ верблюдовъ и муловъ. Но прибывшіе туда Персы ушли уже обратно съ сказанными животными своими. Воевода же сначала на отрѣзъ было отказалъ нашей просьбѣ, но вскорѣ за тѣмъ, можетъ быть, услыхавъ, что средствъ продолжать нашъ путь съ Персами сухимъ путемъ уже на лицо не имѣется, прислалъ сказать намъ черезъ одного Полковника, что онъ не только соблаговоляетъ на нашъ дальнѣйшій проѣздъ сухимъ путемъ, хотя и не имѣетъ на то никакого Царскаго приказа, но постарается даже, на сколько можетъ, ускорить и содѣйствовать нашему такому отправленію, а также и въ другомъ чемъ готовъ оказать намъ свое дружеское расположеніе. Но эта готовность его не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія по этому дѣлу.

Въ эту ночь произошла большая ссора и смятеніе на кораблѣ со стороны рабочихъ людей (экипажа), возмутившихся противъ корабельщика (шкипера), Михайла Кордеса, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ приказано было заковать въ желѣзо. Объ этомъ происшествіи на слѣдующій же день происходилъ открытый судъ. Жалобы помянутаго шкипера или корабельщика и обвиняемыхъ были выслушаны, строго разсмотрѣны и обсуждены, и парусный мастеръ, Тисъ Мансонъ (Tiss Manson), присужденъ былъ, какъ зачинщикъ, къ темничному заключенію, которое онъ и долженъ былъ выдержить въ г. Теркахъ до обратнаго туда нашего возвращенія. По просьбѣ Пословъ Воевода прислалъ одного Полковника (у котораго подъ кафтаномъ были латы и на рукахъ желѣзныя рукавицы), съ однимъ Княземъ, одѣтымъ въ красный бархатный кафтанъ, и люди этѣ взяли обвиненнаго подъ стражу.

4-го Ноября мать Князя Мусала прислала на корабль нашъ благодарить Пословъ за оказанное ими лицу ея дружество во время пути, и просить, чтобы до отъѣзда своего они пожаловали къ ней и чтобы она могла благословить ихъ на дальнѣйшее путешествіе.

Послѣ обѣда прибылъ изъ города на поклонъ къ Посламъ одинъ знатный Персіянинъ, съ нѣсколькими слугами. Это былъ евнухъ, присланный въ Терки Персидскимъ Царемъ, съ порученіемъ привести оттуда сестру Татарскаго Князя, Мусала, которую Царь тотъ бралъ себѣ въ жены. Персіянинъ этотъ предлагалъ Посламъ всѣ возможныя съ его стороны услуги. Съ своими спутниками онъ такъ ревностно отвѣдывалъ наши напитки, что гости этѣ не знали, какъ сойти съ корабля; а одинъ изъ прислужниковъ до того натянулся, что его, какъ мертвую скотину, совершенно безчувственнаго, спустили съ корабля на веревкѣ въ судно ихъ.

5-го числа я былъ посланъ съ Мандельсло и другими важнѣйшими чинами съ подарками Воеводѣ, съ большимъ бокаломъ, а главному Канцлеру и Подканцлеру съ рубиновыми перстнями для каждаго; въ то же время мы имѣли порученіе поклониться отъОсловъ Князю Мусалу и его матери, съ пожеланіями послѣдней всякаго счастія, ради благополучнаго возвращенія ея сына. Во всѣхъ этѣхъ мѣстахъ насъ принимали очень хорошо и обильно угощали плодами, водкою, пивомъ, медомъ и виномъ. Воеводу мы видѣли окруженнаго тѣмъ же великолѣпіемъ и пышностію, какъ и Воеводу въ Нижнемъ. Между прочими разговорами онъ упомянулъ о природѣ и свойствѣ Персіянъ являться весьма любезными и льстивыми на словахъ, чему едва ли на половину можно вѣрить; ибо дѣйствія ихъ едва ли въ половину согласны бываютъ съ ихъ словами.

Князь Мусалъ принялъ насъ дружески передъ дворомъ своимъ и повелъ насъ къ матери своей въ просторный, выведенный изъ глины, покой (залъ), въ которомъ, по 4-мъ стѣнамъ, были особыя со сводами отдѣленія или какъ бы комнатки, а въ нихъ прекрасно изготовленныя, покрытыя шелковыми и выбойковыми одѣялами, постели; гдѣ же не было постелей, разостланы были всякаго рода пестрые, шелкомъ и золотомъ вышитые, платки. По сторонамъ стояли ящики или сундуки, покрытые тою же матеріей, или завѣшенные коврами. Въ верхней части стѣнъ, подъ потолкомъ, въ два ряда висѣли пестроразрисованныя, деревянныя и глиняныя, блюда. Столбы посреди

дома увѣшаны были множествомъ прекрасныхъ сабель, луковъ и стрѣлъ. Старая Княгиня была высокая, почтенная съ виду, госпожа, отъ 45 до 50 лѣтъ, по имени Бике (Bikae), и сидѣла она на стулѣ, въ длинномъ черномъ, подбитомъ соболями, кафтанѣ или спольной шубѣ; на головѣ у нея, на затылкѣ, лежалъ надутый бычачій пузырь, который, вмѣстѣ съ головою, обмотанъ былъ шелкомъ и золотомъ, а вокругъ шеи пестрый шелковый платокъ, концы котораго, распущенные, спускались по плечамъ внизъ. Позади стула ея стояла прислужница, съ подобнымъ же пузыремъ на головѣ. Пузырь этотъ былъ знакомъ вдовства. По правую руку Княгини стояли 3 ея сына, изъ которыхъ младшіе двое одѣты были въ простыя крестьянскія одежды, а посверхъ ихъ бурки; за сыновьями стояло нѣсколько слугъ, которые, по причинѣ смерти убитаго самаго старшаго сына Княгини, разцарапали себѣ лица (лбы). По лѣвую сторону отъ нея, длиннымъ рядомъ, стояли старые Татарскіе мужи, составлявшіе придворныхъ Офицеровъ и совѣтниковъ. Отвѣтивъ ласково на наше привѣтствіе, Княгиня Бике приказала принести и поставить подлѣ себя нѣсколько стульевъ, на которые пригласила насъ сѣсть; за тѣмъ велѣла принесть намъ маленькій столикъ, на которомъ и разставлены были всякаго рода плоды, медъ и водка. Какъ ни упрашивали мы сыновей также сѣсть, они не сѣли, говоря, что у нихъ не въ обычаѣ на сходбищахъ, или въ присутствіи иностранныхъ гостей, сидѣть при матери, но для соблюденія почета къ ней они должны стоять и прислуживать.

Когда мы посидѣли немного и Княгиня, вмѣстѣ съ сыновьями своими и совѣтниками, вдоволь налюбовалась и надивилась на наши одежды, ощупывая ихъ сверху донизу, она сама поднесла каждому изъ насъ по серебряной чашѣ крѣпкой водки, выгнанной изъ проса. То же самое за тѣмъ сдѣлалъ и Князь Мусалъ, а за нимъ и братья его. Она просила насъ позволить и слугамъ нашимъ выпить изъ ея рукъ. Между тѣмъ, находившаяся позади Княгини дверь отворилась, и черезъ нея въ сосѣднемъ покоѣ мы увидѣли нѣсколько дѣвицъ, впереди которыхъ стояла дочь Княгини, невѣста Персидскаго Царя, дѣвушка лѣтъ 16-ти, прекрасивая, бѣлая и чистая лицемъ, съ черными, какъ смоль, волосами, распущенными въ кольцы. Онѣ разсматривали и вы-

глядывали на насъ изъ своей комнаты, съ такимъ же любопытствомъ, какъ и Княгиня наши одежды, высовывались одна изъ за другой и хотя, по знаку Княгини, притворяли по временамъ дверь, но вскорѣ опять отворяли ее. Наконецъ они заманили и затащили къ себѣ за дверь одного изъ слугъ нашихъ, осматривали его платье и шпагу, которую онъ долженъ былъ даже обнажить для нихъ, дивились ея полировкѣ; когда же мы сами хотѣли было посмотрѣть ихъ, то онѣ спрятались отъ насъ, а потомъ опять показались намъ, подобно Галатеѣ.

Наконецъ, когда, по своему обыкновенію, вошелъ въ покой къ дѣвицамъ Персидскій евнухъ, то дверь въ этотъ покой тотчасъ же затворилась, и мы не видали уже болѣе ни одной дѣвицы. Вскорѣ за тѣмъ мы распростились съ хозяевами и пошли осматривать Татарскій городъ, гдѣ мы повстрѣчали нѣсколько молодыхъ красивыхъ Татарскихъ женъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя рубахи, которыя безбоязненно останавливали насъ и не прежде отпускали отъ себя, какъ наглядѣвшись и надивившись вдоволь на наши одежды.

6-го числа купецъ Шаха (Cuptzi) прислалъ Посламъ нашимъ для почтенія письмо, полученное отъ Дербентскаго Правителя, въ отвѣтъ на посланное имъ еще изъ Астрахани, отъ 25-го Сентября; въ письмѣ этомъ говорилось, что Султанъ сердечно будетъ радъ нашему прибытію, и чтобы купецъ (Cuptzi) иначе и не явился къ нему, какъ съ нами, доставивши насъ водою.

7-го числа возвратился съ Дагестанской границы Персидскій толмачъ нашъ, Рустамъ, съ извѣстіемъ, что прибывшіе и уѣхавшіе уже назадъ Персы, позабрали съ собою не только верблюдовъ и повозки, но и всѣ сучья и кустарникъ, который употребляютъ они въ дурной дорогѣ. По этому было рѣшено ѣхать далѣе водою.

8-го числа мать Мусала прислала нашимъ Посланникамъ свои подарки, а именно: 20 овецъ и 50 куръ съ разными овощами и напитками, а главный Дьякъ Русскій тоже прислалъ

въ даръ: 1 овцу, полкадки масла и боченокъ меду. Послѣ обѣда пришелъ проститься съ Послами нашими Мусалъ и привелъ съ собою одного Дагестанскаго Мирзу, брата владѣтельнаго Князя въ Тарку. На этомъ Мирзѣ, посверхъ плохой его одежды, надѣта была бурка, какую носятъ всѣ простые Татары. Онъ говорилъ, что пришелъ съ намѣреніемъ сопровождать насъ до столицы брата, Тарку; но вообще былъ строптиваго нрава человѣкъ, осерчалъ, что съ Мусаломъ мы обращались привѣтливѣе, какъ съ болѣе знакомымъ намъ, чѣмъ съ нимъ, не хотѣлъ встать, чтобы стоя выпить здоровье Великаго Князя, и когда Мусалъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ всталъ, и при этомъ спросилъ его: «Развѣ не знаетъ онъ, въ чьей землѣ онъ теперь находится?» Мирза дерзко отвѣчалъ: что еще сомнѣвается, находится ли онъ въ землѣ Великаго Князя, или въ своей собственной (ибо Терки и вся эта область недавно еще принадлежала Татарамъ). За тѣмъ онъ началъ браниться съ Мусаломъ и упрекать его, что хотя онъ щеголяетъ здѣсь въ нарядной одеждѣ, а все таки только рабъ Великаго Князя, онъ же, Мирза, хоть и въ плохой одежѣ, но вольный Князь, ни кому не подвластенъ, кромѣ Бога, и наконецъ такъ осерчалъ, что совсѣмъ не захотѣлъ пить здоровье Великаго Князя, всталъ и вышелъ вонъ. При этомъ слуги его стащили серебряную ложку и вилку нашего Пастора, по неосторожности оставленныя на столѣ, а у меня, отъ камзола моего, лежавшаго на моей постели подъ подушкой и другими вещами, которыя крѣпко придерживали камзолъ, отрѣзали цѣлый, свѣсившійся изъ подъ подушки, рукавъ, и унесли его съ собою.

Послѣ этого Мусалъ опять развеселился съ Посланниками и даже просилъ ихъ за одного, содержавшагося въ темницѣ нашего боцмана (матроса), чтобы его помиловали и выпустили оттуда, что Посланники и согласились исполнить. Въ слѣдствіе этого, уже поздно вечеромъ Посланники послали меня, съ однимъ Гофъ-Юнкеромъ, къ Воеводѣ, съ просьбою освободить заключеннаго, и съ жалобою на одного негоднаго Русскаго матроса, бѣжавшаго отъ насъ 3-го дня. Но ночью же за нами прислали слугу, съ извѣстіемъ, что вѣтеръ начался попутный и чтобы мы поспѣшили скорѣе на корабль, хотя бы не кончивши нашего дѣла. Исполнивши все таки свое порученіе надлежащимъ образомъ, мы тотчасъ

отправились къ морю; тамъ корабль приготовился уже совсѣмъ къ отплытію; но только что мы распустили было паруса, какъ поднялся противный вѣтеръ, и мы снова причалили на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ мы стали опять на якорь. Въ это время Воевода прислалъ намъ свои подарки, а именно: 100 кусковъ копченаго мяса (окороковъ), 4 бочки пива, по бочкѣ Французскаго вина, меду, уксусу, 2 овцы, 4 большихъ пряника и нѣсколько хлѣбовъ. Слуги принесли эти подарки, получили по нѣскольку рублей деньгами и угощены были водкой; когда они вдоволь напились водки, то отправились домой, низко откланявшись съ нами.

ГЛАВА XIV.

Дальнѣйшее плаваніе до кораблекрушенія. Также о горахъ Кавказѣ Таврѣ и Араратѣ.

10-го Ноября, только что занялся день, пустились мы на парусахъ съ юго-западнымъ вѣтромъ, имѣя намѣреніе направить путь нашъ на пограничный городъ Персидской области, Дербентъ. Около полудня еще издали примѣтили мы большое судно, плывшее на встрѣчу намъ, и сначала оно хотѣло было съ правой стороны миновать насъ, а потомъ пошло прямо на насъ то натягивая, то спуская, паруса. Когда же судно приблизилось и мы замѣтили, что оно боится и какъ бы избѣгаетъ насъ, то Бругманъ приказалъ ити прямо на него, людямъ стать подъ оружіе, и когда судно было уже подъ пушкой, то приказано было выстрѣлить изъ одной пушки, чтобы ядро пролетѣло близко мимо судна. Бѣдные люди, бывшіе на суднѣ, тотчасъ же въ великомъ страхѣ спустили паруса. Подплывъ къ нимъ, мы увидали что то были Персидскіе продавцы плодовъ съ яблоками, грушами, айвой, орѣхами и проч. и проч. Оказалось, что на суднѣ находился братъ нашего Персидскаго лоцмана. Когда онъ услыхалъ строгое приказаніе взойти къ намъ на корабль, и при этомъ еще увидѣлъ у насъ своего брата, то поднялъ жалобный крикъ

и сказалъ: «Ахъ, братъ, тебя схватили отъ чужестранцы! Какъ случилось съ тобой такое несчастіе? Помочь я тебѣ не могу, а потому берите ужь и меня въ плѣнъ!» Когда же братъ его, бывшій у насъ, сказалъ ему по Турецки: «Korchma, duschman lar deku! Не бойся, это не враги!» то онъ все таки, испуганный неожиданнымъ явленіемъ и видомъ насъ, чужестранцевъ, и пребываніемъ среди насъ брата своего, котораго онъ считалъ находящимся на собственномъ его судиѣ, никакъ не могъ прійти въ себя, понять въ чемъ дѣло, и полагалъ, что братъ его говоритъ такимъ образомъ по принужденію; по этому онъ все продолжалъ жалобы, до тѣхъ поръ, пока братъ его не разсказалъ ему, по какой причинѣ онъ находится у насъ, и что его собственный корабль идетъ въ слѣдъ за нами. Тогда онъ успокоился, взошелъ къ намъ на корабль и принесъ въ подарокъ Посламъ разнаго рода плоды. Наши люди купили у него 5 большихъ яблокъ и столько грушъ за одинъ зехслингъ, и 50 Грецкихъ орѣховъ тоже за то же. Послы, за подарокъ его, дали ему также денегъ и водки и отпустили. Тѣмъ и кончилась эта яблочная схватка.

Вскорѣ за тѣмъ мы прибыли къ острову, лежащему на на лѣво, въ 8-ми миляхъ отъ Терекъ, и называемому Русскими Чеганъ (Tzellan), [1] а Персами Чепцени (Tzenzeni); мы стали сдѣсь на якорь, по обыкновенію Персіянъ, которые сдѣсь останавливаются и совершаютъ свое Eimal; вода тутъ глубиною была въ $3\frac{1}{2}$ сажени. Такъ какъ объ островѣ этомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи путешествія и Георгъ Дектандеръ (Declander), ѣздившій въ 1602 году въ Персію съ Посломъ Римскаго Императора, Рудольфа, и одинъ только и оставшійся въ живыхъ въ этомъ путешествіи, а именно, говоритъ, что на этомъ островѣ, по причинѣ наступившаго мороза, онъ принужденъ былъ ѣсть лошадей, подаренныхъ ему Персидскимъ Шахомъ, и такъ какъ у насъ въ этотъ день оставалось еще довольно времени, то Посланники, съ нѣкоторыми изъ насъ, сѣли въ шлюбку и переправились на островъ, осмотрѣть его; но мы ни чего не нашли на островѣ, кромѣ чего-то въ родѣ маяка, состоящаго изъ 4-хъ длинныхъ, связан-

[1] Нынѣ Чечень. О. Б.

ныхъ вмѣстѣ, жердей или кольевъ, на которыхъ лежало много корней и кустарнику, для указанія плавателямъ на островъ, который довольно низменъ, да двухъ большихъ ямъ, въ которыхъ видны были слѣды огня; сдѣсь, вѣроятно, пристаютъ и держатся Казаки. Островъ простирается почти на 3 мили отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, имѣетъ песчаную почву, по берегамъ мѣстами поросшую тростникомъ, а въ другихъ мѣстахъ онъ весь бѣлый отъ наносныхъ раковинъ и издали кажущійся какъ бы известковою почвою. Лежитъ онъ подъ 43° 5′ высоты полюса; это единственный сдѣсь островъ, и другого ни какого нѣтъ до самаго Гиляна (Kilan); лежитъ же на западъ отъ пути и оставляется моряками влѣвѣ.

Отсюда на юго-западъ на материкѣ видѣли мы чрезвычайно высокій хребетъ, который казался на небѣ какъ бы синими облаками, простирается отъ сѣвера на югъ и имѣетъ такую форму, въ какой онъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. [2] Наши называли этѣ горы Черкаскими горами, по тому что онѣ, казалось намъ, высились за Черкасіею; Русскіе же и Черкасы называли ихъ Салато (Salatto). Но это—извѣстныя горы Кавказъ, лежащія въ странѣ Колхидѣ (Colchis), извѣстной по походу въ нее Язона, для похищенія тамъ золотаго руна, какъ повѣствуетъ объ этомъ Аполлонъ Родоскій, въ своей «Argonautica». (Basiliae, 1550). Горы этѣ, по своей необычайной высотѣ (онѣ гораздо выше облаковъ, которыя носятся какъ бы у чела ихъ), дали поэтамъ поводъ къ баснѣ, будто бы Прометей, взошедши на однѣ изъ нихъ, похитилъ тамъ у солнца огонь, и принесъ его оттуда людямъ.

Басня эта, впрочемъ, содержитъ въ себѣ (какъ говоритъ Сервій (Servius) слѣдующее истинное событіе: Прометей, какъ мужъ разумный, что показываетъ и самое имя его, съ великимъ стараніемъ изучилъ на этой горѣ Кавказъ, воздымающейся далеко за облака, движеніе, восхожденіе и захожденіе планетъ и другихъ звѣздъ, и былъ первый, сообщившій Ассирія-

---

[2] Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ. О. Б.

намъ астрономическія свѣдѣнія; онъ узналъ также, отъ чего происходили молнія и громъ, могъ солнечными лучами зажигать огонь, и искуственно дѣлалъ самъ подобные опыты и показывалъ ихъ людямъ. И такъ какъ легко представить себѣ, что на этѣхъ суровыхъ горахъ онъ долженъ былъ вынести бездну безпокойствъ и лишеній, то и придумали, яко бы онъ былъ прикованъ къ скалѣ, а орелъ клевалъ тамъ сердце его.

Объ этой горѣ и баснѣ весьма справедливо упоминаетъ и описываетъ ее Квинтъ Курцій (Q. Curtius, lib. 7, c. 3, p. 598): «Agmen processit ad Caucasum montem, cujus dorsum Asiam perpetuo jugo dividit: hinc simul mare, quod Ciliciam subit, illinc Caspium fretum et amnem Araxem aliaque regionis Scythiae deserta spectat. Taurus secundae magnitudinis mons committitur Caucaso; a Cappadocia se attollens, Ciliciam praeterit Armeniaeque montibus jungitur. Sic inter se tot juga velut serie cohaerentia perpetuum habent dorsum, et quo Asiae omnia fere flumina, alia in Rubrum, alia in Caspium mare, alia in Hircanum et Ponticum decidunt. 17 dierum spatio Caucasum superavit exercitus. Rupes in eo 10 in circuitu stadia complectitur, quatuor in altitudinem excedit, in qua vinctum Promethea fuisse antiquitas tradit.» Горы этѣ какъ бы висятъ одинъ надъ другими, появляются въ Каппадокіи, тянутся чрезъ всю Персію и простираются даже въ Индію. Въ ширину, отъ Каспійскаго моря къ Понту, горы этѣ считаются въ 50 миль и въ разныхъ мѣстахъ получаютъ различныя наименованія. Къ Кавказскимъ горамъ примыкаютъ Арменскія, между которыми находится и Араратъ.

Гора Араратъ, на которой, по сказанію 8-й главы 1-й книги Моисея, остановился Ноевъ ковчегъ, теперь жителями Арменіи называется Месиной (Messina), Персіянами Агри (Agri), Арабами Субелянъ (Sübeilahn), съ виду еще выше, пожалуй, Кавказа, и самая почти высокая гора, какую только мы видѣли во время всего нашего путешествія; это совершенно черная неровная скала, вершина которой покрыта и лѣтомъ и зимою снѣгомъ и высшая оконечность ея находится отъ 10 до 15 миль отъ Каспійскаго моря. Армяне и Персы совершенно увѣрены, что и теперь еще на горѣ этой лежитъ кусокъ Ноева ковчега, отвердѣвшій будьто

камень. Нѣкоторые изъ нашихъ, бывши въ Мидіи, въ Шемахѣ, видѣли въ одной Армянской церкви крестъ, величиною въ полъ локтя, изъ темноватаго дерева, который, какъ имъ говорили, показывая этотъ крестъ, былъ сдѣланъ изъ куска Ноева ковчега, и Армяне берегутъ его, какъ великую святыню, завертывая его въ шелковый платокъ. Но теперь на гору Араратъ взойти нѣтъ возможности; ибо не только на нѣсколько миль кругомъ, какъ это даже кажется съ виду, воздымаются прямо высокія, обрывистыя, скалы, прерываемыя глубокими долинами, но и самая вершина горы, вѣроятно, въ слѣдствіе землотрясеній, повсюду представляетъ разсѣлины, раздѣляющія гору на отдѣльныя другъ отъ друга утесы, такъ что, по множеству широкихъ и глубокихъ пропастей, туда, гдѣ находятся остатки ковчега, теперь рѣшительно нѣтъ ни какого пути.

Посолъ Имамъ-Кули-Султанъ (Imam Culi Sultan), котораго Персидскій Шахъ присылалъ къ Его Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, имѣлъ недалеко отъ этой горы Арарата, именно въ области Карабахъ (Karabach), свой дворъ и жилище, и по тому онъ многое сообщилъ мнѣ объ этой горѣ. По высотѣ этого горнаго хребта, видимаго издалека, Каспійское море представляется весьма удобнымъ для плаванія; ибо различными вершинами своими и остріями онъ служитъ хорошимъ указателемъ пути.

11-го числа, послѣ восхода солнца, мы снова пустились на парусахъ и держали ходъ нашъ подлѣ острова на югъ. Почти въ концѣ острова съ материка выдвигался въ море уголъ или мысъ, съ песчаной отмелью, и такъ какъ прямо противъ этого мыса и съ острова также выдавалась длинная полоса мели, то проѣздъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень узокъ и опасенъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ острова, слѣва, тянулась большая песчаная мель, лежавшая прямо на нашемъ пути. Когда мы дошли до этого мѣста, то стали на якорь, и послали на лодкѣ изслѣдовать въ узкомъ мѣстѣ глубину, которая сначала, съ полъ мили, постоянно была двѣ сажени, за послѣднею же песчаною мелью тотчасъ глубина стала въ 6, 7 и болѣе саженъ. Когда за тѣмъ мы выбрались на эту глубину и начался благопріятный намъ вѣтеръ, мы взяли направленіе на Дербентъ и шли на ю. ю.

з. (юго-юго-западъ), такъ что съ правой стороны мы постоянно имѣли въ виду землю. Въ полночь вѣтеръ перемѣнился, и началъ дуть съ юга, довольно сильно и прямо противъ насъ, и мы боролись съ нимъ цѣлую ночь, рѣялись, но не выиграли ни чего, такъ что по утру, когда вѣтеръ постоянно крѣпчалъ, мы стали на якорь, на глубинѣ 12 саженъ; дно сдѣсь было тинистое.

ГЛАВА XV.

О второмъ кораблекрушеніи нашемъ.

12-го числа мы простояли на якорѣ цѣлый день, и вечеромъ, въ 9 часовъ, когда поднялся вѣтеръ, довольно сильный съ сѣвера, отправились въ путь, шли прямо по вѣтру; ибо путь нашъ былъ на юго-юго-востокъ (S. S. O.). Около 11 часовъ мы были на глубинѣ 20 саженъ, потомъ вскорѣ на 30 саженной глубинѣ, и наконецъ совсѣмъ не доставали дна. Между тѣмъ вѣтеръ перешелъ въ жестокую бурю, и мы, не желая давать полный ходъ кораблю въ непзвѣстномъ намъ морѣ и въ такую темную ночь, въ которую ни чего не было видно, собрали всѣ паруса и плыли, гонимые вѣтромъ, все таки въ часъ по 2 мили. Послѣ 12-ти часовъ ночи съ нами пошли несчастія одно за другимъ. Такъ, прежде всего при вытаскиваніи изъ воды лота, онъ зацѣпился, повисъ на кораблѣ, оборвался и упалъ въ воду. Потомъ мы пустили было сначала шлюбку нашу плыть отдѣльно, подъ управленіемъ 2-хъ матросовъ; но такъ какъ она была низка и волны такъ сильно заливали ее, что матросы не въ силахъ были уже сопротивляться имъ, то они поспѣшили пристать къ намъ, перешли на корабль, а шлюбку привязали къ нему на канатъ. Мы тащили за собою также нашу корабельную лодку и еще другое судно, купленное нами у Русскихъ. Оба эти судна, прежде чѣмъ мы успѣли замѣтить, были залиты водою и пошли ко дну, сперва Русское, а потомъ и корабельная лодка. Наконецъ и шлюбка, протанцивши за кораблемъ, съ великимъ для него обремененіемъ, до-

вольно порядочное разстояніе, оторвалась и потонула. На ней было нѣсколько пушекъ каменнометныхъ, ядра, цѣпи, канаты, деготь и другія, необходимыя для корабля, принадлежности, и все это потонуло съ нею. Это было началомъ нашего кораблекрушенія на Каспійскомъ морѣ. Высокія и короткія волны сдѣлали то, что корабль, выстроенный изъ сосноваго дерева, гнулся, какъ змѣя, и разщелился въ назахъ. Внутреннія помѣщенія трещали такъ, что внизу, въ трюмѣ, нельзя было разслушать собственныхъ своихъ словъ. Волны одна за другой страшно били въ корабль, перекидывались черезъ него, и корабль до того наполнился водой, что мы постоянно должны были выкачивать изъ него воду насосами и отливать кухонными котлами. Отъ всего этого мы были въ большомъ страхѣ, особенно, когда вспомнили, что потерпѣлъ корабль нашъ еще на Волгѣ и при входѣ въ море. Персидскій лоцманъ также желалъ бы лучше находиться на своемъ кораблѣ и поближе къ берегу; ибо если уже корабль нашъ долженъ былъ погибнуть, то у насъ не было ни чего, на чемъ бы могъ спастись хоть одинъ человѣкъ. Въ слѣдствіе всего этого мы и эту ночь провели въ великомъ страхѣ, ужасѣ и отчаяніи.

13-го Ноября, какъ только началъ заниматься день, мы замѣтили, что находимся недалеко отъ материка, и увидѣли даже Дербентскія горы, которыя считали отъ себя по крайней мѣрѣ миляхъ въ 10-ти. Такъ какъ буря теперь нѣсколько поутихла, то сперва мы натянули большой парусъ на средней мачтѣ, а потомъ, чтобъ скорѣе достигнуть земли, подняли и мачтовый парусъ; но какъ въ прошлую ночь мы уже глубоко вдались въ море, и вѣтеръ довольно сильно еще дулъ съ сѣвера на западъ, то, гонимые этѣмъ вѣтромъ, мы съ прискорбіемъ должны были миновать давно желанный нами городъ Дербентъ, плыли далѣе вдоль Персидскаго берега, простиравшагося постоянно съ сѣвера на югъ и искали пристанища, которое и нашли въ 10 миляхъ за-Дербентомъ, противъ Персидскаго селенія Ніазабатъ (Niasabath), названнаго нашими Низовой (Nisawai), въ открытомъ морѣ, и въ 4 часа послѣ обѣда стали на якорь на 4 саженной глубинѣ, на илистомъ днѣ. Противъ Дербента и за нимъ, на разстояніи болѣе 6-ти миль, вездѣ скалистое дно, на которомъ нигдѣ нельзя стать

на якорѣ, и у Дербента не было ни одной надежной пристани, въ которую бы можно было зайти и простоять долго, въ безопасности. Когда мы остановились сказаннымъ образомъ, то вѣтеръ и волны все еще били въ корабль съ такою силою, что крюкъ у руля изломался; по этому мы высвободили руль изъ крюка и, привязавъ его на канатъ, пустили его въ море позади корабля, чтобы онъ не повредилъ корабельной обшивки. Самый корабль стоялъ на якорѣ такъ неспокойно и такъ сильно текъ, что все остальное время дня и цѣлую ночь мы постоянно выкачивали насосомъ воду; въ одинъ часъ я насчиталъ двѣ тысячи выкачиваній, и тѣмъ не менѣе вода все таки одолѣвала.

На слѣдующее утро, 14-го Ноября, когда начало на морѣ затихать, мы весьма желали высадиться на землю; но такъ какъ у насъ не было ни одной лодки, то мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и ружей, чтобы хоть Персы, по крайней мѣрѣ, могли пріѣхать къ намъ съ берега. Прождавъ три часа, и не дождавшись ни кого, мы начали было уже наколачивать нѣсколько досокъ на бревна, чтобы устроить плотъ, на которомъ хотѣли послать человѣка два на землю; но въ это время съ земли прибыли наконецъ къ намъ двѣ лодки, присланныя сельскимъ начальникомъ (они называли его Kaucha), и привезли намъ на поклонъ два большихъ мѣшка съ яблоками и грушами. Мы также обрадовались ихъ прибытію, какъ, по ихъ словамъ, они обрадывались нашему. Они предлагали возможныя услуги и просили Пословъ оставить корабль и поспѣшить на землю, захвативъ съ собою все, что имъ было найболѣе дорого, говоря, что тихой погодѣ довѣрять долго нельзя, что и оправдалось позднѣе.

Послы съ нѣсколькими слугами, мушкетерами и лейтенантами, захвативши съ собою и важнѣйшую кладь, сѣли въ лодки Персовъ и поплыли на берегъ, оставивъ всѣхъ другихъ на кораблѣ (въ числѣ этѣхъ послѣднихъ, по нѣкоторымъ причинамъ, находился и я, вмѣстѣ съ Ухтерицемъ, Маршаломъ и Гофмейстеромъ), съ тѣмъ, чтобы перевезти ихъ за другимъ разомъ. На берегу Кауха поджидалъ уже Пословъ, сидя на сѣрой лошади и окруженный множествомъ слугъ, и когда онъ увидѣлъ, что, по мел-

ководью, лодку нельзя плотно причалить къ берегу, то сошелъ съ лошади, послалъ ее на встрѣчу Посламъ, которые и пріѣхали на ней, одинъ за другимъ, на берегъ. Такимъ образомъ, съ Божіею помощію, нынѣ, въ полдень, Посланники ступили первый шагъ въ страну Персовъ.

Первое, что Посланники увидѣли на берегу, была невѣста, сопровождаемая множествомъ женщинъ, которыя ѣхали верхами на лошадяхъ, по мужски, въ другое село, мимо Посланниковъ. Съ нами же, оставшимися на кораблѣ, случилось печальное происшествіе, такъ сказать, Гирканскій Нептунъ началъ играть трагедію, подобную той, какую годъ тому назадъ, около этого же времени, сыгралъ съ нами Балтійскій Нептунъ. Только что Послы высадились на берегъ, какъ поднялся сильный вѣтеръ съ юга, перешедшій скоро въ такую страшную и ужасающую бурю, что я сомнѣваюсь, сильнѣе ли была буря на Балтійскомъ морѣ, прогнавшая насъ мимо Ревельской пристани; въ такую бурю никто не рѣшился пуститься къ намъ съ земли, а мы также не могли подойти къ ней. Тогда-то снова мы впали въ крайнюю опасность и великую тоску. Высокія, словно горы, волны безпрестанно вскидывали вверхъ, облегченный отъ нѣкоторой клади, корабль, и такимъ образомъ, поднявшись страшно въ воздухѣ, онъ тотчасъ же погружался въ бездну и снова извергался изъ нея. На палубѣ вездѣ постоянно стояла вода на цѣлый футъ, такъ что никто не могъ оставаться на ней. Самый корабль, въ верхней части, у перекладины, разсѣлся большими трещинами, такъ что мы опасались, что, вообще непрочно связанный, онъ переломится на двое по серединѣ, гдѣ онъ особенно разшатался и былъ некрѣпокъ. Якорь пересталъ сдерживать корабль, который поволокъ его и самъ унесенъ былъ на четверть мили впередъ, что мы замѣтили только по деревьямъ на берегу, которыя прежде стояли впереди насъ, а теперь остались далеко позади. По этому мы забросили еще два якоря, которые въ 11 часовъ вечера оба и оторвались, и мы послѣ этого бросили еще большій швартъ-якорь. Вскорѣ за тѣмъ оторвался и ушелъ въ море висѣвшій на канатѣ руль; въ кораблѣ же была такая течь и набралось столько воды, что ни какіе насосы уже не помогали, и мы должны были безпрестанно вычерпывать ее котлами. Въ пол-

ночь, когда вѣтеръ началъ дуть съ востока, корабль нашъ принялъ такое положеніе, что находился постоянно между двумя волнами, которыя съ обѣихъ сторонъ съ такою силою качали его, что оба края его то и дѣло погружались въ воду. Въ это же время мачта переломилась на три части и съ страшнымъ трескомъ повалилась за край вмѣстѣ съ фокъ-мачтой (Maysan). Богъ помиловалъ, что при этомъ никого еще не убило, по тому что большая часть насъ сидѣла въ это время на верху корабля, подлѣ фокъ-мачты. Матросы громко кричали и спрашивали у меня позволенія обрубить канаты, на которыхъ держались еще упавшія въ воду части корабля, чтобы тѣмъ избавить корабль отъ опасныхъ для него толчковъ и ударовъ бревнами; я охотно дозволилъ имъ это.

Ѣвши немного въ продолженіи 3-хдневной бури и совершенно изтомившись отъ постояннаго бодрствованія и непрестанной работы, мы опустили наконецъ руки и считали уже себя погибшими. Тогда у насъ настала опять смертная тоска и отчаяніе и вездѣ слышались великіе вопли и жалобы. Я и Флемингъ, отыскавши по парѣ порожнихъ жбановъ или боченковъ отъ водки, связали ихъ веревками, привѣсили каждый себѣ на шею и сѣли на возвышеніе на носу корабля (Ober-Kaste), разсчитывая, что если корабль погибнетъ, то, съ помощію этѣхъ боченковъ, волны вѣрнѣе доставятъ къ нашимъ живыхъ насъ, или затопленныя тѣла наши. Въ такой опасности, корабельный плотникъ нашъ, Корнелій Іостенъ (Josten), забрался внизъ въ погребъ, о которомъ никто уже и не думалъ, и напился тамъ до того, что потерялъ всякое сознаніе и чувства и, воротившись на палубу, повалился словно мертвый; мы и не знали бы, что случилось съ нимъ, если бъ не догадались по сильному запаху водки, которымъ разило отъ него. Другіе матросы неустанно несли тяжкую работу и уговаривали рабочій народъ потрудиться еще какихъ нн будь часа два, въ которые, можетъ быть, буря стихнетъ, и Богъ пошлетъ какую нн есть помощь. Тогда опять начали давать обѣты, дѣлать обѣщаніе помогать бѣднымъ и всѣ ревностно продолжали работать, чтобы хоть удержать только корабль на водѣ. Мы вывѣсили призывный знакъ или бѣлый платокъ (полотно) и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ

пушекъ, чтобы извѣстить о нашей крайней опасности и призвать на помощь.

Но хотя бывшіе на берегу хорошо слышали и видѣли нашу опасность, хотя у нихъ также болѣло сердце, какъ и у насъ, носившихся по волнамъ въ опасности, и хотя наконецъ Посланники прилагали великій трудъ, понудить рабочій народъ нашъ хоть немного помочь отправкѣ съ берега судна Персовъ, а Бругманъ обнажилъ даже и шпагу, понуждая къ тому людей, но все таки рѣшительно не было ни какой возможности кого нибудь заставить плыть къ намъ въ такую погоду. Ибо, хотя къ утру вѣтеръ утихъ нѣсколько, но разбушевавшееся море было до того неспокойно и съ такою силою устремляло одна за другой волны къ берегу, что ни какія усулія не были въ состояніи бороться съ ними.

Не получивъ и въ полдень съ земли ни какой помощи, и узнавъ отъ корабельщика, впервые объявившаго, что у насъ остался только одинъ большой якорь, и что надо опасаться, чтобы вечеромъ не поднялась снова буря, что и случилось въ самомъ дѣлѣ, я началъ втайнѣ совѣтоваться съ главнымъ боцманомъ (подшкипероиъ) о томъ, что дѣлать? Не лучше ли уже, въ такихъ обстоятельствахъ, пустить корабль на произволъ волнъ, которыя нагнали бы его на берегъ, и тѣмъ спасти, можетъ быть, хоть народъ. Этотъ, вмѣстѣ съ другимъ боцманомъ, объявили, что корабль едва ли въ состояніи вынести столько, сколько онъ уже вынесъ, и по тому они совѣтовали, чтобы я, согласившись съ главнѣйшими изъ служащаго народа, переговорилъ объ этомъ съ корабельщиками. Когда же я съ Маршаломъ прислалъ ихъ, чтобы они по совѣсти высказали свое мнѣніе о состояніи корабля, то они объявили, что до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ лѣниться въ работѣ, корабль еще можетъ продержаться нѣсколько времени; ибо у нихъ былъ еще большой якорь и канаты, да и погода нѣсколько постихла. При этомъ они имѣли въ виду (и это было у нихъ главное), что если не будетъ уже корабля, то въ числѣ лицъ, бывшихъ при Посланникахъ, они будутъ самые горестные и преврѣнные люди; въ слѣдствіе чего они лучше желаютъ умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ на та-

комъ положеніи. При этомъ они опасались, что въ случаѣ, если корабль разобьется, то ихъ могутъ лишить жалованья и благосостояніе ихъ пострадаетъ, хотя увѣрены въ томъ, что если бъ Посланникъ Бругманъ былъ на лицо, то онъ давно бы уже приказалъ погнать корабль, чтобы его выкинуло на берегъ. Такимъ образомъ корабельщики очень противились сказанному выше мнѣнію. Весь же остальной народъ приступилъ къ намъ съ слезными просьбами и жалобными воплями о томъ, чтобы настоять и велѣть вести корабль къ землѣ, и тѣмъ, можетъ быть, спасти ихъ.

Наконецъ корабельщики и боцманы согласились на томъ, что если случится какой вредъ кораблю, то чтобы мы поручились, что они будутъ свободны отъ всякаго взысканія, и на такомъ условіи они готовы плыть къ берегу, требуя только, чтобы такое ручательство наше было сдѣлано за подписью и печатью нашею. Въ слѣдствіе этого мы дали имъ отъ себя обязательство, за подписью всѣхъ насъ, составленное, по ихъ желанію, слѣдующимъ образомъ:

«Во имя милосердаго Бога, мы, ниже поименованные, при настоящей великой опасности, которой мы подверглись снова по соизволенію Божьему, по совѣщанію съ корабельщиками, Михайломъ Кордесомъ и Корниліемъ Клаузеномъ, относительно нашего корабля, и по достаточномъ размышленіи, порѣшили на томъ: что хотя поименованные корабельщики и утверждали, что въ хорошую, ясную погоду, имѣя добрый якорь и канатъ, и при условіи, если прислуга и впредь старательно будетъ работать, они могутъ еще сберечь корабль на нѣкоторое время, однако мы за лучшее разсудили, корабль посадить на берегъ по слѣдующимъ причинамъ, а именно: по тому что мы имѣли малонадежный, поврежденный и давшій течь, корабль, у котораго потертъ уже руль, большая мачта, майзанъ и два якоря; также по тому, что потеряна корабельная лодка, и народъ истомленъ продолжительнымъ бдѣніемъ и работой; что въ такое позднее осеннее время нельзя быть увѣрену ни даже на полдня въ постоянной погодѣ, и что, въ слѣдствіе всего этого, мы носились въ морѣ съ крайнѣйшею опасностію для жизни; но въ то же время мы были убѣждены, что Гг. Посланникамъ нужны были, не

столько корабль, сколько люди, которые въ такихъ обстоятельствахъ легко могли бы погибнуть всѣ, а при выкидкѣ корабля на берегъ могли бы всѣ, можетъ быть, спастись; наконецъ, рѣшились на это и по другимъ причинамъ, которыя должны быть объяснены Гг. Посланникамъ, а теперь умолчаны. Для того же, чтобы корабельщики и матросы охотнѣе согласились на это предложеніе наше — выбросить корабль на берегъ, обязались мы оградить ихъ по этому дѣлу отъ всякихъ вредныхъ послѣдствій и опасеній, и выдать имъ сіе въ томъ обязательство. Происходило это передъ Низовымъ, на кораблѣ Фридрихѣ, 15-го Ноября, 1676 года.»

Послѣ выдачи этого обязательства корабельщики все еще продолжали колебаться и противились нашимъ желаніямъ; неотступныя же мольбы народа, по всей видимости, готовы были перейти въ нетерпѣніе и угрожающій гнѣвъ, по чему мы громко сказали: «Корабельщики! Смотрите, что вы дѣлаете: вѣдь за всякую душу, которая теперь сдѣсь мучается и погибнетъ отъ вашего упорства, вы дадите отчетъ въ день Страшнаго Суда.» Корабельщики же отвѣчали: «Если мы пустимъ корабль на берегъ и онъ разобьется; то мы не всѣ же достигнемъ живые земли: кто же тогда будетъ отвѣчать за утонувшихъ?» Мы возразили на это: «Буде это случится, то безъ намѣренія, по этому надо осмѣлиться и рѣшиться, лучше же спастись хоть нѣкоторымъ, нежели ни кому!» Весь народъ кричалъ на это: «Да, да, правда! Всякій долженъ быть на стражѣ въ грозящей ему опасности, и по тому надо рѣшиться отважиться, такъ какъ безъ того мы уже на краю гибели!» За тѣмъ Маршалъ и я должны были сдѣлать первые удары, чтобы обрубить якорный канатъ, матросы же послѣ этого окончательно обрубили канатъ, распустили парусъ на передней мачтѣ и поплыли съ нимъ къ берегу. Такъ какъ корабль былъ плоскодоненъ и имѣлъ небольшой киль, то мы покойно сѣли на песокъ, около 30 саженъ отъ земли. Одинъ изъ матросовъ, обвязавъ веревку около себя, поплылъ на берегъ и, съ помощію стоявшаго на берегу народа, придвинулъ корабль еще ближе къ землѣ; Посланники и другія, бывшія съ ними, лица, сокрушавшіяся о нашемъ несчастіи, считавшія насъ погибшими и молившіяся уже за наши души,

до такой степени обрадовались нашему спасенію и прибытію, что приняли насъ съ радостными слезами, нѣкоторые же съ радости попрыгали къ намъ въ воду и на плечахъ своихъ переносили насъ на землю. И когда мы хотѣли извиниться передъ Посланниками въ нашемъ рѣшеніи ити къ берегу, принятомъ нами въ крайнемъ положеніи нашемъ, то узнали, что Посланникъ Бругманъ давно уже далъ приказъ Корнелію Клаузену, въ случаѣ нужды, пустить корабль на берегъ, и этотъ приказъ свой онъ непремѣнно послалъ бы къ намъ на двухъ, вырванныхъ изъ книги, листахъ, если бъ только нашелъ средство переслать ихъ къ намъ.

ГЛАВА XVI.

О свойствѣ Гирканскаго и Каспійскаго моря.

Это море отъ разныхъ людей и народовъ имѣетъ и разныя названія. Древніе называли это море Хозаръ (Chosar), которое, какъ справедливо замѣчаетъ Бохартъ, въ своемъ «Phalec» (Ortelius in Thesauro Geografico невѣрно замѣняетъ словомъ Cunsar), о чемъ свѣдѣтельствуетъ Нубійскій Географъ (Nubiensis Geographus, parte 7, Climatis quinti, pag. 263). Имя Хозаръ получило оно отъ того, что племя Тогарме, происшедшее отъ сына Гомерова (которыхъ было 10 и старшій изъ нихъ назывался Хозаръ), жило нѣкогда при этомъ морѣ и вверхъ по рѣкѣ Этель (Ethel) или Волгѣ, какъ увѣряетъ это помянутый сейчасъ Бохартъ, на стр. 226 1-й части, заимствуя свѣдѣніе это изъ «Tabulis Ismaelis Albufedae.»

Нубіецъ (Nubiensis) называетъ это море, по имени прилегающей къ нему области, Таберестанскимъ (Taberestanicum). Мавры называютъ его Богаръ Корсунъ (Bohar Corsun), точно также, какъ именуютъ они и Аравійскій заливъ. Персы зовутъ его Кюльзумъ (Külsum), каковое имя дается ими и Красному морю, какъ это видно изъ Нубійца (Nubiensis), въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ и на той же страницѣ. Вообще же писателями называется оно Гирканскимъ и Каспіемъ, по прилегающимъ къ нему странамъ

и народамъ, также какъ по лежащему въ Ширванѣ городу Баку (Bakuje) оно слыветъ еще и моремъ Бакійскимъ (Mare de Baku). Русскіе же зовутъ его Хвалынскимъ моремъ (Gualenskoi more).

Море это не имѣетъ ни какого сообщенія съ океаномъ или открытымъ моремъ, такъ чтобы они явнымъ образомъ соединялись гдѣ ни есть другъ съ другомъ, и, слѣдовательно, оно вовсе не такого вида, какъ описываетъ его Діонисій Африканскій или Александрійскій (Dionysius Afer vel Alexandrinus): «Caspii igitur maris forma hujus modi est, ut maxime in gyrum et circularem ambitum flectatur. Ab oceano enim, qui Scythicum littus ad boream illidit, exoriri certissimum est.»

Этому Діонисію, который составилъ, во время Императора Августа, Географію, хотя juvenis admodum (какъ это видно изъ извѣстій о жизни его самаго) и который самъ еще не видалъ этого моря, слѣдуютъ и многіе другіе замѣчательные писатели, каковы, на пр., Помпоній Мела (Pomponius Mela, ed. Joach. Vadiani Helvetii), писавшій во времена Клавдія; смотр. книги 3-я стр. 185: «Mare Caspium, ut angusto, ita longo etiam freto primum terras, quas fluvius, irrumpit, atque ubi recto alveo influxit, in hos [1] sinus diffunditur. Contra os ipsum in Hyrcanum, ad sinistram in Scythicum, ad dextram in eum, quem proprie et totius nomine Caspium appellant.»

Плиній (Plinius lib. 2, cap. 67; Francofurti, 1599): «Juxta vero ab ortu ex Indico mari, sub eodem sidere (eadem plaga) pars tota vergens in Caspium mare.» Et lib. 6, cap. 15: «Caspium irrumpit Scythico oceano in aversa Asiae, pluribus nominibus accolarum appellatum, celeberrimis duobus, Caspio et Hyrcanio.»

Плинія заимствуетъ и Солинъ (Solinus) (Basileae, 1557), подражатель Плинія, жившій во времена Веспасіяна, и говоритъ, въ 27-й главѣ, на стр. 148: «Mare Caspium, quod dilapsum per Asiaticae terga plagae Scythicum irrumpit oceanum.» Также и Мартіянъ Капелла (Martianus Capella; Basiliae, 1532), въ книгѣ 6-й, стр. 147: «Hic Persicus limes Scythis jungitur, sed Scythico oceano et Caspio mari, qua in oceanum Eoum cursus est.» Страбонъ (ed. 1587) также держится мнѣнія, что море это есть только заливъ, вели-

[1] Въ новѣйшихъ изданіяхъ tres. О. Б.

каго моря, а не запертое море. Такъ во 2-й книгѣ, на страницѣ 83, онъ говоритъ: «Oceanus admittit multos sinus, maximos autem quatuor, quibus is, qui ad septentrionem spectat, Caspium vocatur mare, sive Hircanum. Persicus autem sinus, et sinus Arabicus etc.»

Согласно съ этѣми писателями полагаетъ и Василій Великій (Basileae, 1565), мужъ святой; такъ, въ бесѣдѣ 4-й на Шестодневъ (Homil. 4 in Hexameron), стр. 47, онъ говоритъ: «Unum iantum est mare; quanquam et Hyrcanum Caspiumque mare sunt, qui seorsum circum scripta suis esse finibus arbitrentur, sed si tis, qui in describendis terris operam navarunt, mentem adhibere oporteat hac inter sese per meatos suos commiscentur in omnia, et omnia permeant in mare maximum.» Макробій (Basileae, 1535) хотя также приходитъ къ этой же мысли, но поставляетъ и нѣкоторое сомнѣніе въ ней, говоря: «Sed describi hoc (т. е., Каспійское море) nostra attestatione non debuit, cujus situs nobis incognitus perseverat» (In somnio Scipionis l. 2, cap. 6, 9, pag. 78).

Я же держусь Геродота и Аристотеля, которые пишутъ, этотъ: (Meteor. Lugduni Batav., 1590): «Hyrcanum mare et Caspium ab extero mari sejuncta sunt, et circumquaque accolas habent,» и тотъ: (lib. 1, c. 52): «Mare Caspium per se est, nec ullo cum alio cammiscetur.» Это есть особое море, которое не имѣетъ ни какого сообщенія съ великимъ моремъ, повсюду заперто берегами и можетъ по этому совершенно справедливо быть названо Средиземнымъ моремъ (mare mediterraneum).

Мнѣніе это подтвердили мнѣ Гиляицы, живущіе на западной сторонѣ этого моря, и другіе Персы, которыхъ я старательно распрашивалъ объ этомъ.

Длину Каспійскаго моря вообще писатели считаютъ въ 15, а найбольшую ширину въ 8, дней пути, если, какъ говорятъ они, плыть безъ помощи вѣтра, на веслахъ, безъ всякой помѣхи. Если же границы этого моря я буду опредѣлять по лежащимъ на берегахъ его городамъ и мѣстностямъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣю я не только изъ каталога долготы и широты (Catalogo longitudinum), полученнаго мною отъ Персовъ, и изъ Астрономическихъ отрывковъ Іоанна Граве (Fragmentis Astronomicis Johan-

nis Gravii), но частію и изъ собственныхъ моихъ изслѣдованій, то длина моря будетъ простираться не такъ, какъ изображали ее до сихъ поръ на обыкновенныхъ картахъ, отъ востока къ западу, но отъ сѣвера къ югу или отъ полуночи на полдень, а ширина съ востока на западъ или отъ утра на вечеръ. Длина эта отъ ostio maris или отъ выхода, устья моря подъ Астраханью, до Ферабата (Ferabath), простирается на 8 градусовъ равноденственника, слѣдовательно, на 120 Нѣмецкихъ миль; ширина же, отъ области Хуразмъ (Churesm) [1] до Черкаскихъ горъ, занимаетъ около 6 градусовъ онаго; слѣдовательно, простирается на 90 миль.

Нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ пріятелей по Лейпцигскому Университету, увидавши въ первомъ изданіи моемъ карту Персіи, писали и дѣлали мнѣ замѣчанія на то, что я далъ такое положеніе Персидскому морю и что это было противно существовавшему дотолѣ мнѣнію всѣхъ Географовъ. Но такъ какъ объ этомъ предметѣ, какъ уже сказано, я получилъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, то я и не смѣю обращаться къ мнѣнію другихъ. Извѣстно что: «Erante uno, erant omnes.» Когда Діонисій Александрійскій далъ по ошибкѣ сказанное выше положеніе Каспійскому морю, то другіе, не видавши сами этого моря, слѣдовали ему и повторяли его ошибку. Море это не имѣетъ ни прилива, ни отлива (fluxum et refluxum), какъ другія моря, хотя Курцій, въ помянутомъ выше мѣстѣ, думаетъ, что они бываютъ на Каспійскомъ морѣ. Если иногда бываетъ, что вода не только въ берегахъ прибываетъ, но даже и выступаетъ изъ берега, что преимущественно случается на западной сторонѣ, то это слѣдуетъ приписать только вѣтру, дующему съ моря. Въ тихую же погоду море всегда сохраняетъ одинаковый уровень и высоту. По срединѣ оно такъ глубоко, что 60, 70 саженями недостаютъ еще дна. Какъ сказано выше, мы не могли достать дна 30-ю саженями, бывши только въ 6, или въ 7-ми, миляхъ отъ Дагестанскаго берега.

Въ это море впадаетъ весьма много рѣкъ, и когда мы ѣхали еще въ Персію, то намъ говорили, будто рѣкъ этѣхъ нѣсколько сотенъ, что намъ казалось сперва невѣроятнымъ, но потомъ на

---

[1] Хивы. О. Б.

возвратномъ пути показалось и правдоподобнымъ. Такъ, на небольшомъ пути отъ Решта до Шемахи, въ двадцать почти дней, мы переѣхали болѣе 80 большихъ и малыхъ рѣкъ. Важнѣйшія и самыя большія изъ нихъ, которыя мы видѣли, были: Волга, Араксъ (Araxis) или Арасъ (Aras), соединяющійся съ Циромъ или Куромъ (Cyro или Kür), Кизилозенъ (Kisilosein), Быстрая (Bustrow), Аксай (Aksai) и Койсу (Koisu). Кромѣ того, въ это же море впадаетъ съ сѣвера: Яикъ (Jaik) [2] и Емсъ (Jems); [3] съ юга и востока: Ніосъ (Nios), Оксъ (Oxus) [4] и Орксантесъ (Orxantes), [5] у Курція Танаисъ называемый.

Многіе весьма удивляются, отъ чего это происходитъ, что Каспійское море, принимая въ себя такое множество рѣкъ, не имѣетъ ни какого видимаго истока? Нѣкоторые думаютъ по этому, что такъ какъ оно замкнуто, то оно имѣетъ скрытые, подземные каналы или протоки въ океанъ или въ открытое море. Такаго мнѣнія держался Сваръ (Svarius), а у него заимствуетъ и Цезъ (Caesius) (Lugduni Batav., 1636), который, въ своемъ: «De mineralibus,» въ 1-й книгѣ, 6-й главѣ, на страницѣ 57-й, говоритъ: «Svarius, lib. 2, de opere 6 dierum, cap. 6, recte scribit: Caspium si nullam cum oceano habeat externam communicationem, at aliquam habere subterraneam censendum.»

Персы сообщали намъ, что на югѣ Каспійскаго моря, между Табристаномъ (Tabristan) и Мазандараномъ (Masandaran), недалеко отъ Ферабата, есть громадная бездна, въ которую море низвергается и уходитъ подъ гору. Но что значитъ бездна эта, какъ бы одна рѣка, въ сравненіи съ такимъ множествомъ рѣкъ, вливающихся въ море? Я же полагаю, что это море и рѣки имѣютъ тѣ же самыя свойства, какъ и большое какое нибудь море и рѣки. Теперь существуютъ объ этомъ различныя мнѣнія, какъ это можно читать у естествовѣдовъ de ge-

---

[2] Уралъ. О. Б.

[3] Емъ или Емба, у Киргизовъ Джемъ, т. е., Ягодная рѣка. О. Б.

[4] У Арабовъ Джигонъ или Джигунъ, Гигонъ, нынѣ Аму-Да(е)рія, т. е., Аму рѣка. О. Б.

[5] Иначе Jaxartes, у Арабовъ Сейхунъ, Сигонъ, нынѣ Сыръ-Да(е)рія. О. Б.

neratione fontium, о происхожденіи источниковъ и рѣкъ. Николай Кабей (Cabeus) приводитъ нѣсколько изъ этѣхъ мнѣній въ своемъ «Comment. super lib. Meteorolog. Aristotelis» (Romae, 1646). Такъ, Перипатетики думаютъ, что не возможно, чтобы рѣки вытекали изъ морей; ибо въ моря этѣ онѣ текутъ внизъ; иначе было бы движеніе противоестественное, если бы тяжелое вещество имѣло теченіе вверхъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что земля также, какъ и небо, имѣетъ своихъ intelligentias, т. е., Ангеловъ или духовъ, которые совершаютъ въ ней движенія, и такимъ образомъ выводятъ воду изъ глубины земли.

Другіе же говорятъ, что земля, подобно животному, имѣетъ свой собственный духъ и душу, посредствомъ которыхъ всѣ части земли дѣлаются какъ бы живыми и приводятся въ движеніе. По этому воды естественною силою проходятъ по сокрытымъ жиламъ земли и восходятъ даже на горы, подобно тому, какъ въ человѣкѣ кровь идетъ отъ печени къ сердцу и черезъ пустую вену (venam lavam) поднимается вверхъ въ голову, хотя влага сама по себѣ тяжела, но естественное движеніе дѣлаетъ ее восходящею вверхъ. Такимъ образомъ это вовсе не насильственное, но естественное, движеніе, когда воды изъ центра или средины земли восходятъ на высочайшія горы.

Кабей самъ по себѣ имѣетъ двоякое мнѣніе: во 1-хъ, что высоты моря не во всѣхъ мѣстахъ одинаково удалены отъ среды земли и, слѣдовательно, поверхности морей въ одномъ мѣстѣ выше, нежели въ другомъ, не смотря на то, что они были бы соединены проливами, или узкими протоками; такъ, на примѣръ, поверхность Индійскаго моря гораздо выше поверхности Средиземнаго моря и проч. Но откуда же тогда происходятъ рѣки, которыя съ Индійскихъ горъ изливаются въ Индійское море? И по чему поверхности и высоты морей, такъ какъ моря этѣ входятъ одно въ другое, не могутъ наконецъ сравняться, особенно же когда болѣе высокія моря посредствомъ рѣкъ вливаются въ болѣе низкія? Во 2-хъ, говоритъ онъ, это можетъ совершаться слѣдующимъ образомъ: извѣстно, что существуетъ подземная теплота, о которой свѣдѣтельствуетъ происхожденіе

металловъ и камней; извѣстно также, что земля во многихъ мѣстахъ песчана, скалиста и болотиста, или поздревата, и что она, слѣдовательно, втягиваетъ въ себя морскую воду; когда, далѣе внутреній жаръ претворяетъ эту воду въ пары (in vapores), которые сокрытыми трещинами и ходами поднимаются, то вверху, какъ бы въ холодныхъ сводахъ, подобно тому, какъ дѣлается это въ перегонной печи, они стекаются вмѣстѣ и обращаются подъ конецъ въ пресную воду (ибо, при перегонкѣ, соль всегда осаждается на дно); когда же такія испаренія проникаютъ выше и поднимаются вверхъ, то они обращаются въ дождь. Это, говоритъ онъ, было также и мнѣніе Аристотеля, dum excondensato aëre in cavernis terrae fontes fluere dixit, какъ говорится объ этомъ подробнѣе въ помянутомъ изслѣдованіи, кн. 1, стр. 62.

Скалигеръ думаетъ, что истеченіе водъ или источниковъ происходитъ отъ тяжести морской воды, которая большею частію не въ своемъ собственно мѣстѣ, гдѣ она покоится, но выше поднимается, въ слѣдствіе того, что высшій слой воды давитъ на низшій, отъ чего вода съ силою протѣсняется сквозь трещины и трубочки земли и брызжетъ выше самаго уровня моря; и положеніе это Скалигеръ остроумно объясняетъ одною фигурою, которая представляетъ комъ земли, въ которомъ двѣ части воды и одна земли, и говоритъ, что Творецъ весьма мудро воздвигъ высоты на землѣ, съ тѣмъ, чтобы извергаемая изъ нихъ жидкость могла служить его твореніямъ, нуждающимся въ ней; къ этому, хотя и въ шутку, но наводя на размышленіе, онъ добавляетъ: «Non est praetereundum, quod a semimonacho inter convivas dicebatur. Esse in terra venas, a quibus trahatur aqua, sicuti sanguis a venis animalium, quod volui tibi ad risum apponere, post haec ossa.»

Это мнѣніе Скалигера весьма замѣчательно, и оно согласно съ изреченіемъ мудраго Соломона (Еккл. 1, 7), который говоритъ: Вся вода выходитъ изъ моря и обратно вливается въ него, но вышедши изъ моря она утрачиваетъ свою соль отъ такого множества и длинноты изворотовъ и путей, черезъ которые проходитъ вода. По этому-то, какъ говоритъ Скалигеръ, въ «Exer.» 50, и какъ мы сами это изслѣдовали, источники, чѣмъ удаленнѣе отъ моря, тѣмъ слаще.

Не мѣшаетъ также, что такіе источники вытекаютъ иногда изъ вершины весьма высокой горы; ибо какъ гора эта все таки дѣлаетъ землю съ водою круглымъ шаромъ, то такая гора, слѣдовательно, и не очень высока. На обратномъ пути изъ Персіи, между Дербентомъ и Шемахой, при селеніи Зоратѣ (Sorat), которое нѣкоторые называли Багель (Bahel), я взошелъ на одинъ довольно высокій холмъ, взявши съ собою, ради удовольствія, и астролябію; тамъ я подвинулъ діоптру на горизонтальную линію, и повернулся къ морю, находившемуся въ 2-хъ миляхъ оттуда, и тогда я хорошо видѣлъ высоту моря. Я долженъ, впрочемъ, признаться при этомъ, что во время этого наблюденія былъ довольно бурный вѣтеръ, который, какъ полагаетъ Варенъ, въ своей Географіи (Geographia generalis etc. Amstel., 1664), говоря объ этомъ замѣчаніи моемъ, могъ поднять волны, бывающія во время бури обыкновенно очень высоки и коротки на этомъ морѣ. Квинтъ Курцій, въ 6-й книгѣ, пишетъ: «quod hoc dulcius caeteris,» что море это слаще, чѣмъ вода въ другихъ моряхъ. Полибій же, въ 4-й книгѣ, на страницѣ 309-й (ed. Casauboni), Страбонъ, въ 1-й книгѣ на страницѣ 34-й (ed. 1587), и Арріянъ (ed. 1575), приписываютъ это свойство Понту Эвксинскому, и причину того полагаютъ во множествѣ втекающихъ въ него рѣкъ, которыхъ также много впадаетъ и въ Каспійское море. Если мнѣніе Курція имѣетъ мѣсто, то развѣ только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о Гирканскомъ, или по теперешнему его имени, о Гилянскомъ берегѣ, такъ какъ сдѣсь вода, конечно, сладка, или негодна, по весьма большому количеству рѣкъ, впадающихъ въ этомъ мѣстѣ моря.

«Copia tot laticum, quas augit adulterat aquas,
Nec patitur vires aequor habere suas,»

говоритъ Овидій о Понтѣ (l. 4, El. 10; ed. 1607).

На поверхности же море такъ солоно, какъ только можетъ быть солоно открытое море. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я старательно пробовалъ воду, когда 12-го Ноября буря загнала насъ нѣсколько глубже въ море. Слаще ли вода его внизу, на днѣ (какъ пишетъ Скалигеръ обо всѣхъ моряхъ), я, признаться, не имѣлъ охоты отвѣдать. Скалигеръ приводитъ причины такого явленія и говоритъ, что солнце и воздухъ уносятъ съ

верхнихъ слоевъ моря нѣжную и сладкую воду, отъ чего на верху и остается только густая и соленая вода. По этѣмъ же причинамъ, полагаетъ онъ, море въ началѣ творенія было сладко. Но въ такомъ случаѣ море, съ теченіемъ времени, должно дѣлаться все солонѣе, хотя оно и принимаетъ вновь множество сладкой воды изъ впадающихъ въ него рѣкъ.

Весьма вѣроятно, что до временъ Царя Александра Каспійское море было извѣстно не далѣе, какъ по берегамъ только; ибо, какъ пишетъ Арріянъ, въ 7-й книгѣ, Александръ приказалъ рубить лѣсъ на Гирканскихъ горахъ (которыя сплошь покрыты лѣсомъ) и строить корабли для того, чтобы изслѣдовать море; такимъ образомъ о томъ, что было извѣстно въ то время о морѣ этомъ, упоминаетъ Курцій.

Наши Посланники хотѣли и порѣшили было, чтобы корабль нашъ и шлюбка, если бы онѣ были цѣлы, во время пребыванія нашего у Персидскаго Шаха, проплыли море вдоль и поперекъ и собрали вѣрныя свѣдѣнія объ его свойствахъ, что легко бы могло исполниться, если бъ кораблекрушеніе не уничтожило этого намѣренія.

Персы, Татары и Русскіе плаваютъ по Каспійскому морю но такъ какъ у нихъ плохія и дурно снаряженныя суда, а сами они почти только и плаваютъ что по вѣтру, то они никогда не отваживаются пускаться на средину моря, но держатся береговъ, у которыхъ могутъ останавливаться на якоряхъ.

Каспійское море имѣетъ мало надежныхъ и хорошихъ пристаней. Мѣсто между островомъ Чеченемъ (Tzenzeni) и материкомъ, за Терки, считается пристанищемъ, по тому что Персы всегда останавливаются тамъ и имѣютъ ночлегъ. Они также пристаютъ у Баку, Ленкорана и Ферабата, гдѣ, въ случаѣ вѣтра, укрываются за насыпями. Лучшая же пристань во всемъ морѣ находится на востокѣ, на Татарской сторонѣ, въ области Хуарезмъ (Chuaresme), и называется она Мингишлакъ (Minkischlak), [6] каковое названіе въ «Itinerario Antonii Jenkisonii,» по ошибкѣ измѣнено въ Мангуславъ (Manguslave).

[6] Мангышлакъ. О. Б.

Того, чтобы вода на поверхности Каспійскаго моря была такъ черна, какъ смола и деготь, какъ сообщаетъ это Петрей, въ своей Лѣтописи, на 120-мъ листѣ, я не замѣтилъ и не видалъ. Несправедливо также и то, что говоритъ онъ объ островахъ этого моря, именно, будто многіе изъ нихъ застроены прекрасными городами и городками; ибо на всемъ морѣ нѣтъ ни одного острова, на которомъ были бы не только города, но хотя бы одинъ домъ, за исключеніемъ о. Энзеля (Ensil) при Ферабатѣ, на которомъ, по причинѣ отличныхъ пастбищъ, имѣющихся на немъ, есть нѣсколько пастушьихъ лачужекъ. Я также старательно распрашивалъ Гилянцевъ и другихъ обитателей Каспійскихъ береговъ: водится ли теперь еще въ морѣ такая большая змѣя, про какую сообщаетъ Курцій въ помянутомъ выше мѣстѣ, но никто рѣшительно о такой змѣѣ ни чего не знаетъ; равно никто не знаетъ и о той рыбѣ, о которой упоминаетъ Амвросій Контарини (Ambrosius Contarenus), въ своемъ «Itinerario, (Francofurti, 1601), который Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus) приложилъ къ своему «Opus de reb. Persicis» (Rerum Persicarum historia. Francofurti, 1601). И самъ Бизаръ, заимствуя изъ Контарини, также пишетъ объ этой рыбѣ, въ 12-й книгѣ, на страницѣ 327, слѣдующее: въ Каспійскомъ, де, морѣ ловится круглая рыба, безъ головы и другихъ членовъ, величиною въ $1^1/_2$ локтя, изъ которой выварпвается ворвань, продающаяся по всей странѣ, для употребленія на освѣщеніе въ лампахъ и на верблюжью мазь. На распросы мои объ этомъ мнѣ отвѣчали, что тамошніе жители вовсе не имѣютъ надобности добывать изъ рыбы ворвань, по тому что страна ихъ весьма изобилуетъ нефтью, которую они и употребляютъ для сказанныхъ цѣлей.

Нефть есть масло, добываемое изъ неизсякаемыхъ колодцевъ около Баку и горы Бармахъ (Barmach) въ громадномъ количествѣ, развозимое и продаваемое въ бурдюкахъ, на огромныхъ возахъ, по всей странѣ, какъ мы сами это видѣли. Туземцы, впрочемъ, разсказывали, что въ Каспійскомъ морѣ водится большая рыба Нака (Naka), что значитъ глотающая, у которой голова и туловище короткіе, но пасть большая, хвостъ же круглый, имѣющій въ разрѣзѣ отъ 2-хъ до 3-хъ и даже 4-хъ локтей. Это довольно опасная и вредная для рыбаковъ рыба; ибо она

держитъ обыкновенно голову внизу, въ водѣ, хвостомъ же можетъ разбить лодку, если не принять предосторожности. Подобною же опасностью угрожаютъ также и бѣлуги, которыхъ въ морѣ бездна и довольно большихъ. По этому ни одинъ рыбакъ не отваживается пускаться въ море на глубину болѣе 4-хъ саженъ.

Этѣхъ-то рыбъ, вѣроятно, Помпоній Мела имѣлъ въ виду, когда писалъ въ своей Географіи: «Hoc mare belluis magis quam caetera infestum et ideo minus navigabile,» иначе мнѣніе его не подтверждается; ибо сдѣсь не знаютъ ни какихъ другихъ опасныхъ морскихъ животныхъ. Рыбаки ловятъ этѣхъ враговъ своихъ, въ Гилянѣ, тотчасъ противъ горы Загебеланъ (Sahebelan), гдѣ онѣ найболѣе попадаются, на бычачью, или овечью, печень, или просто на мясо, надѣтыя на большія острыя удочки, привязанныя къ крѣпкому снуру, и вытаскиваютъ ихъ на берегъ. Кромѣ того, въ морѣ этомъ, вопреки мнѣніямъ Контарини и Бизара, водятся всякаго рода рыбы, каковы, на прим., прекрасныя, крупныя семга, осетръ, карпъ, величиною болѣе 2-хъ локтей, особый родъ сельдей, крупная порода лещей, которыхъ они называютъ хашамъ (Chascham), имѣющихъ, впрочемъ, не такую высокую спину, какъ наши лещи. Также швитъ (Schwit), родъ севрюги, величиною до 2-хъ локтей, но если уже полулоктемъ больше этой мѣры, то мясо ея жестко, и такую не ѣдятъ.

Судакъ (Suggaht), особый родъ пеструшки (Lacsforen), которую они солятъ и коптятъ. Для ѣды рыбу эту приготовляютъ такъ: обвертываютъ уже копченую рыбу въ кусокъ полотна, или выбойки, кладутъ ее въ горячій очагъ, засыпаютъ горячей золой и жарятъ ее такимъ образомъ; вкусомъ она препріятная. Но за тѣмъ ни щукъ, ни угрей въ цѣлой странѣ не встрѣчается. Персіяне, увидѣвши насъ въ первый разъ въ Германіи, что мы ѣли угрей, подумали, что мы ѣдимъ змѣй.

Поелику море такъ богато рыбою, то всѣ рѣки, впадающія въ него, отдаются на откупъ и ежегодно доставляютъ Шаху невѣроятное количество денегъ. Иногда, впрочемъ, случается, что откупающіе ихъ люди такъ набьютъ цѣну, что терпятъ

потомъ очевидный убытокъ. Такъ въ наше время, въ городѣ Кескерѣ (Kesker), одинъ откупщикъ, по имени Шемзи (Schemsi), долженъ былъ заплатить за 5 рѣкъ 8,000 талеровъ; а такъ какъ въ тотъ годъ былъ плохой уловъ, то онъ потерпѣлъ убытку двѣ тысячи талеровъ. Время откупа продолжается съ Сентября по Апрѣль и тогда часть рѣки запирается изгородями отъ моря, и во все это время между изгородями и моремъ никто уже не смѣетъ ловить, кромѣ откупщика; по ту же сторону изгородей, равно какъ и по прошествіи откупнаго срока, ловля дозволяется всѣмъ и каждому. Вотъ и все о Каспійскомъ морѣ.

ГЛАВА XVII.

О мѣстности, на которой мы высадились и какъ мы жили тамъ.

Страна того мѣста, къ которому мы пристали, или куда насъ выкинуло, называется Мюзкюръ (Müskür), и составляетъ край и часть области Ширванъ (Schirvan) или древней Мидіи. Она простирается вдоль Каспійскаго моря, отъ Дербента до Гиляна, заключаетъ въ себѣ двѣсти селеній и управляется Дербентскимъ Султаномъ. Страна повсюду представляла отрадное зрѣлище, по тому что деревья и земля были еще въ зелени; почва въ ней жирная и плодородная, богатая рисомъ, пшеницей, ячменемъ, и прекрасными овощами, поросшая отдѣльными деревьями и немного кустарникомъ, въ которомъ весело распѣвали птицы даже въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Скотъ тамъ зимою и лѣтомъ пасется на лугахъ, по этому туземцы не имѣютъ обыкновенія запасать сѣно для своего скота, и если его собираютъ, то большею частію для путешественниковъ.

Виноградники разбросаны тамъ и сямъ дикими изгородями, безъ воздѣлыванія ихъ, нѣкоторые же красиво плетутся по высокимъ деревьямъ, отъ 8 до 10 саженъ, взбираются на верхъ,

вьются по вѣтвямъ и потомъ, ниспадая внизъ, висятъ концами въ двѣ, три, сажени длиною.

Такіе виноградныя лозы мы видѣли неимовѣрной величины, на обратномъ пути по всему Гиляну, въ особенности же въ Астарѣ (Astara). Водится тамъ множество пернатой дичи, особенно фазановъ; также и бездна зайцевъ, охота за которыми очень забавляла насъ. Есть тамъ еще особый родъ лисицъ, которыхъ туземцы называютъ шакалами (Schakal), величиною съ обыкновенную лисицу (которыхъ сдѣсь тоже много и зовутъ ихъ Тулки, Tulki). На спинѣ у этѣхъ шакаловъ густая шерсть, съ жесткими, длинными и торчащими волосами, брюхо бѣлое, какъ снѣгъ, уши, какъ уголь черныя, и хвостъ меньше, чѣмъ у обыкновенной лисицы. Шакалы этѣ по ночамъ бродятъ стаями около селеній и поднимаютъ жалобные крики, какъ бы воютъ.

Крестьяне имѣютъ у себя много буйволовъ, на которыхъ таскаютъ доски, деревья и всякія тягости; кормятъ этѣхъ буйлововъ шембелилемъ (Schembelilé) или foenum Graecum, [1] растеніемъ, которымъ туземцы засѣваютъ цѣлыя поля, какъ у насъ чечевицей, и журавлинымъ горошкомъ, и собираютъ его, когда оно еще зеленое; за тѣмъ мѣшаютъ его съ разнымъ зельемъ и сѣмянами и даютъ ѣсть буйволамъ. Молоко буйволовыхъ самокъ такъ жирно, что съ него отстаивается слой сливокъ, толщиною болѣе чѣмъ въ два пальца, и масло изъ этого молока чрезвычайно вкусное. Сыра тамъ никогда не дѣлаютъ изъ коровьяго молока, но всегда изъ овечьяго.

Селеніе Ніазабатъ (Niasabath), въ которое мы попали, лежитъ на 41° 15′ отъ равноденственника и состоитъ едва изъ 15 разбросанныхъ тамъ и сямъ хижинъ, которыя всѣ построены четырехъугольниками, изъ земли, вышиною въ два человѣка, съ гладкою крышею, обложенною дерномъ, на которой точно также можно ходить, какъ и по землѣ. Такой способъ построекъ плоскихъ крышъ существуетъ чуть ли не по всей Персіи, даже по

[1] Верблюжья трава, гунба? О. Б.

цѣлой Азіи, и люди тамъ лѣтомъ постоянно почти живутъ на крышахъ, открыто, или подъ раскинутыми тамъ палатками, работаютъ, ѣдятъ и спятъ по ночамъ, ради болѣе свѣжаго воздуха. Сдѣсь мы только впервые уразумѣли, какъ было дѣло, когда разслабенный черезъ крышу спущенъ былъ къ ногамъ Господа Христа, а также понятны стали намъ тогда и слова Іисуса Христа, сказавшаго, что когда кто на крышѣ, тотъ не долженъ сходитъ съ нея для того, чтобы достать что либо. Этѣ крестьянскія жилья внутри довольно чисты и самыя комнаты сверхъ земли обложены коврами.

Въ Ніазабатѣ мы размѣстились по домамъ, и сначала хозяева каждаго дома продовольствовали всѣхъ насъ хорошо. Но какъ у насъ народу было много, и мы должны были прожить сдѣсь нѣсколько недѣль, селеніе же было небольшое, и оно не получало ни какого приказанія доставлять намъ продовольствіе, то мы стали уже держать столъ не въ домахъ, а въ палаткѣ, раскинутой подлѣ Посольскаго жилья, и, за недостаткомъ свѣжаго хлѣба и пива должны были ѣсть сухари и пить мутную воду изъ ручья, такъ какъ по близости не было ни какого источника.

Корабль, на сколько можно только было добыть его изъ воды, разобрали и употребили на топку.

19-го Ноября Правитель Дербентскій, Шахевирди (Schachewirdi) Султанъ, прислалъ съ привѣтствіемъ къ Посланникамъ двухъ почетныхъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ братъ Начальника или Кауха Ніазабатскаго. Вмѣстѣ съ письмомъ они доставили въ подарокъ: 2 лошади, 2 быка, 12 овецъ, 20 куръ, 3 большихъ кружки вина, кружку чистой воды, 2 корзины яблокъ и 5 мѣшковъ пшеничной муки, что все прислано было въ даръ Посламъ отъ самаго Султана, изъ добраго его расположенія. Но когда Посланники услыхали, что въ письмѣ Султана говорится только объ одной лошади, то они и хотѣли принять только одну изъ даренныхъ лошадей; уполномоченные же объясняли, что Султану извѣстно было только объ одномъ Посланникѣ, отъ того онъ и прислалъ только одну лошадь; когда же они, уполномоченные, узнали уже сдѣсь, что Посланникъ не

одинъ, а двое, то они прикупили и другую лошадь, зная хорошо, что это понравится Султану, и что все то, что сдѣлаютъ они, особенно одинъ изъ уполномоченныхъ, который, за отсутствіемъ Султана, обыкновенно исполняетъ его должность правителя, Султанъ приметъ за пріятное для себя. Но Бругманъ, видя, что лошадь его нетакъ хороша, какъ лошадь Крузе, рѣшительно отказался принять ее, сколько ни упрашивали его Персы и сколько ни защищались они противъ брани, разразившейся по этомъ случаю надъ Султаномъ. Ему даже не было послано и ни какого отвѣтнаго подарка, что въ обычаѣ въ Персіи и Россіи. Въ послѣдствіи мы узнали, что Султанъ за это, во время нашего путешествія, во всемъ старался болѣе мѣшать намъ, чѣмъ содѣйствовать.

22-го числа Посланники отрядили 3-хъ человѣкъ изъ сопровождавшихъ ихъ въ Шемаху, къ Хану или главному правителю всей области Ширванской, извѣстить объ ихъ пріѣздѣ и съ просьбою о доставленіи имъ средствъ къ скорѣйшему продолженію ихъ пути. Но Ханъ, знавшій уже о нашемъ прибытіи, послалъ къ намъ провожатаго, съ которымъ наши гонцы разъѣхались на дорогѣ. Проважатый этотъ пріѣхалъ къ намъ 29-го числа, въ богатой одеждѣ, на прекрасно убранной и множествомъ отличной бирюзы разукрашенной лошади, любезно привѣтствовалъ Пословъ, и сообщилъ, что Ханъ Шемахинскій назначилъ его Мегемандаремъ (Приставомъ, или провожатымъ) къ намъ, и прислалъ для того, чтобы онъ заботился объ удовлетвореніи всякаго рода потребностей Пословъ въ продовольствіи, повозкахъ и лошадяхъ, и препроводилъ бы ихъ, Пословъ, въ Шемаху. Этого Магемандаря, вмѣстѣ съ другими Персами, пріѣхавшими съ нимъ, мы довольно изрядно угостили всякого рода водкой и плодами, пальбою изъ пушекъ и музыкою, которая особенно понравилась Персамъ и о которой они даже просили, чтобы повеселить ихъ. Въ отвѣтъ на это угощеніе Мегемандарь прислалъ намъ 5 овецъ, 3 кружки вина и нѣсколько гранатъ.

30-го Ноября возвратились посланные наши изъ Шемахи съ извѣщеніемъ, что они нашли Хана не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, въ полѣ, въ раскинутыхъ палаткахъ съ

400 человѣкъ Персіянъ; что онъ принялъ ихъ радушно и объявилъ, что уже сдѣлалъ распоряженіе и послалъ на встрѣчу Посламъ Мегемандаря. Также, что Ханъ узналъ, что мы прибыли въ числѣ 300 человѣкъ, о каковомъ числѣ онъ послалъ уже донесеніе Шаху, для котораго, если бъ насъ было и вдвое болѣе, мы всѣ были бы пріятные гости. Что, далѣе, Шахъ (такъ Персы зовутъ Царя своего) давно уже слышалъ объ этомъ посольствѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его. Ханъ при этомъ подробно распрашивалъ нашего толмача, Рустама, по тихоньку о нашемъ правѣ, жизни, обычаяхъ и тому подобномъ.

Когда Мегемандарь нашъ узналъ отъ насъ, сколько нужно было намъ лошадей и повозокъ, Дербентскій же Султанъ не хотѣлъ дать изъ своей области такого значительнаго количества того и другого, то онъ и отправился доставить недостающее изъ Шемахи. По этому мы должны были оставаться здѣсь болѣе мѣсяца.

Въ этѣ дни въ то же мѣсто, гдѣ находились мы, прибылъ благополучно и купецъ Персидскаго Шаха (Cuptzi), подвергавшійся на морѣ также большой опасности.

Еще 24-го Ноября прибыла туда же небольшая лодка съ 5-ю людьми, которые были съ Персидскаго корабля, плывшаго въ Гилянъ, и 13-го числа ночью, въ страшную бурю, затопленнаго водою и пошедшаго ко дну, вмѣстѣ съ имуществомъ и 50-ю людьми; только этѣ 5 человѣкъ одни и спаслись при этомъ крушеніи и цѣлые 10 дней носились по морю.

Какъ велика сначала была радость наша, что мы наконецъ достигли, послѣ столькихъ несчастій, давно желанной Персіи, столько же тягостна теперь была для насъ эта страна и непріятна, въ слѣдствіе великихъ препятствій и немалаго огорченія и неудовольствій, которыя возникли почти во всѣхъ сопровождавшихъ Посольство, вскорѣ по вступленіи въ эту страну, и продолжались потомъ довольно долгое время, по причинѣ своенравія одной главной особы; но объ этомъ, полагаю, приличнѣе будетъ скорѣе умолчать, чѣмъ вдаваться въ подробности.

Въ слѣдствіе такого непріятнаго настроенія, нѣкоторые изъ насъ, бывшіе изъ Мишніи и Саксоніи и постоянно находившіеся другъ съ другомъ вмѣстѣ и въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, отправились, 1-го Декабря, прогуляться въ поле, чтобы утѣшить себя и другъ друга, и тамъ, привлеченные не только отличною, словно лѣтнею, погодою, но и прекраснымъ зеленымъ кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ виноградникомъ и гранатовыми деревьями, мы взошли на веселый холмъ, около котораго съ пріятнымъ шумомъ протекала рѣка, дѣлающая этотъ холмъ какъ бы полуостровомъ, усѣлись тамъ и утѣшались воспоминаніями о своихъ добрыхъ друзьяхъ, оставленныхъ нами въ Германіи. Чтобы веселѣе провести эту прогулку, нашъ любезный другъ, Г. Гартманъ Граманъ, далъ намъ отличныя средства въ оставшемся у него запасѣ ведчины, копченаго коровьяго языка, Аликанте, Испанскаго вина и водки. Это прекрасное мѣсто, какъ какъ оно находилось недалеко отъ селенія, мы часто посѣщали послѣ того, и въ числѣ другихъ травъ, цвѣтовъ, росшихъ тамъ въ необычайномъ количествѣ, мы часто находили бѣлую буквицу и нарцизы различнѣйшихъ родовъ.

9-го числа прибылъ изъ Тарку (Tarku) Татарскій Князь, съ своимъ братомъ, который былъ у насъ въ Теркахъ, и съ 20-ю Татарами, посѣтитьОсловъ нашихъ. Такъ какъ въ Ніазабатѣ для него не оказалось помѣщенія, то онъ возвратился въ ближайшее селеніе и на слѣдующій день прислалъ въ подарокъ Посламъ: одного быка, нѣсколькихъ овецъ и двѣ большія корзины яблокъ; его отдарили мы нѣсколькими локтями сукна, атласа, водкой и табакомъ. Князь этотъ далъ намъ знать, что изъ Терки прибылъ къ нему гонецъ съ извѣстіемъ, что Дагестанскій Шафкалъ (Schaffkal), Султанъ Магмудъ, вторгся въ его владѣнія съ нѣсколькими сотнями людей, и по тому Князь просилъ, не могутъ ли Послы снабдить его хоть немного порохомъ. Мы подарили ему боченокъ пороху въ 80 фунтовъ.

Въ тотъ же день возвратился нашъ Мегемендарь и утѣшилъ насъ вѣстью о нашемъ отъѣздѣ, который долженъ былъ состояться по истеченіи 14-ти дней, когда подойдутъ въ достаточномъ числѣ верблюды, лошади и повозки, не только

изъ Шемахинской, но и изъ Дербентской, областей. Но хотя 12-го числа и прибыла было часть ожидаемаго народа и животныхъ, но въ ту же ночь всѣ они опять поразбѣжались. Бѣгство это Мегемандарь оправдывалъ тѣмъ, что въ ночь эту выпалъ порядочный снѣгъ и сдѣлалась очень холодная погода, чего уже нѣсколько лѣтъ не бывало; Персіяне же не привыкли путешествовать въ такую погоду, да и верблюды, съ своими круглыми копытами не могутъ ити по испорченной снѣгомъ и оттепелью дорогѣ. Къ тому же путь въ Шемаху, считавшійся въ 20 фарзендовъ (Farsend) или миль, лежавшій черезъ горы, гдѣ селеній мало, былъ весьма затруднителенъ; ибо часто случалось, что караваны замерзали въ горахъ, по недостатку топлива. Въ слѣдствіе всего этого мы должны были простоять здѣсь еще 10 дней. Хотя нѣсколько ночей дѣйствительно выпадалъ снѣгъ и была холодная погода, но въ слѣдъ за тѣмъ днемъ обыкновенно свѣтило ясное солнце, которое тотчасъ же сгоняло снѣгъ. По этому мы догадывались, что всѣ сказанныя отговорки были только выдумкою Персовъ, на которыя они большіе мастера, собственно для того, чтобы задержать насъ до полученія отъ Шаха повелѣнія о томъ, какъ должно принимать и продовольствовать насъ; ибо до сихъ поръ мы продовольствовались на собственныя свои деньги.

Въ этѣ дни Посланникъ Бругманъ приказалъ порубить нѣсколько толстыхъ досокъ, которыя, какъ говорили Персы, Шахъ ихъ съ громадными издержками и издалека приказалъ привезти и сложить на сдѣшній берегъ, для постройки изъ нихъ корабля; Бругманъ же велѣлъ сдѣлать изъ нихъ станки или лафеты для металлическихъ пушекъ нашихъ, не смотря на то, что Персы возражали, что если мы возмемъ лучшія изъ этѣхъ досокъ, какъ это и было сдѣлано, то въ этотъ годъ нельзя уже будетъ выстроить Царскаго корабля. Но въ дѣйствіяхъ своихъ Бругманъ руководствовался слѣдующимъ, высказаннымъ имъ, правиломъ: «Нравъ этого народа, т. е., Персидскаго, таковъ, что чего не хотятъ они дать добрымъ путемъ, то слѣдуетъ взять у нихъ силою.» Но Персы и тутъ сдѣлали по своему: они доставили намъ при отъѣздѣ нашемъ меньше лошадей, чтобы станковъ нельзя было взять, и надо было ихъ оставить на мѣстѣ, пушки же положили уже на верблюдовъ.

21-го Декабря прибыли Шемахинскій и Дербентскій Мегемандари, привели съ собою 40 верблюдовъ, 30 повозокъ съ быками и до 80 лошадей, уложили кладь и съ небольшимъ числомъ прислуги пустились впередъ. Когда же хотѣли отправиться и Послы съ остальнымъ народомъ, съ стряпней и всякою постельною утварью, то оказалось, что на 94 человѣка, долженствовавшихъ ѣхать верхомъ, приходилось едва шестьдесятъ лошадей. Мегемандарь клялся головою Шаха своего, что ему не возможно въ короткое время достать больше лошадей, такъ какъ добывать ихъ нужно въ области Дербентскаго Султана, котораго мы поставили въ непріязненныя къ себѣ отношенія и который по этому всячески хочетъ показать намъ свое расположеніе; онъ совѣтовалъ далѣе, чтобы, не теряя времени даромъ, мы хоть какъ ни будь тронулись и отправились въ путь, обѣщая намъ, что какъ только достигнемъ области Шемахинскаго Хана, онъ достаточно восполнитъ теперешній недостатокъ въ средствахъ продолжать путь нашъ.

Такимъ образомъ, 22 Декабря, мы тронулись изъ Ніазабата, прожившіи тамъ цѣлыхъ 5 недѣль, и принуждены были отправляться частью верхами, частью, именно, пажи или молодежь позади верховыхъ на тѣхъ же лошадяхъ, остальные же: прислуга, тѣлохранители, солдаты и прочій простой людъ даже пѣшкомъ. Путь нашъ лежалъ вдоль Персидскаго берега на югъ, и на этомъ пути мы переправились черезъ 4 небольшія рѣки и къ вечеру прибыли въ селеніе Мордовъ (Mordow), отстоящее на 4 большія мили отъ Ніазабата и принадлежащее Шемахѣ. Простолюдины живутъ здѣсь, какъ и Астраханскіе Татары, въ очень скверныхъ, плетеныхъ изъ тростника, или изъ гибкихъ прутьевъ, круглыхъ жильяхъ (лачужкахъ), называемыхъ туземцами Отакъ (Ottak).[2] Такъ какъ здѣсь не было ни какого лѣсу для топки, то мы имѣли предурной ночлегъ, особенно тѣ изъ насъ, которые, переправляясь черезъ рѣки, перемокли всѣ въ водѣ.

Мордовъ по Турецки значитъ болото, по тому что вокругъ и подлѣ этого села лежатъ огромныя болота и болотистыя озера,

[2] Оджакъ, очагъ? О. Б.

которыя по множеству источниковъ не замерзаютъ въ самую жестокую зиму. По этому зимою тамъ ловятъ бездну лебедей, пухъ которыхъ идетъ для постели Шаха. Въ этомъ селеніи, равно какъ и въ другихъ вокругъ лежащихъ, живетъ народъ, называемый Падаръ (Padar) и говорящій особымъ языкомъ, сродственнымъ отчасти съ Турецкимъ и Персидскимъ. Вѣра у нихъ Турецкая, съ примѣсью особенныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Горячія кушанья, на примѣръ, они оставляютъ не ѣвши, пока они сами собою достаточно не остынутъ; никто не долженъ дуть на нихъ, чтобы остудить, и если какой ни будь чужестранецъ, по незнанію, сдѣлаетъ это въ ихъ домѣ, то кушанье, какъ не чистое, выбрасываютъ.

Сдѣсь Посланникъ Бругманъ потребовалъ къ себѣ Піазабатскаго Кауха или Старшину, и выговаривалъ ему за то, какъ дурно поступилъ съ нами Дербентскій Султанъ, поставляя ему на видъ, какъ сердечно скорбѣлъ онъ, видя, что сопутствовавшіе ему, которыхъ онъ любитъ, какъ собственныя глаза свои (ибо они должны жить и умереть съ нимъ), при немъ должны были сдѣлать тягостный переходъ пѣшкомъ побезпрерывнымъ болотамъ и черезъ рѣки; что онъ, Бругманъ, не премнетъ принести за это жалобу Шаху. Кауха отвѣчалъ на это, что они, Персы, ни какъ не думали, чтобы у насъ было такъ много поклажи, потребовавшей такого множества лошадей; при томъ же, онъ, Кауха, не понимаетъ, для чего мы пожелали взять съ собою корабельные паруса, пушки и разные тяжелые деревянные станки, на которыхъ стояли пращи; или мы думали, что у Царя ихъ нѣтъ ни какого дерева въ его Царствѣ? и проч. и проч. Но Султанъ, де, на жалобу нашу, безъ сомнѣнія, дастъ и свой отвѣтъ. На слѣдующее утро Мегемандарь нашъ доставилъ намъ еще 20 лошадей. Посланники приказали простымъ слугамъ и матросамъ поразбить не цѣнныя ящики и бочки, годные же пожитки уложить другъ съ другомъ потѣснѣе, и такимъ образомъ, поубавивъ кладь, всѣ отправились далѣе, проѣхали 3 мили до селенія Тахоузи (Tachousi), которое лежитъ въ глубинѣ материка и обстроено довольно порядочными домами.

24-го числа мы опять проѣхали 3 мили до горы и высокой калы Бармахъ (Barmach), и помѣстились въ одномъ открытомъ

дворѣ, лежащемъ у подошвы этой горы. Такіе дворы или пристанища Персы зовутъ каравансераями (Carwansera), и въ Персіи ихъ построено множество тамъ и сямъ, на главныхъ дорогахъ, по причинѣ пустынь и неизвѣстности страны, въ разстояніи на день пути одинъ отъ другого. Но въ каравансераяхъ этѣхъ по большой части нѣтъ ни чего, кромѣ пустыхъ со сводами покоевъ и стойлъ, такъ что продовольствіе для себя и кормъ для скота необходимо везти съ собою. По этому, когда Дербентскіе возчики наши заявили намъ, что они съ своими верблюдами и лошадями хотятъ возвратиться домой, а насъ оставить въ этомъ каравансераѣ ожидать другихъ возчиковъ и повозокъ изъ Шемахи, то Посланники приказали ударить въ барабаны и затрубить сборъ всего нашего народа, а собравши всѣхъ, сдѣлали распоряженіе, чтобы всѣмъ итти въ Шемаху пѣшки, всѣ же пожитки оставить на отвѣтственности возчиковъ. Тогда этѣ послѣдніе измѣнили свое намѣреніе и остались при насъ.

Этотъ каравансерай было весьма старое четырехъугольное зданіе, сложенное изъ большихъ четвероугольныхъ камней и имѣвшее въ каждую сторону по 42 шага. На верху, надъ воротами, возвышались двѣ комнаты, въ которыхъ высѣчены были на камняхъ нѣкоторыя Еврейскія буквы слѣдующаго вида:

זבתבנואבדיעהקשגאתקלז

Внутри и снаружи тѣхъ же комнатъ тоже нѣкоторыя буквы, изъ которыхъ болѣе разборчивыя были высѣчены такъ:

25-го Декабря, въ свѣтлый праздникъ Рождества Христова, отслуживши тамъ, въ одномъ большомъ помѣщеніи, наше Богослуженіе и отпраздновавъ Рожденіе Христа, нѣкоторые изъ насъ отправились осмотрѣть одну высокую гору и скалу, о которыхъ Персіяне разсказывали намъ много чудеснаго и баснословнаго.

Гора эта лежитъ въ 2 добрыхъ выстрѣлахъ отъ Каспійскаго моря, видна издалека, круглая и на верху заканчивается высо-

кою, крутою скалою, которую Персы зовутъ по Турецки Бармахъ (Barmach), т. е., палецъ, по тому что она вызвышается, какъ бы выпрямленный палецъ, высоко надъ другими горами. Изъ долины на право вьется на верхъ дорога, но такъ какъ она была незнакома намъ, то мы съ большою опасностію вскарабкались на вершину. Воздухъ на верху былъ такъ холоденъ, что трава тамъ и разное зелье, довольно рослыя, покрыты были всѣ инеемъ или льдомъ, будто сахарнымъ осадкомъ, въ то время какъ внизу, у каравансерая, была теплая и прекрасная погода. По древнимъ развалинамъ и остаткамъ каменныхъ стѣнъ на горѣ можно заключать, что на ней находились нѣкогда великолѣпное зданіе и превосходная крѣпость; ибо у подошвы высокой скалы Бармахъ есть площадка въ 50 квадратныхъ саженъ, защищаемая толстыми стѣнами и 4-мя круглыми башнями; по срединѣ ея имѣется весьма глубокій, выложенный камнемъ, колодязь, а не въ дальнемъ разстояніи отъ площадки идутъ два рва, обложенные большими круглыми камнями. За тѣмъ отдѣльно отъ этого, въ сѣверной части, у всхода на скалу, стоялъ еще большой остатокъ стѣны, съ большими высѣченными разсѣлинами, который тоже, должно быть, составлялъ особую крѣпость. Отсюда по нѣсколькимъ высѣченнымъ ступенькамъ можно было достигнуть до самой верхушки скалы, гдѣ опять находится отлѣльный высѣченный сводъ, въ которомъ въ 3-й разъ можно было скрыться. Крѣпость эта, вѣроятно, построена была Александромъ и разрушена Тамерланомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на скалу и еще разъ скрѣпили связь свою другъ съ другомъ обѣщаніями въ вѣрной и неизмѣнной дружбѣ; за тѣмъ сорвали нѣсколько фигъ, росшихъ тамъ и сямъ на древнихъ стѣнахъ, въ разщелинахъ камней, и сошли внизъ уже настоящей прямой дорогой. Внизу между тѣмъ шелъ дождь въ то время, когда вверху, на горѣ, была отличная, ясная погода, и мы видѣли подъ собою только туманъ, разстилавшійся подобно облакамъ.

26 числа, при весьма тепломъ и ясномъ солнцѣ, мы пустились далѣе, поклажу всю отправивъ въ равнину, окружающую городъ Баку (Bakuje), сами же съ лошадьми направились черезъ гору, и вечеромъ, проѣхавши 5 миль, достигли селенія Ха-

неге (Chanegae), лежащаго среди голыхъ горъ, гдѣ мы нашли медь и всякіе плоды, но гдѣ была гнилая вода.

27 числа мы сдѣлали еще пять миль до селенія Пирмарасъ (Pyrmaraas), находящагося въ 3 миляхъ отъ Шемахи, гдѣ погребенъ одинъ Персидскій святой, по имени Сендъ Ибрагимъ (Seid Ibrahim). Персіяне говорили, что это есть древнее кладбище, оставленное неприкосновеннымъ Тамерланомъ, который, кромѣ этого мѣста, опустошилъ все кругомъ. Мѣсто это окружено каменными стѣнами и подобно замку обстроено и украшено двумя дворами. Хотя Посланники наши и пожелали было взглянуть на гробницу, но имъ не дозволено было ити далѣе передняго двора, на которомъ лежало множество надгробныхъ камней. Я же, желая поближе пройти и посмотрѣть гробницу, вечеромъ опять пошелъ на передній дворъ, взялъ въ руки свою записную книгу и сталъ вписывать въ нее Арабскія надписи, высѣченныя на камняхъ по стѣнамъ въ разныхъ мѣстахъ, для того, чтобы успокоить на счетъ себя встрѣчавшихся тамъ мнѣ Персіянъ. Когда я увидѣлъ, что это поправилось Персамъ, полагавшимъ, что я дѣлаю это въ честь ихъ святаго, то я ободрился и прошелъ черезъ дверь на главную площадку, откуда былъ ходъ ко гробу святаго и гдѣ всѣ стѣны также изсѣчены были надписями и молитвами. Когда пробывши тутъ съ полчаса, я ни кого не видалъ, то я подошелъ къ послѣдней двери, которая приперта была только однимъ колышкомъ, и проникъ внутрь со страхомъ и ужасомъ озираясь кругомъ; тамъ было нѣсколько покоевъ со сводами, въ которыя свѣтъ проникалъ только сквозь узкое окошко. Въ переднемъ покоѣ стоялъ высокій каменный гробъ, съ 2-мя ступеньками, прямо поперекъ двери, окруженный рѣшеткою. Влѣво, черезъ дверь же, можно было пройти въ свѣтлый, выбѣленный коридоръ или галерею, обложенную прекрасными коврами. На стѣнѣ большими черными буквами написано было

توكلى علي الله فهو مسند

что значитъ:

Дѣла мои поручаю я Богу,
Ибо Онъ помогаетъ мнѣ въ нуждѣ.

Изъ крытаго хода на правой сторонѣ находился другой покой со сводами, въ которомъ было 8 обложенныхъ камнемъ (замуравленныхъ) могилъ. Изъ этого покоя, опять на право, входишь въ третій покой, въ которомъ уже лежитъ Сеидъ Ибрагимъ. Гробъ его выведенъ въ вышину поболѣе локтя и покрытъ свѣтлымъ камчатнымъ покровомъ. Вокругъ, въ большихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, стояли восковыя свѣчи и фонари, вверху на сводѣ висѣли лампы, которыя я едва могъ различить, такъ какъ въ покоѣ было довольно темно. Когда я такимъ образомъ, не замѣченный ни кѣмъ, вышелъ оттуда, то Пасторъ нашъ тоже возымѣлъ желаніе осмотрѣть гробницу, и я въ другой разъ ходилъ туда съ нимъ, при чемъ входъ и выходъ совершили мы въ совершенной безопасности.

На разстояніи 2 ружейныхъ выстрѣловъ отъ селенія къ востоку, въ одной скалистой горѣ прекрасно устроена другая гробница еще одного святаго, котораго зовутъ Тирибабба (Tiribabba) и который былъ учителемъ Сеида Ибрагима Этотъ святой, какъ разсказывали намъ Персы, до сихъ поръ остается еще нетлѣннымъ, одѣтъ въ сѣрый кафтанъ и стоитъ на колѣняхъ, какъ бы совершая молитву; въ такомъ положеніи оставилъ будьто бы его Богъ, ради бывшаго писца его, Сеида Ибрагима, для того, чтобы всегда можно было видѣть учителя, послѣ смерти его, какъ и при жизни молящимся.

Посверхъ сѣраго кафтана на этого святаго ежегодно надѣваютъ еще бѣлый, а старый разрываютъ на части и дѣлятъ между богомольцами, приходящими сюда на поклоненіе. Богомольцы этѣ, нѣкоторые даже пѣшки, приходятъ сюда иногда издалека. Туземцы разсказываютъ объ этѣхъ двухъ святыхъ много баснословныхъ и невѣроятныхъ вещей, похожихъ на колдовство или чистую ложь, не чуждыя Персамъ; по этому я не считаю нужнымъ повторять сдѣсь этѣ разсказы. Надъ дверью этой второй гробницы были слѣдующія Арабскія слова:

اَلمَدَمفتح الاب بوا

что значитъ:

О Боже, отверзи дверь эту!

Около гробницы Тирибабба въ той же самой горѣ высѣчено множество пещеръ и покоевъ, въ которыхъ помѣщаются и приносятъ жертвы богомольцы. Нѣкоторые изъ этѣхъ помѣщеній были высѣчены въ горѣ такъ высоко, что въ нихъ и забраться нельзя безъ лѣстницы. Трое изъ нашихъ, помогая и подсаживая другъ друга, не безъ опасности взобрались на одну крутую скалу, въ которой были 4 просторныя комнаты, съ постелями и ящиками или загородками, и все это высѣчено было въ самой скалѣ. Мы нашли тамъ, не безъ удивленія, что въ сводѣ, изсѣченномъ изъ этой твердой скалы, были небольшія раковины, даже самая скала, мѣстами, была какъ бы сплавлена изъ этѣхъ раковинъ и песку. Позднѣе, на обратномъ пути, мы видѣли у Каспійскаго моря такую же цѣлую гору и твердыя скалы; но подробнѣе о нихъ скажу ниже.

Въ этомъ селеніи Пирмарасъ никто изъ Персовъ не смѣетъ пить вина, и долженъ только пить воду для того, чтобы, нарушеніемъ закона, содержащагося на этотъ случай въ Алкоранѣ, не осквернялись этѣ священныя мѣста.

Передъ селеніемъ, подлѣ Ибрагимовой гробницы, есть подъ землею очень глубокій подвалъ или сводъ, длиною въ 52 фута и шириною въ 20 футовъ, искусно выведенный и сложенный изъ четыреугольныхъ камней. Въ этотъ подвалъ туземцы собираютъ зимою снѣгъ, ледъ и воду, которыя и употребляютъ въ лѣтнее время сами и для скота, такъ какъ хорошей воды тамъ мало.

29-го Декабря мы послали нашего гонца впередъ въ Шемаху, на благоусмотрѣніе Хана, для пріисканія намъ помѣщенія. Когда же вечеромъ мы хотѣли и сами пуститься за нимъ въ путь, и совсѣмъ уже тронулись было съ мѣста, Ханъ прислалъ къ намъ гонца, съ просьбою, чтобы мы потрудились еще одну ночь остаться на нашемъ прежнемъ мѣстѣ; ибо, какъ мы узнали это позднѣе, Миначимъ (Minatzim) или Астрологъ Хана сказалъ ему, что нынѣшній день неудобенъ и несчастливъ для пріема чужестранцевъ. Для увеселенія насъ Ханъ прислалъ намъ 4 большія кружки и два полные мѣшка вина, а также гранатъ, яблокъ, грушъ, айвы и каштановъ.

Каждому же изъ Посланниковъ онъ прислалъ также въ подарокъ по прекрасной лошади, съ сѣдлами и уздечками.

На слѣдующій день, именно 30-го Декабря, въ 8 часовъ утра, мы выѣхали изъ Пирмараса и уже окончательно поднялись въ Шемаху, гдѣ мы были встрѣчены и приняты весьма великолѣпно.

ГЛАВА XVIII.

Какъ мы были приняты передъ Шемахой, и какъ были введены въ этотъ городъ.

Когда мы были въ 2-хъ миляхъ отъ города, къ намъ прибылъ на встрѣчу пѣшій гонецъ, который возвѣстилъ Посламъ нашимъ, что Ханъ ожидаетъ ихъ, какъ желанныхъ гостей, и что передъ городомъ самъ Ханъ приметъ ихъ. Пѣшеходъ этотъ послѣ того постоянно уже шелъ впереди лошадей Посланниковъ. Когда мы были уже въ одной мили отъ города, то пріѣхали посмотрѣть на насъ 30 разодѣтыхъ всадниковъ, которые, впрочемъ, тотчасъ же повернулись и поскакали назадъ во всю прыть; вскорѣ за тѣмъ, у одного селенія, имѣвшаго весьма каменистую почву, стояло 100 всадниковъ, черезъ ряды которыхъ мы и проѣхали. Проѣхавъ еще разстояніе въ два ружейные выстрѣла, встрѣтили мы цѣлую толпу конниковъ, изъ которыхъ 12 человѣкъ были въ особыхъ шапкахъ, имѣющихъ видъ остроконечныхъ башенъ и называемыхъ у нихъ такіе (Takiae); шапки этѣ носятъ только тѣ изъ нихъ, которые остались изъ роду Аали (Aaly).

Конники этѣ поклонились Посламъ, радостно закричали по Турецки: Хошкелди (Choschkeldi)! ибо они охотнѣе говорятъ по Турецки, чѣмъ по Персидски, и привѣтствовали насъ. Проѣхавши, въ сопровожденіи ихъ, съ полмили далѣе, мы увидали съ правой стороны на одномъ холмѣ войско, болѣе чѣмъ въ 500 человѣкъ. Такъ какъ мы знали, что тамъ на этомъ холмѣ поджидалъ насъ Ханъ и Калентеръ (Calenter) или Градоначальникъ, то сначала

Посланникъ Бругманъ не хотѣлъ было сворачивать съ прямой дороги, по которой мы ѣхали и которая прямо вела въ городъ, чтобы ѣхать на встрѣчу Хану, говоря, что Персы пріѣхали насъ встрѣчать, а не мы ихъ, и по этому Ханъ съ своими должны были подъѣхать къ намъ. Но такъ какъ Мегемандарь твердо настаивалъ, чтобы мы ѣхали на холмъ, поставляя на видъ и увѣряя, что дорога низомъ очень грязна, а на холмѣ горою гораздо лучше и мѣсто тамъ для пріема насъ удобнѣе, то мы повернули свой поѣздъ къ холму, на встрѣчу Хану. Когда мы приблизились нѣсколько къ холму, Ханъ выѣхалъ на встрѣчу къ Посламъ, въ сопровожденіи великолѣпныхъ спутниковъ. Прежде всего передъ Ханомъ, по правую сторону, шли пѣшки шестеро молодыхъ дюжихъ и прекрасно одѣтыхъ прислужниковъ съ золочеными луками и стрѣлами; по лѣвую сторону шестеро же тѣлохранителей съ длинными ружьями; подлѣ и позади Хана множество почетныхъ всадниковъ, въ одеждахъ изъ золотой парчи и на головѣ имѣвшихъ повязки или чалмы, вышитыя золотомъ и серебромъ. Ханъ приблизился къ Посламъ, противъ обычая Персовъ и ради удовольствія Нѣмцевъ, протянулъ имъ руку и привѣтствовалъ съ пріѣздомъ. За тѣмъ онъ приказалъ налить въ серебряную чашу вина, выпилъ за Пословъ, которые отвѣчали тѣмъ же, выпивъ изъ чаши каждый по 2 раза. При Ханѣ и Калентерѣ находился и Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, который всѣмъ намъ крѣпко жалъ руки и привѣтствовалъ съ счастливымъ прибытіемъ.

Тутъ мы увидали и услыхали чужестранную полевую музыку. Впереди насъ верхами ѣхали 4 музыканта, которые поперемѣнно играли на духовыхъ инструментахъ, мѣдныхъ и видомъ похожихъ на свирѣль, длиною въ 4 локтя, съ расширеннымъ нижнимъ концемъ, имѣвшимъ локоть въ разрѣзѣ. Инструментъ этотъ называется керенаи (Kerrenai), и когда играютъ на немъ, то поднимаютъ нижній конецъ вверхъ, къ небу, при чемъ изъ него извлекается скорѣе ужасный ревъ, чѣмъ какой нибудь пріятный звукъ.

Кромѣ этѣхъ были и простые дудочники; также нѣсколько барабанщиковъ, у которыхъ на лошадяхъ привѣшаны были ба-

рабаны, похожіе на удлиненные горшки. Далѣе нѣсколько музыкантовъ съ длинными кривыми рогами, ручными барабанами (бубнами), проч. и проч. Проѣхавши немного въ такомъ сопровожденіи, Посланники снова должны были отвѣчать Хану и Калентеру выпивкою нѣсколькихъ чаръ вина; между тѣмъ шутъ Ханскій, называемый у нихъ Чаушъ (Tzausch), выкидывалъ разныя забавныя штуки съ трещоткою и пѣснями.

Въ четверти мили отъ города стояли болѣе 2000 человѣкъ пѣхоты (большею частію Армянскіе Христіяне), съ 5-ю знаменами на весьма длинныхъ шестахъ, такъ что самый сильный человѣкъ едва могъ нести одно такое знамя; здѣсь опять была особая музыка, состоявшая изъ большихъ цымбаловъ, которыми, какъ бы двумя мѣдными блюдами, ударяютъ одно о другое, а также изъ дудокъ и другихъ странныхъ инструментовъ, которыхъ мы не могли разсмотрѣть всѣхъ и которыми они радостно потѣшали насъ, съ пожеланіями намъ счастливаго въѣзда.

Нѣкоторые выражали намъ свое привѣтствіе рукоплесканіями, махали шапками надъ головами, бросали вверхъ и опять ловили ихъ, кричали и ликовали такимъ образомъ впереди и вокругъ насъ. Тутъ Ханъ въ 3-й разъ пріостановился и пилъ съ Посланниками.

Когда мы приблизились къ городской стѣнѣ, то увидѣли на ней также множество барабанщиковъ, дудочниковъ и трубачей, которые, вмѣстѣ съ пѣсельниками, производили такой радостный шумъ и крикъ, что нельзя было слышать даже собственныхъ словъ своихъ.

Ханъ пригласилъ Посланниковъ, съ важнѣйшими изъ спутниковъ ихъ, въ замокъ, на верхъ, на пиршество, самъ провелъ ихъ съ собою черезъ дворъ до двери дома; насъ же дворскіе слуги пригласили сойти съ лошадей у воротъ и пройти черезъ дворъ пѣшки. Покои всѣ были устланы прекрасными коврами, и когда мы, видя, что всѣ Персы снимали башмаки и, оставивъ ихъ у двери, входили только въ чулкахъ, опасались было ити по коврамъ въ нечистыхъ сапогахъ, то насъ просили не стѣснять-

ся и войти въ сапогахъ. Насъ провели черезъ три прекрасныя комнаты въ богато убранный залъ, украшенный и увѣшанный разнаго рода соблазнительными картинами и изящно вышитыми коврами, и по срединѣ его водометъ, изъ котораго вода выбрасывалась въ видѣ круглаго стакана. Около водомета стояли серебряныя и стеклянныя фляги, полныя вина, вмѣстѣ со всевозможнаго рода конфектами. Для нашего удовольствія сдѣланы были новые стулья, на которые пригласили насъ сѣсть по порядку. Ханъ помѣстился въ серединѣ зала, у водомета, на стулѣ, и пригласилъ Посланниковъ сѣсть по правую его руку. На лѣвой сторонѣ зала, подлѣ Хана, сидѣли на полу Калентеръ, Миначимъ или Астрологъ, дворскій Лѣкарь и многіе другіе почетные мужи. На право отъ Пословъ сидѣли сопутники ихъ. Прямо передъ Ханомъ помѣщались музыканты. У входа въ залъ стояли почетные молодые люди, одѣтые въ золотые кафтаны и державшіе лукъ и стрѣлы такъ, какъ бы готовились сейчасъ на битву. Всѣ сидѣвшіе и стоявшіе были спиною къ стѣнѣ, а лицами къ серединѣ зала, и никто не находился позади другого, такъ какъ это обыкновенно дѣлается на всѣхъ Персидскихъ сходбищахъ.

Для каждыхъ двухъ человѣкъ изъ насъ принесены были небольшіе столики, уставленные всякаго рода плодами, и два мальчика разносили кругомъ свѣжее вино, переходя, по общепринятому на ихъ пиршествахъ способу, съ флягами вина и чашами отъ одного къ другому, по порядку, и подавая при этомъ чаши гостямъ, и когда они такимъ образомъ обходили рядъ до конца, тотчасъ же начинали снова разносить вино съ начала. За тѣмъ конфекты сняли, столики покрыли пестрыми камчатными покрывалами, и на нихъ разставили кушанья, которыя черезъ часъ опять смѣнили конфекты. Наконецъ столы совсѣмъ были приняты и залу начали приготовлять для главнаго пиршества, на полу. Явился столынкъ и разостлалъ, посверхъ другихъ ковровъ, длинное прекрасное пестрое покрывало, въ родѣ скатерти. За столынкомъ слѣдовалъ кравчій, съ деревяннымъ блюдомъ, полнымъ лепешекъ или блиновъ, которыя были величиною въ полтора локтя и тонкія, какъ пергаментъ (бумага). Лепешки этѣ называются юха (Jucha), и кравчій бросалъ

нхъ каждому гостю по одной, а гости развертывали, разстилали ихъ передъ собою и употребляли вмѣсто салфетокъ.

За тѣмъ нѣсколько прислужниковъ принесли кушанья въ большихъ мѣдныхъ вылуженныхъ горшкахъ (съ виду на серебряные похожихъ), которые несли они на головахъ и поставили ихъ посреди широкаго стола, или зала. Суффречи (Suffretzi) (такъ называется у нихъ кравчій) сталъ на колѣни подлѣ этѣхъ горшковъ, для раздаванія изъ нихъ кушаній. Кромѣ того, тамъ и сямъ подлѣ гостей, разставлены были тюффтаны (Tüfftan) или плевательные горшки, величиною и видомъ похожіе на наши ночные горшки, съ узкимъ круглымъ отверстіемъ на верху; поставлены же были они для того, чтобы плевать въ нихъ, бросать кости отъ съѣденнаго мяса, кожицу, или скорлупы, отъ плодовъ и всякой другой негодный соръ, и такимъ образомъ, чтобы каждый могъ соблюсти всевозможную чистоту и опрятность во время ѣды.

Во время пиршества играли на лютняхъ, скрыпкахъ, бубнахъ и пѣли пѣсни, и эта музыка производила довольно странную и дикую гармонію; кромѣ того, два мальчика проплясали нѣсколько странныхъ какихъ-то плясокъ и выдѣлавали за тѣмъ и другія потѣшныя игры и забавы. Такимъ образомъ въ этотъ день, послѣ столькихъ тягостей, понесенныхъ нами, мы испытывали сдѣсь такое наслажденіе, что чувствовали себя будто въ земномъ раю. Между прочими удовольствіями немаловажнѣйшее составляло удовольствіе для глазъ: въ городѣ, на всѣхъ домовыхъ крышахъ, вдоль стѣнъ, горѣли ряды лампъ, которыхъ было болѣе 20,000, и которыя, какъ потѣшные огни, горѣли до полночи, а на градскихъ стѣнахъ въ то же время барабанщики и дудочники весело гремѣли и играли свои пѣсни; а такъ какъ самый замокъ стоялъ на холмѣ, у городской стѣны, то изъ него видѣнъ былъ весь городъ и всѣ огни были у насъ передъ глазами. Ханъ, чтобъ показать свое искуство въ стрѣльбѣ, которымъ онъ владѣлъ превосходно, предложилъ Посланникамъ выбрать какую они пожелаютъ лампу, изъ стоявшихъ поближе, и онъ попадетъ въ нее изъ ружья, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, выстрѣливъ въ двѣ указанныя ему лампы и попавъ въ нихъ довольно

ловко. Просидѣвши сдѣсь до 3-го часу ночи и замѣтивъ, что воздухъ началъ холодѣть, Ханъ повелъ насъ, съ нѣкоторыми изъ почетнѣйшихъ Персіянъ, въ особый со сводами покой, къ каминному огню, и сдѣсь снова угощалъ насъ конфектами, виномъ и водкой. Персы при такомъ веселіи такъ подпили, что одинъ изъ нихъ, знатный Бекъ (или Дворянинъ), не пившій прежде никогда водки, а сдѣсь не могшій отказаться отъ нея, по просьбѣ другихъ, выпилъ ея столько, что на слѣдующій же день и умеръ.

Насладившись такимъ образомъ вдоволь удовольствіемъ, по случаю нашего прибытія, далеко за полночь, Ханъ отпустилъ наконецъ насъ отъ себя, и мы отправились въ свои помѣщенія, которыя были отведены для насъ въ домахъ Армянъ, такъ какъ они были Христіяне. Въ этѣхъ домахъ мы не нашли ни чего, кромѣ голыхъ, холодныхъ покоевъ, безъ столовъ и лавокъ, и по тому остатокъ этой ночи должны были провести на голомъ полу, въ страшномъ холодѣ, такъ какъ пожитки наши оставались позади насъ и не прибыли еще; такое положеніе, послѣ испытаннаго передъ тѣмъ только наслажденія, было намъ нѣсколько досадно.

Послѣдняго Декабря Ханъ прислалъ Посланникамъ продовольствіе и нѣсколько кружекъ вина, а Калентеръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ежедневно доставлялось намъ: по 17 овецъ, 20 куръ, 100 яицъ, извѣстное количество соли, хлѣба, 50 кружекъ вина и 20 ослиныхъ возовъ дровъ для стряпни. Все это нѣсколько дней и доставлялось намъ въ точности. Но такъ какъ продовольствіе это Мегемандарь добывалъ изъ селеній, отъ чего случалось, что доставка его была на другой и даже на 3-й день, то порѣшено было за лучшее, чтобы Посланники сами посылали на торгъ и покупали продовольствіе на свои деньги, если только у нихъ есть на то средства, а за тѣмъ, при отъѣздѣ, имъ будетъ возвращено все, ими издержанное.

На торгу также дано приказаніе отпускать продовольствіе Франкамъ (Frenk), какъ называли Персіяне Нѣмцевъ, по возможно дешевой цѣнѣ; ибо въ Шемахѣ мы должны были про-

жить цѣлые три мѣсяца, пока не получится отъ Шаха приказаніе относительно договора и дальнѣйшаго нашего путешествія. Во все это время Ханъ и Калентеръ оказывали намъ великую честь и дружбу, задавали, для нашего удовольствія, роскошные пиры и устроивали охоту, иногда лично посѣщали Посланниковъ, и часто присылали имъ на домъ, въ подарокъ, разную дичь и вино.

1637-й годъ по Р. Х.

ГЛАВА XIX.

Какъ мы жили въ Шемахѣ, что тамъ видѣли, и объ отправленіи нѣкоторыхъ праздниковъ.

Первое, что мы видѣли въ этотъ Новый Годъ, были похороны Персидскаго Дворянина, который третьяго дня у Хана на пиру, по случаю нашего прибытія, напился до смерти. Тѣло несли съ почетными проводами и особыми обрядами (о которыхъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи похоронъ Персовъ вообще) въ мечеть (Mestzit) или церковь, откуда оно долженствовало быть перенесено въ Вавилонъ, или Куфу (Kufa), и погребено тамъ при Нечеффѣ (Netscheff), т. е., при гробницѣ Аали и другихъ Имамовъ или великихъ святыхъ.

2-го Генваря Ханъ и Калентеръ, съ нѣсколькими дворскими слугами, посѣтили Посланниковъ, принесли конфектъ и вина и пожелали послушать нашу музыку, которую исполнили наши музыканты на скрыпкѣ, бандурѣ, на віоль ди гамбѣ, и одинъ пѣвецъ дискантъ. Персіянамъ очень понравилась наша музыка и пѣніе, и они настоятельно просили Посланниковъ пріѣхать въ тотъ же вечеръ съ ними въ замокъ, на вечернюю пирушку, чтобы послушать туже музыку въ залахъ Хана. По неоступной просьбѣ имъ сдѣлано было удовольствіе, и этотъ вечеръ мы вторично провели въ большомъ удовольствіи и весельѣ, при чемъ Ханъ приказалъ привести къ себѣ въ залу 27 любимѣйшихъ лошадей своихъ, одну за другой, изъ которыхъ три лошади, какъ выдавалъ Ханъ, присланы были ему недавно Шахомъ, въ знакъ его милости къ нему. На каждой лошади садился прислужникъ, который и объѣзжалъ вокругъ залы, не смотря на то, что она была устлана прекрасными коврами.

5-го числа Ханъ прислалъ извѣстить Посланниковъ, что на слѣдующій день Армяне справляютъ свой праздникъ: Хаче Шуранъ, т. е., погруженіе въ водѣ креста, внѣ города, у

Пули Амберн (Puli Amberi): такъ называется особый мостъ черезъ рѣку. Самъ Ханъ желалъ присутствовать на торжествѣ, и по тому, если Посламъ угодно будетъ также поглядѣть на праздникъ, то онъ приготовитъ мѣсто для нихъ. Армяне справляютъ также, какъ и Русскіе, 6-го числа день Крещенія съ водоосвященіемъ, начиная этотъ праздникъ рано утромъ еще досвѣту служеніемъ обѣдни и проповѣдью. Такъ какъ помѣщеніе Посланниковъ было близъ Армянской церкви или часовни, то они пошли, съ нѣкоторыми изъ насъ, въ нее посмотрѣть на Армянское Богослуженіе и обряды, которые сходны были съ Римско-Католическими. Тамъ, Епископъ, человѣкъ уже пожилой, пріѣхавшій ради праздника изъ другой мѣстности, по окончаніи длиннаго слова объ откровеніи Христа язычникамъ, приблизился къ Посланникамъ, ласково разговаривалъ съ ними черезъ толмача, и сердечно радовался, что такіе знатные люди и также Христіяне, прибывшіе изъ такой дали, удостоили присутствовать при ихъ Богослуженіи, въ утѣшеніе ему и всей ихъ общинѣ, чего прежде никогда еще не бывало. Между прочимъ онъ сказалъ также, что хотя Гг. Посланники и не знаютъ еще его, кто собственно онъ такой, но онъ можетъ открыть имъ это въ другое, болѣе удобное, время. Мы догадывались, впрочемъ, что Епископъ этотъ, также какъ и монахъ, встрѣченный нами въ Астрахани, посланы были въ этѣ мѣста подъ другимъ предлогомъ, Римскимъ Папою, для посѣщенія Восточныхъ Церквей. За тѣмъ Епископъ, вмѣстѣ съ Священниками, убѣдительно просили Посланниковъ, приложить, съ своей стороны, ходатайство у Хана, чтобы онъ дозволилъ достроить безпрепятственно, начатый ими незадолго передъ симъ, монастырь, который Персіяне почему-то не позволяютъ доканчивать.

Въ полдень Армяне, по приказанію Хана, привели къ намъ 15 лошадей, на которыхъ мы и отправились къ рѣкѣ, находившейся въ полумили, по ту сторону города. Туда-то собрались Армяне изо всѣхъ, вокругъ лежавшихъ, селеній, въ великомъ числѣ, со множествомъ образовъ, крестовъ и хоругвій торжественнымъ шествіемъ, съ пѣніемъ и звономъ, и въ сопровожденіи большаго числа Персидскихъ солдатъ, для того, чтобы предохранить Армянъ отъ оскорбленій и брани, могшихъ

послѣдовать со стороны праздной черни Музульманъ или Магометанъ. Ханъ приказалъ на другой сторонѣ рѣки, прямо противъ того мѣста, гдѣ совершалось водосвятіе, раскинуть прекрасную просторную палатку, разукрасить ее коврами и вообще приготовить ее, для совершенія въ ней почетнаго пиршества, причемъ всякаго рода скоморохи и фокусники должны были забавлять народъ своими играми и штуками. Въ палаткѣ этой, подлѣ Хана, по лѣвую руку помѣщенъ былъ Русскій Посланникъ, кругомъ же около него (Хана), его Дворяне и Дворскіе люди, а по правую отъ него руку были оставлены мѣста для нашихъ Посланниковъ и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Дружески принявъ насъ, Ханъ далъ приказаніе Армянамъ совершать водосвятіе, которое начинается обыкновенно по волѣ и усмотрѣнію Хана, а не Армянъ.

Когда на берегу начали читать молитвы, то 4 Армянина, раздѣвшись до нага, бросились въ воду, чтобы освободить и очистить часть рѣки отъ слоя льда, которымъ въ это время была покрыта рѣка. Бросившіеся въ воду Армяне поплавали въ ней нѣкоторое время; тогда бывшая съ нами собака, привыкшая вытаскивать утопающихъ, увидѣвши плававшихъ Армянъ, бросилась къ нимъ въ воду и тоже начала тамъ плавать съ ними. Это произвело между Персіянами великій смѣхъ и доставило имъ сдѣсь первую потѣху, тѣмъ болѣе, что собака считается у нихъ такимъ нечистымъ животнымъ, до котораго охотно никто и не дотронется, а воду Армяне пришли святить. Ибо вообще, по всей видимости, Персіяне о такой торжественности и священныхъ дѣйствіяхъ Армянъ думали не иначе, какъ о своихъ скоромошествахъ, которыя они тутъ же и продѣлывали, и Армянскіе Священники для Персіянъ были тоже, что Самсонъ для Филистимлянъ на ихъ пиршествахъ, не смотря на то, что за дозволеніе Армянамъ такого празднества и за то, чтобы своимъ присутствіемъ Ханъ оказывалъ Армянамъ надежную защиту, Церковь всякій разъ даритъ ему по 1000 талеровъ.

По окончаніи чтенія Епископомъ, продолжавшагося съ добрый часъ, послѣ пѣнія общины и игры на кимвалахъ, которы-

ми ударяли одинъ о другой, Епископъ влилъ не много освященнаго елея въ воду, погрузилъ въ нее небольшой, серебряный, обдѣланный драгоцѣнными камнями, крестъ, простеръ за тѣмъ посохъ свой надъ водою и благословилъ ее. Въ слѣдъ за тѣмъ община тотчасъ же начала черпать, пить воду и умывать ею лице. Нѣсколько молодыхъ людей бросились даже въ воду, большая же часть общины только окропляла себя ею. Въ это же время, нѣкоторые изъ придворной челяди Хана начали лопатками черпать воду и плескать ее на Священниковъ и предстоявшій народъ, такъ что измочили ихъ всѣхъ, особенно женщинъ, которыя съ великимъ страхомъ приступали черпать воду, и потѣха эта была до того груба, что Ханъ долженъ былъ воспретить ее. Не смотря на то, когда Священники приступили къ совершенію найболѣе благоговѣйнаго дѣйствія, самъ же Ханъ приказалъ музыкантамъ своимъ затрубить въ самыя большія трубы, и когда музыканты этѣ, образовавъ кругъ около духовенства, пустились плясать съ пѣснями и крикомъ, Ханъ приказалъ также поплясать передъ Священниками и своему шуту, а за этѣмъ послѣдовалъ Подмаршалъ, и такимъ образомъ Персіяне издѣвались надъ Армянами. Во время совершенія торжества, Лейбъ-Медикъ Хана, родомъ Арабъ, человѣкъ весьма легкомысленный, довольно нагло спрашивалъ Посланниковъ нашихъ: думаютъ ли они о Христѣ, что Онъ былъ сынъ Бога? Ему отвѣчали на это утвердительно, и такъ какъ вопросъ этотъ предложилъ онъ какъ бы въ насмѣшку, то съ нимъ и не вступали въ дальнѣйшія о томъ прѣнія.

Послѣ всего описаннаго пошла кругомъ сильная попойка, и когда Ханъ шибко уже захмѣлѣлъ, то молча всталъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ прочь, а за нимъ послѣдовали и другіе Персы. Не привыкшіе къ такого рода разставанью, мы не знали, какъ понимать его, и по тому и сами пошли и сѣли на лошадей и увидали тутъ, что не вдалекѣ отъ палатки Ханъ остановился, поджидая Посланниковъ. Въ послѣдствіи, по опыту и по собраннымъ свѣдѣніямъ, мы узнали, это это общій обычай Персовъ, когда они принимаютъ участіе въ угощеніяхъ Хановъ, или Шаха, то есть, молча встаютъ и уходятъ съ пира, не прощаясь, какъ

самъ хозяинъ, такъ и гости, какъ это нѣсколько разъ видѣли мы за столомъ Персидскаго Царя.

8-го Генваря Армянскій Епископъ, съ полнымъ торжественнымъ шествіемъ, посѣтилъ Пословъ. Впереди его шли, въ церковномъ облаченіи, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, Священники въ большомъ числѣ. При входѣ въ домъ они запѣли и ударили въ кимвалы, колокольчики и бубны и принесли въ подарокъ 2 кружки вина и большое блюдо, полное яблокъ, посреди которыхъ вставлена была большая горящая восковая свѣча. Они разговаривали съ нами о своей Вѣрѣ около 3 часовъ, и еще разъ убѣдительно просили нашего ходатайства у Хана относительно постройки монастыря, что было обѣщано имъ, и исполнено.

10-го числа Шаховъ Калентеръ великолѣпно угощалъ Посланниковъ, со всѣми, сопровождавшими ихъ, въ его палатахъ. Первымъ удовольствіемъ нашимъ было сдѣсь обозрѣніе изящной постройки этѣхъ палатъ, чрезвычайно красивыхъ и въ порядкѣ расположенныхъ въ нихъ покоевъ и увеселительныхъ ходовъ, или мѣстъ для прогулки, наполненныхъ всякаго рода украшеніями.

Особенно понравился намъ внутренній залъ, въ которомъ давался пиръ: онъ былъ съ отдѣльными сводами, искусно отдѣланными известковой рѣзной работой, совершенно иностраннымъ способомъ. Съ одной стороны зала былъ прекрасный видъ на близъ лежащій веселый садъ, тѣмъ болѣе, что залъ стоялъ довольно высоко, а садъ, напротивъ, лежалъ довольно глубоко. Изъ одного увеселительнаго хода въ этомъ залѣ билъ ключъ, сперва вверхъ, и оттуда съ пріятнымъ шумомъ низвергался въ другой водометъ, бывшій подъ залою, передъ другимъ покоемъ; этотъ же другой водометъ опять ниспадалъ въ третій, который расположенъ былъ уже въ сказанномъ саду. На все это, сидя у окна, просто не налюбуешься: такъ это было хорошо. На это пиршество явился и Ханъ, съ важнѣйшими изъ своихъ придворныхъ, и Маршалъ Персидскаго Шаха, только что прибывшій изъ Испагани. Позднимъ вечеромъ, когда гости и хо-

зяинъ въ добромъ веселіи и дружбѣ порядкомъ выпили, насъ проводили домой на лошадяхъ, со множествомъ факеловъ.

13-го числа, я, вмѣстѣ съ нашимъ Маршаломъ и Гофмейстеромъ, посланъ былъ къ Хану, по обыкновенію, съ подарками, состоявшими изъ 10 Русскихъ аршинъ (Arsin) или длинныхъ локтей тонкаго краснаго сукна, 5 аршинъ синяго атласа, одного бочонка водки, погребца флягъ съ сладкою водкой и 4 ножей съ изящно отдѣланными янтарными ручками. Когда мы замѣтили, что подарки наши понравились Хану, то начали свое ходатайство у него по просьбѣ Армянъ. Ханъ далъ слѣдующій на это отвѣтъ: «Хотя въ Шемахѣ, странѣ Магометанской, до сихъ поръ не было еще никогда Христіянской церкви, или монастыря, и хотя онъ ни какъ не думалъ, чтобы не однократно уже повторявшіяся домогательства Армянъ когда ни будь увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ не менѣе онъ желаетъ теперь удовлетворить почетное предстательство Гг. Посланниковъ, и не будетъ уже болѣе препятствовать окончанію постройки Армянскаго монастыря;» при чемъ Ханъ далъ намъ и письменное удостовѣреніе въ дальнѣйшемъ исполненіи такой уступки его. Армяне чрезвычайно обрадовались успѣху нашего ходатайства, сердечно благодарили насъ за него, и просили дозволить имъ начертать имена Гг. Посланниковъ и то благодѣяніе, которое они оказали Христіянству, въ будущемъ монастырѣ, на вѣчную память.

20-го числа изъ Испагани возвратился гонецъ, котораго Ханъ посылалъ къ Шаху еще тогда, когда мы стояли въ Ніазабатѣ. Мы надѣялись съ удовольствіемъ, что гонецъ этотъ можетъ быть привезъ распоряженіе о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ; по этому нѣкоторые изъ насъ пошли къ Хану освѣдомиться, что сообщаетъ, между прочимъ, письмо Шаха. Но Ханъ объявилъ, что объ отъѣздѣ нашемъ ни чего еще не упоминается, въ доказательство чего мы сами можемъ прослушать Шахово письмо. Гакиму (Hakim) его или врачу подано было Шахово письмо, которое тотъ прежде поцѣловалъ, приложилъ ко лбу, и за тѣмъ прочиталъ въ немъ слѣдующее: «Отъ Дербентскаго Султана прибылъ гонецъ прежде гонца отъ Хана Шемахинскаго, съ извѣстіемъ, что къ нему, Султану, пріѣхалъ Русскій Посолъ, который объявилъ, что

слѣдомъ за нимъ ѣдутъ также и Нѣмецкіе Посланники. По этому, когда эти Нѣмецкіе Посланники пріѣдутъ, то ихъ должно продовольствовать, согласно данному на это приказу Султану, и за тѣмъ доставить далѣе въ Шемаху. Когда же они прибудутъ въ Шемаху, то Ханъ долженъ немедленно прислать новаго гонца и ожидать дальнѣйшаго приказанія и проч. Впрочемъ, Шахъ пребываетъ къ Хану съ своею великою милостію.» За тѣмъ Ханъ просилъ доставить ему списокъ всѣхъ насъ, сопутствовавшихъ Посланникамъ, и желалъ, чтобы въ немъ обозначены были званіе, знаніе и занятіе каждаго отдѣльно, такъ какъ при насъ состояли одинъ врачь, цирюльникъ, живописецъ и музыканты. Но ему доставленъ былъ только списокъ именъ, съ обозначеніемъ чиновъ, служившихъ въ числѣ спутниковъ Посольства. На слѣдующій день мы зазвали тайкомъ гонца къ себѣ и спросили его о причинѣ такой продолжительности его поѣздки и нашего задержанія. Получивши прежде отъ насъ кой-что въ подарокъ, онъ за тайну сообщилъ намъ, что недавно братъ Хана, состоящій въ должности Шахскаго полицейскаго Коммисара (Constabel) былъ обезглавленъ за какое-то преступленіе, отъ чего, по обычаю Персовъ, и весь родъ считался въ немилости, и никто не осмѣливался доложить Шаху письмо Хана, не зная его содержанія, пока наконецъ, по прошествіи мѣсяца времени, одинъ Мегетеръ (Meheter) или Шаховъ Каммергеръ не дерзнулъ положить то письмо къ ногамъ его. Но Шахъ самъ все таки не хотѣлъ отвѣчать Хану, а приказалъ отвѣчать другому придворному. И при отъѣздѣ гонца было положено, что на письмо Хана ни какого другого отвѣта не нужно, кромѣ того, который получилъ Дербентскій Султанъ и который именно и приказалъ Ханъ прочитать намъ. При этомъ Шахъ приказывалъ еще, что если между тѣмъ кому либо изъ Нѣмцевъ будетъ нанесено какое оскорбленіе кѣмъ ни есть изъ Персовъ, то такого преступника Султанъ, или Ханъ, должны приказать изрубить передъ своими глазами. Такимъ образомъ мы должны были прожить здѣсь еще нѣсколько времени, пока не воротится гонецъ, посланный снова Ханомъ.

25-го числа посѣтили Посланника Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ людей, и Русскій Посланникъ, также съ

нѣкоторыми изъ своей прислуги. При входѣ, равно какъ и при отъѣздѣ Хана, привѣтствовали его выстрѣлами изъ 3-хъ каменометныхъ орудій. По причинѣ наступившаго у Персовъ поста, Ханъ ни чего не ѣлъ и не пилъ въ этотъ разъ, но насладился только нашею музыкою, которую исполнили мы, по его просьбѣ.

28-го Генваря Русскій Посланникъ, Алексѣй, выѣхалъ изъ Шемахи и нѣкоторые изъ насъ провожали его цѣлую милю. Онъ былъ очень сердитъ на Хана и Калентера, такъ какъ они недостаточно угощали его, какъ бы онъ желалъ, и по тому всячески бранилъ и сердилъ своего Мегемандаря.

5-го Февраля прошелъ я, съ нѣкоторыми изъ нашихъ, на одинъ, весьма хорошо выстроенный и близъ торга лежавшій, дворъ, который, на подобіе какой ни будь Философской Коллегіи (Philosophisch Collegium), устроенъ былъ со множествомъ ходовъ и покоевъ. Увидѣвши въ нѣсколькихъ мѣстахъ ходившихъ и сидѣвшихъ съ книгами взрослыхъ и дѣтей, мы спросили: что это за мѣсто? и узнали, что это была Мадреса (Madresà), то же что Гимназія, или Академія, которыхъ въ Персіи есть нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ и о которыхъ скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Когда мы остановились, разсматривая зданіе, насъ подозвалъ къ себѣ одинъ Персіянинъ, котораго они зовутъ Мадерисъ (Maderis), Профессоръ или Учитель, учившій тамъ въ одномъ открытомъ покоѣ. Увидавши на моей палкѣ изъ Персидскаго тростнику, между прочимъ, и Арабскую выженную надпись, заключавшую поговорку или желаніе, которое Персы постоянно почти произносятъ: بسم الله الرحمن الرحيم, bis millarachman rachim, онъ попросилъ у меня палку, внимательно осмотрѣлъ ее и хотѣлъ было взять ее себѣ, съ предложеніемъ завтра принести мнѣ гораздо лучшую. Когда же я не согласился уступить ему палку, то онъ тщательно вырѣзалъ изъ надписи слово الله, Allà, означающее по Арабски имя Бога, собралъ всѣ обрѣзки и стружки срѣзаннаго и соскобленнаго тростника и, завернувъ ихъ въ бумагу, сказалъ: «Не слѣдуетъ носить названіе Бога на палкѣ, которою опираются въ грязь.» На слѣдующій день я опять пошелъ въ Мадреса, взялъ съ собою небесный глобусъ, величиною въ 8

дюймовъ въ діаметрѣ, и отправился въ другую аудиторію, въ которой принятъ былъ очень дружелюбно. Тамъ Профессоры радостно удивились, что у насъ, Нѣмцевъ, также уважаются астрономическія знанія и что они имѣютъ случай видѣть глобусъ, какихъ и у нихъ найдется развѣ немного. Ибо они также знаютъ пріемы обращенія съ астролябіей и обучаютъ по ней учениковъ своихъ. Они взяли мой глобусъ въ руки и по фигурамъ на немъ отыскали одно за другимъ и назвали по Арабски созвѣздія, особенно 12 знаковъ Зодіака.

Приведу сдѣсь этѣ названія ихъ:

برج لرسمان Небесные знаки (Signa caelestia):

♈ حمل Hamel, Овенъ.

♉ ثور Soür, Телецъ.

♊ جوزا Tschusa, Близнецы.

♋ سرطان Serthan, Ракъ.

♌ اسد Eset, Левъ.

♍ سنبله Sünbile, Дѣва.

♎ میزان Misan, Вѣсы.

♏ عقرب Agrab, Скорпіонъ.

♐ قوس Köus, Стрѣлецъ.

♑ جدی Tzedi, Козерогъ.

♒ داو Delu, Водолей.

♓ حوت Hud, Рыбы.

Въ этѣ же дни ходилъ я въ другое мѣсто, въ одну мечеть (Mestzid) или храмъ, лежавшій не далеко отъ моей гостинницы, посмотрѣть, какимъ родомъ и способомъ обучаютъ тамъ Персы свое юношество и учениковъ. Мальчики сидѣли тамъ кругомъ по стѣнамъ, Мулла же (Molla), съ нѣсколькими взрослыми людьми, по срединѣ, на просторномъ мѣстѣ. Увидавши меня, этѣ послѣдніе пригласили меня сѣсть подлѣ нихъ. Мулла держалъ въ рукахъ Ал-

коранъ, писанный прекрасными буквами, дозволилъ мнѣ нѣсколько перелистовать его, и, взявъ его наконецъ у меня, поцѣловалъ писаніе въ началѣ, предложилъ и мнѣ также поцѣловать буквы Алкорана. Но я взялъ свою записную книгу, которую принесъ съ собою для записки въ ней именъ поучавшихъ, поцѣловалъ въ ней гербъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя моего, и сказалъ: «Это я знаю, ваша же книга мнѣ не извѣстна.» Они засмѣялись на это и отвѣчали, что я дѣльно поступилъ. Тамъ былъ также одинъ старый Арабскій астрономъ, по имени Халилъ Минаджимъ (Chalil Minatzim) изъ Геджаса (Hetzas), лежащаго у Мекки, человѣкъ лѣтъ 65. Онъ читалъ и училъ нѣкоторыхъ учениковъ по Евклиду, на Арабскомъ языкѣ. Когда я узналъ это сочиненіе, по имѣвшимся въ немъ изображеніямъ, и высказалъ нѣкоторыя замѣчанія на довольно не знакомомъ мнѣ еще Персидскомъ языкѣ, то это очень понравилось старику, и онъ вынулъ изъ за пазухи небольшую мѣдную астролябію и спросилъ: «Имѣю ли я о ней понятіе?» Я объяснилъ нѣкоторыя ея части и сказалъ, что подобная вещь есть и у меня, и старикъ очень просилъ меня показать ее ему. Я сходилъ домой и принесъ мою астролябію и глобусъ, которымъ всѣ немало удивлялись. Когда они узнали, что я самъ сдѣлалъ астролябію, то старый Минаджимъ просилъ меня показать ему, какъ это я такъ хорошо и вѣрно все могъ вырѣзать; ибо ихъ циркулярныя черты и градусы были довольно грубо вырѣзаны, отъ руки. Когда же я научилъ его нѣкоторымъ пріемамъ вырѣзывать и распредѣлять градусы скорѣе и тоньше, то старикъ не зналъ, какъ и благодарить меня, часто посѣщалъ меня въ моей гостинницѣ, а однажды приказалъ принести за собою ко мнѣ плоды и изготовленныя всѣ кушанья, вмѣстѣ со скатертью, и сдѣлалъ такимъ образомъ пирушку у меня. По его просьбѣ былъ я нѣсколько разъ и у него въ гостяхъ, при чемъ онъ только того и желалъ, чтобы я поскорѣе могъ изучить его языкъ, или онъ мой, чтобы мы достаточно могли понимать другъ друга; охотно предлагалъ далѣе, съ своей стороны, все, чего только я могъ пожелать и что только онъ былъ въ состояніи сдѣлать, или сообщить мнѣ. Въ слѣдствіе такой своей готовности онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о долготѣ и широтѣ мѣстъ почти по всей Азіи, а также нѣсколько кусочковъ, начертанныхъ на бумагѣ, частныхъ ландкартъ, и свѣдѣнія

этѣ, провѣренныя отчасти собственными моими наблюденіями, я нашелъ вполнѣ вѣрными, по чему часть ихъ и прилагаю при этомъ изданіи.

Мулла того же училища, по имени Магебъ Аали (Maheb Aali), молодой, веселый и набожный человѣкъ, оказалъ мнѣ въ изученіи языка добрую услугу и дружество. Подобно ему и одинъ Онбаши (Ohnbaschi) или Капитанъ, по имени Имамъ-Кули (Imamculi), хорошій пріятель Магеба Аали, которые каждый день попеременно приходили ко мнѣ, чтобы поучить меня ихъ языку, и поучиться моему, и когда они увидали, что могутъ подать на себя подозрѣніе относительно Вѣры (къ чему нѣкоторые изъ нашихъ подали немалое основаніе), то приходили даже по ночамъ. Такъ, однажды, именно 11-го Февраля, когда я сидѣлъ и занимался изученіемъ языка, въ помянутой выше мечети, пришелъ одинъ Персидскій слуга, говоря, что Ханъ будто бы прислалъ его туда изъ замка и приказалъ спросить: что дѣлаетъ Мулла въ церкви съ Нѣмецкимъ Христіяниномъ? Что онъ долженъ прекратить ихъ бесѣду и попросить Муллу выйти вонъ. Хотя сначала Мулла былъ озадаченъ такимъ требованіемъ, но скоро догадался, что посланный этотъ, должно быть, былъ не отъ Хана, а отъ кого ни будь другого; ибо Персамъ никогда не запрещается обращаться съ иновѣрцами, которыхъ допускаютъ они даже и въ храмъ свой. По этому, когда Магебъ Аали распросилъ потомъ потихоньку сказаннаго слугу, то этотъ послѣдній признался, что онъ присланъ былъ не Ханомъ, а толмачемъ нашимъ. На слѣдующій день явился другой посланный, съ такимъ же запрещеніемъ. Но такъ какъ мы знали уже, откуда онъ пришелъ, то ни мало не обращали вниманія на его запрещеніе. Спустя немного времени послѣ этого, когда Рустамъ или Георгій, нашъ Персидскій толмачъ, не поладилъ о чемъ-то съ Посланникомъ Бругманомъ, то онъ высказался, что Бругманъ приказывалъ ему послать отъ имени Хана Персидскаго слугу къ Муллѣ, въ то время, когда я былъ съ нимъ въ мечети, съ сказанною выше угрозою или запрещеніемъ, собственно для того, чтобы помѣшать мнѣ въ изученіи Персидскаго языка. По этой же причинѣ, именно, желая отнять у меня время для сказаннаго изученія, Бруг-

манъ задалъ мнѣ скучную работу, именно: карты Персіи и Турціи соединить въ одну общую карту.

Въ этѣ дни многіе изъ нашего простаго народа стали жаловаться и даже слегли въ постели отъ воспалительныхъ болѣзней, безъ сомнѣнія, отъ горячаго вина, которое, послѣ долгаго употребленія воды, они пили такъ неумѣренно, что, для обузданія ихъ, нужно было дать начальственное строгое приказаніе Посланниковъ. У нашего врача разомъ было 22 человѣка больныхъ, которыхъ, впрочемъ, съ Божіею помощію и старательнымъ уходомъ, онъ скоро всѣхъ поставилъ опять на ноги.

7-го Февраля или, по Персидскому Мѣсяцеслову, 21-го Рамезана (Ramesan), празднованы были Ашуръ (Aschur) или ежегодныя поминки по Али (Aalij), великомъ святомъ и покровителѣ Персовъ, при сборищѣ цѣлаго города, съ особою торжественностію и великимъ благоговѣніемъ, за городомъ, около дома, нарочно для того построеннаго. Когда нѣкоторые изъ насъ явились туда же посмотрѣть на торжество, то, по приказанію Хана, стоявшаго въ сказанномъ домѣ, вмѣстѣ съ Калентеромъ и другими знатными вельможами, намъ дали мѣсто, чтобы мы подошли ближе и могли все хорошо видѣть; и сдѣсь мы увидѣли слѣдующее: подъ раскинутымъ полотномъ, на возвышенномъ стулѣ, вышиною болѣе двухъ саженъ, сидѣлъ Хатибъ (Chatib) или Parentator, совершитель поминокъ, въ синей печальной одеждѣ; какъ у насъ въ печальное время носятъ обыкновенно черныя одежды, такъ у нихъ одежды синяго цвѣта. Хатибъ читалъ на распѣвъ, звонкимъ и чистымъ голосомъ, съ оживленными тѣлодвиженіями, около двухъ часовъ, книгу Machtelnamae, въ которой описывается жизнь и кончина Алія. Вокругъ стула Хатиба, на землѣ, сидѣло множество Священниковъ, всѣ въ бѣлыхъ повязкахъ или менделинахъ (чалмахъ) на головахъ, и въ продолженіе чтенія всѣ они нѣсколько разъ начинали подпѣвать; подпѣваніе это совершалось такъ: когда въ помянутой книгѣ встрѣчались, тамъ и сямъ, разумныя и достойныя замѣчанія поговорки и изреченія, въ родѣ стиховъ, то чтецъ обозначалъ ихъ, произнося только первыя слова этѣхъ изреченій и замолкалъ, тогда всѣ остальныя подхватывали и продолжали пѣть, какъ знакомую уже пѣсню (или оду). За тѣмъ,

всякій разъ послѣ пѣнія одинъ изъ сидящихъ Священниковъ провозглашалъ громкимъ голосомъ:

«Laanet Chudai ber kuschendi Aalij bad! Т. е., Да будетъ проклятъ тотъ, кто убилъ Алія!»

На что весь народъ отвѣчалъ: «Bisch Bad, kem bad! Т. е., И пусть онъ будетъ проклятъ, лучше болѣе, чѣмъ менѣе!»

Когда чтеніе дошло до того мѣста, какъ Алій заранѣе предсказывалъ своимъ дѣтямъ о своей кончинѣ (о которой онъ узналъ, какъ говорятъ нѣкоторые, изъ астрологическихъ свѣдѣній, въ которыхъ былъ очень опытенъ), и при этомъ указалъ на своего слугу Абдуррамана Ибни Мельджема (Abdurraman Ibni Meltzem), который наложитъ на него руку, и какъ дѣти съ горькими слезами умоляли отца своего, чтобы онъ остерегся и убилъ бы лучше самаго Абдуррамана, для того, чтобы такимъ убійствомъ отца не сдѣлать ихъ бѣдными сиротами, тогда всѣ Персы начали плакать. Плачъ этотъ продолжался и тогда, когда читалось о самомъ убійствѣ, которое совершилось въ мечети, во время моленья Алія, и о томъ, какъ глубоко сокрушались дѣти по смерти отца своего; въ это время большинство Персовъ рыдало. По окончаніи чтенія Хатибъ получилъ въ подарокъ отъ Хана новый шелковый кафтанъ, который онъ тотчасъ же и долженъ былъ надѣть на себя. За тѣмъ круговымъ шествіемъ везли (на верблюдахъ) 3 гроба, покрытыхъ чернымъ сукномъ, означавшихъ гробы Алія и его 2-хъ сыновей: Гассана (Hassan) и Госсейна (Hossein), и 2 продолговатые ящика, покрытые синимъ сукномъ, означавшіе хранилища (Repositoria) оставшихся духовныхъ книгъ Алія. За тѣмъ вели двухъ прекрасныхъ лошадей, на которыхъ лежали лукъ, стрѣлы, дорогія головныя повязки и множество побѣдныхъ знаменъ. Далѣе, одинъ человѣкъ на шестѣ несъ маленькую круглую башню, называемую у нихъ Нахалъ (Nachal), въ которую воткнуто было 4 сабли, едва видныя изъ подъ навѣшанныхъ украшеній. Наконецъ, нѣсколько человѣкъ несли на головахъ небольшія часовеньки или ковчежцы, Зелле (Selle) называемые, украшенные и увѣшанные перьями, лентами, цвѣтами и другими украшеніями, и въ каждомъ изъ нихъ лежалъ раскрытый Алкоранъ. Этѣ по-

слѣдніе поплясывали и прыгали подъ печальную музыку, которую играли на большихъ кимвалахъ, дудкахъ, бубнахъ и барабанахъ. Нѣсколько партій мальчиковъ, съ длинными шестами, прыгали кругомъ въ раздѣльномъ кружкѣ, хватали другъ друга за плечи и кричали одинъ за другимъ: «Гейдеръ, Гейдеръ» (Heider, Heider) (это имя Алія), Гассанъ, Госсейнъ! Въ такомъ торжественномъ шествіи всѣ отправились въ городъ. Это 21 Рамезана, въ которое Алій отдалъ свою душу, празднуется во всей Персіи въ глубокой печали, описаннымъ сейчасъ образомъ. Въ память же Магомета, ихъ великаго Пророка, нѣтъ у нихъ ни какого праздничнаго дня.

14-го Февраля утромъ праздновали мы день рожденія Посланника Бругмана выстрѣлами изъ большихъ пушекъ и игрою на трубахъ и барабанахъ, послѣ чего за обѣдомъ было великолѣпное угощеніе.

Въ пятнѣшній же день, какъ въ поволуніе, Персы заканчиваютъ обыкновенно свой постъ, начинающійся 16-го Генваря или, по ихъ счету, съ 1-го Рамезана; но такъ какъ до ихъ Субботы (или Праздника), которую они празднуютъ въ Пятницу, оставалось только всего два дня, то Священники заблагоразсудили продолжать постъ до этого дня. Въ слѣдующій за тѣмъ день, именно 17-го Февраля, Ханъ давалъ большой пиръ для своихъ придворныхъ и знатныхъ господъ, пригласивъ на него и Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими имъ; пиръ этотъ опять былъ чрезвычайно веселый.

27-го числа возвратился Ханскій гонецъ, который посланъ былъ къ Шаху по нашему дѣлу, съ письмомъ Шаха и приказомъ: найскорѣе отправить насъ въ путь.

Обрадованные такою доброю вѣстью, Посланники поѣхали съ нѣкоторыми изъ насъ на охоту. Ханъ извинялся, что, за множествомъ дѣлъ, онъ не можетъ раздѣлять нашего общества, и прислалъ съ нѣсколькими своими охотниками собакъ, соколовъ и одного леопарда. Этотъ леопардъ, чрезвычайно ручной и хорошо выученный, доставилъ намъ найлучшее удовольствіе, по тому что,

опередивъ всѣхъ собакъ, онъ ловко ловилъ зайцевъ, и по зову охотника послушно садился снова позади его на крупъ лошади. Пока мы охотились, Ханъ, съ заготовленнымъ столомъ, отправился въ загородный садъ свой, въ надеждѣ перехватить насъ на обратномъ пути и угостить. Но какъ мы возвращались другою дорогой, и не пожелали возротиться къ нему, по приглашенію его, посланному имъ къ намъ съ гонцомъ, котораго мы встрѣтили уже у городскихъ воротъ, то онъ прислалъ въ жилье Посланниковъ нѣсколько большихъ блюдъ, полныхъ разныхъ кушаній, съ просьбою благосклонно принять ихъ и скушать на здоровье, такъ какъ онѣ изготовлены были собственно для насъ.

1-го Марта Персы праздновали другой свой праздникъ, называемый ими Хуммекадеръ (Chummekader), который бываетъ у нихъ 14-го Шеваля (Schewal), по ихъ Тагвиму (Tagwim) или Мѣсяцеслову. Въ этотъ день Алій вступилъ въ наслѣдство своего отца и тестя Магометова. На праздникѣ этомъ Ханъ опять великолѣпно угостилъ насъ въ палаткѣ, раскинутой на веселой площадкѣ, близъ выше помянутой рѣки. Тамъ были всякаго рода потѣхи: одни прыгали, другіе плясали, или продѣлывали искусныя скоморошества; особенно не дурна была пляска, которую съ быстрыми тѣлодвиженіями исполнилъ взрослый малый, съ двумя кимвалами, увѣшанными длинными шелковыми хвостами. Хорошъ былъ также и другой плясунъ, съ навѣшанными вокругъ тѣла нѣсколькими кимвалами, который проворно плясалъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ на пирушкѣ у Хана. Далѣе черный Арабъ, легкій и проворный, представлялъ всевозможными движеніями обезьяну, прыгалъ и скакалъ вездѣ кругомъ между разставленными конфектами, взбирался на плечи гостей и даже къ одному изъ Посланниковъ, и въ ту же минуту спрыгивалъ долой. Еще одинъ скоморохъ выдѣлывалъ штуки съ покрываломъ, представлялъ сцену изъ камковаго покрывала, которое одной стороной обвязывалъ около своего пояса, а другую приподнималъ вверхъ, и съ такою кукольною комедіей ходилъ кругомъ, точно какъ это дѣлаютъ Русскіе комедіянты, о конхъ упомянуто было выше, въ своемъ мѣстѣ.

Внѣ палатки простой народъ также веселился, каждый, кто какъ умѣлъ и могъ, вели игры между собою съ плясками, пры-

гали, бѣгали въ запуски и стрѣляли въ цѣль. Самъ Ханъ пожелалъ опять испытать мѣткость стрѣльбы своей и сказалъ, что въ юности онъ попадалъ даже въ волосъ, и теперь, будучи 45 лѣтъ, хочетъ узнать, можетъ ли онъ это сдѣлать. Онъ подозвалъ для этого одного изъ своихъ мальчиковъ, и далъ ему подержать лошадиный волосъ, къ которому привязанъ былъ Schekhir или перстень (употребляемый Персами при стрѣльбѣ изъ лука и всегда почти носимый ими на большомъ пальцѣ), и въ шести шагахъ онъ дважды пересѣкъ стрѣлою волосъ на двое. Онъ приказалъ также подбросить вверхъ яблоко, и когда оно уже падало, прострѣлилъ его изъ длинноствольнаго ружья.

Послѣ шести часоваго добраго угощенія насъ Ханомъ, мы поѣхали съ нимъ верхами обратно въ городъ. На дорогѣ, когда мы выѣхали на широкую площадку, на которой Персы объѣзжаютъ своихъ лошадей, намъ показывали, къ какой быстрой ѣздѣ пріучены ихъ лошади (о другомъ обученіи лошадей, кромѣ быстроты бѣга, они ни чего не знаютъ). Сдѣсь же показывали намъ ихъ способъ вступать въ схватку съ непріятелемъ. Между прочимъ, хорошо было смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ другъ друга метательными копьями или дротиками, при чемъ Персы не только мастерски бросали на всемъ скаку и издалека попадали въ преслѣдуемаго палками, которыя они употребляли сдѣсь вмѣсто копій, но также ловко схватывали рукою, пущенные въ нихъ дротики и, быстро оборачивая ихъ, бросали обратно въ своихъ преслѣдователей. На такихъ упражненіяхъ конюшій Ханскій получилъ награду, и Ханъ подарилъ ему прекрасную Арабскую лошадь.

3-го числа Персы праздновали день, который они называютъ Tzar schembe sur, т. е., печальный четвертый день недѣльный, который всегда бываетъ у нихъ въ ближайшую середу передъ весеннимъ равноденствіемъ (Aequinoctio vernali), или передъ ихъ Новымъ Годомъ. День этотъ они считаютъ несчастнѣйшимъ въ цѣломъ году. Персы увѣряютъ, что они не только знаютъ отъ своихъ предковъ, но и собственнымъ опытомъ дознали, что въ этотъ день со всѣми ими вообще случается только нехорошее, въ слѣдствіе чего они на цѣлый

день оставляютъ свои занятія, запираютъ лавки, даже немного выходятъ изъ дому, мало говорятъ, воздерживаются отъ брани и клятвъ, также какъ и отъ пьянства, главнымъ же образомъ никто въ этотъ день не платитъ денегъ; ибо они полагаютъ, что если что сдѣлаешь въ этотъ день, то то же будешь дѣлать и цѣлый годъ. По этому нѣкоторые богачи сидятъ въ этотъ день дома и считаютъ свои деньги. Иные же ходятъ съ кружкою за городъ къ рѣкѣ, потихоньку, молча и не озираясь, зачерпываютъ тамъ воду и обрызгиваютъ ею свои дома и комнаты, полагая, что такъ какъ вода свѣтлая, то она до нѣкоторой степени смываетъ и отклоняетъ несчастіе; если же при этомъ встрѣчаютъ на дорогѣ добраго пріятеля, то стараются и его обрызнуть водою, или же всю кружку вылить ему въ лицо и на голову. Когда это случается неожиданно для этого пріятеля, то это хорошій знакъ для облитаго, и онъ долженъ крѣпко благодарить за это. Дѣти и юноши, не состоящіе еще въ бракѣ и на которыхъ, по ихъ мнѣнію, не лежатъ еще ни какія домашнія заботы, также продѣлываютъ при этомъ свои штуки и причудливыя забавы. Такъ, одни изъ нихъ ходятъ по улицамъ и на рѣку съ барабанами, которые они называютъ Tunbek и которые дѣлаются изъ горшечной глины, съ длиннымъ открытымъ отверстіемъ; такіе барабаны берутъ они подъ мышку, обращая отверстіе назадъ и бьютъ по нимъ руками. Другіе же ходятъ съ прутьями, заходятъ въ рѣку по колѣна и выше, брызжутъ водою на приходящихъ за нею, или же вѣшаются на нихъ въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, иногда же втаскиваютъ ихъ совсѣмъ въ воду, или разбиваютъ кружки у нихъ. Этѣ мальчуганы означаютъ у нихъ приносящихъ несчастіе, и если кто уйдетъ отъ нихъ не тронутый ими и сможетъ проворно, зачерпнувъ воду, уйти съ кружкою благополучно домой, тотъ и въ теченіи года избѣжитъ многихъ несчастій. По этому, Персы большею частію ходятъ въ это время за водою еще до свѣту, или же, если съ ними уже повстрѣчается такой вѣтренникъ, то прячутъ кружку свою отъ него подъ кафтанъ. Всѣ этѣ продѣлки совершаются большею частію до обѣда; когда же солнце переступитъ за полуденную черту, большинство Персовъ выходитъ и выѣзжаетъ прогуляться. Передъ обѣдомъ же никто не садится и на лошадь.

Вильгельмъ Шикгартъ (Schickhart), въ предисловіи къ «Кюлюстану или Розовому саду,» изданному Іоанномъ Фридрихомъ Оксенбахомъ (Ochsenbach), полагаетъ, что праздникъ этотъ установленъ Персами въ память Св. Іоанна Крестителя и его крещенія. Весьма можетъ быть, что древніе первоначально имѣли эту цѣль; ибо Іоаннъ очень славится у Персовъ, какъ весьма святой мужъ и гробъ его въ Дамаскѣ посѣщается и чтится и понынѣ, какъ это видно изъ 12-й главы 1-й книги моей Персидской «Долины розъ,» въ послѣдствіи же воспоминаніе это перешло въ описанное сейчасъ злоупотребленіе.

7-го Марта посѣтилъ Пословъ одинъ Католическій монахъ, Амвросій досъ Аніосъ (Ambrosius dos Anios), родомъ Португалецъ изъ Лисабона. Онъ сообщилъ намъ, что прибылъ изъ Тифлиса, что въ Грузіи (Georgia), въ 10-ти дняхъ пути отъ Шемахи, изъ одного монастыря Августинскаго ордена; что хотя онъ пришелъ только по дошедшему до него слуху о прибытіи въ этѣ мѣста почетнаго Посольства отъ одного важнаго Христіянскаго Государя Европы, но онъ не сомнѣвается, такъ какъ дѣло это уже много лѣтъ сдѣсь неслыханное, что Посольство это имѣетъ нѣчто важное и по отношенію къ распространенію Христіянства; по этому онъ надѣялся, что Гг. Посланники не сочтутъ за непріятное, если онъ явился не только для того, чтобы пожелать имъ счастія ради благополучнаго ихъ прибытія, но и предложить имъ свои услуги сообщеніемъ, какихъ имъ будетъ угодно, свѣдѣній о той, или другой, странѣ, или народахъ, среди которыхъ онъ живетъ теперь уже 27 лѣтъ. Хотя сначала, какъ и естественно, мы не совсѣмъ довѣряли ему, но въ продолженіи 10 ежедневныхъ свиданій, откровенныхъ бесѣдъ и вѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ намъ имъ, мы такъ познакомились и сошлись съ нимъ, что имѣли достаточное основаніе заключать, что онъ явился къ намъ съ честнымъ и добрымъ къ намъ расположеніемъ, за которое мы были ему благодарны, и такое заключеніе въ послѣдствіи мы могли провѣрить и на дѣлѣ. Кромѣ своего роднаго и Латинскаго языковъ, на которыхъ онъ объяснялся съ обоими Посланниками, онъ зналъ Грузинскій, Турецкій, Персидскій, къ изученію которыхъ онъ сообщилъ мнѣ особые, болѣе разумные и облегчающіе, пріемы.

10-го Марта Персы съ великимъ веселіемъ праздновали свой Новый Годъ, который они называютъ Naurus, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе. По этому случаю нѣкоторые изъ насъ посланы были къ Хану, Калентеру и другимъ господамъ, съ пожеланіемъ счастія. Мы застали ихъ въ большомъ великолѣпіи, сидящихъ за столомъ, и приглашены были остаться за ихъ пиромъ. Прямо противъ Хана сидѣлъ одинъ говорунъ, котораго они называли Kasiechuan; съ страшными тѣлодвиженіями онъ прославлялъ славные подвиги своихъ Царей, какъ они богатырски сражались и побѣждали Турокъ, Узбековъ и другихъ непріятелей. Между тѣмъ Астрологъ вставалъ часто изъ за стола, бралъ съ своей астролябіей высоту солнца, часы, и такимъ образомъ наблюдалъ мгновеніе, когда солнце достигнетъ равноденственника, и какъ только желанная минута настала, онъ громко провозгласилъ Новый Годъ. Тотчасъ за тѣмъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ и полевыхъ пушекъ, заиграли въ трубы вездѣ на городскихъ стѣнахъ и башняхъ, забили въ барабаны, и такимъ образомъ праздникъ начался великимъ ликованіемъ, и день прошелъ въ доброй попойкѣ.

На слѣдующій день Ханъ продолжалъ тоже веселіе, пригласилъ къ себѣ Гг. Посланниковъ, съ помянутымъ выше монахомъ, и былъ съ нимъ такъ любезенъ и откровененъ, какъ никогда прежде.

20-го числа, къ вечеру, Ханъ и Калентеръ, сильно выпившіе, посѣтили уже въ послѣдній разъ Посланниковъ; ибо, говорили они, отъѣздъ нашъ долженъ послѣдовать скоро, а Ханъ, имѣя надобность ѣхать куда-то, не могъ дожидаться отъѣзда нашего. Когда они вступили въ дворъ, то Гакимъ или врачъ Ханскій, выдававшій себя также за звѣздочета, посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «Этотъ часъ, Ханъ, не хорошъ для того, чтобы ты входилъ въ покои Frenk Eltzi, т. е., Нѣмецкихъ Посланниковъ.» По этому всѣ расположились на дворѣ и пили сдѣсь подъ открытымъ небомъ. Увидавши одного изъ пажей Посланника Крузе, мальчика весьма бѣлаго и красиваго лицемъ, Ханъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ Гакима: «Какъ нравится ему этотъ мальчикъ? Онъ бы, Ханъ, желалъ, чтобъ это былъ сынъ его.» Гакимъ опять

возвелъ глаза къ небу и предсказалъ, по созвѣздіямъ, которыя онъ захотѣлъ увидѣть среди бѣлаго дня и на облачномъ небѣ, что если Ханъ пристально взглядится въ мальчика, такъ что образъ его хорошо напечатлѣется въ его воображеніи, и за тѣмъ пойдетъ къ женамъ, то у него можетъ родиться такой же сынъ. Этому совѣту Ханъ повѣрилъ, какъ бы оракулу (прорицателю), и онъ, поглядѣвши нѣсколько времени на мальчика, не сводя глазъ съ него, распростился потомъ и уѣхалъ.

Въ Шемахѣ былъ одинъ Персидскій невольникъ, по имени Фэррухъ (Farruch), родомъ изъ Русскихъ, но въ юности взятый въ плѣнъ, проданный въ Персію и обрѣзанный. Фаррухъ этотъ, обращаясь часто съ нашими людьми, съ которыми говорилъ по Русски, пришелъ къ намъ въ тотъ же вечеръ и предостерегалъ Посланниковъ, чтобы они не очень довѣряли нашему Персидскому толмачу, Рустаму. Ибо онъ писалъ въ Испагань къ друзьямъ своимъ и извѣщалъ ихъ, что хотя онъ довольно долгое уже время живетъ между Нѣмцами, какъ язычниками, но онъ все таки не сдѣлался отступникомъ отъ Магометанской Вѣры, какъ они это воображаютъ себѣ, и крѣпко держится ея, чему онъ по прибытіи представитъ и достаточныя доказательства. Рустамъ этотъ, иначе Георгіемъ именуемый, былъ родомъ Персъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъ въ Англію, съ Посломъ Персидскаго Шаха; но такъ какъ господинъ его обращался съ нимъ довольно строго, то онъ ушелъ отъ него, передался Англичанамъ, окрестился по ихнему и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ. Въ наше время онъ находился въ Москвѣ, у Резидента Англійскаго Короля, какъ у своего крестнаго отца; узнавши, что мы ѣдемъ въ Персію, онъ употребилъ всевозможныя средства и просьбы выхлопотать себѣ дозволеніе отправиться съ нами въ Персію и обратно, для того, будто бы, чтобы получить тамъ отцовское наслѣдство, съ помощію котораго онъ желалъ бы торговать въ Москвѣ, такъ что наконецъ, къ сожалѣнію, онъ былъ отпущенъ, давши обязательство, что воротится съ нами назадъ, и такъ какъ онъ намъ обѣщалъ оказать великую, вѣрную услугу и службу, то мы охотно взяли его къ себѣ въ качествѣ толмача. Когда же онъ пріѣхалъ въ Ардебиль, то мы начали замѣчать, что Фаррухъ правду говорилъ намъ о немъ; ибо Рустамъ пошелъ къ гробницѣ

великаго святаго Персидскаго, Шихъ-Сефи (Schich Sefi), палъ тамъ ницъ, молился и вообще заявилъ себя истымъ Магометаниномъ, въ чемъ далъ этѣмъ открытое доказательство. Когда же онъ былъ въ Испагани и сдѣлался намъ подозрительнымъ до нѣкоторой степени, въ обѣщанной имъ намъ вѣрности и вѣрѣ, то мы взяли его подъ стражу, но онъ тайно бѣжалъ изъ подъ стражи, скрылся въ Alla capi или домъ свободныхъ, бросился въ ноги Шаха и Сетера (Seter) или главнаго Начальника ихъ Вѣры съ слезами разскаянія и прощенія, отдался подъ ихъ защиту, и такимъ образомъ и остался въ Персіи.

22-го числа отецъ Амвросій, съ слезами на глазахъ, распростился съ нами и поѣхалъ обратно изъ Шемахи въ Тифлисъ, къ своей братіи.

24-го Ханъ, по обыкновенію, отсылалъ Шаху подарки къ Новому Году, тѣмъ болѣе дорогіе на этотъ разъ, что онъ считалъ себя въ немилости по дѣлу брата; недавно же онъ получилъ Шахово письмо, завѣрявшее въ возвращеніи ему всей Шаховой милости. Подарки состояли изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ лошадей, головныхъ ременныхъ для нихъ сбруй или уборовъ, верблюдовъ, навьюченныхъ 30-ю подушками, набитыми лебединымъ пухомъ, и множествомъ Русской юфти; кромѣ того изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Самъ Ханъ отправился тоже съ подарками, сказавши намъ, что проводитъ подарки за нѣсколько миль; но между тѣмъ онъ остался только внѣ города нѣсколько дней, а въ это время распоряженіями Калентера сдѣланы приготовленія къ нашему отъѣзду, и Посланникамъ нашимъ на домъ присланы были 60 туменовъ или 460 рейхсталеровъ за то, что во все время они жили на свои деньги. Но такъ какъ сумма, назначенная на наше содержаніе по прежнему распоряженію и обѣщанію, должна была простираться до 120 туменовъ, то присылка только сказанныхъ 60 туменовъ казалась нѣсколько подозрительною; по чему Посланникъ Бругманъ приказалъ намъ, посланнымъ для переговоровъ съ Калентеромъ по другимъ дѣламъ, касавшимся нашего путешествія, мимоходомъ разузнать: по распоряженію ли Шаха, или по усмотрѣнію только Хана и Калентера, выданы были Посламъ сказанныя только 60 туменовъ?

При этомъ намъ велѣно передать Калентеру, что хотя наши Посланники пріѣхали въ Шемаху не съ тѣмъ, чтобы получать сдѣсь деньги, но все таки они хотятъ взять ихъ съ собою въ Испагань, и за печатью Калентера, за которой онѣ присланы были и Посланникамъ, предъявить ихъ Шаху. Что, во всякомъ случаѣ, Гг. Посланники въ высшей степени были стѣснены тѣмъ, что такъ долго должны были прожить сдѣсь, тогда какъ хорошо было извѣстно, что приказаніе отправить ихъ далѣе давно уже было отъ Шаха получено. Калентеръ отвѣчалъ на это: «Мы ни чего не можемъ дать вамъ; деньги даны вамъ были не отъ насъ, но отъ Шаха, и что Шахъ приказывалъ, то мы и дѣлали для васъ, и даже болѣе ибо, пока не приходило Шахово приказаніе, все, что мы давали вамъ, давали изъ собственнаго кармана.» При этомъ онъ добавилъ, что «можемъ доносить, или не доносить, Шаху, говорить ему то и другое: они на это вниманія не обращаютъ; они и сами будутъ писать Шаху и пошлютъ ему нашу росписку. Что же касается до неудовольствія за долгое задержаніе, то случилось это не по ихъ съ Ханомъ волѣ: надо было не мало употребить времени для того, чтобы доставить достаточное количество подводъ и другихъ принадлежностей и вещей для такого большаго числа людей и поклажи.» Въ заключеніе онъ просилъ неотступно, чтобы мы были такъ добры, оказали ему дружбу передъ отъѣздомъ, еще разъ пожаловать къ нему въ гости. Мы исполнили эту просьбу Калентера, посѣтили его въ послѣдній разъ, и, кромѣ прекрасной пирушки, хозяинъ угостилъ и всякого рода дѣльными и забавными, увеселительными разговорами и вполнѣ радушнымъ пріемомъ.

27-го Марта присланы были намъ 60 повозокъ для клади и 130 лошадей для ѣзды верхомъ. Уложенную кладь, и 9 человѣкъ больныхъ людей, уже позднимъ вечеромъ Дворецкій (Гофмейстеръ) нашъ послалъ впередъ.

Прежде чѣмъ послѣдуемъ и мы за ними, обозримъ немного городъ Шемаху и лежащую кругомъ страну.

ГЛАВА XX.

О городѣ Шемахѣ и горахъ, лежащихъ около нея.

Городъ Шемаха различными писателями называется различно и помѣщается даже въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые, какъ напримѣръ: Бизаро, Барбаро и другіе, называютъ его: Sumachia, Summachia и Samachia; Испанцы же пишутъ его Xamachi. На картахъ одни помѣщаютъ его выше, другіе ниже Дербента, а нѣкоторые даже въ обоихъ сихъ мѣстахъ. Туземцы же и Персы называютъ его по нашему произношенію Schamachiè; лежитъ же онъ, считая по извилистой дорогѣ, идущей черезъ горы и между горами, въ 40 добрыхъ миляхъ или въ 6-ти дняхъ пути за Дербентомъ, или по ту сторону Дербента. Отъ Каспійскаго же берега, если ѣхать на лошади, или ити пѣшкомъ въ Баку (Bakuje), черезъ горы на Lahatz, гдѣ находится таможня, два дня пути, а тою же дорогою, на верблюдахъ, 4 дня, и 6 дней (какъ нѣкоторые пишутъ безразлично), когда съ тяжелымъ грузомъ на верблюдахъ, обходятъ горы долиною, при рѣкѣ Араксѣ (Aras). Долгота въ Шемахѣ 84° 30′ и широта 40° 50′. Онъ есть главный городъ значительной области, которая въ древности называлась Media Atropatia, теперь же Ширваномъ (Schirwan), хотя нѣкоторые писатели помѣщаютъ его въ Гирканіи другой пограничной области. Построенъ онъ, какъ говорятъ Персы, Шахомъ Ширваномъ; лежитъ же въ горахъ, по чему только тогда и увидишь его, когда подъѣдешь къ нему уже довольно близко. Въ прежне время онъ былъ гораздо обширнѣе, имѣлъ до 5000 домовъ, но при Шахѣ Абасѣ (Abas), въ слѣдствіе войны съ Турками, значительно уменьшился. Онъ раздѣлялся на 2 особыя части, и обѣ этѣ части обнесены были каменными стѣнами. Но когда Шахъ Абасъ увидѣлъ, что Турки нападаютъ большею частію на защищенныя и укрѣпленныя мѣста и стараются взять ихъ, открытыя же поселенія оставляютъ безъ вниманія, и когда онъ такимъ образомъ пришелъ къ заключенію, что крѣпости, сооружаемыя не на границахъ и дорогахъ, а внутри страны болѣе вредны, чѣмъ полезны, то онъ приказалъ срыть стѣну въ южной части, имѣвшей

найболѣе крѣпкую стѣну, такъ что теперь часть эта представляетъ совершенно открытое мѣсто. Такимъ же образомъ поступлено было и съ большими городами: Таврисомъ (Tabris или Tauris), Нахичеванью (Nachtzuan) и Кенчемъ (Kentzae).

Турки, отнявъ у Персовъ однажды городъ Шемаху, и желая укрѣпить его, воздвигли эту стѣну изъ однихъ надгробныхъ камней, которые они расхитили съ Персидскихъ могилъ и свезли сюда отовсюду.

Сѣверная часть города нѣсколько меньше, лежитъ на холмѣ, въ окружности также велика, какъ, на пр., Лейпцигъ, и окружена хотя каменной, но плохой, безъ рвовъ, стѣною, черезъ которую, даже при запертыхъ воротахъ, легко проникнуть въ городъ. Тѣмъ не менѣе эта часть города имѣетъ 5 воротъ. Улицы въ обѣихъ частяхъ города очень узкія, съ низкими изъ камня, глины и земли выстроенными, домами, населенными Персами, Армянами и нѣсколькими Грузинцами, которые всѣ, хотя каждый изъ этѣхъ народовъ имѣетъ свой особый языкъ, обыкновенно говорятъ по Турецки, равно какъ и въ цѣломъ Ширванѣ. Главнѣйшія занятія ихъ составляютъ: пряжа, тканье шелка и шерсти и разныя вышиванья.

Въ южной сторонѣ города есть большой торгъ или базаръ, съ нѣсколькими крытыми улицами, въ которыхъ Персы имѣютъ свои лавки со всякого рода товарами: пестрой камкой, шелкомъ, серебряными и золотыми вещами, луками, стрѣлами, саблями и другими рукодѣльями, каковые товары можно купить сдѣсь довольно дешево. На этомъ же торгѣ есть еще два складочные или торговые дома (гостиныхъ двора), съ разными ходами и покоями, которые занимаютъ иностранные купцы, ведущіе сдѣсь оптовую торговлю своими товарами. Одинъ изъ этѣхъ домовъ или подворій называется Шахъ Каравансерай (Schach Carwanserà), гдѣ помѣщаются Русскіе купцы и торгуютъ оловомъ, мѣдью, юфтью (кожей) и соболями, другой же называется Лозги (Лезгинъ) Каравансерай (Losgi Carwanserà), въ которомъ находятся Черкаскіе Татары и ведутъ тамъ свою торговлю, именно: лошадьми, женами, малыми и взрослыми дѣвицами, служанками и

мальчиками, которыхъ они частью вымѣняли, или купили, частію же понакрали съ Русскихъ границъ и другъ у друга. Когда мы были сдѣсь на обратномъ пути, то Русскій Посланникъ, Алексѣй, человѣкъ весьма веселый, любящій забавы и еще молодой, пошелъ въ этотъ послѣдній каравансерай, изъ желанія поглядѣть на живой товаръ и, между прочимъ, за одного мальчика, довольно краснваго лицомъ и хорошо сложеннаго, за котораго просили 6 туменовъ, предложилъ 2 тумена, т. е., 32 рейхсталера, но такая цѣна такъ обидной показалась Черкаскому торговцу людьми, что онъ, ударивъ мильчика по задницѣ, съ полнымъ безстыдствомъ сказалъ: «Одною этою частью ты можешь въ своей жизни наслаждаться на гораздо большую сумму!» Въ этомъ же каравансераѣ пристаютъ Евреи, которые привозятъ сюда изъ Тессерана (Thesserahn) превосходнѣйшіе шерстяные ковры.

Въ городѣ находится 3 бани, называемыя ими Гамамъ (Hamam); онѣ у Персовъ въ особенномъ ходу, какъ и у Русскихъ, ежедневно посѣщаются, и въ двѣ изъ нихъ ходятъ днемъ женщины, а ночью мужчины, въ 3-ю же, которая находится недалеко отъ замка и называется Гамамъ Шихъ (Hamam Schich), ходятъ только одни мужчины. Передъ этой послѣдней баней стоятъ два большія дерева, которыя Персы высоко и дорого чтутъ, по тому что они посажены и взрощены сдѣсь ради одного святаго, по имени Шихъ Мурита (Schich Murith), погребеннаго подлѣ этой бани въ одной мечети. Доходы съ этой бани идутъ на содержаніе гробницы святаго, на свѣчи, полотно и проч., а остальное на бѣдныхъ. Въ сказанную мечеть народу стекается гораздо болѣе, чѣмъ въ другія мечети, которыхъ въ городѣ Шемахѣ и внѣ его всего шесть.

Городъ, равно какъ и вся область Ширванъ, управляется однимъ Ханомъ и Калентеромъ, какъ управителемъ и градоначальникомъ, которые мѣстожительство свое имѣютъ въ сѣверной части онаго. Ханъ завѣдываетъ правосудіемъ, имѣетъ постоянно бдительный надзоръ надъ цѣлою областью для защиты и отъ непріятеля, и съ 1000 воинами, содержимыми самою областью, всегда долженъ быть на готовѣ къ бою. Калентеру же поручается казна, именно сборъ доходовъ и извѣстныя расплаты; но онъ

не можетъ съ Шахомъ выступить въ поле, по тому что городъ долженъ быть снабженъ постояннымъ защитой.

Знакомый нашъ Ханъ назывался Аребъ (Areb), держалъ при себѣ великолѣпный придворный штатъ, хотя по роду и былъ происхожденія низкаго (на что въ Персіи, впрочемъ, мало обращается вниманія), именно, онъ былъ сынъ одного крестьянина и родился въ области Серабъ (Sserab), лежащей между Ардебилемъ и Таврисомъ. Онъ прославился своею храбростію до того, что когда Шахъ Сефи пошелъ осаждать крѣпость Эрванъ (Eruan) (Эривань), которую онъ вознамѣрился снова отнять у Турокъ, то назначилъ его, Ареба, главнымъ начальникомъ надъ орудіями (Цейгмейстеромъ), и такъ какъ въ этой осадѣ онъ сражался съ такимъ мужествомъ, что не только получилъ множество ранъ, которыя онъ намъ однажды на пиру показывалъ на головѣ и рукахъ, но и представилъ Шаху нѣсколько отрубленныхъ имъ Турецкихъ головъ, то онъ и сдѣланъ былъ Ханомъ, на мѣсто прежняго, называвшагося Феррухъ Ханъ и погибшаго во время этой самой осады. Онъ былъ, также какъ и Калентеръ Ябекъ (Jajabek), высокаго роста и съ величавымъ лицомъ, только не во время попойки, которой оба они весьма преданы, и Аребъ Ханъ даже болѣе, чѣмъ Ябекъ, вообще же оба очень любезные люди.

Изъ древностей въ Шемахѣ мы не нашли ни чего достопамятнаго. Никто ни чего не знаетъ объ отвратительной башнѣ, которая, какъ свѣдѣтельствуетъ Англичанинъ Іоаннъ Картрайтъ (Cartwrigt), въ своемъ описаніи путешествія, была возведена изъ булыжника и плитняка, между которыми вмазано множество головъ бывшаго когда-то здѣсь благороднаго населенія. Хотя я и нашелъ въ городской стѣнѣ втиснутыя въ камень двѣ мужскія головы, но никто не могъ объяснить мнѣ, что онѣ означали. Въ остальномъ же все обстоитъ здѣсь такъ, какъ помянутый сейчасъ Англичанинъ пишетъ объ одной древней разрушенной крѣпости, лежащей недалеко отъ Шемахи. Такъ, въ полумили на сѣверъ отъ города, находится довольно высокая крутая гора, которую Персы называютъ Кале Кюлустанъ (Kalae Külüstahn); у этой горы и на ней видна еще бездна обломковъ стѣнъ бывшей здѣсь когда-то сильной крѣпости. На вер-

нинѣ глубокій погребъ, выложенный прекрасными большими четвероугольными камнями, и подлѣ погреба колодязь. Намъ разсказывали, что крѣпость эту построилъ сдѣсь когда-то Ширванъ Шахъ (ибо въ древности страна эта имѣла собственныхъ своихъ Царей), въ память имени одной изъ своихъ наложницъ или хассе (Chassa), которую онъ любилъ болѣе прочихъ и которая называлась Külüstahn, но Александръ Великій разрушилъ будьто бы эту крѣпость. Внизу, въ долинѣ, течетъ рѣка, по обѣимъ берегамъ которой идетъ плодородная земля, весною покрывающаяся множествомъ прекрасныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ тюльпановъ, которые сдѣсь растутъ въ дикомъ состояніи; полагаю, что отъ этого и гора получила свое имя; ибо Külüstahn значитъ долина розъ, или мѣсто, гдѣ растетъ много розъ и цвѣтовъ, а Kalae означаетъ крѣпость. Недалеко отъ Кале Кюлустана, въ сторону къ Шемахѣ, есть другая, еще высшая гора, на которой стоятъ двѣ часовни, изъ коихъ въ первой и важнѣйшей изъ нихъ, выстроенной въ видѣ паралелограмма, былъ высокій, изъ камня сложенный, гробъ, увѣшанный множествомъ пестрыхъ лоскутковъ, тряпочекъ, согнутыхъ тростниковъ, перевязанныхъ шелкомъ на подобіе луковъ; въ другой же часовнѣ стояло два гроба, увѣшанныхъ подобными же украшеніями. Въ обѣихъ этѣхъ часовняхъ покоятся святые мужи; по чему Персы часто приходятъ суда и молятся у гробовъ ихъ.

Сдѣсь же, спустясь только на нѣсколько ступеней, можно войти въ глубокій со сводами склепъ, въ которомъ погребена Амелекъ Канна (Amelek Kanna), дочь одного Царя. Дочь эта имѣла особое расположеніе къ одиночной, дѣвической жизни; отецъ же ея хотѣлъ силою принудить ее выйти замужъ за одного Татарскаго Князя, въ слѣдствіе чего она и лишила себя жизни. Весьма можетъ быть, какъ свѣдѣтельствуетъ это, часто уже упоминаемый выше, писатель, что нѣкогда дѣвицы этѣхъ мѣстъ, въ извѣстное время года, собирались сюда для оплакиванія смерти Амелекъ Канны, но теперь Персы ровно объ этомъ ни чего не знаютъ. Если же жители города Шемахи и окрестъ лежащихъ селеній, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лѣтомъ, посѣщаютъ въ великомъ множествѣ эту гору, равно какъ и гору Кюлустанъ, то случается это не ради помянутой дѣвицы, но по другой причинѣ, именно, въ слѣдствіе

прохладнаго воздуха, бывающаго на вершинахъ этѣхъ горъ; ибо въ равнинѣ, внизу, настаетъ въ это время сильная и невыносимая жара. При такихъ-то обстоятельствахъ и случается, что Персы, по обыкновенію своему, покланяются при гробахъ покоющихся тамъ ихъ святыхъ (Руг) чаще, чѣмъ въ другое время. Нѣкоторые ремесленники и бѣдные люди проводятъ тамъ только время дня, ночью же они спускаются съ нихъ въ дома свои. Ханъ же, Калентеръ и другіе вельможи остаются тамъ постоянно въ своихъ палаткахъ почти цѣлые три мѣсяца, въ которые бываетъ сильный жаръ. Скотъ свой Персы гоняютъ на это время на гору Эльбурсъ (Elburs), гдѣ находится не только сносный воздухъ, но и хорошія пастбища: Эльбурсъ есть часть Кавказскихъ горъ, въ области Табесеранъ (Tabesseran), граничащей съ Грузіей, и высоты его очень хорошо видны съ описанныхъ сейчасъ горъ. На этомъ Эльбурсѣ Персы нѣкогда держали свой неугасаемый огонь и поклонялись тамъ ему; но теперь этого огня и его поклонниковъ нѣтъ, какъ нѣтъ и у Еше (Jesche), гдѣ Тейксера (Teixera) неправильно еще помѣщаетъ ихъ, а за нимъ повторяютъ и другіе писатели это извѣстіе, да и нигдѣ въ Персіи, и они удалились оттуда въ Индію, въ которой и теперь еще осталась особая секта такихъ огнепоклонниковъ, о чемъ подробнѣйшее свѣдѣніе можно найти въ описаніи путешествія Высокороднаго Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло.

ГЛАВА XXI.

Путешествіе отъ Шемахи до Ардебиля.

Возвратимся опять къ нашему путешествію. Отославши, какъ сказано, 27-го Марта, вечеромъ, наши вещи впередъ, Гг. Посланники, на слѣдующее утро, за два часа до разсвѣта, и сами отправились за ними. Такъ какъ Ханъ и Калентеръ Шемахинскіе не такъ уступчиво заявили себя относительно вознагражденія издержанныхъ нами на продовольствіе денегъ, какъ мы надѣялись, то Посланникъ Бругманъ не хотѣлъ, чтобы Калентеръ,

или какой ни будь другой Персіянинъ, провожали насъ изъ города; по этому Посланники, взявъ свои пистолеты подъ мышки, вышли еще затемно изъ города, сѣли тамъ на лошадей и поѣхали въ путь съ нѣсколькими изъ прислуги; остальные также послѣдовали потомъ за ними. Остановившись въ двухъ миляхъ отъ города покормить лошадей, нашли мы одного изъ солдатъ своихъ, именно Александра Чамерса (Schaumers), Шотландца, который хоть и былъ боленъ, но уже почти выздоровѣлъ, сидящимъ въ повозкѣ мертвымъ; мы похоронили его тутъ же, на веселомъ холмѣ, поросшемъ множествомъ гіяцинтовъ, на лѣво отъ дороги, и послѣ обѣда проѣхали еще съ полмили далѣе, до гробницы одного Персидскаго святаго Мардехана (Pyr Mardechan), находящейся въ краѣ Факерлу (Fakerlu), расположились тамъ на голомъ полѣ подъ повозками и вообще имѣли прескверньйшій ночлегъ, по тому что цѣлую ночь была чрезвычайно бурная погода, съ сильнымъ громомъ, молніей, вѣтромъ, дождемъ, снѣгомъ и морозомъ, и ко всему этому Посланникъ Бругманъ приказалъ еще стрѣлять изъ большихъ пушекъ. На слѣдующій день Бругманъ жестоко разсердился на Персовъ, за то, что нѣсколько металлическихъ пушекъ оставлено было въ Шемахѣ, по тяжести ихъ для лошадей, не могшихъ ихъ везти на сдѣланныхъ для того станкахъ; укорялъ въ томъ Мегемандаря, осыпая его бранными словами, плевалъ на Хана, Калентера и даже на самаго Мегемандаря, говоря, что все, что они обѣщали сдѣлать, была чистая ложь, и приказалъ сказать Хану, что или Ханъ поплатится за это головою, или онъ, Бругманъ, положитъ свою собственную. Сначала мы думали было остаться въ этомъ мѣстѣ и ждать, пока не привезутъ наши пушки, но увидавши и сообразивши неудобность мѣста, въ которомъ не было ни человѣка, ни скота, ни огня, ни дровъ, ни пищи, ни топлива, и имѣя притомъ въ виду, что и погода стояла чрезвычайно холодная и мы почти всѣ дрогли въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, чего, конечно, не могли на долго вынести ни больные, ни молодые люди наши, мы порѣшили продолжать путь далѣе, и черезъ двѣ мили, миновавъ лежащій на право каравансерай Тахтши (Tachtschi), проѣхали еще двѣ мили далѣе, до конца Шемахинскаго горнаго хребта.

Вершина этого хребта идетъ низкими холмами и чрезвычайно плодородна; зимой же и весной сдѣсь большею частію падаютъ дожди, снѣгъ и вообще бываетъ сырая погода. Съ края этой горы открывался внизъ восхитительный видъ, по тому что страна, растилавшаяся внизу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляла на цѣлыя 10 миль, а въ иныхъ и болѣе, совершенно гладкую равнину, всю въ зелени и веселую подъ яснымъ небомъ и при солнечномъ освѣщеніи, тогда какъ наверху, напротивъ, мы окружены были дождемъ и снѣгомъ. На этой равнинѣ, точно на разостланной картѣ, видны были также чрезвычайно красиво изливающіяся и сливающіяся вмѣстѣ двѣ, прославленныя писателями рѣки, Араксъ и Куръ (Aratzin, Cyrum).

Нѣкоторые изъ насъ, ѣхавшіе впереди, проѣхавъ гору, которая хотя и была длиною въ полмили, но удобо проходима и не крута, спустились внизъ и вышли на прекрасный ясный воздухъ; оглянувшись назадъ на остальныхъ, ѣхавшихъ позади, они представлялись намъ, какъ бы выходившими изъ облаковъ длинными рядами и спукавшимися внизъ; ибо верхняя часть хребта одѣта была густымъ туманомъ и какъ бы укутана въ облака. Мы остановились внизу, у подошвы горы, направо, въ нѣсколькихъ отакахъ (Ottak) или Татарскихъ лачужкахъ, которыя раскинули сдѣсь пастухи, живя тутъ отдѣльными обба (Obba) или ордами, при своихъ стадахъ.

30-го Марта мы проѣхали равниною 4 мили до селенія Казилю (Kasilü). По дорогѣ намъ повстрѣчались нѣсколько пастуховъ, съ своими стадами, домомъ, дворомъ, женами, дѣтьми и со всѣми принадлежностями ихъ хозяйства, ѣхавшихъ на повозкахъ и верхами на лошадяхъ, на которыхъ, равно какъ на быкахъ, коровахъ и ослахъ, были нагружены ихъ пожитки; встрѣчи этѣ представляли довольно забавное зрѣлище. Въ этотъ день, равно какъ и послѣ, во все время дальнѣйшаго пути, мы большею частію имѣли чистое ясное небо и прекрасную погоду, и нигдѣ, развѣ иногда только около и у вершинъ горъ, не видали пасмурнаго неба.

Послѣдняго Марта проѣхали мы двѣ мили далѣе, по направленію къ морскому берегу, до селенія Джаватъ (Tzawat),

лежащаго при рѣкѣ Курѣ (Kür) и состоящаго изъ тростниковыхъ и камышевыхъ хижинъ, обмазанныхъ глиною. Четверть мили далѣе Араксъ, называемый нынѣ Персами Арасъ (Aras), впадаетъ въ Куръ (Cyrum) или въ Кюръ (Kür), подъ 39°, 64′ высоты полюса; до соединенія этѣхъ рѣкъ Араксъ течетъ съ юго-запада, а Куръ съ запада-сѣверо-запада. Каждая изъ нихъ, шириною въ 140 шаговъ, катитъ свои темныя, тихія и глубокія воды въ довольно крутыхъ берегахъ. По берегамъ ихъ, также какъ и по всему Мокану (Mokan), въ лугахъ, растетъ Glycyrrhiza или солодковый корень въ большомъ изобиліи и иногда толщиною съ руку. Вываренный сокъ изъ него гораздо слаще и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ у насъ въ Германіи.

Рѣка Куръ составлетъ границу между Ширваномъ и Моканомъ; у селенія Джаватъ черезъ нее перекинутъ фашинный изъ тростника мостъ, черезъ который мы перебрались 2-го Апрѣля, и на другой сторонѣ рѣки, въ Моканѣ, встрѣчены были новымъ Мегемандаремъ или проводникомъ, котораго прислалъ къ намъ Ханъ Ардебильскій. Для дальнѣйшей ѣзды нашей верхомъ и для возки клади, намъ дали сдѣсь 40 верблюдовъ и до 300 лошадей; ибо по причинѣ высокихъ горъ и глубокихъ долинъ, черезъ которыя шла дорога, на повозкахъ ѣхать было не возможно. Кромѣ обильныхъ для возки средствъ, мы начали получать сдѣсь и достаточное продовольствіе, а именно: ежедневно по 10 овецъ, по 30 жбановъ вина, рису, масла, яицъ, миндаля, изюма, яблокъ и проч., сколько было угодно. Такимъ образомъ, въ Воскресенье, отслушавъ проповѣдь, пустились мы далѣе, и дорога наша шла почти постоянно въ милѣ отъ Аракса. Ночной привалъ имѣли мы въ полумилѣ отъ берега, въ рощѣ, въ круглыхъ пастушьихъ шалашахъ, которые Мегемандарь нарочно велѣлъ устроить для насъ.

3 го числа мы проѣхали въ той же рощѣ далѣе 4 ферзанга (fersang) или мили и ночевали опять въ тѣхъ же шалашахъ, посланныхъ впередъ. Въ этотъ день мы видѣли нѣсколько большихъ стадъ дикихъ животныхъ, которыя по Турецки называются Джейранъ (Tzeirin), по Персидски Агу (Ahu), и которыя видомъ похожи на серну, но имѣютъ красноватую шерсть, рога безъ отрост-

ковъ, загнутыя назадъ, какъ у дикой козы, и бѣгаютъ весьма быстро. Этотъ родъ дичи водится только въ Моканѣ, также около Шемахи, Карабаха и Мерраге (Karrabach, Merragè).

4-го числа проѣхали мы еще 6 миль далѣе и остановились у рѣки, называемой Балгару (Balharu); хотя разстояніе это мы могли проѣхать по кратчайшей дорогѣ, рощею, но, по причинѣ бывшей сдѣсь грязи, должны были сдѣлать такой обходъ къ рѣкѣ. Сдѣсь мы нашли множество черепахъ. Животныя этѣ на высокомъ берегу, а также и внутри страны на холмахъ, вырываютъ въ пескѣ норы, и кладутъ въ этѣ норы свои яйца, въ сторонѣ, обращенной къ полудню, для того, чтобы онѣ найболѣе пригрѣвались солнцемъ. Увидѣвъ на другомъ берегу рѣки людей, жившихъ тамъ въ хижинахъ, нѣкоторые изъ насъ, желая узнать, что это за народъ, перебрались къ нимъ и разговорились съ ними. Дѣти этѣхъ людей бѣгали совершенно голыя; взрослые же люди были въ грубыхъ выбойчатыхъ кафтанахъ; они обращались съ нами ласково и добродушно и принесли намъ напиться молока. Они думали, что мы были солдаты и пришли сюда для того, чтобы помочь ихъ Шаху противъ Турокъ, по чему и желали намъ, чтобы Богъ помогъ намъ прогнать непріятеля до самаго Стамбула, какъ называли они Константинополь.

5-го Апрѣля мы проѣхали до конца Моканскую рощу (боръ), къ хребту и странѣ Беджирванъ (Betziruan), переправлялись черезъ одну небольшую рѣчку, по причинѣ ея извилистаго теченія, 12 разъ, и остановились на ночлегъ въ селеніи Шехмуратъ (Schechmurat), отстоявшемъ въ 5-ти миляхъ отъ вчерашняго ночлега. Дома въ этомъ селеніи были пристроены къ горѣ и въ горѣ, такъ что только передняя ихъ часть сложена была изъ плитъ, а задняя входила въ гору, и жилья этѣ покрыты были тростникомъ. Всѣ этѣ жилища были пусты. Причиною тому было то, что люди Аребъ Хана, которыхъ онъ послалъ прежде насъ къ Шаху съ подарками къ Новому Году, прошли сдѣсь впереди насъ и распустили о насъ ложный слухъ, будьто мы такой страшный и ненавистный народъ, что куда ни придемъ, все разграбимъ, расхитимъ, а людей перебьемъ; по этому, поселяне сдѣшніе отъ страха всѣ бѣжали отсюда и ушли въ горы.

Сдѣсь нѣкоторые изъ насъ всходили на чрезвычайно высокую и скалистую гору, поискать травъ и обозрѣть страну; но мы не нашли тамъ ни чего особеннаго, а вокругъ лежащій горный хребетъ закрывалъ отъ насъ все кругомъ. На вершинѣ горы изъ одной разсѣлины скалы билъ чистый прекрасный ключъ, въ которомъ, въ трещинѣ одного камня, черезъ которую бѣжала вода, мы нашли морскаго рака; для тѣхъ изъ насъ, которые не видывали подобныхъ животныхъ, ракъ этотъ былъ чудомъ и животнымъ ядовитымъ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ могъ зайти ракъ въ это мѣсто, находящееся болѣе чѣмъ въ 2 миляхъ отъ моря и на такой высокой горѣ; тѣмъ не менѣе это былъ дѣйствительно морской ракъ. Мы сѣли у ключа, съ грустными мыслями вспомнили о любезномъ нашемъ Отечествѣ, сожалѣли о счастіи и удовольствіяхъ въ Германіи, которую мы должны были оставить и влачить жизнь нашу въ такихъ дикихъ мѣстахъ, среди нехристіянскихъ народовъ, выпили водою здоровье добрыхъ нашихъ друзей въ Германіи и спустились опять внизъ, не безъ опасности, такъ какъ гора была крайне крутая.

6-го числа проѣхали мы черезъ горы и между горъ всего только двѣ мили, видѣли въ разныхъ мѣстахъ фиговыя деревья, росшія въ дикомъ состояніи, и заѣхали наконецъ въ одно вымершее селеніе Дизле (Disle). Только что расположились было мы въ этомъ селеніи на прескверное помѣщеніе, какъ извѣстились, что въ минувшую осень всѣ дома опустѣли сдѣсь отъ мора; по этому Посланники, съ большею частью сопутствовавшихъ имъ, тотчасъ же выѣхали изъ селенія въ открытое поле, гдѣ разбили палатку для себя, около которой остальной народъ расположился, сначала подъ открытымъ небомъ, а позднимъ вечеромъ въ нѣсколькихъ круглыхъ шалашахъ, которые, по приказанію Мегемандаря, привезены были на волахъ. Этотъ родъ шалашей дѣлается изъ длинныхъ жердей или рогуль, соединенныхъ вверху въ одинъ кружокъ, такъ что они быстро могутъ быть раскинуты и опять собраны и сложены. Случилось, что благородный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ, замѣшкавшись нѣсколько въ селеніи, пришелъ къ Посланникамъ въ палатку; Посланникъ Бругманъ сдѣлалъ ему за это такой грубый выговоръ, говоря, что онъ пришелъ изъ домовъ, зараженныхъ язвою, и заразитъ,

пожалуй, и ихъ, Посланниковъ, что бѣдный Ухтерицъ сильно перепугался и отъ испугу впалъ въ продолжительную лихорадку. Нѣкоторые же изъ насъ, видя, что воздухъ наполнялся густымъ вонючимъ туманомъ и стало холодно, собрались вмѣстѣ въ одинъ домъ, наносили себѣ дровъ, развели посреди дома большой огонь, усѣлись около него, повеселили себя добытымъ въ прошломъ ночлегѣ виномъ, бывшимъ у каждаго въ своей флягѣ и такимъ образомъ провели эту ночь, разгоняя страхъ язвы всякаго рода веселыми разговорами и шутками. Въ этомъ селеніи Восточно-Индійцы, торгующіе въ Шемахѣ, начали строить большой каравансерай, который былъ уже готовъ болѣе половины.

Отсюда до каравансерая Аггисъ (Aggis) 5 миль; по дорогѣ растетъ множество полыни, и путешественники никогда не даютъ ѣсть травы по этой дорогѣ своимъ верблюдамъ и лошадямъ; ибо они по опыту знаютъ, что подножный кормъ сдѣсь ядовитъ и скотъ отъ него околѣваетъ. По этому, 7-го числа выпало намъ довольно трудное путешествіе; ибо мы должны были сдѣлать 10 миль, чрезъ довольно высокія горы, которыя и проѣхали большею частью рысью и покормивъ всего только одинъ разъ. И такъ какъ и погода была предурная, съ рѣзкимъ вѣтромъ и снѣгомъ, то не только прислуга наша, ѣхавшая цѣлый день не ѣвши, измучилась вся и заболѣла, но и верблюды одни стали, а другіе просто пали подъ тяжестію клади. Въ полдень мы миновали помянутый сей часъ каравансерай Аггисъ, оставя его съ правой стороны; онъ былъ довольно великъ и построенъ отлично, такъ что подобнаго мы нигдѣ еще не встрѣчали. У этого каравансерая встрѣтилъ насъ хорошо разодѣтый Персіянинъ, съ двумя слугами, который объявилъ, что онъ присланъ Шахомъ намъ на встрѣчу, съ приказаніемъ быть нашимъ Мегемандаремъ и имѣть доброе стараніе о томъ, чтобы Гг. Посланники были хорошо продовольствуемы и поскорѣе доставлены къ Шаху. Вечеромъ прибыли мы въ селеніе Джанлю (Tzanlü), лежащее на одной горѣ. Хотя въ немъ были прекрасные большіе сады изъ плодовыхъ деревьевъ, но не было ни какого дерева для топки, по чему мы принуждены были жечь коровій, верблюжій и конскій пометъ, чтобы обогрѣться. Въ эту ночь нашъ Квартирмейстеръ посланъ былъ впередъ въ Ардебиль, чтобы приготовить тамъ помѣщенія для насъ.

8-го числа, послѣ завтрака, пустились мы далѣе, черезъ гору Джицетлу (Tzizetlu), и проѣхали 3 добрыхъ мили. Внизу, въ концѣ горы, течетъ рѣчка Карасу (Karasu), идущая изъ Гилянскаго хребта Бакру (Bakru) и впадающая въ Арасъ; сдѣсь, у селенія Самьянъ (Samian), черезъ эту рѣчку довольно искусно устроенъ, на 6 сводахъ, каменный мостъ, длиною въ 90 шаговъ, черезъ который мы и переѣхали.

Полмили далѣе за этѣмъ мостомъ лежитъ селеніе Джабедаръ (Tzabedar), находящееся въ 2-хъ небольшихъ миляхъ отъ Ардебиля; мы въѣхали въ это селеніе, и остались въ немъ на слѣдующій день, бывшій праздникомъ Пасхи. Сдѣсь жители собираютъ коровій и конскій пометъ въ большія остроконечныя кучи, частію складываютъ его по стѣнамъ, чтобы просушить на воздухѣ и солнцѣ и сдѣлать годнымъ топливомъ. Дома и покои сдѣсь полны были насѣкомыми, вшами и блохами, которыя крѣпко осадили и помучили насъ.

9-го Апрѣля мы праздновали наше Свѣтлое Воскресеніе, съ восходомъ солнца трижды стрѣляли изъ пушекъ и ружей, и затѣмъ отправили Богослуженіе съ проповѣдью.

Въ полдень къ намъ пришелъ нашъ новый, присланный отъ Шаха, Мегемандарь, по имени Неджестъ-Бекъ (Netzestbek), умный и веселый господинъ, посѣтить Посланниковъ и поздравить ихъ съ праздникомъ; онъ принесъ съ собою и подарки, именно: 5 вяленыхъ рыбъ, блюдо полное хлѣба, гранаты, яблока, особый родъ грушъ, похожихъ видомъ на лимоны, весьма сочныхъ, съ страннымъ, но пріятнымъ, запахомъ и вкусомъ, также огурцы, соленой лукъ и Ширасское вино, которое въ Персіи считается самымъ лучшимъ.

ГЛАВА XXII.

Какъ встрѣтили насъ передъ Ардебилемъ, какъ ввели въ него и угощали насъ.

10-го Апрѣля, т. е., въ Понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ, мы были торжественно введены въ Ардебиль, что совершилось еще съ большимъ оживленіемъ и съ болѣе страннымъ поѣздомъ, нежели какъ это было въ Шемахѣ. Такъ, когда въ полдень мы медленно ѣхали въ своемъ обычномъ порядкѣ, насъ встрѣтили сначала нѣсколько сильныхъ отрядовъ отлично разодѣтыхъ конниковъ, которые, повидавшись съ нами и сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, вернулись и поѣхали впереди насъ.

По сю сторону прекраснаго большаго селенія Кельгеранъ (Kelheran), которое, по его краснымъ пестрымъ башнямъ, мы приняли было сначала за городъ, но которое лежитъ еще въ полумили отъ него, подъѣхалъ Ардебильскій Калентеръ, по имени Талебъ Ханъ (Talebchan), худощавый старикъ, съ сильнымъ отрядомъ всадниковъ, принялъ насъ и поѣхалъ подлѣ Посланниковъ. Когда мы оставили селеніе уже позади себя, то увидали громадное множество народу, коннаго и пѣшаго, который разступился по серединѣ и далъ намъ свободный проѣздъ. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ и Ханъ Кельбеле (Kelbele), небольшой, но привѣтливый, господинъ, въ сопровожденіи отряда всадниковъ въ 1000 человѣкъ; онъ пріѣхалъ со стороны поѣзда, принялъ и ласково привѣтствовалъ Посланниковъ, по просьбѣ которыхъ и поѣхалъ между обоими ими. За тѣмъ пошли разныя забавы. Два мальчика въ бѣлыхъ рубашкахъ, покрытые выкрашенной овечьей шкурой, каждый съ длиннымъ шестомъ изъ финиковаго дерева, на которыхъ воткнуты были померанцы, шли передъ Посланниками, читали и пѣли по развернутымъ книгамъ какія-то пѣсни (Oden), сочиненныя въ честь Магомета, Алія и Шихъ Сафи. Мальчики этѣ были дѣти и ученики одного Абдаллы. За тѣмъ явились тутъ нѣсколько мальчиковъ въ совершенно бѣлыхъ одеждахъ, которые пѣли по птичьему и весьма искусно ртомъ подражали пѣнью соловья и другихъ птицъ. По сторонамъ шли барабанщики и ду-

дочники. Нѣкоторые пѣли и плясали, схватившись другъ съ другомъ, въ одномъ кругу; на другомъ мѣстѣ другіе прыгали совсѣмъ инымъ образомъ, бросали вверхъ шапки и опять подхватывали ихъ съ радостными криками. Нѣкоторые прыгали кругомъ съ ковчежцами на головахъ (Sellen), точно также, какъ было это при поминкахъ Алія. Ближе уже къ городу, по обѣимъ сторонами, стояло множество стрѣльцовъ изъ лука, одѣтыхъ въ кольчуги, въ низкихъ шапочкахъ, на подобіе купальныхъ, которые называются Аракджинъ (Arakizin); шапочки этѣ утыканы были перьями. У нѣкоторыхъ перья этѣ были прямо на открытой головѣ и на лбу, воткнуты въ кожу. Далѣе стояло нѣсколько человѣкъ, съ совершенно обнаженною верхнею частью тѣла, съ кинжалами, воткнутыми въ мясистыя мѣста рукъ и груди. Говорили, что дѣлается это напущеніемъ чародѣевъ, которыхъ въ Персіи множество. Были тутъ и нѣсколько человѣкъ Восточныхъ-Индійцевъ, которые, наклоняя головы и ударяя себя въ грудь, дружески раскланивались намъ. По страшной тѣснотѣ отъ множества народа, бывшаго кругомъ и толпившагося передъ нами, мы часто должны были пріостанавливаться, пока не разгоняли народъ кнутьями и прутьями. Въ самомъ городѣ народъ толпами сидѣлъ на домахъ, стѣнахъ, башняхъ и деревьяхъ, глядя на наше вшествіе.

Ханъ провелъ насъ по 10-ти ступенькамъ въ прекрасную увеселительную бесѣдку, находившуюся въ большомъ саду, расположенномъ въ городѣ, роскошно угощалъ насъ плодами и яствами; но сначала самъ подалъ каждому изъ насъ вошедшихъ, въ домъ, по золотой чашѣ вина, выпить ради счастливаго прибытія. Низшіе чины наши пировали особо внизу, въ палаткѣ. Въ продолженіи пиршества гремѣла постоянно ихъ музыка. Подлѣ бесѣдки плясала толпа Охджи (Ochtzi) или стрѣльцовъ изъ лука, которые держали луки свои вверхъ и какъ въ балетѣ, довольно искусно, подъ музыку и въ тактъ, помахивали этѣми луками и опять оставляли ихъ въ прежнемъ положеніи. Сюда же пришли и помянутые выше два мальчика Абдаллы, съ своими померанцами и съ важными тѣлодвиженіями читали свои пѣсни передъ Посланниками.

Объ этой бесѣдкѣ, такъ какъ она роскошно устроена, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Построена она бывшимъ Ардебильскимъ Ханомъ, Сульфагаръ-Ханомъ (Sulfagar chan), человѣкомъ очень богатымъ, на его собственный счетъ, который выписалъ образецъ для нея изъ Турціи. Она представляла восьмиугольникъ, въ которомъ три покоя возвышались одинъ надъ другимъ, съ изящными водометами, которыхъ вода била въ 3-й верхній покой, и даже выше самой бесѣдки. Стѣны выложены были синими, красными и зелеными поливанными камнями (кахлями), весьма искусно особыми фигурами, пригнанными другъ къ другу, и полы въ комнатахъ покрыты были дорогими коврами. Вокругъ всей бесѣдки шла широкая, мраморная галерея, украшенная цвѣтниками. На галереѣ этой, въ одномъ изъ угловъ, было мѣстечко, въ 4 квадратныхъ фута, покрытое вышитымъ ковромъ, на которомъ стоялъ мягкій стулъ, или подушка, шитая золотомъ и шелкомъ. На этомъ мѣстѣ сидѣлъ однажды Шахъ, проѣзжая черезъ Ардебиль, и по тому оно содержится въ великомъ почетѣ: никто другой не смѣетъ касаться до него, для чего оно и окружено небольшою рѣшеткой. Тотъ же помянутый Сульфагаръ-Ханъ имѣлъ также, по сю сторода города, подлѣ каменнаго моста, особый большой садъ, и въ немъ громадную, великолѣпную бесѣдку, которая въ наше время стояла большею частію брошенная и пустая. Когда Сульфагаръ-Ханъ, по проискамъ Шахскаго Главнокомандующаго, Каджагаръ-Хана (Katzagar chan) былъ убитъ (о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ), Шахъ отобралъ себѣ оба описанные сады и бесѣдки, и первый изъ этѣхъ садовъ отдалъ, для жительства въ немъ, Келбеле-Хану (Kulbele chan), въ пожизненное владѣніе.

По окончаніи стола и всякаго рода забавъ, Ханъ приказалъ отвести и помѣстить Посланниковъ, на прекрасномъ мѣстѣ въ городѣ, въ отличный, просторный и удобный, домъ, принадлежавшій прежде Шахскому Канцлеру, Сару Ходжѣ (Saru Chotzae), сопутствовавшихъ же имъ въ лежащіе подлѣ дома, въ которыхъ, кромѣ добрыхъ хозяевъ, мы нашли все хорошо и въ надлежащемъ порядкѣ приготовленнымъ.

На другой день нашего прибытія Посланникамъ принесли Таберикъ (Thaberik) изъ кухни Шихъ-Сефи. Въ Ардебилѣ есть многоцѣнная великолѣпная гробница Шихъ-Сефи, основателя и

перваго учредителя теперешней Персидской Вѣры, и другая гробница одного изъ послѣднихъ Шаховъ; гробницы этѣ окружены и украшены площадкой и зданіями, какъ бы Царскій дворъ или замокъ, описаніе котораго будетъ ниже. Между прочими установленіями въ Ардебилѣ существуетъ и слѣдующее: чтобы всѣ чужестранные Послы, или другіе знатные господа, пріѣзжающіе въ Ардебиль, дважды, или трижды, кушали отъ стола изъ этого дворца. Такія номинальныя кушанья Персы называютъ Таберикъ (Thaberik), что значитъ то же, что кушанья благословенныя.

Намъ принесены были 32 большихъ блюда, полныя кушаній, которыя большею частію состояли изъ разваренаго и разноцвѣтнаго рису, поверхъ уложеннаго вареным и жареным мясомъ и разными изъ яицъ печеньями. Сказанныя блюда принесены были на головахъ, и, по принесеніи ихъ, накрытъ былъ столъ на полу, за который мы должны были усѣсться по Персидски, хотя это нѣсколько и трудновато было для насъ, и ѣсть кушанья, по закону ихъ, не пивши въ то же время ни какого вина. Посланники приказали во время этого стола играть на трубахъ и выстрѣлить изъ нѣсколькихъ пушекъ. Принесшіе намъ кушанья не хотѣли принять отъ насъ ни какого подарка, какъ мы ихъ ни упрашивали о томъ; они говорили, что не смѣютъ принять подарковъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія.

Остальное время наша стряпня и погребъ изобильно снабжаемы были кушаньями и напитками. Ежедневная выдача продовольствія состояла изъ 16 овецъ, 200 яицъ, 4 батмана масла (батманъ равняется $6^1/_2$ фунтамъ), два батмана изюму, 1 батманъ миндалю, 100 батмановъ винограду (или вина), 2 батмана душабу (Duschab) или сиропу, муки, рису, куръ, и другихъ вещей, кромѣ того, что присылалъ въ подарокъ нѣсколько разъ Ханъ Посланникамъ, изъ особаго къ нимъ расположенія. Такимъ образомъ во все время стоянки нашей сдѣсь мы получили на продовольствіе 1960 батмановъ хлѣба, 6250 батмановъ винограду, 9300 яицъ, 477 овецъ и 472 ягненка.

ГЛАВА XXIII.

Что особаго случилось въ Ардебилѣ во время нашей тамъ стоянки, и что мы тамъ видѣли.

12-го числа Келбеле-Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ, посѣтилъ Посланниковъ, и предлагалъ имъ, съ своей стороны, всякую дружбу и услугу, что онъ исполнялъ и на самомъ дѣлѣ. Въ этотъ же день онъ послалъ гонца къ Шаху съ извѣщеніемъ о нашемъ прибытіи въ Ардебиль, и выразилъ намъ надежду, что скоро получитъ приказъ отправить насъ въ дальнѣйшій путь. Но за медленностію полученія этого приказа мы должны были простоять здѣсь еще цѣлые два мѣсяца.

22-го числа того же мѣсяца Пословъ посѣтилъ Армянскій Епископъ, прибывшій изъ пограничной крѣпости Ерванъ (Eruan); онъ весьма ласково разговорился съ Посланниками, сообщилъ намъ, что въ двухъ миляхъ отъ этой крѣпости у нихъ есть монастырь, въ которомъ 400 монаховъ, и что недавно Турки, во время схватки въ этѣхъ мѣстахъ, увели 1500 Армянскихъ Христіанъ. Онъ выхвалялъ Персидскаго Шаха за то, что тотъ оставилъ имъ ихъ преимущество, и не обременялъ ихъ податями такъ тяжко, какъ Турки. Что, далѣе, Христіянская община въ Азіи довольно велика; что они, въ одной своей мѣстности, между двумя рѣками, Куромъ и Арасомъ, въ горахъ, имѣютъ до 1000 селеній, а у городовъ Касвина и Тавриса, болѣе 2000 домовъ и 500 церквей. Онъ просилъ, въ заключеніе, чтобы Посланники замолвили объ ихъ общинѣ Шаху доброе слово.

25-го Апрѣля или по Арабскому счисленію 10-го Зильгодже (Silhotzae) Персы праздновали большой свой Байрамъ или праздникъ, который они называютъ Курбанъ (Kurban), т. е., жертва, установленная въ память жертвоприношенія Авраама, которое онъ хотѣлъ совершить надъ сыномъ своимъ, Измаиломъ (какъ Персы называютъ его сына, а не Исаакомъ). Въ этотъ день всѣ, кто только имѣлъ хоть какую ни будь возможность, до восхода солнца, передъ дверьми дома, или передъ дворомъ, убивалъ ягненка, или

овцу, разрубалъ ее на куски и одѣлялъ ими бѣдныхъ, которые обыкновенно большими толпами стекаются и ходятъ всюду въ это время. Изъ этой жертвы никто не смѣетъ оставлять у себя и брать въ домъ ни чего, ни даже шкуры; ибо, говорятъ они, Авраамъ также ни чего не взялъ домой отъ убитаго имъ и принесеннаго, вмѣсто сына, въ жертву козла.

Въ это же время изъ Персіи, также какъ и изъ другихъ Магометанскихъ странъ, бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ, идущихъ въ Мекку, для жертвоприношеній, о чемъ подробнѣе скажу ниже сего.

Кромѣ того, въ тотъ же день, въ Ардебилѣ, мы видѣли, передъ восходомъ солнца, болѣе 500 Персидскихъ женъ на кладбищѣ, расхаживавшихъ между могилами, или сидѣвшихъ и оплакивавшихъ своихъ покойниковъ. Нѣкоторыя изъ этѣхъ Персіянокъ сидѣли на могилахъ и ѣли; подлѣ другихъ стояли мальчики, которые за деньги читали имъ одно, или два, изреченія изъ Алкорана. Другія жены, познатнѣе, разбивали около могилъ палатки, чтобы никто сторонній не видалъ ихъ. Такое оплакиваніе покойниковъ бываетъ у нихъ и во время ихъ Оруджа (Orutz) или поста, о чемъ выше было уже упомянуто.

Посланники сегодня въ другой разъ угощаемы были съ поварни Шихъ-Сефи: конфектами въ 9-ти большихъ фарфоровыхъ чашахъ и разными купаньями въ шести ленкерахъ (Lenker) или мѣдныхъ вылуженныхъ сосудахъ.

На слѣдующій день Ханъ давалъ большой пиръ, на который пригласилъ Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими, и великолѣпно въ другой разъ угостилъ насъ въ другой увеселительной бесѣдкѣ.

27-го числа вечеромъ Келбеле-Ханъ сообщилъ Посланникамъ пріятное извѣстіе, что ему писалъ Главный Военачальникъ, Рустамъ-Ханъ, будто великій Турокъ убитъ въ Константинополѣ взбутовавшимися Янычарами, и многіе важные Турецкіе начальники при этомъ захвачены въ плѣнъ. По этому поводу у Персовъ было великое ликованіе. Ханъ приказалъ зажечь потѣшные огни,

пускать ракеты и играть на барабанахъ и флейтахъ. Нѣкоторые играли въ войну, нападали другъ на друга съ деревянными саблями, палками и другими оружіями, въ каковомъ упражненіи мы видѣли Персидскую молодежь не разъ и въ другое время въ разныхъ мѣстахъ.

Наши Посланники, сочувствуя радости Персовъ, приказали выстрѣлить разомъ изъ 3-хъ пушекъ 6 разъ, сами же взошли на крышу, съ которой могли видѣть всю эту потѣху. Они велѣли также на этой крышѣ бить въ барабаны и играть на трубахъ, что до того пріятно было Хану, что онъ прислалъ намъ двѣ фляги Ширазскаго вина (Schyrasser), любимѣйшаго въ Персіи, и два большихъ стакана, полныхъ сахарнаго леденцу.

1-го Мая справлялись рожденіе и имянины Посланника Крузе, съ музыкой, пушечными выстрѣлами и другими привѣтствіями и пожеланіями счастія, а вечеромъ былъ великолѣпный пиръ, на которомъ изобильно угощали всевозможнымъ продовольствіемъ. Бывшій на этомъ пиру Шаховъ Мегемандарь, Неджестъ-Бекъ (Netzestbek), былъ съ нами весьма любезенъ, веселъ и очень выхвалялъ нашъ способъ приготовлять кушанья.

4-го числа пришелъ къ намъ сынъ Государственнаго Канцлера, Сару Таки (Saru Taki), въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ Испагани, повидаться и посѣтить Гг. Посланниковъ; онъ былъ очень любезенъ и ласковъ, говорилъ, что ему у насъ все нравится, особенно же наша музыка. Выпито было много заздравныхъ чашъ, при чемъ всякій разъ стрѣляли изъ большихъ пушекъ.

14-го Мая Персы начали отправлять свой праздникъ печали, который продолжается 10 дней, и который по этому они называютъ Арабскимъ словомъ Ашуръ (Aschur), что означаетъ десять. Праздникъ этотъ ежегодно празднуютъ одни только Персы и ни какой другой народъ Магометанскаго Исповѣданія, и именно въ началѣ мѣсяца Магерама (Maheram). Въ этотъ Ашуръ Персы празднуютъ память Гуссейна, младшаго сына Алія, котораго они считаютъ за великаго Имама своего или святаго. По сказаніямъ

Персовъ, во время войны съ Калифомъ Езидомъ (Jesied), Гусейна прежде мучили жаждою, не давая ему воды, за тѣмъ ему нанесли раны 72-мя стрѣлами, а Сенанъ-бенъ-Анеси (Senan ben Anessi), проболъ его насквозь, окончательно же убилъ его Шемръ Сюльджузенъ (Schemr Sültzausen).

10 дней празднуется у Персовъ праздникъ этотъ по тому, что непріятель преслѣдовалъ Гусейна 10 дней, когда онъ ѣхалъ изъ Медины въ Куфу, и въ этомъ преслѣдованіи наконецъ добилъ его. Во все время поминокъ этѣхъ Гусейна Персы ходятъ въ печальныхъ одеждахъ, бываютъ мрачно настроены, не касаются головы бритвой, которую обыкновенно они употребляютъ каждый день, живутъ воздержно, не пьютъ ни какого вина, а довольствуются только водой.

Въ это время весь Ардебилъ находился въ постоянно неутомимомъ движеніи, совершая довольно странные обряды. Днемъ по разнымъ улицамъ большими толпами собирались мальчики съ длинными знаменами, на верхнемъ концѣ древка которыхъ было изображеніе двухъ змѣй, перевившихся другъ съ другомъ; это украшеніе знамени называется у нихъ Эшдеръ (Eschder). Мальчики этѣ сидѣли въ дверяхъ мечетей (Mestziden) и кричали другъ передъ другомъ: «О Гусейнъ!» Каждый вечеръ, особенно же въ послѣдніе 3 дня праздника, по захожденіи солнца, собирались въ извѣстныхъ мѣстахъ въ палатки и старые люди, въ большомъ числѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли по сотнѣ свѣчей и свѣтильниковъ; они держали также, подобно дѣтямъ Абдаллы, на длинныхъ, гибкихъ палкахъ померанцы, сходились, составляли изъ себя кругъ, выли и кричали всѣ съ широко разинутыми ртами и съ важными тѣлодвиженіями, и такъ сильно, что совершенно измѣнялись въ лицѣ.

Нѣкоторымъ изъ насъ, пришедшимъ поглядѣть на ихъ празднованіе, Персы дали мѣсто и вручили намъ также зажженныя восковыя свѣчи. Попѣвши и покричавши сказаннымъ образомъ съ добрый часъ времени, Персы пошли съ своими знаменами и свѣтильниками по главнымъ улицамъ города.

Послѣдній день этого праздника Персы заключили до обѣда открытыми поминками, а вечеромъ многими страшными обрядами. Поминки совершались также, какъ и описанные поминки Алія. Сборище было на переднемъ дворѣ Месара Шихъ-Сефи (Schich Sefi Mesars). Тамъ, у Канцеляріи, держали длинное знамя, сдѣланное Фатимою, дочерью Магомета, а конецъ древка его выкованъ изъ желѣза, бывшаго на подковѣ лошади, принадлежавшей отцу брата Магометова, и это-то знамя, переходя въ разныя руки, было наконецъ принесено изъ Медины въ Ардебиль Шихомъ Седрединомъ (Schich Sedredin), сыномъ Шиха Сефи. Знамя это, какъ разсказывали намъ Персы, при произнесеніи, во время поминокъ, имени Гусейна, начинало, будто бы, сильно колыхаться; когда же въ поминкахъ читалось о томъ, что Гусейну нанесено было 72 раны и что онъ упалъ съ лошади, то оно, яко бы, стало колыхаться до того крѣпко, что наконецъ оторвалось совсѣмъ отъ древка и упало наземь. Хотя самъ я при этомъ не былъ, и по этому происшествія этого не видѣлъ, но Персы хотѣли увѣрить меня въ справедливости такого разсказа ихъ. Дьяволъ иногда сильно вмѣшивается въ дѣла дѣтей невѣрнаго.

Въ полдень Ханъ прислалъ извѣстить Гг. Посланниковъ, что они, Персы, нынѣшнимъ вечеромъ (т. е., 24 Мая), заканчиваютъ свой Ашуръ, и что если имъ, Посламъ, угодно поглядѣть съ нимъ на ихъ обряды, то онъ дружески приглашаетъ ихъ, но съ увѣдомленіемъ заранѣе, что, согласно Магометанскому закону, онъ не можетъ предложить имъ при этомъ ни какого вина для питья, но только одну воду. По захожденіи солнца, Послы, вмѣстѣ со всѣми сопутствовавшими имъ, отправились по приглашенію Хана. Ханъ встрѣтилъ насъ передъ своимъ домомъ, дружески принялъ и пригласилъ сѣсть передъ воротами, по лѣвую ихъ сторону (такъ какъ сдѣсь же, на торговой площади, должно было совершаться самое зрѣлище), на уставленныя по порядку и прекрасными коврами покрытыя стулья. Самъ онъ, совершенно одинъ, сѣлъ по правую сторону воротъ, на землѣ. Передъ нами, по Персидскому обычаю, на землѣ, приготовленъ былъ длинный столъ, уставленный множествомъ фарфоровыхъ чашъ, полныхъ сладкой благоуханной водой. Передъ столомъ стояли большіе, вышиною въ 4 фута, мѣдные подсвѣчники, уставленные толстыми во-

сковыми свѣчами, также и лампы, въ которыхъ горѣли ветхія, пропитанныя саломъ и нефтью, тряпочки. Передъ нашими же простыми спутниками стояли большіе деревянные подсвѣчники, и въ каждомъ изъ нихъ горѣли по 20 и по 30 восковыхъ свѣчей. По стѣнамъ домовъ налѣплено было нѣсколько сотенъ лампъ изъ извести, которыя полны были сала и нефти и давали отъ себя высокое пламя. Поперекъ черезъ площадь на длинныхъ шнурахъ развѣшано было множество фонарей изъ цвѣтной бумаги, черезъ которую разными огнями красиво играли огнемъ горѣвшія въ фонаряхъ свѣчи.

Жители города въ огромномъ числѣ толпились сдѣсь, одни сидя на землѣ, другіе держа въ рукахъ горѣвшія свѣчи и палки съ померанцами, ходили, собирались въ кружокъ и пѣли. Этѣ послѣдніе дѣлали слѣдующее: такъ какъ въ Ардебилѣ 5 главныхъ большихъ улицъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый цехъ (общину), то горожане раздѣляются отдѣльными толпами, поручаютъ сочинить разнымъ своимъ поэтамъ (которыхъ у нихъ множество) нѣсколько пѣсенъ въ честь Алія и Гусейна, и тѣ изъ горожанъ, у которыхъ хорошіе голоса, поютъ этѣ пѣсни передъ Ханомъ. Какая улица наиболѣе отличится лучшимъ сочиненіемъ и пѣньемъ пѣсенъ, ту прославляютъ и дарятъ сладкой водой. По этому-то отдѣльныя толпы горожанъ приходили одна послѣ другой, устанавливались передъ Ханомъ и Посланниками въ стройный кружокъ, пѣли, или скорѣе, кричали изо всѣхъ своихъ силъ, почти цѣлые два часа. Наконецъ, по приказанію Хана, они заявили свои добрыя пожеланія и Посланникамъ, чтобы Богъ помогъ имъ счастливо прибыть къ Шаху ихъ и удостоиться его милостиваго пріема. Между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ, въ особомъ кружкѣ, плясали семеро молодыхъ парней, совершенно нагихъ, которыхъ Персы называли Джакджаку (Tzaktzaku). Все тѣло этѣхъ плясуновъ съ головы до пятъ вымазано было нефтью съ черною сажею, и все блестѣло, но срамныя части тѣла были у нихъ завѣшаны, и вообще они представляли довольно противный видъ, точно размалеванные чертенята. Они постукивали камнями, которые держали въ рукахъ, и кричали: «О Гусейнъ! О Гусейнъ!» Они выражали собою великую печаль о безвинной смерти Гусейна, въ слѣдствіи чего, по временамъ, ударяли себя камнями въ грудь.

Бѣдняки этѣ, представляющіе описанное зрѣлище, во все время Ашура бѣгаютъ вездѣ на базарѣ передъ лавками, собирая подаянія во имя Гусейна; по ночамъ они не ходятъ даже и спать къ себѣ домой, но, въ знакъ своей печали, ложатся и спятъ въ золѣ и пыли передъ поварней харчевни.

Нѣкоторые изъ подобныхъ молодцовъ, вмѣсто черной, мажутъ себя красной, краской, которая какъ бы обозначала кровь убитаго Гусейна. Такихъ, впрочемъ, когда мы смотрѣли на зрѣлище, мы не видали.

ГЛАВА XXIV.

Объ увеселительномъ огнѣ въ Ардебилѣ.

По окончаніи всѣхъ описанныхъ зрѣлищъ и обрядностей, Ханъ Кельбеле приказалъ пустить нѣсколько увеселительныхъ огней, для удовольствія Посланниковъ, хотя и къ неудовольствію нѣкоторыхъ Персіянъ, которые говорили, что неприлично въ такой высокій печальный праздникъ пускать такіе потѣшные огни, употребляемые только въ дни веселія и радостей, особенно же пускать ихъ ради Невѣрныхъ, которые и безъ того не очень-то уважаютъ ихъ святыхъ.

Въ потѣшныхъ огняхъ мы видѣли всякаго рода веселыя выдумки, состоявшія въ представленіи маленькихъ крѣпостей, башенъ, огненныхъ колесъ, висящихъ и бѣгающихъ кругомъ звѣздъ, фонарей, лягушекъ, змѣекъ, восходящихъ вверьхъ и другихъ ракетъ. Крѣпость, которая представлена была прежде всего, окружена была стѣнами изъ разноцвѣтной бумаги. Сперва зажглись въ ней кругомъ небольшія свѣчечки, такъ что ясно были видны всѣ изображенія, искусно нарисованныя на бумагѣ; за тѣмъ изъ крѣпости этой, въ продолженіи полутора часа, вылетало безчисленное множество разныхъ, но въ порядкѣ слѣдовавшихъ, ракетъ и взрывовъ, пока наконецъ вся она разомъ не исчезла въ огнѣ и съ огнемъ.

Послѣ этого началась другая штука, которую Персы называютъ Дебенде (Debende): это была круглая вещица, толщиною въ полторы четверти локтя и длиною въ три четверти, съ двумя отверстіями, изъ которыхъ извергались и сыпались большія искры. За тѣмъ вещица эта поднялась въ видѣ небольшой змѣйки и бросилась въ народъ, между которымъ бѣгала всюду, не безъ вреда для его одежды, которая, какъ бумажная, легко загоралась. Между тѣмъ пущено было множество восходящихъ вверхъ ракетъ; ракеты этѣ, длиною съ руку, заканчиваются въ верху остріемъ, въ видѣ рога (или конусообразнаго свертка бумаги), и зажигаютъ ихъ, держа ихъ въ рукахъ, на небольшихъ палкахъ; онѣ взлетаютъ быстро, какъ стрѣлы, и весьма высоко, но безъ удара, вмѣсто котораго на верху вспыхиваетъ отъ нихъ огонь, въ родѣ молніи, и разсыпается мелкими звѣздочками, которыя, словно горящія свѣчки, ниспадаютъ на землю.

За тѣмъ былъ тамъ еще большой шаръ, на которомъ стояла труба, будьто маленькая башенька; весь этотъ снарядъ прикрѣпленъ былъ цѣпями и длинными гвоздями къ землѣ, и извергалъ изъ трубы огонь и крупныя искры съ такою силою и страшнымъ шумомъ, что шумъ этотъ казался какимъ-то ревомъ. Этотъ потѣшный огонь называется у Персовъ Кумбара (Kumbara).

Нѣсколько Персіянъ носили въ рукахъ на длинныхъ гибкихъ шестахъ фонари, сдѣланные изъ бумаги; фонари этѣ, во время бѣганія людей, которые ихъ держали, воспламенялись, и когда горѣла бумага, изъ которой они были сдѣланы, издавали множество взрывовъ. За тѣмъ, изъ этѣхъ же фонарей выпадали тряпочки, на которыхъ висѣло множество ракетъ и змѣекъ, которыя, стремясь въ разныя стороны и не отрываясь отъ шнура, на которомъ онѣ держались, представляли такимъ образомъ довольно забавное зрѣлище. Подобно этому пускались висячія звѣзды и многія другія рѣдкостныя штуки изъ огня.

Между прочими недурна была и слѣдующая потѣха. Нѣсколько человѣкъ были въ передникахъ, въ которые какъ бы нечаянно другой человѣкъ бросалъ огонь, и тогда изъ сказанныхъ передниковъ сыпалась на площадь бездна маленькихъ ог-

ней, которые горѣли нѣсколько времени, будто звѣзды. Огни эти дѣлаются изъ хлопчатой бумаги, свернутой, или скатанной, въ шарики и напитанной нефтью, и нѣкоторые изъ этѣхъ шариковъ вкладываются въ трехъугольные бумажные домики.

Бѣлая нефть составляетъ въ Персидскихъ потѣшныхъ огняхъ лучшій составъ и украшеніе. Это не что иное, какъ Petroleum или каменное масло, подобное которому можно найти и въ нашихъ аптекахъ, хотя у насъ оно не такъ богато газомъ. Вмѣсто него я употреблялъ въ самыхъ мелкихъ мѣрахъ Spiritum Terebenthini, и оно дѣйствовало также, и даже лучше еще.

Вдали видѣлись также возникавшіе вдругъ въ воздухѣ и пропадавшіе опять огни, и мы догадывались, что огни эти были изъ Русскаго плауна (Plaun), который весьма годенъ для этого. Объ этомъ плаунѣ я нахожу нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это не что иное, какъ желтый порошокъ, выколачиваемый изъ землянаго мха (musco terrestri). Этотъ мохъ, называемый въ травникахъ медвѣжья лапа или чертовъ коготь (Beerlap, Teuffelsklawen), растетъ обыкновенно въ лѣсахъ, гдѣ много елей и березъ, а тоже и въ сухихъ степяхъ. Мы часто и во множествѣ встрѣчали этотъ мохъ въ Русскихъ и частію въ Ливонскихъ лѣсахъ. Онъ пускаетъ вверхъ два ростка, которые въ Августѣ мѣсяцѣ, когда они созрѣваютъ, Русскіе собираютъ въ громадномъ количествѣ, просушиваютъ ихъ въ печи, толкутъ ихъ въ порошокъ и въ такомъ видѣ продаютъ его фунтами; нѣсколько бычачьихъ пузырей, полныхъ такимъ порошкомъ, я самъ купилъ у Русскихъ и вывезъ съ собою домой. Кромѣ пользы, которую приноситъ этотъ порошокъ въ свѣжихъ ранахъ, мокрыхъ сыпяхъ, подопрѣлыхъ мѣстахъ, или дѣтскихъ чесоткахъ, въ каковыхъ случаяхъ онъ сушитъ и излѣчиваетъ, какъ ни какое другое средство, онъ употребляется еще Русскими въ ихъ Халдейскихъ огняхъ, какъ это описано мною выше. Для этого они кладутъ порошокъ въ жестяную, пирамидальнаго вида, коробочку, длиною въ полъаршина и короче, берутъ ее въ руку, и вверху у отверстія держатъ горящую свѣчу, или свѣтильникъ; за тѣмъ встряхиваютъ коробочку снизу вверхъ, чтобы часть плауна вылетѣла изъ ея отверстія, и тогда, улетая въ воздухъ, тѣ частицы его, которыя

попадутъ на горящую свѣчу, вспыхиваютъ и выходятъ пламенемъ. Если такое сотрясеніе и выпусканіе плауна продолжать извѣстное время, такъ что вспыхиваніе его и пламя будутъ слѣдовать одно за другимъ, или если такое пламя бросать вокругъ себя, то представляется удивительно пріятное зрѣлище. Плауномъ этѣмъ въ веселой бесѣдѣ можно продѣлывать также забавныя штуки; можно, на примѣръ, потихоньку наполнить имъ табачную трубку, потомъ поднести ее къ свѣчѣ и подуть и, къ удивленію предсѣдящихъ, изъ трубки будетъ вылетать сильное пламя; для того же, чтобы при этомъ былъ и большой шумъ, въ плаунъ примѣшиваютъ истолченный въ порошокъ березовый листъ. Этотъ плаунный порошокъ имѣетъ такое свойство, что воспламеняется только тогда, когда, носясь пылью въ воздухѣ, попадетъ на пламя; иначе онъ не воспламеняется, хотя бы всунули въ него огонь, или горящую свѣчу, или если бъ его сыпали на горячія уголья. За недостаткомъ плауннаго порошка, можно употребить для потѣшнаго огня мелко растолченный въ порошокъ благоуханный гумми или смолу, и въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ потѣхой, въ комнатѣ распространяется и благовоніе. Плаунъ же не имѣетъ ни какого запаха и не даетъ также и ни какого дыму.

Послѣдняя забава Ардебильскаго потѣшнаго огня состояла въ огненной башенкѣ, которая съ безчисленнымъ множествомъ ракетъ и взрывовъ, пущенныхъ разомъ въ одну минуту, взлѣтѣла на воздухъ и разсыпалась.

По окончаніи всего описаннаго веселаго зрѣлища, продолжавшагося до полночи, отправились мы опять въ свои гостинницы. Хотя въ этотъ вечеръ мы и услаждали свое зрѣніе всевозможнаго рода веселыми потѣхами, и въ надеждѣ, что Ханъ пригласитъ насъ послѣ откушать, не готовили себѣ дома ни чего; но мы оттуда пошли не ѣвши, и наши надежды на Ханское приглашеніе не оправдались, въ слѣдствіе чего мы должны были лечь въ постель на голодный желудокъ и каяться опять за полученное передъ тѣмъ удовольствіе.

На слѣдующій день, передъ солнечнымъ восходомъ, Персы совершали по городу кругомъ погребальное шествіе Гусейна,

несли обыкновенные свои эшдеръ и знамена, и вели верблюдовъ и лошадей, покрытыхъ синими покрывалами или попонами. Въ покрывала эти воткнуты были стрѣлы такимъ образомъ, какъ будто ими стрѣляли, и онѣ обозначали тѣ стрѣлы, которыми непріятель стрѣлялъ въ Гусейна. На верху, на лошадяхъ и верблюдахъ, сидѣли мальчики, имѣвшіе передъ собою пустые гробы, осыпанные соломой и сѣномъ; мальчики эти обозначали въ великой скорби сидѣвшихъ дѣтей Гусейна. На нѣкоторыхъ лошадяхъ лежали прекрасныя головныя повязки (чалмы), сабля, лукъ и колчанъ, полный стрѣлъ, представляя какъ бы оружія Гусейна.

Когда солнце взошло, множество народа отправилось на передній дворъ Шихъ-Сефи, и тамъ эти люди надрѣзали себѣ ланцетами, употребляемыми у нихъ, руки повыше локтя, въ мякоти, другіе же пускали изъ ручной жилы кровь, и такихъ было такъ много, что къ полудню весь дворъ былъ улитъ кровью, какъ будто тамъ убито было бездна быковъ. Нѣкоторые мальчики также надрѣзали себѣ руки, повыше локтя, ударяли и растирали себя по этимъ надрѣзаннымъ ранамъ такъ, что вся рука окрашивалась кровью, и сами они были всѣ ею обрызганы, и въ такомъ видѣ они бѣгали по всѣмъ улицамъ. Дѣлали они это въ воспоминаніе невинно пролившаго кровь Имама ихъ, и при этомъ вѣруютъ, что такое ихъ пролитіе крови снимаетъ съ нихъ многіе грѣхи. Они вѣруютъ также, что кто умретъ въ продолженіи описанныхъ 10 дней, также какъ и во время поминокъ Алія, или въ праздникъ Курбанъ (Kurban), или въ постъ ихъ, и кто отпразднуетъ сказаннымъ образомъ эти праздники ихъ, тотъ непремѣнно будетъ блаженъ.

ГЛАВА XXV.

О городѣ Ардебилѣ и его особенностяхъ.

Ардебиль, Турками Ардевиль (Ardevil) и на картахъ, по ошибкѣ, Ардонидь (Ardonil) называемый, лежитъ въ области Адирбеджанъ (Adirbetzan), въ древнія времена извѣстной подъ названіемъ Сатрапене (Satrapene), какъ это видно изъ Квинта Курція, въ 5-й книгѣ, § 2-й. Къ этой области принадлежатъ: Ардебиль, Табрисъ или Таврисъ (Tabris, Tauris), Меррага (Марака), Нахичевань (Nachtschuan), Мерендъ (Маранда), Румія (Rumiae), Хой (Choui) и Сельмасъ (Selmas). Ардебиль есть древній и славный у Персовъ городъ, частію по тому, что тамъ жили древніе Цари и въ особенности основатель ихъ религіи, Шихъ-Сефи. Полагаютъ даже, что Александръ Великій, въ походѣ своей въ Персію, держалъ тамъ нѣкоторое время свой дворъ, что до извѣстной степени можно вывести и изъ помянутаго сейчасъ мѣста К. Курція. Частію же онъ славенъ у Персовъ и по тому, что въ немъ находятся гробницы ихъ Царей, а наконецъ и по довольно значительной торговлѣ, которую ведутъ въ немъ туземцы съ иностранцами. Жители Ардебиля обыкновенно говорятъ на Турецкомъ языкѣ.

Высоту полюса, часто повторенными наблюденіями моими, я нашелъ здѣсь $38^{0}\ 5'$, широту же $82^{0}\ 30'$.

Городъ лежитъ въ совершенно гладкой круглой равнинѣ, въ 3 мили въ поперечникѣ, которая кругомъ обставлена высокими горами. Самая высокая изъ этѣхъ горъ лежитъ на западъ, называется Себеланъ (Sebelahn) и всегда покрыта снѣгомъ; на юго-востокъ же тянется Гилянскій хребетъ Бакру (Bakru). По причинѣ этѣхъ горныхъ хребтовъ кругомъ, въ Ардебилѣ непостоянный, то жаркій, то холодный, и по тому нездоровый, воздухъ, и часто, особенно въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда бываетъ особенно суровый осенній воздухъ, тамъ бываетъ множество больныхъ, и многіе даже умираютъ въ это время. Нѣкоторые и изъ насъ, именно: Посланникъ Бругманъ, и даже самъ Гартманъ Гра-

манъ, заболѣли жестокой лихорадкой и были опасно больны, особенно Врачъ, такъ сильно, что мы отчаялись уже за жизнь его. Удивительно, что ежедневно, въ полдень, когда солнце стояло на своей большей высотѣ, постоянно поднимался вихрь, производившій страшную пыль, и, продолжаясь около часу, стихалъ, а за тѣмъ остальную часть дня и ночь бывало опять совершенно тихо. По этой особенности Персы сложили здѣсь слѣдующую пословицу:

«Saba Ardebil, Nimrus Kardebil,» т. е., По утру Ардебиль, а въ полдень одна пыль.

По причинѣ такого холоднаго воздуха въ Ардебилѣ, въ немъ не разводятъ ни винограда, ни дынь, ни гранатовъ, ни лимоновъ, ни померанцевъ; но яблокъ и грушъ тамъ вдоволь. Деревья начинаютъ впервые распускаться только въ исходѣ Апрѣля; впрочемъ, подъ горами, гдѣ вообще теплѣе и воздухъ умѣреннѣе, растутъ и такіе плоды, которые любятъ жаръ; такъ, подъ горою Бакру, въ селеніи Алару (Alaru), поспѣваютъ превосходныя дыни, а въ Бару (Baru) лучшіе огурцы. Вообще же здѣсь плодородныя воздѣланныя поля и прекрасныя пастьбища. По этому-то около Ардебиля, въ зеленыхъ поляхъ насчитывается до 60 селеній. Пастьбища для скота въ тѣхъ мѣстахъ ежегодно приносятъ Шаху огромный доходъ; ибо богатые Арабскіе и Турецкіе обладатели стадъ, которые, ради прокормленія своего скота переходятъ даже въ Персидскую Вѣру, или только предаются подъ защиту и покровительство Шаха, стараются въ этой странѣ пасти стада свои и вести торговлю скотомъ. Намъ разсказывалъ одинъ писецъ, приставленный для счета скота, что въ продолженіи 14 дней, черезъ мостъ тамошній перешло до 100,000 овецъ. За пастьбу каждой овцы берется пошлины одинъ Казбеки (Kasbeki), или, на Голстинскія деньги, 9 пфенинговъ, а на Мишенскія $4\frac{1}{2}$ пфенинга деньгами, или скотомъ, и при продажѣ хозяиномъ овцы берется столько же, и такая пошлина называется у нихъ Джубанбеки (Tzaubanbeki); за право же пастьбы пошлина называется Ашуръ Елешуръ (Aschur Eleschur), т. е., за пользованіе водой и травой, что у Турокъ выговаривается однимъ словомъ Отбашъ (Othbasch).

Самъ городъ нѣсколько обширнѣе Шемахи, безъ стѣны кругомъ, при каждомъ домѣ есть плодоватый садъ, отъ чего издали онъ походитъ скорѣе на лѣсъ, чѣмъ на городъ. Строевыхъ деревьевъ сдѣсь нѣтъ и добываютъ ихъ тутъ изъ Гиляна, лежащаго въ 6-ти дняхъ пути отсюда. Черезъ городъ течетъ небольшая рѣчка, называемая Балухлу (Baluchlu), черезъ которую устроено нѣсколько каменныхъ мостовъ. Рѣчка эта идетъ сюда изъ селенія Шамасбю (Schamasbü), лежащаго въ одной мили на югъ отъ города. Передъ городомъ она раздѣляется на два рукава, изъ коихъ одинъ протекаетъ черезъ городъ, а другой, поворачивая влѣво, течетъ позади города и впадаетъ за городомъ въ рѣку Карасу (Karasu). Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ на горахъ и между горами растаетъ, рѣчка эта дѣлается громаднымъ потокомъ, такъ что если заблаговременно не сдѣлать отвода ея передъ городомъ, то самый городъ, какъ увѣряли его жители, будетъ затопленъ. Такъ случилось однажды во времена Шаха Абаса, когда вода разлилась по городу, размыла и разрушила большую часть домовъ, сложенныхъ изъ земли, глины и кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, увлекла собою дѣтей въ качалкахъ, и вообще потопила бездну народа и скота. По этому-то, въ наше время, 12-го Апрѣля, тысячи людей, съ кирками, заступами и лопатами, высланы были за городъ, для устройства, передъ теченіемъ рѣки, плотины, чтобы отвести воду мимо города, въ открытыя поля.

Въ городѣ, кромѣ множества малыхъ, есть пять главныхъ улицъ, а именно: Дерване (Derwanae), Табаръ (Tabar), Ніардоверъ (Niardower), Кумбаланъ (Kumbalan) и Каспркудже (Kasirkutze): всѣ онѣ довольно широки, усажены ясенями и ивами, которыя въ большіе жары доставляютъ горожанамъ порядочную тѣнь.

Въ городѣ есть довольно просторный и хорошій Майданъ (Maidan), мѣсто для прогулки, или площадь, длиною въ 300 и шириною въ 150 шаговъ, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ прекрасно и въ извѣстномъ порядкѣ устроенныя лавки, въ которыхъ работаютъ ремесленники, каждаго цеха особо. У входа на эту торговую площадь, къ правой рукѣ, позади гробницы Шиха-Сефи, стоитъ мечеть (Mestzid), въ которой погребенъ одинъ Имамъ Саде

(Imam Sadae): такъ называютъ Персы дѣтей одного изъ 12-ти своихъ святыхъ. Если какой ни будь преступникъ укроется въ эту мечеть, то на извѣстное время онъ свободенъ отъ преслѣдованія; но отсюда онъ можетъ перейти въ гробницу Шиха-Сефи, которая доставляетъ ему большое Asylum (убѣжище), или свободу. За Майданомъ приходишь на базаръ (Basar), и сперва въ четырехъугольное со сводами зданіе, называемое у нихъ Кайзеріе (Kaiserіè), въ которомъ торгуютъ золотыми и серебряными вещами, драгоцѣнными каменьями, лучшими шелковыми и другими дорогими товарами. Изъ этого зданія, тремя воротами въ разныхъ мѣстахъ выходишь въ крытыя улицы, въ которыхъ торгуютъ уже всякаго рода простыми товарами. За тѣмъ, тамъ и сямъ находится много каравансераевъ, въ которыхъ помѣщаются съ своими товарами иностранные купцы, каковы, на примѣръ: Турки, Татары, Восточные Индійцы; сдѣсь намъ показывали двухъ купцевъ изъ Китая (Tzina), торговавшихъ фарфоромъ. По ихъ особымъ одеждамъ тотъ же часъ было видно, что то были чужестранцы.

Есть также въ городѣ много гамамовъ (Hamam) или бань, равно какъ мечетей и церквей, изъ которыхъ найбольшая и самая красивая есть мечеть Адине (Adinè), лежащая на холмѣ, почти въ серединѣ города, съ довольно высокою круглою башнею; мечеть эта посѣщается только въ праздничный день, или въ Пятницу, отъ чего она получила и свое имя. Передъ мечетью находится колодязь, построенный по распоряженію бывшаго Царскаго Канцлера, Сару-Ходжи (Saru-Chotze), иначе Магометомъ Риза называвшагося, и вода въ этотъ колодязь проведена подземными трубами изъ одной горы, лежащей въ милѣ съ лишкомъ на югозападъ отъ города. Изъ этого колодца умываются Персы, желающіе ити и молиться въ мечети.

ГЛАВА XXVI.

О гробницѣ Шихъ-Сефи.

Не вдалекѣ отъ Майдана находится уже, нѣсколько разъ упомянутая, богатая Месаръ (Mesar) или гробница Шихъ-Сефи и новѣйшихъ Шаховъ Персидскихъ. Келбеле-Ханъ водилъ насъ въ нее однажды, именно на другой день Троицына дня, осмотрѣть ее. Но прежде онъ предувѣдомилъ насъ, что если мы хотимъ ити къ гробу святаго, то вечеромъ, когда принесутъ намъ въ 3-й разъ угощеніе изъ Месара, мы должны будемъ, по обычаю ихъ, воздержаться отъ употребленія вина.

Послѣ обѣденнаго стола Посланники, въ сопровожденіи всѣхъ сопутствующихъ имъ и солдатъ, отправились въ должномъ порядкѣ къ гробницѣ. Первыя ворота, которыя ведутъ на передній дворъ, были огромной величины и на верху украшены большою серебряною цѣпью, висѣвшею поперекъ, на которой другая цѣпь висѣла уже отвѣсно внизъ; цѣпи этѣ были даромъ Хана Мерраг-скаго (Merraga), Ага-Хана (Aga chan), по особому его благочестію и благоговѣнію къ сдѣшней святынѣ. Персидскій дворъ весьма просторенъ, выложенъ большими четырехъугольными камнями; и по обѣимъ сторонамъ его идутъ два высокіе своды, подъ которыми находится нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Въ глубинѣ же двора большой открытый садъ, въ который можетъ входить всякій прогуляться.

Принявъ на переднемъ дворѣ, Ханъ повелъ насъ черезъ другія ворота, на которыхъ вверху также висѣла крѣпкая серебряная цѣпь, въ видѣ трехъугольника. Цѣпь эту повѣсилъ туда Магумедъ-Ханъ, Ханъ Кенджа. У этѣхъ воротъ отъ насъ отобрали наши оружія и шпаги; ибо ни кто въ нихъ не смѣетъ входить съ смертоноснымъ оружіемъ, и если запрещеніе это нарушитъ Персіянинъ, у котораго найдутъ хоть ножъ, того казнятъ смертію. Порогъ въ этѣхъ, равно какъ и въ слѣдующихъ, воротахъ, высѣченъ былъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ круглаго цилиндра, и, переступая черезъ него, намъ не дозволено было ка-

саться его ногами; ибо тысячи народа, приходящіе сюда поклониться святому, цѣлуютъ этотъ порогъ. По этому мы должны были перешагнуть черезъ него и при томъ сперва правою ногой. Черезъ этѣ вторыя ворота вошли мы въ широкій, но болѣе длинный, дворъ, также выстланный большими плитами, и по обѣимъ сторонамъ также украшенный сводами. Въ этомъ дворѣ, на правой сторонѣ, есть прекрасный чистый источникъ, вода котораго бѣжитъ изъ стѣны черезъ большой мѣдный кранъ, и проведена сюда также подземными трубами изъ одной горы, лежащей болѣе мили отъ города; она доставляетъ питье тѣмъ, которые ѣдятъ сдѣсь. Въ концѣ этого двора, тоже на правой сторонѣ, стоитъ изящный, большой и круглый, дворъ, снаружи обложенный зеленымъ и синимъ поливаннымъ камнемъ (кахлями), а внутри коврами, и посреди этого свода стояли два большіе мѣдные подсвѣчника. Кругомъ по стѣнамъ сидѣли духовные въ бѣлыхъ одеждахъ, пѣли и кричали громкими голосами. Во время пѣнія своего духовные покачивались и наклонялись всѣ одновременно съ одной стороны на другую, какъ будто ихъ тянули шнуромъ, на которомъ они были навязаны, что представляло довольно странное зрѣлище; этѣми движеніями они выражали свое особое религіозное настроеніе и благоговѣніе. Въ этомъ покоѣ Шихъ-Сефи ежегодно сиживалъ по 40 дней сряду, постился, ѣвши въ день только по одной миндалинкѣ съ водою, и молился; отъ чего и самый покой этотъ, по этѣмъ 40 днямъ, названъ Чилла-ханѣ (Tschilla chane). Изъ этого двора пришли мы въ 3-й, также черезъ ворота, на которыхъ опять висѣла серебряная цѣпь, подаренная Алли-Ханомъ, Ханомъ Капанскимъ (Kappan).

Въ этомъ дворѣ, который хоть нѣсколько менѣе, но разукрашенъ разноцвѣтными изразцами лучше другихъ, была гробница. Но входъ въ гробницу шелъ подъ довольно большимъ зданіемъ и круглой башней; дверь входа этого обита была плотнымъ листовымъ серебромъ, и толстыя кольца въ ней были тоже серебряныя. Полъ передъ дверью устланъ коврами, и мы должны были снять сдѣсь нашу обувь, хотя Посланники наши сначала не хотѣли этого сдѣлать, но должны были уступить, и въ этомъ случаѣ поступили согласно желанію Персовъ. Намъ говорили, что когда Шахъ Абасъ пріѣзжалъ въ Ар-

дебиль, для посѣщенія этого гроба, то часто, за полъ мили еще отъ города, снималъ свои туфли и шелъ сюда въ однихъ чулкахъ; но это дѣлалось имъ изъ чувства благоговѣйной Вѣры и уваженія къ сему святому, чего Персы ожидать отъ насъ не могли. Насъ ввели въ длинный, дорогими коврами устланный, крытый ходъ, и за тѣмъ, на право, черезъ дверь, обитую листовымъ золотомъ, въ богатый со сводами склепъ. Эта дверь, также какъ и другая, подобная ей, въ одной мечети въ Хорасанѣ, при гробницѣ Имама Ризы (Risa), приказалъ сдѣлать Шахъ Абасъ, по случаю обѣта, даннаго имъ въ то время, когда отправлялся на войну противъ Узбековъ въ Хорасанъ, а именно, онъ обѣщалъ, если этѣ святые помогутъ ему выгнать непріятеля изъ Хорасана, то каждому изъ нихъ онъ принесетъ въ даръ по золотой двери. Такъ какъ побѣда была на сторонѣ Шаха Абаса, то онъ съ удовольствіемъ исполнилъ обѣтъ свой.

Сказанный склепъ длиною былъ восемь и шириною пять саженъ, на верху увѣшанъ множествомъ золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, изъ коихъ нѣкоторыя были до $^3/_4$ локтя въ поперечникѣ. По обѣимъ сторонамъ склепа сидѣли 12 главныхъ духовныхъ, называемыхъ Гафизанами (Hafisahn), передъ которыми стояли маленькіе, одинъ за другимъ, столики, а на нихъ большія пергаментныя книги, въ которыхъ большими Арабскими буквами написано было нѣсколько главъ изъ Алкорана; духовные этѣ пѣли, какъ у насъ поютъ хоромъ монахи, сперва одинъ Гафизъ, за нимъ другіе, съ такими же движеніями, какія дѣлали и сидѣвшіе въ Чилла-ханѣ духовные. Прошедши это помѣщеніе, нужно было ити въ особый, отдѣленный длинной серебряной рѣшеткой, покой, возвышавшійся передъ прежнимъ тремя серебряными же ступенями. Ханъ и нашъ Персидскій толмачь, Рустамъ, о которомъ уже упоминалось выше, поцѣловавши этѣ ступени, повели Посланниковъ, съ 4-мя лицами изъ сопутствовавшихъ имъ, въ сказанный покой. Онъ былъ убранъ весьма богато, и въ глубинѣ его опять было возвышеніе на одну ступеньку, снова обнесенное прочною рѣшеткой, круглыя рѣшетины которой были изъ чистаго золота. За этой-то рѣшеткой и видѣнъ былъ собственно гробъ Шиха-Сефи. Онъ былъ изсѣченъ изъ прекраснаго мрамора, а не золотой, какъ писали нѣкоторые

изъ нашихъ. Высота его отъ полу, какъ я полагаю, была въ 3 фута, длина около 9 и ширина въ 4 фута, и покрытъ онъ былъ краснымъ бархатнымъ покрываломъ. Надъ самымъ гробомъ висѣло нѣсколько золотыхъ лампадъ, а по сторонамъ стояли два большіе, высокіе, золотые же подсвѣчника, которые, какъ и остальныя лампады, горятъ всю ночь, уставленныя свѣчами.

Дверца въ золотой рѣшеткѣ была заперта, и не отворяется, хотя Посланники и просили было отворить; ибо, какъ говорили Персы, изъ свѣтскихъ людей ни кто, даже самъ Шахъ, туда не впускается. На лѣвой сторонѣ этого покоя, въ которомъ мы теперь стояли, былъ особый со сводомъ склепъ, въ которомъ погребены Шахъ-Исмаилъ (Schach Ismael), первый называвшійся этѣмъ именемъ, и супруги Шихъ-Сефи и нѣкоторыхъ Персидскихъ Шаховъ. Одну изъ этѣхъ гробницъ видно было черезъ дверь, завѣшанную только занавѣсью, и она было не особенно украшена. Съ нами постоянно ходилъ одинъ старичекъ, съ золотою курильницей, который курилъ все время позади насъ.

Осмотрѣвъ сдѣсь все и побывъ нѣкоторое время, мы, упомянутымъ выше критымъ ходомъ, прошли опять на право и вступили въ очень просторный, со сводами и золотомъ расписанный, покой, похожій на мечеть. Первое, что показалось намъ сдѣсь удивительнымъ, это было искусно сведенные своды, со множествомъ длинныхъ, ниспадающихъ внизъ, уступовъ, именно удивительно было, какъ могъ быть сведенъ этотъ громадный сводъ и какъ онъ могъ держаться, ни имѣя ни одного столба. Залъ этотъ назывался Дженечера (Tzenetsera), и въ немъ помѣщалась библіотека. Книги у нихъ лежали запертыя въ нѣсколькихъ шкафахъ, не въ порядкѣ, а одна на другой, большею частію на Арабскомъ, но нѣкоторыя на Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ, частію на пергаментѣ, частію же на бумагѣ, писанныя весьма чисто; историческія книги разрисованы картинами. Переплеты были изъ краснаго сафьяна, украшенныя литыми изъ золота изображеніями цвѣтовъ и листьевъ. Въ углубленіяхъ свода этого же покоя видно было нѣсколько сотенъ фарфоровой посуды, изъ коей нѣкоторыя могли вмѣстить въ себѣ 10 кружекъ воды. Изъ этой посуды кушаютъ только Шахи и другіе знатные

люди, пріѣзжающіе сюда. Такъ какъ это мѣсто и этѣ учрежденія считаются священными, то по этому тамъ не должны быть употребляемы ни серебряная, ни золотая, посуда; по этому-то, при помянутомъ выше Таберикѣ, также и во время празднованія Гусейна, у Хана кушанья и напитки всѣ подавались только въ фарфоровой посудѣ и чашахъ, съ длинными деревянными ложками. Намъ говорили, что Шихъ-Сефи, по своей великой святости и благочестію, ѣлъ только на деревянныхъ блюдахъ. Изъ сказанной сейчасъ Дженечера насъ повели въ дворцовую поварню, лежащую на главной площадкѣ, и двери въ нее ождивеніемъ Шаха Абаса тоже обиты были толстымъ серебромъ. Въ поварнѣ все было разставлено и расположено въ чрезвычайномъ порядкѣ, весьма удобно и хорошо; большой котелъ, къ верху съуживающійся и закрывающійся крышей, вдѣланъ былъ въ камень. Вода, проведенная вездѣ кругомъ трубами въ поварню, выпускалась, черезъ большіе мѣдные краны, въ горшки, которые стояли подъ этѣми кранами. Повара и прислужники ихъ въ разныхъ мѣстахъ занимались разными дѣлами по своему стряпанью. Изъ этой поварни ежедневно кормится болѣе тысячи человѣкъ, служащихъ при Месарѣ и бѣдныхъ, по 3 раза въ теченіи дня; сперва утромъ, рано въ 6 часовъ, потомъ въ 10, и послѣ обѣда въ 3 часа. Первые два раза на счетъ Шиха-Сефи (на что ежедневно расходуется 150 абасовъ, или 3 тумена, что составляетъ 50 рейхсталеровъ). Въ 3-й же разъ на счетъ Шахскихъ доходовъ. Когда настаетъ время кормленія и одѣленія яствами, всякій разъ начинаютъ бить въ два воинскихъ барабана, которые употреблялъ Магометъ, и которые Шихъ-Седреденъ, вмѣстѣ съ помянутымъ выше знаменемъ, перенесъ сюда изъ Медины. Чуть только послышатся звуки этѣхъ барабановъ, всякій бѣжитъ къ тому, или другому, раздавателю, которые одѣляютъ всѣхъ супомъ, мясомъ, рисомъ, въ ихъ собственную посуду, и всякому выдается этѣхъ яствъ такъ много, что получатели сами не въ силахъ бываютъ съѣсть всего и могутъ часть продавать другимъ, которые стыдятся сами получать милостыню.

Изъ поварни насъ провели въ большой прекрасный садъ, въ которомъ намъ показывали могилы Султана Айдера (Aider),

Шаха Тамаса (Tamas) и другихъ Шаховъ: могилы эти находятся здѣсь подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ украшеній.

Важнѣйшія лица, тѣла которыхъ погребены въ этой Мешайхѣ (Meschaich), по разнымъ мѣстамъ, въ нашу бытность тамъ, были слѣдующія:

1. Шихъ Сефи, сынъ Сеида Джейбраиля (Seid Tzeilbrail).

2. Шихъ Седреднпъ (Sedredin), сынъ Сефи.

3. Шихъ Джинидъ (Tzinid), сынъ Седредина, котораго Европейскіе историки по ошибкѣ называютъ Гвинедомъ (Guined).

4. Султанъ Айдеръ (Aider), съ котораго Турки содрали кожу, сынъ Джинида.

5. Шихъ Айдеръ, сынъ Султана Айдера.

6. Шахъ Измаилъ, сынъ Шиха Айдера.

7. Шахъ Тамасъ (Tamas), сынъ Шаха Измаила.

8. Шахъ Измаилъ II-й, сынъ Шаха Тамаса.

9. Шахъ Магумедъ Ходдабенде (Choddabende), сынъ Измаила.

10. Измаилъ Мирза
11. Гемза Мирза
12. Шахъ Абасъ.

} Всѣ братья между собою и сыновья Царя Ходдабенда.

Сказанную гробницу Шиха-Сефи, такъ богато построилъ сынъ его, Шихъ Седреднпъ, по смерти отца, съ помощію искуснаго зодчаго котораго онъ пригласилъ изъ Медины. Персы говорятъ, что чертежъ и образецъ этого зданія данъ былъ самимъ Шихомъ Седрединомъ, посредствомъ одного чуда, которыя онъ творилъ также будто бы, какъ и отецъ его. Такъ, онъ велѣлъ, будто бы, сказанному строителю закрыть глаза и въ ту же минуту привелъ его въ восторженное состояніе и представилъ ему видѣніе зданія, по которому строитель заложилъ

и устроилъ гробницу. Шихъ Джинидъ, далѣе, распространилъ дворъ, прибавилъ передній дворъ и новыстроилъ еще нѣсколько домовъ тамъ, такъ что теперь всѣ этѣ строенія составляютъ какъ бы широко раскинутый замокъ, и въ немъ ежедневно совершается столько же дѣлъ и движенія, какъ бы въ какой либо знатной столицѣ.

По множеству Царскихъ вкладовъ, обычныхъ доходовъ и ежедневныхъ приношеній, Месаръ этотъ имѣетъ огромныя богатства въ нѣсколько милліоновъ, и полагаютъ, что въ случаѣ войны онъ имѣетъ гораздо большія средства и наличныя деньги для снаряженія войска, чѣмъ самъ Шахъ. Ибо, кромѣ громадныхъ его суммъ чистыми деньгами, ему принадлежатъ еще въ разныхъ мѣстахъ многіе дома, имѣнія и люди, которые ежедневно увеличиваютъ его казну; а именно: въ Ардебилѣ 200 домовъ, 9 гамамовъ или бань, 8 каравансераевъ. Большое со сводами зданіе для лавокъ, Kaiserie (гостинный дворъ), цѣлый майданъ, со всѣми выстроенными по сторонамъ подвалами и лавками, также 100 другихъ лавокъ на базарѣ, скотный, хлѣбный, соляной и масляный рынки, афрабнищины (Afrabnischin), т. е., тѣ, которые подъ открытымъ небомъ, а не въ лавкахъ, сидятъ и торгуютъ, и которые всѣ должны платить извѣстную пошлину въ этотъ Месаръ, (у насъ пошлины этѣ называются Licenten). Изъ множества селеній, лежащихъ вокругъ Ардебиля, этому Месару принадлежатъ 33 селенія. Въ Серабѣ (Serab) 5 селеній; въ городѣ Таврисѣ 60 домовъ, 100 мелочныхъ лавокъ и 2 селенія, лежащія подъ городомъ. Въ городѣ Касвинѣ также нѣсколько каравансераевъ и бань, точно также и въ краяхъ Гилянѣ и Асторѣ. Въ Моканѣ Ашуръ (Aschur) и Елешуръ (Eleschur). Въ областяхъ: Хальхалѣ (Chalchal), Кермерутѣ (Kermeruth) и Гаштерутѣ (Haschteruth), принадлежитъ этому Месару также половина, кромѣ владѣній Татаръ и Индійцевъ, въ которыхъ также нѣкоторыя мѣста доставляютъ доходъ, именно исповѣдающія Персидскую Вѣру. Кромѣ того у Персовъ въ большомъ употребленіи обычай, когда они предпринимаютъ отдаленную поѣздку, или какое важное предпріятіе, также когда ихъ постигнетъ болѣзнь, или другая какая бѣда, давать большіе обѣты Шиху-Сефи, и обѣты этѣ, когда желанія ихъ осуществляются, исполняютъ они точно и

добровольно, дорожа своимъ благополучіемъ и блаженствомъ, и многіе изъ нихъ, приходя на богомолье, изъ особаго благоговѣнія, приносятъ добровольные дары, иногда даже отказываютъ Месару свои имущества по завѣщанію. По этому-то туда ежедневно поступаютъ въ даръ деньги, лошади, ослы, верблюды, овцы и другіе товары.

Приносящимъ подарки дается полная горсть аниcу, въ знакъ того, что души ихъ должны быть исполнены особою сладостью. Для принятія подарковъ приставлены особые два присяжные человѣка, называемые Несюрджянъ (Nessürtziahn), отъ Арабскаго слова: Nesür, означающаго обѣтъ. Пріемщики этѣ ежедневно сидятъ въ домѣ, лежащемъ въ лѣвой сторонѣ, противъ мечети Джилла-хане, и между ними стоитъ круглый денежный сундукъ, покрытый краснымъ бархатомъ, въ который они бросаютъ жертвуемыя деньги сквозь отверстіе на верху. Даримые же верблюды, лошади и ослы тотчасъ же продаются и обращаются въ чистыя деньги, а овцы и быки убиваются и роздаются бѣднымъ. Для богатаго содержанія сказанныхъ пріемщиковъ Шихъ Измаилъ пожертвовалъ большое селеніе Султанабагъ (SultanaBath), лежащее въ милѣ отъ города.

ГЛАВА XXVII.

Гробница Сеида-Джейбранля (Seid-Tzeibrail) и другихъ Сеидовъ въ селеніи Кельгеранѣ (Kelheran); что еще видѣли мы около Ардебиля.

Гробница Сеида Джейбранля, отца Шиха-Сефи, находится въ селеніи Кельгеранѣ, въ полумилѣ отъ Ардебиля, по эту его сторону. Джейбраиль въ этомъ селеніи былъ обыкновенный и простоватый человѣкъ, и сперва былъ погребенъ здѣсь между другими крестьянами; но когда Седреддинъ увидалъ, что во всей Персіи не только отца его, но и его самаго, считали за такого святаго и высшимъ духомъ одареннаго мужа, то пожелалъ, по смерти своего отца, и по сооруженіи ему гробницы, возвеличить и прахъ

своего дѣда передъ простыми людьми, и по тому приказалъ вырыть тѣло своего дѣда и похоронить его сдѣсь, воздвигнувъ надъ нимъ великолѣпную гробницу и зданіе. Нѣкоторые Персы говорили, что вмѣстѣ съ Джейбраилемъ сдѣсь погребены и двое другихъ изъ того же рода, а именно: Сендъ Сала (Sala), отецъ Джейбраила и Сендъ Кудбединъ (Kudbedin), дѣдъ его; но другіе, желающіе предоставить честь погребенія сдѣсь одному отцу Шиха-Сефи, отвергаютъ это мнѣніе. Можетъ быть, въ этой гробницѣ не находится ни одного изъ этѣхъ тѣлъ; ибо сомнительно, чтобы кости, такъ долго лежавшія въ землѣ съ костьми другихъ простыхъ крестьянъ, и уже сгнившія, можно было распознать и отдѣлить безошибочно.

Гробница эта выстроена въ большомъ саду, въ видѣ круглаго зданія, съ длинными кругомъ пестро раскрашенными стеклянными окнами, обнесенная прочною желѣзною изгородью, вверху заканчивающаяся круглою башнею, обложенною синими и зелеными изразцами (поливанными камнями). Основаніе этой гробницы было такъ высоко, что нужно было взойти на него по 10 ступенькамъ. Нѣкоторые изъ насъ, пришедшіе осмотрѣть, были остановлены у двери: у нихъ потребовали шпаги и палки, и просили, чтобы они сняли башмаки и сапоги и чтобы шли туда безъ обуви. Сводъ въ этомъ зданіи искусно сведенъ былъ прорѣзанными дугами (съ просвѣтами), разукрашенъ золотомъ и синей краской, а полъ устланъ прекрасными коврами. Въ стѣнахъ подъ сводами находились небольшія комнатки, въ которыхъ обучали юношей пѣнію изъ Алкорана, и такимъ образомъ приготовляли изъ нихъ Гафазановъ или стражей гроба святаго. Какъ и въ гробницѣ Шиха-Сефи, на маленькихъ столикахъ разложены были прекрасно написанныя Арабскія книги, по которымъ совершалось пѣніе отъ времени до времени. Посреди часовни этой стоялъ деревянный гробъ, прекрасной рѣзной работы, промежъ связей которой видѣлась листовая мѣдь желтая, длиною въ ростъ человѣка и шириною въ 3 локтя и покрыта вездѣ кругомъ зеленымъ бархатомъ. Надъ гробомъ висѣли двѣ серебряныя и двѣ золотыя лампы, которыя горятъ каждую ночь, и смотрѣніе за тѣмъ, чтобы лампы эти горѣли, поручается двумъ Джирагчиганамъ (Tziragtschihan) или смотрителямъ за свѣтильниками. Противъ этой гроб-

ницы находилась еще небольшая часовенька, въ которой погребены также нѣсколько знатныхъ людей изъ того же рода.

Такъ какъ въ Ардебилѣ находится гробница такого святаго, то Ханъ Ардебильскій пользуется такимъ же значеніемъ въ духовномъ отношеніи, какъ и самъ Шахъ, и, кромѣ свѣтскаго права, завѣдываетъ и духовнымъ. Но онъ не можетъ держать столько войска, какъ Ханъ Шемахинскій; ибо Ардебиль не есть пограничный городъ, и по тому не можетъ опасаться быстраго и неожиданнаго нападенія Турокъ. Всего на все онъ имѣетъ только 50 человѣкъ, изъ которыхъ онъ и устраиваетъ свой придворный штатъ. Вообще вся придворная обстановка у него вовсе не такъ великолѣпна, какъ у Хана Ареба. Онъ велъ даже скромную, трезвую жизнь; на пирушкахъ, которыхъ онъ сдѣлалъ 3 ради насъ, употреблялъ множество табаку, который, по обычаю Персовъ, онъ курилъ изъ деревяннаго, длиною въ два локтя, чубука, сквозь воду въ стекляномъ сосудѣ, при чемъ пилъ также много Кагавы (Kahawae) или кофе; напитокъ этотъ весьма освѣжаетъ и умиряетъ всякаго рода страсти.

Все, что еще было замѣчательнаго около Ардебиля, состояло въ нѣсколькихъ теплыхъ ваннахъ, находившихся въ горахъ, и въ источникахъ, которыми пользуются ради удовольствія и здоровья; Ханъ предлагалъ было намъ свои услуги проводить насъ и туда, но мы не поѣхали, по слабому еще здоровью Посланника Бругмана. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ Персами объ этихъ водахъ, были слѣдующія: внизу, у подошвы горы Себеланъ (Sebelan), есть источникъ, Сердебе (Serdebe), съ тепловатою и чистою водой, въ которомъ многіе охотно купаются. Онъ проведенъ сюда трубою подъ сводами изъ Сульфакархана (Sulfakarchan), о которомъ упоминалось выше. Въ трехъ миляхъ отъ этого источника, на правой сторонѣ горы еще теплый источникъ, издающій сѣрный запахъ такой, что воздухъ во всей этой странѣ пахнетъ сѣрой; онъ очень полезенъ противъ разныхъ накожныхъ болѣзней: парши, разныхъ прыщей и проч., и по тому называется Abkotur, т. е., вода отъ шелудей или паршей. Въ другомъ мѣстѣ этой же горы еще есть 3 источника, называемые: Меулъ, Даудау и Рандау (Meul, Daudau, Randau), и всѣ 3

имѣютъ горячую до кипѣнія воду: Меулъ вытекаетъ изъ небольшаго холма, у котораго по обѣимъ сторонамъ холодные и глубокіе источники; Даудау, въ четверти мили отъ Меула, бьетъ двумя ключами, и подлѣ него есть также холодный, источникъ. Передъ обоими этѣми источниками выкопанъ прудъ, въ который проведены они оба, т. е., теплый и холодный, и такимъ образомъ воды эти умѣряютъ другъ друга и дѣлаются годными для купанья. Рандау по временамъ оказываетъ сильное дѣйствіе, а иногда не приноситъ ни какой пользы. Персы разсказывали, если больной долженъ выздоровѣть, то онъ видитъ въ этомъ источникѣ змѣю, у которой на головѣ кольцеобразно свернувшаяся лежитъ другая, маленькая бѣлая змѣйка, въ родѣ коронки. Если же этого больной въ источникѣ не увидитъ, то и купанье ему будетъ безъ пользы. Въ полумили по ту сторону отъ города, у дороги, на правой сторонѣ, лежитъ прудъ, или лужа, называемая Шеркёль (Scherköl), покрытая твердыми слоями селитры и соли, будто льдомъ, или льдинами, какъ мы сами видѣли это, проѣзжая. Страдающіе паршами съ пользою моются водою изъ него. Что сообщали намъ Персы замѣчательнаго о горѣ Бакру, будетъ сказано въ одномъ мѣстѣ съ тѣми баснями, которыя они разсказываютъ о горѣ Ельвендѣ (Elwend).

ГЛАВА XXVIII.

Путешествіе изъ Ардебиля въ Султанію.

Когда мы прожили такимъ образомъ, какъ сказано, цѣлыхъ два мѣсяца въ Ардебилѣ, то 1-го Іюня прибылъ къ намъ новый Мегемандарь, назначенный Шахомъ, по имени Абасъ-Кули-Бекъ (Abas-Culi-Bek), съ извѣстіемъ, что въ теченіи 40 дней онъ долженъ доставить насъ къ Шаху, который очень желаетъ видѣть насъ поскорѣе. Такъ какъ самъ онъ былъ уже старый человѣкъ, то, чтобы успѣшнѣе служить намъ, онъ привезъ съ собою своего сына, здороваго взрослаго малаго. Послѣ этого прежній Мегемандарь, Неджефъ-Бекъ, отошелъ отъ насъ, и за свои труды и

службу при насъ получилъ отъ насъ въ подарокъ: 4 соболя, 9 локтей сѣраго сукна, 4 локтя синяго Европейскаго атласу и 4 фляги водки.

Хотя Абасъ-Кули-Бекъ довольно важно настаивалъ на томъ, чтобы отправить насъ поскорѣе, и приказалъ было уже привести къ дверямъ нашимъ лошадей и верблюдовъ; но такъ какъ Посланникъ Бругманъ хотѣлъ непремѣнно, для дальнѣйшаго слѣдованія, поставить металлическія пушки на лафеты и колеса, то чтобы изготовить все это, Абасъ-Кули-Бекъ принужденъ былъ подождать насъ еще 8 дней. За недостаткомъ лѣсу для этѣхъ подѣлокъ, Ханъ вынужденъ былъ приказать срубить нѣсколько прекрасныхъ деревъ въ городѣ. Не смотря на представленіе Мегемандаря, что не возможно будетъ везти на колесахъ такія тяжелыя пушки, которыя, при томъ, на безопасной дорогѣ и совершенно безполезны; ибо намъ предстояла не такая дурная дорога, какую мы уже проѣхали, а иная, по горамъ, возвышающимся до небесъ и черезъ глубочайшія бездны; тѣмъ не менѣе Бругманъ настоялъ на своемъ; для того же, чтобы работы, по крайней мѣрѣ, пошли быстрѣе, Бругманъ приказалъ поставить на Посольскомъ дворѣ 4 кузницы и привести нѣсколько плотниковъ.

Когда все было готово, послали мы Хану подарки, именно: три пары прекрасныхъ соболей, которые Персы очень любятъ, часы съ боемъ, ларецъ съ флягами, полными сладкой водки, двѣ большія картины, нарисованныя нашимъ живописцемъ и изображавшія господина и госпожу, одѣтыхъ во Французскія платья; такія же картины нарисованы были и для Аребъ-Хана, по его просьбѣ. Отвѣтные же подарки Келбеле-Хана Посланникамъ были слѣдующіе: каждому особо по лошади, съ сѣдломъ и уздечкой, обдѣланными серебромъ, по куску краснаго и синяго атласу, кусокъ золотисто-желтой камки, кусокъ подкладочнаго атласу, на бумажной основѣ, кусокъ зеленой шелковой матеріи, вышитой золотыми цвѣтами: все это были товары Персидскіе.

За тѣмъ, 10-го Іюня, Мегемандарь прислалъ намъ для отъѣзда 170 лошадей и 12 верблюдовъ. Мы немедленно уложились съ своей кладью, и на слѣдующій же день послали всю кладь

впередъ, вмѣстѣ съ 6 металлическими пушками и солдатами, а 12-го Іюня и сами отправились въ путь за ними. Но такъ какъ Посланникъ Бругманъ былъ еще нѣсколько слабъ и не могъ ѣхать на лошади, то онъ приказалъ везти себя въ носилкахъ на мулахъ, и такимъ образомъ рано утромъ, въ 5 часовъ, отправился впередъ, въ сопровожденіи 30 человѣкъ изъ нашего народу.

Нѣсколько Персіянъ, не знавшихъ ни чего о нашемъ отъѣздѣ и никогда еще не видавшихъ носилокъ, увидѣвъ теперь ихъ завѣшанными сукномъ и выносимыми за городъ въ сопровожденіи множества народа, говорили: «Нѣмцы, должно быть, хотятъ справлять за городомъ какой ни будь праздникъ и несутъ туда свою святыню.» Посланникъ Крузе отправился позднѣе съ своими спутниками, именно въ 8 часовъ. Келбеле-Ханъ, поѣхавъ верхомъ еще прежде, тоже за городъ, въ одинъ садъ, прислалъ сказать Гг. Посланникамъ, что онъ подождетъ ихъ тамъ и еще разъ простится съ ними; ибо у Персовъ не въ обыкновеніи, принявши однажды кого либо, выпроваживать еще его, и они говорятъ: «Не прилично гостей выводить изъ дому.» Когда мы проѣхали съ милю, къ намъ присоединился Ханъ, который пригласилъ Посланника Крузе въ Татарскія хижины или отаки (Otaken), стоявшія не далеко отъ дороги, гдѣ и угостилъ насъ холоднымъ кушаньемъ. При немъ находился и Султанъ Тавриса (Tabris), обязанность котораго во время войны та же, что и нашего главнаго Rumormeisters (блюстителя порядка и исполнителя). Слуги его всѣ имѣли на плечахъ накинутыя тигровыя и рысьи шкуры, походили видомъ на прислужниковъ палача и, вѣроятно, и въ дѣйствіяхъ своихъ были не далеки отъ нихъ, если бъ только имъ это дозволили. Распростившись дружески съ Ханомъ, мы продолжали наше путешествіе по неровной, жесткой, скалистой дорогѣ и къ вечеру прибыли въ большое селеніе, Бузюнъ (Busün) называемое, лежащее на лѣво въ долинѣ, въ 4 миляхъ отъ города. Сдѣсь мы нашли отправленные впередъ наши пожитки и пушки, колеса которыхъ почти всѣ уже разбились. Мегемандарь очень сожалѣлъ, что рѣшительно не имѣлъ сдѣсь возможности распорядиться устройствомъ новыхъ колесъ, равно положительно не совѣтовалъ везти пушки далѣе, чего и нельзя сдѣлать безъ великихъ препятствій, и предложилъ, съ своей стороны, что онъ вы-

хлопочетъ у Шаха повелѣніе Хану Ардебильскому немедленно доставить пушки въ слѣдъ за нами. Когда наконецъ мы и сами убѣдились въ невозможности везти пушки съ собою, то порѣшили оставить самыя большія изъ нихъ сдѣсь; но прежде, по приказанію Посланника Бругмана и въ присутствіи Мегемандаря, измѣрили ихъ длину и толщину и живописецъ нашъ снялъ съ нихъ рисунки; съ собою же взяли только двѣ самыя малыя пушки, вѣсившія по 300 фунтовъ каждая, и 4 каменнометницы навьючивъ ихъ на верблюдовъ, и 14-го числа пустились далѣе, почти постоянно черезъ скалистыя горы и между ними, по узкой, опасной дорогѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носилки принуждены были съ великимъ трудомъ нести на себѣ болѣе сильные люди. Въ долинахъ тамъ и сямъ видѣлись селенія и жилья, около которыхъ паслись прекрасныя стада. Къ вечеру, проѣхавши 5 миль, мы прибыли въ большое село Сенгоа (Sengoa), въ которомъ живетъ Melik или областной управитель, собирающій доходъ съ области Халхалъ (Chalchal), которая начинается сдѣсь и простирается до рѣки Кизильозейнъ (Kisilosein). Управитель этотъ, по имени Байндуръ (Baindur), очень любимый Шахомъ Абасомъ, поставленъ въ эту должность на мѣсто своего отца, и, женившись на одной изъ Шахскихъ прислужницъ, получилъ, вмѣстѣ съ нею, въ подарокъ и приданое многія помѣстья.

14-го числа мы опять ѣхали по высокимъ горамъ и проѣхали черезъ 3 селенія, изъ которыхъ Мегемандарь (по обычаю Персовъ) забиралъ по нѣскольку лошадей, какъ бы для насъ, но за тѣмъ опять отдавалъ ихъ крестьянамъ за деньги, которыми они выкупали себѣ этѣхъ лошадей. Сдѣлавши 4 ферзанга или мили, мы пріѣхали въ прекрасную долину, съ чистымъ источникомъ, и расположились въ ней подъ нашими палатками. Мы нашли сдѣсь огромныхъ зеленыхъ стрекозъ или саранчу, длиною въ 3 и толщиною въ полтора дюйма. Такъ какъ мы простояли сдѣсь до послѣ обѣда слѣдующаго дня, то я изслѣдовалъ сдѣсь высоту солнца, и нашелъ, что мѣсто это лежитъ въ 37°, 28′ отъ равноденственника.

15-го числа, послѣ обѣденнаго стола, устроеннаго по случаю выздоровленія Посланника Бругмана, сѣвшаго уже сдѣсь на

лошадь, мы отправились далѣе и подъѣхали къ громадной горѣ Тавру (Taurus), которую Персы называютъ сдѣсь Perdelis. Сперва мы спустились въ чрезвычайно глубокую долину, какъ бы въ страшную бездну, которая съ этой стороны почти цѣлую милю шла внизъ, а на другой сторонѣ поднималась вверхъ мили полторы; высоты же обѣихъ горъ казалось стояли въ полумили другъ отъ друга. Мѣсто это—чистѣйшая воровская и разбойничья пропасть, въ которой путешественникамъ, не имѣющимъ достаточной силы для отпора, представляется не мало опасностей; ибо съ одной стороны въ точности можно наблюдать за людьми, входящими въ эту пропасть. Разбойники, увидѣвъ, что будутъ имѣть недостаточное сопротивленіе, выбираютъ мѣстечко поудобнѣе для нападенія, и бросаются на проѣзжающихъ.

Въ глубинѣ долины течетъ рѣка Кизильозейнъ (Kisilosein), которая съ страшнымъ шумомъ и быстротою стрѣлы прорывается черезъ скалы, несетъ воду бѣловатаго цвѣта, по чему, въ Гилянѣ, гдѣ она изливается въ Каспійское море, ее и называютъ: «auf Talisch Isperuth.» Черезъ рѣку эту Шахъ Тамасъ построилъ довольно изрядный мостъ изъ обожженнаго кирпичу на 9 сводахъ. Подлѣ дороги по горѣ расло множество горькаго миндалю, кипарису и Казацкаго можжевельнику. По ту сторону рѣки дорога поднималась вверхъ очень круто и извилинами, словно змѣя, такъ что мѣстами взбирались мы точно по ступенькамъ. Какимъ бы образомъ провезли мы сдѣсь наши большія пушки на лафетахъ? На лѣвой сторонѣ у самой дороги, обрывистыя и какъ бы расщепленныя другъ отъ друга скалы представляли огромныя глубокія пропасти и бездны, въ одну изъ которыхъ, не много лѣтъ тому назадъ, мулъ одного Русскаго Посланника, навьюченный кладью, низвергся и исчезъ безслѣдно. Такъ какъ по такой дорогѣ нельзя было безъ опасности ѣхать верхомъ, то мы принуждены были вести лошадей нашихъ позади себя. Такъ взбирались мы до самой ночи. Взобравшись наконецъ съ великимъ трудомъ на вершину, и не имѣя съ собою ни Мегемандаря, ни проводника, отставшихъ отъ насъ, мы прошли далѣе, блуждая въ темнотѣ черезъ многія каменистыя долины и холмы. Весьма холодный и рѣзкій вѣтеръ дулъ намъ напротивъ и былъ невыносимо тягостенъ для насъ, изнеможенныхъ уже отъ восхожде-

нія и по тому охотно бы сѣвшихъ на лошадь; но страхъ низринуться въ бездну вынуждалъ насъ продолжать путь пѣшкомъ. Мы шли такимъ образомъ, или скорѣе карабкались, по каменистой дорогѣ около 3 часовъ, пока наконецъ не добрели къ полуночи до селенія Кейнджe (Keintze), отстоявшаго въ 4 миляхъ отъ послѣдняго нашего ночлега; въ этомъ селеніи мы остановились, и остались въ немъ подъ нашими палатками и на слѣдующій день, чтобы подождать отставшаго Мегемандаря и дать отдохнуть себѣ и намученнымъ лошадямъ нашимъ. Сдѣсь мы вознаградили себя, за вынесенныя вчера тягости, доброю вышивкой вина, съ веселою музыкой, игрою на трубахъ, съ пушечной пальбой и разными другими забавами. Когда мы завели рѣчь съ нашимъ Мегемандаремъ, находившимся также при нашей пирушкѣ, о томъ, для чего онъ постоянно отдѣляется отъ насъ, и отъ Ардебиля до сихъ поръ такъ мало находился въ сообществѣ съ нами, то онъ объяснилъ, что дѣлаетъ это не изъ какого ни будь недобраго намѣренія, а просто изъ скромности, или робости; ибо онъ не охотно бываетъ тамъ, гдѣ раздаются постоянная брань и ругательства, какія слышалъ онъ отъ Посланника Бругмана. А между тѣмъ онъ желалъ бы исполнить свое дѣло, по данному ему приказу, такъ, чтобы въ исполненіи этомъ не находили ни какого недостатка. Тѣмъ не менѣе Мегемандарь, видя, что нынѣшній день проводится въ такомъ удовольствіи, также присоединился къ намъ и порядкомъ таки хлебнулъ вина.

17-го числа, когда послѣ полудня самый сильный жаръ спалъ и воздухъ нѣсколько освѣжился, Мегемандарь Абасъ-Кули-Бекъ провелъ насъ далѣе на двѣ мили, при чемъ, по своимъ разсчетамъ, именно съ цѣлію собрать подать съ крестьянъ, какъ говорили намъ этѣ послѣдніе, онъ свернулъ съ прямой дороги и привелъ насъ въ селеніе Хаджимиръ (Hadzimir), лежащее на право отъ прямаго пути, на каменистой почвѣ. Сдѣсь одинъ Меликъ (Melik) или сборщикъ податей прислалъ, въ привѣтствіе нашимъ Посланникамъ, нѣсколько блюдъ, полныхъ плодовъ, повинокъ того года, именно: абрикосовъ, полузрѣлаго винограду, и одинъ мѣхъ или кожаный мѣшокъ вина. Кромѣ этого мы въ тотъ вечеръ не могли добыть сдѣсь ни чего ни изъ пищи, ни изъ питья, такъ какъ мы попали сюда неожиданно, и поваръ нашъ, съ своею поварней, въ слѣдствіе объ-

явленія Абасъ-Кули-Бека, что мы должны будемъ проѣхать въ этотъ день еще пять миль, далѣе уѣхалъ отъ насъ впередъ, по прямой дорогѣ; такимъ образомъ мы должны были лечь спать голодные.

18-го Іюня, въ Воскресенье, отправивъ наше Богослуженіе и пообѣдавъ, мы пустились далѣе; ѣхали почти все крупною рысью, между двумя холодными холмами, цѣлыя 6 миль, и къ полуночи прибыли въ селеніе Камаль (Kamahl), лежащее на право, въ 2 миляхъ отъ дороги. Дома въ этомъ селеніи разбросаны на 3 отдѣльныхъ холмахъ; для помѣщенія нашего предоставили было намъ самую низменную часть селенія, гдѣ, передъ самымъ селеніемъ, назначался для Посланниковъ одинъ большой пустой домъ. Но какъ Гг. Послы наши, по причинѣ неудобства такого помѣщенія, занять его не захотѣли, то и отправились въ другую часть селенія, оставивъ на распутіи одного воина, для того, чтобы онъ передалъ свѣдѣнія остальному нашего народу, слѣдовавшему еще на дорогѣ за нами, о настоящемъ нашемъ ночлегѣ. Такъ какъ поселяне не были предъувѣдомлены о нашемъ прибытіи въ ихъ селеніе, и по тому не могли немедленно же попрятать куда ни будь своихъ женъ и дочерей, то они не хотѣли было принять насъ въ дома свои; въ слѣдствіе этого мы, полуокоченѣлые отъ холода, не желая ночевать подъ открытымъ небомъ, вынуждены были силою сами размѣстить себя по домамъ поселянъ, у которыхъ и нашли, хотя очень тѣсные и скверные покои, по крайней мѣрѣ довольно теплые. Но только что улеглись было мы, въ надеждѣ провести небольшой остатокъ ночи въ желаномъ спокойствіи, какъ услышали тревогу нашихъ трубачей, звавшихъ къ сбору. Такъ какъ тревога эта была дѣломъ необыкновеннымъ, то мы тотчасъ поняли, что произошло что ни будь новое, не совсѣмъ-то хорошое, и по тому поднялись снова на ноги, поспѣшили на звукъ трубъ, приведшій насъ къ помѣщенію Посланниковъ, и тамъ узнали, что человѣкъ 20 Персовъ, собравшись верхами на лошадяхъ, вооруженные ружьями, стрѣлами и саблями, напали на одного нашего воина, Ласке (Laske), отняли у него ружье, перевязь, шпагу и верхнее платье, крѣпко избили, истоптали ногами и убили бы, пожалуй, до смерти, какъ самъ онъ разсказывалъ, если бъ, на его счастье, не подоспѣлъ къ нему нашъ Гофмейстеръ, съ нашимъ Русскимъ переводчикомъ, Гансомъ Ар-

нибекомъ, который, по болѣзни, отсталъ отъ насъ и пріѣхалъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ нѣсколько позднѣе. Увидѣвъ ихъ, разбойники, опасаясь, что вслѣдъ за этѣми можетъ прійти еще большій отрядъ, поспѣшили удалиться. Посланники снарядили одного Поручика съ 20-ю воинами преслѣдовать разбойниковъ, остальнымъ же приказали расположиться вокругъ ихъ жилья.

19-го Іюня мы оставались въ селеніи, размѣстившись подъ раскинутою въ немъ нашей палаткой. Здѣсь со мною случилась воспалительная болѣзнь, отъ которой я сильно ослабѣлъ и, не смотря на то, долженъ былъ продолжать путешествіе. 20-го числа, рано утромъ, часа въ два, мы пустились снова въ дорогу, ѣхали почти весь день въ страшную жару по ровной, красноватой, песчаной и выжженной, странѣ, и, проѣхавши 6 миль, въ полдень прибыли въ открытый городокъ, Сенканъ (Senkan). * За полмили передъ этѣмъ городкомъ, Правитель Султаніи (Sultanie), Севиндюкъ - Султанъ (Sewindük Sultan), находившійся тогда въ Сенканѣ, выслалъ на встрѣчу Посламъ 4 блюда прекрасныхъ большихъ абрикосовъ и огурцовъ, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться этѣми плодами въ сильный жаръ. Передъ самымъ мѣстечкомъ или городкомъ приняли насъ, высланные на встрѣчу намъ Султаномъ, 30 вооруженныхъ всадниковъ, между которыми одинъ былъ безъ рукъ и безъ ногъ, имѣвшій, вмѣсто рукъ, остроконечныя поручни съ крючками; съ помощію этѣхъ поручней онъ ловко управлялъ своею лошадью, которую, на удивленіе намъ, безпрестанно гналъ передъ нами туда и сюда. Этому Персіянину Шахъ Абасъ (дѣдъ Шиха Сефи), за то, что онъ бѣгалъ по домамъ простолюдиновъ и насиловалъ въ нихъ молодыхъ женъ, приказалъ отрубить руки и ноги, и за тѣмъ обрубленными ногами поставить его въ кипящее масло. Отецъ этаго Персіянина, знатный и богатый житель Сенкана, очень полюбился Персидскому Шаху за свой отмѣнный разумъ и стихотворныя произведенія, которыми онъ прославился; онъ написалъ нѣсколько остроумныхъ эпиграммъ, направленныхъ на случай, постигшій его сына, и съ помощію ихъ снова выходилъ себѣ и сыну своему Шахову милость и, кромѣ того, получилъ еще и подарки.

---

* Сенджанъ. О. Б.

Въ Сенканѣ хозяинъ нашъ дружелюбно помѣстилъ насъ въ чистыхъ покояхъ, убранныхъ прекрасными коврами, и меня, какъ больнаго, уложилъ на шелковыхъ подушкахъ. Самъ Султанъ, ловкій и смышленный человѣкъ, явился посѣтить Пословъ и извиниться передъ ними, что лично не могъ выѣхать къ нимъ на встрѣчу. При взятіи крѣпости Эрвана (Eruan), онъ получилъ въ плечо довольно тяжелую рану, которая хотя и зажила было, но въ послѣднее время снова открылась и помѣшала ему встрѣтить насъ. Когда же Посланники отправили къ нему своего Лѣкаря и Фельдшера, для поданія ему совѣта и лѣкарствъ, то это такъ понравилось ему, что, въ благодарность, онъ приказалъ доставить намъ, кромѣ множества дорогихъ плодовъ, и двойное продовольствіе. Сенканъ былъ нѣкогда большой и богатый городъ, но сталъ ничтожный въ слѣдствіе вторженій Тамерлана и Турокъ.

Вокругъ города въ той странѣ нѣтъ ни чего, кромѣ ровнаго поля жгучаго песку, на которомъ изрѣдка растутъ отдѣльные небольшіе кустарники, вышиною съ руку. Въ полумили отъ города, въ правой сторонѣ, простирается отрасль горы Тавра, съ сѣвера на югъ, идущая въ Курдистанъ (Kurdesthan) и называющаяся Кейдеръ Пейямберъ (Keider Peijamber); на ней, какъ полагаютъ Персы, погребенъ древній пророкъ ихъ, носившій это имя. Подошва горы вся усѣяна зелеными полями и селеніями.

21-го Іюля, не рѣшаясь продолжать путь въ страшный дневной жаръ, мы только вечеромъ, по захожденіи солнца, пустились снова въ дорогу, проѣхали ночью, при мѣсячномъ свѣтѣ, 6 миль по ровной странѣ, и передъ восходомъ солнца прибыли въ городъ Султанію (Sulthanie). Отъ сильной ночной стужи люди наши до такой степени прозябли и окоченѣли, что на силу слѣзли съ лошадей и едва ходили; но за тѣмъ днемъ опять насталъ такой сильный жаръ, что почти не было возможности какъ ни будь укрыться отъ него. Въ слѣдствіе такого рѣзкаго перехода въ тотъ же день 15 человѣкъ изъ сопутниковъ Посольства разомъ начали жаловаться на нездоровье и слегли въ постель; съ ними сдѣлался сильный жаръ и разслабленіе, такъ что они могли продолжать путешествіе не иначе, какъ на лошадяхъ, мулахъ и верблюдахъ; ѣхали же мы большею частію по ночамъ. Сдѣсь же двое изъ на-

шихъ спутниковъ поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ, Томасъ Крайгъ (Craig), Шотландецъ, получилъ на поединкѣ опасную рану въ легкое, не далеко отъ сердца, такъ что мы принуждены были довольно долгое время носить его на носилкахъ, хотя онъ и выздоровѣлъ подъ конецъ, послѣ продолжительнаго лѣченія.

ГЛАВА XXIX.

О городѣ Султаніи.

Городъ Султанія (Sulthanie) лежитъ подъ 84°, 5′ долготы и подъ 36°, 30′ широты, на гладкомъ полѣ; съ двухъ сторонъ его, а не вокругъ него, какъ пишетъ Картрайтъ (Kartwrigt), идутъ довольно высокія горы, особенно съ правой стороны, именно гора Кейдеръ (Keider). По нѣсколькимъ высокимъ домамъ, башнямъ и колоннамъ онъ имѣетъ снаружи довольно красивый видъ, но внутри очень ветхъ, и самыя городскія стѣны его почти всѣ разрушены. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ сихъ краяхъ и простирался въ длину болѣе, чѣмъ на полмили; ибо и теперь еще, въ большой полумили отъ города, на правой сторонѣ, по пути въ Гамеданъ (Hamedan), стоятъ высокія каменныя ворота и башни, принадлежавшія городу. Городъ построенъ былъ Султаномъ Магумедомъ Ходдабенде (Choddabende) изъ развалинъ опустошеннаго города Тигранокерта (Tigranocerta), о которомъ Тацитъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, былъ возведенъ на степень Царской столицы, какъ означаетъ это и самое имя его Султанія; ибо древніе Цари не именовались Шахами, но, какъ и нынѣшніе Турки, назывались Султанами. Но городъ этотъ очень разоренъ и опустошенъ, частію Тамерланомъ, частію же ихъ собственнымъ Княземъ, Ходжей Решидомъ (Chodza Reschid), за то, что жители его возмутились противъ него.

Самое замѣчательное, что можно видѣть здѣсь, было древнее Царское мѣстопребываніе, которое, словно крѣпость, окружено было четырехъугольною крѣпкою стѣной, сложенной изъ большихъ четырехъугольныхъ камней и четырехъугольными же

башнями, отъ которыхъ на мѣстѣ находились еще нѣкоторые обломки. Найкрасивѣйшее зданіе или Emarat было мечеть, въ которой погребенъ Султанъ Магумедъ Ходдабенде (Choddabende). Все это зданіе устроено изящно, съ 3 воротами, высота которыхъ превосходитъ высоту воротъ Св. Марка въ Венеціи; но сдѣланы они не изъ бронзы, или мѣди, какъ пишутъ другіе писатели, а изъ полированной и высѣченной или булатной стали и желѣза. Одни изъ этѣхъ воротъ, самыя большія, которыя стоятъ противъ Майдана (Maidan), какъ разсказываютъ Персы, не возможно оттворить, сколько бы людей ни трудилось надъ этѣмъ. Но если при этомъ произнести слѣдующія слова: «Beask Aly bukschal» т. е., «Оттворись изъ любви къ Али!» то ворота этѣ дѣлаются такъ легко подвижны на петляхъ и крюкахъ своихъ, что ихъ можетъ оттворить даже дѣтя. Сводъ зданія выложенъ бѣлыми и синими изразцами, на которыхъ выжжены большія надписи и разнаго рода красивыя изображенія; онъ поднимается очень высоко и по срединѣ сходится или заканчивается какъ бы круглою башнею. На верху сводъ раздѣляется металлическою рѣшеткою, которая образуетъ какъ бы отдѣльные хоры. На хорахъ этѣхъ лежитъ множество древнихъ Арабскихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя были длиною въ 5 четвертей локтя и шириною въ локоть; буквы въ нихъ величиною съ палецъ и строки весьма старательно писаны золотомъ и чернилами. Ихъ этѣхъ книгъ мнѣ удалось добыть нѣсколько листовъ, которые я и теперь еще храню въ библіотекѣ Милостивѣйшаго Государя моего. Это отрывокъ изъ Алкорана, въ которомъ содержится начало одной забавной басни о нѣсколькихъ дьяволахъ. Для потѣхи я приведу сдѣсь вкратцѣ содержаніе этого отрывка изъ Персидскаго Paraphrasi Alcorani, который Персы называютъ Seratz elkulub, т. е., Candela cordis, Свѣча сердца. Вотъ оно:

Когда Богъ изгналъ дьяволовъ съ неба и крѣпко заперъ небо отъ нихъ, то нѣсколько дьяволовъ, желавшихъ очень знать, что дѣлается на небѣ, собирались по ночамъ вмѣстѣ и, становясь одинъ другому на плечи, взбирались такъ по одному все выше и выше до тѣхъ поръ, пока находившійся на самомъ верху не достигалъ неба. Сдѣсь онъ обыкновенно подслушивалъ все, что говорилъ Ангелъ о людской жизни и счастіи, и подслушанное такимъ

образомъ дьяволы сообщали потомъ людямъ черезъ колдуновъ и вѣщихъ людей. Когда же Богъ замѣтилъ такую хитрость, то бросилъ одну звѣзду, называемую по Арабски Schihab, въ голову дьявола, находившагося на самомъ верху, и звѣзда эта тотчасъ же прошла внизъ и по всѣмъ остальнымъ, бывшимъ тутъ дьяволамъ, и сожгла ихъ всѣхъ въ кучу пепла. Послѣ этого другіе дьяволы, хотя и до нынѣ продѣлываютъ то же, стараются такимъ же образомъ подслушивать Ангеловъ, узнавать тайну неба и сообщать ее людямъ, но чуть только Ангелы усмотрятъ эту продѣлку, то посылаютъ на нихъ прежнюю кару и истребляютъ ихъ. По этому, когда Персы видятъ метеоръ или падающую звѣзду, stellam cadentem, съ благоговѣніемъ и радостію произносятъ слѣдующее изреченіе:

خدا نکه داشت مارا از شیطان
همه بسوختند و ما خلاص شدیم

Chodá nike dascht mara es Sheitan,
Heme busuchtend we ma chalas schudim.

«Боже, защити насъ отъ дьявола! Да будутъ всѣ они сожжены, а мы свободны!»

Но, довольно объ этомъ Магометанскомъ произведеніи.

Позади, въ помянутомъ храмѣ, проходя къ алтарю или Mehrab, видѣнъ гробъ Султана Магомета Ходдабенде, сквозь прекрасную рѣшетку. Рѣшетка эта почитается тамъ великимъ мастерскимъ произведеніемъ; рѣшетины въ ней толщиною въ руку изъ чистой Индійской стали, и всѣ части ея такъ плотно пригнаны одна къ другой, что не видно въ нихъ ни какой связи или спайки; она отлично выполирована и изукрашена насѣчками. Персы говорятъ, что она высѣчена изъ цѣльнаго куска и вмѣстѣ, съ описанными выше воротами, изготовлялась въ Индіи, въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ, а оттуда вывезена и поставлена сдѣсь упомянутыхъ Султаномъ.

Кромѣ этого, въ зданіи семъ или Емаратѣ мы нашли 20 металлическихъ орудій, и между ними одну большую мортиру.

Каждое орудіе лежало на 4-хколесной стойкѣ, и 4 изъ этѣхъ орудій были полукартауны (короткія пушки), остальныя же— полевыя орудія (болѣе длинныя пушки). Ядра для нихъ были мраморныя. Орудія этѣ употреблялись для защиты бывшей сдѣсь крѣпости. На мортирѣ стоялъ двойной орелъ, и надъ нимъ буквы: A. Z., а внизу A.

Башня на этомъ зданіи была восьмиугольная и вверху окружена широкой галереей или ходомъ, на которомъ стояло 8 маленькихъ башенокъ, съ витыми лѣстницами, для всхода на нихъ. Передъ храмомъ находился большой, выложенный камнемъ, четырехъугольный водоемъ или колодязь, въ который вода проведена изъ горы Кейдеръ (Keidex). Позади же храма раскинутъ прекрасный большой садъ, со множествомъ въ порядкѣ разсаженныхъ въ немъ большихъ и малыхъ деревьевъ и съ высокой изящной бесѣдкой.

Въ этомъ же городѣ не менѣе достойна обозрѣнія другая большая мечеть, которую воздвигъ сдѣсь Шахъ Измаилъ I-й. Входъ въ нее идетъ весьма высокими воротами, надъ которыми стоитъ круглая башня. Прошедши ворота, первое, что встрѣчается за ними, это высокая пирамида, въ верхней части уже разрушенная, и вокругъ нея 8, тоже довольно высокихъ мраморныхъ, столбовъ. Миновавъ эту пирамиду и столбы, входишь собственно въ мечеть, въ весьма просторное и высокое со сводомъ зданіе, украшенное кругомъ множествомъ сложенныхъ изъ камня столбовъ, склеповъ и ходовъ или галерей; въ серединѣ мечети стоитъ возвышенная каѳедра. При этомъ зданіи также есть превосходный большой садъ, и въ немъ башня, которая вверху нѣсколькими уступами заканчивается, въ видѣ пирамиды.

Жители подтверждаютъ, да и сами мы очевидно нашли справедливость того, что пишутъ Іовій (Jovius), въ 14-й книгѣ, стр. 282, и Петръ Перондинъ (Petrus Perondinus), въ своемъ сочиненіи: «De vita Tamerlanis (Basileae, 1551, cap. 23, pag. 241), а именно: «Ab hoc vere Scythico impie profano Tamerlanis ingenio quis credit mirum religionis exemplum prodiisse. Nam Sulthaniam Persarum olim Regiam cuncta; obivia inter meridiem et occasum imma-

niter evertens ac inexorabili mentis feritate diruens atque incendens passim urbes et oppida, et religione tactus, seu potius secreto quodam (uti fossan credi par erat) afflatus numine Mahumethanorum delabris pepercit, quae adhuc praecellenti structura pulcherrima visuntur.» То есть, что страшно свирѣпый Тамерланъ хотя и разрушалъ все, что ему попадалось, равно какъ и прекрасный городъ Султанію, но изъ особаго уваженія къ находившимся въ немъ гробницамъ Магометанскихъ повелителей и къ тамошнимъ мечетямъ, онъ оставлялъ ихъ неприкосновенными.

Не далеко отъ помянутой сейчасъ мечети стоятъ еще весьма высокія и широкія ворота, изъ высѣченныхъ камней, искусно сложенныя, между двумя башнями, вышина которыхъ считается по 27 саженъ; это, по видимому, были какія ни будь торжественныя (тріумфальныя) ворота; въ бытность нашу они были уже довольно разрушены.

Жители города Султаніи, которыхъ считается теперь едва около 6000 душъ, не дерзаютъ, будто бы, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, въ зимнее время отправляться въ какое ни будь другое мѣсто, по причинѣ великой стужи; но жители эти высказывали намъ свое удивленіе, что о нихъ сообщаются подобныя нелѣпыя свѣдѣнія; ибо въ цѣлой Персіи нѣтъ ни какого мѣста, изъ котораго бы выгоняла ихъ стужа, или жаръ.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на горахъ и межъ горъ, гдѣ мало лѣсу, холодъ бываетъ довольно чувствителенъ, въ слѣдствіе чего жители на время перебираются, но вовсе не изъ страны, а только изъ обыкновенныхъ своихъ жилищъ, въ теплые погреба. Подобное мѣсто находится близъ области Эрванъ (Eruan), и называется оно Дералекесъ (Deralekes), по тому что лежитъ между двумя высокими горами. Важнѣйшее селеніе въ этой мѣстности есть Арна (Агра), и какъ здѣсь въ зимнее время холодъ бываетъ довольно великъ, то жители перемѣщаются въ глубоко вырытые въ горахъ погреба, которые и служатъ имъ прибѣжищемъ, зимою отъ большой стужи, а лѣтомъ отъ сильнаго зноя.

Простоявши въ Султаніи 3 дня и получивъ свѣжихъ лошадей и верблюдовъ, 25-го Іюня мы снова пустились въ дорогу. Такъ какъ многіе изъ спутниковъ нашихъ, по болѣзни и слабости, не могли ѣхать верхомъ на лошади, то Мегемандарь дов илъ намъ нѣсколько ящиковъ, называемыхъ у Персовъ кеджавега (Ketzaweha), въ которыхъ они обыкновенно перевозятъ при случаѣ своихъ женъ; въ этѣ-то ящики уложили больныхъ и развѣсили ихъ на верблюдахъ. Я и Врачъ нашъ также улеглись въ подобныя отдѣльныя кеджавеги, насъ повѣсили въ этѣхъ ящикахъ на одного верблюда и въ такомъ положеніи мы совершали путь нашъ. При такомъ способѣ путешествія, мы, кромѣ болѣзни, должны были терпѣть еще два большія неудобства, а именно: во 1-хъ отъ колеблющагося хребта высокаго животнаго насъ постоянно мотало туда и сюда, и отъ этой качки кружилась голова; во 2-хъ, верблюды шли привязанные одинъ за другимъ, штукъ по 10 и болѣе (въ такомъ только порядкѣ идущій впереди вожакъ можетъ управлять разомъ нѣсколькими животными), и мы постоянно ощущали отъ этѣхъ животныхъ отвратительную и досаждавшую намъ вонь.

Мы выѣхали изъ города за два часа до разсвѣта, и 6 миль ѣхали по прекрасной, веселой странѣ; ибо повсюду видѣли въ ней множество зеленыхъ луговъ, хлѣбныхъ и другихъ засаженныхъ плодами полей и хорошо обстроенныя селенія; на лѣво отъ дороги возвышался холмъ, называемый Джикиджики (Tzikitziki), гдѣ находится лучшій Шаховъ конный заводъ. Къ полудню мы прибыли въ селеніе Хорамдегъ (Choramdeh), весело раскинутое среди высокихъ деревъ и садовъ, у одной рѣчки, катящей свѣжую воду. По своему пріятному мѣстоположенію село и носитъ свое имя, означающее селеніе удовольствія (или веселья).

26-го Іюня, въ ночь, мы проѣхали еще добрыхъ 5 миль, перебравшись черезъ множество холмовъ и горъ посредственной высоты.

27-го Іюня, въ полночь, пустились мы снова далѣе и ѣхали до славнаго города Касвина (Caswin).

ГЛАВА XXX.

Прибыли въ Касвинъ; описаніе города и того, что есть въ немъ достойнаго обозрѣнія.

Сказаннаго 27-го числа, проѣхавши ночью пять миль и съ восходомъ солнца имѣя передъ собою уже городъ, мы, по распоряженію Мегемандаря, заѣхали въ ближайшее селеніе, гдѣ и должны были прождать два часа, пока не прибыли и не приняли насъ встрѣчные изъ Касвина. Такъ какъ Касвинъ [1] былъ Царской столицей, то въ немъ не было Хана, а находился только Даруга (Daruga) или Чиновникъ, по чему мы и были приняты здѣсь не такъ пышно, какъ это было въ другихъ мѣстахъ. Къ намъ тотчасъ явился Даруга, съ нѣсколькими сотнями всадниковъ и пѣшихъ, и принялъ насъ. За тѣмъ представился намъ одинъ Индійскій Князь, прибывшій изъ города, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Индостанскихъ конниковъ и прислужниковъ, привѣтствовалъ Посланниковъ дружескими поклонами и сопровождалъ ихъ до города. Колесница этого Князя устроена была совершенно особеннымъ, страннымъ, образомъ: она лежала надъ двумя низкими колесами, которыя ходили не на обыкновенной оси, но на довольно толстой желѣзной подставкѣ, которая выгнута была между колесами вверхъ и держала всю колесницу. Въ колесницѣ, покрытой балдахиномъ, сидѣлъ Мирза съ другимъ Индійцемъ противъ него, и оба поджавши подъ себя ноги. Колесницу везли два прекрасныхъ бѣлыхъ, чистыхъ Индійскихъ быка, имѣвшіе короткія шеи, а на выгѣ, у плечъ, высокіе горбы. Рога у нихъ выкрашены были красною краской, а шеи увѣшаны кругомъ множествомъ звонковъ. Дышло колесницы шло надъ быками. На передкѣ колесницы сидѣлъ возница, управлявшій быками вожжею, продѣтою сквозь ноздри быковъ. Самые быки бѣжали такъ непринужденно, красиво и быстро, какъ и любая выѣзженная лошадь.

Когда мы были на добрый ружейный выстрѣлъ отъ города, насъ всѣ ѣхали верхами на лошадяхъ 15 молодыхъ женщинъ, бо-

---

[1] Иначе Касбинъ. О. Б.

гато разодѣтыхъ, въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ и шелковыхъ платьхъ, съ золотыми и шелковыми покрывалами, ниспадавшими съ головы внизъ по плечамъ и увѣшанныхъ ожерельями на шеяхъ и другими разнаго рода украшеніями. Съ незавѣшанными открытыми лицами (что въ обычаѣ у честныхъ женщинъ), онѣ бойко смотрѣли Нѣмцамъ въ глаза и привѣтствовали насъ веселыми улыбками. Это были лучшія пѣвицы и танцовщицы въ городѣ, которыя, съ изволенія Даруги, желали позабавить насъ, ради прибытія нашего, веселыми пѣснями, которыя онѣ живо пѣли, ѣдучи впереди насъ верхами по своему. Передъ ними ѣхало еще нѣсколько дудочниковъ и барабанщиковъ, дополнявшихъ музыку. Помѣщеніе намъ отведено было по ту сторону города, и по тому насъ провели черезъ весь городъ. На Майданѣ или на базарѣ, на одной галереѣ, также стояло множество барабанщиковъ флейтщиковъ и дудочниковъ, привѣтствовавшихъ своею музыкой наше вшествіе. Около Посланниковъ прыгали нѣсколько фигляровъ, которые выдѣлывали разнаго рода штуки до самаго жилья. Когда мы, пріѣхавши въ помѣщеніе, сошли съ лошадей, къ намъ набѣжала бездна народу, толпами тѣснившагося посмотрѣть, что такое привезли мы въ нашихъ кеджавегахъ или ящикахъ, для женщинъ. Ибо между ними тотчасъ же разнеслись разные толки, (къ чему Персы очень склонны): одни говорили, что Нѣмцы привезли въ этѣхъ ящикахъ нѣсколько красавицъ, Нѣмецкихъ дѣвицъ; другіе, что привезено рѣдкостное морское чудо въ подарокъ Шаху; когда же они увидали, что изъ ящиковъ повылѣзли только больные и обросшіе бородой люди, то всѣ ихъ предположенія обратились въ смѣхъ и потѣху.

Что касается до города Касвина, то, по Персидскимъ и Арабскимъ свѣдѣніямъ, онъ лежитъ подъ 85° долготы и подъ 36° 15′ широты, что и я нашелъ, по неоднократнымъ моимъ наблюденіямъ. Въ древности онъ назывался Арзатія (Arsatia) и, подобно Султаніи, равно какъ и слѣдующимъ городамъ, которые лежали у насъ впереди на пути до Испагани, находился въ области Эракъ (Erak), [2] называвшейся нѣкогда Парѳіей (Parthia). Лежитъ онъ на ровномъ, сухомъ, песчаномъ полѣ, и на полдня пути отъ него;

[2] Иракъ. О. Б.

въ правой сторонѣ на западъ, начинается высокій горный хребетъ Эльвендъ (Elwend), простирающійся на юго-западъ къ Багдату или Вавилону. Окружность города въ одинъ ферзангъ или добрая Нѣмецкая миля; въ немъ нѣтъ ни какихъ городскихъ стѣнъ, ни стражи, или постояннаго войска, бывающаго сдѣсь только развѣ во время пребыванія Двора; ибо онъ находится вдали отъ непріятеля. Въ немъ находится, впрочемъ, болѣе 100,000 душъ жителей, изъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можетъ быть тотчасъ же набрано значительное войско. Языкъ жителей хотя и Персидскій, но особаго нарѣчія и понятенъ другимъ Персамъ точно также, какъ Голландскій понятенъ Верхне-Германцамъ. Дома ихъ вообще построены по обычному образцу Персовъ изъ кирпича, высушеннаго только на солнцѣ, и снаружи не имѣютъ ни чего привлекательнаго, но внутри со вкусомъ выведены сводами, выбѣлены и разукрашены рѣзною, или лѣпною, работой. Ни одной улицы въ немъ нѣтъ мощеной, и вездѣ чистый пѣсокъ, отъ чего, чуть подуетъ хоть небольшой вѣтеръ, поднимается страшная пыль въ цѣломъ городѣ. Тамъ нѣтъ и ключевыхъ колодцевъ, и жители принуждены подъ землею проводить воду изъ горы Эльвендъ въ городъ, въ особые погреба или водохранилища, изъ которыхъ и продовольствуются водою. Они также имѣютъ множество глубокихъ погребовъ со льдомъ, въ которыхъ сберегаютъ ледъ на все лѣто. Погреба пришлись очень по праву нѣкоторымъ изъ насъ, когда мы бывало въ сильный жаръ проходили мимо ихъ и, завернувъ въ нихъ, прохлаждались тамъ.

Нѣкогда Персидскіе Цари имѣли въ этомъ городѣ свое мѣстопребываніе. Пишутъ, что Шахъ Тамасъ (Tamas) былъ первый, перенесшій свое мѣстопребываніе изъ Тавриса въ Касвинъ, какъ говоритъ объ этомъ Бизаръ (Bizarrus), въ своей «Rerum Persicarum Historia» (Francofurti, 1601), въ книгѣ 12-й, на стр. 320; Персы же приписываютъ это отцу Тамаса, Шаху Измаилу, хотя этотъ послѣдній, ведя постоянно ожесточенныя войны, рѣдко проживалъ долгое время на одномъ мѣстѣ. Но всѣ писатели согласны въ томъ, что Измаилъ, а не Тамасъ, основалъ и соорудилъ сдѣсь огромныя и весьма дорогія Царскія палаты, которыя и теперь еще существуютъ на большомъ торжищѣ, подлѣ обширнаго сада. Ворота этѣхъ палатъ и наружная сторона свода сверху были

красиво выложены разноцвѣтными, золотомъ расписанными, изразцевыми камнями (изразцами). Комнаты же внутри изукрашены золоченою и лакомъ покрытою, выпуклою рѣзною работой и картинами, которыя, впрочемъ, по обыкновенному Персидскому способу, нарисованы безъ соблюденія живости изображенія и размѣровъ.

Напротивъ этого дома былъ еще другой садъ обширный, на пространствѣ четверти мили, украшенный множествомъ изящныхъ бесѣдокъ и въ порядкѣ разсаженныхъ деревьевъ; тамъ росли: яблоки, груши, персики, абрикосы, гранаты, миндаль и подобныя тому деревья; особенно красивый видъ представляли крестообразно проложенныя дорожки, усаженныя стройными кипарисами и высокими чинарами, ровно, словно по ниточкѣ, такъ что изъ нихъ составлялись длинныя, чрезвычайно пріятныя, исчезающія вдали, линіи.

Въ городѣ есть два большихъ Майдана (торжища), и важнѣйшій изъ нихъ, Картрайтъ, не извѣстно на какомъ основаніи, называетъ Атмайданъ (Atmaidan). Aht по Турецки значитъ лошадь; но Персы нигдѣ не имѣютъ особыхъ конныхъ рынковъ, и какъ Maidan (слово Арабское) означаетъ вообще мѣсто для всякой торговли, то и на этомъ главномъ торжищѣ покупаются всякаго рода вещи. Я полагаю, что этотъ писатель, по незнанію языка, прочиталъ по Латыни t вмѣсто l; ибо Al на Арабскомъ языкѣ есть членъ (Articul), который Турки прибавляютъ, и говорятъ: Almaidan. Майданъ этотъ длѣиннѣе, чѣмъ Майданъ въ Ардебилѣ, хотя и не столь широкъ. На южной сторонѣ его стоятъ великолѣпные и огромные дворцы или палаты, которые соорудили тамъ въ разное время Персидскіе Князья или Ханы, а именно: Аллаверди-Ханъ (Allawerdi chan), Ханъ Ширакій; Алликули-Ханъ (Alliculi chan), Земскій Судья; Магемедъ-Ханъ (Mahemed chan), Ханъ Кенджа (Kentze), и Шихъ Ахмедъ-Ханъ, бывшій во время Абаса Главнымъ Судебнымъ Начальникомъ. На этомъ Майданѣ и на другомъ, лежащемъ на западной сторонѣ и называемомъ Сенке Майданъ (Senke Maidan), равно какъ и на всѣхъ другихъ торжищахъ, которыя помѣщаются во многихъ покрытыхъ улицахъ и представляютъ довольно веселый и пріятный видъ, производится весьма значительная

торговля, и всевозможные товары можно тамъ найти и купить весьма дешево. Я купилъ тамъ, на примѣръ, нѣсколько камней бирюзы, которую Персы называютъ Firuse, и которую они находятъ у Нисабура (Nisabur), а иногда и при Фируску (Firusku), и во множествѣ доставляютъ ее сюда на продажу. Бирюза эта была крупнѣе горошинъ, а нѣкоторые камышки величиною съ зерно Турецкаго боба, отличнаго цвѣта, и за штуку я платилъ одинъ абасъ или 8 грошей, и самое большее полталера. Точно также тамъ можно купить очень дешево рубины и гранаты.

По захожденіи солнца, на восточной сторонѣ Майдана, встрѣчаются другіе торгаши, предлагающіе свои товары, а именно: множество Cahbeha или непотребныхъ женщинъ, которыя съ закрытыми лицами длиннымъ рядомъ стоятъ одна за другой и предлагаютъ въ продажу свой постыдный товаръ. Позади каждой изъ этѣхъ женщинъ находится обыкновенно старуха, называемая Делалъ (Delal), съ постельною принадлежностію на спинѣ, то есть, съ подушкой и покрываломъ, подбитымъ ватою, и съ незажженной свѣчей въ рукѣ. Когда являются сюда люди ихъ рода за покупкой, Delal зажигаетъ свѣчу, которой молодецъ-покупатель освѣщаетъ товаръ, осматриваетъ лицо, и какая больше понравится, той и велитъ ити за собою.

На восточной сторонѣ города находится кладбище, подлѣ котораго, въ изящной мечети, погребенъ Шагесаде Госейнъ (Schahesade Hossein), одинъ изъ сыновей Гусейна; такъ какъ этотъ Шагесаде считается однимъ изъ важнѣйшихъ святыхъ, то у могилы его, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ дѣлается это у могилъ другихъ святыхъ, Персы, для дознанія правды, совершаютъ свои клятвы. По этому, если кто сомнѣвается въ дѣйствіи, или рѣчахъ, другого, то немедленно призываетъ его къ сказанной могилѣ и говоритъ: «Schahe Sade Hossein, pile Musef?» Что значитъ: «Можешь ли ты подтвердить это у этой священной могилы и при великомъ Алкоранѣ?»

Кромѣ того, въ городѣ есть еще до 50 мечетей, въ которыя Персы ежедневно сходятся на молитву; изъ нихъ важнѣйшая мечеть Джаме (Tzame), лежащая на югъ, близъ Майдана, въ

которую Персы собираются въ праздничные дни. Сѣсь находится и множество прекрасно устроенныхъ каравансараевъ для иноземныхъ купцовъ, а также много и общественныхъ бань, ежедневно посѣщаемыхъ.

Позади Царскаго Дворца и сада находится еще древняя разрушенная баня, которую Персы называютъ Гамамъ Харабе (Hamam Charabe), и разсказываютъ о ней, какъ за вѣрное, слѣдующее происшествіе. Нѣкогда въ Касвинѣ проживалъ превосходнѣйшій врачъ, по имени Локманъ (Lokhman), родомъ черный Арабъ, котораго Персы не знали какъ и прославить достойно, не только за его врачебное искуство, о которомъ онъ написалъ много книгъ, но и вообще за его отмѣнный разумъ; по этому они внесли его въ свой Külüstahn, какъ говорится объ этомъ въ изданной мною «Долинѣ Розъ,» во 2-й книгѣ Hist. 16-й, на страницѣ 53-й, а также и въ 8-й книгѣ, на страницѣ 172.

Этотъ Локманъ, разсказываютъ Персы, будучи уже въ глубокой старости, лежалъ на своемъ болѣзненномъ одрѣ, и почувствовавъ, что конецъ его близокъ, передалъ сыну своему три стклянки съ драгоцѣнной водой, крѣпко закупоренныя, и объяснилъ ему, что этою водой можетъ быть снова возвращена жизнь въ тѣлѣ умершаго, не подвергшемся еще разложенію, именно, если умершаго опрыскать водою изъ первой стклянки, то онъ снова получитъ душу и станетъ двигаться; изъ другой онъ приподнимется; изъ третьей онъ встанетъ на ноги, пойдетъ ходить и вполнѣ снова получитъ свою жизнь. При этомъ старецъ добавилъ: такъ какъ предпринимать то, что свойственно только Богу, именно, воскрешать умершихъ, есть грѣхъ, то онъ и приказываетъ ему, сыну своему, не часто прибѣгать къ этому искуству, а испытывать это только ради искуства, и, въ случаѣ надобности, для изслѣдованія природы: что можетъ она въ такомъ случаѣ? Сынъ не захотѣлъ испытать это искуство надъ умершимъ старикомъ, отцомъ своимъ, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ ему, что это грѣхъ, и онъ, можетъ быть, искренно желалъ ему вѣчнаго покоя; но сдѣлавшись болѣнъ самъ, онъ приказалъ слугѣ своему продѣлать чудодѣйствіе это надъ нимъ, когда онъ умретъ, опрыскавъ сказанною водою его мертвое тѣло въ теплой банѣ. Когда за

тѣмъ сынъ Локмана умеръ, слуга его, исполняя приказаніе своего господина, положилъ тѣло его въ выше помянутой банѣ (Hamam), и полилъ его выше описаннымъ образомъ изъ двухъ первыхъ стклянокъ водою, отъ чего мертвый сталъ двигаться и приподниматься. Когда же слуга взялся уже за третью стклянку и нѣсколько замѣшкался, то полуживой уже сынъ Локмана закричалъ ему: «Bris, bris!» т. е., «Лей, лей!» Этотъ неожиданный крикъ такъ испугалъ слугу, что онъ выронилъ изъ рукъ стклянку, и она разбилась въ дребезги. Такимъ образомъ Локманъ Саде снова упалъ за мертво, сочтенъ за умершаго и погребенъ. Нѣкоторые говорятъ, что стклянку изъ рукъ слуги вышибъ, будто бы, Ангелъ. Персы утвердительно также разсказываютъ, что крикъ: «Bris, bris!» и теперь еще слышится въ сказанной Hamam Charabe. Такъ какъ событіе это впервые разсказано намъ было уже по выѣздѣ нашемъ изъ Касвина, то я и не имѣлъ возможности удостовѣриться въ дѣйствительности этого крика.

ГЛАВА XXXI.

О Шихъ-Ризѣ, Мирзѣ Полаги и другихъ Индійскихъ Князьяхъ.

Не такъ давно, при Царѣ Абасѣ, въ Касвинѣ появился человѣкъ, по имени Риза (Risa), который выдавалъ себя за новаго Шиха или святаго чудодѣя, началъ было открыто проповѣдывать и вводить новыя ученія въ Вѣрѣ, въ надеждѣ, что ему въ этомъ также, какъ и Шихъ-Сефи, посчастливится и онъ удостоится такой же высокой чести; разыгрывая святаго, онъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ въ простомъ народѣ, который въ Персіи, по природѣ своей, легко податливъ на все новое, до 30,000 приверженцевъ. Когда же Шахъ Абасъ увидѣлъ, что отъ такихъ нововведеній и значительнаго скопища послѣдователей Ризы, ежедневно возраставшаго, легко можетъ произойти что ни будь новое и непріятное въ его собственномъ управленіи, то онъ призвалъ къ себѣ Шиха-Ризу и потребовалъ отъ него, чтобы онъ, въ подтвер-

жденіе своего ученія, сдѣлалъ какое ни будь чудо. Не могши представить такого удостовѣренія, Шихъ-Риза былъ изрубленъ мечами, какъ возмутитель.

О причинахъ пребыванія въ Касвинѣ помянутаго выше Индійскаго Князя, въ нашу бытность тамъ, говорили разно. Вѣрное же свѣдѣніе объ этомъ слѣдующее: Великій Моголъ (Mogul) или Индійскій Царь, умершій во времена Шаха Абаса, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: старшій изъ нихъ, наслѣдовавъ въ управленіи отцу, воспитывалъ младшаго, этого Мирзу Полаги (Polagi), но вскорѣ умеръ, и управленіе Царствомъ принялъ братъ бывшаго Царя, по имени Хорамъ (Choram), который и теперь еще Царемъ въ Индостанѣ. Но такъ какъ Хорамъ былъ жестокъ съ Индійцами, а возросшій между тѣмъ Мирза Полаги былъ со всѣми кротокъ и ласковъ, то поддашные порѣшили было низвергнуть Хорама и возвести на Царство Мирзу Полаги, какъ истиннаго наслѣдника Царскаго престола. Провѣдавши объ этомъ, Хорамъ сталъ зимышлять, какъ бы отдѣлаться отъ племянника, въ слѣдствіе чего Мирза Полаги бѣжалъ въ Персію, подъ покровительство Шаха Абаса, которымъ былъ принятъ радушно, а послѣ Абаса, уже въ наше время, также радушно принятъ и содержался Шахомъ Сефи. Такъ, намъ разсказывали, что на ежегодное содержаніе ему выдается отъ Шаха Сефи по 12,000 рейхсталеровъ. Кромѣ того, въ Испагани онъ имѣлъ и свое мѣстопребываніе при Царскомъ дворѣ; но такъ какъ въ то время въ Испагань присланъ былъ Индійскій Посланникъ отъ Хорама, между прочимъ и по дѣлу Мирзы Полаги, и Посланникъ этотъ проживалъ въ Испагани уже 3-й годъ, то Полаги и долженъ былъ на это время удалиться въ Касвинъ.

Персіяне принимаютъ такимъ образомъ и содержатъ такъ богато гонимыхъ Индійскихъ Князей Царской крови не только ради сосѣдства и значительной торговли, которую они ведутъ съ Индійцами, но и по причинѣ границъ Кандагара, за которыя они постоянно спорятъ съ Индійцами, точно также, какъ съ Турками спорятъ за Вавилонъ и Эрванъ. Подобные примѣры бывали во времена Шаха Измаила и Шаха Тамаса. Въ царствованіе Шаха Тамаса былъ именно слѣдующій случай: изъ двухъ Царственныхъ

братьевъ, называвшихся Селимъ и Джелалединъ Экберъ (Tzelaledin Ekber), старшій Селимъ, который правилъ Царствомъ, умеръ, оставивъ по себѣ молодаго сына, Гюмаюна (Hümajün); Джелалединъ силою присвоилъ себѣ скипетръ и корону и сталъ замышлять какъ бы извести племянника. Гюмаюнъ бѣжалъ къ Шаху Тамасу и просилъ его о защитѣ. Узнавъ объ этомъ, Джелалединъ Экберъ послалъ къ Шаху Тамасу Посла съ требованіемъ, чтобы Тамасъ добровольно выдалъ ему племянника, иначе онъ добудетъ его воинскою силой. Тогда Шахъ Тамасъ приказалъ на то время, когда принималъ Индійскаго Посла, посадить Гюмаюна въ корзину и повѣсить на дерево; послѣ чего Тамасъ какъ бы съ сожалѣніемъ сказалъ Послу: «Hümajün nist der chakimen,» т. е., «Гюмаюна нѣтъ на моей землѣ,» и съ этѣмъ отвѣтомъ отпустилъ Посла домой. Спустя немногое время послѣ того Тамасъ заключилъ миръ съ Турками и послалъ съ Гюмаюномъ войско, подъ начальствомъ Мегеди-Кули Султана (Mehedi culi), противъ Джелаледина. Застигнутый въ расплохъ нежданной войной, Джелалединъ былъ низвергнутъ и убитъ, а Гюмаюнъ посаженъ на Царство. Въ благодарность за услугу, Мегеди-Кули Султанъ оставленъ былъ, съ изволенія Персидскаго Царя, въ Индіи, и ему подарены тамъ огромныя помѣстья и богатства въ области Кюлькенде (Külkende), гдѣ потомки его живутъ и понынѣ въ большомъ богатствѣ и довольствѣ.

Однажды Посланники наши отправили нѣкоторыхъ изъ насъ привѣтствовать и навѣстить Мирзу Полаги. Посланные нашли его въ саду, у водомета, обложеннаго дорогими коврами, сидящаго на красной бархатной подушкѣ и окруженнаго множествомъ слугъ. Привѣтствіе нашихъ Посланниковъ такъ было пріятно ему, что, вмѣстѣ съ дружеской благодарностью, онъ цѣлый день щедро угощалъ посѣтившихъ его плодами и виномъ. Онъ безпрестанно просилъ насъ наслаждаться угощеніями Царя, такъ какъ мы были не его гости, но гости Персидскаго Царя, по милости котораго онъ только и живетъ. Посланники наши сами посѣтили бы Мирзу, если бъ не встрѣтили препятствія въ томъ со стороны Персовъ, которые говорили, что у нихъ не въ обычаѣ, чтобы чужестранные Послы, посланные къ Шаху ихъ, посѣщали чуждыхъ господъ прежде, чѣмъ они будутъ у его, Шаха, руки.

ГЛАВА XXXII.

О нѣкоторыхъ зрѣлищахъ въ Касвинѣ.

Даруга (Daruga), желая доставить Посланникамъ возможность провести съ пріятностію время, заказалъ, 2-го Іюля, зрѣлище; прибывъ съ нѣсколькими лошадьми, пригласилъ и повезъ насъ на большой Майданъ, гдѣ въ открытой палаткѣ устроены были для Посланниковъ мѣста на возвышеніи. Чтобы прибить пыль, часть Майдана полита была водою и разставленъ народъ широкимъ кругомъ. Мы полагали, что увидимъ что ни будь особенное, какое ни есть большое представленіе. Но, вмѣсто того, сначала явилось нѣсколько фигляровъ, которые обыкновеннымъ образомъ, какъ и въ Германіи, заняли зрителей прыжками; за тѣмъ пришли фокусники, и продѣлали нѣсколько своихъ штукъ, а за ними вышли три пары борцовъ (скакуновъ), совсѣмъ голыхъ и, только для прикрытія срамнаго тѣла, имѣвшихъ короткія, наваченныя и масломъ намазанныя кожаныя штаны. Эти послѣдніе упражнялись въ ловкой борьбѣ и поединкахъ между собою.

Послѣ того выпущены были два огромныхъ, сильныхъ барана, съ большими закрученными рогами: они яростно бросались другъ на друга и бились. За тѣмъ принесли двухъ большихъ пестрыхъ какихъ-то птицъ, величиною больше попугая, каждую въ особой клѣткѣ. Ихъ также выпустили на бой, и онѣ крѣпко бились, не уступая въ ярости другъ другу. Наконецъ, съ бубнами, великимъ крикомъ и гамомъ, привели на площадку 8 огромныхъ волковъ: на длинныхъ веревкахъ ихъ выпускали одного за другимъ въ стоявшій кругомъ народъ, и снова притягивали веревкой же назадъ. При этомъ одинъ молодецъ, одѣтый нарочно для этого случая, съ защищеннымъ въ особенности лицомъ, которое укутано было у него толсто наваченною и набитою подушкой, выбѣжалъ волку на встрѣчу, и въ то время, когда звѣрь бросился ему въ лицо, онъ обхватилъ его обѣими руками и утащилъ прочь съ площадки. Кромѣ того, назначено было привести на зрѣлище и слона, принадлежавшаго Мирзѣ Полаги; но такъ какъ онъ пасся еще на лугу, а мы далѣе на жару сидѣть были не въ

силахъ, то не дождавшись его, поѣхали къ себѣ обратно въ жилища. Этого слона мы видѣли, впрочемъ, на дворѣ Индостанскаго Князя; это было огромнѣйшее и непомѣрное животное, какого не встрѣчали мы и въ Испагани, гдѣ видѣли ихъ множество; вышиною онъ былъ болѣе длины двухъ человѣкъ, ноги толщиною въ человѣка, уши висѣли въ локоть длиною. Онъ былъ пріученъ къ разнаго рода штукамъ, охотно подчинялся управленію мальчика, сидѣвшаго у него на шеѣ и управлявшаго имъ посредствомъ остроконечнаго молоточка, которымъ мальчикъ слегка дотрогивался до лба животнаго (въ это мѣсто стараются попадать, когда и убиваютъ слоновъ): ложился и снова вставалъ. Слонъ этотъ опровергалъ по этому тѣхъ, которые пишутъ, что если животное это ляжетъ на землю, то уже не встанетъ, и что ловятъ его будьто бы посредствомъ подпиленныхъ на половину деревьевъ, о которыя слонъ облокачивается, когда спитъ: деревья не выдерживаютъ, падаютъ, а за ними и слонъ, котораго яко бы и ловятъ такимъ образомъ. О томъ же, какъ ловятъ слоновъ на большіе Индійскіе орѣхи въ прикрытомъ рвѣ и еще молодыхъ, подробнѣе писать сдѣсь нахожу неумѣстнымъ.

ГЛАВА XXXIII.

О горномъ хребтѣ Ельвендѣ (Elwend) и о Царѣ Сугакѣ (Suhak).

Близъ Касвина на юго-юго-востокъ лежитъ горный хребетъ Ельвендъ (Elwend), отрыскъ горъ Таврскихъ, съ богатѣйшими каменоломнями всякаго рода каменныхъ породъ, преимущественно же бѣлаго мрамора, который развозится и обрабатывается вездѣ по всей странѣ. О томъ, что въ древности случилось на этой горѣ, по сказаніямъ Персовъ, я хочу привести сдѣсь, ради забавы, хотя событіе это чисто баснословное.

Въ древнія времена, пишутъ Персы, жилъ въ Персіи Царь, по имени Сугакъ Маранъ (Suhak Maran), который постоянно и много путешествуя, весьма желалъ изобрѣсти способъ печь на

дорогѣ, во время пути, извѣстныя Юха (Jucha, печенья, употребляемыя за столомъ вмѣсто салфетокъ); но такъ какъ никто изъ его подданныхъ не могъ представить ему такого изобрѣтенія, то явился злой врачъ (дьяволъ), подъ видомъ чужестранца, и устроилъ ему такую печь, которую можно было употреблять на верблюдѣ, во время пути, за что не пожелалъ себѣ ни какого другого вознагражденія, кромѣ того, чтобы Царь дозволилъ ему поцѣловать себя въ плечо. Когда это было ему дозволено, онъ укусилъ Царя въ плечо и исчезъ. Изъ раны отъ этого укушенія тотчасъ выросли двѣ змѣи, которыя постоянно стремились къ ушамъ и къ макушкѣ черепа Царя, и хотя змѣй этѣхъ часто срѣзывали, но на мѣста ихъ тотчасъ же выростали другія. Такъ какъ противъ такого несчастія не находилось ни лѣкарствъ, ни лѣкаря, то явился опять дьяволъ въ видѣ гакима (Hakim) или врача, и предложилъ лѣкарство, которое было злѣе самой болѣзни. Такъ, онъ прикакалъ: поелику уничтожить змѣй совсѣмъ не возможно, и онѣ ни чѣмъ другимъ насыщены быть не могутъ, какъ только человѣческимъ мозгомъ (вотъ и причина, по чему онѣ постоянно стремились къ головѣ), то слѣдуетъ ежедневно убивать двоихъ подданныхъ и мозги ихъ давать въ пищу змѣямъ. Но Дворецкій Царскій, не только тронутый сожалѣніемъ къ пролитію такого множества неповинной крови, но побуждаемый и тѣмъ, что черезъ это и число подданныхъ уменьшится значительно, изыскалъ средство хоть отчасти устранить такое возмутительное избіеніе. Въ продолженіи извѣстнаго времени онъ хотя и приказывалъ доставлять себѣ на убой ежедневно по два человѣка, но убивать изъ нихъ велѣлъ только одного, мозгъ котораго смѣшивалъ съ мозгомъ овцы, и этѣмъ кормилъ змѣй; подъ конецъ же, довольно долгое время онъ кормилъ змѣй и однимъ бараньимъ мозгомъ, а людей, присылаемыхъ на убой, скрывалъ. Въ числѣ прочихъ подданныхъ Сугака былъ одинъ кузнецъ, по имени Хурдекъ (Churdek), такъ какъ у него изъ 76 сыновей взяты были на сказанный убой почти всѣ, кромѣ двухъ, то онъ пришелъ наконецъ въ негодованіе и началъ убѣждать своихъ сотоварищей, что если они далѣе будутъ безмолвствовать противъ такого злодѣйства, по которому всѣхъ ихъ считаютъ за овецъ, назначенныхъ на убой, то скоро изъ нихъ не останется ни кого; а онъ, Хурдекъ, не думаетъ, однако жь, чтобы природа произвела ихъ

всѣхъ на свѣтъ только для одного человѣка. По этому совѣтъ его таковъ: противъ такого управленія нужно дѣйствовать кулаками и всѣми мѣрами стараться отдѣлаться отъ него. Но такъ какъ жить совсѣмъ безъ начальства или главы то же не подобаетъ, то слѣдуетъ снова возвести на Царство стараго ихъ Царя, Кехосровъ-Бенъ-Фридуна (Kehosrow ben Fridun), котораго изгналъ Сугакъ и который и теперь еще скитается на горѣ Ельвендѣ. Предложеніе это одобрено было всѣми, такъ какъ всѣмъ имъ съ кузнецомъ угрожала одна опасность. Хурдекъ сдѣлался такимъ образомъ начальникомъ и предводителемъ (Fendrich), навязалъ свой кузнечный передникъ на длинный пожарный крюкъ, пошелъ впередъ, за нимъ послѣдовали всѣ другіе, захватили змѣинаго Царя, добыли Кехосрова, котораго нашли валяющимся среди дикихъ звѣрей, привели его съ великими радостными кликами и возложили на него вѣнецъ. Царю Сугаку хотя и подарили жизнь, по приказанію Кехосрова, но отвели его на гору Демавендъ (Demawend), которая отраслью идетъ отъ Ельвенда и уходитъ къ Тегерану, и тамъ, въ глубокой безднѣ, повѣсили его за ноги, гдѣ онъ живетъ и понынѣ и издаетъ отъ себя сильный сѣрный запахъ. Если и теперь бросить камнемъ въ эту бездну, то оттуда слышится голосъ: «Tzira miseni mera?» т. е., «За чѣмъ бросаешь ты въ меня?» Что касается до Кехосрова, то своимъ мудрымъ и кроткимъ управленіемъ онъ пріобрѣлъ такое богатство, что положилъ громадныя сокровища въ глубоко высѣченномъ на Гилянскомъ хребтѣ Бакру подвалѣ, и сокровища этѣ, посредствомъ талисмана, какъ называютъ это Персы, или, какъ говорятъ нѣкоторые, посредствомъ извѣстнаго вліянія небесныхъ знаковъ, сокрылъ такимъ образомъ, что ни кто ихъ найти не можетъ. На встрѣчу тѣмъ, которые желаютъ достигнуть до нихъ, тотчасъ поднимается вѣтеръ и паръ, и свѣтильникъ гаснетъ. По этому-то, говорятъ нѣкоторые, хотя сами и не всѣ вѣрятъ этому, въ полдень въ Ардебилѣ всегда поднимается такой сильный вихрь, какъ объ этомъ разсказано было уже выше.

Я полагаю, что это одно изъ тѣхъ миѳологическихъ произведеній древнихъ Персовъ, въ которыхъ они изображали обыкновенно добродѣтель и пороки, бывшія иногда въ ходу при разныхъ Царскихъ и Княжескихъ Дворахъ, гдѣ какой ни будь обманьщикъ, какими ни есть новыми изобрѣтеніями, хитро завладѣваетъ

расположеніемъ Царей, вводитъ ихъ въ опасное дѣло и предлагаетъ за тѣмъ еще болѣе опасное средство выйти изъ него, и все зло обрушается на странѣ и народѣ, на имуществѣ и крови подданныхъ, а наконецъ и на самихъ Государяхъ; такихъ Царей, и по смерти ихъ, извиненіе, что они вовлечены были обманщикомъ, не освобождаетъ отъ дурной славы и недоброй памяти. Подобное значеніе могло имѣть и приведенное выше сказаніе.

ГЛАВА XXXIV.

Путешествіе отъ Касвина, черезъ Сабу, до города Кома.

Изъ Касвина вся поклажа и больные отправились далѣе, 13-го Іюля, вечеромъ, Посланники же выѣхали слѣдомъ за ними тою же ночью. Ѣхали мы по гладкой равнинѣ и къ утру прибыли къ довольно порядочному селенію, лежащему въ 3-хъ миляхъ отъ города, Мембере (Membere), дома котораго всѣ выведены были круглыми сводами и издали походили на печи, въ которыхъ пекутся хлѣбы. Сдѣсь Посланникъ Крузе почувствовалъ себя нездоровымъ, ослабѣлъ до такой степени, что не могъ сидѣть на лошади, и его принуждены были нести на носилкахъ. Подобно ему заболѣлъ и нашъ Пасторъ, и еще нѣсколько человѣкъ, которые частію были помѣщены въ описанныя выше корзины, для перевозки женщинъ, частію же, за недостаткомъ корзинъ, принуждены были продолжать путь на лошади. Добрый Пасторъ нашъ до того страдалъ и обезсилѣлъ, что въ эту ночь, въ которую мы сдѣлали 7 миль, онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ сходить съ лошади, чтобы прилечь головой къ землѣ. Путешествіе было очень тяжелое. Фонъ Мандельсло былъ постоянно крѣпче всѣхъ насъ, никогда не жаловался на слабость, въ слѣдствіе чего онъ былъ и болѣе ревностенъ въ наблюденіяхъ и описаніи путешествія, къ чему имѣлъ особенную страсть. Описаній этѣхъ онъ оставилъ тогда цѣлую толстую книгу, написанную его собственной рукой.

15-го Іюля, къ утру, прибыли мы въ превеселое селеніе Арасенгъ (Araseng), въ которомъ нашли рѣчку съ чистой водой, подобной которой встрѣчали мы немного, и прекрасный садъ, полный гранатовыми и миндальными деревьями. Вечеромъ мы опять пустились въ путь, проѣхали 6 миль сплошной горой, и 16-го утромъ прибыли въ каравансерай, называемый Хоскеру (Choskeru). Каравансерай этотъ довольно обширенъ, весьма хорошо и въ извѣстномъ порядкѣ построенъ изъ 4-хъугольныхъ камней, съ множествомъ покоевъ со сводами и конюшенъ. Въ серединѣ его просторный дворъ и выложенные колодцы. Каменный помостъ въ главномъ зданіи нѣсколько возвышенъ, такъ что взойти на него можно только по нѣсколькимъ ступенькамъ. Намъ разсказывали, что какой-то богатый Ханъ, провинившійся при Шахѣ Абасѣ, чтобы спасти жизнь свою, долженъ былъ построить этотъ каравансерай самымъ найлучшимъ образомъ для путешествующихъ. Въ комнатахъ по стѣнамъ тамъ и сямъ видны разныя надписи, вырѣзанныя на извести (штукатурѣ) путешественниками различныхъ народностей, между прочими на передней сторонѣ зданія слѣдующія имена и надписи: Benedictus Oxenstern. Также: Johan Warder 1600. Apr. 10, при чемъ: «Olim meminisse juvabit.» Позади на стѣнѣ: Janus Docosius 1602. Aug. 11, и при томъ слѣдующій стихъ:

«Noli homines blandos nimium sermone probare,
Fistula dulce canit, volucrem dum decipit auceps.»

Кромѣ того: A. D. 1602. 19 Aug., и опять стихи:

«Fata si miseros juvant, habes salutem,
Fata si vitam negant, habes sepulcrum.»

Изъ этого каравансерая, вечеромъ, за три часа до захожденія солнца, мы снова пустились далѣе, и проѣхали въ ту ночь 9 миль до города Сабы (Saba). [1] Такъ какъ мы достигли города еще до свѣту, то остановились и подождали въ полѣ, пока, по восходѣ солнца, не вышли къ намъ и не приняли насъ городскія

[1] Иначе Сава. О. Б.

власти. Городъ Саба Персы считаютъ лежащимъ подъ 85° долготы, 35° широты; я же нашелъ широту сдѣсь въ 34° 56′. Лежитъ онъ на гладкомъ полѣ, имѣя только въ правой сторонѣ гору Ельвендъ, сдѣсь довольно высокую, и множествомъ различныхъ башенъ и острокопечныхъ зданій представляетъ довольно красивый и веселый видъ.

Самый городъ, впрочемъ, вовсе не великъ и хотя обнесенъ кругомъ изъ глины слѣпленной стѣной, но дома въ немъ весьма ветхи. Самое лучшее при этомъ городѣ составляютъ сады, изобилующіе превкусными и прекрупными гранатами и миндалемъ. За городомъ и у подошвы горы воздѣлывается множество хлопчатника и риса, который составляетъ главную пищу жителей.

Подъ одною паралелью съ этѣмъ городомъ на востокъ, на разстояніи отъ него полутора дня пути, лежитъ разрушенный городъ Рей (Rhei), гдѣ почва земли совершенно красная и безплодная. Причина тому, говорятъ Персы, была слѣдующая: во время часто уже упоминавшагося великаго святаго Гусейна, жилъ одинъ славный военачальникъ, по имени Омаръ-Саадъ (Omarsaad), бывшій прежде преданнымъ другомъ Гусейна. Когда же Іезидъ-Песеръ (Iesid Peser) пошелъ войной на Гусейна, то изъ всѣхъ витязей въ Меднѣ не нашлось ни кого, кто бы рѣшился пойти противъ Гусейна, принадлежавшаго къ роду Магомета и мужа высокой святости, кромѣ сказаннаго Омара, которому, въ награду за то, обѣщаны и отписаны въ наслѣдственную собственность городъ и область Рей, обладаніе которыми давно уже составляло предметъ его желаній. Такъ какъ въ этой войнѣ Гусейнъ былъ разбитъ и убитъ именно отрядомъ, начальникомъ котораго былъ Омаръ, то, въ наказаніе ему, эта страна его сдѣлалась кровавокрасною и безплодною. Явленіе это и нынѣ обозначаетъ неповинно пролитую кровь Гусейна.

Въ городѣ Сабѣ мы простояли только въ теченіи дня, а вечеромъ снова отправились въ путь, и 18-го числа, рано утромъ, прибыли въ каравансерай, называемый Шахъ-Ферабатъ (Chah Ferabath) и отстоящій въ шести миляхъ отъ Сабы. Стояла постоянно страшная жара, отъ которой мы ни какъ не могли из-

бавиться, не смотря на то, что раздѣвались до рубашки. Земля, состоявшая изъ голаго песку и пыли, была такъ горяча, что нельзя было пройти по ней босикомъ и шести шаговъ, не обжегши ногъ. Нѣкоторые изъ насъ раскинули палатки въ открытомъ полѣ, въ надеждѣ, что въ нихъ будетъ хоть нѣсколько прохладнѣе отъ продувающаго сквознаго вѣтра; но когда солнце взошло на полдень, то вѣтеръ сдѣлался такой горячій, что выходилъ точно изъ огненной печи, и мы принуждены были спасаться отъ него изъ палатокъ въ каравансерай, въ разные покои, гдѣ жаръ оказался нѣсколько сноснѣе. Оба Посланника въ этотъ день были больны, попеременно то одинъ, то другой изъ нихъ былъ слабѣе; и такъ какъ у насъ были только одни носилки, сдѣлать же другія на дорогѣ не было ни лѣсу, ни времени, то одинъ изъ Посланниковъ, который оказывался покрѣпче, по неволѣ долженъ былъ ѣхать верхомъ.

ГЛАВА XXXV.

Въѣздъ въ Комъ; путь отъ этого города до Кашана (Kaschan).

19-го Іюля мы проѣхали пять миль далѣе до города Кома (Kohm). [1] На встрѣчу намъ, для принятія насъ, выѣхалъ, живущій въ этомъ городѣ, Даруга, съ 50-ю лошадьми. Сдѣсь также встрѣтили насъ нѣсколько плясуновъ и одинъ на высокихъ ходуляхъ, прыгавшій передъ Посланникомъ Бругманомъ, который на этотъ разъ ѣхалъ только одинъ; плясуны эти выдѣлывали свои штуки вплоть до нашего помѣщенія. На Майданѣ, тамъ и сямъ на галереяхъ, стояло множество барабанщиковъ, флейтщиковъ и дудочниковъ, весело игравшихъ, когда мы проѣзжали мимо нихъ. Чтобы не было пыли, горожане всѣ улицы полили водою; ибо сдѣсь также, какъ въ Касвинѣ и въ другихъ слѣдующихъ городахъ, нѣтъ ни одной улицы мощеной.

---

[1] Или Кумъ. О. Б.

Мѣсто это Персы полагаютъ подъ 85° 40′ долготы и подъ 34° 45′ широты. Я же, въ полдень 20-го Іюля, по точному наблюденію, нашелъ солнце возвышеннымъ надъ небосклономъ на 74° 18′. Склоненіе же, считая по тому же полудennику, было: 18° 35′; слѣдовательно, высота полюса должна быть здѣсь въ 34° и 17′.

Комъ есть древнѣйшій городъ, извѣстный у Птоломея подъ именемъ Гуріана (Guriana), и въ древности былъ онъ очень великъ и обширенъ, какъ это можно видѣть и теперь еще по нѣсколькимъ развалившимся городскимъ и домовымъ стѣнамъ. Лежитъ онъ также на ровномъ мѣстѣ, справа имѣетъ хребетъ Ельвендъ, который видѣнъ здѣсь съ своими обрывистыми, бѣлыми песчаными, вершинами. Изъ этого хребта выходятъ двѣ рѣки, которыя, соединившись въ одну, протекаютъ черезъ городъ. За 3 года передъ симъ, весною, рѣка эта, отъ растаявшаго на горѣ снѣга, обратилась въ такой громадный потокъ, что размыла и снесла болѣе 1000 домовъ.

Внутри и внѣ города находится множество садовъ, со всякаго рода прекрасными плодами, между которыми есть особый родъ дынь, величиной съ померанецъ, и такія же круглыя, съ красивыми крапинами различныхъ цвѣтовъ; хотя онѣ издаютъ пріятный запахъ, по которому и называются Schammame и ихъ носятъ въ рукахъ, ради этого запаха, но вкусомъ онѣ не такъ хороши, какъ другія тамошнія же дыни, сладкія, какъ сахаръ. Подобныя маленькія дыни мы видѣли и въ Ардебилѣ, куда привозятся онѣ изъ селенія Алару (Alaru), въ которомъ собственно и растутъ онѣ. Объ этомъ родѣ дынь, а также и о названіи ихъ, упоминаетъ и Г. Яковъ Голій (Golius), въ своемъ Арабскомъ лексиконѣ, на 1309 страницѣ, заимствуя, впрочемъ, это извѣстіе у Gieuharis или по Нѣмецки Tzeuheri, и Камуса (Camus) M. S. S.

Здѣсь попадается еще чуждый и довольно странный родъ огурцовъ, длиной въ три четверти локтя, кривые и толстые въ руку человѣка, по чему они и называются Schunchiar, т. е., кривыми огурцами; огурцы эти, какъ и другіе виды огурцовъ, заготовляютъ здѣсь въ прокъ въ уксусѣ, а не солятъ, какъ у насъ; сырые же ѣдятъ съ солью, но они имѣютъ вовсе непріят-

ный вкусъ. Кромѣ того, около города находится множество полей, на которыхъ туземцы воздѣлываютъ всякаго рода хлѣбныя растенія и хлопчатую бумагу. Изъ промышленниковъ сдѣсь важнѣйшіе сабельные мастера и гончары. Туземцы считаютъ, что сдѣсь дѣлаются лучшіе клинки, которые продаются отъ 4-хъ и до 20 рейхсталеровъ за клинокъ. Лучшая сталь въ цѣлой странѣ считается та, которую они получаютъ изъ города Ниріса (Niris), лежащаго въ 4-хъ дняхъ пути отъ Испагани, позади Ешта (Jescht); ибо тамъ, въ горѣ Демавендѣ (Demawend), находится весьма богатое мѣсторожденіе стали и желѣза. Горшечники же (гончары) обжигаютъ сдѣсь всякаго рода посуду, въ особенности каменныя кружки для воды, которыя развозятся кругомъ по всѣмъ городамъ. Кружки этѣ замѣчательны, будто бы, тѣмъ, что если вода, хотя бы въ жаркое лѣто, постоитъ въ нихъ нѣсколько времени, то дѣлается весьма свѣжею и даже холодною.

Но ни въ какомъ другомъ городѣ не встрѣчали мы такого воровскаго народа, какъ сдѣсь; ибо у насъ не только тотчасъ же во время нашего прибытія украли съ лошадей пистолеты, но потомъ и въ жилѣ изъ подъ рукъ утащили нѣсколько вещей.

Сдѣсь начали многіе изъ нашихъ прислужниковъ заболѣвать кровавымъ поносомъ, можетъ боль, въ слѣдствіе неумѣреннаго употребленія сладкихъ дынь и другихъ плодовъ, послѣ которыхъ они пили воду, и отъ этой болѣзни одинъ изъ нашихъ моряковъ, Матѳій Мансонъ (Matthias Manson), парусный мастеръ, умеръ тутъ и похороненъ на дорогѣ.

21-го Іюля, вечеромъ, мы опять пустились въ дорогу, проѣхали въ эту ночь далѣе пять миль, и въ слѣдующій день отдыхали въ большомъ селеніи Космабатъ (Kosmabath), дома котораго большею частію соединены между собою арками, въ верху же заканчиваются круглыми сводами.

23-го числа проѣхали мы далѣе 7 миль, до краснваго селенія Сенсенъ (Sensen), [2] гдѣ получили хорошія помѣщенія и роскошное продовольствіе, доставленное туда изъ города Кашана.

---

[2] Иначе Сенсинъ. О. Б.

Вечеромъ, когда мы хотѣли уже ѣхать далѣе, у насъ умеръ одинъ изъ Персидскихъ нашихъ толмачей, Григорій (Gregori), который, напившись передъ городомъ Сабой пьянъ, упалъ съ лошади и разшибъ себѣ грудь. Хотя родомъ онъ былъ Русскій, но перешелъ въ Магометанскую Вѣру, по чему мы оставили тѣло его и поручили Магометанамъ похоронить его.

Въ ту же ночь умеръ у насъ, также въ дорогѣ, отъ кроваваго поносу, Русскій слуга Иванъ, Ивановъ сынъ (Ivan Ivanof sin), вмѣстѣ съ другимъ Русскимъ прислужникомъ, умершимъ отъ той же болѣзни черезъ 3 дня послѣ него, въ Кашанѣ; онъ былъ похороненъ въ этомъ городѣ, въ который прибыли мы утромъ слѣдующаго дня, т. е., 24 Іюля.

ГЛАВА XXXVI.

Въѣздъ въ Кашанъ, особенности этого города и что въ немъ есть замѣчательнаго. Также дальнѣйшее путешествіе до столичнаго города Испагани.

Когда въ помянутый сейчасъ день мы приблизились къ городу Кашану (Kaschan), и было еще очень рано, то мы должны были прождать, въ четверти мили передъ городомъ, слишкомъ два часа, пока Даруга не выѣхалъ къ намъ для принятія насъ. Онъ явился въ сопровожденіи 50-ти всадниковъ и, по его приказанію, для насъ приведено было множество прекрасныхъ лошадей, которыя всѣ покрыты рысьими шкурами. Когда мы были приняты такимъ образомъ, заиграли барабаньщики и дудочники, которые ѣхали впереди. У самаго города, на встрѣчу намъ вывели на показъ два черные почетные Индійскіе быка, увѣшанные колокольчиками и убранные множествомъ пучковъ изъ перьевъ. Въ городѣ привели насъ и размѣстили въ отлично построенныхъ домахъ, и весьма хорошо убранныхъ покояхъ. Сдѣшняго Даруга Шахъ Сефи, бывши еще ребенкомъ и когда принужденъ былъ укрываться у дѣда своего, Шаха Абаса, имѣлъ при себѣ въ качествѣ прислуживающаго мальчика, и, за недо-

статкомъ денегъ, продалъ его за 15 туменовъ или 350 марокъ. Когда же Шахъ Сефи сдѣлался Царемъ, то онъ снова выкупилъ этого мальчика, возвелъ его въ званіе Султана и посадилъ на должность Даруги въ Кашанѣ.

Персы считаютъ Кашанъ подъ 35° долготы, разстояніемъ же отъ равноденственника 34°; я же троекратными наблюденіями нашелъ послѣднее въ 33° и 51′, слѣдовательно, только 9-ю минутами менѣе.

Городъ построенъ въ длину и съ востока на западъ простирается на полумилю съ лишнимъ; окруженъ глиняной стѣной и круглыми башнями, а внѣ стѣнъ вездѣ вокругъ поле ровное и хорошія пажити. Въ правой сторонѣ вдали виднѣется гора Тавръ или, какъ ее сдѣсь называютъ, Ельвендъ. По сю сторону города, передъ воротами, устроено большое и широкое ристалище, уставленное пилястрами (колышками), а посреди шестъ съ птицей на верху, для стрѣльбы въ цѣль. На лѣво отъ этого ристалища раскинутъ прекрасный Царскій садъ, съ двумя изящными бесѣдками, изъ которыхъ одна на дорогѣ, идущей къ городу, а другая среди самаго сада, какъ представлена она сдѣсь на особомъ изображеніи. [1] Въ этой послѣдней считаютъ до 1000 дверей, полагая въ числѣ ихъ и всѣ окна, которыми можно выходить на открытыя галереи и увеселительные ходы, при чемъ, такъ какъ стѣны въ этой бесѣдкѣ толщиной болѣе локтя, то каждая дверь, продѣланная въ нихъ на обѣ ихъ стороны, считается за двѣ двери. Въ этомъ саду Шахъ охотно останавливается отдыхать, когда бываетъ въ этѣхъ мѣстахъ.

Кашанъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ и важнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ Персіи, и по тому въ немъ, кромѣ множества прекрасныхъ большихъ домовъ, находится и много великолѣпныхъ каравансераевъ съ богатѣйшимъ торжищемъ и Майданомъ, который такъ хорошо обстроенъ громадными сводами внизу и вверху, съ разными галереями и покоями, что подобнаго мы ни-

[1] Въ подлинникѣ стр. 494. О. Б.

гдѣ не видали. Кромѣ Персовъ, въ немъ помѣщаются купцы всѣхъ народовъ, особенно же много Индійцевъ, и всѣ они въ особыхъ мѣстахъ ведутъ сдѣсь свою торговлю. Сдѣсь же находятся и разнаго рода ремесленники, но преимущественно золотыхъ дѣлъ мастера и ткачи шелковыхъ матерій, которые тутъ во множествѣ работаютъ въ открытыхъ помѣщеніяхъ, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть. Плоды земледѣлія, винодѣлія, садовыя и вообще всѣ произведенія, служащія не только для удовлетворенія потребностей, но и для услажденія жизни человѣка, находятся сдѣсь въ изобиліи; по этому я нашелъ справедливымъ, что въ этомъ отношеніи Англичанинъ Картрайтъ пишетъ объ этомъ городѣ, за исключеніемъ того, что теперь тамъ нѣтъ ни какихъ освѣжающихъ водометовъ; напротивъ, жители принуждены добывать тамъ воду, глубоко роясь въ землѣ, и вода вообще въ наше время была довольно гнилая. Часть воды, впрочемъ, доставляется и проведена въ городъ изъ другихъ мѣстъ, посредствомъ водопроводовъ. Я нашелъ также, что теперь тамъ во всемъ не такой добрый полицейскій порядокъ, какъ выставляетъ его этотъ Англійскій писатель, въ которомъ, будто бы, болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, обращается вниманіе на молодежь, чтобы она съ измала пріучалась къ труду, и чтобы отнюдь не было ни какихъ праздныхъ, бездѣльныхъ людей. Хотя нужда и учитъ Персовъ, имѣющихъ, по причинѣ многоженства ихъ, множество дѣтей, обращать на нихъ побольше вниманія, но они все таки являются въ этомъ отношеніи тѣмъ, что Аристотель сказалъ о человѣкѣ вообще, именно, что они суть главнымъ образомъ общественныя (стадныя) животныя, которыя охотнѣе будутъ шататься въ обществѣ на Майданѣ (площади), или въ лавчонкѣ, чѣмъ сидѣть въ мастерской, за тяжелой и невеселой работой, на которую они употребляютъ рабовъ, тѣмъ болѣе, что простой народъ не привыкъ къ дорогому, но къ простому, корму, и содержать его не трудно. По этому въ средѣ свободныхъ людей сдѣсь также множество праздношатающихся и нищихъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, какъ сознаются въ томъ сами Персіяне. За тѣмъ, совершенно справедливо то, что Картрайтъ пишетъ о скорпіонахъ, и во всей Персіи нѣтъ города, который бы страдалъ такъ, какъ городъ Кашанъ, отъ разныхъ гадовъ, въ особенности же отъ скорпіоновъ. По этому, жители Кашана, если хотятъ пожелать кому что ни будь недоброе, обык-

новенно говорятъ: «Akrab Kasckan de bestet senet,» т. е., «Чтобъ тебя (вора) ужалилъ въ руку Кашанскій скорпіонъ!» Въ нашихъ помѣщеніяхъ мы находили нѣсколькихъ скорпіоновъ, какъ уголь черныхъ, длиной и толщиной въ палецъ, и эти были самые ядовитые; одного изъ нихъ я представилъ сохраненнымъ въ маслѣ въ Готторфскую палату рѣдкостей. Скорпіонъ похожъ на рака, только голова у него нѣсколько тупѣе и тѣло гораздо уже; онъ быстро бѣгаетъ и держитъ вверьхъ хвостъ, на которомъ находится загнутое жало. Для обезпеченія себя отъ этого гада Кашанцы кладутъ свои постели не на землю, а на Джарпаи (Tzarpai), т. е., на четвероногіе высокіе станки. Они разсказываютъ, что если чужестранецъ, заѣхавшій въ Кашанъ, произнесетъ нѣсколько разъ: «Men Karibem!» «Я чужестранецъ,» то ни какой скорпіонъ не ужалитъ его. Я полагаю, однако жь, что всякій иностранецъ, кромѣ этѣхъ словъ, изъ опасенія къ гаду, всегда постарается предохранить себя отъ него самымъ лучшимъ образомъ, и по тому-то бываетъ невредимъ. Не слышно, впрочемъ, чтобы много умирало отъ ужаленія скорпіономъ. Средство туземцевъ отъ этого ужаленія заключается въ томъ, что они тотчасъ же привязываютъ къ ранѣ кусочекъ мѣди, для чего обыкновенно служитъ имъ ихъ мѣдная монета, которая называется пулъ (Pul), которую они постоянно и носятъ при себѣ; за тѣмъ прикладываютъ на рану медъ и уксусъ, и такимъ способомъ излѣчиваютъ ее.

Я одинъ изъ всѣхъ при Посольствѣ нашемъ имѣлъ неудовольствіе испытать ужаленіе скорпіона, именно: въ Шемахѣ, на обратномъ пути, въ одну ночь, скорпіонъ ужалилъ меня въ шею, подлѣ глотки; на ужаленномъ мѣстѣ тотчасъ же вздулся пузырь, въ полпалецъ величиной, и я ощущалъ такую жгучую боль, какъ будто у меня лежалъ на шеѣ раскаленный уголь. Нашъ врачъ, спавшій, на мое счастіе, въ одной комнатѣ со мной, сейчасъ же приложилъ мнѣ скорпіоннаго масла, далъ мнѣ Тиряку (Tyriak) и возбудилъ во мнѣ испарину, отъ чего, хотя черезъ три часа сильная боль и прошла, но покалываніе, какъ бы иглой, оставалось еще болѣе двухъ дней. Такое покалываніе ощущалъ я и послѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ осеннее время, именно около Михайлова дня; я не думаю, впрочемъ, чтобъ это происходило отъ того, что въ это время солнце вступаетъ въ знакъ скорпіона.

Такъ какъ излѣченіе отъ ужаленія скорпіона вовсене трудно, то Персы разсказываютъ, что если кто будетъ ужаленъ скорпіономъ и услышитъ при этомъ крикъ осла, которыхъ въ Персіи бездна, то ужаленный не почувствуетъ ни какой боли и страданія. Нѣкоторые изъ нашихъ служащихъ при Посольствѣ обратили это повѣрье въ шутку, говоря, что если кого изъ нихъ ужалитъ скорпіонъ, то, за недостаткомъ Персидскаго осла, пусть одинъ покричитъ другому для облегченія его.

Около города Кашана есть еще другой родъ вредныхъ гадовъ, видомъ похожихъ на пауковъ, и нѣкоторые изъ нихъ величиною бываютъ до двухъ дюймовъ, съ крапинами и полосками, какъ это тожно видѣть на изображеніи ихъ, приложенномъ на рисункѣ, представляющемъ видъ Кашана. [2] Гады этѣ водятся въ каменистыхъ мѣстахъ и гнѣздятся въ низкорослomъ кустарникѣ, который походитъ на полынь, только съ болѣе широкими листьями и сильнымъ запахомъ. Зелье это называется по Персидски Tremne, по Турецки Jauschan, а насѣкомое Enkurek, и это послѣднее есть не что иное, какъ Stellio, которое Итальянцы и Испанцы называютъ Tarantula, тарантулой. Когда эта гадина всползетъ на тѣло человѣка, то выпускаетъ ядъ, въ видѣ капли воды, который причиняетъ сильную боль, всасывается въ поры и тотчасъ устремляется на желудокъ; охватываетъ за тѣмъ голову и проникаетъ во всѣ члены, отъ чего человѣкъ впадаетъ въ глубокій сонъ, изъ котораго довольно долгое время не возможно разбудить сонnаго ни толчками, ни какимъ другимъ способомъ, и за тѣмъ, во все время, пока ядъ остается еще въ человѣкѣ, этотъ послѣдній ни какъ не можетъ воздержаться отъ сна и прійти въ свой естественный разумъ. Лучшее средство противъ этого яда состоитъ въ томъ, что паука убиваютъ и прикладываютъ его къ мѣсту, гдѣ упала капля его яду, тогда ядъ всасывается опять этѣмъ убитымъ паукомъ; но когда гада на лицо нѣтъ, то надъ больнымъ принимаютъ довольно странный способъ лѣченія. Прежде всего его кладутъ навзничь и вливаютъ въ горло ему прѣснаго молока, сколько только можетъ войти, не смо-

[2] Въ подлинникѣ между 492 — 493 стр. О. Б.

тря на то, если часть молока и не останется въ немъ. За тѣмъ укладываютъ его въ неглубокой ящикъ, или корыто, которое въ четырехъ веревкахъ привѣшиваютъ гдѣ ни будь на высотѣ, и начинаютъ поворачивать ящикъ до тѣхъ поръ, пока веревки не скрутятся между собою до нельзя и ящикъ не поднимется на нихъ до самого верху, гдѣ онѣ привѣшаны. За тѣмъ ящикъ пускаютъ свободно, такъ чтобы веревки раскручивались, а съ ними вертѣлся бы и самый ящикъ, спускаясь внизъ; отъ такого вращенія у больнаго дѣлается такое головокруженіе, что онъ извергаетъ изъ себя все, что было у него въ желудкѣ, именно, большіе куски скисшагося молока, которое извергается зеленоватымъ; при этомъ и мочею совершается, съ болью и поврежденіемъ фистулы выдѣленіе какого-то бѣловатаго сгустка. Такой способъ лѣченія хотя и помогаетъ больному, но онъ и послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, по временамъ, ощущаетъ возвращающіяся боли отъ оставшагося въ немъ яда. Удивительно, что овцы тамошнія сами гоняются за этѣми гадами и пожираютъ ихъ съ удовольствіемъ и безо всякаго для нихъ вреда. Такъ какъ гадина эта гнѣздится только въ поляхъ, то особенно страдаютъ отъ нея только тѣ туземцы, которые, по своимъ занятіямъ, должны находиться и спать въ полѣ, но не горожане, которымъ случается испытывать дѣйствіе яда ея только тогда, когда они нечаянно захватятъ насѣкомое, загребая кустарникъ, въ которомъ оно живетъ и который употребляется ими частію для топки, частію для подкладки на домовыхъ крышахъ.

Желающій имѣть болѣе подробное свѣдѣніе объ этомъ вредномъ насѣкомомъ можетъ прочесть въ книгѣ Аѳанасія Кирхера «De Arte magnetica» (Romae, 1641), именно въ третьей книгѣ, восьмой части 2 главу, гдѣ о немъ пишется обстоятельно. Сочинитель говоритъ, что насѣкомое это во множествѣ встрѣчается въ Апуліи, при городѣ Тарентѣ, отъ котораго оно получило и свое названіе, также въ Калабріи, Сициліи и около Рима, въ жаркое лѣто, и своимъ ядомъ въ зараженномъ человѣкѣ производитъ чрезвычайно странныя дѣйствія и явленія. Такъ, одни начинаютъ постоянно бѣгать отъ его дѣйствія, другіе смѣяться, третьи плакать, иные кричать, нѣкоторые спать (это дѣйствіе оказываетъ оно въ Персіи), нѣкоторые же начинаютъ безпрестанно плясать и выдѣлывать дру-

гія удивительныя и фантастическія штуки, не смотря на то, что это важные и разумные люди, о которыхъ, не видѣвшему ихъ лично, но слышавшему только, что съ ними такое дѣлается, разсказъ этотъ покажется невѣроятнымъ. Кирхеръ упоминаетъ также о лѣченіи этого рода отравленія и говоритъ, что самое лучшее средство въ такомъ случаѣ — хорошая музыка, и именно такая музыка, которой звуки сообразны были бы съ состояніемъ отравленія; подъ эти-то звуки зараженные противъ воли начинаютъ плясать, съ такими сильными и продолжительными движеніями, что подъ конецъ совершенно изнемогаютъ и падаютъ, какъ бы въ обморокѣ, или за мертво, и тогда-то, вмѣстѣ съ сильной испариной, извлекается изъ больныхъ и самый ядъ. Но излѣченіе такихъ больныхъ, по причинѣ глубокаго внѣдренія яда во всѣ члены ихъ, совершается обыкновенно не въ одинъ годъ.

Особенно достопамятнымъ событіемъ здѣшніе жители считаютъ происшествіе, бывшее сдѣсь въ времена Аали съ однимъ мельникомъ. Однажды Омаръ-бенъ-Алхитабъ (Omar ben Alchitab), третій наслѣдникъ Магомета, въ Мединѣ, пришелъ на свою мельницу, осмотрѣть ее; бывшій же при этой мельницѣ мельникъ, по имени Шуджа Адинъ (Schutza Adin), уговорилъ его, чтобы онъ, какъ высокосвященный отецъ, простеръ свои блаженныя руки подъ поднятый на то время мельничный камень, ради благословенія его, и за тѣмъ мельникъ тотчасъ же опустилъ камень, прихлопнувъ имъ руки Омара; для того же, чтобы еще болѣе угодить Аалію, который, съ смертію Омара, скорѣе достигалъ наслѣдства, онъ и совсѣмъ убилъ сдѣсь Омара. Арабскій же лѣтописецъ Шурцей Ельмакинъ (Szurzei Elmakin), говоритъ, что Омаръ заколотъ былъ во время молитвы прислужникомъ Абулюлю Мукирзомъ (Abululu Mukirs), за тяжкія подати, наложенныя имъ на подданныхъ. За тѣмъ мельникъ пришелъ къ Аали, бывшему врагомъ Омара, и спросилъ его, какую награду дастъ онъ ему за совершенное имъ убійство? Аали далъ мельнику письмо къ Кашанскому Каси (Kasi) или Судьѣ, и сказалъ при этомъ: «Какъ только ты доставишь это письмо, то Судья отдастъ тебѣ въ жены дочь свою.» Хотя такое предложеніе и очень понравилось мельнику, но не по сердцу ему былъ дальній и опасный путь въ Кашанъ; но

этому Аали далъ ему для проѣзда своего чудеснаго коня, Дюлдюля (Düldül) (о которомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ). Этотъ конь въ одну ночь перенесъ мельника изъ Медины въ Кашанъ, болѣе чѣмъ за 200 миль, и за тѣмъ тотчасъ же исчезъ. Мельникъ сдѣлался зятемъ Каси, какъ и говорилъ Аали, но вскорѣ за тѣмъ умеръ и похороненъ передъ городомъ, противъ горы, гдѣ и теперь еще видно множество песчаныхъ холмовъ. Туземцы говорятъ, что холмы эти нанесены сдѣсь вѣтромъ, по соизволенію Бога, вскорѣ по смерти мельника, для того, чтобы потомки Омара, хотѣвшіе вырыть и сжечь тѣло мельника, не могли найти его. По поводу этого событія, писатели: Молла, Гасанъ и Каши (Molla, Hassan, Kaschi), описывавшіе оное, сложили духовное изреченіе, которое Персы часто произносятъ: «Я служу Царю, котораго Дюльдюль въ одну ночь привезъ мельника изъ Медины въ Кашанъ!»

По причинѣ большаго жара мы должны были еще простоять въ Кашанѣ, хотя большая часть больныхъ нашихъ начали уже выздоравливать и могли садиться на лошадь. 26-го Іюля мы пустились снова въ путь и съ восходомъ мѣсяца, свѣтившаго тогда въ полномъ блескѣ, выѣхали изъ города. Въ эту ночь мы сдѣлали шесть миль до каравансерая Ходжа Касимъ (Chotza Kassim). Такъ какъ каравансерай этотъ былъ нѣсколько тѣсенъ и грязенъ, то мы расположились въ прекрасномъ большомъ саду, находившемся при немъ, и отдыхали тамъ въ тѣни высокихъ кипарисовыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, между которыми, проведенный туда чистый ручей, протекая нѣсколькими уступами и порогами, производилъ пріятный шумъ. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь мы проѣхали далѣе еще шесть миль, по выженной пустынной странѣ, и 28-го числа прибыли къ небольшому, но веселому, городку Натенсъ (Natens) (въ Itiner. Contareni онъ названъ Nethas), гдѣ мы остановились, въ, лежащемъ передъ городомъ, большомъ каравансераѣ. По хорошей въ этой мѣстности водѣ сдѣсь растетъ множество овощей и виноградныхъ садовъ. Противъ города на право поднимаются двѣ довольно высокія островерхія горы, и на болѣе высокой изъ нихъ стоитъ древняя башня, которую приказалъ построить Шахъ Абасъ, въ память одного сокола, одолѣвшаго сдѣсь орла. Однажды этотъ Царь, проѣзжая въ сихъ

мѣстахъ, расположился сдѣсь на отдыхъ, и въ это время, одинъ изъ его соколовъ, завидя лѣтавшаго орла, сорвался и бросился на него. Противники долго бились на воздухѣ и наконецъ соколъ низложилъ подъ себя орла на этой самой горѣ. Такъ какъ всѣ мы были еще довольно слабы, то изъ насъ одинъ только Фонъ Мандельсло всходилъ на эту гору. Я привожу сдѣсь свѣдѣніе о ней изъ его дневника: «Противъ веселаго городка Натенса лежатъ двѣ высокія островерхія скалы. Такъ какъ на болѣе высокой изъ нихъ видна была башня, то я одинъ, съ двумя моими слугами, не безъ опасности вскрабкался на эту гору, въ надеждѣ найти на ней что ни будь замѣчательное. Но я не нашелъ тамъ ни чего, кромѣ простой башни, сложенной изъ обожженнаго камня (кирпича), внизу восьмиугольникомъ, а въ верху круглая, съ голубою изразцовою (поливанною) крышей, вокругъ которой устроенъ ходъ. Зданіе внизу имѣло въ поперечникѣ 8 шаговъ, и по множеству оконъ и дверей было совершенно прозрачно. Кромѣ того, на горѣ было нѣсколько деревъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Ни чему я не подивился такъ, какъ труду, который положенъ былъ на то, чтобы встащить на такую громадную высоту бездну кирпичей; ибо гора кругомъ совершенно отвѣсная. Я употребилъ для всхода на нее цѣлые три часа, и въ другомъ уже мѣстѣ спустился съ нея съ такою же опасностію.» Этѣмъ и ограничиваю я выписку изъ Фонъ Мандельсло.

29-го числа проѣхали мы по горамъ 4 мили далѣе и остановились въ каравансераѣ, называемомъ Домби (Dombi). Сюда явилось къ намъ изъ Испагани нѣсколько Персовъ, посмотрѣть и посѣтить насъ, говоря намъ, что они посланы были будто Государственнымъ Канцлеромъ. Съ ними были и нѣсколько Голландскихъ купцовъ, одѣтыхъ по Персидски, такъ что въ нихъ и нельзя было узнать Голландцевъ. Послѣдняго числа Іюля проѣхали мы еще далѣе 4 мили, до селенія Рукъ (Ruk), гдѣ остановились въ одномъ прекрасномъ большомъ домѣ, принадлежащемъ Каухѣ (Kaucha) или сельскому начальнику. Сдѣсь простояли мы весь день и слѣдующую за тѣмъ ночь.

2-го Августа, рано утромъ, еще при свѣтѣ мѣсяца, мы отъѣхали еще далѣе двѣ мили и остановились въ Царской бесѣдкѣ,

находившейся въ саду. Въ низу черезъ зданіе протекалъ тутъ ручей въ глубокомъ рвѣ, выложенномъ четырехъугольными камнями, и спускаться къ этому ручью нужно было по нѣсколькимъ ступенькамъ. Сдѣсь былъ нашъ послѣдній ночлегъ на пути въ Персію.

ГЛАВА XXXVII

Въѣздъ въ Царскій столичный городъ Испагань; о кровавой схваткѣ, выдержанной нами съ Индійцами, и объ Индійскомъ Посланникѣ.

3-го Августа мы достигли наконецъ, съ Божіей помощью, давно желанной и искомой цѣли нашего путешествія, и вступили въ Царскій стольный городъ Испагань (Ispahan). Для въѣзда намъ выслано было на встрѣчу нѣсколько лошадей. Въ разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ стрѣлой передъ городомъ выѣхалъ къ намъ одинъ знатный Царскій чиновникъ, по имени Исаханъ-Бекъ (Isachan bek), въ сопровожденіи 200 спутниковъ, и ласково принялъ насъ. Съ нимъ прибыли и два брата, большіе Армянскіе вельможи, Сеферасъ-Бекъ (Seferas bek) и Илія-Бекъ (Elias bek), изъ которыхъ старшій былъ Начальникомъ (Commendant) надъ важнѣйшими Армянами. Въ сопровожденіи этѣхъ-то особъ двинулись (мы къ) городу. По страшной повсюду пыли, не дозволявшей видѣть что либо въ шести шагахъ передъ собою, не было ни какой возможности опредѣлить количества всадниковъ и народу, находившагося тамъ. Насъ провели городомъ черезъ множество улицъ, въ которыхъ народъ, кучами лежа на домовыхъ крышахъ, глазѣлъ на насъ, потомъ черезъ Майданъ, мимо Царскихъ палатъ, и размѣстили въ предмѣстьѣ Джульфа (Tzulfa), населенной богатѣйшими Армянскими купцами, Едва успѣли мы разложиться, какъ пришли съ Царскими угощеньями, которыми Царь привѣтствовалъ прибытіе Посланниковъ. Посланные разостлали на полу въ комнатѣ Посланниковъ прекрасную шелковую скатерть, и разставили на ней варенья изъ дыни, лимона, айвы, грушъ и еще нѣсколько неизвѣстныхъ намъ вареній и свѣжихъ

плодовъ, все это въ 31 золотыхъ сосудахъ и блюдахъ. Черезъ нѣсколько часовъ явились другіе посланные, въ другой разъ накрыли столъ, и уставили его кушаньями, подкрашенными разными красками, изъ розварнаго рису, вареной и жареной баранины, куръ, рыбъ, яицъ и множества разныхъ печеній, все это на большихъ тяжеловѣсныхъ золотыхъ блюдахъ, которыхъ было до 50 штукъ, кромѣ другихъ маленькихъ сосудовъ и прочихъ столовыхъ принадлежностей.

Послѣ обѣда Голландскій Повѣренный, по имени Николай Яковъ Оверши (Overschi) (въ послѣдствіи Комендантъ крѣпости на Сейланѣ, Seilan), имѣвшій мѣстопребываніе свое въ Испагани, прислалъ сказать намъ, что онъ желалъ бы прійти поздравить Гг. Посланниковъ съ благополучнымъ прибытіемъ и учинить съ ними выпивку. Хотя Посланники и отговаривались, что заняты раскладкою своихъ вещей и желали бы отложить пріемъ его до слѣдующаго дня, но онъ все таки пришелъ довольно грубымъ образомъ, позволилъ себѣ разныя рѣзкія и наглыя рѣчи и, между прочимъ, сказалъ, что онъ имѣетъ отъ своего Начальника (Principal) приказаніе противодѣйствовать намъ въ дѣлѣ, по которому мы пріѣхали; что онъ желалъ быть другомъ всѣхъ насъ, находящихся въ Посольствѣ, но будетъ врагомъ нашему дѣлу. Говоря все это, онъ и пилъ очень много. Когда онъ и слуга его, достаточно напившіеся, распростились, и передъ пребываніемъ Посланниковъ начали говорить дерзости нашему Маршалу и Гофмейстеру, которые провожали ихъ, то оба эти гостя получили дальнѣйшее угощеніе, каждый по своему достоинству, и были спроважены порядкомъ.

Вскорѣ за тѣмъ между нашимъ народомъ и нѣсколькими Индійцами завязался жестокій споръ, вызвавшій даже кровавую схватку. Дѣло это было такъ: противъ насъ помѣщался помянутый выше Индійскій Посолъ, съ 300 человѣкъ спутниковъ, которые большею частію были Узбеки (Usbeken), гости отчаянные. Одинъ изъ этѣхъ послѣднихъ, стоя противъ жилья нашихъ Посланниковъ, смотрѣлъ изъ любопытства, какъ разбирали и вносили нашу поклажу; а въ это время слуга нашего толмача, по имени Велиханъ (Wellichan), тоже голова смѣлая, видя, что Индіецъ

праздно глазѣетъ, обратился къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ также взялся таскать вещи и помогъ бы имъ. Когда же Индіецъ, будучи самъ какимъ-то важнымъ прислужникомъ у знатнаго своего Посла, отвѣчалъ на такое предложеніе бранью, Велиханъ вспылилъ и ударилъ его палкой по головѣ. Индіецъ тотчасъ же бѣжалъ, пожаловался на обиду его своимъ сотоварищамъ, которые не далеко тутъ же сидѣли подъ деревьями, и этѣ-то товарищи бросились на Велихана, избили его, а камнями, схваченными ими на улицѣ, пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову. Увидавши это и услыхавши, что Велиханъ зоветъ на помощь, нашъ Маршалъ съ слугой своимъ, пятью нашими воинами и нѣсколькими другими прислужниками, выскочили на улицу, бросились на Индійцевъ, которыхъ было человѣкъ 30, разогнали ихъ, нѣкоторыхъ перераниля, а одного убили до смерти. Но при этомъ Индійцы тоже оказывали сначала сопротивленіе саблями, кинжалами и камнями, поранили также нѣкоторыхъ изъ нашихъ, но наконецъ, по недостатку оружія, такъ какъ большинство ихъ было безъ сабель, вышедши на улицу только для прогулки, должны были отступить. Наши отъ этой схватки получили въ добычу одну отличную саблю и кинжалъ, на которомъ привѣшанъ былъ кошелекъ съ деньгами; они съ радостію прибѣжали и показывали завоеванную ими добычу; но эта добыча была причиной большаго несчастія. Индійцы распустили слухъ и объявили, что они отомстятъ намъ за потерпѣнный ими уронъ и поруганіе въ удобное для того время и потребуютъ крови за кровь. Но за тѣмъ все было тихо до 3-го дня.

Наши Посланники, увидѣвши, что, по причинѣ отдаленности помѣщеній, на которыхъ мы размѣщены были тамъ и сямъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ улицахъ, они не могли всегда пользоваться своею прислугой съ такимъ удобствомъ, какъ это имъ было нужно, просили о лучшемъ и болѣе удобномъ помѣщеніи, которое и назначены было намъ уже въ городѣ, въ одномъ обширномъ подворьи. 7-го Августа мы стали перемѣщаться на это новое жило, и часть нашихъ пожитковъ и клади послали впередъ на верблюдахъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ и Маршальскаго нашего слуги. Этотъ слуга нѣсколько поотсталъ отъ клади и ѣхалъ въ слѣдъ за верблюдами въ

нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ; замѣтивши это, нѣсколько Индійцевъ, лежавшихъ подъ стоявшими на пути палатками и стороживших тамъ лошадей своего господина, выскочили на дорогу (которая была сдѣсь въ четверти мили отъ города), съ угрозами напали на сказаннаго слугу, признавши въ немъ одного изъ участниковъ съ нашей стороны въ бывшей недавно схваткѣ, и хотя, по собственному признанію Индійцевъ, онъ храбро защищался отъ нихъ случившимся при немъ пистолетомъ и шпагой, но, пораженный нѣсколькими стрѣлами и ружейными пулями, палъ мертвый на землю. Послѣ этого Индійцы оторвали ему голову, и одинъ изъ нихъ, схвативъ эту голову за волосы, поднялъ ее высоко вверхъ и потрясалъ въ воздухѣ; о чемъ толковали при этомъ побѣдители, понять было не возможно. Трупъ несчастнаго Индійцы привязали къ ногѣ лошади, и вотъ какой конецъ постигъ добраго нашего Петра Вольтера (Peter Wolter: такъ звали слугу), всегда скромнаго и тихаго человѣка, въ слѣдствіе недавняго убіенія Индійца. Трупъ его, безъ сомнѣнія, растерзанъ былъ собаками.

Когда слухъ объ убійствѣ Вольтера дошелъ до насъ, то заставилъ насъ подумать о своей защитѣ, для чего признано за лучшее, поскорѣе созвать весь народъ нашъ и собраться всѣмъ на дворѣ Посланниковъ. Но не успѣло еще это распоряженіе Посланниковъ дойти до всѣхъ насъ, какъ уже вся улица, на которой помѣстились Посланники, была занята и заперта враждебными Индійцами, такъ что ни кто не могъ безъ опасности пройти къ дому, занимаемому Посланниками. Тѣмъ не менѣе, не находя полезнымъ оставаться врозь другъ съ другомъ и пребывать такъ между страхомъ и надеждою, нѣкоторые изъ насъ рѣшились, во что бы то ни стало, достигнуть до дома Посланниковъ, находившагося въ одномъ узкомъ переулкѣ; черезъ этотъ-то переулокъ побѣжали мы, поспѣшно обогнули уголъ и укрылись въ сказанномъ домѣ; но при этомъ нѣкоторые изъ насъ были смертельно ранены, а мимо меня, въ ту минуту, когда я добѣжалъ до двери дома, пролетѣла стрѣла у самаго лица моего и воткнулась въ стѣну; стрѣлу эту я взялъ себѣ на память объ этомъ происшествіи. Стрѣлы этѣхъ Индійцевъ сдѣланы были изъ тонкаго, легкаго Индійскаго тростнику, съ небольшимъ обоюду-

острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; онѣ быстры на лету, легко вонзаются въ тѣло и дѣлаютъ глубокую рану. Описаніе Квинта Курція Индійскихъ стрѣлъ, бывшихъ въ употребленіи во времена Александра Великаго, не имѣетъ сдѣсь мѣста; ибо онъ говоритъ, въ 8-й книгѣ: «Binum cubitorum sagittae sunt (Indorum, scilicet), quas emittunt majore nisu, quam effectu; quippe telum, cujus in levitate vis omnis est, inhabili pondere oneratur.»

Кромѣ этѣхъ легкихъ стрѣлъ, у Индійцевъ были простыя ружья и длинныя Персидскія, изъ которыхъ они бойко и мѣтко стрѣляли маленькими пулями.

Постигнутые такой неожиданной войной, наши Поручики, съ воинами и съ нѣсколькими людьми изъ прислуги нашей, построились къ оборонѣ передъ воротами и открыли по Индійцамъ сильный огонь изъ ружьевъ, а также выставили противъ нихъ и одну каменнометницу. Но Индійцы находились въ болѣе выгодномъ противъ насъ положеніи, укрывшись за стѣны лежавшаго кругомъ сада; въ этѣхъ стѣнахъ они продѣлали себѣ отверстія для стрѣльбы, и стрѣляли черезъ этѣ отверстія въ насъ, подъ защитой стѣнъ, такъ что мы не могли наносить имъ такого вреда, какой они наносили намъ. У нашихъ же людей стѣною была собственная ихъ грудь, и они стояли открытые, хотя могли бы сдѣлать себѣ хорошіе брустверы и защиту изъ бывшихъ передъ домомъ боченковъ, ящиковъ и другой клади, если бъ только Офицеры спохватились и дали на то свое приказаніе; но этого не сдѣлали, и наши падали одинъ за другимъ, и прежде всѣхъ Констабль Клаусъ Клаузенъ, морякъ, который застрѣленъ былъ прямо въ лобъ въ ту самую минуту, когда онъ направлялъ на непріятеля каменнометницу. Сержантъ Morrhoi совершилъ въ этой схваткѣ достохвальный подвигъ. Ревность по упадшемъ товарищѣ своемъ и ненависть къ дерзости врага до такой степени возбудили этого храбраго удальца, что онъ схватилъ ружье одного изъ павшихъ на землю воиновъ, и убилъ нѣсколькихъ Индійцевъ изъ числа тѣхъ, которые стояли открытыми и не могли, по многочисленности своей, помѣститься за стѣной. Но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ еще выстрѣлить въ одного изъ непріятелей, стрѣла пронзила его грудь, и хотя онъ тотчасъ же

вырвалъ ее вонъ изъ раны, отбросилъ отъ себя и все таки послѣ этого сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, но тутъ же и самъ упалъ мертвый съ своимъ ружьемъ.

Армянскіе Христіяне, жившіе напротивъ и видѣвшіе въ окна и съ крышъ такое зрѣлище, изъ состраданія къ намъ, проливали обильныя слезы не менѣе того, какъ люди наши проливали свою кровь. Когда же наконецъ стрѣлы и пули непріятеля будьто градъ полетѣли на нашихъ, и мы увидали, что ни чего не можемъ сдѣлать противъ такой великой силы, то не захотѣли далѣе терять по напрасну народъ, позвали его въ дворъ и заперли двери. Пользуясь этѣмъ, Индійцы бросились на наши пожитки, разграбили ихъ и растащили все, что только нашли. При этомъ разграбленіи я, вмѣстѣ со многими изъ нашихъ, потерпѣлъ такой убытокъ, что у меня рѣшительно не осталось изъ пожитковъ моихъ ни чего, кромѣ только того, что было на мнѣ и со мною.

Но руки враговъ этѣмъ не удовольствовались. Нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ высокій домъ, лежавшій по сосѣдству съ дворомъ Посланниковъ, отрубили хозяину этого дома руку за то, что онъ не хотѣлъ было впустить ихъ, а потомъ и совсѣмъ выбросили его изъ дому, сами же взобрались на крышу, съ которой свободно могли обстрѣливать весь Посольскій дворъ, такъ что ни кто безопасно не могъ и показаться на этомъ дворѣ. Часть нашихъ, слѣдуя выгодному примѣру непріятеля, также взобралась на свою крышу, съ которой и нанесли ему огромнѣйшій вредъ. Оттуда-то Фонъ Мандельсло убилъ изъ пистолета главнѣйшаго вождя Индійцевъ, бывшаго близкимъ другомъ Индійскому Послу. Густою толпой непріятели бросились наконецъ осаждать самый домъ Посланниковъ, начали колотить въ него, и по всему было видно, что Индійцы яростно жаждали крови всѣхъ насъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи Посланники наши не могли найти ни чего лучшаго, какъ послѣдовать совѣту Армянъ, именно: они пробили стѣну въ своей комнатѣ на сосѣдній дворъ, гдѣ этѣ Армяне приставили лѣстницу къ высокой оградѣ, которою было обнесено лежавшее тамъ кладбище ихъ, и на этомъто кладбищѣ, по предложенію Армянъ, Посланники, въ случаѣ

нужды, могли укрыться даже въ ихъ церкви. Такимъ образомъ эти добрые люди помогли и сослужили намъ, какъ только могли, въ нашемъ бѣдственномъ тогда положеніи. (Какимъ вѣроломствомъ и преслѣдованіемъ со стороны Отто Бругмана была отплачена эта услуга ихъ на Арманинѣ Григоріи, по совершеніи Посольства, въ Готторфѣ и Гамбургѣ, о томъ достаточно извѣстно въ этѣхъ городахъ.)

Когда мы перебрались сказаннымъ образомъ черезъ проломленную стѣну, то очутились въ прекраснѣйшемъ, мастерски раскинутомъ, увеселительномъ саду, который, впрочемъ, доставилъ намъ удовольствіе не болѣе того, какое могла доставить золотая башня человѣку, осужденному сейчасъ же на смерть. Въ то время, когда мы стояли въ этомъ саду, пораженные, въ ожиданіи, что пошлетъ намъ судьба еще далѣе, явился на мѣсто брани Царскій Маршалъ, посланный Шахомъ, и водворилъ миръ.

Когда слухъ объ этой схваткѣ и, какъ водится, съ разными измѣненіями и преувеличеніями, достигъ до города, то произвелъ такой ужасъ и потрясеніе въ жителяхъ, которые никогда и не слыхивали у себя о какомъ ни будь возмущеніи, что весь городъ пришелъ въ волненіе. Сначала Шахъ приказалъ было, черезъ своего Маршала, уговорить Индійцевъ успокоиться; но когда ни Индійцы, ни самъ Посолъ ихъ, не послушали Маршала, то Шахъ послалъ его въ другой разъ уже, съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ воиновъ, разогнать Индійцевъ, а за воинами послѣдовала и цѣлая половина города. Увидѣвши такое множество народа, стремившагося словно громадный приливъ, Индійцы тотчасъ же отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и оставили насъ. Въ послѣдствіи намъ разсказывали, что Шахъ, услыхавши о кровавомъ нападеніи на насъ Индійцевъ и о томъ, что Посолъ ихъ своимъ молчаніемъ, какъ бы соблаговолялъ на это нападеніе, въ гнѣвѣ приказалъ было снять и принести ему голову этого Посла; но его уговорилъ будто бы отмѣнить это приказаніе Государственный Канцлеръ, поставивъ ему на видъ именно то обстоятельство, что оба Посольства и Посланники суть только гости Шаха, и наказывать ихъ за ихъ преступленія могутъ только ихъ собственные Государи.

ГЛАВА XXXVIII.

Какъ перебрались мы въ городъ и какъ продовольствовали насъ тамъ.

Когда описанная свалка миновалась и мы могли безопасно выйти за двери, то изъ нашихъ вещей мы не нашли ни чего, кромѣ разбитыхъ кадокъ (или боченковъ) и нѣсколькихъ копченыхъ языковъ, колбасъ и окороковъ, которыя Узбеки, будучи Магометанами, считали нечистыми и повыбросили вонъ. Нѣсколько дней спустя одинъ Персіянинъ принесъ еще и продалъ мнѣ, изъ бывшихъ и похищенныхъ у меня Эфемеридъ Оригана (Ephemeridibus Origani), только одну 3-ю часть.[1] Убытку всего въ вещахъ и пожиткахъ мы потерпѣли отъ разграбленія около 4000 рейхсталеровъ. Хотя Шахъ и пожелалъ узнать стоимость всего у насъ расхищеннаго, съ предложеніемъ доставить намъ вознагражденіе за все, но изъ этого не вышло ни чего по нѣкоторымъ, хорошо извѣстнымъ намъ, причинамъ.

Во время побоища, продолжавшагося около 4-хъ часовъ, изъ нашихъ убито было на мѣстѣ пять человѣкъ и ранено 10, изъ коихъ нѣкоторые тоже послѣ умерли. У Индійцевъ же, по показаніямъ Персовъ, на мѣстѣ пало 24 человѣка, а раненыхъ еще больше. Это было самымъ великимъ несчастіемъ, какое имѣли только мы во все время нашего путешествія. Проѣхавши безъ особаго ущерба по пути черезъ всякія опасности отъ различныхъ враговъ, мы должны были понести найбольшую потерю и въ людяхъ и въ имуществѣ именно въ Царскомъ стольномъ городѣ, въ которомъ считали себя болѣе всего безопасными.

Индійскій Посолъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ этого получилъ свое обратное отправленіе и долженъ былъ выѣхать въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Скажу сдѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ. Этотъ Индійскій Мирза или Князь былъ отъ Царя Индійскаго, называе

---

[1] Origani Ephemerides Brandenburgicae. Francofurti, 1609. О. Б.

маго ими Великій Могулъ (а не Могоръ, какъ пишетъ Ботеръ, Boterus, (въ «Politia Regia. Marpurgi, 1620»), и былъ посланъ сюда тогдашнимъ Могуломъ Хорамшей (Choramscha); держалъ себя этотъ Князь съ великою пышностію и обыкновенно приказывалъ носить себя нѣсколькимъ невольникамъ на Индійскихъ носилкахъ, утвержденныхъ на высокомъ изогнутомъ желѣзномъ шестѣ и устроенныхъ такъ, что въ нихъ скорѣе можно лежать, чѣмъ сидѣть. Такъ какъ Персы легко могли догадаться о просьбѣ, съ которой онъ прибылъ, то онъ долженъ былъ прожить здѣсь цѣлыхъ 3 года, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ представленію, но во все это время, впрочемъ, его содержали превосходно. Не задолго еще до нашего прибытія Персидскій Шахъ прислалъ ему 3000 туменовъ на содержаніе, такъ какъ Посолъ покупалъ продовольствіе на свои деньги.

При представленіи своемъ Посолъ этотъ цѣлые 3 дня одинъ за другимъ доставлялъ все Шаху подарки: въ первый день отъ своего Могула, во 2-й отъ сына его, молодаго Князя, и въ 3-й уже отъ себя самаго. Всѣ эти подарки стоимостію считались болѣе бочки (Tonne) золота. Просьба же или ходатайство его заключалось въ слѣдующемъ: онъ желалъ, чтобы ему выданъ былъ Персидскимъ Шахомъ двоюродный братъ Могула, Мирза Полаги. Шахъ далъ на эту просьбу такое рѣшеніе: «О томъ, чтобъ выдать Мирзу Полаги, онъ, Шахъ, много размышлялъ, и пришелъ къ такому заключенію, что сдѣлать это значитъ поступить вовсе не по дружески, тогда какъ Полаги прибылъ какъ другъ въ страну, которая свободно открыта каждому другу, и до сихъ поръ онъ велъ себя въ этой странѣ не иначе, какъ добрый другъ и гость; по чему онъ, Шахъ, полагаетъ, что инымъ образомъ съ Полаги не прилично и поступать, какъ предоставивъ ему пользоваться правомъ дружбы и гостепріимства; по этому-то и дозволяется ему, Полаги, по его желанію, оставаться у него, Шаха.» Съ такимъ рѣшеніемъ и поѣхалъ Посолъ обратно домой.

Посолъ этотъ накупилъ было отличныхъ Персидскихъ лошадей (ибо въ Индіи водятся только малыя и невзрачныя лошади), и выслалъ ихъ по частямъ впередъ. Персіяне же втайнѣ очень недовольны были тѣмъ, что изъ ихъ земли уводятся такія

прекрасныя лошади, и по тому Правителю Герата (гдѣ былъ главный проходъ въ Индію), по имени Гасанъ-Хану, дано было, подъ рукой, приказаніе, чтобы онъ отнюдь не выпускалъ за границу ни одной изъ купленныхъ лошадей, что и было исполнено. Когда же Посолъ, встрѣтивъ препятствіе въ пропускѣ лошадей, ссылался на права Посольства и на соизволеніе Шаха, отъ котораго не было ему запрещенія въ покупкѣ лошадей, и угрожалъ Хану Царской немилостью, то Ханъ отвѣчалъ: «Покупка эта не имѣетъ ни чего общаго съ посольствомъ; что Шахъ соизволялъ на нее, то было его дѣло; теперь же онъ, Ханъ, сдѣсь, въ Гератѣ, самъ Шахъ, и долженъ оберегать эту страну, какъ свою собственность, подъ опасеніемъ лишенія жизни его и всѣхъ его родичей; по этому онъ и не можетъ дозволить, чтобы такое воинское средство, какъ лошади, которыя могутъ быть употреблены непріятелемъ противъ его Отечества, были выведены изъ этого Отечества. По всему этому онъ отваживается на немилость Шаха, но не пропуститъ ни одной лошади, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Послу Шахомъ.» Такимъ образомъ Посолъ принужденъ былъ отослать назадъ купленныхъ имъ лошадей, и распродать ихъ.

Сами по себѣ Индійцы отъ природы ласковые, дружелюбные люди, и съ ними пріятно находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ; но если ихъ разсердить и начать съ ними ссору, то они до того распаляются, что гнѣвъ ихъ ни чѣмъ инымъ утушить не возможно, какъ кровью, какъ это мы не только слышали отъ другихъ, но дознали и на себѣ нашимъ примѣромъ и потерями.

Когда мы на другой день, послѣ бывшей съ ними схватки, именно 8-го Августа, перебрались въ новое помѣщеніе, то всѣмъ Индійцамъ, какъ купцамъ, которыхъ въ Испагани находилось тогда 12,000, такъ и прислугѣ Посла, было строго наказано, подъ опасеніемъ потери головы, чтобы ни кто изъ нихъ, во время нашего переѣзда, не былъ на улицахъ. Такимъ образомъ мы переѣхали въ городъ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда.

Посольскій дворъ былъ чрезвычайно обширенъ и, кромѣ 4 отдѣльныхъ въ немъ дворовъ, имѣлъ множество покоевъ и ком-

натокъ, въ которыхъ мы могли размѣстить всю нашу прислугу. Черезъ два его двора, нѣсколько бесѣдокъ и покоевъ, протекала рѣчка, шириною въ 25 футовъ, по обѣимъ берегамъ усаженная высокими яворами (чинарами) и другими болѣе низкими деревьями, которыя представляли весьма удобное мѣсто для пріятной прогулки; за тѣмъ рѣчка эта шла далѣе, протекая подъ главнымъ зданіемъ. Посреди зданія, гдѣ помѣстились Посланники, была большая высокая восьмиугольная зала, и въ ней, подобной же формы, выложенный большими четырехъугольными камнями, водометъ, черезъ который можно было по желанію проводить рукавъ упомянутой сейчасъ рѣчки. По всѣмъ стѣнамъ залы находились двери и нѣкоторыя изъ нихъ вели въ другіе покои. На верху, во 2-мъ ярусѣ, вездѣ кругомъ размѣщены прекрасные покои, окна которыхъ будто двери выходили въ дворъ черезъ открытыя галереи или ходы, частію же обращены въ залъ, такъ что изъ всѣхъ покоевъ цѣлаго зданія, сказанную залу можно было видѣть насквозь. Стѣны вездѣ, особенно же внизу, въ залѣ, разукрашены были рѣзьбой по извести, съ выпуклыми золоченными и покрытыми лакомъ изображеніями разныхъ цвѣтовъ и птицъ, болѣе, впрочемъ, богато, чѣмъ изящно сдѣланными, такъ что мы имѣли такимъ образомъ весьма пріятное помѣщеніе. Но такъ какъ мы все таки опасались новаго нападенія Индійцевъ, которые грозили перебить насъ всѣхъ, то, по доброму совѣту Персіянъ, мы распорядились всѣ мѣста въ нашемъ жилѣ, не крѣпко защищенныя, частію укрѣпить, частію же защитить каменнометицами и надежною стражей, постоянно, на все время, пока не уѣхалъ Индійскій Посолъ.

Во все время пребыванія нашего въ Испагани, по приказанію Шаха, намъ выдавали ежедневно по 16 овецъ, 100 куръ, 200 батмановъ (мѣшковъ?) вина и всякого рода плоды и коренья, такъ что на поварню и погребъ всегда доставлялось намъ продовольствіе богаче и обильнѣе того, чѣмъ сколько мы могли съѣсть; если бъ, впрочемъ, тѣ люди, которые принимали и сберегали это продовольствіе, добросовѣстнѣе распоряжались имъ, а не спроваживали бы часть его въ ненужныя мѣста, къ Армянамъ, говоря правду, въ слѣдствіе потачки, соизволенія и даже по приказанію одного изъ главнѣйшихъ въ нашемъ Посольствѣ (раз-

умѣю сдѣсь того, который изъ Гамбурга), то по причинѣ такой не надлежащей траты не пришлось бы до того наконецъ, что мы должны были ѣсть только по одному разу въ день, а иногда и совсѣмъ не хватало продовольствія на всѣхъ людей, бывшихъ у насъ въ Посольствѣ.

10-го числа нѣкоторые изъ насъ посланы были по нужному дѣлу къ Русскому Посланнику, Алексѣю Савиновичу, и отправились они одѣтые въ Русскія платья, такъ какъ Индійцы не могли видѣть Нѣмцевъ безъ озлобленія. Въ этотъ день умерло у насъ еще нѣсколько человѣкъ, раненыхъ въ схваткѣ съ Индійцами, и съ особенно сильными страданіями умеръ одинъ тѣлохранитель, который, во время нападенія на насъ Индійцевъ, желая вбѣжать въ слѣдъ за мной въ Посольскій домъ, былъ раненъ отравленною пулей въ колѣно, отъ чего съ нимъ сдѣлалось омертвѣніе. 15-го же числа умеръ также и нашъ Квартирмейстеръ, Николай Гоше, уроженецъ Стаѣльгольмскій, бодрый и храбрый человѣкъ. Еще въ дорогѣ нѣсколько недѣль у него была лихорадка, и только что она прошла, съ нимъ сдѣлался кровавый поносъ, который и свелъ его въ могилу. Онъ погребенъ въ Джульфѣ (Tzulfa), на Армянскомъ кладбищѣ, подлѣ могилъ другихъ, покоящихся тамъ, нашихъ людей.

ГЛАВА XXXIX.

О нашемъ открытомъ представленіи и передачѣ подарковъ.

16-го Августа Шахъ потребовалъ Гг. Посланниковъ къ открытому представленію и въ тоже время къ столу, при чемъ прислалъ для поѣзда нашего 40 превосходныхъ, красиво убранныхъ, лошадей, на которыхъ сѣдла и нѣсколько головныхъ приборовъ обиты были толстымъ золотомъ. На этѣхъ лошадяхъ ѣхали верхами Посланники съ важнѣйшими изъ сопутниковъ. Простая прислуга шла пѣшкомъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Подарки Его Свѣтлости, Князя Голштинскаго.

Когда самый дорогой и превосходнѣйшій подарокъ, именно: большое мастерское произведеніе, часы, пропали во время круше-

нія на Балтійскомъ морѣ, то безъ нихъ переданные Шаху подарки были слѣдующіе:

1. Два доспѣха (Küriss), отличной работы, обдѣланные золотомъ, одинъ полный, а другой половинный; везли ихъ впереди трое всадниковъ.

2. 40 паръ отличныхъ пистолетовъ съ разукрашенными футлярами и прочими принадлежностями; несли ихъ 40 человѣкъ.

3. Двѣ сабли, ножны которыхъ были изъ изящно обдѣланнаго янтаря (который Персы цѣнятъ весьма высоко), взрѣзаннаго въ чистое золото; сабли этѣ, вмѣстѣ съ разукрашенными футлярами, несли четыре человѣка.

4. Еще 4 сабли, съ серебряными позолоченными, обдѣланными тоже янтаремъ, ножнами, безъ футляровъ, несли ихъ тоже четыре человѣка.

5. Два посоха, покрытые янтаремъ, изящной работы, съ прекрасными футлярами; ихъ несли еще четыре человѣка.

6. Два янтарныхъ прекрасныхъ подсвѣчника; несли тоже четыре человѣка.

7. Два изящныхъ ящика (поставца), изъ бѣлаго и желтаго янтаря; несли два человѣка.

7- Драгоцѣнная химическая Аптека, банки которой большею частію изъ чистаго золота, сверху обдѣланныя дорогими камнями, означавшими тѣ минеральные порошки, которые заключались въ банкахъ. Самый ящикъ былъ изъ чернаго дерева, обитаго вызолоченнымъ серебромъ, на крѣпкихъ серебряныхъ ножкахъ. Несли четыре человѣка.

Такъ какъ, по обычаю Персовъ, ни кто, а также и чужестранные Посланники, не могутъ являться къ Шаху безъ собственныхъ подарковъ отъ своего лица, то отъ Посланника Крузе были слѣдующіе подарки:

1. Превосходное ружье изъ бразильскаго дерева, курокъ котораго взводился самъ собою.

2. Хрустальная кружка, обитая золотомъ и украшенная бирюзой и рубинами.

3. Прекрасный янтарный ящичекъ.

4. Небольшіе, боевые часы.

Подарки же Г. Посланника Бругмана были:

1. Большой мѣдный, весь вызолоченный, подсвѣчникъ, съ 30-ю отростками, которые въ три яруса расположены одинъ надъ другимъ и которые всѣ были изящно изукрашены разными изображеніями и цвѣтами изъ серебра. На вершинѣ подсвѣчника вдѣланы были часы, бившіе часы и четверти.

2. Пара позолоченыхъ пистолетовъ въ прекрасныхъ футлярахъ.

3. Боевые часы, устроенные въ видѣ башни съ пилястрами, вышиною въ полъ локтя.

4. Еще часы, вмѣстилище которыхъ вдѣлано въ топазъ.

5. Превосходный большой бриліантъ, обложенный крупнымъ рубиномъ и множествомъ мелкихъ драгоцѣнныхъ камней.

6. Записка, объясняющая, что въ число подарковъ назначаются и большія металлическія пушки, оставленныя въ Ардебилѣ, на которыхъ высѣчены были имя и гербъ Милостивѣйшаго Князя нашего и Государя.

Всѣ этѣ подарки несли впереди, отряженные для того, Персіяне, и хотя имъ наказано было ити въ извѣстномъ порядкѣ, но они не исполняли этого, а шли всѣ толпой; ибо Персіяне въ торжественныхъ своихъ ходахъ не соблюдаютъ ни какого порядка. За ними слѣдовали Господа Посланники, со всѣми спутниками своими, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Три сержанта съ своими короткими ружьями, 15 мушкетеровъ, одѣтыхъ въ красныя ливреи, по три въ каждомъ ряду.

Маршалъ.

Гофъ-Юнкеры, по трое въ каждомъ рядѣ.

Три трубача съ серебряными трубами.

Восемь тѣлохранителей, шедшихъ по два.

За тѣмъ Гг. Княжескіе Посланники, окруженные 8-ю тѣлохранителями.

За ними два толмача.

Потомъ ѣхали 8 пажей въ особыхъ красивыхъ ливреяхъ, а за ними уже слѣдовала остальная низшая наша прислуга, по три въ каждомъ изъ 8-ми человѣкъ

Прибывши въ такомъ порядкѣ, въ сопровожденіи множества Кизильбашей и Царскихъ конниковъ, черезъ Майданъ, передъ Шаховъ дворецъ, люди съ подарками посторонились, дали мѣсто Посланникамъ, которые и были сдѣсь, у переднихъ воротъ, приняты Шахскимъ Есауломъ, Сонгёбетъ (Jesaul Sonhöbet) или Гостинымъ Маршаломъ, сопровождены имъ далѣе въ одинъ покой со сводами, бывшій у воротъ, гдѣ Диванъ-Беки или Судья обыкновенно производятъ свой судъ, и въ этомъ покоѣ сказанный Маршалъ просилъ присѣсть отдохнуть Гг. Посланниковъ. Между тѣмъ вѣстникъ пошелъ доложить Шаху о нашемъ прибытіи, и вскорѣ послѣ того нѣсколько знатнѣйшихъ Персіянъ пришли и объявили намъ, что Шахъ проситъ Гг. Посланниковъ къ себѣ. Насъ повели длиннымъ узкимъ дворомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, кромѣ высокихъ главныхъ стѣнъ, шли болѣе низкія, за которыми въ порядкѣ и по прямой чертѣ росли большіе высокіе яворы, словно высокія ели. Вдоль этѣхъ низшихъ стѣнъ стояло нѣсколько тѣлохранителей, отчасти въ высокихъ, остроконечныхъ и жесткихъ, шапкахъ, украшенныхъ пучками

перьевъ, и множество мушкетеровъ стройными рядами, черезъ которые мы проходили. Все это представляло пріятный для глазъ видъ вдаль. Этотъ ходъ, равно какъ и подобные ему увеселительные ходы, называются у Персіянъ Хейванами (Cheiwan). Въ концѣ этого двора поперекъ или прямо въ упоръ находился открытый покой, въ коемъ Шахъ слушаетъ разныя дѣла по управленію страной, или производитъ судъ; онъ называется Diwanchanè или Судебнымъ домомъ; ибо Шахъ не держитъ, подобно Московскому Царю, особой палаты для пріема Пословъ, но употребляетъ для этого разныя палаты и увеселительныя бесѣдки. Не подалеку отъ этого Diwanchanè, за деревьями, стояло до 50 Шахскихъ лошадей, покрытыхъ дорогими попонами, изукрашенными золотой парчей и вышивной работой; ближе же къ дому стояло нѣсколько осѣдланныхъ прекрасныхъ Арабскихъ лошадей, сѣдла и сбруя на коихъ обдѣланы были чистымъ золотомъ и обложены драгоцѣнными камнями. Всѣ онѣ стояли подъ открытымъ небомъ, привязанныя за заднія ноги веревкой къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Большая часть ихъ на бедрахъ и брюхѣ выкрашены были желтою, какъ померанецъ, краской. Сдѣсь же подлѣ стояли большія золотыя чаши, изъ которыхъ поятъ этѣхъ лошадей. Не вдалекѣ отъ этѣхъ чашъ стояло еще два большихъ золотыхъ же сосуда, имѣвшихъ локоть въ поперечникѣ; въ нихъ былъ ледъ, употребляемый Персіянами для охлажденія вина.

Самый увеселительный покой (или бесѣдка) былъ возвышенъ на три ступени противъ двора, имѣлъ въ длину 12 саженъ, въ ширину 8 и въ вышину около шести саженъ, и спереди закрытъ былъ занавѣсомъ изъ красной камки, который поднимался и спускался на шнурахъ. Столбы (пилястры), на которыхъ покоился занавѣсъ, были деревянные, восьмигранные, расписанные съ позолотой и украшены, также какъ и весь покой, золотыми изображеніями разныхъ цвѣтовъ. Слѣва на стѣнѣ висѣли три большія картины Европейской работы, изображавшія разныя исторіи. Полъ устланъ былъ дорогими коврами. Посреди палаты находился четырехъугольный водометъ, въ которомъ плавали всякаго рода цвѣты, лимоны, померанцы, гранаты, яблоки и другіе плоды. Вокругъ водомета стояло великое множество

золотыхъ и стеклянныхъ винныхъ флягъ, съ длинными узкими горлышками, которыя всѣ, или только вверху, утыканы были пушистыми букетами, или обложены вѣнками на горлышкахъ, такъ что при этомъ случаѣ мы увидѣли сдѣсь то, что, по описанію Виргилія, было на пиршествѣ Дидоны:

«Crateras magnos statuunt et vina coronant.» [1]

За водометомъ у стѣны, на полу, сидѣлъ Шахъ на шелковой подушкѣ, поджавши подъ себя ноги, по обыкновенію простонародья Персидскаго. Это былъ человѣкъ 27 лѣтъ, благообразный, бѣлый и свѣжій лицомъ, съ ястребинымъ съ горбиною носомъ, какъ и у всѣхъ почти Персіянъ, и съ небольшими усами, но не висящими внизъ, какіе носятъ обыкновенно другіе Персы. Одежда его изъ золотой парчи ни чѣмъ особенно не отличалась отъ обыкновенной Персидской одежды, и единственными отличіями въ уборѣ Шаха были: превосходный алмазъ на его мендилѣ (Mendil) или чалмѣ, съ журавлинымъ перомъ, и пара черныхъ соболей, висѣвшихъ у него вокругъ шеи, поверхъ Kürdi или верхняго кафтана, который Персіяне носятъ безъ рукавовъ. Позднѣе, такіе же Kürdi видѣли мы и на другихъ знатныхъ вельможахъ Персіи. Сабля Шаха на боку блестѣла золотомъ и дорогими каменьями, а лукъ и стрѣла лежали позади его. По правую его руку стояло 20 прекрасныхъ юныхъ мальчиковъ, пажи его, которые большею частію были дѣти Хановъ и Султановъ, состоявшихъ управителями въ областяхъ: нѣкоторые изъ этѣхъ юношей были оскоплены. Одинъ изъ пажей, весьма нѣжный лицомъ, держалъ вѣеръ или опахало, сдѣланное изъ хвоста одного морскаго животнаго, называемаго Maheri kutâs, и привезенное изъ Индіи; видомъ оно походило на хвостъ изъ перьевъ, и имъ-то мальчикъ прохлаждалъ Шаху воздухъ. Подлѣ пажей находился Meheter или каммердинеръ. Прямо передъ Шахомъ въ отдаленіи стоялъ Эйшикъ-Агастъ-Баши (Eischik agast baschi) или Великій Маршалъ, державшій въ рукѣ посохъ, весь обдѣланный золотомъ и вверху съ большимъ круглымъ набалдашникомъ. Влѣвѣ отъ Шаха, шагахъ

[1] Aeneid. lib. 1, carm. 728. О. Б.

въ 4-хъ, сидѣлъ Государственный Канцлеръ, котораго Персіяне зовутъ Ehtemad döwlet, а за нимъ, одинъ за другимъ, Ханы и Князья, Царскіе Совѣтники (Засѣдатели). Впереди у входа въ залъ, на лѣвой рукѣ, сидѣли: Арабскій Посолъ изъ Емана (Jeman), котораго Государь отдался подъ защиту Персидскаго Шаха отъ Турокъ, а подлѣ него Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ. Далѣе внизу находились уже музыканты.

Когда, по приглашенію нѣсколькихъ вельможъ, наши Посланники вступили въ залъ, ихъ встрѣтили тамъ Князь Джани Ханъ Курджибаши (Tzani chan Kurtzibaschi) (о коемъ было упомянуто выше въ Sijaret) и Али-Кули-Бекъ (Ali culi bek), Diwanbek, взяли ихъ за руки, и повели одного за другимъ къ Шаху. Это взятіе за руки, совершаемое сопровождающимъ обѣими руками и употребляемое тамъ со всѣми Посланниками, кромѣ того, что симъ оказывается высокая честь Посламъ, дѣлается, какъ надо полагать, и для охраны Шаха, чтобы, въ случаѣ какого либо злаго умысла противъ него, какъ это случилось при Шахѣ Абасѣ со стороны одного Турецкаго Посла, онъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе самими являющимися къ Шаху. Я полагаю, что по той же причинѣ Шахъ даетъ цѣловать не руку, но чужестраннымъ господамъ колѣно, а подданнымъ своимъ ногу.

Представши предъ Шаха, Посланники наши поклонились ему съ достодолжнымъ уваженіемъ; а Шахъ, въ отвѣтъ, ласково кивнулъ имъ съ любезнымъ видомъ. За тѣмъ тотчасъ же ихъ отвели въ сторону и посадили на низкіе стулья подлѣ Хановъ или Князей. 15 человѣкъ изъ важнѣйшихъ спутниковъ Посольства приглашены были сѣсть въ той же залѣ; пажи же и остальная наша прислуга помѣщены были внѣ покоя, подлѣ 13 богато разодѣтыхъ танцовщицъ, сидѣвшихъ на коврахъ, съ открытыми лицами. Танцовщицы этѣ не были, какъ полагали и писали нѣкоторые изъ нашихъ, Шахскими, но были обыкновенныя, хотя и лучшія, изъ непотребныхъ женщинъ города, которыя платили Шаху извѣстную подать и должны были прислуживать у него.

Когда Посланники посидѣли немного, Шахъ приказалъ Маршалу спросить ихъ объ имени Государя, пославшаго ихъ, и чего

желаютъ они? Отвѣтивъ приличнымъ образомъ на это, оба Посланника, вмѣстѣ съ толмачемъ, поднялись къ Шаху съ краткою рѣчью (съ длинной рѣчью обращаться къ Шаху не въ обычаѣ), передали вѣрительныя грамоты его Княжеской Свѣтлости, которыя и принялъ отъ нихъ Государственный Канцлеръ; послѣ этого Посланниковъ снова пригласили сѣсть, и Палатскій Секретарь или Wakaaenuis возвѣстилъ имъ, что Шахъ прикажетъ перевести ихъ вѣрительныя грамоты и выслушатъ далѣе Гг.Ословъ, въ какое угодно имъ другое время; теперь же они должны только веселиться. За тѣмъ принесены были, одинъ за другимъ, подарки и отнесены въ сохранную палату (казначейство), находившуюся при входѣ на правой рукѣ Diwanchanae. Между тѣмъ столъ, который былъ собственно вся зала, уставили для всѣхъ гостей разными сластями (конфектами) и плодами, въ сосудахъ изъ чистаго толстаго золота, и сосуды эти разставлялись одинъ подлѣ другого, а иногда и одинъ на другой, а между ними тоже тяжеловѣсныя золотыя фляги, впрочемъ, пустыя и поставленныя только для украшенія, числомъ болѣе 300, такъ что куда ни поворотишься, вездѣ блистало только чистое золото, хотя вся эта посуда, однако, была совсѣмъ плохой работы, гладкая, безъ рѣзьбы, или выпуклости, за исключеніемъ Царской посуды для питья, именно: винной фляги и чарки Surahi и Piali, которыя всѣ были усыпаны бирюзой и рубинами. За кушаніемъ плодовъ нѣсколько разъ принимались пить всѣ кругомъ хорошее Ширазское вино, и между тѣмъ явился скоморохъ, который изъ своей сумки выдѣлывалъ разнаго рода ловкія и забавныя штуки. По прошествіи добраго часа времени сласти приняли, начали готовить столъ собственно къ обѣду и разостлали парчевую скатерть. Десять человѣкъ явились и принесли кушанья въ огромныхъ золотыхъ сосудахъ, видомъ похожихъ на горшки, одни на головахъ, другіе на обитыхъ толстымъ листовымъ золотомъ носилкахъ, похожихъ на наши навозныя носилки.

Царскій Кравчій или Suffretzi расположился съ кушаньями въ срединѣ стола или залы, одѣлялъ и раскладывалъ кушанья на множествѣ различнѣйшихъ блюдъ, и прежде всѣхъ подалъ ихъ Шаху, потомъ Посланникамъ и другимъ Господамъ по порядку. Всѣ блюда наполнены были варенымъ рисомъ, посверхъ котораго

лежали: вареная баранина, жареныя куры, яичныя печенья, вареный шпинатъ и щавель и густое кислое овечье молоко, или Komps, какъ называютъ его въ Лейпцигѣ. Въ нашемъ ряду часто на одномъ блюдѣ было по пяти такихъ кушаньевъ. Такой способъ кладки кушаній у нихъ почти необходимъ; ибо за столомъ у нихъ не сидятъ одинъ противъ другого, какъ это у насъ въ обычаѣ, но располагаются всѣ въ одинъ длинный рядъ, одинъ за другимъ, и такъ какъ при этомъ двумъ, или тремъ, гостямъ нельзя достать изъ одного блюда, то было бы неудобно множество кушаній подавать въ отдѣльныхъ блюдахъ. Къ тому же у нихъ также не въ обычаѣ, какъ у насъ, излишняя бѣготня прислуги при подачѣ кушаній. Кромѣ сказанныхъ кушаній, кому какое угодно, выставлены были также особыя блюда съ рисомъ различнаго цвѣта.

Обѣдъ прошелъ въ совершенномъ молчаніи, безъ особыхъ разговоровъ. Самъ Шахъ раза три, четыре, только заговаривалъ съ Государственнымъ Канцлеромъ, и то только по нѣскольку словъ. Въ слѣдующее же представленіе и обѣдъ Шахъ вступилъ съ нашими Посланниками въ довольно дружескій разговоръ. Сдѣсь также во время пирушки потѣшались музыкой и нѣкоторыми зрѣлищами. Инструменты, на которыхъ игралась Царская музыка, были: бубны, свистѣлки или флейты, дудки, лютни и скрипки; изъ нихъ бубны поражали наши уши самымъ убійственнымъ образомъ. Помянутыя выше танцовщицы весело прыгали кругомъ чуднымъ способомъ, и нѣсколько ловкихъ борцовъ показывали искуство и проворство въ разныхъ схваткахъ точно также, какъ это было и въ Касвинѣ.

Въ то время, какъ все это происходило позади Посланниковъ, въ одной двери, ведущей въ смежный покой и завѣшанной покрываломъ, посадили потихоньку одного Персіянина, знавшаго Португальскій и Итальянскій языки, для того, чтобы онъ подслушивалъ, что будутъ говорить Посланники между собой и съ своимъ толмачемъ и какое они выскажутъ при этомъ мнѣніе о Персіянахъ. Толмачемъ нашимъ тамъ былъ Португальскій Августинскій монахъ, Отецъ Іосифъ a Rosario (весьма набожный, разумный, привѣтливый и ласковый человѣкъ, лѣтъ сорока), ко-

торый, своимъ обращеніемъ между Персами въ теченіи 24-хъ лѣтъ, хорошо изучилъ ихъ природу, нравъ, жизнь и поступки, и по тому могъ сослужить намъ добрую услугу. Съ Посланникомъ Крузе онъ разговаривалъ по Латыни, а съ Г. Бругманомъ по Португальски. Мнѣніе, какое высказывалъ при этомъ Бругманъ о томъ и другомъ, въ особенности же объ Европейскихъ картинахъ и о Персидскомъ способѣ сидѣть и ѣсть, конечно, не понравилось Шаху. Послѣ полуторачасоваго сидѣнья за кушаньями, столъ былъ убранъ и подана всѣмъ кругомъ теплая вода, для умовенія рукъ, въ золотой кружкѣ, и за тѣмъ Великій Маршалъ возгласилъ по Турецки:

سفره حقنه شاه دولتنه علم يلر

قوته الله ديلم ∴ الله الله

«Suffre Hakine Schahe dövvletine,
Kasiler kuvvetine. Alla dielum.»

«Вознаградц, Боже, этотъ обѣдъ, умножь Царское добро и содѣлай Сильными его воиновъ (или слугъ)! Боже, я желаю этого!»

За тѣмъ всѣ другіе запѣли: «Alla, Alla! Боже, Боже!»

Вскорѣ за тѣмъ гости поднялись, одинъ за другимъ, и молча, по ихъ обыкновенію, разошлись по домамъ. Пришелъ и нашъ Мегемандарь и сказалъ Посланникамъ, что уже время прощаться. Мы поднялись съ своихъ мѣстъ, поклонились, уходя, Шаху, и поѣхали обратно домой.

ГЛАВА XL.

Что происходило въ Испагани послѣ перваго открытаго представленія, особенно о первомъ и второмъ тайномъ представленіи. Также какъ посѣщали насъ и какъ приглашали въ гости.

Послѣ открытаго представленія насъ стали навѣщать разные чужестранцы, проживавшіе въ Испагани, именно: Англичане, Порту-

гальцы, Итальянцы и Французы. Мы такъ хорошо перезнакомились съ ними, что послѣ уже, во все время пребыванія нашего въ Испагани, часто посѣщали другъ друга и состояли съ ними въ большой дружбѣ.

Начало сдѣлали Англійскіе купцы, пришедшіе навѣстить Посланниковъ 18-го Августа, съ Повѣреннымъ (факторомъ) своимъ, Франциском Ганивотъ (Haniwot), умнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Такъ какъ обыкновенно они ходили въ Персидскомъ платьѣ, то для того, чтобы поправиться намъ, всѣ они надѣли Нѣмецкія одежды, превесело провели у насъ цѣлый день, предлагали намъ свою дружбу и услуги, которыя и оказали намъ въ послѣдствіи во многихъ случаяхъ.

22-го числа Шахъ прислалъ Посланникамъ всякаго рода плоды: дыни, яблоки, груши, виноградъ, айву и проч., а также до 30 большихъ стеклянныхъ флягъ съ Ширазскимъ виномъ.

24-го Августа Посланниковъ потребовали на первое тайное представленіе, на которомъ самъ Шахъ присутствовалъ такимъ же образомъ, какъ и въ открытомъ представленіи, съ Государственнымъ Канцлеромъ и нѣкоторыми важнѣйшими вельможами. Но представленіе это было уже не въ Диванъ-Ханѣ, а въ другой палатѣ; насъ повели черезъ красивую галерею и садъ къ открытой, веселой на видъ палатѣ, расположенной на нѣкоторомъ возвышеніи но впустили туда къ Шаху только однихъ Посланниковъ и толмача; остальные Посольскіе спутники оставались въ томъ же зданіи, въ другомъ покоѣ, съ другими вельможами и придворными людьми. Послѣ совѣщаній, продолжавшихся два часа, приготовленъ былъ столъ, къ которому пригласили и насъ всѣхъ. Просидѣвши часа съ два за обѣдомъ, мы по прежнему распростились и поѣхали къ себѣ домой на Шахскихъ лошадяхъ.

29-го Августа, въ день Рождества Богородицы Маріи по новому счисленію, Посланники, со всѣми спутниками своими, приглашены были однимъ Католическимъ Испанскимъ монахомъ, Патеромъ Августинскаго Ордена, на отправленіе съ ними ихъ праздника, и затѣмъ къ обѣду. Такъ какъ монастырь, въ который приглашали

насъ, находился хоть и въ городѣ, но болѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ Посольскаго двора, то Метемандарь доставилъ намъ лошадей для поѣздки туда. Кромѣ насъ, тамъ были также: Русскій Посланникъ, Алексѣй, Армянскій Архіепископъ. съ нѣкоторыми своими Священниками, и Англійскіе купцы. Хотя этѣ послѣдніе въ Отечествѣ своемъ расходятся въ Христіянствѣ и неохотно терпятъ другъ друга, по причинѣ нѣкоторой разницы въ Вѣрѣ, однако сдѣсь Христіяне сближаются, ради общаго ихъ Христіянскаго имени, и стараются жить другъ съ другомъ въ добромъ согласіи.

Зданіе монастыря было довольно обширное, заключало въ себѣ прекрасную церковь, съ низкими башнями, хорошо устроенныя крестообразныя галереи и удобныя кельи. Мы дружески были приняты монахами, которыхъ было только 6 во всемъ монастырѣ, и прежде всего приглашены въ церковь, для присутствія при ихъ Богослуженіи. Церковь была хоть и не велика, но изящно выведена круглымъ сводомъ и повсюду украшена золоченой рѣзьбой и живописью; вверху у алтаря, также обдѣланнаго фигурами и большею частію вызолоченнаго, было искусно изображено Успеніе Богородицы. Во время службы, на хорахъ, находившихся на возвышеніи противъ алтаря, игралъ органъ, вмѣстѣ съ нашими музыкантами, приглашенными къ тому; По окончаніи Богослуженія пошли мы въ прекрасный увеселительный садъ, гдѣ, между прочими, было одно большое дерево, которое, множествомъ вѣтвей раскинувшихся и повисшихъ внизъ и густою листвою своею, пріятно отѣняло находившійся тамъ прудъ и устроенныя кругомъ стулья.

Изъ саду повели насъ въ комнату, въ которой по тремъ сторонамъ стояли накрытые столы, съ передней стороны, во всю длину уставленные разнаго рода плодами въ фарфоровыхъ чашахъ и усыпанные цвѣтами; за этѣми-то плодами мы и усѣлись такимъ образомъ, что столы съ передней части были свободны отъ людей, отъ чего прислугѣ было удобнѣе прислуживать гостямъ. Кушанья, которыя подавались на множествѣ маленькихъ блюдъ, одно послѣ другого, и каждому отдѣльно, приготовлены были очень хорошо. Я никогда не ѣдалъ лучшей и болѣе вкусной, чѣмъ сдѣсь, капусты саженой; которая была совершенно

зеленая и кудреватая. По окончаніи обѣда, не столь продолжительнаго у духовныхъ, какъ у мірянъ, мы опять пошли въ садъ, подъ наше прекрасное дерево, и остальное время дня провели въ пріятныхъ разговорахъ, а подъ конецъ и съ веселою музыкой.

Въ началѣ Сентября мѣсяца большіе жары въ Испагани начали спадать и наступили при томъ такія холодныя ночи, что кто не запасся хорошей постельной принадлежностью, чувствовалъ это на себѣ довольно сильно.

Въ этѣ дни посѣтилъ Посланниковъ Армянскій Правитель (Губернаторъ) Сеферасъ-Бекъ (Seferas bek), съ двумя своими братьями, желая познакомиться съ Гг. Посланниками. Это были преласковые и добросердечные люди. Замѣтивши это, Посланникъ Бругманъ (который, я долженъ сказать это къ чести его, по природѣ своей, и въ особенности къ такого рода людямъ, былъ всегда щедръ), тотчасъ же подарилъ старшимъ двумъ братьямъ, каждому по прекрасному ружью, а младшему пару пистолетовъ, что имъ было чрезвычайно пріятно. Въ изъявленіи своей благодарности и признательнаго сердца, они задали, 18-го Сентября, великолѣпную пирушку, на которую пригласили Посланниковъ со всѣми ихъ спутниками. Черезъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ Армянскихъ купцовъ, они достали намъ лошадей для поѣздки къ нимъ. Съ нами поѣхали туда верхами и два Испанскіе монаха, Пріоръ и отецъ Іосифъ, нашъ главный толмачъ. Насъ проводили въ предмѣстье Джульфа (Tzulfa), гдѣ находилось ихъ жилище, и прежде всего въ церковь, чтобы посмотрѣть на ихъ Богослуженіе, которое на этотъ разъ состояло въ отправленіи ими обѣдни. Церковь украшена была довольно изящной живописью, полы покрыты были коврами, а по стѣнамъ кругомъ разставлены стулья для насъ. Обѣдню служилъ самъ Патріархъ. Церковное облаченіе было изъ серебряной парчи, вышитой золотыми цвѣтами и жемчугомъ; такая же была и Епископская митра, бывшая на немъ. Между пѣніемъ игралъ небольшой органъ (Positiv), который болѣе ревѣлъ, чѣмъ издавалъ хоть сколько ни будь согласные звуки. По окончаніи обѣдни всѣ мы поѣхали въ гостиницу, гдѣ ласково приняли насъ и повели, черезъ прекрасную со сводами

галерею и веселый садъ, въ покой, весьма хорошо разукрашенный на Персидскій образецъ, и пригласили въ немъ усѣсться на полу. Разостлали скатерть изъ золотой парчи, и уставили ее всевозможными плодами и сластями (конфектами). Первая чаша, предложенная Сефарасъ-Бекомъ, была отлично изготовленная дорогая водка, похожая на Aquavit (Aqua vitae). По принятіи сластей разостлали пестрыя ситцевыя скатерти Индійской работы, которая считается найлучшею, и принесли множество отлично приготовленныхъ кушаній изъ говядины, солонины, баранины, куръ и проч. Когда мы поѣли вдоволь, то хотя блюда и оставались еще на столѣ, но насъ всѣхъ позвали и провели черезъ другую, отлично убранную, комнату въ открытый залъ, расположенный въ саду. Залъ этотъ искусно устроенъ сводомъ вверху и вызолоченъ, а по стѣнамъ вписѣли вездѣ картины, изображавшія женщинъ въ различныхъ народныхъ одеждахъ. Посреди зала былъ водометъ, выложенный мраморомъ, и вода въ немъ усыпана была цвѣтами, а окраины уставлены множествомъ серебряныхъ, золотыхъ и стеклянныхъ флягъ съ виномъ. На полу кругомъ, на прекрасномъ коврѣ, разложены были бархатныя подушки всевозможныхъ цвѣтовъ, вышитыя золотыми и серебряными цвѣтами, и на нихъ-то пригласили насъ сѣсть. Сласти и плоды снова были принесены и приведены музыканты и плясуны. Во время такого веселья явился къ намъ и Патріархъ, съ Архіепископомъ и двумя другими Священниками: Патріархъ въ камлотовой, пурпурнаго цвѣта, рясѣ, остальные въ черныхъ длинныхъ плащахъ съ скуфьями на головѣ; они сѣли подлѣ насъ и весело и дружески бесѣдовали съ нами. Братья Правителя (Губернатора), чтобы доставить удовольствіе Посланникамъ, сами начали упражняться въ музыкѣ, и средній братъ, Илія-Бекъ (Elias Bek), человѣкъ веселый, отъ чего онъ былъ хорошо принимаемъ у Шаха, но и лишился черезъ то своей передней плоти (Vorhaut) (о чемъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ), сначала игралъ на Tamera (такъ называютъ Армяне Персидскую лютню), потомъ взялъ 7 фарфоровыхъ чашъ, согласовалъ ихъ водою въ стройные звуки и наигрывалъ на нихъ двумя маленькими палочками подъ звуки лютни. Старшій же братъ, Сефарасъ-Бекъ, сказавши, что принесетъ иную музыку, всталъ и велѣлъ подать на двухъ большихъ деревянныхъ подносахъ множество хрустальныхъ стакановъ; съ этѣми

подносами два мальчика обходили кругомъ гостей, и Сефе́расъ-Бекъ каждому изъ нихъ предложилъ стаканъ съ виномъ выпить за здоровье Шаха Сефи.

Проведши въ такомъ весельѣ до конца дня, съ закатомъ солнца мы распростились было съ хозяевами, но, провожая насъ, они повели насъ въ другое увеселительное мѣсто въ саду, гдѣ вторично приготовленъ былъ для пирушки столъ и уставленъ множествомъ кушаній изъ жареныхъ куръ, вареной и печеной рыбы, короваевъ (яичныхъ печеній или яичницы), изъ садовыхъ и полевыхъ плодовъ и другихъ лакомыхъ яствъ. На этотъ разъ, между прочимъ убранствомъ, однимъ не изъ послѣднихъ было то, что надъ нами, на длинномъ шнурѣ, висѣло множество лампъ, одна подлѣ другой, а въ саду въ разныхъ мѣстахъ разставлено было также не мало свѣчей и факеловъ, которые отовсюду освѣщали, какъ комнату, такъ и садъ. Хотя мы и сдѣсь присѣли за столъ, но, по недостатку позыва къ ѣдѣ, большая часть кушаній осталась нетронутой. Когда мы наконецъ послѣ сытнаго и даже излишняго угощенія поѣхали верхами домой, то насъ провожалъ Илія-Бекъ, съ нѣкоторой прислугой и множествомъ фонарей и факеловъ, до самаго Посольскаго жилья, гдѣ порядочно таки былъ озадаченъ хмѣлемъ отъ горячей сладкой водки. Такимъ образомъ этого числа въ описанномъ мѣстѣ насъ угостили и повеселили такъ великолѣпно, какъ не бывало еще прежде никогда, ни даже на пиршествѣ у самаго Шаха.

19-го числа было второе тайное представленіе, и Шахъ давалъ его опять въ новой палатѣ, въ одномъ саду. Такъ какъ въ этотъ разъ Посланники представили нѣкоторыя письменныя сообщенія, то переговоры велись не долго, и скоро накрытъ былъ столъ и стали обѣдать, при чемъ были опять и музыканты ихъ. Узнавши, что Посланники привезли въ Испагань и музыкантовъ съ собою, Шахъ пожелалъ послушать ихъ, по чему изъ нашей музыки мы ссудили на этотъ разъ одну Віоль ди гамба (Viol di gamba), бандуру (Bandar) и скрипку (Discant Viole), на которыхъ наши музыканты играли около часу; но хотя наша музыка очень понравилась Шаху, однако жъ онъ не желалъ промѣнять на нее свою музыку, къ которой привыкъ.

25-го числа Посланники, со всѣми спутниками своими, приглашены были Англійскими купцами на пиръ, который, если не превосходилъ другіе, то ни въ чемъ не уступалъ ни какому другому пиршеству. Дворъ этѣхъ купцовъ, находившійся недалеко отъ Майдана, у базара, было прекрасное, обширное зданіе, со множествомъ комнатъ и веселымъ садомъ. Сначала насъ отлично угощали въ открытой, убранной на Персидскій образецъ, залѣ, разными сластями, плодами и сладкой водкой, а вскорѣ за тѣмъ въ другой комнатѣ, не на полу уже, а на возвышенныхъ столахъ, по Нѣмецкому образцу, при чемъ немало пили здоровья Великихъ Государей и Владѣтельныхъ особъ (Европы). Между тѣмъ одинъ изъ слугъ искусно игралъ на клави-кимвалѣ (Clavi-Cymbel). Послѣ стола, чтобы далѣе повеселить насъ, Англичане доставили другое удовольствіе. Они повели насъ въ открытую галерею, въ садъ, гдѣ опять кругомъ разставлены были великолѣпно и роскошно изготовленныя разныя сласти (конфекты) и самыя лучшія вина. Такъ какъ на другихъ пирушкахъ мы часто уже видѣли Персидскихъ танцовщицъ, то Англичане угостили насъ пляскою Индійскихъ танцовщицъ. Танцовщицы этѣ явились въ числѣ шести Индіянокъ, нѣкоторыя съ мужьями своими, которые тоже были танцовщики и музыканты. Индіянки хотя были лицомъ темножелтыя, но благообразны и нѣжнаго сложенія. Онѣ носили на шеѣ множество жемчугу и золота, равно какъ и въ ушахъ, съ серебряными застежками и большими золотыми блесками; запястья у нихъ были частію серебряныя, частью жемчужныя, и всѣ пальцы ихъ унизаны были множествомъ колецъ. Между прочимъ, на большомъ пальцѣ у нихъ были большія серебряныя кольца, въ которыхъ вдѣланы ясно отполированные куски стали, величиною съ рейхсъ талеръ, и такія кольца онѣ употребляли вмѣсто зеркала. Платья ихъ сдѣланы были совершенно особымъ образомъ и изъ такой тонкой шелковой ткани, сквозь которую можно было видѣть почти все тѣло; подъ этѣми платьями, впрочемъ, на нихъ были гладкія въ обтяжку штаны. У однѣхъ на головѣ были особыя шапочки, другія покрыты были только флеромъ. На плечахъ у нихъ висѣли длинные, золотомъ вышитые, изящные шелковые платки, спускавшіеся до ногъ; во время танцевъ онѣ обвивали иногда этѣ платки вокругъ себя. Кругомъ ногъ, надъ лодыжками, на красивыхъ лентахъ у нихъ привѣшаны были нѣсколько мѣд-

ныхъ погремушекъ, которыя онѣ во время пляски приводятъ, извѣстными движеніями ногъ, въ такое сотрясеніе, что, въ случаѣ нужды, погремушки этѣ мѣрными звуками своими могутъ замѣнять имъ музыку. Для этого онѣ употребляютъ также и Tzarpane (кастаньеты, ручныя погремушки), которыя онѣ держатъ въ рукахъ, и извѣстнымъ образомъ ударяютъ ими одну о другую. Нѣкоторыя изъ танцовщицъ было босыя, другія же въ какихъ-то странныхъ башмакахъ. Музыкальные инструменты ихъ были: Индійскій барабанъ, Персидскій Sintz или ручной бубенъ и флейты. Индійскіе барабаны узкіе, длиною въ локоть и видомъ похожи на боченки, у которыхъ оба дна не одинаковой величины, такъ что если бить въ то и другое дно, то ихъ тонъ различается на одну кварту. Бьютъ въ этѣ барабаны съ обѣихъ сторонъ голыми руками, для чего ихъ и вѣшаютъ на ремнѣ на шеѣ. Въ пляскахъ своихъ танцовщицы этѣ выдѣлывали ногами, руками и всѣмъ тѣломъ, разныя чудныя и страстныя движенія и ловкія шутки; иногда плясали передъ однимъ какимъ либо зрителемъ отдѣльно съ такими же тѣлодвиженіями, при чемъ особеннымъ образомъ онѣ протягивали къ зрителю этому руки, для полученія отъ него подарка. Такимъ образомъ вообще пляска Индійцевъ показалась намъ гораздо живѣе, красивѣе и веселѣе, нежели пляска Персіянокъ.

Мнѣ разсказывали, что Индійскія танцовщицы и музыканты, какъ народъ вообще безпутный, отплясываютъ и иные соблазнительныя пляски и совершаютъ другъ съ другомъ другія страстныя представленія, безъ всякаго стыда, въ присутствіи гостей, если иногда этого потребуютъ отъ нихъ на тайныхъ разгульныхъ пирушкахъ. О такихъ соблазнительныхъ представленіяхъ свѣдѣтельствовали и попавшіяся мнѣ въ руки нѣкоторыя Индійскія изображенія, которыхъ нельзя и показать въ порядочномъ обществѣ, не возбудивъ въ немъ чувства омерзенія. Пишу же объ этомъ для того, чтобы показать, какъ силенъ демонъ разврата въ дѣтяхъ невѣрныхъ, и какое легкомысліе господствуетъ въ такихъ людяхъ.

Уже позднимъ вечеромъ Англичане проводили насъ въ наши жилища со множествомъ лошадей и фонарей.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ насъ были приглашены Французскими купцами въ одинъ каравансерай, гдѣ и были отлично угощены вмѣстѣ съ Англичанами.

1-го Октября сами Посланники давали Княжескій пиръ, на который по приглашенію и прибыли: Русскій Посланникъ, Армянскій Правитель, съ двумя своими братьями, важнѣйшія лица изъ Англійской Компаніи, нѣсколько Французовъ, Испанскіе Августинцы, и нѣсколько Итальянскихъ Кармелитскихъ монаховъ. На обѣдъ, изготовленный по Нѣмецки, выставлено было множество кушаній, въ двѣ перемѣны, по 40 блюдъ въ каждой, и послѣ этѣхъ кушаній поданы были богатѣйшія сласти (пирожныя, конфекты). Игравшая при этомъ музыка состояла изъ скрипокъ, трубъ и барабановъ, которыя, всякій разъ при питіи за здоровье, весело раздавались, вмѣстѣ съ выстрѣлами изъ большихъ пушекъ. Послѣ стола забавлялись метаніемъ въ цѣль копій (игрой въ карусель), при чемъ выигрышными наградами были: большой позолоченый бокалъ и серебряная чарка. При каждомъ метаніи, попавшемъ въ цѣль, стрѣляли изъ пушки. Первый выигрышъ получилъ Мандельсло, второй Посланникъ Бругманъ.

Когда Шахъ узналъ отъ Сеферасъ-Бека, какія особаго рода блюда были на пиру у Посланниковъ, на примѣръ: разные пастеты, торты и блюда, изготовленныя только для виду, то онъ очень желалъ увидѣть ихъ; для чего, ради удовлетворенія желанія Шаха, Посланники приказали изготовить нашимъ поварамъ нѣсколько прекрасныхъ кушаній для виду, пастетовъ и тортовъ, и все это тотчасъ же послали въ покои Шахскихъ женъ, гдѣ, съ удивленіемъ и удовольствіемъ, разсматривали этѣ кушанья, но ѣли ли ихъ, не знаю.

Въ этотъ день Секретарь нашъ, въ слѣдствіе жестокаго преслѣдованія со стороны одного изъ представителей Посольства, ушелъ въ монастырь Испанскихъ монаховъ Аугустинскаго Ордена, гдѣ радушно былъ принятъ отцами и братьями этого Ордена и пробылъ тамъ цѣлые 13 дней. Отсюда онъ хотѣлъ было отправиться, черезъ Вавилонъ и Алепо, чтобы обозрѣть этѣ мѣста, славныя въ древней Исторіи, но по нѣкоторымъ причинамъ это намѣреніе его было отложено, и Секретарь снова возвратился въ Посольство.

ГЛАВА XLI.

О свадьбѣ, крещеніи и Св. причащеніи Армянъ.

Въ тотъ же день я ходилъ въ Джульфа, именно въ то предмѣстіе, гдѣ мы имѣли кровавую схватку съ Индійцами, и посѣтилъ тамъ Армянскую церковь. Увидѣвши, что Армяне провожаютъ одного жениха въ церковь, я пошелъ въ слѣдъ за ними, и видѣлъ тамъ обрядъ вѣнчанія. Впереди играли барабаны и мѣдныя кимвалы, за тѣмъ слѣдовалъ мальчикъ съ горящею восковою свѣчею. Потомъ ѣхалъ верхомъ женихъ, въ прекрасной разноцвѣтной (пестрой) одеждѣ, между двухъ мужчинъ, также богато разодѣтыхъ, и за ними еще двѣ пары поѣзжанъ. Позади шли пѣшкомъ нѣсколько человѣкъ съ блюдами, полными кушаній, съ двумя кружками съ виномъ, и еще съ двумя блюдами съ яблоками. Вошедши въ церковь, женихъ сѣлъ, вмѣстѣ съ своими гостями. Передъ ними поставлены были кушанья и плоды, изъ которыхъ гости поѣли немного, а женихъ не ѣлъ ни чего; оставшееся все составляло приношеніе Священнику. Вина, впрочемъ, выпили всѣ круговую. При этомъ женихъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, въ сопровожденіи одного мальчика по правую, и взрослаго мужа по лѣвую, руку, привѣтствовалъ меня, налилъ самъ вина въ глиняную чарку и предложилъ мнѣ выпить ее; самъ же онъ не пилъ при этомъ. Между тѣмъ пришла и невѣста, покрытая, въ сопровожденіи дѣвочки и взрослой женщины, тоже покрытыхъ. Священникъ долго читалъ надъ молодыми брачущимися людьми, передъ алтаремъ, и благословлялъ ихъ. Молодые подали при этомъ другъ другу руки и держали головы свои вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы голова жениха была выше. Надъ обоими молодыми Священникъ держалъ крестъ, подъ которымъ они и вѣнчались. Въ такомъ положеніи они давали другъ другу, подъ крестомъ, клятву въ вѣрности и взаимной любви. За тѣмъ Священникъ далъ имъ Св. Причастіе, и тому и другой по кусочку освященнаго хлѣба (Hostia), погруженнаго тоже въ освященномъ винѣ.

Этотъ освященный хлѣбъ, не такой, какъ у Русскихъ и Грековъ, квасной, но пѣсный, круглый, величиною и толщиной

немного болѣе рейхсталера. Принятіе Св. Причастія сопровождалось пѣніемъ и игрою на кимвалѣ, который по Армянски называется Hambarzon. Во время причащенія и служенія обѣдни у Армянъ считается необходимымъ играть на кимвалѣ, или бить въ чаши; ибо они говорятъ, что Христосъ, передъ тѣмъ, какъ онъ пожелалъ насытить 4000 людей, ходилъ прежде на гору, и тамъ, въ молитвѣ къ своему Небесному Отцу, какъ бы совершалъ жертвоприношеніе, при чемъ, будто бы, два Ангела играли на такихъ кимвалахъ. Послѣ такой музыки невѣсту и жениха, равно какъ и дружку, окропили розовой водой. Подошли и ко мнѣ, и окропили и меня также и дали мнѣ плодовъ. Послѣ множества другихъ обрядностей, невѣста навязала на правую свою руку флеръ, за который женихъ и вывелъ ее изъ церкви. За тѣмъ молодые усѣлись на лошадей и поѣхали съ прежнею торжественностью въ брачный домъ. Въ первые три дня и три ночи женихъ и невѣста не смѣютъ спать вмѣстѣ; на этотъ обычай, впрочемъ, въ Польшѣ Армяне обращаютъ мало вниманія.

Послѣ этого я пошелъ въ другую церковь, гдѣ на колокольнѣ, вмѣсто колоколовъ, которыхъ Армяне не вѣшаютъ, опасаясь Персовъ, повѣшена была толстая доска, въ которую и колотятъ молоткомъ во время отправленія Богослуженія. Въ этой церкви я видѣлъ, какъ Армяне крестили одно дѣтя, что совершалось слѣдующимъ образомъ: мальчикъ, лѣтъ 18-ти, держалъ передъ Священникомъ на рукахъ дѣтя, и въ церкви больше ни кого не было, кромѣ этого мальчика и одной старухи, которая пеленала дѣтя и принесла его въ церковь. Старушка эта стояла въ отдаленіи и не хотѣла, или и не смѣла, подойти ближе; мальчикъ самъ долженъ былъ отнести потомъ къ ней дѣтя. Священникъ болѣе получаса читалъ, молился и совершалъ другія обрядности, обращался часто съ какими-то вопросами къ мальчику, который иногда отвѣчалъ ему. Потомъ пошли они въ ризницу, гдѣ въ стѣнѣ вдѣланъ былъ камень, на подобіе маленькаго корытца, въ локоть длиною и въ полълоктя шириною; въ этомъ-то камнѣ [1] Священщенникъ освятилъ воду, влилъ туда освященнаго масла (мура),

[1] Крестильница, купѣль. О. Е.

и все это время пѣлъ, съ своимъ помощникомъ. Потомъ Священникъ взялъ нагое дѣтя, посадилъ его въ сказанный камень, какъ бы въ купѣль, благословилъ его Евангеліемъ и Крестомъ, трижды полилъ ему пригоршней воду на голову, во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, и за тѣмъ полилъ водою и все тѣло дѣтяти и закончилъ тѣмъ, что освященнымъ масломъ (муромъ) помазалъ ему лобъ. Подобные же обряды мы видѣли также и въ Шамахѣ при крещеніи одного ребенка. Армяне не крестятъ своихъ новорожденныхъ прежде 8 дней, развѣ заболѣетъ ребенокъ. Если же ребенокъ умретъ до крещенія, то его не считаютъ святымъ и на кладбищѣ не хоронятъ. Точно тоже не хоронятъ на кладбищѣ у нихъ и тѣхъ, которые цѣлый годъ не были у Св. Причастія.

ГЛАВА XLII.

Какъ Шахъ Персидскій приказалъ изрубить саблями часовыхъ дѣлъ мастера, Рудольфа Стадлера.

3-го Октября Персіяне схватили и изрубили саблями одного Нѣмецкаго часовыхъ дѣлъ мастера, Шахскаго слугу, котораго нашли мы въ Испагани, жившимъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ до нашего прибытія туда. Происшествіе это было такого рода: Нѣмецъ этотъ былъ Іоаннъ Рудольфъ Стадлеръ, Цюрихскій уроженецъ изъ Швейцаріи, человѣкъ 33 лѣтъ, женатый на сестрѣ помянутой выше Туллы (Tullae), и, слѣдовательно, былъ свояком Бругмана. [1] Прослуживши у Шаха Сефи часовыхъ дѣлъ

---

[1] Хотя сочинитель и говоритъ здѣсь о Туллѣ, какъ о женщинѣ, о которой упоминалось уже выше, но въ 3-мъ изданіи, съ котораго дѣлается настоящій переводъ, о неіі, до этого мѣста, нигдѣ выше не упоминалось; онъ упоминаетъ о неіі въ 1-мъ своемъ изданіи 1647 года, именно: на страницѣ 396, въ разсказѣ о причинахъ, по которымъ Секретарь Посольства, т. е., самъ Олеаріи, принужденъ былъ удалиться отъ Посольства въ монастырь Августинскихъ монаховъ. Въ 3-мъ изданіи разсказъ этотъ долженъ бы быть помѣщенъ въ 40-й главѣ, но онъ имъ выпущенъ, и по тому на упоминаемое въ немъ имя Туллы ссылка, очевидно по недосмотру, сдѣлана тутъ, какъ уже на из-

мастеромъ цѣлые пять лѣтъ, Стадлеръ очень желалъ возвратиться снова въ Германію, полагая воспользоваться удобнымъ къ тому случаемъ отправиться вмѣстѣ съ нами при обратномъ нашемъ путешествіи и ходатайствуя по этому о своемъ увольненіи. Но Шахъ, не желая отпустить его, предложилъ ему, что если онъ останется у него еще на два года, то получитъ вознагражденія 400 рейхсталеровъ. Не смотря на такое предложеніе, часовщикъ все таки продолжалъ хлопотать объ увольненіи его черезъ нашихъ Посланниковъ. Въ то время, когда велись еще эти хлопоты, въ одну ночь къ Стадлеру забрался воръ, можетъ быть, предполагавшій, что часовщикъ получилъ уже обѣщанное ему Шахомъ вознагражденіе. Увидѣвъ вора, часовщикъ поймалъ его, нѣсколько времени боролся съ нимъ, наконецъ одолѣлъ его, нанесъ ему нѣсколько ранъ и вытолкалъ его изъ дому. Но подъ вліяніемъ гнѣва, считая, что еще мало наказалъ вора, онъ выбѣжалъ въ слѣдъ за нимъ на улицу и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ его на мѣстѣ.

вѣстное читателю. Для устраненія происшедшей отъ того неясности, нужнымъ считаемъ привести сдѣсь вкратцѣ сущность выпущеннаго разсказа, извлекая ее изъ сказаннаго въ 1-мъ изданія. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда Голштинское Посольство прожило уже нѣсколько времени въ Испаніи, то 1-го Октября пришелъ къ Секретарю Посольства (Олеарію) Пріоръ Августинскаго монастыря съ заявленіемъ, что находящіеся въ Посольствѣ люди, и даже одинъ изъ представителей онаго, Посланникъ Бругманъ, какъ ходятъ о томъ слухи между Армянами и Персами, вступаютъ въ непозволительныя связи съ нѣкоторыми изъ Армянскихъ дѣвицъ, что унижаетъ званіе Христіанъ въ глазахъ Мамометанъ и Армянъ и подаетъ дурной примѣръ этѣмъ послѣднимъ, и безъ того уже достаточно совратившимся, въ слѣдствіе постояннаго обращенія среди Магометанъ. По этому заявленію Секретарь Посольства явился къ Бругману съ просьбой, чтобы онъ обратилъ вниманіе на такое недостойное поведеніе служащихъ въ Посольствѣ; но, пришедши къ нему, у самаго Бругмана въ комнатѣ нашелъ Армянку Туллу, съ которою Бругманъ, какъ оказалось теперь, былъ въ связи. Подозрѣвая, что Секретарь съ умысломъ пришелъ въ такое время, чтобы уличить въ преступленіи Бругмана, этотъ Посланникъ до того озлобился на Олеарія, что угрожалъ ему даже смертію; по чему Олеарій и убѣжалъ въ монастырь Августинскихъ монаховъ, гдѣ, какъ извѣстно уже читателю, онъ и пробылъ цѣлые 13 дней. Послѣ этого понятно, по чему Олеарій часовщика Стадлера, женатаго на сестрѣ Туллы, о которомъ говорится въ настоящей главѣ, называетъ своякомъ Бругмана. Перев.

Увидѣвъ это, пріятели убитаго тотчасъ же побѣжали къ духовному судьѣ, съ жалобой, что Нѣмецкій часовщикъ, будучи Невѣрнымъ, убилъ Правовѣрнаго, по чему и требуютъ, чтобы виновный былъ приговоренъ къ смерти и выданъ имъ. На другой день, въ то время, когда часовщикъ этотъ, по обыкновенію своему, ѣхалъ на службу ко Двору, его схватили на улицѣ, бросили въ темницу, набили ему на шею и руку колоду, по Персидски паленкъ (Palenk), и содержали его вообще самымъ сквернымъ образомъ.

Хотя Посланники наши нѣсколько разъ просили за несчастнаго Стадлера, но все таки, по неотступнымъ жалобамъ близкихъ убитаго и по требованію Седдера (Sedder) или главнаго духовнаго судьи (котораго Турки называютъ Mufti), онъ былъ осужденъ на смерть, съ такою, впрочемъ, милостію Шаха, что если онъ совершитъ надъ собой обрѣзаніе и пріиметъ Персидскую Вѣру, то ему будетъ дарована жизнь. Но Рудольфъ избралъ лучше смерть. Въ слѣдствіе такого рѣшенія его, Ханы и другіе знатные вельможи, охотно желавшіе сохранить ему жизнь, ради нужды въ его искуствѣ, тоже убѣдительно уговаривали его согласиться на предложенную ему великую милость Шахскую, обѣщая ему почести и богатства, если онъ, хотя не отъ сердца, но для того только, чтобы сдѣлать угодное Шаху, совершитъ надъ собой обрѣзаніе; но и этѣ убѣжденія ихъ были безуспѣшны. Твердый въ Вѣрѣ, Рудольфъ отвѣчалъ имъ: «За Шахскую милость онъ не желаетъ продавать милость Христа. Тѣло, которое онъ отдавалъ на службу Шаху, можетъ достаться Шаху, но душа нѣтъ. Душа же его отойдетъ ко Христу, который искупилъ ее своею кровью, и которому онъ, Рудольфъ, въ неколебимой вѣрѣ своей, хочетъ принести ее въ жертву пролитіемъ своей крови.» Послѣ этого его дважды выводили за ворота замка, на Майданъ, къ мѣсту казни, и снова уводили въ темницу, полагая, что въ слѣдствіе этого зрѣлища онъ пообдумаетъ свое рѣшеніе толковѣе и, можетъ быть, изъ страха измѣнитъ его. Между тѣмъ Католическіе монахи также старательно утѣшали его и уговаривали перейти въ ихъ Исповѣданіе; но Рудольфъ былъ твердъ и не хотѣлъ пошатнуться ни на правую, ни на лѣвую, сторону.

Наконецъ, когда Персіяне увидали, что они ни чего не дождутся отъ Рудольфа, и когда, къ тому же, Посланникъ Бругманъ, въ гнѣвѣ на произнесенный приговоръ, заявилъ себя довольно неистово, и приказалъ даже передать Двору свои гнѣвныя слова, Стадлеръ, по обычаю Персовъ, выданъ былъ друзьямъ убитаго, которые прежде всего нанесли ему 4 сабельные удара, одинъ въ затылокъ, другой въ лобъ и два остальные въ самое лицо. Весело и бодро Рудольфъ принялъ смерть и, падая на колѣни, сказалъ: «Рубите только смѣлѣе во имя Христа!» Послѣ этого одинъ изъ Персіянъ, подскочивъ съ озлобленіемъ и желая ударить несчастнаго саблей, далъ промахъ и поранилъ въ ногу своего сосѣда; другой ударилъ саблей по колодкѣ, которая, какъ ярмо, была надѣта на шею Рудольфа. Наконецъ третій ударъ попалъ въ шею несчастнаго, послѣ чего онъ упалъ, и тутъ уже на него посыпались сабельные удары. Такимъ-то образомъ добрый Швейцарецъ испустилъ духъ съ твердою неколебимою вѣрою во Христа.

Въ тотъ же день Посланникъ Бругманъ, съ досады и неудовольствія на казнь, совершавшуюся надъ его сволкомъ, велѣлъ сдѣлать на ристалищѣ, устроенномъ имъ для себя одного, болѣе 100 выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ; на ристалищѣ этомъ, кромѣ него, его прислужниковъ и констабля, не было ни кого, и всякій разъ, когда онъ совершалъ извѣстный кругъ бѣга, стрѣляли изъ пушки.

Изрубленное описаннымъ образомъ тѣло Рудольфа, съ колодкой на шеѣ, цѣлый день пролежало на площади, вечеромъ же Посланникъ Бругманъ, съ дозволенія Шаха, велѣлъ перенести его на Посольскій дворъ, и только 22-го числа, съ торжественными проводами и обрядностію, на которыхъ присутствовали Русскій Посланникъ, Сеферасъ-Бекъ, съ своими братьями, множество Армянъ и другихъ иностранцевъ изъ Европейскихъ Христіянъ, предано было землѣ.

О такой смерти и стойкости въ Христіянской Вѣрѣ Павелъ Флемингъ написалъ въ воспоминаніе и похвальное стихотвореніе, которое находится въ собраніи его сонетовъ. [2]

---

[2] Сочинитель приводитъ сдѣсь самое стихотвореніе Павла Флемига, на Нѣмецкомъ.

Посланники хотѣли было справить похороны Рудольфа скорѣе (до 22-го числа), для чего уже 16-го числа все было изготовлено къ тому; но именно въ этотъ самый день, позднимъ вечеромъ, Шахъ, черезъ нашего Мегемандаря, прислалъ сказать намъ, что, для удовольствія Посланниковъ, онъ заказалъ охоту на нѣсколько дней, и завтра же утромъ отправляется на нее; по этому, если Гг. Посланники желаютъ участвовать въ этой охотѣ, то чтобы рано утромъ отправились вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые полагали, что Шахъ спѣшилъ охотой для того, чтобы отнять у нихъ время и помѣшать имъ присутствовать на похоронахъ Рудольфа, каковымъ присутствіемъ Посланники могли придать этѣмъ похоронамъ особую торжественность. Но, тѣмъ не менѣе, тѣло Рудольфа, послѣ того, какъ его оплакали, по обычаю, родственники его, было поставлено въ особомъ покоѣ, и похороны отложены до возвращенія Посланниковъ съ охоты.

ГЛАВА XLIII

Объ охотѣ, на которую Шахъ возилъ Посланниковъ.

17-го Октября, рано утромъ, на Польскій дворъ привели верховыхъ лошадей для поѣздки и верблюдовъ для клади, и такимъ образомъ Посланники наши, съ отцомъ Іосифомъ и нѣкоторыми изъ прислуги, въ числѣ 30 человѣкъ, отправились въ путь на охоту. Мегемандарь провелъ насъ на широкую площадь передъ городомъ, на которую тотчасъ же прибылъ и Шахъ съ своими Ханами и знатными вельможами, ѣхавшими на нѣсколькихъ богато убранныхъ, сотняхъ лошадей; самъ Шахъ былъ въ одеждѣ изъ серебряной парчи, и на мендилѣ (чалмѣ) у него воткнуто было нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Кромѣ лошадей со всадниками, въ этомъ поѣздѣ вели еще множество лошадей безъ

языкѣ, а за нимъ еще 2 небольшія стихотворенія, на тотъ же случай, на Латинскомъ языкѣ. См. подл. стр. 523. Перев.

всадниковъ, покрытыхъ попонами изъ золотой парчи, унизанной дорогими каменьями и снаряженныхъ такой же золотою сбруей. Шахъ ласковымъ поклономъ привѣтствовалъ Пословъ и пригласилъ ихъ ѣхать рядомъ съ собою, по лѣвую его сторону.

Въ поѣздѣ Хановъ, вельможъ и слугъ, слѣдовавшихъ за Шахомъ, не соблюдалось ни какого порядка, но всѣ ѣхали перемѣшанные, какъ попало, другъ съ другомъ и въ кучѣ. Тутъ же находился и Шахскій Минаджимъ или астрологъ, который почти постоянно обязанъ былъ находиться при Шахѣ и, какъ оракулъ, обозначать счастливые и несчастливые часы. Путешествіе въ этотъ день простиралось только на 3 мили, до одного Армянскаго селенія. Во время пути Шахъ нѣсколько разъ перемѣнялъ лошадь, а однажды и одежду свою. Такъ дѣлалъ онъ ежедневно, въ продолженіи всего времени охоты.

Охота и забава въ этотъ день заключались только въ спускѣ соколовъ, которые преслѣдовали и били цапель, журавлей, утокъ и воронъ, частію попадавшихся въ полѣ, частію же выпускаемыхъ для того самими охотниками. Къ полудню мы достигли до назначеннаго селенія, гдѣ было уже раскинуто множество палатокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, что представляло довольно пріятное зрѣлище. Шахъ, въ сопровожденіи Хановъ, отправился въ особую бесѣдку, въ которую немного спустя приглашены были къ столу и наши Посланники, съ важнѣйшими изъ спутниковъ своихъ. Обѣдали, по обыкновенію Персіянъ, начавъ съ плодовъ и сластей, а за тѣмъ уже всякія кушанья, которыя принесены были на большихъ, похожихъ на наши навозныя, носилкахъ, обитыхъ золотомъ, и за тѣмъ уже съ этѣхъ носилокъ передъ каждымъ ставилось особое кушанье на отдѣльныхъ блюдахъ, которыя всѣ были изъ чистаго золота.

Послѣ обѣда Мегемандарь повелъ Посланниковъ на ночлегъ въ другое, недалеко отъ сказаннаго лежащее, селеніе. Жители этѣхъ обоихъ селеній назывались: Desach и Werende, по мѣстности, которую они нѣкогда населяли, не вдалекѣ отъ Ируана (Iruan) и изъ которой переселилъ ихъ сюда Шахъ Абасъ, и были они Армяне. Узнавши, что мы Христіяне, они не знали, какъ и

угодить намъ, надавали намъ въ подарокъ множество прекрасныхъ плодовъ и дорогаго вина. Армянскій Правитель, Сеферасъ-Бекъ, съ нѣсколькими знатными вельможами, также посѣтили сдѣсь Посланниковъ, были очень имъ рады и подарили имъ двухъ козловъ, козуль, у Персовъ Ahu называемыхъ, и нѣсколькихъ цапель, и все это Посланники велѣли отправить въ Испагань на поварню.

Когда Шахъ узналъ, что Мегемандарь увелъ насъ отъ него и помѣстилъ въ другомъ селеніи, то сильно разгнѣвался на него, велѣлъ въ тотъ же вечеръ воротить насъ назадъ и помѣстить въ домѣ, близъ его покоя. Только что прибыли мы въ это новое помѣщаніе, какъ принесли къ намъ множество плодовъ и кушаній на золотыхъ блюдахъ, присланныхъ отъ Шаха.

18-го числа, рано утромъ, еще до восхода солнца, Шахъ приказалъ объявить, что онъ отправляется на ловлю журавлей только съ немногими лицами, при чемъ Посланники могутъ прибыть на охоту только самъ третей, чтобы большимъ шумомъ не распугать птицъ. Посланники поѣхали верхами одни съ отцомъ Іосифомъ; но вскорѣ за тѣмъ, когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народъ на мѣсто ловли. На мѣстѣ этомъ устроенъ былъ въ землѣ крытый ходъ, и въ концѣ его птицеловный токъ, усыпанный зерномъ, на который налетѣло множество журавлей и изъ нихъ поймано было до 80 штукъ. Шахъ воткнулъ въ свою чалму нѣсколько перьевъ изъ этѣхъ пойманныхъ журавлей, и каждому Посланнику далъ по два пера, чтобы они ихъ также воткнули въ свои шляпы. За тѣмъ до обѣда мы еще объѣхали кругомъ поле и поймали соколами тоже нѣсколько птицъ. Обѣдали мы опять въ прежнемъ селеніи, при чемъ играли Шахскіе музыканты и Шахъ былъ чрезвычайно веселъ.

Вечеромъ Шахъ пригласилъ Гг. Посланниковъ, съ 6-ю изъ спутниковъ ихъ, на охоту на утокъ и дикихъ гусей, которая назначена была въ полумили отъ селенія. Когда прибыли на назначенное мѣсто, Шахъ, Посланники и остальной народъ сошли съ лошадей и прошли разстояніе въ 2 выстрѣла изъ лука къ длинной землянкѣ, набросанной изъ земли, позади которой, на берегу небольшой рѣчки, разложены были скрытно тенета; на этой рѣчкѣ

слеталось обыкновенно множество разной перпатой дичи. Всѣ присутствовавшіе на охотѣ приглашены были къ Шаху въ землянку, гдѣ, усѣвшись по стѣнамъ вокругъ, распили съ нимъ нѣсколько флягъ вина. Посидѣвши такимъ образомъ до поздняго вечера и не дождавшись ни одной птицы, охотники поѣхали назадъ, на ночлегъ. Къ ужину Шахъ вторично прислалъ Посланникамъ нѣсколько большихъ золотыхъ блюдъ съ холодной бараниной, огромную чашу кислаго овечьяго молока, сыру, нѣсколько чашъ лимоновъ и другихъ свѣжихъ и вареныхъ плодовъ.

На слѣдующій день Шахъ назначилъ звѣриную охоту, пригласилъ на нее Посланниковъ, со всѣми спутниками ихъ, и приказалъ взять множество соколовъ, три ученыхъ леопарда и нѣсколько собакъ. Проѣздивши довольно порядочное время и не встрѣтивъ въ полѣ ни чего, Шахъ повелъ насъ въ огромный звѣринецъ, имѣвшій въ окружности добрую милю. Звѣринецъ этотъ Персіяне называли Гасарджирибъ (Hasartzirib), такъ какъ онъ представлялъ собой площадь, на которой высѣвается тысяча четвериковъ зерна, обведенъ высокими каменными стѣнами и раздѣленъ на 3 отдѣльныя части. Въ 1-й содержались олени, зайцы и лисицы; во 2-й помянутыя выше козули Ahu (лани), и въ 3-ей дикіе ослы, которыхъ Персіяне называютъ курганами (Khurhan). Прежде всего Шахъ велѣлъ спустить леопардовъ на Ahu, и три изъ этѣхъ козуль были пойманы. Когда мы пришли въ отдѣленіе дикихъословъ, и увидѣли одного изъ нихъ, стоявшаго спокойно на одномъ мѣстѣ, Шахъ предложилъ Посланнику Бругману выстрѣлить въ него изъ пистолета. Выстрѣлъ этотъ оказался неудачнымъ; тогда Шахъ съ улыбкой взялъ лукъ свой и стрѣлу, пустилъ въ бѣжавшаго на всемъ скаку осла, и попалъ ему прямо въ брюхо. Другого за тѣмъ осла онъ убилъ, попавши ему стрѣлой въ середину лба, и послѣ того онъ положилъ еще нѣсколькоословъ.

Видно было, что Шахъ отлично стрѣлялъ изъ лука и рубилъ саблей. Онъ ни разу не стрѣлялъ иначе, какъ сидя на лошади и когда дикій звѣрь и лошадь его скакали во всю прыть, и при этомъ ни одного выстрѣла не было сдѣлано мимо. Увидѣвши одного осла, совершенно смирнаго, ходившаго спокойно и не бѣгавшаго отъ людей, Шахъ сошелъ съ лошади, нанесъ ему

ударъ саблей по спинѣ, и разсѣкъ этѣмъ ударомъ животное до половины брюха; другой ударъ онъ сдѣлалъ по шеѣ этого осла, и немного только не отрубилъ имъ совершенно шеи отъ туловеща. Послѣ этого одинъ изъ Хановъ принялъ отъ него окровавленную саблю, вытеръ ее и снова вложилъ въ ножны. За тѣмъ всѣ мы вмѣстѣ поѣхали на нѣсколько выстрѣловъ изъ лука далѣе, къ малому звѣринцу, находившемуся въ серединѣ того же сада.

Въ то время когда мы ѣхали такимъ образомъ, между двумя изъ Шахскихъ оруженосцевъ, носившихъ за нимъ его длинныя ружья, произошла слѣдующая непріятность. Шахъ приказалъ младшему и менѣе значительному изъ нихъ, выстрѣлить въ одного осла, раненаго уже стрѣлой; старшій же и болѣе знатный не хотѣлъ уступить эту честь младшему, тотчасъ погнался за животнымъ, выстрѣлилъ по немъ, но далъ промахъ, и по тому былъ поднятъ на смѣхъ. Разсерженный своею неудачей, онъ пропустилъ Шаха проѣхать нѣсколько впередъ, налетѣлъ на младшаго и отрубилъ ему на рукѣ большой палецъ. Этотъ бросился къ Шаху съ жалобой, и тотъ велѣлъ было уже отрубить виновному голову, но, по ходатайству находившихся на охотѣ, оставилъ ему жизнь, но приказалъ отрѣзать ему оба уха. Персіянинъ, которому поручено было исполнить наказаніе, покривилъ душею, и оставилъ было по половинѣ уха на каждой сторонѣ; но замѣтивъ это, Великій Маршалъ, Мортуса-Кули-Ханъ, воротился назадъ къ наказанному, сошелъ съ лошади и самъ своимъ ножемъ обрѣзалъ остатки ушей гладко до самой головы. Мы только удивлялись, что въ Персіи Ханы и Князья не стыдятся отправлять обязанности палачей.

Въ упомянутомъ сейчасъ маломъ звѣринцѣ было обнесенное каменной стѣной пространство или театръ, въ которомъ Шахъ и расположился теперь съ нами. Сдѣсь сначала принесли и разставили сласти, и нѣсколько разъ мы выпили по круговой чашѣ вина; за тѣмъ сюда пригнали 32 головы дикихъ ословъ, по которымъ Шахъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ лука и ружья, а послѣ него стрѣляли и остальные, всякій, кто только хотѣлъ. Это было поразительное зрѣлище: нѣкоторые ослы бѣ-

гали, имѣя въ тѣлѣ своемъ по 10 и болѣе вонзенныхъ стрѣлъ, прошедшихъ иногда на сквозь животнаго, и когда они тѣснились въ кучу между собой и кололи этѣми стрѣлами другихъ, здоровыхъ, ословъ, то начинали биться и грызться другъ съ другомъ. Когда этѣ 32 осла [1] всѣ были перестрѣляны, или зарублены саблями, пригнаны были козули Ahu, и изъ нихъ также убито было до 30 головъ: всѣ они рядомъ разложены были передъ Шахомъ, и потомъ отосланы въ Испагань, на Шахскую поварню.

Kuhr или дикаго осла Персы считаютъ за чрезвычайно деликатное, Царское, кушанье, по чему въ ихъ «Долинѣ розъ» есть слѣдующіе изреченіе:

اگر بریان کند بهرام کوبنی
نه جون پای ملخ بلشد زموری

Eger birjan kuned Bahram kuri,
Netzün pai malahh basched semuri.

Что значитъ:

«У Барама (Bahram) есть жареная ослятина, и пусть она будетъ годной для него; на твои же глаза она должна быть ничтожнѣе лапки саранчи!»

Bahram былъ Царь Персидскій, очень высоко цѣнилъ жареное изъ дикаго осла, и часто заказывалъ это блюдо къ своему столу. Приведеннымъ сейчасъ изреченіемъ Персіяне хотѣли выразить, что не слѣдуетъ очень пускать слюни на столъ великихъ господъ и лакомыя кушанья, но каждый долженъ также высоко ставить, и даже еще выше этѣхъ яствъ, выпавшую ему собственную часть.

По окончаніи описанной охоты, Шахъ приказалъ изготовить въ томъ же дворѣ обѣденный столъ, за которымъ Посланникъ

---

[1] Въ подлинникѣ значится 22, очевидная опечатка. Перев.

Бругманъ отъ своего лица подарилъ Шаху портретъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя Нашего, вдѣланный въ ящикѣ, выложенномъ множествомъ бриліянтовъ, вмѣстѣ съ особымъ бриліянтомъ и прекраснымъ стальнымъ зеркаломъ, вышлифованнымъ и выполированнымъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ обѣда разошлись мы изъ сада на полдневный отдыхъ въ нѣсколько домовъ, не вдалекѣ лежавшихъ. Въ слѣдъ за нами Шахъ тотчасъ же прислалъ намъ 10 козуль (Ahu) и одного чрезвычайно большаго оленя, у котораго рога были съ 12-ю отростками. Не много спустя пришелъ и вѣстникъ съ извѣстіемъ, что Шахъ опять поднялся уже на охоту; мы тотчасъ же поѣхали въ слѣдъ за нимъ, и нашли его на соколиной охотѣ.

Шахъ взялъ съ собой 9 человѣкъ изъ своихъ спутниковъ и Посланниковъ самъ-шесть съ Посольскими, и повелъ насъ въ длинную, низкую со сводами, галерею. За этой галереей опять около рѣки устроена была приманка для дикихъ утокъ и гусей. Мы расположились и усѣлись въ галереѣ, гдѣ Шаху припала вдругъ охота выпить, и онъ приказалъ подчивать всѣхъ кругомъ виномъ; онъ до того развеселился съ нами, что забылъ объ удовольствіи ловить птицъ; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присѣла на приманку.

Фонъ Мандельсло удостоился сдѣсь чести налить и поднести Шаху чашу вина. Когда Шахъ выпилъ эту чашу, и Мандельсло поцѣловалъ его въ ногу, то, въ знакъ особой милости, Шахъ далъ Мандельсло яблоко, что и возбудило къ нему потомъ великую дружбу знатныхъ вельможъ и придворныхъ людей, какъ это обыкновенно бываетъ при дворѣ.

Kerekjerak или Шахскій Гофмейстеръ, по имени Магумедъ Али-Бекъ (Mahumed Ali bek), угощаясь и попивая въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ передъ Шахомъ, пянулся до такой степени, что пьяный усѣлся на полу у двери и началъ шумѣть. Шахъ приказалъ двумъ изъ своимъ приближенныхъ вывести его и отправить на лошади; по этому приказанію Гофмейстеръ хотя и дозволилъ вывести себя вонъ, но за тѣмъ ни какъ не хотѣлъ сѣсть на лошадь и сталъ бранить и проклинать проводниковъ своихъ, уго-

варивавшихъ его къ тому. Увидя это, Шахъ вышелъ самъ на дворъ, схватилъ Гофмейстера за руку, и повелъ его къ лошади; но Гофмейстеръ и его тоже началъ обносить бранью. Шахъ приказывалъ сначала Гофмейстеру усѣсться на лошадь добрыми словами; но видя, что этотъ послѣдній и не думаетъ совсѣмъ послушаться его, обнажилъ свою саблю и замахнулся ею на непослушнаго. Полагая голову свою уже пропавшею, Гофмейстеръ поднялъ такой жалобный крикъ, что другіе также перепугались за него и сочли его погибшимъ; ибо хотя Магумедъ Али-Бекъ находился у Шаха въ большомъ почетѣ и милости, но, по многимъ бывшимъ уже кровавымъ примѣрамъ, имъ также хорошо былъ извѣстенъ и вспыльчивый нравъ Шаха, переспливавшій часто подобную милость. На этотъ разъ, впрочемъ, это была только шутка. Когда страхъ сдѣлалъ ноги Гофмейстера легче, нежели на сколько хмѣль сдѣлалъ ихъ тяжелыми, то онъ не медлилъ уже исполнить Шахское приказаніе, тотчасъ вскочилъ на лошадь и уѣхалъ оттуда домой. Шахъ съ улыбкою возвратился опять къ хижинѣ, но вскорѣ за тѣмъ и самъ отправился на ночлегъ, а за нимъ и мы также.

На слѣлующее утро, именно 20-го Октября, Шахъ опять приказалъ просить насъ къ своему столу, который назначался въ одномъ прекрасномъ саду, подлѣ бесѣдки и рѣки. Во все время стола кругомъ стояли и прислуживали около сотни храбрыхъ и разодѣтыхъ молодыхъ Персіянъ. На этомъ обѣдѣ и многіе изъ насъ охотнѣе бы постояли, чѣмъ посидѣли съ такою пышностію; ибо Персидскій способъ сидѣть за столомъ очень тягостенъ былъ для нашихъ Нѣмецкихъ ногъ. Послѣ стола поѣхали мы верхомъ всѣ вмѣстѣ въ одно селеніе, за полторы мили отъ города, и на дорогѣ одинъ изъ спущенныхъ соколовъ поймалъ бѣлую цаплю. 21-го числа, ранехонько утромъ, Шахъ прислалъ просить насъ на голубиную охоту. Онъ повелъ насъ на одну круглую высокую башню, которая внутри кругомъ вся была усѣяна выложенными изъ камня норами для голубей, гнѣздившихся тамъ болѣе тысячи штукъ. Каждому изъ присутствовавшихъ дано было въ руки по палкѣ, въ видѣ вилъ, и съ такою-то палкой Шахъ и всѣ мы стали вокругъ башни у оконныхъ отверстій. Расположившись такъ, трубачамъ нашимъ велѣно было затрубить погромче въ

трубы, отъ чего, спугнутые голуби, въ нѣсколько сотенъ, полетѣли вонъ изъ башни, гдѣ и были перебиты большею частію самимъ Шахомъ и нами. Такимъ избіеніемъ голубей и Царской потѣхой охота закончена, и мы отправились обратно въ городъ Испагань. Передъ городомъ Шахъ пригласилъ насъ еще въ великолѣпнѣйшій и обширный садъ, называемый Tzarbach, какого не видали мы въ цѣлой Персіи. Въ этомъ саду насъ угощали еще разъ. Только что возвратились мы домой на Посольскій дворъ, какъ, въ слѣдъ за нами, Шахъ прислалъ намъ 20 дикихъ утокъ и 20 голубей, привезенныхъ съ охоты. Но птицы этѣ полетѣли сейчасъ же на крыльяхъ любви въ Армянскіе и Nessera дома.

ГЛАВА XLIV.

Объ особенной Шахской охотѣ, при которой находились и жены Шаха. Также о щедрости Шаха Сефи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго Шахъ снова отправился на охоту съ своимъ сералемъ. За нѣсколько часовъ передъ поѣздомъ этѣмъ, Tzartzi или глашатай дѣлалъ громогласное о томъ возвѣщеніе, на тѣхъ улицахъ, по которымъ долженъ былъ совершаться поѣздъ, для того, чтобы люди сидѣли по домамъ и не показывались на этѣхъ улицахъ, пока не проѣдетъ поѣздъ. У Персіянъ такой обычай: когда Шахъ выѣзжаетъ куда ни будь съ своимъ сералемъ, то чтобы ни кого по улицамъ, или на разстояніи ружейнаго выстрѣла, не было видно; иначе всякаго стрѣляютъ, какъ собаку, не смотря на то, что всѣхъ женъ возятъ на верблюдахъ обыкновенно въ извѣстныхъ ящикахъ, такъ что ни одной изъ женъ и увидѣть нельзя. Шахъ обыкновенно выѣзжаетъ съ своими придворными за полчаса впередъ, а потомъ уже ѣдутъ за нимъ и жены съ евнухами или оскопленными прислужниками. Выѣхавъ въ поле, жены садятся на лошадей, забавляются лукомъ, стрѣлами и соколами также, какъ и мужчины; но при этомъ всѣ вельможи и слуги не должны показываться на цѣлую четверть мили отъ нихъ. Мужчины въ это

время потѣшаются отдѣльной охотой и ждутъ, пока не попричутъ Царскихъ женъ, которыхъ сзываетъ Шахъ черезъ одного изъ евнуховъ, прислуживающихъ здѣсь во множествѣ. Съ такой-то охоты Шахъ возвратился домой 6-го Ноября и, вмѣстѣ съ своими придворными, до того былъ пьянъ, что всѣ они едва держались на лошадяхъ. Возвращаясь домой, Шахъ у сада Джарбаха (Tzarbach) усѣлся на длинномъ мосту съ своими Ханами, порядкомъ выпилъ здѣсь, и когда вино начало дѣйствовать, онъ обнажилъ свою саблю и началъ ею размахивать надъ головою своею; Ханы же пѣли при этомъ пѣсни, плясали передъ Шахомъ, и это ему такъ понравилось, что онъ тутъ же одѣлилъ нѣкоторыхъ богатыми подарками. Будучи вспыльчивымъ и кровожаднымъ Государемъ, Шахъ, когда бывалъ въ духѣ и веселъ, особенно выпивши, былъ и весьма щедръ, дарилъ иногда такъ много, что потомъ самому становилось жалко. Черезъ восемь дней послѣ описанной попойки, случилось, что Шаху опять припала охота выпить; послѣ стола, когда всѣ его собесѣдники, кромѣ Eahtemad döwlet и нѣсколько главныхъ евнуховъ, поразошлись, Шахъ, уже выпившій, приказалъ налить большую чашу вина и предложилъ ее Канцлеру выпить за его Царское здоровье. Канцлеръ, не бывши охотникомъ до выпивки, отговаривался, что онъ пить не можетъ, и что это положительно вредно для его здоровья; въ слѣдствіе этого Шахъ обнажилъ свою саблю и положилъ ее подлѣ чаши съ виномъ, угрожая, что Канцлеръ долженъ или выпить вино, или пролить кровь свою. Канцлеръ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, рѣшился выпить вино, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и попросилъ отдыху; воспользовавшись же случаемъ, что Шахъ отвернулся отъ него и заговорился съ другимъ, онъ ушело тихонько и скрылся. Шахъ хоть и разгнѣвался было, но когда ему доложили, что нигдѣ не нашли Канцлера, усмирился и предложилъ выпить чашу одному Ахта (Achta) или евнуху. Когда же и этотъ началъ отказываться, говоря, что уже давно не употреблялъ вина, совершенно отвыкъ отъ него, и что, пожалуй, если выпьетъ теперь предлагаемую чашу, то помретъ, Шахъ какъ сидѣлъ, такъ и разсѣкъ ему саблей ногу, а Мегетеру (Meheter) или камердинеру своему, который рѣшился не допустить Шаха совсѣмъ зарубить евнуха, нанесъ рану въ руку. Когда оба этѣ прислужники удалились,

Шахъ все таки хотѣлъ, чтобы чашка, назначенная имъ къ выпивкѣ, не осталась не выпитой, и по тому позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ пажей, Алимерданъ-Хана (Alymerdanchan), сына Хана Кандагарскаго, красиваго мальчика, и спросилъ его: «Вѣрный ли онъ слуга ему, и не можетъ ли онъ выпить сказанную чашу?» Пажъ отвѣчалъ: «Онъ не знаетъ, что будетъ по его силамъ, но сдѣлаетъ все, что можетъ;» при этомъ онъ сталъ передъ Шахомъ на колѣни и нѣсколько разъ отпилъ изъ чаши, такъ какъ ему дозволено дѣлать передышку. Вино и ласковая рѣчь Шаха придали мальчику откровенности и смѣлости; онъ приподнялся на ноги, обнялъ вокругъ шеи Шаха, поцѣловалъ и сказалъ ему по Турецки: «Patschahümse, Alla taala menum itzün tschok jasch wersun!» т. е., «Боже, продли для меня жизнь Царя на многія лѣта!» Это такъ понравилось Шаху, что онъ тутъ же приказалъ достать изъ своего казнохранилища саблю, усѣянную на рукояткѣ, ножнахъ и поясѣ драгоцѣнными бриліянтами, и стоившую нѣсколько сотъ туменовъ, и подарилъ ее мальчику. Другому мальчику, который, по соизволенію Шаха, также помогалъ пить вино Бенъ-Алимендару (Ben Allymerdan), тоже подарилъ богатую саблю, а третьему, бывшему тутъ же, золотую чашу. На другой день послѣ этого Шахъ былъ очень печаленъ, поѣхалъ верхомъ въ большой садъ и сидѣлъ на лошади въ такой глубокой задумчивости, что предоставилъ ей свободный ходъ, опустивъ поводья. Когда же догадались, что причиной такого печальнаго настроенія Шаха могли быть, между прочимъ, весьма цѣнные подарки, сдѣланные имъ на канунѣ, то выкупили большими деньгами и прекраснѣйшія сабли и чаши, точно также, какъ это было въ другой разъ съ раздаренными золотыми чашами.

ГЛАВА XLV.

О двухъ пирахъ Государственнаго Канцлера; что мы видѣли на этѣхъ пирахъ, и о самомъ Государственномъ Канцлерѣ. Также объ обрѣзаніи Армянскаго Князя.

19-го Ноября Eahtemad döwlet или Государственный Канцлеръ давалъ нашимъ Посланникамъ большой пиръ, въ велико-

лѣпномъ залѣ, который тотчасъ же при входѣ представлялъ восхитительное зрѣлище. Посреди передней комнаты находился огромный водометъ, который нѣсколькими трубами металъ воду вверхъ, на высоту взрослаго человѣка. Главный залъ, увѣшанный по стѣнамъ на верху, какъ и въ домѣ Сеферасъ-Бека, множествомъ картинъ Европейской работы, изображающихъ женскія одежды различныхъ народовъ, внизу украшенъ былъ множествомъ большихъ и нѣсколькими сотнями маленькихъ зеркалъ, которыя всѣ вдѣланы были въ стѣнахъ въ извѣстномъ порядкѣ и такъ искусно расположены, что, стоя посреди залы, можно было видѣть нѣсколько своихъ изображеній въ одно время и со всѣхъ сторонъ. Подобный же, но еще болѣе прекрасный, зеркальный покой, въ которомъ по стѣнамъ и на потолкѣ не было и на ладонь пространства, не занятаго зеркалами, есть и въ Царскихъ палатахъ, подлѣ помѣщенія женъ его.

Угощенія, вкусно изготовленныя, разставлены были на серебряныхъ блюдахъ. Во время пира играли Царскіе музыканты и плясали танцовщицы, тѣ самыя, что и прежде въ присутствіи Шаха. Танцовщицы этѣ во время плясокъ представляли разные забавные фокусы. Такъ, одна изъ нихъ поставила на полу горшокъ, вышиной почти съ локоть, прыгала вокругъ него, и прежде чѣмъ мы успѣли замѣтить, схватила его между колѣнъ, продолжала прыгать и порхать съ такою легкостью, какъ будто у нея не было ни чего, и за тѣмъ, съ особенною ловкостью, все танцуя, поставила опять горшокъ на прежнее мѣсто, съ котораго она взяла его, и продолжала свою пляску, не останавливаясь ни сколько.

Такія Kachbeha должны угождать и служить гостямъ не только пляской, но и для удовлетворенія иныхъ пожеланій ихъ. Ибо хозяинъ предлагаетъ обыкновенно гостямъ всякаго рода удовольствія и наслажденія, какими только онъ въ состояніи угостить ихъ; между прочимъ, это плотское наслажденіе Персіяне считаютъ непослѣднимъ и дозволительнымъ. По этому, на всѣхъ знатныхъ пирушкахъ, кромѣ музыкантовъ, непремѣнно бываютъ и такія плясуньи вездѣ, за исключеніемъ Ардебиля, изъ котораго, какъ изъ священнаго мѣста, Шахъ Абасъ изгналъ

всѣхъ непотребныхъ женщинъ. За попойкой хозяинъ обыкновенно предлагаетъ гостямъ своимъ сказанныхъ женщинъ употребить для дальнѣйшихъ наслажденій, какую угодно. Желающій отправляется съ избранною имъ въ особую, нарочно для того приготовленную, комнату, и за тѣмъ, безъ всякаго стыда, возвращается снова гость на свое мѣсто, а танцовщица къ своимъ танцамъ. Если же кому не нравится такая пошлость, тотъ отклоняется хозяину съ благодарностію за его предложеніе.

Послѣ обѣда музыканты и танцовщицы разошлись по домамъ, Посланники же, долженствававшіе имѣть еще тайное совѣщаніе съ Канцлеромъ, остались тамъ, а насъ повели тѣмъ временемъ въ садъ, гдѣ продолжали еще угощать плодами и виномъ.

Названный Eahtemad döwlet или Канцлеръ, по имени Тагге (Tagge), былъ человѣкъ лѣтъ 60, съ однимъ голубымъ и другимъ чернымъ глазомъ, полный лицомъ, желтоватаго съ примѣсью краснаго цвѣта. Его по этому и прозвали по Турецки Sarü Tagge; у него не было бороды, по тому что онъ былъ Achta или оскопленный, и случилось это съ нимъ такъ: онъ былъ при Шахѣ Абасѣ писаремъ въ Kentze, и запримѣтивъ одного красиваго мальчика, возгорѣлъ страстью къ нему, завлекъ его и изнасиловалъ. Мальчикъ этотъ съ отцомъ своимъ обратился къ Шаху съ жалобой на такое безчестіе, и Шахъ далъ приказъ: отрѣзать Сарю Магге Sijk (такъ называютъ они мужескій дѣторадный удъ), со всѣми принадлежностями, въ гладь съ брюхомъ. Другіе же разсказывали это иначе, а именно: когда слухъ о такомъ строгомъ наказаніи Царскомъ, съ добавленіемъ, еще, что виновный долженъ лишиться при этомъ и головы, дошелъ да Сарю Тагге, то, изъ страха смерти, онъ самъ поднялъ на себя руки, вырѣзавъ себѣ бритвою свой членъ и представилъ его Шаху съ просьбой, пощадить его голову, безъ которой онъ не можетъ сослужить Шаху ни какой службы; безъ члена же, на противъ, онъ можетъ оказать Шаху добрую службу; при томъ же, что согрѣшило, то и потерпѣло наказаніе. Шахъ Абасъ удивился такому мужеству, приказалъ вылѣчить оскопившаго себя, и возвысилъ его, за его свѣтлый умъ, сдѣлавши его Секретаремъ въ своей Канцеляріи. А Шахъ Сефи, послѣ того, какъ за-

рубилъ саблей своего стараго Государственнаго Канцлера, прислалъ Сарю Тагге, по обычаю Персовъ, золотую Dawat или чернилицу, и возвелъ его въ эту высокую должность Канцлера.

21-го Ноября Eahtemat döwlet, по Шахскому приказу, вторично пригласилъ Посланниковъ къ себѣ, для тайныхъ совѣщаній, чтобы постановить окончательное рѣшеніе по нашему дѣлу. Насъ опять угощали сдѣсь отлично, хотя и не такимъ, какъ прежде, образомъ.

29-го числа, двое братьевъ знакомыхъ нашихъ Армянъ, Сеферасъ-Бекъ и Илія-Бекъ, посѣтили Посланниковъ и, между прочимъ, разсказывали намъ, что хотя они и пользовались добрымъ расположеніемъ къ нимъ настоящаго Шаха Сефи, равно какъ бывшаго отца его, Шаха Абаса, но что тѣмъ не менѣе, съ Шахомъ Сефи шутить опасно, и надо хорошо обдумывать, что говоришь съ нимъ. Однажды, въ веселый часъ, Шахъ этотъ, желая выразить особую милость свою къ Иліи-Беку, сказалъ ему, что если бъ онъ совершилъ надъ собой обрѣзаніе и принялъ Магометанскую Вѣру, то заслужилъ бы тѣмъ вдвое большее къ себѣ расположеніе. Илія-Бекъ въ шутку отвѣчалъ ему на это, что можетъ быть это и случится когда ни будь, но что теперь не время думать объ этомъ и Шаху надо веселиться. На этомъ дѣло пока и осталось. Но въ послѣдствіи времени, когда производился судъ надъ Рудольфомъ Стадлеромъ, и ему, для спасенія жизни и пріобрѣтенія Царской милости, предлагали принять Магометанскую Вѣру, а онъ, Стадлеръ, отвергъ такое предложеніе, Шахъ вспомнилъ и прислалъ также къ Иліи-Беку, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе, сказанное въ шутку, и чтобы совершилъ надъ собой обрѣзаніе; когда же Илія-Бекъ не соглашался на это, то его обрѣзали насильно. Будучи такимъ образомъ обрѣзаннымъ, онъ въ душѣ все таки оставался истиннымъ Христіяниномъ; однако, хотя онъ и старался казаться веселымъ, по своему обыкновенію, но веселость эта уже не была въ немъ такою сердечною и непринужденною, какъ прежде.

ГЛАВА XLVI.

О подаркахъ Шаха и другихъ Вельможъ Посланникамъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ. Также о послѣднемъ открытомъ представленіи и прощаніи.

2-го Декабря пришелъ нашъ Мегемандарь, Абасъ-Кули-Бекъ, и принесъ намъ отъ Шаха подарки, которые были слѣдующіе:

1. Для каждаго Посланника по лошади, съ сѣдлами и уздою. Сѣдла обтянуты были плотнымъ листовымъ чистымъ золотомъ, а уздечки и головные приборы густо обиты толстыми золотыми же шишками. Лошадь Бругмана оказалась, впрочемъ, больной.

2. Двѣ Персидскія одежды изъ самой лучшей золотой парчи, съ прекрасными, принадлежащими къ нимъ, Mendilen и Mianbend, т. е., головными повязками (чалмами) и поясами.

3. Сто пять кусковъ всякаго рода шелковыхъ тканей, атласу, камки, Dargai или двойной тафты, также выбойки, и тому подобныхъ матерій, пятнадцать разборовъ.

Кромѣ того, обоимъ Посланникамъ, на путевое продовольствіе прислано было 200 туменовъ или 3,333 рейхсталера, которые всѣ взялъ одинъ Бругманъ, и часть изъ нихъ выдалъ на продовольствіе Посольскимъ людямъ, а часть подарилъ своимъ Армянскимъ пріятелямъ.

Царскіе подарки для другихъ Посольскихъ Чиновъ были: пяти Чинамъ, важнѣйшимъ послѣ Посланниковъ, каждому по одному кафтану атласному и по одному изъ двойной тафты; и тѣ и другіе вышитые золотыми и пестрыми цвѣтами.

Остальнымъ Гофъ-Юнкерамъ каждому по кафтану изъ объяри (волнистой тафты), вышитому золотомъ. Нижнимъ же чинамъ ни чего.

На слѣдующій день, т. е., 3-го Декабря, Шахъ приказалъ просить къ себѣ и къ столу уже въ послѣдній разъ Гг. Посланниковъ, вмѣстѣ со всѣми Посольскими людьми. При этомъ Мегемандарь объявилъ намъ, чтобы мы, согласно обычаю ихъ, сверхъ нашихъ одеждъ надѣли на себя лучшіе, подаренные намъ Шахомъ, кафтаны, и въ такомъ видѣ явились бы къ Шаху. Сначала Посланники воспротивились было этому, но когда Мегемандарь настоятельно просилъ исполнить его предложеніе, поставляя на видъ (что подтвердили и другіе Персіяне), что не соблюденіе этого обычая не понравится Шаху, ибо и всѣ другіе Послы тоже дѣлаютъ это, Посланники согласились наконецъ, накинули на плечи себѣ, также какъ и всѣ мы, самые лучшіе дареные кафтаны, и такъ и поѣхали на представленіе къ Шаху.

Шахъ сидѣлъ опять въ описанной выше залѣ, Диванъ-Ханѣ, съ прежнею пышностію, и все было съ тою же обрядностію, какъ въ первое представленіе наше и ни въ чемъ ни какого измѣненія.

Когда сласти стояли еще на столѣ, Eahtemad döwlet или Государственный Канцлеръ, Сарю Тагге, по обычаю своему, приказалъ привести и принести Шаху богатѣйшіе подарки, а именно: 12 прекрасныхъ лошадей, съ дорогими попонами, 49 верблюдовъ, съ Турецкими коврами и прекрасными войлоками, называемыми Кеббе (Kebbe) и сдѣланными изъ шерсти весьма чисто; 15 муловъ, 1000 туменовъ чистыми деньгами, и каждый туменъ несенъ былъ особымъ человѣкомъ на рукѣ, въ раскрашенномъ кошелѣ, 40 штукъ золотой парчи, множество шелковыхъ товаровъ и другихъ вещей, что все одно за другимъ, цѣлые полтора часа! проносилось мимо палатъ въ Царское казнохранилище. Такіе подарки Государственный Канцлеръ обязанъ доставлять Шаху однажды, а иногда и дважды, въ годъ. Откуда же беретъ онъ ихъ и для чего онъ дѣлаетъ, о томъ не замедлю сказать ниже.

Послѣ стола Великій Маршалъ и Курджибаши (Kurtzibaschi) опять подвелъ Посланниковъ къ Шаху, для прощанія съ нимъ. Вручая вѣрительныя грамоты, Шахъ приказывалъ передать свой дружескій привѣтъ Его Княжеской Милости, Герцогу Шлезвигъ-

Голштинскому и проч., и вызывался, что отплатитъ ему посѣщеніемъ его собственныхъ Посланниковъ. Наши Посланники съ подобающимъ почтеніемъ отблагодарили его за это и за полученныя ими отъ него высокія милости; за тѣмъ, взявъ свой отпускъ, мы поѣхали опять домой, въ своихъ дареныхъ кафтанахъ.

4-го числа Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, былъ у Государственнаго Канцлера, и черезъ него также учинилъ прощаніе на имя Шаха, такъ что онъ, вмѣстѣ съ нами, опять долженъ былъ возвратиться домой. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни знатные придворные вельможи, которые уже прежде получили подарки отъ нашихъ Посланниковъ, присылали намъ ихъ отвѣтные подарки; именно: 5-го числа Хозровъ Султанъ (Chosrow Sulthan) прислалъ двѣ лошади; 6-го числа Джани-Ханъ Курджибаши (Tzani chan Kurtzibaschi) прислалъ свои подарки; но такъ какъ подарки этѣ долженъ былъ передать Посланникамъ Рустамъ, нашъ бѣглый Персидскій толмачъ и мамелюкъ, котораго держалъ при себѣ Курджибаши, то Посланники наши не захотѣли принять ихъ, отослали ихъ обратно назадъ и велѣли сказать черезъ Мегемандаря: «Если Джани-Ханъ хотѣлъ почтить ихъ, Посланниковъ, своими подарками, то не уже ли для передачи ихъ не имѣлъ ни кого другого, кромѣ бѣглаго негодяя, съ которымъ они и говорить ни за что не хотѣли?» Въ слѣдствіе этого Джани-Ханъ на 3-й день прислалъ уже съ другимъ посланнымъ двѣ лошади, одного мула и 18 кусковъ разнаго рода шелковыхъ тканей, что все принято было нами съ благодарностію, а пришедшему съ подарками данъ былъ туменъ въ подарокъ.

10-го числа Великій Маршалъ подарилъ Посланникамъ двѣ лошади, а Государственный Канцлеръ также двѣ лошади, одного мула и 45 кусковъ шелковыхъ и золотыхъ тканей.

Въ тотъ же день пришелъ къ намъ Мегемандарь съ извѣщеніемъ, что черезъ 8 дней Шахъ собирается въ путь и отправляется въ Кашанъ, и что если Гг. Посланникамъ будетъ угодно, онъ приметъ ихъ въ число своихъ спутниковъ до этого города, на который намъ должно было ѣхать въ нашемъ обратномъ путешествіи. Въ слѣдствіе этого мы начали изготовляться къ

отъѣзду, и 12-го числа на прощанье задали еще одну пирушку, на которой присутствовали тѣ же гости, что были и прежде, кромѣ Армянъ, которыхъ понаѣхало теперь порядочное число. Послѣ стола гости отправились на ристалище (карусель), куда пришли также одинъ Испанскій Повѣренный (Агентъ), котораго имѣетъ сдѣсь изъ Индіи Вице-Король Гоа, и одинъ богатый Еврей, ведущій торговлю изъ Индіи съ Константинополемъ. Музыка, трубы и барабаны, весело оглашала воздухъ. Нѣсколько сотъ Персіянъ, Армянъ и Армянскихъ барынь, стояли по стѣнамъ и въ кругомъ лежавшихъ домахъ, глядя на нашу потѣху. Устроено было опять два круга, только безъ наградъ за выигрышъ, такъ что всякій, кто только хотѣлъ, могъ участвовать въ бѣгѣ. При каждой побѣдѣ въ состязаніи, а также при всякой выпивкѣ за здоровье, по приказанію Посланника Бругмана, стрѣляли изъ большихъ пушекъ. Толмачъ Шахскій, отецъ Іосифъ, опасался, что такъ какъ стрѣльба эта, совершаемая въ столицѣ Шаха, слышна была во Дворцѣ, то она легко могла не понравиться Шаху, какъ не понравилась ему и прежде бывшая; Шахъ же былъ страшный тиранъ; прогнѣвить его этѣмъ было легко, и по тому толмачъ очень боялся, что, по отъѣздѣ нашемъ, гнѣвъ Шаха обратится на него, какъ на нашего толмача, и при томъ присутствовавшаго при стрѣльбѣ. Ему хорошо были извѣстны подобные страшные примѣры Шахскаго гнѣва, въ особенности изъ того, какъ изрубленъ былъ прежній Государственный Канцлеръ; а по тому онъ, ради Христа, просилъ веселиться потише. Но, не смотря на просьбы этѣ, по приказанію Бругмана, который предался веселью, словно безумный, потѣха продолжалась еще нѣсколько времени. Въ послѣдствіи же мы узнали, что Шахъ, по случаю этой шумной потѣхи, а также и по другимъ причинамъ, до такой степени сердитъ былъ на Бругмана, что даже высказывалъ, что если бъ только онъ не хотѣлъ щадить Герцога Голштинскаго, который, какъ онъ слышалъ, былъ не только Великій Государь, но и честный и добродѣтельный человѣкъ, то непремѣнно велѣлъ бы отрубить голову Посланнику Бругману. Шахъ считаетъ себя въ высшей степени оскорбленнымъ слѣдующею еще продѣлкою этого Посланника. Въ этѣ дни случилось, что одинъ не изъ послѣднихъ чиновъ Посольства, уроженецъ Брабантскій, по имени Ліонъ Бернольди (Lyon Bernoldi), за то, что безъ позволенія Посланниковъ ходилъ къ Голландскому

Повѣренному и получалъ отъ него подарки, закованъ былъ Бругманомъ въ цѣпи, въ которыхъ и долженъ былъ содержаться во все время, пока мы пробудемъ въ Испагани. Этотъ же Ліонъ Бернольди разбилъ оковы и бѣжалъ въ Allacapi или домъ защиты, который находился на Шахскомъ дворѣ. Посланники сначала послали было къ Шаху съ просьбой выдать бѣжавшаго, но Шахъ отвѣчалъ, что ни въ его и ни въ чьей другой власти не зависитъ, схватить въ сказанномъ мѣстѣ виновнаго, хотя бы за преступленіе противъ самаго его, Шаха; что если бѣглецъ укралъ что либо, (какъ несправедливо тогда выдавали Посланники наши), то покраденное можетъ еще быть выдано, но преступникъ самъ отнюдь нѣтъ. На это Посланникъ Бругманъ открыто объявилъ, что онъ хочетъ получить самаго Ліона, и что онъ добудетъ непремѣнно и застрѣлитъ его, хотя бы онъ былъ въ объятіяхъ самаго Шаха. Въ такомъ намѣреніи Бругманъ нашелъ одного Армянина, который согласился хитростію выманить Ліона изъ мѣста его укрывательства, обѣщая ночью выпроводить его въ другое, будьто бы болѣе безопасное, убѣжище; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ назначенное для бѣгства время, Бругманъ отрядилъ двадцать конныхъ изъ нашихъ людей, съ зажженными фитилями и пищалями, къ воротамъ Шахскаго Дворца, съ приказаніемъ представить бѣглеца живаго, или мертваго. Всѣ представленія, какія дѣлалъ Бругману товарищъ его противъ такихъ распоряженій его, въ виду великихъ опасностей, которыя могли произойти отъ того для всѣхъ насъ, не привели ни къ чему. Отрядъ былъ посланъ, и когда онъ приблизился къ воротамъ Дворца, то надѣлалъ такого шуму, (можетъ быть болѣе, чѣмъ было ему приказано), что не хотѣлъ слушаться Шахской стражи, не пропускавшей его въ ворота; по чему стража эта, по приказанію проснувшагося отъ шума Шаха, и въ отвращеніе дальнѣйшей бѣды, заперла ворота, которыя на памяти человѣческой никогда не запирались, такъ какъ черезъ нихъ всякій могъ пройти въ безопасное для себя убѣжище. Все это разгнѣвало Шаха до такой степени, что на другой день онъ жаловался своимъ Совѣтникамъ и сказалъ, что при Нѣмцахъ онъ не можетъ болѣе и спать безопасно, и что если не слѣдуетъ принять противъ нихъ какихъ ни будь рѣшительныхъ мѣръ, то или онъ, или они должны оставить городъ. Кромѣ того, немаловажной причиной гнѣва Шахскаго на Бругмана было еще

и намѣреніе этого послѣдняго воспрепятствовать нѣкоторымъ Шахскимъ уполномоченнымъ, которымъ поручено было посѣщать дома Армянъ и набирать въ нихъ молодыхъ дѣвицъ для Шахскаго Сераля (подробнѣе объ этомъ обыкновеніи я не замедлю сказать ниже), такъ какъ Армянскій толмачь, по имени Шуанъ (Schuan) (человѣкъ пустой), горько жаловался Бругману, что въ одно изъ предстоявшихъ такихъ посѣщеній сказанныхъ уполномоченныхъ грозитъ опасность его любезной, которую могутъ у него отнять, и Бругманъ далъ толмачу опасное обѣщаніе и предложеніе обуздать такихъ Шахскихъ посѣтителей. Но если бъ такое обѣщаніе дошло до дѣла, то мы подверглись бы величайшей опасности. Однимъ словомъ, если бъ отъ этого, а также и отъ другихъ опасныхъ предпріятій Бругмана не воздерживалъ его часто Государственный Канцлеръ, то едва ли бы этотъ Посланникъ, а можетъ быть и всѣ мы, выѣхали живые изъ Персіи.

КНИГА ПЯТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О ПЕРСИДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И ОБЪ ЕГО ОБИТАТЕЛЯХЪ.

ГЛАВА I.

О Персидскомъ Царствѣ вообще.

Царство Персидское, получившее имя свое отъ одного Греческаго героя, Персея, издревле было въ высшей степени знаменитымъ и славнымъ Государствомъ и Монархіею, такъ что, какъ свѣдѣтельствуетъ Брисонъ (De regio Persarum principatu. Paris. 1606, lib. 1, pag. 2), въ цѣломъ свѣтѣ не было ни одного Государства, которое превосходило бы его въ силѣ и величіи. По этому-то и правители его назывались великими Царями, и даже Царями всѣхъ Царей, какъ это читаемъ мы у Платона (De legib. Dial. 3, pag. 783; Platonis opera. Lugd., 1590), Страбона (lib. 15, pag. 502, 1587), у Светонія (in Caligula § 5. Lugd., 1547), а также и въ 1-й книгѣ Есѳирь (Esther, гл. 3, ст. 12). Монархія эта простиралась далеко и широко въ своихъ предѣлахъ, содержала подъ своимъ владычествомъ весьма много областей, богатыхъ народонаселеніемъ, что, между прочимъ, можно видѣть и изъ несмѣтнаго войска и воинскихъ снарядовъ, съ которымъ Царь Дарій ходилъ войною противъ Александра, и свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ Кв. Курцій (lib. 3, cap. 2. Coloniae Agrippinae, 1628).

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и благоденствіи находилась эта, именно 2-я, Монархія, начатая Киромъ и существовавшая 230 лѣтъ, и при Царѣ Даріи, передъ послѣднимъ сраженіемъ при Арбеллахъ; но вскорѣ за тѣмъ, вмѣстѣ съ симъ Царемъ, стала клониться къ упадку, и наконецъ совершенно пала.

Съ теченіемъ времени Персія была весьма ослаблена войнами, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, Государей, иногда же была совершенно порабощаема и низводима въ тяжелое рабство, даже до того, что жители ея, Персіяне, при покореніи ихъ Арабами (въ 632 г.), принуждены были отречься отъ своего имени и называться не Персами, но Сарацинами, какъ повѣствуетъ о томъ Ботеръ (Boterus), въ своей «Politia Regia» (Marpurgi, 1620), на стр. 146. Иногда же Персіяне снова усиливались и пріобрѣтали опять своихъ собственныхъ Царей, которые опять расширяли предѣлы своего Царства и свое владычество.

Какъ далеко и широко простиралось Царство это въ древности, о томъ находимъ мы свѣдѣнія у древнихъ писателей. Особенно повѣствуютъ объ этомъ Страбонъ, въ помянутой сейчасъ 15 книгѣ, и Бизаръ (Bizarus), въ «Historia rerum Persicarum» (Francofurti, 1601), книга 1, страницы 2 и 3; послѣдній заимствуетъ свои свѣдѣнія у Армянскаго географа, Гайтона (Haithon). Что касается до положенія Персіи въ настоящее время и до названія ея областей, то хотя объ этомъ и можно найти свѣдѣнія у новыхъ географовъ, но они частію слѣдуютъ древнимъ писателемъ (какъ, на прим., въособенности, Маріи Нигеръ (Marius Niger), въ своей географіи (Basiliæ, 1557), въ заглавіи которой значится, впрочемъ: «Loca ut nostro tempore sunt sita et denominata,» и смѣло выписываютъ изъ нихъ, частію же даютъ областямъ и городамъ невѣрныя и странныя названія, въ слѣдствіе чего тѣмъ же грѣшатъ и обыкновенныя Персидскія карты, находящіяся въ большомъ Атласѣ, кромѣ того, что въ нихъ невѣрно опредѣлены долгота и широта мѣстъ. Я не видалъ еще ни одной изъ этѣхъ картъ, которая бы, относительно Персидскихъ областей, подходила къ истинѣ ближе Французскихъ географическихъ таблицъ Самсона де Аббевиля (Samsons de Abbeville), вышедшихъ недавно на большомъ листѣ и вырѣзанныхъ на мѣди. Но изъ этѣхъ переведенныя

на Латинскій языкъ тоже не выдерживаютъ критики и сбиваются на древніе образцы.

Я изложу здѣсь и назову эти области такъ, какъ онѣ въ настоящее время, по свѣдѣніямъ и описанію теперешнихъ Персовъ, называются, по ихъ собственному произношенію, на сколько оно можетъ быть передано въ Нѣмецкомъ выговорѣ.

Извѣстно, что такъ какъ Персія и Парѳія, хотя онѣ были совершенно разныя Государства, но по тому, что Парѳяне часто находились внутри Персіи и описывались подъ однимъ именемъ, именно подъ именемъ Персіи, то въ слѣдствіе этого и вокругъ лежавшіе подвластные имъ края и области считались какъ бы членами Персидскаго Царства. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, и такимъ образомъ къ Персидскому Государству принадлежитъ все, что отъ сѣвера къ югу лежитъ между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, или Sinu Persico; съ востока же на западъ, между Евфратомъ и границами Кандагара (Candahar). Оно простирается даже по западной сторонѣ Каспійскаго моря до половины его, вверхъ до Арменскихъ горъ; на западъ же до самой рѣки Ruth-Chane-kurkahn (въ древности Оксъ, Oxus, называвшейся), въ сѣверной части которой обитаютъ Узбеки или Бухарскіе Татары, которые суть также отчасти данники Царя Персидскаго.

При этомъ Іоаннъ Ботеръ впадаетъ въ ошибку, говоря, въ своей «Politia Regia,» что Персидское Государство отъ полуночи къ полудню имѣетъ протяженіе 18 градусовъ по равноденственному, тогда какъ собственно оно имѣетъ его едва 12 градусовъ. Если возмемъ только самые крайніе предѣлы, или мѣста, находящіяся на двухъ, лежащихъ другъ противъ друга, моряхъ, именно: на Каспійскомъ морѣ и Персидскомъ заливѣ, не только такъ, какъ я обозначилъ ихъ на моей картѣ Персіи, но и какъ полагаютъ ихъ сами Арабы и Персы, и какъ старательный и ученый мужъ, Г. Іоаннъ Граве означалъ ихъ въ изданіи своемъ, напечатанномъ недавно въ Англіи (Elementa linguæ Persicae. Londini, 1649), то найдемъ, что городъ Гусумъ (Husum) (который туземцы называютъ Рештъ, Reschi, и который лежитъ только въ 2-хъ малыхъ

миляхъ отъ Каспійскаго моря), находится подъ 37, а Ормусъ (Ormus) въ Персидскомъ заливѣ подъ 25. По сему объемъ этой широты будетъ не болѣе 12 по равноденственнику. Длину же я полагаю согласно съ мнѣніемъ Ботера, что она простирается болѣе 20 градусовъ, хотя 1 градусъ долготы подъ 33 градусомъ широты, гдѣ находится средина Персіи, содержитъ въ себѣ едва 50 минутъ.

ГЛАВА II.

О разныхъ краяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ Персидскаго Царства. Въ особенности же объ Эракѣ, Фарсѣ, Ширванѣ, Иранѣ и Адирбейджанѣ.

Славнѣйшія области въ Персіи суть слѣдующія, начиная съ главнѣйшихъ изъ нихъ:

عراق	Erak,	Эракъ.
فارس	Fars,	Фарсъ.
شروان	Schirwan,	Ширванъ.
كيلدن	Kilan,	Киланъ.
ادربيجان	Adirbeitzan,	Адирбейджанъ.
طبرستان	Thabristan, vel Mesanderan,	Табристанъ, или Масандеранъ.
ايران	Iran, vel Karabach,	Иранъ, или Карабахъ.
حراسان	Chorasan,	Хорасанъ.
زبلستان	Sablustan,	Саблустанъ.
سحستان	Sitzestan,	Сиджестанъ.
كيرمان	Kirman,	Кирманъ.
خوزستان	Chusistan,	Хусистанъ.
جزيره	Tzisire,	Джисире.
دياربك	Diarbek,	Діарбекъ.

Ерак.

Имя Ерак (Erak) присвоивается двумъ различнымъ областямъ, а именно той, въ которой находится Багдадъ или Вавилонъ, бывшая Ассирія, и нѣкоторые пишутъ ее также Еракайнъ (Erakain); эта область сюда не относится. Другой Ерак (Erak) лежитъ среди страны, граница съ Фарсомъ (Fars) или Персіей, въ отличіе отъ перваго называется онъ Ерак Аджемъ (Erak atzem), и есть то, что въ древности была Парѳія (Parthia). Этой области вовсе не придается названіе Харасенъ (Charassen), какъ значится это въ «Archontologia.» Хуаресмъ же (Chuaresm) есть совсѣмъ другая область, которая простирается по восточному берегу Каспійскаго моря и принадлежитъ Узбецкимъ Татарамъ.

Важнѣйшіе города въ этой Персіи суть: Исфаганъ (Isfahan), который Бизаръ называетъ Спага (Spaha), а другіе Спаа (Spaa), и Аспаханъ (Aspachan), въ древности же назывался Гекатомпиле (Hecatompile), отъ сотни воротъ, которыя онъ имѣлъ по причинѣ своей громадности. Теперь это есть столичный городъ Персидскихъ Царей, и скоро я буду говорить еще о немъ подробнѣе.

Касвинъ (Kaswin), Солтаніе (Solthaniæ), были также мѣстопребываніе Царя; Сенканъ (Senkan), Кашанъ (Kaschan), Эббегеръ, (Ebbeher), Савва (Sawa), Рей (Rhey), Гемеданъ (Hemedan), Комъ (Kom), Шагеррисуръ (Schaherrisur), Деркасинъ (Dercasin), Тегеранъ (Theheran), и Кульпаянъ (Kulpajan), въ которомъ дѣлаются лучшіе луки. Кромѣ того въ этой области есть еще множествомалыхъ городовъ, городковъ и селеній.

Фарсъ.

Область эту Іоаннъ де Лаэтъ (Johannes de Laet), въ своемъ «Описаніи Персіи» (in descriptione Persiæ), несправедливо пишетъ Parc и Farc; она-то собственно называется Персіей, а не Парѳіей, какъ думаетъ Граве, въ «Tabulis Geographiæ Persarum,» и главный городъ въ ней былъ Персеполь (Persepolis), славный своимъ паденіемъ (причиною котораго была непотребная женщина, Таисъ, Thais). Изъ оставшихся камней этого города выстроенъ потомъ

городъ Ширасъ (Schiras), который и теперь еще находится въ цвѣтущемъ состояніи. Этотъ послѣдній городъ весело стоитъ въ горахъ и виноградникахъ при рѣкѣ Бендемирѣ (Bendemir), у Курція Араксомъ именуемой. По своимъ превосходнымъ виноградникамъ, кисти котораго висятъ словно бѣлые, красивые мѣшки, онъ славится во всемъ Царствѣ. Выдѣлываемое здѣсь изъ этѣхъ виноградниковъ вино составляетъ лучшій напитокъ Шаха и знатныхъ Вельможъ, и оно развозится отсюда по всей странѣ. Вино это въ самомъ Ширасѣ довольно дорого, и кружка его стоитъ тамъ, на Нѣмецкія деньги, половину рейхсталера, какъ свѣдѣтельствуетъ объ этомъ Фонъ Мандельсло, бывшій мой товарищъ по путешествію, проѣзжавшій черезъ Ширасъ. Кромѣ винограда тамъ множество и другихъ всякаго рода прекрасныхъ садовыхъ плодовъ. Въ этой области кромѣ того находятся еще 4 слѣдующіе большіе города: Касирунъ (Kasirun), Бунинджанъ (Bunitzan), Фирусабатъ (Firusabath) и Астаръ (Astar). Къ этой же области причислена и страна Лагоръ (Lahor), съ городомъ того же имени.

Ширванъ.

Область Ширванъ (Schirwan), именуемая Европейцами обыкновенно Серванъ (Servan), въ древности азывалась Media Atropatia, но не Hircania, какъ пишетъ Англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ (Anton Jenkinsonius), въ своемъ «Itinerario.» Это была сѣверная часть Мидіи, и по тому мы нашли справедливымъ, что писалъ о ней Геродотъ, въ 1 книгѣ, на стр. 47: «Media valde montosa est et edita ac nemoribus frequens, reliqua vero tota admodum plana;» и Страбонъ въ 11 книгѣ, на стр. 361: «Media magna sui parte sublimis et frigida,» т. е., что она лежитъ высоко и очень холодна; о чемъ я сообщилъ уже подробное свѣдѣніе выше, говоря о пути изъ Мидіи въ Моганъ. Главный городъ въ этой области есть Шемаха (Schamachie), а не Сумахія (Sumachia), какъ пишутъ его многіе, и лежитъ онъ за Дербентомъ на сѣверѣ, о чемъ я также говорилъ уже выше. За тѣмъ

Городъ Баку (Bakuje), лежитъ на горѣ у моря, отъ чего и самое море у нѣкоторыхъ писателей получило имя: «Бакуйское море» (Mare de Baku). Городъ этотъ ведетъ значительную торговлю.

Дербентъ (Derbent), который, находясь въ узкомъ проходѣ, составляетъ одни изъ воротъ Каспійскаго моря. Это городъ, который Александръ Великій выстроилъ для покоя своимъ старымъ, отслужившимъ ему, Македонянамъ, и который назвалъ онъ своимъ именемъ Александрія (Alexandria), какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Кв. Курціи, въ 7 книгѣ, въ концѣ 3 главы. По этому и нынѣ еще жители его одну часть города называютъ «Греческимъ городомъ» (Schaher Junan).

Шабранъ (Schabran), чистенькій городокъ въ области Мискуръ (Miskûr), гдѣ мы пристали къ берегу; лежитъ недалеко отъ моря.

Эресъ или Арасъ (Eres, Aras), о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, городъ опустошенный и теперь не болѣе, какъ голое мѣсто, находящееся при рѣкѣ Арасѣ, называемой нынѣ Арисбаръ (Arisbâr).

Иранъ или Карабахъ.

Иранъ (Iran), который большинство, особенно простые люди, называютъ Карабахъ (Karabach), есть область, лежащая между двумя благородными рѣками, Араксомъ и Куромъ (Araxes, Cyrus), нынѣ Aras и Kür называемыхъ, и заключающая въ себѣ часть Арменіи, которую жители называютъ Арминія (Arminieh), и Грузія, которую они называютъ Гурджъ (Gurtz): это весьма плодородная и богатая страна, особенно шелкомъ, и раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть:

Каппанъ (Kappan), Циціанъ (Sisian), Эрванъ (Eruan) или Ирванъ (Iruan), Ахстава (Achstawa), Саршатъ (Sarschat), Тумаписъ (Thumanis), Джульфа (Tzulfa), Кештасъ (Keschtas), Аберанъ (Aberan), Индже (Intze), Альгетъ (Alget), Шабусъ (Schabus), Сарсебиль (Sarsebil), Керхбулахъ (Kerchbulach), Шёргель (Schörgel), Табакъ-Мелекъ (Tabak-melec), Вцильдеръ (Vzilder).

Въ этѣхъ областяхъ находятся многіе красивые города, городки и крѣпости; извѣстнѣйшія изъ нихъ: Берде (Berde), Берку-

шатъ (Berkuschat), Маку (Maku), Билаганъ (Bilagan), Нахчуанъ (Nachtschuan), Магасбуртъ (Magasburt), Шемкуръ (Schemkur), Ордебатъ (Ordebat), Тифлисъ (Tiflis), Кендже (Kentze), Баесидъ (Bajesied), Джилдеръ (Tzilder).

Я пріобрѣлъ отъ Персовъ изображеніе этой Карабахской, области, вмѣстѣ съ описаніемъ того, что есть замѣчательнаго въ той, или другой, крѣпости, такъ какъ онѣ лежатъ на Турецкой границѣ и часто подвергаются нападеніямъ. Но чтобы привести все это сдѣсь, я долженъ бы былъ войти въ довольно пространныя описанія; по этому я помѣщу ихъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, рядомъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, которые я, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ помѣстить въ этомъ изданіи, но постараюсь скоро, съ Божіей помощію, сообщить въ общую извѣстность.

Адирбейджанъ.

Область Адирбейджанъ (Adirbeitzan), которую иные изъ нашихъ также довольно странно перепначиваютъ, занимаетъ южную часть Мидіи, и, слѣдовательно, она была когда-то Великая Мидія (Media major). Нубіецъ (Nubiensis), въ своей Географіи, полагаетъ, что въ древности область эта составляла сѣверную часть Ассиріи, каковому заключенію даетъ поводъ самая страна; ибо она граничитъ съ Курдестаномъ (Curdestan), который былъ прежде Ассиріей. Съ другихъ сторонъ она отдѣляется Могайскою степью отъ Ширвана и рѣкою Арасомъ отъ Карабаха, а на восточной сторонѣ сосѣдями имѣетъ Гилянцевъ.

Область эта полна горъ и заключаетъ въ себѣ много другихъ малыхъ краевъ, каковы: Эршекъ (Erschek), Халхалъ (Chalchal), Мешкинъ (Meschkin), Тарумать (Tharumat), Кермерутъ (Kermeruth), Сульдусъ (Suldus), Серабъ (Serab), Уджанъ (Utzan), и проч.

Сдѣсь города: Ардебиль (Ardebil), мѣсто рожденія Шихъ-Софи, основателя Персидской секты, городъ, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе и въ которомъ онъ погребенъ, рядомъ со

многими другими Царями. Выше было уже подробно говорено объ этомъ городѣ.

Табрисъ (Tabris), Европейцами Таврисъ (Tauris) называемый, и по нынѣ еще у Персовъ удержалъ имя, данное ему Птоломеемъ Ταβρὶς. Нѣкоторые считаютъ его принадлежащимъ Великой Арменіи, съ которою граничитъ Адирбейджанъ. Нѣкогда онъ былъ славнымъ городомъ Экбатаной (Ekbatana), и въ прошломъ еще столѣтіи былъ столицею Царя Персидскаго.

За тѣмъ также довольно большіе города:

Мерраге (Merrage), Карніарухъ (Karniaruch), Салмасъ (Salmas), Тесу (Thesu), Хой (Choi), Тель (Thel), Міане (Miane), и Джейстеръ (Tzeuster).

Джорсъ (Tzors) и Уруми (Urumi)—превосходныя крѣпости; близъ послѣдней изъ нихъ показываютъ гробъ Бурле (Burlae), жены Царя Касана (Kasan), длиною въ 40 футовъ.

ГЛАВА III.

О Киланѣ и о Карибъ-Шахѣ.

Область Киланъ (Kilan), Гилянъ, получившая имя свое отъ особаго народа Килекъ (Kilek), жившаго тамъ, въ древности называлась Гирканія (Hircania), и лежитъ прямо у Каспійскаго моря, по описанію Кв. Курція, какъ бы полумѣсяцемъ окруженная высокими горами, поросшими кустарникомъ, имѣетъ весьма жирную и плодородную почву, орошаемую многими, вытекающими изъ горъ, рѣками, которыя большею частію весьма богаты рыбою.

«Natura (говоритъ Курцій lib. 6, cap. 6.) difficilis aditu, perpetua vallis jacet, usque ad mare Caspium patens, duo terrae ejus velut brachia excurrunt: media flexu modico sinum faciunt lunae maxi-

me similem, cum eminent cornua nondum totum orbem sidere implente.» Также: «pingue vallis solum rigantibus aquis, quae ex petris eminentibus manant.»

Но это, впрочемъ, не уполномочивало Радера (Raderus), утверждать, что Курцій хотѣлъ сдѣсь описать ворота Каспія (portas Caspias).

Область эта дѣлится на нѣсколько малыхъ краевъ. Персы причисляютъ теперь сюда и сосѣднюю страну Табрустанъ (Thabrustahn) или Масандеранъ (Masanderan), и въ Царской Канцеляріи означаютъ эту страну названіемъ Daralmers دارالمرز, какъ пишутъ они, хотя въ древности это была особая область, жители которой, во времена Александра, по свѣдѣтельству Курція (lib. 6, c. 9) назывались Марды (Mardi).

Станы (Tractus) и края, исчисляя ихъ отъ сѣвера внизъ, суть слѣдующія:

Кизильагачъ (Kisilagatsch), Машиханъ (Maschichan), Булади (Buladi), Килекеранъ (Kibekeran), Дисекеранъ (Disekeran), Рикъ (Rihk), Лагеджанъ (Lahetzan), Дештевендъ (Deschtewend), Ленжеркунанъ (Lengerkunan), Шихкеранъ (Schichheran), Гове (Howe), Лисаръ (Lissar), Кескеръ (Kesker), Масандеранъ (Masanderan), Маранку (Maranku), Астара (Astara), Нёкеранъ (Nökeran), Лемуръ (Lemur), Джейланданъ (Tzeulandan), Рештъ (Rescht), Астарабатъ) Astarabath).

Во всей Киланской странѣ Персы считаютъ 46 городовъ и городковъ, и кромѣ того множество селеній. Главнѣйшіе города суть:

Въ Астрабатѣ: Астрабатъ (Astrabath), главный городъ. Фируску (Firuscu), гдѣ находятся прекрасные бирюзовые камни.

Въ Масандеранѣ: Амюль (Amül), Тюнкабюнъ (Tünkabün), Ней (Nei), Сару (Saru), Нуркеджуръ (Nurketzur), и прекрасный, веселый городъ Ферабатъ (Ferabat), который прежде назывался Тагона (Tahonà), но который Шахъ-Абасъ (часто, особенно въ зимнее время, проживавшій и наконецъ даже умершій тамъ), съ громадными издержками и множествомъ народа, приведеннаго туда изъ

Карабаха, отстроилъ трудами и потомъ этого народа, и далъ ему сказанное имя Ferabat, отъ слова ferah, فراغ, что значитъ веселый.

И вся страна эта чрезвычайно пріятная и веселая. Іоаннъ (Johannes) de Persia оказываетъ этой странѣ большую несправедливость, говоря, что въ Масандеранѣ, по причинѣ горъ, такая сильная стужа, что овощи созрѣваютъ тамъ весьма рѣдко. Это замѣчаніе можетъ быть отнесено или только къ мѣстностямъ на горахъ и въ горахъ выше Масандерана, или же и совсѣмъ не имѣетъ здѣсь мѣста; ибо всѣ Персіяне единогласно утверждаютъ, что въ цѣлой Персіи нигдѣ нѣтъ болѣе умѣреннаго климата, какъ въ Масандеранѣ, и по тому тамъ собираются самые лучшіе плоды, и почва его никогда ни зимою, ни лѣтомъ, не снимаетъ, такъ сказать, своей зеленой, всевозможными цвѣтами украшенной, одежды. Это явствуетъ и изъ слѣдующаго глубокомысленнаго Персидскаго стихотворца, Гакима Фирдуси (Hakim Firdausi):

چو مازندران چو گلشحنده زار
نکوم نسرد همیشه نهار

Tschu Masanderan, tschu kulchende sar?
Nikerem we nesert, henische besar.

То есть: «Что такое Масандеранъ? То же, что и долина розъ: ни слишкомъ жарко, ни холодно, вѣчная въ немъ весна!

Въ Лагеджанѣ (Lahetzan), гдѣ выдѣлывается лучшій шелкъ, города суть: Ленкеру (Lenkeru), Куджесбаръ (Kutzesbar), и Амелекенде (Amelekende).

Въ Рештѣ (Rescht) города: Рештъ, главный городъ; Кисма (Kisma), Фуменъ (Fumen), Тулумъ (Tullum), Шефтъ (Schefft), Дилумъ (Dilum) и Масула (Massula), на горѣ, гдѣ находятся желѣзные рудники и заводы. Жители сдѣшніе большею частію кузнецы, которые дѣлаютъ всякаго рода желѣзные снаряды и вещи, коими и снабжаютъ эту и вокругъ лежащія страны. Въ этой же странѣ, на протяженіи 20 миль, растутъ большею частію Волошскія (Грецкія) орѣховыя деревья, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ всю свою деревянную посуду и орудія.

Въ Кескерѣ (Kesker) города: Кескеръ, Шагеррутъ (Schaherruth), Курабъ (Kurab), Энсели (Enseli), Дулабъ (Dulab), Шаль (Schal).

За тѣмъ, подымаясь къ сѣверу, лежатъ: Рюсеру (Ruesseru), Міаншакеръ (Mianschaker), Сенжергасара (Sengerhasara), Гове (Howe), Хошкадегене (Choschkadehene), Ленкеранъ (Lenkeran), и Кизильагачъ (Kisilagatz).

Въ этой странѣ лежитъ и гора Шинданъ (Shindan), на которой находится вольное селеніе Шахъ-Сагаданъ (Schah Sahadan); ибо тамъ жилъ и погребенъ одинъ изъ бывшихъ учителей Шиха Сефи, поименн Сагадъ (Sahad). Какіе плоды еще произрастаютъ собственно въ этой области и краяхъ, и какою промышленностію занимается большинство сдѣшнихъ жителей, обо всемъ этомъ скажу я еще ниже, при описаніи проѣзда нашего черезъ этѣ мѣста.

Такъ какъ Киланъ, какъ сказано, окруженъ высокими, нависшими одна надъ другой, скалистыми горами, то въ него существуетъ только 4 дороги и узкихъ прохода. 1-й съ сѣвера изъ Макана, черезъ Ленкеркунанъ (Lenkerkunahn), 2-й съ юго-запада, черезъ Pyle Rubar; 3-й и 4-й съ юга, черезъ Масандеранъ, при Ферабатѣ, и черезъ Хорасанъ, при Астарабатѣ.

Эней Сильвій (Aeneas Sylvius) пишетъ: «De portis Caspiis multa memoria est, nemo tamen satis explicat, ubi terrarum existent.» Много говорится о Каспійскихъ воротахъ, но никто не сказываетъ, гдѣ именно находятся они. Смотри объ этомъ Blancard in Curt. pag. 502.

По моему мнѣнію, названные сейчасъ проходы и суть настоящіе ворота Каспія, Portae Caspiae, о которыхъ упоминаютъ Птоломей, Плиній, Страбонъ, а заимствуя изъ сихъ, и Солинъ (Solinus), или, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть названы такимъ образомъ; ибо проходы этѣ изъ Персидскаго Царства къ Каспійскому морю идутъ словно узкія ворота. Въ нихъ не только двѣ лошади, или два верблюда, рядомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

тамъ не могутъ проходить безъ опасности этѣ животныя и гуськомъ одно за другимъ, какъ это дознали мы сами, на обратномъ пути нашемъ, при Пиле Рубарѣ (Pyle Rubar) и Ленкеранѣ (Lenkeran). Сюда же можетъ быть причисленъ и лежащій также у Каспійскаго моря городъ Дербентъ, такъ какъ въ немъ также находится узкій проходъ изъ Татаріи въ Персію; нижняя часть этого города какъ бы выходитъ изъ моря, а другой конецъ его заканчивается въ горѣ; для того же, чтобы никто не могъ пройти черезъ гору, отъ города черезъ эту гору, на цѣлыя 50 миль, (какъ сказываютъ Персы), проведена была довольно толстая каменная стѣна къ морю (Pontus), и только черезъ городъ оставлены были для прохода одни ворота. Самое имя Дербентъ также обозначаетъ это значеніе его, воротъ; ибо слово Der значитъ дверь или ворота, а Bende узелъ (band), или засовъ, затворъ. Если кто самъ обозритъ эту мѣстность и страну, то также скажетъ, что Дербентъ для тѣхъ, которые захотятъ сухимъ путемъ пройти оттуда въ Персію, есть единственная и довольно крѣпкая дверь, такъ что если запереть эту дверь, то ни собака, ни кошка (какъ выражаются Персы) не можетъ пройти въ Персію, какъ это нѣкоторымъ образомъ можно видѣть и изъ изображенія самаго города. [1] Но въ упомянутыхъ сейчасъ Pylis я не нашелъ того, что пишетъ Солинъ, заимствуя изъ Плинія: «Caspiae portae panduntur itinere manufacto longo 8 miliaribus passuum;» это былъ бы довольно длинный проходъ. Персидскія дороги хорошо извѣстны Персіянамъ, и отъ нихъ я не слышалъ ни чего подобнаго, а тѣмъ менѣе то, что разсказываетъ Радеръ (Raderus) въ своихъ «Praeludiis super Q. Curtium,» заимствуя изъ Меѳодія (Methodio), [2] будто бы Александръ заставилъ Іудеевъ, которыхъ Царь Салманасаръ вывелъ изъ Ассиріи въ Мидію (назадъ они уже не возвратились), пройти въ Каспійскія ворота, и своею молитвою къ Богу достигнулъ того, что гора замкнулась за Іудеями, такъ что послѣ этого ни къ нимъ нельзя уже было пройти, ни имъ выйти снова оттуда.

---

[1] Въ подлин. стр. 720—721. О. Б.

[2] Патарскаго. О. Б.

Киланъ, страна очень богатая, въ прежнее время имѣла даже своихъ собственныхъ Царей правда незначительныхъ, содержала ихъ, и нѣкоторые изъ потомковъ этѣхъ Царей существуютъ еще и по нынѣ, хотя теперь они не смѣютъ передъ другими хвалиться своимъ Царскимъ происхожденіемъ и ставить себя выше другихъ. Вообще Киланцы неспокойный и дерзкій народъ, особенно живущіе между Масандераномъ и Кескеромъ, которые, видя, что природа окружила ихъ, словно твердымъ валомъ, непроходимыми суровыми горами, и щедро надѣлила страну ихъ всякаго рода произведеніями, избытокъ которыхъ удѣляютъ они и другимъ областямъ, часто не очень-то уважаютъ Шаха Персидскаго.

Сдѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ возмущеніи, происшедшемъ въ царствованіе уже теперешняго Шаха Сефи. Шахъ-Абасъ, не за долго до своей смерти, въ то время, когда Киланцы имѣли еще собственныхъ Государей, покорилъ ихъ своей власти. За тѣмъ, когда онъ умеръ и Киланцы услыхали, что Шахъ Сефи началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій, они возмутились и выбрали себѣ своего собственнаго Царя, котораго Персіяне назвали Карибъ-Шахомъ (Karib-Schah). Царь этотъ происходилъ изъ племени одного древняго Киланскаго Царя въ Лагеджанѣ (Lahetzan), и родомъ былъ изъ селенія Лештеншахъ (Leschtenschah). Чтобы упрочить свое правленіе, Карибъ тотчасъ же поставилъ на ноги войско въ 14 тысячъ человѣкъ, и для снаряженія его всѣмъ необходимымъ, пошелъ на главный городъ Рештъ, завладѣлъ тамъ земскою и Царскою казною, сдѣлалъ то же и въ другихъ близъ лежавшихъ городахъ и поспѣшилъ скорѣе занять проходы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Киланскихъ Хановъ извѣстили о такомъ возстаніи Шаха Сефи, бывшаго тогда въ Касвинѣ. Шахъ тотчасъ же приказалъ Ханамъ: Астарскому, Сарухану, Кескерскому, Эмиръ Хану, Сейтерабатскому, Магумеду Хану Кохтюму, Хану степей Тунехабюнскихъ, Султану Койнлюгесару Масандеранскому Адаму Султану Георгіану (Georgianus) (Грузину), захватить Карибъ-Шаха со всею его силой и уничтожить. Названные Ханы поспѣшно снарядились, образовали 3 войска и съ двумя изъ нихъ пошли на Карибъ-Шаха, котораго и нашли между Рештомъ и Кескеромъ въ полномъ вооруженіи. Они тотчасъ

же напали на Кариба, но такъ какъ онъ имѣлъ болѣе выгодное положеніе, то онъ отбросилъ ихъ назадъ, и на этотъ разъ удержалъ поле за собою. Ободренные этѣмъ успѣхомъ, одолѣвшіе сдѣлались смѣлѣе и увѣреннѣе въ себѣ, подумали, что навели на непріятеля такой страхъ, что онъ не скоро еще воротится; и по тому расположились стоянками въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ, веселились въ нихъ, пировали и оставили Царя своего съ небольшимъ отрядомъ въ Кисмѣ и Фуменѣ (Kisma и Fumen). Ханы же, соединившись съ остальнымъ 3-мъ войскомъ (всего вмѣстѣ 40 тысячъ человѣкъ), двинулись вторично на Кариба, зашли на него съ правой и лѣвой сторонъ и разбили его на голову. Самъ Карибъ спрятался было въ Фуменѣ, въ саду, за шелковичнымъ деревомъ, называемымъ Туръ (Tur), но его увидалъ тамъ нѣкто Джебни (Tzebni), слуга Эмиръ-Хана, и узналъ его по красивой одеждѣ. Когда Джебни хотѣлъ схватить Карибъ-Шаха, то этотъ послѣдній сталъ просить его не выдавать его, а, напротивъ, помочь ему скрыться, обмѣнявшись съ нимъ одеждой, за что обѣщалъ наградить его множествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Джебни охотно пошелъ на сдѣлку; но когда помѣнялся платьемъ съ Карибъ-Шахомъ и навѣсилъ на себя его саблю, то сказалъ: «Ну, теперь я Царь, а ты Haramsade, т. е., пройдоха, выходика-ка теперь наружу!» При этомъ крикнулъ другимъ и Кариба схватили. Ему набили колодку (palenk) на шею и руки (по ихъ обыкновенію), одѣли въ богатое платье, посадили на осла и такимъ образомъ привезли къ Шаху Сефи. При въѣздѣ его къ Шаху Сефи ему предшествовали и сопровождали его, съ большими торжественными кликами, нѣсколько сотенъ непотребныхъ женщинъ.

Шахъ Сефи приказалъ подковать Кариба, по рукамъ и ногамъ, желѣзными подковами, словно лошадь, съ такою бранною къ нему рѣчью: «Ты привыкъ, пройдоха, въ Киланѣ ходить по тучной и мягкой почвѣ, и тебѣ сдѣшняя каменистая страна трудновата для ходьбы, по этому тебя и слѣдуетъ подковать!» Послѣ такихъ тридневныхъ истязаній, Карибъ-Шахъ выведенъ былъ на Майданъ, привязанъ тамъ къ верхушкѣ шеста, употребляемаго для стрѣльбы въ цѣль, и разстрѣлянъ стрѣлами и ружьями. Шахъ Сефи самъ сдѣлалъ въ него первый вы-

стрѣлъ и сказалъ: «Кто любитъ меня, Царя своего, тотъ сдѣлаетъ тоже!» Послѣ этого полетѣло нѣсколько тысячъ стрѣлъ въ Кариба, и черезъ полчаса все тѣло его было утыкано ими до того, что за ними не видать было и самаго трупа. Въ такомъ видѣ тѣло это провисѣло на шестѣ еще три дня, послѣ чего было сброшено съ шеста и погребено.

При одержаніи этой побѣды и усмиреніи возстанія мужественнѣе всѣхъ оказалъ себя Саруханъ, Князь Астарскій, за что и получилъ великую Царскую милость, какъ разсказывалъ намъ это онъ самъ.

Въ это время въ селеніи Лештеншѣ (Leschtenscha) проживалъ одинъ знатный купецъ, по имени Миръ-Муратъ (Myr-Murath), у котораго ходило въ морѣ 7 торговыхъ кораблей и богатство котораго считалось въ три тонны золота. Такъ какъ Карибъ-Шахъ былъ родомъ изъ сказаннаго селенія, Лештенша, то въ слѣдствіе Киланскаго возстанія Миръ-Муратъ, за то, что не тотчасъ же донесъ о немъ Царю, впалъ у него въ большую немилость, что чуть было не былъ истребленъ со всѣмъ своимъ родомъ, если бъ только не выпросилъ ему помилованія у Царя Саруханъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ Миръ-Мурату.

По усмиреніи возстанія, Киланцы, именно жившіе между Масандераномъ и Кескеромъ, всѣ были обезоружены, и ни кто изъ нихъ не смѣлъ имѣть у себя ни сабли, ни ружья, ни лука, ни стрѣлъ, ни даже ни какого секира (sekir) или луковаго кольца, которое употребляютъ Персіяне при натягиваніи лука и носятъ обыкновенно на большомъ пальцѣ. Они могли имѣть только эксенъ (Exen) и другіи орудія, изогнутыя, словно коса, называемыя дасъ (Dâs) и употребляемыя при деревянныхъ подѣлкахъ и полевыхъ работахъ. Остальные Киланцы, отъ Кескера до Кизильагача, называемые Талишъ (Talisch), такъ какъ они все время пребывали вѣрными Царю и помогали низверженію Карибъ-Шаха, могли употреблять свои оружія, точно какъ и всѣ другіе Персіяне.

ГЛАВА IV.

Объ областяхъ Хорасанѣ, Саблустанѣ и Сиджестанѣ.

Хорасанъ.

Область Хорасанъ (Chorasan) граничитъ на востокѣ съ Масандераномъ и называлась нѣкогда Бактріаной (Bactriana), раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшій Гери (Heri), въ которомъ извѣстенъ мнѣ только главный городъ Гератъ (Herât). Это страна весьма богатая, какъ по плодородію, такъ и по величинѣ своей, имѣетъ много большихъ, великолѣпныхъ городовъ, которымъ подобныхъ немного въ остальныхъ Персидскихъ областяхъ; въ нихъ изготовляются всякаго рода товары и производится значительная торговля. Важнѣйшій изъ всѣхъ городовъ сдѣсь есть большой городъ Мешедъ (Mesched), который въ Персидскихъ спискахъ земель и каталогѣ пишется Тусъ (Thus). Онъ хорошо украшенъ городскою каменною стѣною, башнями и другими зданіями. Въ немъ считаютъ до 200 башенъ, а Тейксера (Teixera) пишетъ даже о 300 башняхъ, которыя всѣ отстоятъ одна отъ другой на ружейный выстрѣлъ.

Сдѣсь покоится прахъ одного изъ 12-ти Персидскихъ Имамовъ или великихъ святыхъ, изъ рода Аали, по имени Имана Ризы (Iman Risa), и находится богатый мисаръ (Mesar) или гробница сего святаго, которая великолѣпіемъ постройки, доходами и богатствомъ, мало уступаетъ гробницѣ Шиха Софи въ Ардебилѣ. Въ этой гробницѣ совершаются такія же службы, обрядности и моленья, какъ и при гробницѣ Софи. Многіе Князья и знатные Вельможи этой страны также имѣютъ сдѣсь свои гробницы. Недалеко отъ Мешеда лежитъ городъ Нисабуръ (Nisabûr), у одной горы, изъ которой добываются самые красивые бирюзовые камни, составляющіе исключительное достояніе Шаха. Послѣ Мешеда Гератъ (Herât) есть найбольшій и найкрасивѣйшіе городъ. Сдѣсь дѣлаются лучшіе ковры, и Индійцы ведутъ въ этотъ городѣ значительную торговлю. Путешествующіе изъ Испагани въ Кандагаръ должны проѣзжать черезъ этотъ городъ. Сдѣсь же задержаны были лошади у Индійскаго Посланника, о которомъ говорено было выше,

Шикгардусъ (Schikhardus) въ Тарифъ (in Tarich) полагаетъ, что сюда же прибыли нѣкогда и уведенные Израильтяне.

Тунъ (Thun), Табесъ-Килеки (Thabes kileki), Табесъ-Месинанъ (Thabes Messinan), суть также большіе города, въ которыхъ выдѣлываются и распродаются разные шелковые товары. Также: Себсеваръ (Sebsewar), Турфхисъ (Turfchis), Каинъ (Kain), Пушенджъ (Puschentz), Бадкисъ (Badkis), Меру (Meru), Мервеpудъ (Merwerud), Джурджанъ (Tzurtzan), Фаріабъ (Fariab), Ашурканъ (Aschurkan), Бельхъ (Belch), Баміанъ (Bamian), Семканъ (Semkan), Талеканъ (Thalecan), Сусенъ (Susen), все это многолюдные и промышленные города, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ собирается разнаго рода Манна (Manna).

Саблустанъ.

Область Саблустанъ (Sablustan) лежитъ далѣе на востокъ, и жители ея у Курція называются Паропамисцы (Paropamisadae), именно по весьма высокой, вокругъ лежащей, горѣ, составляющей часть Тавра (Taurus) и называемой Паропамизусъ (Paropamisus). Область эта окружена далѣе множествомъ лѣсовъ.

Горопій Беканъ (Goropius Becanus), въ своей книгѣ объ Индо-Скиѳахъ (Indoscythicis, pag. 476), въ противность мнѣнію всѣхъ Отцовъ, утверждаетъ, что сдѣсь-то, на горѣ, остановился ковчегъ Ноя. Въ этой области и нынѣ обитаетъ такой же суровый и жестокій народъ, какъ и во времена Александра, безъ всякаго образованія. Города въ ней: Бексабатъ (Beksabath), Меймене (Meimine), Асбе (Asbe), Бустъ (Bust), и Саренджъ (Sarentz).

Сиджистанъ.

Сиджистанъ (Sitzistan), который называютъ нѣкоторые Сижестанъ (Sigestan), Сажестанъ (Sagestan) и даже Систонъ (Siston), есть область, лежащая на югъ отъ Саблустана, и въ древнія времена въ ней находились Дранге (Drangae). Область эта также окружена сплошными горами, и она есть отечество храбраго богатыря Рустама (Rustam), котораго Персіяне не знаютъ какъ

достойно прославить за его геройскій духъ и храбрыя дѣянія, такъ что, если они хотятъ воздать кому либо великую похвалу за храбрость, то говорятъ: «Онъ подобенъ Рустаму.» Важнѣйшіе города въ этой области суть: Систанъ (Sistan), Халукъ (Chaluk), Кеджъ (Ketz)и проч.

ГЛАВА V.

О Кирманѣ, Ормусѣ и Діарбекѣ.

Кирманъ.

Кирманъ (Kirman) есть также большая область, лежащая между Фарси и Сиджестаномъ и простирающаяся внизъ до моря по строва Ормуса, отъ котораго береговая часть ея получила и свое имя. Хотя въ ней также находятся горы, однако есть и прекрасныя долины, богатыя произрастеніемъ всякаго рода цвѣтовъ и плодовъ, въ особенности же розъ, изъ которыхъ Персіяне искусно гонятъ воду, называемую у нихъ khül или gül-Ab (можетъ быть и наше Guleb, означающее вообще прохладительный напитокъ, получило отсюда свое имя). Воды этой тамъ выдѣлывается такъ много, что множество ея вывозятъ въ другія мѣста и торгуютъ ею. Она привозится также и въ Испагань однимъ племенемъ, называемымъ Луръ (Lur), которое живетъ собственно въ Кирманѣ, но торговцы котораго, по своему промыслу, состоящему преимущественно въ продажѣ превосходнѣйшихъ ковровъ, проживаютъ въ Испагани. У людей этого племени головныя повязки или тулипанты (Tulipanten) длиннѣе, но уже, чѣмъ у другихъ Персовъ, и изъ повязокъ этѣхъ идутъ концы, висящіе внизъ. Между прочимъ цѣлебнымъ зельемъ, растущимъ въ странѣ Кирманъ, есть одно, составляющее хорошее средство противъ глистовъ. Персіяне называютъ его Дару Керманъ (Daru Kerman), названіемъ, которое можетъ быть толкуемо двояко, именно: средствомъ отъ глистовъ, и средствомъ изъ Кермана; ибо Керманъ не только есть названіе этой мѣстности, но означаетъ также и червь, глистъ. По этому двойному значенію одинъ Пер-

сидскій поэтъ сочинилъ и написалъ одно довольно забавное слѣдующее сказаніе:

Одинъ изъ могущественныхъ Царей Персидскихъ проѣзжалъ однажды по этой странѣ и услыхалъ позади себя голосъ, назвавшій его по имени. Когда же Царь оглянулся, то не видѣлъ ни чего, кромѣ полусгнившей уже, лежавшей на землѣ, мертвой головы. Догадавшись, что голосъ могъ исходить только изъ этой мертвой головы, онъ спросилъ: «Кто ты? и по чему ты знаешь мое имя?» Черепъ отвѣчалъ: «Знай, что нѣкогда и я былъ человѣкъ и, подобно тебѣ, носилъ вѣнецъ; я покорилъ многія земли и области; когда же достигъ до Кермана (Kerman) (т. е., червиваго, или глистоваго, vermiculos), и хотѣлъ тамъ сдѣлаться также Государемъ, то червь (глистъ, Kerman) одолѣлъ и пожралъ меня. По этому, прими къ свѣдѣнію этотъ примѣръ, и обдумай его на дальнѣйшую для себя пользу!»

Въ странѣ Кирманъ, вверху, на сѣверѣ, лежитъ большая, пустынная степь, внизу же, къ морю, въ ней находятся красивые города и удобная для обработыванія земля. Названія городовъ суть слѣдующія:

Берсиръ (Bersir), Бермасиръ (Bermasir), Бемъ (Bem), Хабисъ (Chabis), Джирефтъ (Tzirefft), Камронъ (Kamron) и Ормусъ (Ormus).

Камронъ (Kamron), лежащій у воротъ моря, называется иногда Бендеръ (Bender), а иногда и Бендеръ Камронъ (Bender Kamron), Ормусъ же, (Ormus), который Персіяне пишутъ Hörmûs, есть большой островъ въ Персидскомъ заливѣ, лежащій въ 3-хъ миляхъ отъ материка. Прежде онъ принадлежалъ Португальцамъ, которые вели на немъ значительную торговлю; но Шахъ-Абасъ снова отнялъ этотъ островъ у Португальцевъ и присоединилъ къ Персидскому Царству. Причины этого событія, и какъ оно совершилось, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ самой мѣстности острова, будутъ изложены въ описаніи путешествія въ Индію Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло, которое, съ Божіею помощію, я скоро издамъ въ свѣтъ, и которое, надѣюсь, прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Къ этому описанію я и отсылаю благосклоннаго читателя.

Въ этой же полосѣ на востокъ лежитъ еще край Мекеранъ (Mekeran), который также подвластенъ Царю Персидскому и причисляется къ области Кирманъ. Извѣстные города сдѣсь суть: Тиръ (Tihr), Киджъ (Kitz), Халакъ (Chalak). Объ этомъ краѣ, такъ какъ онъ рѣдко посѣщается Персіянами, живущими въ Еракѣ, я не могъ получить ни какихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Хусистанъ.

Хусистанъ (Chusistan), нѣкогда была Сузіана (Susiana), а также Еламъ (Elam), откуда и названіе Еламитовъ; область эта лежитъ между Фарсомъ и рѣкою Диджель (Ditzel), и въ ней находится обширный когда-то городъ Суза (Susa), упоминаемый въ 8-й книгѣ Даніила; сдѣсь Даніилъ имѣлъ видѣніе и предсказалъ паденіе Персидской и начало Греческой Монархіи.

Этотъ городъ Суза называется теперь Десу (Desu). Въ немъ былъ и Царскій дворецъ Сусенъ (Susen), лежавшій при рѣкѣ Улай (Ulai), называемый у Плинія, въ 6-й книгѣ, главѣ 27-й, Eulaeus, въ которомъ Агасѳеръ, обладатель 127 странъ, имѣлъ свое жительство и давалъ великій пиръ. Кромѣ того въ Хусистанѣ есть еще нѣсколько многолюдныхъ и промышленныхъ городовъ, каковы: Агавасъ (Ahawas), Рамегёрмусъ (Ramehörmus), Шабуръ (Schabur), Аскеръ (Asker), и Арганъ (Arhan). Жители этѣхъ городовъ, на сѣверѣ которыхъ лежатъ горы, въ лѣтнее время, въ слѣдствіе невыносимыхъ жаровъ, обыкновенно уходятъ въ горы.

Джисиргъ.

Область Джисиргъ (Tzisireh) находится въ каталогѣ городовъ (in catalogo urbium), и подъ нею должно разумѣть Месопотамію, какъ упоминаетъ это и г. Яковъ Голій, въ своемъ Арабскомъ Лексиконѣ (Lexicon Latino-Arabicum. Lugduni, 1653). Область эта теперь обыкновенно называется Діарбекъ (Diarbek) и находится между двумя славными рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, изъ которыхъ первая называется теперь по Турецки Морачу (Moratsu), а вторая Диджель (Ditzel). На обыкновенныхъ картахъ рѣка эта пишется Digel, но произносится Нѣмцами по ихъ выговору неправильно,

ибо буква g должна выговариваться здѣсь по произношенію Французскому.

Страна эта невсегда находилась подъ владычествомъ Царя Персидскаго. На границахъ и внутри ея находится два главныхъ города (при Тигрѣ): Мосулъ (Mosul), называвшійся нѣкогда Ниневіей (Ninive), и Багдадъ (Bagdad), бывшій нѣкогда Вавилонъ (Babylon). За этѣ города между Персами и Турками велись часто великія и кровавыя войны, въ слѣдствіе которыхъ то тѣ, то другіе, народы дѣлались ихъ обладателями.

По списку Персидской земли Багдадъ записанъ собственно не въ области Діарбекѣ, а въ Эракайнѣ (Erakain), составляющей часть древней Ассиріи. Въ томъ же спискѣ значатся города: Васитъ (Wasith), Бесре (Besre), Куфа (Kufa), Медайнъ (Medain).

Нахожу нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о Багдадѣ. Онъ хотя построенъ изъ древняго Вавилона, но не на томъ же мѣстѣ. Вавилонъ лежалъ при рѣкѣ Евфратѣ, которая даже протекала черезъ городъ, какъ это видно у Страбона, изъ книги 15-й 508). Багдадъ же лежитъ при Тигрѣ. Обѣ этѣ рѣки сливаются вмѣстѣ нѣсколько миль ниже Багдада. Намъ разсказывалъ Персидскій Посолъ, который съ нами ѣхалъ изъ Персіи, а также и мой Hakwirdi, оба старые люди, хорошо знающіе положеніе Персіи, что Вавилоняне, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Багдадъ, такъ какъ это была низменная и веселая мѣстность, имѣли свои увеселительные сады и бесѣдки, какъ свѣдѣтельствуетъ это и самое имя Багдадъ; ибо Bag означаетъ садъ, а Багдадъ, мѣсто, гдѣ много садовъ. Когда Вавилонъ былъ разрушенъ, жители его совсѣмъ перебрались на житье въ сказанные сады, и выстроили тамъ городъ, такъ какъ онъ есть тамъ теперь. Вотъ и все о разныхъ областяхъ и важнѣйшихъ въ нихъ городахъ, состоящихъ теперь подъ властію Царя Персидскаго.

ГЛАВА VI.

О Царскомъ стольномъ городѣ Испагани и о томъ, что находится въ немъ и внѣ его.

Такъ какъ Испагань (Ispahan) есть теперь главный городъ въ цѣлой Персіи и составляетъ мѣстопребываніе Шаха, мы же пробыли въ немъ довольно долгое время и видѣли много достопримѣчательнаго, почти всю Персію, узнали также въ немъ и свойства этой страны, то я не лишнимъ считаю пространнѣе поговорить сдѣсь объ этомъ городѣ и написать о немъ особую главу, тѣмъ болѣе, что я не видалъ еще, чтобы кто либо изъ Европейцевъ сообщилъ о немъ обстоятельное и основательное свѣдѣніе.

Испагань не за долго до времени Тамерлана назывался Сипагань (Sipahan), частію по множеству жителей въ немъ, частію же по тому, что въ немъ собирались и приводились въ порядокъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда Персіяне задумывали ити войной противъ непріятеля. Ибо Сипганъ (Siphan) есть множественное число отъ Узбецкаго и Древне-Персидскаго слова Сипе (Sipae), которое также, какъ и Лескеръ (Lesker), означаетъ войско, рать, по чему и теперь еще военачальника Персіяне называютъ иногда Сипесаларъ (Sipesalar). Послѣ же Тамерлана слово это, перестановкой буквъ (per Methatesin literarum), перешло въ имя Испагань. Арабскій лѣтописецъ, Агмедъ-бинъ-Аребша (Ahmed bin Arebscha), описавшій «Военныя дѣянія Тамерлана» (Tamerlani res gestas), называетъ его Исбаганъ (Isbahan), съ буквою ب; нынѣшніе же Персы пишутъ его اسفهان Исфаганъ (Isfahan), отъ Арабскаго ص, которое также означаетъ aciem и seriem. Я же слышалъ самъ, что они безразлично говорятъ то Ispahan, то Isfahan. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь также, какъ полагаютъ ее и Персіяне: 32°, 26′, долготу же 86°, 40′. Магнитная стрѣлка имѣетъ уклоненіе сдѣсь на 17° отъ сѣвера къ западу.

Городъ стоитъ на равномъ, гладкомъ полѣ, и только кругомъ, въ 3-хъ и 4-хъ миляхъ отъ города, виднѣются горы, а именно:

на югъ и юго-западъ гора Демавендъ (Demanend) и на сѣверо-востокъ къ Масандерану гора Ейлакъ-Перянъ (Jeilak Perjan). Вмѣстѣ съ предмѣстіями городъ имѣетъ въ окружности 8 миль, такъ что, если бъ кто захотѣлъ объѣхать его верхомъ въ одинъ день, то не долженъ зѣвать много по сторонамъ. Городскія стѣны плохи и выведены просто изъ земли, толщиною внизу въ 6 локтей, а вверху только въ 1 футъ, съ башнями, которыя однѣ собственно сложены изъ камня, высушеннаго только на солнцѣ. Ровъ кругомъ города совсѣмъ завалился, такъ что черезъ него, почти вездѣ, и зимою и лѣтомъ, можно перейти, не замочивъ ноги. Такимъ образомъ сказанныя городскія стѣны сдѣланы вовсе не изъ лѣсу, какъ это пишетъ Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus lib. 12, p. 331), а за нимъ и другіе писатели. Одинъ только замокъ или казнохранилище, окруженное стѣной и башнями, было, вѣроятно, выбѣлѣно когда-то мѣломъ, или известью, что и теперь еще видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно же на сѣверной сторонѣ его.

Мимо города, у юго-западной и южной стороны, течетъ довольно большая рѣка Сендерутъ (Senderut), выходящая изъ горы Демавендъ; рѣка эта раздѣляется на нѣсколько малыхъ ручьевъ, которые жители проводятъ по всему городу и жилищамъ въ нѣсколько водоемовъ (Cisternen), называемыхъ ими Гавсъ (Haws) и Бурке (Burke), не смотря на то, что тамъ и сямъ, по разнымъ дворамъ, находится у нихъ множество вырытыхъ колодцевъ. Тотчасъ за городомъ отъ этой рѣки отдѣляется рукавъ, идущій въ помянутый выше звѣринецъ Гасарджирибъ (Hasartzirib), и въ другомъ мѣстѣ, черезъ проложенную подъ землею трубу, протекающій въ главнѣйшій Царскій садъ Джарбагъ (Tzarbagh); назади за этѣмъ садомъ, черезъ главное русло рѣки, перекинутъ довольно изящный, длинный каменный мостъ, построенный однимъ Ширазскимъ Ханомъ, Аллавердиханомъ (Allawerdichan), на свой собственный счетъ.

Шахъ-Абасъ цѣлыя 14 лѣтъ усиленно старался другую рѣку, Абкуренъ (Abkuren), текущую по другой сторонѣ горы Дема вендъ (Demawend), провести черезъ гору въ рѣку Сендерутъ (Senderut), для чего у него ежедневно работало, попеременно,

отъ 800 до 1000 человѣкъ, и каждому изъ нихъ выдавалось заработной платы, въ день, по полуабасу или по 4 гроша. Но, по причинѣ великой стужи и снѣгу, которые бываютъ сдѣсь большую часть времени года въ сѣверной части, ни въ одинъ изъ сказанныхъ годовъ нельзя было работать болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ году. Если бъ въ то время жилъ еще великой Персидскій Святой чудотворъ, Аали, и употребилъ бы свое искуство, которое Персы ему приписываютъ, яко бы въ Карабахѣ (Karabach) онъ мечемъ разсѣкъ скалы, то тогда сказанный проводъ рѣки можно было бы сдѣлать съ меньшимъ трудомъ и издержками. Такъ, Персы разсказываютъ, что великая скала, черезъ которую протекаетъ р. Арасъ, и которая кажется какъ бы расколотою на двое, была разсѣчена Ааліемъ; по этому они называютъ эту узкую бездну или разсѣлину: Aaly deretjj, т. е., Aaly angustiae. Ханы и разные знатные Вельможи, чтобъ угодить Царю и пособить дѣлу, приняли на себя пробить извѣстную часть скалы, и хотя она и была весьма тверда и въ этомъ мѣстѣ высотою во 100 локтей, тѣмъ не менѣе прорыто и пробито ея было уже около 100 локтей. Но около этого-то времени Шахъ-Абасъ умеръ, а слѣдовавшій за нимъ юный Царь охотнѣе любилъ наслаждаться на мягкомъ ложѣ своего гарема, нежели заботиться о какой ни будь твердой скалѣ, а по тому и дѣло это осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Городъ Испаганъ былъ дважды опустошенъ Тамерланомъ: въ первый разъ при взятіи его, и во второй, когда онъ возмутился противъ Тамерлана. Такое же опустошеніе потерпѣлъ онъ и отъ Ходжи (Chotza), въ слѣдствіе возстанія же; ибо при этомъ не только разрушены были зданія, но и самое народонаселеніе въ немъ истреблено и перебито было во множествѣ. Такъ, по свѣдѣтельству Іосафата Барбаро, бывшаго въ Персіи послѣ этого событія, именно въ 1471 году, высланнымъ противъ этого города воинамъ было строго наказано, чтобы ни кто изъ нихъ не возвращался безъ головы хоть одного возмутившагося. Въ слѣдствіе чего, нѣкоторые воины, за недостаткомъ мужчинъ, отрубливали головы женщинъ, брили ихъ и приносили вмѣсто головъ мужчинъ, которыя также были бритыя. При Шахѣ Измаилѣ I положеніе города Испагани нѣсколько улучшилось; Шахъ же Абасъ, пере-

нестій сюда, ради пріятнаго мѣстоположенія, свое Царское мѣстопребываніе изъ Касвина, не только обстроилъ городъ великолѣпными зданіями, но и заселилъ его множествомъ народа, переведеннаго сюда изъ разныхъ другихъ областей, такъ что теперь Испагань представляетъ собою какъ бы небольшой міръ, въ которомъ считается болѣе 500 тысячъ душъ жителей. Обширности города во многомъ, впрочемъ, помогаетъ то обстоятельство, что при каждомъ домѣ непремѣнно находится одинъ, а иногда и два, довольно просторныхъ сада. Персіяне очень любятъ сады, но они не украшаютъ ихъ въ родѣ Европейцевъ всѣми возможными прекрасными цвѣтами, но усаживаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ всякаго рода плодовыми деревьями и виноградникомъ, въ особенности же любятъ, за красоту и тѣнь, дерево чинаръ, неизвѣстный въ Германіи родъ платана, которое растетъ прямо, вышиною съ ель, и толщиною вообще въ половину, а иногда и въ цѣлый локоть. Листъ этого дерева широкій, похожій на листъ винограда, но само дерево не приноситъ ни какого полезнаго плода, а даетъ плодъ, или паростъ, величиною и твердостію подобный каштану, только безъ ядра. Цвѣтъ дерева въ подѣлкахъ свѣтло-коричневый, съ жилками, забѣгающими одна въ другую, подобно волнистому дереву. Персы употребляютъ это дерево на дверныя и оконныя принадлежности, и оно, выполированное масломъ, имѣетъ довольно изящный видъ. Я привезъ довольно большой кусокъ этого дерева съ собою домой, и помѣстилъ его въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей.

Лучшее за тѣмъ, послѣ такихъ деревьевъ, удовольствіе и украшеніе садовъ составляютъ неглубокіе, выложенные камнемъ, колодцы и подземныя водохранилища, съ жолобами, положенными въ извѣстномъ порядкѣ, черезъ которые вода могла быть проводима изъ одного колодязя въ другой. Обыкновенно колодязи эти устраиваются одинъ выше другого, такъ что, въ случаѣ надобности, вода изливается изъ одного въ другой, бѣжитъ далѣе и орошаетъ садъ. Болѣе зажиточные Персіяне, кромѣ всего этого, устраиваютъ въ садахъ своихъ открытыя галереи и особыя бесѣдки, которыя часто бываютъ разукрашены лучше, чѣмъ ихъ жилые дома. Рядомъ съ обыкновенными домами гражданъ въ городѣ есть много дорогихъ палатъ, которыя, впрочемъ, снаружи

не такъ великолѣпны, какъ внутри. Всѣ онѣ, по употребительному у Персовъ способу, выстроены четырехъугольниками, частію изъ глиняныхъ и земляныхъ кирпичей, высушенныхъ только на солнцѣ, частію же, принадлежащія именно важнѣйшимъ гражданамъ, изъ обожженныхъ кирпичей, выведены въ два, три и даже четыре яруса, и каждый ярусъ имѣетъ свое особое названіе. Погребъ называютъ они сирсеминъ (Sirsemin), нижнее за тѣмъ жилое помѣщеніе ханѣ (Chanè), слѣдующее надъ нимъ кушкъ (Kuschk), третій ярусъ джауфе (Tzaufè), и четвертое касеръ (Kasser). Открытые покои ихъ, снабженные сверху наружу низкими рѣшетками, называютъ они эйванъ (Eiwan). Этѣ послѣдніе устраиваются иногда на всѣхъ четырехъ сторонахъ дома, и въ жаркое лѣто, въ слѣдствіе того, что въ нихъ постоянно продуваетъ вѣтеръ и воздухъ свѣжѣе, они попеременно служатъ спальнею. Окна въ этѣхъ домахъ, большею частію такой же величины, какъ и двери, и также, какъ этѣ послѣднія, доходятъ до полу, или до мостовой, вовсе безъ стеколъ, но снабжены деревянными рѣшетками, которыя зимою заклеиваются пропитанною масломъ бумагой. Зимнія жилыя комнаты обыкновенно бываютъ въ нижней части дома.

Сдѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, нужда научила жителей сноровкѣ имѣть тепло въ комнатахъ. Для этого въ земляномъ полу они вырываютъ тенуръ (Tenûr), т. е., круглую яму, величиною съ большой горшокъ, въ которомъ и держутъ раскаленные уголья; надъ этой ямой ставятъ низенькой стулъ, или столъ, покрытый широкимъ ковромъ, который спускается на землю и стелется по ней со всѣхъ сторонъ; желающіе погрѣться располагаются кругомъ сказаннаго стула или курси (Kursi), подсовываютъ подъ него ноги, покрываютъ половину своего тѣла ковромъ, и въ такомъ положеніи отлично спятъ во время ночи. Немногихъ угольевъ бываетъ достаточно для того, чтобы добыть тѣлу пріятную теплоту, а иногда даже и довольно сильный жаръ, производящій испарину. Вмѣстѣ съ сбереженіемъ топлива, этотъ способъ нагрѣванія Персы считаютъ и здоровымъ, по тому что при немъ голова постоянно остается на вольномъ и чистомъ воздухѣ. Для того же, чтобы отъ угольевъ не было чаду, изъ тенура подъ землею проводятся трубы на дворъ. Такіе тенуръ Персы употребляютъ иногда и вмѣсто печей, въ которыхъ пекутъ и жарятъ

кушанья. При домахъ имѣются обыкновенно передніе дворы (или преддверія), черезъ которыя ходятъ въ жилыя части дома и покои.

Переулки и улицы между домами въ прежнее время были такъ велики и широки, что 20 и болѣе человѣкъ могли по нимъ ѣхать верхомъ рядомъ; во время жь Шаха-Абаса, въ слѣдствіе увеличенія числа домовъ, большая часть улицъ сдѣлались такъ тѣсны, что часто въ нихъ съ трудомъ можно разойтись при встрѣчѣ другъ съ другомъ, особенно по близости Майдана и торжища, гдѣ обыкновенно бываетъ большое движеніе, такъ что иногда, если встрѣтится Харбенде (Charbende, погонщикъ ословъ), съ 10, 20 и болѣе навьюченными ослами, которые тянутся обыкновенно гуськомъ одинъ за другимъ, то приходится совсѣмъ остановиться и порядочно подождать, пока они пройдутъ мимо. Самый же Майданъ, или большая площадь для торговли и прогулокъ, такъ обширенъ, что подобнаго мы еще нигдѣ не видали, и онъ содержитъ въ себѣ именно: въ длину 700 и въ ширину 250 шаговъ. На западной сторонѣ, гдѣ Царскій Дворъ и Палаты, вдоль Майдана тянется довольно порядочно устроенное сводомъ зданіе, въ два яруса, съ эйванами (открытыми покоями) и коридорами, въ которомъ золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и другіе ремесленники промышляютъ своимъ ремесломъ; а передъ зданіемъ этѣмъ насажены красивыя, стройныя деревья, называемыя шимшадъ (Schimschad, особый родъ буковаго дерева), изящно подстриженныя, такъ что изъ за листьевъ ихъ виднѣются лавочки и разныя питейныя заведенія, полузакрытыя деревьями, дающими въ то же время отрадную тѣнь. Еще передъ этѣми деревьями устроено длинное, неглубокое каменное корыто, на подобіе высѣченной изъ камня мостовой, нѣсколько возвышенное надъ этой послѣдней; черезъ это корыто по всему Майдану кругомъ доставляется вода для омовенія и другихъ потребностей горожанъ.

Насупротивъ же, на восточной сторонѣ, воздвигнуты сводомъ же широкіе ходы съ арками и столбами, подъ которыми всякаго рода ремесленники, каждый по собственному цеху своему, имѣютъ свои мастерскія; ибо Персіяне обыкновенно или вовсе не работаютъ, или мало работаютъ въ своихъ жилыхъ домахъ, и работая

свои издѣлія открыто, представляютъ для прохожихъ довольно пріятное развлеченіе. За этой галереей къ Царскому Дворцу идетъ зданіе, съ двумя, другъ противъ друга лежащими, ходами, называемое накара-хане (Nakara chane), на которомъ ежедневно играютъ флейтщики, барабанщики и керенеи (Kerenei), трубачи, свою музыку при закатѣ солнца, и также во время входа и выхода Шаха. Музыка при захожденіи солнца употребляется по всей Персіи, гдѣ только есть Ханы и большіе господа; обычай этотъ введенъ Тамерланомъ, когда онъ былъ еще обладателемъ сдѣшнихъ странъ, и соблюдается охотно и понынѣ его потомками.

Что касается до Царскаго Дворца, то Персіяне называютъ его Дёвлетъ-Хане (Döwlet Chane), а также Деръ Хане-Шахъ (Der Chane Schah). Передъ дверьми Дворца въ наше время лежало нѣсколько большихъ металлическихъ пушекъ, подобныхъ полувинтымъ и цѣльнымъ картаунамъ, только нѣсколько короче и грубой, нечистой работы. Пушки этѣ лежали на бревнахъ на землѣ неподвижно, привезены сюда издалека, изъ Ормуса, и назначены для защиты воротъ; но если не становиться у самаго жерла ихъ, то онѣ во все не опасны. Дворъ самъ по себѣ не особенно укрѣпленъ, но обведенъ только кругомъ высокою стѣною. Днемъ у внѣшнихъ воротъ сторожатъ обыкновенно не болѣе 3-хъ, или 4 человѣкъ; ночью же сдѣсь ставится 15 тѣлохранителей, а у Царскаго покоя еще 30 человѣкъ, большею частію изъ дѣтей Хановъ, которые частію стоятъ на часахъ, частію же ходятъ кругомъ дома, гдѣ и спятъ подъ открытымъ небомъ. Кишикджи (Kischiktzi) или сторожевой писарь обязанъ каждый вечеръ сообщать Шаху имена долженствующихъ быть на стражѣ, чтобы Шахъ зналъ, что̀ за люди находятся около него. Передній покой за воротами при насъ былъ высокій, снабженный множествомъ рѣшетчатыхъ окопъ и внутри изящно изукрашенъ выдающимися изображеніями (картинами) и золоченою лѣпною работой. Другіе, главнѣйшіе покои въ Шахскомъ дворцѣ суть: табхане (Tabchane), большой залъ, въ которомъ Шахъ съ своими Ханами и знатными Вельможами празднуетъ Наврусъ (Naurus) или Новый Годъ. Другой покой составляетъ упомянутый уже неоднократно Диванъ-Хане (Diwan Chanè) или Судебная Палата: въ ней Шахъ обыкновенно принимаетъ Пословъ

собственно по тому, что при ней находится дворъ, удобный для показа его убранныхъ лошадей и другого великолѣпія, а также и для предъявленія подарковъ. Третій покой гарамъ-хане (Haram Chane), залъ дѣвицъ Царскихъ, въ которомъ собираются Царскія Хасега (Chasseha) или наложницы, сохраняемыя обыкновенно въ отдѣльныхъ комнатахъ; сдѣсь онѣ пляшутъ передъ Шахомъ, при чемъ играютъ особые холощеные музыканты. Четвертый покой деке (Dekae), собственно жилой Шаха, въ которомъ онъ ежедневно и послѣ общественныхъ дѣлъ (actibus publicis) обѣдаетъ съ своими законными женами или Царицами. Кромѣ того есть еще множество богатыхъ покоевъ, служащихъ для разныхъ потребностей и украшеній Царскаго двора. Въ этомъ же дворѣ есть нѣсколько большихъ садовъ съ прекрасными бесѣдками. При входѣ въ дворъ, въ 40 почти шагахъ отъ воротъ, на правой рукѣ, есть дверь, ведущая въ большой садъ, по срединѣ котораго стоитъ часовня. Этотъ-то садъ и есть великое убѣжище (Asylum), которое Персіяне называютъ Аллакапи (Allakapi), т. е., Божьи ворота, куда убѣгаютъ должники, убійцы и другіе преступники, и гдѣ они остаются до тѣхъ поръ, пока содержатъ тамъ себя на свой собственный счетъ; воровъ, впрочемъ, тамъ долго не терпятъ. Въ наше время въ этомъ саду, въ одной палаткѣ, проживалъ съ семьей своей одинъ Султанъ, впавшій въ немилость Шаха и опасавшійся по этому за жизнь свою. Позади Царскаго двора находится Таберикъ-Кале (Taberik Kalè), казнохранилище, или скорѣе замокъ и крѣпость, какъ явствуетъ это изъ самаго слова Кале (Kalè); оно посредственной величины, окружено весьма высокими земляными стѣнами и множествомъ высокихъ же островерхихъ башенъ, которыхъ Николай Геммъ (Nicolaus Hemmius) насчитываетъ болѣе 40 (Этого писателя, который самъ былъ тамъ въ 1623 году по Р. Х., по свѣдѣнію Іоанна де Лэта, въ его описаніи, я считаю за достовѣрнѣйшаго изъ всѣхъ, особенно относительно того, что касается Испагани). Сказанный замокъ постоянно снабженъ множествомъ войска, и хотя самъ Шахъ не живетъ въ немъ, но въ оном хранятся лучшія сокровища его, относящіяся до всякаго рода воинскихъ вооруженій и снарядовъ. За тѣмъ, на другой сторонѣ Майдана, въ особой улицѣ, есть еще большое зданіе, Чегиль Сютунъ (Tschehil Sütun) называемое, получившее такое названіе свое отъ 40 балокъ; ибо въ этомъ

зданіи есть мечеть (Mestzid), имѣющая по срединѣ своей огромный столбъ, на которомъ сходятся и лежатъ 40 балокъ, подерживающихъ крышу мечети. Въ эту мечеть толпами стекались Персы, когда Тамерланъ хотѣлъ казнить возмутившихся противъ него; онъ пощадилъ только эту мечеть и укрывшихся въ ней Персіянъ; остальныхъ же, бывшихъ на кладбищѣ и около зданія, всѣхъ изрубилъ саблями и самый дворъ вокругъ разрушилъ до основанія. Шахъ Измаилъ снова возобновилъ все зданіе и самое мѣсто это сдѣлалъ убѣжищемъ (Asylum).

Въ южной части Майдана находится огромная, великолѣпная и богатѣйшая мечеть, которую началъ строить и почти достроилъ Шахъ-Абасъ; Шахъ Сефи уже въ наше время приказалъ только покрыть въ ней еще одну стѣну нѣсколькими плитами изъ мрамора. Мечеть эта посвящена одному изъ 12 послѣднихъ Имамовъ Персидскихъ, Мегеди (Mehedi), который ушелъ въ пещеру близъ Куфы (Kufa), и когда придетъ его время, снова явится верхомъ Аали на конѣ Дюльдюль (Düldül), и цѣлый свѣтъ обратитъ къ Алкорану. Объ этомъ подробнѣе будетъ сообщено ниже, при описаніи Вѣры Персовъ. Въ слѣдствіе всего сказаннаго мечеть самая называется мечетью Мегеди Сагебесеманъ (Mestzid Mehedi Sahebeseman). Въ ней, надъ большими воротами, значится слѣдующая надпись:

مهدي ماحبر الزمان

Ходъ въ мечеть идетъ черезъ мостовую, сложенную изъ большихъ четыреугольныхъ камней, на которой устроенъ большой, четырехъугольный водоемъ (Cisterne), для омовенія приходящихъ сюда на молитву. За этѣмъ колодцемъ, двумя ступенями вверхъ, всходишь на узкую площадку, послѣ которой, еще черезъ одну ступень, входишь и въ мечеть. Послѣднія ступени сдѣланы дѣйствительно изъ мрамора; но чтобы входъ въ эту мечеть состоялъ изъ 13 ступеней, которыя всѣ будто бы высѣчены изъ одного мраморнаго камня, какъ разсказываетъ это Іоаннъ de Лаэтъ (Johannes de Laet), изъ relation. Nic. Hemmio, того я, признаться, не видѣлъ. Ворота сложены изъ искусно высѣченнаго мрамора, и также высоки, какъ и ворота при

мечети Ходабенде (Meschaich Chodabende) въ Султаніи. Дверь, растворяющаяся на обѣ стороны на прочныхъ крючкахъ, покрыта плотнымъ листовымъ серебромъ, мѣстами вызолоченнымъ. Вошедши въ ворота, видишь по обѣимъ сторонамъ два широкихъ, съ высокими сводами хода (галереи), устланныхъ на полу рогожами, на которыхъ Персіяне молятся. Ходы эти идутъ кругомъ около большаго Геятъ (Hejat) или двора, посреди котораго находится другой, восьмиугольный водоемъ (цистерна), полный до верху водою. Вверху, надъ большими ходами, воздвигнуты другіе малые, снабженные къ сторонѣ двора столбами, разукрашенными мраморомъ и золотомъ. Прошедши черезъ площадку, въ самой глубинѣ достигаешь главной мечети, гдѣ находятся мегерабъ (Meherab) и катибъ (Cathib), т. е., алтарь и каѳедра. Входъ въ нее составляетъ сводъ, высоты достойной удивленія, уложенный весь камнями, расписанными голубою глазурью и золотомъ. Мечеть сама по себѣ также чрезвычайно высока, съ нѣсколькими придѣлами и углами, и множествомъ столбовъ изъ прекраснаго мрамора. На право отъ мечети, черезъ ворота, выходишь въ особый, изящно устроенный, дворъ. Самое дорогое во всемъ эмератѣ (Emerat), т. е., зданіи, состояло въ томъ, что всѣ стѣны въ ходахъ, дворахъ и главной мечети, на высотѣ 4-хъ локтей отъ полу, выложены мраморомъ, гладко, словно зеркало выполированнымъ, состоящимъ, правда, изъ плитъ, но такихъ, которыя всѣ длиною были выше роста человѣка, шириною же нѣсколько уже, и вдѣланы онѣ были одна къ другой чрезвычайно искусно. Meherab или алтарь, за исключеніемъ двухъ столбовъ, стоящихъ по сторонамъ, высѣченъ изъ одного цѣльнаго камня. Мраморъ, большею частію совершенно бѣлый, добытъ былъ для всего этого изъ горы Эльвендъ. Шахъ-Абасъ построилъ подобную же мечеть въ честь Мегеди въ Таврисѣ, но только та значительно меньше Испаганской, и мраморъ въ ней, бѣлый какъ мѣлъ и выполированный будто зеркало, доставленъ былъ изъ Еруана (Eruan). Кромѣ описанной здѣсь, въ Испагани тамъ и сямъ находится и еще несчетное множество мечетей и часовенъ.

Обращаюсь къ дальнѣйшему описанію Майдана. По срединѣ его, не вдалекѣ отъ Царскихъ воротъ, стоитъ высокій шестъ,

подобный нашему шесту для стрѣльбы, на который втыкаютъ иногда дыню, арбузъ, или яблоко, а иногда ставятъ серебряную тарелку съ деньгами, и въ этѣ вещи Шахъ, забавляясь съ своими Ханами и знатными Вельможами, стрѣляетъ на всемъ скаку, ѣдучи верхомъ, при чемъ держатся большіе заклады. Попавшій въ цѣль, или получившій какую выгоду отъ выигрыша заклада, считается хозяиномъ игры, и къ нему отправляется въ гости Шахъ съ другими Вельможами. Сбитыя выстрѣломъ съ тарелочки деньги отдаются, впрочемъ, прислужникамъ. Въ этомъ же мѣстѣ знатные господа потѣшаются также игрою, называемою куйчауканъ (Kuitschaukan), въ которой, таже верхомъ на лошади на всемъ скаку, мечутъ палкой, нарочно для этого приспособленной, въ мячикъ, или въ деревянный шаръ. Сдѣсь же упражняются они и въ джиридъ (Tzirid) или въ метаніи копья, о чемъ подробнѣе сказано уже выше. Наконецъ сдѣсь же, на Майданѣ, поставлены, вверху и внизу, двѣ пары плоскихъ столбовъ, служащихъ цѣлію для состязающихся въ бѣгѣ на перегонку.

Внизу Майдана стоитъ небольшой деревянный домикъ, на 4-хъ колесахъ, называемый Шанешинъ (Schaneschin), въ которомъ иногда помѣщается Шахъ, чтобы смотрѣть на описанныя игры и огненныя потѣхи, и въ этомъ домикѣ подвозятъ его къ любому мѣсту.

Кромѣ того тутъ есть и гадатели, которые обыкновенно сидятъ на западной сторонѣ, не вдалекѣ отъ Döwlet chane и раскладываютъ сдѣсь свои лавочки: о нихъ скажу подробнѣе, при описаніи суевѣрія Персіянъ.

Въ сѣверной части Майдана находится нѣсколько кабаковъ или харчевенъ, каковы: 1. Шире-Хане (Schire Chane): это суть распивочныя лавочки или кабаки, въ которыхъ большею частію сидятъ разгульные люди, заставляющіе плясать передъ собою суркеръ (Surker) или плясуновъ, обыкновенно мальчиковъ, которые пляшутъ съ разными сладострастными тѣлодвиженіями и представленіями. Когда, глядя на такія пляски у зрителей возбуждается вожделѣніе, распаляемое въ нихъ и виномъ, то они уходятъ съ мальчикомъ куда ни будь въ уголокъ, или же отправляются въ общественные дома непотребныхъ женщинъ.

2. Джай-Хатай-Хане (Tzai Chattai Chane): это такая харчевня, въ которой пьютъ иностранную теплую воду, [1] о которой подробнѣе скажу скоро ниже. Попивая этотъ напитокъ, Персіяне играютъ сдѣсь въ шашки, или же и въ шахматы. Въ игрѣ этой они искуснѣе даже Русскихъ игроковъ, также хорошихъ, и Персіяне говорятъ, что игра эта изобрѣтена ими, какъ значится это изъ самаго ея названія Шахъ, означающаго Царя. Шахматную игру называютъ они седренцъ (Sedrenz), т. е., сто заботъ, потому что она заставляетъ много думать и направлять свои мысли на различныя обстоятельства. О томъ, кто былъ первый изобрѣтатель этой игры, мною сообщено уже подробное свѣдѣніе въ Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 7 книгѣ, 13 Исторія.

3. Каве-Хане (Kahweh Chane), харчевня, въ которой собираются курители табаку и любители кофе (Kahveh). Во всѣхъ этихъ трехъ родахъ харчевенъ присутствуютъ также поэты и историки, которыхъ я встрѣчалъ тамъ сидящими посреди комнаты, на высокихъ стульяхъ, и разсказывающими разнаго рода событія, басни и другія поэтическія произведенія. Во время разсказовъ своихъ люди эти помавaютъ палочкою, подобно тому, какъ дѣлаютъ это фокусники; не вдалекѣ отъ этой кофейни сидятъ, въ своихъ трактирахъ и лавкахъ, двоякаго рода цирюльники (Chirurgi), изъ которыхъ одни называются хирургами джерра (Tzerrah), которые только лѣчатъ раны, а не убираютъ; другіе же не лѣчатъ, а только брѣютъ, или стригутъ и убираютъ волосы, называются деллакъ (Dellak) и употребляются и для обрѣзыванія. Къ этимъ послѣднимъ ходитъ множество народа, такъ какъ Персіяне брѣютъ себѣ всю голову и дѣлаютъ это часто. Каждый приходящій сюда приноситъ съ собою и собственную свою бритву, по тому что, изъ опасенія кеши (Keschi) (такъ называютъ они Французскую болѣзнь), они не дозволяютъ прикасаться къ себѣ ни-какою чужою бритвой.

Внизу, у сѣверной части Майдана, начинается уже настоящее торжище, гдѣ находится огромная Кайзеріе (Kaiserie) (галерея),

---

[1] Напитокъ этотъ чай, какъ видно сдѣсь изъ названія самой харчевни. Прим. Перев.

въ которой продаются самые дорогіе товары. Надъ входомъ въ это зданіе висятъ большіе часы, устроенные при Шахъ-Абасѣ однимъ Англичаниномъ, по имени Феси (Fessi); часы эти вначалѣ, когда еще въ цѣлой Персіи не было ни колоколовъ, ни такихъ большихъ часовъ, считались чудомъ, въ наше же время они уже не ходили, были испорчены, а самый мастеръ изрубленъ саблями, подобно Рудольфу Стадлеру, за убіеніе имъ одного Персіянина.

Базаръ или торгъ раздѣляется на множество улицъ, большею частію крытыхъ. Здѣсь можно получить всякаго рода товары и все то, чего только можетъ пожелать душа, сообразно свойствамъ страны. И каждый родъ товаровъ размѣщенъ по лавкамъ отдѣльно отъ другихъ и въ извѣстномъ порядкѣ, въ различныхъ мѣстахъ.

Между прочими отличалась красивымъ видомъ одна богатая лавка естественныхъ произведеній (Materialisten-Kram), находящаяся подлѣ большой мечети, на лѣвой рукѣ, по пути къ ней. Кромѣ обыкновенныхъ, въ ней находится и множество иноземныхъ, превосходныхъ травъ, сѣмянъ, корней, камней и рѣдкихъ растеній. Тамъ во множествѣ продаются: Radix Tzinae или козій корень, какъ называетъ его Tabernaemontanus, Персы же называютъ его Bich-Tzini; и Rhabarbarum, называемый Персами Rawende-tzini; оба эти растенія привезены сюда изъ Китая и Великой Татаріи, и стоятъ за фунтъ по 3 абаса или по одному рейхсталеру.

Въ Испагани находятся купцы и лавочники всѣхъ возможныхъ народностей, торгующіе оптомъ и по мелочамъ, въ розницу, отрѣзными кусками, а именно: кромѣ Персовъ, Индійцы, разные Татары изъ Хуаресма, Китая (Chattai) и Бухары, Турки, Іудеи, Армяне, Грузины, и кромѣ нихъ: Англичане, Голландцы, Французы, Итальянцы и Испанцы.

Кромѣ Персидскихъ на торгѣ находились большею частію Индійскіе магазины и лавки, съ шелковыми и бумажными товарами, которые добротою и изяществомъ превосходили Персидскіе. Самихъ Индійцевъ въ городѣ проживало постоянно до

12,000, и многіе изъ нихъ имѣли на лбу нарисованную шафраномъ черту, спускающуюся внизъ къ носу длиною и толщиною въ палецъ; что означаетъ эта черта, я дознать не могъ. Большинство этѣхъ Индійцевъ Магометане, нѣкоторые же язычники, не обрѣзанные; этѣ послѣдніе и понынѣ сожигаютъ своихъ покойниковъ, для чего употребляютъ абрикосовое дерево (Abricos), называемое ими мешмешъ (Meschmesch); въ нашу бытность сожженъ былъ ими одинъ такой трупъ.

Находясь сдѣсь, на торжищѣ, при куплѣ и продажѣ, сдѣлаемъ обозрѣніе и Персидскимъ монетамъ, которыя у нихъ въ употребленіи при торговлѣ вообще.

О персидскихъ монетахъ (деньгахъ).

Деньги, находящіяся въ обращеніи на торжищѣ, суть серебряныя и мѣдныя: золотыя бываютъ въ торговлѣ очень рѣдко. Серебряныя монеты суть: Абасъ (Abas), Гаремъ-Абасъ (Garem abas) или Ходабенде (Chodabende), Шахи (Schahi) и Бисты (Bisti). Абасъ (Abas) цѣнятъ Персіяне наравнѣ съ рейхсталеромъ, на Мишенскую же монету считаютъ его равняющимся 8 грошамъ и 8 пфеннингамъ. Но одинъ рейхсталеръ вѣситъ четыре Абаса. Большіе и дорогіе товары оцѣниваютъ туменами (Tumain), а одинъ туменъ содержитъ въ себѣ 50 абасовъ. Особо чеканеной такого рода монеты нѣтъ, и туменъ собственно исчисляется суммообразно, подобно тому, какъ Русскіе считаютъ свой рубль. Абасъ получилъ свое названіе отъ Шаха-Абаса, который повелѣлъ чеканить эту монету, точно также, какъ полуабасъ называется Ходабенде (Chodabende) по тому, что введенъ Шахомъ Ходабенде. Прежде Персы имѣли иную монету, называвшуюся Лари (Lari): это была сложенная вдвое и изогнутая серебряная проволока, посреди сплюснутая вгладь, гдѣ и выбита печать (величина и видъ этой монеты значится на прилагаемомъ изображеніи); [2] монета эта нѣсколько тяжеле одной Ходабенде и введена она была Шахомъ Измайломъ I. Этого рода монета находится въ

[2] Въ подлин. стр. 560. О. Б.

Княжескомъ Готторфскомъ Книгохранилищѣ, между множествомъ другихъ древнихъ монетъ разныхъ народовъ. Послѣ полуабаса идутъ Шахи (Schahi)—четверть абаса, и потомъ Бисти (Bisti), которыхъ въ одномъ Schahi заключается $2^1/_2$.

Мѣдныя монеты, которыя Персіяне вообще называютъ Пулъ (Pul), а въ отдѣльности Касбеки (Kasbeki), стоимостію считаются по 40 штукъ въ одномъ абасѣ. Когда Европейцы торгуютъ съ Персіянами и покупаютъ у нихъ что либо на чистыя деньги, то даютъ рейхсталеры, которые и размѣниваются на ихъ монету; для этого, тутъ же, на Майданѣ, находится нѣсколько мѣнялъ, Серафъ (Seraf). Монетный дворъ Серабъ-хане (Serab chane), также стоитъ не далеко отъ торжища. Монетчики, имѣющіе за огромную сумму монету на откупу, получаютъ, по упомянутой причинѣ, на рейхсталеровъ большія выгоды и пользу. Испанскіе реалы берутъ они также охотно, и почти охотнѣе, чѣмъ рейхсталеры. Вообще относительно мѣдной монеты у Персіянъ дѣлается такъ, что каждый большой городъ имѣетъ у нихъ свою особенную монету, которая нигдѣ и не ходитъ, какъ только тамъ, гдѣ она отчеканена, и при этомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, такъ что и знаки на этѣхъ монетахъ ежегодно перемѣняются. Знаки этѣ или изображенія бываютъ иногда олень, коза, сатиръ, рыба, змѣя и тому подобное; въ наше время на Казбекахъ (Kasbeki) въ Шамахѣ было изображеніе Фавна (Faunum) или молодаго дьявола, въ Кашанѣ изображеніе пѣтуха, въ Испагани льва, и въ Киланѣ рыбы. Съ наступленіемъ Новаго Года, совпадающаго по нашему Календарю съ Февралемъ мѣсяцемъ, старые Казбеки воспрещаются, стоятъ уже по два старыхъ за одинъ новой, и по этому должны поступить снова на монетный дворъ, гдѣ они только раскаляются и клеймятся новымъ знакомъ. Фунтъ мѣди стоитъ тамъ около абаса, и изъ него вычеканивается обыкновенно 64 Казбека.

Такъ какъ въ Испагани скопляется много купечества и ведется такая громадная торговля, то въ немъ находится и великое множество каравансераевъ, въ которыхъ производится оптовая торговля. Этѣ каравансераи, какъ уже выше сказано, суть большіе дворы, построенные четырехъугольниками, съ высокими

каменными стѣнами и разными покоями, анбарами и галереями въ два и три яруса, въ которыхъ иноземные люди имѣютъ всѣ возможныя удобства, какъ для собственнаго проживанія, такъ и для складки своихъ товаровъ.

Между прочими красивыми зданіями, одно не изъ послѣднихъ составляетъ Царская главная конюшня съ довольно высокою башнею, называемою Келеминаръ (Keleminar), и сложенною изъ роговъ оленей и агу (Aahu), сплоченныхъ землею. Шахъ-Тамасъ въ одной изъ охотъ убилъ болѣе 2000 оленей и агу, и въ память о такомъ событіи приказалъ выстроить сказанную башню изъ роговъ этѣхъ животныхъ.

За городскою стѣною, на южной сторонѣ, недалеко отъ большаго моста, находится помянутый выше чрезвычайно богатый садъ Джарбагъ (Tzarbagh), подобнаго которому мы не видѣли еще въ Персіи. Названіе свое получилъ онъ отъ того, что въ слѣдствіе крестообразнаго хода и протекающей въ немъ рѣки, онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на четыре сада. Въ окружности онъ простирается на добрую четверть мили, устроенъ четырехъугольникомъ и на каждой его сторонѣ имѣются особыя ворота. На южной сторонѣ его возвышается холмъ, красиво отдѣланный множествомъ уступовъ или террасъ. По обѣимъ сторонамъ его и въ серединѣ находится вода, проведенная сюда черезъ проложенную подъ землею трубу изъ рѣки Сендерутъ, и игравшая здѣсь протоками и водометами. Протоки сдѣланы были изъ высѣченнаго камня шириною въ локоть, ровные будто шнуръ и на уступахъ положены довольно круто, такъ что вода, совершая по нимъ быстрое паденіе, производитъ въ то же время и шумъ. Въ этѣхъ же протокахъ подѣлано было множество маленькихъ трубокъ, которыя высоко подбрасывали текущую по нимъ воду. Кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ находились особые водометы изъ бѣлаго мрамора, которые играли чрезвычайно высокими водяными лучами и представляли пріятное зрѣлище. Изъ водометовъ вода стекала въ большой прудъ, лежавшій въ нижней части сада, изъ средины котораго вода также била вверхъ, на высоту 12 локтей. Подлѣ этого пруда стояла одна изъ 4-хъ изящныхъ бесѣдокъ, построенныхъ въ четырехъ углахъ сада и

разъукрашенныхъ внутри всякаго рода золоченою рѣзьбою, изображающую листья и цвѣты. Открытые покои, увеселительные ходы и ходы для гулянья, повсюду усажены прекрасными и высокими чинарами, которыхъ было сдѣсь нѣсколько тысячъ деревьевъ.

Кромѣ чинаръ сдѣсь растетъ множество и плодовыхъ деревьевъ и винограднику, которыя Шахъ-Абасъ, засадившій садъ этотъ, повелѣлъ привезти сюда изъ многихъ мѣстъ и областей; такъ сдѣсь растутъ разнаго рода яблони, груши, миндаль, фиги, абрикосы, персики, гранаты, лимоны, померанцы, каштаны, Грецкіе и обыкновенные орѣхи, вишни, смородина и всякаго рода виноградъ, котораго нѣкоторые виды давали виноградины величиною и толщиною въ большой палецъ, цвѣта коричневаго, съ жесткимъ мясомъ и безъ зеренъ; этотъ сортъ винограда называется тамъ галаже (Hallage). Для надзора и ухода за садомъ приставлено 4 садовника, съ 40 человѣками пособниковъ имъ.

Въ то время, когда плоды созрѣютъ, дозволяется всякому, заплатившему только 4 Касбека (на Мишпенскія деньги 9 пфенинговъ), входить въ садъ, и ѣсть тамъ плоды досыта; но изъ саду съ собою брать плодовъ не позволяется ни сколько.

У города Испагани находится шесть большихъ Рабатъ (Rabath) или предмѣстій, изъ которыхъ важнѣйшее, найбольшее и красивѣйшее есть Джульфа (Tzulfa), съ 3000 домовъ и 12-ю мечетями, которыя въ богатствѣ постройки не уступятъ находящимся въ городѣ. Жители этого предмѣстья исключительно богатые Армянскіе купцы, которыхъ Шахъ-Абасъ переселилъ сюда изъ Великой Арменіи. Они платятъ Шаху дань по 200 туменовъ въ годъ, которые должны были вносить бывшіе при насъ ихъ Даруга, Хосровъ Султанъ и Калентеръ Сеферасбекъ.

По ту сторону рѣки Сендерута лежитъ другое предмѣстье Табрисабатъ (Tabrisabath), иначе также Абасабатъ (Abasabath) называемое, по тому что жителей этого предмѣстья Шахъ Абасъ перевелъ сюда изъ Тавриса (Tabris). За тѣмъ

Гасенабатъ (Hassenabath), есть также предмѣстье, населенное Джурджи (Tzurtzi) или Грузинскими Христіянами, которые

переведены сюда изъ Грузіи. Жители его тоже знатные купцы, которые по торговымъ дѣламъ своимъ, также какъ и Армяне, далеко разъѣзжаютъ кругомъ и посѣщаютъ разныя иныя земли.

Есть еще замѣчательное предмѣстье на западной сторонѣ, называемое Кебрабатъ (Kebrabath), а жители его Кебберъ (Kebber), которые тоже богатые купцы. Жители этѣ носятъ длинныя бороды и совсѣмъ другое платье, чѣмъ обыкновенные Персіяне; они ходятъ въ длинныхъ, не повязанныхъ кафтанахъ, которые только на шеѣ и плечахъ имѣютъ отверстія, гдѣ и завязываются лентами. Жены ихъ не стыдясь ходятъ съ открытымъ лицомъ; вообще же люди этѣ считаются совѣстливыми, кроткими и добросердечными. Они древняго языческаго происхожденія, не признаютъ ни обрѣзанія, ни крещенія и не имѣютъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Въ чемъ собственно заключается Вѣра ихъ, я узнать не могъ; но позднѣе я старательно распрашивалъ о ней, и узналъ только то, что они не огнепоклонники, ignicolae, какъ древніе Kebber, хотя Готтингеръ и считаетъ ихъ таковыми (Hottinger, Thesaur. Philol. Tiguri, 1651, pag. 56).

Если кто умретъ у этѣхъ Кебберовъ, то изъ дому умершаго выпускаютъ и гонятъ въ поле пѣтуха, и если лисица поймаетъ и унесетъ этого пѣтуха, то они полагаютъ, что душа умершаго принята въ другую жизнь. Такъ какъ подобные опыты не всегда удавались, и даже давали поводы къ подозрѣнію въ злоупотребленіи, то они приняли другую мѣру, въ которую найболѣе вѣрятъ, а именно: они выносятъ трупы умершихъ, одѣтые въ лучшія платья и увѣшанные золотыми цвѣтными и всякаго рода другими украшеніями, на кладбище и подпираютъ ихъ деревянными вилами, приставляя къ стѣнѣ; если за тѣмъ птицы небесныя выклюютъ у покойника правый глазъ, то умершій считается уже непремѣнно удостоившимся Неба; если же птицы выклюютъ лѣвый глазъ, то значитъ покойникъ осужденъ на муку. По этому на кладбищѣ имѣются и двѣ глубокія ямы: въ одну тихо и бережно спускаютъ трупы блаженныхъ, въ другую же просто бросаютъ стремглавъ осужденныхъ.

Кажется, это уцѣлѣвшіе еще остатки способа погребенія умершихъ у древнихъ Персовъ; ибо въ древности покойни-

ковъ ихъ также предоставляли на расклеваніе птицъ; объ этомъ повѣствуетъ Herod. Agatias: «Cadaver ad quod non statim dilacerandum advolent aves, aut canes accedant, hominis fuisse affirmant, qui inquinatis moribus fuerit iniquiorisque animi, et dignus plane, qui in baratrum detrudatur, inque pravi Daemonis ditionem veniat.»

Около города Испагани считается 1460 мѣстечекъ и селеній, въ которыхъ находятся всякаго рода ткачи.

Хотя лѣтомъ, особенно въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, въ Испагани весьма жарко, но противъ этого неудобства жители имѣютъ свои, со сводами, прохладные покои, черезъ которые проводятъ воду и гдѣ воздухъ можетъ проходить со всѣхъ сторонъ; кромѣ того у нихъ есть и погреба со льдомъ, въ которыхъ они сберегаютъ ледъ во все лѣто для прохлажденія себя. Вообще зимою морозы и снѣгъ тамъ не велики, и въ случаѣ суровой стужи, ледъ образуется толщиною не болѣе, какъ въ палецъ, и ледъ этотъ въ полдень обыкновенно растаеваетъ. Тѣмъ не менѣе жители сдѣшніе умѣютъ искуственно добывать ледъ толщиною въ локоть. Приготовляютъ они такой ледъ слѣдующимъ образомъ: въ холодномъ мѣстѣ, обращенномъ на сѣверъ, они складываютъ изъ четырехъугольныхъ камней покатый помостъ, который всю ночь, когда морозитъ, и поливаютъ водою. Въ одну ночь образуется при этомъ ледъ толщиною въ полъ локтя. На день, для защиты отъ солнечнаго тепла, надъ этѣмъ добытымъ льдомъ разбивается крыша, и на слѣдующую ночь продолжаютъ поливаніе его водою. Когда ледъ сдѣлается такимъ образомъ достаточно толстъ, его разбиваютъ на куски, укладываютъ въ погреба, и лѣтомъ очень дешево продаютъ всякому желающему.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ югозападной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Суристанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ этѣ времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда-либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, на примѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

не такъ часто и сильно, какъ въ Германіи. Найболѣе же всего страдаютъ отъ скверной Французской болѣзни, которую они причиняютъ сами себѣ, удовлетворяя свою горячую природу и похоть непозволительными средствами. Подобно тому, какъ у насъ болѣзнь эта получила свое имя отъ Французскаго народа, по тому что въ немъ она найболѣе распространена, такъ и Персіяне называютъ ее Сегеметъ каши (Sehemet kaschi), Кашанскою немочью, по тому что она болѣе всего господствуетъ въ городѣ Кашанѣ. Ибо Кашанъ, не смотря на пріятность своего мѣстоположенія, отличается вовсе нездоровымъ воздухомъ: въ немъ мало свѣжей воды и обиліе гадовъ, каковы самые большіе скорпіоны и тарантулы, о которыхъ говорилось при описаніи города Кашана. Въ Киланѣ господствуетъ по преимуществу болѣзнь ушная (Tympanis) и водяная; но одержимыхъ каменною болѣзнію очень немного и, къ удивленію, ни одного подагрою.

Вообще же между Персіянами встрѣчаются довольно старые люди, много близкихъ къ сотнѣ лѣтъ, а нѣкорые живутъ и за сто. Въ наше время былъ тамъ одинъ областной начальникъ, въ краѣ Серабъ, между Моканомъ и Ардебилемъ, которому было уже 130 лѣтъ. Дѣдъ нашего Гаквирда, который жилъ у насъ въ Голштиніи, имѣлъ 120 лѣтъ. Вообще Персіяне довольствуются немногими и недорогими яствами и большею частію живутъ умѣренно.

Что касается до почвы земли, то тамъ, гдѣ идетъ ровная страна и безъ горъ, мы нашли ее вообще, за исключеніемъ Килана, сухою, крупно песчаною, смѣшанною съ красноватымъ каменистымъ щебнемъ, и на ней не ростетъ ни чего, кромѣ чертополоху или волчца и отдѣльныхъ кустарниковъ, которые, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, собираютъ и употребляютъ на топливо въ поварныхъ печахъ. Въ долинахъ же и лощинахъ, на которыхъ есть горы, тянущіяся внутрь страны, и гдѣ расположена большая часть селеній, почва покрыта зеленью и плодородна. Ибо Персіяне умѣютъ бѣгущіе изъ горъ источники собирать въ ручей, шириною не болѣе двухъ локтей, и искусно проводятъ воду эту у подошвы горъ кругомъ, часто на пространствѣ полумили, чтобы, за недостаткомъ дождя, мало выпадающаго въ Персіи, орошать

этой водой сады и поля свои. Поля же свои они устроиваютъ такъ: разбиваютъ ихъ на отдѣльныя площадки, въ 8 и 12 квадратныхъ саженъ величиной, иногда и менѣе, и запруживаютъ эти площадки, лежащія одна подлѣ другой, небольшими, въ футъ вышиною, плотинами, и за тѣмъ отводомъ сказаннаго ручья орошаютъ площадки одну изъ другой, и часто, смотря по надобности, держатъ ихъ совсѣмъ подъ водою цѣлую ночь, днемъ же на нихъ дѣйствуетъ горячее солнце, отъ чего и бываетъ тамъ превосходная растительность и плоды.

Чтобы вспахать землю, Персіяне также употребляютъ плуги, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва жирна и жестка, какъ, на примѣръ, въ Ерванѣ и Арменіи, плуги эти такіе огромные, что для управленія ими требуется четыре и болѣе человѣка, и запрягаются отъ 12 до 24 буйволовъ; борозды дѣлаютъ ими въ одинъ футъ глубиною и въ два шириною.

Изъ хлѣба и произведеній земли Персіяне воздѣлываютъ преимущественно рисъ, пшеницу и ячмень. Рожь они считаютъ ни во что и не сѣютъ ея; если же иногда зерна ея попадутся въ пшеницѣ, изъ которой она собственно и происходитъ, то на нихъ смотрятъ тамъ также, какъ мы смотримъ на куколь или плевелы во ржи. Объ овсѣ они даже и вовсе не знаютъ. Кромѣ того, они воздѣлываютъ много проса, чечевицы, бобовъ и гороху. Горохъ у нихъ двухъ родовъ: овечій (стручковый), называемый у нихъ нагутъ (Nagud), и обыкновенный, который они называютъ кюлюль (Külül).

Они засѣваютъ также цѣлыя поля дивнымъ (клещевиннымъ) деревомъ (Ricinus) какъ его у насъ называютъ, у Персовъ же кюнджютъ (Küntzüt) называемымъ. Изъ сѣмянъ его бьютъ масло, на вкусъ сладковатое и пріятное, которое называется ими ширбахтъ (Schirbacht) и употребляется въ кушаньяхъ. Крестьяне же ѣдятъ это растеніе, вмѣсто лакомства, просто въ зернахъ, смѣшивая его съ коринкой и струковитымъ горохомъ.

Хлопчатая бумага (Pambech) воздѣлывается почти во всѣхъ областяхъ, и ею засѣваются цѣлыя страны; растетъ она кустарни-

комъ въ локоть вышиною; листья у нея, какъ у винограда, только значительно меньше; вверху, на вершинѣ стебля, у нея образуются головки, подобныя крупнымъ круглымъ Волошскимъ орѣхамъ; когда наступаетъ время созрѣванія, то головки этѣ, по сторонамъ, въ 4-хъ, или 6-ти, мѣстахъ открываются, и бумага протѣсняется сквозь этѣ трещины. Хлопчатая бумага обработывается сдѣсь въ громадномъ количествѣ для всякаго рода бумажныхъ товаровъ, и вообще она составляетъ предметъ значительной промышленности и торговли. Многіе города и селенія существуютъ единственно и исключительно только ею. Болѣе же всего собирается хлопчатой бумаги въ Арменіи, Ерванѣ, Нахичевани, во всемъ Карабахѣ, у Арасбара, въ Адирбейджанѣ и Хорасанѣ. Въ Киланѣ же сѣется льняное сѣмя, выдѣлывается ленъ и тчется полотно для рубашекъ, по тому что въ немъ хлопчатая бумага не растетъ.

Для корма скота, именно лошадей, Парсіяне употребляютъ ячмень, смѣшанный съ мякиной, а за неимѣніемъ этого, особенно въ Киланѣ, сѣчку изъ рисовой соломы съ рисомъ. Послѣ такого корму Персіяне оставляютъ лошадей стоять безъ пойла слишкомъ $1^1/_2$ часа. Турки же этого не дѣлаютъ. У Персіянъ есть еще родъ травы, называемой ими Гончегъ (Gontscheh), которую они разводятъ сѣменами; ростомъ она болѣе полутора локтя въ вышину, съ листьями, какъ у клевера (дятлины) съ голубыми цвѣтами во время цвѣтенія, когда и скашивается въ первый разъ, а черезъ шесть недѣль въ другой разъ. Такой съемъ этой травы дѣлаютъ они въ продолженіи шести лѣтъ сряду; на седьмой же годъ землю вспахиваютъ опять и снова засѣваютъ, и поле это, или лугъ, должно быть также орошаемо, какъ и другія хлѣбныя поля. Изъ этого рода травы Персіяне собираютъ лучшее сѣно, которое идетъ въ кормъ лошадей, принадлежащихъ знатнымъ Вельможамъ. Вообще же у Персіянъ мало обыковенныхъ сѣнныхъ покосовъ, и самыя большіе находятся въ Армянской области и въ Ерванѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ тепло и влажно, особенно въ Мюскюрѣ (Müskür), у Каспійскаго моря, ни зимою, ни лѣтомъ, недостатка въ травѣ не бываетъ, въ слѣдствіе чего тамъ нѣтъ и надобности много накашивать ее.

Кромѣ кормоваго горошка и чечевицы, у Персіянъ въ большомъ ходу и Греческое сѣно (foenum Graecum) или козій рогъ,

какъ его у насъ называютъ, которымъ иногда засѣваются цѣлыя поля. Это лучшій кормъ для быковъ и коровъ, особенно же буйволовъ, и имъ откармливаютъ скотъ передъ убоемъ. Персіяне мнѣ разсказывали, что если масло ихъ потеряетъ свѣжесть и вкусъ, то слѣдуетъ только вскипятить его съ шембебиле (Schembebile), (такъ называютъ они сѣмена foenum Graecum) и нѣсколькими луковицами, и дать ему остынуть, послѣ чего масло опять получаетъ хорошій вкусъ. Я же думаю, что это можетъ быть только съ масломъ, добытымъ отъ коровы, которая питалась этѣмъ кормомъ.

ГЛАВА VIII.

Объ откармливаемыхъ на убой и другихъ рабочихъ животныхъ.

Скотъ, откармливаемый у Персовъ на убой, и другой рабочій ихъ скотъ, составляютъ: овцы, козы, буйволы и обыкновенный рогатый скотъ (быки), верблюды, лошади, мулы и обыкновенные ослы. Овецъ держатъ Персіяне большія стада, ибо баранина составляетъ преимущественную и ежедневную ихъ мясную пищу. Тамъ есть довольно странная порода овецъ, мясо которыхъ имѣетъ совсѣмъ особый вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овцы этѣ величиной такія же, какъ и наши обыкновенныя, нѣкоторыя же изъ нихъ больше, чѣмъ Дитмарсенскія, и болѣе крупныя и лучшія изъ нихъ горбоносыя, съ длинными, отвислыми, какъ у нашихъ ищейныхъ собакъ, ушами, и съ хвостами, вѣсящими 10, 20 и даже 30 фунтовъ и состоящими изъ чистаго жиру, но за то во всемъ остальномъ тѣлѣ и на ребрахъ у этѣхъ овецъ жиру бываетъ уже немного. Хотя такой хвостъ имѣетъ свои обыкновенныя кости и члены, какъ и хвосты другихъ Европейскихъ овечьихъ породъ, но скопляющійся въ немъ жиръ дѣлаетъ его такимъ большимъ и широкимъ, что хвостъ этотъ становится похожимъ на большія синія шапки Голландскихъ моряковъ, которыя дѣлаются изъ косматой шерсти. По громадности своего хвоста, овцы этѣ не могутъ ни бѣгать быстро, ни прыгать. Въ области Курдистанѣ, въ сторонѣ къ Діарбекиру, и въ

Обѣтованной Землѣ, эта порода овецъ возитъ за собою хвосты свои на двухъ колесахъ и палкахъ, укрѣпляемыхъ у нихъ на шеяхъ, чего я самъ хоть и не видалъ, но мнѣ разсказывали это многіе Персіяне и другіе достовѣрные люди, бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ. Подобныя же свѣдѣнія сообщаютъ и писатели по Исторіи; такъ, Джонстонъ (Jonston, libro de quadruped. pag. 67), заимствуя изъ другихъ писателей, говоритъ что въ Аравіи находились овцы, у которыхъ одинъ хвостъ вѣсилъ 44 фунта.

Овцы, разводимыя Татарами, живущими на западной и сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря, походятъ на обыкновенныхъ Персидскихъ овецъ. Мы привезли ихъ нѣсколько головъ съ собою въ Голштинію; онѣ дали ягнятъ и сохранили свою породу. Нѣкоторые изъ нихъ подарены были въ Глюксбургъ, другія въ Евтинъ (Eutin); оставшіяся же у насъ со временемъ вымерли. Овцы Узбецкихъ и Бухарскихъ Татаръ даютъ болѣе длинную, сѣрую шерсть, заканчивающуюся бѣловатыми, словно жемчугъ, завитками, чрезвычайно красивыми на видъ и на ощупь мягкими, какъ шелкъ. Шерсть эта гораздо дороже шерсти остальныхъ овецъ вообще. Самыя овцы, дающія такую шерсть, требуютъ хорошаго ухода: ихъ воспитываютъ большею частію въ тѣни, и если нужно бываетъ выгонять ихъ на лугъ на солнце, то ихъ покрываютъ и укутываютъ, какъ лошадей, особыми попонами (одѣялами). Хвосты же у этѣхъ овецъ малые.

Персіяне держатъ также цѣлыя стада козъ, мясо которыхъ употребляютъ въ пищу, сало (по 25 фунтовъ въ козѣ) на свѣчи, а изъ шкуръ ихъ выдѣлываютъ сафьянъ, который привозится и къ намъ черезъ Польшу и Московію.

У нихъ много и буйволовъ, особенно въ сѣверной части, у Каспійскаго моря, въ Серабѣ, Ардебилѣ, въ Эрванѣ и Херюлѣ, гдѣ нѣкоторые поселяне имѣютъ ихъ по 400, по 600 и болѣе головъ. Они живутъ только въ сырыхъ, или влажныхъ, мѣстностяхъ; молоко и масло ихъ очень освѣжаютъ. Кромѣ того, Персіяне держатъ и простыхъ быковъ (крупный рогатый скотъ), подобныхъ Европейскимъ; но быки этѣ въ Киланѣ, также какъ и водящіеся въ Индіи, имѣютъ на шеѣ, у плечъ, жировой наростъ.

Мнѣ единогласно разсказывали многіе Персіяне довольно забавную вещь о томъ, какъ поступаютъ они съ своими коровами, которыя не даютъ доить себя, если тутъ же не находится теленокъ. Когда случается, что теленокъ околѣетъ (телятъ тамъ не бьютъ и не ѣдятъ), то шкуру его набиваютъ соломой, посыпаютъ чучело это немного солью и приносятъ къ коровѣ; полизавши нѣсколько это чучело, корова дѣлается спокойной; иначе же она злится и бѣсится и не даетъ молока.

Свиней Персіяне ставятъ ни во что и отнюдь не ѣдятъ свинины; по этому-то и Армянскіе Христіяне, живущіе у Персіянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не держатъ, а въ нѣкоторыхъ, гдѣ живутъ одни, какъ, на примѣръ, въ Джульфѣ, держатъ свиней немного. Персіяне, впрочемъ, думаютъ, что, по ихъ ученію, есть великія причины, по чему они, равно какъ и Евреи, ненавидятъ такъ сильно свиней и воздерживаются отъ употребленія ихъ въ пищу. Поводъ къ воспрещенію ѣсть свинину Сарацынъ (Saracaner) заимствуетъ изъ одной чисто свинской исторіи, или скорѣе срамной и грубой сказки, которая находится и у Библіандра (Bibliander, in doctrina Saracinica, на страницѣ 197 (De Saracenorum moribus historiae, una cum Alcorano, a Bibliandro Latine edito. Anno 1550). Для удовольствія благосклоннаго читателя я приведу сдѣсь эту сказку изъ Персидскаго толкователя (Paraphraste). «Ученики Христа просили однажды своего учителя, говоритъ сказочникъ, чтобы онъ сообщилъ имъ свѣдѣнія о томъ, что происходило съ Ноемъ въ ковчегѣ, и какъ проживалъ онъ тамъ съ своимъ семействомъ. На это Господь Христосъ молча слѣпилъ изъ грязи, взятой имъ полную руку, фигуру, бросилъ ее на землю и сказалъ: «Возстань, во имя Отца моего!» Тогда изъ грязи возсталъ сѣдовласый мужъ, котораго Христосъ вопросилъ: «Кто ты?» Старецъ отвѣчалъ: «Я Яфетъ, сынъ Ноя!» «Развѣ жь Яфетъ умеръ такой сѣдой?» Отвѣтъ: «Нѣтъ; я сдѣлался такимъ сѣдымъ только сейчасъ, изъ страха; ибо думалъ, что такъ внезапно позванъ былъ къ вѣчному суду, для котораго долженъ былъ возстать изъ мертвыхъ.» За тѣмъ Христосъ приказалъ Яфету: «Разскажи моимъ ученикамъ, какъ Ной проживалъ въ ковчегѣ.» Яфетъ разсказалъ все по порядку и, между прочимъ, слѣдующее: Однажды, когда корабль или ковчегъ въ той части, гдѣ было

отхожее мѣсто, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго количества накопившихся испражненій, отяжелѣлъ и наклонился, мы боялись, что ковчегъ совсѣмъ наконецъ упадетъ и потонетъ; по этому отецъ мой, Ной, испрашивалъ совѣта у Бога, что дѣлать при такомъ положеніи? На это Богъ приказалъ будто бы (чего не выдумаетъ нечестивый!), чтобы Ной поставилъ одного слона задницею къ отхожему мѣсту. Когда это было исполнено, то изъ смѣшенія помета слона и человѣка произошла огромная свинья, которая рыломъ своимъ разбросала весь пометъ по ковчегу, отъ чего корабль снова поплылъ прямо. Между тѣмъ при такой работѣ у свиньи набилось дерма полныя ноздри, отъ того она фыркнула, или чихнула, и выбросила изъ носа мышь. Это породило новое опасеніе и заботы Ною; ибо мышь начала точить и грызть корабельныя доски. Когда онъ вторично призвалъ Бога на совѣтъ, то ему было повелѣно, чтобы онъ ударилъ палкою льва по головѣ, и когда Ной исполнилъ это велѣніе, то левъ озлился и разсвирѣпѣлъ до того, что извергъ изъ носа кошку, которая постоянно преслѣдовала мышь и не давала ей времени нигдѣ прогрызть ковчега.» Не полагаешь ли ты, спрашиваетъ при этомъ грязный сказочникъ, причину эту достаточной, по чему Богъ воспретилъ ѣсть мясо такого нечистаго и грязнаго животнаго? Сдѣсь можно было бы кстати сказать, что должно быть мать этого мужа сказочника была очень опрятная женщина, такъ какъ отъ нея произошла такая великая и срамная нечисть.

Персидскій толкователь Алкорана, въ этомъ же мѣстѣ, продолжаетъ это срамное повѣствованіе подобнымъ же свинскимъ образомъ и говоритъ: Когда Ной отдѣлилъ всѣ живыя твари въ ковчегѣ, самцовъ отъ самокъ, для того, чтобы они не черезъ мѣру уже размножились тамъ въ теченіи 40 лѣтъ, которыя Ной долженъ былъ пробыть въ ковчегѣ, то собаки при этомъ имѣли дозволеніе свободно ходить на кораблѣ, и самцы и самки вмѣстѣ. Однажды кошка увидѣла, что песъ и сука повели себя другъ съ другомъ такъ, какъ другимъ животнымъ вести себя не позволялось, и съ досады пошла и донесла о томъ Ною (который, по Божьему изволенію, могъ понимать языкъ всѣхъ животныхъ, или же узнавать ихъ желанія по движеніямъ ихъ). Ной укорилъ собакъ за такое ихъ злоупотребленіе, но собаки запирались въ

немъ. Когда же подобныя жалобы на нихъ стали поступать все чаще и чаще, то Ной пожелалъ и попросилъ у Бога знаменія, дознать истину. Въ слѣдствіе сего и случилось, что собаки во время совокупленія склещиваются, чего прежде не бывало. Ной, застигнувши такимъ образомъ собакъ на дѣлѣ, уже неоспоримо очевидномъ, отдѣлилъ за тѣмъ и ихъ самцовъ отъ самокъ. Ради этого-то предательства возникла, и донынѣ существуетъ, такая великая вражда между собакой и кошкой.» Вотъ все объ этой Магометанской гадости, которую я счелъ нелишнимъ привести сдѣсь, говоря о свиньяхъ.

Персіяне держатъ много верблюдовъ, различныхъ породъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ два горба: они называются у насъ дромедарами (Dromedarii), а у Персіянъ бугуръ (Bughur), другіе же съ однимъ горбомъ, и называются у нихъ шютуръ (Schüttur). Между этѣми послѣдними Персіяне различаютъ еще 4 вида, имѣющіе различныя способности и достоинства. Лучшій изъ нихъ видъ мужескаго рода называютъ они, secundum excellentiam, неръ (Ner), самецъ; это такіе верблюды, которые происходятъ отъ помѣси бугура или двугорбаго самца съ одногорбой самкой, еще не бывшей въ случкѣ и называемой у нихъ мае (Maje). Верблюды этѣ сильны, носятъ по 6-ти, 8-ми и 10 центнеровъ, особенно когда они бываютъ въ течкѣ, которая продолжается у нихъ 40 дней и случается зимою; въ это время они ѣдятъ мало, испускаютъ изо рта множество пѣны, дѣлаются сердиты, такъ что во все это время рыло ихъ надо бываетъ держать завязаннымъ въ желѣзный намордникъ, называемый аграбъ (Agrab). Такой верблюдъ неръ стоитъ сто рейхсталеровъ. Дѣти, рожденные отъ нера, уже не такъ проворны и сильны, но лѣнивы, непослушны и злы, охотнѣе любятъ быть дома, нежели въ пути, по чему ихъ и называютъ по Турецки: юрда кайдемъ (Jurda kaidem), т. е., такими, которые все норовятъ воротиться въ конюшню или въ стойло. Такого верблюда можно купить за 30, или за 40, рейхсталеровъ. Третій видъ называютъ они лёгкъ (Löhk). Хотя этотъ видъ верблюдовъ также бываетъ въ течкѣ, однако они не такъ способны къ приплоду, какъ бугуры, и въ это время морда у нихъ не пѣнится, какъ у нера, но, вмѣсто пѣны, у нихъ показывается большой красноватый пузырь, который они извергаютъ изъ гор-

ла и опять втягиваютъ назадъ, при чемъ держатъ голову вверхъ и хрипятъ. Такого верблюда можно купить за 60 рейхсталеровъ. Изъ этого различія верблюдовъ у Персовъ образовалось особаго рода иносказаніе или реченіе, именно: храбраго, смѣлаго человѣка они называютъ неръ (Ner), а малодушнаго, труса, или сварливаго человѣка лёгкъ (Löhk). 4-й самый веселый видъ верблюдовъ по Персидски называется шютюри баадъ (Schüttüri baad), а по Турецки ель дёвеси (Jel döwesi), т. е., верблюдъ-вѣтеръ; онъ меньше ростомъ, но за то быстрѣе другихъ, и тогда какъ другіе ходятъ только шагомъ, этѣ послѣдніе бѣгаютъ, какъ лошади, и часто сильнѣе лошади.

Шахъ и Ханы имѣютъ обыкновенно по нѣскольку упряжекъ верблюдовъ, и въ каждой упряжкѣ запрягается по 7-ми верблюдовъ, одинъ за другимъ. Они употребляются частію для пріема Посланниковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ покрываютъ красными бархатными попонами и обвѣшиваютъ на шеѣ и на груди бубенчиками или колокольчиками и другими украшеніями, и осѣдлываютъ ушитыми золотомъ сѣдлами; частію же ихъ употребляютъ для почтовой гоньбы и въ войнѣ; ибо если въ послѣднемъ случаѣ придется обратиться въ бѣгство, то съ этѣми животными Персіяне могутъ быстро спасти свои лучшіе пожитки и снаряды. Нѣкоторые верблюды бѣгаютъ бойкою, неспокойною рысью, и вожакъ-прислужникъ, сидящій обыкновенно на передовомъ верблюдѣ или пешенкѣ (Peschenk), долженъ привязывать себя покрѣпче вокругъ тѣла къ этому верблюду; ибо на бѣгу онъ такъ сильно качаетъ и такъ больно трясокъ, что, не привязавшись, никто не въ состояніи бываетъ удержаться долго на немъ. Когда верблюды бѣгутъ, то поднимаютъ высоко вверхъ голову, расширяютъ и раздуваютъ ноздри, и тогда никто ихъ не удержитъ. При въѣздѣ нашемъ въ Шамаху и въ Ардебиль, мы видѣли подобный поѣздъ верблюдовъ, когда они, богато разубранные, въ полномъ бѣгѣ своемъ, безпрестанно показывались то впереди, то позади Посланниковъ.

Съ помощію верблюдовъ въ Персіи удобно и быстро можно путешествовать и довольно дешево перевозить большія тяжести. Одинъ человѣкъ можетъ править 7-ю и болѣе животными, кото-

рыхъ онъ всѣхъ пристегиваетъ гуськомъ одного къ другому, а самъ садится на передняго, или же идетъ впереди его. Кто не хочетъ ѣхать одинъ, тотъ можетъ пристать къ каравану, или къ обществамъ, которые въ странѣ, во всякое время ходятъ туда и сюда, по сотнѣ и болѣе человѣкъ, и съ караванами ити еще безопаснѣе. У верблюдовъ свой извѣстный шагъ, и въ каждый день пути черезъ шесть, восемь и 10 миль дѣлается привалъ въ какомъ ни будь постояломъ дворѣ, или селеніи, или въ нарочно для путешественниковъ устроенномъ дворѣ, который называется каравансераемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ каравансераевъ есть кормъ для животныхъ, въ другихъ же нѣтъ ни чего, кромѣ голыхъ стойлъ или конюшенъ. Такъ какъ проводники или возчики знаютъ уже этѣ мѣста, то они возятъ съ собой кормъ туда, гдѣ нельзя ни чего добыть.

Верблюдъ довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ: онъ ѣстъ репейникъ, крапиву и прочее негодное зелье. На репейникѣ попадается иногда ядовитый родъ улитки, или слизнячка, который Персіяне называютъ мегере (Möhergè), и если улитка эта ужалитъ верблюда въ носъ, то онъ околѣваетъ. По этому, когда Персіянинъ разсердится на верблюда, то говоритъ: «Чтобъ тебя мегерѣ ужалила!»

Обыкновенно же кормятъ верблюда такъ: мѣшаютъ мякину, или высѣвки, съ ячменною мукою, дѣлаютъ довольно крутое тѣсто, въ видѣ длинноватаго хлѣба, вѣсомъ до 3-хъ фунтовъ, и засовываютъ все это верблюду въ пасть. Я видѣлъ также, что въ тѣсто это примѣшиваютъ и сѣмена хлопчатобумажника, которыя величиною съ большую горошину и сладки, какъ орѣхъ. При такомъ кормѣ верблюды могутъ сносить жажду 2 и болѣе дня. Такъ разумно устроила это предусмотрительная природа; ибо въ сухихъ пустыняхъ и песчаныхъ мѣстахъ, черезъ которыя лежитъ обыкновенно путь верблюдамъ, нельзя иногда добыть ни капли воды. Они легко дозволяютъ навьючивать на себя тяжести: для этого потрогиваютъ ихъ гибкой палочкой слегка по колѣнамъ переднихъ ногъ и почешутъ, или потрутъ, ихъ ртомъ, и они становятся на колѣни, такъ что брюхомъ достигаютъ земли, и въ такомъ положеніи допускаютъ дѣлать съ собою, что угодно.

Они бодрѣе носятъ свою ношу, когда слышатъ пріятное пѣніе или звукъ и звонъ; по этому Персіяне привязываютъ нѣкоторымъ верблюдамъ по два бубенчика около колѣнъ, а на шею вѣшаютъ колокольчикъ. Арабы по этому же самому, когда отправляются въ путь черезъ пустыню, берутъ съ собою всякій разъ барабанъ, или бубны, какъ подробнѣе упомянуто мною объ этомъ въ Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 23 разсказѣ 2-й книги.

Удивительно какую превосходную память и желаніе отомстить своему оскорбителю имѣютъ верблюды, и какъ долго питаютъ они гнѣвъ въ такомъ случаѣ. Такъ, если кто сдѣлалъ верблюду какое насиліе, или ужь черезъ чуръ больно побилъ его, то онъ не можетъ забыть этого, и долгое время, иногда даже цѣлый годъ, терпитъ, а потомъ, чуть представится случай, разражается мщеніемъ. По этому Персіяне о неуживчивомъ, или злонъ, человѣкѣ говорятъ: «У него гнѣвъ верблюда.» Примѣръ такой мстительности, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Персіи, видѣлъ и разсказалъ мнѣ одинъ хорошій пріятель мой, Гансъ Георгъ Фарсъ (Hans Georg Fars), Персіянинъ, состоящій нынѣ начальникомъ артиллеріи Его Княжеской Свѣтлости (Герцога Голштинскаго), а именно: въ Ерванѣ случилось, что одинъ верблюдъ, бывши въ течкѣ, оставленъ былъ съ незавязанной мордой, и онъ укусилъ за руку шедшаго передъ нимъ возчика (прислужника). Возчикъ поколотилъ верблюда, давши ему порядочное количество тяжкихъ ударовъ палкою по шеѣ (мѣсто найболѣе чувствительное у верблюдовъ). Вербдюдъ въ этомъ же путешествіи выждалъ случай, и когда однажды караванъ сдѣлалъ привалъ подъ открытымъ небомъ, и верблюда опять оставили, покормивши его, съ незавязанной мордой, то ночью онъ поднялся, сталъ искать своего обидчика, и нашелъ его лежащимъ подлѣ другихъ верблюдовъ, съ ногами, подсунутыми, ради тепла, подъ верблюжью грудь (по ихнему обыкновенію), и покрытаго одѣяломъ. Отыскавши такимъ образомъ возчика, верблюдъ вытащилъ его и истопталъ до смерти, будто мѣшокъ, наполненный киселемъ и костями. Отецъ убитаго возчика, бывшаго единственнымъ у него сыномъ, принесъ судьѣ жалобу, и ему присужденъ былъ виновный верблюдъ, въ его полное распоряженіе, и такимъ рѣшеніемъ хозяинъ верблюда, разумѣется, остался доволенъ. Послѣ этого, если желчь

есть основаніе гнѣва, principium irae, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Cael. Rodiginus), въ 29-й книгѣ, главѣ 19-й (Lectiones antiquae. 1550, pag. 1132), то какъ понимать то, что пишетъ Плиній (lib. 9, pod. 17), будто верблюдъ, также какъ лошадь и оселъ, ни какой желчи не имѣютъ? Также не могъ дознать я и того, правду ли пишетъ онъ въ 8-й книгѣ, въ главѣ 18-й, будто верблюдъ, по природѣ своей, питаетъ ненависть къ лошади; это говоритъ и Ксенофонтъ: «Equi Camelos fugiunt» (Basiliae, 1572, книг. 7, стр. 140). Когда я спрашивалъ объ этомъ у Персіянъ, то они шутя, съ улыбкою отвѣчали мнѣ: «Да, говорятъ, что верблюды по справедливости могутъ гнѣваться на лошадей; ибо носятъ гораздо большую тягость и получаютъ худшій кормъ, чѣмъ лошади. И когда они останавливаются вмѣстѣ на ночлегъ въ селеніи, то лошадь можетъ найти себѣ пристанище въ какой ни будь избѣ, гдѣ обыкновенно дверь небольшая, верблюдъ же, по громадности своей, долженъ оставаться больше на дворѣ и быть доволенъ уже тѣмъ, если иногда лошадь помѣстятъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ верблюжьемъ стойлѣ. Вообще же, очень обыкновенно, что въ одномъ караванѣ находятся верблюды, лошади и ослы (какъ это извѣстно), и часто животныя эти помѣщаются близко другъ съ другомъ. Но Плиній справедливо пишетъ, что самки верблюдовъ ходятъ тельныя 12 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ даютъ дѣтеныша. Совокупленіе же свое (congressum) самцы и самки совершаютъ не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, retrorsum (хотя стоя въ стойлѣ самцы держать членъ свой обращеннымъ назадъ, что и могло дать поводъ къ такому заключенію; при случкѣ же обращаютъ его обыкновеннымъ образомъ), но также, какъ и другія животныя, «sed faemina genubus incumbente, et quamvis camelus ingentis magnitudinis sit animal, memorum tamen virile (ultra tres pedes quidem longum) crassitiem nucis avellanae non excedit.»

Такъ какъ верблюды дороги и очень полезны для возки тяжестей, то ихъ не легко употребляютъ въ пищу, и бываетъ это только тогда, когда, изнемогши подъ тяжестью выюка (что случается въ слѣдствіе бойкой комковатой дороги), верблюдъ падаетъ, или когда его ужалитъ мегере, или если онъ такъ заболѣваетъ чѣмъ либо: въ такихъ случаяхъ его убиваютъ и ѣдятъ. Способъ убоя верблюда такой: дѣлаютъ ему два удара, или над-

рѣза, въ шею: одинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ шея соединяется съ головою, другой же тамъ, гдѣ она соединяется съ грудью; если убить его иначе, то, говорятъ, верблюдъ нескоро издыхаетъ.

Лошадей въ настоящее время Персіяне держатъ въ великомъ множествѣ, и большею частію лошади этѣ съ красивой головой, ушами, шеей и бедрами. Въ древности область Мидія (Media) славилась тѣмъ, что въ ней водились лучшія и роскошнѣйшія лошади, которыхъ называли «equos nobiles Nisaeos,» отъ города того же имени, о чемъ смотри Геродота (Herod. lib 3, cap. 106), и Амміяна Марцеллина (Ammianus Marcell. lib. 23, pag. 27). То были любимыя лошади Царей Персидскихъ, какъ свѣдѣтельствуетъ Страбонъ (lib. 11, pag. 365), и кто хотѣлъ показаться въ полномъ своемъ великолѣпіи, тотъ садился на такую лошадь, какъ это видно у Геродота, въ 9-й книгѣ, въ главѣ 20-й

Хотя и теперь еще Мидійскія лошади, особенно попадающіяся въ Эршекѣ, не вдалекѣ отъ Ардебиля, также составляютъ очень хорошую породу, но Персіяне отдаютъ преимущество Арабскимъ лошадямъ, которыя считаются теперь важнѣйшими изъ любимыхъ Царскихъ лошадей; ибо онѣ обладаютъ прекрасной головой, шеей, крестцомъ, грудью, бедрами и вообще всѣмъ, чего только можно пожелать отъ природы лошади. Послѣ Арабскихъ они очень цѣнятъ Турецкихъ, особенно тѣхъ, которыя водятся въ Туркоманіи и этѣхъ лошадей у нихъ множество. Шахъ имѣетъ свои собственные конскіе заводы въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же въ Эршѣ, Ширванѣ, Карабахѣ и Моганѣ, гдѣ находятся лучшіе луга. Лошадей своихъ Персіяне употребляютъ главнымъ образомъ для верховой ѣзды, нѣкоторыхъ только для возки тижестей и въ Мюрсурѣ не многодля упряжи въ двуколескахъ своихъ; телѣгъ четырехколесныхъ у нихъ вовсе нѣтъ. И такъ какъ они особенные любители лошадей и славятся также конницей (въ которой на войнѣ, въ древности, по свѣдѣтельству Амміяна Марцеллина (Amm. Marcell. lib. 24, pag. 291) состояла, до и нынѣ состоитъ ихъ, главная сила), то они заботливо держатъ и холятъ лошадей своихъ. Для лошадиной подстилки они не берутъ ни соломы, ни чего подобнаго, но употребляютъ собственной лошадиный навозъ, который сушатъ на солнцѣ и накла-

дываютъ за тѣмъ на полъ конюшни на цѣлую пядень вышины, и на такой-то подстилкѣ лошади лежать также мягко, какъ на хлопчатой бумагѣ, и если подстилка эта хоть немного смокнетъ въ стойлѣ, то ее берутъ вонъ и снова просушиваютъ. Въ такомъ положеніи Персіяне окутываютъ еще лошадей волосянымъ одѣяломъ, подбитымъ мягкимъ войлокомъ. Они привязываютъ также путами, или веревкою, лошадей за заднія ноги къ колышку, вбитому въ землю, и говорятъ, что дѣлаютъ это для того, чтобы тамъ, гдѣ много стоитъ лошадей, онѣ не могли лягать другъ друга. Я нахожу, что это былъ даже и древній обычай у Персовъ; ибо Ксенофонтъ пишетъ о немъ, какъ о существовавшемъ еще до временъ Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ его 3-й книги (p. 245) de exp. Cyri, и онъ полагаетъ, что древніе дѣлали это для того, что если лошадь сорвется съ повода, то все таки убѣжать она никуда не можетъ; но это доставляло имъ и большое неудобство на войнѣ, когда требовалось неожиданно скакать скорѣе. Лошадей своихъ Персіяне ни къ чему болѣе не пріучаютъ, какъ только къ быстрому бѣгу и чтобы онѣ не были пугливы, и такую быстро бѣгущую лошадь они называютъ бадъпай (Bad pay), т. е. ноги-вѣтеръ. У многихъ бѣлыхъ и съ сѣрыми яблоками лошадей своихъ, ради красы, Персіяне окрашиваютъ хвосты, гривы, а у нѣкоторыхъ даже бедра и брюхо красною, или желтопомеранцевою краскою. О томъ, какъ составлять этѣ краски и красить ими, сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Персіяне очень щеголяютъ украшеніями лошадей; отъ этого, чуть только дозволяютъ достатки, убираютъ ихъ уздечками, сѣдлами и попонами, обитыми золотомъ и серебромъ и изящно вышитыми, подобно тѣмъ, которыя подарили Царь и знатные Вельможи нашимъ Посланникамъ, какъ объ этомъ было выше упомянуто. Это былъ древній еще придворный обычай Персовъ, бывшій въ ходу еще во времена Царя Ксеркса, какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Діонисій (Dionisius de situ orbis p. 1132).

На разубранныхъ такимъ образомъ лошадяхъ отправлялись и на войну, какъ видно изъ примѣра Масистія (Masistii), начальника конницы въ Ксерксовомъ войскѣ, о чемъ говорится у Геродота въ 9-й книгѣ, главѣ 20-й.

Персіяне держатъ и множество муловъ, особенно для верховой ѣзды во время путешествій, и на нихъ ѣздятъ также знатные Вельможи и даже самъ Царь. Мулы оказали намъ, по причинѣ ихъ спокойнаго шага, большую услугу, когда мы впали въ изнеможеніе во время нашего путешествія и все таки должны были продолжать путь. Они цѣнятся также дорого, какъ и лошади, и хоть сколько ни будь порядочный мулъ стоитъ до ста рейхсталеровъ. Мнѣ говорили, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи водятся бѣлые мулы, весьма дорого стоющіе и присылаемые только въ даръ Царю и Ханамъ; но я самъ не видѣлъ такихъ ни одного.

Ословъ, перевозящихъ тяжести, въ Азіи всегда водилось болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта; въ Персіи же, я полагаю, ихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Восточныхъ странахъ, и въ Испагани мы видѣли ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Такъ какъ тамъ возка на телѣгахъ не въ большомъ обычаѣ, то на всѣхъ улицахъ встрѣчается бездна вьючныхъ ословъ. Погонщики этѣхъ ословъ имѣютъ на кнутахъ цѣпочку съ примой (Prime, Tzarwedar), которой позванивая, постоянно подгоняютъ ословъ, при томъ то и дѣло покрикиваютъ на нихъ. По этому у нихъ есть поговорка:

«Два осла и двѣ лѣнивыя женщины требуютъ порядочнаго погонщика

ГЛАВА IX.

О садовыхъ растеніяхъ и плодахъ.

Такъ какъ Персія страна теплая, въ которой лѣто продолжительнѣе зимы, и въ теченіи лѣта погода въ ней болѣе постоянная и ясно-солнечная, то въ ней растутъ превосходные садовые плоды, служащіе не только для удовлетворенія потребностей поварни, но и для наслажденія лакомствомъ. Что касается до обыкновенныхъ поварныхъ овощей, то тамъ есть все, что и въ Германіи, но только многіе изъ нихъ крупнѣе и вкуснѣе. По-

мимо другихъ поварныхъ овощей, упомяну здѣсь только о лукѣ, который въ области Тарумъ (Tarum), граничащей съ Халхалемъ (Calchal), такой громадный, что одна луковица вѣситъ 3 фунта. Капуста сафо попадается тамъ величиной съ голову, растетъ красиво-курчавая, хорошо водится и имѣетъ пріятный вкусъ.

Персіяне большіе охотники до дынь, разводятъ ихъ въ громадномъ количествѣ, и дыни этѣ тамъ сладкія, будто сахаръ, по чему ихъ ѣдятъ тамъ безъ сахару, и Персіяне даже смѣялись, услыхавши, что мы ѣдимъ дыни съ сахаромъ. Такія дыни, какія бываютъ у насъ въ Голштиніи, хотя бы самыя лучшія, они ставятъ ни во что. Настоящихъ же своихъ дынь у нихъ тоже двѣ породы, именно: лѣтнія и зимнія дыни. Лѣтнія дыни, называемыя кермекъ (Kermek), отъ кермъ (Kerm), тепло, суть раннія, созрѣваютъ въ Іюнѣ, желтыя какъ воскъ и самыя сладкія. Другія же, харбусеи паси (Charbusei pasi) (арбузы?), созрѣваютъ только осенью, большія, отъ 30, 40 и до 50 фунтовъ вѣсомъ, могутъ быть сберегаемы не только въ теченіи зимы, но и на цѣлый годъ. Персіяне большіе знатоки ухаживать за ними и сберегать ихъ свѣжими, и сберегаемыя ими дыни такъ хороши, что во время привоза новыхъ, прошлогоднія какъ разъ купишь за свѣжія, если не обратишь вниманія на различіе, обнаруживающееся при подавленіи кожицы. Ихъ вѣшаютъ между камышемъ или тростникомъ, который срѣзывается зеленый и проспособляется къ этому особымъ образомъ. Такимъ же способомъ Персіяне сберегаютъ на цѣлый годъ виноградъ и другіе плоды.

Есть еще тамъ другой, особый родъ дынь, называемыхъ шаммаме (Schammame), величиной не болѣе померанца, разписанныхъ красными и зелеными пятнами, между которыми кожица очень шероховата. Дыни этѣ на вкусъ вовсе не сладкія, но имѣютъ весьма пріятный запахъ, и именно ради этого запаха и разноцвѣтныхъ красокъ Персіяне носятъ ихъ въ рукахъ и играютъ ими. Персидскіе поэты также пользуются этѣми дынями, при описаніяхъ красоты и прелестей дѣвицъ, говоря собственно о персяхъ послѣднихъ. По запаху своему дыни этѣ получили и свое имя Schemmame, отъ Арабскаго слова Schammeh, что значитъ замѣтный, видный. Господинъ Якобъ Голій (Jacobus Golius) также

упоминаетъ объ этѣхъ дыняхъ въ своемъ Арабскомъ лексиконѣ на стран. 1309. Есть у Персіянъ и арбузы, которые они называютъ гиндуане (Hinduane), по происхожденію ихъ изъ Индіи; сдѣсь арбузы этѣ еще болѣе тѣхъ, какіе мы видѣли въ Астрахани и о конхъ я уже говорилъ при описаніи этого города. Такъ какъ такой громадный плодъ растетъ, лежа на землѣ на тоненькомъ стеблѣ, плоды же громадныхъ и высокихъ Грецкихъ деревьевъ очень малы, то различіе это дало поводъ Персидскимъ поэтамъ къ слѣдующему стиху, въ которомъ намекается на то, какъ нѣкоторые великіе господа приносятъ часто на свѣтѣ мало пользы, и какъ, напротивъ, ничтожные простые люди доставляютъ иногда огромную пользу:

درختي كيرندكان ازان بوزوركي
درختی هندوانه ال اكبر

Drachti kirdekan es ohn busurki,
Drachti Hinduane! Alla ekber!

Что значитъ:

Съ великаго Грецкаго дерева падаетъ очень маленькій плодъ,
А длинный и слабый стебель арбуза приноситъ громадный плодъ.
Кто бы искалъ тебя, Hinduane, на такомъ стеблѣ.
Такъ-то устроено это на свѣтѣ, Тобою, Боже великій!

Персіяне имѣютъ нѣсколько видовъ тыквы и, между прочимъ, одинъ видъ у насъ, въ Германіи, не обыкновенный, у нихъ же кабахъ (Kabach) называемый, а въ Травникахъ Cucurbita lagenaria, величиною съ голову человѣка, даже больше, съ длинной, какъ у гуся, шеей, съ головою на верху, какъ видно это на изображеніи впаденія рѣки Волги около Астрахани. Употребляютъ ихъ тогда, когда онѣ еще зелены и не совершенно созрѣли; когда же онѣ совсѣмъ поспѣютъ, то наружная кожица ихъ дѣлается такою твердою, какъ древесная кора, и такою непроницаемою, какъ кожа. Мясо тогда совершенно ссыхается такъ, что въ нихъ уже ни чего не остается, кромѣ сѣмянъ. Самую кожицу высушенную Персіяне употребляютъ вмѣсто чана для воды и вообще вмѣсто посуды для питья.

У Персіянъ есть еще плодъ намъ, Нѣмцамъ, не извѣстный, называемый ими падинджанъ (Padintzan), величиной и наружнымъ видомъ похожій на малыя дыни, или на спѣлый уже огурецъ, и растетъ онъ подобно послѣднему. Плодъ вездѣ зеленый, только снаружи у стебля синеватый. Сѣмя у него круглое, нѣсколько продолговатое, какъ барбарисовая ягода. Сырой его не ѣдятъ, по тому что онъ горьковатъ; вареный же и жареный въ маслѣ доставляетъ пріятное кушанье.

О винограднѣ.

Виноградъ въ Персіи превосходный и во всѣхъ областяхъ растетъ большими сладкими кистями; но Магометане, по закону своему, не могутъ выдѣлывать изъ него ни какого вина, ни пить его, хотя многіе изъ нихъ не соблюдаютъ этого послѣдняго запрещенія. Причиною такого запрещенія приводятъ они довольно забавное сказаніе, которое для шутки я разскажу сдѣсь. Было два Ангела, по имени Аротъ и Маротъ (Aroth, Maroth), которыхъ Богъ послалъ съ неба на землю, чтобы они творили между людьми судъ и правду, при чемъ онъ далъ имъ троякій запретъ, именно: они не должны никого убивать, не должны судить неправедно, и не пить ни какого вина. Во исполненіе такого запрета Ангелы довольно долгое время управляли на землѣ хорошо. Но однажды случилось, что одна молодая, непомѣрно красивая женщина, не поладивши съ своимъ мужемъ, пришла съ жалобою на него къ нимъ, какъ къ своимъ обычнымъ судьямъ; для того же, чтобы склонить ихъ на свою сторону и достигнуть желаемаго ею рѣшенія, или суда, она хотѣла задобрить ихъ, и пригласила ихъ къ себѣ въ домъ попировать съ нею. Ангелы охотно согласились на приглашеніе, и когда сѣли за столъ, то красавица, между прочими напитками, принесла и прекрасное вино и упрашивала Ангеловъ выпить его; хотя Ангелы сначала и сильно отпѣкивались, но, послѣ долгихъ просьбъ и неоднократныхъ обольстительныхъ предложеній прекрасной женщины, они наконецъ уступили и стали пить кубокъ за кубкомъ. Когда же наконецъ вино распалило Ангеловъ, то въ нихъ возбудилось грѣховное пожеланіе къ хозяйкѣ, и они не долго уже думали, стали просить ее раздѣлить съ ними ложе. Красавица согласилась уступить ихъ желаніямъ, но съ слѣдую-

щимъ условіемъ, чтобы прежде одинъ изъ нихъ открылъ ей дорогу, по которой они сошли съ неба, а другой, по которой они всходятъ на небо. Ангеламъ понравилось это предложеніе: они открыли ей обѣ этѣ дороги, послѣ чего она тотчасъ же поднялась и ушла на небо. Когда Богъ увидалъ красавицу на небѣ, то спросилъ, откуда она пришла туда? Красавица разсказала все, какъ было дѣло, изъ котораго цѣломудріе ея обнаруживалось какъ нельзя яснѣе, по чему, тронутый этѣмъ, Богъ восхотѣлъ прославить ее и обратилъ ее въ звѣзду Венеру, для того, чтобы она, бывши на землѣ прекраснѣйшею изъ женщинъ, точно также и на небѣ была блистательнѣйшею изъ звѣздъ. Ангеловъ же Богъ потребовалъ къ себѣ на судъ, и объявилъ имъ такой приговоръ: такъ какъ они, помимо своего проступка, сдѣлали на землѣ много добраго, то Богъ предоставилъ имъ самимъ избрать себѣ наказаніе, которое было бы срединою между вѣчнымъ и временнымъ.

По этому, по ихъ собственному желанію, они были повѣшены на желѣзной цѣпи за ноги, въ одной безднѣ, называемой Бебиль (Bebil) и лежащей между Вавилономъ и Бесретомъ (Bessreth), гдѣ и должны висѣть до Страшнаго Суда.

Такъ какъ вино причиняетъ такое нечестіе, то Магумедъ, по велѣнію Бога, справедливо запретилъ употребленіе его. Но Персіяне, будучи большими охотниками до вина, и желая въ то же время хоть чѣмъ ни будь удовлетворить требованіе закона, рѣшили тѣмъ, что сами ни какого вина не дѣлаютъ, а предоставляютъ это Армянскимъ Христіянамъ, которыхъ, ради этой причины, и терпятъ вездѣ у себя въ городахъ и по селеніямъ, и у нихъ уже покупаютъ вино. Но Армяне этѣ не умѣютъ изготовлять вина такъ хорошо, какъ Европейцы. Они сберегаютъ его въ большихъ выжженныхъ кружкахъ, въ которыхъ вмѣщается по ому [1] (Ohm) и болѣе вина, ставятъ его въ малыхъ узкихъ погребахъ, или же зарываютъ въ землю, но не оттягиваютъ (не очищаютъ) его при этомъ. Иногда, когда вино недовольно красно, его

[1] Особая мѣра жидкостей. Прим. Перев.

подсвѣчиваютъ краснымъ деревомъ, или шафраномъ. Бѣлое же вино они не ставятъ ни во что. Но Персіянамъ позволяется употреблять виноградное сусло и дѣлать изъ него сиропъ, называемый у нихъ душабъ (Duschab); они варятъ сусло это до того долго, что изъ него остается только шестая часть, которая дѣлается густою и льется какъ масло. При употребленіи этого масла или душабъ, его мѣшаютъ съ водою и не большимъ количествомъ уксусу, каковая смѣсь даетъ довольно пріятный напитокъ, которымъ угощалъ меня Шамахинскій Минадримъ или Астрологъ, на утроенной имъ для меня пирушкѣ, какъ объ этомъ говорилъ я выше.

Иногда Персіяне варятъ душабъ этотъ такъ густо, что его можно рѣзать только, и путешествующіе люди обыкновенно засушиваютъ его, берутъ съ собою въ дорогу и, по мѣрѣ надобности, разводятъ его въ водѣ, для питья своего.

Заговоривъ объ этомъ варенномъ до суха виноградномъ суслѣ, вспомнилъ я объ одномъ славномъ изобрѣтеніи, заявленномъ славнымъ химикомъ, Г-мъ Іоанномъ Рудольфомъ Глауберомъ (Iohan Rudolph, Glauber), моимъ добрымъ другомъ, а именно: будто 5-ть возовъ [1] вина могутъ быть перевезены на одной телѣжкѣ съ такими же незначительными издержками, какія нужны только для перевоза одного воза вина; для этого стоитъ только извлечь изъ винограда, описаннымъ сейчасъ способомъ просушки, найбольшую часть воды, и за тѣмъ, въ своемъ мѣстѣ, снова подлить ее въ опредѣленномъ количествѣ, изъ самотечной ключевой воды. Не упускается ли при этомъ изъ виду, что виноградъ, прежде чѣмъ еще начнетъ бродить, долженъ потерять спиртъ отъ жара при высушеніи сусла? Искуство это слѣдовало бы испытать. Персіяне примѣшиваютъ иногда душабъ въ вино, особенно жители области Келекъ; ибо вино ихъ не такъ сладко, какъ въ южныхъ областяхъ. Съ такою примѣсью вино получаетъ вкусъ, подобный Испанскому вину.

---

[1] По Нѣм. das Fuder, по Франц. le foudre, возъ вина, тоже особая мѣра жидкости, содержащая 6 омовъ, или 480 кружекъ. Прим. Перев.

Въ Таврисѣ изъ такого душаба дѣлаютъ Персіяне еще особое лакомство, или конфекты, называемыя у нихъ халва (Helwà); при чемъ они примѣшиваютъ въ душабъ размельченный миндаль, пшеничную муку и ошелушеные Грецкіе орѣхи; все это вмѣстѣ сдавливается въ длинноватыхъ мѣшкахъ и дѣлается такимъ твердымъ, что въ зимнее время лакомство это рубить можно только косарями, или топорами. Изъ такого же тѣста приготовляютъ они въ длинноватыхъ формахъ, на подобіе колбасъ, конфекты, называемыя ими суджухъ (Sutzuch), въ срединѣ которыхъ помѣщаютъ, или замѣшиваютъ нитку изъ бумажной матеріи, въ родѣ парусинной нитки, на которой собственно и держится вся конфекта.

Въ Персіи растетъ много видовъ винограда; самый сладкій и лучшій растетъ въ Ширасѣ и Таврисѣ; самый же лучшій изъ растущаго въ Таврисѣ Персіяне называютъ табересгъ (Taberseh): онъ попадается и въ другихъ мѣстахъ, но сдѣсь найболѣе; ягоды этого винограда продолговатыя, безъ зеренъ, и могутъ держаться цѣлую зиму. Другой родъ винограда кесеки (Keseki), желтоватый и чрезвычайно сладкій, растетъ болѣе всего въ Тарумѣ, Таврисѣ и Ордебатѣ. Отъ этого послѣдняго винограду, если не въ мѣру поѣсть его, легко получить кровавый поносъ (dysenteriam).

Персидская коринка темножелтоватая, крупнѣе нашей, и лучшая получается изъ Баванаты (Bawanat), лежащаго при Гератѣ, и называется кишмишъ (Kischmisch). Кромѣ того, есть еще два необыкновенныхъ вида винограда, подобныхъ которому нѣтъ въ Германіи. Первый Персіяне называютъ галлаже (Hallage), ягоды котораго болѣе полутора дюйма въ длину и дюймъ въ шкрину, цвѣта темноватаго, съ жесткимъ мясомъ, безъ особой сочности, также безъ зеренъ, и могутъ быть сберегаемы до другого лѣта. Другой необыкновенный видъ винограда есть энкури Аали дереси (Enkuri Aaly deresi); кисти его очень велики, въ полълоктя длиною; ягоды величиной съ Испанскія сливы, темнокрасноватыя, очень сочны, но не могутъ быть долго сберегаемы, и по тому ихъ ѣдятъ только свѣжія; этотъ виноградъ нигдѣ не растетъ, кромѣ какъ въ Иранѣ, и именно только между Ордебатомъ и Ходдаферіномъ (Choddaferin); послѣдній есть мостъ, или проходъ, о которомъ

скажу еще въ другомъ мѣстѣ. Отъ чего виноградъ этотъ получилъ свое названіе, Персіяне разсказываютъ слѣдующую исторію: Однажды зимою прибылъ въ это мѣсто ихъ великій, святой чудотворъ, и когда его встрѣтилъ сдѣсь виноградарь или садовникъ, то Аали сказалъ ему: «Дай мнѣ поѣсть винограду!» Садовникъ отвѣчалъ, что не возможно сдѣсь достать винограду въ зимнее время; тогда Аали приказалъ ему пойти въ виноградникъ, гдѣ онъ найдетъ его вдоволь. Виноградарь повѣрилъ словамъ Аали, пошелъ въ виноградникъ, и нашелъ тамъ на лозахъ превосходнѣйшія и громадныя виноградныя кисти, какихъ онъ никогда не видывалъ. Отсюда-то этотъ родъ винограда и получилъ свое названіе Enkuri Aaly deresi, т. е., виноградъ въ узкой долинѣ Аали.

Древесные плоды.

Изъ древесныхъ плодовъ у Персіянъ есть всякаго рода, общіе съ нашими, а также и чуждые роды. Между прочими есть одинъ родъ грушъ, называемый ими мелледже (Melletzö); груши этѣ растутъ въ Ордебатѣ, цвѣтомъ и наружнымъ видомъ почти похожи на лимонъ; имѣютъ пріятный запахъ, довольно странный вкусъ, и чрезвычайно сочны.

Гранаты, миндаль и фиги или винныя ягоды растутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но особенно въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ и горахъ Гилянскихъ. Дикія гранаты всѣ кислы, и ихъ множество находится около рѣкъ въ Карабахѣ. Персіяне вынимаютъ изъ нихъ зерна, высушиваютъ ихъ и продаютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ подъ названіемъ нарданъ (Nardan) (отъ Nar гранатовое яблоко). Зерна этѣ Персіяне употребляютъ для того, чтобы сдѣлать свои кушанья темноватыми и кисловатыми; для этого ихъ размачиваютъ въ водѣ и выжимаютъ изъ нихъ сокъ сквозь полотно. Они также выварииваютъ и свѣжій сокъ изъ гранатъ, изготовляютъ и сберегаютъ его, подкрашиваютъ имъ обыкновенно на пиршествахъ свое Сарачинское пшено, которому придаютъ тѣмъ и пріятную кислоту. Для такого же употребленія служитъ имъ также и плодъ извѣстнаго у насъ красильнаго дерева (Sumach). Персіяне вообще охотники до кисловатыхъ соковъ, которые употребляютъ чистыми и въ своихъ кушаньяхъ; по этому изъ нихъ немногіе только подвергаются скорбуту, болѣзни, къ сожалѣнію, у насъ довольно распространенной.

Что касается до остальныхъ древесныхъ плодовъ, каковы нариджъ (Narintz), померанцы, лимоны, мешмеши (Meschmeschi), а прикосы, шаптала (Schafftala) и персики и проч., которые частію разведены и въ нашей странѣ, частію растутъ и воздѣлываются только въ Персіи, то я не считаю нужнымъ много писать о нихъ. Плоды этѣ въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различной доброты и достоинства. Персіяне обыкновенно считаютъ, что въ Ештѣ и Касвинѣ растутъ лучшія гранаты, въ Карабазѣ самыя крупныя; въ Испагани лучшія дыни, въ Касвинѣ лучшіе персики, въ Таврисѣ лучшіе прикосы; въ Лагеджанѣ и Киланѣ лучшія шелковичныя деревья.

О шелковичныхъ деревьяхъ и шелковичныхъ червяхъ.

Шелковичныя деревья привожу и исчисляю я по справедливости между садовыми плодовитыми деревьями, по тому что Персіяне имѣютъ цѣлые огороженные сады, засаженные ими. Деревья этѣ сутъ не что иное, какъ шелковицы или тутовыя деревья съ бѣлыми и красными ягодами, которыя Персіяне разсаживаютъ весьма густо и часто, такъ что человѣкъ едва можетъ пройти межъ ними; ихъ не пускаютъ рости выше пяти съ половиной футовъ для того, чтобъ человѣку вездѣ можно было достать и обрѣзывать вѣтьви ихъ. Листва ихъ дается въ кормъ шелковичнымъ червямъ. Все производство съ шелковичнымъ червемъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: весною, когда тутовое дерево распустится и покроется листьями, Персіяне берутъ сѣмя шелковичныхъ червей и въ небольшомъ мѣшечкѣ держатъ его подъ мышкою полдня, а иногда и цѣлый день. Въ слѣдствіе теплоты червячки въ сѣмени пробуждаются и выползаютъ вонъ; тогда ихъ помѣщаютъ на листья тутоваго дерева, положенныя на деревянномъ блюдѣ. Къ этѣмъ листьямъ ежедневно подбавляютъ свѣжихъ, при чемъ слѣдуетъ весьма остерегаться, чтобы не попало на нихъ ни какой мокроты, или влаги. На листьяхъ червячки сидятъ и кормятся пять дней, за тѣмъ три дня они уже не ѣдятъ и спятъ. Въ это время они бываютъ уже такой величины, какъ сырные червячки. Послѣ сна червячковъ помѣщаютъ въ сарайчикъ или устроенныя для того нарочно чистыя покойцы, которыя обыкновенно простираются болѣе въ длину. Въ Киланѣ Персіяне устроиваютъ для этого особые домики, на по-

добіе нашихъ кирпичныхъ сараевъ. Балки или брусы вездѣ уложены шахтами или расщепленными жердями, изъ которыхъ у насъ дѣлаютъ обыкновенно обручи, на жерди набрасываютъ цѣлыя вѣтви и пруты со всѣми листьями, на которые сажаютъ шелковичныхъ червей, и каждый день опять прибавляютъ свѣжихъ вѣтвей. Когда же червячки совсѣмъ станутъ большими и будутъ по этому ѣсть много, то свѣжихъ прутьевъ съ листьями подбавляютъ по два и по три раза въ день. Наконецъ червячки принимаютъ видъ гусеницы, и тогда сарайчики, въ которыхъ они помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть отверстія и доступъ къ червячкамъ, покрываются сѣткой, чтобы птица не поклевала червей.

Въ это время, прежде чѣмъ червячки достигнутъ совершенной зрѣлости и способности прясть, они снова спятъ 8 дней. При этомъ надо хорошенько присматривать, чтобы къ нимъ не касался грязный человѣкъ, или не чистая женщина, иначе они тотчасъ околѣваютъ и какъ бы растаеваютъ, расплываются въ своей собственной влагѣ. Послѣ семи недѣль сидѣнья ихъ на полномъ корму, наступаетъ время пряденья ихъ, и тогда они уже ѣсть не могутъ, а изъ верхняго ихъ отверствія, изъ горла, показывается нитка, которую они слѣпляютъ, и прядутъ изъ нея вокругъ себя помѣщеньица (коконы). Тогда покой или сарай, въ которомъ они помѣщены, крѣпко закрывается, и сторожатъ, чтобы ни чья чуждая рука не имѣла въ него доступа. Черезъ 12 дней покой снова открывается, и тамъ находятъ: сколько прежде было червячковъ, столько и коконовъ (помѣщеньицъ или домиковъ), видомъ и величиною похожихъ на сливу. Найбольшіе изъ нихъ выбираются и откладываются на племя (сѣмена), остальныя же тысячами бросаются въ жестяной котелъ съ горячей водой, въ которомъ отъ того образуется нѣчто въ родѣ соуса или кашицы. Въ этой кашицѣ бьютъ коконы розгами, или особо приготовленной для того метелкой, отъ чего на прутьяхъ этой метелки нацѣпляются нитки, которыя за тѣмъ собираютъ и разматываютъ. Червячки, или коконы, которые оставались отложенными и оказывались въ тонкой кожицѣ, выбрасываются вонъ; тѣ же, которые должны служить для разводу, на племя, выкладываются на столъ и менѣе 14-ти дней вылупливаются (прогрызаютъ личинку), и изъ нихъ выползаютъ бѣлыя бабочки или бѣлыя

капустницы. Самцы и самки бѣгаютъ сдѣсь вмѣстѣ, кладутъ за тѣмъ болѣе чѣмъ по сотнѣ яицъ, величиною въ маковое зерно, послѣ чего оба ложатся и умираютъ. Этѣ яички или сѣмена сберегаются не въ жаркомъ, но и не въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующей весны, когда съ ними поступаютъ прежнимъ же порядкомъ. Великое чудо природы открывается намъ въ этомъ маленькомъ червячкѣ, именно въ его работѣ, въ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергается, и наконецъ въ его плодѣ, или произведеніи. Торговля шелкомъ доставляетъ Персіянамъ огромные доходы, и многіе изъ нихъ, особенно имѣющіе по нѣскольку описанныхъ сараевъ, богатѣютъ отъ этѣхъ червячковъ.

Вотъ все о плодахъ, которые сдѣшняя страна доставляетъ своимъ обитателямъ, для содержанія и пропитанія ихъ. Къ этому могутъ быть также причислены нефтяные колодцы при Баку; также превосходнѣйшія соляныя горы и копи (ямы), находящіяся въ разныхъ мѣстахъ страны, какъ, на примѣръ, въ Нахичеванѣ (Nachtschuan), гдѣ добывается лучшая соль и свѣтлая, какъ кристалъ (Sal gemmae). Онѣ находятся также въ Кульбѣ, Урумѣ, Кемрѣ, Гемеданѣ, Бисетунѣ, Сульдусѣ и Килиснмѣ (Kilissim).

Разработываемыхъ рудниковъ въ странѣ немного, хотя и есть желѣзныя рудныя горы при Масулѣ и Кенджѣ; при Масулѣ добывается и разработывается лучшее желѣзо, которое такъ гибко, что даже холодное подъ молоткомъ выдѣляется на малые куски. Хотя между Серабомъ и Міаномъ есть извѣстныя и золотыя и серебряныя мины, но Персіяне говорятъ, что разработывать ихъ нѣтъ ни какихъ выгодъ; ибо въ мѣстности этой нѣтъ лѣсу для плавки этѣхъ рудъ. Такой же недостатокъ въ топливѣ ощущается и во многихъ другихъ областяхъ. По этому, если даже отыщутся по всѣмъ признакамъ и хорошіе пріиски, то для разработки руды въ нихъ нельзя найти охотниковъ.

Тавръ и нѣкоторыя другія скалистыя мѣстности отъ солнечнаго жара выжжены до черна. Между Пирмарусомъ и Шамахой мы видѣли у дороги одну высокую гору изъ шпата, Lapidibus Specularibus, которые на солнцѣ блестѣли какъ настоящій алмазъ.

ГЛАВА X.

О происхожденіи и названіи Персіянъ.

Что касается до самыхъ Персіянъ, то я буду описывать такъ, какъ нашелъ ихъ по наружному виду, одеждѣ, природѣ, нравамъ, въ свѣтскомъ и духовномъ состояніи и по другимъ обстоятельствамъ. Въ этой же главѣ скажу я также о томъ, какъ назывались они въ различныя времена.

Геродотъ упоминаетъ (lib. 7, c. 105), что посолъ Ксеркса, Царя Персидскаго, заявлялъ Грекамъ, что они, Персы, ведутъ свое начало отъ Греческаго Князя Персеса (Perses), который былъ сыномъ Персея (Perses), рожденнаго Андромедой, и что, слѣдовательно, они суть происхожденія Греческаго. Амміянъ же Марцелинъ (lib 31, p. 469) говоритъ, что происхожденіе Персіянъ—Скиѳское. Скиѳы всегда славились своимъ воинскимъ искуствомъ и умѣньемъ ловко стрѣлять изъ лука. «Unde etiam Persae, говоритъ онъ, qui originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi». Скиѳами называетъ ихъ и Плиній, въ 6-й книгѣ, главѣ 17-й. Евреи въ древности называли ихъ Эламитами, отъ Персидской области Эламъ (Elam), какъ это видно изъ Пророка Исаіи и Дѣяній Апостольскихъ (гл. II, 11). Въ настоящее время они называются также, какъ и въ началѣ, и какъ назывались они у большинства историческихъ писателей и у насъ, Персами (Perser). Нѣкоторые называютъ ихъ и Софіанами (Sofianer), отъ Софи, основателя ихъ секты (Вѣры). Сами же себя Персіяне, въ отличіе отъ Турокъ, которыхъ они именуютъ Суннами (Sunni), называютъ Шаи (Schai), отъ Аали (Aaly), котораго они уподобляютъ Шаху. Такое же названіе даютъ имъ и Турки, въ отличіе ихъ Вѣры. Они называются также Кизиль-башами (Kisilbasch), красная голова, каковое названіе дано было имъ вначалѣ Турками, какъ бранное. Теперь же Персіяне сами полюбили это названіе, охотно дозволяютъ называть себя такимъ образомъ и полагаютъ, что въ названіи этомъ скрывается великая тайна ихъ Вѣры и оно доставляетъ имъ великую честь. Я нахожу, что названіе это у нѣкоторыхъ Европейскихъ писателей пишется раз-

лично; такъ его пишутъ: Cuselbas, Quezelbach и Querzelbach. Собственно же оно должно писаться: Kisilbasch, такъ какъ оно есть Турецкое слово, состоящее изъ Kisil, قزل красный, а также и золото, и Basch, باش голова. Большинство писателей именно говоритъ, что это значитъ красная голова; но весьма немногіе только упоминаютъ о томъ, отъ чего Персамъ дано такое имя. Правда, нѣкоторые писатели говорятъ, что оно произошло отъ красной, съ 12 складками, шапки, которую носятъ Персіяне; но отъ чего Персіяне, и при томъ отъ чего не всѣ, а только нѣкоторые носятъ красныя шапки, писатели этѣ не упоминаютъ.

Хотя Іовій и пишетъ въ своей Исторіи (Basileae, 1678), lib. 13, p. 236, а заимствуя изъ него, повторяетъ и Бизаръ въ книгѣ 10, на стр. 267, что изобрѣтатель такой шапки былъ нѣкто Техелій (Techellis), ученикъ Гардуэля (discipulus Harduellis), иначе Эйдеръ называемый, но они ошибаются, точно также, какъ и Іовій ошибается въ томъ, что считаетъ Гардуэля основателемъ Персидской секты, и что секта эта возникла будто бы во время Лютера; ибо она существовала уже за долго прежде, какъ это будетъ скоро доказано. По этому онъ справедливо опровергается Минадомъ (Minadoo, lib. 2 Belli Turco-Persici. Francofurti, 1601), p. 531.

Обо всемъ этомъ я хочу представить сдѣсь благосклонному читателю настоящее свѣдѣніе, какое я самъ слышалъ отъ свѣдущихъ Персіянъ, и какое частію извлекъ я изъ книгъ на Персидскомъ языкѣ, хранящихся въ Княжеской Готторфской библіотекѣ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ: Когда Персіяне черезъ Софи, основателя ихъ секты, отдѣлились отъ Турецкаго исповѣданія и стали возвышать и почитать Аали выше ложныхъ наслѣдниковъ Магумеда, Омара, Османа и Абубекера, то они захотѣли, чтобы и 12 ближайшихъ потомковъ Аали (имена которыхъ исчислены будутъ ниже, когда будетъ рѣчь о Вѣрѣ Персіянъ) были также почитаемы, какъ ихъ Святые и Имамы. Въ ознаменованіе этого и было установлено, чтобы духовныя лица Персіянъ носили шапки съ 12-ю складками, по прилагаемому сдѣсь образцу. [1]

[1] См. подлин. стр. 582, т. е., точь въ точь какъ тыква. О. Б.

Когда же послѣ этого Турки неоднократно ходили войной на Персіянъ, побѣждали ихъ (о чемъ читайте Бизара «De rebus Persicis») и мучили Персидскихъ духовныхъ, которыхъ найболѣе ненавидѣли они за отпаденіе отъ ихъ Вѣры, то шапки эти во многихъ мѣстностяхъ вышли изъ употребленія. За тѣмъ Шахъ Измаилъ Великій снова возсталъ противъ Турокъ, которые заняли уже почти всю Персію. Онъ разослалъ изъ Килана, въ который вынужденъ былъ бѣжать отъ Турокъ, гонцовъ въ главнѣйшія области и города и велѣлъ тамъ объявить опасность, грозящую странѣ и Вѣрѣ ихъ отъ владычества Турокъ, и увѣщевать жителей, чтобы они собрались къ нему и помогли изгнать изъ отечества врага, съ обѣщаніемъ, что если онъ снова получитъ царство свое, освобожденное отъ непріятеля, то всѣ, оказавшіе ему дѣйствительную въ томъ помощь, сдѣлаются на вѣчныя времена съ своими потомками людьми свободными, которые не будутъ облагаемы ни какою податью. Это воззваніе понравилось Персіянамъ, они поспѣшно собрали войско въ триста тысячъ человѣкъ, сдѣлали первое нападеніе на Ардебиль, гдѣ основатель ихъ секты, Шахъ-Софи, почтенъ былъ гробницею, и выгнали оттуда Турецкій гарнизонъ, безъ сопротивленія. Сдѣсь области составили съ Царемъ союзъ, отдать свое имущество и кровь за Вѣру ихъ и Царя. Въ знакъ этого Царь приказалъ изготовить описанныя выше шапки съ 12-ю складками, означавшія 12 ихъ Имамовъ, и одарилъ ими воиновъ. Но такъ какъ нельзя было тамъ тотчасъ найти запасъ краснаго сукна, то одинъ бачмачникъ въ Ардебилѣ сдѣлалъ первыя 12 шапокъ изъ краснаго сафьяну и подарилъ ихъ Царю, который и роздалъ ихъ важнѣйшимъ изъ Офицеровъ; послѣ этого всѣ уже, кто только участвовалъ въ этой Измаилитской войнѣ, носили такія шапки. Когда Турки увидѣли на воинахъ красныя шапки, то и прозвали Персіянъ красноголовыми, Kisilbasch. Шапки эти должны быть краснаго цвѣта, означая золотую корону, которой весьма былъ достоинъ Аали, считавшійся Персіянами за близко-родственнаго съ божествомъ и называемый ими Шахомъ, или Царемъ. Отсюда такія шапки назывались у нихъ тачь (Tatsch),—корона. Персіяне по этому бываютъ очень довольны, когда ихъ называютъ красными или золотыми головами. Оставшіеся и понынѣ потомки Аали носятъ подобныя же шапки; но онѣ обматываются обыкновенно особой повязкой и называются такіе (Takie).

Но подобно тому, какъ въ настоящее время не всѣ Персіяне, но только не многіе изъ видѣнныхъ нами, и именно только потомки помянутыхъ выше союзниковъ поколѣнія Софи (Suffian) и Аали, носятъ такія шапки, точно также и не всѣ Персіяне называются безразлично Кизильбашами (Kisilbasch), но только именно сказанные потомки. Кромѣ того, названіе это носятъ и Царскіе тѣлохранители и важнѣйшіе изъ воинскихъ прислужниковъ при Царскомъ дворѣ, и за тѣмъ Курджи (Kurtzi), стрѣлки изъ лука. Царскіе тѣлохранители изъ рода товарищей союза цѣнятся, ради мужества и вѣрности предковъ ихъ, также высоко, какъ и Швейцарцы при Императорскомъ Римскомъ Дворѣ.

ГЛАВА XI.

О видѣ и сложеніи Персіянъ.

Что касается до вида и сложенія Персіянъ, то они росту средняго. Ксенофонтъ (Basileæ, 1572) въ своей Рѣчи de Agesilao, на стр. 518, говоритъ, что Персіяне въ его время вообще были тучны. Амміянъ же Марцелинъ (Hamburg, 1609) пишетъ противное: «Graciles fere sunt omnes, subnigri et livido colore pallentes,» и это повторяетъ онъ и въ книгѣ 24, на стр. 303. Я держусь теперь свѣдѣтельства Марцелина и нахожу, что большинство Персіянъ худощавы, но крѣпки членами (крѣпкаго сложенія); лицомъ темножелтоватые и имѣютъ вообще ястребиные съ горбиной носы. Такой носъ былъ у Кира, и по тому Персіяне всѣ любятъ изогнутые съ горбиной носы.

Мужчины гладко брѣютъ волосы на головѣ, именно черезъ каждые 8 дней. По этому у нихъ нѣтъ того, что пишетъ Сенека въ 124 письмѣ: «Parthorum crines effluere,» т. е., они носили длинные волосы. Это могло относиться только къ Сендамъ (Seid), потомкамъ Магумеда, которые носили на головѣ длинные волосы, такъ какъ такіе носилъ и Магумедъ. Но Персіяне носятъ за то длинные, висящіе въ низъ, усы, и чѣмъ длиннѣе они могутъ

отпустить ихъ, тѣмъ болѣе это нравится имъ. Подбородокъ они также брѣютъ, за исключеніемъ ихъ Пировъ (Pyhr), старыхъ, святыхъ людей, которые изможданотъ тѣло свое воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, постоянно молятся и представляютъ собой добрый примѣръ благочестія; этѣ люди отпускаютъ длинныя и широкія бороды и бакенбарды, подобно Русскимъ, и такія бороды у нихъ въ большомъ почетѣ.

Есть еще особый родъ людей въ Персіи, которые никогда не подстригаютъ усовъ, но отпускаютъ ихъ длинными, висящими черезъ ротъ, такъ что люди этѣ, также какъ и наши лѣнивые крестьяне, только черезъ усы этѣ и могутъ хлебать питье. Люди этѣ называются Суффи (Suffi), и говорятъ, что Аали носилъ такіе длинные висячіе усы, а въ честь его и они должны отпускать такіе же усы.

Причину же, по которой Аали носилъ длинные усы, Персіяне объясняютъ слѣдующимъ баснословнымъ сказаніемъ: Когда Магумеда потребовали къ Богу на небо (о чемъ говорится въ Алкоранѣ его, Azoara 27), то Аали тоже поднялся за нимъ туда, и тамъ этого послѣдняго не хотѣли было сначала впустить, когда онъ постучался у воротъ неба. Но Аали сказалъ: «Это стучится Schîr Chodda, Божій Левъ», по этому его впустили, и тамъ онъ увидѣлъ, какъ Ангелы угощали Магумеда драгоцѣннымъ напиткомъ. Когда же и ему, Аали, поднесли полную чашу того напитка, то онъ обмочилъ въ этой дорогой влагѣ свои усы; стало, съ его стороны было бы грѣхомъ, если бъ онъ послѣ того остригъ, или утратилъ хотя бы одинъ волосъ изъ своихъ усовъ. Басня эта находится въ Персидской «Долинѣ розъ», на стр. 89.

Рыжихъ волосъ Персіяне рѣшительно терпѣть не могутъ, не долюбливаютъ также и сѣдыхъ волосъ, но чрезвычайно уважаютъ черные какъ смоль волосы, въ слѣдствіи чего у нихъ въ обычаѣ и въ большомъ ходу красить волосы. Для этого они берутъ траву съ сѣменемъ, которую называютъ они весме (Wesme) и привозятъ изъ Вавилона. Трава эта въ сборникахъ травъ очень похожа на Securidaca, если только не есть она самая; Персіяне крошутъ ее мелко, примѣшиваютъ къ ней гранатовую корку, нѣ-

сколько мыла и желтаго мышьяку, варятъ все это въ водѣ, и такимъ настоемъ мажутъ волосы. За тѣмъ они снова обмываютъ ихъ щелокомъ, въ которомъ разведена негашеная известь. Они собираютъ также весною влагу, вытекающую изъ подрѣзанныхъ виноградныхъ розъ, и жидкостью этой смачиваютъ мужчины свои усы, а дѣвицы волосы (которые они носятъ заплетенные въ нѣсколько косъ, спереди и сзади длинно ниспадающихъ по спинѣ и плечамъ), полагая, что отъ этого будутъ расти длинные и черные волосы.

У Персіянъ также въ большомъ употребленіи, равно какъ и у всѣхъ Турокъ (какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Geuffracus, lib. 2, «De Religione et cerem. Turcarum. Basileae 1573, pag. 63), красить руки красножелтой краской; нѣкоторые же красятъ ею только одни пальцы и ногти. Такіе ногти похожи на ногти нашихъ кожевниковъ. Другіе красятъ всѣ руки и ноги, и у Персидскихъ невѣстъ это составляетъ необходимое украшеніе. Такая краска на свадьбахъ даже открыто выставляется и удѣляется гостямъ. Краской этой нѣкоторые красятъ и трупы, особенно дѣвицъ, что бы онѣ могли показаться изящно убранными для двухъ Ангеловъ, ихъ examinatoribus въ гробу (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи погребенія умершихъ). Сказанная краска добывается изъ растенія, которое они называютъ хинне (Chinne); листья этого растенія почти такія же, какъ зелень сладкаго дерева, или, еще ближе, какъ у мирты. Сѣется оно и собирается въ области Эракъ. Для употребленія его высушиваютъ, трутъ мелко, какъ муку, смачиваютъ сокомъ кислаго граната, или лимона, или же только негодною водою, и смѣсью этой мочатъ руки. Если хотятъ потемнѣе окрасить руки, то нѣкоторые трутъ ихъ для этого посильнѣе свѣжими кистьями изъ Волошскаго орѣха. Краска эта остается цѣлые 14 дней, хотя бы ежедневно умывались водою.

ГЛАВА XII.

Объ одеждѣ Персіянъ, именно мужской.

Что касается до одежды Персіянъ и того, какими они представляются въ ней, то объ этомъ хотя кратко, но вѣрно и хорошо говоритъ Амміянъ Марцелинъ слѣдующее (pag. 279, Hamburgi, 1609): «Persae adeo dissoluti sunt, ut artuum laxitate, vagoque incessu jactantes se, ut effaminatos existimes, cum tamen sint celeberrimi bellatores». Одежда виситъ у нихъ вокругъ тѣла распущенно и небрежно, и издали мужчины кажутся въ нихъ женщинами; ходятъ они, покачиваясь, словно гуси, со стороны на сторону, особенно же ихъ женщины, и я мало видѣлъ Персіянъ, которые бы имѣли важную и почтенную походку. Я полагаю, что это происходитъ отъ ихъ образа сидѣнья; ибо всѣ они, какъ портные во Франціи, сидятъ на землѣ, поджавши подъ себя и положивши ноги одна на другую, въ слѣдствіе чего они еще съ дѣтства привыкаютъ не прямо опираться на бедра. Отъ чего же Персіяне пришли къ употребленію такой полуженской одежды, о томъ сообщаетъ свѣдѣніе Діодоръ (Hannoviae, 1604), во 2-й книгѣ, на стр. 94, будто одежда эта введена была Семирамидой, и случилось это такимъ образомъ: однажды, когда Царь Нинъ воевалъ съ Бактріянами, и осадилъ главный городъ ихъ, Бактры, то между другими знатными начальниками онъ имѣлъ при себѣ и Менона, Правителя Сирійскаго. У этого Менона была чрезвычайно красивая и отмѣнно умная жена, по имени Семирамида (бывшая въ послѣдствіи женою Царя Нина и построившая Вавилонскія стѣны), и такъ какъ осада затянулась долѣе, чѣмъ предполагалось, то нетерпѣливый въ любви Менонъ выписалъ къ себѣ въ станъ жену свою. Для того же, чтобы она безопаснѣе совершила свое къ нему путешествіе, на которое требовалось нѣсколько дней, онъ приказалъ ей сдѣлать и надѣть особое платье, по которому нельзя было бы узнать, мущина ли то, или женщина. Когда она прибыла въ станъ и когда, по ея мудрому совѣту, осажденный городъ скоро былъ взятъ, то она вошла у всѣхъ (по тому еще, что была и чрезвычайно красива) въ великое уваженіе, и такъ какъ всѣ находили при этомъ, что и одежда ея также способна украшать, то Мидяне, равно какъ и

Персы, начали подражать ей и въ одеждѣ. «Tantaque vestis gratia erat, говоритъ онъ, ut Medi postea et Persae Asia potiti, Semiramidis stolam gestarent». Позднѣе Царю Киру, по извѣстнымъ причинамъ, тоже понравилась такая одежда, и онъ совѣтовалъ носить ее своимъ людямъ; ибо она придавала красивый и величественный видъ и ею ловко можно было скрыть тѣлесный недостатокъ, что подробнѣе можно читать у Ксенофонта въ 8-й книгѣ, на стр. 163 (Basileae, 1572). Обозримъ одежду Персіянъ по порядку.

Мужчины носятъ на головѣ большія толстыя повязки (чалмы) изъ бумажныхъ и ситцевыхъ платковъ, обмотанныхъ одинъ на другомъ, и повязки этѣ называются мендиль (Mendil); ткутся платы этѣ обыкновенно съ пестрыми полосами, и нѣкоторые изъ нихъ прошиты золотыми нитками; длиною они обыкновенно въ 16 — 18 локтей. У духовныхъ лицъ, особенно же у Гафисъ (Hafis), повязки вообще бѣлыя, равно какъ и остальная одежда ихъ. Нѣкоторые оставляютъ назади у мендиля конецъ, висящій въ полъ локтя, другіе же не дѣлаютъ этого. Сеиды (Seid), т. е., тѣ, которые славятся происхожденіемъ отъ Магумеда и считаются его потомками, носятъ такіе концы только зеленаго цвѣта, или должны носить только такіе, хотя нѣкоторые, изъ угожденія придворному обычаю, перестаютъ носить ихъ. Нѣкоторые Персіяне, даже великіе господа, носятъ мохнатыя шапки, внутри и снаружи обложенныя курчавымъ, Бухарскимъ бараньимъ мѣхомъ. На обшивкѣ этѣхъ шапокъ мѣхъ виситъ длиною съ палецъ, и шерсть этого мѣха на ощупь мягкая, какъ шелкъ; шапки этѣ также высоко цѣнятся, какъ у насъ бобровыя шляпы, и за такую шапку, если она красива, надо заплатить 50 Любецкихъ марокъ или 16 рейхсталеровъ слишкомъ. Описанные мендили и шапки Персіяне носятъ зимою и лѣтомъ, и удивительно какъ могутъ они въ сильные лѣтніе жары держать такъ тепло голову въ такихъ мендиляхъ и шапкахъ. Такъ какъ головы ихъ привыкли къ этому, то они становятся у нихъ мягковаты (изнѣженны), не могутъ долго оставаться открытыми и совершенно не въ состояніи выносить ни малѣйшаго прохладнаго воздуху. Сдѣсь приведу я то, что пишетъ Геродотъ въ 3-й книгѣ, а именно: однажды Персіяне имѣли съ Египтянами такую жестокую битву, что съ обѣихъ сторонъ на городскомъ валу осталось множество убитыхъ;

кости убитыхъ каждымъ изъ этѣхъ народовъ сложены были въ отдѣльныя мѣста; но такъ какъ съ теченіемъ времени нѣкоторые черепа перемѣшались другъ съ другомъ, то различали ихъ только по тому, что черепа Персіянъ были такъ мягки и хрупки, что ихъ можно было пробить небольшимъ черепкомъ и легко раздробить; черепа же Египтянъ были такъ тверды, что ихъ едва можно было разбить большимъ крѣпкимъ камнемъ. Геродотъ самъ видѣлъ этѣ черепа и слышалъ отъ жителей этого мѣста объясненіе причины такого явленія, именно, что черепа Египтянъ крѣпки будто отъ того, что съ дѣтства они брили головы свои, такъ съ непокрытыми головами ходили на солнцѣ, отъ чего и головы ихъ затвердѣли отъ солнечнаго жара. Черепа же Персіянъ мягки и хрупки по тому, что Персіяне постоянно кутаютъ свои головы въ теплыхъ Tiaris, или мендиляхъ, и шапкахъ. Такія шапки и повязки они не снимаютъ, ни когда молятся, ни при встрѣчѣ съ знатными, ни даже съ самимъ Шахомъ. По этому у нихъ теперь не въ обычаѣ уже, что пишетъ Евстафій (Eustathius) in Dionys. de situ orbis, именно, что если Персы хотятъ привѣтствовать кого, то снимаютъ съ головы повязку; вмѣсто этого они теперь только кланяются и прикладываютъ руку къ сердцу. Они носятъ длинные, до лядвей достигающіе, кафтаны изъ бумажной и шелковой матеріи разныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Бумажные кафтаны ихъ вообще украшены набивными или нарисованными цвѣтами; а по тому справедливо въ этомъ отношеніи говоритъ Амміянъ на стр. 280: «Indumenta lumine colorum fulgentia vario». Кафтаны этѣ выстегиваются на хлопчатой бумагѣ, подобно нашимъ тюфякамъ, напереди закидываются пола на полу и завязываются подъ мышкой лѣвой руки. На бедрахъ Персіяне повязываются особымъ платкомъ или поясомъ, называемымъ джаркеси (Tzarkesi), по тому что онъ бываетъ длиною въ 4 локтя. Если же чуть дозволяютъ достатки, то сверхъ этого они опоясываются еще другимъ, щегольскимъ шелковымъ поясомъ, который они называютъ шалью (Schal). Шали этѣ, равно какъ и платы на мендили, покупаются Индійскія, которыя вообще лучше и красками прочнѣе, чѣмъ Персидскія. Молла или Священникъ Персидскій, если носитъ такой поясъ, то снимаетъ его, когда стоитъ предъ алтаремъ, или готовится къ молитвѣ, въ знакъ своего смиренія передъ Богомъ. За такими поясами Персіяне носятъ иногда кин-

жалъ, ножъ, носовой платокъ, деньги, а если это писарь, то и всѣ письменныя принадлежности, точильный камень, а также и письма, подобно тому, какъ Русскіе носятъ все это въ сапогахъ. Поверхъ описаннаго кафтана Персіяне познатнѣе, а также и самъ Шахъ, носятъ еще короткіе плащи или капишоны, называемые курди (Kurdi), достигающіе только до бедеръ; плащи этѣ безъ рукавовъ, спереди отвороты у нихъ обложены, или обвѣшены до низу соболемъ, какъ у насъ женскія шубки. Когда Персіяне выходятъ куда, или выѣзжаютъ верхомъ, то посверхъ такой одежды надѣваютъ еще одинъ кафтанъ, обыкновенно шелковый, шитый золотыми цвѣтами; кафтанъ этотъ называется Якубъ Кани (Jakub Cahni), по имени того Шаха, который первый сталъ носить и ввелъ въ употребленіе его. Штаны у нихъ изъ бумажной матеріи, подъ колѣнами съуживаются, достигаютъ до щиколодки, надѣваются прямо на голое тѣло и шнуромъ собираются въ складки; чулки они носятъ суконные, скроенные безъ всякаго фасону, по чему всегда спускаются и мотаются около ногъ. Многіе Персіяне носятъ чулки изъ зеленаго сукна, что приводитъ въ негодованіе Турокъ, и составляетъ также остатокъ несогласія въ ихъ Вѣрахъ. Турки говорятъ, что Магумедъ носилъ шапку изъ зеленаго сукна, а этотъ цвѣтъ Персіяне безчестятъ, нося его на ногахъ. Башмаки у Персіянъ, кефсъ (Kefs), остроносые, съ низкими задками, такъ что они надѣваютъ ихъ, какъ мы наши туфли, легко и прямо, и тотчасъ снова могутъ снять ихъ. Если они хотятъ походить, или посидѣть у себя въ комнатахъ, то всегда снимаютъ башмаки и ставятъ ихъ у двери. Я часто удивлялся, когда въ Шамахѣ ходилъ бывало къ Хану, и онъ засѣдалъ въ Судѣ, какое множество паръ башмаковъ всегда стояло тамъ у двери: точно тамъ была башмачная лавка. Къ башмакамъ обыкновенно приставляется сторожъ, который, когда посѣтители выходятъ, подаетъ имъ башмаки особой палочкой, сдѣланной на подобіе вилки.

ГЛАВА XIII.

Объ одеждѣ женщинъ.

Одежда женщинъ еще легче мужской; онѣ не опоясываются вокругъ тѣла, штаны и рубахи носятъ по образцу мужчинъ; чулки у нихъ большею частію изъ краснаго и зеленаго бархата; на головѣ онѣ не носятъ ни какихъ особенныхъ украшеній, но заплетаютъ волосы въ косы, которыя и висятъ у нихъ спереди и сзади. Вокругъ щекъ и подбородка онѣ надѣваютъ рядъ, или два, жемчуга, или пряжки, такъ что у нихъ почти все лицо завѣшено жемчугомъ и пряжками, какъ это можно видѣть, съ изображеніемъ и остальной Персидской одежды, на прилагаемомъ при семъ рисункѣ. [1] Я полагаю, что подобный жемчугъ и пряжки были весьма древнимъ Восточнымъ украшеніемъ, ибо на нихъ указывается въ высокой пѣснѣ Соломона, именно тамъ говорится: твои ланиты прекрасно окаймлены пряжками, и шея твоя въ цѣпяхъ. [2] Дѣвицы носятъ также въ правой ноздрѣ кольца, съ драгоцѣнными каменьями, подобно описаннымъ выше Татарамъ; пальцы свои онѣ украшаютъ кольцами, а руки широкими, изъ листоваго серебра выбитыми, браслетами. Кольца же, которыя носятъ на пальцахъ мужчины, должны быть, по закону Магумеда, не золотыя, а только серебряныя; по этому-то Государственный Канцлеръ, Сару Тагги (Taggi), когда наши Посланники подарили ему прекрасный брильянтовый золотой перстень, тотчасъ же приказалъ вынуть брильянтъ изъ золота, вдѣлать его въ серебряное кольцо, и въ такомъ видѣ поднесъ его въ даръ Шаху. Женщины, выходя на улицу, лица не показываютъ и покрываются

---

[1] Подлин. стр. 485. О. Б.

[2] Греч. (Polyglotten-Bibel, v. Stier u. Theile; Bielefeld, 1854) гл. 1, ст. 10: Τί ὡραιώτησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνες, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκος. Тоже Греч. по 70, изд. Тишендорфа (Lipsiae, 1850): Τί ὡραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρηγόνος, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκοι. Вульгата: Pulchrae sunt genae tuae sicut turturis, collum tuum sicut monilia. Нѣмецк. у Лютера: Deine Backen stehen lieblich in den Spangen, und dein Hals in den Ketten. Славян., 1, 9: что украшени ланити твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты. О. Б.

длиннымъ, съ головы до лядвій висящимъ на нихъ, бѣлымъ покрываломъ, оставляя только у лица небольшую прорѣху или отверстіе, черезъ которое едва только могутъ видѣть куда ити. Подъ такими покрывалами скрываются часто прекрасныя, а иногда подъ изящными покровами и отвратительныя лица. Что случилось однажды со мною въ Ардебилѣ въ этомъ отношеніи, я разсказалъ въ моей Персидской «Долинѣ розъ», при 56-й пословицѣ въ 8-й книгѣ. Богатый мыслію, Персидскій поэтъ Шихъ-Саади (Schich Saadi) пользуется этѣмъ обычаемъ покрывать лицо, для сравненія, въ описаніи человѣка, который на словахъ и въ движеніяхъ кажется и хорошъ, но если разсмотрѣть его жизнь и поступки, то найдешь совсѣмъ другое. Стихъ его объ этомъ заключаетъ слѣдующее:

پس قیامتر خوشکه زیر چادر باشد چ
چون بانرکي مادر باشد ∴

«Многихъ считаютъ красавицами, когда они закутаны въ покрывало; но когда онѣ снимутъ его, то смотрятъ точно старыя маменьки.»

Достойно похвалы въ Персіянахъ то, что они очень опрятно и чисто держатъ какъ свои покои, такъ и одежду. У знатныхъ людей хоть немного запачкается, или замарается чѣмъ платье, они тотчасъ же его оставляютъ; простолюдины же почти еженедѣльно моютъ свои одежды, что совершенно противоположно обыкновенію Русскихъ; ибо у этѣхъ послѣднихъ болѣе грязныя, и блестящія отъ пятенъ, чѣмъ чистыя платья, точно также какъ и избы Русскихъ простолюдиновъ далеко не такъ чисты, какъ Персидскія конюшни.

Чистота же одежды соразмѣрна съ чистотою природы, Сенека очень хорошо говоритъ объ этомъ въ 379 письмѣ (ed. Antverpiæ, 1605): «Mundae vestis electio appetenda est homini; natura enim homo est mundum et elegans animal». Должно любить чистую одежду, ибо человѣкъ отъ природы есть чистое и красивое животное; quod de veste dixi (пишетъ онъ далѣе весьма умно), idem de corpore me dixisse existima. Nam hoc quoque natura ut quandam vestem animo circumdedit, velamentum ejus est». Что сказалъ я

объ одеждѣ, то желаю, чтобы разумѣли и о тѣлѣ, которое есть такая одежда и покровъ души, чтобы и въ ней не было ни какого грязнаго обычая и порока, въ чемъ Персіяне, впрочемъ, оказываются очень несостоятельны, какъ это мы скоро увидимъ.

ГЛАВА XIV.

О внутренней природѣ и правахъ Персіянъ.

Персіяне отъ природы одарены отличными способностями и хорошимъ разсудкомъ, остроумны и любознательны, отъ этого между ними есть много превосходныхъ поэтовъ, которые пишутъ возвышенныя творенія и вообще держатъ свободныя искуства на высокой степени. Нравомъ они не горды, такъ чтобы презирать своихъ ближнихъ, но ласковы и общительны, обращаются со всѣми, особенно съ иностранцами, весьма дружески; въ разговорахъ употребляютъ особую вѣжливость и благорасположеніе; такъ, на примѣръ, если они приглашаютъ кого къ себѣ въ домъ, то говорятъ: «Удостой облагородить домъ мой своимъ присутствіемъ»; также: «Я предаю себя тебѣ въ жертву»; или: «Повергаюсь къ стопамъ твоимъ; зрачекъ глазъ моихъ отдаю, чтобъ онъ послужилъ тропинкою для ногъ твоихъ» и проч. и проч. Такимъ образомъ они умѣютъ, также какъ Французы, и даже еще лучше, ввертывать изысканныя и льстивыя слова; но, какъ справедливо замѣчаетъ Амміянъ Марцеллинъ, въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, слова этѣ часто бываютъ только пустою скорлупой, «abundantes sunt verbis inanibus».

Вспомнилъ я при этомъ, какъ разъ одинъ Персіянинъ пришелъ къ нашему врачу жаловаться на сильную боль въ ляшкахъ, думая, что у него камень, и просилъ лѣкарства, а когда тотъ помогъ ему, то онъ предлагалъ врачу свою голову; когда же я замѣтилъ: «Какая же тебѣ польза, что ты здоровъ, если сейчасъ же долженъ будешь отдать голову»? онъ отвѣчалъ: «По этому-то я и не сдѣлаю этого, а это только такъ говорится у насъ».

Дѣписатели обыкновенно дѣлаютъ упрекъ Персамъ, что они скупы на правду, и даже считаютъ почти за простока того, кто всегда говоритъ истину. У нихъ вовсе не считается оскорбленіемъ говорить другъ другу: «Drugh mikui», или по Турецки: «Galan dierfen», т. е., ты говоришь неправду, ты лжешь. Гонорій, тотчасъ въ началѣ своего «Tractatus de statu Regni Persici (Thesaurus politicus. Francofurti, 1617) говоритъ: «Eae nationes sunt natura mendaces»; также Горацій, lib. 2. Epistol: «mendatior Parthis»; и Юстинъ, lib. 41, c. 3: «Fides dictis promissisque nulla, nisi quatenus expedit». Они мало исполняютъ слово, развѣ когда видятъ въ томъ свою выгоду. Но въ древнія времена это было не такъ. Геродотъ пишетъ, въ 1-й книгѣ, § 138: «Turpissimum apud Persas ducitur mentiri, secundo loco, aes alienum, debere tum ob alias multas causas, tum quod necessum sit eundem, qui debet, mendacio quoque obnoxium esse».

Ложь считалась у нихъ главнѣйшимъ порокомъ и дѣлала лжеца какъ бы должникомъ другого; кромѣ разныхъ другихъ причинъ, считалась такъ главнымъ образомъ по тому, что должникъ обыкновенно пробивается (помогаетъ себѣ) ложью. Юношей своихъ они также наставляли главнымъ образомъ въ слѣдующихъ 3-хъ вещахъ: крѣпко держаться и ѣздить на лошади, употреблять лукъ и стрѣлы и говорить правду, какъ это можно читать у Геродота въ 1 кн., § 136.

Въ то время, по ученію Платона, у Персіянъ не могло быть и никакихъ врачей; ибо въ 3 книгѣ «De Republica (Lugduni, 1590, p. 433), онъ говоритъ, что однимъ только врачамъ лгать не запрещается. Можетъ быть, Персіяне унаслѣдовали ложь съ Греческой Монархіей и научились лгать отъ Грековъ, которые въ отношеніи къ правдѣ, вѣрности и вѣрѣ, всегда пользовались дурной славой.

Но Персіяне пребываютъ вѣрны другъ другу, если заключаютъ между собой особую дружбу; ибо у нихъ есть обычай вступать въ союзъ другъ съ другомъ и на все время ихъ жизни держать вѣрную дружбу и братство; дѣлается же это у нихъ, не такъ какъ у насъ, за попойкой и посредствомъ питья другъ съ другомъ, но слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ Персіяне даютъ большое значеніе фамиліямъ и родамъ, то всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, мужчины ежегодно собираются однажды вмѣстѣ, бесѣдуютъ о своихъ состояніяхъ и потѣшаютъ себя пирушкою. Если окажутся здѣсь между ними такіе, которые пожелаютъ питать другъ къ другу особую любовь и заключить между собою вѣчную дружбу, то они говорятъ: «Будемъ братьями». Это случается большею частію между двумя парами. А такъ какъ братья должны имѣть и отца, то они выбираютъ изъ остальныхъ еще одного, къ которому имѣютъ полное довѣріе, подходятъ къ нему, хватаютъ его за край кафтана и говорятъ: «Мы выбираемъ тебя въ нашего Бабба, или отца»! и тотъ отказываться не можетъ. Тогда этѣ трое идутъ впередъ и отправляются къ Калифу (Kalife), котораго имѣетъ у себя каждый родъ, цѣлуютъ у него руку, въ знакъ своего союза, и испрашиваютъ у него благословенія; для этого каждый ложится, одинъ за другимъ, животомъ на землю, сперва отецъ, а потомъ братья, и Калифъ ударяетъ каждаго изъ нихъ посохомъ по спинѣ три раза, произнося, за первымъ ударомъ: «Алла!» за вторымъ: «Магумедъ!» и за третьимъ: «Аали»! За тѣмъ отецъ съ братьями цѣлуютъ посохъ, чѣмъ и связуется союзъ дружбы Этѣ братья крѣпко и вѣрно живутъ другъ съ другомъ, даж. болѣе, чѣмъ кровные братья, и говорятъ, что въ будущей жизни они прежде и блаженнѣе соединятся, чѣмъ кровные братья; ибо они были духовными братьями. О такой дружбѣ, что она должна соблюдаться нерушимо, и что скорѣе можно надѣлать другіе большіе грѣхи, чѣмъ измѣнить ей, Персіяне сложили пословицу, которую, впрочемъ, они часто повторяютъ, говоря и объ обыкновенной дружбѣ, а именно:

Mei buchur munber bussusan oteschi ender chirkhe sen,
Sakini but chane basch merdum asari mekun.

Пей вино, зажги въ церкви каѳедру, подпали кафтанъ Абдаллы, дозволь себѣ войти въ капище идолопоклонниковъ (все это грѣхи, высшей степени воспрещаемые), но только не оскорбляй друга твоего!

Если случится, что между такими братьями возникнетъ большое неудовольствіе, то они должны примириться снова открыто

на собраніи въ слѣдующемъ году; тогда считающій себя обиженнымъ приходитъ къ двери обидчика, печально опустивъ внизъ руки и голову, стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока обидчикъ трижды не пригласитъ его къ себѣ въ домъ. Послѣ этого они идутъ вмѣстѣ въ собраніе, отдаютъ тамъ себя на судъ, и кто изъ нихъ окажется болѣе виновнымъ, тотъ обязанъ, ради примиренія, задать пирушку, на которой братьевъ снова благословляютъ, какъ и въ первый разъ.

Вообще же Персіяне склонны на доброе дѣло, благодарны къ тѣмъ, которые подарили имъ что либо, но и страшны въ отношеніи къ своимъ оскорбителямъ. Они также храбры, даютъ изъ себя добрыхъ воиновъ, и часто отваживаютъ жизнь свою на видимую опасность. По наружному виду они тоже скромны и стыдливы: «Nec stando mingens, nec ad requisita naturae sedens facile visitur Persa», справедливо говоритъ Амміянъ Марцеллинъ въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, т. е., не легко увидѣть Персіянина, отправляющаго свою малую нужду; для этого они всегда садятся на корточки, и за тѣмъ обмываютъ уды (pudenda) и пальцы. По этому на свадьбахъ ихъ и пирушкахъ, въ сокровенныхъ мѣстахъ, всегда уже стоитъ нѣсколько кувшиновъ съ водой. Посему также, когда они проходятъ мимо проточной воды, или рѣки, къ которой можно подойти, то всегда почти присаживаются подлѣ, отъ чего Турки ради брани называютъ ихъ херъ-шагеи (Cher Schahei), т. е., ослами Шаха (именно Аали); ибо оселъ, переходя черезъ рѣку, всегда мочится. Въ противуположность этому Персіяне называютъ Турокъ сексюнни (Seksünni) за то, что они, подобно собакамъ, мочатся на стѣну, что обыкновенно дѣлаютъ Турецкіе воины и простолюдины. Знатные же и почтенные люди также присаживаются для этого на карточки. Сдѣсь упомяну еще слѣдующее: ни Персіянинъ, ни Турокъ, для отправленія своихъ надобностей, отнюдь не присядетъ, обратившись спиною, или лицомъ на полдень, по тому что они обращаются туда лицемъ во время молитвы.

ГЛАВА XV.

О великомъ любодѣяніи въ Персіи.

Въ сладострастіи и нецѣломудріи Персіяне ни на волосъ не уступятъ ни какому другому народу; ибо, кромѣ того, что они имѣютъ по нѣскольку женъ, они сильно предаются и любодѣйству. Во всѣхъ городахъ (за исключеніемъ Ардебиля) содержатся открытые дома терпимости, покровительствуемые и Правительствомъ. Когда мы стояли въ Шемахѣ, и одинъ изъ нашихъ солдатъ, побывши въ такомъ мѣстѣ, не уплатилъ слѣдуемаго, то на него подана была жалоба Хану. Ханъ же прислалъ къ нашимъ Посланникамъ съ просьбою заставить солдата уплатить. Ибо Kabeh (такъ называются по Турецки непотребныя женщины) платитъ большую подать, то справедливость требуетъ, чтобы онѣ получали свое.

О томъ, какъ потѣшаются такими общественными женщинами на пирушкахъ, сказано мною уже выше, въ 44-й главѣ 4-й книги. Кажется, что у Персіянъ это былъ древній обычай. Такъ, когда однажды Аминта, Царь Македонскій, на одной пирушкѣ роскошнѣйшимъ образомъ угостилъ Персидскихъ Пословъ, то Послы эти пожелали еще дѣвицъ, говоря: «Nobis Persis consvetudinis est, quoties magnam exhibuimus coenam, tunc etiam concubinas ad assidendum introducere», то есть, такъ какъ Царь угостилъ ихъ богатѣйшимъ образомъ, недостаетъ еще только того, чтобы приказалъ онъ, по обычаю Персовъ, доставить имъ и дѣвицъ. Когда же, для того чтобъ хоть нѣсколько исполнить ихъ желаніе, привели на пиръ нѣсколькихъ женщинъ и посадили ихъ насупротивъ Пословъ, то эти послѣдніе заявили, что отъ этого только больно глазамъ ихъ; почему просили, для того чтобы поласкать женщинъ, имъ дозволено было перейти на ихъ сторону; хотя и въ этомъ имъ также дано было согласіе, но какъ произошло далѣе самое возлежаніе, и какъ Послы должны были воротиться домой безъ головъ, подробнѣе обо всемъ этомъ можно читать у Геродота, въ книгѣ 5-й, гл. 19, стр. 296 и слѣд.

Шахъ Сефи самъ содержалъ нѣсколько такихъ женщинъ, которыя часто прислуживали ему для забавы, но только плясками и скоморошествомъ, какъ говорили онѣ. По этому такія женщины должны быть не только красивы, но искусны какъ въ пляскѣ, такъ и во всякаго рода забавныхъ представленіяхъ.

Такихъ женщинъ и нынѣ возитъ Шахъ съ собою и въ походъ, подобно тому, какъ дѣлали это искони древніе Цари. Царь Дарій возилъ съ собою 360 непотребныхъ женщинъ, всѣхъ въ Царскихъ украшеніяхъ и во всемъ ихъ порядкѣ, какъ свѣдѣтельствуетъ Курцій, описывая походъ этого Царя.

Но гнуснѣе всего то, что у Персіянъ въ полномъ ходу и обычаѣ постыднѣйшій порокъ, называемый у насъ Содомитскимъ: «pueros muliebria pati assvetos», какъ говоритъ приведенный выше писатель (lib. 3, ст. 7). За этотъ порокъ Государственный Канцлеръ потерялъ свое patrimonium, какъ уже выше упомянуто мною въ 4 книгѣ, и порокъ этотъ самый древній и былъ у нихъ въ ходу съ давнѣйшихъ временъ. Хотя Геродотъ и говоритъ, что Персы научились этому пороку у Грековъ, и именно отъ Ѳивскаго Царя Лаюса (Lajus), qui primus formosum puerum amoribus arsisse, et Chrysippum, filium Penelopis, rapuisse dicitur. Ex quo factum, ut honestum apud Thebanos amare elegantes (referente Aeliatno, lib. 13, pag. 15. variarum histor.). Plutarchus (Francof. 1599, p. 857) vero de malignitate Herodoti dicit: «Persas Graecis hujus impuritatis minervas debere». Но Персы знали этотъ порокъ и прежде, до знакомства своего съ Греками. Шахъ Сефи также заподозрѣнъ въ этомъ порокѣ; по этому онъ не преслѣдовалъ его и въ другихъ. Намъ разсказывалъ Рудольфъ Штадлеръ, часовщикъ, котораго Шахъ приказалъ изрубить саблями, что въ 1634 году, когда Шахъ Сефи отправился съ войскомъ своимъ въ походъ, для взятія города Ерванa, то при этомъ находился одинъ военачальникъ, имѣвшій при себѣ одного красиваго и скромнаго мальчика. Однажды, возвратившись изъ Царскаго стана весьма пьянымъ домой, начальникъ этотъ вздумалъ было силою заставить этого мальчика уступить его страсти; ибо прежде уже нѣсколько разъ добромъ онъ ни чего добиться отъ него не могъ. Мальчикъ же, увидавши, что уже не можетъ ни какъ защититься отъ своего преслѣдователя,

выхватилъ кинжалъ, заткнутый за поясомъ начальника, по обычаю Персовъ, и пронзилъ имъ его въ сердце. На слѣдующее утро, когда Офицеры явились для службы къ Шаху, и между ними не оказалось убитаго, Шахъ спросилъ, гдѣ онъ? ибо любилъ видѣть при себѣ отсутствующаго болѣе другихъ. Ему отвѣчали, что начальникъ тотъ не будетъ уже служить Шаху, ибо его мальчикъ закололъ его. Потребованный къ Шаху мальчикъ разсказалъ ему все дѣло: какъ сперва сказанный начальникъ нѣсколько разъ склонялъ его на порокъ, къ которому онъ питалъ отвращеніе, и какъ, наконецъ, вчера онъ силою хотѣлъ удовлетворить своему желанію, и онъ, мальчикъ, ни какимъ другимъ образомъ не могъ защититься отъ насилія, какъ только поступивши такъ, какъ онъ поступилъ, и по тому просилъ о помилованіи его. Но Шахъ жестоко разгнѣвался, приказалъ мальчика затравить собаками, и такъ какъ приведенныя для этого первыя двѣ собаки не брали его, то добыто было два большихъ Англійскихъ догга, которые должны были напасть на мальчика на бѣгу; этѣ настигли и растерзали его. Такой способъ казни не рѣдокъ у Персіянъ. Это ужасное зрѣлище, вмѣстѣ съ другими, видѣлъ и сказанный Рудольфъ, который также находился тамъ въ числѣ слугъ Шаха. Но послѣ этого въ Шаховомъ станѣ насталъ необычайный моръ, такъ что въ короткое время умерло нѣсколько тысячъ людей.

Что Персіяне даютъ уже слишкомъ большую волю своимъ плотскимъ желаніямъ, къ тому не мало подаетъ поводъ ихъ лжепророкъ, Магумедъ, который, будучи самъ сладострастнымъ псомъ, черезъ мѣру уже дозволилъ плотское наслажденіе въ угоду людямъ. Они вѣрятъ даже, благодаря ихъ ложному ученію, что такое наслажденіе составитъ большую долю радостей въ жизни вѣчной, отъ чего и самая вѣра сдѣлалась пріятнѣе народу невѣжественному. Объ этомъ можно прочесть дополненіе къ Алкорану у Библіяндра (Bibliandro), стр. 175; тамъ развратитель говоритъ: «Si ullum oblectamenti genus in Paradyso deesset, beatitudo minime plena esset. Frustra ergo deliciæ adessent, si voluptas deesset. Quinimo si quid volunt, praesto est, et quascunque et quomodocunque volunt, habent, et qualiter, et ubi, et quando, et quantum, et quotieus volunt, sine mora et difficultate, ita quidem, quod quas hic habuerint

uxores fideles, habebunt et illic, caeterae concubinae erunt. Ancillarum vero non erit numerus».

Для возбужденія и усиленія сладострастія Персіяне употребляютъ всевозможныя средства; на пирушки свои они призываютъ плясуновъ и плясуній, которые пляшутъ съ совершенно непристойными и страстными тѣлодвиженіями и возбуждаютъ въ зрителяхъ пожеланія. Пляску они чрезмѣрно любили всегда, какъ говоритъ Геродіянъ (Herodianus, lib. 14. histor. Francof., 590, pag. 552). Многіе изъ нихъ употребляютъ въ большомъ количествѣ конопляное сѣмя и листья, которыя будьто укрѣпляютъ природу и дѣлаютъ ее болѣе пылкою къ плотскимъ наслажденіямъ. Наши же травники (Herbaria) всѣ приписываютъ коноплѣ совершенно противное дѣйствіе, а именно, что отъ нея природа холодѣетъ, ослабѣваетъ и портится. Не знаю, какъ служитъ конопля для достиженія ихъ цѣли; ибо она производитъ скопленіе вѣтровъ (flatulentiam); или же, можетъ быть, растеніе это въ ихъ жаркой мѣстности и въ ихъ природѣ имѣетъ иное свойство. Приготовляется конопля для такого употребленія слѣдующимъ образомъ: собираютъ съ нея листья прежде еще, чѣмъ покажется на стеблѣ сѣмя, высушиваютъ ихъ въ тѣни, стираютъ въ порошокъ, замѣшиваютъ съ медомъ и дѣлаютъ изъ этого шарики величиною съ голубиное яйцо; шарики эти ѣдятъ по два, или по три, и за тѣмъ съѣвшій ихъ готовъ въ дѣло. Они поджариваютъ также и конопляныя зерна, посыпаютъ ихъ солью и ѣдятъ, вмѣсто лакомства. Персидскій Посланникъ въ Голштиніи, Имамъ-Кули-Султанъ, человѣкъ 70 лѣтъ, употреблялъ это средство постоянно въ дорогѣ послѣ того, какъ въ Асрахани взялъ себѣ молодую жену.

Впрочемъ тѣ, которые употребляютъ эти средства, въ Персіи у почтенныхъ людей не пользуются доброй славой; люди эти зовутъ ихъ бенги (Bengi), киди-бенги (Kidibengi), т. е., обжоры конопляные, или цапли конопляныя и развратныя собаки. Они говорятъ даже, что это большой грѣхъ, равный тому, какъ если бы кто свою мать обезчестилъ на гробѣ Магумеда; но предающіеся сладострастію не очень-то считаютъ это грѣхомъ.

Удовлетворившіе свою похоть думаютъ, что если только наружно очистить себя, то самое дѣло ни чего не значитъ; по

этому въ Персіи множество общественныхъ бань во всѣхъ мѣстахъ, а въ этѣхъ баняхъ они собираются во множествѣ и тотчасъ послѣ совокупленія. Нѣкоторые, не могущіе выносить бани, окачиваютъ все тѣло водою; отъ этого-то въ домѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, вода всегда уже стоитъ на готовѣ.

ГЛАВА XVI.

О домоводствѣ Персіянъ, и въ особенности о стряпнѣ и погребѣ, или объ яствахъ и напиткахъ.

Домоводство у Персіянъ вообще недорогое; хозяйство ихъ по дому, т. е., содержаніе поварни и погреба, если только немного женъ, требуетъ незначительныхъ издержекъ. Бумажные и шелковые товары, какъ туземные и тамъ же производимые, стоятъ недорого. Домашней утвари у нихъ немного, нѣтъ ни ларей, ни шкафовъ, и если комнаты у нихъ устланы на полахъ коврами, а столовая снабжена рисомъ, то имъ остается покупать только мясо, которое вездѣ очень дешево, за исключеніемъ Испагани; ибо народу въ Испагани чрезвычайно много и продовольствіе туда доставляется изъ другихъ мѣстъ. Плоды, которые ѣдятъ они во множествѣ, доставляетъ имъ садъ, находящійся при домѣ, а погребъ ихъ составляетъ протекающая вблизи рѣка, или источникъ. Покои ихъ устланы коврами, по которымъ они ходятъ въ чулкахъ, и сидятъ. Въ комнатахъ ихъ не допускается ни какой нечистоты, собакъ въ нихъ не бываетъ, и вообще для сору имѣются въ покояхъ особые, приспособленные къ тому, горшки, называемые тюфтанъ (Tüfthan), которые всегда они ставятъ подлѣ себя и, при ѣдѣ плодовъ и кушаній, бросаютъ въ нихъ корки и всѣ ненужные объѣдки, равно какъ и плюютъ въ нихъ. Такихъ тюфтановъ всегда вдоволь при пиршествѣ, такъ что непремѣнно ставится между двумя гостями по одному.

Что дѣлаютъ Персіяне зимою для доставленія себѣ тепла и сбереженія топлива, и какъ употребляютъ они тенуръ (Tenur)

для печенія и жаренія своихъ кушаній, о томъ сказано уже выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги. *

Для варки кушаній Персіяне употребляютъ горшки изъ руды, луженой мѣди и обожженной земли (глины), и горшки эти у нѣкоторыхъ старательно вмазаны въ очаги, походятъ на наши перегонныя (дистиллаціонныя) печи. Топливо у нихъ, смотря по мѣсту и области, составляютъ лѣсъ, солома, коровій и верблюжій пометъ. Блюда у нихъ мѣдныя, чисто и тонко выточенныя и вездѣ гладко вылуженныя, такъ что ихъ можно принять за серебряныя. У нихъ въ большомъ ходу также фарфоровыя блюда и другая посуда, а по селеніямъ большею частію земляные, изъ обожженной глины, сосуды. Что касается кушаній ихъ, то вообще онѣ не обильны, и Персіяне довольствуются малымъ. По этому у нихъ нѣтъ того, въ чемъ обвиняетъ ихъ Бизаръ (Bizarus lib. 12, p. 333), будто бы говядина у Персіянъ дорога такъ по тому, что они ужасно обжорливы; такъ, старики будто бы ѣдятъ по 4 раза въ день; по скольку же должны были ѣсть молодые ихъ люди? Но Бизару я противопоставлю Юстина (Argentorati, 1631, lib. XLI, c. 3, p. 144), который говоритъ: «Persae sunt in cibum parci»; Атенея (Lugduni Batavor. 1597), который свѣдѣтельствуетъ: «Paucis cibis utuntur Persae et bellariis multis»; также Александра ab Alexandro «Dies geniales (Francof., 1594), заимствуя изъ котораго Штуке (Stuckius), in Antiquit. convival. (Tiguri, 1582, lib. 1, c. 11, p. 26), говоритъ, что Персіяне ѣдятъ едва однажды въ день, и именно въ полдень. Съ этѣми тремя послѣдними писателями соглашаюсь и я; ибо большинство Персіянъ въ теченіи дня дѣйствительно ѣдятъ едва одинъ полный обѣдъ; но, кромѣ того, они ѣдятъ немного масла, сыру и садовыхъ плодовъ; впрочемъ, видѣлъ я и такихъ, которые ѣдятъ въ день по два раза вареныя кушанья. Главное блюдо ихъ, которое всегда подаютъ прежде всего, составляетъ простой разваренный рисъ; называютъ они его плау (Plau), и на этотъ рисъ кладутъ обыкновенно вареную баранину. Кромѣ того, рисъ же приготовляютъ они различнымъ образомъ, мѣшаютъ его съ коринкой, миндалемъ, подкрашиваютъ гранатовымъ, или вишневымъ, сокомъ, также

* Въ подлинникѣ сказано: 4-й книги, по ошибкѣ. Перев.

шафраномъ, а отъ Шахскаго стола мы получали бывало на одномъ блюдѣ рисъ, наложенный въ извѣстномъ порядкѣ, различныхъ цвѣтовъ.

Они укладываютъ еще рисъ жаренымъ курами и рыбой, также шпинатомъ, кислымъ щавелемъ и бѣлой капустой; сѣрой капусты они не употребляютъ. У нихъ есть разнаго рода перната я дичь, которую они и ѣдятъ также, какъ и мы, за исключеніемъ индѣекъ. Намъ разсказывали, что одинъ Грузинскій купецъ привезъ, во времена еще Шаха Абаса, нѣсколько индѣекъ изъ Венеціи въ Испагань, и ему давали за каждую по одному тумену или по 16-ти рейхсталеровъ. Но куропатокъ и фазановъ у нихъ довольно, и тамъ, гдѣ онѣ водятся, очень дешевы.

Хотя Персіяне употребляютъ рисъ вмѣсто хлѣба, но все таки они имѣютъ и разнаго рода хлѣбы, изъ пшеницы печеные, каковы: комачъ (Komatsch), печенье, толщиною въ 3 пальца и длиною полъ локтя слишкомъ; лавашъ (Lawasch), круглый хлѣбъ, въ полъ дюйма толщиною; пеасекеше (Peasekesche), длиною въ локоть; его налѣпляютъ на домовую печь или тенуръ (Tenur), и проводятъ по немъ борозды пятью пальцами (отъ которыхъ онъ получилъ и свое названіе); сенгекъ (Sengek), взбиваемый на круглыхъ булыжникахъ, которыми обкладываются нѣкоторыя печи, отъ чего хлѣбъ этотъ горбоватый; юха (Jucha), тонкое печенье, почти какъ бумага, длиною въ локоть и такое же почти въ ширину; употребляютъ его вмѣсто салфетокъ, или передниковъ, и вытираютъ имъ пальцы; ибо рисъ съ блюда Персіяне берутъ прямо 4-мя первыми пальцами и ими же подносятъ его въ ротъ. Они и мясо также разрываютъ пальцами, по чему у нихъ очень рѣдко увидишь, чтобы употребляли ножъ за ѣдою. Когда юха отслужитъ свое назначеніе, то ее разрываютъ на куски, завертываютъ въ нихъ кусочки мяса, или рисъ, и все это съѣдаютъ, иногда же она съѣдается и одна безъ мяса, или рису.

Для супу самыя употребительнѣйшія у нихъ, даже за Царскимъ столомъ, не серебряныя, какъ у насъ, но деревянныя, ложки, овальныя, съ тонкой, въ полъ локтя длиною, ручкой; такого рода ложку я привезъ съ собою домой.

Напиткомъ большей части Персіянъ, особенно простаго народа, служитъ только вода, иногда смѣшанная съ душабомъ и небольшимъ количествомъ уксусу. Вино хотя и недорого; ибо, на примѣръ, въ Эракѣ, Адирбеджанѣ и Ширванѣ, одинъ лулейнъ (Lûllein) (такой же величины, какъ наша мѣра, или кружка) стоитъ два, или 3, гроша; но такъ какъ, по закону ихъ, оно воспрещается, то отъ этого очень многіе Персіяне совсѣмъ не пьютъ вина, также какъ и хаджи (Hatzi), т. е., бывшіе въ Меккѣ и Мединѣ на поклоненіи у гроба Магумеда, которые во всю жизнь свою уже не должны пить ни какого вина. Но есть, однако жъ, и много такихъ Персіянъ, особенно состоящихъ при Дворѣ, которые страстно любятъ вино и которые думаютъ, что грѣхъ этотъ будетъ отпущенъ имъ тѣмъ же средствомъ, какимъ отпускаются и другіе грѣхи, и если только они не сами дѣлаютъ вино, то спокойно дозволяютъ себѣ угощаться имъ. Послѣ обѣда всегда, и главнымъ образомъ на пирушкахъ ихъ, обносится въ кружкѣ теплая вода, для омовенія засаленныхъ жиромъ рукъ.

ГЛАВА XVII.

О другихъ предметахъ, употребляемыхъ Персіянами кромѣ необходимыхъ яствъ и напитковъ, именно: объ опіумѣ, табакѣ, кофеѣ и чаѣ.

Персіяне, хотя не всѣ, но весьма многіе, имѣютъ привычку довольно часто принимать опіумъ, называемый ими офіунъ (Offiuhn), а также тирякъ (Tiriak), который дѣлаютъ они въ видѣ круглыхъ шариковъ, величиною съ горошину, и шарики эти просто глотаютъ. Привыкшіе къ нему, могутъ употреблять его по половинѣ квентина [1] (Quentin) и даже болѣе; нѣкоторые же принимаютъ его черезъ день и черезъ два на третій, когда захотятъ только быть въ туманѣ и какъ бы выпивши. Опіуму въ Персіи въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ Испагани, собирается очень

---

[1] Мѣра вѣса, равная 2-мъ лотамъ. Перев.

много. Для этого маковыя головки, еще зеленыя, надрѣзываютъ, и изъ надрѣзокъ этѣхъ выступаетъ бѣловатый сокъ, который, когда немного постоитъ и сдѣлается чернымъ, снимаютъ, и тогда онъ уже дѣлается годнымъ къ употребленію. Персидскіе аптекари и продавцы москательныхъ товаровъ выручаютъ отъ опіума огромную прибыль, по тому что потребляется его весьма много.

Но опіумъ не въ одной только Персіи: онъ въ большомъ употребленіи также въ Турціи и Индіи. Беллони (Belloni, Observationes singularium et memorabilium rerum in Graecia Asia, Aegypto aliisque provinciis conspectarum, per Carolum Clusium. Raphelingii, 1605), въ 3-й книгѣ, въ главѣ 15-й, пишетъ, что въ Турціи нѣтъ человѣка, который бы, имѣя одинъ пфеннингъ, не отдалъ половину его на опіумъ. Онъ разсказываетъ, что во время пребыванія его тамъ, 50 верблюдовъ, нагруженныхъ опіумомъ, прошли изъ Малой Азіи въ Турцію, Персію и Индію. Одинъ янычаръ въ его присутствіи проглотилъ разъ полквентина, и въ немъ не было ни чего замѣтнаго отъ такого пріема, кромѣ только того, что на ходу онъ нѣсколько покачивался. Персіяне увѣряютъ, что опіумъ придаетъ смѣлость и бодрость духа, полагаю я, въ родѣ того, какъ бываетъ у пьянаго, «qui in bellum trudit inermem.»

Нѣкоторыя женщины, дурно живущія съ своими мужьями, не привыкши къ опіуму, сокращаютъ имъ иногда свою безотрадную жизнь. Онѣ принимаютъ его разомъ въ большомъ количествѣ, и запиваютъ его водою.

Персіяне любятъ также безъ мѣры и табакъ, и всякаго званія люди встрѣчаются у нихъ вездѣ, даже въ храмѣ, сидящими и курящими.

Табакъ привозятъ они изъ Багдада или Вавилона и изъ Курдистана, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи. Но Персіяне не умѣютъ приготовлять его, и сушатъ его просто, какъ и другія травы. Въ Испагани цѣлыя лавки полны табакомъ, гдѣ онъ сложенъ въ большихъ мѣшкахъ, и листья его крошатъ такимъ образомъ, что онъ принимаетъ видъ скошенной травы. Они очень любятъ

Европейскій табакъ, называя его Инглисъ тамбаку (Inglis Tambaku), по тому что привозятъ его туда преимущественно Англичане. Когда я, бывши въ Шамахѣ, подарилъ своему учителю, о которомъ я упоминалъ выше, кусочекъ такого табаку, длиною въ палецъ, то онъ былъ очень доволенъ и готовъ на всѣ для меня услуги. Обыкновенный способъ пить (т. е., курить) табакъ у нихъ слѣдующій: берутъ стеклянную флягу, или кружку, Индійскій орѣхъ, или кабабъ (kabab) (жесткую корку особого рода тыквы), и наливаютъ ее болѣе, чѣмъ на половину, водою, смѣшиваемою иногда съ благовонною водою; за тѣмъ сверху проводятъ въ эту воду трубочку, а на ней придѣлывается чашечка, въ которую накладываютъ табакъ, а на табакъ горячій уголь. Наконецъ, другую трубочку, величиною съ локоть, или два, вводятъ въ сосудъ надъ водою, и черезъ эту вторую трубочку втягиваютъ въ себя воздухъ; отъ этого, такъ какъ трубочки вставляются въ сосудъ плотно, табачный дымъ проходитъ черезъ воду, въ которой и осаждаются черныя и жирныя части. Нѣкоторые же, за недостаткомъ сосудовъ, тянутъ дымъ по нашему, сквозь длинныя деревянныя трубки, у которыхъ на переднемъ концѣ придѣлывается изъ обожженной глины наконечникъ съ отверстіемъ, который и берутъ въ ротъ.

Когда курятъ табакъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, Персіяне попиваютъ и горячую черную воду, называемую кофе (Cahwae). Это отваръ плода, получаемаго сдѣсь изъ Мисера (Misser) или Египта, похожаго въ сущности на Турецкую, а внѣшнимъ видомъ на нашу, пшеницу; величиною же плодъ этотъ съ Турецкій бобъ и даетъ бѣлую муку. Зерна поджариваются, или скорѣе ихъ жгутъ, мелютъ въ порошокъ, который варятъ въ водѣ, и воду эту пьютъ. Напитокъ этотъ имѣетъ сженный и непріятный вкусъ. Онъ очень охлаждаетъ и дѣлаетъ природу безплодною, для чего большею частію и пьютъ его.

Если же напитокъ этотъ (Cahwae) употреблять уже черезъ чуръ много, то онъ совершенно убиваетъ въ человѣкѣ плотское пожеланіе. Персіяне пишутъ объ одномъ Шахѣ, Султанѣ Магмудѣ Каснинѣ (Mahmud Casnîn), царствовавшемъ въ Персіи еще до

Тамерлана, будьто бы Шахъ этотъ до того пристрастился къ напитку Cahwae, что за нимъ совсѣмъ забылъ жену свою и получилъ отвращеніе отъ брачнаго ложа съ ней, что Царицѣ было крайне прискорбно. Однажды Царица эта, возлежа на окнѣ, увидѣла, какъ на дворѣ повалили жеребца для того, чтобы охолостить его, и спросила у окружающихъ: «Что бы это значило?» Когда ей, въ приличныхъ выраженіяхъ, объяснили, что это дѣлается для уничтоженія у жеребца охоты и вожделѣнія, чтобы онъ не вскакивалъ на другихъ и былъ равнодушенъ къ кобылицамъ, то она замѣтила, что ни чего бы этого дѣлать не нужно, а поить бы только жеребца скверною водою Cahwae, и онъ скорехонько сдѣлается похожимъ на Шаха, мужа ея.

Персіяне разсказываютъ еще о сынѣ этого Шаха, называвшемся тоже Магумедъ, что когда онъ, по смерти отца, принялъ управленіе страной, то оказался чрезвычайнымъ любителемъ поэзіи, и приказалъ одному, славному въ то время, поэту, по имени Гакиму Фирдуси (Firdousi), написать ему какое ни будь поэтическое произведеніе въ веселомъ духѣ, обѣщая за каждый стихъ заплатить сочинителю по червонцу. Фирдуси засѣлъ и написалъ 60 тысячъ стиховъ, которые и понынѣ читаются и высоко уважаются Персіянами. Когда сочиненіе было готово и представлено, то хотя Шахъ и хотѣлъ было вознаградить поэта, согласно съ своимъ обѣщаніемъ, но совѣтники Царскіе отговорили его давать такъ много поэту, который долженъ быть доволенъ и меньшимъ вознагражеміемъ. По этому поэту послано было только нѣсколько червонцевъ, что весьма раздосадовало его, и онъ тотчасъ же написалъ Шаху другое стихотвореніе, въ которомъ доказывалъ, что присланный ему даръ отнюдь не Царскій; что только ремесленники, каковы, на примѣръ, хлѣбникъ и башмачникъ, могутъ благодарить такими подарками; и развѣ жь онъ не сынъ Царя, а плодъ и кровь какого ни будь хлѣбника? Царь понялъ это такъ, что поэтъ обозвалъ его сыномъ хлѣбника и, въ негодованіи, жаловался на это своей матери и спросилъ ее: «Развѣ жь не Султанъ Магумедъ былъ отецъ его?» Мать подумала, что поэтъ, написавшій такое сочиненіе, должно быть, знаетъ дѣло, и въ тайнѣ призналась сыну, что такъ какъ Шахъ весьма часто и много пилъ напитокъ кофе (Cahwae), отъ чего исчезла

всякая надежда имѣть наслѣдника, то чтобы пріобрѣсть послѣдняго Царству, она допустила до себя одного придворнаго хлѣбника, имѣвшаго нѣжныя бѣлыя руки. Если бъ не было хлѣбника, не было бъ и его, сына ея; по чему и совѣтовала сыну ублаготворить поэта, чтобы истина не разошлась далѣе. Другіе же пишутъ, что все это случилось съ Августомъ и Виргиліемъ (Bersmann, Comment. in Virgil., de vita ipsius).

Такъ какъ чрезмѣрное употребленіе напитка кофію (Cahwae) уничтожаетъ плотскія пожеланія, къ которымъ Персіяне, по природѣ своей, весьма склонны, и большинство ихъ поставляетъ въ этѣхъ удовольствіяхъ свое высшее благо (summum bonum), то поэты Персидскіе, хуля этотъ напитокъ, сложили слѣдующій стихъ:

ان سیه رو که نام اوستر قهوه
قاتل نوم قاطع شهوه

То есть:

Ohn syc Ru ki namiust Kahwae,
Katil naum kathehi schahewe.

Ты, черное лицо—Кофій!
Можно ли терпѣть тебя?
Куда входишь ты, тамъ ужь нѣтъ
Ни страсти, ни наслажденія съ женщиной.

Выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги, было упомянуто, что въ Испагани, на Майданѣ, въ числѣ другихъ гостинницъ, находилась и такая, которую Персіяне называютъ: «Tzai Chattai Chane,» и въ которой, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, они пьютъ тоже черную (темноватую) воду, отваръ изъ растенія, привозимаго Узбецкими Татарами въ Персію изъ Китая. Листья этого растенія продолговаты, острокопечны, около дюйма въ длину, и въ полъ дюйма въ ширину, и будучи высушены, получаютъ видъ черноватый, свертываются и закручиваются словно червячки. Это именно то растеніе, которое Китайцы называютъ чаемъ (Thee), Японцы и Индійцы Хіа и Хаа (Chia, Chaa), и оно въ большомъ почетѣ у этѣхъ народовъ. Персіяне варятъ его въ чистой водѣ, прибавляютъ туда анису, укропу, а нѣкоторые не много гвоздики,

сахаромъ. Оно имѣетъ вяжущій или стягивающій какъ бы вкусъ. Персіяне, Китайцы, Японцы и Индійцы приписываютъ этому напитку превосходную силу и дѣйствіе: оно полезно дѣйствуетъ на желудокъ, печень, легкое, на кровь и вообще на внутренность человѣка, очищаетъ ихъ, укрѣпляетъ, изгоняетъ камень, облегчаетъ головныя боли и уничтожаетъ всѣ мокроты, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается вялымъ и сонным. Напившійся вдоволь этого напитка, можетъ нѣсколько ночей сидѣть свѣжо и бодро, безъ обремененія сномъ и съ охотою заниматься головною работою. Употребляя его умѣренно, человѣкъ можетъ не только пользоваться постоянно добрымъ здоровьемъ, но и достигнуть глубокой старости.

Это растѣніе чай (Thee) хорошо извѣстно теперь и въ Голландіи и его привозятъ туда мореплаватели Восточно-Индійскіе. Его можно найти въ Амстердамѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ; ибо, какъ извѣщали меня, Французы закупаютъ его чрезвычайно много.

Кто желаетъ прочитать объ этомъ растеніи другихъ писателей, тотъ да обратится къ Мафею (Maffeum), къ его «De rebus Indicis,» 6-й книгѣ, стран. 108 (Joh. Petr. Maffei Historia Indica. Colon. Agrippinae, 1589), гдѣ пишетъ онъ о Китайцахъ: «Ex herba quadam expressus liquor admodum salutaris, nomine Chia, calidus hauritur, ut apud Japonios, cujus maxime beneficio pituitam, gravedinem, lippitudinem nesciunt, vitamque, bene longam sine ullo fere languore traducunt.» И книга 12, стр. 242: «Circa potionem illam diligentissimi sunt, ac principes interdum viri suis ipsi manibus eidem temperandae ac miscendae amicorum honoris causa dant operam certasque habent aedium partes, ad hoc destinatas; venientibus et abeuntibus amicis pocula porrigunt.»

Линшотанъ (Linschotanus), въ главѣ 26, de Insula Japonia, стр. 31: (Joh. Hug. Linschotani Navigatio in Orintalem Indiam et cet. Amstelodami, 1614): «Ex herba, quam Chaa vocant, in magnam hujus potus aestimatione et Indi, qui aliqua opulentia pollent, loco fere secreto aquam hanc servant, eamque excipientes amicos summa benignitate depromunt, ollas peculiares ad coquendas habent etc.»

Помянутые народы, желая оказать всевозможную любезность, встрѣчаютъ гостей своихъ этимъ напиткомъ, т. е., чаемъ; онъ же есть и прощальный напитокъ, при разставаніи съ гостьми. У нихъ есть особые, весьма чистые, сосуды, въ которыхъ завариваютъ и изготовляютъ чай; нѣсколько такихъ сосудовъ, вмѣстѣ съ растеніемъ, хранится у насъ, въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей. Объ этомъ растеніи, изъ приведенныхъ сейчасъ, а также и изъ другихъ, писателей, Николай Тульпій (Nicolaus Tulpius) сообщаетъ пайподробнѣйшія свѣдѣнія, какъ это видно въ послѣдней главѣ 4-й книги его «Observationum medicarum (Observationes medicae. Amstelodami, 1652).

ГЛАВА XVIII.

О ремеслахъ и промышленности Персіянъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Промышленность Персіянъ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, кромѣ земледѣлія и садовоства, отъ которыхъ собираютъ и продаютъ огородные и садовые плоды, исчисленные выше, составляютъ всякаго рода ремесла, торговля, письменность, а также и воинское дѣло. Когда идешь въ городахъ по Майдану и базару, то съ удовольствіемъ видишь, какъ всякаго рода промышленники занимаются своими ремеслами, въ своихъ мастерскихъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ другъ за другомъ. Ибо никто изъ Персіянъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, именно не могущихъ выходить, не сидитъ дома, но постоянно на базарѣ, въ опредѣленныхъ для того улицахъ и въ открытыхъ со сводами зданіяхъ. Большинство ремесленниковъ составляютъ ткачи и красильщики, или рисовальщики цвѣтовъ, которые занимаются обработкой хлопчатой бумаги и шелку, обращая ихъ довольно искусно въ разныя ткани, и въ золотыя парчи, кусками не длиннѣе 10-ти, или 12, локтей, потребными на постройку одного Персидскаго кафтана. Въ Ештѣ и Кашанѣ есть такіе искусные ткачи, которые на шел-

ковой ткани выводятъ всевозможныя фигуры, преимущественно же свои письмена, такъ тонко и изящно, что и лучшій писецъ не въ состояніи написать красивѣй, какъ доказываетъ образецъ такой работы, привезенный нами домой. Такіе товары, именно все то ихъ количество, которое не пошло на туземныя платья, вездѣ внѣ страны распродаются вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой и сырымъ шелкомъ, съ большими выгодами. Замѣчу здѣсь подробнѣе о шелкѣ слѣдующее: въ самой странѣ фунтъ шелку стоитъ 16 и 18 грошей или двѣ Любскихъ марки и нѣсколько болѣе. Персіяне у себя продаютъ все на бадманъ (Badman), который въ разныхъ мѣстахъ различный: Таврискій бадманъ содержитъ 6 фунтовъ; Шахскій бадманъ, употребляемый наиболѣе въ Гилянѣ, 12 фунтовъ, Шамахинскій и Карабахскій бадманъ 16 фунтовъ.

Вообще считаютъ, что въ Персіи, смотря по году, собирается ежегодно шелку отъ 10 до 20 тысячъ тюковъ или 10 тысячъ соомовъ Soom (каждый соомъ содержитъ два тюка), въ тюкѣ же полагается 216 фунтовъ. Одинъ Гилянъ, въ хорошіе годы, даетъ 8000 тюковъ; Ширванъ доставляетъ 3000 тюковъ; Хорасанъ до 3000; Масандеранъ 2000, Карабахъ 2000, не считая уже того, что даетъ Грузія, также богатая шелкомъ, и другія мѣстности. Изъ всего этого количества, все, что остается въ Персіи на разныя потребы, не превышаетъ 1000 тюковъ. Все остальное распродается въ Индіи, Турціи, Италіи, на Англійскіе и Голландскіе корабли. Этѣ послѣдніе изъ своихъ странъ привозятъ олово, мѣдь, Англійское, Французское и Голландское сукно, которое, по неумѣнію Персовъ хорошо обдѣлывать шерсть и изготовлять сукно, высоко одобряется и цѣнится ими, такъ что за локоть хорошаго сукна въ Испагани платится по 8, 10 и по 12 рейхсталеровъ.

Самые многочисленные и богатѣйшіе купцы и торговые люди въ Персіи суть Армянскіе Христіяне, которые повсюду ѣздятъ въ странѣ и внѣ ея; ибо Персія есть свободно открытая, а не такая замкнутая, какъ Русская земля. Жители Персіи и чуждые народы могутъ выѣзжать и въѣзжать въ нее, торговать и промышлять тамъ, какъ хотятъ, лишь бы только Правительство получало съ нихъ свои пошлины и доходы.

Персіяне и Турки установили между собою договоръ, чтобы торговые люди ихъ въ военное, также какъ и въ мирное, время безпрепятственно разѣзжали и торговали другъ съ другомъ, въ самой странѣ и внѣ ея, и чтобы караваны ихъ безопасно могли ходить вездѣ; ибо это равно необходимо и выгодно какъ тому, такъ и другому, изъ этѣхъ народовъ. [1]

Персіяне могли бы извлечь изъ своей торговли гораздо значительнѣйшія выгоды, если бъ были искусны въ управленіи большими кораблями и вообще въ мореходствѣ, но искуства этого у нихъ нѣтъ.

Такъ какъ въ Персіи книгопечатанья нѣтъ, а книги вообще высоко и дорого цѣнятся, то по этому книга у нихъ, и особенно Алкоранъ, который у насъ, если бъ его напечатать, стоилъ бы одинъ рейхсталеръ, тамъ писанный стоитъ 15, 20 и болѣе рейхсталеровъ. Въ слѣдствіе сего многіе Персіяне, особенно у кого много дѣтей, стараются обучать ихъ хорошому письму, и въ Персіи есть нѣсколько тысячъ людей, добывающихъ себѣ пропитаніе писаніемъ такихъ книгъ и инымъ письмоводствомъ.

Различныя области должны держать на готовѣ извѣстное войско въ мирное и военное время; по этому многія тысячи кизильбашей и воиновъ живутъ жалованьемъ. Объ этомъ я скоро буду говорить подробнѣе.

ГЛАВА XIX. [1]

О брачномъ состояніи Персіянъ; многоженствѣ и о томъ, что случается иногда при многоженствѣ.

Сказавши о домоводствѣ Персіянъ, обозрѣвъ ихъ поварскую и погребъ, равно какъ и промыслы, которыми они занимаются,

---

[1] А въ Европѣ только теперь добиваются того. О. Б.

[1] Въ подлинникѣ XXI, очевидно по ошибкѣ. Перев.

пройдемъ теперь поближе въ ихъ покои, и взглянемъ на брачное ихъ состояніе. Персіяне, чуть только позволяютъ достатки, рѣдко ограничиваются одною женою. Съ давнихъ временъ у нихъ въ обычаѣ брать по нѣскольку женъ. Страбонъ полагаетъ, что это происходило «multiplicandae prolis gratia,» ради того, что они очень желали расплодить и возрастить побольше дѣтей. Ибо Цари ихъ ежегодно назначали будьбо бы подарки для раздачи тѣмъ изъ подданныхъ, которые имѣли найболѣе сыновей. Но въ настоящее время Персіяне охотники до многоженства не по этой причинѣ, даже многіе изъ нихъ желали бы теперь лучше вовсе не имѣть дѣтей. По этому-то нѣкоторые обращались къ нашему Врачу и, провѣдавъ, что онъ славится излѣченіемъ въ иныхъ болѣзняхъ, спрашивали его, не имѣетъ ли онъ какого либо медицинскаго средства для молодыхъ женъ, чтобъ онѣ не такъ скоро рождали дѣтей? на что Врачъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ помочь женамъ тѣмъ въ рожденіи дѣтей, чѣмъ мѣшать имъ въ томъ. Я полагаю, что, по причинѣ такого сладострастія Персіянъ, они сложили слѣдующій стихъ и пословицу, въ которой они вновь взятую ими жену сравниваютъ съ Мѣсяцесловомъ, годнымъ только на одинъ первый годъ:

مرقي نوكن لي خراجه هر بوبهار
كه تسقويم پارين نيايد بكار

Бери чаще новую жену, чтобъ у тебя была постоянная весна.
Мѣсяцесловъ негоденъ ни къ чему, когда годъ уже прошелъ.

Магуметъ въ Алкоранѣ (Azoar 8) дозволилъ, и даже милостиво повелѣлъ, чтобъ Персіяне, даже по Вѣрѣ своей, могли брать себѣ столько женъ, сколько имъ угодно и сколько они могутъ прокормить ихъ. Богатые купцы, торгующіе въ Персіи въ нѣсколькихъ городахъ, имѣютъ въ главнѣйшихъ мѣстностяхъ свои собственные домы и женъ, такъ что, куда бы они ни пріѣхали, они вездѣ дома. Но того, чтобы Персіяне, особенно будьто бы въ Мидіи, должны были имѣть не менѣе 7-ми женъ, и чтобы дѣти сами должны были убивать своихъ родителей, прожившихъ за 70 лѣтъ, какъ пишетъ о томъ Нигеръ, въ своей Географіи (Basileae, 1557, стр. 531), ни чего этого ни въ настоящее, ни въ отдаленнѣйшія времена въ обычаѣ у Персіянъ не было.

Но что частенько причиняетъ имъ многожество, они извѣдываютъ это на дѣлѣ съ великимъ прискорбіемъ. Между людьми, находящимися въ такомъ бракѣ (многоженствѣ), не можетъ быть истинной, горячей любви и довѣрія. Ибо, какъ говоритъ Амміянъ Марцеллинъ: «Apud eos per libidines varias charitas dispersa torpescit.» Мужья не могутъ любить всѣхъ женъ одинаково. Ибо любовь раздѣленная никогда не бываетъ такъ сильна, какъ сосредоточенная и обращенная только на одно лице. Подобное встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, особенно у владѣтельныхъ особъ, когда одинъ Государь имѣетъ многихъ слугъ. Скорѣе можно допустить, что многіе, и даже всѣ слуги, сердечно любятъ одного Государя, чѣмъ одинъ Государь всѣхъ слугъ. Отсюда и происходитъ, что если они въ чемъ хоть немного не угодили, попадаютъ въ опалу. И такъ, если, на примѣръ, жена видитъ, что мужъ ея оказываетъ другой такіе же, часто еще и большіе, чѣмъ ей, знаки супружеской любви, то настаетъ, также какъ это бываетъ при любви, по комику (Terent. in Eun.) ссора, нерасположеніе, ненависть и вражда. Между женами часто возникаетъ даже опасная ссора и споръ, къ великой досадѣ и неудовольствію мужа. По этому случаю есть одна Турецкая пословица:

ايكي ارون بير ديويان
ايكي ايشك بير لاروان

Iki Ischek bir karwan,
Iki arwat bir diwan.

То есть:

Два осла—стоятъ одного каравана,
На двухъ женъ нужно цѣлое судилище.

Это значитъ, что съ двумя ослами, такъ какъ они лѣнивы, столько возни, какъ съ животными цѣлой странствующей толпы, или общества. И у кого двѣ сварливыя жены, тотъ постоянно долженъ судить и укрощать. Иногда такое брачное состояніе доводитъ мужа до величайшей опасности и несчастія, и стоитъ ему даже жизни. Такъ какъ мнѣ разсказывали много подобныхъ примѣровъ, то два изъ нихъ, случившіеся при Шахѣ Абасѣ, я хочу привести сдѣсь.

Въ Шамахѣ былъ одинъ Ханъ, по имени Сильфагаръ (Silfahar), пользовавшійся большимъ уваженіемъ Шаха и всей страны и имѣвшій женой сестру Шаха Ходабенде (отца Шаха Абаса). Видя, что мужъ ея беретъ себѣ еще молодую жену, и что къ этой молодой онъ оказывается ласковѣе, чѣмъ она желала, прежняя жена Сильфагара, будучи дочерью Шаха, по высокомѣрію своему, возненавидѣла мужа, написала племяннику своему, Шаху Абасу, чтобы онъ остерегался мужа ея, который яко бы замышлялъ на жизнь его, Абаса. Шахъ Абасъ, и безъ того человѣкъ подозрительный, повѣрилъ такой клеветѣ, и послалъ Мешедскаго Хана, Карчихай-Хана, находившагося тогда у него въ Ардебилѣ, достать голову Хана Сильфагара. Карчихай-Ханъ тотчасъ же отправился въ Ширванъ, расположился тамъ у горы Эльбруса и послалъ къ Сильфагару, чтобы тотъ прибылъ къ нему. Не ожидая ни чего дурнаго отъ Карчихай-Хана, какъ отъ давнишняго знакомаго своего и пріятеля, Сильфагаръ поздно вечеромъ прибылъ въ назначенное мѣсто и разбилъ свою палатку не въ далекѣ отъ палатки Карчихая. На другой день Карчихай всталъ рано утромъ, отправился съ нѣсколькими слугами въ палатку Сильфагара, котораго засталъ еще въ постели, хотя не спавшаго уже, дружески привѣтствовалъ его и сказалъ, чтобы тотъ всталъ и прошелъ съ нимъ прогуляться, такъ какъ ему нужно переговорить съ нимъ. Едва только Сильфагаръ всталъ, полуодѣтый, и хотѣлъ было совершать свою молитву, какъ Карчихай-Ханъ подалъ своимъ слугамъ заранѣе условленный знакъ, тѣ напали на Сильфагара и изрубили его саблями. Карчихай взялъ голову и поспѣшилъ съ нею къ Шаху. Вотъ что сдѣлало Сильфагару его двоеженство (Bigamia).

Послѣ этого былъ еще другой случай съ однимъ Ардебильскимъ винотрговцемъ, по имени Шириджи Аали (котораго хорошо зналъ нашъ Hakwirdi). Однажды винотрговецъ этотъ поздним вечеромъ сидѣлъ съ хорошимъ пріятелемъ своимъ на мосту Heider Aaly (мостъ этотъ изображенъ на рисункѣ города) и пилъ вино. Въ это время проходилъ мимо навьюченный оселъ одинъ безъ хозяина; хозяинъ его, какой-то купецъ, присѣлъ за своей надобностію у рѣки, а оселъ бѣжалъ отъ него и направился къ лежавшему вблизи городу. Увидѣвши осла одного, винотрговецъ

поймалъ его, снялъ съ него грузъ и отпустилъ его опять на волю. Купецъ приходитъ въ Ардебиль, ищетъ тамъ своего осла, и хоть и находитъ его наконецъ на улицѣ, но безъ груза, по чему и отправился къ Хану съ жалобою на свою пропажу. Но Ханъ объявилъ, что помочь ему не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ виновныхъ. Купецъ обратился послѣ этого къ Шаху, который тотчасъ же послалъ его опять назадъ въ Ардебиль съ строгимъ приказаніемъ Алла-Кули-Хану, что такъ какъ онъ, Ханъ, не содержитъ дорогъ въ безопасности и не сдѣлалъ обыска о пропажѣ, какъ бы слѣдовало, то онъ и долженъ уплатить купцу стоимость пропавшаго у него добра, по его оцѣнкѣ, безъ всякаго замедленія, что и было исполнено Ханомъ. Между тѣмъ виноторговецъ, завладѣвши купеческимъ добромъ, нѣсколько приободрился, не захотѣлъ уже довольствоваться одной женой и, въ добавокъ къ прежде бывшей у него, взялъ другую, молодую жену, изъ одного дома терпимости, собственно за красоту ея; но отъ нея не было ни одного ребенка. Единственное дѣтя его, сынъ первой жены, мальчикъ 9 лѣтъ, пришедши однажды изъ училища домой, увидалъ въ комнатѣ лежащую, начатую уже, дыню, которая была еще новенькою въ томъ году, и отрѣзалъ кусокъ этой дыни себѣ; молодая жена разгнѣвалась за это, ударила мальчика, послѣ чего обѣ жены вцѣпились другъ другу въ волосы. Когда мужъ пришелъ домой, то мать и сынъ передали ему все дѣло въ такомъ трогательномъ видѣ, что онъ постегалъ таки молодую жену. Въ отмщеніе за такой позоръ, эта послѣдняя пошла тайкомъ къ Хану и открыла ему о покражѣ мужа; виноторговца тотчасъ же потребовали къ отвѣту, допросили и повѣсили, женъ же его, за то, что онѣ такъ долго покрывали мужа, предали общественному позору и прогнали, а сына обратили въ невольники. Все ихъ имущество Ханъ забралъ себѣ, и, такимъ образомъ, онъ получилъ опять больше еще того, что долженъ былъ уплатить купцу. Вотъ что значитъ взять двухъ женъ, и довѣрять имъ свои тайны.

ГЛАВА XX.

Какъ Персіяне женятся и справляютъ свадьбу?

Хотя Персіяне женятся, находясь иногда въ довольно близкомъ родствѣ; такъ, на примѣръ, братъ можетъ жениться на вдовѣ брата, отецъ и сынъ на состоящихъ въ томъ же родствѣ: на матери и дочери, какъ въ наше время было это въ Шамахѣ, гдѣ вдовецъ, имѣвшій двухъ сыновей, женился на вдовѣ съ двумя же дочерьми, и каждаго изъ сыновей женилъ на одной изъ этѣхъ дочерей. Но чтобы они допускали себѣ свободу и въ болѣе близкомъ кровномъ родствѣ, женились бы, на примѣръ, на родной матери, дочери, или на сестрѣ, какъ это могло быть у нихъ въ древности въ обычаѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ писателей, на которыхъ указываетъ Брисонъ (Brissonius), во 2-й книгѣ «De Regno Persarum» (Parisiis, 1606), страница 213 и слѣдующая, то этого въ настоящее время болѣе нѣтъ. Да такого страшнаго разврата, каково кровосмѣшеніе съ родной сестрой, и не бывало въ Персіи до Камбиза, который въ первые ввелъ его своею неестественною любовью къ своей сестрѣ, которую онъ взялъ себѣ въ жены противъ воли своихъ Государственныхъ совѣтниковъ и въ противность закону, о чемъ можно прочесть у Геродота въ 3-й книгѣ, на страницѣ 173. Подобное же сдѣлалъ и Птоломей въ Египтѣ, когда онъ воспылалъ страстью къ сестрѣ своей; а чтобы имѣть возможность жениться на ней, онъ предоставилъ и всѣмъ подданнымъ въ странѣ полную свободу брать въ жены родныхъ сестеръ своихъ, какъ увѣряетъ о томъ Alexander ab Alexandro, въ 1-ой книгѣ, главѣ 24-й, на страницѣ 92 (Francofurti, 1594).

Когда юноша пожелаетъ вступить въ бракъ и имѣетъ при этомъ въ виду чью либо дочь, то о свойствахъ ея онъ освѣдомляется черезъ вторыя и третьи лица; ибо ни самъ онъ, ни родители, смотрѣть невѣсты не смѣютъ. Окажется ли она по его мыслямъ, тогда посылаетъ онъ двухъ изъ ближайшихъ друзей своихъ, находившихся при его обрѣзаніи, сватами къ отцу невѣсты, и поручаетъ имъ переговорить съ нимъ. При этомъ обычай у нихъ

такой, что сначала отецъ и друзья невѣсты дѣлаютъ видъ, будьто они не очень-то рады и расположены принять предложеніе сватовъ, полагая, что иначе могутъ дать поводъ думать, что они охотно готовы сбыть дочь съ рукъ. Когда предложеніе принято будетъ благосклонно, родители съ сватами, какъ съ уполномоченными, толкуютъ о приданомъ или о дарѣ за невѣсту, который дается не родственниками невѣсты, но женихомъ, или его родственниками. Такое приданое дается со стороны жениха двоякимъ образомъ: или женихъ посылаетъ даръ за нѣсколько дней передъ свадьбой въ домъ невѣсты, и даръ этотъ родители ея могутъ удержать у себя, либо отдать его за дочерью, и въ этомъ случаѣ разсматривается, какъ награда родителямъ за то, что они хорошо воспитали дѣтя свое; или же женихъ даетъ обязательство на извѣстное количество денегъ, шелкъ, или шелковые товары; это приданое выдается собственно тогда, когда женихъ захочетъ разойтись съ невѣстой, уже послѣ совершенія брачнаго договора, который во всякомъ случаѣ долженъ быть скрѣпленъ подписью Kassi, или Molla. По заключеніи такой сдѣлки о приданомъ, невѣста и женихъ наряжаютъ, каждая изъ сторонъ, по одному Векилю (Wekil) или посреднику (Curator), которые идутъ, если это въ городѣ, къ Kassi или Духовному Судьѣ, а если въ селеніи, то къ Molla или Священнику, уполномоченному отъ Kassi, и просятъ о совершеніи союза (Copulation) отъ имени невѣсты и жениха (которые въ Персіи сами не являются и въ храмъ къ вѣнцу не ходятъ). Kassi, удостовѣрившись вполнѣ о добровольномъ согласіи на бракъ жениха и невѣсты, также родителей и родственниковъ ихъ, совершаетъ союзъ черезъ уполномоченныхъ посредниковъ, благословляетъ ихъ во имя Бога, Магумеда и Аали, и заключенный такимъ образомъ свадебный договоръ скрѣпляется подписью и печатью Kassi. Для такого дѣла этѣ 3 лица уходятъ обыкновенно въ какое ни будь сокровенное мѣсто, или запираются въ особую комнату, или же удаляются въ открытое поле, чтобы совершенно отдѣлиться отъ другихъ людей для того, чтобы новобрачнымъ ни кто не могъ причинить какого вреда, либо наслать на нихъ немочь (безсиліе). Ибо Персіяне очень способны и охочи продѣлывать чары разными вещами, особенно же узелками изъ лентъ. По этому, чтобы устранить такія чары, если случается, что союзъ (Copulation) долженъ быть совершенъ у Судьи, когда онъ сидитъ въ

Судѣ, не можетъ оставить его (ибо для засѣданія въ Судѣ Судьи избираютъ иногда извѣстные дни и часы, по совѣту звѣздочетовъ), и въ присутствіи другихъ людей, то всѣ этѣ сторонніе люди должны держать руки, протянувши впередъ, съ разогнутыми пальцами. Нашъ Персидскій Hakwirdi, оставшійся у насъ въ Голштиніи, испыталъ на себѣ подобную продѣлку съ чарами, бывши одержимъ немочью (безсиліемъ) въ продолженіи $2^1/_2$ лѣтъ, какъ онъ самъ мнѣ это разсказывалъ. Когда онъ справлялъ свою свадьбу въ области Халхалъ, то одинъ изъ родственниковъ невѣсты, присутствовавшій при совершеніи брака (Copulation), отрѣзалъ съ кафтана у него голубую ленту (ein blaw Band), продѣлалъ надъ этѣмъ бантомъ свои чары и засунулъ его въ стѣну. За тѣмъ, по истеченіи двухъ съ половиной лѣтъ, когда Гаквирди узналъ, что въ Серабѣ есть знахарь, гадатель по стекламъ, могущій освободить его отъ немочи (въ Персіи тамъ и сямъ множество разныхъ вѣдьмъ и заклинателей), отправился онъ къ этому знахарю. Это былъ человѣкъ, разбитый параличемъ по рукамъ и ногамъ. Какъ только завидѣлъ онъ Гаквирди, тотчасъ же сказалъ ему: «Знаю твою просьбу: съ тобой сдѣлали такую-то продѣлку; но тебѣ можно помочь: ступай только и принеси сюда узелъ изъ стѣны!» при этомъ онъ сказалъ и мѣсто, гдѣ находился узелъ. Когда все это было исполнено, Гаквирди избавился отъ своей болѣзни.

При назначеніи дня свадьбы теперь уже не принимается во вниманіе весеннее равноденствіе, какъ это было нѣкогда въ обычаѣ, по свѣдѣтельству Страбона (lib. 15, pag. 504; Strabo cum comment. Casauboni et versione Latina Xylandri, 1587), но каждому предоставляется свобода справлять свадьбу, когда хочетъ, въ теченіи всего года, за исключеніемъ мѣсяца Рамезана (Ramesan), когда у нихъ постъ, и Ашура (Aschur), когда они празднуютъ погребеніе Госейна, о чемъ было уже помянуто выше. Въ этѣ дни все у нихъ должно быть тихо и печально. Когда свадьба должна уже совершиться, то на канунѣ женихъ посылаетъ невѣстѣ серги, браслеты и другіе наряды, по мѣрѣ своего состоянія, а также кой-что изъ продовольствія, что должно быть изготовлено и предложено въ угощеніе приглашеннымъ гостямъ изъ родственниковъ невѣсты и жениха, въ то вре-

мя, когда надо будетъ уже везти невѣсту. Но невѣста и женихъ на это угощеніе не являются. По окончаніи пирушки, когда уже наступитъ поздній вечеръ, невѣсту сажаютъ на лошадь, мула, или верблюда, и, покрытую краснымъ тафтянымъ капишономъ съ головы до колѣнъ, везутъ въ домъ жениха, въ сопровожденіи гостей невѣсты и со всевозможными потѣхами (играми) впереди. По пріѣздѣ въ домъ жениха, невѣста, съ нѣсколькими женщинами, подругами ея, усаживается въ особой комнатѣ, а мужчины въ другой, и сдѣсь опять приносятся разныя кушанья. Вскорѣ за тѣмъ невѣсту уводятъ въ опочивальню и къ ней впускаютъ жениха, гдѣ онъ впервые только можетъ вдоволь насмотрѣться на невѣсту. Если же, въ надеждѣ получить дѣвицу, онъ найдетъ себя обманутымъ, то можетъ обрѣзать ей носъ и уши и вытолкать ее вонъ отъ себя. Но обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивается только бранью и тѣмъ, что молодая жена съ своими подругами поднимаются и тотчасъ же должны удалиться изъ дома свадьбы. Если же невѣста найдена будетъ дѣвицей, доказательства чего одна старая женщина должна показать друзьямъ и роднѣ жениха, то празднованіе свадьбы во всякомъ веселіи продолжается цѣлые три дня. Вызнавши такимъ образомъ свою невѣсту, женихъ оставляетъ ее въ комнатѣ, и самъ отправляется снова къ своимъ гостямъ, и веселится съ ними. Если случится, что между гостями есть люди ученые, не охотники до попойки, что бываетъ нерѣдко, то этѣ ученые усаживаются вмѣстѣ, особо, имѣютъ при себѣ свои книги, бесѣдуютъ и философствуютъ о разныхъ предматахъ. Это дѣлаютъ они и на другихъ пиршествахъ, которыя посѣщаютъ часто только для того, чтобы побесѣдовать, а не ради веселія, poculum hilaritatis. Стихотворцы (поэты), при такомъ веселіи, тоже обыкновенно подвизаются въ сочиненіи разнаго рода веселыхъ произведеній. Второй и 3-й день свадьбы проводится во всякаго рода забавахъ; между прочимъ: выставляется большое деревянное блюдо, полное плодовъ, и по срединѣ его деревцо со множествомъ вѣтвей, увѣшанныхъ плодами и всякаго рода сластями (конфектами); если кто изъ гостей возметъ что ни будь съ вѣтки украдкой такъ, что женихъ не замѣтитъ этого, того женихъ долженъ чествовать чѣмъ ни будь; если же женихъ замѣтитъ снявшаго что либо съ вѣтки, то неловкій гость за каждую взятую имъ сласть обязанъ дать сто

новыхъ такихъ сластей. Иногда же и хорошихъ друзей своихъ, если они на другой день запоздаютъ и придутъ не въ надлежащее время, подвергаютъ также взысканію другого рода, а именно: въ комнату приносятъ лѣстницу, и виновнаго встягиваютъ на нее ногами вверхъ, такъ что голова и шея его коекакъ лежатъ на полу; за тѣмъ жгутомъ, свитымъ изъ носоваго платка, бьютъ его по обнаженнымъ подошвамъ, или же онъ долженъ откупиться отъ такого наказанія подаркомъ. Я самъ видѣлъ такую шутку однажды, когда, прощаясь при послѣднемъ отъѣздѣ изъ Шамахи съ бывшимъ учителемъ моимъ, Магебъ-Аали (Maheb Aali), долженъ былъ, по его приглашенію, войти въ одинъ домъ, гдѣ я нашелъ его и гдѣ праздновалась какая-то свадьба.

У Персіянъ есть и пляски, въ которыхъ мужчины съ мужчинами пляшутъ другъ противъ друга, по одному, или же разомъ по два человѣка. Женщины такимъ же образомъ отплясываютъ въ своемъ покоѣ, но музыканты не смѣютъ входить къ нимъ, а играютъ передъ запертыми дверьми ихъ покоя.

На другой день свадьбы женихъ идетъ рано утромъ въ купальню, или лѣтомъ въ рѣку, и моется, невѣста же моется на дому. Вечеромъ раздается гостямъ растертое зелье Хина (Chinne), которою Персіяне красятъ руки, какъ замѣчено было выше; передъ каждымъ гостемъ раскладывается бумажный, пестро-расписанный носовой платокъ, и въ него насыпаютъ двѣ ложки хины, и то и другое каждый можетъ взять съ собою домой. Послѣ этого слѣдуютъ свадебные подарки со стороны гостей, отъ каждаго по мѣрѣ его возможности.

Гости, черезъ чуръ уже выпившіе, остаются обыкновенно ночевать въ свадебномъ домѣ; ибо, такъ какъ въ городахъ по ночамъ содержится довольно сильный дозоръ, то никто не смѣетъ шататься на улицахъ въ неприличномъ видѣ и безъ фонаря. Тѣ же изъ гостей, которые въ здравомъ умѣ и безъ стыда могутъ возвратиться домой, даютъ дозору на водку, и просятъ его доставить ихъ въ свое мѣсто.

Упомяну здѣсь мимоходомъ подробнѣе о дозорѣ, по тому что въ Персіи существуетъ весьма похвальный порядокъ на счетъ

ночной стражи, которая постоянно и въ значительномъ числѣ ходитъ вездѣ по улицамъ. Въ Ардебилѣ такую стражу составляютъ сорокъ человѣкъ, которые должны наблюдать, чтобы улицы и дома были безопасны отъ воровъ и разбойниковъ, и если случится какое воровство, то стража эта должна вознаградить потерпѣвшаго. По этому въ Испагани мы хаживали бывало по ночамъ въ совершенной безопасности, часто цѣлыя полмили отъ монастыря до нашего жила, и если иногда сбивались съ дороги, то ночная стража съ свѣтильники провожала насъ до мѣста. Въ Ардебилѣ случилось однажды, что Шахъ Абасъ, желавшій повѣрить бдительность и усердіе этой стражи, былъ захваченъ ею и поведенъ было въ темницу; но когда одинъ изъ стражниковъ узналъ Абаса, то всѣ они упали ему въ ноги, прося прощенія, которое тотъ охотно далъ имъ, сказавъ: «Днемъ я Царь, ночью же правленіе поручается вамъ.»

По окончаніи свадьбы, если случится, что новобрачные должны жить въ домѣ мужниного отца, молодая жена отнюдь не смѣетъ показываться отцу съ открытымъ лицомъ, и даже сказать съ нимъ слово, и только движеніями можетъ давать разумѣть свои мысли; иногда это продолжается цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока отецъ не купитъ у нея рѣчь, что совершается посредствомъ подарка новаго платья, или какой матеріи; послѣ этого она свободно можетъ разговаривать съ нимъ; но все таки не можетъ ходить при немъ съ открытымъ лицемъ и показывать ротъ во время ѣды; по этому надъ ртомъ онѣ привѣшиваютъ привязанный къ ушамъ трехъугольный платокъ, похожій на наши пеленки для новорожденныхъ дѣтей и называемый ими Jaschamah, и подъ этотъ-то платокъ подносятъ въ ротъ кушанье и питье.

Вообще Персіяне держатъ своихъ женъ въ очень замкнутой жизни, не выпускаютъ ихъ ни въ мечеть, ни въ гости, и ни какому мужчинѣ, хоть бы и близкому родственнику мужа, пришедшему въ домъ его, жены не смѣютъ показывать лица своего: онѣ должны сидѣть въ своей комнатѣ, какъ въ темницѣ. По этому у Персіянъ есть поговорка:

Стрлшню, женъ да деньги
Держи каждый въ тайнѣ!

Если женамъ нужно выйти куда ни будь по улицѣ, то онѣ ходятъ покрытыя бѣлымъ покрываломъ, или же богатыхъ возятъ закрытыми въ ящикахъ на верблюдахъ, либо лошадяхъ. Такимъ-то образомъ Персіяне женятся и содержатъ своихъ законныхъ женъ. Но кромѣ того, они берутъ и еще двоякаго рода женъ. Такъ, именно, нѣкоторые берутъ себѣ за деньги (нанимаютъ) жену на извѣстное время, или мѣсяцы, и такихъ женъ называютъ они Миттеге (Mittehè). Такъ дѣлаютъ обыкновенно тѣ изъ Персіянъ, которые должны бываютъ уѣзжать изъ дому въ какое ни будь другое мѣсто и прожить тамъ нѣкоторое время, и которые при томъ не желаютъ посѣщать общественные дома терпимости. Понравится такая жена панявшему, онъ привозитъ ее себѣ въ домъ. По истеченіи договорнаго времени такая жена, получивъ свою плату, можетъ себѣ ити куда хочетъ, или же, по обоюдному согласію, договоръ можетъ быть продолженъ. Третій родъ взятія женъ бываетъ тогда, когда кто купитъ невольницу, которую хозяинъ и можетъ имѣть по своему усмотрѣнію. Такія невольницы обыкновенно похищаются Дагестанскими Татарами у Христіянъ Грузіи и продаются Персіянамъ. Дѣти, которыхъ Персіяне приживаютъ отъ обоихъ послѣдняго рода сожительствъ, также содержатся ими и не устраняются даже отъ участія въ наслѣдствѣ, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣти отъ законнаго (настоящаго) брака пользуются нѣкоторымъ преимуществомъ, когда это выговорено въ брачномъ договорѣ. Во всякомъ же случаѣ ни одни изъ всѣхъ этѣхъ дѣтей не считаются незаконорожденными. Въ этомъ отношеніи Персіяне походятъ на Египтянъ, которые одинаково, даже и тѣхъ дѣтей, которыхъ они приживали отъ служанокъ, или отъ купленныхъ невольницъ, не считали незаконорожденными, но законными, отъ брака рожденными, дѣтьми. Они оправдываютъ это слѣдующими основаніями: «Solum enim patrem, inquit Diodorus Siculus (lib. I, p. 72, edit. Hannoviae, 1604), generationis autorem esse, matremque alimenta tantum et locum infanti praebere arbitrantur. Arbores etiam, quae fructum edunt, mares, sed quae non ferunt, faeminas appellerunt.»

Если женщины сбираются родить, страдаютъ и нескоро разрѣшаются отъ бремени, то родственники, друзья и даже

сосѣди, бѣгутъ въ училище, даютъ тамъ Моллѣ или учителю подарокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тѣхъ учениковъ, которые провинились въ чемъ либо и должны быть наказаны, пощадилъ, или простилъ, и чтобы они были отпущены домой. Персіяне думаютъ, что отъ этого и родильница скорѣе разрѣшится отъ бремени. По той же причинѣ они выпускаютъ на волю бывшихъ у нихъ въ клѣткахъ птицъ, даже покупаютъ ихъ нарочно у птицелововъ и выпускаютъ на свободу. Это дѣлаютъ они и тогда, когда кто ни будь лежитъ при послѣднемъ издыханіи, нескоро умираетъ и не можетъ выздоровѣть. Такой выпускъ на волю птицъ бываетъ и у Русскихъ, во время ихъ говѣнья, въ надеждѣ на то, что Богъ также разрѣшитъ и освободитъ ихъ отъ грѣховъ.

На сколько мужчины предоставляютъ себѣ власть свободно, по желанію своему, обращаться съ женщинами, на столько же, мало, напротивъ, дозволяютъ они своимъ женамъ, изъ одного подозрѣнія въ измѣнѣ, малѣйшую свободу разговаривать съ постороннимъ мужчиной, не говоря уже объ какомъ ни будь обращеніи съ нимъ. И если они что замѣтятъ въ этомъ родѣ, то отнюдь не смотрятъ на это сквозь пальцы, подобно тому, какъ сдѣлалъ это въ Римѣ Гальба, когда онъ принималъ у себя въ гостяхъ Мецената и замѣтилъ, что гостю захотѣлось похлебать съ его женою; онъ сѣлъ за столъ и притворился, что заснулъ, и когда одинъ изъ слугъ его, желая воспользоваться сномъ своего господина, взялъ со стола стаканъ съ виномъ, то онъ не выдержалъ и сказалъ: «Perfide, an nescis me soli Maecenati dormire?» »Вѣроломный, не знаешь развѣ, что я хотѣлъ показаться спящимъ не тебѣ, но Меценату только?» Нѣтъ, въ подобномъ случаѣ Персіяне очень ревнивы и мстительны, и совершенно справедливо то, что говоритъ о нихъ Юстинъ въ этомъ отношеніи: «Non ulla delicta adulterio gravius vindicant.» Приведу сдѣсь только одинъ примѣръ: Въ области Ленкеранъ жилъ одинъ Персіянинъ, по имени Якубъ-Джанъ-Бекъ (Jakub-Tzan-Bek), kurtzi Tir kenan, или Царскій оруженосецъ, носившій за нимъ его лукъ и стрѣлы. Когда о женѣ его появилась недобрая молва и дошла до Шаха Абаса, то Шахъ сказалъ своимъ совѣтникамъ, что объ этомъ нужно увѣдомить бѣднаго мужа съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ домъ

свой, или же онъ не можетъ быть болѣе слугою его. Такой позоръ крѣпко возмутилъ Якубъ-Джанъ-Бека: онъ пошелъ домой и изрубилъ тамъ саблею жену, четырехъ дочерей, двухъ сыновей, и своихъ служанокъ, такъ что всѣхъ жертвъ было 12 человѣкъ, и такимъ образомъ онъ очистилъ свой домъ пролитіемъ такого количества крови для того только, чтобы остаться слугою Шаха. Вообще, Персіяне имѣютъ право, которымъ часто и пользуются на дѣлѣ, если застанутъ жену, оскверняющую съ кѣмъ чистоту брачнаго ложа, умертвить на мѣстѣ саблей обоихъ виновныхъ, и за это мужъ еще получаетъ въ даръ отъ судьи новое платье. Если мужъ въ подобномъ случаѣ не захочетъ, или не можетъ, по чему либо рѣшиться на убійство, то ему предоставляется свобода развестись съ женою.

ГЛАВА XXI.

О разводѣ и новомъ соединеніи мужа и жены въ Персіи и Турціи.

Въ Персіи считается весьма обыкновеннымъ дѣломъ, что, въ слѣдствіе любодѣянія и другихъ уважительныхъ причинъ, мужъ и жена разводятся другъ съ другомъ. Правда, сами по себѣ они не могутъ отказаться одинъ отъ другого и развестись, но, по представленію дѣла Судьѣ, должны быть разведены особымъ, установленнымъ для того, разводнымъ письмомъ. Женѣ и мужу одинаково предоставляется право расторгнуть бракъ и требовать отъ Судьи развода.

Намъ Персіянинъ разсказывалъ, что передъ отъѣздомъ изъ Персіи, въ Ардебилѣ была одна женщина, которая обвиняла мужа своего въ безсиліи (impotentiae), и когда, по этой жалобѣ, Каси спросилъ мужа: «За чѣмъ онъ, знавши за собою такой недостатокъ, женился?» то тотъ отвѣчалъ: «За тѣмъ, чтобъ она чесала мнѣ спину.» На это жена объявила: «Я ужь достаточное время чесала тебѣ спину, но ты никогда еще за это не почесалъ меня.» Другая будто бы жаловалась: «Quod maritus usu membri, ad venerem destinati, relicto, parte viciniori abuteretur.» Оба этѣ брака были расторгнуты,

и въ послѣднемъ мужъ подвергнутъ былъ оскопленію. Когда разводъ сказаннымъ образомъ совершится, каждый изъ супруговъ можетъ снова вступить въ бракъ, когда и гдѣ хочетъ, но только жены могутъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ по истеченіи, со времени развода, 3-хъ мѣсяцевъ и 10-ти дней, частію для того, чтобы обнаружить, не беременна ли она отъ перваго брака, частію же для того, что если имъ опять придетъ охота соединиться, то чтобы не такъ уже скоро представлялся имъ случай къ тому. Но при этомъ у Персіянъ нѣтъ того гнуснаго обычая, который соблюдаютъ Турки, по ученію Ганифе (Hanife). Турки послѣ развода могутъ снова сходиться въ бракъ другъ съ другомъ; но если они трижды разводились, и захотѣли бы снова сойтись въ бракъ въ 4-й разъ; или же, если мужъ сказалъ только (хотя бы даже и въ гнѣвѣ): «Utz katala», т. е., Я уже трижды разводился съ тобою, то такіе супруги допускаются къ новому брачному сожительству другъ съ другомъ не прежде, какъ послѣ того, когда сторонній какой ни будь мужчина, котораго Молла для того нарочно и приводитъ, совокупится съ такою женою, и притомъ, или въ его присутствіи, или же надъ его головою, въ какомъ ни есть верхнемъ покоѣ. Извѣстіе это впервые слышалъ я отъ Персіянъ, а потомъ отъ одного жителя Константинополя, состоящаго нынѣ при нашемъ Дворѣ, а равно и отъ одного хорошаго пріятеля моего, Голландца, который нѣсколько лѣтъ провелъ между Турками, бывши частію въ Константинополѣ, въ качествѣ Секретаря Голландскаго Посольства, частію въ Алеппѣ, въ званіи Повѣреннаго отъ Голландскаго купечества. Обычай этотъ и теперь еще въ ходу у большей части сектъ, которыхъ считается тамъ 62. Нѣкоторые, по извѣстнымъ причинамъ, платятъ даже деньги такимъ временнымъ сожителямъ съ ихъ женами. А есть секты, которыя довольствуются тѣмъ, что исполняютъ этотъ законъ, кладя, для совокупленія съ женами, не способнаго еще къ тому мальчика.

По поводу этого обычая разсказывали слѣдующую былину: Въ Султаніи (въ которой тогда открыто господствовала Турецкая, но втайнѣ многими исповѣдывалась Персидская Вѣра) случилось, что тамошній Султанъ, въ пылу гнѣва, пересилившаго его, употребилъ противъ жены своей: «Utz katala,» заявилъ ей троекратный

съ нею разводъ, и, по Турецкому закону, супруги должны были разстаться. Вскорѣ за тѣмъ Султанъ раскаялся и охотно желалъ бы взять опять жену свою, но только не съ тѣмъ, чтобы прежде другой кто тронулъ ее; по этому онъ велѣлъ спросить своихъ духовныхъ особъ: «Не было ли гдѣ какого другого Имама, который бы разрѣшалъ получить снова жену свою, не тронутую сторонимъ человѣкомъ?» Когда же всѣ Турецкіе Муфти и Священники отвѣчали на это отрицательно, явился одинъ Молла, по имени Гасанъ-Каши, родомъ Персіянинъ, выше уже упомянутый, который въ это время также находился въ Турціи, и заявилъ, что онъ знаетъ одного такого Имама, который разрѣшалъ это. Хотя этого Гасана считали полоумнымъ, за его странныя и часто забавныя, выдумки, тѣмъ не менѣе ему также велѣно было явиться къ Султану. Входя къ Султану, Гасанъ не оставилъ своихъ башмаковъ у дверей, какъ это обыкновенно дѣлается, но, снявши ихъ, держалъ ихъ подъ мышкою, и когда Султанъ спросилъ его: «Что это значитъ? Не думаетъ ли онъ, что его башмаки украдутъ у дверей?» Гасанъ отвѣчалъ: «Нехорошо, чтобы другой кто ни будь надѣлъ башмаки, которые я употребляю.» Этѣмъ онъ хотѣлъ указать на нелѣпость постыднаго обычая съ женами, съ которыми разводятся. «При Магумедѣ случилось,» продолжалъ онъ, «что у Ганифа, когда онъ сидѣлъ у Магумеда, также взяли башмаки, оставленные имъ у дверей.» Присутствовавшіе при этомъ Духовные начали смѣяться надъ Гасаномъ и сказали: «Вотъ и видна глупость Гасана! Если онъ не имѣетъ лучшаго доказательства для оспориваемаго имъ дѣла, кромѣ приведеннаго имъ, то онъ плохо доказываетъ; ибо Ганифе жилъ не при Магумедѣ, но гораздо позднѣе его.» На это Гасанъ-Каши возразилъ: «Если ни Ганифе и никто изъ васъ не жилъ при Магумедѣ, то откуда взяли вы такой гнусный законъ? Такъ какъ его никто не слыхалъ изъ устъ Магумеда, и его не найдете вы также и въ Алкоранѣ, то, слѣдовательно, законъ этотъ чистая ложь.» Онъ сослался за тѣмъ на толкованіе Алкорана, сдѣланное Садукомъ (бывшимъ учителемъ Ганифе), и доказалъ имъ, что мужъ имѣетъ полную власть, смотря по проступку жены своей, бранить ее всячески, угрожать ей, а при случаѣ даже и бить, и жена все таки должна оставаться при немъ. Это объясненіе Гасана очень понравилось Султану, и ему возвращена была супруга

его, ни кѣмъ не тронутая. Въ слѣдъ за тѣмъ Султанъ со всѣмъ городомъ принялъ Персидскую Вѣру, а Турецкихъ духовныхъ частію перебилъ, частію изгналъ вонъ изъ города.

Персіяне разсказываютъ и другой примѣръ, случившійся въ Константинополѣ. Турецкій Императоръ, Солиманъ, разгнѣвался однажды на свою супругу, и въ припадкѣ бѣшенства заявилъ противъ нея: «Utztala» (Utz katala). Но такъ какъ супруга была чрезвычайно красивая женщина, и Императоръ пожелалъ снова взять ее, то Каси (Kassi) поручено было привести Дервиша или монаха, называемаго у Турокъ Derwisrastkeli, въ которомъ нельзя было бы предполагать возможности плотскаго пожеланія. Монаха этого одѣли въ прекрасную одежду и по обряду отверженную супругу довѣрчиво уложили съ нимъ (Такое солежаніе совершается обыкновенно съ извѣстною обрядностію, какъ бы то было настоящее бракосочетаніе; иначе это было бы любодѣяніемъ. Послѣ такого солежанія временный мужъ долженъ также развестись съ временною женою, для того, чтобы прежній мужъ могъ снова взять ее себѣ). Но монаху понравилась супруга Императора, а монахъ ей, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ прежній супругъ; по этому они согласились и объявили, что не хотятъ разлучаться, а по закону ихъ силою ихъ также развести было не возможно. Устроившись такъ, они уѣхали потомъ въ Персію, гдѣ бывшая супруга Императора, обладая большимъ богатствомъ, сдѣлала изъ монаха знатнаго Вельможу. Такимъ образомъ Султанъ долженъ былъ лититься своей супруги.

ГЛАВА XXII.

О воспитаніи дѣтей и училищахъ ихъ.

Такъ какъ Персіяне берутъ по нѣскольку женъ, то у нихъ много и дѣтей, и у инаго отца бываетъ по 20, 30 и болѣе дѣтей. Но теперь они воспитываютъ ихъ не такъ, какъ въ древности, когда держали ихъ въ заперти, оставляли на первые года на попеченіе прислужницъ и въ продолженіи извѣстнаго времени

они не должны были показываться на глаза отцу. Страбонъ говоритъ (lib. 15, p. 504), что они не являлись на глаза отца ранѣе четырехъ лѣтъ; Геродотъ (lib. 1, c. 136) ранѣе 5; Валерій же Максимъ (lib. 3, c. 6) ранѣе 7 лѣтъ. И Геродотъ хвалитъ такой родъ воспитанія дѣтей; ибо, если случится, что они въ продолженіи этого времени умрутъ, то отцы не очень болѣютъ о томъ сердцемъ, такъ какъ они привыкли уже къ отсутствію ихъ.

Точно также теперь уже не такъ ревностно обучаютъ ихъ стрѣлянію изъ лука и верховой ѣздѣ, и только что выучатся они читать и писать, какъ пріучаютъ ихъ къ какой ни будь работѣ, или же оставляютъ ихъ при письмѣ и занятіи науками. Рѣдко найдется Персіянинъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, который не умѣлъ бы читать и писать; ибо вообще дѣти посѣщаютъ тамъ училища съ весьма ранняго возраста. Ихъ мечети, (Meszіden) или храмы, въ которыхъ они молятся, суть въ то же время и училища ихъ, и въ каждомъ городѣ столько же училищъ, сколько улицъ; ибо каждая улица должна имѣть и содержать свою собственную мечеть (Mestzid), и въ каждомъ училищѣ состоитъ одинъ главный Молла или учитель, и одинъ Калифа (Califa), сотрудникъ Моллы (помощникъ, Collaborator) и замѣняющій его. Учитель сидитъ въ серединѣ, а мальчики вокругъ него, по стѣнамъ. Чтеніе ученики, какъ только выучатъ склады, должны начинать съ Алкорана, изъ котораго въ началѣ берутся только нѣкоторыя главы, а потомъ предлагается и излагается имъ и весь Алкоранъ. Послѣ Алкорана имъ даютъ Шихъ-Саади Кюлустанъ или Долину Розъ, и его же Бустанъ (Bustan) или Вертоградъ, наконецъ проходятъ Гафиса (Hafis), который также, какъ и Bustan, писанъ стихами. Стихи послѣдняго писателя считаются чистѣйшими и изящнѣйшими образцами Персидскаго языка; ибо полагаютъ, что это есть языкъ Шираса (или древняго Персеполя), который почитается матерью Персидскаго языка. Они читаютъ всѣ въ одно время довольно громко, одинъ и тотъ же текстъ, и покачиваются со стороны на сторону, будто тростникъ, колеблемый вѣтромъ; подобное покачиваніе видѣли мы въ Ардебилѣ, въ гробницѣ Шихъ-Сефи. Пишутъ Персіяне, въ школахъ и гдѣ бы то ни было, большіе и малые, всѣ держа бумагу на колѣняхъ. Бумага ихъ дѣлается, подобно нашей изъ полотня-

наго тряпья, у нихъ изъ тряпья бумажной матеріи, а иногда, если хотятъ сдѣлать потоньше и лучше, изъ шелковаго. Они выглаживаютъ ее камнемъ, которымъ трутъ краски, или гладкою раковиною, и дѣлаютъ ее такъ чисто, что на ней нѣтъ ни морщинки, ни волоска и на ощупь точно выполированная доска.

Чернила изготовляютъ они изъ гранатовой кожицы, а также изъ чернильныхъ орѣховъ и купоросу; для того же, чтобъ онѣ были гуще и удобнѣе для изображенія ихъ буквъ, которыя вообще состоятъ изъ широкихъ чертъ, они поджариваютъ, или поджигаютъ, рисъ, тоже ячмень, трутъ его въ мелкій порошокъ, и изъ всего этого дѣлаютъ твердую массу (тѣсто). Лучшія чернила, изготовленныя уже такимъ образомъ, привозятся изъ Индіи, въ твердыхъ кусочкахъ, длиною въ палецъ. Когда нужно употреблять чернила, то этѣ кусочки растираютъ съ древеснымъ клеемъ (въ жидкомъ состояніи?) и мѣшаютъ ихъ съ шелковымъ волокномъ (сырцемъ, составляющимъ верхнюю оболочку кокона шелковичнаго червя), изъ котораго и выжимаютъ чернильную влагу перомъ. Перья у нихъ берутся не изъ гусинаго крыла, какъ у насъ, а дѣлаются изъ тростника, или камыша, который срѣзывается нѣсколько толще нашихъ перьевъ; на видъ онѣ темноватаго цвѣта и привозятся частію изъ Шираса, частію же съ Аравійскаго залива, гдѣ растутъ въ изобиліи.

Провинившихся чѣмъ либо мальчиковъ не сѣкутъ тамъ, какъ у насъ, розгами по задницѣ, но бьютъ палками. Я видѣлъ однажды, какъ два мальчика связали ноги одного провинившагося и держали ихъ на шестѣ, а Молла наносилъ по голымъ подошвамъ его палкою довольно сильные удары. Подобнымъ же образомъ виновнымъ связываютъ иногда руки и бьютъ палкой по ладонямъ до того, что кровь выступаетъ изъ ногтей. Также, если испорченность права и проступокъ уже слишкомъ велики, и мальчика обуздать иначе нельзя, то рѣжутъ на подошвахъ у него кожу и въ нарѣзы посыпаютъ солью. Такъ какъ дѣти Персіянъ имѣютъ довольно грубую и упорную природу, и не очень то боятся обыкновенныхъ наказаній, то по этому съ ними и обращаются такъ жестоко.

ГЛАВА XXIII.

Объ языкѣ и письмѣ (буквахъ) Персіянъ.

Персіяне имѣютъ свой собственный языкъ, имѣющій большое сродство съ Арабскимъ, и малое съ Турецкимъ. Въ ихъ языкѣ есть также множество словъ, частію совершенно Нѣмецкихъ, частію же до того похожихъ на слова Нѣмецкаго языка, какъ будто онѣ заимствованы оттуда; упомяну здѣсь нѣсколько изъ такихъ словъ, на примѣръ:

برادر—Brader—Bruder—братъ; دختر—Dochter—Tochter—дочь;
بربر—Berber—Barbier—брадобрѣй; لب—Leb—Lippe—губы;
کل—Kal—Kahl—лысый, голый; ستاره Starch—Stern—звѣзда;
نام—Nahm—Namm—имя; نو—Nau—Neu—новый;
دند—Bend—Band—узелъ; بهتر—Beheter—Besser, по Саксонски Bether—лучше; در Der—Thür, по Саксонски Döhr—дверь;
پستر—Buster,—Polster, по Саксонски Pust—подушка.

По этому-то нѣкоторые изъ новыхъ писателей того мнѣнія, что Персидскій языкъ имѣетъ большое сродство съ Древне-Нѣмецкимъ.

Маркъ Зуэрій Боксгорнъ (Marcus Zuerius Boxhornius), знаменитый Лейденскій Профессоръ, въ посланіи своемъ къ Николаю Бланкарду (Blanckardum), помѣщенномъ при изданіи объясненій его о Курціи, пишетъ слѣдующее: «Doctissimi aetatis nostrae homines censuere, Persicam linguam haud multum a Germana diversam: in quorum castra ego quoque viveri victus concedo. Quippe cum Persas ex Scythis ortos esse veterum etiam testimoniis abunde constet, neque alios majores Germani nostri agnoscant, aut agnoscere debeant, quam Scythas, cognatum quoque, et si dialectum, aut paulo diversam pronunciandi rationem exceperis, eundem harum gentium sermonem esse, necesse est.» То есть: Есть много ученыхъ мужей въ наше время, которые держатся мнѣнія, будто Персидскій языкъ не очень-то далекъ отъ Нѣмецкаго, съ чѣмъ и я долженъ согласиться, убѣдясь въ справедливости такого мнѣнія. Поелику изъ древнихъ исторій извѣстно, что Персіяне имѣютъ свое происхо-

жденіе отъ Скиѳовъ, а Нѣмцы также не могутъ выводить своего происхожденія ни отъ какого другого народа, какъ только отъ Скиѳовъ же, то и нѣтъ ни чего ошибочнаго въ заключеніи, что языки этѣхъ народовъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ нарѣчной разности въ произношеніи.

Но, какъ я выше замѣтилъ о Гренландскомъ языкѣ, что въ немъ есть много словъ, сходныхъ съ Латинскими и Греческими, то тоже самое встрѣчается и сдѣсь. Съ Латинскими весьма сходны, на примѣръ, слѣдующія Персидскія слова:

پادر—Pader—Pateer—отецъ; مادر—Mader—Mater—мать;
موش—Musch—Mus—мышь; دند—Dend—Dens—зубъ;
قلم—Calem—Calamus—тростникъ; نه Ne—Ne—не;
یوغ—Jug—Jugum—ярмо; تو—Tu—Tu—ты;
دو—Du—Duo—два; نو—No—Novem—девять;
ده—De—Decem—десять; پاره—Pare—Pars—часть.

Но что Геродотъ пишетъ (lib. 1, pag. 59), будьто Персидскія имена всѣ оканчиваются на s (ς) или ss, то этого нѣтъ; а что онъ далѣе говоритъ: «Omnia nomina claudi,» то это можетъ быть; ибо большая часть именъ имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, или суть gravitona.

Что касается до изученія языка, говоритъ Брисонъ, то Греки полагали, что усвоить его было бы очень трудно; что особенно трудное въ немъ, это гортанное произношеніе. Совершенно иначе думаю и говорю я, съ Іоанномъ Граве, въ его Персидской Грамматикѣ (стр. 89), а именно, что изъ Восточныхъ языковъ нѣтъ ни какого другого, который бы требовалъ наименѣе правилъ, какъ Персидскій языкъ; ибо въ немъ весьма не много anomala, то есть, словъ и реченій, уклоняющихся отъ общихъ свойствъ и нашихъ Европейскихъ языковъ. Ѳемистоклъ, Греческій полководецъ, бывши уже въ лѣтахъ, принужденный бѣжать изъ Греціи и передаться Персидскому Царю, Ксерксу, для того, чтобы полюбиться болѣе послѣднему, выучился же, вѣдь, въ одинъ годъ Персидскому языку, какъ свѣдѣтельствуютъ это Діодоръ Сицилійскій, въ кн. II, стр. 41 (Hannoviae, 1604), и Квинтиліанъ, кн. II, глава 2, стр. 174 (Institut.

oratoriae. Basileae, 1529). И Алькивіядъ, прожившій только весьма короткое время у Перса Фарнабаза, усвоилъ же себѣ Персидскій языкъ, какъ это видно изъ Атенея (Athenaeus, cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), книга 12, стр. 535.

Въ настоящее время Персіяне весьма стараются говорить не только на своемъ родномъ языкѣ, но и по Турецки, особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя часто проходимы были Турками и состояли даже подъ ихъ владычествомъ, а именно: въ Ширванѣ, Адирбейджанѣ, Еракѣ, Багдадѣ и Ерванѣ. Въ этѣхъ мѣстахъ дѣти воспитываются даже болѣе на Турецкомъ языкѣ. Особенно съ великою охотою говорятъ по Турецки тѣ, которые состоятъ при Шахскомъ Дворѣ въ Испагани, и отъ нихъ рѣдко услышишь Персидское слово. Точно такъ, какъ при Персидскомъ Дворѣ любимый языкъ Турецкій, такъ при Турецкомъ любимый языкъ Славянскій (Slavonische), при Индійскомъ Персидскій. Въ области же Фарсъ (которая издревле была настоящею Персіей и въ которой нынѣ главный городъ Ширасъ) говорятъ исключительно и чисто по Персидски.

О трехъ главныхъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, Персіяне ни чего даже и не знаютъ, и языки этѣ тамъ не употребляются, а вмѣсто ихъ въ ходу Арабскій, который у Персіянъ имѣетъ такое же значеніе, какъ у насъ Латинскій, и религіозныя сочиненія ихъ и свободныя искуства пишутся большею частію на Арабскомъ языкѣ.

Что касается до письма, то Персіяне въ древнія времена имѣли собственныя свои буквы (Characteres) и азбуку. Но послѣ введенія въ Персіи ученія Магумеда и Алкорана, писаннаго на Арабскомъ языкѣ, Персіяне взяли Арабскую азбуку и письмо, которыя они и употребляютъ теперь, какъ свои собственныя. [1]

---

[1] Въ подлинникѣ, стр. 617, приводится за симъ начертаніе чиселъ Индѣйскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ до 1000, также начертаніе и произношеніе буквъ языковъ: Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго. Приложеніе ихъ здѣсь въ переводѣ сочли мы излишнимъ. Перев.

ГЛАВА XXIV.

Объ Академіяхъ и свободныхъ искуствахъ Персіянъ.

Хотя въ Персіи не такъ много, какъ въ Германіи, людей, основательно изучающихъ свободныя искуства, тѣмъ не менѣе Персіяне весьма уважаютъ оныя, равно какъ и людей, въ нихъ свѣдущихъ; они называютъ такихъ людей Филосуфъ (Filosuf), философами. Для обученія искуствамъ тамъ и сямъ существуютъ Гимназіи и Академіи, называемыя у нихъ Медреса (Medressa), и въ нихъ учители (Praeceptores) Мединсъ (Mederis), какъ о томъ уже выше сказано. Важнѣйшія суть: въ Испагани, Ширасѣ, Ардебилѣ, Мешедѣ, Таврисѣ, Касвинѣ, Комѣ, Естѣ и Шамахѣ, которымъ всѣмъ главный ихъ духовный начальникъ долженъ доставить содержаніе. Доходы на это содержаніе онъ собираетъ съ тѣхъ областей, которыя свободны отъ податей и другихъ повинностей и поборовъ, взимаемыхъ Шахомъ, а именно: съ области Кохджегъ (Kochtzeh), лежащей при Ерванѣ, съ Уджаджджукъ (Utzatztzuk), у Карабаха, съ Табахмеликъ, находящейся между Грузіей и Карабахомъ, а также съ земель Агдашъ и Кермеру.

Науки и свободныя искуства, которыми они занимаются и которымъ обучаютъ, суть: Ариѳметика, Геометрія, Ораторское Искуство, Поэзія, Физика, Ѳоика, Астрономія, Астрологія, Законовѣдѣніе и Врачебное Искуство. У нихъ есть вся философія Аристотеля, писанная на Арабскомъ языкѣ, и они называютъ ее Дуня піала (Dunja piala), Poculum mundi, кубокъ міра или чаша, на томъ основаніи, что какъ кубокъ, служащій на пользу и удовольствіе, если уже черезъ чуръ употреблять его, можетъ послужить и во вредъ человѣку, такъ точно, думаютъ они, и философія или любомудріе, можетъ быть употребляема съ пользою и злоупотребляема. Ибо, говорятъ, вино и философія увлекаютъ, и если черезъ чуръ хватить этѣхъ двухъ напитковъ, то придешь къ одинаковой глупости.

Въ общихъ школахъ Ариѳметика преподается ученикамъ тотчасъ за тѣмъ, какъ скоро они выучатся уже читать и писать.

У нихъ въ ходу, особенно у простого народа, Индійскія числа, у ученыхъ же Арабскія; тѣ и другія изображены выше, вмѣстѣ съ азбукою. *

Краснорѣчіе (Oratoriam) они излагаютъ въ краткихъ правилахъ (praecepta), равно какъ и Поэзію; для практики ихъ читаютъ вмѣстѣ; ибо ораторскія, равно какъ и нѣкоторыя историческія, ихъ сочиненія украшены стихами, которые содержатъ въ себѣ тонкое нравоученіе и богатыя мыслями поговорки или изреченія. По изяществу языка, Персіяне весьма охотно и прежде всего читаютъ Külustan высоко-прославленнаго во всемъ Востокѣ поэта Шихъ-Саади, котораго въ прошломъ году я издалъ на Верхне-Нѣмецкомъ языкѣ, съ примѣчаніями и изображеніями, рѣзанными на мѣди. Ибо поэтъ этотъ, вмѣстѣ съ изящнымъ слогомъ краснорѣчія, приводитъ и множество мудрыхъ Государственныхъ правилъ, изложенныхъ стихами, и въ Персіи нѣтъ человѣка, умѣющаго читать и писать, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ этой книги; а кто хочетъ быть хоть не много ученѣе и поважнѣе, у того эта книга и въ головѣ, какъ это достаточно и съ удовольствіемъ можно замѣтить на ихъ пирахъ, во всякаго рода обращеніи ихъ другъ съ другомъ и въ разговорахъ; ибо при этомъ обыкновенно приводится стихотвореніе, содержащее въ себѣ какую ни будь вызывающую на размышленіе поговорку, или сравненіе. Сверхъ того, Персіяне охотно читаютъ исторію, особенно о жизни и смерти Алія, и о сынѣ его, Госеинѣ, какъ погибъ этотъ послѣдній въ войнѣ, которую велъ противъ Есида. Всѣ этѣ книги писаны ораторскимъ слогомъ (oratorio stylo). Кромѣ этѣхъ, у Персіянъ есть и другія, духовныя и свѣтскія, историческія книги и лѣтописи (Chroniken), повѣствующія объ ихъ Царяхъ, войнахъ и правленіяхъ, о дѣяніяхъ витязей чужеземныхъ и о разныхъ иныхъ событіяхъ; таковы, на примѣръ: твореніе Мирконда (Mirchond), Энвери (Enweri), Джами (Tzami), Валеги (Walchi), Нусегри (Nussegri) и многія другія; но между всѣми этѣми писателями превосходнѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ считается Миркондъ, написавшій изящнымъ

* Въ переводѣ они опущены, какъ замѣчено выше. Перев.

языкомъ Персидскую лѣтопись, во множествѣ томовъ, которые стоятъ 200 и болѣе рейхсталеровъ, и нѣсколько частей которой находится, вмѣстѣ съ другими превосходными Персидскими, Турецкими и Арабскими сочиненіями, въ библіотекѣ Господина Якова Голія, Профессора Восточныхъ языковъ и Математики въ Лейденѣ и большаго моего пріятеля. Но надо знать, что исторической правдѣ Персіянъ (fidei historicae Persarum), или Персіянамъ, въ описаніи ихъ событій, въ особенности въ томъ, что касается ихъ Вѣры и Святыхъ, не слишкомъ-то много слѣдуетъ вѣрить: они наполняютъ иногда истинныя событія множествомъ придатковъ и часто пользуются вольностію поэтовъ и живописцевъ для того, чтобы сообщить особое значеніе какому ни будь обстоятельству и возбудить удивленіе. Ради забавы я хочу сдѣлать здѣсь отступленіе и привести баснословное повѣствованіе объ Александрѣ Великомъ, какъ оно у нихъ написано, хотя разумѣется, изъ пространнаго описанія ихъ я представлю только самое краткое извлеченіе.

ГЛАВА XXV.

Сказаніе объ Александрѣ, по описанію одного Персіянина и о двухъ братьяхъ Хиддеръ и Элліасъ.

Отечество Александра (называемаго Искандеръ) есть Юнанъ (Junahn), * т. е., Грецiя; отецъ былъ Бетлимъ (Betlimus), а мать дочь Царя Джимшида (Tzimschid), сына Кейкобата (Keikobath). Джимшидъ, весьма мудрый Царь, жилъ 700 лѣтъ и изобрѣлъ стрѣльбу изъ лука, сѣданье лошадей и кованіе подковами, рисовальное, искуство, дѣланіе палатокъ и приготовленіе вина. Александръ же порученъ былъ Аристотелю, для наученія отъ него мудрости, и онъ такъ крѣпко привязался къ своему учителю, что не хотѣлъ даже оставить его и въ первыя войны свои, гдѣ часто пользовался его совѣтами. Однажды Александръ спросилъ своего учителя, кому въ

---

* Іонія. О. Б.

древности принадлежала Грецiя, и когда онъ узналъ при этомъ, что ею обладалъ нѣкогда дѣдъ его по матери, то онъ удивился, какъ это онъ такъ низко палъ, что ни чѣмъ еще не владѣетъ. Въ то время ему едва исполнилось 15 лѣтъ. Вскорѣ послѣ этого отправился онъ съ своимъ учителемъ въ Стамбулъ (Stambul) или Константинополь, предложилъ тамъ, черезъ Аристотеля, Царю свои услуги повоевать, и такъ какъ Аристотель ловко расхвалилъ ученика своего за всѣ его доблести, то Царь послалъ его съ войскомъ въ Египетъ, который, равно какъ и лежащія около страны и города, Александръ счастливо и скоро завоевалъ. Потомъ онъ отправился въ Геббесъ (Hebbes), гдѣ Геббесцы оказали сильное сопротивленiе и воевали противъ него на слонахъ. Такъ какъ Александръ мало причинилъ имъ вреда своими стрѣлами, то, по совѣту Аристотеля, онъ употребилъ хитрость: разбросалъ между слонами непрiятеля зажженный сухой тростникъ, наполненный нефтью (Oleum Petrol.), отъ чего слоны, не могущiе выносить огня, взбѣсились, кинулись другъ на друга и на своихъ хозяевъ и, такимъ образомъ, Геббесцы были побѣждены и покорились Александру.

Послѣ этого онъ отправился въ Сенгебаръ (Sengebar), жители котораго имѣютъ огромныя отвислыя губы и длинные зубы, и такъ какъ Царь ихъ укрылся съ знатнѣйшими людьми въ одной башнѣ, то Александръ хотѣлъ было, во что бы то ни стало, овладѣть этой башней, но Аристотель отсовѣтовалъ это, поставивъ ему на видъ, что если онъ овладѣетъ только городомъ, который былъ какъ бы корнемъ той башни, то, обрѣзавъ этотъ корень, дерево непремѣнно падетъ само собою. Отсюда онъ направился въ Емень (Jemen), взялъ Аравiю, потомъ Алеппо, Эрзерумъ, Діарбекъ, за тѣмъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Тигру въ Моселъ (Mosel, Мосулъ), опять внизъ въ Грузiю, все покорилъ себѣ на пути своемъ, и прибылъ наконецъ къ Ирану, въ Берде, гдѣ царствовала вдовствующая Царица, по имени Мелькегатунъ (Melkehatun). Эта Царица употребила значительныя издержки на то, что разсылала живописцевъ и портретистовъ, которые снимали портреты со многихъ государей, богатырей и, между прочимъ, принесли ей также и портретъ Александра. По этому, когда Александръ явился теперь къ ней подъ видомъ Посланника отъ Александра, то

она тотчасъ же узнала его по портрету, и пригласила его сѣсть за столъ откушать съ нею. Но на приготовленномъ столѣ, вмѣсто кушаній, разставлены были на большихъ блюдахъ только одно чистое серебро, золото и драгоцѣнные каменья. Когда же Александръ сказалъ, что этѣмъ нельзя насытить желудка и утолить голодъ, она отвѣчала: «Ради этѣхъ-то вещей, ты, Александръ, хочешь опустошить столько земель, которыя приносятъ богатую жатву и могутъ служить продовольствію людей. Если бъ ты имѣлъ сокровища цѣлаго свѣта, а не имѣлъ бы хлѣба, то ты не могъ бы поддержать свою жизнь. Смотри, я отдаю тебѣ все этѣ сокровища, но пощади только страну мою, чтобы земледѣліе въ ней не потерпѣло и осталось нетронутымъ.» Эта разумная рѣчь такъ понравилась Александру, что онъ оставилъ ей все, пощадилъ страну ея и мирно отступилъ изъ ея предѣловъ. Имя этой Царицы славно и понынѣ, за ея благое управленіе. Такъ какъ она была очень богата, то она не наказывала преступниковъ взысканіемъ съ нихъ денегъ, а заставляла ихъ рыть и складывать изъ камня могилы, для погребенія въ нихъ людей неимущихъ. Такія могилы и теперь еще попадаются тамъ и сямъ близъ Нахтджуана (Nachtzuan, Нахичевани). За тѣмъ Александръ отправился въ Ширванъ, построилъ городъ Дербентъ, вмѣстѣ съ длинною каменною стѣной черезъ вершины горъ до Чернаго моря, и на каждой мили поставилъ сторожевую башню, для наблюденія и защиты противъ вторженія Татаръ. Послѣ этого онъ прошелъ всю Персію, покоряя область за областью, и наконецъ устремился на Царя Дарія. Дарій находился въ то время въ Кирманѣ съ двумя стами тысячъ войска, на которое и двинулся Александръ; но въ первыя три сраженія, которыя даны были двумя враждебными сторонами, Дарій остался побѣдителемъ. Только въ 4-ю битву, когда Александръ велѣлъ вырыть множество ямъ и прикрыть ихъ, войско Дарія попадало во множествѣ въ этѣ ямы, отъ чего и проиграло сраженіе, и самъ Дарій захваченъ былъ въ плѣнъ. За тѣмъ Александръ отправился въ Хорасанъ, проникъ до Индіи, покоривъ своей власти на пути всѣ земли, и по просьбѣ Индійцевъ, противъ Пигмеевъ или Карловъ построилъ между горами желѣзную изгородь (Stacket, плетень, палисадъ), которая и должна была остаться до самаго Страшнаго Суда. Послѣ этого онъ усмиряетъ Узбековъ и снова

возвращается въ Геббесъ, для приведенія вторично къ повиновенію возмутившихся было тамъ жителей.

Покоривъ столькихъ Царей и захвативъ ихъ въ плѣнъ, Александръ написалъ къ Аристотелю, который въ то время при немъ не находился, не полезно ли будетъ всѣхъ тѣхъ Царей предать смерти? Когда же Аристотель отсовѣтовалъ ему это, поставляя на видъ, что въ такомъ случаѣ дѣти Царей явились бы мстителями, Аристотель отпустилъ ихъ всѣхъ на волю, кромѣ Дарія, котораго онъ приказалъ отравить ядомъ.

Послѣ этого Алехсандръ предпринялъ путешествіе къ горѣ Кефъ (Keff), въ одно мѣсто, гдѣ, въ горномъ хребтѣ, находилась громадная и широкая пещера или бездна, называемая ими Суллематъ (Sullemath), въ которой царилъ непроницаемый мракъ, и гдѣ въ глубинѣ этой бездны текла вода безсмертія; сюда-то проникнуть пожелалъ Александръ. Но полагая, что ему трудно было бы найти оттуда обратную дорогу изъ бездны или пещеры, Александръ сказалъ: «Если бъ при мнѣ былъ какой ни будь разумный старецъ, который могъ бы посовѣтовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ.» Ибо предъ симъ Александръ удалилъ отъ себя всѣхъ пожилыхъ людей, заселилъ ими Дербентъ и другія мѣста, при себѣ же удержалъ одинъ только молодой народъ. Въ числѣ этѣхъ молодыхъ были при немъ два брата Хиддеръ и Элліасъ (Chidder и Ellias, Илія), которые, по сыновней привязанности своей, возили тайно съ собою старика отца своего. Этотъ-то старикъ далъ Александру такой совѣтъ, чтобы онъ поѣхалъ на кобылицѣ, а жеребенка ея привязалъ бы у входа въ пещеру, тогда кобылица сама собою найдетъ обрытный изъ пещеры выходъ, что Александръ и исполнилъ. Съ собою въ путь онъ взялъ однихъ только сказанныхъ двухъ братьевъ, весь же остальной народъ отпустилъ обратно домой. Проѣхавши нѣсколько времени, путники наши прибыли къ воротамъ, у которыхъ перекладина (порогъ) ярко блистала, и сдѣсь они увидѣли птицу, привязанную (пригвожденную) къ воротамъ. Птица эта спросила, чего хочетъ Александръ? Александръ отвѣчалъ, что онъ ищетъ воду безсмертія. За тѣмъ птица снова спросила: «Какъ поживаютъ на свѣтѣ?»—«Довольно плохо,» отвѣчалъ Александръ: «вездѣ въ ходу всевозможные поро-

ки.» Послѣ этого птица оторвалась и улетѣла; Александръ же отворилъ толчкомъ дверь и увидѣлъ внутри сидящаго Ангела, держащаго въ рукѣ трубу въ такомъ положеніи, какъ бы готовясь сей часъ же затрубить на ней. Александръ спросилъ его: «Кто онъ такой?» и Ангелъ отвѣчалъ: «Я Рафаилъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ, когда Богъ дастъ мнѣ повелѣніе возвѣстить трубою умершимъ послѣдній день суда. Ты же кто?» «Я—Александръ,» отвѣчалъ тотъ, «и ищу воду безсмертія.» На это Ангелъ подалъ ему камень и сказалъ: «Ступай, отыщи другой камень, который по вѣсу равнялся бы этому камню; тогда ты найдешь, чего ищешь.»—«А долго ли еще проживу я?» спросилъ Александръ.—«Ты умрешь не прежде,» отвѣтствовалъ Ангелъ, «какъ земля и небо около тебя обратятся въ желѣзо (нѣкоторые пишутъ: въ серебро и золото).» Александръ вышелъ вонъ, и сколько ни искалъ, не нашелъ ни одного камня, равнаго вѣсомъ данному Ангеломъ, въ слѣдствіе чего онъ подсыпалъ на одну чашу вѣсовъ нѣсколько земли, и тогда обѣ чаши установились ровно. Это означало, что Александръ только тогда сдѣлается безсмертнымъ, когда будетъ погребенъ. И когда послѣ этого Александръ упалъ однажды съ лошади въ пустынѣ Kur (или Ghur), и, по причинѣ великаго зноя, плотно полившаго его и отъ земли и сверху съ неба, его положили не прямо на землю, но подложивъ подъ него его броню, а щитъ его держали надъ нимъ (другіе же говорятъ, что для этого употреблены были его кафтанъ, шитый золотомъ и серебромъ, и серебреный, обитый золотомъ, щитъ): тогда только впервые понялъ Александръ, на что намекало предсказаніе Ангела объ его смерти, и что теперь-то пришла смерть его. Вскорѣ за тѣмъ и умеръ Александръ. Тѣло его принесено было въ Грецію.

На такой конецъ Александра намекаетъ и Шихъ-Саади въ своемъ Кюлустанѣ, въ 3-ей книгѣ, въ главѣ 21-й. Также и о водѣ безсмертія въ 19-й главѣ 1-й и въ 20-й главѣ 2-й книги, гдѣ онъ касается этого такимъ образомъ:

Если черная туча изольетъ на тебя горе, не печалься:
Рѣка жизни также течетъ изъ мрака.

Кто не знаетъ изложеннаго выше, Персидскаго сказанія, для того непонятно будетъ и приведенное сейчасъ мѣсто изъ Кюлустана.

О двухъ братьяхъ Хиддерѣ и Иліи которыхъ Александръ бралъ съ собою въ пещеру, я долженъ добавить, что они напились изъ рѣки (источника) жизни, въ слѣдствіе чего живутъ и понынѣ, но только невидимо на свѣтѣ, Илія на сушѣ, а Хиддеръ въ водѣ. Но этому, если кто подвергается на водѣ какой либо опасности и сдѣлаетъ крѣпкое воззваніе: «Ja Chidder Nebbi!,» и при этомъ будетъ твердо увѣренъ, что Хиддеръ поможетъ ему, жизнь того будетъ спасена. По тому тѣ, которые испытали на водѣ бѣду, призывали этого пророка, и спаслись, приписываютъ помощь въ этомъ Хиддеру и ежегодно потомъ, по сдѣланному ими обѣту, совершаютъ въ честь его жертву, что обыкновенно дѣлается у нихъ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Для этого они сзываютъ вмѣстѣ нѣсколько добрыхъ друзей, мужчинъ и женщинъ, ночью, разсказываютъ о своей опасности и спасеніи, и благодарятъ Небби (Nebbi). За тѣмъ садятся на полъ, мужчины и женщины особо, и угощаются отлично, но безъ вина. Для самаго Небби, въ особой комнатѣ, также выставляется нѣсколько блюдъ со всякими плодами и варенъями (конфектами), а посреди деревянное блюдо, полное муки изъ бѣлаго гороху, которая утыкана горящими восковыми свѣчами, и выставивъ все это уходятъ, говоря: «Хиддеръ Небби! Если жертва эта пріятна тебѣ, то дай знать о себѣ!» Если на другое утро на мукѣ окажется слѣдъ руки, ноги, или иной какой знакъ, то жертвоприносители радуются, сходятся и на другой день и веселятся. Но часто въ комнату эту пробираются тайкомъ женщины, дѣлаютъ рукой знакъ на мукѣ и говорятъ, что это сдѣлалъ пророкъ, собственно для того только, чтобы продолжить веселье.

Праздникъ этотъ празднуютъ и Армянскіе Христіяне: онъ называется у нихъ Насера (Nassera), и сопровождается питьемъ вина, чего Персіяне не дѣлаютъ.

Во время отправленія этого праздника, разсказывали мнѣ, случилось однажды въ Ардебилѣ, что одна молодая хозяйка запрятала при такомъ веселіи, въ той комнатѣ, гдѣ стояла жертва пророку, одного молодаго гостя, и по временамъ входила туда къ нему и уходила. У нея былъ 4-лѣтній сынокъ, который нечаянно также забрелъ въ ту комнату, и увидѣвъ тамъ стороннаго

парня, началъ было плакать. Парень же, желая утѣшить его, далъ ему отъ жертвы яблоко, съ которымъ ребенокъ выскочилъ къ гостямъ и объявилъ отцу, что яблоко далъ ему Хидеръ Небби. Отецъ, не зная, какъ понять это, что будто Хидеръ Небби, противъ своего обыкновенія, сдѣлался видимымъ, идетъ самъ въ тотъ покой и находитъ тамъ парня сидящимъ въ особенномъ положеніи; парень же, замѣтивъ, что ему тоже воздадутъ подобающую жертву, или, пожалуй, и самъ сдѣлается жертвой, вскочилъ и бросился со всѣхъ ногъ вонъ. Жена оправдалась тѣмъ, что ни чего яко бы о томъ не знаетъ, не вѣдаетъ. Полагаю, довольно объ этомъ Персидскомъ сказаніи.

ГЛАВА XXVI.

О Персидскихъ стихотворцахъ (поэтахъ) и стихахъ ихъ.

Что касается до стихотворства, то оно до того любимо Персіянами, что, по моему, на свѣтѣ нѣтъ ни одного народа, который бы преданъ былъ ему болѣе ихъ. По всей странѣ вездѣ есть множество стихотворцевъ, которые не только излагаютъ на бумагѣ разнаго рода забавныя и важныя сочиненія и стихи, но и произносятъ ихъ, ради выручки какихъ ни будь денегъ, на собраніяхъ у знатныхъ господъ, на Майданахъ, въ гостинницахъ и на иныхъ пирушкахъ, и нерѣдко великія особы приглашаютъ къ себѣ такихъ стихотворцевъ, ради своего и гостей своихъ удовольствія.

Шахъ и Ханы также имѣютъ каждый своихъ собственныхъ стихотворцевъ, которые уже не дѣлаются уличными, не бродятъ по разнымъ мѣстамъ, но сидятъ по домамъ и занимаются тѣмъ, чтобы новыми сочиненіями своими доставить удовольствіе только господамъ своимъ, и иногда, когда они напишутъ что ни будь, исполненное мысли, или забавное, получаютъ отъ этѣхъ господъ богатое вознагражденіе.

Стихотворцевъ Персидскихъ тотчасъ можно различить отъ другихъ людей по ихъ одеждѣ. Они, также какъ и философы или мудрецы, носятъ бѣлые исподніе кафтаны, спереди распахнутые, съ просторными и широкими рукавами, подвязанные поясомъ, на которомъ виситъ сумка съ книгами, бумагой и чернильницей, для того, чтобы они сейчасъ же могли желающимъ написать и сообщить свои сочиненія и стихи. Посверхъ кафтана они надѣваютъ плащъ (Mantel) безъ рукавовъ, но чулокъ, какъ другіе Персіяне, они не носятъ, а имѣютъ штаны, съуживающіеся подобно чулкамъ, у самой ступни. Зимою же они носятъ носки или портянки, покрывающія только щиколодки. Они не носятъ также чалмы (Mendile) или толстой повязки, а только шапки. Уличные, т. е., тѣ стихотворцы, которые выходятъ на базары, повязываютъ черезъ правое плечо и лѣвую подмышку висящій флеръ или шарфъ; одѣтые такимъ образомъ, они стоятъ и читаютъ свои произведенія, направляемыя преимущественно противъ Турокъ и ихъ святыхъ. Объ этѣхъ поэтахъ можно выразиться словами Горація:

Scribimus indocti doctique poëmata passim.

Между ними бываетъ большая разница: одни сочиняютъ отличныя, другіе же, какъ это случается и у насъ, плохія произведенія, и не могутъ по этому достойно оправдывать названіе «Schaer» (такъ называются стихотворцы у Персіянъ). Этѣ послѣдніе довольствуются тѣмъ, что, украсивъ себя чужими перьями, шатаются по гостинницамъ и базарамъ, и получаютъ тамъ съ простаго народа по нѣскольку пуловъ (Pul) или шилинговъ за свое искуство. О такихъ-то художникахъ и сказалъ знаменитый Турецкій поэтъ Фюсули (Füssuli):

Schaer olmisch her derede bir kodokh,
Bis dahe schaeleri Elden koidukh.

Всякой молодой оселъ хочетъ быть поэтомъ;
По тому-то я совершенно оставляю теперь поэзію.

У Персіянъ есть превосходныя сочиненія древнихъ ихъ стихотворцевъ, на Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ; ибо оба языка

этѣ у нихъ равно въ ходу, и они охотно читаютъ, какъ Турецкихъ, такъ и Персидскихъ, стихотворцевъ. Но лучшіе стихотворцы ихъ, оставившіе имъ свои сочиненія (на сколько они извѣстны мнѣ), суть слѣдующіе: Саади, Гафисъ, Фирдауси, Фюсули, Хагани, Эгели, Шемсъ, Наван, Шагиди, Ферагседъ, Дегеки, Несими, и проч. (Saadi, Hafis, Firdausi, Füssuli, Chagani, Eheli, Schems, Nawai, Schahidi, Ferahsed, Deheki, Nessemi).

Способъ ихъ слагать стихи почти сходенъ съ Нѣмецкимъ; ибо они тоже стараются писать рѳмами, но при этомъ мало обращаютъ вниманія на то, если въ одномъ стихѣ слогомъ больше, чѣмъ въ другомъ.

Они не только заканчиваютъ стихъ однозвучными словами и слогами, какъ, на примѣръ, въ приведенныхъ нами выше стихахъ: Kuri, muri, sar, besar, и подобные тому, но повторяютъ также цѣликомъ одинѣ и тѣ же слова, которыя иногда ставятъ въ началѣ, а также и въ серединѣ, стиха. Любятъ также они употреблять слова, имѣющія двусмысленное значеніе; или же располагать слова по фигурѣ удвоенія (Anadiplosis), чтобы чѣмъ заканчивается одинъ стихъ, тѣмъ начинался бы другой. Для образца я приведу сдѣсь пару стиховъ, такъ какъ подробнѣе говорить объ этомъ намѣренія у меня нѣтъ. Вотъ этѣ стихи:

جره جره چراغ ينعي چه
ادمي را دماغ يعني چه
جره جره چراغ از تری بود
ادمي را دماغ از خري بود

Tzire, tzire, tziragh jáni tzae?
Adamira demagh Jani tzae?
Tzire, tzire, tziragh es teri bud,
Adamira demagh cheri bud.

Отъ чего трещитъ свѣча?
Отъ чего бѣсится и оретъ человѣкъ?
Въ первой недостаетъ сухого сала,
Въ другомъ есть примѣсь ослинаго жиру.

Сдѣсь украшеніе заключается, кромѣ начала и конца, еще и въ двухъ среднихъ словахъ: «terí,» влажный, и «cherí,» глупъ какъ оселъ.

Другой стихъ:

قلم بدست دبیران بد از هزار درم
درم بدست نیاید ممکر نوک قلم

Kalem be dest debirân beh es hasar derem,
Derem be dest neajed meker nauk kalem.

Сдѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе перомъ, именно:

Перо гораздо дороже тысячи гульденовъ;
Нѣтъ денегъ, оно всегда нѣчто добудетъ тебѣ.

Ихъ Studium juris или Законовѣдѣніе не далеко простирается, хотя у нихъ и есть нѣкоторые писанные законы, заимствуемые и изучаемые ими изъ Алкорана и изъ толкованія его (commentario), и законы эти они прилагаютъ на дѣлѣ вмѣстѣ со многими обычаями Кази (Kazi) и Диванбековъ (Diwanbek).

Въ Медицинѣ они слѣдуютъ Авиценѣ (Avicenna), большею частію имѣютъ чисто Галеново лѣченіе (Galenische), множествомъ напитковъ изъ травъ и кореньевъ, употребляютъ также много и наружныхъ средствъ, и иногда довольно странно обращаются съ больными. Въ Шамахѣ нашего врача пригласили къ одному больному, который опился водкою и лежалъ полумертвый. Этому больному, по совѣту ихъ врача, чернаго Араба, положили ледъ на голый животъ для утоленія жара, и когда нашъ врачь возразилъ противъ этого средства, то Арабъ совсѣмъ обидѣлся и полагалъ, что противное слѣдуетъ лѣчить противнымъ (злое злымъ выгонять). Если захвораютъ дѣти, или женщины, то врачей къ нимъ не зовутъ, а приглашаютъ повивальныхъ бабокъ, которыя обыкновенно коѣчему учатся въ лѣченіи. У Персіянъ

есть нѣсколько сочиненій по Медицинѣ, касающейся какъ людей, такъ и лошадей.

Нашего Врача, за его химическія средства, оказывавшія тамъ успѣшное лѣченіе, очень полюбили, такъ что даже Шахъ предлагалъ ему поступить къ нему на службу. Въ Шамахѣ онъ прославился до того, что наконецъ приходили и приносили къ нему въ комнату хромыхъ калѣкъ и слѣпыхъ, съ просьбою дать этѣмъ больнымъ новыя ноги и лица, полагая, можетъ быть, что онъ былъ новый Христосъ. Многіе изъ приходившихъ даже и поступали такъ, какъ при Господѣ Христѣ, именно: когда имъ оказана была помощь, то они уже не являлись сказать: «Спасибо!»

ГЛАВА XXVII.

Объ Астрономіи, большомъ глобусѣ, дѣленіи времени и календарѣ Персіянъ.

Studium Astronomicum или наука о небесномъ бѣгѣ, какъ въ древнія времена, еще при Магахъ, такъ и теперь находится у Персіянъ въ большомъ уваженіи; занимающіеся ею называются Минаджимъ (Minatzim), и получаютъ отъ Шаха и Хановъ опредѣленное жалованье, хотя не столько за научныя знанія о томъ, что касается до движенія звѣздъ, сколько за предсказаніе или предвѣщаніе чего либо по звѣздамъ о разныхъ дѣлахъ ихъ. Ни кто тамъ и не занимается Астрономіей безъ Астрологіи, и первую любятъ больше ради второй; ибо Персіяне считаютъ, что Астрономія есть только бѣдная мать, Астрологія же—ея богатая дочь, которая доставляетъ ей пропитаніе. Минаджимъ всегда носитъ при себѣ за пазухой свою Астролябію для того, чтобы, по заказу желающаго, тотчасъ же можно было составить задачу (Thema). Но у простолюдиновъ, за неимѣніемъ у нихъ часоваго указателя, посредствомъ котораго замѣчается моментъ (Moment), нельзя бываетъ установить, по часу рожденія, расположеніе звѣздъ также точно и хорошо, какъ у знатныхъ господъ, у которыхъ дѣлается это посредствомъ Астролябіи.

Въ преподаваніи Астрономіи у нихъ нѣтъ ни армилярной сферы, ни глобуса (Sphaera armillaris, Globus); по этому они очень дивились, увидѣвши у меня довольно хорошо устроенный глобусъ. На вопросъ мой: «Есть ли у нихъ такой же?» мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, но что въ древнія времена въ Персіи былъ, будьто бы, большой, искусный Felek (такъ Персіяне называютъ глобусъ), который уничтоженъ во время войны съ Турками.» Я полагаю, что это именно глобусъ, бывшій у Персидскаго Царя Сапора; онъ сдѣланъ былъ изъ стекла, и въ срединѣ его можно было сидѣть. Объ этомъ говоритъ Карданъ (Cardanus) въ: «De subtilitate (Basileae, 1582), lib. 13: «Sapor Rex Persarum machinam tam grandem e vitro construi fecit, ut in ejus centro sederet, tanquam in terrae sphaerula, spectans sub pedibus etiam astra, exorientiaque ac occidentia sidera, ut sic mortalis cum esset, supra tamen omnem mortalitatis conditionem esse videretur.» Подобную сферу еще прежде него (Сапора) сдѣлалъ многоискусный Архимедъ, какъ это видно изъ приводимой здѣсь 21-й эпиграммы Клавдіяна (Claudianus Epigramm. 21):

Jupiter in parvo cum cerneret æthere vitro,
Risit et ad superos talia dicta dedit:
Huccine mortalis progressa potentia curæ?
Tam meus infragili luditur orbe labor.

Сказанный глобусъ Сапора сложенъ былъ изъ нѣсколькихъ кусковъ стекла, былъ хрупокъ и великъ лишь на столько, что въ срединѣ его могъ помѣститься только одинъ человѣкъ. Но тутъ упомяну я о другомъ, гораздо болѣе цѣнномъ, глобусѣ, именно о двойномъ глобусѣ, который устроенъ по приказанію Его Княжеской Свѣтлости, Герцога Фридриха Шлезвизъ-Голштинскаго, милостивѣйшаго моего Государя, здѣсь, въ столицѣ его (Готторфѣ). Это глобусъ въ поперечникѣ десяти футовъ съ половиною, и внутри его могутъ помѣститься 10 человѣкъ; сѣвши около круглаго стола, придѣланнаго вмѣстѣ съ лавками къ оси, можно, съ помощію внутренняго горизонта, видѣть звѣзды и солнце бѣгущими изъ ихъ собственнаго центра и движущимися по градусамъ эклиптики, восходъ и заходъ по порядку; снаружи же изображенъ земной шаръ, со всѣми его странами, городами,

рѣками и морями. Движеніе этого глобуса совершается сообразно съ движеніемъ неба, посредствомъ искусныхъ, громадныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе извѣстнымъ количествомъ воды потока, бѣгущаго изъ одной горы.

Персіяне измѣряютъ свой годъ по движенію солнца и луны, и по тому имѣютъ солнечные и лунные года (solares et lunares annos). Лунные года соблюдаютъ они именно по своей вѣрѣ, что касается до ихъ праздниковъ въ извѣстные дни мѣсяца. Такіе годы, если измѣрить ихъ послѣ двѣнадцатикратнаго возвращенія луны къ новому ея возрожденію, будутъ одиннадцатью днями короче нашего года. Начало ихъ лѣтосчисленія они ведутъ съ Геджиры (Hegira) или отъ бѣгства Магумеда изъ Мекки, которое по нашему лѣтосчисленію случилось въ 622 году, 16 Іюля, по Р. Х. По бѣгу солнца годъ измѣряютъ они, начиная его, именно съ весенняго равноношія (Aequinoctio verno); такой годъ они называютъ солнечнымъ, считаютъ по немъ свои лѣта и говорятъ: «Я имѣю столько-то Навровъ» (Naurus), т. е., новыхъ годовъ. Я думаю, что такой солнечный годъ употреблялся и во времена Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ Квинта Курція, гдѣ разсказываетъ онъ о движеніи и порядкѣ войска Дарія (lib. 3, cap. 7): «Magi proximi patrium carmen canebant. Magos trecenti et sexaginta quinque juvenes sequebantur, puniceis amiculis velati, diebus totius anni numero.»

Новый Годъ ихъ или, какъ они его называютъ, Naurus, начинаютъ они, по исконному обычаю Персіянъ (какъ свѣдѣтельствуетъ Скалигеръ, въ «De emendatione temporum. Lugduni Batav., 1580, lib. 4, p. 285), въ тотъ самый день, часъ и минуту, когда солнце вступаетъ на равноденственникъ или достигаетъ знака (principium) Овна ♈, и самое важное дѣло ихъ Минаджиновъ состоитъ въ томъ, что они стоятъ съ своими Астролябіями, и по высотѣ солнца наблюдаютъ сказанное вступленіе его на равноденственникъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни обыкновенныхъ, ни солнечныхъ, часовъ. Когда же Минаджинъ объявитъ наконецъ о наступившей минутѣ, весь народъ начинаетъ ликовать и шумно веселиться. Что еще продѣлываютъ Персіяне при этомъ великомъ ихъ праздникѣ, я упоминалъ уже, говоря о Шамахѣ, гдѣ мы проводили этотъ праздникъ.

Что касается до Календаря ихъ, называемаго ими Takhwim, то Персіяне издревле имѣли свой особый Календарь, въ которомъ къ каждому дню всякаго отдѣльнаго мѣсяца прилагали они имя одного изъ своихъ Царей, или храбрыхъ богатырей, на примѣръ: 1, Оромазда (Oromasda), 2, Бегеменъ (Behemen), 3, Адарпагаштъ (Adarpahascht) и проч. Такія же имена прикладывались и къ годамъ, и каждые четыре года по порядку должны были имѣть этѣ имена, такъ что первые четыре года назывались Oromasda, вторые четыре года Behemen и т. д. Если жь имена этѣ должны были обозначать мѣсяцы, то прибавлялось слово «Mah,»—мѣсяцъ, какъ подробнѣе можно читать объ этомъ у Іосифа Скалигера (De emendatione temporum. Lib.3, pag. 198).

Но Календарь этотъ и счисленіе лѣтъ, въ томъ видѣ, какъ находятся они, въ числѣ другихъ, въ «Ephemeridibus Origani» (Francofurti, 1609), равно какъ и лѣтосчисленіе отъ Естеджирда (Jesdetzird),[1] совершенно оставлены, и теперь Персіяне употребляютъ Арабскій Календарь, мѣсяцы котораго суть слѣдующіе:

1.	محرم	Maharem.
2	صفر	Sefar.
3.	ربیع اول	Rebbi Ewel.
4.	ربیع اخر	Rebbi achir.
5.	جمادی اول	Tzemadi Ewel.
6.	جمادی اخر	Themadi Achir.
7.	رجب	Retzeb.
8.	شعبان	Schaabahn.
9.	رمضان	Ramesan.

[1] Jesdetzird былъ сынъ Шаберьяра и внукъ Хозроя; онъ былъ убитъ Отманомъ, сыномъ Офана, Сарацпномъ, 16-го Іюня, 632 года, и съ этого времено Персіяне также вели особое лѣтосчисленіе. Объясненіе это заимствовано нами изъ Французскаго перевода Олеарія, Викфорта, изданія 1727 г. Перев.

10. شوال Schawal.

11. ذی القده Dsilkadae.

12. ذی الحجه Dsilhatze.

Отъ чего мѣсяцы этѣ получили свои названія, объ этомъ подробно описано въ: «Historia Arabum Ecchellensis, Сирянина (Syrers), на стран. 204 и слѣдующихъ (Parisiis, 1651), и значенія этѣхъ словъ относить должно ко времени, когда онѣ впервые придуманы. Такъ Maheram происходитъ отъ Harrema, воспрещать; ибо Арабамъ воспрещалось въ этомъ мѣсяцѣ начинать войну, или дѣлать нападенія, вылазку. Sefer отъ нѣкоторыхъ веселыхъ мѣстностей въ Аравіи, носящихъ это имя, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ бывали ярмарки въ тѣхъ мѣстностяхъ, или же отъ Safara, быть пустымъ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ совершался походъ на войну, или разбой, и города ихъ оставались, слѣдовательно, пустыми. Rebbi Ewel и Rebbi Achir, первая и вторая весна; Tzemadi Ewel и Achir, отъ Izamada, вмѣстѣ, вкупѣ расти, или же замерзать, такъ какъ мѣсяцы этѣ совпадали тогда съ зимою. При этомъ Арабы не приняли во вниманіе, что мѣсяцы этѣ, по счисленію лунныхъ годовъ, не всегда совпадаютъ съ зимою, но иногда также и съ лѣтомъ. Не знаю также, могли ли, и какимъ образомъ могли, этѣ мѣсяцы слѣдовать вскорѣ за мѣсяцами Rebbi? Retzeb произошло отъ слова: страхъ; ибо это также одинъ изъ мѣсяцевъ, когда Арабы не смѣли воевать, или нападать на кого либо. Schaabahn, отъ слова раздѣлять, такъ какъ въ это время они раздѣлялись на нѣсколько кучекъ, чтобъ отыскать воду для водопоя стадъ ихъ. Ramesan, отъ великаго зноя солнечнаго, бывшаго въ это время года. Schawal, отъ воздыманія хвоста вверхъ, такъ какъ около этого времени верблюды бѣгались. Dsilkadae значитъ: сидѣтъ спокойно и тихо, такъ какъ это былъ опять такой мѣсяцъ, въ который они воевать не смѣли. Dsilhatze значитъ отказаться отъ праздника; ибо въ это время древніе Арабы, равно какъ и нынѣшніе, въ этомъ мѣсяцѣ отправляются на богомолье ко храму въ Мекку, Медину, и другіе города.

Счетъ дней въ Недѣлѣ начинаютъ они съ нашей Субботы, по тому что 7-й день, какъ день ихъ покоя и праздникъ, при-

ходится на нашу Пятницу; этѣмъ отличаются они отъ Іудеевъ и Христіянъ.

Имена ихъ дней слѣдующія:

1.	شنبه	Schembe, Суббота.
2.	یکشنبه	Jekschembe, Воскресенье.
3.	دوشنبه	Duschembe, Понедѣльникъ.
4.	سه‌شنبه	Seschembe, Вторникъ.
5.	چهارشنبه	Tscharschembe, Середа.
6.	پنجشنبه	Penschembe, Четверкъ.
7.	ادینه جمع	Adine vel Tzumeh, Пятница.

Такъ какъ Персіяне сходятся вмѣстѣ только по Пятницамъ и отправляютъ свое обычное богослуженіе, то и день этотъ, Tzumeh, называется у нихъ сходкой, собраніемъ. Изъ всѣхъ этѣхъ дней Tscharschembe (Середу) они считаютъ самымъ несчастливымъ для всего днемъ.

Астрологіи или звѣздочетству Персіяне приписываютъ чрезвычайно много, болѣе чѣмъ она это заслуживаетъ, и такое суевѣріе заимствовали они, безъ сомнѣнія, отъ древнихъ Халдеевъ, которые, какъ говоритъ Цицеронъ, въ своемъ сочиненіи: «De Divinat.» прославились ею. Они ни какъ не смѣютъ подумать того, что Салмазій (Salmasius) замѣчаетъ (De annis Climacteribus), въ порицаніе Астрологіи (хотя, впрочемъ, нѣсколько рѣзко): «Aut astra sunt Dii, aut nulla est Astrologia.» Персіяне, вмѣстѣ съ Арабами, полагаютъ, что звѣздами управляютъ духи Intelligentiae. Вообще, Персіяне сами по себѣ чрезвычайно суевѣрный народъ, и когда къ нимъ подвернется Мипаджимъ съ своимъ предсказаніемъ, то они легко приходятъ въ такое состояніе, что, по надеждѣ на что либо хорошее, или изъ опасенія чего либо недобраго, рѣшаются на дѣйствіе, котораго иначе бы они и не предприняли; это похоже на то, что Куропалатъ (Historiarum Compendium. Venetiis, 1570, pag. 44) пишетъ объ Ираклѣ (Heraclio), который, когда звѣздочетъ

Стефанъ Александрійскій (Stephanus Alexandr.) предсказалъ ему, что онъ погибнетъ въ водѣ, приказалъ во всей странѣ разрыть и уничтожить плотины около прудовъ. Почти такимъ же образомъ набрался страху Манардъ (Manardus), знаменитый старый врачъ Феррарскій, когда ему было предсказано, что онъ погибнетъ въ ямѣ: онъ бѣгалъ всякихъ рвовъ и ямъ; но за тѣмъ онъ женился на молоденькой женщинѣ, и вскорѣ послѣ того умеръ. По этому, въ шутку, въ «Elogiis» Іовій (Jovii opera. Basiliae, 1578) о немъ написалъ слѣдующее двустишіе (Distichon):

In fovea qui te periturum dixit, Arupex,
Vates verus erat: Conjugis illa fuit.

По Астрологическому суевѣрію, Персы выкидываютъ въ каждомъ мѣсяцѣ (для своихъ дѣлъ) по семи дней, каковы, на примѣръ, послѣ новолунія: 3, 5, 23, 25-й, и въ этѣ дни они неохотно предпринимаютъ что либо особенное. Разнымъ часамъ дня также придаютъ они большое значеніе по планетамъ; равно присвоиваютъ часамъ 12 небесныхъ знаковъ, какъ, на примѣръ, первому часу Воскресенья знакъ Овна, второму часу знакъ Тельца и т. д. Знатные люди не начнутъ даже ни чего важнаго, не надѣнутъ новаго платья, не пойдутъ въ баню, не поѣдутъ на лошади верхомъ прежде, чѣмъ узнаютъ отъ Минаджима, хорошо ли это будетъ. Подобное суевѣріе въ начинаніяхъ видѣли мы въ Шамахѣ у Хана и Врача, о чемъ было уже нами сказано выше. Обыкновено занимаются Астрологіей и предсказаніями ихъ Гакимы или Врачи.

Такіе предсказатели иногда угадываютъ довольно удачно, но, разумѣется, они черпаютъ свои пророчества не изъ звѣздъ, а изъ другихъ обстоятельствъ. Иногда между такими звѣздочетами встрѣчаются и чернокнижники. Персіяне увѣряютъ, что всякій по природѣ своей склоненъ къ Астрологіи и пророчеству, если только во время рожденія его Меркурій стоялъ въ благопріятномъ положеніи; такіе люди и безъ наблюденія звѣздъ имѣютъ даръ предсказывать. Въ Исторіи Арабовъ, Сирійца (Historia Arabum Ecchellensis, Syri, p. 263), приводятся два удивительныхъ примѣра, заимствованные изъ «Gregorii Barhebrae Chronico,» lib.

9, именно: въ 198 году Геджиры (Hegirae) жилъ мужъ, который напередъ могъ предсказывать многія обстоятельства. У него было также такое кольцо, что если его надѣвалъ на палецъ кто ни будь другой, а не онъ, то ни какъ не могъ воздержаться отъ смѣха до тѣхъ поръ, пока не снималъ снова кольца. Кромѣ того, у него было перо, которымъ ни кто, кромѣ него, не могъ писать, ни даже двинуть рукою. Тогдашній Калифъ, Альмамунъ (Almamunus), приказалъ знаменитому въ то время Астрологу, Абумазару (Abumasar), составить тему (Thema) или гороскопъ этого человѣка, и было найдено, что его восхожденіе (Ascendens) имѣло знакъ Овна, на котораго смотрѣлъ Юпитеръ, хвостъ Скорпіона, а также и Венера; Солнце и Луна находились на томъ же градусѣ восхожденія (eodem gradu ascendentis). Другой примѣръ случился въ 363-мъ году Геджиры, когда одинъ Врачъ, по имени Таберъ Гаренфисъ (Taber Harenfis), могъ по движенію пульса узнавать, когда человѣкъ ѣлъ кашу съ кислымъ молокомъ и телятину. Причину такого своего дара угадывать такъ, какъ будьто онъ лазилъ въ ротъ другого человѣка, Врачъ этотъ не могъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что даръ этотъ у него отъ природы. Гороскопъ этого Врача былъ также довольно счастливъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовали однѣ Астрологическія причины, и не примѣшивается ли здѣсь доля чернокнижія, или другихъ какихъ обстоятельствъ.

Въ числѣ другихъ ихъ чародѣйныхъ искуствъ и предсказаній я считаю немаловажнымъ и то, когда они узнаютъ будущее посредствомъ жребія; и такихъ предсказателей встрѣчалъ я въ Испагани на Майданѣ или большомъ торжищѣ сидящими съ раскинутыми ихъ лавочками. Ихъ два рода, именно: Ремаль (Remal) и Фалькиръ (Falkir). Ремаль похожъ на Geomantae: онъ употребляетъ 6, или 8, игральныхъ косточекъ, вдѣтыхъ на двѣ мѣдныя проволоки, и предсказываетъ по жребію. Фалкиръ же совсѣмъ другого рода: передъ нимъ лежитъ 30, или 40, тонкихъ дощечекъ, длиною и шириною въ дюймъ, съ надписью на исподней сторонѣ; на одну изъ этѣхъ дощечекъ слѣдуетъ положить деньги и свой вопросъ о дѣлѣ, о которомъ желаютъ узнать предсказаніе. Что изъ этого беретъ себѣ прежде предсказатель, дѣло извѣстное. Онъ

беретъ деньги и дощечку, изрекаетъ при этомъ нѣсколько словъ и разсматриваетъ надпись. За тѣмъ у него есть длинная и широкая, книга толщиною въ 3, или 4, пальца, листы которой исчерчены страшными и милыми изображеніями Ангеловъ, чертей, драконовъ и всякихъ звѣрей и гадовъ. Онъ беретъ въ руки эту книгу, перелистываетъ ее, продолжая при этомъ постоянно что-то шептать, наконецъ останавливается на какомъ ни будь изображеніи, противъ котораго держитъ сказанную надпись и предсказываетъ. Я нѣсколько разъ хаживалъ, ради забавы, на торжища, и видѣлъ, какъ къ подобнымъ предсказателямъ приходили покрытыя покрываломъ женщины и спрашивали о своихъ отсутствующихъ мужьяхъ и сыновьяхъ: здоровы ли они, скоро ли возвратятся, не привезутъ ли мужья ихъ новыхъ женъ съ собою? Также о счастіи и несчастіи, и одни уходили отъ этѣхъ предсказателей съ пріятными, другія же съ сомнительными, отвѣтами.

ГЛАВА XXVIII.

О свѣтскомъ управленіи Персіянъ, и именно объ ихъ главѣ, Шахѣ, и о вѣнчаніи его.

Что касается до свѣтскаго управленія въ Персіи, то, какъ выше упомянуто, оно довольно сходно съ Русскимъ; ибо это Государство, какъ справедливо сообщаютъ о томъ всѣ историки, есть Монархическая Имперія (Imperium Monarchicum), гдѣ Царь имѣетъ самую большую, даже всю, власть дѣйствовать и повелѣвать по своему усмотрѣнію, можетъ издавать и отмѣнять законы, безъ всякаго совѣта и возраженія отъ кого либо, можетъ у каждаго отнять имущество, даже самую жизнь, хотя бы то былъ самый большій послѣ него вельможа. При этомъ у нихъ великая рабская покорность подданныхъ, такъ что каждый изъ нихъ, въ подобныхъ случаяхъ, при пролитіи ихъ крови, хотя бы и самый невинный, является покорнымъ и терпѣливымъ,

словно обреченная на жертву овца, какъ это видно будетъ изъ страшныхъ примѣровъ, случившихся при послѣднихъ Шахахъ, которые я не замедлю привести сдѣсь.

Царя своего Персіяне называютъ Шахъ (Schah), Падшахъ (Padschah), Падиша (Padischa), что все значитъ Царь, и произносятъ они это имя такъ: «Шахъ» (Schach). Когда же Турецкій Императоръ пишетъ къ Шаху, то не называетъ его Шахомъ, но Шихъ-Огли (Schich Ogli), т. е., сыномъ и потомкомъ духовной особы, или Пророка, о чемъ ниже скажу подробнѣе. Несправедливо говорятъ нѣкоторые писатели, что Персидскіе Цари, ради высокомѣрія, велятъ называть себя Хода (Choda), что по Персидски значитъ Богъ: у нихъ есть мужеское имя Ходабендъ, и такъ назывался отецъ Шаха Абаса. Само въ себѣ слово это означаетъ то же, что находящійся въ союзѣ съ Богомъ, подобно нашимъ именамъ: Gottfried (Готтфридъ), Gottlieb (Готтлибъ), т. е., успокоенный, умиренный и любимый Богомъ. Хотя, впрочемъ, Цари этѣ довольно кичливы и воображаютъ о себѣ болѣе, чѣмъ сколько имъ приличествуетъ, подобно тому, какъ сообщаетъ Марцелинъ о Царѣ Сапорѣ, который писалъ къ Римскому Императору: «nusquam a genuino fastu declinans.» Письмо это такъ начиналось: «Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari, fratri meo, salutem dico.» Но я замѣчу сдѣсь, что въ настоящее время у нихъ въ обыкновеніи употреблять почти такія же выраженія по отношенію и къ Европейскимъ владѣтельнымъ особамъ, если только они пишутъ къ нимъ въ дружественномъ духѣ, и они думаютъ, что такой титулъ этѣмъ владѣтельнымъ особамъ можетъ приличествовать только ради высокаго ихъ, Шаховъ, положенія въ свѣтѣ, какъ это видно изъ того письма, которое Шахъ Сефи послалъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому, о чемъ подробнѣе сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ. За тѣмъ у нихъ нѣтъ обыкновенія чествовать ихъ, въ письмахъ къ нимъ, прописаніемъ большаго титула, въ которомъ бы исчислялись подвластныя имъ страны. Про Шаха Абаса разсказываютъ, что въ просьбахъ къ нему онъ не терпѣлъ иного титула, кромѣ титула Шаха, и однажды, когда кто-то-явился къ нему съ просьбой, въ которой значился большой титулъ, онъ сказалъ будто бы просителю:

«Твоимъ титуломъ ты не сдѣлаешь меня ни больше, ни меньше; скажи мнѣ только свою нужду!»

Многіе писатели называютъ послѣднихъ Персидскихъ Царей Софиньянцами (Sophinianer), да и самые Цари этѣ охотно придаютъ себѣ такое имя по уваженію къ своей Вѣрѣ, такъ какъ основатель ихъ секты назывался Шихъ Софи (или, какъ пишутъ нѣкоторые, Сефи); такъ назывались они подобно тому, какъ Французскій, на примѣръ, Король называется Христіяннѣйшимъ (Rex Christianissimus), Испанскій Католическимъ (Catholicus). Такимъ образомъ Персидскіе Цари назывались, на примѣръ: Исмаилъ Софи, Ейдеръ Софи (Ismael Sofi, Eider Sofi). Обстоятельство это надо имѣть постоянно въ виду при чтеніи исторіи сказанныхъ Царей; ибо нѣкоторые писатели погрѣшаютъ и часто приписываютъ Джиниду (Tzinid) (Guinet, какъ они называютъ его), иногда же Исмаилу и другимъ Царямъ то, что слѣдовало бы приписать первому Софи.

Правленіе въ Персіи наслѣдственное; пока есть наслѣдники отъ законной супруги, наслѣдуютъ правленіе этѣ наслѣдники; за недостаткомъ же ихъ къ управленію призываются дѣти, прижитые отъ Chasse, т. е., отъ наложницъ и прислужницъ, такъ какъ въ Персіи незаконныхъ дѣтей нѣтъ, какъ упомянуто выше. Если же на лицо нѣтъ такихъ дѣтей, то призываются лица, ближайшія изъ Царскаго рода. Этѣ послѣдніе, равно какъ и тѣ, которые слывутъ происходящими отъ стараго Софи, называются Шихъ Эльвендъ (Schich Elwend), пользуются въ странѣ великою свободою, но вообще живутъ довольно бѣдно. Если нѣтъ недостатка въ первыхъ наслѣдникахъ, то остальные должны остерегаться, чтобы ихъ не извели болѣе сильные. Домы, гдѣ родятся Царскія дѣти, дѣлаются домами убѣжища (Asyla), и если случается, что они бываютъ внѣ столицы, въ иномъ какомъ мѣстѣ, то домы этѣ обносятся почетною стѣною, какъ, на примѣръ, мы видѣли это въ Гилянѣ, при Кескерѣ (Kesker).

Персидскій гербъ (Insigne) въ древности составлялъ полумѣсяцъ, какъ упоминаетъ Курцій въ 24-й главѣ 4-й книги: «Сае-

terum affirmant Solem Graecorum, Lunam esse Persarum, quotiens illa deficiat, ruinam stragemque illis gentibus portendi.» Въ настоящее же время, на оборотъ, Персіяне имѣютъ гербомъ своимъ солнце, а Турки, обладающіе и Греціей, мѣсяцъ, и Карлъ Пасхаль (Carolus Paschalius, въ своей: «Libro Coronarum» (Corona, Parisiis, 1610), полагаетъ, что Турецкіе Государи ввели полумѣсяцъ, (или возрастающій мѣсяцъ) въ свой гербъ по тому, что онъ означаетъ какъ бы разростающееся Царство, которое они стараются расширить и усовершенствовать. Такое же значеніе имѣли, можетъ быть, и Папскія шапки или короны, похожія видомъ на отверстый полумѣсяцъ. Въ настоящее время гербъ Персидскій составляетъ солнце, и при томъ изображенное на спинѣ льва, какъ это видѣлъ я въ разныхъ мѣстахъ Персіи написанное на стѣнахъ зданій. Но Шахъ Сефи ввелъ въ своей Государственной печати, которая величиною около полу талера, одну только надпись, посреди, именно такого содержанія: «Единаго Бога рабъ я, Шахъ Сефи, отъ всего сердца.»

А по краямъ кругомъ слѣдующее: «Аали! Цусть о тебѣ всякій говоритъ, что хочетъ, я же остаюсь навсегда другъ твой.» И далѣе: «Кто предъ дверью твоею не считаетъ себя прахомъ и землей, то, хотя бы онъ былъ Ангелъ, да будетъ прахъ и земля надъ главою его.»

Въ письмахъ своихъ къ Европейскимъ Государямъ онъ, Сефи, выказываетъ особое смиреніе, прилагая печать свою не на той сторонѣ, гдѣ пишется самое письмо, но на оборотѣ, внизу, каковыя письма, заключающія въ себѣ многое и болѣе замѣчательное, хранятся здѣсь въ Готторфѣ, въ Княжеской Библіотекѣ.

Вѣнчаніе Царей совершается не въ Вавилонѣ, какъ справедливо опровергаетъ Минадусъ (Minadous, Belli Turcopersici historia. Francofurti, 1601) нѣкоторыхъ писателей, впадающихъ въ подобную ошибку; но въ настоящее время и не въ Кафѣ (или Куфѣ, какъ дѣйствительно утверждаетъ онъ), но въ столичномъ городѣ Испагани, и при этомъ употребляются слѣдующіе обряды:

Ставится столъ, вышиною въ локоть, и покрывается столькими, богато тканными и вышитыми, коврами одинъ на другомъ, сколько было всѣхъ Царей этого (настоящаго) Исповѣданія, начиная счетъ съ Шаха Измаила Сефи; на этѣхъ коврахъ сажаютъ новаго Царя, и какимъ образомъ Шахъ Сефи, у котораго мы имѣли пріемъ, во время своего коронованія имѣлъ подъ собою 8 ковровъ, такъ какъ онъ былъ 8-й Шахъ послѣ Измаила. За тѣмъ важнѣйшіе Ханы подносятъ ему вѣнецъ (корону), который онъ трижды цѣлуетъ во имя Бога, Магумеда и Аали, третъ имъ о чело, послѣ чего Начальникъ Двора, называемый ими Леле (Lele), возлагаетъ ему оный на голову. Всѣ предстоящіе при этомъ громко провозглашаютъ счастіе новому Шаху, говоря: «Дай ему Боже, чтобы въ правленіи его одинъ годъ обратился въ тысячу лѣтъ!» За тѣмъ всѣ подходятъ къ Шаху, цѣлуютъ у него ноги, подносятъ ему богатые подарки, и остальную часть дня проводятъ въ великой радости и ликованіи. О присягѣ, или о завѣреніи въ своей вѣрности Шаху клятвою, съ обрядностями, у насъ употребляемыми, Персіяне ни чего не знаютъ.

Такъ какъ Персидское Государство весьма велико, заключаетъ въ себѣ превосходныя и обширныя области (изъ коихъ важнѣйшія описаны уже выше, во второй главѣ этой книги), то удаленныя отъ стольнаго города области этѣ управляются Ханами или Князьями, какъ бы Правителями, Намѣстниками и другими чинами, о чемъ вскорѣ сказано будетъ подробнѣе. Сдѣсь же мы хотимъ прежде, подобно тому, какъ сдѣлали это при описаніи Россіи, упомянуть вкратцѣ о послѣднихъ Шахахъ, царствовавшихъ въ Персіи въ теченіи послѣдняго столѣтія, и нѣсколько даже болѣе, съ приведеніемъ того, что было въ это время достойно замѣчанія, чтобы можно было познакомиться изъ этого и съ полицейскимъ управленіемъ Персіи. Надѣюсь, что это не будетъ непріятно благосклонному читателю, тѣмъ болѣе что, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ писано было немного. Все это я передамъ сдѣсь такъ, какъ самъ принялъ и узналъ отъ Персіянъ.

ГЛАВА XXIX.

О послѣднихъ Шахахъ Персіи, какъ они царствовали одинъ за другимъ въ теченіи около полутораста лѣтъ.

Въ предшествовавшей главѣ мы упомянули, что когда Турецкій Султанъ пишетъ къ Персидскому Шаху, то не называетъ его Шахомъ, т. е., Царемъ, а только Шихъ-Огли (Schich Ogli). Причина тому заключается въ томъ, что предки этѣхъ нынѣшнихъ Шаховъ происходятъ не отъ мужской линіи древняго Царскаго рода, какъ это увидимъ мы изъ слѣдующаго:

Гасанъ Падшахъ.

Шахъ Гасанъ Падшахъ (Hassan Padschah), названный за свою храбрость, великія войны и побѣды, Великимъ (Usum Cassan), какъ говоритъ Бизаръ, былъ Армянскій Князь, изъ области Текелу (Tekellu): онъ покорилъ силою оружія подъ свое владычество многія земли и, между прочимъ, Персію, и сдѣлался ея Царемъ. Онъ имѣлъ дочь, которую и отдалъ въ замужство за одного Шиха, по имени Ейдера изъ Ардебиля (по чему Персіяне и называютъ его Arduellis), правнука великаго Софи, такъ какъ онъ выказывалъ великіе знаки святости.

Шихъ Ейдеръ.

По смерти Гасана Падшаха (случившейся въ 1485 году), сынъ его, Якубъ (Jacub), былъ отравленъ своею женою, и ни какихъ дѣтей послѣ себя не оставилъ. Означенный же Шихъ, какъ Царскій зять, пользовавшійся, за свою святость, большимъ уваженіемъ въ народѣ, избранъ былъ Царемъ, такимъ образомъ Шихъ сдѣлался Шахомъ. Когда Турка (Турецкій Султанъ) узналъ о томъ, то вознегодовалъ, что такой Шихъ, отступникъ отъ ихъ Вѣры или еретикъ, будетъ обладать такимъ большимъ Государствомъ, и, полагая при томъ, что, по причинѣ своей святости, бывшій Шихъ не очень-то будетъ склоненъ къ войнѣ, Султанъ (Турка) пошелъ на него войною, преслѣдовалъ его, разбилъ, взялъ

въ плѣнъ и велѣлъ содрать съ него кожу (черезъ уши). Бизаръ говоритъ (lib. 10, p. 267), что Ейдеръ не былъ Шахомъ, но что Персидскій Шахъ Рустамъ (Rustam), изъ опасенія, что, по своему великому вліянію на народъ, онъ могъ бы сдѣлаться Шахомъ, приказалъ умертвить его; нѣкоторые даже разсказываютъ, говоритъ онъ далѣе, что случилось это не при Рустамѣ, а при Шахѣ Якубѣ; но онъ самъ не знаетъ, что вѣрнѣе. Персы же, въ своихъ лѣтописяхъ повѣствуютъ такъ, какъ разсказано мною выше. Когда такимъ образомъ Шихъ Ейдеръ былъ изведенъ, Турка захватилъ всѣ пограничныя и ближайшія земли, и сдѣлался обладателемъ лучшей части Персіи.

Шахъ Измаилъ Великій.

Шихъ Ейдеръ оставилъ послѣ себя только одного сына, по имени Измаила (Ismael), который, будучи малымъ ребенкомъ, принужденъ былъ бѣжать отъ Турки. Его принялъ къ себѣ одинъ знатный Гилянскій вельможа, по имени Пиръ Халимъ (Pyr Chalim), бывшій другомъ и родственникомъ отца его; у этого-то вельможи онъ воспитывался и упражнялся въ дальнѣйшемъ изученіи Вѣры отцевъ своихъ. Когда Измаилъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и обнаружилъ въ себѣ превосходныя способности и неустрашимый духъ, и когда въ то же время распространилась молва, что отецъ его, бывшій знатокомъ въ Астрологическихъ свѣдѣніяхъ, будто бы предсказывалъ, что его сынъ совершитъ великія дѣла въ пріобрѣтеніи земель и распространеніи Вѣры, то взоры всѣхъ обратились на Измаила. При такихъ обстоятельствахъ, однажды, когда Турка (Турецкій Султанъ) преспокойно сидѣлъ себѣ въ Царьградѣ, Измаилъ, по совѣту Пира, разослалъ преданныхъ ему гонцовъ въ близлежащія области и города, съ просьбою къ жителямъ оныхъ, прійти къ нему на помощь противъ Турокъ за Вѣру, благо отечества и для возвращенія подобающаго ему Царскаго престола. По этой просьбѣ сказанные жители охотно явились къ Измаилу, и вскорѣ къ нему стеклось множество народа, съ которымъ и вышелъ онъ изъ Латреджана, мѣста въ Гилянѣ, гдѣ находился Измаилъ, въ походъ, числомъ 20,000 человѣкъ; къ этому народу присоеди-

нились и жители другихъ областей, такъ что вскорѣ у него составилось войско въ 300,000 человѣкъ. Прежде всего войско это двинулось на Ардебиль, выгнало оттуда Турецкую стражу, безъ которой остальные жители вышли на улицу, идущую позади гробницы Шиха Софи, пали тамъ на колѣни, передались Персіянамъ и приняли ихъ Вѣру. Улица эта и понынѣ называется, въ слѣдствіи этого событія, «Урумн Магеле» (Urumi Mahele). Сдѣсь-то и съ этой поры сказанные жители получили красныя шапки и прозваніе Кизильбашей, какъ о томъ обстоятельнѣе сказано было уже въ 10-й главѣ настоящей книги.

Изъ Ардебиля Измаилъ пошелъ на Таврисъ, Шемаху, Ирванъ и благополучно возвратилъ себѣ всѣ этѣ и другіе вокругъ лежащіе города и страны, которыми Турки завладѣли было въ Персіи со смерти отца его, и за тѣмъ двинулся на Турецкія области, выдержалъ нѣсколько сраженій съ Турками и прогналъ ихъ съ поля бытвы, какъ разсказывается объ этой войнѣ подробно въ одномъ письмѣ Генриха Пена (Heinr. Penae, бывшаго тогда въ той странѣ) къ Кардиналу де Савлисъ (Cardinalde Saulis), равно какъ описываютъ это и Персіяне. Описанія этѣ находятся у Лаонина Халкондила (Laonico Chalcondyla: «De rebus gestis Turcar.» на стр. 441). Такимъ образомъ Измаилъ завоевалъ Багдадъ или Вавилонъ, Бесре, Курдистанъ, Діарбекъ, Ванъ, Ерсерумъ, Ерзинганъ, Битлисъ, Адильчёвасъ, Алхатъ, Бердикъ, Карсъ и Ентакію. Подчинивъ въ короткое время всѣ этѣ города своему владычеству, онъ двинулся на востокъ, въ Кандагаръ, на границы Индіи, и сдѣлался обладателемъ и этой области. За тѣмъ онъ отправился въ Касвинъ, принялъ тамъ Царскій вѣнецъ и, отдохнувъ сдѣсь немного, пошелъ на Грузію, вступилъ въ войну съ тамошнимъ Государемъ, Симеономъ Падшой, одолѣлъ его и обложилъ землю его данью, обязавъ оную ежегодно доставлять ему по 300 кипъ шелку. Хотя Шахъ Измаилъ Софи въ этѣхъ войнахъ встрѣчалъ иногда сильное сопротивленіе, но Персидскіе воины его, убѣжденные въ томъ, что все это совершается ради Вѣры, были такъ одушевлены и стойки въ битвахъ, что самую смерть въ нихъ считали за ни что. Заявивъ себя такимъ счастливымъ и побѣдоноснымъ витяземъ, Шахъ Измаилъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе разныхъ Азіятскихъ и Европейскихъ Государей, которые часто отправляли къ

нему своихъ пословъ и уполномоченныхъ людей, равно какъ и онъ къ нимъ, и такъ какъ онъ снова возвелъ Персидское Царство до почетнаго состоянія, и въ то же время крѣпко стоялъ и распространялъ ученіе Аали, высказывая самъ къ нему всегда благоговѣйное уваженіе, то бытописатели, имѣя при томъ въ виду, что онъ назывался еще и Софи, считали его за распространителя, а нѣкоторые изъ нихъ принимали его даже за перваго Софи и основателя Персидской Вѣры. Достигши 45 лѣтъ, Измаилъ умеръ въ Касвинѣ и погребенъ въ Ардебилѣ. Персіяне славятъ его, говоря, что онъ былъ великій любитель справедливости. Бизаръ говоритъ, впрочемъ, что Измаилъ поступалъ иногда не совсѣмъ-то совѣстливо; ибо, въ противность закону Персидскому, онъ ѣлъ иногда свинину и пилъ вино. Въ поруганіе же Оттоманскому Дому онъ держалъ даже при дворѣ своемъ свинью, которую и называлъ Баязетомъ.

Шахъ Тамасъ.

Шахъ Измаилъ оставилъ 4 сыновей, изъ которыхъ старшій Тамасъ (Tamas), хотя и наслѣдовалъ отцу въ правленіи, но не въ добродѣтели и счастіи. Остальнымъ двумъ, по назначенію отца, розданы были каждому извѣстныя области. Немного спустя послѣ начала правленія этого Шаха, Турецкій Султанъ, Солиманъ, выславъ главнаго полководца своего, Султана Мурата Пашу, снова отвоевалъ нѣсколько городовъ, которые Измаилъ взялъ было у Турокъ, за исключеніемъ Багдада и Вана, оставшихся во власти Персіянъ. Черезъ два года послѣ того уже самъ Турецкій Султанъ вторгся въ страну Шаха Тамаса съ сильною ратью, взялъ Таврисъ и поворотилъ къ Султаніи. Такъ какъ Тамасъ не успѣлъ еще тогда собрать къ себѣ столько войска, чтобы съ увѣренностію могъ противостать Туркамъ, то остался въ Касвинѣ. Между тѣмъ въ одну ночь сдѣлалась великая буря (въ началѣ Марта, не задолго передъ Персидскимъ Naurus или Новымъ Годомъ), съ проливнымъ дождемъ и грозою, отъ чего снѣгъ, покрывавшій окрестныя горы, растаялъ, побѣжалъ стремительнымъ потокомъ въ тѣснину, снесъ станъ непріятельскій, потопилъ множество верблюдовъ, лошадей, вмѣстѣ съ воинами, и самъ вождь

ихъ подвергся было великой опасности. Растаявшій снѣгъ былъ кроваво-красноватаго цвѣта. Непріятель, увидавши такой цвѣтъ, пришелъ въ ужасъ и оставилъ Персію. Хотя послѣ этого Турецкій Султанъ опять нападалъ на Персію и грабилъ ее, но наконецъ при городѣ Битлисѣ онъ былъ почти на голову разбитъ, а остальные Турки также принуждены были удалиться во своя си.

Шахъ Тамасъ царствовалъ 35 лѣтъ и умеръ въ 1576 году по Р. Хр., бывши 68 лѣтъ отъ рожденія. Персіяне не особенно лестно отзываются о немъ; онъ не былъ такимъ доблестнымъ Государемъ, котораго мысли были бы обращены на войну и который бы съумѣлъ достойно встрѣтить непріятеля; напротивъ, онъ потерялъ много городовъ и земель, пріобрѣтенныхъ отцомъ его. Кромѣ того, онъ не соблюдалъ и правосудія, самъ ни кого охотно не выслушивалъ, но приказывалъ своимъ чиновникамъ принимать всякія жалобы и судить, отъ чего въ его время были въ большомъ ходу всевозможные пороки, въ особенности бездна воровства, такъ какъ оно оставалось не наказаннымъ.

Самое достопамятное, хотя вовсе не достославное, совершенное имъ во время своего управленія, было то, какъ поступилъ онъ съ Индѣйцемъ Гюмаюномъ, о чемъ сказано выше (въ 30-й главѣ 5-й книги). За тѣмъ то, что онъ сдѣлалъ съ Армянскимъ Княземъ, о чемъ упоминаетъ Минадусъ (Minadous), во 2-й книгѣ своей «Belli Turco-Persici» (Francofurti, 1601). Въ Арменіи былъ одинъ владѣтельный Князь, Лавасапъ (Lavassap): когда онъ умеръ, то оставилъ двухъ сыновей, Симеона и Давида, и старшему изъ нихъ, по завѣщанію, предоставилъ правленіе. Это возмутило Давида; онъ привлекъ къ себѣ всякаго рода презрѣнную челядь, силою захватилъ братнину казну и снарядилъ такимъ образомъ довольно значительное войско противъ брата.

Князь Симеонъ II, въ ужасѣ передъ ратью брата, ежедневно возраставшею, не нашелъ ни какого другого средства къ спасенію, какъ просить о помощи Шаха Тамаса, который тотчасъ же послалъ къ нему 4 тысячи конницы, подъ начальствомъ одного Персидскаго полководца, съ приказаніемъ, если этотъ Полководецъ возьметъ въ плѣнъ Давида, то привести его живого съ

собою; въ случаѣ же, если Давидъ согласится принять Персидскую Вѣру и совершить надъ собою обрѣзаніе, то предоставить ему правленіе. Такого же отреченія отъ Вѣры полководецъ тотъ долженъ былъ потребовать въ то же время и отъ Князя Симеона, если только этотъ послѣдній желаетъ удержать за собою престолъ отца своего. Персы отправились въ Грузію, тотчасъ же захватили тамъ Давида, которому и предложено было сказанное условіе; обладая душею низкою, Давидъ не медля согласился отречься отъ Христіянства и быть послушнымъ Шаху, если только онъ получитъ правленіе. Что же касается до брата, Симеона, то, уважая Христіянскую Вѣру и Царство Небесное выше своего временнаго Княжества, онъ отвергъ предложенное ему условіе, въ слѣдствіе чего схваченъ и привезенъ былъ въ Персію, гдѣ и посадили его въ заточеніе въ крѣпости Кагакъ (Kahak); отступникъ же Давидъ, послѣ обрѣзанія, названъ Даутъ-Ханомъ (Dautchan) и назначенъ былъ только Управляющимъ (Губернаторомъ) надъ Тифлисомъ. По этому случаю Минадусъ (Minadous) приводитъ слѣдующую Эпифонему (изреченіе): «Discant alii hujus Simonis exemplo, quam periculosum sit, Barbaros ad sui defensionem in propriam ditionem attrahere.»

Симеонъ былъ храбрый воинъ и въ то же время Государь образованный, былъ также хорошій стихотворецъ и философъ; онъ такъ съумѣлъ поставить себя въ отношеніи къ Шахскому сыну, Измаилу, который тоже находился въ то время въ заточеніи, что пріобрѣлъ полную его довѣренность и самъ сблизился съ нимъ до того, что, во избѣжаніе вѣчнаго заключенія и въ надеждѣ снова возвратиться въ свою страну и къ своему народу, допустилъ Измаилу уговорить себя принять, хотя для виду только, Магометанскую Вѣру, за что Измаилъ обѣщалъ ему щедрые подарки и блестящую будущность, какъ только самъ онъ получитъ свободу и будетъ возведенъ на Царство. Такое обѣщаніе Измаилъ привелъ бы и въ исполненіе, если бъ тому не воспрепятствовала преждевременная смерть его. Но онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, что Симеонъ освобожденъ былъ изъ темницы, и въ послѣдствіи, при Шахѣ Ходабендѣ, былъ употребленъ въ качествѣ военачальника противъ Турокъ.

Измаилъ II.

Шахъ-Тамасъ оставилъ много дѣтей, между которыми старшіе были: Магумедъ Ходабенде, Измаилъ и Ейдеръ. Ейдера отецъ любилъ больше другихъ, такъ что еще при жизни своей онъ поручалъ ему заступать свое мѣсто, а за тѣмъ и въ завѣщаніи своемъ назначилъ, чтобы Ейдеръ наслѣдовалъ послѣ него престолъ. Но послѣ смерти отца Ханы Царства нашли неблаговиднымъ, чтобы третьерожденный (т. е., 3-й сынъ), которому было едва 17 лѣтъ, предпочтенъ былъ первому наслѣднику, и хотѣли лучше избрать Ходабенде; по этому они и послали къ Ходабенде, находившемуся въ то время въ Хорасанѣ, гонца, съ просьбою, не благоугодно ли будетъ ему принять вѣнецъ. Когда же Ходабенде, не имѣвшій ни какой охоты къ управленію, отказался, Ханы призвали изъ крѣпости Кагакъ Измаила, бывшаго тамъ въ заключеніи уже нѣсколько лѣтъ по распоряженію отца. Причина заточенія Измаила заключалась въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно дикъ и необузданъ, ходилъ въ мирное время съ шайкою набранныхъ имъ разбойниковъ къ Турецкимъ границамъ, и тамъ опустошалъ и грабилъ все, что ему попадалось.

Когда Ейдеръ узналъ, что Ханы хотятъ сдѣлать Шахомъ брата его, Измаила, то сталъ прилагать всевозможныя старанія, черезъ посредство одной изъ сестеръ своихъ, къ тому, чтобы его предпочли Измаилу. Сестра эта, хотя и показывала видъ Ейдеру, что охотно готова помогать его желаніямъ, но зная настроенія и замыслы Хановъ, и дѣйствуя съ ними за одно, предательски отрѣзала Эйдеру голову, послѣ чего Измаилъ и вступилъ на престолъ, на 43 году своей жизни. Минадусъ подробнѣе разсказываетъ всѣ эти обстоятельства, свѣдѣнія о которыхъ отъ Персіянъ я получить не могъ.

Когда Измаилъ II возведенъ уже былъ въ Царское достоинство, то его начало тревожить гнѣвное настроеніе за понесенное имъ поруганіе отъ томительнаго заключенія, и для того, чтобы узнать, кто изъ вельможъ въ Царствѣ былъ совиновникомъ прежняго его заточенія, онъ скрылся на нѣкоторое время и прика-

залъ объявить, что онъ будто бы умеръ. Сдѣлалъ это онъ для того только, чтобы узнать, что тотъ и другой будутъ говорить объ его смерти. Тѣхъ, которые показались при этомъ подозрительными ему и которые отъ страха бѣжали изъ страны, Измаилъ преслѣдовалъ съ нѣсколькими тысячами войска до границъ Турціи, откуда Турецкій Султанъ, полагая, что отъ такого движенія войска можно опасаться непріятельскаго вторженія, прогналъ Измаила обратно назадъ. Шахъ Измаилъ воротился въ Касвинъ и приказалъ изрубить тамъ еще тѣхъ изъ оставшихся въ странѣ, которые казались ему вредными по чему либо. Вскорѣ за тѣмъ, именно на другой годъ правленія своего, Измаилъ, по пропскамъ и убѣжденіямъ Хановъ, былъ отравленъ сестрою своею.

Шахъ Ходабенде.

Когда Измаила не стало, то Магумедъ Ходабенде, не желая, конечно, чтобы управленіе Царствомъ перешло въ чужія руки, отъ чего и жизнь самого его могла подвергнуться опасности, принужденъ уже былъ принять вѣнецъ. Принявъ правленіе, что случилось въ 1578 году по Р. Х., онъ ни чего болѣе не желалъ, говоритъ Бизаръ (lib 2, p. 308), какъ только, слѣдуя достохвальнымъ стопамъ своихъ предковъ, блюсти благо и достоинство Персидскаго Государства и возвратить снова мужественною войною то, что было утрачено изъ владѣній въ послѣднее время. Персіяне же говорятъ о Ходабендѣ совсѣмъ противное, именно: что онъ будто бы никогда какъ слѣдуетъ за правленіе и не принимался, а тѣмъ менѣе имѣлъ охоту къ войнѣ, и что къ оружію онъ прибѣгалъ не прежде, какъ будучи вынужденъ къ тому крайнею необходимостію, и такъ какъ онъ былъ совершенно близорукъ, то у него вовсе не было ни какой охоты къ дѣламъ правленія, и онъ гораздо болѣе любилъ проводить время въ играхъ въ покояхъ женъ, чѣмъ на полѣ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Счастье тоже не благопріятствовало ему въ войнѣ, отъ чего непріятели его, замѣтивши это, поднялись противъ Персіи, съ одной стороны на пали на нее Турки, а съ другой Узбецкіе Татары, и отняли у Персидскаго Государства многіе города и области, которыми и владѣли во все время, пока жилъ Магумедъ Ходабенде.

Въ это то время Турки, какъ повѣтствуетъ Минадусъ, въ одномъ сраженіи избили 5000 Персіянъ, а 3000 Персіянъ взяли въ плѣнъ и всѣхъ обезглавили. Турецкій полководецъ приказалъ всѣ этѣ отрубленныя Персидскія головы снести въ одно мѣсто, сложить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ одну на другую и устроить изъ нихъ нѣчто въ родѣ укрѣпленія или окоповъ, и, сидя посреди этѣхъ головъ, полководецъ этотъ принималъ одного молодого Грузинскаго вельможу. Шахъ Ходабенде умеръ въ 1585 году по Р. Хр.

Шахъ Емиръ Гемзе.

Шахъ Ходабенде оставилъ 3-хъ сыновей: Емиръ Гемзе, Измаила и Абаса. Въ 1-мъ моемъ изданіи я по ошибкѣ помѣстилъ Абаса прежде Измаила и сказалъ, что Измаилъ умеръ прежде Емира Гемзе; по настоящимъ же свѣдѣніямъ и слѣдуя Персидскимъ писателямъ, дѣла этѣ происходили слѣдующимъ образомъ: Емиръ Гемзе, какъ перворожденный, вступилъ въ управленіе Царствомъ тотчасъ по смерти отца своего; но такъ какъ меньшой его братъ, Измаилъ, позавидовалъ ему въ этомъ и пожелалъ самъ получить вѣнецъ, то онъ, Измаилъ, и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, съ помощію нѣсколькихъ знатныхъ вельможъ, хорошихъ пріятелей своихъ, и довелъ дѣло до того, что Емиръ Гемзе, на 8-й мѣсяцъ своего правленія, былъ убитъ и вѣнецъ возложили на него, Измаила. Убійцы Емиръ Гемзе явились къ нему одѣтые въ женскія платья, и покрытыя, по обыкновенію женщинъ, пришли къ покоямъ Шаха; когда же стража и тѣлохранители остановили ихъ и пожелали узнать о причинѣ ихъ прибытія, убійцы отвѣчали, что они Ханскія или Княжескія жены, и что ихъ потребовали въ покои Шаха, но чего пожелаетъ отъ нихъ Шахъ, они не знаютъ. Этому повѣрили и убійцъ впустили. Но только что они вошли въ покои Шаха, какъ бросились на Шаха и убили его. Послѣ этого Измаилъ устроилъ такъ, что ему предоставленъ былъ вѣнецъ. Но объ этомъ убійствѣ скоро провѣдали, и Измаилъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго правленія своего, поплатился тою же монетою.

Измаилъ III.

Когда Абасъ Мирза, самый младшій изъ братьевъ, пріѣхалъ однажды изъ Герата, гдѣ онъ былъ Правителемъ (Губернаторомъ), навѣстить своего брата, Шаха Емира Гемзе, и увидалъ, что другой братъ его, Измаилъ, захватилъ вѣнецъ обагренными въ крови руками, то опасаясь, чтобы Измаилъ не наложилъ руки и на него, поспѣшилъ возвратиться обратно въ Гератъ. На слѣдующій годъ Абасъ Мирза пріѣхалъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ для охраны своей, въ Касвинъ, а Шахъ находился въ это время въ Карабахѣ. Воины обоихъ этѣхъ Князей часто ссорились между собою, отъ чего и между братьями возникло сильное неудовольствіе.

У Абаса Мирзы былъ одинъ Дворецкій (Hoffmeister), по имени Муршидъ-Кули-Ханъ, весьма почетный и храбрый воинъ. Этотъ Муршидъ-Кули-Ханъ, опасаясь, что новый Шахъ Измаилъ, будучи человѣкомъ необузданнымъ, можетъ обратить теперь вражду, которую онъ еще при жизни отца своего заявилъ къ брату своему, Абасу, въ тиранію, и направить ее какъ на него, Муршидъ-Кули-Хана, такъ и на его Государя, и имѣя при томъ въ виду, что если его молодой Государь достигнетъ вѣнца, то и онъ, Муршидъ-Кули-Ханъ, будучи въ силѣ у него, можетъ принимать участіе въ правленіи, началъ измышлять средства и пути, какъ бы исполнить это желаніе свое, для чего и составилъ тайный заговоръ съ бывшими Совѣтниками Емира Гемзе и нѣсколькими Ханами, надежными друзьями своими. Ханы тѣмъ охотнѣе согласились на содѣйствіе, что видѣли, что правленіе Измаила является совсѣмъ не такимъ, какимъ они его ожидали, и что, кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣла Измаила, съ прибытіемъ Абаса Мирзы, должны были принять еще худшее положеніе. И такъ они заключили сдѣлку съ придворнымъ Царскимъ бородобрѣемъ, называвшимся Худи (Chudi), чтобы онъ, во время бритья Шаха, перерѣзалъ ему горло, за что обѣщали доставить ему у Абаса Мирзы великую честь и достоинство. Худи Телакъ (Telak) прельстился этѣмъ предложеніемъ и обѣщаемою великою честью, выбралъ удобный случай и, въ присутствіи Хановъ, перерѣзалъ Шаху бритвою горло.

Ханы же, для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе народа въ соучастіи, тутъ же зарубили Худи саблями, за тѣмъ приказали изрубить его на мелкія части и сжечь эти части на кострѣ. Случилось это въ области Карабахъ, когда Измаилъ [1] сбирался было итти войною на брата своего, Абаса, на 8-й мѣсяцъ его правленія.

Послѣ такого умерщвленія Измаила III [2] Абасъ Мирза тотчасъ же былъ посаженъ на Царство, съ великимъ ликованіемъ, пожеланіями счастія и добровольными приношеніями отъ поданныхъ разныхъ подарковъ; ибо превосходный умъ Абаса и испытанный добрый нравъ его давали надежду на лучшее управленіе и возбудили къ нему особенную любовь народа.

ГЛАВА XXX.

О правленіи Шаха Абаса и о томъ, что случилось достопамятнаго въ это правленіе.

Что касается до самой особы Шаха Абаса, то хотя онъ былъ не высокъ ростомъ, съ коротким туловищемъ и длинными ногами, но въ то же время былъ человѣкъ независимаго, богатырскаго духа, который также ревностно защищалъ честь своего званія, или состоянія, какъ и любилъ его. По этому-то и правленіе свое онъ также началъ кровопролитіемъ. Когда Шахъ Абасъ увидалъ, что его Царское величіе недостаточно уважается, и именно со стороны его Дворецкаго, Муршидъ-Кули-Хана, обращавшагося съ нимъ запросто, по старой привычкѣ, а иногда и относив-

---

[1] Здѣсь въ подлинникѣ явная ошибка: вмѣсто Измаила значится Гемза. Прим. Перев.

[2] Въ подлинникѣ здѣсь опять повторяется таже ошибка: вмѣсто Измаила поставлено: Эмиръ Гемзе. Прим. Перев.

шагося къ нему съ грубыми и обидными выраженіями, особенно же послѣ того, какъ однажды на совѣтѣ Шахъ хотѣлъ высказать о дѣлѣ свое мнѣніе, а Муршидъ-Кули-Ханъ заставилъ его замолчать, говоря, что онъ еще дѣтя, не понимающее того дѣла,—то все это крѣпко раздосадовало молодаго Шаха. Онъ думалъ, что если это будетъ часто повторяться, то подданные будутъ мало уважать и бояться его; а по тому онъ высказалъ свои жалобы на это тремъ Совѣтникамъ своимъ, и именно: Мегеди-Кули-Хану (Mehedi-kulichan), Магумеду Устади-Шаги (Mahumed Ustahischahi) и Алли-Кули-Ханъ Шамлю (Allikulichan Schamli), которымъ онъ довѣрялъ найболѣе, и заявилъ имъ, что считаетъ за лучшее извести Дворецкаго. Когда же Совѣтники этѣ хотѣли отклонить его отъ такого намѣренія, то онъ твердо рѣшилъ на томъ, что хочетъ непремѣнно привести намѣреніе свое въ исполненіе, и при томъ именно черезъ посредство ихъ же самихъ. Такимъ образомъ это будетъ испытаніемъ ихъ вѣрности, и если они не исполнятъ его воли, то на нихъ падетъ немилость его невыносимою тягостью.

И такъ Совѣтники принуждены были по этому уступить, и однажды отправились, вмѣстѣ съ Шахомъ, ночью, въ покой Дворецкаго, гдѣ и нашли его спавшимъ, лежа на спинѣ съ открытымъ ртомъ. Шахъ Абасъ нанесъ первый ударъ саблей, черезъ ротъ, остальные послѣдовали его примѣру. Дворецкій, будучи крѣпкаго сложенія, вскочилъ, хотѣлъ было оборониться, но въ это время прибѣжалъ въ покой конюхъ его, разбуженный шумомъ; онъ явился съ топоромъ и спросилъ: «Что тутъ дѣлается?» Шахъ Абасъ отвѣчалъ: «Сдѣсь идетъ дѣло о жизни врага моего—Муршидъ-Кули: помоги, и докончи начатое—тогда я сдѣлаю тебя Ханомъ, или Княземъ.» Слуга, въ надеждѣ возвыситься, тотчасъ же бросился на своего господина и окончательно зарубилъ его топоромъ до смерти. На другой день Шахъ приказалъ извести и избить весь родъ Муршидъ-Кули-Хана, чтобы разомъ оградить себя отъ всякихъ съ ихъ стороны непріязненныхъ дѣйствій; конюха же сдѣлалъ Ханомъ и назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Гератѣ. Случилось все это въ 1585 го по Р. Х.

Такъ какъ Шахъ Абасъ понималъ, что было прилично имѣть въ виду доблестному мужу, занимающему такой престолъ, какой

онъ занималъ, и такъ какъ онъ зналъ, какъ широко простиралось нѣкогда его Царство при его предкахъ, и какъ съ теченіемъ времени оно было урѣзано Турками и Татарами, и приведено наконецъ въ такіе тѣсные предѣлы, то онъ ни чего столько не желалъ и не искалъ, какъ только возстановить благо и древнее достоинство своей страны, и тѣмъ возвеличить свое Царство. По этому-то онъ велъ многія замѣчательныя войны съ Турками и Татарами, и въ этѣхъ войнахъ былъ не менѣе счастливъ, какъ и мужественъ и твердъ.

Разсказывать сдѣсь все объ этѣхъ войнахъ было бы черезъ чуръ пространно и съ нашимъ намѣреніемъ не согласно; по этому я скажу тутъ только о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ войнъ, въ сжатомъ очеркѣ, заимствуя свѣдѣнія изъ лѣтописи, писанной однимъ Персіяниномъ. Не прошло еще 2-хъ лѣтъ, какъ Шахъ Абасъ занялъ Царскій престолъ, и вотъ поѣхалъ онъ однажды съ своими Ханами и знатными придворными людьми, верхомъ вокругъ города Касвина, и въ прогулкѣ этой спросилъ: «Есть ли гдѣ ни будь земля и страна лучше этой?»—Одинъ отвѣчалъ: «Хорасанъ»; другой: «Фарсъ»; третій: «Страна, которою владѣли Узбеки»; и когда онъ узналъ, что все это Татары отняли у отца его, онъ тотчасъ же, снарядивъ довольно значительное войско, направился съ нимъ къ Хорасану и пошелъ на Узбековъ. Узнавъ объ этомъ, Узбецкій Князь, Абдулла-Ханъ, выступилъ противъ него съ оружіе мъвъ рукахъ. Хотя въ началѣ враждебныхъ дѣйствій казалось, что сама природа и погода какъ бы ополчились вмѣстѣ съ Узбеками противъ Шаха Абаса; ибо между людьми его распространилась большая смертность, и въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ войскомъ его свирѣпствовала страшная буря, съ градомъ и грозою, на сторонѣ же Узбековъ стояла постоянно прекрасная погода; однако Шаха Абаса ни что не поколебало, и онъ полагалъ, что все это были только чары Узбековъ, направленныя на него для того, чтобы устрашить его. Шесть мѣсяцевъ простояли непріятели въ полѣ, другъ противъ друга; наконецъ Шахъ Абасъ съ стремительною силой двинулся на врага, тотъ не выдержалъ и обратился въ бѣгство въ Мешедъ (Mesched). Три года Шахъ Абасъ оставался въ Хорасанѣ и управлялъ тамъ; за тѣмъ Абдулла-Ханъ снова поднялся, еще разъ желая испытать свое счастье въ битвѣ

съ Абасомъ. Враги опять воевали цѣлый годъ; наконецъ Шахъ разбилъ Узбековъ на голову, взялъ въ плѣнъ Абдуллу-Хана, вмѣстѣ съ отцемъ его, Тилехманомъ, и 3-мя сыновьями, находившимися также въ войскѣ, и приказалъ всѣмъ имъ отрубить головы. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Испагань, и такъ какъ мѣстность тамъ чрезвычайно понравилась ему, то онъ рѣшилъ основать сдѣсь свою столицу, приказалъ возвести богатыя зданія, и между прочимъ Аллакапи (Allacapi) или домъ свободы, и громадной величины храмъ Мегеди (Mehedi), а также много другихъ дорогихъ построекъ, о которыхъ уже выше упоминалось въ разныхъ мѣстахъ.

Спустя нѣсколько времени Шаху Абасу пришла охота пойти на Турокъ и возвратить отъ нихъ то, что они отняли изъ страны его въ предшествовавшія ему царствованія. Онъ послалъ соглядатаевъ поразвѣдать о состояніи Турокъ, преимущественно въ Таврисѣ, находившійся въ то время въ ихъ обладаніи. Когда же онъ узналъ, что Турки совершенно спокойны и живутъ себѣ, не помышляя ни о какой войнѣ, онъ втайнѣ собралъ рать въ нѣсколько тысячь человѣкъ, со всею поспѣшностію двинулся съ нею на Таврисъ, отстоявшій отъ Испагани на 18 дней пути на верблюдахъ, и идучи безостановочно день и ночь (въ подобныхъ случаяхъ желаніе достигнуть своего намѣренія прогоняло сонъ отъ глазъ Шахъ Абаса), на шестой день достигъ до города. На пути еще, дошедши до горы Шибли (Schibli), гдѣ находился узкій проходъ и стояла Турецкая таможня, Шахъ Абасъ ѣхалъ впереди верхомъ, съ небольшимъ числомъ изъ важнѣйшихъ своихъ военачальниковъ; увидавъ его, таможенный начальникъ подумалъ, что то были купцы, по чему и потребовалъ съ нихъ уплаты пошлины. Шахъ Абасъ сказалъ ему на это: «Нашъ расходчикъ назади, и онъ заплатитъ пошлину.» За тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ Дзюльфакаръ Хана (Dsülfakar Chan), чтобы онъ удовлетворилъ таможеннаго сборщика. Въ то время, когда сборщикъ разсматривалъ деньги, другой Персіянинъ разрубилъ ему голову, послѣ чего перебили остальную стражу и безпрепятственно прошли мѣсто таможни. Когда Шахъ Абасъ съ войскомъ былъ уже близъ Тавриса, то, узнавши о прибытіи его, Альбаша (Allbascha), таможній Правитель, хотя и вышелъ противъ него съ своими вои-

нами, какихъ только успѣлъ собрать наскоро; но такъ какъ силы его были не велики, то его одолѣли, взяли самого въ плѣнъ и городъ заняли. Посреди города былъ прекрасный замокъ или крѣпость, построенный тамъ Гасаномъ Падшахомъ (или Усумъ Касаномъ); крѣпость эта держалась еще цѣлый мѣсяцъ; но наконецъ измѣною взята и разрушена до основанія. Отсюда Абасъ пошелъ на Нахичевань (Nachtzuan), и такъ какъ слухъ о походѣ на него Персидскаго Шаха достигъ туда прежде, то тамошнія стража оставила городъ и бѣжала въ крѣпость Ирванъ. Въ Нахичевани Шахъ Абасъ тоже разрушилъ замокъ, называвшійся Кишкибалабанъ (Kischkibalaban), и за тѣмъ пошелъ на большую и сильную крѣпость Ирванъ, которую и взялъ послѣ девятимѣсячной осады. Послѣ этого онъ позабралъ всѣ вокругъ лежавшіе города и области, безъ особеннаго сопротивленія, кромѣ крѣпости Орумп (Orumi), которая лежала на высокой скалѣ и была сильно защищаема. Не могши взять этой крѣпости послѣ восьмимѣсячной осады, и дознавъ, что Курды, жившіе на границѣ съ нею и не подвластные Туркамъ, но составлявшіе сами по себѣ особый народъ, приходили къ Туркамъ на помощь и были главнѣйше причиною того, что крѣпость держалась еще, Шахъ Абасъ придумалъ хитрость, и послалъ съ гонцами къ важнѣйшимъ начальникамъ Курдовъ дорогія платья и деньги, съ просьбою, чтобы они ему, Абасу, въ осадѣ крѣпости не мѣшали и помогли бы, за что онъ обѣщалъ, по взятіи крѣпости, отдать имъ все, что только найдется въ ней. Курды, какъ народецъ, проживающій только хищничествомъ, охотно согласился на это; и когда, такимъ образомъ, съ помощію ихъ, крѣпость была взята, Шахъ Абасъ пригласилъ начальниковъ Курдскихъ на пиръ, въ свою палатку. Въ эту палатку онъ приказалъ сдѣлать только одинъ входъ, который былъ завѣшенъ полотномъ палатки такимъ образомъ, что въ самую средину ея можно было пройти только извилистымъ, змѣеобразнымъ, путемъ, въ которомъ, если кто пройдетъ шесть шаговъ, то слѣдовавшій за нимъ уже не могъ видѣть его за этѣми извилинами. Въ этомъ-то проходѣ Абасъ поставилъ двухъ палачей или убійцъ, которые должны были перебить, и перебили, по одиначкѣ всѣхъ приглашенныхъ гостей. Шахъ Абасъ поступилъ такъ изъ опасенія, что въ будущемъ люди этѣ въ крѣпости будутъ ему столько же опасны, сколько теперь они помогли ему.

За тѣмъ Абасъ покорилъ всю окрестную сторону и оставилъ въ ней, вмѣстѣ съ крѣпостью Оруми, стражу, подъ начальствомъ Кабанъ-Хана, а самъ пошелъ далѣе, взялъ Карабахъ и все пространство между рѣками Араксомъ и Куромъ (или Арасомъ и Киромъ), завоевалъ также Шемаху, послѣ семимѣсячной осады, и весь Ширванъ, и поставилъ тамъ Ханомъ, не разъ уже упоминаемаго зятя своего, Дзюльфакаръ-Хана. Когда жители Дербента услыхали, что Шахъ Абасъ такъ счастливо и успѣшно покорялъ все своей власти, и что онъ не далеко уже и отъ ихъ города, то они избили свою стражу (состоявшую изъ Турокъ) и добровольно передались Шаху Абасу. Послѣ этого Абасъ направился и вступилъ въ Гилянъ, привелъ снова къ покорности тамошніе упорные народцы, которые при Шахѣ Тамасѣ отложились было отъ владычества Персовъ. За тѣмъ, у Ленкерана, доступъ къ которому какъ бы замкнутъ былъ огромнымъ болотомъ, онъ устроилъ, изъ кустарника и песку, удобную дорогу и въ разныхъ городахъ и областяхъ посадилъ своихъ Хановъ, а именно: въ Астарѣ—Баиндуръ-Хана (Baindurchan), въ Кескерѣ — Мортуса-Кули-Хана (Murtusa Culichan), въ Рештѣ—Везира, въ Тюнкабюнѣ (Tünkabün) Гейдеръ-Хана (Heiderchan), въ Масандеранѣ—Адама Султана (Adam Sultan), и въ Астарабадѣ—Госейнъ-Хана (Hosseinchan).

Возвративши снова и приведши къ покорности Гилянцевъ, вмѣстѣ съ другими помянутыми областями, отторгнутыми было отъ Царства Узбеками и Турками, Шахъ Абасъ пожелалъ предаться покою. Но едва прожилъ онъ мирно годъ въ Испагани, какъ пришла къ нему вѣсть, что Турка (т. е., Турецкій Султанъ), съ новыми великими силами, снаряжается опять войною на него и намѣревается вступить въ Персію съ 500,000 войска. Шахъ Абасъ немедленно также собралъ большую рать, расположился съ нею въ Таврисѣ, и ожидалъ тамъ непріятеля. Въ то же время всѣмъ городамъ и селеніямъ, лежавшимъ у Турецкихъ границъ, приказалъ, чтобы жители ихъ, со всѣми своими запасами, вышли оттуда и удалились бы во внутрь страны для того, чтобы непріятель не нашелъ себѣ ни какого продовольствія.

Когда Турки прибыли и расположились станомъ не далеко отъ Тавриса, Шахъ Абасъ приказалъ сдѣлать кличъ: «Не хочетъ ли кто быть охотникомъ-наѣздникомъ? Такіе пусть явятся къ

нему, и каждому изъ нихъ онъ будетъ платить по 50 рейхсталеровъ за всякую, принесенную ему, Турецкую голову, и все, что при этомъ достанется въ добычу, также отдастся имъ.» Такихъ охотниковъ нашлось до 5000 человѣкъ, и ежедневно, особенно къ утру, они приносили Абасу множество головъ, а одинъ изъ нихъ, по имени Байрамъ Текель (Bairam Tekel), добылъ такимъ образомъ въ одну ночь пять головъ, за каковую ревность его Шахъ Абасъ въ послѣдствіи сдѣлалъ его Ханомъ или Княземъ.

Послѣ 3-хъ цѣлыхъ мѣсяцевъ выжидательнаго положенія, Джакалъ Огли (Tzakal Ogli) (такъ назывался Турецкій военачальникъ) послалъ къ Шаху Абасу съ требованіемъ выйти въ поле, объявляя, что онъ желаетъ дать ему сраженіе; при чемъ онъ велѣлъ сказать Абасу: «Если бъ онъ также надѣялся на Бога и счастье, какъ онъ, Джакалъ, то не боялся бы битвы.» Шахъ Абасъ тотчасъ же вышелъ въ поле: оба войска страшно бились цѣлый день, но къ ночи Турки, потерпѣвшіе большой уронъ, отступили, и когда на слѣдующее утро Шаху Абасу донесли, что Турки снялись станомъ и ушли, Абасъ не хотѣлъ вѣрить, полагая, что то была только хитрость со стороны Турокъ, по чему 3 дни и три ночи держалъ войско на готовѣ, въ надлежащемъ порядкѣ, и даже самъ не уходилъ во все это время съ поля въ свою палатку. Когда же онъ удостовѣрился, наконецъ, что непріятель возвратился въ свои предѣлы, то отправился къ горѣ Сегендъ (Schend), и тамъ расположился. Сдѣсь три Хана, именно: Магмедъ-Ханъ Казакъ (Mahmedchan Kasak), Шагерухъ-Ханъ Ефшаръ Schaherichchan Efschar) и Исханъ Курджибаши (Ischan Kurtzibaschi), составившіе заговоръ противъ Шаха и поднесшіе ему яду (который, впрочемъ, скоро замѣченный, не оказалъ отъ принятаго Шахомъ противоядія, на него ни какого вреднаго дѣйствія), были изрублены саблями.

Два года спустя Турка (Султанъ) съ войскомъ въ 300,000 человѣкъ снова напалъ уже на Ирванъ, шесть мѣсяцевъ осаждалъ эту крѣпость и, не взявши ее, отступилъ во своя си. За тѣмъ опять черезъ два года Турки явились въ другой разъ, подъ начальствомъ полководца Муратъ-Паши (Murat Pascha), захватили Таврисъ и владѣли имъ 4 мѣсяца. Въ продолженіе этого времени не-

пріятели пять разъ сразились другъ съ другомъ, и Персы иногда терпѣли сильный уронъ. Наконецъ Шахъ Абасъ одержалъ послѣднюю побѣду и снова отвоевалъ себѣ городъ. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Ардебиль, гдѣ приказалъ казнить, уже не разъ упоминаемаго Шамахинскаго Хана, Дзюльфакаръ Хана, по настоянію своей жены, какъ это было уже сказано, и на мѣсто его назначилъ въ Шамаху Юсуфъ-Хана, родомъ Армянина, котораго Шахъ Абасъ купилъ еще въ дѣтствѣ и долгое время держалъ при себѣ въ качествѣ придворнаго прислужника.

Послѣ этого Персія находилась въ покоѣ въ продолженіи 20-ти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однажды Турки, подъ начальствомъ Халиль-Паши (Chalil Pascha), въ количествѣ 8 тысячь человѣкъ, между которыми было много Крымскихъ и Перекопскихъ Татаръ, снова не вторглись въ предѣлы Персіи и не взяли Тавриса; противъ него Шахъ выслалъ Карджукай Хана (Kartzukhaichan), храбраго и счастливаго витязя, который, послѣ 8-мидневнаго сраженія, прогналъ непріятеля. Изъ этого сраженія Карджукай-Ханъ привелъ съ собою плѣнныхъ двухъ Татарскихъ Князей: Омерсебека (Omersebek) и Шагинкерай-Хана (Schahinkeraichan), одного Башу (Пашу) Египетскаго, одного Сирійскаго изъ Алепа и по одному изъ Арзерума и Вана. Но Шахъ рѣшилъ, что для него славнѣе и приличнѣе будетъ, когда онъ выкажетъ себя милостивымъ по отношенію къ этѣмъ плѣннымъ, а по тому подарилъ каждому изъ нихъ по новому платью и коню, и отпустилъ ихъ съ миромъ отъ себя.

Послѣ этого Шахъ Абасъ девять мѣсяцевъ простоялъ въ Грузіи, гдѣ, въ области Сеггенъ (Seggen), лежащей въ срединѣ Грузіи, явился Тамерасъ Ханъ (Tameras chan), сынъ Симеона, съ войскомъ, и вздумалъ воевать съ Шахъ Абасомъ, но онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и потерялъ множество своихъ подданныхъ. Сдѣсь Шахъ Абасъ заплатилъ своимъ воинамъ жалованье за цѣлый годъ; но когда онъ узналъ, что воины весьма много изъ этого жалованья истратили на табакъ, то во всемъ своемъ станѣ запретилъ употребленіе табаку, и даже приказалъ обходить палатки и изслѣдовать, не пахнетъ ли гдѣ табакомъ; уличеннымъ въ нарушеніи такого запрещенія рѣзали носъ и губы.

Одинъ Персидскій купецъ, не знавшій этого запрещенія, явился въ станъ съ 9 тюками табаку, въ надеждѣ нажить деньги, а вмѣсто того потерялъ жизнь. Шахъ, узнавъ объ его прибытіи, приказалъ табачнаго продавца, вмѣстѣ съ табакомъ его, взвалить на костеръ и сжечь.

Изъ Грузіи Шахъ Абасъ отправился въ Гилянъ, гдѣ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу (Sefi Myrsa), о чемъ далѣе скажу подробно.

Узнавъ, что Тамерасъ Ханъ снова завоевалъ мѣстности, которыя Шахъ Абасъ задолго предъ тѣмъ отнялъ у него, и что онъ сталъ тамъ съ своею ратью, Шахъ вторично послалъ туда войско, назначивъ полководцами и начальниками въ немъ Али-Кули-Хана (Aliculichan), Магмедъ-Ханъ Каджара (Mahmedchan Katzar), и Мортуса-Кули-Хана (Mortusaculichan) Талишскаго, вмѣстѣ съ другими Ханами. Когда же эти Ханы возвратились, не исполнивъ дѣла, и объяснили, что непріятель слишкомъ силенъ, Шахъ въ негодованіи приказалъ казнить высшихъ начальниковъ. На другой годъ онъ самъ пошелъ съ великою ратью противъ Тамераса и поклялся, что если онъ одержитъ побѣду, то распродастъ всѣхъ жителей Грузіи, по абасу за человѣка; одинъ абасъ равняется Любецкой маркѣ или 8-ми грошамъ. Такъ какъ Шахъ Абасъ оказался побѣдителемъ и набралъ несчетное множество плѣнныхъ, то случилось однажды, что одинъ простой воинъ, поднявъ руку вверхъ съ 2-мя абасами, обратился къ Шаху съ такимъ требованіемъ: «Эй, Шахъ Абасъ, продай-ка мнѣ пару хорошенькихъ дѣвушекъ!» Шахъ вспомнилъ тутъ о своей клятвѣ и приказалъ выбрать этому воину двухъ лучшихъ дѣвицъ за два абаса. Въ то время множество Христіянъ выведено было изъ Гурзіи въ Испагань, которыхъ потомковъ и мы еще тамъ застали.

Около этого времени Шахъ получилъ изъ Вавилона или изъ Багдада письмо отъ одного тамошняго Подбаши (Unter Bassa) (младшаго Баши), по имени Бекиркега (Bekirkeha), который предлагалъ предать ему городъ, такъ какъ главный Баша въ Багдадѣ умеръ, а его, Бекиркегу, повысить не желаютъ и не удостоиваютъ предоставить ему это мѣсто, но хотятъ посадить на него совсѣмъ

сторонняго человѣка, то за это онъ вознегодовалъ на Турокъ и желаетъ отдачею города отмстить имъ свою обиду; и такъ, пусть только Шахъ придетъ и возметъ городъ. Шахъ Абасъ поспѣшно отправился съ войскомъ къ Вавилону; но когда онъ подступилъ къ нему, то гнѣвъ Бекиркеги уже прошелъ, можетъ быть, и по тому, что онъ получилъ удовлетвореніе; онъ не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія и прислалъ сказать Шаху, что къ услугамъ Кизильбаши онъ не имѣетъ ни чего, кромѣ пороха и дроби. Въ отмщеніе за такое оскорбленіе Шахъ Абасъ далъ великую клятву: во что бы то ни стало добыть городъ, или онъ не отойдетъ живымъ отъ него. Онъ держалъ городъ шесть мѣсяцевъ въ осадѣ, и наконецъ зимою уже провелъ подъ него мину (въ чемъ Персіяне очень искусны), взорвалъ часть городской стѣны на воздухъ и приступомъ вошелъ въ него. Такимъ образомъ Шахъ взялъ городъ, а съ нимъ и Бекиркегу, котораго онъ приказалъ нагого зашить въ сырую бычачью шкуру, положить на дорогѣ и кормить ежедневно; высыхая бычачья шкура сжимается и страшно-мучительно сдавливаетъ человѣка. Случилось, что мимо несчастнаго проходилъ однажды Шахъ Абасъ. Бекиркега вскричалъ къ нему: «О Шахъ Эйманъ(Eimman)! Сжалься, Шахъ, надо мною и помоги мнѣ!» Шахъ отвѣчалъ: «А за чѣмъ ты не помогъ мнѣ и заставилъ меня посидѣть за городомъ? Оставайся же теперь въ этой бычачьей шкурѣ и околѣвай!» Сынъ Бекиркеги упалъ въ ноги Шаху и оправдывался тѣмъ, что онъ не принималъ ни какого участія въ неправдахъ отца; Шахъ смиловался надъ нимъ, обѣщалъ заступить ему мѣсто отца и, въ знакъ своей милости, назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Ширасъ, такъ какъ мѣсто это лежитъ среди Персіи и вдали отъ границъ.

Годъ спустя Турецкій Султанъ снова послалъ войско, подъ начальствомъ Гафисъ Ахмедъ Паши, взять Багдадъ. Шахъ освободилъ этотъ городъ отъ осады и простоялъ цѣлые 5 мѣсяцевъ близъ него, воюя съ Турками. А такъ какъ въ то время было чрезвычайно жаркое лѣто и великій зной, то Турки не могли выносить такъ, какъ Персіяне, по тому въ войскахъ Турецкихъ распространилась зараза, похитившая у нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ слѣдствіе сего Гафисъ Ахмедъ, не исполнивъ дѣла, принужденъ былъ возвратиться въ Царьградъ. Около этого времени

Шахъ приказалъ построить городъ Ферабатъ въ Масандеранѣ, поводомъ чему послужила прекрасная мѣстность при селеніи Тагона (Tahonà), гдѣ въ Каспійское море впадаетъ рѣка, обильная рыбою.

Едва только пробылъ Шахъ Абасъ два года въ покоѣ послѣ описанной сей часъ Вавилонской войны, какъ Турецкій Султанъ поднялся еще разъ, снова желая попытать своего счастья надъ городомъ Багдадомъ, и послалъ туда Халиль-Пашу съ 500,000 войска. Для освобожденія города отъ осады, Шахъ послалъ впередъ храбраго витязя Карджугай-Хана, съ нѣсколькими, тысячами отборныхъ воиновъ, а самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ съ многочисленною ратью. Сдѣсь опять непріятели бились до шести мѣсяцевъ; наконецъ однажды Карджугай-Ханъ, воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, двинулъ всѣми силами своими на непріятеля и выбилъ его съ поля, такъ что Халиль-Паша принужденъ былъ бѣжать вплоть до Нефджеда (Neftzed). Шахъ Абасъ, который не присутствовалъ при этомъ сраженіи, а сидѣлъ въ городѣ Багдадѣ, услыхавъ о такой великой побѣдѣ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Карджугай-Хану, и когда приблизился къ нему, всталъ съ коня и сказалъ: «Любезный мой Ага! Черезъ тебя я одержалъ побѣду, болѣе которой я не могъ бы вымолить у Бога! Поди, сядь на моего коня: я буду слугою твоимъ!» Карджугай-Ханъ отнѣкивался отъ такой великой чести, говоря: «Нѣтъ, мой повелитель, это не подобаетъ. Вспомни, что я рабъ твой, и не унижай себя такимъ образомъ!» То же сказали и другіе Ханы. Но Шахъ возразилъ: «Я такъ хочу, мнѣ это нравится!» И такимъ образомъ виновникъ побѣды долженъ былъ сѣсть на Царскаго коня, а самъ Шахъ прошелъ подлѣ него пѣшкомъ 7 шаговъ въ качествѣ слуги, что сдѣлали и другіе Ханы. Объ остальныхъ битвахъ, которыя Шахъ Абасъ счастливо и успѣшно предпринималъ противъ вторгавшихся Турокъ и для подавленія часто повторявшихся возстаній Грузинъ и Армянъ, равно какъ и о взятіи имъ, за 6 лѣтъ до своей смерти, у Португальцевъ, съ помощію Англичанъ, острова Ормуса, пзлагать сдѣсь было бы излишне.

Европейскіе монахи очень хвалили Шаха Абаса, говоря, что онъ былъ добрымъ другомъ Христіянъ, неоднократно посѣщалъ

Августинскій монастырь, который былъ тогда только что построенъ въ Испагани, приглашалъ монаховъ къ своему столу, даже иной разъ ночью, такъ что они думали не разъ, что Шахъ имѣетъ что либо противъ нихъ, и приглашенія его могли стоить имъ жизни, по чему, отправляясь на зовъ, они обыкновенно прощались навсегда съ остальною братіею, но, вмѣсто того, Шахъ сажалъ приглашенныхъ за столъ, дружески бесѣдовалъ съ ними, оказывалъ имъ всякое добро, надѣвалъ на шею ихъ Rosarium, и Pater Noster (четки), часто вздыхалъ и говорилъ: «Я не знаю еще, какою истинною дорогою пойду!», и за тѣмъ благоговѣйно читалъ свою Фатагъ (Fatah), молитву которой содержаніе находится при описаніи Вѣры Персовъ. Къ бѣднымъ онъ былъ чрезвычайно сострадателенъ и всегда имѣлъ бдительный надзоръ надъ злоупотребленіями въ продовольствѣ ихъ. Часто, выѣхавъ изъ какого ни будь города, переодѣтый, подъ другимъ видомъ, возвращался опять въ него, ходилъ на торжищѣ по хлѣбнымъ и мяснымъ лавкамъ, повѣрялъ вѣсъ и пойманныхъ имъ обвѣсчиковъ и обманщиковъ строго наказывалъ. Однажды, въ Ардебилѣ, онъ приказалъ засадить въ печь одного богатаго хлѣбника за то, что тотъ не хотѣлъ продавать хлѣба, говоря, что когда пріѣдетъ Шахъ Абасъ съ своими воинами, то онъ долженъ будетъ наполнить имъ горла хлѣбомъ, и по тому теперь долженъ беречь его; а одного мясника за обвѣсъ приказалъ повѣсить голою спиной на крюкъ, на которомъ вѣшалась говядина.

Онъ имѣлъ обычай раздавать бѣднымъ только изъ тѣхъ именно денегъ, которыя онъ получалъ въ подать съ домовъ терпимости. Онъ говорилъ обыкновенно: «Что дается бѣднымъ, то не должно быть вымогаемо у другихъ и собираемо противъ ихъ воли. Подданные, конечно, не совсѣмъ-то охотно удѣляютъ изъ кошелька своего; но пѣтъ денегъ, охотнѣе отдаваемыхъ, какъ тѣ, которыя идутъ въ дома терпимости.»

Шаха Абаса также высоко славили за то, что онъ требовалъ всегда праваго суда и справедливости въ судилищахъ. Судей, которые съ тяжущихся брали Русветъ (Rusvet) или взятки (тайные подарки), онъ предавалъ поруганію и строго наказывалъ. Такъ однажды, узнавши, что Каси или Судья Испаганскій, по одному важ-

ному дѣлу, взялъ съ каждой изъ тяжущихся сторонъ по 15 туменовъ взятку (Ruswet), и затѣмъ уговорилъ ихъ покончить дѣло добрымъ миромъ, Шахъ опредѣлилъ судьѣ слѣдующее наказаніе: велѣлъ посадить его на осла, лицомъ къ хвосту, надѣвши ему на шею, посверхъ его богатой одежды, внутренности только что убитой овцы; при чемъ судья долженъ былъ держаться руками за хвостъ осла, и въ такомъ видѣ водить его вокругъ по всему Майдану. Впереди его шелъ Джарджи или глашатай, который громко провозглашалъ: «Такъ Шахъ поступитъ со всякимъ, кто, чтобы покривить правдой, возьметъ взятку!» Послѣ такой торжественной ѣзды Каси былъ высланъ изъ города.

Хотя Шахъ Абасъ былъ иногда очень строгъ, но въ странѣ своей управлялъ мудро и съ пользою, и по отношенію къ своему отечеству заявилъ себя такъ, что подданные его, жившіе при немъ, и теперь еще вздыхаютъ, вспоминая о немъ.

Онъ имѣлъ 3-хъ законныхъ женъ и нѣсколько сотенъ Хасе (Chesse) или наложницъ, отъ которыхъ прижилъ 3-хъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Сыновья у него были: Сефи Мирза, Ходабенде Мирза и Имамкули Мирза. Перваго, старшаго, онъ прижилъ отъ Христіянки, невольницы изъ Грузіи, и этотъ сынъ былъ почтенный и многими способностями одаренный. Князь этотъ, достигши мужескихъ лѣтъ, провѣдалъ, что одинъ Шемахинскій купецъ подарилъ отцу его чрезвычайно красивую дѣвицу изъ Черкешенокъ; эту красавицу Сефи Мирза просилъ у отца, чтобы ее воспитать въ будущую жену ему, на что отецъ, весьма любившій его за то, что тотъ умѣлъ всегда угождать ему, охотно согласился, и такимъ образомъ дѣвица та отдана была матери Сефи на присмотръ и воспитаніе. Съ этой женой Сефи Мирза прижилъ потомъ сына, по имени Самъ (Sam) Мирзу, который наслѣдовалъ въ правленіи дѣду; ибо Шахъ Абасъ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу, хотя единственно по одному только подозрѣнію, какъ это окажется въ слѣдующей за симъ главѣ.

ГЛАВА XXXI.

О безвинной и мученической смерти, которой Шахъ Абасъ повелѣлъ предать сына своего, Сефи Мирзу, и что сталось съ исполнителемъ убійства.

Когда управленіе стараго Шаха Абаса для нѣкоторыхъ Хановъ дѣлалось чѣмъ далѣе, тѣмъ строже и тяжеле, то они подумывали, что лучше было бы, если бъ Абасъ отправился къ своимъ предкамъ, а сынъ его вступилъ въ правленіе. Въ такихъ мысляхъ они подбросили однажды въ домъ Сефи Мирзы письмо, въ которомъ высказывали свое негодованіе на черезъ чуръ уже долго зажившагося Шаха, и свое желаніе, какъ бы только поскорѣе поздравить его, Сефи, съ вѣнцомъ и скипетромъ. Но Сефи Мирза, какъ человѣкъ правдивый и честный, принесъ письмо отцу и открылъ ему гнусную измѣну, будучи въ высшей степени возмущенъ ею. Отецъ, хотя и былъ, по видимому, весьма доволенъ вѣрностію своего сына, но онъ не могъ освободиться отъ всякаго его подозрѣнія, и по тому впалъ въ такой страхъ, что по ночамъ по три раза мѣнялъ свое спальное ложе, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что отъ такого страха своего онъ можетъ освободиться не иначе, какъ смертію своего сына. Когда по этому Шахъ отправился однажды въ Гилянъ со всѣми своими придворными, и въ Рештѣ одинъ наушникъ подтвердилъ еще подозрѣнія Шаха, сказавъ ему, что онъ замѣтилъ, будьто нѣкоторые Ханы замышляютъ что-то съ Сефи Мирзою противъ него, Шаха, то этотъ послѣдній потребовалъ къ себѣ, помянутаго уже выше, главнаго Начальника надъ войсками, Карджугай-Хана, и приказалъ ему умертвить Сефи Мирзу. Карджугай-Ханъ палъ Шаху въ ноги, снялъ съ себя саблю и заявилъ, что желаетъ лучше самъ потерять голову, чѣмъ посягнуть на голову Ханскаго сына. Ибо, продолжалъ онъ: «оказанная мнѣ милость и благодѣянія отъ твоего дома такъ велики, что я не долженъ даже и помыслить что либо недоброе противъ твоей крови, а не только совершить такое великое злодѣяніе.» Карджугай-Ханъ былъ родомъ и по вѣрѣ изъ Армянскихъ Христіянъ, въ дѣтствѣ похищенъ Татарами, обрѣзанъ и какъ невольникъ проданъ Шаху Абасу. Такъ какъ онъ обнаруживалъ въ себѣ добрую природу, честность и особенную

храбрость въ воинскомъ дѣлѣ, то ему дали ходъ, опредѣлили на службу и наконецъ онъ былъ назначенъ Сердаремъ или главнымъ начальникомъ войскъ всей Персіи; онъ одерживалъ также надъ непріятелемъ одну побѣду за другою, такъ что Шахъ Абасъ изъ любви къ нему всегда называлъ его Ага, т. е., Князь или Государь. Этотъ-то храбрый витязь былъ наконецъ постыднымъ образомъ умерщвленъ однимъ Грузинскимъ Княземъ, по имени Мауровъ (Maurow). Когда Карджугай-Ханъ описаннымъ образомъ отказался отъ убійства, то онъ былъ отпущенъ, а убійство поручено было одному Дворянину, по имени Бебутбеку (Bebutbek). Этотъ охотно согласился на злодѣяніе, пошелъ вооруженный на встрѣчу Сефи Мирзѣ, который возвращался съ купанья верхомъ на мулѣ, въ сопровожденіи только одного мальчика, и, встрѣтивъ его, хватилъ за узду мула и сказалъ: «Слѣзай, Сефи Мирза! По повелѣнію отца твоего, ты долженъ умереть.» Сефи Мирза всплеснулъ руками, взглянулъ на небо и, вздохнувъ, произнесъ: «Боже! Чѣмъ заслужилъ я такую великую немилость отца моего? Горе предателю, виновнику моей гибели! Но да исполнится воля Бога и Царя!» Въ это время Бебутбекъ вонзилъ хендже (Chentze, или Punger), кинжалъ, который Персіяне носятъ спереди, за поясомъ, дважды въ грудь Князя, такъ что тотъ упалъ на землю и тутъ же умеръ. Тѣло его 4 часа оставалось лежать въ болотѣ. За тѣмъ, когда оно было открыто, поднялся великій вопль и плачъ по убіенномъ, не только супруги и родственниковъ убитаго Князя, но и всего населенія города Решта, котораго, частію по незнанію о повелѣніи Царя, сбѣжалось къ Царскимъ палатамъ множество, вопило о злодѣйствѣ, требовало мщенія и осужденія всѣхъ тѣхъ, кто были виновны въ пролитіи неповинной Царской крови. Ханы и знатные вельможи разбѣжались отъ страха и оставили Шаха одного. Страхъ Шаха, происходившій прежде изъ одного только подозрѣнія, теперь удвоился отъ такого злодѣянія: онъ не показывался никому и сокрылся на нѣсколько дней. Такъ справедливо то, что говоритъ Тацитъ (Ann. lib. 15, pag. 610, ed. Francofurti, 1592): «Facinorum recordatione nunquam timore vacuus.» Царица, мать Сефи Мирзы, прибѣжала къ Шаху съ распущенными волосами и жалобными воплями, забывъ опасность, которой она черезъ это могла подвергнуться, накинулась на Шаха, частію въ слѣдствіе великой сердечной скорби, частію

по безпамятству, частію же по тому, что за свою всегдашнюю разумность она пользовалась его особымъ расположеніемъ; она нанесла ему даже побои и сказала: «Ты, Царь кровожадный! За чѣмъ сдѣлался ты убійцей собственной твоей крови, твоего имени и цѣлаго Царства! Кто же теперь будетъ царствовать послѣ тебя? Своимъ дѣломъ ты предалъ страну свою врагамъ твоимъ. И чѣмъ мой нѣжный сынъ, такъ сильно любившій тебя, заслужилъ такую смерть?» И много подобныхъ жалобныхъ рѣчей Царица говорила Царю. Шахъ Абасъ сидѣлъ словно оцѣпенѣлый, и наконецъ, залившись слезами, сказалъ: «Ахъ, что жь мнѣ дѣлать! Мнѣ наговорили, что съ нѣкоторыми Ханами онъ замышлялъ измѣну противъ меня! Теперь ужь не поможешь: дѣло ужь свершилось!»

Что о дѣлѣ этомъ Шахъ такъ же сердечно сокрушался, какъ нѣкогда Александръ объ убіеніи своего вѣрнаго друга, Клита, можно ясно видѣть не изъ одного только собственнаго признанія, но изъ послѣдовавшей за тѣмъ жизни и дѣйствій Шаха: десять дней онъ не выходилъ на дневной свѣтъ, сидѣлъ въ глубочайшей печали и не отнималъ платка отъ глазъ; цѣлый мѣсяцъ почти ни чего не ѣлъ и не пилъ. Въ продолженіи цѣлаго года носилъ печальное платье, и во всю потомъ остальную жизнь ходилъ въ самой простой одеждѣ, въ которой не было и признаковъ великолѣпія одежды Царской. Сдѣсь можно привести то, о чемъ сѣтуетъ Курцій въ одномъ мѣстѣ (lib. 8, c. 4): «Male humanis ingeniis natura consuluit, quod plerumque non futura, sed transacta, perpendimus.» Природа въ подобномъ случаѣ сообщила человѣческимъ страстямъ то не доброе свойство, что онѣ впервые справедливо обсуживаютъ, или видятъ, не тогда, когда что либо можетъ еще случиться, но только тогда, когда уже случилось что либо. Мѣсто, гдѣ совершено убійство Сефи, Шахъ велѣлъ обвести длинною каменною стѣною, сдѣлалъ изъ него Asylum или убѣжище свободы, и опредѣлилъ туда щедрые вклады для ежедневнаго кормленія бѣдныхъ. Но все это не могло уже возвратить сына къ жизни.

Послѣ 10 дней Шахъ выѣхалъ изъ Решта, отправился въ Касвинъ, и тамъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ тѣхъ Хановъ, ко-

торые заподозрѣны были имъ въ участіи съ сыномъ, а также наушника и доносчика на сына: за столомъ онъ приказалъ подмѣшать имъ въ вино яду, и, напоивши ихъ, продержалъ ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока тѣ не попадали мертвые.

Бебутбекъ хотя послѣ этого и былъ назначенъ Даругою (Daruga) въ Касвинъ, а наконецъ и Ханомъ въ Кескоръ, но готовность его къ умерщвленію помянутаго Князя не осталась не наказанною для него и семейства его. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ, когда Шахъ Абасъ пріѣхалъ къ нему въ Касвинъ, то велѣлъ ему отрубить голову собственному своему сыну и принести ее къ нему, Абасу. Печальный вышелъ Бебутбекъ отъ Шаха, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ исполнить строгое приказаніе его, и принесъ ему голову своего сына. Шахъ спросилъ у Бебутбека: «Какъ чувствуетъ онъ себя послѣ этого убійства?—«Ты легко можешь понять это, Царь!» отвѣчалъ ему Бебутбекъ со слезами. «То былъ мой единственный, любимый сынъ, надъ которымъ я долженъ былъ совершить дѣтоубійство. Сердце мое разрывается на части!»—«Теперь ты знаешь, Бебутъ, что должно было испытать и мое сердце, когда я твоими руками умертвилъ моего сына. Но утѣшься: наши сыновья оба тамъ, а мы оба сдѣсь испытываемъ съ тобою одинаковую участь!»

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Бебутъ Ханъ одному изъ своихъ слугъ пригрозилъ неизбѣжною смертью за то, что этотъ послѣдній, подавая ему на одномъ знатномъ пиру, послѣ обѣда, воду для омовенія рукъ (у Персіянъ обычай обносить теплою водою всѣхъ послѣ обѣда), подалъ воду довольно горячую, такъ что обжегъ Бебуту руки. Этотъ-то слуга согласился съ однимъ изъ своихъ товарищей, имя котораго также значилось въ черномъ спискѣ, и котораго ожидала подобная же казнь, избѣжать какъ ни будь угрожаемой имъ бѣды, и по такому-то согласію они напали ночью на порядочно выпившаго господина своего, убили его и убѣжали.

Шахъ Абасъ не хотѣлъ было преслѣдовать убійцъ, если бъ только Ханы и другіе знатные вельможи не потребовали того настоятельно, говоря, что если подобное убійство оставить не на-

казаннымъ, то въ будущемъ ни одинъ господинъ, сказавшій гнѣвное слово въ раздраженіи, не будетъ безопасенъ отъ своихъ невольниковъ. По этому убійцы были разысканы и преданы смертной казни.

Хотя Шахъ, какъ сказали мы, довольно ясно обнаруживалъ великое раскаяніе въ погубленіи своего сына, тѣмъ не менѣе можно было опасаться, что подобную же печальную драму онъ разыграетъ когда ни будь и съ Самъ Мирзою, сыномъ убіеннаго. По этому его мать содержала его у себя втайнѣ и не хотѣла болѣе приносить его къ дѣду. Но Шахъ Абасъ дѣйствительно любилъ мальчика внука, желалъ, чтобы онъ уцѣлѣлъ и былъ Шахомъ послѣ него; ибо другіе сыновья его, Ходабенде Мирза и Имамъ-Кули Мирза (Imamculi Myrsa), будучи дерзки и дики въ обращеніи съ отцомъ своимъ, подпали подъ гнѣвъ Шаха, и одному изъ нихъ онъ приказалъ выколоть глаза, а другого ослѣпить раскаленнымъ желѣзомъ, отъ чего оба они сдѣлались къ правленію неспособны.

Для того же, чтобы и этотъ наслѣдникъ не слишкомъ-то скоро заявилъ себя, не былъ бы слишкомъ бодръ и боекъ, и не подавалъ бы подданнымъ очень большихъ наеждъ, Шахъ Абасъ приказалъ, чтобы каждое утро давали ему по пріему, величиною съ горошинку, одуряющаго и опьяняющаго опіуму (который, какъ было сказано уже, Персіяне во множествѣ изготовляютъ и часто принимаютъ). Мать же Самъ Мирзы, какъ говорили нѣкоторые, давала ему вмѣсто того Тиріакъ (Tyriac) и другія предохранительныя противоядія.

Зимою 1629 года по Р. Х. Шахъ Абасъ отправился въ Ферабатъ, въ Масандаранѣ, гдѣ постигла его болѣзнь, которою онъ и былъ одержимъ 40 дней. Подумали было, что Шаха отравили; по чему врачъ его, Гакимъ Юсуфъ, чтобы извлечь ядъ, предписалъ больному пробыть сперва въ теплой водѣ 8 дней, а потомъ 4 дня въ тепломъ молокѣ, сидя въ нихъ по шею. Но какъ лѣченіе это ни сколько не помогло, и Шахъ началъ уже помышлять, что приходитъ конецъ его, то онъ потребовалъ къ себѣ бывшихъ тамъ при немъ 4-хъ изъ своихъ совѣтниковъ и придворныхъ, именно: Иса-Хана

Курджибаши (Isachan Kurtzibasch), Сейнель-Хана (Seinelchan), своего Тушмаля (Tuschmal) или кухмейстера, Темиръ-Бека (Temirbek), Овогли (Owogli) и Юсуфа Агу, камердинера, и объявилъ имъ, что, какъ замѣчаетъ онъ, отъ этой тяжкой болѣзни онъ иначе не отдѣлается, какъ только смертью; за тѣмъ онъ началъ распоряжаться и приказывать, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы пошли дѣла послѣ его смерти. Говорилъ имъ о состояніи Персидскаго Царства и о томъ, какъ опасно было бы послѣ его стерти, если бы правленіе поведено было безъ особой осмотрительности и осторожности, Что хотя оба сына его, Ходабенде и Имамъ-Кули еще живы, но они лишены зрѣнія и къ управленію по этому допущены быть не могутъ; въ слѣдствіе чего онъ желалъ, и такъ указалъ и въ завѣщаніи, чтобы старшій сынъ его старшаго сына, Сефи Мирзы (по его повелѣнію умерщвленнаго), Самъ Мирза, наслѣдовалъ престолъ, и по имени отца своего назывался Сефи. Исполнить это въ точности сказанные Совѣтники должны были обѣщать ему клятвенно, и хотя одинъ изъ его мнимыхъ предсказателей заявилъ, что Самъ Мирза процарствуетъ только 18 мѣсяцевъ, Шахъ пожалѣлъ объ этомъ, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «Пусть процарствуетъ, сколько можетъ, хотя бы даже 3 дня, только бы на главѣ его былъ Царскій вѣнецъ, которой слѣдовалъ отцу его.»

Тѣло свое Шахъ Абаса велѣлъ предать погребенію въ особомъ, указанномъ имъ, мѣстѣ; для того же, чтобъ не знали, гдѣ онъ лежитъ, отвезены три гроба въ разныя мѣста, именно: въ Ардебиль, Мешедъ и Вавилонъ, и погребены тамъ. Большинство же полагаетъ, что тѣло его отвезено въ Вавилонъ и погребено тамъ въ Неджефѣ (Netzeff), гдѣ находится гробница Аали; ибо, при завоеваніи Вавилона, когда онъ ѣхалъ въ Куфу, къ Неджефу (Netzeff), и увидѣлъ тамъ прекрасную мѣстность, то сказалъ, что онъ желаетъ сдѣсь по смерти имѣть мѣсто вѣчнаго покоя. Такимъ-то образомъ умеръ Шахъ Абасъ въ 1629 году по Р. Хр., на 63 году отъ рожденія и послѣ 45 лѣтъ правленія.

По причинѣ враждебныхъ сосѣдей, Узбековъ, а равно и Гилянцевъ, весьма склонныхъ къ возстанію, смерть Шаха хранили въ тайнѣ цѣлые 40 дней, пока не взошелъ на престолъ новый Шахъ, и для этого, по указанію самаго же Шаха Абаса, употреб-

лена была слѣдующая хитрость: мертвое тѣло его, одѣтое въ платье и съ открытыми глазами, посажено на обыкновенное Царское мѣсто, прислоненное къ ковру. Позади ковра сидѣлъ Камерднперъ его, Юсуфъ Ага, говорилъ вмѣсто Шаха и давалъ отвѣты Темиръ-Беку, который по обыкновенію докладывалъ Царю о дѣлахъ просителей, и вообще являвшихся къ Царю лицъ; объявлялъ также рѣшенія, а иногда черезъ коверъ поднималъ и опускалъ руки мертваго Абаса, такимъ образомъ, что этѣ приходившія стороннія лица, видѣвши Царя въ комнатѣ его только издали, вполнѣ были увѣрены, что онъ живъ еще.

Между тѣмъ Сейнельханъ поспѣшно отправился въ Испагань, къ Даругѣ Хозровъ Мирзѣ (Chosrow Myrsa), котораго Шахъ Сефи въ послѣдствіи произвелъ въ Ханы, ради его высокой честности, открылъ ему, что Шахъ Абасъ умеръ, и что его послѣдняя воля и завѣщаніе было таково, чтобы Самъ Мирза немедленно возведенъ былъ на Царство.

Шахъ Сефи.

Сейнельханъ съ Хозровомъ отправились въ крѣпость, въ Таберикъ Кале (Taberik Kale), гдѣ жилъ Самъ Мирза съ матерью, съ намѣреніемъ взять оттуда сына и посадить на Царство. Но страшно испуганная мать, подумавшая, что тутъ кроется новая измѣна, направленная противъ жизни ея сына, воспротивилась выдать сына, и хотя Сейнельханъ и Хозровъ настоятельно просили ее, подробно и убѣдительно разсказали ей въ чемъ дѣло, но ни коимъ образомъ не могли, уговорить ее отпустить сына. Пробывши такъ 3 дня и 3 ночи у дверей и видя, что возведеніе Сама Мирзы на престолъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, не терпѣло дальнѣйшаго отлагательства, сказанные вельможи сбирались было уже пригласить и другихъ вельможъ и насильно ворваться въ покои. Узнавъ о такомъ непремѣнномъ намѣреніи ихъ, мать Сама со слезами отворила двери, обратившись съ такими словами къ сыну: «Ступай, дѣтя мое, черезъ руки убійцъ твоихъ, къ отцу своему! Богъ да отомститъ за тебя!»

Когда Сейнельханъ и Хозровъ Мирза вошли во внутрь покоевъ, Самъ Мирза стоялъ въ великомъ страхѣ, дрожалъ и тре-

петалъ весь; они же тотчасъ упали ницъ передъ нимъ, и стали цѣловать ему ноги, съ пожеланіями благополучнаго вступленія на престолъ. Тогда только ужасъ матери и сына смѣнился великою радостію. Немедленно повезли они наслѣдника въ дворецъ Диванъ-Хане (Diwanchane), посадили его, по обычаю ихъ, на небольшой столъ, на Kalitzae ahdalet, или на коврахъ правосудія, какъ они называютъ ковры, которыми покрывается столъ, созвали знатныхъ вельможъ, возложили на Сама вѣнецъ, наименовавъ его Шахомъ Сефи, и, съ искреннимъ цѣлованіемъ его ногъ и пожеланіями всякаго счастія, поздравляли его со вступленіемъ на Царство.

ГЛАВА XXXII.

Какъ Шахъ Сефи началъ свое правленіе пролитіемъ множества крови, о чемъ приводится здѣсь и нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, что когда этотъ Шахъ явился на свѣтъ, то у него обѣ руки были полны крови, и когда Шахъ Абасъ услыхалъ это, то сказалъ: «Ну, этотъ молодчикъ помоетъ порядочно свои руки въ крови!», что дѣйствительно и случилось; ибо Шахъ Сефи тотчасъ же началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій и тиранствовалъ такъ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ въ Персіи Шаховъ въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Такъ, по наущеніямъ стараго Канцлера Государства, выше помянутаго Рустамъ Хана, главнаго военачальника и правителя Тифлискаго, а также по совѣтамъ и другихъ лицъ, онъ, частію посредствомъ разныхъ исполнителей его воли, частію же собственною рукою, порубилъ саблею и умерщвлялъ всѣхъ тѣхъ, которые были съ нимъ въ кровномъ родствѣ, а также и людей, бывшихъ главнѣйшими начальниками по разнымъ частямъ управленія страной. Въ слѣдствіе такихъ кровопролитій онъ сдѣлался наконецъ до такой степени свирѣпъ и кровожаденъ, что не щадилъ ни друзей, ни недруговъ, и часто, по ничтожнѣйшимъ причинамъ, безжалостно мучилъ и убивалъ людей, какъ это видно изъ примѣровъ, которые я хочу разсказать здѣсь въ немногихъ словахъ. Началъ онъ съ своихъ кровныхъ

родственниковъ, и приказалъ меньшому брату своему, Тамасу Мирзѣ, рожденному отъ Хассе или наложницы, выколоть глаза и посадить, вмѣстѣ съ другими, выше упомянутыми ослѣпленными же дядями его, Ходабенде и Имамъ-Кули, въ крѣпость Алимутъ (Alamuth), находящуюся въ 3-хъ дняхъ пути отъ Касвина, и вскорѣ за тѣмъ велѣлъ сбросить ихъ съ этой крѣпости на скалу, говоря, что они живутъ на свѣтѣ безъ всякой пользы.

Послѣ этого Царскій гнѣвъ палъ на Курджибашу, зятя его Иса-Хана, съ тремя его сыновьями, и къ избіенію ихъ Шахъ нашелъ слѣдующій поводъ: Иса-Ханъ былъ потомокъ Магумеда и Аали; отецъ его, Сендъ-Бекъ (Seidbek), при Ходабендѣ, былъ Ханомъ и Правителемъ Ардебильскимъ. При Шахѣ Абасѣ Иса-Ханъ оказалъ такое мужество и храбрость, что Шахъ сдѣлалъ его сперва Юсбашею или военнымъ начальникомъ, а потомъ, извѣдавъ и великую вѣрность его, женилъ даже на своей дочери. Послѣ этого онъ всегда находился у Шаха Абаса въ большомъ почетѣ и употреблялся по важнымъ дѣламъ. Въ правленіе Шаха Сефи онъ служилъ главнымъ начальникомъ надъ стрѣлками изъ лука, которыхъ Персіяне называютъ Курджибаши. Съ своею женою (сестрою отца Шаха Сефи), Иса-Ханъ прижилъ 3-хъ сыновей, прекрасныхъ дѣтишекъ, которыми мать гордилась по справедливости. Однажды, когда эта мать въ разговорѣ съ племянникомъ своимъ, Шахомъ Сефи, у котораго она была въ особомъ уваженіи, пошутила и спросила: «Какъ это случилось, что уже болѣе двухъ лѣтъ имѣя столько женъ, у него нѣтъ и признака, чтобы можно было расчитывать на новорожденнаго наслѣдника, а вотъ она одна родила своему мужу 4-хъ сыновей?» Шахъ Сефи отвѣчалъ ей на это, что еще молодъ, процарствуетъ долго и очень еще успѣетъ въ это время прижить себѣ наслѣдника. На что тетка возразила: «Какъ можетъ поле, недостаточно воздѣланное, зеленѣть и приносить плоды?» замѣтивъ при этомъ, что если онъ, Шахъ Сефи, въ будущемъ не поведетъ себя лучше въ этомъ отношеніи, то дѣло можетъ дойти до того, что по смерти его, одинъ изъ ея сыновей получше, заявитъ себя на его мѣстѣ. Хотя шутка эта жестоко уязвила въ сердце Шаха, однако жь онъ тогда не далъ этого замѣтить. Но на слѣдующее утро три несчастные брата, изъ которыхъ стар-

шему было 22 года, среднему 15 и младшему всего 9 лѣтъ, потребованы были въ садъ, размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ и всѣ обезглавлены Али-Кули-Ханомъ Диванъ-Бекомъ. Головы ихъ Шахъ приказалъ уложить въ золотую покрытую чашу, въ которой обыкновенно подается къ столу рисъ и къ обѣду велѣлъ пригласить мать. Шахъ припоминаетъ ей вчерашній разговоръ, открываетъ чашу, вытаскиваетъ изъ нея за носы головы ея дѣтей, одну за другой, и говоритъ: «Смотри, вотъ дѣти плодовитыхъ родителей!» При такомъ неожиданномъ и страшномъ зрѣлищѣ несчастная женщина онѣмѣла и какъ бы оцѣпенѣла, оставшись неподвижною на своемъ мѣстѣ. Но увидя за тѣмъ, что лицо Шаха звѣрски искривилось, и полагая, что и ей тутъ же грозила неминуемая смерть, она упала на землю, дрожа всѣмъ тѣломъ, цѣловала ноги Шаха и сказала: «Все это хорошо, да живетъ Шахъ долго и долго!» Послѣ этого Шахъ отпустилъ ее, призвалъ отца убитыхъ дѣтей и, показывая ему головы ихъ, спросилъ: «Какъ это нравится ему?» Но Иса-Ханъ затаилъ въ себѣ глубокую скорбь и сказалъ: «Мнѣ это ни сколько не больно, и если бъ Шахъ мнѣ приказалъ снять ихъ головы, то я охотно исполнилъ бы его волю. Я не желаю имѣть вовсе дѣтей, если они не угодны Шаху.»

Это была почти такая же трагедія, какую нѣкогда разыгралъ Персидскій Царь, Астіягъ, съ хорошимъ другомъ своимъ, Гарпагомъ, давши ему на пиршествѣ цокушать мяса собственнаго его сына, и за тѣмъ приказавъ голову и руки убитаго поставить въ закрытомъ коробѣ передъ отцемъ. Открывъ коробъ, Царь спросилъ: «Ты видишь теперь, какую дичь ты ѣлъ: какъ понравилась она тебѣ?» На это Гарпагъ отвѣчалъ: «Онъ видитъ это хорошо, и ему нравится все, что бы ни сдѣлалъ Царь (Цѣлую исторію эту можно прочесть у Геродота кн. 1, гл. 119). Вспоминая это происшествіе, Сенека говоритъ о гнѣвѣ (de ira): «Quid hac adulatione profecit? ne ad reliquias invitaretur.» Такъ случилось и съ Иса-Ханомъ; ибо хотя онъ такою покорною рѣчью и спасъ на этотъ разъ жизнь свою, но вскорѣ послѣ того все таки поплатился своею головою, вмѣстѣ съ другимъ вельможею; а онъ былъ одинъ изъ лицъ, помогавшихъ возведенію Шаха на престолъ. Около этого времени Шахъ приказалъ также снять голову съ одного знатнаго Князя и совѣтника своего, Джира-Хана (Tzirrachan), именно по слѣдующей причинѣ.

Такъ какъ Шахъ Сефи былъ очень расположенъ къ Джира-Хану, и даже далъ ему въ жены одну изъ своихъ прислужницъ (наложницъ), то часто шутилъ съ нимъ. Однаджы, когда Джира-Ханъ, бывши въ банѣ, запоздалъ къ обѣду, и явился къ столу съ особенно краснымъ лицомъ, Шахъ спросилъ его: «Не по тому ли онъ замѣшкался такъ въ банѣ, что ужь очень прилѣжно послужилъ своей новой женѣ?» На это Джира-Ханъ отвѣчалъ: «Да, ты угадалъ, Царь! Я дѣйствительно позалежался съ женой, только не съ моею, а съ женою Маршала Агаси-Бека (Agasibek),» который тутъ же стоялъ предъ Шахомъ съ золотымъ посохомъ. Такой отвѣтъ устыдилъ Шаха, а къ стыду въ немъ примѣшался и гнѣвъ, такъ что онъ опустилъ глаза въ землю, молча поднялся съ своего мѣста и ушелъ въ свой покой. Джира-Ханъ, замѣтивши, что онъ не во время и далеко уже зашелъ своей шуткой, также всталъ и отправился домой. Шахъ принялъ къ сердцу не столько самый поступокъ нарушенія брачной чистоты, сколько то посрамленіе, которое, казалось ему, онъ понесъ отъ дерзкой рѣчи, такъ безстыдно высказанной относительно его и Агаси-Бека, въ присутствіи множества вельможъ. По этому, освѣдомясь, что Джира-Ханъ ушелъ домой, онъ потребовалъ къ себѣ Маршала и сказалъ ему: «Ты слышалъ, Агаси, какъ обезчестилъ тебя Джира въ твоемъ домѣ, и теперь еще издѣвается надъ этѣмъ, при чемъ не пощадилъ и меня; за это ступай сей же часъ и принеси мнѣ сюда его голову!» Агаси-Бекъ пошелъ въ домъ Джира; Шахъ же, пождавши нѣкоторое время и видя, что Агаси-Бекъ приходитъ и не несетъ головы Джиры, послалъ другого нарочнаго въ домъ Джира-Хана узнать, какъ идетъ тамъ приказанное имъ дѣло. Посланный воротился съ извѣстіемъ, что оба, Агаси и Джира, сидятъ себѣ вмѣстѣ въ веселой и пріятельской бесѣдѣ и пьютъ. Шахъ расхохотался и сказалъ: «Ja Kurrumsak! т. е., Ахъ ты, снисходительный рогоносецъ!» Но за тѣмъ смѣхъ его тотчасъ же смѣнился бѣшенымъ гнѣвомъ; ибо онъ считалъ, что неисполненіемъ его приказанія ему нанесено еще большее оскорбленіе, и по тому съ великою поспѣшностію онъ повелѣлъ, чтобы Диванъ-Бекъ, или главный Земскій Судья, по имени Али-Кули-Ханъ (братъ Хана Таврискаго, Рустама), отправился въ домъ Джиры, снялъ головы съ обоихъ собесѣдниковъ, и повергъ бы ихъ къ ногамъ его.

Агаси-Бекъ, по внушенію собственнаго сердца, или же по тайному извѣщенію кѣмъ либо о послѣдовавшемъ строгомъ повелѣніи Шаха, ушелъ отъ Джиры и скрылся такъ, что въ продолженіи нѣкотораго времени его нигдѣ не могли найти. Джира-Ханъ же, понадѣявшись на Царскую милость и на то, что ему и прежде не разъ сходили съ рукъ его дерзкія рѣчи, остался дома, отъ чего и лишился головы, которая и была принесена къ Шахскимъ стопамъ. Агаси-Бекъ спасъ потомъ жизнь свою помощію Sijaret-name, о чемъ подробнѣе скажу при описаніи Вѣры Персовъ.

Послѣ этого дѣло дошло до знатнѣйшаго Князя, Сейнель-Хана (Seinelchan), Царскаго Дворецкаго, который съ Иса-Ханомъ прилагалъ великіе труды и стараніе о томъ, чтобы возвести Шаха Сефи на Царство. Къ этому происшествію можно приложить старую пословицу: «Malum consilium consultori pessimum.»

Въ 1632 году, когда Шахъ Сефи возвращался съ Вавилонской войны, въ которой онъ прогналъ Турокъ, осадившихъ было городъ Багдадъ, и когда онъ расположился станомъ съ войскомъ своимъ у Гемедана (Hemedan), нѣкоторые Ханы и военные начальники, сопровождавшіе его, имѣли однажды между собою откровенный разговоръ о великомъ тиранствѣ и кровопролитіяхъ, совершенныхъ уже столь юнымъ еще Шахомъ ихъ. Сейнель-Ханъ, бывшій также между разговаривавшими, отправился къ Шаху, разсказалъ ему за тайну все, имъ слышанное, и далъ ему при этомъ совѣтъ, чтобы онъ, если только желаетъ царствовать въ безопасности, отрубилъ головы тѣмъ изъ бесѣдовавшихъ, которые пользуются между ними наибольшимъ уваженіемъ. Шахъ отвѣтилъ на это: «По этому я долженъ начать съ тебя, какъ съ моего Дворецкаго; ибо ты старѣйшій изъ нихъ и тоже былъ съ ними на бесѣдѣ. Точно также поступилъ и мой дѣдъ, который убилъ своего Дворецкаго, и потомъ царствовалъ благополучно.» Сейнель-Ханъ же сказалъ: «Царь! Хоть сдѣлать это легко и мнѣ, прожившему уже свой вѣкъ, по тому что все равно умереть сего дня, или завтра, но и по смерти моей отсутствіе мое будетъ тебѣ во вредъ. Что я говорилъ тебѣ, я думалъ только, какъ бы тебѣ было лучше.» Послѣ этого разговора Шахъ побѣжалъ къ своей матери, которая также находилась въ томъ же мѣстѣ (ибо у Персовъ и

нынѣ также, какъ и при Царѣ Даріѣ, существуетъ обычай, чтобы мать, жены и другіе родные, сопровождали Царя въ походахъ), и открылъ ей донесеніе и совѣтъ своего Дворецкаго. На слѣдующій день мать Шаха потребовала Сейнель-Хана къ себѣ въ палатку, чтобы вывѣдать у него, кто именно были злоумышленниками противъ Шаха, сына ея. Шахъ же, увидя, что Сейнель-Ханъ находится у матери его, выскочилъ изъ своей палатки и, подобно скорѣе безумному, чѣмъ разсудительному человѣку, не говоря ни слова, зарубилъ его на глазахъ матери своей, изъ недобраго ли подозрѣнія его въ сношеніяхъ съ матерью, или по иной злобѣ, которую онъ возымѣлъ на него.

Объ этомъ Сейнель-Ханѣ приведу здѣсь еще нѣкоторыя свѣденія. За свой свѣтлый умъ и вѣрность онъ былъ очень любимъ Шахомъ Абасомъ и часто отправляемъ въ качествѣ Посла къ разнымъ Государямъ, и однажды въ Лагоръ, къ Индійскому Царю, по дѣлу о спорныхъ границахъ Кандагара. Отправляя его по этому послѣднему порученію, Шахъ Абасъ, схвативъ себя за рубашку, такъ увѣщевалъ Сейнель-Хана: «Какъ рубашка эта плотно прилегаетъ на мнѣ, такъ и ты, Сейнель, долженъ крѣпко прилежать ко мнѣ, и въ вѣрномъ исполненіи моего порученія держать и вести себя такимъ образомъ, чтобы ни честь моя, ни мое достояніе, не потерпѣли черезъ тебя ни малѣйшаго ущерба.» Что Сейнель-Ханъ и обѣщалъ исполнить торжественно, и что онъ исполнилъ потомъ въ высшей степени достойнымъ образомъ.

Въ Индіи существуетъ обычай, что представляющіеся Царю должны привѣтствовать его глубокимъ земнымъ поклономъ и, припавъ къ землѣ, поднять руку надъ своею головою. Этотъ же Посланникъ, Сейнель, являлся къ Царю всегда не склоняясь, не сгибая своего тѣла и привѣтствуя Могола только своимъ: «Ssalom Alek!» Царю показалось это оскорбительнымъ, и онъ поручилъ своимъ придворнымъ склонить Посла, сперва дружественными увѣщаніями, а наконецъ и обѣщаніями дорогихъ отъ Царя подарковъ, чтобы онъ представлялся съ большимъ приличіемъ и выраженіемъ ему большаго уваженія. Когда же Посланникъ не подался ни на что, говоря, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ строго соблюдать представляемую имъ высокую честь своего Царя,

которую онъ цѣнятъ выше всѣхъ сокровищъ Индіи, и что, де, Шахъ Абасъ довольно богатъ и можетъ съ избыткомъ одарить его, Сейнель-Хана, то Индійскій Моголъ придумалъ хитрость: приказалъ противъ самаго Царскаго престола устроить низкую дверь, для того, чтобы Персидскій Посланникъ, будучи довольно высокаго роста, проходя въ эту дверь, по неволѣ долженъ былъ наклониться передъ Царемъ. Но Посланникъ, подошедши къ этой двери, тотчасъ же придумалъ въ отпоръ свою хитрость: онъ повернулся и вползъ въ дверь задомъ. Это разсердило Могола до такой степени, что онъ не только не далъ Посланнику ни какого подарка, который обыкновенно бываетъ довольно цѣненъ, но не велѣлъ даже ничтожной вещи отпускать для него безъ денегъ, въ слѣдствіи чего Посланникъ, чтобы продовольствовать себя и спутниковъ своихъ, долженъ былъ продавать серебряную посуду отъ своего стола и золотыя сѣдельныя украшенія. Подобнаго чествованія и поклоненія Өивскій Посолъ не хотѣлъ тоже удостоить Персидскаго Царя, Артаксеркса; но такъ какъ онъ хорошо зналъ, что, по обычаямъ Персидскаго народа, отъ Царя ихъ нельзя было ни чего получить и достигнуть иначе, какъ являясь къ нему съ низкимъ поклономъ, о чемъ его также упрашивали, то онъ обронилъ передъ самымъ Царемъ съ руки перстень (которымъ обыкновенно украшаются Посланники) и, поднимая его съ полу, наклонился, и тѣмъ какъ бы оказалъ Царю знакъ своего къ нему уваженія. Такимъ поступкомъ онъ не нанесъ ни какого униженія и своимъ Греческимъ Правителямъ, какъ сообщаетъ о томъ Еліянъ (Aelian. Variar. histor. lib. 1, cap. 21).

Моголъ, въ письмѣ своемъ къ Шаху Абасу, крѣпко жаловался на такое неуваженіе, оказанное ему Посланникомъ; но Абасъ, хоть и сказалъ на это, что Моголу подобало бы оказать чести болѣе, чѣмъ сколько оказалъ ея Посланникъ его, но въ то же время онъ и одобрилъ дѣйствія Сейнеля, назначивъ его пожизненно Ханомъ или Княземъ надъ многими землями и народомъ, каковы въ Гемеданѣ, Теркизинѣ, Кульпеянѣ и проч.; лично же Сейнель постоянно долженъ былъ состоять при особѣ Шаха и быть ближайшимъ его совѣтникомъ.

Такую-то вѣрность Сайнель-Хана Шаху Абасу, а равно и оказанную имъ при воцареніи Сефи, самому Шаху Сефи, приводила

теперь на память мать своему сыну, укоряя его, какъ несправедливо поступилъ онъ, умертвивъ Сейпель-Хана. Шахъ же, хоть и дѣлалъ видъ, что раскаявается въ своемъ поступкѣ, но немного спустя разыгралъ такую же трагедію съ Eahtemad döwlet, т. е., съ Государственнымъ Канцлеромъ, Великимъ Маршаломъ и многими другими, также какъ и съ самою матерью своею. Такъ случилось, что во время того же путешествія Шахъ расположился станомъ своимъ у горы Сегендъ (Schend), лежащей въ мили на югъ отъ Тавриса, и такъ какъ Ханы, сопровождавшіе его, по обыкновенію, лично должны были держать по ночамъ стражу поочередно у палатки Шаха, то очередь дошла однажды и до Великаго Маршала, по имени Угурлу-Хана (Ugurluchan), а онъ сидѣлъ въ это время на пирушкѣ у Государственнаго Канцлера, Талубъ-Хана (Talubchan), у котораго былъ также и Таваттаръ (Tawattar) или Секретарь, Гасанъ-Бекъ (Hassanbek), съ однимъ стихотворцемъ. Въ это-то время пришелъ Кишикджибаши (Kischiktzibaschi) или Страженачальникъ, по имени Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusakulichan), къ пирующимъ и звалъ Угурлу-Хана на стражу. Но Талубъ-Ханъ, желая подолѣе удержать у себя своихъ гостей, хотя Страженачальникъ настойчиво требовалъ очереднаго, не вытерпѣлъ и сказалъ: «Поди прочь! Шахъ дѣтя еще, и ты одинъ можешь замѣнить ему стражу; мы же старые, почтенные мужи, достаточно храбро и вѣрно послужившіе въ своихъ должностяхъ, какъ это извѣстно всякому, и насъ любилъ самъ Шахъ Абасъ!» Пользуясь такимъ уваженіемъ, Ханы этѣ позволяли себѣ свободу говорить иногда о томъ, что ихъ употребляютъ наравнѣ съ прислугою. Когда же Страженачальникъ все таки не хотѣлъ уйти одинъ, и сказалъ еще въ добавокъ обидное слово, то Талубъ-Ханъ приказалъ своему слугѣ силою выпроводить Мортузакули, что слуга ревностно и исполнилъ, хотя съ непоправимымъ вредомъ для своего господина. Раненый въ голову Мортуса-Кули прибѣжалъ къ Шаху съ окрававленнымъ лицомъ и разсказалъ ему, что случилось при нарядѣ стражи. Шахъ велѣлъ ему держать это дѣло въ тайнѣ, до дальнѣйшаго рѣшенія. На слѣдующій же день Государственный Канцлеръ является къ столу и занимаетъ тамъ свое обычное мѣсто. Шахъ подзываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ: «Чего заслуживаетъ тотъ, кто пользуется хлѣбомъ и высокою милостію своего повелителя, и за это оказываетъ ему неуваженіе и при-

чиняетъ вредъ?» Канцлеръ отвѣчалъ: «Кто поступаетъ такъ—достоинъ смерти!»—«Ты такой человѣкъ и есть!» подхватилъ тутъ Шахъ, и высказалъ Канцлеру тѣ бранныя слова, которыя тотъ говорилъ Страженачальнику, а также и то, какъ онъ воспрепятствовалъ стражѣ пти на свое мѣсто, и какъ пораненъ былъ его Страженачальникъ, и хотя Канцлеръ старался всячески оправдаться, но Шахъ схватилъ саблю и разсѣкъ ею Канцлеру брюхо, такъ что у того, бывшаго предъ Шахомъ на колѣняхъ и сидѣвшаго на пяткахъ, внутренности вываливались на колѣна. Талубъ-Ханъ разскинулъ только руки, жалобно вскрикнувъ: «На Padschah aimahn!» и упалъ на полъ. За тѣмъ Шахъ приказалъ одному Рикѣ (Rika—родъ слуги Царскаго, похожаго на палача и всегда съ топоромъ) изрубить голову Талубъ-Хана на мелкія части.

Одинъ изъ бывшихъ при этомъ Царскихъ юношей (пажей), при видѣ такого страшнаго зрѣлища, отвернулся въ сторону съ лицомъ, исполненнымъ выраженія ужаса. Замѣтивъ это, Шахъ сказалъ: «Какое слабое у тебя зрѣніе, что ты не можешь видѣть этого.» И тотчасъ же приказалъ выколоть ему глаза. Мѣсто Канцлера въ послѣдствіи отдано было Сару Тагге (Saru Tagge), у котораго мы и были.

Въ тотъ же самый часъ, когда зарубленъ былъ Талубъ-Ханъ, Шахъ послалъ главнаго Судью своего, Али-Кули-Хана, съ приказаніемъ принести ему голову Великаго Маршала, Угурлу-Хана. Маршалъ только что пришелъ изъ бани (ванны), и хотѣлъ было одѣваться, какъ вошелъ къ нему Диванъ-Бекъ, съ двумя прислужниками. При видѣ его Маршалъ испугался до глубины сердца и сказалъ: «Ахъ, братъ! Ты вѣрно принесъ мнѣ недобрую вѣсть!» Судья и Маршалъ были хорошіе друзья между собою.—«Разумѣется, любезный братъ! Eahtemad döwlet'a Шахъ зарубилъ самъ, и теперь непремѣнно требуетъ и твоей головы. Покорись же терпѣливо своему горю!» Въ слѣдъ за тѣмъ слуги схватили Маршала и отрубили ему голову; Али-Кули-Ханъ прорѣзалъ на щекѣ отрубленной головы дыру и, засунувъ въ нее палецъ, понесъ такъ ее къ Шаху, который потрогалъ ее палкою и сказалъ: «А, вѣдь ты былъ храбрый человѣкъ, и мнѣ жаль видѣть тебя въ такомъ положеніи. Жаль мнѣ твоихъ отличныхъ усовъ!» (У Маршала были

такіе длинные усы, что онъ ихъ заматывалъ на затылкѣ и концы ихъ снова приводилъ впереди лица). Но ты самъ лучшаго не желалъ!» На его мѣсто Великимъ Маршаломъ назначенъ въ послѣдствіи Страженачальникъ, Мортуса-Кули-Ханъ.

Въ тотъ же день обезглавленъ былъ 3-й гость, Секретарь Гасанъ-Бекъ, только за то, что онъ былъ съ тѣми на пирѣ. (На этотъ-то примѣръ указывалъ выше отецъ Іосифъ при увѣщаніи Бругмана). Стихотворцу же, какъ 4 гостю на пирѣ, въ слѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, яко бы онъ описалъ въ стихахъ строгую казнь своихъ 3 собесѣдниковъ, и стихи эти пѣлъ на Майданѣ, приказано было на Майданѣ же обрубить носъ, губы, руки и ноги, отъ чего тотъ также вскорѣ умеръ.

Послѣ этого Шахъ потребовалъ къ себѣ сыновей обезглавленныхъ Хановъ и сказалъ имъ: «Я умертвилъ отцовъ вашихъ: что вы объ этомъ думаете?» Сынъ Маршала бойко отвѣчалъ: «Что въ отцѣ? Шахъ мой отецъ!» и ему подарены за это всѣ имущества отца его, которыя въ подобныхъ случаяхъ отходятъ къ Шаху. Сынъ же Талубъ-Хана, робкій по природѣ, стоялъ пораженный и не могъ ни слова отвѣтить Шаху: у него отняли все отцовское наслѣдство.

Немного спустя Шахъ отправился въ Касвинъ и приказалъ созвать туда Хановъ или Князей изъ всѣхъ областей, и всѣ Ханы явились, кромѣ Кандагарскаго, Алимерданъ-Хана (Alymerdanchan) и Кенджскаго (Kentze), Даудъ-Хана, человѣка крутого; оба эти Хана послѣдовали правилу лисицы: «Quia me vestigia terrent, cuncta te adversium retro spectantia nulla.» Въ доказательство же того, что они пребываютъ вѣрными и доброжелательными Шаху, послали въ поручительство и залогъ отъ себя, Алимерданъ-Ханъ—свою мать, одну законную жену и сына, а Даудъ-Ханъ—тоже одну жену и сына. Когда Шахъ не удовольствовался этѣмъ и хотѣлъ, чтобы они явились къ нему сами лично, то Алимерданъ-Ханъ передалъ крѣпость Кандагаръ и самъ отдался подъ защиту Индійцевъ, а Дуадъ-Ханъ, предостереженный присланнымъ отъ Шаха Ахтой (Achta, т. е., прислужникомъ или евнукомъ), посовѣтовался съ своими хорошими друзьями, созвалъ къ

себѣ знатнѣйшихъ горожанъ, разсказалъ имъ о страшныхъ злодѣйствахъ Шаха Сефи, и заявилъ при томъ, что гораздо безопаснѣе было бы жить подъ властію Турокъ, къ которымъ онъ и намѣренъ бѣжать, чѣмъ подъ рукою молодаго, кровожаднаго Шаха. Тѣхъ, которые были не согласны съ его мнѣніемъ, всего 15 человѣкъ, онъ тутъ же въ замкѣ зарубилъ саблею, послалъ въ отвѣтъ Шаху ругательное письмо, а самъ бѣжалъ въ Грузію, къ Князю Тамерасъ-Хану, на сестрѣ котораго былъ женатъ, а оттуда къ Туркамъ, въ Царьградъ, гдѣ и принятъ былъ ко Двору Султана, Ибрагима, съ большимъ уваженіемъ. Послѣ этого Шахъ Сефи отправилъ женъ обоихъ Хановъ и мать Алимерданъ-Хана въ открытый непотребный домъ, предоставивъ каждому право безчестить ихъ свободно. Сына Даудъ-Хана, какъ publicum scortum, отдалъ конюхамъ; Алимерданъ-Ханова же сына, о которомъ упоминалось выше, какъ мальчика весьма красиваго, Шахъ удержалъ при себѣ.

За тѣмъ Шахъ Сефи выписалъ къ себѣ, въ Касвинъ, брата бѣжавшаго Даудъ-Хана, Хана Ширазскаго (Schiras), Имамъ-Кули-Хана (Imamkulichan). Этотъ, хотя и былъ предувѣдомленъ, что если явится въ Касвинъ, то лишится головы, все таки явился, говоря, что никогда не повѣритъ, чтобы ему, за его вѣрную службу, оказанную имъ Государству, суждена была такая награда; но если бъ это было и такъ, то все таки онъ желаетъ лучше не имѣть вовсе головы, чѣмъ имѣть немилостиваго Государя и быть ему непослушнымъ. Но только что онъ явился ко Двору, какъ безъ всякой причины, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ умерщвленъ изъ одной только злобы противъ Даудъ-Хана. Тиранъ оставилъ было дѣтей живыми, но въ то время, когда старшій изъ нихъ, по совѣту добрыхъ друзей, бросился цѣловать ноги Шаха, одинъ наушникъ ложно заявилъ Шаху, что это былъ сынъ не Имамъ-Кули, а Шаха Абаса; ибо Шахъ Абасъ отдалъ Имамъ-Кули-Хану въ жены одну изъ своихъ наложницъ, которая была будто бы беременна этѣмъ мальчикомъ. Какъ только Шахъ услыхалъ это, то приказалъ тотчасъ же несчастнаго юношу, вмѣстѣ съ[1] брать-

[1] Въ подлинникѣ ошибкой 14. Прим. Перев.

ями его, отвести на Майданъ къ трупу отца, гдѣ всѣ они и были зарублены саблями (15-го Сентября). Шестьнадцатый братъ (у Имамъ-Кули было 16 сыновей), остававшійся въ Ширасѣ, бѣжалъ въ Аравію съ своею матерью, гдѣ у нея былъ отецъ, одинъ изъ Князей, и теперь находится въ Геббисѣ (Hebbise), въ 3 дняхъ пути отъ Бесре или Балсары (Besre, Balsara), гдѣ и живетъ богатымъ господиномъ.

Трупы убіенныхъ лежали на Майданѣ три дня и три ночи, представляя страшное зрѣлище, надъ которымъ неотходно сидѣла старушка, мать Имамъ-Кули-Хана и горько плакала. Узнавъ объ этомъ, Шахъ велѣлъ зарыть трупы.

Этого Имамъ-Кули-Хана и теперь еще жалѣютъ Персіяне. Онъ былъ чрезвычайно тучный и дородный человѣкъ, обладавшій огромнымъ богатствомъ, но при этомъ былъ благотворителенъ. Какъ и отецъ его, Алаверди-Ханъ, который построилъ въ Испагани мостъ, былъ храбрый и разумный воинъ, и во всѣхъ походахъ противъ непріятеля всегда заявлялъ себя самымъ богатырскимъ образомъ.

Около этого же времени Шахъ умертвилъ одну изъ обитательницъ сераля (женскихъ покоевъ), и совершилъ много другихъ убійствъ, большею частію собственною рукою, такъ что о немъ какъ нельзя болѣе можно сказать то, что Курцій (lib. 8, §, 2) сказалъ объ Александрѣ, при убійствѣ имъ Клита: «Detestabile carnificis ministerium occupat Rex.» Когда уже онъ имѣлъ въ виду какое либо кровопролитіе, то обыкновенно одѣвался въ одежду краснаго цвѣта. По этому, когда видѣли его въ такой одеждѣ, то каждый трепеталъ отъ страха.

Въ слѣдствіе такого тиранства и пролитія крови Шаху тайно данъ былъ ядъ, который, впрочемъ, какъ недостаточно сильный, причинилъ ему только двумѣсячную болѣзнь. Оправясь отъ болѣзни, Шахъ старался разыскать виновныхъ въ отравленіи его, обѣщалъ богатые подарки за открытіе ихъ; по этому изъ женской половины (сераля) явилась прислужница, не поладившая съ другими, и объявила, что ядъ данъ былъ Шаху

изъ женскихъ покоевъ и зачинщицею въ томъ была яко бы тетка Шаха, вдова Иса-Хана. Послѣ сего на слѣдующую ночь во Дворцѣ слышны были страшно жалобные крики. Бильдары (Bildar) или землекопы разсказывали, хотя это было имъ строго запрещено, что Шахъ приказалъ будьто бы выкопать въ саду большую и глубокую яму, и зарыть въ ней живыми 40 женщинъ, женъ и дѣвицъ.

Около того же времени скоропостижно померла и мать Шахова: говорили, что умерла она отъ заразы. Но полагаютъ, что и она отправлена по одной дорогѣ съ сказанными 40 женщинами.

ГЛАВА XXXIII.

Какъ Шахъ Сефи дѣйствовалъ на войнѣ, равно о женахъ его и смерти.

На войнѣ Шахъ былъ смѣлъ и въ началѣ даже побѣдоносенъ; ибо въ Гилянѣ побѣдилъ Карибъ-Шаха (Karib Schach), однажды отбилъ Турокъ отъ Вавилона, и, хотя съ большею потерею и кровавою рѣзнею, но взялъ крѣпость Ирванъ. Но при этомъ дѣйствовали болѣе храбрые и опытные военачальники и слѣпое счастье, чѣмъ разумное побужденіе, которое рѣдко встрѣчается въ дерзкой смѣлости. Примѣръ такой смѣлости представляетъ осада крѣпости Ирвана. Простоявъ подъ нею цѣлыхъ 4 мѣсяца безъ военнаго успѣха, Шахъ Сефи, съ нетерпѣнія и отчаянія, рѣшился самъ лично войти въ крѣпость и подвергнуться опасности, говоря, что до этого Турки ту же крѣпость взяли въ 3 дня, а онъ понапрасну потратилъ столько времени, осаждая ее, и по тому желаетъ лучше потерять жизнь, чѣмъ отступить съ позоромъ. Въ слѣдствіе сего онъ обмѣнялся уже одеждою съ однимъ изъ слугъ своихъ, чтобы не быть узнаннымъ непріятелемъ. Ханы и военачальники знали, что безъ великаго кровопролитія крѣпость взять было не возможно; но, не дерзая сами очень-то противорѣчить Шаху, бросились къ матери Шаха, чтобы она какъ ни будь уговорила своего сына и воздержала отъ намѣренія, которое ни къ чему не приведетъ,

какъ къ непремѣнной гибели; такъ говорили они по тому, что для того, чтобъ овладѣть крѣпостью, такъ сильно-защищенною, они должны были жертвовать своею жизнію, чего имъ вовсе не хотѣлось. Но на всѣ представленія матери Шахъ Сефи отвѣтилъ ей пощечиной, схватилъ бердышъ и насильно хотѣлъ было бѣжать на непріятеля. Тогда воинскіе начальники бросились къ ногамъ Шаха и умоляли его дать хотя день сроку, когда они всѣ сами пойдутъ и еще, въ послѣдній уже разъ, попытаютъ свое счастіе. Шахъ уступилъ, и на слѣдующій день вся рать и вся челядь, кто только могъ нести лукъ и стрѣлы, двинулись на приступъ: крѣпость была взята, но потеря простиралась до 50,000 человѣкъ. Но не много спустя послѣ этого, когда Шахъ Сефи извелъ всѣхъ лучшихъ Начальниковъ и Офицеровъ своихъ, онъ потерялъ городъ Багдадъ, 26 лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Персовъ.

Самое достохвальное, что Шахъ Сефи сдѣлалъ въ свое правленіе, какъ говорятъ Персіяне, было то, что онъ освободилъ бѣдный людъ, который Шахъ Абасъ вывелъ изъ Ервана, Нахичевани, Халеджа (Chaletz) и Грузіи, числомъ болѣе 7,000 человѣкъ, въ Ферабатъ, возложивъ на нихъ тяжкія работы по постройкѣ нѣсколькихъ дорогихъ зданій. Сефи дозволилъ всѣмъ имъ возвратиться во свояси, но, къ сожалѣнію, возвратилось изъ нихъ домой менѣе 300 человѣкъ; ибо всѣ остальные перемерли, по причинѣ перемѣщенія въ непривычный для нихъ климатъ.

Шахъ сильно предавался пьянству, и кто походилъ на него въ этомъ отношеніи, того онъ наиболѣе и любилъ, какъ о томъ выше приведено уже нѣсколько примѣровъ. Кромѣ того, высшее удовольствіе было его страсть къ женщинамъ и охотѣ, и въ нихъ онъ упражнялся больше, чѣмъ въ правосудіи и правленіи, о которыхъ не очень-то заботился.

У него было 3 законныхъ жены: одна—дочь Полковника, бывшаго когда-то погонщикомъ ословъ, или прислужникомъ, который на ослахъ доставлялъ воду на Царскую поварню. Однажды прислужникъ этотъ добылъ Шаху Абасу, на охотѣ, во время сильной жары, свѣжую, прохладную воду, которой ни кто

не могъ достать ему, и за это Абасъ подарилъ ему въ собственность селеніе, при Нахичевани, Биловъ (Bilow), въ которомъ этотъ крестьянинъ родился. Разбогатѣвши потомъ, онъ взятъ былъ въ число важнѣйшихъ придворныхъ слугъ, и въ этой должности, отличившись на войнѣ, сдѣланъ былъ Минбашей или начальникомъ надъ 1,000 человѣкъ войска. Его-то дочь, чрезвычайно красивую и еще дѣвочкой, Шахъ Абасъ подарилъ вдовѣ умерщвленнаго сына своего, Сефи Мирзы, съ тѣмъ, чтобы воспитать ее въ будущія жены сыну ея, Саму (въ послѣдствіи Шаху Сефи). Другая законная жена его была Христіянка, дочь Тамерасъ-Хана, Владѣтельнаго Князя Грузіи, которая выдана въ замужство за Шаха при заключеніи мира съ Тамерасомъ. Третья жена была Черкаская Татарка, дочь Бике (Bikae) и сестра, такъ часто уже упоминавшагося мною, Князя Мусала (Mussala). Она привезена была ему уже въ нашу бытность въ Персію. Мать проводила ее до рѣки Быстрой (Büstrow) и приказала сказать Шаху, «чтобы онъ содержалъ ее не какъ простую наложницу, а тѣмъ менѣе какъ невольницу, но какъ свою законную жену, и оказывалъ ей ту же преданность и любовь, какою пользовалась въ юности Княгини его, Шаха Сефи, собственная мать, которая, хотя и была ея, Княгини, невольница и часто надѣвала ей башмаки, но была любима ею, какъ родное дѣтя. Если бъ она, Княгиня, узнала теперь, что дочь ея будетъ терпѣть недобрую долю у Сефи, то лучше теперь же сама бросила бы ее въ рѣку Быструю (Büstrow), и утопила бы вмѣстѣ съ нею и несчастіе дочери, но она желаетъ надѣяться, что дочь ея ожидаетъ найлучшая участь.»

Кромѣ этѣхъ законныхъ женъ, у Шаха было 300 Хасе (Chasse) или наложницъ; ибо гдѣ только можно было отыскать и купить особенно красивую дѣвушку или невольницу, ее тотчасъ же добывали для доставленія Шаху. Ханы и знатнѣйшіе вельможи сами, чтобы снискать милость, представляли ему собственныхъ своихъ дочерей, или дочерей своихъ родственниковъ. Такъ, въ наше время поступилъ Шемахинскій Калентеръ, который, узнавъ, что его хотятъ удалить отъ этой должности, подарилъ Шаху дочь брата своего, Калентера Дербентскаго, а Государственному Канцлеру — порядочное количество денегъ, въ

слѣдствіе чего онъ опять вошелъ въ милость и остался на своемъ мѣстѣ. Дѣвицы, которыя нравились Шаху, долженствовали быть не старше 18 лѣтъ. Шахъ имѣлъ обыкновеніе, когда приказывалъ иногда въ Испагани пообслѣдовать дома Армянъ и забирать тамъ самыхъ красивыхъ дѣвочекъ, брать этѣхъ дѣвочекъ въ свой сераль еще до 12-тилѣтняго возраста, чтобы онъ былъ увѣренъ въ сохраненіи ихъ дѣвственности. По этому-то Армянскіе Христіяне, желая сохранить своихъ дочерей, чуть только онѣ красивы, выдаютъ ихъ замужъ прежде, чѣмъ онѣ достигнутъ надлежащаго для замужства возраста.

Такъ какъ Шаховъ сераль очень богатъ женами, то часто случается, что онъ поспитъ съ какою ни будь изъ нихъ только разъ, а съ иною и вовсе не поспитъ. За тѣмъ нѣкоторыхъ, не очень-то ему правящихся, онъ отдаетъ знатнымъ вельможамъ, желая оказать имъ особую милость, въ жены, которыя въ такихъ случахъ всегда содержатся въ большемъ почетѣ, чѣмъ обыкновенныя жены.

Что Шахи Персидскіе имѣютъ такое множество женъ и наложницъ, это составляетъ одинъ изъ древнихъ Восточныхъ обычаевъ: такъ и въ Св. Писаніи читаемъ, что у Соломона было 700 женъ и 300 наложницъ. Нѣкоторые полагаютъ, что свѣдѣніе это не должно понимать буквально, но что сдѣсь яко бы говорится о женщинахъ, которыя содержались и кормились при храмѣ и дворѣ, занимаясь разными работами: шитьемъ, вязаньемъ, вышиваньемъ и пѣніемъ. Но я держусь того мнѣнія, что то были дѣйствительныя жены и наложницы Соломона, къ которымъ сердце его было такъ склонно. Шахъ Абасъ имѣлъ немного развѣ меньшее число женъ; да и вообще Восточные народы очень пылки и сладострастны по природѣ. По смерти Шаха большинство его женъ постигаетъ обыкновенно очень печальная доля.

Шахъ Сефи умеръ въ 1642 году, послѣ 12-лѣтняго своего правленія, или скорѣе тиранства. Полагаютъ, что какъ онъ былъ страшный извергъ, не щадившій никого, ни изъ высшаго и низшаго состоянія, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни совѣтниковъ

своихъ, ни придворныхъ, ни слугъ, ни даже собственныхъ родственниковъ своихъ, но всѣхъ ихъ умерщвлялъ, какъ собакъ, часто безъ всякой причины, иногда же и по причинамъ важнымъ, то ему поднесли ядъ, отъ котораго онъ и умеръ. Хотя обыкновенно говорится: «Frons est index mentis,» или, какъ говоритъ Овидій (lib. 2 De arte amandi, r. 378): «In vultu pignora mentis habet,» т. е., что вообще на челѣ можно прочесть, каковъ правъ человѣка; однако, по наружности Шаха Сефи нельзя было узнать, какой страшно-тиранскій и кровожадный правъ былъ у него; ибо у него было чрезвычайно любезное и милое лице. Онъ не носилъ, какъ другіе Персіяне, длинно-висящихъ усовъ, былъ средняго росту, съ соразмѣрно-сложенными членами. Очеркъ его лица и вида, какъ онъ былъ на первомъ нашемъ къ нему представленіи, я привожу сдѣсь, на прилагаемомъ изображеніи. [1]

Шахъ Абасъ II.

Въ бытность нашу въ Персіи мы не могли узнать, имѣлъ ли, и сколько именно, дѣтей Шахъ Сефи. Но когда, въ 1643 году, я еще разъ былъ въ Москвѣ, то узналъ отъ одного Персидскаго Посла, что царствовалъ тогда одинъ изъ сыновей Шаха Сефи, по имени Абасъ, тринадцатилѣтній отрокъ, который и снарядилъ того Посла (о которомъ упомянуто выше) въ Москву, къ Его Царскому Величеству, чтобы продолжить ту дружбу, которую Государь, отецъ его, укрѣпилъ съ Великимъ Княземъ. На престолъ вступилъ онъ въ Маѣ мѣсяцѣ, 1642 года. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ Шахѣ я не имѣю.

Вотъ все о Шахахъ, какъ правили они въ Персіи, одинъ за другимъ, въ продолженіи полутораста съ лишнимъ лѣтъ.

---

[1] Подлинника стр. 508 — 509. О Б.

ГЛАВА XXXIV.

О Ханахъ и ихъ управленіи въ областяхъ, и о томъ, какъ они обязаны служить Шаху въ военное время. Также о воинскомъ дѣлѣ и войскѣ Персіянъ.

Такъ какъ Персія, какъ говорилось нѣсколько разъ, есть великое и широко раскинутое Царство, раздѣляющееся на множество областей, то Шахъ управляетъ и творитъ судъ въ отдаленныхъ отъ столицы краяхъ черезъ своихъ Хановъ, Султановъ, Калентеровъ, Даругъ, Визирей и Кауховъ (Kaucha).

Въ Ханы производитъ и сажаетъ въ областяхъ Шахъ, по своему усмотрѣнію, людей, отличившихся обыкновенно храбростію и другими доблестями, или инымъ чѣмъ, что считается наравнѣ съ доблестію и чѣмъ люди этѣ оказали какую ни будь услугу Шаху и отечеству; по этому-то такихъ людей часто множество находится на лицо во время войны и при другихъ обстоятельствахъ, и въ надеждѣ поскорѣе достигнуть сказанной чести, они подвергаютъ жизнь свою опасностямъ, и за тѣмъ производятся въ Князья. Но такое Княжеское достоинство въ Персіи не есть наслѣдственное, которое переходило бы по кровному родству на остальныхъ членовъ семьи. Хотя дѣти этѣхъ Князей сами по себѣ пользуются особымъ почетомъ и наслѣдуютъ даже имѣнія отцовъ, но за ними не сохраняются ни Княжеское титло, ни должности отцовъ ихъ, если сами они не выслужили этого собственными своими доблестями, или же если это не предоставляется имъ по особой милости Шаха.

Возведенному въ Князья Шахъ жалуетъ порядочное количество земли и людей, чтобы онъ могъ поддерживать свое Княжеское достоинство, и имѣніемъ этѣмъ онъ владѣетъ во все время своей жизни. Но чуть только онъ навлечетъ на себя подозрѣніе, или ненависть Шаха, то его тотчасъ же казнятъ, при чемъ нерѣдко, чтобы скорѣе и вѣрнѣе покончить, поступается съ ними, какъ поступилъ Александръ съ Парменіемъ (Curt. lib. 7, cap. 3), а именно: въ то самое время, когда Князь начнетъ читать

Шахову грамоту, его тотчасъ же убиваютъ саблею. За тѣмъ Шахъ отбираетъ себѣ назадъ и все его имѣніе. Въ каждой области состоитъ только по одному Хану и по одному Калентеру, которые имѣютъ свое постоянное пребываніе въ главномъ городѣ. Ханъ, какъ управитель Шаха, обязанъ чинить судъ и правду, а также приводить въ исполненіе свои рѣшенія, и очень рѣдко случается, чтобы на суды ихъ приносились жалобы Шахову Двору. Калентеръ то же почти, что казначей или сборщикъ въ области, обязанъ собирать доходы и доставлять ихъ Шаху, или Ханамъ, съ своею отвѣтственностію за нихъ. Даруга то же, что сельскій староста. Хановъ же и Султановъ Шахъ посылаетъ также и въ качествѣ посланниковъ къ иностраннымъ Государямъ, и снаряжаетъ ихъ въ такія посольства слѣдующимъ образомъ: онъ поручаетъ обыкновенно доставить иностраннымъ Государямъ богатые подарки, для чего половина этѣхъ подарковъ берется изъ Шахова казнохранилища, а другую половину, вмѣстѣ съ остальными припасами и потребностями по посольству, обязана доставить область, въ которой Ханъ управляетъ. При этомъ часто дѣлаются значительные подлоги и укрывательства.

Въ нѣкоторыхъ, и даже въ большей части областей, Ханы обязаны содержать для Шаха извѣстное число воиновъ, которые, вмѣстѣ съ Ханомъ, и употребляются имъ въ дѣло въ случаѣ надобности. Но за то съ этѣхъ областей въ Шахову казну не собирается уже ни какой подати, кромѣ той, которую доставляютъ Таможни. Ханы обыкновенно приносятъ Шаху, именно къ Новому Году, значительные подарки. Нѣкоторыя области, особенно гдѣ нѣтъ Хановъ, а только Даруги, какъ, напримѣръ, въ части Грузіи и въ городахъ: Касвинѣ, Испагани, Кашанѣ, Тегеранѣ, Гемеданѣ, Мешетѣ, Кирманѣ, Ормусѣ и проч., за неимѣніемъ Хановъ, нѣтъ и ни какого войска; но за то этѣ области и города обязаны платить Шаху большую подать.

Такъ какъ Ханы въ областяхъ, особенно прилежащихъ къ границамъ непріятельскимъ, обязаны всегда имѣть подъ рукой и на готовѣ нѣсколько тысячъ воиновъ, то по этому нетрудно наскоро поставить на ноги и въ поле значительную рать. И такой порядокъ крайне необходимъ; ибо Шахъ и на право и на лѣво

окруженъ сильными непріятелями и часто долженъ бываетъ воевать съ ними; такъ онъ воюетъ съ Узбецкими Татарами, внутри и на границахъ Хорасана, съ Индійцами, за Багдадъ или Вавилонъ и Ирванъ, и при этѣхъ-то послѣднихъ мѣстахъ и крѣпостяхъ очень часто происходили всякія кровопролитныя сраженія, изъ которыхъ то тѣ, то другіе, выходили побѣдителями и обладателями этѣхъ укрѣпленій.

Въ Латинской лѣтописи о Сарацинахъ (De Saracenorum moribus historiae. Anno 1550, t. 3, pag. 124) говорится, что сотня Персіянъ, по выѣздкѣ своихъ лошадей и по легкости воинскаго вооруженія, смѣло ходятъ противъ 400 Турокъ, и вообще Персіяне ловкій, быстрый народъ, всѣ на коняхъ, даже пѣхотинцы, которые въ дѣлѣ сходятъ съ лошадей и бьются, какъ наши драгуны, и вооружены мушкетами, которые впервые ввелъ Шахъ Абасъ. Конница же у нихъ вооружена луками, стрѣлами и метательными копьями. У Персіянъ есть и металлическія пушки, только они употребляютъ ихъ больше при защитѣ въ крѣпостяхъ, чѣмъ при осадѣ и въ битвахъ на ровномъ полѣ. Всякаго рода Stratagemata, передвиженія и хитрости Персіяне ловко употребляютъ противъ непріятеля; такъ, при осадѣ Ирвана въ 1633 году они придумали и изготовили маленькіе стеклянные пузырки, наполненные ядомъ, и прикрѣпляли ихъ на стрѣлы, которыми стрѣляли во внутрь крѣпости; отъ этого воздухъ въ крѣпости напитался до того ядомъ, что у осажденныхъ пораспухли головы, руки и ноги, такъ что они сдѣлались совершенно неспособными къ дальнѣйшему сопротивленію.

Названія ихъ Офицеровъ и военныхъ начальниковъ суть слѣдующія: Сердарь—главный ихъ полководецъ или главнокомандующій; Курджибаши—начальникъ надъ 10, или 12, тысячъ стрѣльцовъ изъ лука; Минбаши — начальникъ надъ 1000 человѣкъ войска; Юсбаши — надъ сотнею, и Онбаши — надъ десятью человѣками.

Если кто изъ этѣхъ чиновъ отличится храбростію и совершитъ какое ни будь отважное дѣло, того, кто бы онъ ни былъ, щедро надѣляютъ подарками и возводятъ въ почетныя должно-

сти, какъ свѣдѣтельствуетъ это Геральдъ (Heraldus) въ 1-й книгѣ, въ главѣ 9-й (Adversaria. Parisiis, 1599), и чему я самъ могу привести нѣсколько примѣровъ на извѣстныхъ мнѣ лицахъ въ царствованіе Шаха Абаса и Сефи. Такъ Аребъ-Ханъ (Areb), Князь Ширванскій, былъ сынъ одного крестьянина въ Серабѣ, въ началѣ служилъ смотрителемъ надъ орудіями; когда же отличился храбростію на войнѣ, и принесъ съ поля битвы нѣсколько Турецкихъ головъ, отрубленныхъ имъ собственною рукою, то возведенъ былъ въ Ханы и посаженъ на управленіе въ покоренной при этой войнѣ области.

Ага-Ханъ (Agachan), сынъ пастуха овецъ (овчара), оказавши отчаянную храбрость при взятіи Вана (Wann), сдѣланъ былъ Ханомъ надъ своей родиной.

Карджукай-Ханъ, сынъ Армянскаго Христіянина, проданъ былъ, какъ невольникъ, Шаху Абасу, который произвелъ его въ Ханы и полководцы, и по отраженіи непріятеля отъ Багдада былъ удостоенъ такой высокой чести, что самъ Шахъ сопровождалъ его, ѣхавшаго на лошади, какъ стремянный прислужникъ его.

Сальма-Ханъ (Salmachan), родомъ Курдъ, бывшій прежде конюхомъ, и подобные ему, о которыхъ болѣе или менѣе упоминалось уже неоднократно въ разныхъ мѣстахъ этой книги.

Еще, на примѣръ, Емиръ Куне-Ханъ (Kanechan), былъ сынъ пастуха, жившаго въ обба (obba) или овчарнѣ: онъ сражался подъ Ерваномъ съ такою храбростію, что, по завоеваніи этой крѣпости, Шахъ сдѣлалъ его правителемъ всей этой области. Шахъ Абасъ чрезвычайно любилъ его, какъ это видно изъ слѣдующаго происшествія: когда черезъ нѣсколько времени Турки снова осадили крѣпость Ерванъ и съ уронъмъ должны были отступить, Шахъ Абасъ пришелъ въ крѣпость, сталъ пить съ Емиръ Куне-Ханомъ совершенно по пріятельски, и пилъ до полуночи, при чемъ Ханъ, порядкомъ охмѣлѣвшій, схватилъ Шаха за усы, расправлялъ ихъ, отдѣляя одинъ отъ другого, и поцѣловалъ Шаха, который и принялъ этотъ поцѣлуй совершенно милостиво; когда же на слѣдую-

щее утро разсказали Хану его продѣлку, о которой онъ съ пьяну ни чего не помнилъ, то онъ пришелъ въ ужасъ, повѣсилъ себѣ на шею саблю и пошелъ къ покоямъ Шаха (у Персіянъ есть обычай: если кто думаетъ, что будетъ лишенъ за какую ни будь провинность жизни, то вѣшаетъ себѣ на шею саблю для умилостивленія Шахо). Шахъ приказалъ позвать Емира Купе-Хана къ себѣ въ комнату; но этотъ послѣдній не пошелъ, говоря, что не достоинъ вступить въ Царскій покой. Тогда Шахъ вышелъ къ нему самъ, снялъ съ него саблю, и отдалъ ее ему обратно, въ знакъ своей къ нему милости; но при этомъ запретилъ ему пить вино, такъ какъ напившись, онъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Въ послѣдствіи времени Емиръ Купе-Хапъ, въ сраженіи противъ Мавра (Mauro), пораненъ былъ въ руку, и пользовавшій его врачъ (по наущенію же Хана) заявилъ, что, для излѣченія раны его, ему не слѣдуетъ пить воду. Въ слѣдствіе этого Шахъ снялъ свое запрещеніе и прислалъ ему въ подарокъ цѣлую свору, именно семь верблюдовъ, навьюченныхъ дорогимъ виномъ. Такимъ образомъ Шахъ выказалъ свою особенную любовь къ этому храброму витязю.

Если же кто изъ воинскихъ начальниковъ (Офицеровъ) выкажетъ какъ ни будь трусость, не устремляется на непріятеля, на примѣръ, имѣвъ для того удобный случай, то такого, хоть и не казнятъ смертію, но подвергаютъ великому посрамленію. Такъ случилось однажды съ Хорасанскимъ Ханомъ, Али-Кули-Ханомъ, послѣ того какъ онъ не напалъ на непріятеля, когда (по показаніямъ другихъ людей) имѣлъ подъ руками подходящій къ тому случай; и за это онъ долженъ былъ цѣлый день проходить въ женской одеждѣ, съ открытымъ лицомъ, вездѣ по стану между воинами, какъ это подробнѣе изложено мною въ 1-й книгѣ Персидской «Долины Розъ», въ 4-й главѣ, при разсказѣ одного забавнаго приключенія съ Царскимъ сыномъ. Кажется, что это былъ древній Персидскій обычай трусливыхъ воиновъ обзывать бабьей ругнею; Геродотъ говоритъ (lib. 9, c. 106): «Apud Persas summo opprobrio datur audire se muliere esse ignaviorem.»

Но какъ вообще Персіяне скупы на правду, точно также и на войнѣ они неохотно держатъ слово; на это, слышалъ я, особенно сильно жаловались при послѣднемъ завоеваніи Ирвана,

именно, будто бы они, выпуская изъ города осажденныхъ, въ противность даннымъ всѣмъ имъ обѣщаніямъ въ безопасности, совершенно ограбили ихъ.

Годичное жалованье простаго воина, именно Курджи, т. е., стрѣльца изъ лука, составляетъ 300 рейхсталеровъ, и на это онъ долженъ содержать себя и лошадь; мушкетеръ же или Тюфенкчи (Tüfenktschi) получаетъ 200 рейхсталеровъ въ годъ жалованья.

ГЛАВА XXXV.

О доходахъ и богатствѣ Персидскихъ Царей.

Ежегодные доходы Шаха простираются до громадныхъ размѣровъ и, по сдѣланной намъ смѣтѣ, составляютъ болѣе 8 милліоновъ рейхсталеровъ; ибо не только области и города платятъ значительныя подати, но чрезвычайно большія деньги доставляютъ также таможни и пошлины съ разныхъ преимуществъ (и подарковъ). Одна богатая область Кандагаръ, таможенными и другими сборами, даетъ до милліона рейхсталеровъ. Ирванъ и Вавилонъ вмѣстѣ немного меньше. По описи Дефтера (Defter) или Канцеляріи было высчитано, что предмѣстья, мѣстечки и селенія около одной Испагани ежегодно приносятъ по 40,000 рейхсталеровъ; а такихъ мѣстностей, съ подобною же промышленностію въ Государствѣ, множество.

Въ царствованіе Шаха Тамаса отошли было многія таможни, вмѣстѣ съ областями, которыя Шахъ Абасъ возвратилъ снова Персіи, а Сефи увеличилъ еще пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ новыхъ. Не только на границахъ, но и внутри страны, въ главныхъ торговыхъ городахъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются устроенные проходы и мосты, всѣ жители, какъ туземные, такъ и иностранцы, должны платить извѣстную пошлину. Товары, особенно шелкъ, приносятъ огромный сборъ: съ каждой кипы шелку, производимой въ странѣ, Шахъ получаетъ по 10 рейхста-

леровъ; а Гилянъ, на пр., доставляетъ 8000 кипъ, Масандеранъ 2000, Ширванъ 3000, Грузія и Арменія 5000, Карабахъ 2000 кипъ, не считая уже Хорасана и другихъ мѣстностей, которыя, хоть и не столь значительны, но даютъ также хорошія партіи.

При продажѣ каждой лошади, или мула, Шахъ получаетъ по одному абасу или по 8-ми грошей, пошлины; за продажу осла половину этого, съ продажи быка четверть талера или 6 грошей, и съ продажи овцы, которыхъ во всемъ Государствѣ продается нѣсколько сотъ тысячъ, одинъ казбеки или девять пфенниговъ. Каравансераи, въ которыхъ проживаютъ купцы, доставляютъ 50,000 рейхсталеровъ; ибо въ одной Испагани 24 каравансерая, и каждый даетъ отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ туменовъ. Всѣ роды торговли даютъ извѣстную пошлину. Обильная рыбою рѣка въ Гилянѣ приноситъ 20,000 рейхсталеровъ; нефтяные колодцы 4,000 рейхсталеровъ. Бани и непотребные дома приносятъ болѣе тонны золота. За орошеніе садовъ, именно за пространство въ 40 локтей длиной и въ 30 шириной, вносится 9 абасовъ. Одна рѣка Сендерудъ въ Испагани приноситъ до 16,000 рейхсталеровъ. Армянскіе Христіяне, которыхъ въ странѣ нѣсколько сотъ тысячъ, платятъ пошлины по два рейхсталера съ каждаго человѣка.

Все, что только провольствуется какъ ни будь и живетъ не Царскимъ жалованьемъ, платитъ значительную подать, также какъ всѣ повитухи и множество другихъ, занимающихся какимъ ни есть дѣломъ лицъ, которыхъ не могу и поименовать. Сдѣсь можно сказать то же, что говоритъ символъ Флавія Веспасіяна (Flavii Vespasiani Symbolum): «Lucri bonus ador ex re qualibet.» Ежегодные подарки Хановъ и другихъ служащихъ лицъ также приносятъ большое количество; ибо теперь, какъ и въ древнія времена, никогда, имѣющій какое либо дѣло до Царя, не смѣетъ являться къ нему безъ приношенія, хотя бы самаго ничтожнаго. Такимъ образомъ Царская (казна) палата сокровищъ имѣетъ весьма много каналовъ, которыми все лучшее, какъ бы самый мозгъ страны, стекаетъ въ нее, а въ то же время и другія низшія власти не упускаютъ и своего. По этому-то въ Государствѣ очень немного подданныхъ, имѣющихъ большія имущества; ибо обыкновенно, какъ поясняетъ Императоръ Траянъ, при этомъ случается

подобное тому, что дѣлается при страданіяхъ селезенки, именно: когда она очень увеличивается, то другіе члены тѣла уменьшаются и изнемогаютъ.

У Шаха Сефи мы видѣли огромное множество золотой посуды, о чемъ подробно изложено при описаніи перваго представленія (аудіенціи). Шахъ Абасъ оставилъ послѣ себя одной только посуды изъ чистаго золота, употребляемой обыкновенно при обѣденныхъ столахъ и другихъ пиршествахъ, 3,600 фунтовъ, и посудой этой и теперь еще щеголяютъ потомки его на торжественныхъ обѣдахъ. Цари эти еще таковы и теперь, какими Персіяне были во времена Ксенофонта (Basileae, 1572, lib. 8, p. 190); онъ повѣствуетъ, что если у нихъ было много посуды для пиршествъ, то они считали уже, что обладали драгоцѣннымъ сокровищемъ. Подобное же говоритъ и Атеней (Lugduni Batav., 1597), будто древніе не только славились своимъ богатствомъ, сколько своею серебряною и золотою посудою для питья (чарами, чашами); такого же понятія былъ Пиѳій (Pytheas), житель Аркадіи, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ, чтобы, для прославленія его, въ надгробной надписи его было сказано слѣдующее: «То былъ хорошій и разумный человѣкъ, имѣвшій множество сосудовъ для питья.»

ГЛАВА XXXVI.

О служащихъ при Шахскомъ дворѣ по судебной и придворной части.

Важнѣйшіе Шахскіе военные чины (Офицеры) и придворные люди, бывшіе при насъ, въ царствованіе Шаха Абаса, были ничтожные люди, которыхъ Шахъ Сефи, по набіеніи самыхъ знатныхъ и разумнѣйшихъ главныхъ начальниковъ, вывелъ изъ ничтожества и подѣлалъ великими сановниками. Большинство ихъ происходило отъ Христіянскихъ родителей; ибо Персіяне довѣряютъ Христіянину, совершившему надъ собою обрѣзаніе, болѣе, чѣмъ рожденному отъ единовѣрцевъ ихъ, Туркамъ же совсѣмъ не вѣрятъ. Между этѣми (Христіянами по происхожденію), а также

и между нѣкоторыми знатными людьми въ Государствѣ, Шахъ имѣетъ множество евнуховъ, съ тою цѣлію, чтобы по смерти ихъ, такъ какъ они умираютъ безъ кровныхъ наслѣдниковъ, имущества ихъ переходили къ Шаху. Мы застали людей, служащихъ при дворѣ, въ слѣдующихъ должностяхъ и порядкѣ:

1. Eahtemad döwlet, Государственный Канцлеръ и Тайный Совѣтникъ Шаха. Званіе это (титулъ) получаетъ онъ отъ того, что имѣетъ обязанностію увеличивать и блюсти Царскую казну или богатство. Это былъ какъ бы Vice-Rex, который, когда Шахъ поручаетъ ему на время управленіе, все судитъ и дѣйствуетъ во всемъ по своему усмотрѣнію въ цѣломъ Государствѣ.

Хотя всѣ придворные служащіе охотно принимали подарки и дозволяли подкупать себя, но болѣе всѣхъ бралъ этотъ Канцлеръ. Такъ какъ черезъ руки его шли не только Государственныя и областныя, но и важныя гражданскія, частныя дѣла, то всякій, желающій быть выслушаннымъ и приглашеннымъ къ нему, долженъ былъ приходить съ полными руками. Онъ даже требовалъ подарковъ тамъ, гдѣ не хотѣли понять, что ихъ желаютъ получить (даже отъ Иностранныхъ Посланниковъ). Все это дѣлалъ онъ съ совершеннаго соизволенія Шаха; ибо Сару Тагге (Saru Tagge) не только сдѣлалъ Шаха наслѣдникомъ своего имѣнія, но имѣлъ еще обычай однажды, а иногда и по нѣскольку разъ, въ годъ приносить Шаху богатѣйшіе подарки, съ торжественной обрядностію (процесіей). Черезъ это и другіе знатные вельможи, имѣвшіе дѣло до Шаха, побуждались являться къ нему съ полными руками. Такимъ образомъ въ этомъ Канцлерѣ Шахъ имѣлъ каналъ, или жирную корову, посредствомъ которыхъ онъ высасывалъ, или выдаивалъ, незамѣтными неправдами богатства страны. При этомъ Сарю Тагге не боялся, чтобы Шахъ, изъ желанія получить наслѣдство его, сократилъ его жизнь; послѣдній сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ одинаковую глупость съ тѣмъ человѣкомъ, который убилъ курицу, носившую ему ежедневно по одному золотому яйцу.

Имя Канцлера этого (какъ сказано уже) Сарю Тагге; онъ былъ сынъ писца (переписчика книгъ) и родомъ изъ Масандерана. Выше мы уже подробнѣе говорили о немъ.

2. Курджибаши, Глава или Начальникъ 10, либо 12-ти, тысячъ стрѣлковъ изъ лука (Заведенныхъ Шахомъ Измаиломъ I-мъ, и бывшихъ въ дѣлѣ, во время описанной выше Вѣроисповѣдной войны); стрѣлки эти живутъ вездѣ по областямъ, какъ вольные люди и, въ случаѣ войны, собираются и становятся подъ начальство названнаго Главы. Такимъ начальникомъ при насъ былъ Джани-Ханъ, простой слуга изъ Шамлю при Шахѣ Абасѣ, сынъ крестьянина по происхожденію.

3. Meheter, Каммергеръ, евнухъ, всегда состоящій при Шахѣ и около него на торжественныхъ собраніяхъ, въ Царскихъ покояхъ и сералѣ и прислуживающій въ качествѣ палатнаго слуги (камердинера). Сановникъ этотъ имѣлъ такую же власть, а иногда и большую еще, чѣмъ Государственный Канцлеръ говорить при Шахѣ. Онъ назывался Шанеферъ (Schanefer), родомъ изъ Грузинскихъ Христіянъ, похищенный въ юности и проданный Шаху Абасу; сдѣсь онъ былъ оскопленъ и служилъ, въ числѣ другихъ евнуховъ, при Шахѣ Абасѣ въ качествѣ комнатнаго прислужника (мальчика).

4. Wakenuis, Палатный или Домовый Совѣтникъ и Секретарь (Cammer-Rath), который пишетъ Царскія письма, высочайшія повелѣнія въ подвластныя земли и подобныя грамоты; онъ ведетъ также счеть доходамъ и долгамъ Государства. Подъ его начальствомъ состоитъ 40 писцевъ; назывался онъ Мирза Масюмъ (Masüm), былъ сынъ крестьянина изъ селенія Дерменъ (Dermen), лежащаго на горѣ Ельвендъ, при Касвинѣ. Въ этой мѣстности находится два селенія, Дерменъ и Сару (Saru), изъ которыхъ выходятъ лучшіе писцы. Такъ какъ писцы эти должны стараться научиться красивому почерку, то по этому, на поляхъ этихъ селеній, у пастушьихъ хижинъ, часто видишь множество молодыхъ людей, сидящихъ и упражняющихся въ краснописаніи.

5. Diwanbeki, Высшій, Главный Судья, который производитъ судъ, иногда вмѣстѣ съ Седеромъ (Seder) и Каси, какъ съ судьями духовными, которыхъ Персіяне называютъ Шегра (Schehra), иногда же съ свѣтскими судьями. Онъ обязанъ также, когда Шахъ велитъ лишить жизни кого либо изъ знатныхъ вель-

можъ, самъ ити для исполненія такого велѣнія. Сановникъ этотъ, по имени Али-Кули-Ханъ, Грузинецъ, вмѣстѣ въ двумя своими братьями, Рустамомъ, Ханомъ Таврискимъ, и Исанъ-Ханомъ, Юсбашей Испаганскимъ, еще малыми ребятами, проданы были, во время войны съ Грузіей, однимъ воиномъ Шаху Абасу и были оскоплены.

6. Kulargasi, Начальникъ Куламовъ (Kulam), невольниковъ или слугъ, которые продаютъ себя въ воины на Царскую службу; ихъ 8,000 человѣкъ, и они также, какъ и Курджи (Kurtzi), живутъ разсѣянные по странѣ, на Царскомъ жалованьи, но несвободны отъ Государевой службы. Этотъ сановникъ, по имени Сіаусбеки (Siausbeki), былъ также Грузинецъ, захваченный Шахомъ Абасомъ и начавшій службу съ Царскаго прислужника (юноши).

7. Eischikagasi baschi, Великій Маршалъ, начальникъ надъ 40 Eischikagasi, изъ которыхъ одинъ, Имамъ-Кули-Султанъ, былъ Царскимъ Посланникомъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому. Этѣ Eischikagasi хотя и живутъ въ разныхъ мѣстахъ Государства, но по 4, или по 5, человѣкъ изъ нихъ, по очереди, цѣлые полгода обязаны постоянно находиться при Дворѣ и прислуживать тамъ. Они обыкновенно находятся у дверей, черезъ которыя проходятъ къ Шаху, по чему и называются привратниками, и суть какъ бы Подмаршалы, помогающіе, въ отправленіи обязанностей, Великому Маршалу. При представленіи Иностранныхъ Посланниковъ Шаху, Eischikagasi baschi стоитъ обыкновенно съ посохомъ (жезломъ) и подводитъ Посланниковъ за руки къ Шаху, какъ это было выше описано при нашемъ представленіи. Бывшій при насъ Eischikagasi baschi сперва служилъ Страженачальникомъ (Wachtmeister); но когда, по доносу его, прежній Маршалъ былъ казненъ, то онъ занялъ его мѣсто; назывался онъ Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusaculichan), а родители его были пастухи, жившіе въ палаткахъ или шалашахъ. Этотъ родъ людей называется у Персіянъ Тюркъ (Türk).

8. Jesaul Söhebet, Маршалъ для гостей, который завѣдываетъ размѣщеніемъ или указаніемъ мѣстъ, подобающихъ Иностраннымъ гостямъ и другимъ лицамъ, приглашеннымъ къ Шахскому

столу; по этому онъ всегда находится съ посохомъ или жезломъ у входа въ Царскія палаты. Зовутъ его Шагеверди (Schaheverdi); отецъ его въ настоящее время состоитъ Правителемъ Дербента (Губернаторомъ), а дѣдъ былъ сынъ крестьянина, родомъ изъ области Серабъ.

9. Nasir, Дворецкій (Гофмейстеръ), котораго Персіяне называютъ также и Kerekjerak, Подрядчикъ, Закупщикъ. Онъ завѣдуетъ всѣмъ тѣмъ, что закупается для содержанія Двора. Имя его Самамъ-Бекъ (Samambek), сынъ простаго Кашанскаго горожанина.

10. Tuschmal, Начальникъ надъ поварской (Кухмейстеръ), заботящійся о кушаньяхъ и завѣдывающій поварнею и поварскою прислугою. Это былъ оставшійся сынъ знатнаго Сейнель-Хана, котораго самъ Шахъ зарубилъ саблею. Шахъ Сефи назвалъ его, въ память отца его, Сейнель-Бекомъ.

11. Dawattar, Писарь, Секретарь, который всегда носитъ при себѣ Царскую чернильницу и обязанъ намазывать чернилами печать, которую Шахъ имѣетъ на шеѣ, и, въ случаѣ надобности, подаетъ ему для намазыванія. По этому и названіе это происходитъ отъ Dawat, письменный приборъ или чернильница, такъ какъ Персіяне печати свои обыкновенно смазываютъ чернилами и прикладываютъ на бумагѣ. Имя этого сановника, бывшаго при насъ, было Угурлу-Бекъ (Ugurlubek); онъ былъ сынъ Емиръ-Куне-Хана, Хана Ерванскаго, и должность эту получилъ послѣ того, какъ Шахъ приказалъ убить предмѣстника его, Гасанъ-Бека.

12. Myrachurbaschi, Главный Конюшій (Шталмейстеръ), по имени Али-Бали-Бекъ (Alibalibek), былъ изъ племени Сенкене (Senkene), лежащаго за Ельвендомъ; родители его торговали рогатымъ скотомъ.

13. Myrischikar, Начальникъ соколиной охоты, по имени Хозровъ Султанъ, изъ Армянскихъ Христіанъ, предпочтительно предъ другими любимый Шахомъ.

14. Sekbahnbaschi, Завѣдывающій псовою охотой, по имени Кара-Ханъ-Бекъ (Karachanbek), происхожденіемъ же изъ Сенкене (Senkene), отъ Тюркъ и пастуховъ.

15. Jesaul Kor, Поѣздовый Маршалъ, ѣдущій верхомъ передъ Шахомъ и палкой разгоняющій народъ съ дороги. Онъ состоитъ подъ начальствомъ Великаго Маршала, а подъ своимъ начальствомъ имѣетъ еще одного Есаула (Jesaul), котораго посылаетъ на всякаго рода послуги, а иногда приказываетъ вязать и плѣнныхъ.

16. Suffretzi, Шахскій Кравчій.

17. Abdar, обязанность котораго подавать Шаху пить воду, которую онъ долженъ хранить въ запечатанной кружкѣ, чтобы нельзя было подмѣшать въ нее яду.

18. Chasinedar, Казначей или Начальникъ Царской кладовой.

19. Ambadar, Управляющій хлѣбными запасами Царскими.

20. Jesaul Nesar, служитель, оберегающій туфли Шаха, когда онъ входитъ въ залу.

21. Mehmandar, Приставъ при Иностранныхъ Послахъ, обязанный находиться при нихъ постоянно, во все время пребыванія ихъ въ странѣ.

Должности не столь значительныя суть:

1. Kischiktzibaschi, Страженачальникъ.

2. Tzabedar, Смотритель за орудіями.

3. Tzartzi, Передатчикъ повелѣній, которыя объявляетъ приказы Шаха и разноситъ ихъ между народомъ. Онъ ѣздитъ также впереди Маршала.

4. Tzelaudarbaschi, Начальникъ надъ тѣми, которые подводятъ Шаху коня и держатъ его, когда Шахъ садится верхомъ.

5. Mustofi, Дворцовый Писарь, имѣющій подъ своимъ начальствомъ нѣсколько другихъ писцовъ.

6. Seraidar, Зодчій или Хоромничій, завѣдывающій возведеніемъ и поддержкою зданій. Klitar, Ключникъ.

7. Muschriff, Поварской Писарь.

8. Cannati, Конфектчикъ.

9. Scherbedar, Смотритель надъ пряностями и конфектами.

10. Omatzdar, который учитъ Шахскихъ пажей (прислужниковъ изъ мальчиковъ) и другихъ придворныхъ людей стрѣлять въ цѣль; то же, что при другихъ Дворахъ Распорядитель увеселеній (Ballmeister).

11. Bildar, Лопатчики или Землекопатели, которые всегда служатъ при Дворѣ и сопутствуютъ въ путешествіяхъ при Шахской свитѣ, чтобы копать ступеньки или лѣсенки по не проѣзжимъ дорогамъ, или по крутымъ и скалистымъ мѣстамъ, гдѣ верблюдамъ, имѣющимъ закругленную ступню, бываетъ неудобно идти; они работаютъ также при разбитіи палатокъ и роютъ въ землѣ глубокія ямы, чтобы добыть въ пути воду.

12. Schatir, Слуги, и Rika, Топорщики, часто исполняющіе обязанности палача и проч.

Всѣ этѣ придворные слуги или служащіе, смотря по своему положенію, получаютъ богатое жалованье, выдаваемое имъ, впрочемъ, не изъ Царскихъ казнохранилищъ, а взимаемое ими съ областей и селеній. Такъ Ханамъ отдается для этого извѣстная область съ нѣсколькими селеніями и мѣстечками, а другимъ чинамъ одно, два, три, или болѣе селеній, съ которыхъ они собираютъ себѣ подать въ опредѣленномъ размѣрѣ и имѣютъ въ нихъ даже право суда (Jurisdiction), за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ. Нѣкоторые же получаютъ свое жалованье отъ извѣстныхъ пошлинъ, а другіе, наконецъ, подати съ домовъ терпимости.

ГЛАВА XXXVII.

О лицахъ, засѣдающихъ съ Шахомъ (о Совѣтникахъ); о судопроизводствѣ, судѣ и наказаніи преступниковъ.

Кажется, въ Персіи и теперь еще существуетъ обычай, о которомъ пишутъ: Страбонъ, въ 15-й книгѣ, на 505 страницѣ (Strabo, cum commentariis Casauboni et versione Xylandri. 1587), и Атеней (cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), въ 4-й книгѣ, стр. 144, именно: «Persae de rebus maximis inter pocula consultant;» ибо Персіяне обыкновенно, при совѣщаніяхъ и толкахъ о важныхъ дѣлахъ, всегда накрываютъ столъ, уставленный яствами и напитками. Когда мы являлись къ Шаху на первое и послѣднее торжественное представленіе, и къ Государственному Канцлеру на тайное совѣщаніе, то при всѣхъ этѣхъ случаяхъ столы, или залъ, уставлены были конфектами, послѣ которыхъ не замедлили слѣдовать разныя кушанья и круговыя чаши съ виномъ.

Когда Шахъ бываетъ за столомъ въ торжественныхъ собраніяхъ, или сидитъ на судѣ, то обыкновенно съ нимъ возсѣдаютъ 10, или 12, изъ исчисленныхъ сейчасъ придворныхъ людей, военныхъ начальниковъ и, кромѣ того, Седеръ, Минаджимъ и Гакимъ. Этотъ Гакимъ есть Придворный Врачъ (Leib-Medicus), указывающій Шаху, какое кушанье здорово и какое вредно ему. Минаджимъ есть Астрологъ, обязанный объявлять Шаху счастливые и несчастные часы для какого либо дѣла, предпріятія, или распоряженія; ему вѣрятъ, какъ прорицателю (оракулу), и по тому безъ его совѣта Шахъ рѣдко предпринимаетъ что либо. Седеръ есть духовный глава, какъ Папа въ Католической Церкви; онъ избирается Шахомъ и Каси, долженъ быть ученѣйшій мужъ, отлично знающій Алкоранъ и законы изъ Алкорана, и если къ нему обратятся съ вопросомъ, нетолько въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ, судѣ (большею частію по дѣламъ уголовнымъ), то онъ обязанъ высказать свое мнѣніе. По его же мнѣнію составляется иногда и приговоръ. Нѣкоторые приговоры постановляетъ Седеръ самъ, и тогда онъ самъ же прикладываетъ и свою печать на другой сторонѣ его, и посылаетъ такимъ образомъ приговоръ къ Шаху, который

подписываетъ: «Это мнѣніе Седера, которое мы утверждаемъ,» и прикладываетъ также внизу свою судную печать.

Обыкновенныя гражданскія и государственныя дѣла производятся свѣтскими судьями, которые также должны быть обучены праву и называются Орфъ (Orff). Нальникомъ своимъ они имѣютъ Диванъ-Бека или главнаго Государственнаго Судью, который не менѣе долженъ быть свѣдущъ въ Магометанскихъ законахъ.

Судебные дни суть: Понедѣльникъ и Четверкъ, и въ Испагани по этѣмъ днямъ судьи собираются въ открытое со сводомъ зданіе, помѣщающееся подъ Дворцовыми воротами Царскаго дома, выслушиваютъ тамъ тяжущіяся стороны и важныя дѣла представляютъ на усмотрѣніе Шаха, при своемъ мнѣніи.

Преступники въ Персіи наказываются жестоко. Такъ какъ Персіяне вообще народъ довольно грубый, весьма склонный ко всякаго рода порокамъ и мало обращающій вниманія на наказанія мягкія, то по этому съ ними и обращаются нещадно. Роды наказанія у нихъ различны, и часто судьи придумываютъ ихъ сами по своему произволу: обрѣзаніе носа, ушей, рукъ и ногъ, отсѣченіе головы, изсѣченіе саблею, сдираніе кожи и тому под. считаются наказаніями неважными и самыми обыкновенными, которыя и прежде издревле были въ употребленіи у Персіянъ, какъ это явствуетъ изъ Марцелина. Кто изнасилуетъ женщину, если она подтвердитъ свое обвиненіе троекратною клятвой, того лишаютъ члена, которымъ онъ совершилъ преступленіе.

По Персидскимъ законамъ брать лихву воспрещается, хотя втайнѣ ихъ и берутъ немало. Если про кого пройдетъ слухъ, что онъ беретъ лихву, то съ нимъ обращаются презрительно, какъ съ Жидомъ, и его уже не допускаютъ ни въ какія важныя собранія. Если жь на кого поступитъ жалоба во взятіи лихвы, то того постигаетъ тяжкая кара. Въ Ардебилѣ одному Персіянину, обвиненному во взиманіи лихвы по полутору рейхсталеровъ въ мѣсяцъ, были выбиты молоткомъ зубы. Такого ростовщика, по способу ихъ выраженія, они называютъ Судхуръ (Sudchur), т. е., лихвоѣдъ. Напротивъ того, дозволяется за взятыя въ займы деньги

закладывать сады, поля и другія имущества, которыми и пользуется заимодавецъ, и если, по прошествіи опредѣленнаго условіемъ времени, залогъ не будетъ выкупленъ, то заложенное имущество дѣлается собственностію заимодавца.

Шахъ Абасъ и Шахъ Сефи употребляли иногда дикіе и страшные роды наказанія преступникамъ, какъ объ этомъ отчасти и неоднократно уже упоминалось. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ преступниковъ они приказывали класть между двумя досками вмѣстѣ связанными, и пилить ихъ пилою по поламъ.

Одинъ Царскій Посланникъ, по имени Тейнксъ-Бекъ (Teinksbek), котораго Шахъ Абасъ посылалъ въ Испанію, разогналъ многихъ изъ сопровождавшихъ его, и когда, по возвращеніи своемъ, онъ объяснилъ Шаху вымышленную имъ причину, по которой отъ него бѣжали многіе изъ его спутниковъ, а толмачъ разсказалъ Шаху причинунастоящую, заключавшуюся въ томъ, что Посланникъ чрезвычайно жестоко обращался съ своими спутниками, то Шахъ собственною своею рукою и ножемъ отрѣзалъ Посланнику носъ, уши и кусокъ мяса изъ руки, и заставилъ его съѣсть все это въ такомъ сыромъ видѣ. Посланникъ Имамъ-Кули-Ханъ, пріѣхавшій съ нами въ Голштинію, поступалъ немного лучше съ сопровождавшею его прислугою; такъ, на пр., одному онъ приказалъ водить по голой спинѣ раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ, другому колотить обухомъ топора по пальцамъ до того, что они обратились въ безобразную мякоть, и прочее, и проч., такъ что 6 человѣкъ бѣжали отъ него, а нѣкоторые изъ нихъ остались въ Голштиніи, другіе же черезъ Италію возвратились въ Персію. Говорили, что Посланникъ поплатился бы также за все это своею жизнію, если бъ за него не похлопоталъ у Царя Государственный Канцлеръ.

ГЛАВА XXXVIII.

О Вѣрѣ Персіянъ; о различіи отъ Турецкой и отъ другихъ Магометанскихъ Исповѣданій.

Я не стану здѣсь распространяться о томъ, какая Вѣра у Персіянъ была въ древности, какъ они почитали и обожали солнце (которое они называли Митра (Mythra), мѣсяцъ, Венеру и огонь. Свѣдѣтельства древнихъ писателей обо всемъ этомъ старательно собраны Брисономъ (Brissonius, De regio Persarum principatu. Parisiis, 1606, lib. 2, pag. 157), къ которому я и отсылаю благосклоннаго читателя. Я же хочу дать здѣсь понятіе о современной Вѣрѣ Персіянъ и обрядностяхъ оной.

Такъ какъ извѣстно, что современные Персіяне, также какъ и Турки, слѣдуютъ одному ложному ученію Магумеда и имѣютъ одинъ и тотъ же Алкоранъ, а въ то же время, ради же ученія, суть непримиримые враги другъ другу, то Европейскимъ Христіянамъ очень бы хотѣлось знать, въ чемъ именно состоитъ различіе между обѣими этѣми Исповѣданіями?

Сколько мнѣ извѣстно, ни кто еще не сказалъ что ни будь вѣрное и обстоятельное о Вѣрѣ Персіянъ. Хотя Бусбекъ (Epistolae legationis Turcicae. Parisiis, 1505), въ 3-мъ письмѣ своемъ, на страницѣ 190, и пишетъ, что уже изъ разговора, веденнаго съ нимъ однимъ Турецкимъ Визиремъ, можно заключать, какъ далеки этѣ исповѣданія одно отъ другого, а именно: Турокъ этотъ сказалъ, будьто бы, что они, Турки, ненавидятъ и считаютъ Персіянъ невѣрными болѣе, чѣмъ Христіянъ. Но что же можно извлечь изъ такого свѣдѣнія? То же самое я долженъ сказать и о томъ, что писали объ этомъ Іовій, Бизаръ, Минадусъ, а основываясь на нихъ и другіе, также и Англичанинъ Ѳома Гербетъ, каковыя всѣ свѣдѣнія частію весьма скудны, частію ошибочны, частію же касаются только Магометанской Вѣры вообще. Я же намѣренъ изложить здѣсь такія свѣдѣнія, которыя я собралъ и дознался отъ самыхъ Персіянъ, частію устно, частію письменно, частію же изъ личнаго моего наблюденія.

Персіяне, также какъ и Турки, называютъ себя Мусельманами (Muselman), отъ Арабскаго слова Салама (Salama), которое само происходитъ отъ Еврейскаго מלם, означающаго: освободилъ, liberavit, спасъ, сокрылъ, или сохранилъ. Прозваніе это впервыев возникло отъ того, что, при распространеніи Магометанской Вѣры, преслѣдовали и избивали мечомъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли произносить и принять слѣдующій символъ: «Ia illah illalahu Mahumeda resul allah,» т. е.: «Нѣтъ иного, кромѣ единаго Бога, и Магумедъ Пророкъ (Apostel) Его.» Кто же принималъ этотъ символъ, тотъ спасался отъ опасности смерти, и того называли: «Muselman.» Теперь прозваніе это означаетъ только то, что кто исповѣдуетъ Магометанскую Вѣру и живетъ по ней, тотъ спасется. По этому они называютъ и дѣтей своихъ Мусельманами тотчасъ послѣ ихъ обрѣзанія. Обрѣзаніе же совершаютъ надъ дѣтьми семилѣтними, восьми и девятилѣтними, и для того, чтобы они не чувствовали боли при отнятіи у нихъ извѣстнаго кусочка кожицы спереди, ихъ поятъ сладкимъ опьяняющимъ напиткомъ. Въ этомъ во всемъ, равно какъ и въ томъ, что у нихъ одинъ Алкоранъ, Турки и Персіяне совершенно сходны другъ съ другомъ; различіе же ихъ далѣе состоитъ именно въ слѣдующемъ:

1. Не въ одинаковомъ толкователѣ и толкованіи Алкорана.
2. Въ различіи Имамовъ и Святыхъ.
3. Въ различіи церковной обрядности и обычаевъ.
4. Въ различіи чудесъ, совершенныхъ Святыми тѣхъ и другихъ.

Все это первоначально произошло отъ того, что Магумедъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ Аали, племянника и зятя своего (Аали былъ сынъ брата Магумедова, и Магумедъ выдалъ за него свою дочь, Фатиму), своимъ наслѣдникомъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ, управленіи. Тесть же Магумеда, Абубекеръ, (Abubeker), а потомъ Омаръ (Omar) и Одсманъ (Odsman), будучи богатыми и сильными Князьями, весьма много способствовавшими величію Магумеда и распространенію его ученія, захватили престолъ для себя и царствовали на немъ, одинъ послѣ другого, выдавая, яко бы Магумедъ предоставилъ престолъ имъ; въ завладѣніи престоломъ имъ помогало также расположеніе и другихъ

знатныхъ вельможъ. Все это крайне было прискорбно для Аали и его родственниковъ, и хотя Аали воспротивился было сказаннымъ искателямъ престола, но, не будучи достачно богатъ и силенъ, долженъ былъ уступить и допустить, что ему предпочли Абубекера, Омара и Одсмана; онъ даже долженъ былъ перенести и то, что Абубекеръ отнялъ у него все его наслѣдственное имущество, говоря, что кто несетъ тягость управленія, тотъ долженъ обладать и имуществомъ.

Только по смерти сказанныхъ 3 Халифовъ Аали получилъ Калифатъ и правленіе, при чемъ онъ велъ великія войны, и оказалъ въ нихъ богатырскіе подвиги, какъ это видно изъ 1-й книги Ельмацина (Elmazin, in Historia Saracenorum Arabica. Lugduni, 1625, lib. 1). Хотя Аали и отвергъ нѣкоторые изъ законовъ, изданныхъ прежними тремя Калифами, и старался объяснить изъ Алкорана и нѣкоторыя положенія Магумеда, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ Алкоранъ неизмѣннымъ, со всѣми точными законами Магумеда. Такимъ образомъ, въ цѣлой Аравіи, Турціи и Персіи была одна Вѣра до 1363 года по Р. Х., когда въ Ардебилѣ появился одинъ ученый мужъ, по имени Софи (Sofi), который говорилъ, что происходитъ онъ изъ рода Аали, есть потомокъ одного изъ сыновей Госейна, по имени Мусаи Касима (Musai Kasim); мужъ этотъ представлялся человѣкомъ великой святости и высокаго ума, по чему и называлъ себя Шихомъ (Schich), велъ строгую жизнь, держалъ себя такъ, какъ будто бы онъ не ставилъ ни во что ни свѣтъ, ни его великолѣпіе (пышность), ходилъ въ бараньемъ тулупѣ, не хотѣлъ надѣвать на себя ни какой шелковой одежды, а носилъ только шерстяную. По этому, нѣкоторые полагаютъ, что такъ какъ Арабское слово Суфъ, صوف Suff, означаетъ шерсть, то онъ собственно и долженъ называться Софи; но на это я могу сказать также, что такъ какъ онъ имѣлъ блѣдный, бѣлый, цвѣтъ лица (какъ говорятъ о немъ), то онъ могъ получить свое имя и отъ Персидскаго и слова Сефидъ, سفيد Sefid (бѣлый, блѣдный), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые называютъ его и Сефи (Sefi). И это послѣднее согласно съ обыкновеніемъ Персіянъ давать названіе по цвѣту, какъ, на примѣръ, имя Сару Тагге, означающее желто-красный. Во всякомъ случаѣ, настоящее имя его, полученное имъ при обрѣзаніи, было Софи.

Софи теперь началъ открыто учить и писать, что первое наслѣдованіе Калифата долженствовало достаться Аали, какъ племяннику, зятю и истинному наслѣднику престола Магумеда; что честь эту у Аали и всего его рода, а по тому и въ поруганіе самаго Магумеда, отняли хищническимъ образомъ Абубекеръ, Омаръ, и Одсманъ, за что Богъ сильно прогнѣвался и повелѣлъ ему, Софи, надѣливъ его всевозможными для того дарами, возстановить честь Аали, такъ долго лежавшую во прахѣ (презрѣніи). Въ доказательство того, что Аали былъ истинный служитель Божій и чудотворецъ, Софи приводилъ множество чудесъ, которыя тотъ совершилъ и которыя Турки доселѣ держали въ тайнѣ. Аали же сдѣлалъ и законное или истинное толкованіе Алкорана, которое наслѣдникъ и послѣдователь его, Джаферъ-Садукъ (Tzafersaduk) оставилъ въ писаніяхъ. Въ этомъ толкованіи (Commentario) было нѣсколько законовъ, которые не согласовались съ законами, принятыми Турками по толкованію Ганифе (Hanife), но которые были лучше, сносиѣе этѣхъ послѣднихъ. Персіяне, какъ народъ вообще склонный ко всякой новизнѣ, толпами послѣдовали за Софи, приняли его ученіе и обрядность, которую онъ установилъ нѣсколько иначе, и наконецъ совсѣмъ отдѣлились отъ Турокъ, которымъ это было крайне прискорбно, и они тѣмъ еще пуще стали преслѣдовать Персіянъ мечомъ. Персіяне же, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возвеличивали своего Аали, и прибавили, къ помянутому выше символу, еще слѣдующія слова: «Aaly Welli alla» (praefectus, adjutor Dei, помощникъ Божій), такъ что символъ этотъ произносится теперь у нихъ такъ: «Ни кто другой, какъ единый Богъ, Магумедъ Пророкъ Божій и Аали вѣрный помощникъ Божій и правитель.» Персіяне говорятъ даже такъ: «Хоть Аали и не самъ Богъ, но близокъ очень къ Божеству, и яко бы Алкоранъ, который Богъ хотѣлъ дать Аали, только по ошибкѣ попалъ въ руки Магумеда.» Этѣмъ они возвеличиваютъ Аали даже надъ Магумедомъ. А въ Персидской молитвѣ, которую церковникъ (Küster) ихъ выкрикиваетъ, когда, стоя на крышѣ церкви, сзываетъ Правовѣрныхъ на моленье, Абубекеръ, Омаръ и Одсманъ, предаются проклятію и посылаются въ преисподнюю самыми поносными словами. У нихъ также въ ходу слѣдующая бранная поговорка: «Kiri sek der deheni Abubeker, Omar Hanife bad!» (Testiculi canini sint super osillorum!), Поговорка эта — ужасъ для ушей

Турокъ, возбуждаетъ въ нихъ сердечную злобу противъ Персіянъ, въ особенности еще и по тому, что потомки Шиха Сефи, каковы, на примѣръ, Седрединъ (Sedredin), Джинидъ (Tzinid) (a quibusdam Gutnet dictus), Айдеръ (Aider), и другіе, ревностно распространяли возникшее вновь ученіе, привлекли къ себѣ множество народу и сдѣлались могущественны до такой степени, что подѣлались наконецъ Царями, и такимъ образомъ изъ Шиховъ сдѣлались Шахами.

Такъ какъ Персіяне такъ высоко ставятъ Аали и приписываютъ ему небесныя добродѣтели и божескія силы, то и его потомки, которымъ, какъ бы по наслѣдству, сообщается доля его святости и чудесной силы, пользуются у нихъ большимъ, чѣмъ обыкновенные люди, почетомъ. По этому Персіяне начали посѣщать ихъ гробницы, молиться у нихъ съ большимъ благоговѣніемъ и приносить туда богатыя жертвы.

Аали оставилъ двухъ сыновей: Гасана (Hassan), и Госейна (Hossein), а отъ этого послѣдняго рождены: Сейнель Абединъ (Seinel Abedin), Магумедъ Багуръ (Mahumed Bagur), Джаферъ Садукъ (Tzafer Saduk), Муса Касумъ (Musai Kasum), Риза (Risa), Магумедъ Таги (Mahumed Taggi), Алли Наги (Alli Naggi), Госейнъ Аскери (Hossein Askeri), и Мегеди (Mehedi). Изъ всѣхъ этѣхъ лицъ Гасанъ, Сейнель, Абединъ, Магумедъ Багуръ, Магумедъ Таги и Алли Наги, погребены въ Мединѣ; Джаферъ Садукъ въ Вавилонѣ, а Госейнъ, Муса Касумъ и Госейнъ Аскери въ Кельбула или Куфѣ. Мегеди же не умиралъ, но ушелъ въ пещеру близъ Куфы, оставивъ у входа ея только башмаки свои, для того, чтобы передъ Страшнымъ Судомъ, когда башмаки его (уже теперь въ половину повернувшіеся къ пещерѣ) повернутся къ ней окончательно, такъ чтобъ Мегеди могъ прямо ступить въ нихъ, онъ снова пришелъ изъ пещеры и обратилъ людей къ Алкорану.

Всѣхъ этѣхъ, числомъ 12, Персіяне называютъ своими Имамами (Antistites, блюстителями Вѣры), и въ настоящее время, вмѣстѣ съ Шахомъ Софи они считаются самыми святыми мужами, и къ ихъ-то могиламъ ходятъ на богомолье, преимущественно тѣ Персіяне, которые не имѣютъ возможности совершать великое богомолье въ Мекку и Медину (о которомъ скажу въ другомъ мѣ-

стѣ). Такимъ богомольцамъ выдается письменное свѣдѣтельство, называемое Сіяретнаме (Sijaretname), въ томъ, что они поклонялись тамъ, и кому именно поклонялись. Свѣдѣтельства этѣ служатъ къ тому, чтобы по нимъ можно было видѣть, что имѣющіе ихъ исповѣдуютъ истинную Персидскую Вѣру. Также тѣ, которые впали въ немилость у Шаха и Хановъ, если они имѣютъ при себѣ такое свѣдѣтельство и предъявятъ его, могутъ тѣмъ спасти жизнь свою. Такъ поступилъ, бѣжавшій отъ насъ, Персидскій толмачъ Рустамъ, когда онъ снова оставилъ Христіянскую Вѣру, принятую имъ въ Англіи и перешелъ въ Персидскую. Тѣмъ же воспользовался и Джира-Ханъ, о которомъ говорено выше, и который, когда Шахъ Сефи приказалъ было отрубить ему голову, бѣжалъ въ Мешедъ, добылъ тамъ такое свѣдѣтельство о поклоненіи при гробницѣ Имама Ризы, предъявилъ оное Шаху (хотя и не лично), и тѣмъ спасъ жизнь свою.

Персіяне ежегодно празднуютъ дни погребенія сихъ Святыхъ, особенно же Аали и Госейна; но Турки не дѣлаютъ этого, и даже издѣваются надъ этѣмъ. Они, съ своей стороны, чествуютъ Абубекера, Омара и Одсмана, не менѣе ихъ чтутъ и своего толкователя Алкорана, Ганифе. Персіяне же считаютъ этого послѣдняго обманьщикомъ и лжетолкователемъ, и разсказываютъ, что онъ былъ прислужникомъ у Джаферъ Садука, набралъ потихоньку воды, которою мылся этотъ Святой ихъ, ушелъ въ Турцію, излѣчилъ тамъ этой водой многихъ слѣпыхъ, совершалъ и другія чудеса, за что и возлюбленъ былъ Турками.

Персіяне говорятъ далѣе, что Шахъ Тамасъ, взявши Вавилонъ, вырылъ будто бы Ганифе, чтимаго Турками, покоившагося тамъ въ изящной гробницѣ, и сдѣлалъ изъ его Масара или усыпальницы конюшню, а изъ самой могилы его—отхожее мѣсто.

Хотя Магометане имѣютъ множество толкователей Алкорана, но важнѣйшими изъ нихъ, которые, по мнѣнію ихъ, одарены были особеннымъ духомъ толкованія ихъ Св. Писанія и которыхъ по этому они почитаютъ какъ бы святыми, считаются: Аали и Джаферъ Садукъ, которому слѣдуютъ и котораго чтутъ Персіяне, Ганифе у Турокъ, Шафеи (Schafei) у Узбецкихъ Татаръ, Гембили и Малеки (Hembili et Maleki) у Индійцевъ. Нѣкоторыя мѣста

въ Алкоранѣ чрезвычайно темны: иногда въ немъ въ краткихъ словахъ обозначается нѣсколько событій, которыхъ, пожалуй, никогда въ дѣйствительности и не бывало; для выполненія-то и болѣе подробнаго объясненія такихъ мѣстъ одинъ толкователь лжетъ болѣе другого; и удивительно, какъ это Персіяне (я говорю только о нихъ, по тому что былъ только у нихъ) могутъ вѣрить такимъ въ высшей степени нелѣпымъ баснямъ и очевидной лжи, которыми полны толкованія и дополненія ихъ Св. Писанія! Такъ, на примѣръ, въ нихъ говорится, какъ выскочилъ изъ камня конь Аалія, Дулдулъ (Duldul); какъ Ангелъ Гаврінлъ принесъ ему, Аали, двойной мечъ, Джульфакаръ; какія чудеса совершилъ Аали имъ, этѣмъ мечомъ; какъ побѣдилъ семиглавнаго дракона, зарубилъ дьявола (о томъ, какъ онъ пировалъ съ Ангелами на небѣ, подробно разсказано мною въ Персидской «Долинѣ розъ»); какъ Султанъ Магмедъ Ходабенде, во время охоты при Куфѣ, нашелъ и вырылъ на холмѣ ящикъ съ такою надписью: «Сдѣсь погребены: Адамъ, Ной и Аали;» какъ Султанъ построилъ на этомъ мѣстѣ городъ Неджефъ (Netzef), и велѣлъ перенести туда гробницу Аалія, и многое тому подобное.

Желая приписать основателю своего Исповѣданія нѣчто божественное, Персіяне разсказываютъ множество чудесъ, которыя Софи совершилъ будто бы по божественной силѣ своей. Такъ, еще въ юности своей, пришедши однажды въ селеніе Сагеданъ (Sahedan), лежащее въ Гилянѣ, къ одному святому и мудрому мужу, Шиху Сагадъ (Sahad), и увидѣвши тамъ, что народъ съ большимъ трудомъ вырываетъ на полѣ сорную траву, Софи приказалъ зелью, чтобы оно само собою выходило изъ земли, и зелье то послушалось его. Увидя это, Шихъ Сагадъ сказалъ: «Этого не слѣдуетъ, мой сынъ, хотя ты и знаешь это искуство. Люди должны работать, иначе они будутъ только праздно шататься.» Такъ какъ рѣчь эта показалась Софи весьма мудрою, то онъ и поступилъ въ услуженіе къ Сагаду, и пробылъ тамъ 7 лѣтъ, въ которыя научился многому въ мудрости. Сказанное селеніе сдѣлалось въ слѣдствіе этого вольнымъ селеніемъ, каковымъ состоитъ оно и до сего времени.

Другой разсказъ. Когда Шихъ Софи, своимъ ученіемъ и святостію, сдѣлался извѣстенъ на всемъ Востокѣ, то его пожелалъ

увидѣть и посѣтить одинъ Хорасанскій Татаринъ, Темюрленгъ или Тамерланъ. При этомъ втайнѣ онъ придумалъ три испытанія, посредствомъ которыхъ хотѣлъ дознать, дѣйствительно ли Сефи такой Шихъ и святой, какъ про него говорятъ, и истинно ли его ученіе? Эти испытанія были именно слѣдующія: первое, если Сефи не выйдетъ къ нему на встрѣчу; второе, если рисъ, который подадутъ для ѣды, будетъ сваренъ не на овечьемъ, но на молокѣ дикихъ козъ; и третье, если ядъ, который онъ дастъ выпить Сефи, не повредитъ ему. Когда такимъ образомъ Темюрленгъ прибылъ въ Шамасбю (Schamasbü), гдѣ жилъ въ то время Сефи, и подошелъ уже къ его покою, Сефи оставался и спдѣлъ въ своей комнатѣ, пока не вошелъ туда Темюрленгъ; тогда Сефи всталъ и сказалъ: «Передъ Царемъ слѣдуетъ встать: извини, что я не встрѣтилъ тебя, но ты самъ пожелалъ этого для испытанія.» За тѣмъ онъ посадилъ Тамерлана прямо противъ двери, для того, чтобы онъ могъ видѣть на дворѣ, какъ, по желанію Сефи, дикія козы прибѣгали туда изъ пустыни и совершенно покорно становились тамъ и давали себя доить. Наконецъ, когда Сефи замѣтилъ, что ему предстоитъ еще выпить чашу яду, онъ надѣлъ на себя бѣлую рубаху, выпилъ ядъ и сталъ плясать кругомъ, обыкновеннымъ у Шиховъ способомъ, чтобы вспотѣть; за тѣмъ снялъ рубаху, выжалъ изъ нея ядъ съ потомъ, сдѣлавшійся совершенно зеленымъ, и, подавъ его въ стаканѣ Тамерлану, сказалъ: «Вотъ твой ядъ: онъ не причинилъ мнѣ ни какого вреда.» Послѣ этого Тамерланъ увѣровалъ ученію Сефи, подарилъ ему всѣ селенія, лежавшія около Ардебиля, съ нѣсколькими сотнями плѣнныхъ Турокъ, для того, чтобы и ихъ онъ обратилъ въ свою Вѣру.

Всему разсказанному здѣсь объ Аали, его потомкахъ и о чудесахъ Шиха Сефи, Турки вовсе не вѣрятъ, но смѣются только и издѣваются надо всѣмъ этѣмъ, что возбуждаетъ великое негодованіе въ Персіянахъ. Турки, впрочемъ, говорятъ, что Аали, какъ принадлежащій къ Магуметову роду, былъ мужъ святой и Имамъ, за что они чествуютъ его, и когда садятся на лошадей, то говорятъ: «Ну, Аали, да поможетъ Аали!» Это по тому, что Аали былъ и храбрымъ наѣздникомъ.

ГЛАВА XXXIX.

Объ обрядностяхъ Персіянъ передъ молитвой, во время и послѣ ея, равно и о самой молитвѣ.

Такъ какъ Софиніяне отвергаютъ законы, которые мимо Алкорана установлены Абубекеромъ, Омаромъ, Одсманомъ и Ганифе, и слѣдуютъ только законамъ Джаферъ Садука, то то же самое различіе вносятъ они и въ церковную обрядность и другіе обычаи, желая и въ нихъ имѣть нѣчто особенное для себя, и такимъ обрядностямъ придаютъ они такое великое значеніе, какъ бы онѣ составляли существенную часть самой Вѣры. Я коснусь здѣсь немного только тѣхъ обрядовъ, которыми сопровождается молитва ихъ. Когда Персіяне хотятъ отправиться на молитву, то они, также какъ и Турки, должны прежде омыться, именно такимъ образомъ: они засучиваютъ рукава по локти, и сперва моютъ руки, смачивая ихъ дважды отъ локтей къ кистямъ, потомъ правой рукой, тоже дважды, омываютъ лицо. Турки же берутъ воду обѣими руками, и трутъ ими трижды лицо, съ верху до низу и обратно, при чемъ полощутъ ротъ и носъ, набирая ими воды съ рукъ.

Персіяне два раза проводятъ мокрой рукой по головѣ, отъ затылка ко лбу, и за тѣмъ вытираютъ ноги до щиколки.

Турки же берутъ полную руку воды и смачиваютъ ею голову, а за тѣмъ влажной же рукой увлажняютъ и ноги, которыя до этого должны быть вымыты. Персіяне (но этого не дѣлаютъ Турки) вычищаютъ указательнымъ пальцемъ въ ушахъ, а большимъ трутъ около, за тѣмъ указательнымъ же пальцемъ потираютъ съ затылка черезъ голову до горла. Такія обрядности дѣлаютъ они еще дома, передъ тѣмъ какъ ити въ свою церковь. Женщины по городамъ не смѣютъ ходить въ церковь, чтобы не давать мужчинамъ поводъ къ недобрымъ помысламъ.

У Персіянъ есть камень, который при молитвѣ они прикладываютъ иногда ко лбу, а также и на землѣ кладутъ на немъ головою земные поклоны.

Камень этотъ сдѣланъ изъ сѣроватой земли, вырываемой при Неджефѣ и Куфѣ, гдѣ Госейнъ пролилъ кровь свою и по-

гребенъ вмѣстѣ съ Аали (изъ другой земли камень не имѣетъ такой силы). Величиною и видомъ онъ такой же, какъ представленъ на прилагаемомъ при семъ изображеніи. [1] На немъ начертаны имена помянутыхъ выше 12 Имамовъ, вмѣстѣ съ Фатимой, супругой Аали, отъ которой тѣ Имамы произошли. Камни этѣ изготовляются Аравитянами (Araber) и доставляются ими въ Персію на продажу. Одинъ такой камень я вывезъ съ собою изъ Персіи и доставилъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Турки не ставятъ ни во что такіе камни.

Пришедши въ церковь, начинаютъ съ молитвы «Alla ekber,» и Персіяне при этомъ опускаютъ свободно руки, а глаза потупляютъ въ землю, Турки же держутъ руки на груди. За тѣмъ Персіяне поднимаютъ руки и держатъ ихъ у обоихъ ушей, а лицо обращаютъ къ «Kible,» на полдень или югъ. Это по тому, что Мекка и Медина отъ Адирбейджана и Ардебиля, гдѣ возникло ихъ Исповѣданіе, лежитъ въ правой сторонѣ, на югъ. Я полагаю, что обычай этотъ заимствованъ ими у древней Христіянской Церкви; ибо Христіяне также избирали себѣ извѣстную страну свѣта, къ которой обращались, именно, на востокъ. По этому-то древніе устроивали и алтарь, передъ которымъ молились и отправляли богослуженіе, къ востоку, какъ повѣствуетъ о томъ Полидоръ Вергилій (Polydorus Vergilius: «De rerum inventoribus etc. 1590, lib. 5, c. 9, p. 433). Но Христіяне дѣлали это для того, чтобы помнить, что явился Христосъ, взошло солнце правды для нихъ; по этому-то, когда при Императорѣ Северѣ Христіянъ обвиняли въ томъ, что они поклоняются, будто бы, солнцу, Тертуліянъ опровергаетъ такое обвиненіе, объясняя сказаннымъ образомъ ихъ обращеніе къ восходу солнца, какъ объ этомъ можно прочесть въ его «Apologia adversus gentes,» cap. 16, p. 47 (въ «Opera Tertulliani. Parisiis, 1608).

Когда Персіяне стоятъ такимъ образомъ, обратясь на полдень, то начинаютъ молитву: «Allhemdo lilla;» заключивъ ее, они нагибаются, опершись руками на колѣни, и читаютъ молитву: «Subhana Rebbi» и проч., за тѣмъ повторяютъ: «Alla Ekber,» и становятся далѣе на колѣни, склоняютъ голову къ землѣ, прикладывая

---

1 Стр. подлинника 681. О. Б.

ее на, описанный сейчасъ, камень, читаютъ молитву: «Subhana Rebbi,» и воздѣваютъ потомъ руки къ верху.

Послѣ всего этого Персіяне совершаютъ заключительное моленіе на колѣняхъ, за тѣмъ встаютъ на ноги, поворачиваются на право и на лѣво и потихоньку произносятъ: «Ssalom alekum, Ssalom alekum!» Этѣмъ они привѣтствуютъ Ангеловъ, стоявшихъ какъ бы при нихъ и воздерживавшихъ сатану, для того, чтобы они невозмутимо могли совершить свое моленье. Турки привѣтствуютъ такимъ образомъ Ангеловъ еще до окончанія молитвы. Персіяне ходятъ, или вѣрнѣе, должны ходить, на молитву 5 разъ въ день: рано утромъ, при восходѣ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, вечеромъ и отходя ко сну. Важнѣйшая изъ ихъ молитвъ есть: «Fatah» и «Alhemdo lilla,» которой содержаніе слѣдующее:

Во имя Бога, милосердаго, всемилостиваго! Слава Богу, Повелителю твореній, Царю послѣдняго суда! Тебѣ молимся, тебя, помощника въ скорбяхъ, призываемъ: веди насъ на путь истинный, но истинный путь тѣхъ, которымъ ты сдѣлалъ добро, а не тѣхъ, на которыхъ ты излилъ гнѣвъ свой, а также и не на путь тѣхъ, которые заблуждаются, ходятъ во тьмѣ. Аминь.»

Точно также, какъ всѣ главы Алкорана начинаются словами: «Bismilla rahman rahim,» т. е., Во имя Бога и проч., такъ и при всякомъ дѣлѣ и предпріятіи Персіянъ, у нихъ постоянно слышатся на устахъ слова: «Bismilla» и проч., а иногда: «Benahm ohnkinamesch herestzanehast,» т. е., во имя того, чье имя есть прибѣжище и защита душъ! Во время молитвы они держатъ себя съ великимъ благоговѣніемъ, и когда въ Испагани намъ часто случалось бывать въ большой мечети Мегеди (Mestzid Mehedi), и мы проходили мимо молившихся, то ни одинъ изъ нихъ ни на кого, бывало, и не взглянетъ, всѣ стоятъ, всегда опустивъ глаза въ землю, или воздѣвъ ихъ къ небу, какъ требуетъ того молитва ихъ. Нѣкоторые молятся и при этомъ кричатъ въ домахъ своихъ съ такой ревностью и такъ продолжительно, что у нихъ не хватаетъ наконецъ дыханія, и они падаютъ на землю, какъ бы въ обморокѣ, какъ это случилось мнѣ слышать однажды въ Шемахѣ, въ сосѣднемъ съ нашимъ домѣ: какой-то Персіянинъ молился тамъ такъ долго и громко, что наконецъ едва могъ повторять

только одно слово «Hakka,« т. е., Богъ, которое и повторилъ болѣе 50 разъ совершенно изнеможеннымъ и упавшимъ голосомъ, а за тѣмъ и совсѣмъ замолкъ. Бѣдные люди думаютъ, что такимъ усиленнымъ напряженіемъ усгъ они могутъ прямо отправиться на небо. Иные, какъ и Католики, употребляютъ при молитвѣ четки (Pater Noster), называемыя у Персіянъ «Möher Thesbih,» и состоящія изъ маленькихъ пуговокъ, трижды отдѣляемыхъ большими пуговицами, но молятся съ этѣми четками Персіяне совсѣмъ иначе, чѣмъ Католическіе Христіяне. Въ праздникъ, когда Персіяне отправляютъ свою молитву, одинъ изъ нихъ Хатибъ (Chatlib) всходитъ на каѳедру и читаетъ нѣсколько главъ изъ Алкорана, объясняя ихъ. Нашей Библіи они не уважаютъ, говоря, что она искажена Іудеями и Греками, въ слѣдствіе чего, будто бы, Богъ и прислалъ Алкоранъ, какъ возстановленную и исправленную Библію. Когда, бывши въ Шемахѣ, я показалъ Минаджиму Халилю (Chalil), въ присутствіи другихъ Персіянъ, Пятикнижіе Моисея, напечатанное по Арабски, то хотя онъ и узналъ ихъ хорошо, но все таки сказалъ: «Chrab dur!» т. е., испорченное и негодное сочиненіе; Алкоранъ ихъ лучше.

О сотвореніи міра, объ Адамѣ, о другихъ Библейскихъ событіяхъ, равно какъ о Страшномъ Судѣ и вѣчной жизни, Персіяне имѣютъ странныя и забавныя ученія и вѣрованія, во многомъ уклоняющіяся отъ ученія Турокъ; но, чтобъ описать всѣ эти уклоненія, потребовалась бы цѣлая книга, которая, если только будетъ угодно Богу, появится въ другое время.

У Персіянъ въ обычаѣ также посвящать нѣкоторыхъ дѣтей своихъ, еще въ утробѣ матери, одному изъ своихъ Святыхъ, въ слуги, и по рожденіи такому ребенку пробиваютъ въ ухѣ дыру, въ знакъ его службы; отсюда-то происходятъ нѣкоторыя имена: Магумедъ-Кули, Имамъ-Кули, Аали-Кули, означающія: слуга, рабъ, Магумеда, Имама, или Аали. Случается это тогда, когда родители не имѣютъ долго дѣтей, или когда были они, да перемерли; даютъ также обѣты посвятить дѣтей въ монашество, какъ Абдаллъ (Abdallen); когда же такое дѣтя выростетъ и не пожелаетъ исполнить данный родителями обѣтъ, то можетъ откупиться деньгами отъ такихъ духовныхъ и священныхъ мѣстъ, или должностей.

Персіяне держатъ также четыренедѣльный постъ, Рушъ (Rusch) или, какъ обыкновенно называется онъ по Турецки, Оруджъ (Orutz), который, по закону Магумеда, начинается въ мѣсяцѣ Рамезанѣ, съ новолунія, и заканчивается слѣдующимъ новолуніемъ. Въ этотъ постъ они ни ѣдятъ, ни пьютъ, съ восхода до заката солнца; но послѣ они могутъ всю ночь пить, какъ угодно, и обыкновенно къ утру ложатся спать съ полнымъ брюхомъ; по этому они легко могутъ перемѣнить день на ночь и соблюдать такимъ образомъ постъ. Кто же не хочетъ соблюдать поста, какъ на примѣръ, дѣлалъ это Шахъ Сефи, тотъ, по закону, можетъ откупиться отъ этого раздачею милостыни.

ГЛАВА XL.

О Сендѣ, Абдаллѣ, Дервишѣ и Календаренѣ.

У Персіянъ есть родъ людей, которыхъ они называютъ Сендами (Seijd) и которые должны быть изъ племени и изъ потомковъ Магумеда, а слѣдовательно Аали, и люди этѣ пользуются въ странѣ большою свободою. Они подстригаютъ волосы въ нижней части головы только на два пальца шириною, остальные же отпускаютъ длинными и заплетаютъ въ косу. Они не смѣютъ жениться иначе, какъ изъ своего же племени, въ противномъ случаѣ должны платить Шаху большую подать. Они ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ и въ плоскихъ низкихъ башмакахъ; мендили (шапки или чалмы) ихъ описаны выше. Они не смѣютъ пить ни какого вина, ни даже присутствовать тамъ, гдѣ пьютъ вино, и хотя они и могутъ бывать на пиршествахъ, но на нихъ, вмѣсто вина, всѣ должны пить душабъ, описанный выше, или же только одну воду. Они не должны прикасаться къ собакамъ, не могутъ быть причастны лжи и не могутъ клясться иначе, какъ «Ewlademen», т. е.: «Клянусь моимъ рожденіемъ!», въ то время, какъ другіе клянуться: Богомъ, Аали, Шахомъ Сефи и Peyamber ba embia, т. е., племенемъ или родомъ Аали. Этѣ Сеиды, живущіе въ городахъ, вообще люди богатые, такъ какъ они обладаютъ собственными имѣніями (селеніями) и свободны отъ всякихъ повинностей, что и дѣлаетъ ихъ довольно спесивыми. Но

есть тамъ и такіе люди, которые выдаютъ себя за Сендовъ, шатаются изъ города въ городъ, показываютъ свои свѣдѣтельства (Testimonia) и пробиваются только милостынеи; такіе люди обыкновенно обманщики, ихъ зовутъ «Eher Seijd», т. е., святыми осла; иные изъ нихъ носятъ круглую серебряную коробочку съ волосами, которые выдаютъ за волоса Магумеда; они умѣютъ искусно выпускать этѣ волоса черезъ дырочку такъ, что иной можетъ подумать, что такое движеніе совершается самимъ волосомъ; они и продаютъ этѣ волоса по волоску и довольно дорого. Персіяне закладываютъ ихъ въ книгу, когда читаютъ и молятся.

Въ Гилянѣ, именно въ Кисмѣ (Kisma), былъ одинъ такой обманьщикъ, который черезъ полукруглыи хрусталь зажигалъ солнцемъ хлопчатую бумагу, чѣмъ и заставилъ народъ повѣрить, что онъ дѣйствительно происходилъ изъ рода Магумеда, получилъ отъ него силу творить чудеса, и вообще находился въ союзѣ съ небомъ. Когда позднѣе я показывалъ, въ Голштейнѣ уже, бывшимъ у насъ Персіянамъ, что это явленіе совершенно естественно, и какъ можно зажигать бумагу на солнцѣ, даже въ суровую зиму, черезъ почной сосудъ, наполненный холодною водою, даже черезъ простой кусокъ чистаго льду, который я изготовилъ выпуклымъ на блюдѣ, то Персіяне тѣ объявили мнѣ, что если бъ я сдѣлалъ это у нихъ, въ Персіи, то меня непремѣнно сочли бы за святаго, или за чародѣя.

Есть еще въ Персіи родъ духовныхъ людей, Абдаллы (Abdallen), которые также должны происходить отъ Аали, и которыхъ въ Турціи нѣтъ, а вмѣсто нихъ тамъ есть Дервиши, о которыхъ много похожденій разсказано въ Персидскоі «Долинѣ Розъ.» Абдаллы суть родъ монаховъ, ходятъ они одѣтые въ простыхъ кафтанахъ, иногда выстеганныхъ и прошитыхъ, какъ тюфяки; иные изъ нихъ просто увѣшиваются шкурою съ шерстью, и опоясываются посреди тѣла, какъ бы поясомъ, мѣдною змѣею, которую дастъ имъ ихъ глава (Meister), когда они провозглашаются Абдаллою, какъ свѣдѣтельство ихъ мудрости. Въ такой орденъ посвящаются только трое, именно: въ Суфиганы въ Ардебилѣ, Испагани и Мешетѣ, и посвящаются они Суфибашею, Верховнымъ главою Софиніянцевъ, о которомъ упомянуто было уже выше. Абдаллы встрѣчаются на торжищахъ и другихъ пло-

щадкахъ, тамъ и сямъ: они стоятъ, сзываютъ къ себѣ народъ, проповѣдуютъ ему о чудесахъ своихъ святыхъ, и порицаютъ Турецкихъ святыхъ: Абубекера, Омара, Одсмана, Ганифе, а также и святыхъ Узбецкихъ, выдумываютъ про нихъ разныя срамныя происшествія, для того, чтобы какъ ни будь обругать ихъ, проклинаютъ даже ихъ вмѣстѣ съ Турками, и такимъ образомъ распространяютъ и вкореняютъ преданія своей секты и ненависть къ Туркамъ въ молодежи, которой найболѣе находится обыкновенно въ такихъ сборищахъ. По этому-то Абдаллы не дерзаютъ и находиться по близости къ Турецкимъ границамъ. Между этѣми Абдаллами есть такіе молодцы, которые проматываютъ все, что надаютъ и набрасаютъ ему его слушатели, простолюдины; по этому такихъ молодцовъ называютъ Персіяне Календеранами (Kalenderan). Объ этѣхъ лжепроповѣдникахъ я представилъ подробныя свѣдѣнія въ моей Персидской «Долинѣ Розъ», въ 8-й книгѣ § 67-мъ. Это большею частію легкомысленный, развращенный, преданный Содомскому грѣху и грабежу, людъ, который, за исключеніемъ только того, что помогаетъ распространенію Вѣры, доставляетъ странѣ мало хорошаго. Иногда по ночамъ они уходятъ въ поле, прячутся тамъ въ какой ни будь норѣ, или засадѣ, ржутъ по лошадиному, для того, чтобы, когда лошади проѣзжающихъ станутъ отвѣчать имъ, они могли узнать, гдѣ находятся проѣзжіе, и за тѣмъ напасть на нихъ и ограбить. Никто ихъ охотно не пускаетъ къ себѣ и въ домъ; по этому при мечетяхъ строятся для нихъ небольшія часовни, чтобы они имѣли въ нихъ свое убѣжище. Въ Ардебилѣ такихъ убѣжищъ найболѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Случилось однажды, что въ селеніе Лекере (Lekere), лежащее въ 3 миляхъ отъ Ардебиля, пришелъ Абдалла къ одной молодой женщинѣ и просился къ ней на ночлегъ; женщина извинилась, что, за отсутствіемъ мужа, не можетъ дать ему ночлега у себя, но если бъ мужъ былъ дома, то не отказала бы ему. Абдалла, увидѣвъ, что хозяйка красива и пошла доить корову, пробрался потихоньку въ домъ къ ней и спрятался на постели, которую хозяйка, по обыкновенію своему, складывала днемъ вверху, на козлахъ, или станкѣ, чтобы на землѣ она не мѣшала. Между тѣмъ хозяйка пригласила дочь сосѣда, одну дѣвицу, къ себѣ пере-

почевать. Когда обѣ женщины усѣлись было поѣсть, то хозяйка попросила дѣвицу достать къ столу еще одно кушанье, которое она положила на постель; дѣвица пошла, увидѣла за постелью Абдалла и подумала, что хозяйка сама запрятала его туда, для того, чтобъ поспать съ нимъ; по этому не осталась на ночь у ней и ушла. Абдалла, увидѣвъ, что онъ съ хозяйкой одинъ въ домѣ, вылѣзаетъ изъ своей засады, ласково привѣтствуетъ хозяйку и еще разъ просить ее о дозволеніи ему переночевать у нея. Испуганная такимъ нежданнымъ явленіемъ, хозяйка дозволила ему, и гость не замедлилъ повести рѣчь о раздѣленіи съ нею ложа. Хозяйка сдѣлала видъ, будьто согласна его желанію, и сказала, что пойдетъ прежде въ кладовую, принесетъ оттуда кой какое угощенье для него; но, вышедши въ кладовую, она затворилась въ ней, привалила къ двери нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, и оставила Абдалла въ домѣ одного, только съ своимъ малымъ ребенкомъ, лежавшимъ въ люлькѣ. Абдалла угрожаетъ ей убить дѣтя, если она не выйдетъ къ нему; но хозяйка отвѣчаетъ, что честь ей дороже ребенка, и что дѣтей она еще много можетъ прижить съ своимъ мужемъ. Послѣ этого Абдалла разрѣзалъ ребенка на 4 части своимъ большимъ ножомъ, который, словно широкій кинжалъ, люди этѣ носятъ на боку и называется Букданъ (Bukdan), и за тѣмъ отправился къ кладовой, вырылъ тамъ подъ дверным порогомъ дыру, въ которую и хотѣлъ пролѣзть. Хозяйка начала кричать и звать на помощь, и когда Абдалъ просунулъ уже голову и плечи во внутрь кладовой, она схватила попавшійся ей подъ руки сошникъ отъ плуга, и давай имъ рубить убійцу по головѣ и шеѣ, такъ что тотъ тутъ же и померъ. Такъ какъ кровь изъ убитаго обильно потекла въ кладовую къ хозяйкѣ, то при видѣ ея она впала въ обморокъ; пришли сосѣди и мужъ, разломали двери, увидали такую страшную картину и привели въ чувство хозяйку, которая, оправясь, припомнила, что когда убійца получилъ отъ нея первые удары по головѣ, то онъ просилъ о пощадѣ и говорилъ, что онъ дорого заплатитъ за кровь ея убитаго дѣтяти, что въ его Хиркалѣ (Chirkal, такъ назывался кафтанъ Абдаллы) много золота; по этому, съ убитаго сняли его кафтанъ и бросили пока въ то мѣсто за постелью, гдѣ спрятался было прежде убійца; бездыханное тѣло Абдаллы было сожжено, а скорбные отъ потери ребенка люди на

или въ сказанномъ кафтанѣ, который весь былъ въ заплатахъ и заштопанъ, 800 червонцевъ.

Есть еще нѣсколько Дервишей, людей болѣе набожныхъ и кроткихъ, чѣмъ Абдаллы; только въ Персіи ихъ не такъ много, какъ въ Турціи. Но на этотъ разъ довольно о Персидской Вѣрѣ и о томъ, въ чемъ преимущественно заключается ея отличіе отъ Турецкой. Прибавлю сдѣсь еще только слѣдующее: Турки приходятъ въ ужасъ, когда видятъ, что Персіяне ходятъ въ чулкахъ изъ зеленаго сукна, или шерсти; причина этому та, что Магумедъ носилъ шапочку изъ зеленаго сукна. Персіяне же, на зло Туркамъ, тѣмъ охотнѣе носятъ такіе зеленые чулки.

ГЛАВА XLI.

О погребеніи Персіянъ.

Если кто умретъ въ Персіи, то его ни какъ не оставляютъ лежать болѣе 3-хъ часовъ (хотя бы это и ночью), а тотчасъ же предаютъ землѣ. Но прежде трупъ долженъ быть чисто вымытъ дома, если умершій знатное лицо, или же въ выстроенной для того на кладбищѣ усыпальницѣ, называемой у Персіянъ Mördeschur Chane, какъ это случилось видѣть мнѣ въ Касвинѣ, на обратномъ нашемъ пути. Хоронили молодого человѣка, лѣтъ двадцати: еще не остывшее тѣло его, въ одеждѣ, несли на похоронномъ одрѣ, съ пѣніемъ; принесши въ усыпальницу, покойника раздѣли и опустили въ копань или прудъ, которыхъ было два въ усыпальницѣ, каждый въ 8 квадратныхъ локтей, и выложены этѣ пруды квадратными камнями; могильщикъ вымылъ тѣло; людей знатныхъ сажаютъ въ ванну и поливаютъ камфорной водой (Kasur) съ головы и по всему тѣлу, и за тѣмъ затыкаютъ хлопчатой бумагой всѣ отверстія у покойника, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Сказанному молодому покойнику надѣли за тѣмъ бѣлую рубаху, обернули въ выбойчатое полотно, положили опять на похоронный одръ (носилки), который тоже прежде вымыли, и понесли къ могилѣ. Могилы у Персіянъ роются просторныя, полыя, нѣкоторыя со сводами, а иныя на верху уложены досками, и тѣло кладется въ могилу съ боку. Но

сперва еще сказанное тѣло помѣщено было предъ могильной ямой, Мула прочиталъ что-то изъ Алкорана, приподнялъ нѣсколько голову покойника и опять опустилъ ее. За тѣмъ уже тѣло, безъ гроба, помѣщено было въ могилу, и положено въ ней на правомъ боку, къ Западу; ибо Персіяне говорятъ, что послѣдній день взойдетъ съ Запада, какъ объ этомъ подробнѣе говорится въ «Долинѣ Розъ», въ 5-й книгѣ, въ 20-й исторіи. Далѣе Мула взялъ горсть земли въ руку, прочиталъ еще какое-то изреченіе, бросилъ изъ руки землю на покойника, отошелъ на 7 шаговъ отъ него и опять воротился къ нему, прочиталъ еще изреченіе, и ушелъ потомъ со всѣми, бывшими тамъ, домой. Если покойникъ важная особа, то въ извѣстные дни дѣлается поминальное пиршество, только безъ вина, именно: на 3-й день послѣ погребенія. Когда же покойникъ былъ богатъ, то пиршество повторяется въ 7-й и въ 40-й, день при чемъ всякій разъ раздается бѣднымъ милостыня. Тоже повторяютъ такія пиршества и въ праздники, въ Наврусъ, Курбанъ (Kurban) и въ Рамезанъ.

Причины, для чего такъ торопятся похоронами, затыкаютъ покойникамъ всѣ отверстія и дѣлаютъ могилу полою, заключаются въ томъ, что Персіяне вѣруютъ, будьто въ то время, когда Мула отходитъ отъ покойника на 7 шаговъ и снова возвращается, къ покойному въ могилу приходятъ два Ангела, по имени: Некиръ и Мункиръ (Nekir et Munkir), которые не должны найти въ могилѣ ни какой нечистоты. Тогда, будьто бы, духъ покойнаго возвращается въ тѣло и дѣлаетъ половину его живою, такъ что умершій можетъ выпрямиться и сѣсть. Ангелы за тѣмъ осматриваютъ всѣ члены трупа, какъ они содержались на свѣтѣ и подъ конецъ спрашиваютъ: «Въ кого онъ вѣровалъ?» Покойный долженъ отвѣчать: «Въ Единаго Бога, Отца Небеснаго!»—«Кто твой Пророкъ?»—«Магумедъ!»—«Кто твой Имамъ?»—«Аали!» Когда на эти вопросы послѣдуютъ такіе правильные отвѣты и покойникъ дастъ удовлетворительный отчетъ о томъ, какое употребленіе дѣлалъ онъ изъ своихъ членовъ при жизни, то ему обѣщается блаженство. За тѣмъ Ангелы снова разлучаютъ тѣло отъ души. Но такое испытаніе, какъ говорятъ Персіяне, дѣлается только взрослымъ покойникамъ, а не малымъ дѣтямъ.

Чтобы заставить вѣрить, что и отецъ Аалія, Абуталибъ (Abuthalib), также достигъ блаженства тѣмъ же ихъ способомъ, Персіяне гворятъ слѣдующее объ его умершемъ тѣлѣ: прежде онъ назывался Емирамъ и умеръ раньше Магумеда. Когда Ангелъ пришелъ къ нему въ могилу и спросилъ: кто его пророкъ? то хотя онъ и отвѣчалъ, что Магумедъ, но на вопросъ: кто его Имамъ? не отвѣчалъ; ибо до смерти своей не зналъ, что сынъ его, Аали, такъ возвеличится и сдѣлается Имамомъ. По этому Ангелъ Гаврінлъ пошелъ къ Магумеду и просилъ, чтобы Аалію было приказано пойти къ могилѣ своего отца и возгласить къ нему: «О отецъ! Я твой Имамъ, и я возьму тебя къ себѣ въ послѣдній день!» Отъ того Емирамъ получилъ и другое имя, т. е., его назвали Абуталибомъ, что значитъ: «Pater inquirens», т. е., отецъ, искавшій и нашедшій своего Имама.

Тѣло великихъ господъ и знатныхъ людей провожаютъ на кладбище съ почетною обрядностью, какъ мы видѣли это однажды въ Шемахѣ, когда хоронили одного благороднаго господина, который, съ радости отъ нашего прибытія, напился водки до того, что на другой же день умеръ. Похоронное шествіе при этомъ было такое:

1. Впереди несли на высокихъ, тяжелыхъ шестахъ, 6 знаменъ, которыя они употребляли и при встрѣчѣ насъ, но въ этотъ разъ знамена эти были свернуты.

2. Вели 4-хъ лошадей, одну за другой: первая везла на себѣ лукъ и стрѣлу, остальныя другое все изъ одежды покойнаго.

3. Ѣхалъ на бодромъ лошакѣ слуга и держалъ въ рукѣ мендиль или головную повязку бывшаго господина своего.

4. Шли два человѣка съ башенками (Nachal) на головахъ, прыгая и приплясывая. Башенки украшены были пучками перьевъ.

5. Несли 8 большихъ блюдъ съ печеньемъ (конфектами), посреди котораго стояли головы сахару, обернутыя голубою бумагой (голубой цвѣтъ есть печальный у Персіянъ); на каждой головѣ сахару прилѣплены были по три зажженныя восковыя свѣчи.

6. Шла музыка, изъ ручныхъ барабановъ (бубенъ) и мѣдныхъ тарелокъ, въ которыя били одновременно.

7. За тѣмъ шло множество людей въ бѣлыхъ повязкахъ: то были Суфиганы (Suffihan).

8. Два отдѣленія пѣвцовъ, которые, идучи кружкомъ, ломались довольно страшными тѣлодвиженіями и прегромко кричали: «Ла илла илла ла» (La illa illala!) и: «Алла екберъ!» (Alla Ekber).

9. Шли три прислужника съ обнаженными правымъ плечомъ и рукою; на рукахъ и на лбу у нихъ были порѣзы или разрѣзанныя раны, такъ что изъ нихъ текла кровь.

10. Несли три дерева, на которыхъ висѣли красныя яблоки; три локона волосъ женъ покойнаго, которые онѣ вырвали у себя, или поотрѣзали, въ знакъ своей вѣрности мужу. На деревѣ, кромѣ того, навѣшено было множество кусочковъ красной и зеленой бумаги.

11. Несли самое тѣло восемь человѣкъ: на гробѣ лежалъ преизящный шелковый кафтанъ, подбитый курчавымъ бухарскимъ мѣхомъ.

12. Позади тѣла четыре человѣка несли мальчика, сидѣвшаго на высокомъ стулѣ и громко читавшаго Алкоранъ. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ Персіянъ. Въ такомъ-то торжественномъ шествіи сказанное тѣло принесено было въ городъ, въ извѣстное мѣсто, откуда его назначено было отправить въ Вавилонъ, для постановленія его при Святыхъ. Шествіе это понятнѣе представлено на прилагаемомъ при семъ изображеніи. [1]

Этого будетъ достаточно о настоящемъ состояніи Персіянъ, хотя бы можно было сообщить еще нѣсколько болѣе, и даже приложить нѣсколько изображеній, рѣзанныхъ на мѣди, въ особенности о состояніи и Вѣрѣ Армянскихъ Христіянъ. Но такъ какъ слѣдующая, послѣдняя, книга, по нѣкоторымъ причинамъ, должна быть отпечатана прежде, чѣмъ окончена половина этой 5-й [2] книги, то, противъ ожиданія, мѣста оказалось для этого мало; по чему все не вошедшее теперь сюда я долженъ поберечь до другого удобнаго случая, который, можетъ быть, скоро и представится мнѣ.

---

[1] Стр. подлинника 686 — 687. О. Б.

[2] Въ подлинникѣ ошибкой сказано 4-й. О. Б.

КНИГА ШЕСТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ ПОВѢСТВУЕТЪ ОБЪ ОБРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ ПЕРСІИ ВЪ ГОЛШТИНІЮ.

ГЛАВА I.

Какъ выѣхали мы изъ Царской столицы Испагани и прибыли въ Кашанъ.

Когда мы распростились уже съ Персидскимъ Шахомъ и Дворомъ его, повеселились на прощаньи съ хорошими пріятелями богатой пирушкой и другими потѣхами, и собрались уже отправляться въ обратный путь, какъ высокоблагородный Іоаннъ Альбрехтъ Фонъ Мандельсло подалъ въ отставку изъ Посольства, объявивъ, что онъ останется еще на время при Персидскомъ Дворѣ, гдѣ былъ хорошо принятъ, и за тѣмъ, черезъ Вавилонъ, отправится въ Іерусалимъ, къ Святому Гробу, а оттуда, черезъ Италію, вернется, или же, съ Англійскими купцами, пустится въ Ормусъ и Восточную Индію, для обозрѣнія этого Царства, и вернется домой открымъ моремъ. Посланники же, въ особенности Бругманъ, сначала не одобрили этого и воспротивились было, поставляя ему на видъ, что, согласно имѣющемуся въ рукахъ ихъ Княжескому предписанію, они, до окончанія своего Посольства и возвращенія домой, никого изъ сопутствующихъ имъ отпустить и уволить не смѣютъ, и что они по этому отнюдь не хотятъ брать на себя отвѣтственности за его отсутствіе. Когда же Фонъ Мандельсло предъявилъ Посланникамъ письменное дозволеніе Его Княжеской Свѣтлости, милостивѣйшаго Князя и Государя нашего, вмѣстѣ съ препоручительными письмами къ иностраннымъ вла-

дѣльцамъ ,которыя онъ выхлопоталъ себѣ еще при Голштинскомъ Дворѣ, но до сихъ въ тайнѣ держалъ при себѣ, то Посланники пытались было удержать его другимъ способомъ, именно: они стали представлять ему различныя опасности, которыя могутъ встрѣтиться въ замышляемомъ имъ такомъ далекомъ путешествіи; но страсть обозрѣть отдаленныя страны, и за тѣмъ честь, которой онъ могъ достигнуть этѣмъ путешествіемъ своимъ, закрыли ему глаза на всѣ приводимыя ему опасности и сдѣлали то лишь, что онъ съ радостнымъ духомъ взялъ свою отставку.

Кромѣ того, такъ какъ Шахъ приказалъ нашему вожатому (Приставу), Абасъ-Кули-Беку, вести насъ въ обратный путь черезъ область Гилянъ, то въ Испагани стали поговаривать, будьто бы, въ слѣдствіе того, что Посланникъ Бругманъ неоднократно возбуждалъ противъ себя гнѣвъ Шаховъ, насъ поведутъ не прежней дорогой, но черезъ Гилянъ, населенный народомъ вѣроломнымъ и отважнымъ, для того, чтобы мы погибли. Рѣшено же такъ было ради превосходной и плодородной страны, собственно для нашей же пользы. Въ слѣдствіе такого говора, нѣкоторые изъ нашихъ пришли въ ужасъ, который еще болѣе увеличился, когда они припомнили, какъ жестоко Посланникъ Бругманъ оскорблялъ Хана и Калентера Шемахинскихъ, а также и другихъ вельможъ, мимо владѣній которыхъ предстояло проходить намъ; по этому пятеро изъ нихъ бѣжали, именно: Гансъ Вейнмейстеръ, фельдшеръ (чрезвычайно кроткій, но бывалый и ловкій человѣкъ), который потомъ отправился съ Фонъ Мандельсло въ Индію и въ Ормусѣ умеръ; корабельщикъ Михаилъ Кордесъ съ однимъ Юнгой (прислужникомъ), отправившійся было на одномъ Англійскомъ кораблѣ, но на дорогѣ тоже умершій; Юргенъ Стефенсъ, главный боцманъ нашъ, который также на одномъ Англійскомъ кораблѣ воротился домой, но въ послѣдствіи умеръ въ Любекѣ; Гергардъ Вестербергъ, тѣлохранитель, дальнѣйшая судьба котораго не извѣстна. Всѣ эти лица ушли тайно изъ Посольства, отдавшись въ распоряженіе Ліона Бернулли, бѣжали въ «Alla Capi» или въ домъ свободы, и остались тамъ. Зная, что изъ этого убѣжища свободы ни кто не можетъ быть взятъ противъ воли, Посланники принуждены были оставить бѣжавшихъ безъ преслѣдованія.

Въ день нашего отъѣзда я пошелъ съ Гартманомъ Грамапомъ и Флемингомъ въ «Alla Capi,» и мы уговорили тамъ Ліона и другихъ, ушедшихъ съ нимъ, чтобы они оставались вѣрными Христіянству, не оставляли бы однажды признанной ими и извѣстной имъ, какъ единственно ведущей къ спасенію, Вѣры, не дозволили соблазнить себя какъ ни будь обѣщаніемъ презрѣнныхъ выгодъ Магометанства и обрѣзать себя, но подумывали, какъ бы, съ помощію Европейцевъ, поскорѣе возвратиться въ свое отечество. Что исполнить всѣ тѣ и обѣщали во всей точности.

21 Декабря, съ закатомъ солнца, отправились мы: тѣ изъ насъ, которые оставляли въ Испагани своихъ временныхъ возлюбленныхъ, печально и со вздохами, обѣщая имъ вернуться опять, хотя сами не вѣрили въ такія обѣщанія свои; другіе же, не вынесшіе изъ пребыванія тамъ ни чего, кромѣ неудобства и преслѣдованій, въ надеждѣ, что близится спасеніе ото всего этого, съ сердечною радостію и прославленіемъ Бога за то, что уѣзжаютъ наконецъ изъ города Испагани. Отправились мы такимъ образомъ въ сопровожденіи Англійскихъ купцевъ, которые верхами проѣхали съ нами добрую милю и, наконецъ, на одномъ зеленомъ холмѣ, угостили насъ отличнымъ холоднымъ кушаньемъ и виномъ, послѣ чего окончательно уже разстались съ нами.

Въ этотъ же вечеръ мы проѣхали три мили, до селенія Ретманъ (Reschman), и остались тамъ на весь слѣдующій день, по нѣкоторымъ причинамъ (извѣстнымъ и не намъ однимъ, но о нихъ говорить сдѣсь не мѣсто). Тутъ присоединился къ намъ, съ сопутниками своими, Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, для того, чтобы продолжать путь въ сообществѣ съ нами. Туда же прибыли, изъ Тифлиса, Августинскіе монахи, съ Пріоромъ Амвросіемъ, который посѣщалъ насъ прежде въ Шемахѣ, также одинъ знатный Французъ, проживавшій въ Персіи, по имени Малонъ (Mallon), и Фонъ Мандельсло, пріѣхавшій еще разъ проститься съ нами и увѣдомить, что снаряженіе Шахскаго Посланника къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, быстро подвигается впередъ и опредѣлены уже подарки, цѣною въ 1500 туменовъ (или 23,000 рейхсталеровъ), и самый Посланникъ, по имени Имамъ-Кули-Султанъ-Ешикъ-Агази (Imamculi Sulthan Eschik Agasi), черезъ нѣсколько дней послѣдуетъ за нами.

Распростившись, не безъ слезъ, съ добрыми друзьями, которые къ нѣкоторымъ изъ насъ были сердечно привязаны, пустились мы далѣе, и 23 Декабря сдѣлали 5 миль, до каравансерая Домби (Dombi), гдѣ нѣтъ вовсе хорошей воды, а течетъ только маленькая рѣчка съ соленой водой, и только въ четверти мили оттуда, по направленію къ Испагани, находится прекрасный свѣжій источникъ. На слѣдующій день, передъ нашимъ отъѣздомъ, я получилъ отъ Г. Крузе, такъ какъ это былъ день моихъ именинъ, довольно почтенный подарокъ, а равно и отъ нѣкоторыхъ другихъ спутниковъ, что очень прогнѣвило Посланника Бругмана, какъ это можно было замѣтить въ послѣдствіи изъ многихъ обстоятельствъ, такъ что лица, одарившія меня, должны были поплатиться за свое расположеніе ко мнѣ. Въ этотъ день мы проѣхали до каравансерая Сердеге (Serdehe). 25 Декабря, въ св. день Рождества Христова, проѣхавъ двѣ мили, увидѣли мы, при селеніи Кашабатѣ (Kaschabath), множество раскинутыхъ палатокъ (сдѣсь находился одинъ изъ Шахскихъ садовъ), и тамъ ждали Шаха. Намъ повстрѣчались нѣсколько Шахскихъ придворныхъ, которые дружески привѣтствовали насъ и желали намъ счастливаго пути. За тѣмъ мы прибыли въ городокъ Натенсъ (Natens). Отсюда посланъ былъ назадъ въ Шахскій станъ Г. Францискъ Муреръ (Murrer), знавшій по Турецки, съ другимъ изъ спутниковъ нашихъ. Шахъ на ихъ представленіе и привѣтъ отвѣчалъ очень любезно и ласково.

26-го числа доѣхали мы до каравансерая Ходжа Касимъ (Chotza Kassim), а 27-го Декабря прибыли въ городъ Кашанъ. Въ этотъ день Мегемандарь пашъ, жестоко оскорбленный Посланникомъ Бругманомъ, не захотѣлъ было ѣхать далѣе съ нами, и чуть не отправился назадъ къ Шаху съ жалобою на безпокойства и неудовольствія, которыя онъ долженъ былъ выносить у насъ. Но Посланникъ Крузе успѣлъ уговорить и успокоить его. Въ слѣдствіе этѣхъ неудовольствій мы должны были простоять въ городѣ 4 дня.

Во весь Декабрь мѣсяцъ въ этой мѣстности не было ни одного мороза, но стояла все время отличная теплая, съ яснымъ солнцемъ, погода, которая была для насъ очень къ стати; ибо

сдѣсь вовсе нѣтъ лѣсу, и на топливо идетъ только, собираемый въ поляхъ, кустарникъ и сушеный навозъ, которыхъ мы едва добывали на столько, что могли какъ ни будь варить кушанья, и не помышляли ужь объ отопленіи нашихъ покоевъ, такъ какъ помѣщались въ каравансераѣ, удаленномъ отъ всякаго люда.

1638 годъ.

ГЛАВА II.

Путешествіе отъ Кашана до Касвина.

1-го Генваря встрѣтили мы нашъ Новый Годъ: раннимъ утромъ сдѣлали три выстрѣла изъ большихъ пушекъ, отправили свое Богослуженіе съ проповѣдью, и послѣ стола пустились снова въ путь, проѣхали 5 миль и къ вечеру прибыли въ селеніе Сенсенъ (Sensen). 2-го числа проѣхали еще 5 миль до Касмабата (Kasmabath). 3-го достигли города Кома (Kom), гдѣ помѣстились не въ прежнихъ домахъ, въ коихъ, въ первый проѣздъ нашъ на пути въ Персію, у насъ была покража, но въ другихъ, чистыхъ домахъ, лежащихъ подлѣ торжища. Сдѣсь наши возчики спустили въ драку двухъ верблюдовъ, пришедшихъ въ ярь, завязавъ имъ предварительно морды: забавно было смотрѣть, какъ животныя этѣ изловчались одолѣть одно другого.

4-го числа мы оставались на мѣстѣ, и Мегемандарь нашъ, бывшій теперь въ добромъ расположеніи духа, отлично угостилъ насъ. Слѣдующую ночь, такъ какъ Русскій Посланникъ, находившійся въ одномъ помѣщеніи съ Посланниками, не хотѣлъ вовсе спать, мы провели въ веселыхъ разговорахъ за доброй попойкой вина, обильно доставленнаго намъ Мегемандаремъ.

5-го Генваря сдѣлали мы 5 миль, до каравансерая Шаферабата (Schaferabath). Какъ только мы выѣхали изъ города Кома, взошло туманное солнце, сдѣлалось солнечное затмѣніе,

и когда солнце достигло нѣсколько болѣе 3-хъ градусовъ надъ небосклономъ, то самое большое затмѣніе его простиралось за 8 дюймовъ (digitos).

Не въ далекѣ отъ помянутаго сейчасъ каравансерая оставили мы, въ правой рукѣ отъ себя, въ большой равнинѣ, гору, называемую Килисимъ (Kilissim). Гора сама посредственной высоты, но окружена множествомъ голыхъ холмовъ или отроговъ. Почва въ равнинѣ около горы была совершенно бѣлая отъ селитры и соли, и имѣла видъ, какъ бы покрыта была снѣгомъ. Туземцы выламываютъ соль изъ этой горы, какъ ломаютъ камни. Объ этой горѣ Килисимъ Персіяне разсказываютъ, что она имѣетъ слѣдующее свойство: кто на нее взойдетъ, оттуда уже не сходитъ, чему повѣрили нѣкоторые изъ нашихъ и внесли это даже въ свои дневники. Собственно же здѣсь обманъ, или игра въ словахъ: «Kim Keder, kelmes,» говорятъ они по Турецки, что значитъ: «Кто всходитъ на гору, тотъ не сходитъ:» этѣмъ хотятъ сказать только, что когда всходятъ на гору, то въ то же самое время не сходятъ съ нея. Но такъ какъ Персіяне увидѣли, что нѣкоторые вѣрятъ въ то, что входящіе на гору, тамъ будьто и остаются, то они тотчасъ же придумали событіе къ этому, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ они мастера на поэтическіе вымыслы, и сочинили, яко бы Шахъ Абасъ однажды послалъ на гору человѣка, обѣщая ему за то большія деньги; тотъ пошелъ, и хотя зажегъ тамъ огонь, чтобы показать, что взошелъ на верхъ, но, вмѣстѣ и съ собакою, которую взялъ туда съ собою, онъ уже не сходилъ оттуда въ низъ.

6-го Генваря, рано утромъ, едва проѣхали мы милю отъ оставленнаго нами ночлега, какъ Посланникъ Бругманъ, вмѣстѣ съ лошадью, упалъ на совершенно ровномъ полѣ, и паденіе это было такъ несчастливо, что онъ не только выломилъ правую руку изъ мѣста (плеча), но и самъ цѣлый день какъ бы лишился разсудка, сидѣлъ на лошади, опустивъ на себя глаза и бормоча: «Я упалъ? Я сломалъ руку? Что у меня за лошадь была?» И слова эти повторялъ онъ нѣсколько сотъ разъ, и хотя ему постоянно отвѣчали на нихъ, но онъ все таки продолжалъ спрашивать одно и то же. Не знаю, не имѣло ли здѣсь какого ни будь вліянія

вчерашнее затмѣніе солнца, которое достигло именно того градуса солнопутья (эклиптики), который въ то время занимало рожденіе луны. Лошадь, прекрасная, карая и обыкновенно надежная въ ѣздѣ (на шенкеляхъ), подарена была послѣ этого Бругманомъ Герману Штааде, Господину Маршалу Посольства.

Сдѣсь у нѣкоторыхъ изъ насъ истомились крестьянскія лошади и пали, между прочими и моя, которая подо мною и околѣла; по этому я долженъ былъ пересѣсть на осла слуги моего, слуга же взвалилъ сѣдло свое себѣ на голову, и шелъ такъ нѣшкомъ до постоялаго двора.

Сегодня, именно въ св. день Богоявленія (Крещенія), къ вечеру, мы въѣхали, съ 3-мя Посланниками, въ городъ Сабу (Saba), и оставались тамъ въ вольномъ помѣщеніи и въ слѣдующій день, пока Посланникъ Бругманъ снова пришелъ въ себя.

8-го числа рано утромъ мы выѣхали изъ Сабы и сдѣлали 9 миль до каравансерая Хоскеру (Choskeru). На дорогѣ у насъ увели было отставшаго съ поклажей осла, нѣсколько крестьянъ, проживавшихъ тамъ по правой сторонѣ дороги. За ворами гнались до самаго селенія, и хотя самихъ воровъ не настигли, но осла съ большею частію поклажи нашли въ одной избѣ, у нѣсколькихъ бабъ, которыя, при появленіи къ нимъ нашихъ, подняли страшный крикъ, осла же все таки у нихъ взяли.

Такъ какъ въ этомъ каравансераѣ найдено нѣсколько надписей на стѣнахъ, сдѣланныхъ разными, проѣзжавшими сдѣсь, Европейцами, то одинъ изъ насъ, къ бывшей уже слѣдующей надписи: «Olim meminisse juvabit,» прибавилъ: «Dulce meminisse;» другой же внизу еще приписалъ:

«Ejusmodi dulcedo non sufficet absorptae amaritudini.»

Сдѣсь нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ, которыхъ Посланникъ Крузе хотѣлъ подвергнуть надлежащему наказанію за совершенное ими въ Сабѣ преступленіе, составили было значительный скопъ и приготовились къ оборонѣ съ оружіемъ; но дѣло кончилось тѣмъ, что оружіе, именно: ружья, луки и стрѣлы,

частію отняты у нихъ, частію изломаны и сожжены, сами же матросы закованы въ желѣза и ведены подъ стражею до Шемахи.

Отсюда до Гилянскихъ горъ вездѣ былъ морозъ, и земля покрылась снѣгомъ, толщиною съ руку.

9-го Генваря, въ 3-хъ миляхъ отъ оставленнаго нами ночлега, у стараго каравансерая Геджибъ (Hetzib), повстрѣчался съ нами Польскій Посланникъ, по имени Ѳеофилъ Шёнбергъ (Schönberg) (родомъ изъ Нѣмецкихъ Дворянъ, старый и почтенный человѣкъ), съ 25 сопутниками; онъ добрый часъ разговаривалъ съ нами на Латинскомъ языкѣ, не желая дать замѣтить, что онъ понимаетъ по Нѣмецки, до самаго разставанія съ нимъ. Онъ сообщилъ намъ, что онъ отправился было съ большимъ числомъ спутниковъ, именно съ 200 человѣкъ, съ которыми и прибылъ въ Смоленскъ; но такъ какъ Великій Князь Московскій не хотѣлъ пропустить его съ такимъ сильнымъ отрядомъ, заставивъ его простоять въ Смоленскѣ цѣлые 6 мѣсяцевъ, то наконецъ онъ долженъ былъ отослать почти всѣхъ назадъ, оставивъ при себѣ только это небольшое число спутниковъ. Онъ привезъ намъ также письма отъ Армянскаго Архіепископа, котораго мы видѣли въ Астрахани, и при томъ сообщилъ, что для насъ прибыло множество всякаго продовольствія въ Астрахань, и что всѣ ждутъ насъ тамъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Вечеромъ этого дня, оставивъ за собою добрыхъ 6 миль пути, мы хотѣли было завернуть, для остановки, въ селеніе Арасенгъ (Araseng), но крестьяне этого селенія не хотѣли принять насъ, съ бранью прогнали нашего Персидскаго квартирмейстера, посланнаго впередъ, угрожая при томъ, что если имъ еще будутъ досаждать съ требованіями принять насъ, то они тотчасъ же соберутъ весь народъ и свернутъ шею Мегемандарю, вмѣстѣ съ его гостями. Такое нерасположеніе этѣхъ крестьянъ къ намъ происходило отъ того, что еще на пути въ Персію, Посланникъ Бругманъ, имѣвшій сдѣсь помѣщеніе у Кауха или сельскаго старосты, оскорбилъ этого хозяина своего слѣдующимъ образомъ: хозяинъ принесъ Бругману для умыванья воду, которая, только что зачерпнутая въ чашу изъ рѣчки, оказалась нѣсколько мут-

ною; за это Бругманъ вылилъ эту воду хозяину въ лицо, а чашу швырнулъ ему въ голову. И такъ, въ слѣдствіе отказа крестьянъ, мы должны были, при великой стужѣ, ѣхать далѣе, и миновать даже еще два селенія: Дёвлетабатъ и Кеджисанъ (Döwletabath und Ketzisan), которыя также отказали намъ въ ночлегѣ, и остановились въ селеніи Кюлюскуръ (Küllüskúr), въ 9-ти миляхъ отъ вчерашняго ночлега. Такъ какъ дорога въ этотъ день была дурная, комковатая (замерзлая), то многія лошади истомились, а нѣкоторыя и совсѣмъ пали, такъ что часть прислуги явилась на ночлегъ только къ утру въ страшно плачевномъ видѣ. Хозяинъ мой, оказалось, былъ Священникомъ, который, разсерженный до нельзя, ходилъ вокругъ дома, и сколько ни просили его, не хотѣлъ войти къ намъ, говоря, что мы ѣдимъ нечистыя кушанья и пьемъ вино, чѣмъ оскверняемъ будто бы домъ его. Въ самомъ домѣ намъ не хотѣли сдѣлать ни какого одолженія, даже не хотѣли сказать, гдѣ бы можно было добыть свѣжей воды.

10-го числа проѣхали мы до селенія Мембере (Membère), и переѣздъ этотъ опять былъ для насъ крайне тягостенъ, по причинѣ промерзшей, скользкимъ льдомъ покрытой, дороги. Нѣкоторые изъ насъ побросали на дорогѣ лошадей и шли пѣшкомъ, другіе сами повалились на землю отъ боли, такъ что мы должны были посылать за ними, чтобы доставить ихъ на мѣсто ночлега,

11-го числа прибыли мы въ городъ Касвинъ, и простояли тамъ, для перемѣны верблюдовъ, лошадей и ословъ, 9 дней, въ продолженіи которыхъ любители наши сообщества дѣвицъ, посѣщали Шахскаго Сокольничаго, угощавшаго ихъ виномъ и имѣвшаго двухъ прехорошенькихъ дочерей. Не въ далекѣ отъ Посольскаго жилища росло здѣсь большое старое дерево, подъ которымъ погребенъ одинъ древній святой. Стволъ этого дерева весь былъ убитъ гвоздями и маленькими камешками, а вѣтви обвѣшаны пестрыми лентами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Туземцы выдаютъ, что дерево это имѣетъ цѣлебную силу отъ зубной боли, лихорадки и другихъ болѣзней. Желающіе получить облегченіе отъ зубовъ, вбиваютъ гвоздь, которымъ прежде касаются больнаго зуба, въ стволъ дерева, на той высотѣ, до

которой достаетъ только ротъ больнаго. При этомъ собираются пожертвованія и подаянія. Подобныя деревья встрѣчали мы также въ другихъ мѣстахъ и въ Испаганѣ. Нѣкоторые обманщики, подъ видомъ такихъ священныхъ деревьевъ, пользуются иногда простыми деревьями, растущими по проѣзжимъ дорогамъ, и когда завидятъ кого проѣзжаго изъ сторонннхъ людей, тотчасъ навѣшиваютъ на этѣ деревья посовые платки и ленты и выпрашиваютъ при этомъ подаяніе.

15-го числа Русскій Посланникъ давалъ пиръ, пригласилъ на него Посланниковъ, вмѣстѣ съ важнѣйшими изъ спутниковъ ихъ, и угостилъ насъ отлично. Пиръ этотъ, по обыкновенію своему, задавалъ онъ по случаю дня рожденія Князя Ивана Борисовича, главнаго Государева Совѣтника въ Москвѣ, въ память и чествованіе этого вельможи. [1]

ГЛАВА III.

Отъ Касвина до Гиляна.

20-го Генваря мы снова двинулись изъ Касвина, оставили въ лѣвѣ прежнюю дорогу на Султанію и Ардебиль, идущую на сѣверо-западъ, и повернули на Гилянскую дорогу, на сѣверъ, проѣхали 4 мили, черезъ нѣсколько обработываемыхъ холмовъ, и остановились на ночлегъ въ одномъ селеніи, лежащемъ у подошвы горы, на правой сторонѣ, и называемомъ Ахибада (Achibada). Селеніе это получило имя свое отъ одного древняго старца того же имени, жившаго при Шихѣ Софи. Когда ему было уже болѣе ста лѣтъ, и Богъ, услышавъ его неустанную молитву, послалъ ему, съ его старой женой, сына, то, ради такого чуда, Шихъ Софи далъ ему и сыну его это селеніе въ потомственную собственность. Гробницу этого старца Ахи показываютъ и нынѣ еще близъ того села, устроенную подъ великимъ сводомъ.

---

[1] Морозовъ Борисъ Ивановичъ, но не Князь? О. Б.

21-го числа, по низменнымъ и плодоноснымъ горамъ, проѣхали мы до селенія Джители (Tzitelli), нѣкоторыми Келабатъ (Kellabath) называемаго, что значитъ мѣсто овчаренъ, такъ какъ сдѣсь, по причинѣ превосходнаго росту травъ, Касвинцы имѣютъ свои овчарни.

Вечеромъ того же числа Посланники пригласили къ столу своему Помощника Даруги города Касвина, который до сихъ поръ сопровождалъ насъ. Этотъ довольно смышленный человѣкъ разсказывалъ, какъ Шахъ Абасъ его и родителей его, и теперь еще живущихъ въ Касвинѣ и бывшихъ прежде Христіянами, вывезъ изъ Грузіи и обрѣзалъ насильно. Но въ сердцѣ своемъ они остались Христіянами, втайнѣ молятся своему Христу и не перестаютъ, гдѣ только могутъ, благодѣтельствовать Христіянамъ. Онъ сообщилъ намъ также, какъ нашъ Абасъ-Кули (подобно тому, какъ дѣлаютъ это и другіе Мегемандари) вымогаетъ разные поборы изъ населенія областей, черезъ которыя мы проѣзжаемъ, и при всемъ томъ едва ли половинная часть изъ этого употреблялась на Посланниковъ. При прощаніи съ нимъ ему подарено было нѣсколько локтей сукна и атласа.

22-го числа мы сдѣлали 7 миль до селенія Курджи-Баши (Kurtzi-baschi), постоянно ѣхавши по горамъ и скаламъ, между которыми протекала рѣка; а какъ она была извилиста, то мы ѣхали подлѣ нея и переѣзжали ее болѣе 30 разъ. Въ началѣ дорога шла между горами посредственной высоты, красноватаго, желтоватаго и зеленаго, цвѣта, въ перемежку съ землей, что придавало имъ премилный видъ; за тѣмъ дорога пошла по мрачнымъ, разщелиннымъ скаламъ, и наконецъ черезъ высокій и крутой мостъ, перекинутый черезъ довольно глубокую рѣку, Шагерутъ (Schaheruth). Въ низу, въ глубинѣ, гдѣ горы становились низменнѣе и удобны для плуга, тамъ и сямъ видѣлись воздѣланныя поля, усаженныя отдѣльными деревьями. Самое селеніе издревле принаддежало одному Курджи-Башѣ (начальнику надъ стрѣлками изъ лука), въ слѣдствіе чего и удержало до сихъ поръ это названіе. Лежитъ оно при рѣкѣ, въ плодородной мѣстности, но избы въ немъ преплохія, изъ глины и тростнику, рядомъ съ соломенными шалашами, и въ такихъ-то жильяхъ размѣстились мы самымъ плачевнымъ образомъ.

23 числа проѣхали мы двѣ мили далѣе, мимо прекраснаго, по правую руку тянувшагося, оливковаго лѣса, и вскорѣ за тѣмъ къ Гирканскому проходу (ущелію) (Faucibus Hyrcaniae), которое Персіяне и нынѣ еще, какъ и во времена Александра Великаго (Curt. lib. 3, § 4) называютъ Pylae (ворота).

Это чрезвычайно узкій проходъ, и въ этой мѣстности онъ служитъ какъ бы дверью въ область Гилянъ; дверь эту выше я назвалъ Каспійскими воротами. Передъ этѣмъ проходомъ сливаются двѣ быстрыя и шумныя рѣки, изъ которыхъ найбольшая называется Кизиль Озейнъ (Kisil Osein), течетъ съ лѣва, другая же съ права, съ той стороны, откуда шли и мы. По соединеніи ихъ образующаяся рѣка называется Исператъ (Isperath), и бѣжитъ она подъ прекраснымъ каменнымъ мостомъ, между 2-мя высокими скалистыми горами, въ Гилянъ, гдѣ, снова раздѣлившись, впадаетъ въ море.

Сказанный мостъ довольно великъ, проченъ, поставленъ на 8-ти быкахъ; подъ мостомъ, въ большей части быковъ устроены красивыя со сводами покои и одна поварня, въ которую сходъ идетъ по небольшой лѣстницѣ въ низъ, даже до самой воды. Такимъ образомъ въ этомъ мосту находится весьма удобный каравансерай, въ которомъ путешественники могутъ останавливаться. Переѣхавъ мостъ, на лѣво идетъ хорошо проложенная дорога черезъ Халькаль (Chalcal) въ Ардебиль, на право же въ Гилянъ. Эта послѣдняя была самая скверпѣйшая и опаснѣйшая, какой не имѣли мы во все время нашего путешествія. Ибо шла она по высокой, крутой, узкой, скалистой горѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высѣчена, а въ другихъ, гдѣ были ямы, или провалы, завалена камнемъ, но такъ узка вообще, что верблюдъ и лошадь могли ити по ней только гуськомъ другъ за другомъ. Съ правой стороны дороги, черезъ разщелившіяся скалы, видиѣлась внизу страшная пропасть, въ которой шумѣлъ стремительный потокъ. Всѣ мы должны были сойти съ лошадей и вести ихъ за поводы, едва придерживая пальцами для того, чтобы, въ случаѣ паденія животнаго, не полетѣлъ за нимъ и человѣкъ. Верблюды шли свободно и ловко попадали своими ступнями на ступеньки, которыя высѣчены въ камнѣ, соразмѣрно съ ихъ шагомъ. Почти

на самой вершинѣ горы стоитъ таможня, изъ которой въ привѣтствіе принесли намъ на встрѣчу прекрасныя свѣжія кисти винограда. Тамъ и сямъ на горѣ мы видѣли цвѣтущіе терновые кустарники.

Съ какимъ страхомъ и опасностію взбирались мы на эту гору въ верхъ, такъ съ такимъ же восхищеніемъ и радостію мы опускались теперь съ нея, по другой ея сторонѣ. Ибо сдѣсь страна вся въ зелени, великолѣпно украшена превосходными лиственными и плодовитыми деревьями, въ особенности же померанцами, лимонами, оливками, а также кипарисомъ и высокимъ букомъ; и казалось намъ это тѣмъ удивительнѣе и отраднѣе, что до этого времени всѣ дни, и даже въ этотъ день до обѣда, мы ѣхали зимою, послѣ же обѣда очутились и жили какъ бы въ странѣ лѣта (которое далѣе было у насъ уже постоянно). Это было тонкое, іероглифическое изображеніе измѣнчивости въ обстоятельствахъ и дѣлахъ человѣческихъ.

ГЛАВА VI.

Описаніе области Рубаръ и путешествіе до Решта.

Когда мы съѣхали съ горы и спустились въ долину, то нашли при рѣкѣ Исперутѣ (Isperut) прелестное селеніе, или мѣстечко, называемое Пиле Рубаръ (Pyle Rubar), въ которомъ дома перемѣшаны были множествомъ виноградныхъ и другихъ садовъ, такъ что прислуга наша, ради шутки, перебрасывалась другъ въ друга померанцами и лимонами, которыми увѣшаны были всѣ деревья.

Мѣстечко это почти со всѣхъ сторонъ окружено горами, и открытая равнина, впрочемъ, не значительная, простирается только на юго-востокъ. У горы, по ту сторону рѣки, противъ Рубара, находилось также мѣстечко, полное деревьевъ, садовъ и воздѣланныхъ полей, между которыми, разбросанные тамъ и сямъ

домики представляли прелестный видъ. Однимъ словомъ, что касается до земныхъ плодовъ и прелестей страны, то всего этого сдѣсь изобиліе, равно какъ изобилія этого не менѣе и во всемъ Гилянѣ, такъ что про эту область и страну справедливо можно сказать то, что Фонъ Мандельсло, въ своемъ Путешествіи по Индіи, говоритъ объ одной части Индіи, именно, что она казалась ему земнымъ раемъ. Павелъ Флемингъ вылилъ свои поэтическія мысли объ этой странѣ въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ (одахъ). [1]

Хотя Ворота Рубарскіе суть собственно входъ въ Гилянъ, но Персіяне входъ этотъ считаютъ не сдѣсь, но въ хребтѣ горъ къ Таруму (nach Tarum).

Область Гилянъ (въ древности Гирканія), какъ она есть, съ ея разными малыми краями, городами и мѣстечками, описана уже выше, въ 3-й главѣ V книги. Такъ какъ страна эта, лежащая между горами и моремъ, составляетъ гладкую, низменную равнину, орошаемую множествомъ небольшихъ, съ горъ бѣгущихъ, потоковъ, то, кромѣ того, что почва земли въ ней вообще жирна и глиниста, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, гдѣ страна низменна, находятся глубокія болота, такъ что прежде проѣздъ въ этой странѣ былъ чрезвычайно утомителенъ. Въ слѣдствіе этого Шахъ Абасъ приказалъ по всему Гиляну подѣлать мостовыя, такъ что теперь весьма удобно можно проѣхать изъ одного мѣста въ другое на верблюдахъ, лошадяхъ, а также и пѣшкомъ.

Важнѣйшія туземныя произведенія, которыя сдѣсь богаче или обильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Персіи, суть: шелкъ, оливы, виноградъ крупнѣйшаго рода, рисъ, табакъ, померанцы, гранаты, фиги и огурцы.

Мы видѣли сдѣсь виноградныя лозы чрезвычайной величины, высокія и толстыя, со стволомъ, толщиною въ человѣка, въ осо-

---

[1] Въ подлинникѣ приведены два стихотворенія Павла Флемминга, 1-е подъ заглавіемъ: «О прелестномъ мѣстечкѣ Рубарѣ,» а другое: «О томъ же.» Переводить ихъ сдѣсь мы находимъ излишнимъ. Перев.

бенности при Астарѣ. Такъ какъ онѣ (какъ выше описано) выгоняются около высокихъ какихъ ни будь деревьевъ, и значительная часть лозъ свѣшивается опять внизъ, то сниманіе кистей виноградныхъ по этому крайне неудобно. Для этого сборщикъ винограда привязываетъ на верху сказаннаго дерева длинную веревку, къ нижнему концу которой прикрѣпляетъ перекладину (въ родѣ качелей), садится на эту перекладину, поднимаетъ себя и качаетъ съ одного мѣста на другое, даже отъ одного дерева къ другому, и такимъ-то многотруднымъ способомъ обрѣзываетъ кисти. Огурцы здѣсь выгоняютъ также стеблями на жердяхъ, и подвязываютъ ихъ на этѣхъ жердяхъ, также какъ у насъ виноградныя лозы, собственно для того, что иначе, по сырости почвы, они легко предаются порчѣ.

Ближайшія горы, поворачивающія къ Каспійскому морю, повсюду олѣты густымъ кустарникомъ и деревьями, которыя, словно непрерывный лѣсъ, окружаютъ весь Гилянъ. Въ этой чащѣ водится множество дичи, особенно кабановъ, оленей и сернъ (рога у этой послѣдней величиною въ $^3/_4$ локтя и не съ такими изогнутыми отростками, какъ у нашихъ сернъ). Тамъ водится много и хищныхъ звѣрей, какъ, на примѣръ: тигровъ, леопардовъ, волковъ и медвѣдей. Тигровъ здѣсь такое множество, что ихъ привозятъ стадами на продажу, по 10, 20 и болѣе головъ. Объ этомъ упоминаетъ стихъ Виргилія 4 Aeneidos, v. 367): «Hyrcaniaeque admorunt ubera tygres.» Обыкновенно тигровъ пріучаютъ къ употребленію на охотѣ, по тому что они чрезвычайно быстро бѣгаютъ и дѣлаются очень ручными, такъ что охотникъ свободно сажаетъ тигра позади себя на лошади. Ихъ держатъ при дворахъ своихъ Цари и знатные Князья, или вельможи.

Всякаго рода рыбы, о которой тоже упоминалось уже выше, здѣсь вдоволь; такъ что, всего того, что доставляетъ земля и вода, сдѣшніе жители не только въ изобиліи имѣютъ для себя, но излишкомъ снабжаютъ и другія области.

Но у Гилянцевъ нѣтъ прирученнаго, кормленнаго на убой, скота, ни даже овцы; Талишцы же (жители Talisch), живущіе большею частію на горахъ, держать овецъ и коровъ.

Гилянцы вообще, по умѣренному климату своему, нѣсколько бѣлѣе Персіянъ; но у Талишцевъ (Die Talischne) найкрасивѣйшія женщины и ходятъ онѣ не такъ много закрытыя, какъ Персіянки. Дѣвицы носятъ волосы, заплетенные въ 24 косы, которыя просто висятъ у нихъ по плечамъ; у женщинъ же мы видѣли только по 8, или 12, косъ. Онѣ носятъ короткіе кафтаны, изъ подъ которыхъ висятъ рубашки; ходятъ въ деревянныхъ башмакахъ или туфляхъ, которыя крѣпко держатся на ногахъ только круглымъ гвоздикомъ, проходящимъ между большимъ пальцемъ ноги. Удивительно, какъ ловко и бойко ходятъ онѣ въ такой обуви. Въ дождливую погоду, весьма тамъ не рѣдкую, онѣ, также какъ и мужчины, ходятъ босыя, отъ чего Гилянцы вообще имѣютъ ступню широкую. Гилянцы носятъ одежду гораздо болѣе короткую, чѣмъ Персіяне, по сырости почвы, на которой они постоянно ходятъ и работаютъ. Гилянецъ носитъ шапку изъ толстаго сукна, а житель Талиша изъ черной бараньей шкуры (смушка). Такъ какъ въ Гилянѣ обитаютъ собственно двѣ различныя народности, то въ немъ и два различныхъ нарѣчія, или языка. Гилянскій языкъ отъ Персидскаго отличается только особымъ говоромъ или разнорѣчіемъ; языкъ же Талишей (Талишскій) очень удаленъ отъ Персидскаго, въ слѣдствіе чего они не понимаютъ, или весьма плохо могутъ понимать, другъ друга. Собака, на примѣръ, на Талишскомъ языкѣ называется спехъ (Spech), на Персидскомъ (Sek), а на Гилянскомъ Seggi. Въ цѣломъ Персидскомъ царствѣ нѣтъ области, гдѣ бы женщины такъ много помогали во всемъ и работали, какъ въ Гилянѣ. Главныя занятія ихъ: пряденье, тканье, дѣланіе душаба или сиропа (который они распродаютъ въ питейныя лавки въ большомъ количествѣ), и земледѣліе, состоящее преимущественно въ разведеніи риса. При этомъ мужчины и женщины имѣютъ каждый свою отдѣльную и опредѣленную работу. Мужчина работаетъ плугомъ, въ который впрягается быкъ, и дѣлаетъ Areas или Bedde и плотины для орошенія полей; женщины же (которыя, отправляясь на работу, надѣваютъ лучшія платья, чтобы пощеголять въ нихъ передъ сосѣдями своими) приносятъ на головахъ сѣмена на поля; мужчина разбрасываетъ этѣ сѣмена на полѣ, идучи задомъ; женщина полетъ сорную траву. Мужчина орошаетъ поле и коситъ жатву, женщина увязываетъ въ снопы. Мужчина свозитъ жатву домой,

женщина молотитъ, провѣваетъ, или просѣваетъ, и наконецъ мужчина продаетъ избытокъ своихъ произведеній. Каждый земледѣлецъ имѣетъ поле при своей избѣ, а избы этѣ стоятъ въ отдаленіи другъ отъ друга на такомъ разстояніи, на какое можетъ хватить ловко брошенный камень. Большинство населенія въ Гилянѣ исповѣдаетъ Турецкую Вѣру и суть Ганифеисты, о которыхъ скажу еще ниже.

Гилянцы обращались съ нами дружелюбно и предупредительно, особенно жители Рубара. По этому на сколько прежде люди наши страшились путешествія въ этѣхъ мѣстахъ, на столько въ послѣдствіи они полюбили ихъ, а по удобству положенія и пріятной мѣстности мы охотно остались бы здѣсь и долѣе; но 24-го Генваря [2] должны были снова пуститься въ путь. Добрую милю ѣхали мы подъ оливковыми деревьями, которыя, на лѣвомъ берегу рѣки, составляли какъ бы густой лѣсъ и доставляли путникамъ пріятную тѣнь. Почти въ мили отъ Рубара, прямо посреди рѣки, воздымалась скала, длиною около 30 саженъ, и на ней виднѣлись древніе остатки каменныхъ стѣнъ бывшаго здѣсь когда-то строенія и моста. Туземцы разсказывали, что строенія этѣ разрушены Александромъ Великимъ За тѣмъ мы видѣли на пути сперва высокія скалистыя горы, а далѣе низменныя, поросшія всякаго рода деревьями. Почва земли вездѣ покрыта была травою и цвѣтами, особенно фіялками, такъ что все было зеленаго и голубаго цвѣта, что, кромѣ пріятнаго зрѣлища для глазъ, доставляло путнику и пріятный запахъ. Къ вечеру прибыли мы въ селеніе, на правой сторонѣ котораго, на одномъ холмѣ, находится гробница Имама Саде (Imam Sade), въ небольшой часовнѣ.

25-го Генваря проѣхали мы 5 миль до города Решта (Rescht), сперва по холмистому лѣсу, потомъ среди множества садовыхъ и шелковыхъ деревъ, и наконецъ черезъ ровное поле и жирную пашню. По пахатнымъ полямъ тамъ и сямъ проведены были каналы съ водой, черезъ которые перекинуты небольшіе мостики. Нѣкоторые изъ нашей прислуги не остерегались и попадали въ воду,

---

[2] Въ подлинникѣ 21-го, очевидно опечатка. Перев.

вмѣстѣ съ лошадьми. Каналы туземцы запружаютъ и въ сухое время, или не за долго до паханія, или посѣва, запруду поднимаютъ, и все поле покрываютъ водою.

Рештъ есть главный городъ въ Гилянѣ, довольно обширенъ, но открытъ (т. е., не защищенъ стѣною), какъ простое мѣстечко, и весь въ кустарникахъ и между садами, такъ что его и не видно до тѣхъ поръ, покуда не подойдешь къ нему. Онъ лежитъ въ 2-хъ миляхъ отъ Каспійскаго моря. Аравитяне называютъ его въ своемъ «Catalogo urbium,» Гусумъ (Husum), какъ упомянуто выше, и помѣщаютъ его подъ 85° 10′ долготы, и подъ 37° широты. Эту послѣднюю, впрочемъ, по точнѣйшему моему измѣренію, я нашелъ выше 32 минутами, слѣдовательно, подъ 37° и 32′.

Дома въ немъ не такъ роскошны, какъ въ другихъ мѣстахъ, покрыты большею частію красною обожженною черепицею, которая, по причинѣ частыхъ дождей, была вся въ плѣсени, какъ и на нашихъ домахъ. Около домовъ кругомъ росли померанцевыя деревья, какъ у насъ ракиты по селеніямъ, и на деревьяхъ тѣхъ висѣли уже вторичные въ томъ году плоды. Площадь (майданъ), и торгъ довольно просторны, полны разнаго рода произведеній, въ особенности всякихъ съѣстныхъ припасовъ, продававшихся сдѣсь вообще весьма дешево. По этому тутъ насъ кормили роскошно и обильно. Въ Рештѣ управляетъ не Ханъ, а только Даруга, которымъ при насъ былъ Али-Кули-Бекъ.

27-го Генваря въ Рештѣ были поминки (Parentation) ихъ Аали, которыя жители праздновали съ такою же торжественностію, какъ назадъ тому годъ было то въ Шемахѣ. Жители попросили у насъ одинъ барабанъ на время, желая употребить его въ процессіи. Говоря похвальное слово и разсказывая нѣкоторыя вымышленныя чудеса Аалія, поминавшій его Мула (Parentator) произносилъ, между прочимъ, слѣдующія богохульныя слова: «Aly choda nist, amma ne dur es choddai.» Т. е. «Аали хоть и не самъ Богъ, но весьма близокъ къ Божеству.»

Сдѣсь показывали намъ и мѣсто, гдѣ былъ убитъ сынъ Шаха Абаса, Сефи Мирза, Бебутъ-Бекомъ, какъ это было выше

разсказано, и построенный по этому случаю домъ свободы; онъ стоялъ на востокъ отъ Майдана и противъ Каспійскаго моря; это было довольно обширное зданіе.

Простоявъ въ Рештѣ 5 дней, отправились мы, 30 Генваря, въ сырую погоду, снова далѣе, ѣхали цѣлый день, равно какъ и послѣ во всемъ Гилянѣ, по совершенно ровной странѣ. Дорога сдѣсь мѣстами усажена была шелковичными и высокими деревьями бука, и ее пересѣкало множество малыхъ рѣчекъ, изъ которыхъ главнѣйшія были: Персиханъ (Persichan), въ полумили отъ города; въ слѣдъ за ней Хетибанъ (Chettiban), а черезъ небольшую милю далѣе двѣ рѣки, Пишеру и Лисаръ (Pischeru und Lissar), черезъ которыя перекинуты два высокіе моста; съ одного изъ этѣхъ мостовъ упала въ воду лошадь съ кладью нашего Лѣкаря, и такъ какъ дно въ рѣкѣ было илистое и вязкое, то лошадь вытащили съ великимъ трудомъ. За тѣмъ текла рѣчка Джомусъ (Tzomus). Всѣ этѣ рѣки богаты рыбою и доставляютъ Шаху доходу по нѣскольку тысячъ талеровъ ежегодно. Сдѣлавши въ этотъ день 4 мили, прибыли мы въ мѣстечко Кисму (Kisma), близъ котораго лежитъ другое прекрасное мѣстечко, Фуменъ или Пуменъ, какъ называютъ его нѣкоторые (Fumen oder Pumen), гдѣ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Карибъ Шахъ, о чемъ сказано было уже выше сего.

31-го Генваря мы опять проѣхали 4 мили далѣе, большею частію среди шелковичныхъ деревьевъ, которыя росли сдѣсь во множествѣ кругомъ, словно лѣсъ. На дорогѣ мы видѣли много высокихъ виноградныхъ лозъ, вившихся вверхъ на другихъ высокихъ деревьяхъ. Проѣхавъ съ лишнимъ 3 мили, мы были встрѣчены Калентеромъ изъ Кескера, котораго Ханъ выслалъ къ намъ съ 30 лошадьми и однимъ осломъ, нагруженнымъ плодами и виноградомъ (виномъ); Калентеръ угощалъ насъ всѣмъ этѣмъ отъ имени Хана. Вскорѣ прибылъ къ намъ и самъ Ханъ, съ сотнею прислуги: онъ ласково принялъ насъ, сопровождалъ насъ до городка Кураба (Kurab), пригласилъ взойти въ его домъ, вновь отстроенный, превеселый, съ большимъ садомъ и лежавшій близъ Майдана. Онъ приказалъ выставить, для угощенія насъ, всякаго рода богатѣйшихъ садовыхъ плодовъ, печеній или

варенья и крѣпкаго вина, извиняясь, что такъ какъ въ то время у нихъ былъ постъ и они до заката солнца не ѣдятъ, то онъ и не можетъ попочтивать насъ кушаньями. Просидѣвъ у Хана съ часъ времени, мы отведены были въ хорошія помѣщенія, куда Ханъ прислалъ и нѣсколькихъ слугъ своихъ, для прислуживанія Посланникамъ, а на поварню нашу четырехъ дикихъ кабановъ. Ханъ, называвшійся Емиромъ (Emir), былъ сынъ одного Грузинскаго Христіянина, родомъ изъ селенія близъ Ервана, еще въ дѣтствѣ обрѣзаннаго и служившаго у Шаха Сефи погребщикомъ. Когда же онъ отличился храбростію при взятіи крѣпости Ервана, то возведенъ былъ въ Ханы или Князья, въ Кескерѣ, сынъ же его назначенъ былъ на его мѣсто погребщикомъ (надзирателемъ надъ Шахскимъ погребомъ). Ханъ былъ общительный, ласковый, человѣкъ, охотникъ большой поговорить, и съ любопытствомъ распрашивалъ о свойствахъ нашего отечества и способахъ веденія войны. Онъ высказалъ намъ, что искренно любитъ Христіянъ и истинный имъ другъ.

Этотъ городокъ, Курабъ (Kurab), похожій очень на большое селеніе, также какъ и Рештъ, лежитъ среди кустовъ и деревъ, въ 2 миляхъ отъ Каспійскаго моря, и нѣкоторые называютъ его, по имени области, Кескеромъ (Kesker). Это есть мѣсто рожденія Шаха Сефи. Отецъ его, Сефи Мирза, былъ однажды, съ беременною женою своею, при Шахѣ Абасѣ, въ одной изъ поѣздокъ Абаса въ Гилянъ, и сдѣсь-то жена Сефи родила Сама Мирзу (Sam Myrsa), именно въ одномъ старинномъ домѣ, у богатаго купца, называвшагося Ходжа Магмудъ (Chotza Mahmud). Домъ этотъ, лежавшій въ южной части города и бывшій мѣстомъ рожденія Шаха, по обыкновенію Персіянъ, обращенъ былъ въ убѣжище (Asylum) или въ домъ свободы.

ГЛАВА V.

Отъ Решта до Кизильагача и конца области Гилянской.

1-го Февраля, въ 10 часовъ утра, при отличной погодѣ и тепломъ свѣтѣ солнца, пустились мы далѣе. Емиръ Ханъ самъ проводилъ насъ цѣлую милю, потомъ дружески распростился съ нами, и приказалъ Калентеру своему сопровождать насъ до конца области, находившейся въ его владѣніи. Этотъ Калентеръ былъ молодой и превеселый человѣкъ, доставившій намъ большое удовольствіе на дорогѣ стрѣляніемъ изъ лука и метаніемъ копья, въ чемъ онъ, равно какъ и другіе Персіяне, былъ очень искусенъ.

Черезъ двѣ мили мы снова выѣхали къ Каспійскому берегу, и такъ какъ вся страна эта, съ юга и сѣвера, поросла высокимъ кустарникомъ и деревьями, то издали она имѣла видъ какъ бы полумѣсяца, обращеннаго рогами къ морю. Мы держали путь въ право отъ Масандерана и Ферабата и въ лѣво отъ Астары. Проѣхавъ берегомъ еще одну милю, мы остановились на ночлегъ въ одномъ домѣ, называемомъ Руасеру Кура (Ruasseru Kura), лежащемъ у моря, на рѣкѣ Насеру (Nasseru). Такъ какъ въ домѣ этомъ было только двѣ комнаты, то мы помѣстились въ немъ крайне неудобно, и большая часть прислуги нашей должна была остаться подъ открытымъ небомъ.

Путешествіе 2 Февраля составили 6 добрыхъ миль, вдоль морскаго берега, на сѣверо-западъ, черезъ 14 рѣчекъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшія по именамъ были: Шиберу (Schiberu), Динаджару (Dinatsar), Халесера (Chalessera), Аларусъ (Alarus), и Набарусъ (Nabarrus). На половинѣ дороги переѣхали мы, при рѣкѣ Динаджарѣ (Dinatzar), въ другую область, состоявшую подъ управленіемъ Астарскаго Хана, и сдѣсь съ нами разстался Кескерскій Калентеръ, и принялъ насъ другой, высланный Ханомъ Астарскимъ. Область эту Персіяне называли Каргару (Kargaru). Мы своротили съ большой дороги, и повели насъ по рыхлому пахатному полю, на ночлегъ въ селеніе Сенгаръ Гасаръ (Sengar hasar). Сдѣсь намъ доставили 5 большихъ дикихъ свиней, которыхъ проводники наши убили во время пути.

3-го Февраля, раннимъ утромъ, при снѣжной и дождливой погодѣ, пустились мы далѣе, и направились снова къ морскому берегу, держась на востокъ-сѣверо-востокъ, и постоянно ѣхали такъ близко къ морю, а иногда и моремъ въ бродъ, что вода достигала по брюхо лошадямъ. Нѣкоторые изъ нашихъ даже попадали въ этѣ морскіе заливы, вмѣстѣ съ лошадьми, и такимъ образомъ въ этотъ день мы имѣли сырую, прескверную дорогу, и сдѣлавши 7 миль, прибыли, позднимъ вечеромъ, въ область Гёве Лемюръ (Höwe Lemür), гдѣ расположились на ночлегъ въ одномъ грязномъ селеніи.

4-го числа, утромъ рано, на свѣжихъ лошадяхъ, мы снова направились къ морскому берегу, который шелъ здѣсь на сѣверъ, и сдѣлали вдоль берега 4 мили. За тѣмъ двѣ мили далѣе, кустарникомъ, черезъ нѣсколько селеній и черезъ 22 большія и малыя рѣчки, изъ которыхъ главнѣйшими были: Лёме, Конабъ и Бескешанъ (Löme, Konab, Beskeschan); черезъ рѣчки этѣ перекинуты были деревянные мосты, но до того ветхіе и непрочные, что нѣсколько прислужниковъ нашихъ попадали съ нихъ въ воду, вмѣстѣ съ лошадьми. Такимъ образомъ опять мы имѣли пренепріятное путешествіе и дорогу. У насъ утонуло трое крестьянъ, шедшихъ пѣшкомъ, и 4 лошади, а 6 другихъ лошадей отъ усталости пали и остались на дорогѣ. Когда мы находились въ Астарской области, не вдалекѣ отъ мѣста жительства Хана, насъ встрѣтилъ Ханъ со множествомъ всадниковъ, принялъ 3 Посланниковъ и проводилъ ихъ на жилья, которыя назначены были для насъ въ нѣсколькихъ домахъ и дворахъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ между деревьями и садами. Это селеніе и плоское мѣсто, равно какъ и протекающая здѣсь рѣка, называются Хоскедегене (Choskedehene), т. е., сухое устье, такъ какъ море въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно мелко до того, что, въ слѣдствіе мели этой, рыба изъ моря не можетъ заходить въ рѣку. Городъ же, въ которомъ имѣлъ пребываніе свое Ханъ, былъ также неукрѣпленное открытое мѣстечко, въ четверти мили отъ морскаго берега и не вдалекѣ отъ горъ; по имени области онъ назывался Астара.

Это именно есть то, неоднократно уже упоминавшееся, мѣсто, гдѣ мы видѣли самыя толстыя виноградныя лозы. Я пола-

гаю, что мнѣ, пожалуй, могутъ и не повѣрить, когда я первый скажу что есть виноградныя лозы толщиною съ человѣка; но я нахожу тоже и у Страбона (lib. 2, p. 50), который, при описаніи этой мѣстности, также упоминаетъ, что въ Маргіянѣ (Margiana), въ одной изъ областей Хорасана, виноградныя лозы внизу такія толстыя, что человѣкъ едва можетъ охватить ихъ обѣими руками. Справедливо и то, что Страбонъ говоритъ далѣе, будто бы въ Гиляпѣ (или въ Гирканіи, какъ звалась она въ древности) одна виноградная лоза даетъ вина болѣе ведра. По кисти виноградныя Страбонъ уже нѣсколько преувеличиваетъ, говоря, яко бы одна кисть тамъ бываетъ величиною въ два локтя.

Ханъ, по имени Сару (Saru), былъ пожилой, разумный и любезный господинъ. По окончаніи поста своего, именно 6 Февраля, онъ задалъ пиръ, на который пригласилъ Посланниковъ, съ знатнѣйшими изъ сопутниковъ ихъ, угостилъ насъ отличными кушаньями и былъ веселъ и полонъ мысли въ своихъ разговорахъ. Онъ разсказалъ намъ, какъ началась и кончилась война съ Карибъ Шахомъ, и съ его-то словъ я и привелъ выше описаніе этой войны. Между прочими вещами, полученными имъ отъ непріятеля въ добычу, была у него столовая скатерть, на которой онъ и угощалъ насъ пиромъ: она была шелковая, зеленаго цвѣта, вышитая золотыми цвѣтами.

Ханъ былъ въ большой милости у Шаха Сефи, и въ предстоявшую весну долженъ былъ отправиться, въ качествѣ Посланника, къ Индійскому Царю, для чего получилъ уже и надлежащее предписаніе. Онъ разсказывалъ намъ о вторженіяхъ хищническихъ Казаковъ, отъ которыхъ сдѣшніе жители были не безопасны: два года назадъ Казаки этѣ разграбили городъ Рештъ, и теперь ожидали новаго ихъ нападенія. Въ слѣдствіе этого и мы должны были держать наши вооруженія на готовѣ и въ исправности.

Позади Астары находится гора Шинданъ (Schindan), на которой лежитъ вольное селеніе въ память Шиха, о чемъ выше уже сказано.

7-го числа проѣхали мы далѣе 4 мили, все по морскому берегу, и вошли въ область Ленгеркунанъ (Lengerkunan), въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится узкій проходъ. Высокія, покрытыя кустарникомъ, горы, круто и близко надвинувшіяся къ морю, и глубокое, бѣгущее въ море же, болото, черезъ которое проведена только узкая мостовая, составляютъ здѣсь единственный узкій проходъ въ сказанную страну. За проходомъ этѣмъ протекала, извиваясь между горами, рѣка, называемая Сердане (Serdane), и вскорѣ за ней лежало и мѣстечко Ленкеранъ (Lenkeran), въ которомъ также текла рѣка Варасарутъ (Warasaruth). Эта область и мѣстечко получили названіе свое отъ якорнаго дна и пристани, хотя собственно здѣсь нѣтъ ни какой пристани, а имѣется только уголъ или заливъ, образуемый тутъ твердою землею, выдающеюся въ море, какъ бы двумя рогами (съ одной стороны материкомъ отъ Ленкерана, поросшимъ кустарникомъ, а съ другой— материкомъ Кизильагача, покрытымъ тростникомъ); материки этѣ, выдаваясь въ море, образуютъ видъ полумѣсяца. Такъ какъ въ этой пристани мелко и дно въ ней песчаное, то заходить въ нее и приставать здѣсь могутъ только небольшія суда, да и тѣ не безопасны бываютъ отъ бури съ сѣверо-востока; въ слѣдствіе этого туземцы вытаскиваютъ суда свои на берегъ. Въ этомъ мѣстѣ, въ 1603 году по Р. Х., приталъ, плывшій моремъ, Посланникъ Римскаго Императора, и здѣсь онъ умеръ и похороненъ, съ нѣкоторыми изъ сопутниковъ своихъ, какъ повѣствуетъ о томъ Георгій Дектандеръ (Dectander), въ описаніи своего путешествія; но объ этомъ никто изъ туземцевъ сообщить намъ ни чего не могъ. Сторона эта и мѣстечко состоятъ въ завѣдываніи Курджибаши, составляя какъ бы часть его жалованья, хотя Мегемандарь нашъ и другіе Персіяне увѣряли насъ, по извѣстнымъ причинамъ, что они находятся подъ управленіемъ Хана Ардебильскаго. Здѣсь былъ Визирь (Wisir) или мѣстный управитель, который и снабдилъ насъ необходимыми съѣстными припасами.

8, 9 и 10 числа мы оставались въ Ленкеранѣ, частію для того, чтобы дождаться прибытія нашихъ верблюдовъ съ запасами, которые, по причинѣ скользой дороги, не могли поспѣвать за нами отсталн, частію же для пріисканія и доставленія намъ свѣжихъ

11-го числа отправились мы далѣе и проѣхали 5 миль до Кизильагача (Kisilagatz), перебравшись черезъ 4 довольно глубокія, съ мостами, рѣчки, именно: Касіенде, Ноабине, Джили и Булади (Kasiende, Noabine, Tzili und Buladi). Черезъ послѣднюю рѣчку, довольно широкую и глубокую, мы приказали перевезти себя на лодкахъ, лошади же наши переправлены вплавь за нами. Вскорѣ за тѣмъ мы должны были, добрую четверть мили, съ трудомъ переѣзжать въ бродъ, черезъ довольно глубокую воду, которая образовалась отъ того, что море, по отлогости въ этомъ мѣстѣ берега, далеко вышло на берегъ и составило такимъ образомъ какъ бы отдѣльный прудъ; кладь же всю приказали мы провезти моремъ, на шести большихъ рыбачьихъ лодкахъ. Берегъ въ этомъ мѣстѣ, равно какъ и два острова, лежащіе напротивъ въ морѣ, изъ коихъ одинъ назывался Сару (Saru) т. е., Красный, по своей красноватой почвѣ, всюду покрыты были высокимъ тростникомъ и камышемъ. Иногда здѣсь имѣютъ свой притонъ хищническіе Казаки. Только что выбрались мы изъ воды на сушу, какъ на встрѣчу къ намъ явился владѣлецъ этого мѣста, съ сотнею разодѣтыхъ всадниковъ, и принялъ насъ.

Городокъ Кизильагачъ (что собственно значитъ: золотое, или красное, дерево), также не укрѣпленъ стѣною и лежитъ на добрую полумилю внутрь материка, по направленію къ сѣверо-западу, на ровномъ полѣ, при рѣкѣ Вилеши (Willeschi). Не за долго передъ симъ Ханъ Сульфагаръ (Sulfagar), продалъ его Хану Ардебильскому, по смерти котораго городокъ этотъ перешелъ, по наслѣдству, къ сыну его, Госейнъ Султану, который и владѣлъ имъ въ нашу бытность тамъ. Гилянскій хребетъ уклонялся здѣсь влѣво, къ сѣверо-западу, и по видимому спускался небольшими холмами въ Моканъ (Mokan). Внизу, у подошвы хребта, видѣлись вдали нѣсколько селеній, изъ которыхъ важнѣйшія были: Булади, Маджуле, Бустеръ, Талишкеранъ (Buladi, Matzulae, Buster, Talischkeran); при селеніяхъ этѣхъ росло множество деревъ, какъ бы разсаженныхъ тамъ въ длинный рядъ одно за другимъ, а за тѣмъ огромнѣйшій лугъ, который едва можно было окинуть глазомъ, и который, вѣроятно, служилъ отличнымъ пастьбищемъ для скота.

По всѣмъ признакамъ я совершенно убѣдился, что мѣсто это есть то самое, о которомъ пишетъ Страбонъ слѣдующее (lib. 15, p. 361): «Прямо противъ Каспійскихъ воротъ идетъ низменное пространство земли и чрезвычайно плодородная равнина, и въ этой же области лугъ, называемый Ἱππόβοτος (лошадиное пастьбище).» Но чтобы на этомъ, или на какомъ бы то ни было, лугу въ этѣхъ странахъ паслись, или могли пастись, 50 тысячъ кобылицъ матокъ, съ конпаго завода Персидскаго Царя, какъ продолжаетъ утверждать тотъ же писатель, то это вовсе не сообразно съ истиной. Хотя недавно еще одинъ военный Офицеръ, возвратившійся изъ путешествія въ Татарію, но бывшій тамъ не далѣе Астрахани, которая находится еще въ 12 миляхъ по сю сторону Каспійскаго моря, спрошенъ былъ въ Голштиніи объ этомъ лугѣ: «Справедливо ли, что такой лугъ находится въ Персіи?» и онъ отвѣчалъ утвердительно, однако сколько же потребовалось бы жеребцовъ для такого количества матокъ, и сколько прислуги для ухода за лошадьми? О другихъ несообразностяхъ лучше ужь и не говорить.

Въ этой же странѣ, среди горъ, лежатъ мѣста или поселенія: Куаверъ, Маранку, Дештевендъ и проч. (Kuawer, Maranku und Deschtewend), а въ сосѣднихъ горахъ и селеніе Дубиль, иначе Хатифекеки (Dubil, Chatifekeki) называемое, жители котораго, во времена Шаха Абаса, вели отвратительный образъ жизни: по ночамъ они сходились въ извѣстныхъ домахъ, зажигали свѣчи, пировали, а за тѣмъ раздѣвались до нага и совокуплялись безъ разбора, какъ животныя, такъ что часто отецъ совокуплялся съ дочерью, сестра съ братомъ, мать съ сыномъ и т. д. Когда Шахъ Абасъ узналъ о такихъ срамныхъ обычаяхъ, то приказалъ всѣхъ жителей, стараго и малаго, мужчинъ и женщинъ, не выключая даже и самыхъ малыхъ дѣтей, перебить и селеніе населить другимъ народомъ.

Удивительно, что о такой срамной жизни обитателей этѣхъ странъ писалъ уже Геродотъ, жившій совсѣмъ въ другой монархіи. Такъ, въ I книгѣ, въ 203-й главѣ, говоря объ этой мѣстности, онъ пишетъ: «Horum hominum concubitus sicuti pecorum in propatalo esse,» что они бѣгались, какъ скоты.

Напротивъ городка Кизильагача, въ морѣ, въ полуторѣ мили отъ берега, стоятъ два острова: Келехоль и Аалибалухъ (Kelechol, Aalybaluch). Послѣдній, величиною въ три мили, получилъ свое имя, какъ разсказываютъ Персіяне, по слѣдующему поводу: когда Аали находился однажды на этомъ островѣ и не могъ нигдѣ добыть свѣжей воды для утоленія своей жажды, то божественной силой онъ тотчасъ же устроилъ колодязь, въ которомъ и теперь еще струится прѣсная вода. Острова по краямъ также поросли тростникомъ.

ГЛАВА IV.

Путешествіе отъ Гиляна до рѣки Араса или Аракса. Также о томъ, какъ Бругманъ приказалъ бить палкою на смерть одного Персіянина, и о Моканской степи.

12 Февраля оставили мы Гилянъ и пустились далѣе по ровной странѣ и черезъ нѣсколько глубоко въ землѣ лежавшихъ небольшихъ рѣчекъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшія по названію были: Ускеру и Бутару (Uskeru, Butaru), съ перекинутыми на нихъ мостами; къ вечеру мы прибыли въ селеніе Еліесду (Elliesdü), лежащее у входа въ Моканскую степь, на низменномъ, плодоносномъ холмѣ; да и вообще вся эта страна у подошвы горъ вездѣ чрезвычайно плодородна и обработана. Но самыя селенія, которыхъ въ этой области было множество, состояли изъ дрянныхъ лачугъ, сплетенныхъ изъ хвороста и смазанныхъ глиною. Всѣ селенія заняты здѣсь ратными людьми (солдатами), и Шахъ отдалъ ихъ этѣмъ людямъ въ кормленіе, чтобы они не только получали съ крестьянъ извѣстные поборы, но и сами, владѣя землями и полями, обработывали ихъ. Селеніе Еліесду принадлежаго одному Офицеру, по имени Петру Султану, который самъ жилъ въ 3 миляхъ отъ селенія.

Въ этомъ-то селеніи Посланникъ Бругманъ приказалъ забить до смерти одного Персіянина, что произошло слѣдующимъ обра-

зомъ: Когда мы вошли въ селеніе, то конюхъ Посланника хотѣлъ было, по своему усмотрѣнію, помѣстить одну изъ подручныхъ заводскихъ лошадей въ одну изъ избъ селенія; въ дверяхъ этой избы стоялъ Кизильбашъ (Персидскій воинъ); онъ не хотѣлъ впустить лошадь, махалъ передъ ней палкой, которой даже и махнулъ немного лошадь по головѣ, и сказалъ, что эта изба вольная, и въ ней нѣтъ ни какого приспособленія или удобства для помѣщенія лошади. Увидавъ это, Посланникъ Бругманъ, въ ярости тотчасъ же соскочилъ съ лошади и съ неистовствомъ полетѣлъ на Кизильбаша. Но этотъ послѣдній, какъ солдатъ, не очень-то былъ способенъ сносить въ своемъ домѣ оскорбленія: онъ ударилъ Бругмана палкой по рукѣ такъ сильно, что у того распухла и посинѣла рука, хотя, впрочемъ, не знавши, какъ онъ послѣ увѣрялъ, что то былъ Посланникъ; ибо ни какъ не ожидалъ, чтобы какой либо Посланникъ рѣшился на такую недостойную выходку и насиліе. Нѣсколько слугъ Бругмана, увидѣвъ это, бросились на Персіянина, избили и нанесли ему опасныя раны, такъ что тотъ послѣ едва могъ уплестись кое-какъ въ другую избу. Посланникъ же, кромѣ того, пожаловался на него и Мегемандарю; но этотъ отвѣчалъ, что ни чего тутъ не можетъ сдѣлать; что Кизильбаша люди вольные, начальникъ ихъ въ отсутствіи, и что Посланникъ можетъ и самъ распорядиться по своему благоусмотрѣнію; но что, наконецъ, солдатъ и такъ получилъ уже довольно, такъ что едва ли онъ и оправится отъ нанесенныхъ ему побоевъ и ранъ. По этому Бругманъ приказалъ разграбить избу Кизильбаша, захватить его лошадь, саблю, латы и всѣ вещи, какія только подъ руку попадутся. На слѣдующее же утро барабаннымъ боемъ поспѣшно созваны были всѣ наши люди, съ объясненіемъ приказанія Бругмана, чтобы всѣ немедленно снарядились съ лошадьми своими къ выступленію, и въ случаѣ, если кто замѣшкаетъ и останется въ селеніи послѣ выѣзда изъ онаго Бругмана, тотъ пусть самъ управляется съ опасностями, которымъ можетъ тамъ подвергнуться. За тѣмъ самъ Бругманъ сѣлъ на лошадь, выѣхалъ передъ Посольское помѣщеніе, приказалъ всѣмъ сѣсть на коней и стать около него, не сообщая ни кому изъ насъ, ни даже своему товарищу, Крузе, что бы все это значило. Потомъ онъ призвалъ къ себѣ Мегемандаря и потребовалъ отъ него, чтобы тотъ представилъ ему человѣка,

который вчера нанесъ ему ударъ. Мегемандарь старался было объяснить Бругману, что, по причинѣ ранъ, полученныхъ Кизильбашемъ на канунѣ, онъ не можетъ выйти изъ дому; но Бругманъ возразилъ, что если тотъ не можетъ итти самъ, то пусть принесутъ его. Между тѣмъ пришли и два другіе Персіянина, въ надеждѣ смягчить Посланника покорными просьбами и мольбами, простить Кизильбаша; но все было напрасно: Бругманъ рѣшительно объявилъ, что не выйдетъ изъ селенія, пока ему не представятъ Кизильбаша; по этому несчастнаго бѣднягу должны были принести на простынѣ. Тогда Бругманъ приказалъ нашему Турецкому переводчику, Марксу Филерову (Marx Filerof sin), родомъ Армянину, бить Кизильбаша такою же толстою палкою, какою тотъ нанесъ ему ударъ вчера, и Марксъ безжалостно нанесъ палкою нѣсколько ударовъ полумертвому уже человѣку, по рукѣ и боку, отъ чего бѣднякъ едва только дрогнулъ. Бругманъ велѣлъ ударить еще разъ, и этотъ послѣдній ударъ пришелся въ бокъ несчастному, который былъ уже какъ бы безъ чувствъ и не шевельнулся. «Вотъ такъ-то!» сказалъ при этомъ Бругманъ: «Онъ получилъ свое!» За тѣмъ, обратясь къ Мегемандарю и другимъ Персіянамъ, онъ добавилъ: «Если Шахъ Сефи не отомститъ далѣе за понесенное мною здѣсь оскорбленіе, то скоро я вернусь сюда съ большими силами, и тогда самъ отомщу за себя!»

Что все это случилось именно такимъ образомъ, о томъ можно справиться не только въ моихъ путевыхъ запискахъ, но и въ дневникахъ другихъ спутниковъ нашихъ, и даже въ памятной книжкѣ самаго Бругмана.

Туземцы солдаты, конечно, могли бы, а судя по ихъ тѣлодвиженіямъ, и подумывали даже, отомстить намъ и посвернуть всѣмъ намъ шеи, и имъ небольшаго стоило бы труда привести это въ исполненіе, если бы Мегемандарь оставилъ насъ однихъ, какъ это случилось недавно, или лучше, если бы Богъ не сохранилъ насъ особеннымъ образомъ; ибо кругомъ мы были среди сказанныхъ солдатъ.

Мы пустились далѣе къ Мокайской степи, проѣхали двѣ мили и остановились въ Оба (Oba), въ круглыхъ пастушескихъ шала-

шахъ. Но Мегемандарь оставался еще назади, въ селеніи, и прибылъ къ намъ только вечеромъ, съ извѣстіемъ, что Кизильбашъ умеръ и вытребовалъ у Бругмана, присвоенную имъ такъ несправедливо, добычу (имущество Кизильбаша), для отсылки оной оставшимся послѣ покойнаго, женѣ и дѣтямъ, которыя были бѣдны и сиры.

Въ тотъ же день, рано утромъ, т. е., 13 Февраля, солнце въ помянутомъ выше селеніи взошло прямо съ востока, юго-востока такъ, что наклоненіе магнитной стрѣлки (declinatio magnetis) было тамъ около 24° отъ сѣвера къ западу. Въ Обѣ же я нашелъ солнце, въ полдень, на высотѣ 40° 48′, и, слѣдовательно, высота полюса подъ тѣмъ меридіяномъ (Elevatio poli) равнялась 39° 28′. Берегъ моря простирался здѣсь въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Съ мѣста, гдѣ мы находились, мы снова увидѣли вдали, на сѣверѣ, Шамайскія горы (Schamaische).

Скажу здѣсь нѣсколько подробнѣе о Моканской степи. Пространство, занимаемое ею, считаютъ въ длину болѣе 60, а въ ширину до 20, миль. Турки зовутъ эту степь Миндюнлукъ (Mindünluk), т. е., 1000 дымовъ или дымовыхъ трубъ, отверстій), а Персіяне Моганъ или Моканъ (Mogan, Mokan), по тому, что тамъ живутъ весьма различные народцы и племена, предки которыхъ, подъ предводительствомъ Езида (Jesid), воевали противъ Госейна, и изгнаны, или сосланы, были сюда какъ бы въ наказаніе, съ воспрещеніемъ не строить ни городовъ, ни селъ, а жить только въ шалашахъ, именно здѣсь, а ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Народцевъ этѣхъ зовутъ теперь Сумекъ Райети (Sumek Rajeti), частію по тому, что они изъ костей въ кость (отцы и дѣти), на вѣки порабощены Шахомъ, какъ самые жалкіе невольники, частію же по тому, что имъ предоставляется такое скудное содержаніе, что они едва поддерживаютъ имъ свои кости. Питаются они отъ своихъ стадъ; лѣтомъ проживаютъ у подошвы горъ, гдѣ имѣютъ добрыя пастьбища и хорошій воздухъ, а зимою раскидываютъ шалаши свои на степныхъ равнинахъ. Ихъ считаютъ полудикими людьми, и извѣстнѣйшія племена ихъ суть: Ходжечаубани, Текле, Ельменкю, Хаджи-Касилю, Султанбакшгелю, Карои, Арденбюшенлю, Халеджъ и проч. (Chotzetschaubani, Tekle, Elmenkü, Hatasilü, Sulthanbacschhelü, Karai, Ardenbüschenlü, Chaletz).

14-го числа двинулись мы три мили далѣе на сѣверъ, и прибыли къ городцу Хаджикасилю (Hatzikasilü). На дорогѣ, въ полѣ, мы видѣли часовню, въ которой погребенъ нѣкто, по имени: Байрамъ Текле Обаси (Bairam Tekle Obasi). Человѣкъ этотъ при Шахѣ Абасѣ, во время вторженія въ Персію Турокъ, подъ начальствомъ Баши Джакалъ Огли (Bassa Tzakal Ogli), былъ простой наѣздникъ или разбойникъ, нападавшій на Турокъ съ нѣсколькими сотнями оборванцевъ, часто хитростію и почти ежедневно доставлявшій Шаху Абасу по нѣскольку Турецкихъ головъ, наконецъ онъ набралъ и содержалъ летучее и бродячее войско въ 12 тысячъ человѣкъ, съ которымъ надѣлалъ непріятелю вреда гораздо болѣе, чѣмъ самъ Шахъ съ своимъ главнымъ войскомъ. За такія услуги Шахъ даровалъ ему свободу и наконецъ сдѣлалъ даже Княземъ, подаривъ ему нѣсколько селеній въ этой мѣстности.

Мы опять расположились на ночлегъ въ круглыхъ пастушечьихъ хижинахъ. Но только что улеглись было на покой, позднимъ вечеромъ, какъ услышали нѣсколько выстрѣловъ, слѣдовавшихъ быстро одинъ за другимъ, и мы подумали, не была ли то измѣна, нападеніе со стороны солдатъ за вчерашній нашъ съ ними поступокъ; по этому тотчасъ собрали въ одно всю нашу кладь, устроили себѣ укрѣпленіе (Brustwehr) и изготовились уже къ оборонѣ. Оказалось, что выстрѣлами этѣми потѣшался Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, расположившійся стоянкой на ружейный выстрѣлъ отъ насъ, съ намѣреніетъ попугать тѣмъ Посланника Бругмана и посмотрѣть, какъ онъ при этомъ поведетъ себя, хотя Посланникъ Алексѣй Савиновичъ и говорилъ потомъ, что сдѣлалъ это будто бы въ честь Бругмана, полагая, что въ тотъ день было его рожденіе.

15-го числа проѣхали по степи далѣе 8 миль, остановились въ четверти мили отъ рѣки Араса и хотѣли было достигнуть, для привала, до Джавата (Tzawat), въ которомъ останавливались прежде, на пути еще въ Персію, но въ это время тамъ находился Аребъ, Ханъ Шемахинскій, со всѣмъ дворомъ своимъ и позанялъ всѣ жилья. Ханъ пробылъ тамъ и слѣдующій день, по чему и мы должны были оставаться на одномъ мѣстѣ.

Хотя, по описаннымъ выше причинамъ, мы не могли ожидать отъ Аребъ Хана особенной дружбы и добраго расположенія, тѣмъ не менѣе, во все время пребыванія нашего въ его области, онъ оказывалъ намъ чрезвычайную пріязнь и доброту, всю вину прежде бывшихъ между имъ и нами недоразумѣній взваливая на, бѣжавшаго отъ насъ Персидскаго переводчика, Рустама, который часто, будто бы, переносилъ ему о насъ разныя непріязненныя сплетни, и вѣроятно, такія же сплетни переносилъ и намъ о немъ, и наконецъ заявилъ, что, если бъ этотъ Рустамъ, попался ему теперь, то за все это поплатился бы ему головою. Услыхавъ, что мы опять прибыли къ Арасу, Ханъ тотчасъ же выслалъ одного изъ важнѣйшихъ Чиновъ своихъ принять насъ и предложить намъ въ подарокъ три мѣха хорошаго вина, которое тогда было намъ очень кстати; ибо въ то время, равно какъ и нѣсколько дней передъ тѣмъ, мы имѣли незавидное продовольствіе. Съ этѣмъ уполномоченнымъ Хана прибылъ къ намъ, и бывшій нашъ въ Ардебилѣ, Мегемандарь, Неджефъ-Бекъ (Netzef-bek), навѣстить насъ; онъ также подарилъ Посланникамъ прекрасную Персидскую гончую собаку, и высказывалъ имъ великую радость свою, что видитъ ихъ.

ГЛАВА VII.

Свѣдѣніе о рѣкахъ Араксѣ и Курѣ и путешествіе до Шемахи.

17-го числа мы отправились опять далѣе и перебрались черезъ знаменитую рѣку Аракъ или Арасъ, какъ ее теперь называютъ, черезъ которую при Джаватѣ (Tzawat) наведенъ былъ барочный мостъ, называемый Персіянами Джиперъ (Tzissr). Мостъ этотъ ежегодно, въ Маѣ мѣсяцѣ, когда отъ таянія снѣговъ побѣжитъ съ горъ вода, снимается; ибо тогда рѣка выходитъ изъ береговъ и заливаетъ низменную равнину кругомъ водою на милю и болѣе, такъ что въ это время сдѣсь уже никто не ѣздитъ.

Пріостановиться на этой рѣкѣ и сообщить о ней болѣе подробныя свѣдѣнія побуждаютъ меня Географы, изъ которыхъ одни

хотя и помѣщаютъ ее въ той странѣ, гдѣ она дѣйствительно протекаетъ, но приписываютъ при этомъ несвойственную ей обстановку; другіе же ошибочно понимаютъ слова Квинта Курція, который упоминаетъ о рѣкѣ Араксѣ въ 2-хъ мѣстахъ и сообщаетъ о ней два различныя свѣдѣнія. Такъ, въ 5-й книгѣ главѣ 1-й. онъ говоритъ, что Араксъ находится именно въ странѣ Персіи и бѣжитъ на полдень, а въ 7-й главѣ 5-й книги онъ же говоритъ (а за нимъ другіе, въ особенности Плутархъ de Pompeio, p. 636, и de Marco Anton., p. 939), что рѣка Араксъ, черезъ Мидію, впадаетъ въ Каспійское море. Страбонъ (p. 339, 502) слѣдуетъ въ этомъ Курцію, почти въ тѣхъ же сомнительныхъ и неясныхъ выраженіяхъ (книги 11-й и 15-й); Радеръ, въ замѣчаніяхъ на Курція, старается согласить эти два, по видимому, противорѣчащія, извѣстія, и говоритъ, что рѣка Медъ (Medus), принимающая въ себѣ р. Араксъ, хоть въ началѣ и течетъ съ полуночи на полдень, но потомъ поворачиваетъ на полночь и изливается въ Каспійское море. Но такимъ объясненіемъ Радеръ также не попадаетъ на истину; ибо не возможно, чтобы эта рѣка текла отъ Персеполя такими огромными изворотами и черезъ такія горы, простирающіяся въ ширину на нѣсколько миль, какъ Тавръ, проходящій черезъ всю Персію и Азію: «perpetuo jugo et dorso,» какъ выражается Курцій въ упомянутомъ сейчасъ мѣстѣ. Истина же тутъ заключается въ томъ, что существуютъ двѣ рѣки, которыя носятъ названіе Араксъ: одна, извѣстная въ Мидіи, другая въ Персіи. Это-то имѣлъ въ виду и хотѣлъ выразить Ортелій, въ своемъ «Thesauro Geographico,» когда говоритъ, упомянувъ объ истинномъ Араксѣ: «aliam habent Araxin Strabo l. 15 et Curtius lib. 5.» Рѣку, которая течетъ близъ Персеполя (нынѣ Шираса), Курцій, въ угоду народамъ Александра, называетъ Араксомъ, подобно тому, какъ случилось это съ рѣкой Яксартомъ, на границахъ Скиѳіи, которую онъ называетъ Танаисомъ; также какъ восточная часть Тавра называется Кавказомъ, какъ говоритъ объ этомъ Страбонъ въ книгѣ 11 на стр. 348, § 30-й.

Причину, по чему произошло это, по ихъ мнѣнію, желающій можетъ прочесть самъ у Радера и другихъ объяснителей.

Сказанная рѣка, протекающая въ Фарсѣ (in Farsia), туземцами называется Бендемиръ (Bendemir), по причинѣ великаго

чуда, совершеннаго на ней Аалiемъ, и при Персидскомъ заливѣ она вливается въ великое открытое море. Можетъ быть, что и рѣка, называемая Медъ (Medus), сливается съ нею, такъ какъ Персіяне говорили въ то время, что въ Бендемиръ впадаетъ нѣсколько небольшихъ рѣкъ. По этому можно полагать далѣе, что, какъ думаетъ Радеръ, выраженія у Курція: «ad maridiem versus», должно читать такъ: «ad mare meridiem versus», т. е., что Медъ съ такъ называемой рѣкою Араксомъ текутъ на полдень. Что же касается до настоящаго Аракса, черезъ который мы переѣзжали въ Моганской степи то рѣка эта и по настоящее время удержала свое названіе Арасъ, можетъ быть, какъ полагаетъ Евхстатій (Euchstatius), отъ Греческаго слова ἀράσσω, abrumpo, отрываю, обрываю, такъ какъ во время разлитія она, сильнымъ теченіемъ своимъ, обрываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы и материкъ, и имѣетъ по этому высокіе и опустошенные берега. Она вытекаетъ изъ Армянскаго хребта, изъ за высокой горы Арарата, принимаетъ въ себя множество рѣкъ, изъ которыхъ важнѣйшія суть: Карасу, Сенки, Керни, Арпа (Karasu, Senki, Kerni, Arpa), течетъ при Карасу глубоко въ землѣ, въ высокихъ берегахъ, но вскорѣ за тѣмъ, недалеко отъ Ордабата (Ordabath), низвергается, съ страшнымъ шумомъ, слышимымъ болѣе чѣмъ за милю, чрезвычайно высокимъ водопадомъ, въ область Моканъ; ибо Моканъ, сравнительно съ Арменіею и Ширваномъ, лежитъ весьма низко. Въ этой области Араксъ бѣжитъ очень тихо до самаго моря, и за Джаватомъ, въ 6-ти миляхъ отъ моря, сливается съ рѣкой Киромъ или Кюромъ, (Kürom), которая также великая, какъ и Араксъ, и притекаетъ сюда съ сѣверной стороны, изъ Грузіи или, по теперешнему названію, изъ Гуржистана (Gurtzistan). Отсюда видно, что Куръ (Kur) и Араксъ впадаютъ въ море однимъ устьемъ, а не двумя отдѣльными, какъ значится это въ описаніи Птоломея и другихъ Географовъ. Въ этомъ согласны со мною всѣ, кто самъ ѣздилъ этой дорогою, и въ особенности Англичанинъ Картвайтъ (Cartwigt), который, въ описаніи своего путешествія, говоритъ: «Cyrus, pluribus aliis amnibus acceptis, condit se in Araxem, et cum illo exit in mare Caspium.» Къ тому же, если бъ городъ Кирополь (Cyropolis) дѣйствительно былъ теперешняя Шемаха, какъ полагаютъ это толкователи Птоломея, особенно же Магинъ (Maginus), и какъ можетъ показаться по градусамъ широты, имѣющимся у Птоломея, то сказанные Географы, объ рѣки должны были

бы помѣстить не выше, но ниже Кирополa, на югъ, ибо сліяніе тѣхъ рѣкъ (называемое туземцами Каушанъ (Kauschan) мы нашли, какъ выше показано, подъ 30 54′; Шемаху же подъ 40 50 широты; слѣдовательно, въ разстояніи другъ отъ друга на 13 миль, подъ однимъ равноденственникомъ, и это пространство именно во столько миль мы проѣхали между двумя сими мѣстами. Также на 9, или на 10, дней пути, ни по сю сторону Шемахи, ни по ту ея сторону — черезъ весь Гилянъ,—нѣтъ ни одной значительной рѣки (которыя всѣ вытекаютъ только изъ Гилянскихъ горъ), которую можно было бы принять за описываемую нами рѣку. Самый городъ Шемаха лежитъ не такъ близко къ морю, какъ Географы полагаютъ городъ Кирополь, но на два дня пути, по прямой дорогѣ. Такимъ образомъ свѣдѣнія древнихъ писателей объ этой мѣстности и рѣкѣ довольно ошибочное, о чемъ я хотѣлъ сдѣсь сообщить любителю географическихъ знаній.

Помянутаго 17-го Февраля прибыли мы въ Джаватъ, прекрасно были приняты и роскошно угощены Мегемандаремъ, котораго нарядилъ къ намъ и оставилъ послѣ себя Ханъ; мы посѣтили наше прежнее жилье и остались въ Джаватѣ и на слѣдующій день. Мѣстечко это получило свое названіе отъ Арабскаго слова Джавасъ (Tzarvas), означающаго «проходъ»; ибо тамъ собственно и есть ходъ черезъ рѣку, гдѣ желающій проѣхать, или пройти, сюда съ этой стороны, долженъ предъявить свой пропускной листъ, чтобы никто не проскользнулъ сюда изъ Турокъ, непріятелей Персіянъ.

19-го Февраля проѣхали мы 8 миль далѣе, большею частію по пустынной и тонкимъ тростникомъ поросшей странѣ, до подошвы Шемахійскихъ горъ, гдѣ разбиты были для насъ три Аладжуха (Alatzuch) или круглые шалаша. На дорогѣ умеръ живописецъ нашъ, Дитерихъ Нимань (Dieterich Nieman) изъ Букстегуде, который, бывъ одержимъ довольно долгое время четыредневной лихорадкой, началъ страдать поносомъ, отъ котораго въ 4 дня и умеръ на тачкѣ и въ скверпѣйшую погоду. Мы похоронили его 22-го Февраля, подъ городомъ Шемахой, на Армянскомъ кладбищѣ, съ приличною обрядностію. Онъ былъ скромный, тихій, богобоязливый и въ искуствѣ живописи весьма знающій человѣкъ, такъ что за искуство его Шахъ Персидскій приговорилъ было къ

себѣ на службу на нѣсколько лѣтъ; но когда живописецъ увидалъ, что случилось съ часовщикомъ Рудольфомъ Стадлеромъ, то уже не захотѣлъ тамъ остаться. Аребъ Ханъ очень сожалѣлъ о немъ, какъ сказано выше который, пріобрѣлъ отъ него нѣсколько прекрасныхъ картинъ и лично любилъ его.

20-го Февраля раннимъ утромъ пустились мы далѣе, снова поднялись на Шемахійскій хребетъ, который сдѣсь идетъ полумѣсяцемъ на востокъ отъ моря, къ рѣкѣ Кюръ, и называется Лентебюсъ тахи (Lengebüs thachi), по находящемуся на вершинѣ хребта, въ правой сторонѣ, селенію Лентебюсъ (Lengebüs). Въ этотъ день путешествіе наше было крайне непріятно, не только по дождливой и холодной погодѣ, но и по весьма дурной пловатой дорогѣ и глубокой грязи, точно мы перешли съ лѣта на зиму. Посланники съ нѣкоторыми изъ спутниковъ, имѣвшихъ хорошихъ лошадей, прибыли въ городъ Шемаху еще засвѣтло, остальные же всѣ позднимъ вечеромъ и даже въ полночь. Часть поклажи, которая нагружена была на верблюдахъ, не могшихъ ити на крутую гору по скользкой дорогѣ, осталась позади насъ на цѣлыхъ 8 дней.

Ханъ приказалъ помѣстить насъ въ Шемаху на прежнихъ жильяхъ, у Армянъ, въ которыхъ мы приняты отлично хозяевами нашими.

ГЛАВА VIII.

Что происходило въ Шемахѣ и въ продолженіи нашей тамъ стоянки.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Шемаху насъ угостили всякаго рода кушаньемъ съ Ханскаго стола (какъ увѣрялъ нашъ поставщикъ, Schaffner). Бывшіе мои сдѣсь учители и хорошіе пріятели, именно: Магебъ Али Молла (Maheb Aly Molla), Имамъ Кули (Imam Culi), и Халиль (Chalil), о которыхъ говорено уже было выше, прислали мнѣ ради привѣтствія, каждый по блюду яблокъ, грушъ и винограду, а на слѣдующій день посѣтили меня, для того, какъ говорили они, чтобы испытать меня, на сколько успѣлъ я въ языкѣ ихъ.

22-го Февраля Ханъ и Калентеръ лично пришли и посѣтили Господъ Посланниковъ; пригласили ихъ, съ нѣкоторыми изъ насъ, въ замокъ на ужинъ, и прислали къ назначенному времени нѣсколько прекрасно убранныхъ лошадей, для доставленія насъ на ужинъ. Великолѣпнымъ угощеніемъ, дружескими бесѣдами и предложеніями всевозможныхъ услугъ, они достаточно выказали намъ доброе свое расположеніе, съ избыткомъ доказавъ оное послѣ и на самомъ дѣлѣ. По нѣкоторымъ причинамъ мы простояли въ Шемахѣ цѣлыхъ 5 недѣль, и во все это время, чтобы мы не скучали, устроивали для насъ разныя охоты и роскошныя пирушки.

1-го Марта Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, праздновалъ день рожденія Великой Княгини Московской [1] пиромъ, на который были приглашены и великокѣпно угощены тамъ Господа Посланники съ нѣкоторыми изъ насъ.

3-го, 6-го, а также 10-го Марта, когда Персіяне празднуютъ свой Новый Годъ (Naurus), мы постоянно были угощены въ замкѣ у Хана. Минаджимъ (Minatzim) или Астрономъ Халиль прислалъ мнѣ въ этотъ послѣдній день, въ подарокъ на Новый Годъ, жирнаго ягненка.

14 числа объявлена была Аребъ Хану Царская милость, подаркомъ ему, по ихъ обыкновенію, новаго платья. У Персіянъ такой обычай, чтобы ежегодно, когда Ханы доставляютъ Шаху свои подарки на Новый Годъ, и Шахъ, съ своей стороны, объявилъ имъ свою милость, или немилость, черезъ одного изъ своихъ придворныхъ, при чемъ наблюдается слѣдующая обрядность: когда Царскій посланный будетъ уже въ 3, или 4-хъ, миляхъ отъ Хана, то о прибытіи своемъ, всегда, впрочемъ, яко бы съ утѣшительнымъ порученіемъ, онъ посылаетъ увѣдомить Хана съ нарочнымъ быстрымъ гонцомъ. Тогда Ханъ отправляется, со страхомъ и надеждою, въ сопровожденіи множества прислуги, на встрѣчу посланнику Царскому, за четверть, за полмилю, а иногда за цѣлую милю. Когда они съѣдутся, уполномоченный Шаха встаетъ,

[1] Евдокіи Лукьяновны, урожденной Стрѣшневой. О. Б.

держа въ рукахъ ларецъ (Boktze), покрытый ковромъ и содержащій въ себѣ или милостивое платье, или немилостивое и строгое повелѣніе доставить голову Хана. Ханъ при этомъ долженъ снять съ себя оружіе, верхнее платье и чалму, и такимъ образомъ непокрытый подойти къ уполномоченному. Если прислана милость, то она объявляется Хану, съ врученіемъ ему одежды и милостивой грамоты, принимая которыя Ханъ цѣлуетъ одежду въ воротникъ, прикладываетъ ее ко лбу, и за тѣмъ надѣваетъ на себя. Когда же прислана немилость, то покровъ снимается, предъявляется Хану смертный приговоръ за Царскою печатью и объявляется: «Шахъ желаетъ, чтобы ты прислалъ со мною свою голову!» За тѣмъ, тутъ же, на мѣстѣ, совершается и исполненіе приговора, при чемъ Ханъ добровольно отдаетъ свою голову. Послѣ этого уполномоченный поспѣшно возвращается къ Царю съ головою Хана. Такъ какъ Ханъ не знаетъ, на какомъ счету записанъ онъ при Дворѣ, то, въ ожиданіи немилости, отправляясь на встрѣчу Царскому уполномоченному, онъ обыкновенно навсегда прощается съ своими домашними.

Нѣсколько такихъ примѣровъ случилось при Шахѣ Абасѣ и при нынѣшнемъ Шахѣ. Такъ Шахъ Абасъ казнилъ такимъ образомъ Шиха Ахмеда (Schich Ahmed), Хана Гемеданскаго, Кабанъ-Хана Урумійскаго, и Байсюнкуръ Султана, Правителя Магасбюрта (Magasbürt), а Шахъ Сефи приказалъ Правителей (Губернаторовъ): Ярали Султана (Jaraly Sulthan) въ Маку (Maku), и Моралъ Султана (Moral Sulthan), въ Баезидѣ (Baesid) удушить, содрать съ нихъ кожу, набить ее сѣномъ и выставить на улицѣ, за то, что они безъ нужды, по его мнѣнію, сдали ввѣренныя имъ крѣпости непріятелю.

Когда Аребъ Ханъ собрался представиться за принятіемъ помянутаго Царскаго дара, то онъ предложилъ Посланникамъ, не хотятъ ли они присутствовать при описанной обрядности, и Посланники, съ нѣкоторыми изъ насъ, отправились на зрѣлище. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть на коня, Ханъ порядкомъ выпилъ и приказалъ вести впередъ нѣсколько роскошно убранныхъ подручныхъ лошадей. Самъ онъ сѣлъ на краснопѣгаго коня, безъ сабли и безъ всякаго другого оружія, и, предшествуемый 15-ю тѣлохрани-

телями съ ружьями, поѣхалъ съ нашими Посланниками, Калентеромъ и Каси, въ сопровожденіи разныхъ чиновъ, на 400 лошадяхъ къ Царскому саду, лежавшему въ полумили отъ города. На дорогѣ онъ нѣсколько разъ пріостановливался, приказывалъ обносить круговую чашу вина и пилъ самъ, съ пожеланіями Господамъ Посламъ всякаго счастія; въ то же время нѣсколько мальчиковъ должны были плясать передъ нимъ. Ему сопутствовали два сына его, прекрасные юноши, одинъ 20-ти, другой 18-ти, лѣтъ, и, кромѣ того, почти весь городъ, на коняхъ и пѣшкомъ. Назади, въ отдаленіи, нѣсколько всадниковъ, увѣшанныхъ рысьими и бараньими шкурами, несли, на длинныхъ шестахъ, шесть Турецкихъ головъ, набитыхъ сѣномъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Турецкими знаменами, которыя Аребъ Ханъ завоевалъ въ сраженіи.

Пріѣхавъ къ саду, Ханъ слѣзъ съ коня и вошелъ въ садъ. Царскій уполномоченный вышелъ къ нему на встрѣчу съ своимъ подаркомъ, въ сопровожденіи 3 прислужниковъ позади, и остановился въ десяти шагахъ отъ Хана. Аребъ Ханъ снялъ съ себя одежду, до исподняго кафтана, и стоялъ, совершенно блѣдный и опечаленный отъ страха; ибо придворный, не извѣстно для чего, оставался молча нѣкоторое время. За тѣмъ онъ громко обратился къ Хану на Турецкомъ языкѣ: «Ai Areb Chan!» Аребъ отвѣчалъ: «Nediersen?» т. е.: «Что скажешь?» Уполномоченный продожалъ: «Schah Sefine Chalet kunderdi we Rakem, Schach Sefi dustisen!» т. е.: «Шахъ Сефи прислалъ тебѣ одежду и милостивую грамоту: ты другъ Шаха.» На это Ханъ съ радостію отвѣтилъ:« «Schahüng döwleti berkarar olsun. We birkuni minkun olsun, men schahung birkari kulim!» Что значитъ: «Да пребудутъ вѣчны имущества Царя, и каждый день будетъ для него тысячью днями. Я же старый слуга Царя!» За тѣмъ онъ принялъ новый кафтанъ (атласный цвѣта морскаго зеленаго) съ обычною почтительностію, а уполномоченный помогъ ему надѣть, сперва малый кафтанъ, изъ золотой парчи, потомъ поясъ, чалму и наконецъ другой—верхній кафтанъ, за что и получилъ въ подарокъ нѣсколько туменовъ. Послѣ этого Каси или Судья началъ громко читать молитву о здравіи Шаха, а Ханъ, съ остальнымъ народомъ, потихоньку повторяя ее, говорилъ Fataeh: «Alhemdo lilla» и пр. Послѣ сего Маршалъ Царскій воскликнулъ: «Schah döwlettine kasiler kuwetine Chansaglukine Alla dielim,» что значитъ: «Мы

молимъ Бога да умножатся имущества Царя, силы его воиновъ и да здравствуетъ Ханъ!» Весь народъ отвѣчалъ на это радостными возгласами.

Послѣ такихъ обрядностей началось великое ликованіе и торжество вездѣ въ народѣ, котораго было внѣ сада до 5000 человѣкъ; трубы и множество барабановъ весело заиграли и забили. Помянутыя выше Турецкія головы и побѣдныя знамена понесли передъ Ханомъ, и съ такимъ-то ликованіемъ, плясками, прыжками и всякаго рода странными тѣлодвиженіями приближались всѣ къ городу. Тогда съ городскихъ стѣнъ сдѣланы были два привѣтственные выстрѣла изъ каменометницъ. Ханъ пригласилъ насъ въ замокъ съ собою и приказалъ, по обыкновенію, выставить роскошнѣйшее угощеніе; но такъ какъ Ханъ, съ большею частію придворныхъ людей своихъ, былъ уже сильно пьянъ, то мы мало пировали сдѣсь и скоро разстались другъ съ другомъ.

22-го Марта, въ Великій Четверкъ (на Страстной Недѣлѣ, Армяне праздновали память умовенія ногъ Іисусомъ Христомъ. Въ церкви въ этотъ день Священникъ омывалъ ноги всѣмъ мужчинамъ и руки женщинамъ, и за тѣмъ освященнымъ елеемъ помазывалъ на омытыхъ рукахъ и ногахъ крестообразно. По моему желанію, онъ помазалъ и мнѣ на рукахъ: запахъ елея походилъ на запахъ несвѣжаго жиру. Послѣ умовенія ногъ 12 человѣкъ схватили Священника, посадили на стулъ и съ радостными кликами приподняли его высоко вверхъ, и держали такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не откупился обѣщаніемъ—задать угощеніе.

25-го Марта Армяне, по своему обычаю, начинаютъ свой Новый Годъ, и такъ какъ день этотъ совпалъ со днемъ Пасхи, то они совершали торжественное шествіе къ упомянутому выше мѣсту передъ городомъ, при чемъ Ханъ вторично давалъ пиръ и повезъ насъ съ собою на мѣсто торжества. Армяне все время пиршества должны были держать знамена (хоругви?) свои, писаное Распятіе и другіе образа передъ палаткою Хана, безъ сомнѣнія, для потѣхи Персіянъ; ибо когда Русскій Посланникъ, Алексѣй, замѣтивъ это, нѣсколько разъ посылалъ къ Армянамъ съ просьбою,

чтобы они сложили и убрали образа, тѣ отвѣчали, что не смѣютъ этого сдѣлать безъ дозволенія Хана. Армянскія женщины раздѣлились на 3 части, такъ что одна замѣняла тотчасъ другую. Кромѣ того Ханъ доставилъ намъ и другую потѣху: сперва приказалъ привести 2-хъ волковъ и на длинной веревкѣ пускать ихъ нѣсколько разъ въ толпу людей, и опять ихъ тащить назадъ и ловить; а потомъ велѣлъ привести дикую козу, Агу, съ тѣмъ, чтобы однимъ ударомъ отсѣчь ей голову, при чемъ употребляется слѣдующій пріемъ: сперва козу, Агу, ударяютъ по спинѣ, отъ чего она словно обезумѣетъ и отъ боли вытянетъ шею прямо вверхъ, держа ее такимъ образомъ удобно для удара; за тѣмъ уже легко наносится ударъ по шеѣ. Въ эту-то ночь, какъ я упоминалъ уже, меня ужалилъ въ шею скорпіонъ, когда я спалъ у себя въ своемъ жильѣ.

26-го числа [1] прибылъ въ Шемаху Персидскій Посланникъ, Имамъ-Кули Султанъ, съ нѣсколькими изъ спутниковъ, который и былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ нашими Посланниками, на обѣдъ къ Хану. На слѣдующій день всѣ эти три Посланника имѣли между собою общее совѣщаніе, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

29-го Марта стали собираться къ дальнѣйшему путешествію. Въ этотъ день Имамъ-Кули Султанъ посѣтилъ Посланниковъ нашихъ, при чемъ увѣрялъ ихъ, что непремѣнно послѣдуетъ за ними въ теченіи 8-ми дней. Въ тотъ же день съ нами простился, бывшій доселѣ у насъ, Мегемандарь нашъ Абасъ-Кули-Бекъ, который и отъѣхалъ назадъ къ Шаху своему, къ намъ же приставленъ былъ другой, по имени Госейнъ-Кули-Бекъ, который уже окончательно провожалъ насъ до самыхъ границъ.

---

[1] Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, значится 29-го. Перев.

ГЛАВА IX.

Путешествіе отъ Шемахи до Дербента и такимъ образомъ до конца Царства Персидскаго.

30-го Марта былъ выѣздъ нашъ изъ Шемахи, при чемъ Ханъ и Калентеръ съ нѣсколькими всадниками проводили насъ за городъ, и въ полѣ еще разъ пригласили присѣсть и угостили насъ. За тѣмъ дружески распростившись, Ханъ съ своими возвратился въ городъ, а мы направились на Пирмарасъ (Pyrmaras), въ который и прибыли для ночлега уже вечеромъ, сдѣлавши три добрыя мили.

Послѣдняго числа Марта, въ 8 часовъ утра, отправились мы далѣе, проѣхали шесть миль по довольно высокимъ горамъ, не встрѣтивъ въ цѣлый день ни одного селенія, до вечера, когда прибыли на ночлегъ въ селеніе Кохани (Cochani), лежащее въ долинѣ. 1-го Апрѣля опять по высокимъ горамъ и глубокимъ долинамъ сдѣлали 7 миль до селенія Бабель (Babel), иначе Суратъ (Surrat), называемаго, по причинѣ плодородія мѣстности и полей проса, которое растетъ тутъ въ изобиліи.,

2-го Апрѣля мы оставили горы и спустились въ равнину, въ четверти мили отъ моря, миновали высокую скалу Бармахъ (Barmach), гдѣ, не вдалекѣ отъ моря, нашли нефтяные колодцы. Это были различныя ямы, числомъ до 30: всѣ онѣ находились на пространствѣ, ружейнаго выстрѣла, и въ нихъ-то била нефть (Oleum Petroleum), словно сильный водяной ключъ. Между ними было 3 главныхъ колодца, въ которые спускаться надо было на глубинѣ 2-хъ саженъ, по чему въ нихъ и положено нѣсколько деревянныхъ перекладинъ, служащихъ вмѣсто лѣстницы. Вверху источника, съ видимымъ сильнымъ паромъ, слышенъ шумъ, какъ бы кипитъ что, и запахъ отъ нефти довольно силенъ, но отъ бѣлой пріятнѣе, чѣмъ отъ темной; ибо есть тамъ два рода нефти: темноватая и бѣлая, и первой гораздо больше, чѣмъ второй. Къ

вечеру прибыли мы въ селеніе Кисихтъ (Kisicht), лежащее не вдалекѣ отъ морскаго берега, въ 6-ти миляхъ отъ нашего послѣдняго ночлега.

3-го Апрѣля проѣхали далѣе 2 мили, до мѣстечка Шабранъ (Schabran), перебравшись черезъ три небольшія рѣки. Около этѣхъ мѣстъ, въ горахъ живетъ народецъ, называемый Падаръ (Padar), весьма склонный къ воровству и разбою и рыщущій сдѣсь кругомъ на два и болѣе дня пути; за день до насъ народцы этѣ были въ мѣстечкѣ Шабранѣ, для собранія свѣдѣній о томъ, какъ мы сильны и какія принимаемъ мѣры предосторожности.

Жители Шабрана называютъ себя на ихъ языкѣ «Кюръ» (Kür); въ слѣдствіе чего нѣкоторые изъ нашихъ подумали, что это были Курды (Kurdi), и такъ записали это и въ своихъ путевыхъ книжкахъ. Но Курды живутъ далеко отсюда, именно въ Курдестанѣ (Kurdestan), что въ древности была Халдея. Жители этого мѣста, также какъ и Мегемандарь нашъ, искренно совѣтовали намъ, для большей безопасности, держать постоянно надежную стражу, что мы и дѣлали, и съ этѣхъ поръ всегда уже имѣли кладь свою при себѣ; такимъ образомъ 4-го Апрѣля мы проѣхали далѣе 4 мили, черезъ нѣсколько холмовъ, поросшихъ отдѣльными деревьями. На дорогѣ мы настигли караванъ Черкаскихъ и Русскихъ купцовъ, которые чрезвычайно обрадовались, что могли продолжать путь въ нашемъ сообществѣ и быть въ большей безопасности отъ разбойниковъ. Одинъ такой разбойникъ попался таки намъ въ этой сторонѣ. Какъ только примѣтили мы его, нашъ Мегемандарь тотчасъ же пустился за нимъ съ нѣсколькими изъ прислуги, но разбойникъ бѣжалъ, скрылся въ кустарникѣ и оставилъ уворованнаго имъ быка, котораго Мегемандарь захватилъ съ собою и подарилъ нашимъ Посланникамъ. Въ полдень прибыли мы въ селеніе Мишкаръ (Mischkar), лежащее въ 2 миляхъ отъ Ніасабата (мѣсто, гдѣ остался у берега корабль нашъ), при огромномъ болотѣ. Крестьяне приняли насъ за непріятеля, разбѣжались, спрятались въ кустарникъ и бросили все въ домахъ своихъ, какъ было. Нѣкоторые же, разъузнавъ, что мы за люди, вернулись къ ве-

черу домой. Сдѣсь, въ домѣ одного Священника, мы нашли много прекрасно писанныхъ книгъ.

5-го Апрѣля проѣхали мы 8 миль по пустымъ полямъ и кустарникамъ, до селенія Кёктепе (Köktepe). На дорогѣ мы видѣли гробницу одного святаго, Pyr Schich Molla Jusuf, и повстрѣчали толпу вооруженныхъ всадниковъ, человѣкъ съ 28, которые объявили, что они яко бы крестьяне сосѣднихъ селеній, но всегда должны ѣздить такъ сильно воеруженные отъ разбойниковъ, отъ которыхъ сдѣшнія дороги не безопасны; сами же они очень походили на разбойниковъ. Жители мѣстечка Кёктепе суть Падары (Padar), о которыхъ мы сейчасъ сказали выше, и живутъ они на веселыхъ холмахъ, въ домахъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ между отдѣльными высокими деревьями, и большая часть этѣхъ домовъ въ половину вырыты были въ землѣ. Отъ дома къ дому проведены прекрасныя просѣки.

6-го Апрѣля проѣхали 3 мили далѣе кустарникомъ и черезъ 3 рѣки: Косаръ, Самбуръ и Кургани (Kossar, Sambur, Kurgani). Средняя изъ нихъ—самая большая, вытекаетъ изъ горы Ельборусъ, и сдѣсь течетъ, раздѣлившись на 5 рукавовъ, по мелкому, каменистому руслу, довольно широка, но не такъ глубока, такъ что вода только что покрывала бедра лошади.

7-го Апрѣля, проѣхавъ три мили, прибыли мы въ древній городъ Дербентъ, гдѣ нѣсколько Кизильбашей выѣхали къ намъ на встрѣчу и приняли насъ. Правитель же самъ Шагеверди Султанъ (Schahewerdi Sulthan), не былъ съ ними, по тому, какъ объясняли они, что у него возникло, будто бы, съ солдатами неудовольствіе, въ слѣдствіе котораго онъ не рѣшился выѣхать изъ замка.

9-го числа Князь изъ Тарку, бывшій у насъ въ Ніасабатѣ, прислалъ нашимъ Посламъ гонца, и приказалъ сказать, что такъ какъ намъ предстояла черезъ Дагестанъ довольно опасная дорога, то онъ предлагаетъ, если мы пожелаемъ, прислать намъ канвой, или провѣжатыхъ. Но Посланники, имѣя въ виду, что предлагаемые провожатые черезъ Дагестанъ были такіе люди, которымъ

также мало можно было довѣряться, какъ и всякимъ другимъ ненадежнымъ спутникамъ, вѣжливо отблагодарили Князя и отвѣчали, что они не хотятъ этѣмъ озабочивать его. Въ то же время, такъ какъ всѣ говорили намъ о дикомъ нравѣ и разбояхъ Дагестанцевъ, то мы не пропускали слуховъ этѣхъ мимо ушей, но считали все таки за лучшее быть самимъ въ надлежащей готовности и исправности; въ слѣдствіе чего 10-го Апрѣля осмотрѣно было все вооруженіе нашей прислуги и приготовлено для употребленія 52 обыкновенныхъ и длинныхъ ружей, 19 паръ пистолетовъ, двѣ металлическія и 4 каменныя пушки.

ГЛАВА X.

О городѣ Дербентѣ и о томъ, что въ немъ достойно замѣчанія.

Персіяне полагаютъ городъ Дербентъ подъ 85° долготы; широту же его я нашелъ въ 41° 50′. Длиною построенъ онъ отъ запада на востокъ, на пространствѣ полъ мили; шириною же, отъ сѣвера къ югу, отъ воротъ до воротъ, только 450 простыхъ шаговъ, а не такъ, какъ пишетъ Joh. Barb.: «medii miliaris spatium.» Онъ простирается отъ горы вплоть до самаго моря, такъ что волны морскія бьютъ высоко въ стѣну, а иногда взбираются и на стѣну. Такимъ образомъ городъ этотъ запираетъ дорогу и проходъ, идущій между моремъ и непроходимыми горами, и составляетъ тутъ какъ бы ключъ и желѣзныя ворота въ Персидское Царство, какъ говоритъ Іовій (Jovius lib. 13. Histor. pag. 237); ибо никто не можетъ пройти въ эту страну иначе, какъ черезъ городъ.

Городъ Дербентъ, не только по свѣдѣтельству писателей, но и по удостовѣренію всѣхъ жителей его въ настоящее время, построенъ Искандеромъ или Александромъ Великимъ, который соорудилъ только крѣпость и одну стѣну, именно ту, которая на южной сторонѣ; другую же стѣну, по сю сторону, на сѣверъ, возвелъ тоже любимый ихъ Царь, Науширванъ (Nauschirwan). Объ стѣны высоки и толсты отъ 4 до 6 куб. футовъ, и сложены

изъ твердыхъ четырехъугольныхъ камней, и всѣ камни въ нихъ (что показалось намъ удивительнымъ), сплочены изъ однѣхъ маленькихъ вмѣстѣ. На Александровой стѣнѣ, надъ воротами, на одномъ продолговатомъ камнѣ, высѣчены три строчки по Сирійски; также и въ другомъ мѣстѣ Арабская надпись и какія-то чужестранныя буквы, которыхъ отъ древности нельзя уже было разобрать. Я сдѣлалъ рисунокъ собственно города, который и прилагаю сдѣсь. [1] Онъ раздѣляется на 3 части. Верхнюю часть составляетъ крѣпость, на горѣ A, гдѣ живетъ Правитель; крѣпость снабжена пушками и 500 солдатъ, изъ двухъ народцевъ: Аюрумлю и Кондурша (Ajurumlu und Koidurscha). Средняя часть B, населенная Персіянами, вся разрушена собственнымъ же ихъ Шахомъ, сыномъ Ходабенде, Емпромъ Гемзе, когда онъ снова завоевалъ ихъ у Турецкаго Султана, Мустафы, которому они передались было добровольно. Низшая часть E, длиною въ двѣ тысячи шаговъ, совсѣмъ безъ домовъ, и въ ней находится только нѣсколько садовъ и полей; часть эта, какъ говорятъ Персіяне, заселена была Греками, по чему она и нынѣ еще называется Schaher Junan, т. е., Греческій городъ.

Обѣ стѣны стоятъ на скалахъ, такъ какъ и самый берегъ около Дербента состоитъ изъ частыхъ скалъ, и приставать кораблямъ тамъ очень неудобно и опасно. Повыше города, по горамъ, поросшимъ кустарникомъ, была каменная стѣна, толщиною въ 3 фута, простиравшаяся на 50 миль, до Понта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она совершенно разрушилась, а мѣстами мы находили еще остатки, вышиною по колѣно и въ ростъ человѣка.

Удивительно, какихъ громадныхъ трудовъ стоило высѣчь и сложить какъ этѣ, такъ и городскія, стѣны, до такой степени толстыя, что на нихъ можно было ѣздить въ телѣгѣ.

Кромѣ того, въ верхней части города, на холмахъ, были разныя наружныя укрѣпленія и отдѣльные замки, изъ которыхъ хорошо сохранились только два, занятые стражей, построенные четырехъугольниками, съ весьма высокими стѣнами. Во-

[1] Въ подлинникѣ 720—721.

кругъ же города, на холмахъ, находилось нѣсколько караулень или сторожевыхъ домовъ, выстроенныхъ изъ бревенъ и досокъ, изъ которыхъ можно наблюдать непріятеля далеко кругомъ и вблизи наступающаго; караульни эти также заняты были при насъ стражей.

Въ городѣ Дербентѣ Христіанъ вовсе нѣтъ, какъ полагаютъ это другіе писители, а живутъ тамъ только Магометане и Іуден, которые считаютъ себя происходящими отъ колѣна Веніяминова. Въ немъ нѣтъ ни какихъ промысловъ, за исключеніемъ только того, что Татары приводятъ сюда на продажу множество похищенныхъ дѣтей и взрослыхъ Турокъ и Русскихъ, которыхъ и продаютъ далѣе, въ Персію.

Городскіе воины, а также и нѣкоторые горожане, были чрезвычайно сварливые и дерзкіе люди, отъ которыхъ мы не слышали добраго слова. Казалось даже, что они были готовы на насиліе противъ насъ, и, не знаю, не происходило ли это отъ старой, прежней непріятности въ Шіасабатѣ. По этому, 8 числа, послѣ Богослуженія, Посланники увѣщевали спутниковъ и прислугу свою, чтобы они были какъ можно тише и мирнѣе на своимъ постоялыхъ дворахъ, и подъ строжайшимъ наказаніемъ воспретили имъ браниться съ Кизильбашами и горожанами, а тѣмъ болѣе оскорблять ихъ чѣмъ либо. Также, если противъ чаянія случится, что кто ни будь повздоритъ съ Персіяниномъ, то чтобы никто за другого не заступался; ибо лучше пусть пострадаетъ одинъ кто ни есть, чѣмъ подвергать опасности всѣхъ, состоящихъ въ Посольствѣ, какъ это случилось, на примѣръ, во время пребыванія нашего въ Испагани, съ Индѣйцами. Жителямъ сдѣшнимъ, какъ сообщалъ намъ Мегемандарь, и какъ мы и сами могли это замѣтить, не очень-то можно было довѣряться.

Какъ на особую достопримѣчательность сдѣсь, заслуживающую обозрѣнія, можно указать на гробницу Джюмджюме (Tzümtzume), о которой Персіяне разсказываютъ слѣдующую, чистую басню, записанную и стихотворцемъ Фесули (Fesuli). Однажды

Ейси (Eijsi: такъ называютъ Персіяне и Турки Господа І. Христа), проходя сдѣсь, увидѣлъ лежащую мертвую человѣческую голову; ему очень пожелалось узнать, что это за человѣкъ былъ, которому принадлежала голова; по этому онъ сталъ молить Бога, чтобы Онъ оживилъ того человѣка. Богъ услышалъ молитву Ейси (ибо Онъ много значилъ у Бога), и оживилъ человѣка. Ейси спросилъ его: «Кто онъ былъ такой?» Тотъ отвѣчалъ: «Джюмджуме, богатый Царь этой страны; у меня былъ огромный придворный штатъ и во всемъ изобиліе; одной соли для приправы кушаній употреблялось у меня ежедневно такое количество, которое могутъ поднять 40 верблюдовъ, было 40 тысячъ поваровъ; 40 тысячъ музыкантовъ, 40 тысячъ мальчиковъ съ жемчужными серьгами въ ушахъ, и столько же другихъ слугъ.» (Магометане, желая обозначить множество чего либо, употребляютъ обыкновенно, по примѣру Магомета, число 40). «Ты же кто и какая твоя Вѣра?» спросилъ за тѣмъ Джюмджуме. Христосъ отвѣчалъ: «Я Ейси и исповѣдаю истинную, дѣлающую блаженными, Вѣру.» Джюмджуме замѣтилъ на это, что и онъ приметъ эту Вѣру, и просилъ только Ейси, чтобы онъ опять поскорѣе сдѣлалъ его мертвымъ; ибо онъ не хотѣлъ уже жить, какъ это и понятно, безъ своего Царства и подданныхъ. По этому Ейси опять обратилъ его въ мертваго и похоронилъ его сдѣсь. На могилѣ его, лежащей недалеко отъ городской стѣны, стоитъ большое старое дерево, съ выведенною изъ камня площадкою, въ 5 локтей вышиною и въ 8 въ поперечникѣ шириною, въ родѣ театра, на который ведутъ нѣсколько ступенекъ. Изображеніе этого гроба значится на рисункѣ города Дербента, и обозначено тамъ буквою (j). [2]

По сю сторону Дербента мы нашли множество надгробныхъ камней и памятниковъ, нѣсколько тысячъ, которые величиною были далеко больше человѣческаго росту, закругленные полуцилиндрами, высѣченные, или выдолбленные, внутри, такъ что въ нихъ можно было лечь, а сверху покрыты Арабскими и Сирійскими надписями. Объ этѣхъ памятникахъ Персіяне разсказываютъ слѣдующую исторію: Въ древнія Времена, послѣ Магумета однако, жилъ въ Мидіи Царь, по имени Касанъ (Kassan), родомъ Окусъ (Okus), изъ народца, обитавшаго за Ельбру-

сомъ, въ Табесеранѣ, гдѣ теперь живетъ множество Іудеевъ. Царь этотъ имѣлъ съ Дагестанскими Татарами (которыхъ Персіяне называютъ Лесги (Lesgi) страшную битву на этомъ самомъ мѣстѣ, одолѣлъ ихъ и нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ нихъ перебилъ; надъ могилами-то важнѣйшихъ изъ побитыхъ сдѣсь, и положены были этѣ надгробные камни, имѣющіе видъ такой, какъ обозначены они на рисункѣ. Кромѣ этѣхъ, на сторонѣ къ морю, была еще особая гробница или кладбище, обнесенное каменною стѣною, въ которомъ лежали другъ подлѣ друга сорокъ такихъ, но огромныхъ надгробныхъ, камней, съ водруженными на нихъ знаменами. Персіяне называютъ это кладбище Джильтенанъ (Tzilltenan), Турки же и Татары Керхлеръ (Kerchler): сдѣсь, будь то бы, погребены были 40 Князей, святыхъ мужей, которые также остались тутъ на мѣстѣ въ сказанной же битвѣ. Персіяне и Татары ходятъ сюда ежедневно молиться. Прежде кладбище это было чрезвычайно богато, и при немъ раздавалась богатая милостыня; теперь же оно охраняется только однимъ старичкомъ, который тамъ и живетъ и собираетъ подаянія отъ посѣтителей. Царь Касанъ, умершій гораздо позднѣе естественною смертію, погребенъ у Тавриса, при рѣкѣ Аджи (Atzi), что значитъ горькая вода, гдѣ и теперь еще видна его могила. Гробницу же супруги его, Царицы Бурле (Burlae), показываютъ при крѣпости Уруми (Urumi); гробница эта длиною въ 40 ступней. Персіяне разсказываютъ, что народы этѣ были гораздо болѣе ростомъ и сильнѣе, чѣтъ теперешніе люди.

13-го Апрѣля прибыли сюда на коняхъ 50 человѣкъ Татаръ, мужчинъ и женщинъ. На слѣдующій день, составляющій 10 число ихъ Сильгадже (Silhatzae), въ которое было жертвоприношеніе Авраама, Татары этѣ приносили, по обычаю ихъ, жертвы, при Керхлерѣ (Kerchler). Они подходили другъ за другомъ, цѣловали надгробные камни, держали на нихъ руки и молились.

ГЛАВА XI.

Отъ Дербента къ Дагестанскимъ Татарамъ до Тарку, и что видѣли мы на дорогѣ.

Простоявъ въ городѣ Дербентѣ пять дней, прождавъ тамъ напрасно Посланника Персидскаго Шаха, Имамъ-Кули, обѣщавшаго прибыть къ намъ въ этѣ дни, и, видя, наконецъ, что и Султанъ не хотѣлъ для насъ ни чего дѣлать, и мы должны были продовольствовать себя на собственныя деньги весьма дорого, 12-го числа мы стали собираться къ выѣзду, приказали собрать всѣ наши пожитки, и каждаго изъ спутниковъ надѣлили хлѣбомъ на 4 дня, такъ какъ имѣли въ виду, что не могли добыть многаго на предстоявшемъ въ этѣ дни пути.

Когда 13-го числа мы хотѣли тронуться въ путь и сѣли уже на лошадей, Султанъ вдругъ приказалъ запереть передъ нами ворота, что показалось намъ довольно страннымъ, и мы послали къ нему нашего Мегемадаря узнать о причинѣ, на что Султанъ прислалъ такой отвѣтъ, что онъ получилъ вѣрное извѣстіе, будто Татарскій Князь Осминъ (Osmin), владѣнія котораго начинались недалеко отъ Дербента, собрался со множествомъ народа задержать насъ и потребовать съ насъ большой откупъ, или, въ случаѣ нашего отказа, просто ограбить насъ. По этому онъ, Султанъ, не можетъ допустить, чтобы мы отправились безъ провожатыхъ (конвоя); ибо, если съ нами такимъ образомъ случится какое ни будь несчастіе, то онъ будетъ тяжко отвѣчать передъ Шахомъ, которому мы хорошіе друзья. Провожатые же не могутъ быть снаряжены въ тотъ же день. Хотя на такую охрану мы не могли много полагаться, и видѣли при томъ легко, что и Султанъ дѣлалъ это не отъ сердечнаго къ намъ расположенія, тѣмъ не менѣе мы сдѣлали видъ, что намъ нравится его заботливость о насъ, и просили только, чтобъ онъ выпустилъ насъ лишь изъ города, за которымъ мы и подождемъ до завтра; провожатые же между тѣмъ могутъ быть изготовлены. Послѣ этого ворота отперли, мы отъѣхали четверть мили отъ города и расположились подлѣ одной, покрытой виноградомъ, горы, гдѣ границу Персіи и владѣній Дагестанскихъ Татаръ составляетъ одна небольшая рѣка.

Сдѣсь мы видѣли еще гробницы двухъ Магометанскихъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ Пиръ Мухаръ (Pyhr Muchar), погребенъ въ полѣ, а другой, Имамъ Курхудъ (Kurchud), на горѣ. Этотъ послѣдній былъ родственникъ Магумеда, всегда помѣщался у ногъ его, учился у него, и послѣ смерти его прожилъ, будто бы, еще 300 лѣтъ. Онъ предался Царю Касану, игралъ передъ нимъ на лютнѣ, подъ которую пѣлъ пѣсни, возбуждавшія Царя къ войнѣ противъ Лесговъ (Lesgi). Когда же наконецъ онъ вознамѣрился обратить Лесговъ или Дагестанскихъ Татаръ, бывшихъ язычниками, въ Магометанскую Вѣру, и полагалъ у нихъ открыто проповѣдывать ее, то они умертвили его. Гробница его находится въ большой пещерѣ, высѣченной въ одной скалистой горѣ. Самый гробъ сколоченъ былъ только изъ 4-хъ досокъ и стоялъ онъ въ глубинѣ, въ ямѣ, высѣченной въ 2-хъ локтяхъ отъ земли, весьма бѣдно, и его каждый могъ видѣть. На канунѣ я былъ тамъ, все осмотрѣлъ, не нашелъ ни какого украшенія, и у гроба сидѣла только одна старуха, какъ сторожиха его. Нынѣче же, какъ въ день поклоненія сдѣсь богомольцевъ для приношенія жертвъ, полъ устлали соломенными постилками, а передъ ямой, въ которой стоитъ гробъ, повѣсили коверъ изъ золотой парчи. Изъ города и изъ другихъ дальнихъ мѣстъ пришло сюда множество женщинъ и дѣвицъ: онѣ боспкомъ вошли въ пещеру, цѣловали гробъ, садились внизу около него, молились и просили о томъ, что желалось той, или другой, изъ нихъ. Послѣ молитвы онѣ жертвовали старухѣ, которая тоже считалась какъ бы святою и по ночамъ держитъ при гробѣ зажженную лампаду. Жертвы этѣ состояли изъ сыра, масла, молока, хлѣба, денегъ, воску и прочаго. Въ продолженіи всей слѣдующей ночи слышали мы у этой гробницы, а также и у гробницы 40 святыхъ, великій шумъ, похожій на ликованіе, пляски и плачъ; въ этомъ слышалось что-то языческое и дикое.

14-го Апрѣля мы оставались на мѣстѣ еще 3 часа по восходѣ солнца, и за тѣмъ, чтобы лучше принять мѣры предосторожности, расположились въ поѣздѣ слѣдующимъ образомъ: впереди шли три Лейтенанта съ солдатами, имѣвшими зажженные фитили; за ними одна металлическая трехъ съ половиною фунтовая пушка, на 4-хъ колесахъ (далѣе намъ не предстояло взбираться на горы)

потомъ повозка съ 4 каменнометцами, и при ней констабль артиллеристъ со всѣми принадлежностями; затѣмъ слѣдовали верблюды съ грузомъ, около которыхъ ѣхалъ Посланникъ Крузсо, съ подвластною ему прислугою и однимъ трубачемъ. За кладью опять металлическая пушка, какъ и впереди, и наконецъ Посланникъ Бругманъ съ своей командой и трубачемъ. Такъ какъ провожатые не прибыли къ намъ, то въ такомъ-то порядкѣ отправились мы въ путь, оставили границы Персидскія и пришли къ Дагестанскимъ Татарамъ.

ГЛАВА XII.

О Дагестанѣ, одной Татарской области, и объ Амазонкахъ.

При вступленіи въ эту страну, ради любопытства, обратимся прежде мыслію въ древнія времена и посмотримъ, что за люди въ древности были въ этой странѣ и населяли ее. Птоломей, Діонисій, Философъ Александрійскій, и Страбонъ свѣдѣтельствуютъ, что страна эта была часть области Албаніи, лежавшая между Иберіею и Каспійскимъ моремъ. Но чтобы Албанія получила имя свое «ab albis capillis,» отъ бѣлыхъ или сѣроватыхъ волосъ, которыми, какъ пишутъ Плиній (lib. 7, c. 2) и Геллій (lib. 9, c. 4), природа сдѣшнихъ мѣстъ снабжала, будто бы, жителей въ первые годы юности, то этого я не замѣтилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы были; ибо, напротивъ, всѣ жители тамъ, равно какъ и сосѣдственные Черкасы, имѣли черные, какъ смоль, волосы.

Часть этой страны заселяли въ древности и Амазонки, какъ явствуетъ изъ Страбона (lib. 11, p. 347). Да и по мнѣнію Курція Амазонки жили между Каспійскимъ моремъ и Кавказскими горами: «Hyrcaniae finitima gens Amazonum,» говоритъ онъ въ 10-й главѣ 6-й книги. Княгиня ихъ, Талистра (Thalistra), съ 300 вооруженныхъ женщинъ, прибыла, черезъ Каспійскія ворота (должно быть Дербентъ), въ Гирканію, къ Александру, и просила его о раздѣленіи съ нею ложа, для того, чтобы имѣть наслѣдника отъ такого знаменитаго витязя, на что и получила согласіе на 13 дней, какъ это можно видѣть изъ помянутаго же мѣста у Курція.

Но чего Страбонъ, а съ нимъ, заимствуя у него, и другіе писатели, не одобряютъ въ Курціѣ, именно, что онъ помѣщаетъ Амазонокъ сдѣсь, у Каспійскаго моря (какъ, на прим., у Гирканскихъ предѣловъ), и въ то же время у рѣки Термодоонта (Thermodoonta, въ Каппадокіи, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и другіе писатели), то я, признаюсь, вовсе не нахожу этого нелѣпымъ, хотя Горопій (Goropius) весьма потѣшается надъ повѣствованіемъ о прибытіи Талистры. Ибо, на сколько можно вѣрить и другимъ писателямъ, оказывается, что Скиѳскія Амазонки обитали не только въ большей части Греціи, но также обладали нѣсколькими областями и въ Азіи, о чемъ особенно подробно писали: Діодоръ Сицилійскій, Іорнандъ, Родерикъ Толедскій (Toletanus), и даже самъ Горопій Бекканъ (Becanus). Могло быть, по этому, что Талистра имѣла свой главный городъ при Термодоонтѣ, и въ то же время проживала въ одной области, также ей принадлежавшей, у Каспійскаго моря, и такимъ образомъ тѣмъ легче и ближе могла посѣтить Александра.

Но между учеными были споры, и даже возникали сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли существовали Амазонки, какъ воинственныя героини, которыя совершили множество такихъ мужественныхъ дѣяній. Діодоръ Сицилійскій полагаетъ за вѣрное, что онѣ были; разсказываетъ объ ихъ войнахъ, побѣдахъ и о городахъ, которыя они построили. Онъ даже раздѣляетъ ихъ на двое, на Африканскихъ и Азіятскихъ, и говоритъ, что Африканскія были древнѣе и знаменитѣе дѣяніями, чѣмъ другія, какъ это можно читать у него во 2-й и 3-й книгахъ, стр. 185.

Геродотъ (кн. 4, § 110), Юстинъ (кн. 2, гл. 4), Іорнандъ (De reb. Geticis, c. 7), Родерикъ Толедскій (De reb. Hispan. lib. 1, c. 12), и многіе другіе писатели, сообщаютъ какъ объ истинныхъ событіяхъ происшествія, случившіяся съ Амазонками. Они даже указываютъ на ихъ происхожденіе, говоря именно, что онѣ были жены Скиѳовъ и Готовъ, и что будто бы, когда мужья ихъ ушли на войну, а онѣ остались дома, въ это же время сосѣдніе народы напали на нихъ и хотѣли разбойничать у нихъ, то жены этѣ принуждены были взяться за оружіе и отражать силу силою. Когда жь онѣ увидѣли, что это удалось имъ, то онѣ со-

брались и вооруженной рукою поднялись на другія земли, завоевали ихъ, иногда значительно опустошая; покорили нѣкоторыя своей власти и наконецъ, когда онѣ въ Азіи произвели опустошенія во многихъ странахъ, то 40,000 этѣхъ женщинъ за однимъ разомъ побито было Персіянами въ одномъ сраженіи, какъ сообщаетъ это помянутый сейчасъ Толедецъ, въ приведенномъ мѣстѣ. Онъ говоритъ даже, что Амазонки управляли еще и во времена Юлія Цезаря, и прибавляетъ далѣе: «Exinde usque ad haec tempora regnum tenent in terra, quae vulgariter dicitur Faeminca.» Но поди туда и отыскивай теперь эту страну, или землю!

Страбонъ совершенно не допускаютъ существованія Амазонокъ и говоритъ: хотя это и повѣствуютъ древніе писатели, но онъ не можетъ представить себѣ ихъ существованія. Кто же повѣритъ, говоритъ онъ, чтобы цѣлое войско состояло изъ однѣхъ женщинъ, чтобы цѣлый городъ, даже цѣлое Государство и управленіе, могли быть безъ мужчинъ, а еще болѣе, чтобы женщины приходили и завоевывали цѣлыя страны, которыя имѣли и своихъ храбрыхъ мужчинъ и воиновъ? Чтобы мужья Амазонокъ (мужьямъ тотчасъ по рожденіи ломали, будто бы, правыя руки) занимались женскими работами, воспитывали дѣтей и управлялись женщинами? Не то же ли это, какъ если бъ сказали, что въ то время женщины были мужчинами, а мужчины (по природѣ уже склонные къ владычеству) женщинами? О множествѣ другихъ чудесныхъ и невѣроятныхъ свѣдѣній, которыя сообщаютъ о нихъ, онъ далѣе умалчиваетъ.

Аріянъ (Arianus), въ 7-й книгѣ, говоритъ: «Non mihi credibile videtur hoc mulierum genus nunquam extitisse, cum sint a tam multis et claris auctoribus celebratae.» Ему не кажется невѣроятнымъ существованіе Амазонокъ, но только, что онѣ были не передъ временемъ и не во время Александра Великаго.

Горовій Бекапъ (lib. 7, p. 156), держится мнѣнія Аріова; ибо, сообщивъ нѣсколько другихъ мнѣній, онъ говоритъ, въ 8-й книгѣ: «Nos, quod ab omnibus decantatur, tale esse credimus, ut quamvis fabulis sit involutum, habet tamen semper originem e fonte aliquo veritatis.» Нельзя вполнѣ отвергать этѣ древнія сказанія,

такъ какъ о нихъ много писано, коѣчто должно быть въ нихъ истинное, хотя древніе бытописатели, подобно поэтамъ, примѣшиваютъ къ такимъ событіямъ множество басенъ.

За тѣмъ обратимся снова къ настоящимъ обитателямъ этой страны: это суть Татары. Персіяне называютъ ихъ Лесги (Lesgi), а сами себя они зовутъ Дагестанскими Татарами, что значитъ Горные Татары. Тагъ (Tagh), на ихъ и на Турецкомъ языкѣ значитъ гора, и называются они такъ по тому, что живутъ на горахъ и между горъ, въ 20 и 30 миляхъ отъ Каспійскаго моря, по направленію на западъ. Съ юга же граница ихъ, какъ выше помянуто, тотчасъ у Дербента и простирается вдоль моря на сѣверъ до Терки (Terki), каковой путь, съ его извилинами, нашли мы, измѣряя, въ 40 миль. Горный хребетъ мѣстами уклоняется отъ моря на полъ мили, на цѣлую милю, а иногда на 2 и на 3 мили, и образуетъ у подошвы горъ прекрасныя, плодородныя поля, у моря же выженныя степи. Жители цвѣтомъ темножелтые, сложенія крѣпкаго, лицомъ противны, дики и страшны, съ длинными, черными, какъ уголь, волосами, одѣваются въ длинные сѣрые и черные кафтаны, шитые изъ грубаго сукна, а сверху накидываютъ толстыя бурки. Шапки носятъ они четыреугольныя, сшитыя изъ черныхъ лоскутовъ сукна. Башмаки изъ бараньей, или лошадиной, шкуры, изъ одного цѣльнаго куска, сшитаго на верху ноги и съ боку. Одежду эту можно видѣть на изображеніи, представляющемъ городъ Тарку. Хотя они и исповѣдаютъ Магометанскую Вѣру, совершаютъ обрѣзаніе надъ собою, слѣдуютъ ученію Турокъ, но не особенно ревностны въ исполненіи благочестивыхъ обрядовъ.

Питаются они отъ своего скота, уходъ за которымъ лежитъ больше на обязанности женщинъ. Мужчины же безпрестанно разъѣзжаютъ, или уходятъ изъ дому, воруютъ и разбойничаютъ кругомъ, и они вовсе не совѣстятся похищать дѣтей друзей своихъ, сестеръ и братьевъ, и продавать ихъ Персіянамъ и Туркамъ; по этому-то между ними нѣтъ ни какого довѣрія другъ къ другу. Они ѣздятъ на конѣ и ходятъ обыкновенно вооруженные латами, щитомъ, шлемомъ, лукомъ, стрѣлами и метательными копьями. Мы видѣли, тамъ и сямъ, такихъ молодцовъ, у которыхъ,

вѣроятно, въ дому только и было, что пара овецъ, а все жь таки они ходятъ въ описанномъ сей часъ вооруженіи. Съ путешествующихъ купцовъ они собираютъ большія пошлины или поборы, а если купцы не довольно сильно защищены, то они и совсѣмъ грабятъ ихъ, отнимаютъ все. По этому караваны ходятъ здѣсь большими и сильными обществами, или же отправляются водою. Ни Персіяне, ни Русскіе, между владѣніями которыхъ проживаютъ эти народцы, не могутъ обуздать ихъ и военною силою; ибо они тотчасъ убѣгаютъ на непроходимыя горы, и укрываются тамъ въ высокихъ и безопасныхъ аулахъ или притонахъ.

Въ странѣ находится много разныхъ Князей, даже каждый почти городъ имѣетъ своего собственнаго Князя, и изъ нихъ верховный Глава, Шемхалъ (Schemchal), названный нашими Шафкалъ (Schafkal), имѣетъ какъ бы значеніе Царя между ними и избирается посредствомъ метанія яблока. Въ этомъ избраніи всѣ Мурзы или Князья должны стать въ кружокъ, и тогда Мулла бросаетъ въ нихъ позолоченнымъ яблочкомъ, и въ кого онъ попадетъ, тотъ и дѣлается Шемхаломъ. Мулла хорошо знаетъ при этомъ, въ кого именно онъ долженъ попасть. Хотя такой Шемхалъ, или Луменъ (Lumen), какъ они называютъ его на своемъ языкѣ, пользуется извѣстнымъ почетомъ и уваженіемъ, но остальные Князья мало слушаются его и довѣряютъ ему, или даже и вовсе не слушаются его, какъ это увидимъ изъ приводимаго вскорѣ за симъ происшествія.

Какъ сказано, мы начали поѣздку свою черезъ Дагестанъ 14-го Апрѣля и вступили въ область Осминъ (иначе Исминъ называемую. Osmin, Ismin), Князь которой, Рустамъ, держитъ свой дворъ въ мѣстечкѣ того же имени. Въ этотъ день мы сдѣлали пять миль черезъ три довольно чистыя селенія, около которыхъ разведены плодовые сады и тучныя обработанныя поля. Къ намъ на встрѣчу выѣхалъ сынъ Князя Рустама съ 15-ю вооруженными всадниками, привѣтствовалъ насъ съ пріѣздомъ въ ихъ владѣнія, и за тѣмъ уѣхалъ опять отъ насъ въ кустарникъ на лѣво, мы же повернули на право, въ открытое поле, и расположились стоянкою у одного селенія въ укрѣпленіи, составленномъ нами изъ повозокъ, съ надежной стражей. Къ вечеру молодой Князь явился

опять, но посѣтилъ только Посланника Алексѣя, который расположился по близости съ нами, и спрашивалъ его о насъ: кто мы были такіе? Мы приготовили было въ подарокъ ему 12 червонцевъ и три куска Персидскаго атласа, если бъ онъ, какъ ожидали мы, зашелъ самъ опять къ намъ; но такъ какъ онъ самъ не явился, а прислалъ отъ себя съ поклономъ только 2 изъ своихъ Офицеровъ, то и подарки остались при насъ. Мы ограничились тѣмъ, что, ради привѣта, выстрѣлили изъ 2 сильно заряженныхъ пушекъ въ то время, когда Князь отправлялся съ своими домой.

15-го числа мы ѣхали по низменнымъ холмамъ, гдѣ видѣли множество зайцевъ, появлявшихся мѣстами по четыре и по пяти разомъ; мы воспользовались случаемъ поохотиться за ними съ нашими собаками, и въ немного часовъ поймали 9 зайцевъ. Къ вечеру, сдѣлавши въ день 6 миль, вступили мы въ другое владѣніе, называемое Бойнакъ (Boinak), и расположились тамъ передъ селеніемъ того же имени, на углу одного холма, который къ морю заканчивался крутымъ обрывомъ, и съ двухъ сторонъ спускался въ глубокія долины; спереди же передъ нами мы устроили укрѣпленія изъ сундуковъ и другой клади, съ разставленными между ними пушками, въ видѣ полумѣсяца. Владѣлецъ этого мѣста имѣлъ, по видимому, не много подданныхъ, и всѣ средства жизненныя состояли у него въ стадахъ овецъ, которыхъ у него было множество. Подданные его были дерзкіе и распущенные люди. Посланникъ Бругманъ такъ озлился на нихъ, что приказалъ было, когда нѣсколько человѣкъ изъ нихъ стояли и смотрѣли на насъ, какъ на чужаковъ, представлявшихъ для нихъ удивительное зрѣлище, прогнать ихъ силою и стрѣлять имъ въ глаза холостыми зарядами, но мы не исполнили этого приказанія, изъ опасенія возбудить противъ себя ярость дикарей. Варвары же эти, замѣтивъ, что присутствіе ихъ было непріятно намъ, ворчали: «Развѣ то не ихъ земля? Они имѣютъ такое же, даже большее, право, чѣмъ мы, стоять на ней, и по тому намъ нечего и гнѣваться на нихъ за то, что они находятся тутъ. Что хоть они и признавали, что въ настоящую минуту мы сильнѣе ихъ, но что, по единому знаку владѣтеля ихъ, они могутъ въ одну минуту собрать такое множество народа, котораго будетъ достоточно для

того, чтобы свернуть всѣмъ намъ шеи. Они заявляли также, что они не подвластны ни Персидскому Шаху, ни Великому Князю Московскому, что они Дагестанцы и не состоятъ въ подданствѣ ни у кого, кромѣ какъ у Бога.» Сначала они не хотѣли было дозволить людямъ нашимъ безъ денегъ черпать воду, за которою надобно было спускаться въ одну изъ глубокихъ долинъ. Но когда они увидали, что мы можемъ обстрѣливать изъ нашего укрѣпленія дорогу къ водѣ, и что даже приготовились къ тому, то пропустили уже насъ за водой. Поздно вечеромъ Князь ихъ прислалъ сказать намъ, чтобы завтра мы не уходили съ своего мѣста до тѣхъ поръ, пока онъ не прикажетъ осмотрѣть, не веземъ ли мы съ собою какихъ ни будь купеческихъ товаровъ, за которые ему слѣдовало бы получить извѣстную пошлину. Когда же мы послали ему въ отвѣтъ, что мы вовсе не купцы, но Посланники, которые въ цѣломъ свѣтѣ имѣютъ право свободнаго проѣзда всюду; что этѣмъ правомъ мы воспользуемся также и здѣсь, а если кто захочетъ взять съ насъ что силою, то пусть знаетъ, что такого мы съумѣемъ встрѣтить достойнымъ образомъ. Послѣ этого ни кто уже отъ насъ ни чего не требовалъ.

На этомъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, останавливался, на обратномъ пути, и Польскій Посланникъ, съ которымъ мы видѣлись въ Персіи, и такъ какъ у него зашла ссора съ Боинаками (Boinaken), а народу у него было немного, то жители сдѣшніе одолѣли его и убили, со всѣми его сопутниками, кромѣ 3 слугъ, которые бѣжали и скрылись въ долинѣ. Этѣ трое спасшихся выбрались назадъ, по дорогѣ въ Дербентъ, и въ этомъ городѣ приняты были Мегемандаремъ, который провожалъ до сюда Посланника, и потомъ имъ же доставлены опять назадъ въ Персію, гдѣ каждому изъ нихъ, по назначенію Шаха Сефи, ежедневно выдавалось по одному талеру на продовольствіе, до тѣхъ поръ, пока, на 9-й мѣсяцъ, прибылъ къ Шаху одинъ Русскій Посланникъ, который и взялъ ихъ съ собою въ Москву. Такимъ образомъ добрый господинъ Ѳеофилъ Фонъ Шёнбергъ, почтенный и храбрый человѣкъ, долженъ былъ въ Посольствѣ своемъ кончить жизнь свою насильственною смертью, среди варваровъ. По этому мы тѣмъ болѣе благодаримъ Бога, что насъ не постигло подобное несчастіе.

16-го Апрѣля, раннимъ утромъ, въ 6 часовъ, отправились мы далѣе и, проѣхавъ немного, вступили во владѣнія другого Князя, именно Князя Тарковскаго. Сдѣсь вскорѣ я чуть было не сталъ добычею Татаръ. Дорога наша шла почти въ четверти мили отъ Каспійскаго моря, и мнѣ захотѣлось дознать, какую почву имѣлъ морской берегъ, и какъ онъ простирался сдѣсь; для чего я и отдѣлился со шкиперомъ, Корнеліемъ Клаузеномъ, нѣсколько отъ Посольскаго поѣзда. Но едва только достигли мы съ нимъ берега, который въ этомъ мѣстѣ лежалъ за двумя холмами, какъ увидали 2 Татаръ, ѣхавшихъ также къ берегу, а за ними въ отдаленіи слѣдовало еще 8 человѣкъ. Завидѣвъ насъ, Татары поскакали быстро къ намъ, а мы, тоже не мѣшкавъ долго, бросились назадъ къ своей дорогѣ. Бывшіе ближе къ намъ два Татарина, съ метательными копьями въ рукахъ, гнались за нами во всю прыть; остальные же, догадавшіеся, можетъ быть, что такихъ людей, какъ мы, должно быть тутъ много, взъѣхали на холмъ, чтобъ освѣдомиться, и когда они увидали, что не далѣе, какъ на ружейный выстрѣлъ, тянется цѣлый длинный рядъ нашего Посольства, то начали махать и кричать нашимъ преслѣдователямъ: «Тутма, тутма!» (Tutma, Tutma), т. е., чтобъ они не гнались и не ловили насъ; ибо внизу есть сильная засада. Послѣ этого они медленно поѣхали за нами, и, подъѣхавши къ намъ, уже въ близи нашего поѣзда, дружески привѣтствовали насъ, пожелали осмотрѣть наши пистолеты, что это за орудіе такое, что имъ и показано было, не давая, впрочемъ, имъ въ руки; за тѣмъ они посмотрѣли на поѣздъ нашъ и отправились назадъ, поперекъ поля. Послѣ этого намъ встрѣчалось нѣсколько кучекъ вооруженныхъ всадниковъ, которые иногда и ѣхали въ одномъ направленіи съ нами, на разстояніи двухъ выстрѣловъ, удаляясь отъ насъ то назадъ, то впередъ, иногда же выказывая намѣреніе проѣхать поперекъ черезъ нашъ поѣздъ, но имъ, конечно, мы препятствовали въ этомъ, и они опять отставали прочь, и уѣзжали за тѣмъ своею дорогой. Къ вечеру мы подъѣхали къ городу Тарку, который лежитъ въ 7 миляхъ отъ Бойнака. Мы расположились стоянкой на ровномъ полѣ, у свѣжаго ключеваго колодца, въ доброй четверти мили отъ Каспійскаго берега.

ГЛАВА XIII.

О городѣ Тарку и о странѣ той вообще.

На слѣдующій день, 17 Апрѣля, главный Правитель города Тарку прислалъ младшаго брата своего, съ 3 другими почтенными мужами, привѣтствовать насъ съ прибытіемъ и предложить намъ всевозможную дружбу и услуги. Самъ онъ, Ханъ, былъ болѣнъ и лежалъ въ постели. Посланники отрядили къ нему нашего Лѣкаря, поблагодарить его за изъявленную имъ дружбу и, если онъ пожелаетъ, предложить ему помощь нашего Врача совѣтомъ и лѣкарствами, для поправленія его здоровья, что Ханъ охотно и принялъ. Когда же, въ слѣдствіе пользованія Лѣкаря, онъ въ нѣсколько дней выздоровѣлъ, то онъ не находилъ словъ выразить намъ за то свою признательность.

Городъ Тарку есть главный въ Дагестанѣ, и лежитъ онъ высоко на горахъ и между горами, представляющими крутыя, обрывистыя скалы. Скалы этѣ, какъ уже выше помянуто, на видъ состояли какъ бы изъ однѣхъ раковинъ, выбрасываемыхъ въ тѣхъ мѣстахъ моремъ, величиною съ Волошскій орѣхъ и какъ бы сплоченныхъ вмѣстѣ, и между ними есть и цѣльныя раковины, хотя не отдѣльно, а вмѣстѣ съ другими, такъ что въ кускѣ камня, величиною, на прим., съ кулакъ, можно насчитать 5 и болѣе такихъ раковинъ; самый же камень твердъ, какъ кремень. За сими скалистыми горами была, впрочемъ, ровная почва и хорошіе пастьбищные луга.

Городъ стоитъ безъ стѣнъ, совершенно открытый, и въ немъ до 1000 домовъ, построенный на Персидскій образецъ, только нѣсколько хуже. Съ горъ бѣжитъ нѣсколько стремительныхъ потоковъ, которые, протекая по городу, съ пріятнымъ шумомъ низвергаются съ горы. Этѣхъ Дагестанцевъ, равно какъ Бойнаковъ и другихъ Татаръ, живущихъ на сѣверъ, туземцы называютъ Кайтаками (Kaitak). Позади же Тарку, на западъ, есть еще одно племя, называемое Кумукъ или Касукумукъ (Kumuk, Kasukumuk), и всѣ этѣ племена имѣютъ особенныхъ владѣтельныхъ Князей.

Главнѣйшій Правитель этого города Тарку и самой страны былъ при насъ Сурховъ Ханъ (Surchow Chan), человѣкъ лѣтъ 38, славившійся тѣмъ, что былъ изъ роду Персидскихъ Царей, съ которыми и велъ тѣсную дружбу, такъ что если между Дагестанцами самими возникнетъ ссора, доходящая до битвы, то изъ Персіи Сурховъ Ханъ получаетъ подкрѣпленіе. При немъ живутъ и другіе Мирзы, его племянники, изъ которыхъ младшій, сынъ его брата, Имамъ Мирза, также управлялъ частью города.

Татары Тарковскіе не меньше Бойнаковъ были дики и грубы; жены же ихъ ласковы; онѣ, также какъ и дѣвицы сдѣшнія, ходятъ съ открытымъ лицомъ, безъ всякаго стыда между людьми. Дѣвицы завиваютъ свои волосы въ 40 локоновъ и пускаютъ ихъ вмѣстѣ вокругъ головы; онѣ были очень довольны, когда мы трогали ихъ волосы и считали локоны.

Мы встрѣтили тутъ одного старика, по имени Матѳія Махмара Фонъ Оттингенъ (Matthias Machmar von Ottingen), родомъ изъ Виртенберга, ремесломъ бумазейнаго ткача, захваченаго въ плѣнъ Турками въ Угорскую войну, проданнаго сдѣшнимъ Татарамъ и обрѣзаннаго ими. Онъ совсѣмъ почти забылъ свой Нѣмецкій языкъ и съ трудомъ могъ припомнить только нѣсколько словъ, чтобы можно было понять его. Онъ говорилъ, что знаетъ хорошо и вѣруетъ, что Богъ есть одинъ въ трехъ лицахъ, и что І. Христосъ пострадалъ за него, и онъ могъ даже проговорить молитву: «Отче нашъ,» хоть и не совсѣмъ твердо.

ГЛАВА XIV.

О великой опасности, которой подвергались мы у Татаръ.

Когда при нашемъ прибытіи сюда Сурховъ Ханъ предлагалъ намъ свою великую дружбу и услуги, то мы думали уже, что находились теперь внѣ всякой опасности, и подъ защитою этого Мирзы вездѣ будемъ ходить свободно и безопасно, между тѣмъ намъ нигдѣ не грозила никогда такая опасность, какъ именно сдѣсь. И въ продолженіи всего времени, цѣлыя пять недѣль, которыя мы провели среди Дагестанскихъ Татаръ, не было иныхъ разговоровъ и слуховъ, какъ о разбоѣ, грабежѣ, убійствахъ и смерти, которыми намъ угрожали почти ежедневно.

Мы просили состоявшаго при насъ Персидскаго Мегемандаря, обѣщая ему хорошее вознагражденіе, чтобы онъ самъ проводилъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, отпустилъ намъ верблюдовъ въ Терки, до Русской границы, такъ какъ сдѣсь, мы не надѣялись безъ труда добыть себѣ подводы для дальнѣйшаго слѣдованія. Но Мегемандарь представлялъ, что подъ опасеніемъ лишиться жизни, онъ не можетъ поступить противъ сдѣланнаго ему приказанія, которое дано было ему только для сопровожденія насъ до сихъ поръ; подводчики же наши хоть и желали бы не оставаться долѣе среди Татаръ, но, для рѣшенія, согласно нашей просьбѣ, захотѣли переговорить прежде съ Мегемандаремъ. Мегемандарь же ушелъ послѣ этого потихоньку въ ту же ночь съ этѣми подводчиками и не простившись даже съ нами, что заставило насъ немало призадуматься. Къ этому же случилось, что въ полдень пришли къ намъ двѣ молодыя Татарскія женки продать намъ молоко, которыя разсказали намъ, что онѣ рождены отъ Русскихъ родителей и были Христіянками, но Татары похитили ихъ у ихъ родителей и взяли себѣ въ жены. При этомъ добавили, что имъ очень больно за насъ, Христіянъ; что Татары ихъ замышляютъ противъ насъ недоброе, и онѣ по этому рѣшились втайнѣ предувѣдомить насъ, чтобы мы были на сторожѣ. Ибо про насъ были слухи, что мы обладаемъ громаднымъ богатствомъ, даже имѣемъ будьто бы нѣсколько тоннъ золота;

что мы прошли черезъ Осминъ и Бойнакъ безъ всякихъ пошлинъ, не сказавъ даже ни кому и добраго слова; но что сдѣсь насъ ужь свободно не пропустятъ. Что вчера проѣзжали изъ Осмина и Бойнака гонцы къ Сурховъ Хану, и одинъ гонецъ проѣхалъ къ Шемхалу, съ тѣмъ, чтобы возбудить этѣхъ господъ противъ насъ и предложить имъ общими силами напасть на насъ, стариковъ всѣхъ перебить, а молодыхъ позабрать въ полонъ, въ надеждѣ получить отъ всего этого большую добычу. Хотя на всѣ этѣ вѣсти мы показывали видъ Татаркамъ, которымъ, впрочемъ, не вполнѣ и довѣряли, что мы мало обращаемъ будьто бы вниманія, но въ то же время вѣсти ихъ немало смутили насъ, тѣмъ болѣе, что мы стояли уже сдѣсь 4 дня, а не было и надежды еще ни какой на то, что скоро выберемся отсюда. При томъ мы видѣли, что вскорѣ послѣ того, какъ намъ были сообщены сказанныя свѣдѣнія Татарками, съ горъ появился отрядъ Бойнаковъ человѣкъ въ 40, которые и проѣхали на коняхъ въ городъ Тарку, а также туда и сюда безпрестанно разъѣзжало нѣсколько гонцовъ.

Посланники потребовали къ себѣ въ станъ важнѣйшихъ изъ спутниковъ Посольства, сообщили намъ предстоящую опасность, и выслушали и отъ насъ наше о томъ мнѣніе. Было обсуждено при этомъ и то и другое, и найдено, что было бы лучше, если бъ мы относились къ варварамъ съ большею снисходительностію, чѣмъ это было до сихъ поръ. Но такъ какъ обстоятельства сложились уже такимъ образомъ, то мы рѣшились положиться на волю Божію во всемъ, чтобы съ нами ни случилось, увѣщевая при томъ другъ друга быть мужественнѣе и добрѣе, такъ что, если бъ дѣло дошло до битвы, то лучше до послѣдней крайности сражаться съ варварами и умереть, чѣмъ, съ опасностію для души, жить у нихъ въ вѣчномъ рабствѣ и служеніи. Такую бодрость духа и рѣшимость къ упорному сопротивленію внушало намъ и самое положеніе мѣстности; ибо справа у насъ было море, слѣва высокія непроходимыя горы, и только позади и впереди насъ мы могли имѣть непріятеля.

Но при такомъ затруднительномъ обстоятельствѣ и опасности, въ высшей степени было жалко, что мы не были сами со-

гласны между собою. Посланникъ Бругманъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, изъ спутниковъ, отвергая во всемъ другихъ; его оскорбляло и сердило все, что тотъ, или другой, говорилъ, по мѣрѣ своего добраго разумѣнія; словомъ, отношенія были таковы, что одинъ другому охотнѣе накликалъ бы, чѣмъ отвратилъ, гибель, если бъ только самъ при этомъ не находился въ подобной же опасности.

ГЛАВА XV.

Какъ посѣтили насъ Татарскіе Князья, и какъ они уѣхали опять отъ насъ.

Въ послѣдствіи мы узнали, что такое опасное противъ насъ намѣреніе Татаръ дѣйствительно существовало, и оно могло бы исполниться и на дѣлѣ, если бъ только Шемхалъ, имѣвшій, можетъ быть, въ виду другимъ способомъ и одному себѣ получить добычу, не воспротился тому. Шемхалъ самъ прислалъ къ Посланникамъ своего уполномоченнаго и приказалъ сказать, чтобы мы отнюдь не брали путь низомъ, у моря, гдѣ нужно было переправляться намъ черезъ рѣки, на судахъ, но ѣхали бы верхомъ, близъ его столицы, черезъ барочный мостъ, и что, въ противномъ случаѣ, онъ приметъ насъ, какъ непріятелей. Возвѣстивъ это, уполномоченный всталъ и хотѣлъ было уйти, но Русскій Посланникъ, Алексѣй, схватилъ его за руку, попросилъ его подождать немного и сказалъ ему: «Скажи своему Шемхалу, что поѣдемъ тою дорогою, какая намъ будетъ угодна; онъ можетъ, конечно, имѣя всѣ средства и власть, легко одолѣть насъ, но Русскій Царь, принимающій живѣйшее участіе въ обоихъ Посольствахъ (т. е., Русскомъ и Голштинскомъ), не оставитъ такого насилія безнаказаннымъ.» Съ такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ уполномоченный и поѣхалъ отъ насъ. Нашедши неудобнымъ дѣйствовать противъ насъ враждебнымъ нападеніемъ, Татары измѣнили намѣреніе свое, и 20-го Апрѣля 4 Татарскихъ Князя разомъ пришли дружески уже навѣстить Посланниковъ. Ихъ угостили, по возможности, роскошно въ Посольской палаткѣ. Главнѣйшіе раз-

говоры ихъ вертѣлись на воровствѣ, похищеніи и продажѣ людей, и одинъ изъ нихъ разсказалъ при этомъ, что недавно еще, именно на текущей недѣлѣ, онъ похитилъ одну дѣвушку. Про этѣхъ людей по справедливости можно сказать то, что говоритъ Пророкъ (Исаія 1, 23): «Князи твои общницы татемъ!»

По уходѣ этѣхъ Князей явился братъ Князя Осминскаго (von Osmin): онъ былъ съ нами чрезвычайно любезенъ и предлагалъ себя на всякаго рода услуги для насъ. Вскорѣ послѣ этого прибылъ къ намъ и Даруга или Старшина (Voigt) изъ города Тарку. На вопросъ нашъ у Даруги: «Отъ чего это насъ такъ долго задерживаютъ подводами?» онъ, не стѣснялся ни сколько, отвѣчалъ, что требованія наши на счетъ подводъ будутъ удовлетворены не прежде, какъ Сурховъ Ханъ, главный Князь города и области, получитъ отъ насъ надлежащій подарокъ. Въ слѣдствіе этого на слѣдующій же день Посланники наши отправили въ даръ тому Князю: пару золотыхъ браслетъ, два куска Персидскаго атласа и два куска другихъ Персидскихъ шелковыхъ матерій, фунтъ Нѣмецкаго табаку, одинъ пистолетъ, одно ружье, койкакія пряности, боченокъ пороху, и приказали сказать, что пришлютъ еще изъ Терки и боченокъ водки. Сурховъ Ханъ, съ великою благодарностію принявъ подарки, предложилъ намъ въ два дня отправить насъ, за наши деньги, далѣе въ путь, и пригласилъ Посланниковъ къ своему столу, съ пятью Татарскими Князьями. Хотя сначала Посланники задумались было, прилично ли имъ являться на такое приглашеніе, но потомъ рѣшили, по нѣкоторымъ причинамъ, и отправились въ сопровожденіи 4-хъ сопутниковъ изъ нашего Посольства. Столъ приготовленъ былъ по Персидски, на полу. Кушанья были на 4-хъ блюдахъ, наполненныхъ бараниной, изрѣзанною на малые кусочки, поджаренные на деревянныхъ палочкахъ или вертеляхъ, за тѣмъ нѣсколько кусковъ бѣлорыбицы, кислое молоко и нѣсколько блюдъ рису, сваренаго съ крупнымъ изюмомъ и уложеннаго вареною бараниной. Кравчій сидѣлъ въ серединѣ стола, клалъ другъ на друга нѣсколько продолговатыхъ, толщиною въ палецъ, хлѣбовъ или печенья, разламывалъ ихъ и бросалъ по кусочкамъ каждому изъ сидѣвшихъ за столомъ. Онъ разрывалъ также руками на маленькіе кусочки баранину и рыбу, и предлагалъ ихъ

каждому, также прямо изъ рукъ. Жиръ текъ у него по пальцамъ, которые, также какъ и лицо его, были морщинисты и черны, что отбивало у насъ охоту поѣсть. Изъ напитковъ была только вода, поданная въ Нѣмецкихъ пивныхъ стопахъ, и водка въ серебряныхъ чашахъ; ибо сдѣсь ни какихъ другихъ винъ не водится. Послѣ обѣда Ханъ пожелалъ послушать нашихъ музыкантовъ, которые по этому тотчасъ и привезены были туда на лошадяхъ.

Прослушавши цѣлые три часа музыку, которая очень понравилась Татарамъ, намъ вторично подали кушать, и на этотъ разъ, въ числѣ другихъ кушаній, принесли вареную цѣлую баранью печень и бараній хвостъ въ 5, или 6, фунтовъ чистаго жиру. Кушанья этѣ одинъ изъ Кравчихъ (которыхъ теперь было трое), рубилъ, мѣшая одно съ другимъ и сильно соля, на мелкіе кусочки, и за тѣмъ, захватывая руками, предлагалъ изъ рукъ, желающимъ; хотя такая кашица имѣла такой видъ, будто была уже разъ съѣдена, но на вкусъ вовсе не была отвратительна. Покончивши и съ этѣмъ угощеніемъ, мы отправились въ свой станъ, дружески распрощавшись съ хозяиномъ.

На слѣдующій день Посланники наши приглашены были къ другому Князю. Этотъ Князь назывался Имамъ-Мирза, былъ еще молодой человѣкъ, едва 18 лѣтъ, и мать у него была родомъ изъ Казу-Кумуковъ (Kasu Kumuka). Слуги его говорили, что онъ былъ сынъ брата Сурховъ Хана, и что ему яко бы и принадлежитъ собственно главное тамошнее управленіе, которое Сурховъ Ханъ захватилъ у него насильно; что далѣе, они, слуги, старательно оберегаютъ своего молодаго Князя; ибо Сурховъ Ханъ втайнѣ замышляетъ на жизнь его. Пирушка эта у молодаго Князя была гораздо почетнѣе вчерешней. Происходила она въ продолговатой залѣ, слѣпленной изъ глины. Имамъ Мирза сидѣлъ въ ней, съ нами и нѣсколькими важнѣйшими изъ своихъ придворныхъ, за небольшимъ возвышеннымъ столомъ, на стульяхъ, приказалъ принести довольно изрядно изготовленныя кушанья, и между ними большаго цѣлаго жаренаго ягненка, отъ котораго всякій могъ рѣзать гдѣ и сколько было ему угодно. У стѣнъ кругомъ сидѣло на полу множество старыхъ почтенныхъ мужей. Во время ѣды этѣ мужи не употребляли ножа, но разрывали

руками; при томъ, если кто изъ нихъ обглодывалъ кость и оставлялъ ее, то кость эту бралъ сосѣдъ перваго, обглодывалъ ее еще больше и грызъ (иногда кость переходила въ третьи и даже въ четвертыя руки), пока наконецъ разгрызалъ ее окончательно и добирался до мозгу. Сосуды для питей составляли у нихъ длинные коровьи рога, изъ которыхъ они и пили напитокъ, называемый у нахъ Брага (Bragga), выгоняемый изъ проса и цвѣтомъ и густотой похожій на пивныя дрожжи; пили также бойко изъ этѣхъ сосудовъ и водку, такъ что въ короткое время всѣ порядкомъ опьянѣли и шумѣли до того, что едва слышали свои собственныя слова, не смотря на присутствіе своего Князя. Угостивши насъ такимъ образомъ, по своему возможно хорошо, они отпустили насъ съ пожеланіями всего хорошаго.

Нѣсколько дней спустя еще одинъ Князь Татарскій, Емиръ-Ханъ пришелъ, вмѣстѣ съ другими Князьями, посѣтить Посланниковъ и пригласить ихъ къ себѣ. Все это, впрочемъ, дѣлалось тѣми Князьями единственно изъ желанія получить подарки, которые большая часть этѣхъ господъ и получили.

ГЛАВА XVI.

Какъ Татарскій Князь, Сурховъ, Ханъ удержалъ насъ далѣе хитростію, также о доброй готовности Шемхала.

23-го Апрѣля Даруга доставилъ намъ повозки для клади, и мы тотчасъ же приказали своимъ укладываться, въ намѣреніи, на другой же день, выѣхать въ путь. Но къ вечеру Сурховъ Ханъ прислалъ къ Посланникамъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что онъ получилъ вѣрнѣйшее свѣдѣніе, будто бы Султанъ Магмудъ (такъ назывался Шемхалъ) со множествомъ народа вездѣ обложилъ рѣку Койсу (Koisu), черезъ которую мы должны были переправляться, и намѣревается принять насъ совсѣмъ не такъ, какъ бы мы желали. По этому онъ, Сурховъ Ханъ, и не можетъ еще отпустить насъ въ дорогу.

Позднимъ же вечеромъ къ городу Тарку прибылъ отрядъ изъ 20 хорошо вооруженныхъ всадниковъ и раскинулъ станъ не въ далекѣ отъ насъ. Посланники, съ нѣсколькими мушкетерами, отправились къ этѣмъ всадникамъ спросить ихъ: «Откуда они прибыли и чего хотятъ?» и получили слѣдующій отвѣтъ: «Что они посланы Княземъ Осминскимъ (Osmin) къ Шемхалу, съ увѣдомленіемъ, что сюда прибыли нѣкіи чужеземные Посланники, которыхъ оба Князья, Осминскій и Бойнацкій, пропустили свободно черезъ свои земли, не взявши съ нихъ ни какихъ пошлинъ; по чему онъ, Князь Осминскій, и проситъ Шемхала, чтобы и онъ, изъ уваженія къ Царю Персидскому и Великому Князю Московскому, поступилъ такимъ же образомъ. Что далѣе, будто бы, Султанъ Махмудъ охотно согласился на это, съ условіемъ, если только Посланники тѣ не имѣютъ при себѣ ни какихъ купеческихъ товаровъ.» Такъ какъ мы не довѣряли ни этому извѣстію Татаръ, ни самимъ Татарамъ, то въ эту ночь мы содержали надежную стражу, и всѣ вообще находились въ надлежащей готовности.

На другое утро, передъ восходомъ солнца, сказанный отрядъ Татаръ уѣхалъ. Вскорѣ за тѣмъ Султанъ Махмудъ прислалъ къ намъ двухъ уполномоченныхъ, спросить насъ: «По какимъ причинамъ не ѣдемъ мы далѣе?» Онъ просилъ при этомъ, чтобы мы не придумывали себѣ ни чего непріятнаго отъ него, по отношенію къ намъ; ибо онъ намѣренъ, во время проѣзда нашего, если только мы возьмемъ надлежащую (указанную имъ) дорогу, оказывать намъ всевозможную дружбу и готовность къ услугамъ.» Только что уѣхали этѣ уполномоченные, какъ явился навѣстить Посланниковъ Сурховъ Ханъ, который на требованія наши: «За чѣмъ онъ задерживаетъ насъ?» отвѣчалъ: «Что хотя лошади и быки (которыхъ мы за собственныя деньги нашли очень дорого) уже готовы, и онъ готовъ отпустить ихъ съ нами, но нужно, чтобы Посланники дали ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно предостерегалъ ихъ и что Посланники отправились противъ его желанія. Такое удостовѣреніе послужитъ ему, будто бы, оправданіемъ предъ Шахомъ Персидскимъ и Великимъ Княземъ Московскимъ, которымъ обоимъ онъ считаетъ себя добрымъ другомъ. Ибо онъ знаетъ Султана Махмуда лучше,

чѣмъ мы. Султанъ этотъ слова своего не держитъ, не спрашивается ни въ чемъ ни у Бога, ни у дьявола, ни у какого Государя. Онъ отъявленный разбойникъ, и кровопролитіе для него потѣха. Что онъ, Сурховъ Ханъ, навѣрное знаетъ, что если мы отправимся безъ надежныхъ провожатыхъ, то не пройдемъ страны Султана безъ опасности для жизни, или, по крайней мѣрѣ, для имущества нашего; по всему этому совѣтъ его, Хана, былъ, таковъ, чтобы мы подождали нѣсколько дней, до прибытія Посла Шаха Сефи, который уже 8 дней находится въ Дербентѣ и поджидаетъ только переводчика своего. Посолъ этотъ, вѣроятно, привезетъ съ собою Царское ему, Хану, предписаніе, чтобы снабдить его провожатыми, и въ сообществѣ-то этого Посла и охраннаго его отряда мы тѣмъ безопаснѣе могли бы отправиться въ путь. Намъ же однимъ дать охрану и помочь онъ не можетъ, изъ опасенія возстановить противъ себя другихъ Татаръ.» Такъ какъ мы не знали, какъ долго еще нужно было ждать прибытія Персидскаго Посла, и такъ какъ, при томъ, и Сурховъ Ханъ казался намъ также подозрителенъ, какъ и другіе сосѣди его, то мы, сообща съ Русскимъ Посланникомъ, Алексѣемъ, отправили гонца къ Воеводѣ въ Терки, съ просьбою о присылкѣ оттуда охранительнаго отряда; но это было напрасно. Съ своей стороны Сурховъ Ханъ тоже послалъ гонца, слугу своего, въ Дербентъ, къ Шахскому Послу. Нѣсколько дней спустя, по отъѣздѣ этого послѣдняго гонца, Ханъ прислалъ сказать намъ, что гонецъ этотъ уже возвратился было, и имѣлъ даже письмо отъ сказаннаго Царскаго Посла, Имамъ-Кули Султана, но такъ какъ гонецъ засунулъ это письмо въ колчанъ, и вынулъ изъ него стрѣлу, чтобы выстрѣлить въ попавшагося ему на дорогѣ звѣря, вытащилъ незамѣтно и письмо и потерялъ его, то по этому и долженъ былъ опять поскакать обратно въ Дербентъ, за полученіемъ другого письма отъ Имамъ-Кули Султана. Мы не знали, какъ понимать всѣ эти объясненія Хана, были очень озадачены ими и принуждены, въ большой тревогѣ, простоять въ полѣ еще нѣсколько дней. При томъ нѣсколько Армянскихъ купцовъ, присоединившихся сдѣсь къ намъ и пробывшихъ уже нѣсколько дней въ нашемъ сообществѣ, въ ожиданіи продолжать путешествіе вмѣстѣ съ нами, вдругъ отдѣлились отъ насъ и отправились въ городъ, по тому что услыхали, будто бы двѣ сотни Татаръ, собравшись, согласились вмѣстѣ сдѣлать на насъ нападеніе.

Кромѣ всего этого настала еще и чрезвычайно бурная холодная погода, съ проливнымъ дождемъ, не перестававшимъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, такъ что въ нашихъ палаткахъ мы рѣшительно всѣ промокли, не могли также поддерживать и огня, ни для просушки одеждъ, ни для изготовленія кушанья. Такимъ образомъ мы пребывали въ своихъ промокшихъ палаткахъ, какъ самые несчастнѣйшіе и какъ бы всѣми оставленные люди, въ голодѣ, страхѣ и печали; для нѣкоторыхъ изъ насъ слезы и воздыханія были единственною ежедневною пищею. Нельзя также было отважиться укрыться и отдохнуть въ избахъ Татаръ; ибо, какъ велѣлъ предостеречь насъ Ханъ, такое посѣщеніе тѣхъ избъ могло быть сопряжено съ гибелью самихъ людей, которые бы рѣшились на это, такъ какъ подданные его имѣютъ право свободно воровать и продавать людей, гдѣ только могутъ.

Такъ даже и случилось, именно 27 Апрѣля, что одинъ изъ нашихъ солдатъ, Вильгельмъ Гоїе (Hoye), родомъ Шотландецъ, зашедши немного далѣе отъ стана, въ сумерки уже, былъ похищенъ и не отысканъ нами, не смотря на всѣ розыски и расспросы наши о томъ, что сталось съ нимъ. Уже послѣ отъѣзда нашего оттуда мы узнали, что Татары увезли его въ укрѣпленіе Сахуръ (Sachur), лежащее за Тарку.

Въ тотъ же день, передъ нашимъ станомъ, во время стрѣльбы изъ лука въ цѣль, которою забавлялись люди наши между собою, артиллеристъ нашъ, Альбрехтъ Штукъ (Stuck), уроженецъ Гамбургскій, подошедши близко къ цѣли для того, чтобы достать стрѣлу, былъ прострѣленъ нечаянно однимъ Русскимъ прислужникомъ въ животъ, пониже пупа, отъ чего на слѣдующій же день и умеръ. Виновникъ самъ такъ сильно огорченъ былъ своею неосторожностію, что просилъ даже, чтобъ и его лишили за это жизни; но такъ какъ это былъ поступокъ неумышленный и раненый самъ просилъ за виновнаго, то его оставили свободнымъ отъ всякаго взысканія. Тѣло покойнаго, по совѣту нѣкоторыхъ Татарскихъ женокъ, которыя были въ тайнѣ Христіянками, мы похоронили потихоньку, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли лошади, для того, чтобы Татары, по отъѣздѣ нашемъ, не вырыли

его, не раздѣли и не бросили за тѣмъ на съѣденіе собакамъ, какъ это они дѣлаютъ обыкновенно. Но открыто вырыта была другая могила передъ станомъ и совершены были похороны съ надлежащею обрядностію.

Сдѣсь умеръ также одинъ знатный Русскій купецъ, выѣхавшій съ нами изъ Персіи; тѣло его, закутанное и сбереженное, отвезено въ Терки, гдѣ и погребено, вмѣстѣ съ его единовѣрцами. Такимъ образомъ несчастье постоянно шло у насъ одно за другимъ, а въ то же время мы должны были, въ угоду и по желанію нѣсколькихъ Татарскихъ Князей, которые часто посѣщали насъ, заставлять играть нашихъ музыкантовъ. Въ этомъ случаѣ намъ было немного лучше тѣхъ людей, которые въ древности сидѣли въ темницѣ на рѣкахъ Вавилонскихъ, и чтобъ угодить непріятелю, должны были потѣшать его музыкой.

По исходѣ Апрѣля, въ которомъ мы вынесли истинно Апрѣльскую погоду, послали мы 2-хъ Русскихъ гонцовъ къ Султану Махмуду, для исходатайствованія намъ у него свободнаго проѣзда. Гонцы вернулись на слѣдующій же день, именно 2-го Мая, съ 4 Турками, черезъ которыхъ Султанъ приказалъ сказать, что до свѣдѣнія его дошло, будто Сурховъ Ханъ взводитъ на него передъ Посланниками подозрѣнія, обзываетъ его разбойникомъ, и онъ не знаетъ, съ чего это Хану пришло обвинять его такимъ образомъ. Въ свое время онъ съумѣетъ расчитаться за это съ Сурховъ Ханомъ; что же касается до насъ, то онъ, Султанъ, предлагаетъ намъ всевозможныя свои услуги и дружбу. Въ случаѣ, если мы не повѣримъ чему либо изъ этого извѣстія, онъ, Султанъ, можетъ прислать для нашего обезпеченія заложниками трехъ знатнѣйшихъ изъ своихъ людей, которыхъ мы можемъ или взять съ собою, или же оставить у Сурховъ Хана до тѣхъ поръ, пока мы безпрепятственно пройдемъ страну его. Такое неожиданно дружеское предложеніе Султана сдѣлало то, что мы опять не знали, кому больше вѣрить; ибо, хотя этотъ Султанъ Махмудъ и не такъ прославился своими разбоями, какъ отецъ его, называвшійся такимъ же именемъ (этотъ отецъ, бывшій уже въ глубокой старости, сталъ вести святую жизнь и уѣхалъ въ Мекку и Медину, для посѣщенія храма и гроба Магумеда), тѣмъ

не менѣе онъ все таки былъ въ подозрѣніи уже по свойствамъ родителя, и вообще по природѣ всѣхъ Дагестанскихъ Татаръ.

Наконецъ мы рѣшились принять лучше предложеніе Султана, тѣмъ болѣе, что 6-го Мая пришло и давно ожиданное письмо отъ Шахскаго Посла, увѣдомлявшее насъ, что, за неявкою переводчика и за не полученіемъ еще Посломъ нѣсколькихъ бумагъ, которыхъ ожидалъ онъ отъ Шахскаго Двора, онъ едва ли въ мѣсячный срокъ можетъ тронуться только изъ Дербента; по чему онъ и предоставлялъ на волю Посланниковъ, хотятъ они дожидаться сдѣсь, или же въ Астрахани. И такъ, теперь мы настоятельно уже требовали отъ Сурховъ Хана, чтобъ онъ немедленно снабдилъ и отправилъ насъ въ путь, на что онъ, наконецъ, и согласился, получивши, впрочемъ, отъ насъ подарокъ, который онъ выпросилъ теперь самъ, сверхъ прежде ему даннаго нами. Онъ взялъ и оставилъ у себя 2-хъ изъ присланныхъ Шемхаломъ заложниковъ (болѣе, впрочемъ, для обезпеченія подданныхъ Сурховъ Хана, лошадей и воловъ ихъ, чѣмъ въ наше обезпеченіе), а 3-го заложника отпустилъ съ нами.

ГЛАВА XVII.

Отъѣздъ изъ Тарку и прибытіе къ Шемхалу.

И такъ, 12-го Мая мы опять отправились въ путь, рѣшившись испытать, можно ли было вѣрить Махмуду, или нѣтъ. Кладь была уже вся уложена на повозки, запряженныя волами и лошадьми; но не прежде, впрочемъ, какъ мы уплатили жителямъ Тарку (хозяевамъ подводъ) еще тройную плату противъ прежней, условленной съ ними цѣны). Могли вдинусякогда же этѣ Таркуицы (жители Тарку), при самомъ уже отправленіи, потребовали было съ насъ излишнюю плату и за верховыхъ лвшадей, то мы оставили и не взяли этѣхъ лошадей, въ слѣдствіи чего большая часть нашего народа должна была первые два дня пройти пѣшкомъ. Въ этотъ день, т. е., 12-го М я, мы проѣхали, по ровной и пустын-

ной странѣ, двѣ мили, до границы владѣній Султана Махмуда, которыя небольшая рѣчка отдѣляетъ отъ области Таркунской (Tarkuischem). На дорогѣ съ нами встрѣтились нѣсколько Татарскихъ Князей, которые просили насъ, чтобы мы отпустили нашего Врача, Гартмана Грамана, проѣхать съ ними въ горы, къ одному больному. Такъ какъ мы опасались, что его, пожалуй, и совсѣмъ задержатъ тамъ, то Татары эти, не желавшіе допустить въ насъ такого предположенія, оставили заложниками при нашемъ Посольствѣ двухъ Князей своихъ. Ночлегъ нашъ былъ въ эту ночь на открытомъ полѣ, при чемъ мы держали крѣпкую стражу. Ужинъ нашъ состоялъ здѣсь только изъ хлѣба и изъ мутной воды. Послѣ полуночи Татары привезли обратно въ станъ нашего Врача.

13-го Мая, въ день Св. Троицы, рано утромъ, отправились мы далѣе, и прошли 4 мили по дикой, поросшей кустарникомъ, странѣ. На дорогѣ Посланникъ Русскій, Алексѣй, ударилъ, за что-то, одного возчика палкой по головѣ: всѣ Татары за это выпрягли изъ повозокъ свою скотину, хотѣли уѣхать, а кладь бросить въ полѣ, такъ что мы на силу добрыми словами уговорили и успокоили ихъ. Ночлегъ на этотъ разъ выбрали въ кустарничкѣ и спать улеглись не ѣвши.

14-го числа мы проѣхали только двѣ мили и прибыли къ рѣкѣ Койсу (Koisu). Рѣка эта, по моему мнѣнію, та, которую Птоломей называетъ Albanus. Начало свое она беретъ изъ Кавказа, вода въ ней мутная и теченіе чрезвычайно быстрое; шириною она мало уступаетъ Эльбѣ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы были, глубина ея болѣе 3-хъ человѣхъ, поставленныхъ одинъ на другомъ. По сю сторону рѣки, на холмѣ, лежитъ селеніе или мѣстечко Андре (Andre), въ которомъ Султанъ Махмудъ имѣетъ свое главное пребываніе. Не въ далекѣ отъ этого селенія находится горячій источникъ, изливающійся въ прудъ, приспособленный для купанья.

Жители этого мѣстечка, между прочими свадебными обрядами, имѣютъ и слѣдующій: каждый гость приноситъ съ собою стрѣлу, и пускаетъ ее вверхъ стѣны, или въ потолокъ брач-

наго покоя. Стрѣлы этѣ остаются тамъ, пока сами выпадутъ, или сгніютъ; значенія этого обряда я дознать не могъ. Жители большею частію рыбаки, живутъ больше у рѣки и ловятъ острыми желѣзными крюками, привязанными на длинномъ шестѣ и опущенными на дно, множество осетровъ и другой родъ рыбы, сходной съ осетромъ.

Какъ только подошли мы къ рѣкѣ, Татары поспѣшно приплыли къ намъ съ нѣсколькими лодками и охотно предлагали намъ перевезти насъ; они сплели два плетня, подвязали подъ каждымъ плетнемъ по двѣ лодки, и сдѣлали такимъ образомъ два парома, такъ что на каждомъ паромѣ можно было поставить одну повозку. Когда все это было изготовлено, Татары потребовали съ насъ за перевозъ каждой повозки (а ихъ, и съ Русскою кладью, было у насъ до 70), по 2 рейхсталера, и когда мы возразили противъ такой огромной цѣны за перевозъ, Татары, не говоря добраго слова, оставили насъ у рѣки на берегу, перетащили свои паромы на другую сторону, хохотали надъ нами, кричали и ликовали, размахивая и хлопая руками. Шемхалъ также находился тамъ въ кустарникѣ, съ нѣсколькими всадниками, такъ что мы опять были въ неизвѣстности, не измѣнили ли намъ и не продали ли насъ? Въ такомъ положеніи, подѣлавъ себѣ у рѣки шалаши изъ зеленаго кустарника, мы расположились въ нихъ, и нѣкоторые изъ насъ, забравшись по нѣскольку человѣкъ въ одинъ шалашъ и не имѣя возможности, по извѣстной причинѣ, открыто и всѣмъ вмѣстѣ отправить Богослуженіе, совершили въ шалашахъ этѣхъ приличное Троицыну дню служеніе, на сколько дозволяло это время. Когда мы вспомнили при этомъ праздновавіи наше Отечество, а я въ особенности дорогой мнѣ Лейпцигъ, гдѣ такъ часто праздникъ этотъ торжествовали мы въ великой радости, то встрѣтили теперешній праздникъ слезами, невольно примѣшавшимися къ нашему тогдашнему напитку, состоявшему только изъ воды и уксусу. Все тогдашнее угощеніе, на которое ученые, бывшіе съ нами, приглашали другъ друга, составляли холодная чаша воды, уксусъ и хлѣбъ. При этомъ воспоминаніе о добрыхъ друзьяхъ нашихъ сопровождали мы добрыми имъ пожеланіями.

ГЛАВА XVIII.

Какъ Шемхалъ принялъ и угощалъ насъ.

15 числа Русскій Посланникъ, Алексѣй, вышелъ на берегъ, подозвалъ къ себѣ, движеніями рукъ, одному лодку, приказалъ перевезти себя на ту сторону, переговорилъ тамъ съ Шемхаломъ, согласно полученнымъ отъ насъ наставленіямъ, и довелъ дѣло до того, что Татары согласились взять съ насъ за перевозку всей поклажи нашей не болѣе 2-хъ туменовъ или 32 талера. Переправившись окончательно въ тотъ же день, Посланники тотчасъ приказали разбить свою палатку и обставить ее кругомъ пушками. Вскорѣ за тѣмъ явился Шемхалъ, съ двумя своими братьями и въ сопровожденіи 50 вооруженныхъ всадниковъ; онъ былъ лѣтъ 36, тучный, крѣпкій и почтеннаго вида человѣкъ, съ рыжеватой бородой, одѣтъ въ шелковый кафтанъ изъ зеленаго дарая (Daraï) и латы, а по сверхъ у него была косматая черная бурка. Оружія его, равно какъ и у всѣхъ остальныхъ, были: сабля, лукъ и стрѣлы. Шемхалъ сошелъ съ лодки, дружески привѣтствовалъ Посланниковъ, вошелъ къ нимъ въ палатку, сѣлъ тамъ, выразилъ имъ свое желаніе оказать намъ свое доброе расположеніе и подарилъ Посланникамъ нѣсколькихъ овецъ и ягнятъ. Кромѣ того, онъ приказалъ принести большой котелъ, полный нарѣзанной мелкими кусками и разваренной въ водѣ съ солью осетрины, и раздать ее прислугѣ нашей на деревянной посудѣ, похожей на наши выдолбленныя корытца, а въ особыхъ деревянныхъ же сосудахъ супъ изъ щавелю съ масломъ, въ который обмакивали рыбу, когда ѣли ее. Такое угощеніе ѣли мы съ такой охоткой, какъ никогда прежде на роскошныхъ пиршествахъ Персидскихъ, разумѣется, по тому, что сдѣсь кравчимъ нашимъ былъ голодъ. Посланники, съ своей стороны, угостили Шемхала водкой и музыкой, которой онъ пожелалъ послушать; въ перемежку съ музыкой нами сдѣлано было множество привѣтственныхъ выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ.

Просидѣвши у насъ часа съ два и полуопьянѣлый уже, Шемхалъ отправился верхомъ домой, но вскорѣ за тѣмъ пріѣхалъ

снова. Въ этотъ разъ ему подарили: пару золотыхъ браслетъ, серебряный кубокъ, плащъ изъ краснаго сукна, подбитый бархатомъ, который нашъ покойный живописецъ надѣвалъ при представленіи, пару пистолетовъ, шпагу, боченокъ пороху, и нѣсколько сафьянныхъ кожъ. Плащъ Шемхалъ тотчасъ же накинулъ на себя, а въ замѣнъ его подарилъ Посланнику Бругману свою бурку, которую и навѣсилъ на него, и вообще былъ любезенъ и веселъ.

Посланникъ Бругманъ расположилъ Татарина (къ нашему удовольствію) любезною рѣчью и пріятною надеждою на богатые подарки и вообще на ту пользу, которую сдѣлпіе жители должны будутъ со временемъ получить отъ насъ; ибо, де, мы ежегодно будемъ посѣщать эту страну, а теперь только распознаемъ и приготовляемъ себѣ дорогу, которую долженъ утвердить Шахъ Сефи черезъ своего особаго Посла, имѣющаго вскорѣ проѣхать сдѣсь, въ слѣдъ за нами. Бругманъ добавилъ при этомъ, что въ нашемъ Государствѣ сдѣшнія страны совершенно не извѣстны; въ противномъ случаѣ, милостивѣйшій Князь и Государь нашъ не преминулъ бы и его, Шемхала, почтить своимъ Посольствомъ; что теперь на будущее время это Посольство будетъ непремѣнно, и проч., и проч., въ томъ же родѣ. Все это очень понравилось Шемхалу: онъ тѣмъ охотнѣе согласился пропустить насъ, и устроилъ, кромѣ того, дѣло такъ, что мы за весьма дешевую цѣну добыли 22 верховыя лошади, для проѣзда до Теркп.

И такъ описанный намъ такимъ страшнымъ Исавомъ (Esaw), смирился и доведенъ былъ до того, что иначе и не обращался съ нами, какъ только дружески. Но если бъ только варвары захотѣли, а Богъ попустилъ бы, то тамъ раздѣлаться съ нами и покончить было очень легко. Ибо мы находились между двумя рѣками, и уничтожить насъ можно было, даже не налагая на насъ рукъ, а просто отнявъ только у насъ средства къ жизни и дальнѣйшему путешествію. Но Богъ, котораго мы и благодаримъ за это, милостиво помогъ намъ.

16-го Мая, рано утромъ, Шемхалъ явился снова съ 50 всадниками и проводилъ насъ черезъ другой кустарникъ, цѣлую чет-

верть мили, послѣ чего, дружески распростившись съ нами, уѣхалъ домой. Мы же продолжали путь по открытому уже полю, проѣхали 2 мили до другой рѣки, называемой Аксай (Akṣai), имѣющей тихую и плистую воду, шириною немного болѣе 25 локтей. Нѣкоторые говорили, что это былъ рукавъ рѣки Койсу, которая не въ далекѣ отъ моря уклоняется сюда; по этому я такъ и изобразилъ ее на прилагаемомъ изображеніи Персидскаго Царства.

При этой рѣкѣ мы должны были подождать, пока Татары привезли на подводахъ плетни и лодки. Между тѣмъ, такъ какъ у входа къ берегу находилось глубокое болото, черезъ которое повозки провезти было нельзя, то каждый изъ насъ долженъ былъ нарѣзать по связкѣ камышу, росшаго густо и высоко на берегу, загатить имъ сказанное болото, и такимъ образомъ мы устроили проѣздъ (Port), по которому, въ наступившую ночь, при мѣсячномъ сіяніи, мы и перешли довольно удобно. Но сдѣсь мы опять должны были заплатить возчикамъ 2 тумена, тогда какъ они не заслуживали болѣе 6 талеровъ. Нѣкоторые изъ насъ, именно тѣ, которые были оставлены однимъ изъ начальниковъ нашихъ, какъ сказано выше, вторично должны были лечь спать, не ѣвши.

17 Мая проѣхали мы по ровной сухой степи 7 миль, гдѣ уже не видно было Кавказскихъ горъ, уклонившихся отсюда въ сторону, на сѣверо-западъ. Въ полдень этого дня, въ то время, когда я съ М. Флемингомъ уѣхалъ нѣсколько впередъ, Посланники, съ остальными спутниками, остановились для обѣда и корма лошадей, и отобѣдали себѣ прежде, нежели мы съ Флемингомъ ожидали, и хотя мы поскакали назадъ къ своимъ, но намъ послѣ обѣда ни чего уже не дали поѣсть; въ слѣдствіе чего, чтобъ утолить голодъ (такъ какъ мы и на канунѣ постились), мы должны были нарыть себѣ изъ земли дикаго чесноку и ѣсть его съ черствымъ хлѣбомъ, запивая водой изъ гнилой лужи. Русскій Посланникъ сжалился уже надъ нами, и приказалъ дать намъ кусокъ рыбы, провяленной на солнцѣ.

Подзнимъ вечеромъ прибыли мы къ рѣкѣ Быстрой (Büstro) и расположились въ кустарникѣ, росшемъ сдѣсь кругомъ подлѣ

берега. Рѣка эта также одна изъ главныхъ, также глубока и широка, какъ Койсу, хоть и не такъ быстра, и вода въ ней тоже мутная. Въ сѣверной части своей, почти въ 5 миляхъ отъ Каспійскаго берега, рѣка эта выдѣляетъ изъ себѣ другія двѣ рѣки, изъ которыхъ одна называется теперь Тименки (Timenki), а прежде называлась она Теркъ (Terk: нѣкоторые и теперь еще также называютъ ее), и она-то дала городу, мимо котораго протекаетъ, имя Терки (Terki). Шириною эта рѣка около 30 локтей. Другая рѣка далѣе за этой, такой же величины, называется Кизиляръ (Kisilar), именно по тому, что въ ея песчаномъ днѣ находятся блестящія, словно золото, зерна; лежитъ она нѣсколько выше, отъ чего въ жаркое лѣто почти совсѣмъ высыхаетъ. Устье этой рѣки находится въ 8 миляхъ за городомъ. Всѣ этѣ рѣки текутъ съ запада сѣверо-запада, и Кизиляръ есть послѣдняя рѣка въ этой мѣстности, за которою уже слѣдуетъ Волга, въ 66 миляхъ отсюда, текущая съ сѣвера. По мнѣнію Птоломея, рѣки этѣ и ихъ устья были слѣдующія: Аксай—это Цезіусъ (Aksai — Caesius), Быстрая — это Герусъ (Büstro — Gerrus), Тименки или Теркъ—Алонта (Timenki oder Terk—Alonta), и Кизиляръ—это Адонта (Kisilar—Adonta); ибо между Албано (Albano) или Койсу и Волгою или Ра (Rha) ни какихъ другихъ рѣкъ больше не находится.

Помянутая рѣка Быстрая составляетъ границу, отдѣляющую Дагестанскихъ Татаръ отъ Черкаскихъ. По этому Таркунскіе возчики, доставивши насъ сюда, отправились назадъ во своя си.

ГЛАВА XIX.

Пріѣздъ въ Терки; множество большихъ змѣй и страшныхъ полевыхъ мышей.

На слѣдующій день мы переправились, со всею поклажей, черезъ рѣку Быструю, и съ великою радостію снова вступили въ страну Христіянскую. Обратившись назадъ, мы воскликнули:

«Доброй ночи вамъ, Язычники! Узнайте, наконецъ, кто вы! Теперь мы стали ногой въ наше Христіянство. Этѣмъ мы привѣт-

ствуемъ мужественныхъ Черкасовъ, которые хотя сами и не Христіяне, но управляются Христіянами (Flem. lib. sylv. Poet., p. 210).

Хотя страна эта заселена языческими Татарами, но всѣ они подвластны Великому Князю Московскому, который вездѣ между ними понасадилъ своихъ Воеводъ, Правителей, вмѣстѣ съ простымъ народомъ и церквами.

Продовольствіе сдѣсь оказалось чрезвычайно дорого, такъ что за овцу мы должны были платить $2^1/_2$ рейхсталера. За дороговизной мяса мало было и на поварнѣ; а такъ какъ въ этой мѣстности въ кустарникѣ гнѣздилось много воронъ, то нѣкоторые изъ нашихъ ѣли даже молодыхъ воронятъ.

19 числа, уже съ Черкасскими возчиками, мы ѣхали далѣе 5 миль, по ровной бездорожной странѣ, поросшей камышемъ и отдѣльными деревьями; деревья эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ широко раскинутый кругъ, въ срединѣ котораго голое пространство. Сдѣлавши въ этотъ день шесть миль, мы остановились въ степи, у вырытаго колодца, или скорѣе у лужи, въ которой вода была до того гнила, что и скотина не всякая пила ее. Почва въ этомъ мѣстѣ вся была покрыта норами, которыя повырыли змѣи и другіе гады, такъ что не было не изрытаго пространства даже въ локоть ширины. Но хоть мы должны были улечься спать на такой землѣ, однако никого изъ насъ не тронула ни какая гадина.

20 Мая дорога продолжалась по пустыни или степи 4 мили до города Терки. По пути, тамъ и сямъ, мы видѣли множество чрезвычайно красивыхъ, пестро разрисованныхъ, змѣй, толщиною нѣкоторыя въ добрую руку и длиною болѣе 3 локтей: свернувшись въ круги, змѣи эти грѣлись, лежа на солнцѣ.

Въ этой же странѣ, особенно около Терки, мы видѣли странную породу мышей, называемыхъ по Арабски Ербуагъ (Jerbuah): онѣ были похожи на полевыхъ крысъ, а величиною и цвѣтомъ на хомяка, родящагося нерѣдко въ Саксоніи, близъ Магдебурга и Ашерслебена (Aschersleben), моей родины, или же на бѣлку, только у нихъ

нѣсколько темновато коричневая шерсть, голова мышиная, только съ длинными ушами, передніе ноги короткія, заднія длиннѣе, по чему онѣ могутъ бѣгать только на гору, а на ровномъ мѣстѣ лишь ползаютъ довольно медленно; по чему онѣ помогаютъ себѣ въ ходьбѣ прыжками, посредствомъ которыхъ передвигаются чрезвычайно быстро. Ростомъ онѣ нѣсколько выше локтя отъ земли; хвостъ у нихъ гладкій и длинный, какъ у кошки, но не такъ толстъ, и онѣ закидываютъ этотъ хвостъ вверхъ на спину, такъ что онъ выставляется впередъ, заканчиваясь пучкомъ бѣловатой шерсти, такъ какъ, на примѣръ, рисуютъ у насъ львовъ съ такимъ хвостомъ. Весело бывало смотрѣть на нихъ, когда онѣ прыгаютъ разомъ по нѣскольку штукъ. Около Вавилона и въ Аравіи мышей этѣхъ множество, и Арабы ихъ ѣдятъ. Если онѣ заведутся въ домахъ, то таскаютъ деньги, коль скоро доберутся до нихъ. Такой случай разсказывалъ мнѣ Персіянинъ Гакверди. Именно однажды у отца его изъ комнаты пропали деньги, и онъ заподозрилъ въ кражѣ жену и дѣтей своихъ. Спустя немного времени онъ совершенно нечаянно нашелъ у себя за ковромъ такую мышь (Jerbuah), и ему пришло на мысль, не таскаетъ ли деньги этотъ звѣрокъ? Онъ положилъ на коверъ абасъ, самъ ушелъ и дверь заперъ. Когда же и этотъ абасъ исчезъ, то онъ раскопалъ мышиную нору, и нашелъ тамъ, въ кучкѣ, деньги, въ гораздо еще большемъ количествѣ, чѣмъ сколько пропало ихъ у него.

Нынѣшній день мы прибыли, какъ и желали, къ городу Терки (Terki). Когда мы были еще на четверть мили отъ него, пріѣхалъ для принятія насъ, братъ, часто уже упомянувшагося, Мусала (который самъ былъ въ отъѣздѣ), съ однимъ Полковникомъ, присланнымъ Воеводою и въ сопровожденіи 30 всадниковъ. Мы здѣсь были гости желанные, и насъ превосходно угостили пряниками, пивомъ, медомъ и водкою въ палаткѣ, которая нарочно была раскинута для насъ передъ городомъ и въ которой мы оставались до тѣхъ поръ, пока въ городѣ приготовили намъ помѣщенія и повели насъ въ нихъ.

На слѣдующій день Воевода прислалъ въ подарокъ Посланникамъ 40 блюдъ, которыми мы наслаждались съ удовольствіемъ.

Посланники послали сперва нѣкоторыхъ изъ насъ, а черезъ нѣсколько дней и сами лично отправились и навѣстили Бике (Bike), мать князя Мусала, по ея неотступной просьбѣ; у нея было чрезвычайно пріятно: играли наши музыканты, и мы веселились тамъ и наслаждались отличныхъ угощеніемъ. Весь составъ Посольства нашего сердечно радовался, что мы освободились наконецъ отъ дикихъ, вѣроломныхъ и враждебныхъ Дагестанскихъ Татаръ и находились теперь среди Русскихъ, съ которыми уже давно были знакомы прежде. Казалось, что мы были уже какъ бы въ Отечествѣ. Павелъ Флемингъ по этому случаю напаписалъ слѣдующую веселую пѣсню, [1] въ день именинъ одного своего добраго друга, случившійся въ это время.

ГЛАВА XX.

О Черкаскихъ Татарахъ.

Выше мы обѣщали поговорить нѣсколько подробнѣе объ этѣхъ Черкасахъ, на обратномъ пути; ибо, сколько мнѣ извѣстно, ни кто еще, ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ, писателей не писалъ о нихъ ни чего особеннаго. Хотя Скалигеръ и упоминаетъ о Черкасахъ: Exerc. 33, 167 и 303, 3, но въ очень немногихъ словахъ и, вмѣстѣ съ Страбономъ (lib. 2, p. 339), онъ называетъ ихъ Zygos, Писатели этѣ помѣщаютъ ихъ за Кавказомъ, у Понта и Азовскаго моря (Pontum und Paludum Maeotim), и, слѣдовательно, на границѣ Азіи и Европы. Тѣ же, которыхъ мы видѣли, суть Скиѳы, или Сарматы Каспійскіе (Scythae, Sarmatae Caspiani), и они населяютъ часть Албаніи, граничащую съ востока и запада Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ, а съ юга и сѣвера рѣкою Быстрой и великою Татарскою, или Астраханскою, степью. Главный городъ у нихъ былъ Терки. Но Великій Московскій Царь войною сдѣлалъ народцы этѣ своими подданными, заселилъ укрѣпленныя мѣста Русскими и позволилъ также и Черкасамъ жить тамъ съ Русскими въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, и даже подъ управленіемъ Князей и владѣльцевъ, ко-

[1] Пѣсню эту мы не переводимъ сдѣсь. Перев.

торые стали обязанными клятвою подручниками Великаго Князя, получающими отъ него ленныя владѣнія (Lehn). Что касается до судебныхъ дѣлъ, то, въ важныхъ случаяхъ, владѣльцы этѣ производятъ ихъ уже съ участіемъ Русскихъ Воеводъ. Они платятъ дань Великому Князю, но не болѣе того, что требуется на содержаніе тамъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Мужчины у этѣхъ Черкасовъ большею частію крѣпкаго тѣлосложенія, цвѣтомъ темножелтые, съ широковатымъ лицомъ, хоть и не столь широкимъ, какъ у Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ; волосы у нихъ черные, какъ уголь длинные, и ото лба, вдоль черепа и до затылка простригаютъ довольно гладкую полосу, толщиною съ большой палецъ, на верху, на маковкѣ (какъ это мы видѣли у Мусала), небольшую, мелко заплетеную, косичку, которая и виситъ у нихъ назади, спускаясь въ низъ. Скалигеръ приписываетъ имъ худую славу, говоря что они «omnium mortalium pessima fide et excellenti immanitate,» что мы по справедливости могли бы скорѣе сказать о сосѣдяхъ ихъ, Дагестанцахъ. Теперь же Черкасы нѣсколько мирнѣе и общительнѣе, можетъ быть, по тому, что живутъ между Русскими Христіянами и ежедневно обращаются съ ними. Языкъ у нихъ общій съ другими Татарами, но почти всѣ они могутъ говорить и по Русски. Одежда мужчинъ похожа на Дагестанскую, кромѣ того, что шапки ихъ кверху шире и почти такія же, какъ у Езуитовъ. Бурка ихъ виситъ на ремнѣ, или лентѣ, на плечахъ, не сходясь полами, и они повертываютъ ее на себѣ противъ вѣтра и дождя, такъ что такимъ образомъ они защищаютъ ею свое туловище отъ всякихъ бурь и непогодъ.

Жены ихъ вообще хорошо сложены, лицомъ красивы, бѣлотѣлы, съ румянцемъ на щекахъ; черные, какъ уголь, волосы, носятъ онѣ въ два длинные завитые локона, висящіе по сторонамъ и ходятъ съ открытымъ лицомъ. На головѣ онѣ носятъ двойную черную подушечку, посверхъ которой надѣваютъ тонкій ситецъ, или разноцвѣтно тканый платокъ, шириною въ ладонь, завязанный на затылкѣ. Вдовы же носятъ на задней части головы большой надутый бычачій пузырь, который обматываютъ пестрымъ флеромъ, или бѣлымъ ситцемъ, и завязываютъ его

такъ что издали кажется, будьто у нихъ двѣ головы. Лѣтомъ всѣ женщины ходятъ въ однѣхъ рубахахъ, цвѣта краснаго, зеленаго, желтаго, или голубаго, и сверху до самаго пупа рубашки этѣ раскрыты, такъ что можно видѣть груди, животъ и пупъ. Эта Черкаская одежда значится на изображеніи, приложенномъ къ подлиннику. [1]

Онѣ были общительны и ласковы, въ первый день нашего прибытія стояли на улицѣ, по нашей дорогѣ, по четыре и болѣе женщинъ вмѣстѣ, встрѣтили насъ довольно наглыми тѣлодвиженіями, приличными болѣе Амазонкамъ (границы владѣній которыхъ находятся сдѣсь и простираются еще далѣе), и не пропускали насъ ити далѣе, пока не осмотрѣли насъ и спереди и сзади; тѣ же изъ нихъ, которыя сидѣли при домахъ, кивали намъ, чтобы мы подошли къ нимъ, и вовсе не стыдились, когда кто ни будь изъ насъ, трогая и разсматривая ихъ ожерелья изъ янтаря, всякихъ разноцвѣтныхъ раковинъ, пестрыхъ камушковъ, изъ оловянныхъ и мѣдныхъ бляшекъ, висѣвшія у нихъ на шеѣ, до саммой груди, касался пальцами и ихъ голаго тѣла. Нѣкоторыя зазывали даже насъ къ себѣ въ домъ. Намъ говорили, что у нихъ такой обычай, когда чужестранцы разговариваютъ съ женами, мужья удаляются и оставляютъ женъ бесѣдовать съ гостемъ. Къ тому же, днемъ мужья рѣдко бываютъ дома, но больше на лугахъ, при стадахъ своихъ, которыя составляютъ главнѣйшее ихъ продовольствіе. Но жены должны все таки оставаться вѣрными мужьямъ своимъ и (какъ говорили онѣ) онѣ ни съ кѣмъ не вступаютъ въ любовную связь, какъ подтвердилъ это и одинъ изъ нашихъ военныхъ Офицеровъ. Такъ, однажды увлеченный ласковыми приманками и разговорами нѣсколькихъ молодыхъ женщинъ, Офицеръ этотъ зашелъ къ нимъ въ домъ и, пытаясь пойти далѣе, просилъ ихъ помыть ему голову и подшить носовой платокъ; хотя женщины охотно исполнили этѣ просьбы его, но когда онъ задумалъ было попользоваться еще большимъ коечѣмъ, то услыхалъ отъ нихъ такой рѣшительный отвѣтъ: мужья ихъ возлагаютъ на нихъ добрую вѣру, и онѣ должны не-

[1] Въ подлинникѣ стр. 376. О. Б.

рушимо поддерживать ее; въ противномъ случаѣ, если бъ что вышло, ни мужья, ни община, терпѣть ихъ не станутъ. Во всемъ остальномъ, кромѣ солежанія, онѣ позволяютъ обращаться съ собою, какъ кому угодно, при чемъ бываютъ корыстны и не стыдятся выпрашивать подарки и даже просто взять, безъ спросу, что только могутъ. Онѣ даже залѣзали въ карманы, осматривая и ощупывая спереди и сзади наше Нѣмецкое платье, и вытаскивали изъ нихъ, что находили тамъ.

Хотя мужчины, по примѣру Магометанъ, могутъ брать по нѣскольку женъ, но большею частію они ограничиваются только одною женою. Если мужъ умираетъ безъ дѣтей и оставляетъ послѣ себя братьевъ, то старшій изъ нихъ беретъ вдову, чтобы возстановить сѣмя брата, такъ Мусалъ получилъ вдову своего брата.

Вѣра Черкасовъ почти языческая, хотя они совершаютъ обрѣзаніе и вѣрятъ въ Бога, но не имѣютъ ни писанія, ни духовныхъ, ни храмовъ, по временамъ сами приносятъ и совершаютъ жертвы, преимущественно въ Ильинъ день; также, когда умретъ знатный какой ни будь человѣкъ мужчины и женщины собираются въ полѣ, убиваютъ, для жертвы, козла и, какъ сообщали намъ, при этомъ они совершаютъ странное и глупое даже испытаніе: годится, или нѣтъ, животное для жертвы? Именно: отрѣзываютъ у козла дѣтородныя части, и бросаютъ ихъ въ стѣну, или плетень; если онѣ не повиснутъ и упадутъ на землю, то животное признается недостойнымъ, и убиваютъ тотчасъ же другое животное. Если же сказанныя части прицѣпятся какъ ни есть на стѣнѣ, или плетнѣ, значитъ, животное годно для жертвы, и тогда съ него снимаютъ шкуру, которую и распяливаютъ на длинномъ, воткнутомъ въ землю, шестѣ; передъ этѣмъ-то шестомъ они и совершаютъ свои жертвы, варятъ, жарятъ и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ. За тѣмъ выступаютъ нѣсколько мужчинъ, молятся на шкуру одинъ послѣ другого. По совершеніи молитвы жены удаляются, а мужчины остаются, садятся на землю и пьютъ допьяна брагу и водку, такъ что нерѣдко при этомъ вцѣпляются другъ другу въ волосы. Шкура оставляется висѣть до тѣхъ поръ, пока не замѣнится другою жертвою.

Такую козлиную шкуру мы видѣли въ проѣздъ нашъ въ Персію и обратно, не въ далекѣ отъ жилища Княгини Бике: кожа эта съ головой и рогами распялена была на крестообразной черной распоркѣ, посреди прорѣзана въ 4-хъ мѣстахъ и водружена на длинномъ шестѣ, какъ представлено это на прилагаемомъ изображеніи.[2] Шестъ этотъ огораживаютъ плетнемъ, чтобы къ нему не подходила собака, или другая нечисть, и чтобы тѣмъ не осквернилась святыня.

Черкасы съ почетомъ предаютъ землѣ своихъ покойниковъ, ставятъ на могилахъ изгороди или столбы, а надъ знатными строятъ даже цѣлые красивые дома. Такъ, на могилѣ брата Мусала выстроенъ довольно изящный домъ, обложенный разноцвѣтными досками, на подобіе шахматной доски; на верху онъ украшенъ былъ рѣзьбою, изображавшею охоту, хотя фигуры не отличались искуснымъ сходствомъ съ изображаемымъ. Жилые же дома Черкасовъ чрезвычайно плохи, сплетены изъ хвороста и изнутри облѣплены глиною; снаружи они не лучше крестьянскихъ хлѣвовъ въ селеніяхъ Голштинскихъ. Такимъ образомъ ихъ гробницы, или дома усопшихъ, гораздо великолѣпнѣе и богаче, нежели помѣщенія живыхъ. Причины этого обычая мнѣ объяснить туземцы не могли, и не знаю, не есть ли это занесенное сюда воззрѣніе древнихъ Египтянъ, жившихъ въ Мемфисѣ. Діодоръ, въ 1-й книгѣ, на стр. 47, такъ пишетъ объ этомъ: «Regionis hujus incolae tempus vitae limitibus circumscriptum perexigui aestimant. At quod celebrem a morte virtutis memoriam habiturum sit, illud pendunt maximi. Et domicilia viventium diversoria nominant, quod exiguum ad tempus haec incolamus, defunctorum vero sepulcra domos aeternas appellitant, quod infinitum apud Inferos aevum peragant. Quamobrem de structura domorum minus sunt soliciti; in adornandis autem sepulcris eximie nihil studii faciunt reliquum.» Эту жизнь краткую они не ставятъ болѣе того, на сколько слѣдуетъ продлиться память о доблестяхъ покойнаго, и жилища живыхъ они зовутъ только гостинницами, могилы же умершихъ вѣчными домами; ибо они вѣчно должны жить въ подземномъ царствѣ.

---

[2] Въ подлинникѣ стр. 744. О. Б.

По этому-то они не такъ берегутъ и украшаютъ свои жилые домы, какъ гробницы. Оплакиваютъ своихъ покойниковъ Черкасы совершенно варварскимъ образомъ: царапаютъ и раздираютъ себѣ лобъ, грудь и руки, такъ что кровь струится изъ ранъ ручьями. Такая печаль, или оплакиваніе, продолжается до тѣхъ поръ, пока заживутъ раны; по этому нѣкоторые, желая продлить ее, снова растравляютъ полузажившія уже раны. Вотъ все о Черкасахъ, найденныхъ нами у Каспійскаго моря.

ГЛАВА XXI.

Путешествіе отъ Терки черезъ великую степь до Астрахани.

2 Іюня стали мы готовиться къ дальнѣйшему путешествію, и такъ какъ намъ предстояло проѣхать 70 миль, по пустынной, не населенной, степи, а безъ огромныхъ издержекъ нельзя было найти для этого верховыхъ лошадей столько, сколько намъ было нужно, то мы договорили Черкаскихъ возчиковъ, чтобы они везли и прислугу и кладь на повозкахъ, по 3 и по 4 человѣка на повозкѣ. За каждую такую повозку въ двѣ лошади, или съ однимъ верблюдомъ, отъ Терки до Астрахани, мы дали по 9 рейхсталеровъ.

Въ наше сообщество присоединился караванъ купцовъ разныхъ народовъ: Персіянъ, Турокъ, Грековъ, Армянъ и Русскихъ, такъ что всѣхъ вмѣстѣ отправилось до 200 подводъ. На дальней дорогѣ насъ надѣлили продовольствіемъ весьма скуднымъ, именно: каждому дали черствыхъ черныхъ сухарей и другого заплесневѣлаго хлѣба и по половинѣ небольшаго, вяленаго и протухлаго, леща, безъ напитковъ; ибо Татары противились брать наполненные бочепки, кромѣ людей, для которыхъ они только и были наняты; Посланникъ же Бругманъ не хотѣлъ нанимать для этого ни одной особой подводы, такъ что мы не могли взять съ собою ни глотка воды. Но себя и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ своихъ онъ достаточно снабдилъ на дорогу, какъ съѣстнымъ, такъ и добрыми напитками. Сначала мы не очень огорчались этѣмъ, полагая,

что, какъ прежде, мы будемъ ежедневно находить по дорогѣ свѣжую воду; но оказалось, что мы очень ошиблись, какъ это далѣе увидимъ.

И такъ, 4 Іюня, послѣ обѣда, мы тронулись изъ Терки и вступили въ помянутую выше великую степь. Дорога шла не далеко отъ моря, и на ней, въ теченіи 11 дней, мы не видали ни города, ни селенія, ни дерева, ни холма, ни рѣки, кромѣ Кизляра, ни единой птицы, но вездѣ ровная, настоящая степь, сухая, песчаная, тонкой травой поросшая почва, съ солеными морскими лужами. Мы проѣхали въ этотъ день только 4 мили. 5-го числа достигли до помянутой сейчасъ рѣки Кизляра, 6 Іюня 6 миль до одной лужи, выступившей изъ моря. Этѣ первые 3 дня мы ѣхали большею частію на западъ-сѣверо-западъ, а слѣдующіе за тѣмъ три дня на сѣверъ; потомъ уже мы направлялись на сѣверо-востокъ и на востокъ-сѣверо-востокъ до Волги. 7 числа сдѣлали мы шесть миль по огромному болоту, по которому лошади везли съ великимъ трудомъ. Въ этотъ день, по причинѣ сильнаго зноя, мы терпѣли великую тягость; къ жару явилось еще множество комаровъ, мухъ и оводовъ, такъ что ни человѣкъ, ни животныя наши, ни какъ почти не могли отъ нихъ отдѣлаться. Верблюды, не обладающіе такимъ удобствомъ, какъ лошади, отмахиваться отъ этѣхъ насѣкомыхъ, къ вечеру казались полуободранными отъ безчисленнаго множества шишекъ или опухолей, изъ которыхъ лилась кровь.

8-го Іюня, съ восходомъ солнца, отправились мы дальше, проѣхали до обѣда 4 мили, до одного песчаннаго мѣста. Послѣ обѣда опять сдѣлали 4 мили до одной соленой лужи. На дорогѣ одна изъ лошадей, принадлежавшихъ Татарамъ, истомилась; опасаясь, что она занеможетъ, Татары прирѣзали ее, раздѣлили между собою, и каждый повѣсилъ на задкѣ у своей повозки кусокъ этой конины; когда же мы остановились ночевать, то они разложили изъ хворосту и сухаго тростнику огонь, поджарили на немъ свою конину, и съѣли ее всѣ съ великимъ наслажденіемъ. Мнѣ они дали отвѣдать конины: на вкусъ она точно сухое, жесткое мясо быка.

9-го числа сдѣлали мы 7 миль; до обѣда прибыли къ заливу, или къ выступу моря, а вечеромъ остановились ночевать у гнилой, соленой лужи. Лужа эта доставила намъ отвратительное питье. Изъ такихъ лужъ вообще, а изъ этой въ особенности, воду пить иначе нельзя, какъ заткнувъ носъ, чтобы зловоніе ея не сдѣлало ее отвратительною для питья.

10-го числа опять проѣхали 7 миль до одного залива, поросшаго тростникомъ и вода въ которомъ, по близости отъ Волги, нѣсколько слаще.

11-го числа сдѣлали опять 7 миль, до одной, хотя несоленой, но гнилой, лужи, образовавшейся отъ разлива Волги. Въ этотъ день, во время пути, мы увидѣли, съ западной отъ насъ стороны 12 дикихъ свиней: нѣсколько Татарскихъ всадниковъ, ради потѣхи, погнались за ними, поворотили ихъ на насъ, ѣхавшихъ длиннымъ гусемъ одинъ за другимъ, и дикое стадо пробѣжало прямо передъ моей повозкой и исчезло въ сторону къ морю. Лошади наши испугались, понесли что есть мочи поперекъ поля, такъ что Врачъ и Гофмейстеръ, со всею ихъ кладью, вывалились изъ повозки въ разныхъ мѣстахъ; я же и Фонъ Ухтерицъ, сидѣвши въ передней части повозки, и видя, что безопасно выпрыгнуть было нельзя, удержались, хоть и не безъ немалаго страху, въ повозкѣ, пока лошади сами не остановились отъ изнеможенія, заѣхавши къ болоту.

12-го числа сдѣлали мы 8 миль и на дорогѣ нашли двухъ, еще не оперившихся птицъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ близъ пути нашего; нѣкоторые изъ нашихъ полагали, что то были орлята. Видѣли также два озера, приближаясь къ которымъ мы ощущали пріятный запахъ фіялки.

13-го проѣхали далѣе 8 же миль, такъ что вечеромъ мы увидѣли уже городъ Астрахань.

14-го Іюня, сдѣлавъ 3 мили, радостные, что снова прибыли къ Астрахани, мы подъѣхали къ рѣкѣ Волгѣ. Слѣсь всѣ люди наши, жаждавшіе давно желанной прѣсной воды, побѣжали къ

рѣкѣ, припали къ водѣ и пили ее съ жадностію. Такимъ образомъ, съ Божіею помощію, мы совершили это чрезвычайно тяжкое путешествіе черезъ степь. Тягости этого путешествія и слѣдовавшій за тѣмъ восторгъ при рѣкѣ Волгѣ, Павелъ Флемингъ описалъ въ слѣдующей своей одѣ, обращенной къ нашему Гартману Граману. [1]

Какъ только прибытіе наше сдѣлалось извѣстнымъ въ Астрахани, къ намъ тотчасъ же приплыло нѣсколько лодокъ, и съ ними нашъ управляющій продовольствіемъ, Іоаннъ Шумахеръ, который доставилъ намъ на берегъ два мѣшка хлѣба, копченаго мяса и языковъ, тонну пива и боченокъ водки: мы подкрѣпились и насладились всѣмъ этѣмъ вдоволь.

Мы оставались на берегу въ этотъ день, пока Воевода Астраханскій пріискалъ намъ удобныя помѣщенія.

На слѣдующій день насъ перевезли и помѣстили въ просторномъ новомъ амбарѣ (Ambara), или пакгаузѣ лежавшемъ, передъ городомъ на другомъ берегу. Хотя покои наши были удобны, но ночью мы страшно терпѣли отъ множества блохъ и комаровъ. Въ особомъ амбарѣ мы нашли вдоволь всякаго продовольствія, которое нашъ Повѣренный въ Москвѣ, Давидъ Рюцъ (Rütz), полгода назадъ доставилъ намъ сюда.

ГЛАВА XXII.

Что было съ нами въ Астрахани, во время нашей стоянки тамъ.

Такъ какъ въ Астрахани мы простояли восемь недѣль, то я часто ходилъ вокругъ города и по городу, измѣрилъ его и нашелъ, что городская стѣна его имѣетъ въ окружности 8000

---

[1] Подлин. стр. 747. Перев.

футовъ, и городъ самъ лежитъ такъ, какъ онъ представленъ на прилагаемомъ при семъ изображеніи. [1]

Послѣдняго Іюня Посланники вторично отправили подарки Воеводѣ, который, 1-го же Іюля, отдарилъ насъ, прославши намъ быка, по боченку пива и меду, 4 овцы, 10 утокъ, 10 куръ и 6 гусей, въ доказательство своей благодарности.

Одного не могу умолчать сдѣсь, что извѣстно всѣмъ сопутствовавшимъ Посольству, изъ которыхъ многіе еще живые: это именно то, что Посланникъ Бругманъ не приказалъ возобновлять всю, изорванную уже у нашего Пастора, Г. Соломона Петри (Petri), одежду, которая у него должна была быть красная, за то, что онъ, по обязанностямъ служенія своего, выражался довольно рѣзко въ своихъ покаянныхъ проповѣдяхъ, въ которыхъ Бругманъ, можетъ быть, видѣлъ намеки на себя; такъ что, наконецъ, на обратномъ пути, въ Шемахѣ, а также и сдѣсь, въ Астрахани, проповѣдникъ нашъ проповѣди сказывалъ и совершалъ даже Таинство Причащенія въ однихъ исподняхъ и въ присутствіи даже Русскаго Посланника, Алексѣя, которому очень было понравилось наше Богослуженіе и который теперь возмутился этѣмъ и хотѣлъ было самъ, также какъ и мы, купить Пастору новое платье, если бъ мы только не опасались противодѣйствія со стороны Посланника.

Посланникъ Бругманъ намѣревался также уѣхать изъ Астрахани одинъ, съ небольшимъ числомъ прислуги, сухимъ путемъ, а товарища своего оставить позади, для чего имъ сдѣлалы были уже нѣкоторыя приготовленія. Но Алексѣй Савиновичъ, съ которымъ онъ совѣтовался объ этомъ, отговорилъ его. Этотъ-то Алексѣй Савиновичъ и открылъ намъ замыслъ Бругмана, предостерегая насъ, чтобъ мы были осторожнѣе; ибо намѣреніе Бругмана было не лучше того, какое было у Рушеля, Посланника Французскаго, который оклеветалъ товарища своего, Маркиза, передъ Патріархомъ Московскимъ, измѣнилъ ему и довелъ

[1] Въ Подлинникѣ стр. 748. О. Б.

до того, что Маркиза сослали въ Сибирь. Объ этомъ было разсказано уже выше. На этотъ-то умыслъ и намекаютъ нѣкоторые стихи оды, которую написалъ одинъ изъ нашихъ. [2]

Послѣ такого извѣщенія насъ, Алексѣй Савиновичъ распростился съ нами и отправился впередъ, по дорогѣ въ Москву. Но въ Нижнемъ онъ получилъ отъ друзей своихъ увѣдомленіе, что, по нѣкоторымъ непростительнымъ упущеніямъ его въ Персіи, по дѣламъ, которыя ему были поручены, въ Москвѣ его ждетъ Царская опала; въ слѣдствіе чего, по малодушію своему, онъ принялъ въ Нижнемъ (Niesen) ядъ, и умеръ тамъ.

25-го Іюля прибылъ въ Астрахань изъ Москвы Московскій караванъ, въ коромъ находился одинъ Нѣмецъ, Андрей Рейснеръ (Reussner), отправлявшійся съ препоручительными отъ Его Княжеской Свѣтлости, Герцога нашего, грамотами въ Персію къ Шаху. Съ этѣмъ Нѣмцемъ Бругманъ втайнѣ вступилъ въ важныя, искренія совѣщанія, по которымъ, наконецъ, ими было рѣшено, чтобы, по нѣкоторымъ причинамъ, Нѣмецъ Рейснеръ не отправлялся далѣе впередъ, но возвратился бы назадъ и ѣхалъ прежде насъ въ Голштинію, и тамъ старался устроить и направить дѣла сообразно съ ихъ намѣреніями.

1-го Августа Русскіе въ Астрахани торжествовали великій радостный праздникъ, начавъ его множествомъ выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ и полукартаунъ. Торжество это праздновали Русскіе по тому случаю, что въ 1554 году, въ этотъ день они взяли городъ Астрахань у Нагайскихъ Татаръ.

Въ тотъ же день пришли къ намъ два Казака, люди отчаянные, и принесли Посланникамъ нашимъ письмо отъ Алексѣя, который встрѣтилъ ихъ на Волгѣ. Они безъ зазрѣнія совѣсти говорили намъ, что они отваживались схватываться поживиться добычей у людей, принадлежавшихъ различнымъ народамъ, и желали бы испытать свои силы и съ Нѣмцами. Нашихъ пушекъ они не

---

[2] См. подлинникъ на 749 стр. Перев.

очень-то боялись; говорили, что онѣ опасны только для тѣхъ, въ кого онѣ попадутъ, и это есть несчастіе, остальные же бываютъ цѣлы; но они слышали, что на кораблѣ у насъ есть взрывные снаряды (ящики), посредствомъ которыхъ можно будто бы взорвать всѣхъ на воздухъ; что это за снаряды, они не понимаютъ, но полагаютъ, что отъ нихъ не бываетъ хуже смерти для ихъ брата; а они и безъ того люди, заслужившіе висѣлицу и колесо; посчастливится имъ въ доброй добычѣ, они веселы и довольны; а потерпятъ уронъ, или убытокъ, они расчитываютъ, что и безъ того осуждены были на смерть.

6-го Августа прибылъ къ Астрахани Персидскій Посолъ, Имамъ-Кули Султанъ, котораго мы давно уже ждали и сдѣсь и въ другомъ еще прежде мѣстѣ. На слѣдующій день Русскіе сдѣлали ему надлежащій пріемъ.

11-го числа у насъ умеръ одинъ изъ Стольниковъ нашихъ, Генрихъ Кребсъ, изъ Гамбурга, отъ кроваваго поноса, и 13-го мы похоронили его на Армянскомъ кладбищѣ съ подобающею обрядностію.

5-го Сентября изъ Астрахани отправилась Станица (Staniza) или караванъ Русскихъ и Татаръ, человѣкъ въ 200, сухимъ путемъ въ Москву; къ этому каравану присталъ и Андрей Рейсперъ съ нѣкоторыми изъ своей и нашей прислуги и съ лошадьми Посланниковъ. Мы же стали изготовляться къ отъѣзду водою; купили двѣ большія барки, имѣвшія по 12 саженъ въ длину и по $2^1/_2$ саж. въ ширину; обѣ онѣ, со всѣми снарядами, стоили намъ до 600 рейхсталеровъ; на каждую барку мы наняли по 30 гребцовъ, съ платою каждому отъ Астрахани до Казани по 6 рублей или по 12 рейхсталеровъ.

Не за долго до отъѣзда нашего пришли къ намъ стрѣльцы и привели на продажу десятилѣтнюю дѣвочку, которую увели они у одного учителя изъ Перекопскихъ Татаръ, изъ подъ Азова (городъ этотъ лежитъ у устья Дона), при Азовскомъ морѣ, и 1-го Августа того года взятъ былъ Казаками у Турокъ, послѣ жесто-

каго кровопролитія). [3] Вскорѣ за тѣмъ пришли еще два стрѣльца, и привели другую дѣвочку 7-ми лѣтъ, которую они украли изъ стоявшей подъ Астраханью Нагайской Орды, ночью, когда она спала возлѣ своей бабушки. Этого ребенка они принесли въ мѣшкѣ совершенно голаго, по тому что она передъ похищеніемъ только что вышла изъ купанья, и стрѣльцы вытряхнули дѣвочку изъ мѣшка передъ покупщиками, словно поросенка. Родители этой дѣвочки, по обычаю Татаръ, замѣтили ее, именно двумя синими точками, величиною съ мышиной горошекъ, сдѣланныхъ на щекахъ, для того, чтобы, въ случаѣ похищенія ея и продажи, если бъ она отыскивалась, можно было признать ее. Посланникъ Бругманъ заявилъ себя при этомъ похвально; ибо видя, что покупкою дѣтей выкупались и дѣтскія души, и имъ открывался путь ко спасенію наставленіемъ ихъ въ Христіянской Вѣрѣ и крещеніемъ во Христа, онъ охотно взялъ дѣвочекъ, заплативъ за Перекопскую дѣвочку 25, а за Нагайскую 15 рейхсталеровъ, вывезъ ихъ потихоньку изъ Астрахани и вручилъ ихъ Ея Княжеской Свѣтлости, супругѣ милостивѣйшаго Князя нашего и Государя, которая поручила тѣхъ дѣвочекъ, для наставленія ихъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, Богопочтеніи, добродѣтели и искуствѣ разныхъ ручныхъ работъ, своей любимой придворной, у которой онѣ въ короткое время успѣли такъ много, что при крещеніи, 19-го Мая, 1642 года, совершенномъ торжественно, въ присутствіи многихъ Княжескихъ особъ и другихъ знатныхъ лицъ, и при высокихъ воспріемникахъ ихъ, не только показали знаніе Лютерова Катихизиса, но, къ удивленію многихъ, могли давать отчетливые отвѣты и на многіе другіе вопросы, касавшіеся Христіянства. Перекопская дѣвица, называвшаяся прежде Таппой (Tanna), переименована въ крещеніи Анной-Маріей, а Нагайская, бывшая по имени Тауби (Taubi), наречена Софіей-Елисаветой, обѣ по именамъ Ея Княжеской Свѣтлости, Маріи Елисаветы.

Замѣчательно также, что бывшій въ это время въ Астрахани, нашъ Татарскій и Турецкій переводчикъ, Мартынъ Альбрехтъ,

---

[3] Азовъ взятъ былъ Донцами во второй половинѣ Іюня, 1637 года, а возвращенъ, по именному Указу Царя, въ Апрѣлѣ, 1642 года. О. Б.

который родомъ былъ изъ Татаръ и въ дѣтствѣ также былъ увезенъ, проданъ въ Москву и окрещенъ тамъ, узнанъ былъ сдѣсь своимъ отцомъ и пріятелями, которые хотѣли его выкупить, но онъ не захотѣлъ уже вернуться къ нимъ, говоря: «Принявъ однажды истинную, Христіянскую Вѣру, онъ хочетъ и далѣе жить и умереть въ ней, а по тому добровольно отказывается отъ своихъ родителей, хотя онъ и любитъ ихъ. Послѣ этого онъ даже и не отлучался далеко отъ Посольства, изъ опасенія, чтобы родители насильно не похитили его. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 26, кроткій и весьма услужливый для всѣхъ.

Персидскій Посолъ также купилъ сдѣсь въ жены себѣ дѣвицу изъ Нагайскихъ Татарокъ, и у ея собственнаго же брата, у одного, находившагося въ плѣну, Мирзы. Посолъ далъ за нее 120 талеровъ чистыми деньгами и лошадь, стоившую 10 талеровъ, хотя Посолъ имѣлъ около 70 лѣтъ, но былъ еще довольно крѣпокъ и въ силахъ.

ГЛАВА XXIII.

Путешествіе отъ Астрахани до Москвы и что въ немъ случилось.

7-го Сентября мы поднялись изъ Астрахани и пустились опять по Волгѣ. Посланники раздѣлили между собою сопутствовавшихъ и взяли себѣ каждый по баркѣ. Въ тотъ день мы пріостановились въ полумили отъ города и ожидали тамъ Султана. Когда на слѣдующій день онъ прибылъ къ намъ съ тремя барками, мы привѣтствовали его выстрѣлами и поплыли далѣе вмѣстѣ съ нимъ. 10-го числа мы миновали островъ Бузанъ (Busan), около котораго Крымскіе и Перекопскіе Татары переплываютъ Волгу вплавь, такъ какъ сдѣсь она очень узка. Чтобъ воспрепятствовать такому легкому сообщенію ихъ, Русскіе держатъ сдѣсь, на восточной сторонѣ рѣки, караулъ или стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Нѣсколько изъ этихъ стрѣльцовъ явились къ намъ и просили хлѣба: имъ дали мѣшокъ сухарей.

15-го Сентября прибыли мы къ Черноярy (Tzornogar), [1] и такъ какъ городокъ этотъ построенъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ, то его называютъ также Михайловъ Новгородъ; онъ отстоитъ въ 300 верстахъ или въ 60 миляхъ отъ Астрахани. Воевода этого городка прислалъ Посланникамъ письмо на Латинскомъ языкѣ, оставленное ему Алексѣемъ Савиновичемъ; въ письмѣ этомъ Воевода просилъ выйти на берегъ и посѣтить его; онъ же, по лестному заявленію Алексѣя, готовъ доставить намъ возможныя удовольствія. Не желая терять времени, мы отклонили это приглашеніе и не вышли на берегъ.

24-го Сентября мы достигли города Царицы (Sariza), [2] отстоящаго въ 200 верстахъ отъ предыдущаго. 29-го Сентября, въ день Св. Михаила, мы имѣли добрый вѣтеръ и проплыли противъ теченія 40 верстъ. Нѣкоторые Русскіе приписывали это дню именинъ Великаго Князя, Михаила. [3]

2-го Октября барка Персидскаго Посла, на которой были лошади, сѣла на мель, и положено было много труда, чтобы вывести ее на глубину. Въ этотъ промежутокъ времени Султанъ вышелъ на берегъ, а къ нему вышли и наши Посланники, и отобѣдали тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Остальные сопутники обоихъ Посольствъ также перезнакомились другъ съ другомъ, при чемъ Персіяне всѣ перепились водкой до того, что падали въ воду, кто тамъ, кто сдѣсь, и ихъ, точно мертвую скотину, нужно было перетаскивать на ихъ барки. Когда суда были готовы и мы хотѣли уже отплыть далѣе, Персіяне завели съ Русскими стрѣльцами, состоявшими при насъ, перебранку, а за тѣмъ и драку, сперва палками, а потомъ вынули и сабли. Султанъ, также пьяный не менѣе своихъ прислужниковъ, хотѣлъ было пустить въ ходъ огнестрѣльное оружіе, но мы уговорили его, и ссора была прекращена.

---

[1] Черному Яру. О. Б.

[2] Царицына. О. Б.

[3] По Католическому и Протестантскому Календарямъ въ сей день Архангела Михаила. О. Б.

Того же числа ночью, одинъ изъ мальчиковъ, прислужниковъ Султана, страдавшій поносомъ, перешелъ къ нему на барку, гдѣ упалъ въ воду, и его спохватились не прежде, какъ утромъ, когда рѣка далеко уже унесла и поглотила его.

6-го Октября прибыли мы къ Саратову (Saratoff), въ 350 верстахъ отъ Царицы. Намъ сообщили сдѣсь, что отрядъ Казаковъ паткнулся было на отправленный впередъ по сушѣ караванъ или станицу, но замѣтивъ, что будетъ значительный отпоръ, они, хоть и не сдѣлали враждебнаго нападенія, но съ нѣсколькими кобылицами проскакали съ великимъ крикомъ мимо каравана, и такимъ способомъ отогнали и увели изъ каравана нѣсколькихъ аргамаковъ (Archimaken, какъ навываютъ Русскіе Персидскихъ лошадей).

14-го Октября, къ вечеру, поднялась сильная буря съ сѣверозапада, разсѣявшая суда наши туда и сюда. Наша барка, на которой былъ Посланникъ Крузе, съ двумя Султанскими судами, на которыхъ находились лошади, ударились о восточной берегъ рѣки, дали течь и въ минуту наполнились водою. Все добро наше мы должны были перенести на берегъ; Персіяне же, видя, что вода грозитъ лошадямъ, наклонили барки свои на бокъ, и такимъ образомъ спасли лошадей своихъ, кромѣ одной, которая утонула. Буря продолжалась два дня и двѣ ночи, и такъ какъ мы боялись, что вѣтеръ совсѣмъ можетъ разбить нашу барку, то мы сняли мачту, послѣ чего стало бить тише. 16-го числа, когда вѣтеръ совершенно улегся, мы поставили опять на воду затонувшую барку нашу, вытащили ее на берегъ, законопатили и склепали ее. Персіяне же, которыхъ барки не могли уже употребляться въ дѣло, повели далѣе лошадей ужь сухимъ путемъ. 24-го числа прибыли мы къ городу Самарѣ (Samara), отстоящему отъ Саратова въ 70 миляхъ.

4-го Ноября праздновали день именинъ Посланника Оттона Бругмана, и тремя залпами изъ пушекъ съ обѣихъ барокъ привѣтствовали его, желая ему всякаго благополучія, при чемъ случилось слѣдующее несчастіе: подъ крышей на палубѣ заткнутъ было заряженное ружье, и когда, внизу барки, стрѣляли изъ

большой пушки, то отъ зажженнаго фитиля воспламенился и порохъ въ ружьѣ, которое и выстрѣлило пулей по ногамъ слуги, Каспера Зелера (Sehler) и барабанщика Христофора Бута (But), стоявшихъ тогда на палубѣ; одинъ изъ раненыхъ долго еще послѣ этого оставался въ Казани больной.

6-го Ноября мы миновали большую рѣку Каму, и 8-го вечеромъ, при великой стужѣ, вошли въ рѣку Казанку. Мы остановились въ четверти мили отъ города, противъ одного монастыря. Далѣе на Волгѣ оставаться было не возможно; ибо въ ту же ночь былъ такой сильный морозъ, что на другой день вся рѣка стала.

Сначала Воевода, Иванъ Васильевичъ Морозовъ (Jvan Wasilowitz Morosow), бывшій прежде Царскимъ Совѣтникомъ, принялъ насъ дурно. Причиною тому частію то, что мы не тотчасъ же, какъ Воеводы обыкновенно желаютъ этого, бѣжимъ къ нимъ съ подарками, частію же то, что Казанскій Воевода находился въ особенной дружбѣ съ важнѣйшими Русскими купцами, которые и прежде всѣми мѣрами старались помѣшать нашему путешествію, цѣли нашего Посольства, и тому подобное. Такъ, Посланники отправили сперва къ Воеводѣ нарочныхъ, [4] съ предъявленіемъ Великокняжеской пропускной грамоты, съ изъявленіемъ дружескаго привѣтствія и прося его о пріисканіи имъ помѣщеній. Но онъ не впустилъ даже къ себѣ посланныхъ и далъ такое рѣшеніе: чтобы уполномоченные наши возвратились на барку, и что онъ самъ дастъ знать о своемъ намъ отвѣтѣ. На другой день онъ прислалъ одного Боярскаго Сына (Sinbojaren) на барку Посланника Бругмана, и приказалъ спросить: «Кто у насъ былъ Посланникъ и кто купецъ?» Посланникъ Бругманъ оскорбился такимъ вопросомъ, схватилъ Боярскаго Сына за руку и сказалъ: «Скажи Воеводѣ, что я свинопасъ (Schweintrecker), и прибавь ему, если онъ самъ не умѣетъ грамотѣ, то не уже ли у него нѣтъ людей, которые бы прочитали ему пропускную грамоту Царя. Въ ней онъ увидалъ бы, какъ относится и называетъ насъ Великій Князь.» Не смотря на это, мы все таки

---

[4] Нарочные втѣ были: Дворецкій и толмачъ, какъ это видно далѣе. Перев.

должны были прожить нѣсколько дней на баркахъ при сильныхъ морозахъ, что для тѣхъ изъ насъ, которые имѣли у себя мало одежды, было крайне тягостно. Воевода хоть и приказалъ сказать намъ, что мы можемъ сами, за свои деньги, нанять себѣ помѣщеніе, но въ то же время запрещалъ Русскимъ, чтобы они отнюдь не принимали насъ къ себѣ. Онъ приказалъ также наказать палками стражу, приставленную у входа въ рѣчку Казанку (Casanka), за то, что она пропустила насъ, а также и одного мальчика, который на своей телѣгѣ подвезъ у одного болота нашего Дворецкаго и толмача, которыхъ мы посылали (какъ сказано выше) къ Воеводѣ.

11-го числа приглашенъ былъ Персидскій Посолъ и помѣщенъ въ предмѣстіи. Когда этотъ Посолъ переговорилъ съ Воеводою относительно насъ, то 13-го числа и мы наконецъ допущены были въ городъ, при чемъ намъ стоило великаго труда перебираться по льду. Но мы тоже помѣщены были только въ слободѣ (Solwoda) или въ предмѣстьѣ, и намъ не дозволено было расположиться внутри городской стѣны.

Раздѣленіе Посланниковъ и сопутствовавшаго имъ народу въ помѣщеніи и продовольствіи, продолжалось и сдѣсь, также какъ и на баркахъ; но такъ какъ главнымъ распорядителемъ по продовольствію былъ Посланникъ Бругманъ, то наша половина, на отдѣльномъ столѣ, довольно продолжительное время получала пищу только по одному разу въ день, а для питья одну воду, безъ уксусу и водки.

20-го Ноября Посланники подарили Воеводѣ ихъ 2 барки, прибавивъ къ тому и другіе подарки, которые и были приняты съ благодарностію и сдѣлали Воеводу готовымъ ко всякаго рода услугамъ для насъ.

6-го Декабря Русскіе праздновали свой большой праздникъ, Св. Николая, продолжавшійся потомъ цѣлые 8 дней, и во все это время хорошіе пріятели, какъ мужчины, такъ и женщины, радостно посѣщали другъ друга и, понапившись уже порядкомъ, расходились, пошатываясь, по домамъ, а нѣкоторые даже ползкомъ.

Хозяйку нашу, какъ женщину зажиточную, также посѣтили нѣсколько молодыхъ и старыхъ женщинъ, ея родственницъ и подругъ, которыхъ она, совѣстясь насъ, помѣстила въ особомъ мѣстѣ комнаты, за занавѣскою, и тамъ угощала ихъ калачами, пирогами, водкой, пивомъ и медомъ. Когда же горячіе напитки прогнали въ нихъ застѣнчивость, то они отбросили прочь занавѣсъ, подошли и подсѣли къ намъ, приглашая насъ, Нѣмцевъ, принять участіе въ ихъ питіи и веселіи, и ради вѣжливости, мы не прогнали ихъ, но повеселились съ ними.

Въ этѣ же дни приходилъ къ хозяйкѣ и Священникъ, съ своимъ Дьякономъ, кадилъ передъ образами и на самую хозяйку, при чемъ онъ и утѣшалъ ее въ ея горѣ, такъ какъ мужъ ея сидѣлъ въ долговой темницѣ. Священникъ этотъ много разговаривалъ со мною о своей Вѣрѣ, о чудесахъ, въ которыя они вѣрятъ, и между прочимъ о томъ, что въ Казани у нихъ въ Спасскомъ монастырѣ (Spas), 40 лѣтъ тому назадъ, вырыты были изъ своихъ могилъ, два святыхъ монаха, по именамъ: Варсонофій (Warsinosi), [1] и Гурій (Kurci), [2] которые и теперь еще лежатъ нетлѣнные, и если больной, или разслабленный, придетъ и помолится имъ, то выздоравливалъ. Когда же я спросилъ его: если это такъ, то по чему же онъ самъ не полѣчится этѣмъ средствомъ отъ своей боли въ спинѣ, на которую онъ тутъ же, незадолго передъ тѣмъ, жаловался нашей хозяйкѣ? И по чему же въ Казани, при всемъ этомъ, также много слѣпыхъ, хромыхъ и вообще болящихъ людей, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи?

---

[1] Варсонофій, Архимандритъ Казанскаго Преображенскаго монастыря, былъ Епископомъ Тверскимъ 1563, а въ 1576, оставивъ Епархію, возвратился въ свой монастырь, гдѣ и скончался того же года; мощи же его обрѣтены 1596, Октября 4, и почиваютъ въ придѣлѣ большой церкви, на южной сторонѣ, поверхъ земли. О. Б.

[2] Гурій, первый Архіепископъ Казанскій, изъ Дворянъ Раготиныхъ Радонежа, сначала Игуменъ Волоколамскаго Іосифова монастыря 1522 г., потомъ Селижаровскаго, а съ 1555 Архіепископъ; скончался 1564 г., Декабря 4, принявъ схиму, а мощи его обрѣтены Октября 4, 1596 г., и почиваютъ въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. О. Б.

ствіяхъ множества добрыхъ пріятелей, которые находились тутъ же, и помѣщены въ большомъ Посольскомъ Дворѣ; тотчасъ же принесли намъ, обычные при поздравленіи съ пріѣздомъ, напитки, и потомъ ежедневно уже насъ милостиво снабжали продовольствіемъ, или всѣмъ тѣмъ, что касалось до стола и погреба.

Мы нашли уже въ Москвѣ Посольскихъ лошадей и прислугу, посланныхъ намъ впередъ изъ Астрахани; но Рейснеръ (Reussner) поспѣшилъ, для достиженія своихъ, тайныхъ съ Бругманомъ, намѣреній, уѣхать уже до насъ въ Голштинію.

6-го Генваря, [2] въ день Св. Крещенія, Русскіе торжествовали праздникъ съ великимъ водоосвященіемъ, на которомъ присутствовали Великій Князь и Патріархъ, со всѣми придворными чинами и духовенствомъ.

8 числа Посланниковъ пригласили на первое тайное представленіе, на которомъ они имѣли совѣщаніе въ продолженіи почти часа времени. Въ эту ночь умеръ младшій сынъ Великаго Князя, Князь Иванъ Михайловичъ (Ivan Michailovitz), бывшій 8 лѣтъ, [3] въ слѣдствіе чего по всей Москвѣ, особенно же при Дворѣ, настала великая печаль; всѣ подданные при этомъ обязаны снять съ себя свои украшенія, золото, жемчугъ и дорогія одежды, и одѣться въ ветхія, порваныя и темнаго цвѣта, кафтаны.

21 Генваря Посланниковъ потребовали на другое тайное представленіе и, по случаю печали, ихъ повезли на вороныхъ лошадяхъ; палатки всѣ покрыты были чернымъ сукномъ, и Совѣтники одѣты въ черныя камлотовыя одежды; это представленіе продолжалось два часа.

30 Генваря отправился Фонъ Ухтерицъ въ давно желанный имъ путь, въ Голштинію. При отпускѣ его случилось слѣдующее достойное вниманія обстоятельство. Фонъ Ухтерицъ, по частнымъ

---

[2] Въ подлинникѣ 5, очевидно по ошибкѣ. Перев.

[3] Но онъ род. 2-го Іюня, 1633 г., ум. 10-го Генваря, 1639 г. О. Б.

Хозяйку нашу, какъ женщину зажиточную, также посѣтили нѣсколько молодыхъ и старыхъ женщинъ, ея родственницъ и подругъ, которыхъ она, совѣстясь насъ, помѣстила въ особомъ мѣстѣ комнаты, за занавѣскою, и тамъ угощала ихъ калачами, пирогами, водкой, пивомъ и медомъ. Когда же горячіе напитки прогнали въ нихъ застѣнчивость, то они отбросили прочь занавѣсъ, подошли и подсѣли къ намъ, приглашая насъ, Нѣмцевъ, принять участіе въ ихъ питіи и веселіи, и ради вѣжливости, мы не прогнали ихъ, но повеселились съ ними.

Въ этѣ же дни приходилъ къ хозяйкѣ и Священникъ, съ своимъ Дьякономъ, кадилъ передъ образами и на самую хозяйку, при чемъ онъ и утѣшалъ ее въ ея горѣ, такъ какъ мужъ ея сидѣлъ въ долговой темницѣ. Священникъ этотъ много разговаривалъ со мною о своей Вѣрѣ, о чудесахъ, въ которыя они вѣрятъ, и между прочимъ о томъ, что въ Казани у нихъ въ Спасскомъ монастырѣ (Spas), 40 лѣтъ тому назадъ, вырыты были изъ своихъ могилъ, два святыхъ монаха, по именамъ: Варсонофій (Warsinosi), [1] и Гурій (Kurci), [2] которые и теперь еще лежатъ нетлѣнные, и если больной, или разслабленный, придетъ и помолится имъ, то выздоравливалъ. Когда же я спросилъ его: если это такъ, то по чему же онъ самъ не полѣчится этѣмъ средствомъ отъ своей боли въ спинѣ, на которую онъ тутъ же, незадолго передъ тѣмъ, жаловался нашей хозяйкѣ? И по чему же въ Казани, при всемъ этомъ, также много слѣпыхъ, хромыхъ и вообще болящихъ людей, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи?

---

[1] Варсонофій, Архимандритъ Казанскаго Преображенскаго монастыря, былъ Епископомъ Тверскимъ 1563, а въ 1576, оставивъ Епархію, возвратился въ свой монастырь, гдѣ и скончался того же года; мощи же его обрѣтены 1596, Октября 4, и почиваютъ въ придѣлѣ большой церкви, на южной сторонѣ, поверхъ земли. О. Б.

[2] Гурій, первый Архіепископъ Казанскій, изъ Дворянъ Раготиныхъ Радонежа, сначала Игуменъ Волоколамскаго Іосифова монастыря 1522 г., потомъ Селижаровскаго, а съ 1555 Архіепископъ; скончался 1564 г., Декабря 4, принявъ схиму, а мощи его обрѣтены Октября 4, 1596 г., и почиваютъ въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. О. Б.

ствіяхъ множества добрыхъ пріятелей, которые находились тутъ же, и помѣщены въ большомъ Посольскомъ Дворѣ; тотчасъ же принесли намъ, обычные при поздравленіи съ пріѣздомъ, напитки, и потомъ ежедневно уже насъ милостиво снабжали продовольствіемъ, или всѣмъ тѣмъ, что касалось до стола и погреба.

Мы нашли уже въ Москвѣ Посольскихъ лошадей и прислугу, посланныхъ намъ впередъ изъ Астрахани; но Рейснеръ (Reussner) поспѣшилъ, для достиженія своихъ, тайныхъ съ Бругманомъ, намѣреній, уѣхать уже до насъ въ Голштинію.

6-го Генваря, [2] въ день Св. Крещенія, Русскіе торжествовали праздникъ съ великимъ водоосвященіемъ, на которомъ присутствовали Великій Князь и Патріархъ, со всѣми придворными чинами и духовенствомъ.

8 числа Посланниковъ пригласили на первое тайное представленіе, на которомъ они имѣли совѣщаніе въ продолженіи почти часа времени. Въ эту ночь умеръ младшій сынъ Великаго Князя, Князь Иванъ Михайловичъ (Jvan Michailovitz), бывшій 8 лѣтъ, [3] въ слѣдствіе чего по всей Москвѣ, особенно же при Дворѣ, настала великая печаль; всѣ подданные при этомъ обязаны снять съ себя свои украшенія, золото, жемчугъ и дорогія одежды, и одѣться въ ветхія, порваныя и темнаго цвѣта, кафтаны.

21 Генваря Посланниковъ потребовали на другое тайное представленіе и, по случаю печали, ихъ повезли на вороныхъ лошадяхъ; палатки всѣ покрыты были чернымъ сукномъ, и Совѣтники одѣты въ черныя камлотовыя одежды; это представленіе продолжалось два часа.

30 Генваря отправился Фонъ Ухтерицъ въ давно желанный имъ путь, въ Голштинію. При отпускѣ его случилось слѣдующее достойное вниманія обстоятельство. Фонъ Ухтерицъ, по частнымъ

---

[2] Въ подлинникѣ 5, очевидно по ошибкѣ. Перев.

[3] Но онъ род. 2-го Іюня, 1633 г., ум. 10-го Генваря, 1639 г. О. Б.

дѣламъ своимъ, именно по случаю полученія наслѣдства, очень хлопоталъ, чтобы поскорѣе уѣхать въ Германію, и нѣсколько уже разъ просилъ о томъ позволенія у Посланниковъ. Но Бругманъ долго не соглашался отпустить его, пока, наконецъ, не уступилъ, только съ условіемъ, чтобы онъ ни отъ кого не бралъ писемъ въ Германію, особенно же къ Голштинскому Двору, кромѣ какъ отъ него, а всѣ остальныя письма отъ другихъ кого либо передать ему, при такомъ условіи онъ не только отпуститъ его, но и дастъ хорошее вспомоществованіе на поѣздку; въ противномъ же случаѣ пусть онъ, Фонъ Ухтерицъ, и не думаетъ достигнуть желаемаго. Это показалось дико и нечисто Фонъ Ухтерицу, какъ честному Дворянину; онъ обратился за совѣтомъ къ Посланнику Крузе и къ другимъ, спрашивая, что ему дѣлать? и сообща приняли за лучшее, чтобы онъ повелъ дѣло такъ, какъ будто бы согласенъ содѣйствовать Бругману въ такомъ неблаговидномъ намѣреніи его. Когда же Ухтерицъ замѣтилъ Бругману, что, вѣдь, онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности, если и Посланникъ Крузе тоже вручитъ бумаги къ Его Княжеской Свѣтлости, а онъ ихъ не доставитъ Герцогу, то Бругманъ объявилъ, что дастъ ему письменное собственноручное удостовѣреніе въ томъ, что Ухтерицъ отвѣчать не будетъ, и если что случится, то ему, Ухтерицу, ни какого вреда не послѣдуетъ. За тѣмъ Ухтерицъ не возражалъ уже далѣе, и Бругманъ остался доволенъ и снарядилъ Ухтерица къ отъѣзду. Между тѣмъ Посланникъ Крузе изготовилъ два письма, и одно изъ нихъ отдалъ Ухтерицу потихоньку, а другое, такъ какъ оно должно было попасть Бругману, открыто, при всѣхъ. То же сдѣлали Секретарь и нѣкоторыя другія лица при Посольствѣ. При чемъ надо было устроить такъ, чтобы Фонъ Ухтерицъ передалъ эти письма Бругману не передъ отъѣздомъ своимъ, когда Бругманъ, вскрывши ихъ, могъ, пожалуй, опять отмѣнить поѣздку Фонъ Ухтерица. Для устраненія этого Фонъ Ухтерицъ сказалъ Бругману, что считаетъ за лучшее передать ему, Бругману, письма не въ Москвѣ, а въ полумилѣ уже отъ города, какъ бы для того, чтобы Крузе не догадался; по отъѣздѣ же Ухтерица, чтобы Бругманъ снова потребовалъ пакетъ съ письмами себѣ, какъ бы для того, чтобы еще что приложить туда; въ такомъ случаѣ и честь его, Ухтерица, будетъ какъ бы соблюдена. Это разумное предложеніе очень понравилось Бругману,

собралось множество народу, преимущественно женщинъ, желавшихъ посмотрѣть на жену Персіянина, какъ она будетъ выходить изъ закрытыхъ саней, Султанъ разгнѣвался до того, что хотѣлъ лучше уѣхать вонъ изъ города, чѣмъ допустить видѣть жену его. Онъ спросилъ даже: «Развѣ всѣ женщины въ Нарвѣ блудницы, что ходятъ непокрытыя?» О нашей странѣ онъ судилъ по своей, такъ какъ въ Персіи ни одна честная женщина не дозволитъ себѣ показать свое лицо чужому кому бы то ни было. Такимъ образомъ нужно было разогнать народъ прежде, чѣмъ жена Султана вышла изъ саней. Послѣ этого Султанъ приказалъ, чтобы женская повозка всегда уже и въ другихъ мѣстахъ подъѣзжала ближе къ постоялому двору и чтобы ходъ отъ повозки до дверей гостинницы всегда увѣшивался полотномъ съ двухъ сторонъ, между которымъ и проходили изъ повозки и въ повозки, ни кѣмъ невидимыя, жена Султана и ея служанка, которую Султанъ купилъ въ Казани за 30 рейхсталеровъ.

4-го Апрѣля Посланники выѣхали изъ Нарвы въ такомъ же сопровожденіи, какъ и въѣхали въ нее, и прибыли въ селеніе Цурцъ (Purtz), въ которомъ простояли цѣлый день и наняли другихъ лошадей. 8-го Апрѣля отправились всѣ въ замокъ Кунду (Kunda), гдѣ простояли 4 дня. Такъ какъ снѣгъ въ это время уже сошелъ и на саняхъ ѣхать далѣе было нельзя, то все Посольство должно было продолжать путь верхомъ и на колесныхъ подводахъ.

13-го Апрѣля Посланники прибыли въ городъ Ревель, и были тамъ хорошо приняты и помѣщены однимъ достопочтеннымъ Совѣтникомъ. Такъ какъ здѣсь Посланникъ Бругманъ, какъ и прежде бывало въ другихъ мѣстахъ, сталъ уже въ высшей степени преслѣдовать Секретаря Посольства, то этотъ послѣдній, 15-го Апрѣля, сѣлъ на корабль и уплылъ впередъ въ Голштинію, гдѣ и пробылъ въ Готторфѣ, при Дворѣ Его Княжеской Свѣтлости, до прибытія Посланниковъ. Посланники со всѣми спутниками своими прожили въ Ревелѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца, преимущественно по волѣ и желанію Посланника Бругмана, который имѣлъ особый замыселъ на что-то, но въ чемъ компасъ его былъ чрезвычайно невѣренъ и запутанъ. Во все это время Посланники и спутники ихъ проживали въ городѣ и внѣ его у добрыхъ прія-

дѣламъ своимъ, именно по случаю полученія наслѣдства, очень хлопоталъ, чтобы поскорѣе уѣхать въ Германію, и нѣсколько уже разъ просилъ о томъ позволенія у Посланниковъ. Но Бругманъ долго не соглашался отпустить его, пока, наконецъ, не уступилъ, только съ условіемъ, чтобы онъ ни отъ кого не бралъ писемъ въ Германію, особенно же къ Голштинскому Двору, кромѣ какъ отъ него, а всѣ остальныя письма отъ другихъ кого либо передать ему, при такомъ условіи онъ не только отпуститъ его, но и дастъ хорошее вспомоществованіе на поѣздку; въ противномъ же случаѣ пусть онъ, Фонъ Ухтерицъ, и не думаетъ достигнуть желаемаго. Это показалось дико и нечисто Фонъ Ухтерицу, какъ честному Дворянину; онъ обратился за совѣтомъ къ Посланнику Крузе и къ другимъ, спрашивая, что ему дѣлать? и сообща приняли за лучшее, чтобы онъ повелъ дѣло такъ, какъ будто бы согласенъ содѣйствовать Бругману въ такомъ неблаговидномъ намѣреніи его. Когда же Ухтерицъ замѣтилъ Бругману, что, вѣдь, онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности, если и Посланникъ Крузе тоже вручитъ бумаги къ Его Княжеской Свѣтлости, а онъ ихъ не доставитъ Герцогу, то Бругманъ объявилъ, что дастъ ему письменное собственноручное удостовѣреніе въ томъ, что Ухтерицъ отвѣчать не будетъ, и если что случится, то ему, Ухтерицу, ни какого вреда не послѣдуетъ. За тѣмъ Ухтерицъ не возражалъ уже далѣе, и Бругманъ остался доволенъ и снарядилъ Ухтерица къ отъѣзду. Между тѣмъ Посланникъ Крузе изготовилъ два письма, и одно изъ нихъ отдалъ Ухтерицу потихоньку, а другое, такъ какъ оно должно было попасть Бругману, открыто, при всѣхъ. То же сдѣлали Секретарь и нѣкоторыя другія лица при Посольствѣ. При чемъ надо было устроить такъ, чтобы Фонъ Ухтерицъ передалъ эти письма Бругману не передъ отъѣздомъ своимъ, когда Бругманъ, вскрывши ихъ, могъ, пожалуй, опять отмѣнить поѣздку Фонъ Ухтерица. Для устраненія этого Фонъ Ухтерицъ сказалъ Бругману, что считаетъ за лучшее передать ему, Бругману, письма не въ Москвѣ, а въ полумили уже отъ города, какъ бы для того, чтобы Крузе не догадался; по отъѣздѣ же Ухтерица, чтобы Бругманъ снова потребовалъ пакетъ съ письмами себѣ, какъ бы для того, чтобы еще что приложить туда; въ такомъ случаѣ и честь его, Ухтерица, будетъ какъ бы соблюдена. Это разумное предложеніе очень понравилось Бругману,

собралось множество народу, преимущественно женщинъ, желавшихъ посмотрѣть на жену Персіянина, какъ она будетъ выходить изъ закрытыхъ саней, Султанъ разгнѣвался до того, что хотѣлъ лучше уѣхать вонъ изъ города, чѣмъ допустить видѣть жену его. Онъ спросилъ даже: «Развѣ всѣ женщины въ Нарвѣ блудницы, что ходятъ непокрытыя?» О нашей странѣ онъ судилъ по своей, такъ какъ въ Персіи ни одна честная женщина не дозволитъ себѣ показать свое лицо чужому кому бы то ни было. Такимъ образомъ нужно было разогнать народъ прежде, чѣмъ жена Султана вышла изъ саней. Послѣ этого Султанъ приказалъ, чтобы женская повозка всегда уже и въ другихъ мѣстахъ подъѣзжала ближе къ постоялому двору и чтобы ходъ отъ повозки до дверей гостинницы всегда увѣшивался полотномъ съ двухъ сторонъ, между которымъ и проходили изъ повозки и въ повозки, ни кѣмъ невидимыя, жена Султана и ея служанка, которую Султанъ купилъ въ Казани за 30 рейхсталеровъ.

4-го Апрѣля Посланники выѣхали изъ Нарвы въ такомъ же сопровожденіи, какъ и въѣхали въ нее, и прибыли въ селеніе Пурцъ (Purtz), въ которомъ простояли цѣлый день и наняли другихъ лошадей. 8-го Апрѣля отправились всѣ въ замокъ Кунду (Kunda), гдѣ простояли 4 дня. Такъ какъ снѣгъ въ это время уже сошелъ и на саняхъ ѣхать далѣе было нельзя, то все Посольство должно было продолжать путь верхомъ и на колесныхъ подводахъ.

13-го Апрѣля Посланники прибыли въ городъ Ревель, и были тамъ хорошо приняты и помѣщены однимъ достопочтеннымъ Совѣтникомъ. Такъ какъ здѣсь Посланникъ Бругманъ, какъ и прежде бывало въ другихъ мѣстахъ, сталъ уже въ высшей степени преслѣдовать Секретаря Посольства, то этотъ послѣдній, 15-го Апрѣля, сѣлъ на корабль и уплылъ впередъ въ Голштинію, гдѣ и пробылъ въ Готторфѣ, при Дворѣ Его Княжеской Свѣтлости, до прибытія Посланниковъ. Посланники со всѣми спутниками своими прожили въ Ревелѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца, преимущественно по волѣ и желанію Посланника Бругмана, который имѣлъ особый замыселъ на что-то, но въ чемъ компасъ его былъ чрезвычайно невѣренъ и запутанъ. Во все это время Посланники и спутники ихъ проживали въ городѣ и внѣ его у добрыхъ прія-

телей своихъ въ полномъ удовольствіи. Нѣкоторые изъ нашихъ вступили въ бракъ съ Ревельскими дѣвицами; такъ Г. Посланникъ Крузе женился на дочери покойнаго Г. Іоанна Мюллера, И. Маріи, въ Кундѣ; Врачъ нашъ, Г. Гартманъ Граманъ, на дѣвицѣ Елисаветѣ, дочери Г. Іоанна Фоненъ (Fonnen), родственницѣ одного знатнаго Совѣтника; Гансъ Арпенбекъ, бывшій нашъ Русскій переводчикъ, на Бригитѣ Фонъ Акенъ (Acken), и трубачь нашъ, Адамъ Мёлеръ (Möller), также женился тамъ. Былъ тамъ и сговоръ М. П. Флеминга, съ дѣвицею Анною, дочерью Г. Генриха Нигузена (Niehusen), старшины и знатнаго купца Ревельскаго.

11-го Іюля Посланники съ Султаномъ и однимъ Русскимъ Посланникомъ, который отправленъ былъ Великимъ Царемъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Фридриху Голштинскому, пустились въ путь водою. Они поплыли на 4-хъ парусныхъ корабляхъ, и послѣ 11-тидневнаго плаванія достигли Голштинскаго берега, у острова Фемерна (Femern). Они хотѣли было войти въ Кильскую пристань, но противный вѣтеръ не впустилъ ихъ туда, по чему они и отправились къ Нейштадту, лежащему въ 2-хъ миляхъ отъ Любека, и 22-го Іюля стали тамъ на якорѣ. Узнавши же отъ нарочнаго своего, котораго они посылали въ городъ, что тамъ свирѣпствуетъ язва, они тотчасъ же пустились опять въ море, направляясь къ пристани Травемюндской, въ которую и вошли 23-го Іюля.

Отсюда Посланники отправили кладь, съ частью прислуги, водою въ Киль, сами же поѣхали сухимъ путемъ, и 28 Іюля прибыли въ Кутинъ (Cutin), мѣстопребываніе брата Его Княжеской Свѣтлости, Герцога Іоанна, Епископа Любецкаго, гдѣ были превосходно приняты и угощены этѣмъ Герцогомъ.

30-го Іюля, наконецъ, всѣ вмѣстѣ поднялись и прибыли въ хорошо извѣстный городъ, Киль. Отсюда Посланники наши поѣхали впередъ, къ Его Свѣтлости Князю, 1-го Августа благополучно достигли столицы его, Готторфа, и такимъ образомъ, Божіею милостію, наше путешествіе въ Москву и Персію окончательно было исполнено.

Всемогущему великому Богу, чудесно путеводившему насъ въ долгомъ и тяжкомъ странствованіи чрезъ всякаго рода опасности для жизни, и сильнымъ кровомъ своимъ милостиво сохранившему и радостно возвратившему насъ въ любезное Отечество, за такую великую благость, хвала, поклоненіе и благодареніе отнынѣ и до вѣка!

ГЛАВА XXVI.

Что было по окончаніи Посольства при Голштинскомъ Дворѣ, именно: какъ прибыли Персидскій и Московскій Посланники, и какъ они снова отъѣхали.

Что происходило по совершеніи Посольства при Голштинскомъ Дворѣ владѣтельнаго Князя, упомяну здѣсь въ немногихъ словахъ. Такъ, 8-го Августа Посолъ Персидскаго Шаха и Русскій Посланникъ (Poslanik) благополучно прибыли къ Княжеской столицѣ, и съ великолѣпнымъ торжествомъ встрѣчены были назначенною для этого Шлезвигъ-Голштинскою конницей (рыцарствомъ) и полкомъ, въ 1500 человѣкъ, наемныхъ оруженосцевъ, и препровождены для жительства въ два знатные, богато убранные, дома, противъ замка.

11-го Августа Его Княжеская Свѣтлость принималъ Персидскаго Посла, при чемъ Посла везли съ почетными проводами. Посолъ одѣтъ былъ въ великолѣпной и богатѣйшей одеждѣ; по Персидскому обычаю, въ каретѣ передъ Посломъ сидѣлъ его служитель и держалъ, приподнявъ вверхъ, Татшъ или Персидскую корону. Эта повязка или корона сдѣлана была изъ краснаго бархата, атласа, или изъ иной красной матеріи, и вышита и подбита по числу ихъ великихъ святыхъ (какъ разсказано это выше). Такую священную повязку великіе господа обвиваютъ пестрымъ шелковымъ флеромъ, такъ что она очень похожа на другія Мендили или повязки (чалмы). Она-то и составляетъ важнѣйшій наружный признакъ, которымъ Персіяне отличаются отъ Турокъ,

и который называется Кизильбашъ, т. е., красная голова. Когда какой ни будь знатный Персіянинъ является къ Шаху, то онъ приказываетъ нести за собою такую Tatsch или повязку, покрытую платкомъ, до самыхъ Царскихъ покоевъ, гдѣ и надѣваетъ уже ее на голову, какъ сдѣлалъ это теперь и Посолъ нашъ.

Вошедши въ пріемный покой, Посолъ этотъ, съ обычною торжественностію и почтеніемъ приблизился къ Его Княжеской Свѣтлости, привѣтствовалъ его отъ имени своего Шаха, и въ запечатанномъ кошелѣ или мѣшечкѣ (называемомъ у нихъ Кисе, Kisse), который на обѣихъ рукахъ несъ Визирь или Секретарь за Посломъ, передалъ вѣрительную грамоту. Сказанный мѣшечекъ или Кисе былъ изъ прекрасной золотой парчи, съ вышитыми выпуклыми изображеніями изъ цвѣтнаго шелку, длиною въ 5 четвертей локтя, а шириною въ четверть; ибо въ такую величину и видъ сложена была самая грамота, писанная на прекрасной бумагѣ, сдѣланной изъ шелка и хлопчато-бумажной ткани, высокимъ, напыщеннымъ слогомъ, по Канцелярскому образцу Персіянъ. Содержаніе этой грамоты, равно какъ и той вѣрительной грамоты, которая вручена была намъ при отъѣздѣ изъ Персіи, существенно заключалось въ слѣдующемъ: Послѣ длиннаго, высокаго и почетнаго титула и всевозможныхъ пожеланій, Шахъ говорилъ въ грамотѣ, какъ глубоко пріятно было ему почетное Посольство, которымъ Его Княжеская Свѣтлость удостоилъ его; что, съ своей стороны, онъ предлагаетъ Его Княжеской Свѣтлости свою искреннюю, непзмѣнную дружбу, какую и предки его вели всегда съ высокими Государями Христіянскими Нѣмецкаго народа; что, въ слѣдствіе всего этого, онъ, Шахъ, также не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи послать и къ Его Княжеской Свѣтлости своего Посла съ просьбою, чтобы Его Княжеская Свѣтлость, когда понадобится, продолжалъ подобныя Посольства и присылалъ бы къ нему своихъ дружественныхъ, любвеобильныхъ Посланниковъ. Съ своей стороны онъ, Шахъ, будетъ дѣлать то же; и все, что только было и будетъ желательно Его Княжеской Свѣтлости предпринять по поводу настоящихъ дѣлъ (отношеній), если только желаемое не въ ущербъ Государству его, онъ, Шахъ, охотно все исполнитъ, какъ обо всемъ этомъ пространнѣе Посолъ его доложитъ словесно Его Княжеской Свѣт-

лости, по Его Царскому повелѣнію. Съ своей стороны онъ, Шахъ, ни чего бы такъ сердечно не желалъ, какъ чтобъ начатое, въ высшей степени похвальное и великое, намѣреніе Его Княжеской Свѣтлости достигло счастливаго успѣха и окончанія, и проч. и проч.

14-го Августа Персидскій Посолъ представилъ и передалъ Его Княжеской Свѣтлости Шахскіе подарки, состоявшіе изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ Персидскихъ лошадей, богатыхъ, драгоцѣнными каменьями обдѣланныхъ, уздечекъ, нѣсколькихъ кусковъ дорогой золотой парчи и множества другихъ Индійскихъ и Персидскихъ тканей, многоцѣнныхъ товаровъ, вещей и рѣдкостей. Вели и несли этѣ подарки 300 человѣкъ.

16-го числа представлялся, съ грамотою и подарками вмѣстѣ, отъ Его Царскаго Величества Русскій Посланникъ къ Его Княжеркой Свѣтлости и былъ также принятъ надлежащимъ почетнымъ образомъ. За тѣмъ оба Посланника имѣли разныя тайныя представленія и совѣщанія съ Г г. Совѣтниками Его Княжеской Свѣтлости, и нѣсколько разъ оба вмѣстѣ кушали у стола Его Княжеской Свѣтлости.

22-го Сентября Персидскій Посолъ, а вскорѣ за нимъ и Русскій Посланникъ, получили свой обратный отпускъ и, принявъ почетные подарки отъ Его Княжеской Свѣтлости, черезъ нѣсколько дней отправились въ обратный путь домой.

Такъ какъ Персидскій Посолъ, бывши у насъ, довольно сурово обращался съ своими спутниками и грозилъ, что на обратномъ пути онъ будетъ еще строже (что дѣйствительно и было), то, какъ помянуто уже выше, шестеро изъ этѣхъ спутниковъ, и именно важнѣйшіе изъ нихъ: Визирь и одинъ главный служитель Посла, по имени Хаджи, и еще одинъ Армянинъ, опасавшіеся, по нѣкоторымъ причинамъ, даже за жизнь свою у Султана, потихоньку ушли изъ Посольства и остались въ Голштиніи.

Какъ только Султанъ пустился въ море, Визирь, по имени Гаквирди (Hakwirdi), съ сыномъ своимъ, и сказанный Хаджи, явились къ

Его Княжеской Свѣтлости и просили о назначеніи имъ содержанія, которое и дано было имъ довольно достаточное. Гаквирди былъ 55 лѣтъ и, по Персидскому образцу, ученый и весьма свѣдущій въ Арабскомъ языкѣ человѣкъ. Познакомясь со временемъ съ свойствами Христіянской Вѣры и, узнавъ начала, на которыхъ она основывается, и соображая, съ другой стороны, что Вѣра Магометанская, исполненная очевидной лжи, не можетъ навести на истинный путь къ блаженству, онъ убѣдительнѣйше просилъ Его Княжескую Свѣтлость, милостивѣйшаго Государя нашего, оказать ему милость и помочь, чтобы его и сына его наставить и окрестить въ нашу Вѣру. Такая просьба, наиболѣе согласная съ указанными выше намѣреніями Его Княжеской Свѣтлости, не щадившаго, для достиженія ихъ, огромныхъ издержекъ, такъ какъ исполненіе ея вело къ славѣ Бога и спасенію душъ человѣческихъ, была принята съ радостію, и оба Персіянина: отецъ у насъ, въ Шлезвигѣ, а сынъ при Курфиршескомъ Дворѣ, въ Дрезденѣ, поручены были, для наставленія въ главныхъ началахъ Христіанской Вѣры, нашимъ Пасторамъ. На 61-мъ году отъ рожденія своего отецъ довольно порядочно ознакомился съ Нѣмецкимъ языкомъ, а Катихизисъ Лютера для дѣтей выучилъ даже наизустъ и уразумѣлъ его вполнѣ, такъ что содержаніе его, онъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, при крещеніи ихъ въ высокоторжественномъ собраніи, въ Готторфѣ, въ присутствіи Его Величества, Датскаго Короля, и множества другихъ Княжескихъ особъ, могъ передать совершенно вразумительно и отвѣчать также и на другіе вопросы, относящіеся до Христіянства. Отецъ, названный въ крещеніи Фридрихъ Христіянъ, цѣлые 5 лѣтъ жилъ у меня въ домѣ, и онъ оказалъ мнѣ немалую услугу сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній о состояніи Персіянъ, объ ихъ Исповѣданіи, образѣ жизни и проч. У меня же бывши въ дому, онъ въ 1650 году, 18 Генваря, постоянно оставаясь неколебимъ въ признанной и принятой имъ Христіянской Вѣрѣ до самаго конца, за 3 дня до своей смерти, непремѣнно пожелалъ пріобщиться Св. Таинъ, пріобщился ихъ и скончался на 66-мъ году своей жизни.

Оставшійся послѣ него сынъ его, названный при крещеніи Гансъ Георгъ Фарсъ (Farss), по распоряженію Его Свѣтлости, Герцога Іоанна Георга Саксонскаго, отданъ былъ въ обученіе, вмѣстѣ

съ наставленіями въ Вѣрѣ, оружейному и пороховому дѣлу, къ чему онъ имѣлъ особую охоту, такъ что оказалъ въ этомъ дѣлѣ хорошіе успѣхи, въ слѣдствіе чего Его Княжеская Свѣтлость, милостивѣйшій Государь мой, опредѣлилъ его сдѣсь, въ столичной крѣпости, Цейхмейстеромъ (Zeugmeister).

Армянину же, по имени Григорію, человѣку, имѣвшему въ Персіи хорошее положеніе, Бругманъ не хотѣлъ оказать услуги, какую оказали Армяне въ Испагани ему и всѣмъ намъ, во время нападенія тамъ на насъ Индійцевъ. Такъ, когда Григорій, по Христіянской довѣрчивости, сообщилъ втайнѣ Бругману, что онъ, по уважительнымъ причинамъ, намѣренъ уйти отъ Султана и взять путь черезъ Италію, гдѣ онъ также имѣлъ дѣла, по приказанію своего Государя, Бругманъ хотя и обѣщалъ ему свое въ томъ содѣйствіе, но потомъ, ради извѣстныхъ причинъ, желая угодить Султану, открылъ ему намѣреніе Армянина. Въ слѣдствіе этого Султанъ рѣшился захватить и вывести насильно Армянина съ собою. Армянинъ же, когда однажды ночью Султанъ потребовалъ его къ себѣ, съ приказаніемъ принести и свои деньги, догадавшись, что дѣло должно быть неладно, и что въ приглашеніи этомъ скрывалось предательство, получивъ при томъ отъ одного изъ своихъ товарищей предостерегающій знакъ движеніемъ головы, сдѣлалъ видъ, какъ будто готовъ сейчасъ же исполнить желаніе Султана, а въ то же время бросился въ дверь вонъ, перескочилъ черезъ стѣну, бѣжалъ и скрылся въ одномъ спальномъ платьи. Послѣ этого Бругманъ, чтобы принудить Армянина возвратиться опять и явиться, приказалъ все имущество его и товары, привезенные имъ въ Германію на продажу и отправленные было по совѣту Бругмана, съ однимъ слугою, въ Гамбургъ, привезти снова изъ Гамбурга, что и было исполнено, и товары тѣ передать Султану. Но, не смотря на то, Григорій все таки остался въ Голштиніи, бросилъ все, кромѣ грамоты или письма въ Италію, которое въ тайнѣ доставилъ ему слуга его, остававшійся еще у Султана. Самъ же Григорій скрывался довольно долгое время у дворцоваго садовника Его Княжеской Свѣтлости и потомъ, съ защитительною грамотой отъ Его Свѣтлости къ Шаху Персидскому и съ денежнымъ пособіемъ въ нѣсколько сотъ рейхсталеровъ, черезъ Италію возвратился въ Персію. Когда

я былъ въ 1643 году еще разъ въ Москвѣ, то слышалъ тамъ отъ спутниковъ бывшаго тамъ же Персидскаго Посла, что Григорій прибылъ въ Испагань почти въ одно время съ Султаномъ. Вскорѣ за тѣмъ Шахъ Сефи умеръ, а на престолъ возведенъ былъ сынъ его, по имени Абасъ (Abas), какъ уже было сказано о томъ выше.

ГЛАВА XXVII.

Дальнѣйшее извѣстіе о томъ, что наконецъ случилось съ Оттономъ Бругманомъ.

Послѣ отъѣзда изъ Готторфа Персидскаго и Русскаго Посланниковъ, Его Княжеская Свѣтлость потребовалъ отъ Бругмана отчетъ въ полученныхъ имъ и израсходованныхъ деньгахъ, а также строгой отвѣтности въ тѣхъ и другихъ его поступкахъ и распоряженіяхъ, для чего хотя ему и дано было довольно продолжительное время, но все таки такую во всемъ отчетность онъ, Бругманъ, представилъ крайне неудовлетворительно. Между тѣмъ, бывшій Секретарь Посольства подалъ на Бругмана открытое обвиненіе или жалобу на понесенныя имъ во время путешествія оскорбленія, и по этой жалобѣ возникла между сими двумя лицами тяжба, съ участіемъ высоко ученыхъ Адвокатовъ. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла Бругманъ, приговоромъ суда и закона, присужденъ былъ, наконецъ, къ испрошенію открыто извиненія.

По такъ какъ найдено также было, чтъ тотъ же Бругманъ нарушилъ вѣрность, которою былъ обязанъ передъ Его Княжескою Свѣтлостію, нагло и совершенно безболзненно переступилъ границы данныхъ ему повелѣній, потерялъ всякую добросовѣстность, честь и стыдъ, погрязъ во всякаго рода недозволенныхъ и никогда въ Посланникѣ неслыханныхъ порокахъ и преступленіяхъ, то Его Княжеская Свѣтлость, чтобъ доказать свое высокое негодованіе на таковые поступки передъ цѣлымъ свѣтомъ, и

въ особенности передъ тѣми высокими Государями, къ которымъ Бругманъ былъ посланъ и у которыхъ такъ неодобрительно и зло онъ заявилъ себя, принужденъ былъ предать его, Бругмана, суду, справедливымъ приговоромъ котораго, послѣ надлежащаго судебнаго изслѣдованія, возбужденнаго противъ него, онъ осужденъ былъ на смерть. Такимъ-то образомъ Его Княжеская Свѣтлость повелѣлъ обвинять Бругмана, назначивъ для того особаго правительственнаго обвинителя (фискала) передъ особымъ судомъ, составленнымъ изъ Дворянъ и высокоученыхъ господъ Засѣдателей (Adsessoren), и, по объявленіи прежде состоявшагося домашняго суда (juramenti domesticitatis), сказанный уголовный судъ, послѣ того, какъ назначенные, по желанію Бругмана, ex officio, знаменитые Стряпчіе (Авдокаты) составили въ довольно продолжительное время, на основаніи всѣхъ, сообщенныхъ имъ, бумагъ по этому дѣлу, возможное оправданіе, представленное въ тотъ судъ защитникомъ обвиняемаго (Прокуроромъ), разсмотрѣвъ все, приговорилъ, наконецъ, Бругмана повѣсить; но Его Княжеская Свѣтлость, по своей высокоприрожденной кротости, изъявилъ милость, замѣнивъ этотъ родъ казни обезглавленіемъ посредствомъ меча.

Конечно, не безъ того, чтобы долгъ Посланниковъ (munus legationum), и прежде у всѣхъ народовъ считавшійся высокимъ, священнымъ, полезнымъ и необходимымъ, требующимъ особенной вѣрности, добросовѣстности и справедливо-честныхъ дѣйствій (ибо и сами Посланники суть отраженіе Государей, umbrae principum), иногда грубо не злоупотреблялся; случалось, что нѣкоторые Посланники оскверняли себя тѣмъ и другимъ недозволеннымъ преступленіемъ, или порокомъ, и тѣмъ причиняли, какъ Государямъ своимъ, такъ и самимъ себѣ, великія непріятности, какъ это достаточно подтверждаетъ свѣдѣтельство многихъ примѣровъ въ Исторіи. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ изъ Іосифа, изъ одной древней Іудейской Исторіи, извѣстно, какъ Досиѳей (Dositheus) нарушилъ довѣріе, которымъ онъ былъ обязанъ Гиркану (Hyrcano). Изъ Кранца (Cranzio) знаемъ, какъ Николай де Бо (Nicolaus de Bo) не только дерзко нарушилъ повелѣніе и предписанія своего Государя, Маркграфа Бранденбургскаго, но и сдѣлалъ явный подлогъ, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ подчистивъ

грамоту и вписавъ въ ней другое имя. Далѣе, изъ Ливія извѣстно, какъ три сына Марка Фабія, люди неопытные, отправленные Римлянами въ качествѣ пословъ къ Французамъ, по дѣлу съ Клузинами (Clusiner), какъ они перешли на сторону Клузинянъ и участвовали въ войнѣ противъ Французовъ. Наконецъ Геродотъ и Юстинъ разсказываютъ, какъ Посолъ Персидскаго Царя, Дарія, къ Македонскому Царю, Аминтѣ, велъ себя дерзко и неприлично до того, что даже за общимъ столомъ не могъ обуздать своей постыдной страсти (о чемъ подробнѣе разсказано уже нами въ 15 главѣ 5 книги).

Но чтобы одинъ и тотъ же Посланникъ, и въ одно только Посольство, совершилъ столько различныхъ, за одинъ разъ, важныхъ преступленій, какъ Бругманъ, который не только переступилъ предѣлы даннаго ему повелѣнія Его Княжеской Свѣтлости, но распечатывалъ и подмѣнялъ бумаги, писанныя къ высокимъ особамъ, дѣлалъ ложные доносы, составлялъ множество различныхъ несправедливыхъ бумагъ (manifesta falsa), на имя Его Свѣтлости, въ которыхъ безчестилъ и клеветалъ на собственнаго своего товарища и на другихъ лицъ, кромѣ того постыдно расторгъ свой бракъ, велъ злую жизнь, совершилъ умышленное убійство, растратилъ ввѣренное ему имущество и деньги Его Княжеской Свѣтлости на многія тысячи, представилъ невѣрный счетъ, и многое подобное тому, и все точно доказанное, то такого примѣра нельзя найти ни у одного изъ бытописателей. По этому всѣ такія, въ одномъ Посланникѣ неслыханныя, злоупотребленія и необычайные проступки, совершенныя за одинъ разъ, также мало могутъ быть оправданы и Бругманъ остаться не наказаннымъ, при одной даже тѣни справедливости, да и мало исторія можетъ указать примѣровъ, чтобы исчисленныя нечистыя дѣла, и даже хотя бы одно изъ нихъ и въ одномъ Посланникѣ, не были наказаны отъ Бога и людей самымъ жестокимъ и строжайшимъ образомъ. И такъ, Его Княжеская Свѣтлость ни чего инаго не могъ и предпринять, какъ предать суду его, Бругмана.

Что касается до поведенія и послѣднихъ дней жизни Бругмана, послѣ состоявшагося надъ нимъ, 2-го Мая, приговора, то я

упомяну сдѣсь о нихъ, въ похвалу Бругману. Узнавши, что рѣшеніемъ суда и закономъ онъ приговоренъ къ смерти, Бругманъ просилъ о сообщеніи ему этого приговора и судейскаго рѣшенія. Онъ обрадовался, что Его Княжеская Свѣтлость назначилъ ему казнь мечомъ, и по поводу этого написалъ свое благодарственное заявленіе Его Свѣтлости, за такое милостивое и смягчающее рѣшеніе, и заявленіе это удержалъ у себя до исполненія приговора. Между тѣмъ онъ добровольно и по Христіянски началъ приготовляться къ смерти, и очень обрадовался, что Богъ соблаговолилъ еще удѣлить ему время и мѣсто для обращенія его къ Нему, за каковую милость онъ не могъ довольно и возблагодарить Бога. За тѣмъ, 4-го Мая, по свѣдѣтельству его духовника, Г. Стефана Персенія (Persenii), проповѣдника при церкви Св. Михаила въ Шлезвигѣ, Бругманъ совершилъ свою исповѣдь, стоя на колѣняхъ и проливая обильныя слезы. Когда же Пасторъ, бесѣдуя съ нимъ по Евангелію и закону, хотѣлъ было, простерши руку, возложить оную на него, въ отпущеніе грѣховъ, то Бругманъ пожелалъ, чтобы тотъ подождалъ немного; ибо у него было еще нѣчто на сердцѣ, и онъ хотѣлъ бы имѣть совѣсть болѣе успокоенную, еще покаяться. Послѣ этого, успокоившись окончательно, онъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ принялъ отпущеніе грѣховъ, пріобщился Св. Таинъ, и за тѣмъ приготовился къ смертному часу, осѣняя себя нѣсколько разъ крестнымъ знаменіемъ.

Въ тотъ же вечеръ, движимый Христіянскимъ желаніемъ, я пошелъ къ Бругману, объяснивъ ему, что какъ я тогда ни чего уже не имѣлъ противъ него, по бывшимъ между нами неудовольствіямъ, то я могъ надѣяться, что и онъ также не питаетъ ни чего противъ меня. На это онъ, въ присутствіи своего духовника и многихъ другихъ, бывшихъ тутъ лицъ, дружески отвѣчалъ, что ему очень отрадно не только то, что я пришелъ къ нему, но въ особенности то, что онъ слышитъ это отъ меня, при чемъ онъ еще разъ просилъ меня, чтобы я простилъ ему все отъ чистаго сердца, самъ же онъ уже сдѣлалъ это съ своей стороны, и теперь ни о чемъ болѣе не заботится, какъ только о блаженной кончинѣ. Онъ пригласилъ меня посидѣть у него, показывалъ мнѣ свой саванъ и молитвенникъ, въ которомъ онъ записалъ день своего

рожденія, лѣта и день назначенной смерти, и велъ потомъ разные разговоры о духовныхъ предметахъ, изъ чего можно было заключить объ его раскаявшемся сердцѣ и объ особенномъ желаніи его умереть. На слѣдующій день, именно 5-го Мая, когда его вели на городской валъ, онъ также обнаружилъ неустрашимость духа передъ смертію въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ своихъ: такъ онъ пѣлъ довольно громко, когда шелъ, опустивъ голову, на мѣстѣ казни онъ вынулъ заявленіе свое о довольствѣ судомъ, передалъ его Готторфскому сторожу темницы, и еще разъ просилъ поблагодарить Его Княжескую Свѣтлость за милостивый приговоръ. Палачу онъ сказалъ, чтобы онъ не робѣлъ при исполненіи возложеннаго на него порученія: «Въ приговорѣ сказано, прибавилъ онъ, чтобы предать смерти меня мечомъ; если случится, что онъ, палачъ, не сможетъ сдѣлать этого однимъ ударомъ, то пусть онъ сдѣлаетъ два удара.» За тѣмъ Бругманъ сталъ на колѣни и еще разъ молилъ Бога объ отпущеніи ему грѣховъ. Потомъ осмотрѣлъ свой гробъ, потребовалъ, чтобы его принесли въ кругъ, сѣлъ на него и попросилъ слугу своего, Штейна Енсона (Stein Jenson), подвязать ему флеромъ волосы; когда же слуга хотѣлъ было при этомъ завязать и глаза, Бругманъ возмутился и сказалъ: «Не уже ли ты думаешь, что я устрашусь смерти?» И на обращеніе о томъ же Пастору прибавилъ: «Я не страшусь; ибо вижу уже ангеловъ, ожидающихъ мою душу.» За тѣмъ онъ сталъ опять на колѣни, возвелъ глаза и руки къ небу и ждалъ смерти, которая тутъ же и послѣдовала отъ одного удара мечомъ. Тѣло Бругмана, по просьбѣ его, погребено на кладбищѣ Михаила.

Это былъ еще новый примѣръ, хотя нескорой, но справедливой, кары Божіей, и воспоминаніе о замѣчаніи, которое оставилъ Іоаннъ Функцій (Funccius), когда онъ также былъ казненъ мечомъ въ Королевцѣ (Königsberg):

Disce meo exemplo, mandato munere fungi,
Et fuge, ceu pestem, τὴν πολυπραγμοσύνην.

Латинская надпись надъ Оттономъ Бругманомъ на другой сторонѣ переведена на Нѣмецкій языкъ и значится такъ:

Mit solchem Mund und Stirn war ich in Städt und Land,
Im Hertzen aber nur dem Himmel wol bekand.
Das Leben Hamburg gab, Hispanien den Muth,
Und Holstein grosses Glück: mein Thun den Todt mir thut.

То есть:

Съ такими устами и челомъ былъ я въ городахъ и странахъ,
Въ сердцѣ только знакомъ былъ съ Небомъ.
Жизнь далъ мнѣ Гамбургъ, Испанія духъ,
Голштинія большое счастье: дѣла жь мои причинили мнѣ смерть.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:					Читайте:
Стран.		Строка.			
18	1-й кп.	11	сверху	въ городѣ	въ дорогѣ
31	—	15	—	къ сему	къ селу
45	—	5	—	сѣсу	лѣсу
—	—	6	—	локуя	локтя
47	2-й кп.	2	—	ипаго	опаго.
65	—	5	снизу	подвердаютъ	подвергаютъ
68	—	6	—	градомъ	градусомъ
70	—	13	сверху	присезли	привезли
110	—	13	—	два огромныхъ металическихъ куска	двѣ огромныя металическія пушки
234	—	11	—	звѣрскихъ	дворскихъ
239	—	10	—	самое дѣло Русскихъ	самое дѣло стало подозрительнымъ для Русскихъ
247	—	15	—	можно	мирно
261	—	5	снизу	новымъ	новомъ
262	—	12	—	слободу	свободу
272	—	2	—	скузано	сказано
298	—	12	—	крестить	крестять
—	—	2	—	распорядоки	распорядокъ
300	—	6	сверху	должник	должникомъ
398	—	7	снизу	Глава XI.	Глава II.
427	—	6	—	посланны	посланные
431	—	16	сверху	недавно	недалеко
447	—	11	—	замедлили	заспули
456	—	6	—	хорошая	холодная
469	—	12	—	весьна	весьма
471	—	4	снизу	Татарскихъ	Татарскимъ
474	—	1	сверху	которыхъ	которые
481	—	3	снизу	лицу	сыну
484	—	15	—	почтенія	прочтенія
—	—	12	—	явился	являлся
486	—	8	сверху	принесли	принесшіе
487	—	15	—	столько	столько же
—	—	19	—	на на лѣво	на лѣво
497	—	8	снизу	потертъ	потерянъ
500	—	8	—	Плнія	у Плнія
531	—	12	—	неостунной	неотступной

545	—	6	сверху	возротиться	воротиться
583	—	2	—	плодоватый	плодовый
—	—	9	снизу	зясенями	ясенями
621	—	4	сверху	врачъ	врагъ
633	—	12	—	тожпо	можно
673	—	11	снизу	Польскій	Посольскій
679	—	6	—	няпулся	натянулся
695	—	11	—	полудю	полудню.
698	—	16	—	азывалась	называлась
699	—	3	сверху	Вемикій	Великій
709	—	5	снизу	найкрасивѣйшіе	найкрасивѣйшій
711	—	10	сверху	по строва	и острова
751	—	14	снизу	проспобляется	приспособляется
776	—	4	—	карточки	корточки
818	—	10	сверху	все	всѣ
819	—	10	снизу	обрытный	обратный
820	—	16	—	полившаго	налившаго
840	—	1	—	числамъ	числомъ
870	—	13	—	приходитъ	не приходитъ
885	—	12	сверху	капествѣ	качествѣ
888	—	6	—	Шахо)	Шаха)
891	—	15	—	не только	не столько
893	—	1	—	тыячъ	тысячъ
931	—	12	снизу	премилый	премилый
933	—	13	—	Глава VI.	Глава IV.
947	—	10	сверху	Глава IV.	Глава VI.
992	—	6	снизу	цѣпы). Могли вдинусякогда же	цѣпы могли двинуться. Когда же
995	—	4	сверху	одному	одну
1001	—	10	—	напанисалъ	написалъ
1011	—	12	—	въ коромъ	въ которомъ
1016	—	2	снизу	заткнутъ	заткнуто
1017	—	7	—	я	и
1022	—	7	сверху	намъ	нами
1026	—	8	—	не доволитъ	не дозволитъ

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Первое число Римское означаетъ книгу, второе Арабское главу, а третье Арабское страницу.

А.

Аали (Али), покровитель и великій святой Персовъ III, 6, 173; IV, 19, 542.

Аали сыновья и внуки V, 38, 905.

Аали на небѣ, угощаемый Ангелами драгоцѣннымъ напиткомъ V, II, 765; его чудесный конь IV, 36, 636, чудеса его и долина его имени V, 9, 757.

Аали разсѣкаетъ скалу V, 6, 717; ежегодныя помники по немъ (parentatio) IV, 19, 542; VI, 4, 938; гробница его V, 38, 907.

Аалибулахъ, островъ на Каспійскомъ морѣ VI, 5, 947.

Абасъ Мирза дѣлается Царемъ V, 29, 847; убиваетъ своего дворецкаго 30, 848.

Абасъ (Шахъ) не терпитъ большаго титула V, 29, 835, 836.

Абасъ (Шахъ) воюетъ противъ Узбековъ, беретъ Таврисъ, разбиваетъ Турковъ, завоевываетъ Ирванъ, Шемаху, Вавилонъ V, 30, 849—850, 856; онъ другъ Христіянамъ и любитъ бѣдныхъ 857, 858; обѣтъ его IV, 26, 587; Абасъ повелѣваетъ ослѣпить двухъ сыновей своихъ, а самаго старшаго умертвить; его самого отравляютъ; онъ умираетъ, и смерть его содержится въ тайнѣ V, 30, 855, 859; V, 31, 860—866.

Абасъ (Шахъ) Второй V, 33, 883.

Абасъ, Персидская монета V, 6, 728.

Абдалла, родъ духовныхъ людей въ Персіи, проповѣдующихъ противъ Турокъ V, 40, 913—915.

Абдулла-Ханъ, Князь Узбецкихъ Татаръ V, 30, 849.

Абдурраманъ, Князь Узбецкихъ Татаръ IV, 19, 543.

Абкотуръ (Abkotur), вода отъ шелудей, или паршей, источникъ въ Персіи IV, 27, 594.

Абкуренъ, рѣка при Испагани V, 6, 716.

Абуталибъ, отецъ Аали V, 41, 919.

Адамъ, Ной и Аали; могила ихъ V, 38, 907.

Адирбейджанъ V, 2, 700.

Азія имѣетъ множество Христіянъ (Христіянская община въ ней) IV, 23, 570.

Asylus, великое убѣжище въ Персіи V, 6, 722.

Академія, высшая школа или Университетъ въ Дерптѣ, въ Лифоніи I, 3, 13.

Академіи и свободныя искуства въ Персіи V, 24, 814; въ Шемахѣ IV, 19, 538.

Аксай, рѣка въ Дегестанѣ VI, 18, 997.

Ахару, селеніе въ Персіи IV, 25, 582.
Альбертъ, Маркграфъ Бранденбургскій, Герцогъ Прусскій I, 17, 74.
Алкоранъ у Персовъ IV, 19, 539—540.
Александръ Великій. Сказаніе о немъ, объ его бронѣ; онъ пьетъ рѣку жизни, воюетъ съ Даріемъ V, 25, 816—821.
Алексѣй Михайловичъ, Царь Московскій; вѣнчаніе его на царство III, 13, 256.
Алексѣй Романовъ, Посланникъ, любитель Латинскаго языка IV, II, 464.
Аллакапи, великое убѣжище въ Персіи. Смотри: Asylus.
Алмазъ Ивановичъ, Думный Дьякъ Московскій III, 22, 311.
Алтарь Христіанъ, по чему онъ обращенъ на Востокъ V, 39, 910.
Алтарь, на коемъ совершалась Латинская Обѣдня, омывается Греками, когда они хотятъ совершать на немъ свое богослуженіе III, 33, 385.
Амазонки, страна ихъ; споры о ихъ существованіи VI, 12, 972, 973.
Амелекъ-Канна, скленъ близъ Шемахи IV, 20, 305.
Анатомія составляетъ отвращеніе для Русскихъ III, 6, 166.
Андрей Апостолъ проповѣдывалъ въ Россіи III, 21, 305.
Ангелы желаютъ возлежать съ хозяйкою дома V, 9, 753; какъ привѣтствуютъ ихъ Персіяне и Турки 39, 911.
Андре, главное мѣстопребываніе Султана Махмуда VI, 17, 993.
Андроникъ, хитрость его III, 33, 382.
Ансгарій, Легатъ, назначенный на Сѣверъ III, 4, 134.
Анзеръ, островъ на Бѣломъ морѣ III, 1, 114.
Anni solares et lunares у Персіянъ (солнечные и лунные годы) V, 27, 828.
Антіохія, первый столъ и пребываніе Апостола Петра III, 33, 382.
Антоній де Гронъ, перекрещенный Француз III, 24, 320.
Антонія Св. монастырь; происхожденіе его II, 81.
Арабскій языкъ въ употребленіи въ Персіи V, 23, 813.
Арабскій и Персидскій календарь V, 27, 829.
Араратъ, гора, на которой остановился ковчегъ Ноя IV, 14, 489.
Арасенгъ, селеніе въ Персіи IV, 34, 624.
Арасъ или Араксъ, извѣстная рѣка въ Мидіи VI, 7, 952.
Арасъ, также рѣка близъ Персеполя III, 6, 951.
Араксъ и Куръ сливаются IV, 21, 561; VI, 7, 954.
Арбухимъ, гора при Волгѣ IV, 6, 424.
Архангельскъ, большой торговый городъ въ Россіи III, 1, 105—113.
Архестратъ, путешествовавшій для отысканія разныхъ яствъ и напитковъ I, 2, 3.
Аребъ, Ханъ Шемахинскій, сынъ крестьянина IV, 20, 556.
Ардебилъ, городъ въ Адирбейджанѣ, мѣсторожденіе Шиха-Софи V, 2, 700; какъ мы были приняты тамъ IV, 22, 566; увеселительный огонь въ Ардебилѣ IV, 24, 576, и превосходныя пастбища около него IV, 25, 582.
Арендъ Спирингъ, Посланникъ Шведскій, прибылъ въ Москву I, 7, 50.
Армянскій Новый Годъ и праздникъ умовенія ногъ VI, 8, 960.
Армянская церковь близъ Испагани, и ширушка, данная намъ Армянскимъ Правителемъ IV, 40, 661; услужливость и вѣрность Армянъ 37, 644, 644;

праздникъ Крещенія съ водосвятіемъ; Армянскій Епископъ посѣщаетъ паломниковъ 19, 532—535; Армяне богатѣйшіе купцы V, 18, 791.
Армянинъ Григорій обманутъ Бругманомъ VI, 26, 1032.
Аригримъ Іона, историкъ Исландскій III, 4, 133.
Аротъ и Маротъ два Ангела V, 9, 753.
Архіепископы въ Россіи III, 29 349.
Аскула, рѣчка, впадающая въ Волгу IV, 8, 430.
Астрахань, главный городъ Нагайскихъ Татаръ, и Астраханская степь IV, 10, 450.
Астара, область и гора въ Гилянѣ VI, 5, 942.
Астарабатъ, городъ и страна близъ Мазандерана V, 3, 702.
Астрономія и Астрологія у Русскихъ считаются чародѣйствомъ III, 6, 165, у Персіянъ же находятся въ большомъ уваженіи V, 27, 826.
Астрономъ въ Шемахѣ; его обязательность и готовность въ сообщеніи свѣдѣній VI, 19, 540.
Аудіенцъ Зала, пріемный покой въ Москвѣ I, 7, 43; публичное прдставленіе Пословъ въ Москвѣ I, 14, 65; тайныя представленія I, 9, 52; 10, 57; II, 13, 86.
Аугустинскій монастырь Португальцевъ въ Испаніи IV, 40, 659.
Ахибада, селеніе близъ Казвина VI, 3, 930.
Ахматскій островъ на рѣкѣ Волгѣ IV, 8, 435.
Ахтубское устье, рукавъ рѣки Волги IV, 9, 445.
Ахтубено устье IV, 8, 440.
Ашуръ, праздникъ печали у Персовъ IV, 23, 572.

Б.

Баба, птица на берегахъ Каспійскаго моря IV, 9, 449.
Багдадъ или Вавилонъ V, 5, 714; взятіе его Шахомъ Абасомъ и потомъ Турками V, 30, 855, 856.
Бадаренъ, мѣстечко въ Куроніи I, 17, 73.
Бадъ-пай, быстро бѣгающія лошади въ Персіи V, 8, 749.
Базаръ, большой рынокъ Персіянъ V, 6, 727.
Байрамъ, праздникъ Персовъ IV, 23, 570.
Байрамъ-Текель, праздникъ, сдѣланный Ханомъ V, 30, 853.
Бакланъ, птица въ Россіи IV, 12, 473.
Баку, городъ въ Ширванѣ V, 2, 698; пристань въ немъ IV, 16, 507.
Балгару, рѣка въ Персіи IV, 21, 562.
Балдуинъ, Графъ Фландрскій, провозглашенный Императоромъ III, 33, 381.
Балухлу, рѣчка, протекающая чрезъ Ардебиль IV, 25, 583.
Балчикъ, рукавъ Волги IV, 9, 449.
Балыклея, рѣчка въ Россіи IV, 8, 439.
Бани въ Россіи и Ливоніи; Нѣмецкія бани въ Россіи III, 7, 202. въ Шемахѣ IV, 20, 555.
Барамъ, Царь въ Персіи IV, 43, 678.
Баранецъ, особый родъ дыни въ Россіи, похожій на ягненка III, 2, 120.

Бармахъ, высокая скала у Каспійскаго моря IV, 17, 518; крѣпость на ней, построенная Александромъ 520.

Батогъ, кнутъ, употребляемый Русскими для сѣченія III, 20, 300.

Бебутъ-бекъ долженъ убить Царскаго сына, за тѣмъ своего собственнаго, и наконецъ самъ былъ убитъ слугою своимъ V, 31, 851—863.

Беджирванъ, гора и страна въ Персіи IV, 21, 562.

Безчестье платить у Русскихъ III, 6, 175.

Бенги-киди-бенги, обжоры конопляныя V, 15, 780.

Бендемиръ, рѣка въ Персіи V, 7, 953.

Библія у Русскихъ на Славянскомъ языкѣ III, 21, 303; у Персіянъ же она въ презрѣніи V, 39, 911.

Библейскія событія искажаются иногда Русскими III, 27, 327; Персіянами V, 38, 912.

Библіотека въ Кенигсбергѣ (Королевцѣ) 1, 17, 74; въ Ардебилѣ IV, 26, 588. въ Готторфѣ; см. Готторфская библіотека.

Бика, Княгиня Татарская; наше посѣщеніе ея IV, 13, 483.

Бирюза, камень; главное мѣсто нахожденія его въ Персіи V, 14, 709.

Бисты, монета Персидская V, 6, 728.

Біоркъ Петръ Крусъ, Шведскій Резидентъ въ Москвѣ I, 5, 24.

Благодарственный молебенъ, отправленный нами на Каспійскомъ морѣ IV, 12, 478.

Богослуженіе Русскихъ III, 23, 311.

Бодэидій, придворный проповѣдникъ Шведскаго Короля Густава III, 21, 303.

Бойнанъ, селеніе въ Дагестанѣ VI, 12, 977.

Болѣзни въ Персіи V, 7, 735.

Бонифатій VIII, Папа Римскій III, 33, 386.

Борнгольмъ, островъ въ Балтійскомъ морѣ I, 2, 8; II, 2, 8.

Борисъ-Годуновъ, Великій Князь Московскій III, 11, 229.

Ботьма, рукавъ Камы, приволжская рѣка IV, 7, 423.

Бояре въ Россіи III, 18, 283; ихъ доходы 7, 198; паденіе ихъ надъ народомъ 16, 271.

Бояринъ Васильевичъ, бывшій въ Лейпцигской битвѣ I, 4, 18.

Брага, напитокъ у Татаръ VI, 15, 987.

Братоубійство (Эйдера) V, 29, 843.

Братство въ Персіи; какъ оно установлено тамъ V, 14, 775.

Братья Нѣмецкаго Ордена II, 9, 59.

Брачное состояніе Русскихъ III, 8, 204, Персіянъ V, 19, 792; послѣдствія нарушенія супружеской вѣрности и разводъ въ Россіи III, 9, 213, въ Персіи V, 20, 804; 21, 805.

Бригита, монастырь Св. Бригиты II, 8, 53.

Бругманъ, Посланникъ Голштинскій I, 2, 7; особенное его представленіе въ Москвѣ II, 15, 93; празднованіе дня его рожденія IV, 19, 544; пренебреженіе его къ Султану Дербентскому IV, 17, 512; его досадныя распоряженія 516; особые подарки его Царю Персидскому 43, 679; опасныя дѣйствія Бругмана въ Испагани 44, 691; онъ обвиняется въ Готторфѣ и

приговаривается къ смертной казни; причины такой его смерти VI, 27, 1033—1038.
Будова, село подъ Москвою и хитрость крестьянъ этого села I, 5, 34.
Бузанъ, островъ на Волгѣ IV, 9, 449.
Бузюнь, селеніе въ Персіи IV, 28, 597.
Буйволы и кормъ ихъ въ Персіи IV, 17, 541.
Булади, рѣка и селеніе въ Гилянѣ VI, 5, 945.
Бумага хлопчатая въ Персіи воздѣлывается во множествѣ V, 7, 737.
Бурей, Шведскій Посолъ; несчастіе, которое Богъ отвратилъ отъ него I, 4, 21.
Бурле, жена Царя Касана; ея гробъ V, 2, 701.
Бустеръ, селеніе въ Гилянѣ VI, 5, 945.
Бухарскія овцы V, 8, 720.
Бухвостова, рукавъ Волги IV, 9, 447.
Быстрая, рѣка въ Дагестанѣ IV, 13, 479; VI, 18, 998.
Бѣдныхъ пищихъ въ Москвѣ множество III, 32, 368.
Бѣлуга, величиною въ 4 локтя и толщиною въ $1^1/_2$ IV, 8, 440.

В.

Вавилонскіе часы IV, 1, 389.
Вайгачъ, островъ на Сѣверномъ морѣ, на которомъ Голландцы встрѣтили Самоѣдовъ III, 3, 130.
Валеги, Персидскій лѣтописецъ V, 24, 815.
Ванны теплыя, или цѣлебные источники въ Персіи VI, 27, 594.
Варвары могутъ научить кой чему хорошему I, 1, 3.
Варлаамъ Хутынскій, Русскій святой III, 27, 342.
Васильгородъ, городокъ на Волгѣ IV, 3, 406.
Великій Врагъ, село въ Россіи IV, 3, 405.
Венера звѣзда, происхожденіе ея по сказанію Персовъ V, 9, 754.
Верблюды, кормъ ихъ, мстительность, любовь ихъ къ музыкѣ и различные ихъ виды V, 8, 743—748.
Видропускъ, селеніе въ Россіи II, 12, 83.
Вилеши, рѣка при городкѣ Кизильагачъ VI, 1, 945.
Вино пить запрещается Персіянамъ; откуда такое запрещеніе V, 8, 752.
Виноградъ въ Персіи V, 9, 753.
Виноградины величиною съ грецкій орѣхъ IV, 9, 448.
Виноградныя лозы толщиною съ человѣка VI, 5, 943.
Висби, городъ на Готландѣ II, 3, 19.
Висла или Вистула рѣка, впадающая въ Балтійское море II, 3, 17.
Витовтъ, Князь Польскій, угрожаетъ Новгородцамъ II, 11, 76.
Владиміръ, Великій Князь Русскій, принимаетъ крещеніе III, 21, 307.
Владиміръ, древній городъ Русскій IV, 23, 1020.
Владимірское Княжество III, 1, 103.
Владиславъ, сынъ Польскаго Короля Сигизмунда, избранъ на Московское Царство III, 11, 238.
Вода безсмертія, гдѣ она находится V, 25, 819.
Вода, обратившаяся въ камень II, 10, 69.

Вода святая, привезенная въ Москву изъ Іордана III, 21, 308.
Водка, любимый напитокъ Русскихъ III, 6, 180; 7, 195.
Водосвятіе Русскихъ I, 5, 32; Армянъ IV, 19, 531.
Водяная музыка IV, 40, 662.
Воеводы, или Правители у Русскихъ, не оставляются на Воеводствѣ болѣе 2-хъ, или 3-хъ, лѣтъ III, 10, 221.
Возстаніе въ Москвѣ III, 6, 191; 16, 270, и въ Псковѣ 17, 280.
Волга, рѣка, ея начало; Волга и Ока сливаются; время года, судоходное на Волгѣ; какъ Русскіе плаваютъ на ней IV, 2, 398—402.
Волкъ, израненный до 12 человѣкъ близъ Нарвы II, 10, 71.
Володимірское устье, рѣка, впадающая въ Волгу IV, 9, 444.
Волховъ, рѣка при Новгородѣ I, 5, 27.
Воровъ въ Россіи множество III, 6, 186.
Воръ Татаринъ, отрѣзавшій рукавъ камзола IV, 13, 485.
Ворота Каспія V, 3, 704.
Воспитаніе дѣтей и училища въ Персіи V, 22, 808; забавы ихъ IV, 19, 547; посвященіе дѣтей святымъ, находящихся еще въ утробѣ матери V, 39, 912.
Воспоминанія о добрыхъ друзьяхъ, оставленныхъ нами въ Германіи IV, 17 515.
Всадникъ безъ рукъ и ногъ IV, 28, 602.
Встрѣча Турецкаго Посла въ Москвѣ I, 10, 55.
Вѣнчаніе на Царство Русскихъ Царей III, 13, 257; Персидскихъ V, 28, 837.
Вѣра Русскихъ III, 21, 303, Персіянъ и Турокъ и различіе между сими послѣдними V, 38, 901.
Вѣрительныя грамоты, какъ несли ихъ къ Русскому Царю I, 7, 42.
Вязовыя деревья въ изобиліи IV, 7, 420.
Вязовый, островъ на Волгѣ, и **Вязовая**, рѣка, впадающая въ Волгу } IV, 9, 444.

Г.

Гаквирди, Персидскій Визирь, перекрестившійся въ Христіянство въ Голштиніи VI, 26, 1030.
Гакимъ-Фирдузи, поэтъ Персидскій V, 17, 787.
Галлаже, особый видъ винограда въ Персіи V, 9, 756.
Гальба снисходительный V, 20, 804.
Гальметъ, замокъ въ Ливоніи I, 3, 12.
Ганивотъ, Англійскій Повѣренный въ Персіи IV, 40, 659.
Ганифе, толкователь Алкорана въ Персіи V, 38, 96.
Геремъ-Абасъ, монета V, 6, 728.
Гартманъ Граманъ, Лейбъ-Медикъ Русскаго Царя III, 14, 264.
Гассенабатъ, предмѣстье Испагани V, 6, 731.
Гасанъ Падшахъ, Царь Персидскій V, 29—839.
Гасанъ-Бекъ, Секретарь Шаха V, 32, 876.
Гафисъ Ахмедъ, Турецкій Полководецъ V, 30, 856.
Гданскій (Dantzig) Юнкергофъ и братство I, 17, 75.
Геве-Лемюръ, область и селеніе VI, 5, 949.
Гератъ, городъ въ Харасанѣ V, 4, 709.

Германъ, Патріархъ Константинопольскій III, 33, 382.

Гирканія (Гилянъ), область въ Персіи V, 3, 701; VI, 4, 934.

Глобусъ и астролябія удивили Персіянъ IV, 19, 540; глобусъ стеклянный большой, бывшій у Царя Сапора, и двойной, мѣдный глобусъ Герцога Фридриха Голштинскаго V, 27, 826.

Годуновъ: см. Борисъ Годуновъ.

Голутвинъ Сергіевскій монастырь въ Россіи IV, 1, 391.

Госейна ежегодныя помпики IV, 23, 572; 24, 579.

Готторфская библіотека; хранящіяся въ ней Русскія и Персидскія монеты III, 10, 222; V, 6, 729; Персидскія книги 10, 762; большіе листы изъ Алкорана IV, 29, 605; государственный гербъ и печать Московскаго Царя III, 10, 217; письма Персидскаго Царя къ Европейскимъ Государямъ съ печатью V, 28, 837; рогъ единорога въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей; деревянныя ложки, употребляемы за столомъ Персидскаго Царя; большой скорпіонъ изъ Кашана IV, 36, 632.

Готы, ихъ происхожденіе и первое мѣстообиталище II, 3, 14; о Готландѣ 13; Готскія или рунпческія надписи на скалахъ, и Готская хроника Ганса Нильсона 17; Готскія и Скиѳскія жены VI, 12, 973.

Гохландъ, островъ на Балтійскомъ морѣ II, 4, 26, 28.

Гранаты ростутъ въ Персіи въ дикомъ состояніи V, 9, 757.

Гренландія неизвѣстна древнимъ; кто первый открылъ Гренландію; происхожденіе Гренландцевъ; сходство ихъ съ Самоѣдами, обитателями Сѣверной Америки; обращеніе ихъ въ Христіянство; 100 Гренландскихъ словъ; жилища и плаваніе по морю Гренландцовъ III, 4, 132, 158.

Греческая церковь отпадаетъ отъ Латинской; война Грековъ съ Латинами и разногласіе ихъ въ ученіяхъ Вѣры III, 33, 376—386.

Греческіе подарки Московскому Царю I, 11, 58; доступъ Грековъ въ Русскіе храмы 12—60; постановленія Русскихъ объ иконопочитаніи III, 26, 332—337.

Греческій и Еврейскій языкъ не извѣстны Персіянамъ V, 23, 813.

Греческое сѣно (foenum Graecum) V, 7, 738.

Гришка Отрепьевъ, Лжедимитрій III, 11, 230—233.

Гробницы Святыхъ, какъ на прим., Сендъ Ибрагима IV, 17, 521; Тирибабба—522; Пиръ Мордехана 21, 559; Шиха-Сефи 23, 574; 26, 585; Султана Ходабенде 29, 605; одного Татарскаго Князя и 7 Царей IV, 7, 428.

Грюневальдъ Іоаннъ, Патриціи Гданска, умеръ въ Москвѣ VI, 24, 1024.

Гуго Гротъ, ошибочное мнѣніе его о Гренландіи III, 4, 158.

Гусь, рѣка въ Россіи, и Габилоска селеніе IV, 1, 394.

Гюмаюнъ, Индійскій Князь, бѣжитъ въ Персію IV, 31, 618.

Д.

Давидъ, Армянскій Князь, въ началѣ твердый въ Вѣрѣ, подъ конецъ принявшій Магометанство V, 29, 843.

Дагестанъ, область Татарская VI, 12, 972; Дагестанскіе Татаре, опасный народъ; ихъ начальники или правители.

Даниловское устье, рукавъ Волги IV, 9, 447.

Дарій, побѣжденный Александромъ, отравленъ ядомъ V, 25, 819.
Даудъ, Ханъ Кенджскій, бѣжитъ отъ Шаха V, 32, 876.
Двинская область на Сѣверѣ III, 3, 125.
Дворянниново, барскій дворъ въ Россіи IV, 1, 390.
Дебенде, особый родъ потѣшнаго огня въ Персіи IV, 24 557.
Девлетабатъ, селеніе въ Персіи VI, 2, 929.
Дельденъ, Іоганъ Бёкеръ, пожалованный Царемъ Русскимъ Дворянскою грамотою III, 14, 264.
Демавендъ, гора въ Персіи IV, 35, 628.
Дербентъ, городъ на Персидской границѣ VI, 10, 965; множество надгробныхъ камней передъ этимъ городомъ 968.
Дервиши, особый родъ монаховъ въ Турціи и Персіи V, 40, 913.
Дерптъ, городъ въ Эстоніи I, 3, 11.
Дештевентъ, селеніе въ Персіи VI, 5, 946.
Джабедаръ, селеніе близъ Ардела IV, 21, 565.
Джаватъ, селеніе въ Персіи IV, 21, 560.
Джакджаку, особые плясуны въ Персіи IV, 23, 575.
Джакалъ-Огли, Турецкій Полководецъ V, 30, 853.
Джами, историкъ Персидскій V, 24, 815.
Джанли, селеніе въ Персіи IV, 21, 564.
Джарбагъ, великолѣпный садъ въ Испагани V, 6, 730.
Джейбраиль, отецъ Шиха-Сефи IV, 27, 592.
Джейстеръ, городъ въ Адирбейджанѣ V, 2, 701.
Джелалединъ-Экберъ, Индійскій Князь IV, 31, 618.
Джикиджики, холмъ въ Персіи IV, 29, 609.
Джильтенанъ, кладбище въ Дербентѣ VI, 10, 969
Джимшидъ, дѣдъ Александра V, 25, 816.
Джира-Ханъ, Князь и Совѣтникъ Царскій, погибшій за свою шутку съ Царемъ V, 32, 870.
Джисирегъ, область въ Персіи, называемая иначе Діарбегъ V, 5, 713.
Джицетлу, гора въ Персіи IV, 21, 565.
Джорсъ, крѣпость въ Персіи V, 2, 701.
Джульфа, предмѣстье Испагани V, 6, 731.
Джюмджюме, гробница въ Дербентѣ VI, 10, 967.
Дзюльфакаръ-Ханъ, расходчикъ Шаха Абаса V, 30, 850.
Диванъ-Бекъ, главный Судья въ Персіи IV, 39, 652.
Диджель, Турецкое названіе рѣки Тигра V, 5, 713.
Дизле, селеніе въ Персіи IV, 21, 563.
Димитрій Самозванецъ въ Россіи III, 7, 200; 11, 228; 2-й и 3-й Лжедимитріи 232; убійство истиннаго Димитрія 227.
Долгой, островъ на Волгѣ IV, 10, 452.
Доносчики и обвинители первые подвергаются пыткѣ III,, 6, 171.
Донъ, или Танаисъ, рѣка въ Россіи IV, 8, 440.
Домоводство и домашняя утварь Русскихъ III, 7, 193: Персіянъ V, 16, 781.
Доходы и богатство Персидскихъ Царей V, 35, 889.

Дромедары V, 8, 743.
Дубна, рѣка въ Россіи II, 12, 83.
Дубиль, селеніе въ Персіи, извѣстное срамными обычаями VI, 5, 946.
Дудинъ монастырь въ Россіи IV, 1, 397.
Думные Дворяне, ихъ значеніе при Русскомъ Царѣ III, 18, 285.
Душабъ, виноградное сусло въ Персіи V, 9, 755.
Дыни, разведеніе ихъ въ Россіи III, 2, 119; особый родъ дыни, похожей на ягненка 120; въ Персіи V, 9, 751.
Дѣвичья гора въ Россіи IV, 7, 426.
Дѣти у Русскихъ отдаются родителями за долги въ залогъ III, 6, 189.
Дѣти малыя не страдаютъ морскою болѣзнею I, 2, 9.
Дѣти у Русскихъ недолго остаются не крещенными I, 9, 54.
Дѣти Татаръ оказываютъ почетъ родителямъ IV, 13, 483.
Дѣтей не Нѣмцевъ, какъ некрещенныхъ, хоронятъ не на кладбищѣ, а гдѣ ни будь на дорогѣ II, 9, 60.
Дѣтскіе браки въ Россіи II, 12, 82; у Армянъ V, 34, 882.
Дюльдюль, чудесный конь Аали IV, 36, 636; V, 38, 907.

Е.

Eahtemad döwlet, Государственный Канцлеръ въ Персіи V, 32, 874.
Евангеліе (книга), не сгорѣвшее въ огнѣ III, 21, 306.
Евклидъ переведенъ на Арабскій языкъ IV, 19, 540.
Евфратъ, рѣка V, 5, 713.
Еврейскій языкъ неизвѣстенъ въ Персіи V, 23, 813.
Единорогъ, особый родъ кита III, 4, 152.
Ейдеръ Шихъ, Царь Персидскій; замыселъ его противъ брата и кончина его V, 29, 839—843.
Ейслебенъ, городъ I, 2, 7.
Eischik-Kagasi Baschi, Великій Маршалъ въ Персіи V, 36, 894.
Еландъ, островъ на Балтійскомъ морѣ II, 2, 12.
Еліесду, селеніе въ Гилянѣ, въ которомъ Бругманъ приказъ избить палками Кизильбашу VI, 6, 947.
Ельблонгъ (Elbing) крѣпость въ Куроніи I, 17, 74.
Ельвендъ, гора въ Персіи IV, 33, 620.
Емирамъ, отецъ Аали, иначе Абутавибъ называвшійся V, 41, 919.
Емиръ-Гемзе, Шахъ Персидскій V, 29, 845.
Емиръ-Куне-Ханъ, сынъ пастуха V, 34, 887.
Емиръ-Ханъ, Князь Татарскій VI, 15, 987.
En-Kurekhan, ядовитый гадъ, тарантулъ IV, 36, 533.
Епископъ одинъ только въ Россіи III, 29, 349.
Еракъ, область въ Персіи V, 2, 697.
Ербуагъ, странная порода полевыхъ мышей въ Татаріи VI. 19, 999.
Еруславъ, рѣка впадающая въ Волгу IV, 8, 435.
Exorcismus, заклинаніе сатаны при крещеніи Русскихъ III, 23, 313.

Ж.

Жалованье придворныхъ Офицеровъ въ Персіи V, 36, 897; простыхъ воиновъ и стрѣлковъ 34, 889.
Жаръ невыносимый въ Персіи IV, 24, 625.
Желѣзное и стальное мѣсторожденіе близъ города Ниписа IV, 33, 628.
Желѣзный аршинъ, оплачиваемый пошлиной въ Россіи III, 16, 269.
Живописецъ, едва не убитый въ Москвѣ, за найденный у него человѣческій черепъ III, 6, 167.
Жители Нѣмецкаго племени, или древніе Ливонцы; вѣра ихъ, чародѣйства, понятіе о вѣчной жизни; присяга, наказанія, свадебные обряды; отъ чего одинъ изъ Нѣмцевъ пожелалъ причаститься, а другой повѣсился съ женою и дѣтьми II, 9, 57—67.
Журавли, во множествѣ при селеніи Грузино въ Россіи IV, 31.
Журавлиная ловля IV, 43, 675.

З.

Заговоръ противъ Шаха Исмаила V, 29, 846; противъ Шаха Абаса 30, 853.
Заклинаніе сатаны при крещеніи Русскихъ III, 23, 313.
Зайцы въ Ливоніи, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые III, 2, 122.
Звѣри дикіе въ Россіи III, 2, 122.
Земля изъ гроба Господня III, 11, 308.
Зеркальный покой у Персидскаго Канцлера IV, 45, 684.
Земные поклоны, знаки рабства въ Россіи III, 6, 184.
Змѣева гора, на берегу Волги IV, 8, 433.
Змѣи, взползшія на корабль IV, 7, 429.
Змѣиный Царь, Персидское сказаніе IV, 33, 620.
Зола удобряетъ почву II, 8, 50.
Золотая мина въ Россіи III, 2, 124.
Золото, серебро и драгоцѣнные каменья, поданныя Александру вмѣсто кушаній V, 25, 818.
Золотой островъ и золотая гора на Волгѣ IV, 8, 435.
Зрѣлища въ Касвинѣ IV, 32, 619; въ Испагани у Шаха 39, 657.

И и І.

Иванъ Васильевичъ Грозный. Царь Московскій; огромный камень, привезенный по его повелѣнію изъ Ливоніи въ Московію I, 5, 34; страшныя казни его II, 11, 77; убійство имъ собственнаго сына и мучительная смерть самаго его III, 11, 227; IV, 6, 417.
Иванъ Великій, высочайшая колокольня въ Москвѣ III, 1, 109.
Иванчукъ, часовня въ 30 верстахъ отъ Астрахани IV, 12, 471.
Измаилъ Великій (Шахъ), основатель и распространитель Персидской Вѣры; побѣды его надъ Турками V, 29, 840.
Измаилъ II (Шахъ); коварство его, убійство братьевъ и смерть самого его отъ отравленія 843.

Икра осетровая и изъ бѣлорыбицы; кушанье Русскихъ III, 7, 194.
Илова, рѣка въ Россіи IV, 8, 436.
Илья Даниловичъ Милославскій III 18, 484.
Имамъ, блюститель вѣры и великій святой Персовъ V, 38, 905; Имамъ Кули Мирза ослѣпленъ 31, 846; Имамъ-Кули-Ханъ Ширазскій обезглавленъ 32, 877; гробница Имама Ризы 4, 709; Имамъ-Кули-Султанъ, Персидскій Посолъ въ Голштиніи IV, 14, 490; кого Персы называютъ Имамъ-Саде? 25, 583.
Индійцы, природныя свойства ихъ IV, 38, 647; танцы ихъ 40, 664; нападеніе ихъ на Посольство Голштинское и грабежъ 37, 639; Индійскій Князь въ Касвинѣ; колесница Индійская и быки 30, 610; подарки Индійскаго Посла Персидскому Шаху 38, 646.
Иноки и инокини монастыря Св. Бригиты въ Ревелѣ; особый ихъ способъ объясняться безъ словъ II, 8, 54.
Иностранцы на службѣ у Русскаго Царя должны также какъ и Русскіе унижаться передъ нимъ III, 6, 184.
Insigne Regni Persici, Персидскій гербъ V, 28, 836.
Инхенгёферъ, Кальвинскій проповѣдникъ въ Москвѣ III, 33, 373.
Іоакимъ Эрнстъ, Герцогъ Шлезвигъ Голстинскій I, 17, 76.
Іоаннъ XVIII и Іоаннъ XX, Папы Римскіе III, 33 386.
Ἱπποβοτος, пастбище для лошадей у Каспійскихъ воротъ VI, 5, 946.
Ираклій, его боязнь воды V, 27, 831.
Иранъ или **Карабахъ**, область въ Персіи V, 2, 699.
Ирванъ, крѣпость, взятая Шахомъ Сефи V, 33, 879.
Иса-Ханъ, избіеніе дѣтей его V, 32, 868.
Испаганъ, стольный городъ Персіи V, 6, 715; въѣздъ нашъ въ этотъ городъ и продовольствіе тамъ IV, 37, 638; 38, 645.
Источники, откуда они берутъ свое начало? IV, 16, 504.
Ицибурскій островъ на Волгѣ IV, 9, 448.
Іудеи ненавидимы Русскими III, 33, 369; Іудеи въ Каспійскихъ Воротахъ V, 3, 705.

К.

Кабаки въ Россіи III, 6, 180.
Кавьяръ, икра III, 7, 195.
Казань, городъ въ Татаріи IV, 6, 413.
Казанка, рѣка при Казани; тамъ же.
Казанской Божіей Матери церковь въ Москвѣ III, 27, 342.
Казбеки, мѣдная Персидская монета V, 6, 729.
Казнь одного мальчика, защитившаго себя отъ насилія V, 15, 779.
Каинково, соляное озеро или яма у Астрахани IV, 40, 452.
Календарь Арабскій и Персидскій V, 26, 829; Русскій III, 25, 325.
Календераны, родъ монаховъ—развратные лжепроповѣдники V, 40, 915.
Калентеръ, градоначальникъ въ Персіи IV, 20, 556.
Калмыки, враги Нагайцевъ IV, 10, 456.

Кальвинисты и Лютеране терпимы въ Россіи III, 33, 369.
Кальмаръ II, 2, 11.
Кама, большая рѣка, впадающая въ Волгу IV, 7, 420; VI, 23, 1017.
Камаль, селеніе въ Персіи IV, 28, 601.
Камбизъ женатъ на сестрѣ своей V, 20, 797.
Камень, употребляемый Персіянами при молитвѣ V, 39, 909.
Камень съ надписью близъ горы Арбухипъ при Волгѣ IV, 7, 424.
Камень, въ который обращены были люди и собаки, близъ города Вибби I, 1, 22.
Камни надгробные близъ Дербента VI, 9, 442.
Камоусъ, рѣка, впадающая въ Волгу IV, 9, 442.
Камронъ, торговый приморскій городъ въ Персіи V, 5, 712.
Камышинка, рѣка, впадающая въ Волгу IV, 8, 439.
Канцелярія въ Москвѣ. См. Приказы.
Канцлеръ въ Персіи былъ оскопленный человѣкъ IV, 15, 685; угощеніе у него 686.
Капонъ, Флорентійскій дворянинъ, писатель и монахъ, умершій въ Шлезвигѣ III, 25, 328.
Карабахъ, область въ Персіи V, 2, 699; см. Ширванъ.
Каравансераи, открытые дворы, или пристанища въ Персіи IV, 17, 518; Каравансераи: Ходжа Касимъ Хоскеру и Домби 36, 636, 637.
Карасу, рѣка въ Карабахѣ VI, 7, 954.
Карибъ-Шахъ вторгается въ Гиланъ, попадаетъ въ плѣнъ и умерщвленъ V, 3, 706—708.
Карпы, рыбы, величиною болѣе 2-хъ локтей IV, 16, 509.
Касвинъ, городъ въ Персіи IV, 30, 610.
Касимовъ, городъ IV, 1, 394.
Каснинъ-Махмудъ, исторія о немъ: V, 17, 786.
Каспійское море, описаніе его IV, 16, 499.
Каспійскіе Ворота V, 3, 704.
Касанъ Царь, его гробница VI, 10, 969.
Катихизисъ Лютера, переведенный на Латышскій языкъ II, 9, 64.
Кауха, сельскій начальникъ въ Персіи IV, 15, 493.
Качели женскія въ Россіи III, 9, 211.
Кашанъ, торговый городъ въ Персіи IV, 36, 629.
Кебберы, жители Кебрабата, способъ ихъ погребенія V, 6, 732.
Кебрабатъ, предмѣстье Испагани; тамъ же.
Кейдеръ-Пейямберъ, гора въ Персіи IV, 28, 603.
Келеминаръ, башня, сложенная изъ роговъ оленей и агу въ Испагани V, 6, 730.
Кельгеранъ, селеніе при Ардебилѣ IV, 22, 566.
Керенки, духовой мѣдный инструментъ Персидскій IV, 18, 525.
Кесеки, видъ винограда въ Персіи V, 9, 756.
Кескеръ, станъ въ Гилянѣ V, 3, 702.
Кефъ, гора, къ которой Александръ путешествовалъ за водой безсмертія V, 25, 819.
Кехосровъ-Бекъ-Фридунъ, Царь Персидскій IV, 33, 622.

Кизиль-баша, красная голова, названіе Персіянъ; происхожденіе этого названія V, 10, 761.

Кизильозёйнъ, быстрая рѣка въ Персіи IV, 28, 599.

Кизиляръ, рѣка въ Дагестанѣ VI, 18, 997.

Киланъ (Гилянъ), область въ Персіи V, 3, 701; VI, 934.

Килисимъ, гора въ Персіи VI, 2, 926.

Китай - городъ въ Москвѣ III, 1, 108.

Кирманъ, область въ Персіи; басня о ней V, 5, 711.

Кисма, мѣстечко въ Гилянѣ V, 3, 703; VI, 4, 939.

Kible, полдень или югъ, на который обращаются Персіяне лицомъ во время молитвы V, 39, 910.

Клинъ, большое селеніе въ Россіи II, 12, 83.

Княжескій санъ въ Персіи непаслѣдственъ V, 34, 884.

Князь, бывшій сынъ пастуха V, 34, 887.

Князья въ Россіи; ихъ происхожденіе III, 18, 286.

Князья обязаны по очереди держать ночью стражу въ палаткѣ Шаха V, 32, 874.

Кнутъ у Русскихъ наказаніе имъ III, 20, 301.

Козаки, народъ хищническій IV, 2, 400; Козацкая гора 8, 430; убійство и грабежъ Козаками 1500 Русскихъ 9, 446; безсовѣстное признаніе Козаковъ VI, 22, 1011.

Козинъ, островъ на Волгѣ III, 5, 411.

Козьмодемьянскъ, приволжскій городъ IV, 5, 410.

Койсу, рѣка въ Дагестанѣ VI, 17, 993.

Коктепе, селеніе въ Персіи VI, 9, 864.

Кокшага, городокъ при Волгѣ IV, 5, 411.

Колоколъ большой въ Москвѣ III, 1, 109.

Колокольный звонъ, необходимая принадлежность богослуженія въ Россіи III, 28, 345.

Коломна, городъ въ Россіи IV, 1, 391.

Колотовъ, островъ на Волгѣ IV, 8, 432.

Колычевъ (Филиппъ Митрополитъ), святой въ Москвѣ III, 27, 338,

Кольца, носимыя Татарками и Персіянками въ носу V, 13, 771.

Комъ, городъ въ Персіи IV, 2, 925.

Конопляное сѣмя Персіяне ѣдятъ ради укрѣпленія гѣла V, 15, 780.

Константинъ Мономахъ и Константинополь, котораго Епископы были причиною многихъ заблужденій III, 33, 378—383.

Конфекты, лакомство Русскихъ IV, 11, 468.

Конюхъ, сдѣлавшійся Ханомъ Герата черезъ убійство господина своего V, 30, 847.

Копановъ, монастырь въ Россіи IV, 1, 394; островъ на Волгѣ IV, 9, 447.

Копорье, крѣпость въ Ливоніи I, 4, 14—17.

Кораблекрушеніе на Балтійскомъ морѣ II, 4, 29; на Каспійскомъ IV, 14, 491.

Корабли Персіянъ IV, 11, 460.

Корабль Фридрихъ, на которомъ мы плыли по Волгѣ IV, 1, 397.

Корабъ, главный городъ въ Кеслерѣ VI, 4, 940.

Коровникъ, купырь, волчье молоко и другія травы необычайной величины IV, 12, 470.
Косова, островъ на Бѣломъ морѣ III, 1, 114.
Кофе, черная горячая вода V, 17, 786—788; Каве-Хане, харчевни, гдѣ курятъ табакъ и пьютъ кофе 6, 726.
Кошки, откуда онѣ происходятъ V, 8, 742.
Красноставское, село въ Россіи I, 5, 33.
Кратесъ, философъ, врагъ имущества I, 1, 4.
Крашеніе Персіянами волосъ черною, а рукъ и ногтей красножелтою краскою V, 11, 765—66.
Кремль, Великокняжескій замокъ въ Москвѣ III, 1, 108
Крестъ, необходимая принадлежность Русскихъ храмовъ III, 28 344.
Крещеніе Русскихъ, дѣтей и взрослыхъ III, 23, 311.
Кровопролитіе въ Москвѣ III, 11, 240.
Кровопусканіе въ Персіи во имя Госейна IV, 24, 580.
Крузе Филиппъ, Посланникъ Голштинскій I, 2, 7.
Куаверъ, поселеніе въ Персіи VI; 5, 946.
Куйчауканъ, игра Персіянъ въ мячъ верхомъ на лошади V, 6, 725.
Кукольныя комедіи и комедіянты Русскихъ III, 6, 178; кукольныя представленія у Персіянъ IV, 19, 543.
Кукуй, мѣстность въ городѣ Москвѣ; откуда произошло такое названіе III, 19, 371.
Кулюстанъ, гора въ Персіи у Шемахи IV, 20, 556.
Кумбара, потѣшный огонь Персіянъ IV, 2м, 577.
Кунда, дворянское помѣстье въ Ливоніи II, 5, 34.
Кунемундъ, Начальникъ Нотебургскій I, 4, 19.
Купецъ Англійскій, попавшій въ темницу въ Москвѣ въ слѣдствіе неудавшагося руднаго дѣла III, 2, 125.
Купцы Русскіе; какъ получаютъ они чистую прибыль III, 7, 199.
Курбанъ, жертвенный праздникъ Персіянъ IV, 23, 570.
Курджи, простой воинъ Персидскій V, 34, 889.
Курджибаши-Исханъ, Полководецъ Персидскій V, 30, 853.
Курхудъ Имамъ, гробница его VI, 11, 971.
Куръ (Kuhr), дикій оселъ, Царское лакомое блюдо IV, 43, 678.
Куръ или Кюръ, или Киръ, рѣка; ея слитіе съ Араксомъ VI, 7, 954; см. Араксъ.
Кутья, освященный хлѣбъ у Русскихъ III, 31, 361; 32, 367.
Куфа, близъ Вавилона, гдѣ погребены Аали и Госейнъ V, 39, 909.
Кухонная посуда Персіянъ V, 16, 782.

Л.

Лавасапъ, Князь Армянскій V, 29, 843.
Лавки, гдѣ продаются иконы въ Москвѣ III, 26, 331.
Лагеджанъ, область въ Гилянѣ V, 3, 702.
Ладога, городъ въ Россіи I, 5, 26; озеро Ладожское 25.

Лапонцы искусны въ чародѣйствѣ III, 4, 174.
Лари, древняя Персидская монета V, 6, 729.
Латинская церковь отдѣлилась отъ Греческой; по чему? III, 33, 386, 386.
Латинскій языкъ неизвѣстенъ въ Персіи V, 23, 813.
Латышская присяга II, 9, 65.
Ленкоранъ, область въ Персіи IV, 16, 506; VI, 5, 944.
Леопарды ручные и пріученные къ охотѣ IV, 19, 544.
Лесли Шотландецъ, перешедшій въ Русскую Вѣру III, 24, 316.
Лже-Димитрій III, 11, 233.
Лже-Шуйскій, иначе Тимошка Анкудиновъ III, 12, 242.
Ливонія, ея 5 округовъ, земское Дворянство II, 8, 50—54; обитатели ея языч. ники 9, 57; первые три Епископа въ ней 58.
Ливонскія бани III, 7, 202.
Ликургъ, самъ много путешествовалъ, но воспретилъ путешествіе Спартанцамъ I, 1, 3.
Липовые лѣса въ Россіи IV, 5, 410.
Литавры, принѣшляемые Русскими Боярами на сѣдлахъ III, 18, 287.
Лихоимство въ Персіи строго наказывается V, 37, 899.
Лихородка отъ испугу IV, 21, 564.
Ловля китовъ, тюленей, морской и рыбы у Гренландцевъ III, 4, 179.
Лосей множество въ Ливоніи I, 3, 12.
Луговые Татары при Волгѣ IV, 4, 407.
Луръ, племя въ Кирманѣ V, 5, 711.
Лѣтописцы Персидскіе V, 25, 815.
Лѣтосчисленіе Восточной Церкви I, 8, 50.
Любезность и общительность Персіянъ IV, 11, 459.
Люди безъ головы существуютъ ли они? III, 3, 129.
Лютеране, терпимы въ Россіи, хотя временно и лишились тамъ своей церкви III, 33, 369; послѣдняя Лютеранская Церковь на Востокѣ въ Нижнемъ IV, 2, 399.

М.

Мавры, по чему они черноличцы III, 4, 156.
Магнитное наклоненіе на Каспійскомъ морѣ IV, 12, 475—477; въ Нотебургѣ I, 4, 19; въ Нижнемъ IV, 2, 399.
Магумедъ Ходабенде, гробница его IV, 29, 605.
Магумедъ потребованъ на небо V, 11, 765; его ученіе 8, 741.
Мадерисъ, учитель въ Персіи.
Мадреса, Академія или Гимназія Персидская IV, 19, 538; V, 24, 814.
Маджуле, селеніе въ Гилянѣ VI, 5, 946.
Маза, приволжское селеніе въ Россіи IV, 3, 406.
Манардъ, врачъ Ферраркій, боится ямъ V, 27, 832.
Мандельсло-Альбрехтъ; условіе его съ Олеаріемъ IV, 11, 463; его ревностная наблюдательность 34, 623; почетъ, оказанный ему Шахомъ 43, 679; выходъ его изъ Посольства VI, 1, 221.
Маранку, селеніе въ Персіи VI, 5, 946.

Марія Магдалина, искаженное сказаніе о ней въ Россіи III, 23, 328.
Маркизъ Французъ, сосланный въ Россіи въ Сибирь III, 17, 72.
Маркъ, Ефескій Епископъ, его разногласіе на Флорентійскомъ Соборѣ III, 33. 385
Масандеранъ, область въ Персіи V, 3, 702.
Махмудъ Султанъ, Князь Татарскій, прославившійся разбоями, подъ старость ходитъ на поклоненіе къ Св. мѣстамъ V, 16, 991.
Мачта съ фокъ-мачтой упали за бортъ корабля IV, 15, 495.
Мегемендаръ, Посольскій Приставъ въ Персіи IV, 17, 513.
Мehrab, особое мѣсто, алтарь въ Персидской мечети IV, 29, 606.
Мегере, родъ ядовитой улитки V, 9, 745.
Медвѣди въ Ливоніи, причиняютъ великій вредъ; пьяный медвѣдь; медвѣдь похититель одной женщины, которую продержалъ у себя въ берлогѣ 14 дней; медвѣди разрываютъ могилы II, 10, 72—73.
Медвѣжьи вожаки въ Россіи II, 6, 177.
Медики въ Москвѣ получаютъ большое жалованье III, 14, 264.
Медина, городъ въ Аравіи IV, 36, 635.
Медицына въ Персіи V, 26, 825; врачъ, предсказывающій по пульсу удивительныя вещи 27, 833.
Медовареніе въ Россіи III, 7, 196.
Мекеранъ, область въ Кирманѣ V, 5, 713.
Мендиль, головныя повязки у Персовъ V, 12, 768
Месаръ Шиха-Сефи обладаетъ громадными богатствами IV, 26, 591.
Месопотамія V, 5, 713.
Меченосцы, Орденъ II, 9, 58.
Мечеть Имама Мегеди въ Испагани V, 6, 723
Мешедъ, главный городъ въ Хорасанѣ V, 4, 709.
Минаджимъ, Астрономъ въ Персіи V, 27, 826
Мингишлакъ, Приставъ въ Хоаресмѣ IV, 16, 567
Миндаль, какъ приправа кушанья въ Персіи V, 16, 782.
Мирза Полага, Индійскій Князь IV, 31, 617.
Миркондъ, лѣтописецъ Персидскій V, 24, 815.
Миръ-Муратъ, знатный купецъ въ Гиляпѣ V, 3, 708.
Митрополиты въ Россіи III, 29, 348.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, Великій Князь Московскій III, 11, 240
Моголъ Великій, Царь Индійскій IV, 31, 617.
Моканъ, область въ Персіи IV, 21, 561; V, 7, 954.
Мокша, рѣчка въ Россіи IV, 1, 395.
Молитву Персіяне совершаютъ, обращаясь лицомъ на полдень или югъ, а Христіане на Востокъ V, 39, 910.
Молла, школьный учитель въ Персіи V, 21, 807; Молла Гасанъ-Каши, тамъ же.
Монахи и Попы въ Россіи охотники выпить III, 6, 182; они вообще люди несвѣдующіе 29, 355; бесѣды Русскаго монаха съ Нѣмецкимъ пасторомъ 21, 309; монахъ, весь одѣтый въ черное 16, 277; монахъ Турецкій, сдѣлавшійся мужемъ Турецкой Императрицы V, 21, 808.

Монеты Персидскія V, 6, 728.
Мордвинскіе Татары открыли по насъ огонь IV, 1, 396.
Мордовъ, селеніе въ Персіи, близъ коего множество лебедей IV, 17, 617.
Мореплаваніе въ Гренландіи III, 4, 133 и далѣе.
Морозовъ, зять Московскаго Царя III, 15, 267; опасность, грозившая ему 16, 275.
Моррой (Morrhou), сержантъ, оказавшій достохвальный подвигъ въ схваткѣ съ Индійцами IV, 37, 642.
Морская болѣзнь, отъ чего она происходитъ I, 2, 0.
Морской ракъ, найденный на горѣ въ ключѣ IV, 21, 563.
Моръ или язва великая въ Россіи III, 2, 116.
Москва, стольный городъ Великаго Княжества Московскаго III, 1, 105.
Московскіе придворные люди охотники до посуловъ III, 14 265.
Мостъ передъ Гиляномъ VI, 932.
Мосулъ (древняя Ниневія) при Тигрѣ V, 5, 714.
Мочановское соляное озеро V, 10, 452.
Мраморъ въ Гренландіи III, 4, 152; въ Персіи, въ горѣ Эльвендъ IV, 33, 620.
Музыка Русскихъ I, 5, 26; Персіянъ IV, 11, 462; на фарфоровыхъ чашахъ 40, 662.
Музыка въ церквахъ у Русскихъ нетерпима; она запрещалась даже на улицахъ и въ кабакахъ III, 28, 342.
Муловъ множество въ Персіи V, 8, 760.
Мункиръ и Некиръ, два ангела, приходящіе въ могилу поголовщика у ПерсіянъV, 41, 918.
Мунстенбергъ Мартинъ, Лютеранскій проповѣдникъ въ Москвѣ II, 33, 382.
Муратъ-Паша, Полководецъ Турецкій V, 90, 853.
Муритъ-Шихъ, святой Персовъ; могила его IV, 20, 555.
Муршидъ-Кули-Ханъ, Дворецкій Абаса Мирзы; убійство его и всего его рода V, 29, 846; 30, 848.
Муромъ, городъ въ Россіи IV, 1, 396.
Мусалъ, Князь Татарскій IV, 11, 461.
Мусельманъ, происхожденіе этого названія V, 38, 902.
Мухаръ-Пиръ, святой Персидскій; могила его VI, 11, 971
Мухи, осы и комары причиняютъ тяжкое безпокойство I, 4, 19; VI, 21, 1007.
Мышь, происхожденіе ея по сказанію Персіянъ V, 8, 742.
Мѣловая гора близъ Волги IV, 6, 435.
Мѣсяцы (названія) по Арабски и Персидски V, 27, 829.
Мюзкюръ часть древней Мидіи или области Ширвана IV, 17, 510.
Мясники обязаны бываютъ иногда исполнять должность палача III, 20, 303.

Н.

Нагайскіе Татары, живущіе между Волгой и Яикомъ IV, 10, 450.
Нагорные, Черемискіе Татары, живущіе при Волгѣ IV, 4, 407.
Назарій Ивановичъ Чистовъ, Думный Дьякъ, убитый въ Москвѣ во время возмущенія III, 16, 272.

Нака, большая рыба, водящаяся въ Каспійскомъ морѣ IV, 16, 508.
Налейки, часть города Москвы, отличающаяся пьянствомъ III, 1, 112.
Нарва, городъ въ Ижорѣ I, 4, 14.
Нарвскій Бекъ, рѣка у г. Нарвы 3, 10, 68.
Натенсъ, городокъ въ Персіи IV, 36, 636; VI, 1, 924.
Наврусъ, знатный Персидскій купецъ IV, 14, 461.
Наврусъ, новый городъ Персіянъ V, 27, 828; VI, 8, 597.
Наѣздники, охотники за Турецкими головами при Шахѣ Абасѣ V, 30, 852.
Неджевъ-Бекъ, Мегемандарій нашъ IV, 21, 565.
Незаконно-рожденныхъ дѣтей нѣтъ ни въ Персіи, ни въ Египтѣ V, 20, 803; 28, 836.
Некиръ и Мункиръ, два ангела у Персіянъ V, 41, 918.
Немда, рѣка во владѣніяхъ Черемискихъ Татаръ IV, 4, 408.
Непотребныя женщины обязаны прислуживать у Персидскаго Шаха и сопутствовать ему даже въ походахъ V, 15, 778.
Насюрджи-Ханъ, пріемщикъ денегъ Шиха Сефи IV, 26, 592.
Нефтяные колодцы въ Персіи IV, 16, 508; VI, 9, 962
Ніазабатъ, селеніе въ Персіи, гдѣ мы вышли на берегъ IV, 17, 512.
Нижній Новгородъ, городъ въ Россіи IV, 2, 398.
Никита, Князь Русскій III, 6, 174.
Николай Чудотворецъ, главный заступникъ Русскихъ III, 26, 332; праздникъ въ честь его VI, 23, 1018.
Никонъ, Патріархъ въ Россіи III, 29, 348.
Ниманъ Дитерихъ, живописецъ VI, 7, 955.
Ниневія, городъ при Тигрѣ, нынѣ Мосулъ называемый V, 5, 714.
Нисабуръ, городъ въ Хорасанѣ V, 4, 709.
Нишанцъ, городъ въ Корелѣ I, 4, 19.
Новгородъ великій, городъ въ Россіи I, 5, 31; II, 11, 73.
Новый Годъ Русскихъ I, 8, 50; III, 25, 324; у Армянъ VI, 8, 960.
Ноевъ ковчегъ на горѣ Месинѣ (Араратѣ) IV, 14, 489.
Норвежскія горы богаты серебромъ III, 4, 153.
Нотебургъ, крѣпость на Ладожскомъ озерѣ I, 4, 19.
Нумсенъ Левинъ, Шведскій купецъ, ограбленный и избитый въ Псковѣ, во время возмущенія III, 17, 282.

О.

Образа или иконы Русскихъ: честь, какую Русскіе воздаютъ имъ III, 21, 305; образа у Русскихъ писаные, а не рѣзные; они имѣютъ великую, чудесную силу; необходимы при молитвѣ; образъ, наведшій ужасъ въ Москвѣ; куда Русскіе дѣваютъ старые образа 26, 330—337.
Обращеніе Христіянъ лицомъ къ Востоку во время молитвы; причина этого обычая V, 39 910.
Обрѣзаніе дѣтей у Персовъ V, 38, 902; насильственное обрѣзаніе Ілін-Бека IV, 45, 686

Обрѣзываніе ушей въ Персіи дѣло обычное IV, 43, 677.
Обрядности Персіянъ и Турокъ во время молитвы V, 39, 909.
Обѣты во время опасности и нужды IV, 15, 495.
Овцы въ Персіи V, 8, 739.
Одежда Русскихъ III, 5, 158; Русскаго духовенства 29, 350; одежда Персіянъ V, 12—13, 767—771.
Ока, рѣка въ Россіи IV, 1, 391.
Окольничіе при Русскомъ Дворѣ III, 28, 484.
Оксе, Георгъ, Лютеранскій проповѣдникъ въ Москвѣ III, 33, 373.
Олени рѣдки въ Россіи III, 2, 122; сѣверные олени у Самоѣдовъ 3, 130; особый родъ оленей въ Персіи, называемый Агу IV, 21, 561.
Омаръ, сказаніе о немъ IV, 36, 635.
Опасность состоять придворнымъ врачемъ при Московскомъ Царѣ III, 6, 185.
Опіумъ, въ большомъ употребленіи у Персіянъ V, 17, 784.
Оруми, сильная крѣпость въ Персіи V, 30, 851.
Орѣшекъ, крѣпость въ Россіи I, 4, 14.
Осина, островъ на Волгѣ IV, 8, 432.
Ословъ въ Персіи множество V, 8, 750; Esels-Seijd 40, 914; дикіе ослы IV, 43, 676.
Осминъ, область въ Дагестанѣ VI, 12, 976.
Остергааръ, островъ на Балтійскомъ морѣ II, 3, 19.
Открытый видъ Московскаго Царя Посламъ Голштинскимъ II, 18, 99.
Отпаденіе Греческой Церкви отъ Латинской III, 33, 381.
Охота Персидскаго Царя на журавлей и голубей IV, 43, 676—680; охота его въ сопровожденіи Сераля 44, 681.

П.

Паганщина, селеніе при Волгѣ IV, 7, 420.
Падаръ, народецъ, живущій по дорогѣ въ Персію IV, 17, 318.
Падинджанъ, плодъ въ Персіи, похожій на дыню, или огурецъ V, 9, 753.
Падисъ, монастырь въ Ливоніи III, 6, 191.
Паисій, Патріархъ Іерусалимскій III, 21, 308.
Палачи, въ Россіи берутся иногда изъ мясниковъ III, 20, 303.
Палеологъ Михаилъ, Греческій Императоръ, заваевываетъ снова Константинополь III, 33, 383; **Палеологъ Іоаннъ** присутствуетъ на Флорентійскомъ Соборѣ 384.
Пантеонъ Римскій, для чего онъ построенъ круглымъ III, 28, 343.
Папа Римскій признанъ первенствующимъ III, 33, 377.
Паписты нетерпимы въ Москвѣ III, 33, 369.
Паропамизъ, гора въ Саблустанѣ V, 4, 710.
Патріархъ въ Москвѣ III, 29, 346; приказы его 19, 295.
Патріархъ Іерусалимскій получаетъ въ Москвѣ богатые дары, которые отняты у него послѣ Турками III, 21, 308.
Первый шагъ нашъ въ Персію IV, 15, 494.

Переводчики Царскіе въ Россіи, толмачи II, 14, 264.
Перекрещенцы изъ другихъ въ Христіянскую Вѣру въ Москвѣ III, 24, 316.
Переславль, городъ въ Россіи IV, 1, 392.
Перновъ, городъ въ Россіи I, 16, 70.
Персидская долина Розъ V, 25, 820.
Персидскій караванъ на Волгѣ IV, 436.
Персидское Государство важнѣйшее на Востокѣ I, 1, 6; границы его V, 1, 695; области 2, 696; управленіе его Царями или Шахами 34, 884.
Перулъ, островъ на Волгѣ IV, 12, 471.
Перунъ, идолъ Новгородскій II, 11, 80.
Перья, употребляемыя Персіянами для письма; изъ чего они дѣлаются V, 22, 810.
Петръ Апостолъ имѣлъ прежде свой столъ и пребываніе въ Антіохіи III, 33, 382.
Печать Государственная Персидскаго Царя V, 30, 837; Русскаго Царя III, 10, 217; Патріярха Филарета 11, 241.
Печерскій монастырь въ Россіи VI, 3, 403.
Пиле-Рубаръ, прелестное мѣстечко въ Персіи VI, 4, 933.
Пирморасъ, селеніе близъ Шемахи, гдѣ погребены двое Персидскихъ святыхъ IV, 11, 468.
Пиръ Персидскаго купца въ честь нашихъ Посланниковъ въ Астрахани IV, 11, 468.
Пиры Русскихъ; съ какою цѣлію задаютъ ихъ иногда вельможи III, 7, 197; пиръ купца Навруса IV. 11, 465; въ Персіи у Хана Шемахинскаго 18, 526; въ Испагани у Августинскихъ монаховъ 40, 659; у Англійскихъ и Французскихъ купцовъ 664—665; у нашихъ Посланниковъ 666; у Государственнаго Канцлера 45, 683; въ Дагестанѣ у Татарскихъ Князей VI, 15, 986; злосчастное пиршество у Архіепископа Новгородскаго II, 79.
Письмо (буквы), языкъ и училища Русскихъ III, 23, 308; Персіянъ V, 24, 811; 22, 808.
Письмоводство составляетъ способъ пропитанія въ Персіи V, 18, 792.
Писчая бумага Персовъ V, 22, 809.
Пиѳагоръ совершилъ далекія путешествія I, 1, 4.
Плодородіе почвы безъ удобренія ея навозомъ II, 8, 50.
Плоды и произведенія земли въ Персіи V, 7, 736—737; плоды садовые у Персіянъ V, 9, 751—757; въ Россіи IV, 10, 453.
Плотское сообщеніе, время, когда оно воспрещается у Русскихъ III, 30, 357.
Погребеніе Персіянъ V, 41, 917; Русскихъ III, 32, 364; погребеніе живыхъ людей въ Персіи V, 32, 879.
Подарки доставляютъ друзей VI, 23, 1018; Русскій Царь приказываетъ оцѣнять представляемые ему подарки III, 10, 225; подарки Русскаго монаха I, 5, 25—29; Посольскіе подарки Русскимъ Приставамъ 6, 36; придворнымъ людямъ 14, 67; Борису Ивановичу Морозову IV, 1, 390; Воеводѣ Ѳедору Васильевичу 11, 460; Хану Шемахинскому 19, 536; Государственному Канцлеру въ Персіи большой бриліянтовый перстень V, 13, 771; Сурховъ-Хану

въ Тарку VI, 15, 985; Шемхалу 18, 995; подарки Князя Голштинскаго, Крузе и Бругмана Персидскому Шаху IV, 39, 649; особые подарки Бругмана тому же Шаху 44, 679; подарки Князя Голштинскаго Русскому Царю I, 7, 41; Русскаго Царя Римскому Императору III, 10, 224; подарки Персидскаго Шаха Голштинскимъ Посланникамъ IV; 76, 687; отъ Персидскихъ вольможъ тѣмъ же Посланникамъ 689; имъ же отъ Султана Дербентскаго IV, 17, 512; имъ же отъ Татарской Княгини Бики въ Тарку 13, 434; подарки Посланникамъ отъ Воеводы въ Терки VI, 19, 1000; отъ Татарскаго Князя въ Касимовѣ IV, 1, 395; подарки отъ разныхъ Воеводъ Посланникамъ 11, 462; 13, 485; II, 11, 82; имъ же отъ Персидскаго Царя IV, 11, 560; подарки Хана Шемахи Царю Персидскому IV, 19, 551; ему же отъ Персидскаго Государственнаго Канцлера 46, 688; подарки Шаха Ханамъ, какъ Царская милость VI, 8, 957; подарки Русскаго Царя Патріарху Іерусалимскому III, 21, 308; отъ взиманія подарковъ Русскими придворными происходитъ великое бѣдствіе 16, 268; подарки Шаха Персидскаго Герцогу Голштинскому VI, 26, 1030.

Подаяніе и милостыня, раздаваемыя Русскими Греческимъ церквамъ и вообще бѣднымъ людямъ III, 21, 308; 32, 368.

Покаяніе и Причащеніе (Таинство) у Русскихъ; причащеніе дѣтей и больныхъ III, 31, 358—364.

Полевая музыка у Персіянъ IV, 18, 525.

Порогъ рѣки Волхова I, 5, 27; водопадъ у Нарвы II, 10, 68.

Посланники; какъ Русскіе принимаютъ ихъ I, 5, 22; какъ Послы должны выжидать на границѣ Царскаго приказа о пріемѣ ихъ, и какъ они пользуются безденежнымъ продовольствіемъ 4, 15; второй пріемъ Пословъ въ Москвѣ во 2-е путешествіе II, 12, 84; Русскіе и Персидскіе Посланники занимаются и торговлею въ странахъ, куда ихъ посылаютъ III, 10, 224.

Послѣобѣденный оддыхъ Русскихъ III, 7, 200.

Посолъ Римскаго Императора, принявшій Русскую Вѣру III, 6, 171.

Посты у Русскихъ III, 30, 356; у Персіянъ IV, 23, 572; V, 20, 799; 39, 913.

Праздники и торжественные дни Русскихъ III, 25, 290; праздникъ умовенія ногъ у Армянъ VI, 8, 969; праздникъ приношенія жертвы Авраама въ Персіи IV, 23, 670; праздникъ Пасхи Русскихъ II, 14 92; III, 25, 325.

Праздность, причина разврата III, 6, 179.

Прибытіе Персидскаго Посольства въ Готторфъ, представленіе его къ Герцогу и обратный отъѣздъ изъ Готторфа VI, 26, 1030, 1031.

Придворные Дворяне и штатъ въ Россіи III, 18, 283—285; придворные чины и штатъ въ Персіи V, 36, 891.

Приказы (Канцеляріи) и писцы въ Москвѣ III, 19, 288, 296.

Припасы съѣстные и вообще продовольствіе въ Россіи весьма дешевы I, 5, 26.

Присяга у Русскихъ и наказаніе за ложную присягу III, 27, 297.

Продовольствіе ежедневное Посланниковъ въ Москвѣ I, 7, 39; въ Шемахѣ IV, 18, 529; въ Ардебилѣ 22, 569; въ Испагани 39, 648.

Происхожденіе и названіе Персіянъ V, 10, 761; языка ихъ, сходство его съ Латинскимъ и легкость его изученія 23, 811—912; они одарены отличными

способностями и льстивы на словахъ 14, 773; домоводство, яства и напитки ихъ 10, 781; они великіе любодѣи 15, 777; имѣютъ по нѣскольку женъ 19, 783; очень любятъ пляску 16, 780; мѣтко стрѣляютъ IV, 19, 546; символъ Вѣры Персіянъ V, 38, 94; корабли ихъ IV, 11, 460; великое пораженіе Персіянъ V, 29, 845; снаряженіе Посольствъ ихъ 34, 885.

Пролей-Каши, островъ на Волгѣ IV, 7, 421.

Проходы узкіе въ Гилянѣ (ворота Каспія) V, 3, 704.

Псалтирь, музыкальный инструментъ Русскихъ III, 8, 209.

Пулъ, мѣдная Персидская монета V, 6, 729.

Путешествіе есть великое счастіе, когда совершается оно съ добрымъ и честнымъ намѣреніемъ, а не съ тѣмъ, чтобы объѣхать гостинницы и описать яства и питія I, 1, 1—3; путешествіе въ чужія страны у Русскихъ воспрещается III, 10, 218.

Пустынножительство въ Россіи III, 29, 335.

Пчелы могутъ прогнать непріятеля V, 34.

Р.

Работка, селеніе при Волгѣ IV, 3, 405.

Разбойники въ Персіи напали на нашихъ людей IV, 28, 601.

Разграбленіе нашихъ пожитковъ въ Персіи IV, 37, 643.

Разрѣшительная молитва, даваемая у Русскихъ покойникамъ III, 32, 266.

Рафаилъ Ангелъ, встрѣченный Александромъ, по сказанію Персіянъ V, 25, 820.

Ревель, городъ въ Ливоніи II, 8, 50.

Ремаль, предсказатель по жребію въ Персіи V, 27, 833.

Ремесла и промыслы Персіянъ V, 18, 790; свобода торговли у Персіянъ и Турокъ во время войны 792.

Ресъ-Киджи, Татарскій Князь IV, 1, 394.

Рештъ, городъ въ Гилянѣ V, 3, 703; VI, 5, 938.

Rhabarbarum, растеніе, привозимое въ Персію изъ Китая и продающееся весьма дешево V, 6, 727.

Рига, городъ въ Ливоніи; кѣмъ онъ основанъ I, 3, 11; II, 9, 58.

Риза-Шихъ, лжесвятой въ Персіи IV, 31, 616.

Рингенъ, замокъ въ Ливоніи I, 3, 12.

Римъ, стольный городъ Римской Имперіи III, 33, 375.

Ricinus, клещевинное дерево, по Персидски Кюндясютъ, Персіяне засѣваютъ на поляхъ своихъ V, 7, 737.

Rosarium или четки у Персіянъ V, 39, 912.

Розенъ Богуславъ, Начальникъ Копорья; гостепріимство его I, 4, 18.

Россія, границы ея III, 1, 103; крѣпости въ ней или кремли 105; плодородіе почвы 11, 117; добрые порядки для скорой ѣзды 10, 226.

Ротъ у Русскихъ служитъ денежнымъ кошелкомъ III, 10, 223.

Рубецъ, селеніе при Окѣ IV, 1, 394.

Рубины въ Персіи дешевы IV, 30, 614.

Рудники въ Россіи III, 2, 123; въ Персіи V, 9, 760.

Русветъ или взятки въ Персіи строго наказываются Персіянами V, 30, 858.

Русскіе носятъ длинныя бороды и толстое брюхо III, 5, 159; ихъ слѣдуетъ отнести къ варварамъ, хотя они и способны къ быстрому обученью; они крѣпкіе, здоровые люди, достигаютъ глубокой старости; охотники до бань, послѣ обѣденнаго сна, пьянства; они нечистоплотны; пляски и разговоры ихъ непристойны; нравы и духъ Русскихъ; они рабы, хотя воины ихъ и храбры; они коварны, лживы, высокомѣрны и кичливы; грубы въ сношеніяхъ съ иностранными Государями, бранчивы; проклятія и брань ихъ 6, 165—192; 7, 193—203; свадебные обряды Русскихъ; свадьбы простолюдиновъ; одежды новобрачныхъ; благословеніе ихъ; изготовленіе брачной постели и хожденіе новобрачныхъ въ баню 8, 204 210; положеніе Русскихъ женщинъ; онѣ терпѣливо выносятъ побои мужей; по чему это? препровожденіе имп времени, 9, 210—215; свѣтская власть и управленіе Русскихъ 10, 216; Бояре ихъ и Государевы Совѣтники 18, 288; Приказные писцы ихъ охотники до взятокъ и часто обманываютъ 19, 295; Суды Русскихъ Соборное Уложеніе ихъ, роды наказаній и исполнители казней или палачи 20, 296—303; Русскій Царь платитъ большое жалованье разнымъ служилымъ людямъ 14, 262; жалованье это предписывается выдавать исправно 16, 268; положеніе врачей при Русскомъ Дворѣ опасно 6, 185; одинъ Русскій Посланникъ въ Швеціи опился до смерти.

Русскіе суть Христіяне, имѣютъ истинное Слово Божіе, Библію; съ котораго времени они сдѣлались Христіянами III, 21, 303—309; письмо Русское 22, 309; Русское духовное управленіе 29, 345; значеніе Крестнаго знамени у Русскихъ 26, 330.

Рустамъ, нашъ Персидскій толмачъ IV, 20, 550; Рустамъ, знаменитый богатырь у Персіянъ V, 4, 710, и Рустамъ, Татарскій Князь въ Осминѣ VI, 12, 976.

Ручательство, данное нами корабельникамъ на Каспійскомъ морѣ IV, 15, 497.

Руценъ Давидъ, нашъ Уполномоченный въ Москвѣ; его званый обѣдъ IV, 1, 389.

Рыболовство въ Гилянѣ IV, 9, 447; въ Учусѣ 12, 471; въ Каспійскомъ морѣ 16, 509.

Рѣки въ Россіи III, 1, 104.

Рѣки въ Гилянѣ отдаются на откупъ и доставляютъ огромный доходъ IV, 16, 509.

Рязань, городъ и область въ Россіи на рѣкѣ Окѣ IV, 1, 392.

С.

Саади-Шихъ, знаменитый поэтъ въ Персіи V, 24, 815.

Саба, городъ въ Персіи IV, 34, 624.

Сабзустанъ, область и городъ въ Персіи V, 4, 710.

Савелій, Царскій торговецъ, обратившійся въ Магометанство III, 14, 262.

Сагадъ-Шихъ, святой мудрецъ Персовъ V, 38, 907.

Сагеданъ, селеніе, лежащее въ Гилянѣ: тамъ же.

Садъ большой въ Касвинѣ IV, 30, 613.

Саипъ-Гирей, Князь Крымскихъ Татаръ IV, 6, 414.
Сала-Сеидъ, предокъ Шаха-Сефи IV, 27, 593.
Салфетки у Персіянъ замѣняютъ лепешки, называемыя Юха IV, 18, 527.
Самара, городъ при Волгѣ, и Самара, рѣка, впадающая въ Волгу IV, 8, 429.
Самоѣды, Сѣверные обитатели и свойства ихъ; крещеніе ихъ Русскими; ступни ихъ; въ странѣ ихъ полгода день и полгода ночь III, 3, 125.
Самъ-Мирза, сынъ Сефи, сперва скрываемый въ тайнѣ и за тѣмъ возведенный на престолъ V, 31, 864; 866.
Сапоръ, Царь Персидскій; его глобусъ V, 27, 825; его письмо къ Римскому Императору 28, 835.
Сапѣга Иванъ, Воевода Польскій III, 27, 341.
Саратовъ, городъ при Волгѣ IV, 8, 433.
Сарпинскій островъ на Волгѣ IV, 9, 441.
Сару-Тагге (Sarru Tagge) Канцлеръ Персидскій IV, 45, 685.
Сару Ханъ Астарскій VI, 4, 943.
Свадебная обрядность Русскихъ III, 8, 204.
Свадебный даръ, дѣлаемый въ Персіи женихомъ, и странный брачный союзъ Персовъ V, 20, 798.
Свиней Персіяне ставятъ ни во что; свинская исторія о томъ, по чему Персіяне не ѣдятъ ихъ V, 8, 741.
Свинчуга или **Свинчука**, монастырь въ Россіи IV, 1, 394.
Свіяжскъ, городъ при Волгѣ IV, 5, 412.
Свѣтское управленіе Русскихъ III, 10, 216; Персіянъ V, 28, 834.
Св. Сергій Троицкій III, 27, 340.
Сегенъ, область въ Грузіи, и **Сегендъ**, гора въ Персіи } V, 30, 753—854.
Седренцъ, называется шахматная игра у Персіянъ V, 6, 726.
Сеиды, потомки Магумеда V, 12, 768.
Сейнель-Ханъ, храбрый мужъ, бывшій Посланникомъ въ Индіи; хитрость его тамъ; онъ назначенъ Дворецкимъ Шаха-Сефи, которому помогаетъ достигнуть престола; зарубленъ саблею V, 32, 871 и 874.
Семирамида, умная жена Царя Нина, построившая позднѣе Вавилонъ, дала поводъ великолѣпію Персидской одежды V, 12, 767.
Сенгоа, селеніе въ Персіи IV, 28, 598.
Сендерутъ, рѣка, текущая близъ Испагани V, 6, 716.
Сенканъ, городокъ въ Персіи IV, 28, 602.
Серабъ-Хане, монетный дворъ въ Испагани V, 6, 729.
Серафимская одежда Русскихъ III, 31, 364.
Серебряныя рудокопни въ Норвегіи III, 4, 153.
Сердане, рѣка въ Гилянѣ, близъ Ленкорана VI, 5, 944.
Сестра, рѣка въ Россіи II, 12, 83.
Сеферасъ-Бекъ, Армянскій Князь и Правитель въ Испагани IV, 40, 661.
Сибирь, мѣсто ссылки въ Россіи преступниковъ за оскорбленіе Царскаго Вели-, 10, 220.
Сиджистанъ, область въ Персіи V, 4, 710.

Сильфагаръ, Ханъ Шемахинскій, обезглавленъ V, 19, 795.
Сельвестръ II-й, Папа Римскій III, 33, 386.
Симеонъ, Князь Армянскій, отвергшій Магометанскую Вѣру и оставшійся Христіяниномъ V, 29, 943.
Симоновъ монастырь въ Москвѣ IV, 1, 389.
Сигретнаме, свидѣтельство, выдаваемое богомольцамъ въ Персіи V, 38, 906.
Скалы изъ раковинъ въ Дагестанѣ IV, 18, 523; VI, 13, 980.
Скорпіоны весьма ядовиты въ Кашанѣ IV, 36, 632.
Скелетъ чуть не сдѣлался причиною погибели цирюльника Квирина въ Россіи III, 6, 166.
Скиескія и Готскія жены Амазонки VI, 12, 973.
Скородомъ, названіе сѣверной части Москвы III, 1, 142.
Слидгафъ, лучшая пристань на Балтійскомъ морѣ II, 3, 19.
Слоны въ Касвинѣ чрезвычайно велики IV, 32, 620; они не выносятъ ни какого огня V, 25, 818.
Служащіе при Шахскомъ Дворѣ по судебной и придворной части V, 36, 391.
Слюда въ Россіи III, 123.
Смоленскъ, городъ и крѣпость въ Россіи на границѣ съ Польшею III, 6, 191.
Собака, спасшая хозяина своего отъ медвѣдя II, 10, 72.
Собака и кошка, по чему онѣ враждуютъ V, 8, 842.
Соболевые и другіе мѣха аъ Россіи; откуда они привозятся главнымъ образомъ. III, 3, 126.
Совѣтники Шаха въ Персіи V, 37, 898.
Сокобей, гора на лѣвомъ берегу Волги IV, 7, 429.
Соколиная охота Персидскаго Царя IV, 43, 674; памятникъ соколу, устроенный Шахомъ Абасомъ 36, 636.
Сократъ, философъ Греческій I, 1, 3.
Соловка, островъ на бѣломъ морѣ III, 1, 114.
Солодковый корень толщиною съ руку IV, 21, 561.
Соляная гора и соляныя копи въ Россіи IV, 7, 426; въ Персіи V, 9, 760; VI, 2, 936.
Соляная пошлина въ Россіи была причиною возмущенія III, 12, 269 и 270.
Сорокъ острововъ на Волгѣ IV, 8, 433.
Сосуды для питья у Татаръ VI, 15, 987.
Софіяне, названіе, придаваемое Персамъ V, 10, 761.
Софиніянцы, названіе, придаваемое Царямъ Персидскимъ V, 28, 836.
Сефи-Шихъ или **Сефи**; городъ его рожденія V, 2, 76; его отецъ Джейбраиль и предки IV, 27, 592; чудеса его V, 38, 907; гробница его IV, 26, 585.
Спартанцы воспрещали путешествія въ чужія страны и по чему I, 1, 3.
Спасобѣлка, островъ на Волгѣ IV, 3, 406.
Schaer, стихотворы Персидскіе V, 26, 823.
Schammame, родъ небольшихъ дынь съ крапинами и пріятнымъ запахомъ IV; 35, 627.
Schismamago, островъ на Волгѣ IV, 8, 432.
Schokschem (Шокшама?) рѣка IV, 4, 408.

Schunchiar, особый видъ огурцовъ, кривые, длинные IV, 35, 627.
Стаалъ Генрихъ, Нарвскій Суперъинтендентъ III, 21, 303.
Стадлеръ Рудольфъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ; какъ Шахъ приказалъ изрубить его саблями IV, 42, 669.
Старецъ 126 лѣтъ, родомъ изъ Англіи III, 33, 386.
Стефанъ VII-й, Папа Римскій III, 33, 386.
Стихотворцы Персидскіе и стихи ихъ V, 26, 823.
Столбища и Стоба, селенія при Волгѣ IV, 3, 405.
Страхъ разгоняется весельемъ IV, 21, 564.
Стругъ, плоскодонная барка Русскихъ IV, 8, 433.
Сугакъ-Маранъ, змѣиный царь; сказаніе о немъ IV, 33, 620.
Судопроизводство Русскихъ III, 20, 297; Персіянъ V, 37, 898.
Судхуръ значитъ по Персидски лихвоѣдъ, ростовщикъ V, 37, 899.
Суза, городъ въ области Сузіянѣ V, 5, 713.
Сулемать, пещера, гдѣ, по сказанію Персовъ, течетъ рѣка безсмертія V, 25, 819.
Султанабатъ, селеніе въ Персіи IV, 26, 592.
Султанбакшгелю, племена полудикія въ Мокапской степи VI, 6, 950.
Султанія, городъ въ Персіи IV, 29, 604.
Сумекъ-Райети, народцы, живущіе въ Мокапской степи VI, 6, 950.
Сунны, такъ Персы называютъ Турокъ V, 10, 761.
Сура, рѣка, отдѣлявшая нѣкогда Казанскія владѣнія отъ Русскихъ IV, 3, 406.
Сурховъ-Ханъ, Правитель Тарку VI, 13, 971, и далѣе.
Суффи, особый родъ людей, никогда не стригущихъ усовъ V, 11, 765.
Суффреги, Кравчій Персидскій IV, 18, 628.
Сухатеръ, материкъ у Каспійскаго моря IV, 12, 477.
Схватка яблочная на Каспійскомъ морѣ IV, 14, 487.
Сырковъ Ѳедоръ, Новгородскій гражданинъ, безжалостно замученный Иваномъ Грознымъ II, 11, 79.

Т.

Табакъ запрещенъ въ Россіи въ продажѣ и въ употребленіи вообще III, 6, 183; у Персіянъ запрещенъ въ воинскомъ станѣ, и нарушитель этого запрещенія, продавецъ табаку, сожженъ вмѣстѣ съ товаромъ V, 30, 854; табакъ очень любятъ Персіяне; способъ ихъ куренія табаку V, 17, 786—786.
Таберикъ, поминальныя кушанья для гостей въ Ардебилѣ изъ кухни Шиха-Сефи IV, 22, 568.
Таберикъ-Кале, Царское казнохранилище въ Испагани V, 6, 722.
Табересгъ, родъ винограда въ Персіи V, 9, 756.
Табрисабатъ, предмѣстье въ Испагани V, 6, 731.
Табрисъ или **Таврисъ**, городъ въ Адирбейджанѣ V, 2, 701.
Тавръ, огромный хребетъ, идущій вдоль Персіи V, 28, 599; V, 7, 734.
Талубъ-Ханъ, которому Шахъ Абасъ приказалъ отрубить голову V, 32, 874.
Тамасъ Шахъ, Царь Персидскій V, 29, 844.
Тамерасъ-Ханъ, Князь Грузинскій V, 30, 854.

Тамерланъ или Темерленгъ опустошаетъ Испагань V, 6, 717; щадитъ мечеть и укрывшихся въ ней Персіянъ 723; посѣщаетъ Шаха Сефи 48, 608.
Татары, ихъ природа и образъ жизни, одежда, перемѣна мѣстъ жительства, вѣра, пища и средства къ пропитанію IV, 10, 450 и далѣе; свободные ихъ обряды VI, 17, 993; мы купили и привезли домой двухъ Татарокъ; твердость одного Татарина въ Христіянской Вѣрѣ 22, 1014; Татарскія ежегодныя посольства къ Московскому Царю; цѣль ихъ I, 9, 54.
Тарантулъ, родъ ядовитаго паука IV, 36, 633.
Тарку, главный городъ Дагестана VI, 13, 980.
Таруматъ, страна въ Адирбейджанѣ V, 2, 700.
Твердость въ Вѣрѣ одной женщины III, 24, 321, и Швейцарца Стадлера IV, 42, 671.
Тверь, городъ въ Россіи II, 12, 83.
Тель, городъ въ Адирбейджанѣ V, 2, 701.
Телятина, предметъ отвращенія у Русскихъ II, 11, 234.
темная, гора, лежащая за Астраханью IV, 12, 471.
Тенуръ, родъ печи для тепла и изготовленія кушаній въ Персіи V, 6, 719.
Теплый, островъ на Волгѣ IV, 3, 405.
Терки, городъ въ Татаріи IV, 13, 479.
Тесу, городъ въ Адирбейджанѣ V, 2, 701.
Тетюши, при Волгѣ IV, 7, 420.
Тигръ, рѣка въ Месопотаміи V, 5, 714.
Тимошка Анкудиновъ, Лже-Шуйскій; его происхожденіе, похожденія, пытка его и смерть III, 12, 242.
Тирибабба, святой Персовъ; его гробница IV, 17, 522.
Титулъ В. К. Алексѣя Михайловича III, 13, 260; Персидскаго Царя V, 28, 835.
Торги и лавки, гдѣ продаются у Русскихъ иконы III, 26, 331.
Торжество у Русскихъ въ день рожденія наслѣдника Царскаго II, 15, 94.
Торжокъ, городъ въ Россіи II, 12, 83.
Трава, рѣка, впадающая въ Нѣмецкое море II, 2, 8, и
Травемюнде, пристань въ этомъ морѣ: тамъ же.
Траурная одежда Персіянъ IV, 19, 542; V, 41, 919.
Траянъ, Императоръ, весьма желаетъ путешествовать I, 1, 5.
Тревога ложная (Alarm) IV, 7, 422.
Троицко-Мѣдное, селеніе въ Россіи II, 12. 83.
Троицко-Сергіевскій монастырь, богатѣйшій въ Россіи III, 27, 341.
Tunbek, особый родъ барабана въ Персіи IV, 19, 547.
Турки очень любятъ опіумъ V, 17, 785.
Турнъ Магдалина, вдова Графа Фонъ Турнъ въ Перновѣ I, 16, 71.
Тюлени на Ладожскомъ озерѣ I, 5, 24.
Тюльпаны, растущіе въ дикомъ состояніи IV, 20, 557.
Тюфтаны, горшки, которые ставятъ Персіяне за столомъ, чтобы бросать въ нихъ остатки яствъ и плевать IV, 18, 528.
Tzar schembe sur, печальный 4-й день недѣльный передъ Новымъ Годомъ у Персіянъ IV, 19, 546.

У.

Убійства и грабежи Казаковъ на Волгѣ IV, 9, 446.
Убійство Шахомъ-Абасомъ на пиру Курдскихъ военачальниковъ V, 30, 851.
Увеселительная бесѣдка IV, 22, 466, и увеселительный огонь въ Шемахѣ 18, 528; въ Ардебилѣ 24, 576.
Угурлуханъ, Маршалъ Шаха Сефи V, 32, 874.
Ужаленіе Олеарія скорпіономъ IV, 26, 632.
Узбеки, побѣждены Шахомъ Абасомъ V, 60, 849.
Usum Cassan, Великій Шахъ Персидскій, Гасанъ Падшахъ V, 29, 839.
Умерщвленіе плоти у Русскихъ постомъ III, 31, 358.
Умѣренность Персіянъ въ ѣдѣ V, 16, 782.
Упражненіе Персіянъ въ наѣздничествѣ, метаніи копья, стрѣлянія изъ лука и проч. IV, 19, 546.
Ураковъ-Карулъ, гора при Волгѣ IV, 8, 436.
Уруми, крѣпость въ Персіи V, 2, 701.
Уса, рѣка впадающая въ Волгу, опасная по разбоямъ на ней IV, 7, 426.
Услужливость Персіянъ IV, 19, 540.
Утка, рѣчка, впадающая въ Волгу IV, 7, 421.
Ухтерицъ, оставляетъ Москву и Посольство VI, 24, 1022.
Училища Русскихъ III, 22, 309; Персіянъ V, 22, 808.

Ф.

Фаденрехтъ Балтазаръ, проповѣникъ Лютеранскій въ Россіи III, 33, 372.
Фалькиръ, предсказатель въ Персіи V, 27, 833.
Фарсъ, область въ Персіи V, 2, 697.
Фатима, супруга Аали V, 39, 910.
Ферабатъ, городъ въ Масандеранѣ V, 3, 702; 30, 757.
Ферсангъ, Персидская большая миля IV, 21, 561.
Феррухъ-Ханъ IV, 20, 550.
Фесули, стихотворецъ Персидскій VI, 10, 967.
Фиговыя деревья въ Персіи IV, 21, 563.
Филаретъ Никитичъ, Патріархъ Московскій III, 11, 241.
Филиппъ Крузе, Посланникъ Голштинскій I, 2, 7.
Филиппъ, святой Русскій, мощи котораго перевезены изъ Архангельска въ Москву III, 27, 339.
Фирдуси Гакимъ, поэтъ Персидскій; его стихотворная продѣлка V, 17, 787.
Фируску, городъ въ Астарабатѣ V, 3, 702.
Фридрихъ, Герцогъ Голштинскій, снаряжаетъ Посольство въ Москву и Персію. I, 2, 7.

Х.

Хаджи (Hatzi) не должны пить вина V, 16, 784.
Хаджикосилю, народецъ въ Персіи VI, 6, 951.

Хаджимиръ, селеніе въ Персіи IV, 28, 600.
Халва, особый родъ сластей у Персіянъ V, 9, 756.
Халдеи съ потѣшнымъ огнемъ въ Москвѣ III, 23, 314.
Халилъ Минаджимъ, Арабскій Астрономъ IV, 19, 540.
Халиль-Паша, Турецкій Полководецъ V, 30, 857.
Халханъ, область въ Персіи IV, 28, 598.
Ханеге, селеніе въ Персіи IV, 17, 520.
Хатифекеки, селеніе въ Персіи, отличающееся срамными обычаями VI, 5, 946.
Хаче-Шуранъ, праздникъ водосвятія у Армянъ IV, 19, 531.
Хиддеръ-Неби и братъ его Илія; исторія о нихъ V, 25, 821.
Хинне краска, которую Персіяне красятъ руки V, 11, 766; 20, 801.
Хитрей, писатель II, 10, 69.
Ходабенде Мирза, сынъ Шаха Абаса, ослѣпленный отцемъ V, 31, 864.
Ходабенде, монета Персидская V, 6, 728.
Ходабенде, Султана Махмута гробница IV, 29, 605.
Ходабенде, Шахъ, неохотно вступаетъ на Царство V, 29, 844.
Хожденіе Русскихъ на богомолье въ Москвѣ въ церковь Казанской Божіей Матери, въ Троицкій монастырь, и въ Хутынскій монастырь въ Новгородѣ III, 27, 341—342.
Хожденіе Персіянъ на поклоненіе въ Мекку IV, 23, 571.
Хой, городъ въ Адирбейджанѣ V, 2, 701.
Хорамдегъ, селеніе близъ Касвина IV, 29, 609.
Хоразанъ, область въ Персіи V, 3, 709.
Хризостомъ, Св. Іоаннъ Златоустъ; гоненіе и ссылка его III, 33, 378.
Христіяне живутъ во множествѣ въ Азіи IV, 23, 570.
Христово Воскресеніе, Преображеніе, Вознесеніе и въѣздъ Христа во Іерусалимъ, праздникъ Русскихъ III, 25, 325.
Христосъ: нечестивый вопросъ о немъ одного Араба IV, 19, 534.
Худи-Телакъ умерщвляетъ Шаха Исмаила V, 29, 846.
Хуммекатеръ, праздникъ Персіянъ IV, 19, 545.
Хурдекъ, купецъ въ Персіи, имѣвшій 76 сыновей IV, 33, 621.
Хусистанъ, область въ Персіи V, 5, 713.
Хутынскій Спасовъ монастырь въ Новгородѣ, называемый Хутына или на Хутынѣ I, 5, 31; III, 27, 342.

Ц.

Царевъ курганъ, гора при Волгѣ IV, 7, 428.
Царица въ Берде утопаетъ Александра обѣдомъ V, 25, 817.
Царицынъ, городъ на Волгѣ IV, 9, 441; VI, 23, 1015.
Царская милость и немилость въ Персіи къ Ханамъ VI, 8, 957.
Царскій обѣдъ въ Москвѣ III, 14, 263.
Царь Русскій не допускаетъ крестьянъ своихъ до нищеты III, 10, 219.
Царь, или Великій Князь Московскій; вѣнчаніе его на Царство III, 13, 256; доклады и расходы Царя; придворный врачъ и переводчикъ 14, 260; бракосочетаніе Царя Алексѣя Михайловича 15, 266.

Царьгородъ, одинъ изъ округовъ Москвы III, 1, 111.
Церковь Св. Троицы (Іерусалимъ) въ Москвѣ III, 1, 110; Русскія церкви и монастыри въ Москвѣ вообще 146—150; 28, 342.
Цѣлованіе руки у Московскаго Царя I, 7, 45.
Цымбалы Персовъ и Армянъ IV, 18, 526.

Ч.

Чагры, рѣчка, впадающая въ Волгу IV, 8, 431.
Чай, растеніе, укрѣпляющее, настой котораго Персіяне охотно пьютъ для здоровья V, 17, 789.
Чародѣйство въ Италіи II, 9, 62.
Чебоксаръ, городъ при Волгѣ IV, 5, 410.
Черемискіе Татары, вѣра ихъ IV, 4, 407.
Черепа Персіянъ мягки и хрупки; по чему это? V, 15, 768.
Черепахи во множествѣ водятся близъ Мокана IV, 21, 562.
Черкаскіе Татары; ихъ вѣра, жертвы и проч. VI, 22, 1001.
Чернила Персіянъ; изъ чего они дѣлаются? V, 22, 810.
Чернокнижники въ Персіи V, 28, 832.
Чернояръ, городокъ при Волгѣ IV, 9, 445; VI, 23, 1015.
Чертово главное жилище IV, 4, 408.
Чертыкъ, рѣка, впадающая въ Волгу IV, 7, 420.
Чеснокъ дикій былъ нашей пищей VI, 18, 997.
Чествованіе Русскими гостей своихъ прислуживаніемъ женъ I, 4, 18.
Четалъ или Ченджели, островъ на Каспійскомъ морѣ IV, 14, 487.
Чиберикъ, рыба, водящаяся въ Волгѣ IV, 9, 443.
Чилла-Хане, молельня въ гробницѣ Шиха-Сефи IV, 26, 586.
Чинаръ, красивое дерево въ Испагани V, 6, 718.
Чистота и опрятность въ покояхъ и одеждѣ Персіянъ V, 13, 772.
Чулки изъ зеленаго сукна Турки ненавидятъ по чему? V, 12, 770.

Ш.

Шабранъ, городокъ въ Ширванѣ V, 2, 699.
Шахверди Султанъ, Правитель Дербента VI, 9, 964.
Шагерутъ, рѣка въ Персіи VI, 3, 931.
Шагерухъ-Ханъ-Ефшаръ, одинъ изъ Хановъ, подвластныхъ Персіи V, 30, 853.
Шакалъ, родъ лисицы въ Мискурѣ IV, 17, 511.
Шамасбю, селеніе близъ Ардебиля IV, 25, 588.
Шапки красныя у Персіянъ о 12 складкахъ V, 10, 762; шапки мохнатыя, обшитыя бараньимъ мѣхомъ 12, 768.
Шахи, монета Персидская V, 6, 728.
Шахматная игра въ ходу у Персіянъ V, 6, 726.
Шахъ, названіе Персидскаго Царя IV, 17, 514.
Шведская дѣва, скала близъ Кальмара II, 2, 12.
Шведскіе Послы; встрѣча ихъ Русскими близъ селенія Лавы I, 5, 21.

Шведскій Резидентъ въ Москвѣ, Петръ Крусъ Біорнъ I, 5, 24.
Швитъ рыба, родъ севрюги, величиною въ 2 локтя IV, 16, 509.
Шеинъ, Русскій Генералъ, обвиненный въ измѣнѣ и казненный III, 6, 192.
Шелковичныя деревья и черви, разведеніе и содержаніе тѣхъ и другихъ V, 9, 758; количество шелку, добываемаго въ Персіи 18, 791.
Шемаха, главный городъ въ Ширванѣ V, 2, 699; стѣны Шемахи воздвигнуты изъ надгробныхъ камней IV, 20, 554.
Шемахинскій горный хребетъ IV, 21, 559; VI, 7, 956.
Шемхалъ, Татарскій Князь въ Дагестанѣ VI, 12, 976.
Шехмуратъ, селеніе въ Персіи IV, 21, 562.
Шибхи, гора въ Персіи V, 30, 850.
Шиндалъ, гора въ Персіи, позади Астары VI, 5, 943.
Ширванъ, область въ Персіи V, 2, 699.
Ширасъ, главный городъ въ Фарсѣ или Персіи V, 22, 809.
Шлаковъ, Графъ, окрестившійся въ Русскую Вѣру III, 34, 316.
Шпилькинъ Григорій, Русскій, посланный въ Голштинію для поимки самозванца Анкудинова III, 12, 244.
Шуджа-Адинъ, мельникъ, убившій Омера IV, 36, 635.
Шуйскій, Русскій Князь Василій Ивановичъ, низвергаетъ Лжедимитрія III, 11, 236.
Шурцей Ельмакинъ, историкъ Персидскій IV, 36, 635.
Шутка Пертинакса, сказанная Императору Антонину II, 3, 15.
Шутка съ Государями бываетъ иногда пагубна V, 32, 870.
Шюта, небольшое плоскодонное судно IV, 11, 460.
Шютюри-баадъ, самая веселая порода верблюдовъ въ Персіи V, 8, 744.

Э.

Эвдамія отвѣтъ Аргивянину I, 1, 3.
Эльбурсъ, гора въ Ширванѣ IV, 20, 558.
Энвери, лѣтописецъ Персидскій V, 25 815.
Эрдгольмъ опасная скала на Балтійскомъ морѣ I, 2, 9.
Эрмесъ, замокъ въ Ливоніи I, 5, 12.
Эхо тройное въ Ивановой долинѣ, въ Ливоніи I, 4, 19.

Ю.

Юха (Jucha), печенье въ родѣ блиновъ, употребляемое въ Персіи вмѣсто салфетокъ за столомъ IV, 18, 527.

Я.

Яблочный квасъ, гора и долина при Волгѣ IV, 7, 427.
Яикъ, рѣка въ Татаріи IV, 10, 456.
Ямъ, укрѣпленное мѣстечко въ Ливоніи I, 4, 17.

Ямъ, значеніе его въ Россіи I, 5, 33.
Яябекъ-Калентеръ, градоначальникъ Ширвана IV, 20, 556.

Ѳ.

Ѳедоръ Ивановичъ вступаетъ на Московское Царство III, 11, 228; смерть его 229; **Ѳедоръ Борисовичъ** избирается на престолъ 232; онъ удавленъ веревкою 233; **Ѳедоръ** (Филаретъ) **Никитичъ** избранъ Патріархомъ 241.
Ѳедоръ Емельяновъ, Воевода Псковскій III, 17, 282.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I.

		Стр.
	Предисловіе Переводчика	I
I.	О пользѣ путешествія въ чужіе края	1
II.	Первый отъѣздъ изъ Голштиніи, плаваніе по Балтійскому морю и прибытіе въ Ливонію	7
III.	Отъ Риги, черезъ Вольмаръ и Дерптъ, до Нарвы	11
IV.	Пріѣздъ въ Нарву, отъѣздъ оттуда и путешестіе, черезъ крѣпости Ямъ и Копорье, до Орѣшка	14
V.	Отъ Орѣшка (Нётебурга) до Москвы	21
VI.	Какъ встрѣчали и принимали насъ передъ городомъ Москвою	35
VII.	Какъ принимали насъ въ Москвѣ: о первомъ открытомъ представленіи и прибытіи Спиринга въ Москву	39
VIII.	Какъ Русскіе празднуютъ свой Новый Годъ	50
IX.	О первомъ тайномъ представленіи и о томъ, какъ въѣзжали Татарскіе Послы. Рожденіе дочери у Царя	51
X.	Встрѣча Турецкаго Посла	55
XI.	О поѣздѣ Турокъ на первое публичное представленіе, также о поѣздѣ Грековъ на представленіе, и о томъ, какъ мы передали грамоту отъ Его Свѣтлости, Курфирста Саксонскаго	57
XII.	Объ одномъ большомъ праздникѣ Русскихъ. О нашемъ 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и послѣднемъ тайномъ слушаніи и объ отъѣздѣ Гг. Шведскихъ Пословъ	59
XIII.	О крестномъ ходѣ Русскихъ въ церковь, а также о поѣздѣ Крымскихъ Татаръ на представленіе	62
XIV.	О послѣднемъ открытомъ представленіи	65
XV.	Объ отъѣздѣ нашемъ въ Голштинію, отъ Москвы до Новгорода	67
XVI.	Путешествіе, черезъ Нарву, Ревель, Перновъ, до Риги	69
XVII.	О путешествіи черезъ Куронію	72

Книга II.

Стр.

I. Содержитъ имена особъ, находившихся во второмъ Посольствѣ 1
II. Часть многотруднаго и опаснаго мореплаванія 8
III. Объ островѣ Готландѣ..... 14
IV. О дальнѣйшемъ опасномъ нашемъ мореплаваніи..... 22
V. О Гохландѣ и о томъ, какъ мы прибыли въ Ливонію и потомъ въ Ревель 30
VI. Стихотвореніе Павла Флеминга о нашемъ кораблекрушеніи..... —
VII. О Княжескомъ и Посольскомъ Высочайшихъ наказахъ, которыми руководствовались мы въ Посольствѣ 35
VIII. О городѣ Ревелѣ..... 50
IX. О жителяхъ не Нѣмецкаго племени или о Древне-Ливонскихъ 57
X. Путешествіе изъ Ревеля въ Нарву, а также и о городѣ Нарвѣ..... 68
XI. Отъ Нарвы до Новгорода и о городѣ Новгородѣ 73
XII. Путешествіе отъ Новгорода до Москвы и о нашемъ въѣздѣ въ эту послѣднюю..... 82
XIII. О нашемъ ежедневномъ и особомъ милостивомъ продовольствіи, также о первомъ общемъ и первомъ и второмъ тайномъ представленіяхъ 86
XIV. Какъ Русскіе празднуютъ Вербное Воскресенье и праздникъ Пасхи 90
XV. Объ особенномъ представленіи Бругмана, о нашихъ 3, 4, 5 и послѣднемъ тайныхъ представленіяхъ, о представленіи другихъ народовъ и о прочемъ, что было въ это время 93
XVI. Какъ приготовлялись мы къ путешествію въ Персію, и сколько людей взяли съ собой въ Москвѣ..... 96
XVII. О Польскихъ Послахъ, какъ прибыли они къ Москвѣ и какъ держали себя въ отношеніи къ Русскимъ..... 98
XVIII. Содержитъ въ себѣ Русскій видъ для пріѣзда 99

Книга III.

Стр.

I. О Русскомъ Государствѣ, объ областяхъ, рѣкахъ и городахъ 103
II. О свойствѣ воздуха, грозы (бури), о качествѣ почвы, о растеніяхъ и садахъ страны 115
III. О свойствѣ сѣверныхъ обитателей и о народѣ Самоѣдахъ 125
IV. О Гренландцахъ 134
V. Собственно Русскихъ, относительно ихъ внѣшняго вида и одежды 158
VI. О природныхъ свойствахъ Русскихъ, объ ихъ нравахъ и обычахъ 165
VII. О домашнемъ бытѣ Русскихъ, объ обычной ихъ жизни, пищѣ ихъ и содержаніи 193
VIII. О брачномъ состояніи Русскихъ и образѣ совершенія свадебъ ихъ 204
IX. О положеніи Русскихъ женщинъ 210
X. О свѣтской власти и полицейскомъ управленіи Русскихъ 216
XI. О Московскихъ Великихъ Князьяхъ, какъ они царствовали одинъ за другимъ въ продолженіи 100 лѣтъ, и что было при томъ достойнаго замѣчанія 227
XII. О ложномъ Шуйскомъ, иначе Тимошка Анкудиновъ называемомъ, объ его происхожденіи, замыслахъ и погибели 242
XIII. О вѣнчаніи теперешняго Великаго Князя Алексѣя Михайловича, и о самомъ вѣнчаніи вообще 256
XIV. О доходахъ и расходахъ Великаго Князя; о столѣ его, придворномъ врачѣ и переводчикѣ 260
XV. О свадьбѣ и бракосочетаніи Великаго Князя Алексѣя Михайловича 266
XVI. О томъ, какъ послѣ брака Царя повели себя ближніе Великой Княгини. Устройство полиціи, злоупотребленія въ судѣ и справедливости, и что было при томъ достойнаго замѣчанія 266
XVII. О возмущеніи, бывшемъ во Псковѣ 280
XVIII. О Боярахъ или Государственныхъ Совѣтникахъ, объ Окольничихъ и другихъ чиновникахъ, сидящихъ въ Судѣ 283

Стр.

XIX. О Приказахъ въ Москвѣ и о дѣлахъ, въ нихъ совершаемыхъ 288
XX. О Русскихъ судахъ, законахъ и родахъ наказанія.... 297
XXI. О Вѣрѣ Русскихъ вообще и о происхожденіи ея..... 303
XXII. О Русскомъ письмѣ, языкѣ и училищахъ. 309
XXIII. Объ обрядной сторонѣ Христіянства Русскихъ, о теперешнемъ богослуженіи и въ особенности о крещеніи. 311
XXIV. О крещеніи отступниковъ Христіянъ и другихъ взрослыхъ 316
XXV. О Русскихъ праздникахъ, торжественныхъ дняхъ, и какъ Русскіе слушаютъ слово Божее, о церквахъ Русскихъ..... 324
XXVI. О крестномъ знаменіи Русскихъ, объ осѣненіи себя симъ знаменіемъ, объ образахъ Святыхъ, предъ которыми Русскіе кладутъ поклоны..... 330
XXVII. О чтимыхъ Русскими Святыхъ, которые находятся въ ихъ странѣ и къ которымъ они установили хожденіе на поклоненіе..... 338
XXVIII. О Русскихъ церквахъ..... 342
XXIX. О Русскомъ духовномъ управленіи, о духовенствѣ, церковныхъ служителяхъ и о монахахъ..... 346
XXX. О постахъ Русскихъ..... 356
XXXI. О Покаяніи и Св. Причащеніи..... 358
XXXII. О погребеніи покойниковъ..... 364
XXXIII. О Вѣроисповѣданіяхъ иноземныхъ, терпимыхъ и нетерпимыхъ Москвитянами..... 369

Книга IV.

I. О выѣздѣ изъ Москвы до Нижняго Новгорода; какъ плыли мы по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ, и какіе города, селенія, монастыри и дома видѣли мы на этомъ пути. 389
II. О городѣ Нижнемъ и о Волгѣ..... 398
III. Отъ Нижняго до Василь-города..... 403
IV. О Черемискихъ Татарахъ..... 407
V. Мимо городовъ Козьмодемьянска, Чебоксаръ, Кокшая и Свіяжска..... 410

Стр.

VI. О городѣ Казани и о томъ, какъ онъ подпалъ подъ владычество Москвитянъ. 413
VII. Путь до города Самары. 418
VIII. Плаваніе отъ Самары до Астрахани 429
IX. Отъ Царицына до Астрахани 441
X. О странѣ Нагаевъ и Астрахани, и о жителяхъ ихъ . . 450
XI. Что далѣе было съ нами въ Астрахани, какъ посѣщали насъ нѣкоторыя лица и какъ угощали насъ въ гостяхъ 458
XII. О путешествіи изъ Астрахани до города Терки. 569
XIII. О городѣ Терки и о томъ, что тамъ было съ нами. . . 479
XIV. Дальнѣйшее плаваніе до кораблекрушенія; также о горахъ Кавказѣ, Таврѣ и Араратѣ 486
XV. О второмъ кораблекрушеніи нашемъ 491
XVI. О свойствѣ Гирканскаго и Каспійскаго моря 499
XVII. О мѣстности, на которой мы высадились и какъ мы жили тамъ. 510
XVIII. Какъ мы были приняты передъ Шемахой, и какъ были введены въ этотъ городъ. 524
XIX. Какъ мы жили въ Шемахѣ, что тамъ видѣли, и объ отправленіи нѣкоторыхъ праздниковъ 531
XX. О городѣ Шемахѣ и горахъ, лежащихъ около нея. . . . 553
XXI. Путешествіе отъ Шемахи до Ардебиля. 558
XXII. Какъ встрѣтили насъ передъ Ардебилемъ, какъ ввели въ него и угощали насъ. 566
XXIII. Что особаго случилось въ Ардебилѣ во время нашей тамъ стоянки, и что мы тамъ видѣли. 570
XXIV. Объ увеселительномъ огнѣ въ Ардебилѣ. 576
XXV. О городѣ Ардебилѣ и его особенностяхъ 581
XXVI. О гробницѣ Шихъ-Сефи. 585
XXVII. Гробница Сепда-Джейбраиля и другихъ Сендовъ въ селеніи Кельгеранѣ; что еще видѣли мы около Ардебиля. . 592
XXVIII. Путешествіе изъ Ардебиля въ Султанію 595
XXIX. О городѣ Султаніи. 604
XXX. Прибытіе въ Касвинъ; описаніе города и того, что есть въ немъ достойнаго обозрѣнія 610

Стр.

XXXI. О Шихъ-Ризѣ, Мирзѣ Полаги и другихъ Индійскихъ Князьяхъ 616
XXXII. О нѣкоторыхъ зрѣлищахъ въ Касвинѣ 619
XXXIII. О горномъ хребтѣ Ельвендѣ и о Царѣ Сугакѣ..... 620
XXXIV. Путешествіе отъ Касвина, черезъ Сабу, до города Кома 622
XXXV. Въѣздъ въ Комъ; путь отъ этого города до Кашана 626
XXXVI. Въѣздъ въ Кашанъ, особенности этого города и что въ немъ есть замѣчательнаго; также дальнѣйшее путешествіе до столичнаго города Испагани 629
XXXVII. Въ ѣздъвъ Царскій столичный городъ Испагань; о кровавой схваткѣ, выдержанной нами съ Индійцами, и объ Индійскомъ Посланникѣ 638
XXXVIII. Какъ перебрались мы въ городъ и какъ продовольствовали насъ тамъ..... 645
XXXIX. О нашемъ открытомъ представленіи и передачѣ подарковъ..... 649
XL. Что происходило въ Испагани послѣ перваго открытаго представленія, особенно о первомъ и второмъ тайномъ представленіи; также какъ посѣщали насъ и какъ приглашали въ гости..... 658
XLI. О свадьбѣ, Крещеніи и Св. Причащеніи Армянъ.... 667
XLII. Какъ Шахъ Персидскій приказалъ изрубить саблями часовыхъ дѣлъ мастера, Рудольфа Стадлера 669
XLIII. Объ охотѣ, на которую Шахъ возилъ Посланниковъ . 673
XLIV. Объ особенной Шахской охотѣ, при которой находились и жены Шаха; также о щедрости Шаха Сефи. 681
XLV. О двухъ пирахъ Государственнаго Канцлера; что мы видѣли на этѣхъ пирахъ, и о самомъ Государственномъ Канцлерѣ; также объ обрѣзаніи Армянскаго Князя... 683
XLVI. О подаркахъ Шаха и другихъ Вельможъ Посланникамъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ; также о послѣднемъ открытомъ представленіи и прощаніи..... 687

Книга V.

Стр.

I. О Персидскомъ Царствѣ вообще 693
II. О разныхъ краяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ Персидскаго Царства, въ особенности же объ Еракѣ, Фарсѣ, Ширванѣ, Иранѣ и Адирбейджанѣ..... 696
III. О Гилянѣ и о Карибъ-Шахѣ..... 704
IV. Объ областяхъ Хорасанѣ, Саблустанѣ и Сиджестанѣ.. 709
V. О Кирманѣ, Ормусѣ и Діярбекѣ..... 711
VI. О Царскомъ стольномъ городѣ Испагани и о томъ, что находится въ немъ и внѣ его..... 715
VII. О свойттвѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны..... 734
VIII. Объ откармливаемыхъ на убой и другихъ рабочихъ животныхъ 739
IX. О садовыхъ растеніяхъ и плодахъ..... 750
X. О происхожденіи и названіи Персіянъ..... 761
XI. О видѣ и сложеніи Персіянъ 764
XII. Объ одеждѣ Персіянъ, именно мужской..... 767
XIII. Объ одеждѣ женщинъ..... 771
XIV. О внутренней природѣ и нравахъ Персіянъ..... 773
XV. О великомъ любодѣяніи въ Персіи..... 777
XVI. О домоводствѣ Персіянъ, и въ особенности о стряпнѣ и погребѣ, или объ яствахъ и напиткахъ..... 781
XVII. О другихъ предметахъ, употребляемыхъ Персіянами, кромѣ необходимыхъ яствъ и напитковъ, именно: объ опіумѣ, табакѣ, кофеѣ и чаѣ..... 784
XVIII. О ремеслахъ и промышленности Персіянъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе 790
XIX. О брачномъ состояніи Персіянъ, многоженствѣ и о томъ, что случается иногда при многоженствѣ..... 792
XX. Какъ Персіяне женятся и справляютъ свадьбу 797
XXI. О разводѣ и новомъ соединеніи мужа и жены въ Персіи и Турціи..... 805
XXII. О воспитаніи дѣтей и училищахъ ихъ..... 808
XXIII. Объ языкѣ и письмѣ (буквахъ) Персіянъ..... 811
XXIV. Объ Академіяхъ и свободныхъ искуствахъ Персіянъ... 814

Стр.

XXV. Сказаніе объ Александрѣ, по описанію одного Персіянина, и о двухъ братьяхъ Хиддерѣ и Ильѣ..... 816
XXVI. О Персидскихъ стихотворцахъ (поэтахъ) и стихахъ ихъ 822
XXVII. Объ Астрономіи, большомъ глобусѣ, дѣленіи времени и календарѣ Персіянъ..... 826
XXVIII. О свѣтскомъ управленіи Персіянъ, и именно объ ихъ главѣ, Шахѣ, и о вѣнчаніи его..... 834
XXIX. О послѣднихъ Шахахъ въ Персіи, какъ они царствовали одинъ за другимъ въ теченіи около полутораста лѣтъ 839
XXX. О правленіи Шаха Абаса и о томъ, что случилось достопамятнаго въ это правленіе..... 847
XXXI. О безвинной и мученической смерти, которой Шахъ Абасъ повелѣлъ предать сына своего, Сефи Мирзу, и что сталось съ исполнителемъ убійства..... 860
XXXII. Какъ Шахъ Сефи началъ свое правленіе пролитіемъ множества крови, о чемъ приводится здѣсь и нѣсколько примѣровъ..... 867
XXXIII. Какъ Шахъ Сефи дѣйствовалъ на войнѣ, равно о женахъ его и смерти..... 879
XXXIV. О Ханахъ и ихъ управленіи въ областяхъ, и о томъ, какъ они обязаны служить Шаху въ военное время; также о воинскомъ дѣлѣ и о войскѣ Персіянъ..... 884
XXXV. О доходахъ и богатствѣ Персидскихъ Царей..... 889
XXXVI. О служащихъ при Шахскомъ Дворѣ по судебной и придворной части..... 891
XXXVII. О лицахъ, засѣдающахъ съ Шахомъ (о Совѣтникахъ), о судопроизводствѣ; судѣ и наказаніи преступниковъ.
XXXVIII. О Вѣрѣ Персіянъ; о различіи отъ Турецкой и отъ другихъ Магометанскихъ Исповѣданій..... 901
XXXIX. Объ обрядностяхъ Персіянъ передъ молитвой, во время и послѣ ея, равно и о самой молитвѣ..... 909
XL. О Сеидѣ, Абдаллѣ, Дервишѣ и Календаренѣ..... 913
XLI. О погребеніи Персіянъ..... 917

Книга VI.

Стр.

I. Какъ выѣхали мы изъ Царской столицы Испагани и прибыли въ Кашанъ 921
II. Путешествіе отъ Кашана до Касвина..... 925
III. Отъ Касвина до Гиляна..... 930
IV. Описаніе области Руберъ и путешествіе до Решта... 933
V. Отъ Решта до Кизильагача и конца области Гилянской 941
VI. Путешествіе отъ Гиляна до рѣки Араса или Аракса; также о томъ, какъ Бругманъ приказалъ бить палкою на смерть одного Персіянина, и о Моканской степи.. 947
VII. Свѣдѣніе о рѣкахъ Араксѣ и Курѣ и путешествіе до Шемахи..... 952
VIII. Что происходило въ Шемахѣ и въ продолженіи нашей тамъ стоянки 956
IX. Путешествіе отъ Шемахи до Дербента и такимъ образомъ до конца Царства Персидскаго..... 962
X. О городѣ Дербентѣ и о томъ, что въ немъ достойно замѣчанія..... 965
XI. Отъ Дербента къ Дагестанскимъ Татарамъ до Тарку, и что видѣли мы на дорогѣ 970
XII. О Дагестанѣ, одной Татарской области и объ Амазонкахъ..... 972
XIII. О городѣ Тарку и о странѣ той вообще..... 980
XIV. О великой опасности, которой подверглись мы у Татаръ 982
XV. Какъ посѣтили насъ Татарскіе Князья, и какъ они уѣхали опять отъ насъ..... 984
XVI. Какъ Татарскій Князь, Сурховъ Ханъ, удержалъ насъ далѣе хитростію, также о доброй готовности Шемхала. 987
XVII. Отъѣздъ изъ Тарку и прибытіе къ Шемхалу 992
XVIII. Какъ Шемхалъ принялъ и угощалъ насъ 995
XIX. Пріѣздъ въ Терки; множество большихъ змѣй и странныхъ полевыхъ мышей 998
XX. О Черкаскихъ Татарахъ..... 1001
XXI. Путешествіе отъ Терки черезъ великую степь до Астрахани 1006

Стр.

XXII. Что было съ нами въ Астрахани, во время нашей стоянки тамъ 1009

XXIII. Путешествіе отъ Астрахани до Москвы и что въ немъ случилось..... 1014

XXIV. Какъ мы были приняты въ Москвѣ, какъ представлялись и что далѣе происходило тамъ 1021

XXV. Отъѣздъ изъ Москвы черезъ Ливонію, до возвращенія въ Голштинію, въ столицу Его Княжеской Свѣтлости, милостивѣйшаго Государя нашего 1025

XXVI. Что было по окончаніи Посольства при Голштинскомъ Дворѣ, именно: какъ прибыли Персидскій и Московскій Посланники, и какъ они снова отъѣхали..... 1028

XXVII. Дальнѣйшее извѣстіе о томъ, что наконецъ случилось съ Оттономъ Бругманомъ..... 1033

[10]